

ИВВА

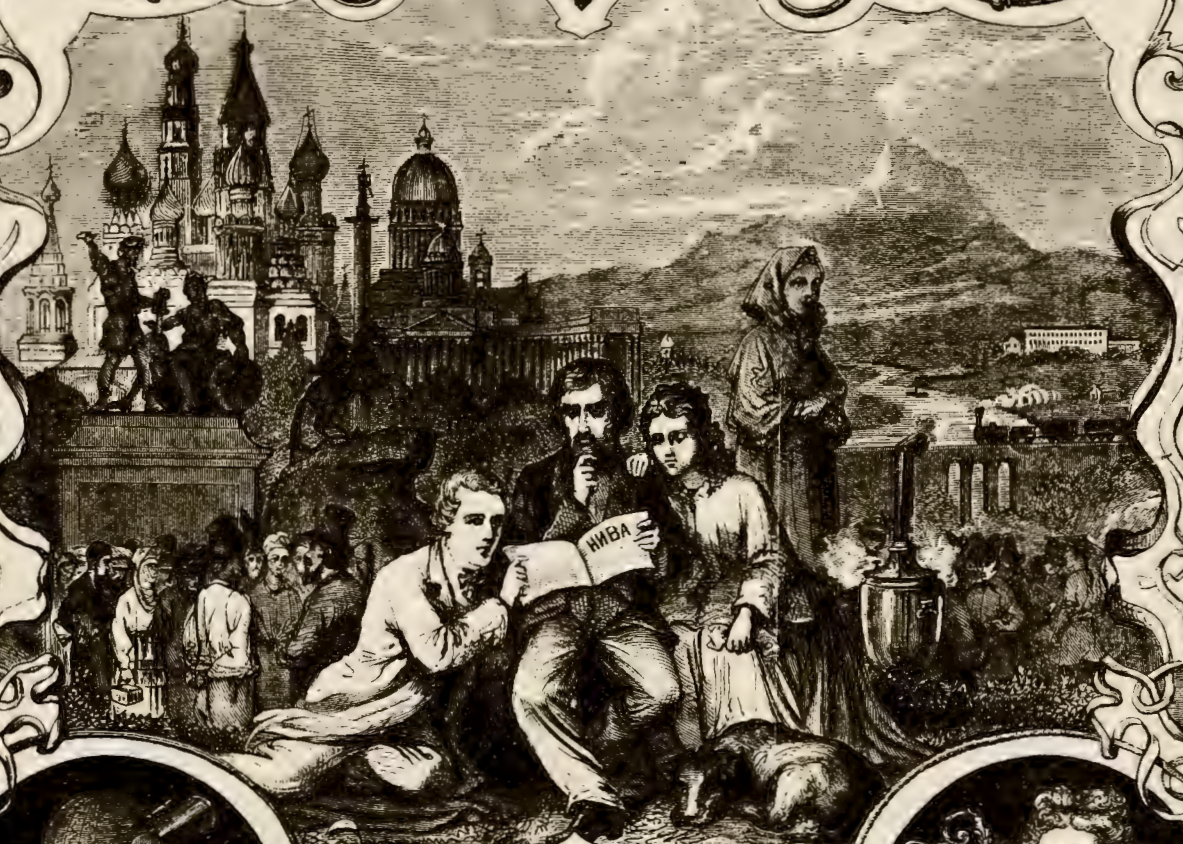
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

1877

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

П.МАРКОВ.рис.

ИЗДАВАЕМЫЙ

С ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ П. П. МАРКСОМЪ

КВЕЙЕРМАНЪ.

Большой Морской
и углу Невского просп.
д. Росмана, № 9.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 27

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдѣтъ 30 Юня 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.
„ съ доставкою . . 5 „

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Контора журнала
„Нива“ помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается. Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшія въ 1877 г. №№.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за Юль съ 30 рисунками, отдѣльный листъ выкроекъ съ 25 чертежами въ натуральную величину, съ 31 рисункомъ руководѣльныхъ работъ и съ 22 рисунками буквъ для мѣтки бѣла.

Начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, инженеръ-генералъ-маіоръ
Александръ Филипповичъ Делпъ.

Генералъ-маіоръ Александръ Филипповичъ Делпъ—изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Онъ воспитывался въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и выпущенъ офицеромъ въ 1854 г. въ одинъ изъ саперныхъ батальоновъ. Затѣмъ, окончивъ курсъ въ Николаевской инженерной академіи, онъ командовалъ сапернымъ батальономъ и въ 1866 году произведенъ въ полковники, и состоялъ помощникомъ начальника инженеровъ Киевскаго округа, а потомъ Варшавскаго. Въ 1875 г. Александръ Филипповичъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ начальникомъ инженеровъ этого округа. Быстрое повышение его въ чинахъ и назначеніе на мѣсто начальника инженеровъ такого важнаго округа, какъ Варшавскій, затѣмъ еще болѣе важное—начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, само собою указываютъ на то, что генералъ-маіоръ Александръ Филипповичъ Делпъ видимо отлича-

Начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, инженеръ-генералъ-маіоръ А. Ф. Делпъ.
Грав. Журавскій.

чается огромными способностями и знаніемъ вѣреннаго ему дѣла. Такое заключеніе само собою является въ виду того, что практической боевой опытности у Александра Филипповича до сихъ поръ не было. Устройство переправы черезъ Дунай—первое важное его боевое дѣло. Лучшее ручательство за успѣхъ его состоитъ въ томъ, что каждый начальникъ какой-либо отдѣльной позиціи на Дунаѣ или даже какой-либо части арміи, будучи свидѣтелемъ минныхъ и артиллерійскихъ работъ, предпринятыхъ въ его районѣ, проникнутъ былъ вполне убѣжденіемъ, что переходъ черезъ Дунай состоится именно въ томъ пунктѣ, въ которомъ расположены части войскъ, начальникомъ которыхъ онъ служитъ, въ другихъ же мѣстахъ совершаются примѣрныя демонстраціи этого перехода; между тѣмъ, какъ настоящее мѣсто перехода Дуная и звѣстно было только двумъ или уже по высшей мѣрѣ четыремъ лицамъ въ цѣлой арміи. Военный методъ этого

рода есть лучшее средство для достиженія хороших результатов. Никакой отдѣльно взятый начальник части, которому поручено демонстративное движеніе, не долженъ быть убѣжденъ, что онъ дѣлаетъ только демонстрацію или примѣрное дѣйствіе; онъ долженъ быть увѣреннымъ, что ему выпала доля привести въ исполненіе настоящее дѣло. Извѣстно, что Наполеонъ I часто прибѣгалъ къ демонстраціямъ подобнаго характера; конечно, онъ часто терялъ при этомъ много солдатъ, но за то этимъ бывала не разъ спасена и пощажена главная сила. Каждой работѣ на Дунаѣ предшествовала весьма тщательно производимая рекогносцировка, предпринимаемая мно-

гими лицами, а въ важныхъ случаяхъ лично самими начальниками отдѣльныхъ частей арміи. Начальникъ инженеровъ генералъ Деппъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, лейтенанта 2-го понтоннаго батальона, объѣхалъ и изслѣдовалъ почти весь Дунай. Независимо отъ этого были произведены также многочисленныя рекогносцировки полковникомъ Доктуровымъ, Миллеромъ и другими офицерами, причисленными къ свѣтѣ Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміей, и теперь, переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай уже началась и идетъ успѣшно, какъ сообщали мы объ этомъ въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы“ (см. № 26).

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ).

(Продолженіе).

День былъ свѣтлый, жаркій. Но свѣтлѣе, но жарче было на душѣ у Вани. На ходу всегда легко думается. Ваня шелъ, а мысли его были около Саши. Поэтому онъ очень былъ недоволенъ, когда столкнулся носъ къ носу съ уланомъ, который тотчасъ же схватилъ его за плечо, да такъ больно, что Ваня думалъ, что уланъ дерется. Но взглянувъ на него, онъ вдругъ узналъ своего товарища по гимназій, съ которымъ не выдался года два. Толстопятовъ (такъ фамилія улана) вышелъ изъ пятого класса гимназій и тотчасъ же поступилъ въ уланы. Онъ былъ еще юнкеромъ, хотя съ офицерскими усами и огромнаго роста. (Замѣчу кстати, что особенность при разговорахъ улана, въ которыхъ онъ сыпалъ словами какъ бомбами, была та, что онъ не могъ выговаривать буквы р.)

— Длугъ! вскричалъ уланъ,—тебя ли я вижу?

Ваня сказалъ, что онъ его видитъ, при чемъ добавилъ, что радъ свиданію съ нимъ; въ душѣ же Ваня былъ очень недоволенъ встрѣчей. Она отвлекала его мысли отъ Саши.

— Длужище! вотъ такъ встлѣча! вскричалъ уланъ, обхвативъ его за талію.

— А я, блатъ, сегодня имянинникъ, такъ сплавляю имянины. Я блатъ, всегда сплавляю имянины, сказалъ онъ. Шампанскаго, блатъ, сколько пьемъ. Ты не смотли, что я, тово, юнкерь. У меня, блатъ, все князья да графы. Я, блатъ, офицерамъ не дѣлаю чести...

Какъ нарочно; въ эту минуту промчалась коляска, въ которой, развалиясь, сидѣлъ офицеръ. Юнкерь, вѣроятно, позабылъ, что онъ не дѣлаетъ офицерамъ чести, потому что сейчасъ приложилъ руку къ козырьку.

— Ахъ, что же я сдѣлалъ—сказалъ онъ—не пригласилъ его на имянины. Ну, не дулакъ я, не дулакъ я? приставалъ онъ къ Ванѣ, тормоша его за рукавъ. Скажи, не дулакъ я?

Ваня сказалъ, что не знаетъ.

— А я, блатъ, хорошо помню то время, когда насъ кормили березовой кашей. А теперь... шампанское, блатъ, какая у меня, блатъ, милочка есть. Приходи, я тебя съ ней познакомлю.

Ваня отговаривался.

— Ну блатъ, шалишь—я тебя не выпущу! вскричалъ уланъ. Какъ хочешь, а давай честное слово, что вечеромъ придешь. Потому нельзя! Самъ знаешь, я имянинникъ. Шампанскаго, блатъ, хоть облейся. Ну, придешь?

— Нѣтъ, братъ, спасибо—сказалъ, подумавши, Ваня—ты самъ сказалъ, что у тебя все князья да графы. Ну что жъ я то буду между ними. А вина, ты знаешь, я не пью. Пусти меня, я пойду своей дорогой.

— Вотъ вдоль-то, закричалъ уланъ—что жъ такое, что князья да графы. Да ты знаешь-ли, что если я на нихъ закричу, такъ они у меня замолчатъ!

— Не пойду: я самъ имянинникъ.

— Ну вотъ и хорошо, вскричалъ уланъ, обрадовавшись—такъ мы прѣдемъ къ тебѣ въ гости всей компаніей. Желаетъ? А ты только приготовь рому и конья-

ку. Мои товарищи пьютъ то же ромъ и коньякъ... Желаетъ? еще разъ повторилъ уланъ.

Ваня сказалъ, что этого нельзя.

— Ну, ко мнѣ! Длужище, утѣшь стараго товарища. Вѣдь я помню, какъ насъ вмѣстѣ съ тобой на одной лавкѣ сѣкли.

— Посмотрю тамъ, сказалъ Ваня, улыбнувшись этому воспоминанію—а теперь—прощай! мнѣ надо идти.

— Нѣтъ слово, честное слово прежде дай. Влешь, не пуцу! вскричалъ уланъ.

— Ну даю слово—вечеромъ приду, посмотрю, какъ вы тамъ пируете! сказалъ Ваня.

— Не обманешь?

— Не обману...

Ваня стрѣлой бросился отъ навязчиваго улана и скоро достигъ пѣли своего путешествія.

Опрометью онъ взбѣжалъ на крылечко. И первый, кто встрѣтилъ его—была Саша. Какова награда! влюбленному сердцу понять, что его ждали! На Сашѣ было надѣто розовое платьицъ, которое она сѣшила дошивать къ этому дню, и Ваня зналъ, что болѣе для него, а не для папаша. Ваня замѣтилъ, что и въ прическѣ ея было болѣе вкуса, чѣмъ всегда.

— Здравствуйте, Саша! сказалъ онъ, сразу это замѣтивъ.

— Возьмите вотъ этотъ шарфъ, сказала Саша, поздоровавшись—я сама его вязала и нарочно для васъ. Я буду очень рада, когда вы будете его носить.

— Здравствуй, Ваня, сказала Марфа Андревна—поздравляю тебя съ ангеломъ и съ имянинникомъ... съ моимъ-то старикомъ. Марфа Андревна поцѣловала Ваню. Ваня замѣтилъ, что и на ней было праздничное платье и фартукъ бѣленькій.

— Вотъ ты, Ваня, молодецъ! похвалила она, рано нынче пришелъ. А *моё*-то совсѣмъ замучили. Для праздника, для своего-то дня на службу пошелъ.

— Для чего же это? спросилъ Ваня.

— Стало быть нужно такъ... дежурнымъ онъ, вишь, какимъ-то. Начальство-то что-жъ это смотреть—имянинника, а дежурнымъ ставить!

Поругивая начальство, Марфа Андревна ушла на кухню, а молодые люди прошли въ залу. Ваня замѣтилъ, что и въ залѣ все было убрано и прибрано. Во всемъ прглядывала какая-то особенная чистота. Однимъ словомъ, праздникъ былъ и здѣсь. Едва Ваня успѣлъ оглянуться по сторонамъ, какъ калитка брякнула. Показался Иванъ Ивановичъ.

— Ванюха, ты уже здѣсь? крикнулъ онъ и заключилъ его въ свои объятія—а меня, братъ, задержали... извини... задержали.

— Ну теперь можно и обѣдать подавать—сказала Марфа Андревна, появляясь въ залѣ.

— Мы васъ только и ждали! сказала Саша отцу.

— А я какъ бѣжалъ, если-бы ты видѣла!... Подавай подавай, Андревна! А мы здѣсь распорядимся ужъ сами.

Втрое рукъ скоро накрыли на столъ.

— А это что? спросил Иванъ Ивановичъ замѣтивъ на Ванѣ шарфъ.

— Это я подарила Ванѣ.

— Этотъ самый? Что, братъ—каковъ! похвалилъ Иванъ Ивановичъ, хлопнувъ дружески Ваню по плечу. —Если теперь на рынокъ вынести, то и тамъ за такой пѣлковый дадутъ! а вѣдь Саша его для тебя вязала. Ну братъ, если-бы я былъ молодой человѣкъ, я-бы тебѣ позавидовалъ.

— Полно тебѣ грѣхъ-то точить, проговорила, появляясь въ это время съ миской супу, Марфа Андревна—ну гдѣ-жь бы ты это позавидовалъ, если она дочь твоя!... Садитесь всѣ по мѣстамъ!

Послѣдніе слова были сказаны ею какъ приказаніе. Всѣ поспѣшили за столъ.

— Андревна, и ты садись! сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— А прислуживать кто будетъ? Машка съ Васькой! такъ у насъ еще нѣтъ ихъ! Ты, пожалуйста, Ваня, кушай—обратилась она къ гостю, но меньше съ нимъ болтай!

— Ступай, ступай! сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Что жъ, Саша сама тебѣ и на шею повязала? спросилъ Иванъ Ивановичъ Ваню, указывая глазами на шарфъ.

Ваня затруднился отвѣчать.

— Нѣтъ, отвѣчала за него Саша—чувство не нуждается въ томъ, какъ сдѣлать...

— Что жъ, вѣдь это обидно, Ваня! сказалъ Иванъ Ивановичъ, взявъ его за плечо.

— Что жъ, папаша, еще не поздно!...

Саша весело схватила съ шеи у Вани шарфъ и тутъ же, смѣясь, опять надѣла его на Ваню, къ полному его удовольствію.

Въ серединѣ обѣда Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ за стола.

— Дождитесь!

Онъ скоро вернулся въ рукахъ его была бутылка шампанскаго. Иванъ Ивановичъ торжественно поставилъ ее на столъ.

— Андревна! крикнулъ онъ.

— Некогда!

— Поди сюда. Брось тамъ дѣло-то... Поздравь имянинниковъ!

— Ну что тебѣ? сказала Марфа Андревна, появляясь въ дверяхъ.

— Да вотъ поздравить нужно!

— Ишь угораздило его—и не сказалъ вѣдь! говорила Марфа Андревна въ то вре я, какъ Иванъ Ивановичъ проворно ушелъ за бокалами.

Бокалы явились по числу лицъ. Иванъ Ивановичъ не позабылъ прихватить съ собой и штопоръ. Пробка грянула въ потолокъ, и вино было розлито.

— Постой, не бери еще! сказалъ Иванъ Ивановичъ, отстраняя рукой руку Марфы Андревны, которая протянулась было къ одному бокалу.

Въ голосѣ какъ и въ фигурѣ Ивана Ивановича проглядывала какая то торжественность. Онъ всталъ, и поднимая свой бокалъ надъ головою, проговорилъ:

— Дай Богъ всѣмъ намъ быть здоровымъ, веселымъ и... богатымъ! Вино это мы пьемъ въ честь имянинниковъ. Имянинниковъ—два: первый—я, другой Ваня Ура! Иванъ Ивановичъ выпилъ шампанское, при чемъ перевернулъ бокалъ внизъ головою.

— Ну теперь ты, Марфа Андревна! сказалъ Иванъ Ивановичъ, назвавъ въ этотъ разъ жену по имени и отчеству.

— Ну, мнѣ сказать нечего. Я пожалуй еще хуже тебя чтонибудь скажу. А вотъ поцѣловать Ваню поцѣлую, и ура прокричу!..

Марфа Андревна подняла надъ головою бокалъ и въ самомъ дѣлѣ крикнула—ура. Послѣ чего выпила и вино.

— Стопъ! сказалъ Иванъ Ивановичъ, схвативъ ее за

руку, когда она хотѣла удалиться на кухню,—Стопъ! По обычаю тебѣ надо другой разъ пить. Имянинниковъ два. За Ваню ты выпила, теперь за меня!

— Какіе тамъ обычаи? Ты, пожалуй, скажешь, что и цѣловать тебя надо—старога такого?

Не смотря однако на то, что онъ былъ старый, она очень крѣпко его поцѣловала.

Послѣ обѣда Иванъ Ивановичъ не захотѣлъ измѣнить обычаю и пошелъ спать. Марфа Андревна занялась чѣмъ-то въ сосѣдней комнатѣ. Молодые люди остались одни. Много въ этотъ день они разсуждали и серьезно, много и весело. Самыя пылкія мечты и надежды лились потокомъ, особенно изъ сердца Вани, которое было переполнено счастьемъ.

Когда Ваня пошелъ отъ Саши домой, луны уже на прежнемъ мѣстѣ не было. Высоко, высоко залетѣла она, на подобіе огненного шара... И Ваня, вглядываясь въ глубину синющаго неба, задумывался о Сашѣ.

III

Ваня ни за что не пошелъ-бы къ Толстопятову, если-бъ не вспомнилъ о немъ. Съ Толстопятовымъ они были дружны въ гимназій. Но онъ всегда знавалъ его за хвастуна. Настоящая встрѣча показала ему, что Толстопятовъ мало перемѣнился. То же безцеремонное обращеніе... То же хвастовство. Но при всемъ этомъ Ваня не могъ забыть, что онъ ему обязанъ многими веселыми минутами жизни. Въ то время еще жило его семейство въ Москвѣ, онъ ходилъ къ нему; тамъ были ихъ игры и вмѣстѣ зубрили они уроки. И Толстопятовъ, отличался всегда геройскимъ присутствіемъ духа: на другой день немилосердно ему подсказывалъ. При чемъ, если замѣчалъ учитель, то ставилъ имъ обоимъ по колу. Но Толстопятовъ и тутъ не унывалъ и говорилъ, что колъ да колъ все таки два... Вотъ теперь они опять встрѣтились... Почему бы и не сойтись имъ? Толстопятовъ такъ звалъ его! А онъ славный малый—товарища въ обиду не дастъ. Напротивъ, къ услугамъ товарища готовъ его собственные бока, а хорошо-бы имѣть товарища!—„Зайду“! рѣшилъ Ваня, и онъ уже болѣе не раздумывалъ. Толстопятовъ квартировалъ не далеко по дорогѣ къ дому отца Вани. Когда Ваня подошелъ къ его квартирѣ и увидѣлъ, что у крыльца стояли двѣ коляски, а окна ярко освѣщены, онъ было поколебался. Но потомъ рѣшился—и вошелъ. Первое, что бросилось ему въ глаза—это была юнкерская шапочка пріятеля, на которую онъ чуть было не наступилъ. Изъ сосѣдней комнаты раздавались шумные голоса. Хозяинъ выскочилъ посмотрѣть, кто пришелъ, и, увидя Ваню, вдругъ бросился его цѣловать, причемъ Ваня замѣтилъ, что Толстопятовъ былъ подъ влияніемъ Бахуса. Нацѣловавшись, Толстопятовъ втащилъ Ваню въ сосѣднюю комнату, которая служила залой и гдѣ совершалось торжество. Ваня натѣнулся на бутылку, брошенную для чего-то на полъ. На столѣ онъ замѣтилъ до десяти бутылокъ...

— Господа, рекомендую вамъ моего товарища, вмѣстѣ съѣли въ гимназій, а теперь вмѣстѣ оба съ нимъ имянинники! проговорилъ хозяинъ, трепля Ваню по плечу.

Всѣ бросились къ Ванѣ здороваться. Ваня перездоровался со всѣми. Въ числѣ юнкеровъ, которые одни здѣсь присутствовали, затѣсаяся одинъ офицеръ съ такимъ румянцемъ и бѣлымъ лицомъ, притомъ, безъусый, что Ваня принялъ его за переряженную женщину.

— Это глафъ... у меня и князь есть! успѣлъ шепнуть Ванѣ пріятель.

— Эй, князь, закричалъ онъ—что ты не наливаешь рому... Или ты хочешь, что бы я тебѣ морду побилъ?

Юнкеръ къ которому относилось привѣтствіе, былъ молодой человѣкъ съ вздернутымъ носомъ. Считаю не лишнимъ замѣтить, что Толстопятовъ титуловалъ его княземъ потому, что онъ былъ изъ татаръ.

— Эй, князь, закричал онъ снова — или ты не слышишь — наливай, блаать!... Ну пей, блаать! отнесся Толстопятовъ къ Ванѣ, одною рукою взявшись, въ видѣ любезности, за его затылокъ.

— Это что?

— Ромъ, братецъ, ромъ... и прямо съ Ямайки... Да ну же пей!

Ваня зналъ, что, попавши въ эту компанію, нельзя не пить. Но онъ хотѣлъ-бы мѣнѣе хмѣльного напитка.

— Нѣтъ-ли у тебя хересу, или другого чего нибудь? сказалъ Ваня.

— Есть, блаать, есть. Хересь прямо изъ Херсона, а дреймадера...

Толстопятовъ задумался.

— Съ острова

ВЕСНА.

Оригинальн. рисунокъ и стихотвореніе К. С. Пашова, грав. К. Вейерманъ.

Вскрылась рѣка, затопила поля,
Солнцемъ весеннимъ согрѣта земля,
Листвой зеленой одѣлись кусты,

Пчелга летитъ за медкомъ на цвѣты:
Встала природа отъ зимняго сна,
Вновь все воскресло—явилась весна.

Мадеры! подсказалъ кто-то изъ присутствовавшихъ, за что Толстопятовъ обѣщаль ему въ зубы.

Ваня выпилъ стаканъ вина. Между тѣмъ пиръ пошелъ своимъ чередомъ.

— За здоровье новобранца! крикнулъ Толстопятовъ. Загрѣмѣли стаканы.

Ваня смотрѣлъ на эту веселую компанію и невольно самъ одушевился. — Вотъ какъ проводятъ время, мелькнуло у него въ головѣ. А вѣдь имъ весело, очень весело!

— За здоровье Адели, пока не надоѣли! сказалъ кто-то изъ юнкеровъ.

— Ура! гаркнулъ хозяинъ.

— Что же вы не пьете, сказалъ одинъ изъ присут-

Гора Афонъ II. Видъ монастыря Хиландаря. Съ фотографіи рис. Монжеля, грав. Готъ.

ствовавшихъ къ Ванѣ—вѣдь за здоровье Адели?

Ваня сказалъ, что онъ не знаетъ и знать не хочетъ никакой Адели, что повидимому, привело хозяина въ крайнее недоумѣніе.

— Не знать Адели! Да это моя возлюбленная! воскликнулъ Толстопятовъ.

На этотъ разъ Ваня, побуждаемый хозяиномъ, выпилъ за греческій носъ. Выпивъ же онъ почувствовалъ себя совсѣмъ бодро и весело. Онъ глянулъ вокругъ и замѣтилъ, что и вокругъ повеселѣло.

Пиръ продолжался своимъ чередомъ.

Вскорѣ Ваня ничего не могъ понять. Кто-то крик-

Лѣто. Пугалище. Рис. Джакомелли, грав. Бервелли.

— Ну ужъ и возлюбленная, сказалъ кто-то,—скажи просто, что вновь пріѣхавшая актриса?

— Красавица, знаете, и носъ греческій! пояснилъ сидящій по правую руку сосѣдь Вани.

— Вновь за Адель! За греческій носъ! слышались тосты.

нулъ „ура“, но кто-то „на шарапъ“; столъ былъ опрокинутъ; свѣчи погасли; бутылки зазвенѣли, и Ваня былъ подхваченъ подъ руки.

Съ одной стороны былъ Толстопятовъ.

— Мы неразлучно съ тобой... какъ рыба съ водой! говорилъ Толстопятовъ, при чемъ Ваня замѣтилъ, что

онъ крѣпко держится за его руку.

— Карауль, ногу отдавилъ! послышалось Ванѣ.

Ваню куда то тащили съ собой пріятели.

— Зачѣмъ я иду?—подумалъ Ваня.—Но впрочемъ, если всѣ веселятся, отчего же не повеселиться?

— У крыльца уже стояли бойкія кони. Кони въ нетерпѣннн рыли ногами землю, кучера въ нетерпѣннн закуривали десятую люльку. Одинъ сказалъ:—Вавило, кнутъ потерялъ! Другой отвѣтилъ:—ничего, и безъ кнута дождемъ! Съ шумомъ высыпала пьяная компанія на крыльцо, которое чуть не ломилось подъ стукомъ каблуконъ, сабель и шпоръ. Тотчасъ же всѣ усѣлись въ коляски. Ваня помѣстился въ одной коляскѣ съ Толстопятовымъ.

— Ну вотъ, длужище! сказалъ ему Толстопятовъ—вотъ вмѣстѣ и поѣхали! (Они еще не трогались съ мѣста).—А то сказалъ—не пойду... давеча утромъ-то, свинтусъ этакой!

Толстопятовъ протянулъ ему съ любезностью руку, въ это время лошади тронулись и они поѣхали.

Шумно веселилась компанія. Вездѣ, вездѣ побывали они. Вихри кони быстро переносили ихъ изъ одного конца въ другой. Были и у цыганъ въ таборѣ. Лунная была ночь. Торжественно свѣтила луна съ голубого неба на воды, лѣса и на таборъ, размѣстившійся посреди дороги. Вотъ тутъ-то попировала компанія. Показалъ себя и Ваня, въ порывѣ безотчетнаго чувства поцѣловавшій смуглую шейку цыганки, первой красавицы во всемъ таборѣ. Вотъ здѣсь-то повесели-

лись они и отсюда-то летѣли они рано утромъ по мягкой шоссейной дорогѣ. Голубое небо начало окрашиваться бѣлою краской, но все еще спало въ природѣ: деревья, тихо стоявшія по бокамъ дороги, поля, покрытыя, какъ ковромъ зеленью. Полусонныя кучера, не принимавшія участія въ весельи господъ, чтобъ ободрить себя, затагнули въ полголоса пѣсню... имъ подхватили... И далеко понеслась эта пѣсня, и шибче понесли кони, и край неба началъ окрашиваться, и пѣшеходъ, встрѣтившійся на дорогѣ, отходилъ въ сторону, крестился и еще долго смотрѣлъ вслѣдъ разгулявшійся молодежи.

Поздно ночью, или, скорѣе, рано утромъ, возвращался въ этотъ разъ Ваня къ себѣ домой. Все, что пережилъ онъ въ эту ночь, роилось въ его памяти. Между прочимъ онъ думалъ:—что Саша? что ея красота передъ красотой сверкающею, ослѣпительною, которую ему удалось видѣть въ эту ночь? Она бѣдная неопытная дѣвушка! Сильныя страсти ей невѣдомы! Не алѣютъ еще розы на щекахъ, не разцвѣли еще румяныя губы... и во всякомъ случаѣ, она не можетъ чувствовать того, что чувствовалъ онъ. Прійдя домой Ваня завалился спать. И не видѣлъ Ваня какъ взошло солнце, какъ оно поднялось выше полудня. Въ эти часы онъ переживалъ то, что пережилъ въ короткое время со вчерашняго вечера. Кудри его разметались. Онъ тихо вздрагивалъ во снѣ и ежеминутно, то яркій румянецъ покрывалъ его щеки, то страшная блѣдность стоняла этотъ румянецъ.

Н. Соснецій.

(Окончаніе бюджета).

АЕОНЪ.

(Окончаніе).

Нѣтъ сомнѣнн, что монашеская община на Аеонѣ принадлежала къ самымъ древнимъ,—можетъ быть, на равнѣ съ Оивандскою монашескою общиною въ Египтѣ. Изъ исторнн мы знаемъ, что когда готы подъ предводительствомъ Алариха, ворвались въ V вѣкѣ по Р. Х. въ Грецію то эти варвары нашли гору Осу (эта гора находится въ Фессалии и теперь называется *Киссабо*), въ теперешней турецкой провинціи Румелии) и знаменитые въ древней Греціи Термопилы населенными множествомъ анахоретонъ. Однакожъ, со временемъ, эти святые подвижники были вытѣснены оттуда, потому что Темпейская долина около Осы и Термопильскія тѣнины были естественными воротами для вторженнн варваровъ въ Грецію, слѣдовательно въ Темпейской долинѣ анахоретамъ оставаться не было ни какой возможности, тогда какъ лѣсистый Аеонъ представлялъ совершенно замкнутую какъ бы нарочно созданную для иноческнхъ подвиговъ мѣстность. Такимъ обезопасеннымъ самою природою убѣжищемъ Святая Аеонская гора осталась до нашихъ дней. Еще болѣе удержала Святая гора свое великое значеніе въ отношеннн нравственномъ, потому что она до сихъ поръ служитъ надежною духовною гаванью для измученныхъ бурями и бѣдствіями житейскими; по этому-то и въ общей численности членонъ монастырской общины на Аеонѣ никогда нѣтъ убыли.

Важнѣйшія постановленія для аеонскаго монашескаго общеннн сдѣланы еще при императорѣ *Константинѣ* и его сыновьяхъ. Однакожъ первые отшельники на Аеонѣ жили каждый самъ по себѣ. Объ образѣ жизни первыхъ аеонскнхъ монаховъ древнее сказаніе говоритъ, что они не воздѣлывали земли, не держали рабочнхъ воловъ или какого либо другого упряжнаго скота и даже напр. муловъ и ословъ для переноски тяжестей. Даже собакъ не было на Аеонѣ. Жили монахи въ плохнхъ хижинахъ, построенныхъ изъ короткнхъ обрубковъ дерева и не защищавшихъ воловъ отъ холода, а лѣтомъ отъ жара. Если нужно было перенести съ мѣста на мѣсто что-либо громоздкое, монахи-пустынники сами заставляли мѣсто вычнхъ животнхъ; навлаживали другъ другу на спину громоздкую ношу и несли къ мѣсту назначенн, во-образѣ пошеннн ига Христова. Пища монаховъ состояла въ плодахъ дико-растущнхъ деревьевъ. Случалось впрочемъ, что сострадательные пловцы на какомъ-нибудь кораблѣ, приставъ къ Аеону, предлагали монахамъ въ приношеніе зерновой хлѣбъ или просо, прося упомянуть жертвователей въ своихъ святыхъ молитвахъ. Къ праздникамъ Рождества, Пасхи и къ 15 августа по дню Успенн Богоматери, т. е. въ самый главный праздникъ всего Аеона,— всѣ анахореты св. горы собирались въ одинъ изъ храмовъ, для совѣщаннн объ общемъ устройствѣ дѣлъ.

Первый каменный монастырь на Аеонѣ былъ выстроенъ при императорѣ *Василнѣ Македонянинѣ* (869—889) монахомъ *Иоанномъ Колобосомъ*. Къ царствованню же *Василнѣ Македонянинн* относится и установленіе на Аеонѣ крайне строгого правила, чтобы ни одно мірское существо не высаживалось на *Аеонскій полуостровъ*, съ промышленными цѣлями.

Первоначальныя правила аеонскаго монашескаго общеннн были существенно измѣнены, въ 960 г., когда на Аеонѣ прибылъ великій реформаторъ восточнаго монашества, свят. *Аеанасій* (его не должно смѣшивать съ знаменитымъ отцомъ церкви и борцомъ противъ арианъ, *Аеанасіемъ Александрійскимъ*). Съ величайшими усиліями *Аеанасію* удалось ввести на Аеонѣ духъ и устройство византійскнхъ городскихъ монастырей. Затѣмъ, *Аеанасій* для образца основалъ на Аеонѣ лавру, укрѣпленный монастырь, въ видѣ замка. Подобныхъ монастырей при императорѣ *Константинѣ Мономахѣ* (1042—1054 г.) существовало на Аеонѣ до 180 и съ этого времени (съ *Мономаха*) начинается періодъ высшаго процвѣтаннн монастырей аеонскнхъ, въ смыслѣ приношенн сюда богатыхъ даровъ византійскнми императорами и князьями Трапезунта. Когда же византійцы начали имѣть дѣло съ турками, то протекторатъ (покровительство) надъ Аеономъ перешелъ къ сербамъ, валахамъ, болгарамъ, наконецъ къ намъ, русскимъ. Нѣкоторые изъ аеонскнхъ монастырей основаны сербскими князьями, напримѣръ монастырь *Хиландаръ*, гдѣ погребенъ національный сербскій герой *Марко*.

Извѣстно, что турецкое владычество наложило на многія цвѣтушія страны европейскаго юга печать одичалости, раззореннн и запустѣннн. Никакое воображеніе не въ силахъ представить, до какой степени сдѣлались, при туркахъ, печальными и безлюдными области, считавшіяся прежде земнымъ раемъ. Это дикое, варварское опустошеніе продолжается, какъ извѣстно, и до сихъ поръ. Аеонъ принадлежить къ немногимъ отраднмъ исключеннмъ въ этомъ отношеннн. Прилежаніе и трудолюбіе иноковъ сдѣлали Аеонскій уголокъ земли дѣйствительно земнымъ раемъ. Роскошь растительности и тщательная культура почвы поражаютъ взоры путешественника, подобно садамъ Дамаска въ грустно-пустынной и варварски-опустошенной Сирии. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на теперешніе Аены, Антиокію, Византію, Іерусалимъ, посмотрите на всѣ, когда-то процвѣтавшіе, греческіе острова. Все это представляеть, по крайней мѣрѣ въ большую часть года, голую, печальную, сожженную солнцемъ пустыню, съ мрачными и грандіозными развалинами... Только одинъ Аеонъ круглый годъ является въ украшеннн вѣчной зелени. Высоты горъ увѣнчаны великолѣпными лиственными лѣсами, за которыми имѣются тщательный надзоръ и разумная культура. Платаны, буки,

дубы, ореховое дерево, каштаны, кипарисы переищиваются друг с другом и производят высчатлѣнне общей чарующей картины растительной жизни, какую рѣдко гдѣ-либо еще можно встрѣтить. Внизу, подъ мощными стволами большихъ деревьев, разрослась чаща миртовыхъ и фиговыхъ кустарниковъ, и подъ этой непроницаемой чащей гремятъ и меланхолически журчатъ ручьи. На воздѣланныхъ полосахъ земли широко раскинулись сады, луга и поля и между ними раскиданы тамъ и сямъ сельскіе домики или жилища монаховъ, поселившихся общинами при морскихъ бухтахъ или на скалистыхъ выступахъ берега. Черезъ пропасти, которыя здѣсь многочисленны, вездѣ смѣло и ловко переброшены каменные мосты. Дороги вездѣ соблюдаются въ тщательномъ порядкѣ и всюду связываютъ между собою селенія. Словомъ—вездѣ культура и культура, какъ неизбѣжная и законная помощница и дополнителиница природы, хотя бы и такой богатой, какъ аеонская... Любое мѣсто на Аеонѣ представляетъ ландшафтъ, въ которомъ соединились въ одинъ изящный образъ прелестъ Альпійской долины съ роскошнымъ Сицилійскимъ берегомъ.

На Аеонскомъ полуостровѣ живетъ приблизительно 10,000 монаховъ. Къ этому нужно прибавить послушниковъ изъ болгаръ (по 1 на 3 монаховъ) и нѣсколько ремесленниковъ, какъ-вы корабельщики и мельники. Приблизительно въ среднѣй полуострова лежитъ главное его мѣстечко *Карей*, съ базаромъ. Карейю можно, не безъ основанія, назвать столицей аеонскаго государства. Это административный центръ всѣхъ аеонскихъ монашескихъ общинъ. Каждый монастырь имѣетъ здѣсь свое подворье или *кунакъ*. Здѣсь находится до 200 домовъ и до 120 православныхъ церквей. Въ подворьяхъ живутъ повѣренные монастырей и останавливаются гости и поклонники. Затѣмъ здѣсь же помѣщается аеонскій такъ называемый *протатъ*, или высшее правительственное собраніе, управляющее внѣшними и внутренними дѣлами всего Аеона. Здѣсь же живетъ и представляетъ турецкой власти съ своей канцеляріей. Но Карей крайне неопытна—въ чисто-восточномъ вкусѣ. Во всю длину ея построены плохія лавочки, безъ оконъ и почти совершенно открытыя. Можно встрѣтить здѣсь мастерскія балмачниковъ, портныхъ, рѣзчиковъ, иконописцевъ, столяровъ, конечно—изъ монаховъ. Тутъ же предлагаются на продажу съѣстные продукты, домашняя утварь и украшения. Но, не смотря на торговый и базарный характеръ селенія, и здѣсь господствуетъ вполнѣ аеонское, мрачное и однообразное спокойствіе. Даже если вы, напримѣръ, взойдете въ лавку, то подумаете, что взошли къ безмолвному, важному философу.

Полуостровъ посѣщаютъ обыкновенно съ моря. Гавань, гдѣ пристають почти ежедневно турецкіе и наши русскіе пароходы, называется одна—гаванью св. Пантелеймона, другая—Русикъ, на западной сторонѣ полуострова. Наши русскіе богомольцы заѣзжаютъ на Аеонъ или по пути въ Иерусалимъ, или возвращаясь оттуда. Каждую недѣлю высаживаются сотни такихъ богомольцевъ и странниковъ на Аеонъ. Пароходы пристають всегда около полуночи. Монахи уже знаютъ этотъ урочный часъ и подѣзжаютъ къ пароходамъ на лодкахъ, чтобы принять пассажировъ. На берегу въ это время ожидаютъ уже монастырскіе служки и послушники, и разная отдѣлая въ рубища монастырская челядь, чтобы принять багажъ путешественниковъ. Все это совершается въ какомъ-то почти-исходитъ въ храмѣ или въ преддверіи храма. Это еще болѣе поражаетъ, когда сравнишь дневную и шумную высадку пассажировъ въ любой изъ другихъ гаваней Востока.

Форма одежды для всѣхъ аеонскихъ монаховъ общая—это черный, плотно обтягивающій тѣло таларъ (о которомъ мы имѣли случай говорить выше), на головѣ же черная съ весьма широкими полями шляпа. Монахи такъ-называемыхъ штатныхъ монастырей, особенно начальство, ходятъ опрятно, даже шеголяютъ въ шолѣ и бархатѣ. *Киновиты* же, т. е. монахи общежительныхъ братскихъ монастырей, отличаются простою, даже убожествомъ одежды. Тую же нищетою одеждою отличаются *келоты*, т. е. живущіе или въ кельяхъ, нанимаемыхъ отъ монастыря и построенныхъ на монастырской землѣ, или же построенные свои кельи, но платящіе за это довольно тяжкую поземельную подать аеонскимъ духовнымъ властямъ и турецкому правительству. Наконецъ старцы-пещерники, живущіе одиноко въ дикихъ пещерахъ, уже положительно ходятъ въ рубищахъ. По образу ихъ жизни, монахи аеонскіе раздѣляются на три класса: а) *живущихъ въ келіяхъ* отъ 2 до 3-хъ человекъ вмѣстѣ. Монастыри доставляютъ этимъ братьямъ вино, хлѣбъ и рыбу; зеленъ же они воздѣлываютъ въ прилегающихъ огородахъ сами. Затѣмъ слѣдуютъ б) *собственно монастырская братія* въ монастыряхъ и с) *скиты* и живущіе въ нихъ, совершенно отказавшіеся отъ міра, старцы-отшельники. Всѣхъ скитовъ на Аеонѣ 10, въ томъ числѣ 2 русскихъ, св. Или и Сарайскій. Мы уже знаемъ, что горный гребень раздѣляетъ полуостровъ, на которомъ находится Аеонъ, на двѣ части. Вотъ по обѣ-то стороны гребня горъ и расположены аеонскіе монастыри (числомъ до 30 большихъ монастырей, по обѣ стороны горнаго гребня), прилегаютъ всѣ эти монастыри большею частью весьма близко къ морю. Число же отдѣльныхъ скитовъ и келій, а также монастырскихъ угодій и принадле-

жащихъ имъ домиковъ, населенныхъ тоже иноками, простирается до 270. Изъ большихъ монастырей, впрочемъ, только небольшая часть строго слѣдуютъ правиламъ св. *Василія Великаго*, т. е. живущая въ нихъ братія строго умерщвляетъ плоть постомъ, молитвою и тяжелыми трудами. Большинство же братій, конечно, не можетъ побѣдить немощей плоти относительно пищи, и нонятно, что остальная братія въ духѣ христіанской любви и братолюбіи относится къ нимъ снисходительно. Предстоятеля, называемаго обыкновенно греческимъ словомъ „проезостъ“, или игумена, монахи избираютъ сами, срокомъ на годъ. Всякій, поступающій въ число аеонской братіи, долженъ подвергнуться *годовому искусу*, и, по истеченіи года, можетъ удалиться назадъ, если ему покажутся тяжелыми правила аеонскаго общежитія. И по сіе время существуетъ правило, чтобы ни одна жевщина не ступала на почву Св. Горы. На всѣхъ дорогахъ существуютъ караульни, въ которыхъ сторожатъ преимущественно болгары, чтобы наблюдать за строгимъ и неуклоннымъ исполненіемъ этого правила. Упомянутое мѣстечко *Карей* есть, какъ сказано выше, центральное мѣсто администраціи надъ аеонскими общинами. Живущій въ Карей турекій ага имѣетъ еще помощника и получаетъ отъ аеонскаго центрального правительства до 1000 жалованья и множество подарковъ и онъ строго обязывается вести безбрачную жизнь. Но это только на словахъ, а на самомъ дѣлѣ у аги находится гаремъ въ городѣ *Эристо*, въ 70 верстахъ отъ Карей. Каждый изъ 20 аеонскихъ монастырей ежегодно обязанъ послать въ Карей своего депутата, и вотъ эти-то депутаты избираютъ центральное правительство, состоящее изъ 5 предстоятелей или *эпистатовъ*, а одного изъ этихъ предстоятелей дѣлаютъ главнымъ начальникомъ, и этотъ совѣтъ носитъ названіе *протата*—что буквально значитъ „самый первый“.

Если кто желаетъ посѣтить аеонскіе монастыри съ научною цѣлю, хотеть видѣть ихъ древности, познакомиться съ сокровищами библиотекъ, тотъ долженъ обратиться къ константинопольскому патріарху, чрезъ посольство той страны, гражданиномъ которой состоитъ этотъ любознательный путешественникъ. Патріархъ даетъ дозволенное на посѣщеніе Аеона письмо. Отъ Константинополя пароходъ въ 30 часовъ доставитъ путешественника къ Святой горѣ. Вышедъ на берегъ, путешественникъ обязанъ немедленно ѣхать прямо въ Карей, для предьявленія живущему тамъ турецкому эфенди своего паспорта. Паспортъ предьявляется въ конакъ или главномъ подворьѣ. Затѣмъ послѣ этого перваго визита путешественникъ является въ залу, гдѣ происходятъ совѣщанія и заѣзжаютъ депутаты 20 аеонскихъ монастырей, подъ предѣтельствомъ прозостоса. Здѣсь предстоятели или эпистаты, всегда непременно старцы, величаво сидятъ на диванахъ, напротивъ нихъ на высокомъ деревянномъ креслѣ сидитъ прозостосъ, съ деревяннымъ скипетромъ въ рукѣ. Привѣтствіе совершается безмолвно, по древне-византійскому обычаю. Предъ прозостосомъ и старцамъ-эпистатами путешественники должны кланяться со смиренно-сложенными руками. Прислуживающіе предѣдателю служители, входя за чѣмъ либо, каждый разъ цѣлуютъ у него ногу и затѣмъ получаютъ благословеніе. Когда путешественникъ вручитъ предѣдателю разрѣшительное на посѣщеніе Аеона письмо константинопольскаго патріарха, величавый старецъ немедленно составляетъ циркулярное посланіе ко всѣмъ 20 аеонскимъ монастырямъ. Затѣмъ четыре эпистата вынимаютъ изъ имѣющихся съ ними сумочекъ *четвертинны* вырѣзки круглаго штемпеля и эти вырѣзки прикладываются другъ къ другу и образуютъ круглую печать, которая и прилагывается къ циркулярному посланію. Въ этомъ посланіи предѣдатель предписываетъ, чтобы чужестранцу было оказываемо въ монастыряхъ всевозможное гостеприимство и всевозможное облегченіе могущихъ встрѣтиться затрудненій.

Но что же Аеонъ можетъ представлять замѣчательнаго относительно сокровищъ литературы?

На это намъ отвѣчаютъ слѣдующее.

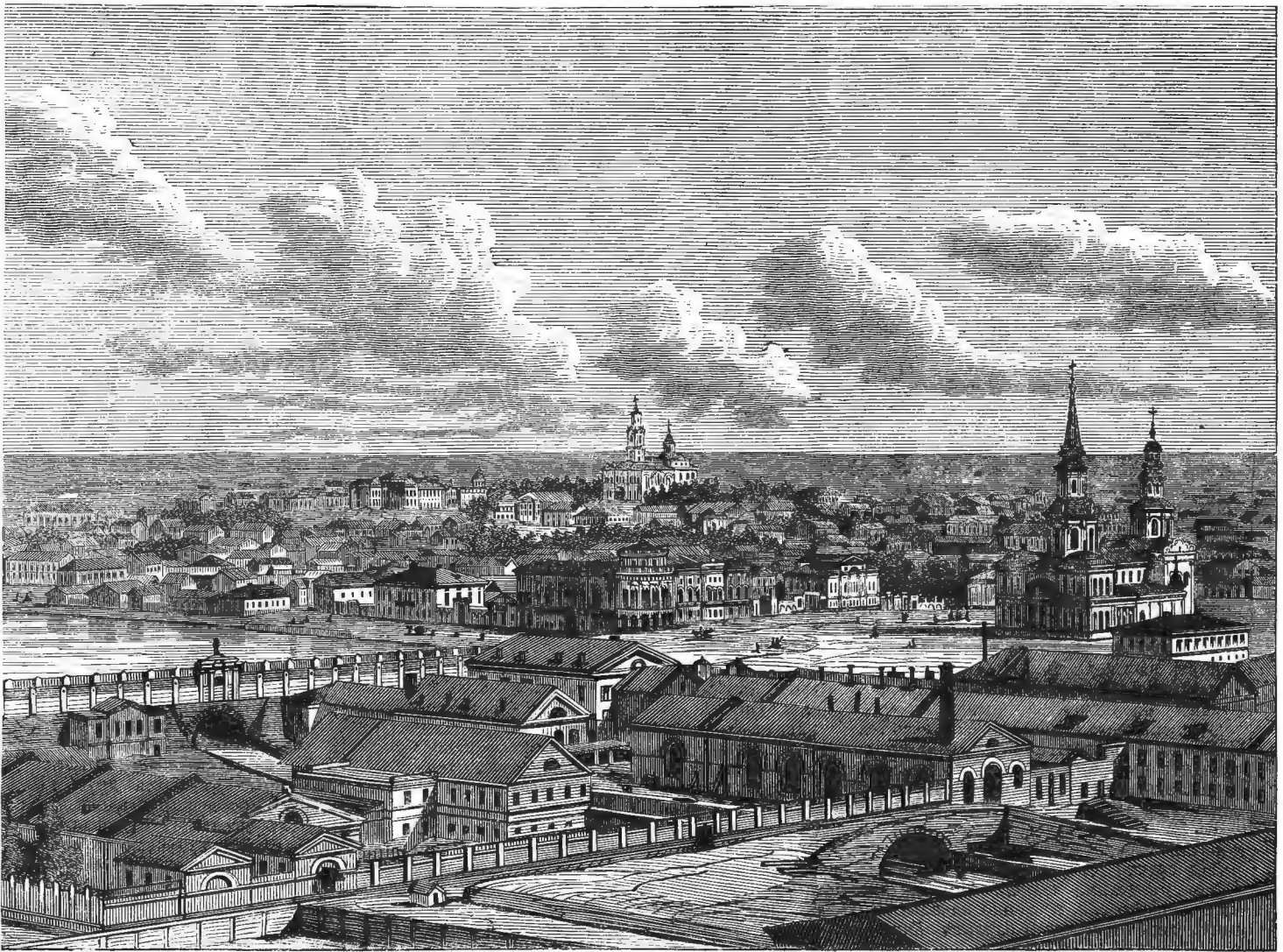
На Аеонѣ, когда среди восточнаго монашества процвѣтала еще литература и было много даровитыхъ ученыхъ—многіе богатые и образованные міряне, пріѣзжая пострѣчь, привозили много рукописей, которыя по смерти ихъ владѣтелей поступали въ вѣчное владѣніе монастырей и скитовъ аеонскихъ. Съ тѣхъ поръ, изъ этихъ пріобрѣтеній и мѣстныхъ литературныхъ трудовъ въ каждомъ монастырѣ и скитѣ Аеона образовалась довольно значительная библиотека, которая даже и въ настоящее время составляютъ лучшее украшеніе Аеона и его важное значеніе для науки. Въ библиотекахъ этихъ сохранилась на лицо почти вся ученость древней Византіи; есть тутъ множество рѣдкихъ рукописей и дѣловыхъ актовъ, еще никогда не бывшихъ въ печати и подробное изслѣдованіе которыхъ если бы оно состоялось, познакомило бы насъ съ бытомъ древнихъ грековъ и, характеромъ ихъ научныхъ воззрѣній. Если бы удалось собрать разбросанныя по разнымъ подваламъ и кладовымъ Аеона книги и рукописи въ одно помѣщеніе, то составила бы *библиотека, которая по богатству рукописей превзошла бы все европейскія библиотеки*. Большинство аеонскихъ рукописей, конечно, религіознаго содержанія; но между ними есть нѣсколько интересныхъ и еще неизвѣстныхъ образованному міру изслѣдованій по части свѣтскихъ наукъ и искусствъ. Архимандритъ Пор-

фирій и извѣстный путешественникъ на Аѳонъ, съ художественной цѣлью, г. Севастьяновъ впервые познакомили образованный миръ и въ особенности насъ, русскихъ, съ богатствомъ аѳонскихъ библиотекъ. Обращаясь къ исторіи Аѳона, мы находимъ, что судьба аѳонскаго процвѣтанія и образованности тѣсно связана съ судьбами Византіи. До взятія Византіи была образованность и энергія къ наукамъ и между аѳонскими монахами; затѣмъ, по взятіи Византіи, эта энергія исчезла. Аѳонъ наводнился мало по малу такими лицами, которыя стали смотрѣть на хранящіяся въ библиотекахъ книги какъ на бесполезный хламъ. Множество рукописей съ этого времени изорвано и исчезло безвозвратно. Много рукописей погибло, затѣмъ и при усобицахъ монастырскихъ, а также во время Эллинскаго возстанія въ первой четверти текущаго вѣка—возстанія, которое отразилось и на Аѳонѣ.

Въ настоящее время въ большей части аѳонскихъ монастырей находятся *дѣвъ* библиотекъ, *открытая* и *секретная*. Въ от-

мѣсто занимаютъ монастыри *Ватопедскій*, *Иверскій* и *Лавра*.

Когда въ европейскихъ археологахъ возбудился интересъ къ аѳонскимъ древностямъ, то аѳонскіе старцы, смекнувъ, что нахожденіе древностей представляетъ выгоду, стали по глазомѣру опредѣлять древность своихъ построекъ. И вотъ тогда-то явились и торопливые составители *исторіи Аѳона*, которая стоитъ, разумѣется, ниже всякой поверхностной критики, потому что всякій историкъ-монахъ выставялъ свою обитель древнѣе другихъ и доказательства для этого натягивалъ всѣми силами и неправдами. Вслѣдствіе этого оказалось, что всѣ аѳонскіе монастыри основаны чуть-ли не при Константинѣ Великомъ! Въ хронологіи является вслѣдствіе той же причины страшная путаница. Напримѣръ, оказывается, что извѣстное дѣйствительное историческое лицо, напримѣръ, игуменъ жилъ на свѣтѣ 200 лѣтъ, а другое—только 3 года и т. д. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Аѳона получаютъ газеты изъ Константинополя и Аѳинъ, но эти газеты читаетъ только монастырское начальство,

Общій видъ города Екатеринбургъ. Съ фотографіи грав. Манкель.

крытую библиотечку впускаютъ всѣхъ желающихъ, но въ ней обыкновенно нѣтъ ничего замѣчательнаго. Въ секретную библиотечку впускаютъ только довѣренныхъ лицъ и то послѣ множества отговорокъ. Но за то въ этихъ послѣднихъ библиотечкахъ можно увидѣть громадныя книжныя сокровища аѳонскихъ монастырей—но въ какомъ видѣ! Иногда весьма цѣнная книга свалена будто мусоръ въ углу, а полки, на которыхъ расположена другая часть книгъ, заросли тенетами и покрылись плѣсенью. При первой попыткѣ рассмотреть сваленную кучу книгъ поднимается пыль, ветхія листы разлетаются.

Но въ числѣ находящихся въ такомъ плачевномъ состояніи монастырскихъ библиотекъ на Аѳонѣ, есть разумѣется и *лучшія*, относительно чистоты и порядка. Таковы, во первыхъ, библиотечки *изображенныхъ на нашихъ рисункахъ монастырей, Есфимена* и *Хизандаря*; затѣмъ хорошия библиотечки находятся въ *Русскихъ* (здесь какъ сказано выше, находится паровая пристань) и *Зографъ*. А по богатству рукописей первое

а братья не читаютъ. Начальство же монастырское слѣдитъ за политическими событіями въ тѣхъ видахъ, чтобы узнать, нѣтъ ли на политическомъ горизонтѣ какой опасности для Турціи, а если есть, то какія нужно принять мѣры. Турецкое правительство, разумѣется, желаетъ, чтобы, въ случаѣ войны Турціи съ какимъ либо христіанскимъ государствомъ, монахи Аѳона молились за успѣхъ турецкаго оружія, хотя это не исполняется, исключая нѣкоторыхъ монастырей. Такъ, напр., во время Крымской войны, по волѣ султана, константинопольскій патріархъ прислалъ на Св. гору предписаніе молиться за успѣхъ оружія не Россіи, а Турціи; однакожь только три монастыря исполнили это предписаніе, остальные же молились за Россію.

Типъ монастырей аѳонскихъ представляется замѣчательнымъ по своей древности. Вотъ общій планъ. На довольно обширной площадкѣ стоитъ совершенно особо маленькая церковь, а вокругъ этой, имѣющей большею частью овално-продолговатую форму площадки, прилегая тѣсно другъ къ другу и образуя

Дервишъ-филологъ, А. Вамбери. (Венгерскій ученый путешественникъ по Средней Азии).
Рис. Байяръ, грав. Гюго.

нѣсколько этажей, строятся жилища монаховъ. Верхніе этажи по всей своей длинѣ связаны галлерей, выходящей во внутрь двора. Иностранцы находятъ, что внѣшній видъ каждого изъ аеонскихъ монастырей напоминаетъ замокъ Вартбургъ, гдѣ Лютеръ перевелъ Библию. Церковь, стоящая, какъ выше сказано, совершенно особю по срединѣ двора, увѣнчивается по крайней мѣрѣ пятью главами. Даже самыя маленькія часовни выведены куполообразно. Но церковь всегда настолько тѣсна, что не вмѣщаетъ въ себѣ всей монастырской братіи и остальная братія, при богослуженіи, размѣщается уже въ упомянутыхъ часовенкахъ, съ куполами пристроенныхъ къ монастырскимъ кельямъ. И вообще на Аеонѣ существуетъ множество маленькихъ церквей, даже при келияхъ, у келіотовъ. Даже на самой высокой вершинѣ Аеонской горы, на высотѣ въ 6,400 фут. надъ поверхностью моря, построена издавна церковь во имя Преображенія Господня. На Аеонѣ два рода живописи: иконная и стѣнная (альфреско). Эту живописью описаны стѣны церквей на Аеонѣ, даже стѣны трапезъ и братскихъ келій. При распятіи, Христосъ изображается на аеонскихъ иконахъ не пригвожденнымъ къ кресту а восходящимъ на крестъ *Самъ*, по приставленной лѣстницѣ. Этимъ древне-византійскіе художники желали выразить, что страданіе Господа Иисуса было *вольное*, слѣдовательно и нѣтъ нужды изображать самое пригвожденіе Христа ко кресту руками мучителей. Художниковъ аеонскихъ преимущественно руководилъ и руководитъ символизмъ. Докматы и предметы вѣры тоже представлены въ наглядныхъ образахъ, и при томъ весьма подробно. Такъ изображенъ символъ вѣры, вселенскіе соборы съ ихъ ученіемъ и „апокалипсисъ“. На иконѣ „Преображенія Господня“ Христосъ изображенъ и восходящимъ на гору и преобразующимся и сходящимъ съ горы—чтобы сдѣлать для моля-

щагося образъ болѣе понятнымъ. Затѣмъ, чаще всего, въ притворахъ храмовъ изображается лѣстница къ небу св. Іоанна Лѣстничника, и по этой лѣстницѣ идутъ къ небу монахи (это восхожденіе къ небу—конечно, символъ спасенія инокѣвъ на Аеонѣ). Тутъ же изображены и бѣсы, которые стараются столкнуть монаховъ съ этой лѣстницы и низвергнуть въ геенну огненную. Эта геенна изображается подъ лѣстницей въ видѣ дракона,—изъ открытой пасти котораго пышетъ полымя, а изъ полмыя торчатъ ноги монаха, упавшаго къ небесной лѣстницѣ, т. е. совратившагося съ пути добродѣтели. Затѣмъ, часто символически изображается монахъ, распявшій „свою плоть со страстями и похотями“. Всѣ члены тѣла монаха при этомъ открыты надписями, въ которыхъ перечисляются грѣхи, соответствующіе каждому члену. Далѣе—весьма часто изображены воздушныя мытарства и адъ съ грѣшниками, висящими на огромныхъ крючьяхъ. Есть фреска, на которой изображенъ Христосъ, управляющій рулемъ большой лодки, наполненной православными христіанами, а на берегу стоятъ лапа римскій и лютеръ, которые своими баграми стараются опрокинуть Христову ладью. Всѣ еретики изображены съ чертами на плечахъ, при чемъ черти нашептываютъ имъ на ухо.

Главные мастерскія аеонскихъ иконописцевъ находятся въ Кареѣ, и оттуда уже мастера разѣзжаются по всѣмъ монастырямъ Аеона для работъ и поправокъ. Ремесло иконописца едва ли не самое выгодное на Аеонѣ, потому что тамъ запросъ на иконы слишкомъ большой, и множество мастеровъ едва успеваютъ исполнять заказы,

Въ настоящее военное время положеніе аеонскихъ монастырей не мѣнѣе трудное, какъ и въ бывшую Крымскую войну: приходится скрывать свою ненависть къ Турціи и, пожалуй, чего добраго, даже молиться (для виду) за успѣхъ ея оружія.

Ъ РИСУНКАМЪ.

Дервишъ-филологъ.

(Вамбери, венгерскій ученый путешественникъ по Средней Азій).

Посмотрите на рисунокъ. Кто бы могъ признать въ оборванномъ дервишѣ, изображенномъ на немъ, европейскій извѣстный путешественникъ? Имя Вамбери стало популярнымъ у насъ въ 60-хъ годахъ и еще болѣе извѣстнымъ въ концѣ этихъ годовъ (именно въ 1867 г.), когда публика наша познакомилась въ русскомъ переводѣ съ его получившею большую извѣстность книгою „*Путешествіе по Средней Азій*“. Затѣмъ въ это же время Вамбери сталъ извѣстенъ намъ и какъ публицистъ, недоброжелательный нашимъ завоевательнымъ успѣхамъ въ Средней Азій, постоянно бившій въ набатъ для возбужденія опасеній Англій по этому поводу. Публицистическій талантъ Вамбери далеко не первостепенный—и что отвращаетъ отъ него не предубѣжденнаго читателя—такъ это тенденціозность Вамбери, его предвзятая мысль, съ которою онъ не разстается въ своихъ газетныхъ статьяхъ почти ни на минуту. Вездѣ, кста-ти и не кста-ти, онъ суеетъ читателю ту мысль, что цивилизаторская миссія въ Средней Азій принадлежитъ Англій, а не варварской Россіи. Что равнодушіе англійчанъ къ нашимъ завоеваніямъ въ Азій неразумно, даже съ точки зрѣнія культуры и цивилизаціи. Англійскій „левъ“, по мнѣнію Вамбери, нѣтъ сомнѣнія, скоро столкнется съ русскимъ „медвѣдемъ“ изъ-за обладанія въ Азій. Впрочемъ, можетъ быть, обѣ стороны и братски раздѣлятъ завоеванное—прибавляетъ каждый разъ Вамбери, желая увернуться,—я не знаю, только это не желательно. Вѣдь я только говорю скромно, какъ дервишъ-филологъ—*sutor non ultra sgeridam* (т. е. башмачникъ судитъ не съвыше башмака, который онъ шьетъ). Эта-то мнимо-скромная, лукавая, инсинуирующая манера Вамбери, какъ публициста, скоро всѣмъ надобла, даже органамъ европейской печати, явно недоброжелательнымъ Россіи.

Но совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется Вамбери, какъ путешественникъ, оставляющій въ сторонѣ свои національныя, публицистическія тенденціи. Путешествіе венгерскаго ученаго по Средней Азій представляетъ намъ такой примѣръ неустрашимости, энергии, настойчивости. Для исполненія своихъ задачъ въ путешествіи онъ соединилъ столько осторожности, такта, умѣнья пользоваться благоприятными результатами, самоотверженія для науки, каковы бы не были его спорныя, національныя цѣли, (какъ истаго венгерца), что его путешествіе слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ выдающихся въ наше время.

Нѣтъ сомнѣнія, что первымъ и главнымъ двигателемъ Вамбери въ его путешествіи служило его національное самолюбіе въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и затѣмъ уже—научная любознательность была двигателемъ второстепеннымъ. Онъ предположилъ себѣ изслѣдовать сравнительно-филологическимъ путемъ: что такое венгерскій языкъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать въ многочисленномъ семействѣ тюркскихъ и финскихъ языковъ. Изъ этого естественно должно слѣдовать и рѣшеніе важнаго для венгерской національности вопроса: что такое она сама, эта національность, въ средѣ другихъ евро-

пейскихъ національностей. Что къ подобнымъ вопросамъ, въ наше время побуждаетъ національное самолюбіе—весьма понятно. Сознаніе себя есть краеугольный камень каждой народности. Узнать колыбель своего языка, его значеніе и опредѣляющую силу для отечественной исторіи—значитъ коснуться самой сущности дѣла въ исторіи извѣстной національности. Но Венгрія и независимо отъ этого представляетъ много особеннаго, исключительнаго. Это полуазіатское въ отношеніи къ народности государство, дѣйствительно, есть въ высшей степени любопытное для историка, этнографа и филолога явленіе. Это какой-то огромный клинъ, вдвинутый въ среду тевтонскихъ и славянскихъ народностей; и населявшее издавна этотъ клинъ племѣ до такой степени поразило Европу уже въ XIII вѣкѣ, характерными особенностями своего языка, что тогда же признано средство венгерскаго племени съ *тюрко-татарскими* племенами, на примѣръ, съ башкирами (или выражаясь языкомъ XIII вѣка—*паскатирами*). Еще въ 1353 г. Вильгельмъ Рейсбрукскій, странствовавшій за Волгою, замѣтилъ, что племя паскатирей, жившее на Яикѣ (Уралѣ) говорило тѣмъ же языкомъ, какъ и венгерцы. Далѣе, впервые средство венгерскаго и угро-финскихъ диалектовъ доказалъ въ 1799 г. ученый Гамарти. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ изслѣдованій восточныхъ языковъ вопросъ о венгерскомъ языкѣ ставился уже иначе. Признано, на примѣръ, какъ общее правило, что венгерскій языкъ принадлежитъ къ корню алтайскому, но этотъ корень имѣетъ нѣсколько отраслей—изъ которыхъ главнѣйшія *финская* и *татарская*. Для Вамбери, съ его точки зрѣнія, весьма важно было опредѣлить—финское или татарское ближайшее имѣетъ языкъ его націи; на основаніи этого открылись бы и причины весьма характерныхъ чертъ венгерскій цивилизаціи. Вамбери окончательный вопросъ о ближайшемъ средствѣ венгерскаго языка оставилъ нерѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ собралъ массу филологическихъ и культурныхъ матеріаловъ.

Что касается біографическихъ свѣдѣній о Вамбери, то онъ отчасти самъ рассказываетъ ихъ въ предисловіи къ своей книгѣ.

„Я родился,—говоритъ онъ,—въ 1832 г. въ Венгрію, въ мѣстечкѣ Дуна-Сцердахели, въ Пресбургскомъ комитетѣ. Побуждаемый особой склонностью, еще въ дѣтствѣ я занимался нѣсколькими европейскими и азиатскими языками. Сначала меня увлекала только страстная литература востока и запада, а впоследствии меня начало интересовать взаимное отношеніе языковъ. Слѣдуя изреченію: познай самого себя, я обратилъ мое главное вниманіе на средство и происхожденіе моего родного языка“. Для изученія языковъ (практическаго) Вамбери отправился въ Константинополь. „*Многотѣнее* пребываніе въ турецкихъ домахъ,—далѣе прибавляетъ Вамбери,—связанное съ частымъ посѣщеніемъ исламистскихъ школъ, скоро сдѣлало изъ меня *настоящаго турка, даже эфенди*“. Къ этому прямодушному сознанію почти прибавляетъ нечего, для объясненія выдающагося туркофильства Вамбери, какое встрѣчается во всѣхъ его писаніяхъ, большихъ и малыхъ. Изъ этого же источника вытекаетъ его боязнь *русскихъ* „варварскихъ“ завоеваній въ Средней Азій, вопреки интересамъ Англій.

Дальше Вамбери говорить:

„Впоследствии дальнейшія лингвистическія изслѣдованія повлекли меня къ отдаленнымъ мѣстамъ, и когда я собирался приступить къ моему путешествію въ Среднюю Азію, я нашелъ благодарнымъ оставить за собою званіе эфенди (это послѣднее званіе г. Вамбери приобрѣлъ во время своего долговременнаго пребыванія въ Константинополѣ, посѣщая тамъ исламистскія школы и бібліотеки).

„Мое вниманіе (при отправленіи въ Азію) было обращено болѣею частью на обитателей Средней Азій, соціальныя и политическія отношенія, характеръ, нравы и обычаи. Но какъ на главный и драгоцѣнный результатъ моего путешествія я смотрю на *филологическія* наблюденія, которыя, послѣ зрѣлой обработки, я и представлю на разсмотрѣніе ученаго міра... Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я блуждалъ по Азій, прикритый кое-какими лохмотьями, безъ *необходимыхъ средствъ для пропитанія, подѣ постояннымъ страхомъ мучительной смерти.* Я былъ въ странѣ, гдѣ „слушать“ считается безстыдствомъ, гдѣ „срашивати“—преступленіе, а „записывать“—смертный грѣхъ“.

Маршрутъ путешествія Вамбери направленъ былъ изъ Тегерана въ Самаркандъ, слѣдовательно чрезъ всю среднеазиатскую пустыню между 52° и 68° долготы. Описывая все это путешествіе, Вамбери могъ вправѣ и безъ хвастовства сказать, что онъ „посѣтилъ такія мѣста, гдѣ до него не былъ еще ни одинъ европеецъ, и что замѣтки его касаются такихъ предметовъ, которые до него мало или даже совсѣмъ не были описаны“.

Вамбери,—нечего и говорить,—завятыи туркофилъ, и турки, дѣйствительно, были его друзьями и покровителями во время путешествія. Благодаря этому обстоятельству, онъ представлялся хитрымъ и смѣливымъ азіатамъ султанскимъ сановникомъ или эфенди; но такъ какъ гласное званіе эфенди произвело бы различныя подозрѣнія въ населяющихъ Туркестанъ племенахъ, то Вамбери весьма искусно прикинулся дервишемъ, т. е. бѣдникомъ и нищимъ, путешествующимъ исключительно съ релігиозными цѣлями, спасенія ради. Онъ ревностно присоединялся къ пѣснямъ своихъ спутниковъ, распѣвавшихся „во славу Аллаха“. Какъ скоро нѣсколько гордый и задумчивый взглядъ Вамбери возбуждалъ подозрѣніе его сотоварищей-татаръ, онъ раздражался тирадами въ родѣ слѣдующей: „Давно я томлюсь пламеннымъ желаніемъ видѣть Туркестанъ, эту единственную страну, хранящую въ чистотѣ источникъ исламской добродѣтели, и посѣтить праведниковъ Хивы, Бухары и Самарканда. Эта мысль привела меня изъ Рума (Турціи), и теперь благодарю Бога, что Онъ послалъ мнѣ товарищій, съ которыми я могу продолжать путь и привести въ исполненіе свое желаніе“. Послѣ этого патетическаго воззванія, сомнѣнія татаръ совершенно усюконились. „Мы готовы,—восклицали они,—быть не только твоими друзьями, но и слугами.“

— Я знаю, друзья мои,—продолжалъ Вамбери,—что міръ—это гостиница, гдѣ мы останавливаемся лишь на нѣсколько дней нашего бытія. Нынѣшніе мусульмане (Вамбери во весь путь прикидывался ревностнымъ мусульманиномъ, весьма недовольнымъ современнымъ упадкомъ релігій пророка), которые заботятся не только о завтрашнемъ днѣ, но и о томъ, что будетъ черезъ 10 лѣтъ, становятся мнѣ смѣшны. Возьмите же меня, друзья, съ собою, извлеките изъ этой бездны заблужденій, въ которой я, по истинѣ, измучился“.

Эта хитрость путешественнику всегда удавалась. Пораженные его релігиозною ревностью, мусульмане-татаровья поневолѣ считали его за дервиша и брали въ свой караванъ. Иногда его нѣсколько выдавала европейская любознательность, даже среди исламистскихъ ученыхъ. Такъ Вамбери былъ заинтересованъ „стѣною Искандера“ (Александра Великаго *). Мусульманскій учоный Кизиль-Ахондъ, сопутствовавшій Вамбери, высказалъ объ этой стѣнѣ свои соображенія въ чисто-исламистскомъ духѣ и удивился, почему Вамбери не можетъ раздѣлать этихъ воззрѣній.

Сообщенія Вамбери о Бухарѣ и Самаркандѣ, конечно, интересны; но какъ-то, главный интересъ его книги объ Азій составляетъ описаніе бытовой стороны азійскихъ кочевниковъ. Въ бесѣдахъ съ ними Вамбери является тонкимъ и опытнымъ психологомъ, и оттого ему такъ удалось изучить обрядовую и бытовую сторону ислама, въ чемъ убѣждаетъ сравнительно недавно вышедшая въ свѣтъ его книга „Der Islam“ (Исламъ).

Прибавимъ здѣсь, что Вамбери предпринялъ свое путешествіе по Азій въ 1862 г., по 1863, а самое описаніе путешествія составлялъ онъ въ 1864 г., такъ что состоявшееся въ томъ же году осенью взятіе русскими Ташкента онъ упоминаетъ только въ одномъ изъ примѣчаній своей книги. Въ книгѣ этой свои опасенія и непріязнь къ Россіи онъ высказываетъ еще умѣренно. Но, затѣмъ, по мѣрѣ успѣховъ нашихъ въ Азій, онъ начинаетъ какъ публицистъ бить тревогу и переступаетъ предѣлы умѣренности, въ чемъ легко убѣдиться, прочитавъ любую выдержку изъ его статей. М. Стр....

ЕКАТЕРИНБУРГЪ.

Изстари существуетъ на Руси пословица: „Сибирь—золотое

* По мнѣнію мусульманъ, Александръ Македонскій былъ благочестивый мусульманинъ, и ему повиновались подземные дукы.

дно“, указывающая на богатство Сибири золотомъ и прочими произведеніями ископаемаго царства. При Иванѣ Грозномъ завоевалъ Сибирь и присоединилъ къ Россіи Ермакъ съ тѣхъ поръ прозвали русскіе люди объ этомъ „золотомъ днѣ“ и поспѣшили извлечь изъ груди земной скръытая тамъ несмѣтныя богатства. Но съ того времени, какъ узнали и начали разрабатывать Сибирь, прошло уже слишкомъ триста лѣтъ, и вотъ до сихъ поръ еще не могутъ вычерпать этого „золотога дна“. Не малое богатство имѣетъ Уральскій хребетъ, отдѣляющій Европу отъ Азій, на восточномъ склонѣ котораго стоитъ уѣздный городъ Пермской губ. Екатеринбургъ. Возникъ онъ въ 1722 г., при Петрѣ Великомъ. Обративъ вниманіе на ископаемыя богатства Уральского хребта Петръ приказалъ генералу де-Генину построить на рѣкѣ Исети желѣзодѣлательный заводъ вокругъ подобнаго завода, естественно, сгруппировались въ большемъ количествѣ различныя постройкы и населены рабочими, механиками и прочимъ народомъ и такимъ образомъ образовался городокъ, который для предупрежденія набѣговъ Башкиръ и другихъ полудикихъ инородцевъ, окружился валомъ и рвомъ. Названіе Екатеринбургъ городокъ этотъ получилъ въ честь Екатерины I супруги Петра. Черезъ полтора года послѣ основанія завода тамъ кипѣла уже дѣятельная работа по выплавкѣ и выдѣлыванію мѣди и желѣза. Съ тѣхъ поръ Екатеринбургъ сталъ разрастаться шире и шире и получать все болѣе и болѣе важныя для той мѣстности значенія. Въ 1763 году черезъ Екатеринбургъ проложенъ былъ Сибирскій трактъ (проходившій прежде черезъ Верхотурье), что придадо еще болѣе значенія этому городу. Окрестные жители земледѣльемъ почти не занимаются потому что, во первыхъ почва болѣею частью каменистая, а, во вторыхъ горные промыслы, по причинѣ своего большого развитія, гораздо лучше вознаграждаютъ трудъ крестьянина. Хлѣбъ идетъ къ нимъ изъ болѣе хлѣбородныхъ губерній и уѣздовъ. Желѣзодѣлательный заводъ, основанный по повелѣнію Петра, въ 1735 году преобразованъ былъ въ монетный дворъ, на которомъ начали чеканить мѣдную монету. Первоначально, мѣдная монета была очень тяжела и чеканилась весьма грубо, но, постепенно, чеканка ея становилась все тоньше и изящнѣе а самая монета легче. Въ нынѣшнее царствованіе монета получила еще болѣе изящный видъ, такъ что теперь она не уступаетъ заграничной монетѣ тонкостью чеканки. Какъ слышно, Екатеринбургскій монетный дворъ упразднится, а чеканка мѣдной монеты переходить въ петербургскій монетный дворъ, который для этой цѣли значительно расширяется. Но съ уничтоженіемъ монетнаго двора, Екатеринбургъ не потеряетъ всего своего значенія, ибо въ немъ, сосредоточено съ 1830 года главное управленіе всѣми уральскими казенными горными заводами, раздѣляющимися на 6 округовъ. Въ Екатеринбургѣ же перешлавлается и пробирруется золото, добываемое на золотыхъ приискахъ Урала, и отсылается въ Петербургъ. Важнѣйшіе изъ приисковъ слѣдующіе: Борозовскій, Верхнеисетскій, Невьянскій и др.; всего въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ добывается золота до 150 пудовъ ежегодно. Кромѣ того въ городѣ находится механическая фабрика, принадлежащая Его Величеству Государю Императору. На этой фабрикѣ обдѣлываются драгоцѣнныя камни и твердыя горныя породы (яшма, порфиръ, радонитъ и пр.) по рисункамъ, высылаемымъ изъ Петербурга, и превращаются въ роскошныя вазы, чаши, канделябры и т. д. Жителей въ Екатеринбургѣ насчитываютъ до 20,000; городъ имѣетъ много важныхъ общественныхъ зданій: контору государственнаго банка, городской банкъ, гимназію (основана въ 1859 году), имѣвшую уже въ 1862 году 4 класса и 133 ученика, женскую гимназію, два уѣздныхъ училища (духовное и свѣтское), приходское училище, дѣтскій приютъ (куща Рязанова), богадѣльню, заводскій госпиталь, городскую больницу, театръ и т. д. Церквей православныхъ 12 (двѣ изъ нихъ соборныя: Богоявленская и Св. Екатерины), женскій монастырь и три новѣрческія церкви. Торговля города обширна; главными предметами ея служатъ: желѣзо, выдѣлываемое мѣстными заводами, горныя породы обдѣланныя на фабрикахъ, скотъ, разводимый въ уѣздѣ, и продукты скотоводства: сало, кожи и мясо. Въ замѣнъ этого покупаются: хлѣбъ, шерстяныя, шелковыя и другія матеріи, бакалейные товары и проч. По причинѣ обширной торговли и дѣятельной промышленности въ Екатеринбургѣ бываютъ ежедневныя базары и два торжка, изъ нихъ первый бываетъ 29 іюня, а второй 24 ноября, въ день св. великомученицы Екатерины, т. е. соборнаго праздника. На эти торжки съѣзжаются много кушцовъ и покупателей изъ отдаленныхъ мѣстностей губерніи, и городъ пестрѣетъ въ эти дни разнообразными костюмами. А.

Турецкій милиціонеръ изъ Анатоли.

Часто турецкое правительство, будучи не въ силахъ выпутаться изъ хаоса своихъ какъ административныхъ, такъ и военныхъ безобразій, поднимаетъ кличъ, что самый исламъ въ опасности, и этотъ кличъ, производя паніку между христіанскимъ населеніемъ Турціи, снова возбуждаетъ ярый фанатизмъ среди мусульманъ. При такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ низамъ (регулярныя войска) и редифы (резервы) никогда не

могли удовлетворять вполнѣ всеѣмъ военнымъ потребностямъ Порты, и для подавленія частыхъ возстаній въ славянскихъ провинціяхъ оказывали, по турецкимъ донесеніямъ, большую помощь и *благодарное вліяніе въ усмирении* баши-бузукъ и всякій пререгулярный сбродъ, набранный изъ всѣхъ угловъ и заходустевъ Имперіи. Эти доблестные воины послылись какъ Божій бичъ; какъ тьма всепожирающей саранчи паводняли

слѣдствія показали, что совершенно справедливы были опасенія тѣхъ изъ европейцевъ, которые были очевидцами ихъ прибытія въ Константинополь и видѣли ихъ страшныя, звѣрскія лица.

Такіе защитники Оттоманской имперіи обыкновенно раздѣляются на шайки (оды), изъ которыхъ каждая состоитъ подъ начальствомъ одабаши. Впереди обыкновенно шествуютъ ли-

Турецкій милиціонеръ изъ Анатолиі. Рис. А. Куранатовъ, грав. Путцъ.

они провинившіеся провинціи и послѣ нихъ оставались однѣ развалины и обезображенные группы, какъ было, на примѣръ, съ несчастной Болгаріей въ прошедшемъ году.

Огромныя массы такихъ пререгулярныхъ войскъ были высланы изъ разныхъ мѣстностей азіатской Турціи, чтобы вторгнувшись въ эту плодородную и цвѣтущую страну, они могли совершать разныя звѣрства, не стѣняя своей дикой натурой. По-

тавы, волынки и сойтеръ, т. е. скоморохъ, на которомъ лежитъ трудная обязанность поддерживать хорошее настроеніе духа въ своихъ голодныхъ товарищахъ. Въ средѣ этой иррегулярной арміи встрѣчается особенно много уроженцевъ Анатолиі, какъ извѣстно, населенной преимущественно мусульманами и типъ одного изъ нихъ мы и представляемъ на прилагаемомъ рисункѣ. Остроконечная курдская чалма украшаетъ

Общій видъ города Тульчи, занятаго русскими войсками 15 Юня 1877 г. Съ фотогр. грав. Вейерманъ

Общій видъ Сулинскаго устья Дуная. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

его голову; вооруженъ онъ ружьемъ какой-то древней конструкціи и нѣсколькими книжалами и пистолетами, такъ что при преимущественно археологическомъ достоинствѣ всего его вооруженія, онъ, конечно, не въ силахъ бороться съ регулярнымъ, выученнымъ войскомъ, но за то онъ геройски храбръ въ схваткѣ съ беззащитными жителями и неутомимъ въ погонѣ за слабой женщиной или ребенкомъ. Смотрите—онъ уже направилъ на что-то свои черные глаза. Не видитъ ли онъ неподалеку новой беззащитной жертвы своей корысти, или дикой, необузданной страсти. Вамбери, хорошо изучившій этихъ людей, прямо говоритъ, что при встрѣчѣ съ ними надо подчиниться въсѣмъ ихъ требованіямъ, чтобы только сохранить самое драгоценное для каждого—жизнь. Н.

Сулинское устье Дуная и Тульча.

Устье Дуная, какъ извѣстно, раздѣляется на множество рукавовъ. Существуетъ древнее преданіе, по которому Дунай (по старинному Истру) впадалъ однимъ рукавомъ въ заливъ моря Адриатическаго, а другимъ въ Черное море. Древній писатель Аполлоній Родосскій, говоритъ, что такое раздѣленіе рукавовъ Дуная существовало въ періодъ Аргонавтовъ, слѣдовательно и соединеніе этою рѣкою морей Чернаго и Адриатическаго было еще въ доисторическое время. Однакожъ, древній географъ Стиклексъ и Аристотель вѣрятъ вышесказанному соединенію двухъ морей Дунаемъ. Но затѣмъ Плиній уже споритъ противъ этого и отвергаетъ подобное сказаніе какъ басню. Затѣмъ греческіе историки Геродотъ и Эфоръ приписываютъ Дунаю 5 устьевъ, Тацитъ говоритъ о 6 дунайскихъ устьяхъ, а географъ Страбонъ и поэтъ Овидій насчитываютъ этихъ устьевъ уже 7. Словомъ—чѣмъ дальше въ дѣль, тѣмъ больше дровъ... И это разогласіе показаній долгое время путало понятія старыхъ географовъ. Вопросъ объ устьяхъ Дуная до самаго конца прошлаго вѣка продолжалъ оставаться однимъ изъ самыхъ трудныхъ и мало-ислѣдованныхъ. Въ первый разъ, особенно для насъ, русскихъ, пролилъ свѣтъ на этотъ предметъ карты, составленныя во время стоянкіи въ устьяхъ Дуная нашей гребной флотиліи съ 1790—92 г., затѣмъ эти тщательныя составленныя карты были вскорѣ дополнены и исправлены посредствомъ геодезическихъ работъ, произведенныхъ капитаномъ Шмелевымъ. Въ наше время, посредствомъ новыхъ геодезическихъ работъ, вопросъ объ устьяхъ Дуная сдѣлался болѣе яснымъ, хотя и нельзя сказать, чтобы онъ былъ ясенъ безусловно, такъ какъ даже и самая географія Балканскаго полуострова принадлежитъ къ пунктамъ, сравнительно мало разработаннымъ наукою.

Если мы спустимся на 60 верстъ ниже отъ того мѣста, гдѣ въ Дунай впадаетъ Прутъ, то мы встрѣтимъ сначала раздѣленіе этой громадной и величавой рѣки между *Галацомъ* и *Рени*. Этотъ пунктъ раздѣленія Дуная и составлялъ издавна границу между Россіей и Турціей. Между *Тульчей* и *Исакей* отдѣляется первый Дунайскій рукавъ при низменномъ мѣстѣ, который называется *Сулинскій-Четала*, и который образуется изъ верхней оконечности острова Четала. Затѣмъ уже послѣ этого раздѣленія, сѣверный Дунайскій рукавъ получаетъ названіе *Килійскаго* Дуная, а южный рукавъ, въ противоположеніе сѣверному, называется Дунаемъ *Сулинскимъ*. Кромѣ этихъ двухъ устьевъ наши географы и геодезы принимали и принимаютъ еще два устья—*Георгиевское* и *Портичкое*, слѣдовательно насчитываютъ 4 устья Дуная.

Предметомъ нашей замѣтки служитъ собственно *Сулинское* устье. Къ описанію его, оставивъ въ сторонѣ другія, мы теперь и обратимся.

Сулинскій рукавъ Дуная или просто Сулинскій Дунай, сначала течетъ мимо селенія *Тульчи* (см. рисунокъ) и течетъ довольно широко нераздѣляющеюся рѣкою, на отлогомъ лѣвомъ берегу когорой растутъ въ изобиліи лѣса. Затѣмъ Сулинскій Дунай раздѣляется на двѣ вѣтви и восточная часть его, послѣ этого дѣленія, все еще сохраняетъ свое названіе *Сулинской*, до самаго моря.

Вообще Сулинскій Дунай дѣлитъ всю Дунайскую дельту почти на *два* равныя части. Протяженіе его до моря составляетъ 96 верстъ, ширина же рукава отъ 100—150 сажень, а глубина отъ 20—60 фут. Сулинскій рукавъ и Сулинское устье Дуная считаются во многихъ отношеніяхъ самыми удобными для судоходства, и это потому, что передъ входомъ въ море онъ уже болѣе не раздѣляется на много другихъ устьевъ, какъ другіе рукава, напримѣръ, Килійскій, Георгиевскій и др.

Названіе „Сулинскій“ Дунай произошло отъ бывшей здѣсь когда-то турецкой деревушки *Сули*. Великолѣпный видъ на море открывается у устья рукава. Передъ впаденіемъ его въ море, на нѣсколько верстъ въ ширину, идетъ песчаная мель; но черезъ послѣднюю идетъ фарватеръ, хотя не глубокой.

Сулинскій рукавъ Дуная долгое время находился въ пренебреженіи, составляя только въ нѣкоторомъ смыслѣ пограничную черту двухъ государствъ, находившихся до Адрианопольскаго мира почти постоянно во враждѣ. Затѣмъ этотъ рукавъ, протекая внѣ карантинной линіи, неблагопріятствозавитію торговли сношеній. До 1833 г. турецкое правительство предписывало прибрежнымъ жителямъ Сулинскаго рукава,

сколько возможно, очищать фарватеръ отъ мелей. За эту работу прибрежники освобождались отъ всякихъ налоговъ и повинностей. Но съ 1833 года это обязательство и сопряженные съ нимъ льготы отменены. Сулинскій Дунай началъ мѣлѣть и мѣлѣть. Съ 1839 года въ Галацѣ образовалось было общество акціонеровъ для очищенія и исправленія Сулинскаго фарватера, по этому воспрепятствовали трактатъ, заключенный въ 1840 между Россією и Австрією—трактатъ, касавшійся Дунайскаго судоходства. Наше правительство, въ силу этого трактата, взяло на себя надзоръ за содержаніемъ свободнаго входа въ Дунай, а вмѣстѣ съ тѣмъ постройку и освѣщеніе маяка. Не смотря на это, входъ судовъ въ Сулинское устье представлялся далеко не безопаснымъ, потому что песчаная мель вдается на значительное пространство даже въ море. Песку намывало иногда такъ много, что даже въ верстахъ отъ устья бывало только 12½ фут. глубины.

Затѣмъ извѣстно, что послѣ Крымской войны устья Дуная отошли отъ насъ и Сулинскій рукавъ Дуная перешелъ было въ область преданій. Наконецъ нынѣ, по державному слову Государя Императора, ратуя за святое дѣло освобожденія братьевъ, мы снова явились на великую, прославленную оружіемъ всѣхъ народовъ рѣку. Въ настоящее время недалеко отъ устья Дуная, какъ знаютъ читатели, произошли многія изъ нашихъ важныхъ операций, между прочими предварительный переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай.

Отъ сосѣдняго, Георгиевскаго, рукава Дуная Сулинскій рукавъ раздѣленъ о—вомъ *Четаломъ*.

Тульча—это одно изъ укрѣпленій, находящихся въ сѣверной части Добруджи, посящей въ настоящее время названіе *Вабадага*. Лежитъ это укрѣпленіе значительно западнѣе отъ того пункта, гдѣ Дунай раздѣляется на *два* рукава: Георгиевскій и Сулинскій. Это укрѣпленіе, на ряду съ *Матчиномъ* и *Исакей*, расположено на отлогости гористаго хребта, называемаго *Вабадагомъ*. Къ сѣверу отъ Тульчи расположенъ знаменитый *Трояновъ валь*. Въ геологическомъ отношеніи эта мѣстность состоитъ изъ намытыхъ слоевъ, осѣвшихъ на первозданныя породы, отчего она представляется тонкою и болотистою, а Дунай въ этомъ мѣстѣ весьма неудобенъ къ переходу, причемъ обширныя болота имѣютъ направленіе къ сѣверу.

Тульча въ настоящее время считается главнымъ мѣстомъ Добруджи, или Вабадага. Число жителей въ этомъ укрѣпленіи простирается до 30,000 человекъ. Стратегическое положеніе Тульчи важно въ томъ отношеніи, что она построена для защиты одного изъ Дунайскихъ рукавовъ, также какъ *Матчинъ* и *Исакей* построены для защиты другихъ рукавовъ Дуная. Эта система укрѣпленій начинается съ запада *Гирсовымъ* (на югѣ) и *Галацемъ* (на сѣверѣ). Разстояніе между тѣмъ и другимъ, по линіи Дуная 90 верстъ, а отъ Галаца до впаденія Дуная въ море—около 150 верстъ. Къ сѣверу отъ Гирсова находится знаменитый *Матчинскій* рукавъ, гдѣ недавно была заперта нашими моряками часть турецкаго флота. Отъ *Матчина* существуютъ удобные пути для плаванія къ *Исакей*, *Тульчѣ* и *Вабадагу*, какъ главному мѣсту провинціи. Возвышенное плато мѣстности между *Матчиномъ*, *Исакей*, *Тульчей*, *Махмуди* и *Вабадагомъ*, принимаетъ порою весьма гористый характеръ, образующій невысокій горный гребень, тянуційся къ востоку, параллельно Дунаю. Горы эти тамъ и сямъ покрыты густыми лѣсами, а главная масса ихъ группируется на пространствѣ между *Матчинскимъ* рукавомъ, *Исакей* и *Вабадагомъ*. Въ *Тульчѣ*, какъ и во всей провинціи Вабадагъ или Добруджѣ, населеніе смѣшанное и состоитъ изъ татаръ, болгаръ, турокъ и молдаванъ. Вообще же нужно сказать, что мусульманскій элементъ по всей этой площади весьма значительный. Изъ этого можно понять важность занятія нашими войсками, по переходѣ Дуная между *Галацемъ* и *Брайловымъ*, *Тульчи*, а также *Исакей*, *Матчина* и *Гирсова*. Это занятіе даетъ нашимъ войскамъ возможность имѣть въ рукавахъ всѣ важнѣйшіе, судоходные рукава Дуная, на которыхъ расположены эти укрѣпленія. Вся сѣверная Добруджа, въ которой расположены эти укрѣпленія, какъ извѣстно, теперь находится въ нашихъ рукахъ. Турки теперь намѣрены извлечь стратегическія выгоды изъ *Троянова вала*, который, какъ мы сказали выше, находится къ сѣверу отъ Тульчи. Это намѣрены сдѣлать турки для того, чтобы остановить побѣдоносное шествіе нашего генерала *Циммермана* на югъ Добруджи. Увидимъ, до какой степени удастся туркамъ воспользоваться *Трояновымъ* валомъ.

Пугалище.

(Рисунокъ Жіакомелли).

Вотъ что пишетъ въ 1779 г. знаменитый агрономъ, аббатъ *Понселе*, въ своей естественной исторіи пшеницы, по поводу пугалища воробьевъ: Я всегда подозрѣвалъ, что воробьи живутъ стаями и, если не могутъ говорить, то тѣмъ не менѣе разнообразными и выразительными криками передаютъ одинъ другому свои впечатлѣнія и планы напр.: относительно принсканія корма, или самозащиты. Факты доказываютъ ясно, что воробьи предостерегаютъ другъ друга. Они также хитры и ловко пользуются своей хитростью, и осмрительны—напр. начинаютъ лѣть, что бы не быть внезапно пойманными.

В продолжении 3 летъ, которые я желалъ посвятить наблюдениямъ по части земледѣя, воробьи мучили и выводили меня изъ терпѣнія, тысячами осаждая мое засѣянное пшеницей поле. И что только недѣлалъ я, что бы избавиться отъ нихъ!

Сначала я прибѣгъ къ помощи ружья. Но это средство оказалось и плохимъ и вреднымъ, мнѣ удавалось убить двухъ—трехъ воробьевъ, и въ тоже время я уничтожалъ 20—40 колосцевъ моей пшеницы.

Ловушки были лучшимъ средствомъ и не представляли неудобствъ, но за то хитрые воробьи успѣвали провѣдывать опасность и предупреждали товарищей какъ только они, незамѣчая, приближались къ ней.

Попробовалъ я поставить пугалище, что-бы заставить бояться воробьевъ: надѣлъ на палку шляпу, пальто, вытянулъ рукава и поставилъ такое пугалище на поле.

Дѣйствительно, на первый день мои грабители не смѣли приблизиться къ пшеницѣ, но я замѣтилъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи они наблюдали за пугалищемъ. Оставаясь въ полномъ молчаніи они какъ бы размышляли какъ слѣдуетъ имъ поступать.

На другой день старый воробей, и самый дерзкій изъ всѣхъ, можетъ быть начальникъ шайки, приблизился къ полю, осмотрѣлъ съ вниманіемъ пугалище и, убѣдившись, что оно не подвижно, довольно смѣло подпрыгнулъ къ нему, а на копечъ, и совсѣмъ уже смѣло взлетѣлъ на плечо пугалища. Повертѣлся и рѣзко, торопливо крикнулъ нѣсколько разъ какъ бы увѣдомляя товарищей:

„Идите нечего бояться!“

Вся шайка поднялась на этотъ зовъ. Я же взялъ ружье и тихонько подошелъ къ нимъ. Старый воробей тотчасъ замѣтилъ мое присутствіе и тотчасъ же крикнулъ. Крикъ на этотъ разъ былъ совсѣмъ другой чѣмъ тотъ, которымъ онъ ссывалъ собратіе.

По новому сигналу вся стая, предводительствуемая старымъ воробьемъ поднялась на воздухъ и улетѣла. Я сдѣлалъ вслѣдъ выстрѣлъ, думая сильнѣе напугать ихъ и, въ самомъ дѣлѣ, на нѣсколько дней я избавился отъ моихъ воробьевъ, но на 4 день снова увидѣлъ ихъ наблюдающими въ нѣкоторомъ разстояніи какъ и въ первый разъ.

Тогда пришла мнѣ мысль провести воробьевъ. Снявъ я пугалище съ поля и одѣвшись въ его платье, сталъ самъ на его мѣсто. Хитрые воробьи незамѣтили подѣлки и чрезъ полчаса ожиданія, я услышалъ обычный сигналъ и непосредственно затѣмъ цѣлая стая опустилась почти къ ногамъ моимъ. Я взмахнулъ палкой и убилъ двухъ воробьевъ.

И какъ то читалъ въ одной книгѣ, что въ подобномъ случаѣ

избавились отъ воробьевъ, повѣсивъ на палку убитыхъ воробьевъ. Я такъ и сдѣлалъ и устроилъ такимъ образомъ новое пугалище но чрезъ нѣсколько дней банда и при видѣ этого спектакля возвратилась на поле, совершенно увѣренная, что ей нечего бояться труповъ.

Наконецъ уже послѣ многихъ стараній да наблюдений мнѣ удалось найти средство избавиться навсегда отъ воробьевъ и средство было самое простое: я началъ мѣнять пугалище, переставляя его и придавая ему различныя формы раза два въ день. Это измѣненіе вида и положенія устрашило моихъ воробьевъ. Недовѣрчивые, они покинули поле и такимъ образомъ я спасъ мою пшеницу.

Л.

Птичка-портной.

Незамѣтно, на тонкой вѣтви качается красивое гнѣздышко крошечной птички, называемой обыкновенно „Птицей-портнымъ“ и извѣстный въ наукѣ подъ именемъ: *Orthotomus ion-gicaudus*, гнѣздышко это она такъ искусно мастерила изъ листочковъ. Птичка-портной отличается большимъ мастерствомъ. Выбравъ удобные листья, она накалываетъ своимъ острымъ носикомъ вдоль ихъ рядъ дырочекъ; надѣлавъ сколько нужно, добываетъ шитку, обыкновенно тонкое волокно какого-нибудь растенія и тогда сшиваетъ листья, стягиваетъ ихъ края такъ что бы, образовался полный конусъ, концемъ внизъ. Въ образовавшуюся пустоту, птичка наноситъ мягкаго бѣлаго пуха и такимъ образомъ устроиваетъ теплое легкое гнѣздышко для будущихъ своихъ малютокъ. Птичка-портной составляетъ свои гнѣздышка или сшивая два близкорасположенные одинъ отъ другого листа, или если нѣтъ на вѣтвѣ другого подходящаго, она отыскиваетъ пужный ей листочекъ приносить и прикрѣпляетъ его съ помощію волокна; иногда, впрочемъ, найдя листъ подходящий и достаточно большой, она ограничивается имъ однимъ.

Птичка-портной уроженецъ Индіи, довольно общительна: ее можно видѣть кормящую совершенно спокойно въ садахъ и огородахъ. Какъ видно, птичка не любитъ возвышенныхъ мѣстъ, ей болѣе нравится на низкихъ вѣтвяхъ деревьевъ. Полесть ея волнообразна. Орентологамъ извѣстны многіе виды этого рода, но надобно замѣтить, что птичка-портной не единственный членъ изъ крылататаго міра сшивающей себѣ гнѣздо. Красивая птичка—вѣtero-хвостая камышевка, дѣлаетъ тоже хотя гнѣздо ея не висячее и способъ сшиванья не совсѣмъ такой, какъ у птички-портной; камышевка не ограничивается одной ниткой, а беретъ нѣсколько и дѣлаетъ узелъ на концѣ каждой изъ нихъ что бы нитка не проскакивала сквозь дырку.

Политическія и военныя извѣстія.

Совершившейся недавно персодой черезъ Дунай, о которомъ мы сообщили въ прошломъ обзорѣ, есть военное дѣло такой громадной важности, что оно будетъ исходною точкою всѣхъ нашихъ будущихъ военныхъ операцій, и со времени перехода еще не случилось чего либо существенно важнаго на Дунайскомъ театрѣ войны, что не было бы его естественнымъ послѣдствіемъ и не соприкасалось бы съ нимъ ближайшимъ образомъ. Если теперь резюмировать наши операціи за Дунаемъ со времени перехода, то общій смыслъ ихъ заключается въ отгнѣненіи турокъ по прямой дорогѣ къ *Казаньку* (ведущему на Балганъ) отъ *Тернова* и *Габрова*, и мы увидимъ далѣе, съ какимъ блестящимъ успѣхомъ совершается это отгнѣненіе. Затѣмъ на востокъ, въ Добруджѣ — цѣль наша очиснить этотъ уголъ отъ иррегулярнаго сброда, отъ разбойничьихъ шакъ башибузуконъ и черкесовъ—и мы видимъ, что и здѣсь наши войска достигли своей цѣли.

Затѣмъ, что касается Закавказскаго театра войны, то въ виду громадности затрудненій, представляемыхъ тамъ самою природою, не было бы бѣды, если бы наши дѣйствія тамъ были скромны, тѣмъ болѣе, что массы турецкихъ войскъ, крайне нафанатизированныхъ, прибываютъ туда непрерывно; наши же генералы, дѣйствующіе тамъ, по необходимости *разединены*, такъ какъ много стратегическаго плана нѣтъ и быть не можетъ. Но самому условію азіатской мѣстности, арміи нужно разсыпаться на отряды и колонны; движеніе en masse не имѣло бы никакой цѣли,—вотъ почему дѣйствія наши на этомъ театрѣ представляются теперь оборонительными, исключая молодецкихъ стычекъ отдѣльных отрядовъ и колоннъ, результаты которыхъ для насъ почти равняются побѣдамъ, таково, напримеръ, недавнее геройское нападеніе команды охотниковъ изъ артиллеристовъ на неприятельскую батарею, при чемъ *перевиты* клинъ двухъ орудій и заглѣнено третье, не смотря на страшный огонь съ фортвъ и сильный оружейный огонь неприятельской кавалеріи. Только эпизодъ съ Балзетомъ, окруженнымъ преобладающимъ числомъ азіатовъ, какъ будто указываетъ на успѣхъ турокъ; но если разобрать дѣло—успѣхъ этотъ крайне скромный, незначущій...

Когда переправа черезъ Дунай у Систова стала уже совершившимся фактомъ, главная квартира Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею и Его Величества Государя

Императора, 16-го іюня была переведена изъ Плоещтъ въ *Зимницю*, лежащую, какъ мы имѣли уже случай упомянуть, насупротивъ Систова. Утромъ 16-го же Государь Императоръ, сопровождаемый Его Высочествомъ главнокомандующимъ, изволилъ посѣтить раненыхъ въ лазаретахъ Пятры и Зимницы. При этомъ Государь Императоръ соизволилъ пожаловать орденъ Георгія 3-й степени слѣдующимъ лицамъ: начальнику штаба арміи, генералу А. А. Непокійничкому и генераламъ Радецкому (портретъ котораго будетъ помѣщенъ въ слѣдующемъ номерѣ «Нивы»), Драгомірову и Рихтеру; Георгія 4-й степени: Его Высочеству Великому князю Николаю Николаевичу младшему, бригаднымъ командирамъ Бальшину и Петрушевскому и командиру Имени Его Высочества полка Родіонову. Затѣмъ, послѣ полудня, того же 16-го іюня, Государь Императоръ изволилъ переправиться черезъ Дунай, при громкихъ и восторженныхъ «ура» съ обонихъ береговъ. Выйдя на противоположный болгарскій берегъ Дуная, Государь изволилъ объѣхать войска 14 и 35 дивизій, милостиво благодарилъ гвардейскую роту и изволилъ взять ее съ Собою, поблагодаривъ ее за блестящую храбрость. Въ Систовѣ Его Величество былъ встрѣченъ духовенствомъ и христіанскимъ населеніемъ съ восторгомъ. Женщины Систова еще строили мостъ черезъ Дунай; переправа же войскъ безпрепятственно совершалась на понтонахъ. Бывшая съ 17-го на 18-е бура разорвала нашъ мостъ, при чемъ утонуло 26 понтоновъ. Отъ 20-го іюня получена телеграмма Его Высочества, извѣщавшая, что мостъ въ этомъ мѣстѣ уже готовъ и что переправа идетъ безостановочно; что турки послѣ 15 іюня отступили на Тырново и Русчукъ. Телеграмма сообщила далѣе о сильномъ поврежденіи турецкихъ мониторовъ у Никополя, оканывающихся поврежденными такъ что едва могутъ плавать.

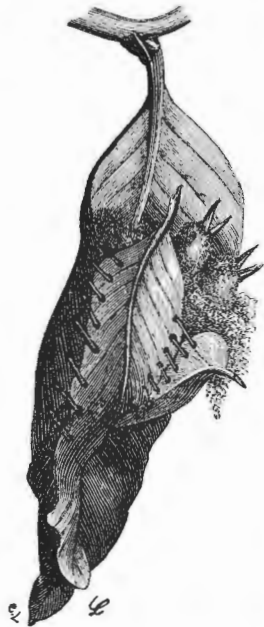
Приведемъ новыя извѣстія съ Дунайскаго театра войны.

— Съжалъ, полученная 5-го іюля (23-го іюня), въ ту минуту какъ мы пишемъ эти строки, телеграмма сообщаетъ, что переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова безпрепятственно продолжается.

— Изъ Перы, черезъ Вѣну сообщаютъ, отъ того же числа, что изъ запасныхъ гарнизонвъ и провинта, собранныхъ въ пограничныхъ турецкихъ крѣпостяхъ половина арміи *Сулеймана*, *Мехмедъ-Али* и *Али-Саиба* пашей должна направиться въ

Албанию и Эпиръ, а другая половина къ Адрианополю (Телеграммы «St. Petersburg. Herald»).

Нужны ли комментаріи къ этимъ извѣстіямъ? Турки очевидно сознали свое безсиліе—ибо отгнѣненіе съ пограничныхъ крѣпостей къ Адрианополю, Эпиру и Албани просто громадно по разстоянію: такимъ оно представляется даже на маленькихъ картахъ театра войны. Адрианополь лежитъ далеко къ югу отъ Казанлыка, къ которому должно направиться движеніе на шей перешедшей Дунай арміи.

Птичка-портной.

Вслѣдствіе движенія нашихъ войскъ по прямому пути отъ Систова къ Казанлыку, губернаторъ Тернова Сайдъ-паша, удалился изъ Тернова въ Габрово, лежащее дальше къ югу, по направленію къ Казанлыку. Въ прошедшемъ обзорѣ («Нива» № 26) мы уже говорили, что естественнымъ послѣдствіемъ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова будетъ наше движеніе къ Казанлыку. Событія теперь совершенно подтверждаютъ это предположеніе. Мы уже видѣли выше, что турецкіе гарнизоны собираются оставить пограничныя укрѣпленія и направляются къ Адрианополю, Эпиру и Албани. Нѣмецкою газетою «Herald» получены съ Дунайскаго театра войны слѣдующія телеграммы отъ 4 іюля (22 іюня).

а) у Николая происходитъ незначительная коннада, б) Русскіе продолжаютъ бомбардировать; в) приливъ баши-базуковъ со стороны Зейбека продолжается; г) русская пѣхота появилась на островѣ Рамазанъ, противъ Русука; е) Отосланіе турецкаго военнаго министра Редифа-пашы изъ Константинополя въ Шумлу приписывается вновь господствующему въ Константинополѣ англійскому вліянію; наконецъ депеша имѣющая сравнительно болѣе важности, извѣщаетъ, что турецкіе мониторы вступили въ Сулинское устье Дуная и бомбардируютъ береговое предмѣстіе у Измаила.

На Кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій произошло за минушую недѣлю важное дѣло, которое, по смѣлости и геройской отвагѣ русскихъ въ этомъ предпріятіи, произвело громадное впечатлѣніе на непріятеля, не смотря на неполноту нашего успѣха. Именно: 13 іюня генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ съ колонною генерала Геймана атаковалъ укрѣпленный лагерь Измаила-пашы подъ Зивинио. Вой продолжался съ 2 часовъ по полуночи до темноты. При этомъ войска наши выбили непріятеля, у котораго было 23 батальона, изъ его позицій. Въ видѣ комментарія къ этой довольно лаконической телеграммѣ начальника штаба кавказскаго военнаго округа, получена отъ 19 іюня, въ главной квартирѣ, въ Зимницѣ, слѣдующая телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго Кавказскою арміей: «послѣ боя у Зивина, генералъ Лорисъ-Меликовъ счелъ необходимымъ колонною генерала Геймана занять Малиюозъ; что бы не допустить непріятеля подать помощь Карсу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и облегчить движеніе генерала Тургуласова для сближенія его съ складомъ запасовъ въ Алашхертъ и, на случай необходимости, подать помощь гарнизону Баязета, который держится противъ окружившихъ его непріятельскихъ массъ. Затѣмъ, изъ этой же телеграммы стало извѣстно, что 14 іюня изъ Ардагада направленъ легучій отрядъ на Арданучъ, подъ командою полковника Комарова, который 16 іюня атаковалъ трехтысячный непріятельскій отрядъ, зацѣпившій высоты надъ Арданучемъ и, разбивъ его, прошелъ до селенія Бауа, гдѣ и взялъ лагерь изъ 220 палатокъ, а въ Арданучѣ много запасовъ довольствія и патроновъ; непріятель при этомъ оставилъ на мѣстѣ боя болѣе 200 тѣлъ; у насъ убитъ 1 и ранено 17 человекъ.

Но вотъ интересная новинка.

ПРОДАЮТСЯ ДВА ПАРОХОДА.

Одинъ желѣзный пароходъ, 15 лошадиныхъ силъ, 2-хъ вѣстовой, длина 38 футовъ, ширина 13 футовъ, съ двумя 7-футовыми высокими каютами на крышкѣ, ему 6 лѣтъ отъ постройки, но въ употребленіи же—недавнее время и
Одинъ желѣзный бунсирный винтовой пароходъ, отъ 8 до 10 лошадиныхъ силъ, длина около 40 футовъ, ширина 8 футовъ, ему два года, у Фридриха Штейнхона.

С. Петербургъ, В. О. А. лѣнія д. № 9. кв. № 2.

Сборникъ Правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія (мужскія и женскія) составл. А. Николаевымъ только что отпечатанъ седьмымъ изданіемъ на 1877—1878 г.

Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Выписывающіе могутъ адресоваться и непосредственно къ издателю—преподавателю въ г. Воронежъ, Василію Абрамовичу Маврицкому.

2—1

Наконецъ—таки самъ официальный константинопольскій бюллетень сталъ скромнѣе, и началъ смиренно повидимому, сознаваться, что провозглашаемые имъ побѣды турокъ въ большей части случаевъ суть утки. Такъ константинопольская телеграмма отъ 5 іюля (23 іюня) констатируетъ какъ фактъ, что «турки, къ сожалѣнію, окончательно отпущены, отъ Систова и Бѣлы, вслѣдствіе перевѣса русскихъ войскъ». Вотъ давно бы такъ!—Откровенность благороднѣе, чѣмъ хвастовство!

— Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміей сообщила 23 іюня (5 іюля), что генералъ-адъютантъ Шамшевъ занялъ Бабадагъ (въ Добруджѣ, къ югу отъ Тульчи); а 17 іюня полковникъ Измайловъ очистилъ отъ черкесовъ и башибузукъ всѣ прилежащія мѣстности; разбилъ двѣ черкесскія шайки, отбилъ у нихъ оружіе, 50 лошадей и до 20,000 головъ разнаго скота и взялъ въ плѣнъ двухъ башибузукскихъ разбойниковъ, извѣстныхъ своими злодѣйствами. Теперь все пространство до Траянова вала очищено отъ турокъ. Христианское населеніе встрѣчаетъ наши войска восторженно, какъ избавителей отъ грабежа, звѣрствъ и жестокостей баши-бузукъ и въ особенности черкесовъ.

— Объ операціяхъ турецкаго флота мы имѣемъ за прошлую недѣлю нѣкоторые новыя свѣденія, напримѣръ: генералъ Семеха (начальствующій одесскимъ военнымъ округомъ) телеграфировалъ, что 17 іюня 7 непріятельскихъ броненосцевъ бомбардировали селеніе Жербины, и, причинивъ ему значительныя поврежденія, двинулись къ Балабановкѣ, а 19 іюня появились въ виду Одессы, откуда отправились къ Севастополю.

— Телеграммою изъ Рагузы сообщаютъ въ «Русскій Миръ» что недавно для провоза чрезъ Герцеговину въ Адбанию провинта и другія принадлежностей туркамъ открыта Клекская гавань.

Теперь—два-три слова о политическихъ новостяхъ

— Изъ Вены сообщаютъ отъ 5 іюля (23 іюня) что здѣсь ожидаютъ румынскаго министра Когальничано, который долженъ дать австрійскому правительству объясненія (?) на счетъ положенія Румыніи (St. Pet. Herald.) Что это за объясненія и какой будетъ результатъ для Румыніи—конечно незамедлительно обнаружится въ ближайшемъ будущемъ.

— Во Франціи продолжастъ твориться нѣчто весьма важное, но въ то же время, и весьма недоброе. Маршалъ Макъ-Магонъ самовластно распустилъ палату представителей французскаго народа. По всѣмъ соображеніямъ, этотъ смѣлый шагъ маршала вызоветъ въ странѣ новую, еще болѣе ожесточенную борьбу между ея партіями. Гамбетта, по этому поводу, уже высказалъ энергической протестъ на празднествѣ въ память генерала Гоша; а сенаторы лѣвой стороны обнаруживали маниакальность къ французскому народу.

— Изъ Сербіи извѣщаютъ, что тамъ въ гор. Крагуевацѣ князь Миланъ открылъ торжественною рѣчью засѣданіе Скупщины. Рѣчь эта принята засѣданіемъ съ единодушнымъ одобреніемъ. О результатахъ своего путешествія въ главную квартиру русской арміи, къ Государю Императору Россіи, князь упомянулъ съ радостнымъ чувствомъ благодарности къ Великодушному монарху, обидѣвшему оказывать Сербіи Отеческое покровительство.

Въ дополненіе къ именованному Высочайшему указу отъ 17 мая с. г. объ открытіи 5% внутренняго займа въ 200 мил. руб. подъ названіемъ: «Восточный заемъ 1877 года», обнародовано, что выпускаемыя въ обращеніе облигаціи этого займа нарицательной цѣнности въ 50, 100 и 1,000 руб., будутъ принимаемы въ залогъ казенными мѣстами наравнѣ съ другими государственными кредитными бумагами; на этомъ основанія, какъ облигаціи восточнаго займа, такъ и сполна оплаченныя временныя свидѣтельства на эти облигаціи, будутъ принимаемы въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ по ихъ нарицательной цѣнѣ, независимо биржевого ихъ курса.

СОДЕРЖАНІЕ: Начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, инженеръ-генералъ-майоръ Александръ Филипповичъ Денпъ (съ портретомъ).—Первые шаги. (Позѣвъ изъ бѣты провинціальныхъ чиновниковъ) Н. Соснецкаго.—Авоиъ (Окончаніе).—Дервиль-филологъ. М. Стр. (съ рисункомъ).—Екатеринбургъ. А. (съ рисункомъ).—Турецкій миллионеръ изъ Анатолиі. Н. (съ рисункомъ).—Сулинское устье Дуная и Тульча (съ 2 рисунками).—Пугачище (съ рисункомъ Жіакомегги) Л.—Птичка-портной (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія. Объясненія. — При этомъ № прилагаются: «ПАРИНСКІЯ МОДЫ» за ІУЛЬ съ 30 рисунками, отдѣльный листъ выкроекъ, съ 25 чертами на натуральномъ величинѣ, съ 31 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ и съ 22 рисунками бунѣвъ для шѣти бѣлыя.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

Новый и единственный въ своемъ родѣ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

соро-висящійся наливный красокъ для наливного производства

Н. Ф. КЮНА

на 1877 годъ.

Съ 50 образцами сихъ красокъ и короткимъ наставленіемъ объ употребленіи оныхъ, высылаются желающимъ безплатно. Казанская улица № 38. 2—1

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ КРЫМА 4 т. въ 17-ти спец. частяхъ съ планами. Сов. Дѣйств. члена Император. Географическаго и другихъ обществъ, Василія Христоосовича Бондарина, временно распространяется по типограф. цѣнѣ 6 руб. съ пересылкою. Адресоваться въ г. Ягту (Тавр. губ.) лично или писемно къ автору, до іюля мѣсяца. 3—3

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 28 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ 8Ъ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Издавъ 11 Юля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
въ уже вышедше
номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ НА 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.	Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева . . . 4 р. 50 к.
„ съ доставкою . . . 5 „	Съ пересылкою во все города Имперіи . . . 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.	

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

Командиръ 8-го арм. корпуса, генер.-лейтен. Феодоръ Феодоровичъ Радецкій.

Генераль-лейтенантъ Феодоръ Феодоровичъ Радецкій — изъ дворянъ Казанской губерніи. Онъ родился въ 1820 году, воспитывался въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и въ 1839 г. выпущенъ въ офицеры въ одинъ изъ саперныхъ баталіоновъ. Поступивъ засимъ снова въ инженерную академію и окончивъ въ ней курсъ въ 1841 году, онъ началъ свою службу военнымъ инженеромъ въ Варшавѣ. Годъ спустя, переведенъ былъ въ грузинскій инженерный округъ на Кавказъ, гдѣ и провелъ большую часть своей службы. Онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами и всегда отличался необыкновенною храбростью, обратившею на него вниманіе такихъ людей, какъ главнокомандующій, князь Воронцовъ и генералъ Пассекъ. Послѣ двухъ лѣтъ боевой жизни на Кавказѣ Феодоръ Феодоровичъ захотѣлъ пополнить свои военныя знанія и поступилъ въ академію Генеральнаго Штаба, гдѣ за отличныя занятія произведенъ былъ сначала въ штабсъ-капитана, а

Командиръ 8-го армейскаго корпуса, генер.-лейтен. Феодоръ Феодоровичъ Радецкій.
Съ фотогр. грав. Мукаровскій.

потомъ въ капитаны Генеральнаго Штаба съ назначеніемъ въ дѣйствующую армию въ 1849 году. Въ 1852 г. назначенъ старшимъ адъютантомъ командующаго войсками Прикаспійскаго края и годъ спустя, произведенъ въ полковники съ назначеніемъ начальникомъ того же Штаба. Въ это время, въ 1852 г., Феодоръ Феодоровичъ успѣлъ отличиться въ дѣлахъ съ горцами на Лезгинской линіи, засимъ, въ 1853 г., въ Дагестанѣ и въ Дарчинскомъ округѣ. За все эти отличія получилъ нѣсколько орденовъ съ мечами и именныхъ Монаршихъ благоволеній. Въ 1857 году за отличіе, оказанное имъ при взятіи въ Табассарѣ въ 1855 году главныхъ возмутителей на Кавказѣ, произведенъ въ полковники. Въ 1858 году назначенъ командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка и за подвиги при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Андійское Койсу, 16-го и 17-го июня 1859 г., награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Вслѣдъ засимъ, за участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ въ лѣтней экспе-

длин 1859 г. и за дѣйствія въ Икчерѣ и Лухѣ награжденъ золотомъ саблею за храбрость. Въ 1860 г. назначенъ начальникомъ штаба Терской области и за отличие произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1863 г. получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами, въ 1865 г. аренду и 2,500 десятинъ земли. Затѣмъ поочередно командовалъ 38-ю, 21-ю и 9-ю дивизіями, изъ начальниковъ которой и назначенъ командиромъ 8-го корпуса дѣйствующей арміи. Участвуя болѣе 100 разъ въ бояхъ съ неприятелемъ въ самыхъ жаркихъ схваткахъ, въ первомъ огнѣ, Теодоръ Теодоровичъ остался цѣлъ и невредимъ, ни раненъ, ни даже контуженнымъ онъ не былъ ни разу. По общимъ отзывамъ Тео-

доръ Теодоровичъ заслуживаетъ уваженія не только какъ боевой герой, но и какъ человекъ высокой чести и прекраснаго сердца. Командуя въ настоящую войну, какъ сказано выше, 8-мъ корпусомъ дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенантъ Теодоръ Теодоровичъ Радецкий удостоился Высочайшей награды за переправу черезъ Дунай: онъ наравнѣ съ генералъ-адъютантомъ А. А. Непокойчицкимъ, начальникомъ штаба дѣйствующей арміи и свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоромъ Драгомировымъ, командующимъ 14 пѣхотной дивизіей, получилъ орденъ Георгія 3-й степени.

А. Н.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Повѣсть изъ вѣта провинціальныхъ чиновниковъ).

(Озвучаніе).

IV.

На другой день Ваня сказалъ бабушкѣ, что онъ очень весело провелъ время у Толстопятова, о многомъ умолчалъ и сказалъ, что хочетъ поближе сойтись съ Толстопятовымъ, а потому пригласилъ его къ себѣ. — Охъ, ужъ мнѣ эти товарищи, сказала Ольга Андреевна. Смотри, Ваня, пристрастишься къ нимъ, домъ позабудешь!

Какъ сказала Ольга Андреевна, такъ и случилось.

Однажды Ольга Андреевна, зайдя въ его комнату, увидѣла въ ней страшный беспорядокъ: на диванѣ и возлѣ дивана на полу валялись окурки папирозъ, на столѣ была разсыпана коробка спичекъ и тутъ же стояла бутылка отъ краснаго вина, которымъ Ваня угощалъ пріятелей. На другомъ столѣ былъ небрежно брошенъ шарфъ, подарокъ Саша. Шарфъ Ольга Андреевна взяла къ себѣ и положила въ карманъ. О юность, юность, какъ ты забывчива! подумала она уходя. Возвратившись къ себѣ въ комнату, она заперла шарфъ въ коммодъ, и всплакнула немного.

Прошло всего два дня—и чего никакъ, казалось, нельзя было ожидать—бабушка захворала.

Ваня очень удивился, когда на другой день рано утромъ няня пришла будить его и позвала къ бабушкѣ.

— Былъ ты у Саша? спросила бабушка.

Ваня не ожидалъ этого вопроса. Хотя Ольга Андреевна всегда снисходительно смотрѣла на всѣ его поступки, даже на его холодность къ Сашѣ въ послѣднее время, которая, какъ она думала, скоро пройдетъ. Однако, въ этомъ случаѣ Ваня рѣшился солгать. Онъ зналъ, что отрицательный отвѣтъ разстроитъ бабушку.

— Былъ ты у Саша? повторила она.

— Былъ, отвѣчалъ онъ.

Бабушка помолчала и потомъ внимательно и долгимъ взглядомъ окинувъ Ваню, заговорила:

— Я думаю про то, что мнѣ рано умирать, сказала Ольга Андреевна. Мнѣ надо-бы тебя пристроить, женить бы надобно. Вы всѣ молодые люди на законный бракъ неохотны. Завертитесь такъ и вовсе не женитесь.

— Позови сюда отца. Мнѣ надо съ нимъ проститься, сказала она.

— Сиди, сиди, ужъ я пойду, позову, перебила няня.

По ея уходѣ бабушка подозвала Ваню и сказала:

— Въ послѣднее время ты дурно вель себя. Ну какъ ты это послѣ моей смерти-то тоже... Я тебя жалѣю. Одинъ вѣдь ты останешься, кругомъ-то все чужіе. Отцу твоему тоже няньки нужно. Ты видишь, онъ каковъ.

Ольга Андреевна смолкла и глубоко вздохнула. Ваня сознавалъ, что бабушка очень перемѣнилась...

Между тѣмъ пришелъ Андрей Петровичъ. Ольга Андреевна указала ему пальцемъ сѣсть на диванъ.

— Маменька, да вѣдь мнѣ некогда, сказалъ Андрей Петровичъ,—я дѣломъ занятъ былъ.

— Ну, дѣло-то на время оставить можешь. Всю жизнь дѣлами занимаешься, а что изъ этого вышло?

Андрей Петровичъ сѣлъ. Предположивъ мысль о томъ,

что всѣ мы смертны, Ольга Андреевна сказала, что не слѣдуетъ очень скучать по умершихъ, что „на погостѣ жить, да по всѣхъ выть.“ Особенно старыхъ жалѣть нечего—имъ туда и дорога. Потомъ, помолчавъ немного, сказала:

— А вѣдь я умру скоро... (Андрей Петровичъ удивленно на нее взглянулъ). Ты пожалуйста похорони меня, и панихидку когда отслужи. Но не скучай сильно: скучать это грѣхъ и приходитъ отъ сатаны.

Она снова замолкла и, помолчавъ, добавила:

— Твоя жизнь не завидна. Ты ужъ самъ-то ко мнѣ не приди. Ты еще нуженъ... вотъ для него!

Бабушка указала рукой на Ваню.

Увидя, что Андрей Петровичъ хотѣлъ говорить, бабушка остановила его движеніемъ руки. Она приподнялась и сѣла на кровати. Казалось, что она собирается сказать что-то важное.

— Еще одно слово, да и подходите: я благословлю васъ.

— Да что вы, маменька, Господь съ вами, съ чего это вы такъ вздумали... отговаривался Андрей Петровичъ.

Бабушка нахмурилась и строго замѣтила:

— Ты не спорь и дѣлай что слѣдуетъ: Подходи—я благословлю тебя, Андрей Петровичъ. Я тебя маленькаго всегда крестила, каждый день.

Андрей Петровичъ подошелъ. Ольга Андреевна его перекрестила.

— Вотъ теперь какъ-то покойнѣе, и умирать веселѣе!

— Я-то какъ же буду? спросилъ Андрей Петровичъ, припавъ на ея слабую грудь.

Онъ заплакалъ, начиная, наконецъ, вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ бабушка не шутитъ.

— Охъ, разстроишь ты меня, говорила Ольга Андреевна, слабо отстраняя его рукою. Ваня, поди-ка сюда.

— Я тебя тоже давно знаю. Отъ кормилицы ты на грудь ко мнѣ попалъ. Ну, дай я тебя перекрещу! сказала она Ванѣ.

Послѣ этого бабушка попросила, чтобы ее оставили.

— Что это съ ней, Андрей Петровичъ? спрашивалъ Ваня.

Андрей Петровичъ пожималъ плечами, вздыхалъ, охалъ, но и самъ былъ въ сомнѣніи, видя, что бабушка дѣйствительно очень перемѣнилась. На завтра бабушка уже почти и не говорила, только подзывала къ себѣ глазами, то Андрея Петровича, то Ваню и крестила ихъ слабой рукою. Еще наканунѣ позвали было доктора, но бабушка и взглянуть на него не захотѣла: „ненужно, ненужно“—только и словъ.

— Да чѣмъ вы больны? старался добиться Андрей Петровичъ.

— Ничѣмъ я не больна, а умирать собралась—пришелъ мой, видно, часъ, тихо отвѣчала бабушка и начинала вслѣдъ затѣмъ шептать молитвы. Слабѣе и слабѣе стано. ился ея попотъ и чрезъ нѣсколько часовъ ея не стало. Послѣднія ея слова были сожалѣніе о томъ, что она оставляетъ Ваню...

Грустно тѣмъ, кто оставляетъ, но грустиѣ тому, кто остается! Черезъ недѣлю и комнаты Ольги Андреевны нельзя было узнать. Елизавета Алексѣевна сочла нужнымъ поставить сюда шкафъ съ своими платьями и поселила здѣсь свою горничную. Скоро всѣ забыли бабушку, утихли городскіе толки о томъ, что она, такъ сказать, предвидѣла день своей смерти; какъ тому и быть слѣдовало все свелось на то, что люди часто такъ умираютъ, чувствуя, что организмъ ихъ слабѣетъ и скоро, наконецъ, откажется служить. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ такъ... Но во всякомъ случаѣ смерть бабушки имѣла громадное значеніе въ послѣдующей жизни Вани.

V.

Похоронивъ бабушку, Ваня не долго погоревалъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, лѣта его были такія, что ему странно-бы было по ней убиваться. Да при томъ и въ головѣ было не то. Въ головѣ Вани были товарищи, випо, цыганки... Это все съ той незапамятной попойки, въ которой онъ участвовалъ въ первый разъ у Толстопятова. Странно! умри бабушка прежде этого, онъ не зналъ-бы что съ собой сдѣлать. А тутъ это несчастіе повліяло на него слегка. Онъ тотчасъ же написалъ письмо къ Добряковымъ, увѣдомлялъ ихъ о смерти бабушки и извинялся—да, извинялся предъ ними—что не можетъ навѣщать ихъ часто. „Причина этому“, писалъ онъ имъ, „безутѣшное горе моего отца и мое собственное горе“. Въ самомъ же дѣлѣ Ваня ничуть не горевалъ и по прежнему отдался весь во власть своего школьнаго товарища, Толстопятова. Между тѣмъ подошли экзамены, и онъ, какъ и слѣдовало ожидать, провалился на нихъ. Это еще болѣе заставило его искать развлеченія въ обществѣ товарища. Толстопятовъ по прежнему былъ юнкеромъ, хотя и держалъ экзаменъ на офицера.

Однажды вечеромъ, когда Ваня съ пріятелемъ своимъ Толстопятовымъ хотѣлъ отправиться куда-то въ гости, его остановилъ Андрей Петровичъ. Онъ въ послѣднее время очень убивался по Ольгѣ Андреевнѣ и, помня ея наставленія, всегда находилъ нужнымъ заботиться о Ванѣ. Только его заботы-то относились къ тому, что-бы не замерзъ Ваня да что-бы—Боже, избави—не угорѣлъ въ своей комнатѣ. Самъ ходилъ и осматривалъ печь, которую для него топили. Что дѣлать? человѣкъ этотъ былъ добръ по своему. Увидя Ваню собравшимся въ походъ въ одномъ пальто, безъ теплаго воротника, онъ предложилъ ему свою шубу.

— Да ты, братецъ, замерзнешь! сказалъ онъ. На двоихъ стоить морозъ!

Андрей Петровичъ самъ сходилъ за шубой, самъ надѣлъ ее на Ваню, при чемъ осмотрѣлъ, все ли хорошо было у Вани: уши-то не замерзли бы и, сказавъ: „носъ-то берегай свой, ты его рукой придерживай!“—долго еще смотрѣлъ изъ окна, въ слѣдъ уходившему сыну.

Въ этотъ вечеръ Ваня впервые сѣлъ играть въ карты и, какъ тому быть слѣдовало, проигрался.

— Послушай, нѣтъ-ли у тебя денегъ? шепталъ онъ пріятелю.

Толстопятовъ побожился, что нѣтъ. При чемъ сказалъ, что сожалѣетъ о его проигрышѣ.

— Не достанешь-ли ты гдѣнибудь?

Ваня былъ какъ оцумѣлый. Онъ вдругъ бросился цѣловать Толстопятова, увѣряя его, что онъ непременно выигралъ-бы, если-бы были деньги.

— Да ей-богу, блатъ, нѣту! сказалъ Толстопятовъ.

Ваня сознавался, что ему глупо оставаться долѣе у пріятеля, но что-то приковывало его къ мѣсту. Это *что-то* заставило его сказать.

— Ты подумай. Ты на эти выдумки геніалень. Ну, гдѣ-бы достать денегъ?

Толстопятовъ, самолюбію котораго польстили, заду-

мался. Ваня слѣдилъ за выраженіемъ его фізіономіи.

— А вотъ что, блатъ! сказалъ Толстопятовъ. Я не видалъ твоей шубы. Она хорошая?

Ваня сказалъ, что хорошая шуба.

— Чего же лучше! вскричалъ пріятель.—Можно и ее спровадить!

Толстопятовъ махнулъ рукою по направленію къ окошку.

Ваня понялъ въ чемъ дѣло. Онъ покраснѣлъ и сказалъ:—Нѣтъ, братъ... дудки! эта шуба мнѣ дорога!—, на что пріятель не понявъ, на что намекаетъ Ваня, сказалъ, что жида лучше знаютъ.

Ваня мучился:

— А дорого дадутъ за шубу? спросилъ онъ пріятеля.

Видимо Ваня поддавался на удочку, которую ему ставили. Толстопятовъ побожился, что сто рублей дадутъ. —Куда столько денегъ, подумалъ Ваня. Заложить шубу, такъ надо выкупить! Толстопятовъ сказалъ, что можно меньше, если онъ хочетъ. —Да, меньше! сказалъ Ваня. —Но хорошо-ли это? подумалъ онъ.

Въ это время подошелъ счастливый игрокъ. Ваня посмотрѣлъ на него вопросительно и какъ-то болѣзненно. Онъ въ торжествѣ показалъ Ванѣ бумажки... полная рука. Это рѣшило судьбу шубы.

— Тащи, сказалъ онъ пріятелю Только не много... Да шубу-то... она отцова!

Но пріятель его уже не слушалъ и умчался съ шубой.

— Панъ или палъ! рассуждалъ Ваня, сидя на окнѣ и дожидаясь пріятеля. Онъ взглянулъ въ окно; звѣздное небо и, какъ видно, морозъ сердитый. А въ комнаткѣ тепло!... Нѣтъ, онъ непременно выкупить шубу. А онъ что-то долго! Въ это время подкатили санки и... Ваня встрѣтилъ Толстопятова, чуть не выхвативъ изъ рукъ его бумажки.

— Да ты сосчитай! сказалъ пріятель.

Но Ваня былъ уже у игорнаго стола.

Толстопятовъ подышалъ себѣ на руки, поежился и подошелъ посмотрѣть его игру.

Часовъ въ двѣнадцать дѣло Вани было рѣшено. Онъ проигралъ отцовскую шубу. Блѣдный, съ мутными глазами, вышелъ онъ въ другую комнату и сталъ совать ноги въ чьи-то калоши и надѣвать чье-то пальто.

— Что ты дѣлаешь? слышался голосъ пріятеля.

— Проигралъ все до копѣйки! сказалъ Ваня.

Голосъ его дрожалъ, слезы слышались въ немъ.

— Отдай пальто-то!

Толстопятовъ взялъ у него изъ рукъ пальто.

— Пойдемъ сюда въ комнатку, сказалъ пріятель. Мнѣ надо съ тобой переговорить.

Толстопятовъ толкнулъ рукою въ стѣну и дверь, скрытая въ ней, отворилась.

Ваня увидѣлъ въ ней темноту... бросился въ нее, какъ заяцъ... наткнулся на диванъ и, припавъ къ нему, зарыдалъ.

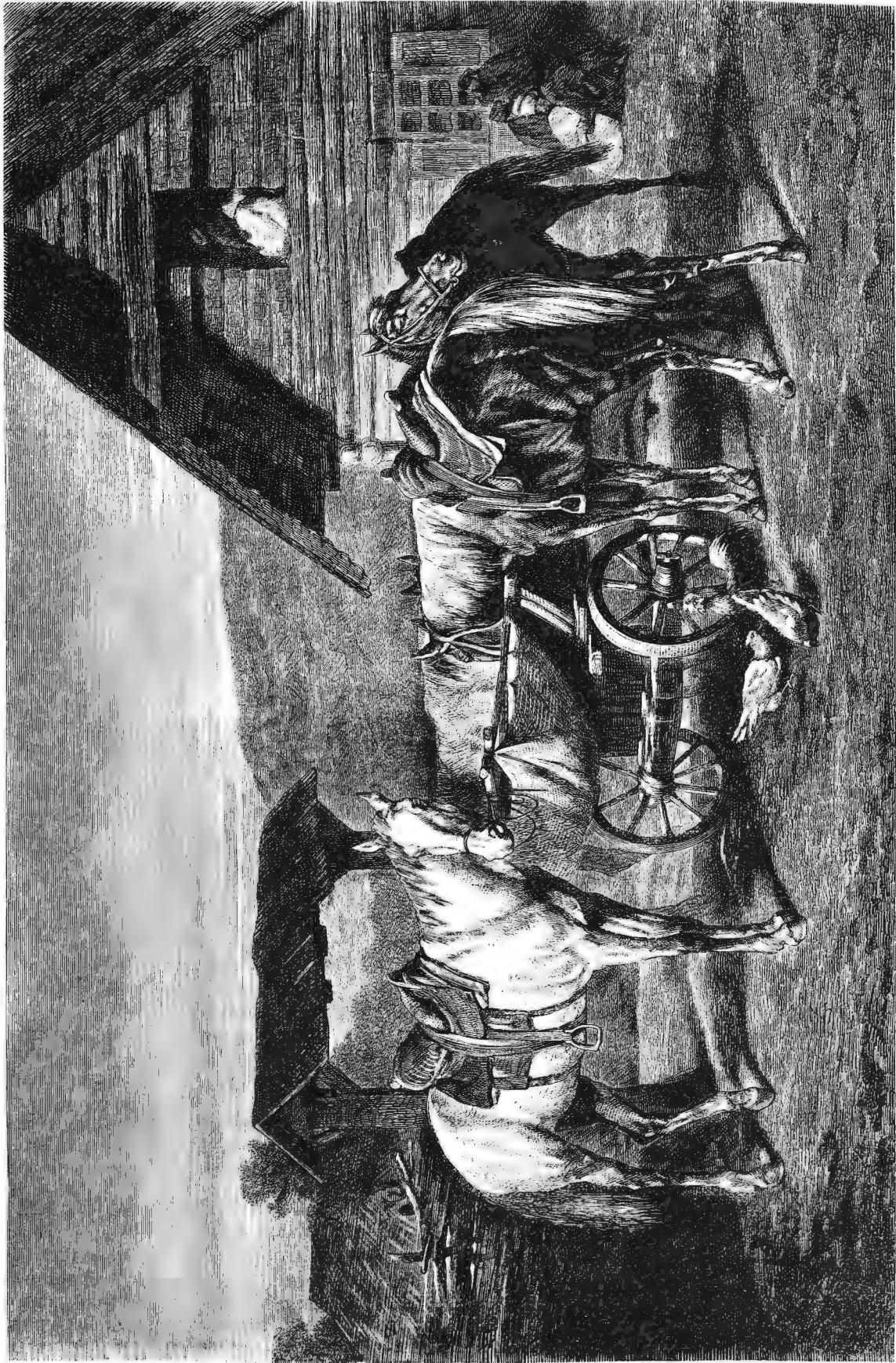
На другой день вечеромъ Ваня вмѣстѣ съ пріятелемъ приближался къ своему дому. На Ванѣ было надѣто его собственное пальто, за которымъ сѣзидилъ его пріятель. Ваня сотый разъ спрашивалъ Толстопятова, какъ онъ былъ въ ихъ домѣ и кого онъ тамъ видѣлъ. Толстопятовъ въ сотый разъ клялся и божился, что никого онъ тамъ не видалъ. А все-таки Ваня ничего не понималъ. Передъ глазами его была шуба... отцовская теплая шуба, которую онъ самъ на него надѣлъ... Ваня ускорялъ шаги къ дому. Пріятель бѣжалъ за нимъ. Вотъ и домъ. Ваня опрометью бросился на лѣстницу, наткнулся на какую-то даму въ капорѣ, но не попросилъ извиненія.

— Я, блатъ, тебя здѣсь подожду! Я, блатъ, туда не пойду! сказалъ Толстопятовъ, останавливаясь въ передней и потомъ направляясь въ Ванину комнату.

Ваня не слышалъ этихъ словъ. Онъ поспѣшно про-

Видъ здания Императорской Публичной Библиотеки въ С.-Петербурѣ. Съ фотогр. грав. Квиттингъ.

На Дону. Родныхъ у постоялаго двора. Съ картины профессора Зурланда. грав. Гальбергеръ.

шелъ черезъ комнаты, вошелъ въ комнату отца—и бухъ въ ноги. Вбѣжала мать и сказала, что какъ онъ смѣлъ пройти черезъ парадныя комнаты въ калошахъ. Но Ваня ее не слыхалъ. Онъ все кланялся.

— А гдѣ-жъ отцовская шуба? спросила какъ-то ядовито мать и сѣла, улыбаясь.

— Простите, папаша! Я... вапу... шубу заложилъ!... едва могъ пролепетать бѣдный Ваня.

— Вотъ такъ хорошо! сказала мать. Ты всегда говоришь, Андрей Петровичъ, что одна я къ тебѣ невнимательна!

— Папаша, простите! говорилъ Ваня.

— Это похуже, чѣмъ если я когданибудь возьму у тебя послѣднія деньги!

— Уйди, Елизавета Алексѣевна,—сказалъ Андрей Петровичъ,—уйди не досажай мнѣ!

— Ты не мужъ, а извергъ! вскрикнула вдругъ Елизавета Алексѣевна плача, и бросила въ него бумажку, которую держала въ рукѣ.

— Кто? Я извергъ? О Боже! (Андрей Петровичъ вскочилъ со стула).—Душу у меня вымотали, а я извергъ!... Не приходи ко мнѣ! вскрикнулъ онъ Ванѣ, который думалъ было это сдѣлать. Всю жизнь тружусь, работаю... А на кого! на дармоѣдовъ!

— Мамаша, уйдите! сказалъ умоляющимъ голосомъ Ваня.

— А ты! бездушная тварь! Не самъ-ли я, не своими-ли руками надѣлъ на тебя шубу? Не ты-ли всегда соболѣзновалъ мнѣ?... (Андрей Петровичъ вдругъ вспылилъ: онъ началъ дергать Ваню за воротникъ пальто). Не я-ли?... не ты-ли?... (Онъ просто захлебывался)

— Папаша, бейте меня! сказалъ Ваня.

— Бить! сказалъ Андрей Петровичъ, вдругъ его опускающая.

— Бить! повторилъ онъ. Нѣтъ! я кляча! Вы меня осѣдлали, вы меня и бейте! Бей и ты... бабушкинъ любимчикъ!

VI.

Саша давно не видала Вани. Послѣ именинъ, которыя они провели вмѣстѣ, онъ пришелъ разъ, но очень скоро и ушелъ.—Что это такое значить—думала Саша—онъ должно быть огорченъ. Ужъ не я-ли ему чѣмъ-нибудь досадила? Ждать—пождать. Ваня не являлся, Саша просто не знала, что подумать. Начали появляться у ней подозрѣнія, что Ваня весело гдѣ-то, съ кѣмъ-то другимъ. Но почему?—Что это Ваня такъ долго къ намъ глазъ не кажетъ, сказала Марфа Андреевна мужу—или онъ насъ и знать не хочетъ?—Чтонибудь да не ладно—въ задумчивости сказалъ Иванъ Ивановичъ. А вотъ постой, я о немъ справки наведу. Услыша, что отецъ хочетъ наводить справки, Саша встрепенулась.—Ужъ коли общалъ, такъ сдѣлаетъ! Въ самомъ дѣлѣ черезъ недѣлю Иванъ Ивановичъ принесъ отъ Вани письмо. Прочли вслухъ. Ваня кланяется и проситъ извинить, что придти не можетъ, потому что дѣломъ занятъ. Принесъ другое—опять Ваня кланяется. Третье—Ваня опять кланяется. Придти не можетъ. Только причина не та. Откуда доставалъ отецъ письма, Саша не знала. Письма адресованы были на имя Ивана Ивановича и попадали ему въ руки прямо въ Правленіи. Съ третьимъ письмомъ Саша поняла холодность Вани, только не знала, чему это приписать, и все ожидала, что вотъ-вотъ отворятся двери и Ваня самъ явится. Саша не безъ причины въ окна засматривала... Нѣтъ! Въ окно только видно было, что шелъ снѣгъ, и на утро все было сплошь снѣгомъ засыпано, хоть лопатой отгребай. А Ваня все не приходилъ. Однажды Иванъ Ивановичъ пришелъ изъ присутствія не въ духѣ.

— Я, дочка, сегодня все утро не въ своей тарелкѣ. Такая оказія—у Вани бабка умерла! Саша закусила губы и руки сами собой упали ей на чистенькій пере-

дникъ платя. Саша не знала бабушки Вани. Но она видѣла, что это обстоятельство дастъ благовидный предлогъ Ванѣ, чтобъ еще долше не являться. Саша, надо знать, не ошиблась. Вдругъ однажды (Саша была въ это время на улицѣ) пища подавала ей письмо, разумѣется, отъ Вани. При чемъ сказала, что секретно. Саша очень обрадовалась. Она думала открыть себѣ глаза. Въ письмѣ Ваня страстно признавался ей въ любви, клялся, что никогда ее не разлюбитъ и женится, хотя-бы втихомолку отъ отца, если она, согласится имѣть съ нимъ свиданіе наединѣ и не въ своемъ домѣ. Саша скомкала это письмо. Но потомъ подняла и сожгла въ печкѣ. -- О какъ онъ неблагодаренъ, какъ жестокъ! подумала Саша. Слезы подступили ей къ горлу. Онѣ душили ее.—Что это значить? Я не пойму, отчего онъ перемѣнился такъ скоро? Онъ уже не невинный Ваня. Мысль ея остановилась на томъ, что у Вани есть товарищъ, который его подбиваетъ на это. Иначе быть не можетъ. Понятно, что Саша не пошла на назначенное свиданіе. Она любила прежняго Ваню, веселаго и счастливаго, какимъ онъ представлялся ей теперь... Но мысль, что она отказала ему, пуце волновала ее.—Онъ не придетъ... не придетъ вовсе... забудетъ ее. Во первыхъ, мы бѣдны—это разъ! Во вторыхъ, у него есть товарищи, а слѣдовательно онъ веселится... Въ третьихъ, почему знать, можетъ у него есть другая... дѣвочка, которая не такъ жестока, какъ она, и рѣшилась на свиданіе. Однажды Саша схватила платокъ.— Ты куда? спросила мать. Саша вздрогнула... взглянула на нее... и осталась. Пороку къ Сашѣ являлись другія мысли. Она видѣла рядомъ съ собой Ваню, шутила, смѣялась съ нимъ, а потомъ вдругъ горячо рассуждала о своемъ бракѣ. Такъ-то и однажды сидѣла она, задумавшись, у окошка. Саша взглянула въ окно. Двойныя рамы не помѣшали ей разсмотрѣть, что тамъ за окномъ кто-то стоитъ. А сердце шепнуло ей, что тототъ кто-то Ваня. Съ проворствомъ ласточки она накинула на шею платокъ и была за воротами.

— Саша, сказалъ Ваня, прости мнѣ! Я долго у васъ не былъ, но...

Вдругъ онъ ее обнялъ и поцѣловалъ.

— Я не пойду къ тебѣ... Мнѣ нечего тамъ дѣлать. Въ душѣ моей гадко и мерзко...

— Ваня! куда ты? закричала она. Постой!

Но Ваня не слушала и быстрыми шагами удалился.

— Что жъ это ты раздѣшкой стоишь? сказала мать, выходя къ Сашѣ за ворота. Пойдемъ ужинать! Я ужъ на столъ накрыла!

Безъ словъ, машинально послѣдовала Саша за нею.

Черезъ три дня только Ваня явился къ себѣ домой. Отецъ натенулся на него.

— Ваня, гдѣ ты пропадалъ? спросилъ онъ, взглядываясь въ его лицо.

— Оставьте! Развѣ вы не видите, что я пьянъ! сказалъ Ваня.

На немъ была чья-то рваная сѣрая шапка, изъ-подъ которой въ беспорядкѣ выбивались его волосы.

Андрей Петровичъ дѣйствительно замѣтилъ, что онъ пьянъ.

Повѣсть кончена. Передъ Ваней двѣ дороги. Которую онъ избереетъ изъ нихъ—ту-ли, по которой шелъ отецъ его—дорогу труда,—или ту, на которой онъ очутился внезапно,—не извѣстно. А что будетъ съ Сашей? Конечно, она не зачахнетъ отъ любви и выйдетъ замужъ и будетъ, по всей вѣроятности, такая-же работающая, какъ ея мать... Толстопятовъ перевелся въ другой полкъ, потому что, какъ онъ самъ сказалъ, тамъ легче экзаменъ. Андрей Петровичъ недавно поставилъ памятникъ на могилѣ Ольги Андреевны. Онъ теперь еще больше боится своей жены и каждое утро торопится уѣхать на службу, чтобы Елизавета Алексѣевна

не прислала за деньгами. Что то будет съ Ваней? невольно думается намъ и припоминается его бабушка, умѣвшая такъ нѣжно слѣдить за его первыми шагами по дорогѣ жизни. Да, она вполне замѣняла ему родную мать; не стало этой матери—и шаги оказались невѣрными.

— Бабушка-матушка! быть можетъ вспоминаетъ те-

перь Ваня, и льются изъ глазъ его слезы, и вспоминаются слова народной пѣсни, въ которой такъ говорится о матери:

„День денской—моя печальница,
Въ-ночь—ночная богомольница...

Н. Соснецкій.

МУРАВЬИ, КАКЪ РАБОЧИЕ И СЕЛЬСКІЕ ХОЗЯЕВА.

Органъ мышления и орудіе для работы у муравьевъ.—Ихъ тѣлесная сила.—Муравьи-земледѣльцы.—Скотоводство, молочное хозяйство и молочный скотъ у муравьевъ.—Муравьи-амазонки и ихъ рабы.

Уже въ глубокой древности было у людей общее убѣжденіе, подтверждаемое ежедневнымъ наблюденіемъ, что животныя, наши собратья по мірозданію, не чужды нѣкотораго проблеска духовной жизни; но это убѣжденіе, основанное на наблюденіи, ограничивалось только тѣми породами животныхъ, которыя бросались въ глаза величиною своего роста. Напротивъ, чѣмъ животное меньше ростомъ, тѣмъ, обыкновенно, люди болѣе успокоиваются на предположеніи, что и тѣлесная организація этихъ животныхъ слишкомъ проста и что интеллектуальныя способности или пониманіе этихъ животныхъ должны состоять на весьма низкой степени. Вліяніе этого предразсудка до сихъ поръ слишкомъ велико у большей части людей. Громадный размѣръ тѣла какого-нибудь кита или колоссальнаго пресмыкающагося изъ отдаленной геологической эпохи возбуждаетъ, обыкновенно, всеобщее вниманіе, тогда какъ подобное же вниманіе возбудить уже весьма трудно, если дѣло идетъ о явленіяхъ, взятыхъ изъ жизни какого-нибудь комара или муравья. Пусть будутъ эти явленія, сами по себѣ, способны возбудить величайшее удивленіе всякаго внимательнаго наблюдателя—это все равно. Стоитъ ли толковать о комарѣ и муравьѣ!..

Въ недавно помѣщенной въ нашѣмъ журналѣ статьѣ (см. „Нива“ № 20), озаглавленной „Языкъ насѣкомыхъ“, мы указали, на основаніи талантливой книги д-ра Бюхнера „Aus dem geistesleben der Thiere“ (Нѣчто объ интеллектуальной жизни животныхъ), на удивительную смѣтливость, которою одарены эти крохотныя творенія и которую, вѣроятно, наблюдалъ каждый. Надо сказать, однако, что всѣ эти явленія, не смотря на ихъ рельефность, возбуждаютъ мало вниманія, даже въ ученомъ мірѣ. Здѣсь мы должны только замѣтить, что на ряду съ замѣчательнымъ смысломъ и сообразительностью, тѣлесная сила нѣкоторыхъ насѣкомыхъ до того велика, что если измѣрять ее по пропорціи съ силой человѣка и крупныхъ животныхъ (т. е. сравнительно съ размѣромъ и вѣсомъ тѣла), то она превосходитъ физическую (тѣлесную) силу человѣка и крупныхъ животныхъ въ 20-ть, 30-ть, даже въ 100 разъ.

Остановимся, для примѣра, опять-таки на тѣхъ-же муравьяхъ, съ которыми мы имѣли дѣло въ предшествовавшей статьѣ. Недавно (въ 1874 году) д-ръ *Августъ Форель* издалъ имѣвшую громадный успѣхъ книгу о муравьяхъ, гдѣ онъ доказываетъ, что эти насѣкомыя занимаютъ между массою другихъ насѣкомыхъ такое-же мѣсто, какое занимаетъ человѣкъ въ средѣ млекопитающихъ.

Здѣсь мы должны припомнить элементарный анатомическій фактъ, что два обширные отдѣла животныхъ, *позвоночныхъ* и *безпозвоночныхъ*, отличаются въ строеніи органовъ пониманія тѣмъ, что у позвоночныхъ *всегда есть головной мозгъ*, а у беспозвоночныхъ, вмѣсто мозга, существуютъ такъ называемыя *ганглии*, т. е. узелки изъ того же нервнаго вещества, изъ котораго образованъ и мозгъ высшихъ животныхъ. Ганглии эти у различныхъ беспозвоночныхъ, конечно, весьма разнообразны по размѣру; онѣ разнятся даже у разныхъ отдѣловъ и видовъ насѣкомыхъ. У муравья онѣ имѣютъ размѣръ, примѣрно, въ четверть самой маленькой булавочной гслови. Тѣмъ не менѣе, и при этой крохотной величинѣ нервнаго вещества, пониманіе и смыслъ муравья удивительны—такова премудрость Творца!

Во всей Европѣ существуетъ до 30 родовъ и 100 породъ муравьевъ, а на всемъ земномъ шарѣ, сколько извѣстно, существуетъ *болѣе тысячи* породъ этихъ насѣкомыхъ. При этомъ всѣмъ и всюду признано, что въ мірѣ животныхъ муравьи занимаютъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ (конечно, относительно величины тѣла) по силѣ и подвижности тѣла, по въ высшей степени тонкимъ органамъ чувствъ, по мощнымъ средствамъ къ защитѣ и нападенію, по необыкновенной сообразительности и устройству органовъ прекрасно расчитанныхъ для построекъ, копанія и чищенія, наконецъ—по бурному, не утрачивающему, но вмѣстѣ предусмотрительному характеру этихъ насѣкомыхъ. Этими рѣдкими качествами муравьи и пользуются для достиженія опредѣленныхъ цѣлей. Что это не фантазія—въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, желающій изучить жизнь муравьевъ.

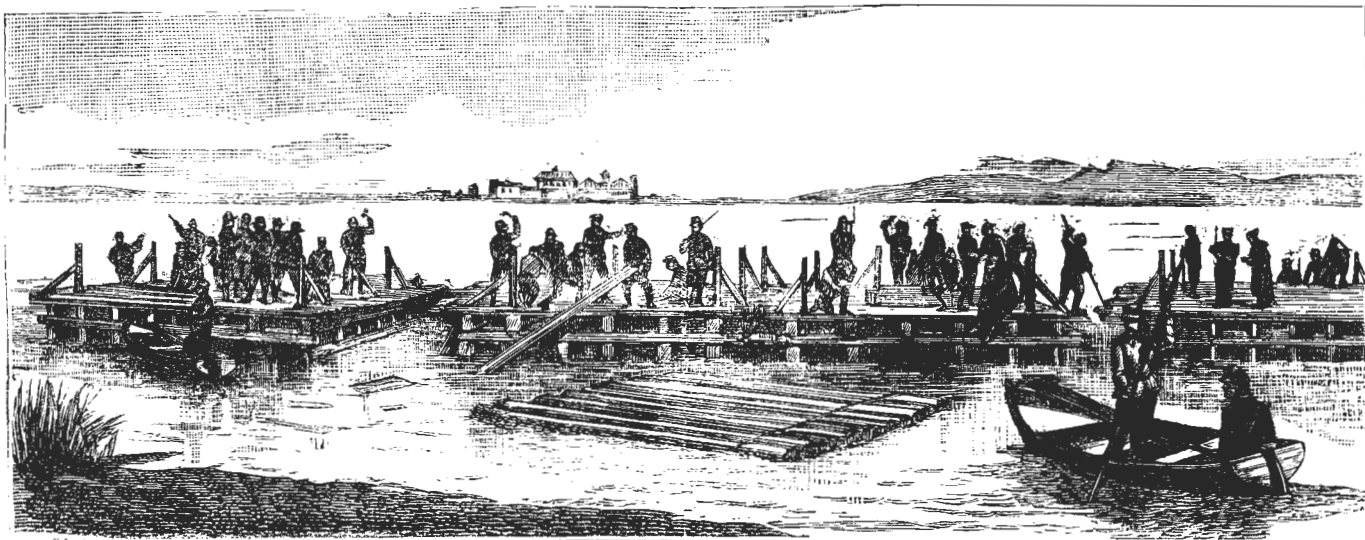
Почти каждый изъ насъ даже въ дѣтствѣ, конечно, слышалъ что у муравьевъ существуетъ нѣчто въ родѣ государства. Порядокъ, замѣчаемый у муравьевъ, въ самомъ дѣлѣ нельзя иначе и назвать. Какъ государство у людей предполагаетъ социальную

и семейную жизнь, изъ которыхъ оно зиждется, такимъ дѣло является и у муравьевъ. Они строятъ себѣ жилища съ нѣсколькими комнатами, залами, прихожими, простѣнками, колонадою и балками, на которыхъ они утверждаютъ кровлю. У нихъ есть особыя солдатъ; они ведутъ войну, даютъ сраженія, осаждаютъ крѣпости, снимаютъ осаду, берутъ въ плѣнъ и дѣлаютъ плѣнныхъ рабами, какъ бываетъ у людей, у нихъ есть сельское хозяйство: они держатъ молочный скотъ и заботятся объ улучшеніи будущей породы этого скота и вообще объ его улучшеніи.—Не вѣрите? Наблюдайте же внимательно!

Въ Мексикѣ водится порода большихъ бурыхъ муравьевъ. Эта порода представляетъ изумительный примѣръ развитія пониманія и цѣлесообразной дѣятельности у животныхъ. Эти муравьи не только собираютъ въ запасъ хлѣбныя зерна,—что, какъ извѣстно, дѣлаютъ и многія породы муравьевъ, водящихся въ Европѣ,—но и разсаживаютъ эти запасныя зерна, и затѣмъ жнутъ хлѣбъ во время жатвы. Слѣдовательно, эти муравьи *занимаются земледѣльемъ въ правильной формѣ и расчитаннымъ образомъ, т. е. для каждаго времени года и ихъ расчитано особое занятіе по полевымъ работамъ*. Въ Техасѣ одинъ ученый докторъ, вмѣстѣ со своею дочерью, болѣе десяти лѣтъ внимательно изучали бытъ этой породы муравьевъ, что было тѣмъ удобнѣе, что муравейникъ былъ расположенъ у жилища Д-ра Линценума и сообщенія объ результатахъ этихъ наблюденій знаменитый естествоиспытатель Дарвинъ счелъ столь важными, что, въ свою очередь, сообщилъ ихъ Линнеевскому обществу естествоиспытателей въ Лондонѣ. Изъ этого интереснаго сообщенія видно, что муравьи упомянутой породы живутъ въ построенныхъ ими миниатюрныхъ городахъ съ тщательно вымощенными площадями и улицами и съ терпѣливымъ прилежаніемъ и ловкостью дѣлаютъ разные сельско-хозяйственныя распоряженія и приспособленія, смотря по характеру разныхъ временъ года. Если этимъ муравьямъ удастся для своего поселенія выбрать сухое мѣстечко, то они здѣсь немедленно просверливаютъ отверстіе, которое потомъ ограждаютъ валомъ отъ 3 до 6 дюйм. вышины; затѣмъ приготавливается болѣе низкій кругообразный валъ, постепенно и незамѣтно спускающійся въ сторону отъ центра до отдаленной крайней грани муравьиного города, что составляетъ пространство отъ 3 до 4 футовъ. Если же, напротивъ, для подобнаго поселенія попадаетъ мѣсто низменное, плоское и сырое, которое можетъ подвергнуться наводненіямъ, тогда муравьи, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, возвышаютъ валъ въ формѣ зубчатаго корпуса, отъ 15-ти до 20 или болѣе дюйм. вышины и дѣлаютъ входъ на вершинѣ. Но въ обоихъ случаяхъ маленькіе строители очищаютъ почву около вала, отстраняютъ всѣ препятствія, уравниваютъ и углаживаютъ поверхность почвы передъ воротами города, что составляетъ уравнинное передъ городскими воротами пространство отъ 3 до 4 футовъ. Этой насыпи они придаютъ видъ прекрасной мостовой. Да это мостовая и есть на самомъ дѣлѣ. На этомъ мощеномъ пространствѣ не могутъ быть терпимы ни одинъ зеленый листочекъ, ни одна травка, исключая одной породы травы, приносящей зерна. Вотъ эта трава и составляетъ зерновой хлѣбъ муравьевъ. Зерна этой травы они сѣютъ по описанному выше уравнинному пространству, и это хлѣбное поле составляетъ зеленѣющее кольцо вокругъ городскаго вала, имѣющее ширины отъ 2 до 3 футовъ. За этимъ полемъ муравьиное населеніе неусыпно наблюдаетъ, обрабатывая его и окружая всѣми заботами, неизбѣжными для успѣшности земледѣля. Напримѣръ, травы постороннія и негодныя муравьи вырываютъ съ своей нивы (сѣмена этихъ травъ попадаютъ въ поле съ пространства, окружающаго муравейникъ). Эта воздушная трава достигаетъ тогда роскошнаго роста и даетъ богатую жатву и умотеть, состоящую изъ маленькихъ, бѣлыхъ, твердыхъ какъ кремь, зеренъ. Подъ микроскопомъ эти зерна представляются весьма похожими на рисъ. Какъ скоро зерна этой травы созрѣли, тогда рабочихъ муравьевъ отправляется на жатву—сбивать съ стеблей легко отваливающіяся зерна и оттаскивать самыя стебли травы (слѣдовательно, одновременно совершаются и жатва и молотыба). Затѣмъ муравьи стаскиваютъ жито въ особыя просторныя помѣщенія, и здѣсь тщательно очищаютъ зерно отъ мяквы. Далѣе, очищенное уже зерно выносятъ и выбрасываютъ за предѣлы вымощенаго пространства.

Нужно замѣтить, что дочь упомянутого выше Мексиканскаго доктора каждый день ходила въ садъ, чтобы посмотрѣть какъ хлопочутъ муравьи съ своимъ зерновымъ запасомъ. Этотъ запасъ часто составлялъ почти два четверника. Самъ же упомянутый выше докторъ, раздѣлившій съ своею дочерью наблюдѣнія, пишетъ объ этомъ предметѣ слѣдующее: „Въ одномъ персиковомъ саду, недалеко отъ моего дома, находится значительное возвышеніе, на которомъ лежатъ облом-

совершались описанныя наблюдѣнія надъ муравьями, въ теченіи цѣлыхъ годовъ, дайте,—если принять въ расчетъ характеръ и значеніе великаго англійскаго изслѣдователя, каковъ Дарвинъ, который признавалъ умѣстнымъ сдѣлать въ ученое (Линнеевское) общество научное сообщеніе по этому предмету англійской публикѣ, то придется внимательно изслѣдовать, не игнорируя ни одного изъ сопряженныхъ съ этими явленіями фактовъ, позвакомиться намъ съ вещами еще болѣе уди-

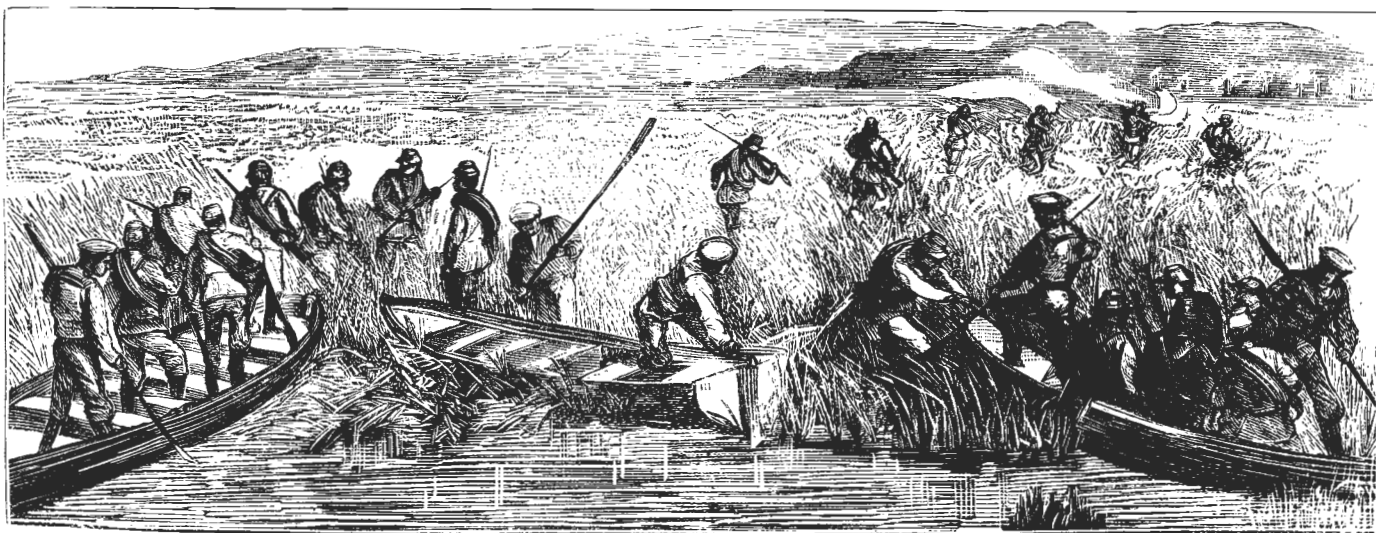

Постройка понтоновъ для моста черезъ Дунай. Съ наброска П. К. грав. Вейерманъ.

ки скалы, затѣмъ часть этихъ обломковъ покрыта слоемъ песка. Вотъ на этихъ-то песчаныхъ мѣстахъ описываемаго возвышенія и находятся прекрасные города, выстроенные муравьями-земледѣльцами и, очевидно, города эти весьма древніе. Мои наблюдѣнія надъ правами и привычками живущихъ здѣсь муравьевъ ограничивались послѣдними 12-ю годами. Каждый годъ, около начала ноября, можно было видѣть совершаемый муравьями *постъ* и нѣтъ сомнѣнія, что особая порода травы, дающей зерно, съегса муравьями съ *мимпреиель*, потому что во все время произрастанія поле съ этою травой очищается маленькими хозяевами отъ постороннихъ и сорныхъ, но ихъ мнѣнію, травъ. Когда зерна этой травы созрѣли, то сухіе стебли вырываются муравьями, относятся на мощное пространство

вительными, совершающимися все у тѣхъ же муравьевъ. Это—странно сказать!—разведеніе муравьями *рогатого скота* и *молочное хозяйство*!

Конечно молочный рогатый скотъ принимается здѣсь въ слишкомъ относительномъ смыслѣ—именно *муравьиный*. Есть, именно, особая порода *травяныхъ ошей*, афидъ, (Aphida), принадлежащихъ къ семейству Hemiptera (насък. полукрылая). Эти афиды часто сидятъ отвратительными кучами на листьяхъ любимыхъ и пожираемыхъ ими растений, напр. Ивы и друг. Эти насѣкомья, жирныя на видъ, крайне отвратительны; но вотъ они-то и замѣняютъ для муравьевъ молочный скотъ. Въ муравьяхъ замѣчаются радостныя движенія, когда они найдутъ травяныхъ вшей. Въ нижней части тѣла травяной вши

Одинъ изъ нашихъ пинетовъ при переправѣ черезъ Дунай между Браиловымъ и Мачиномъ. Съ наброска П. К. грав. Вейерманъ.

и преспокойно оставляются здѣсь до слѣдующей осени, и иногда на этомъ-же мѣстѣ этотъ „муравьиный рисъ“ вырастаетъ снова и для возвращенія его прилагаются тѣ-же самыя сельскохозяйственныя заботы—и такъ далѣе, изъ года въ годъ, сколько мнѣ известно, повторяется то-же самое, если только благоприятствуютъ вѣтшія условія, т. е. поселенія муравьевъ защищены отъ другихъ травоядныхъ животныхъ.“

Если хорошенько взвѣсить обстоятельства, при которыхъ

выдѣляется жидкій, страстно любимый муравьями сокъ. Муравей съ жадностью сосетъ его, и замѣтно, что эта жидкость составляетъ для него статью гастрономіи.

Правда, не одни только муравьи любятъ лакомиться сокомъ, выдѣляемымъ афидами, но и разнаго рода мухи, осы, пчелы сосутъ этотъ сокъ, повидимому, съ меньшею жадностью чѣмъ муравьи. Любопытные могутъ наблюдать это явленіе осенью, когда, наприимѣръ, ива бываетъ почти сплошь по-

Первое свиданіе. Картина Рюдо, грав. Жонарь.

крыта травяными вилами, и тогда рядомъ съ ними можно увидѣть муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ, напр. мухъ. Но дѣло въ томъ, что ни которое изъ другихъ насѣкомыхъ не можетъ такъ ловко и мастерски высасывать сокъ травяной вины, какъ муравьи. Своими щупальцами муравей до тѣхъ поръ третъ нижнюю часть тѣла афиды, пока не брызнетъ капля желанной влаги. Для травяной вины эта операція, повидимому, не причиняетъ ни какой боли, такъ-же какъ коровѣ операція доения и сосанія молока. Напротивъ, сосаніе муравьемъ сока дѣйствуетъ, повидимому, на травяную вошь пріятно какъ-бы потому, что она выдѣляетъ избытокъ сока. Затѣмъ прикосновеніе муравьиного щупальца къ кожѣ вины бываетъ до того осторожно и нѣжно, что нѣтъ возможности подражать этому прикосновенію еслибы мы вздумали произвести опытъ. Тщетно Дарвинъ, посредствомъ самаго тоненькаго волоска и самымъ осторожнымъ прикосновеніемъ пытался извлечь каплю сока изъ травяной вины. Опытъ былъ вполне неудаченъ.

На одномъ разстояніи изъ семейства гречишныхъ (*polydora*), рассказываетъ Дарвинъ, я продолженіи нѣсколькихъ часовъ, мѣшалъ приближенно муравей къ группѣ афидъ, состоящей приблизительно изъ 12 недѣлимыхъ. По прошествіи этого времени я замѣтилъ, что травяная вины чувствуютъ потребность выдѣленія изъ себя сока. Я наблюдалъ ихъ въ душу, но ничего не послѣдовало. Тогда я началъ слегка прикасаться и щекотить ихъ брюшко тоненькимъ волоскомъ, совершенно такимъ же образомъ, какъ дѣлаютъ это муравьи своими щупальцами, но безъ успѣха. Тогда я подпустилъ къ группѣ афидъ муравья, и затѣмъ хотѣлъ-было вернуть его назадъ; но онъ съ такимъ отчаяннымъ усиліемъ противился моей попыткѣ, что я сейча-тъ понялъ до какой степени этому насѣкому дорого наслажденіе сокомъ афиды. Тотчасъ же муравей принялся слегка тереть щупальцами нижнюю часть тѣла то одной, то другой травяной вины, и каждая изъ этихъ вины, почуявъ прикосновеніе муравья приподнимала заднюю часть тѣла на нѣкоторую высоту и выдѣляла свѣтлую каплю жидкости, которую муравей тотчасъ же и всасывалъ въ себя съ жадностью⁴.

Эти оригинальныя отношенія муравьевъ къ афидамъ, впрочемъ, не составляютъ новости и извѣстны довольно давно. Еще Линней мѣтко назвалъ травяную вошь „муравьиною корою“. Но только послѣ новѣйшихъ изысканій былъ прочно утверждено тотъ фактъ, что муравьи берутъ травяныхъ вины даже въ свои жилища и тамъ производятъ формальное доение, на подобіе доения рогатаго скота. Для понимающихъ и знающихъ дѣло наблюдателей жизни насѣкомыхъ теперь уже не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что такая либо колонія муравьевъ тѣмъ богаче, чѣмъ больше число травяныхъ вины, которое она содержитъ. Такъ, по свидѣтельству д-ра Фореля, такъ называемый „бурый муравей“, весьма рѣдко покидающій свое гнѣздо, поддерживаетъ свое существованіе почти исключительно вилами, живущими въ корѣ дерева. Вины размѣщены въ древесной корѣ, подобно откормленному скоту въ хлѣбахъ у добраго хозяина, въ особыхъ помѣщеніяхъ, отдѣленныхъ перегородками. Вотъ здѣсь-то содержащія вины муравьи-хозяева и доятъ ихъ, высасывая сокъ. Какую заботу вообще прилагаютъ муравьи объ этихъ животныхъ, видно изъ того, что какъ скоро открыто, напр., члвчвкомъ гнѣздо такого домовитаго муравья, онъ перетаскиваетъ своихъ дорогихъ вины въ другое неизвѣстное и безопасное мѣсто, а если вины слишкомъ велики и не по силамъ муравью, то онъ переводитъ ихъ въ новыя помѣщенія въ корѣ того же дерева. Даже такъ называемый „желтый муравей“ живетъ исключительно сокомъ древесныхъ и другихъ вины, питающихся листьями или скорѣе корнями растений. И эти растения, покрытыя афидами, служатъ источникомъ существованія прилежащимъ здѣсь муравьинымъ гнѣздамъ. Откройте только любое муравьиное гнѣздо, и вы увидите, что муравьи съ такою же заботливостью спасаютъ и уносятъ свой „молочный скотъ“, какъ и свои собственные личинки. Д-ръ Форель въ Швейцаріи часто имѣлъ случай наблюдать это. Нѣкоторыя породы муравьевъ строятъ даже для своихъ „коровъ“ особыя стойла на деревьяхъ и растеніяхъ, т. е. выдѣляютъ земляныя крытыя галлеры, чтобы, по возможности защитить своихъ любимцевъ отъ разныхъ невзгодъ; а нѣкоторыя муравьиныя породы умѣютъ даже воспитывать и выкармливать сами травяныхъ вины, яички которыхъ положены за осень внутри ихъ жилищъ. Естественныиспытатель *Смарда*, въ своей книгѣ „Жизнь животныхъ“, появившейся свѣтъ въ 1846 г., говоритъ, что за яичками травяныхъ вины муравьи такъ-же тщательно наблюдаютъ, какъ за своими собственными.

Есть и другого рода насѣкомыя, живущія на деревьяхъ и растеніяхъ, которыми въ такомъ же родѣ пользуются муравьи и которыя въ соединеніи съ травяными вилами составляютъ главную часть пищи муравьевъ въ нашихъ странахъ. Однакожь если мы станемъ разбирать разные породы муравьевъ, то найдемъ, что муравьи-земледѣльцы по преимуществу почти совершенно пренебрегаютъ афидами. Но если вамъ случится, напр., въ лѣтній день, что муравьи гурьбой ползутъ вверхъ и внизъ по стволу какого-либо дерева, то знайте, что это движеніе почти всегда совершается ради травяныхъ вины, находящихся на этомъ деревѣ. Такъ зачастую бываетъ съ фруктовыми и плодовыми деревьями, при чемъ, однако, плоды деревъ

остаются не поврежденными. Да и вообще сами муравьи рѣдко вредятъ деревьямъ и служатъ лишь косвенною причиною порчи дерева, потому что неизбежно приносятъ съ собою дорогихъ имъ афидъ и ихъ яички. Иногда травяныя вины переселяются и сами собою съ одного кустарника или дерева на другой, гдѣ находятся болѣе благоприятныя условія для своего развитія, и затѣмъ уже сюда приходятъ нуждающіеся въ нихъ муравьи.

Дарвинъ, послѣ многократныхъ и прилежныхъ наблюденій, нашелъ еще, что муравьи содержатъ *рабовъ* и *невольниковъ*. Фактъ поразительный и почти невѣроятный, но послѣ изслѣдованія Дарвина, уже непуждающійся въ доказательствахъ.

Но рабство и невольничество у муравьевъ не сопровождается жестокостями,—напротивъ, господа обращаются съ рабами весьма мягко и, такъ сказать, человѣчно. Рабовъ ловятъ, конечно, пираты и разбойники, но никогда не ловятъ взрослыхъ, а только въ видѣ куколокъ и личинокъ разныхъ насѣкомыхъ другихъ породъ, и затѣмъ уже воспитываютъ ихъ въ жилищахъ въ качествѣ невольниковъ. Превосходныя наблюденія надъ муравьями, въ этомъ отношеніи, сдѣланы натуралистами Швейцаріи. Рабы у муравьевъ непринужденно оглаживаютъ съ господами всѣ работы, служащи для поддержанія колоніи, даже сражаются вмѣстѣ съ господами противъ своихъ родичей и соплеменниковъ. Такимъ образомъ господа смотрятъ на нихъ, то какъ на собратьевъ, то какъ на друзей и соратниковъ, тѣмъ болѣе, что рабы бываютъ всегда вѣрныя и не помышляютъ о бѣгствѣ.

До сихъ поръ естественныиспытателями изъ всѣхъ водящихся въ Европѣ породъ муравьевъ изучены только *три* породы, содержащія рабовъ и невольниковъ. Интереснѣйшая изъ этихъ породъ называется *амазонками*. Характеръ ея весьма подробно и точно изученъ ученымъ Губеромъ. Муравей-амазонка—этогъ муравей крупнаго роста, не има сильный, живой и подвижный, блестяще-краснаго цвѣта. Эти муравьи, обладая множествомъ рабовъ и невольниковъ, никогда не работаютъ сами, а всю работу сваливаютъ на рабовъ. Этотъ муравей даже *не ѣстъ самъ*, а дожидается, пока рабы его накормятъ, какъ дѣлаютъ Далай-Лама въ Тибетѣ. Это муравьиное амазонское барство, однакожь, можетъ, кажется, найтти для себя достаточное извиненіе въ томъ, что челюсти у этой породы муравьевъ весьма узки, тверды и неудобоподвижны и окапчиваются не зубренными краями, какъ у другихъ муравьиныхъ породъ, а острымъ шипцемъ, такъ что на эти челюсти можно смотрѣть какъ на настоящія клещи, и эти послѣднія, конечно, составляютъ страшное орудіе для защиты и нападенія. Зато это-же обстоятельство мѣшаетъ муравью-амазонкѣ и исправлять работы и ѣсть безъ посторонней помощи. Стало быть, только необходимость заставила этого муравья имѣть рабовъ и невольниковъ; да и затѣмъ муравей-амазонка предстаетъ рабомъ своихъ же рабовъ, потому что тѣ, если захотятъ, могутъ оставить его безъ пищи и заставить умереть съ голода, безъ рабовъ погибни бы всѣ колоніи муравьевъ-амазонокъ. Упомянутый выше ученый Губеръ однажды положилъ въ коробочку 30 муравьевъ-амазонокъ съ ихъ личинками и куколками и положилъ вмѣстѣ съ ними достаточное количество матеріала для питанія. Уже по истеченіи только двухъ дней часть амазонокъ страшно огощала, или, точнѣе, терпѣла страшную жажду. Совсѣмъ другіе результаты дали опыты д-ра Фореля надъ тою же породою муравьевъ. Оказалось по этимъ опытамъ, что муравьи рассматриваемой породы могутъ прожить безъ пищи до 4 недѣль, если воздухъ или земля достаточно влажны. Муравьи-амазонки не въ состояніи сами ни ѣсть, ни заботиться о своихъ дѣтяхъ, ни обрабатывать землю. Губеръ какъ-то къ такой безпомощной семьѣ амазонокъ припустилъ муравья-раба. Тотъ сейчасъ привелъ все въ порядокъ, всѣхъ накормилъ молочевымъ тутъ медомъ; для личинокъ и куколокъ онъ устроилъ гнѣздышки и т. д. Все оживилось и выглядело весело. Чтобы провѣрить этотъ опытъ Губера, другой ученый, Леспесъ, положилъ однажды въ гнѣздо муравьевъ-амазонокъ кусокъ размоченнаго сахара. Эту находку сейчасъ же замѣтилъ находившійся въ гнѣздѣ муравей изъ рабовъ, захватилъ сахару сколько былъ въ силахъ и возвратился въ свое жилище. Вскорѣ послѣ того явилось множество охотниковъ и усердно работало надъ сахаромъ. Наконецъ Леспесъ увидѣлъ, что пришли и безпомощные муравьи амазонки. Они сначала въ замѣшательствѣ бѣгали кругомъ сахара, не рѣшались къ нему прикоснуться; наконецъ они начали звать къ себѣ рабовъ, забывшихъ свои обязанности и требовать, чтобы тѣ помогли имъ поѣсть. Тѣ исполнили свою обязанность, и тогда въ гнѣздѣ все ожило и развеселилось.

Д-ръ Форель никогда не видалъ, чтобы муравей-амазонка ѣлъ одинъ. Если этотъ муравей голоденъ, то онъ прикасается щупальцами къ головѣ своего раба, покаместъ тотъ не дастъ ему каплю питательнаго вещества изъ своего передняго желудочка, какъ говорить „изо рта въ ротъ“. Единственное занятіе, которое могутъ исправлять муравьи-амазонки—это война. Любопытныя подробности объ этомъ предметѣ можно найти въ уже упомянутой нами книгѣ д-ра Луи-Бюхнера.

Стр...

ЖЪ РИСУНКАМЪ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ „Нивѣ“ 1871 года былъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей (въ №№ 50, 51 и 52), посвященныхъ описанію нашего замѣчательнаго книгохранилища. Эти статьи, принадлежація перу человѣка, отлично знакомаго съ нашей публичной библиотекой и заключающія въ себѣ полное и подробное описаніе всѣхъ ея достопримѣчательностей, освобождаютъ насъ отъ обязанности повторять то, что въ нихъ рассказано весьма обстоятельно, и намъ остается лишь дополнить ихъ нѣкоторыми замѣчательными фактами, касающимися ея дѣятельности за послѣднія шесть лѣтъ. Эти годы, конечно, не могли пройти бездѣльно въ жизни подобнаго учрежденія, какъ Императорская публичная библиотека, для которой не только каждый годъ, но даже каждый день имѣетъ свое относительное значеніе въ дѣлѣ ея развитія и совершенствованія. А это совершенствованіе, можно сказать, идетъ быстрыми шагами, такъ что въ настоящее время Императорская публичная библиотека содержитъ въ себѣ болѣе милліона томовъ, и является уже серьезное опасеніе, что при такомъ постоянномъ увеличеніи ея книжныхъ богатствъ наконецъ не хватитъ въ ней мѣста и нужно будетъ подумать о новыхъ пристройкахъ къ главному зданію или объ отведеніи подъ библиотеку другой, болѣе обширной мѣстности. Такъ, читальная зала, устроенная лишь въ 1862 году, уже становится тѣсной для огромнаго числа ежедневно посѣщающихъ ее читателей и уже приходится приступать къ нѣкоторымъ перестройкамъ, чтобы дать имъ болѣе простора. Число выдаваемыхъ ежегодно билетовъ па право чтенія достигаетъ уже нынѣ до 12,000 и Императорская публичная библиотека дѣйствительно сдѣлалась насущною необходимостью для нашего общества, въ особенности же для учащагося, бѣднаго люда и для литературныхъ труженниковъ. Кромѣ того, каждому читателю теперь предоставлена полная возможность вписывать въ свои неудовольствія и требованія въ особую книгу заявленій, которая разсматривается еженедѣльно въ общемъ собраніи библиотечарей, и если просьба или требованіе справедливо, то она удовлетворяется немедленно. Такимъ путемъ, съ одной стороны при содѣйствіи частныхъ лицъ, а съ другой—при содѣйствіи всѣхъ государственныхъ учрежденій, библиотека постепенно достигаетъ желаемой полноты, особенно въ отношеніи отдѣла русскихъ книгъ. Но помимо накопленія богатаго собранія рѣдкихъ сочиненій, Императорская публичная библиотека приобрѣла въ послѣдніе годы много цѣнныхъ рукописей, автографовъ и гравюръ. Такъ покоритель Ташкента и Туркестана, генералъ Кауфманъ, принесъ въ даръ библиотекѣ древнѣйшій списокъ корана, хранившійся до того времени въ одной изъ туркестанскихъ мечетей. По преданію, этотъ списокъ написанъ ближайшимъ приемникомъ Магомета, Омаромъ, убитымъ надъ самой этой рукописью, которая и сохранила слѣды его крови, видимые вынѣ на нѣкоторыхъ ея листахъ, въ формѣ широкихъ, багровыхъ пятенъ. Эта рукопись пользовалась глубочайшимъ уваженіемъ среди мусульманъ Средней Азіи и теперь въ библиотеку являются толпы татаръ и другихъ правовѣрныхъ, желающихъ благоговѣнно приложиться устами къ священной для нихъ книгѣ. Кромѣ того, послѣ смерти извѣстнаго караима Фирковича, библиотека купила отъ его родственниковъ много цѣнныхъ древнееврейскихъ рукописей, а ея извѣстная, весьма обширная коллекція портретовъ Петра Великаго обогатилась въ послѣднее время еще нѣсколькими любопытными экземплярами.

Представленный на нашемъ рисункѣ видъ зданія Императорской публичной библиотеки снятъ съ главнаго ея фасада, выходящаго на Александринскую площадь. Этотъ фасадъ, состоящій изъ великолѣпной колоннады, былъ построенъ подъ наблюденіемъ и по плану знаменитаго въ свое время архитектора Росси, который укрѣпилъ его во вкусѣ того времени колоссальными статуями писателей и философовъ древности и огромными барельефами, впоследствии уничтоженными. Удобства и требованія огромнаго книгохранилища оставлены были имъ безъ всякаго вниманія и потому впоследствии потребовались громадные передѣлы, чтобы исправить ошибки первоначальнаго плана всего зданія.

Нынѣ лицевой фасадъ библиотеки еще значительно выигралъ въ декоративномъ отношеніи отъ разведенія передъ нимъ красиваго сквера, въ центрѣ котораго грандіозно возвышается памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Не слѣдуетъ забывать, что эта великая монархиня постоянно мечтала объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ публичной библиотеки на всѣхъ широкіхъ основаніяхъ и что именно ею былъ собранъ громадный книжный фондъ, который и послужилъ впоследствии къ асугольнымъ камнемъ нашему нынѣ знаменитому книгохранилищу.

Роздыхъ у постоялаго двора.

(Съ картины Зурланда).

Нѣсколько казаковъ заѣхали на постоялый дворъ. Привязавъ своихъ лошадокъ къ телѣгѣ и задавъ имъ корму, сами казаки

пошли въ хату также покормиться и отдохнуть. Но должно быть заговорились казаки, или заподничала ихъ статная хозяйка своими наливками да винами донскими, только видно, что лошадки уже сыты и начинаютъ зорко поглядывать по сторонамъ. Отдохнули, теперь и въ путь пора. Лошадь для казака неразлучный спутникъ его жизни.

Небольшая легкая донская лошадка очень вынослива въ путешествіи и можетъ безъ отдыха дѣлать верстѣ до 150. Провитѣльство принимаетъ мѣры къ поддержанію и развитію породы донскихъ лошадей; съ этою цѣлью заведены такъ называемые станичные коннозаводные табуны и учреждены войсковые конскіе заводы.

Профессоръ Зурландъ знакомъ Петербургской публикѣ по своимъ картинамъ, выставленнымъ въ Академіи Художествъ. Въ журналѣ „Нива“ за 1876 г. въ № 19, также былъ помѣщенъ рисунокъ съ картины Зурланда, которой содержаніемъ послужили также донскія лошади. Картина носитъ названіе: „Конскій барышникъ на Дону“.

Настоящій рисунокъ, отчетливо сдѣланный, прекрасно передаетъ всѣ характерныя черты типа донскихъ лошадей.

М. Л.

Постройка моста черезъ Дунай и переправа части нашихъ войскъ.

Постройка моста черезъ Дунай для безостановочной переправы нашихъ войскъ съ румынскаго берега этой рѣки на турецкій произведена вполне удачно, даже по отзывамъ иностранныхъ корреспондентовъ, обыкновенно представляющихъ наши сооруженія въ невыгодномъ свѣтѣ. Сначала была окончена постройка та часть моста, которая соединяетъ румынскій берегъ съ однимъ изъ острововъ Дуная, покрытыхъ растительностью.

Нашъ первый рисунокъ изображаетъ работы понтонныхъ партій, представляющіяся въ полномъ ходу. Дѣлаются приспособленія для взаимнаго сдѣлания понтоновъ, приготовлены запасные плоты и проч.

Второй рисунокъ представляетъ переправу черезъ Дунай одного изъ нашихъ пикетовъ, въ мѣстности между Браиловымъ и Галацемъ.

Первая переправа черезъ Дунай части нашихъ войскъ, по повелѣнію Великаго Князя Главнокомандующаго, совершена генераломъ Циммерманомъ 10-го іюня съ блестящимъ успѣхомъ. Рисунки, изображающіе переправу нашихъ войскъ черезъ Дунай будутъ помѣщены въ слѣдующемъ № „Нивы“, съ надлежащимъ описаніемъ подробностей переправы.

Журжа и Фушукъ.

(Письмо нашего корреспондента).

1—7 іюня 1877 г.

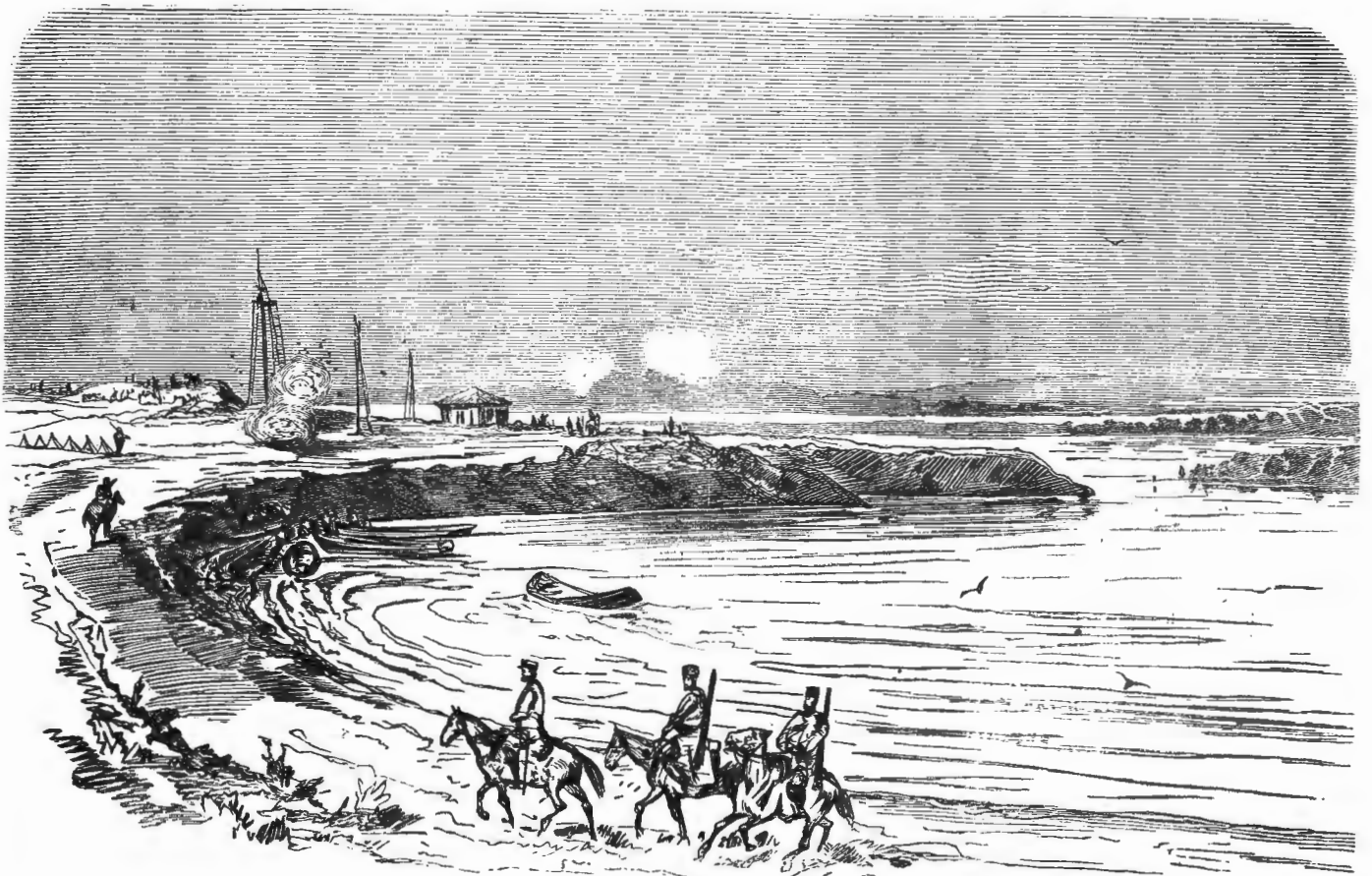
Окрестности Журжи, а равно и городъ этотъ въ настоящую минуту самый интересный пунктъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Вотъ вамъ прежде всего общій очеркъ позицій, окружающихъ Фушукъ. Я былъ въ немъ три мѣсяца тому назадъ, когда еще война не была объявлена, впрочемъ, накаунѣ ея объявленія, и долженъ отдать туркамъ полную справедливость—они съ пользою для себя употребили это короткое время. Самъ по себѣ городъ съ его крѣпостными оградами не представлялъ бы теперь особыхъ затрудненій противнику, особенно при настоящемъ, высоко-усовершенствованномъ состояніи артиллеріи; но вокругъ города, расположеннаго на довольно высокомъ, почти обрывистомъ берегу Дуная, тянется рядъ холмовъ, господствующихъ надъ остальной мѣстностью, и эти-то холмы послужили для турокъ главнѣйшимъ основаніемъ обороны. На ихъ вершинахъ непріятель, подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ, возвелъ цѣлую систему отдѣльных фортовъ, взаимно обороняющихъ другъ друга. Эти форты прочною цѣлью опоясываютъ городъ съ востока, юга и запада; съ сѣвера они плотно прилегаютъ къ Дунаю. Главный пунктъ всей оборонительной линіи, безспорно,—фортъ Леванъ-Табія, защищающій Разградскую дорогу, обстрѣливающій почти всѣ подступы къ городу, вооруженный колоссальными орудіями. Это нѣчто въ родѣ Малахова кургана Фушукъ. Онъ для турокъ все—и съ его потерю долженъ пасть и самъ Фушукъ, иначе съ батареей этого форта, если бы онъ былъ взятъ осаждающими, можно и городъ, и его ограды въ одинъ день обратить въ груду развалинъ. Турки это очень хорошо сознаютъ, они сознавали это когда еще вся оборонительная система была только въ проектѣ, и въ постройкѣ Леванъ-Табія приложили все свое стараніе. Фортъ этотъ превосходно виденъ съ нашего, журжинскаго берега, онъ обшаренъ сюда своею горжею и бѣлый фронтъ его центральной казармы отчетливо такъ отдѣляется отъ глинисто-желтоватыхъ ливій брустверовъ и гласисовъ. Лѣвѣе его, на смежномъ холмѣ, виденъ другой тоже довольно сильный фортъ, Неджибъ-Табія, даде фортъ Эюбъ-Табія, за нимъ, нѣсколько подалше, длинная батарея съ закругленными флангами—Топъ-Нанаджи и потомъ, смыкаясь съ берегомъ Дуная

и еще далеко протягивался параллельно рѣкѣ, идетъ связанная звеньями линія батарей и мелкихъ укрѣпленій. Съ дру-

выше Рушука, тоже на гребнѣ холма, стоитъ фортъ Ломъ-Табія и за нимъ опять линія батарей и ложементовъ. Эти-то вы-

Обстрѣливаніе изъ назачьихъ орудій острова, занятаго турками. Ориг. рис. Н. Каразина.

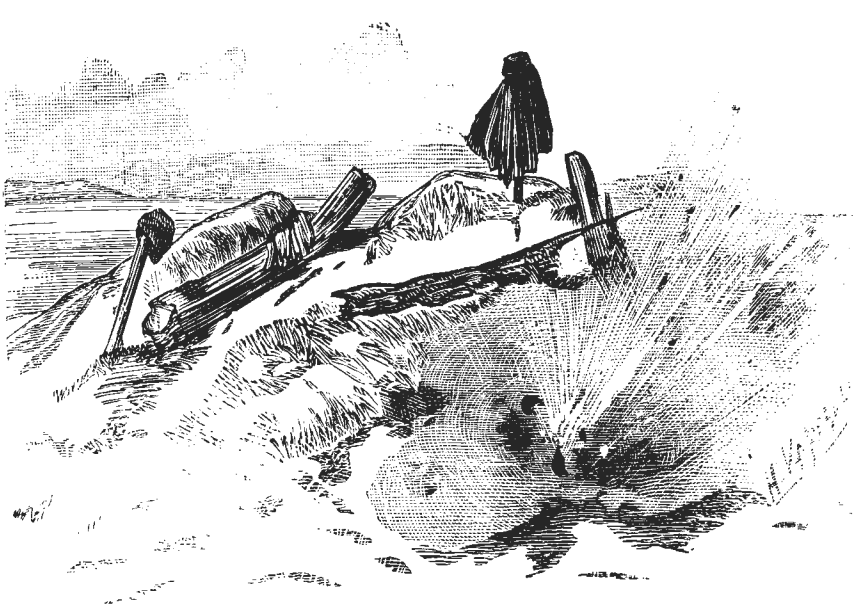
Мысъ Маларошь и турецкая батарея. Ориг. рисун. Н. Каразина.

гой стороны, фланкируя подступы къ Леванъ-Табія, уже на другомъ берегу рѣки Лома, впадающей въ Дунай, немного

россія въ три мѣсяца твердыни и составляютъ главный оплотъ Рушука, главную надежду защищающаго его гарнизона. Мѣст-

ность вокруг города сильно гориста и покрыта рѣдкою растительностью, сгруппированною мѣстами въ нѣчто въ родѣ отдѣльных садиновъ; тамъ въ топи деревьевъ, въ массахъ зелени, ярко блестятъ на солнцѣ ряды коническихъ палатокъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ лагеремъ между фортами.

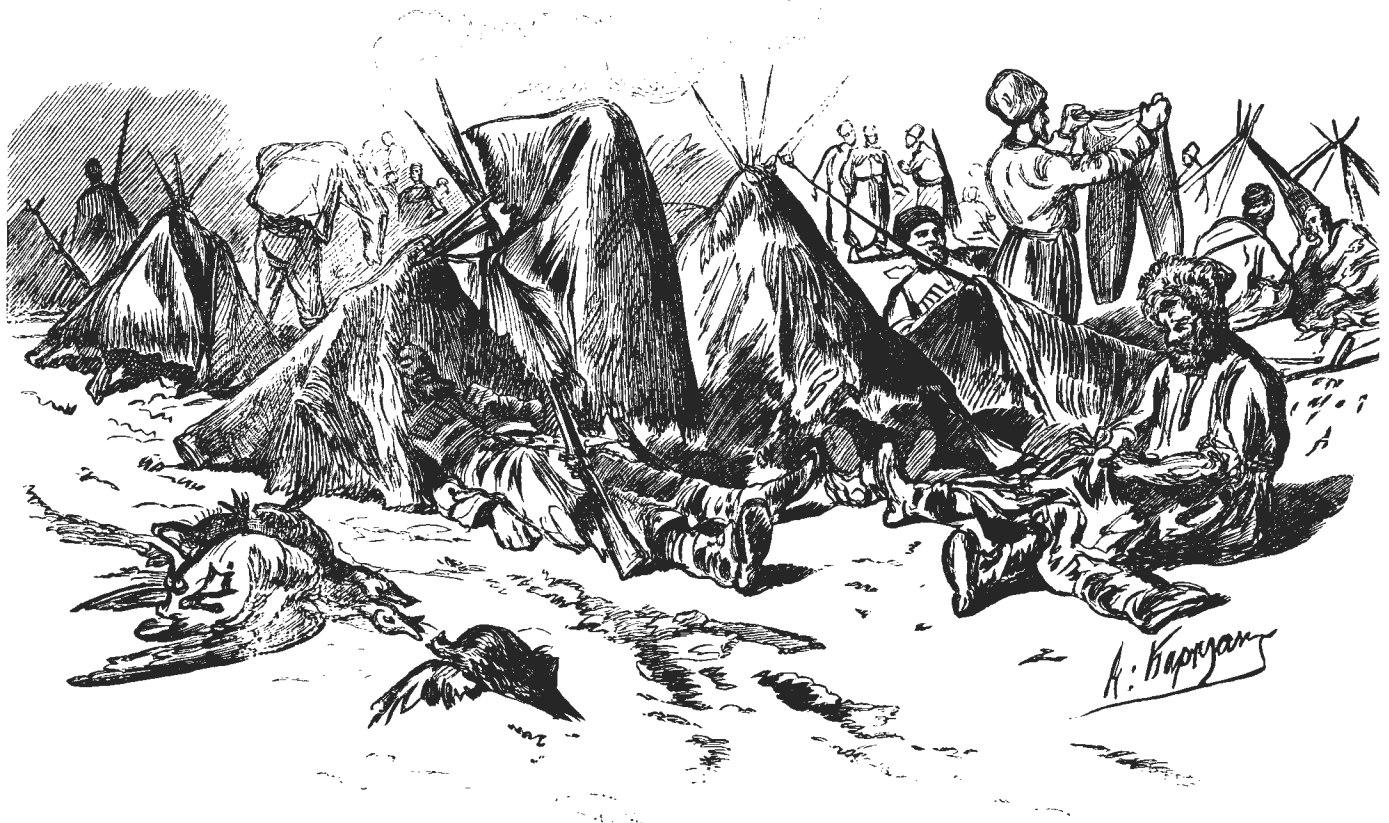
въ двухъ отъ города, но еще въ чертѣ вѣшнихъ его укрѣпленій, видны домики—низкія зданія подъ красною желѣзною крышею, это желѣзнодорожныя мастерскія на линіи Русуцко-Варнской желѣзной дороги. Они отдѣляются отъ города сплошною массою садовъ, раскинувшихся на самомъ берегу. Въ

Батарея, упорно хранящая молчаніе на вражескіе выстрѣлы.
Ориг. рис. Н. Каразина.

Отважные пловцы, вызывающіе выстрѣлы турокъ изъ секретныхъ засадъ. Ориг. рис. Н. Каразина.

Лагерь и бивуакъ пластунговъ. Ориг. рис. Н. Каразина.

Самъ городъ со стороны Журжи виденъ не довольно ясно, онъ скрытъ за островами, поросшими кустарникомъ и деревьями, видно только нѣсколько болѣе выдающихся зданій, сплошная масса черепичныхъ крышъ и стройные шпили многочисленныхъ минаретовъ. Лѣвѣе, нѣсколько на отлетѣ, верстахъ

вамъ и вся панорама Русука и его окрестностей, какъ она представляется съ *нашего* берега. Я говорю съ нашего потому, что Журжа и ея окрестности заняты нашими войсками — и по всему протяженію этого берега идутъ теперь спѣшныя подготовительныя работы для атаки турецкой твердыни, имѣю-

щей весьма важное значение как в стратегическом, так и в техническом отношении. О наших позициях я вам ничего не пишу по соображениям весьма очевидным, я в этом отношении могу только останавливаться чисто на внешних явлениях, на том, что непосредственно поражает глаз наблюдателя, и отнюдь не вдаваться ни в какие объяснения и соображения. Впоследствии все будет рассказано своевременно, а теперь обращаю внимание на мои наброски, приложенные к этому номеру журнала, сделанные мною здесь с натуры, под живым впечатлением всего, что приходится здесь видеть и слышать.

Наш рисунок изображает Малороссийский мысок, в пяти верстах от Журжи ниже по Дунаю. На нем расположен наблюдательный пост и строилась небольшая батарея, на всякий случай; здесь и прежде был сторожевой пункт румынской пограничной стражи. Домик румынских границ и до сих пор сохранился, не смотря на огонь турецкой батареи, на противоположном берегу у селения Маротника; этот домик ясно виден на нашем рисунке; левее его наши казаки, непривычные к караулкам подобного рода, построили свою, по своему обычаю, вышку, как и строятся на Кавказе. Это просто высокий козель с площадкою наверху и порубленным бревном вместо лестницы. Вот вам и вся Малороссийская позиция. Лагерь отряда, прикрывающего позицию, был расположен тут же, но потом, когда турки хорошо пристрелялись, был отведен несколько подалеке, в ложину, чтобы не терпеть напрасной потери в людях. На днях ночью раздалась страшная канонада с Маротникской турецкой батареи и даже ружейные залпы с того берега и опушки прилегающих к нему островов. Тотчас же к Малорошу двинуто было подкрепление, но тревога оказалась совершенно напрасною. Дело в том, что турецкие часовые с острова замѣтили легкое движение на лодках вдоль нашего берега—это наши саперы, пользуясь темнотою, оттащивали лодки с открытого места в небольшую бухту. Турки воображали, что готовятся переправа и открыли страшный огонь, который мог бы быть весьма убийственным, если бы их батареи и ружейные залпы не поражали только пустое пространство. Часа два с половиною неистовствовали неприятельские орудия и даром растеряв на воздух громадное количество дорого стоящих снарядов, наконец, к разсвѣту, успокоились. Тогда начальник отряда, генерал Скобелев, желая узнать, занимают ли еще турецкие войска остров, приказал выдвинуть на гребень берега два легких казачьих орудия и сбѣгать несколько выстрѣлов гранатами. Первые снаряды лопнули, не долетѣвъ до острова, и разорвались въ воздухѣ, слѣдующие какъ разъ по кустамъ, обсыпавъ ихъ своими осколками. На этотъ вызовъ островъ безмолвствовалъ, значитъ, турки отступили отсюда на матерой берегъ. Отрядъ нашъ спокойно занялъ свои прежнія бивуачныя позиціи, и вся ночная тревога, съ пальбою поднятая турками противъ Малороша, не вынесла изъ нашихъ рядовъ ни одного убитого, даже раненаго.

На Малороссийскомъ бивуаке, съ казачьимъ полкомъ Донскаго войска, между прочимъ расположились бивуакомъ гости съ черноморскаго побережья, стяжавшіе себѣ давно уже громкую боевую славу своими охотничьими, молодецкими подвигами, отличавшіеся особенно при защитѣ Севастополя въ Крымскую кампанію. Я говорю о пластунахъ. Бивуакъ ихъ рѣзко отличается отъ другихъ своею оригинальностью и простотою. Привыкшіе ко всякимъ невгодамъ и лишениямъ, пластуны умѣютъ устраиваться просто и комфортабельно съ самыми скудными на средствами; бурка для пластуна замѣняетъ въ этомъ случаѣ все. Уже самъ рисунокъ, набросанный мною съ натуры, наглядно показываетъ, какъ умѣютъ пластуны примѣняться ко всѣмъ случайностямъ бивуачной жизни. Вооружены они ружьями и, конечно, пѣши, такъ какъ, хотя они и казаки, но кони для нихъ совершенно лишни. Надо удивляться только ихъ умѣнью примѣняться къ мѣстности, пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для неожиданнаго нападенія, добывать свѣдѣнія и терпѣливо лежать гдѣ нибудь въ засадѣ, по горло въ водѣ, окруженными мириадами комаровъ и мошекъ и лежать въ продолженіе часто всей ночи, отъ заката солнца до разсвѣта. Эти люди усвоили себѣ всѣ качества хищныхъ звѣрей. Кстати, у нихъ крайне развиты звукоподражательныя способности. Этими способностями пластунамъ не разъ приходилось маскировать свое присутствіе. Лежатъ два-три таковыхъ пластуна въ болотѣ, притаившись въ густой осоцѣ и вы не отличите ихъ голосовъ отъ окружающаго ихъ лягушечьяго хора: протянетъ руку пластунъ, пошепаетъ по водѣ ея, крикнетъ—и голову готовъ прозакладывать, что это вскрикнула и встретилась мирно почивавшая на водѣ утка. Вѣчно оборванные, грязные, въ своихъ старыхъ, заносенныхъ до-нельзя черкесахъ и буркахъ, пластуны ничѣмъ не отличаются по внешнему ви-

ду своему отъ настоящихъ черкесовъ и воображаю, какъ часто намѣрены они пользоваться въ настоящую кампанію этимъ обстоятельствомъ и извлекать изъ него необходимыя для нихъ выгоды. Отрядъ пластуновъ присланъ сюда специально для развѣдочной службы на Дунаѣ и надо отдать имъ справедливость, успѣли уже ознаменовать свое присутствіе здѣсь рядомъ отважныхъ эпизодовъ, всегда носящихъ нѣсколько юмористическій характеръ. Надо, напримѣръ, пластунамъ освѣдомиться, въ какихъ именно пунктахъ засѣли турецкіе часовые. Самое лучшее для этой цѣли—это вызвать ихъ на выстрѣлы и тѣмъ обнаружить свое присутствіе—да вызвать, кромѣ того, не подвергая ни малѣйшей опасности самихъ вызывающихъ. Это пластуны практиковали нѣсколько разъ такъ: устраивалась фантастическая лодка, просто какое-нибудь бревно или негодная водопойная, къ этому бревну изъ сноровъ и фашиннику прилаживались фантастическіе же гребцы и весь снарядъ тихо спускался по теченію. Ночью вся эта штука выходитъ необыкновенно эффектно—снарядъ до такой степени похожъ на дѣйствительную лодку съ живыми гребцами, что обмануться ничего нѣтъ легче. Тотчасъ же всѣ скрытые до сихъ поръ посты турецкіе, такъ называемые *секреты*, не устоявъ отъ искушенія послать пулю въ отважныхъ пловцовъ, открываютъ огонь, а пластунамъ только этого и нужно, расположеніе турецкой цѣпи становится для нихъ совершенно яснымъ и они начинаютъ принимать другія мѣры, соответствующія этому расположенію. Кубанцы, ихъ сосѣди—тѣ ухитряются вызывать даже огонь батареи турецкихъ по фальшивымъ цѣлямъ. Они, напримѣръ, недалеко отъ дороги, ведущей отъ Журжи къ Слободзѣ—построили цѣлую батарею, привлекающую на себя не малое число турецкихъ ядеръ и бомбъ, но упорно хранившую молчаніе на эти враждебныя выстрѣлы. Это та самая батарея, которую „якобы послѣ сильнаго боя турки заставили замолчать“, какъ сказано въ донесеніи Рифата-паши константинопольскому военному совѣту. Устройство этой батареи и ея грозныхъ орудій отчетливо и ясно видно на приложенномъ рисункѣ.

Забавами подобнаго рода наши аванпосты противъ позицій Рущука занимаютъ и разнообразятъ свое время въ ожиданіи событій болѣе крупныхъ, каунъ которыхъ мы переживаемъ въ настоящую минуту.

Н. Карзинъ.

Первое свиданіе.

(Рисунокъ съ картины Рюдо).

Сюжетомъ для настоящей картины художникъ избралъ сценку изъ жизни художниковъ-же. Быть можетъ, онъ самъ, будучи авторомъ картины, былъ въ то же время ея героемъ. Сюжетъ картины, какъ видитъ читатель, весьма незамысловатъ и тѣсно замыкается въ предѣлахъ изображенія того момента душевнаго состоянія, какое выражается на лицахъ молодого человѣка и дѣвушки, съ перваго-же свиданія почувствовавшихъ другъ къ другу привязанность. Задача, при видимой простотѣ сюжета картины, все-таки весьма не легкая для художника, не легкая потому, что слишкомъ тонки и трудно уловимы для наблюденія тѣ душевныя движенія, которыя испытываются въ подобныхъ случаяхъ. На этотъ разъ нельзя не признать въ картинѣ г. Рюдо большихъ достоинствъ собственно въ томъ отношеніи, что она даетъ весьма точное и опредѣленное понятіе о душевномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ названіе картины „Первое свиданіе“ оправдываетъ само себя. Разумѣется, что слова „первое свиданіе“ въ настоящемъ случаѣ должны быть понимаемы въ томъ значеніи, какое имъ придается при разговорѣ о молодомъ человѣкѣ и дѣвушкѣ, почувствовавшихъ расположеніе другъ къ другу. Сюжетъ картины всего скорѣе основанъ на обстоятельствахъ слѣдующаго рода.

Молодой человѣкъ, художникъ, уставшій во время своихъ путешествій „на натуру“, забрелъ въ случайно встрѣтившійся домъ, быть можетъ, руководимый только одною цѣлюю—попросить стаканъ воды. Онъ былъ увѣренъ, что выйдетъ изъ этого дома такимъ же счастливымъ, беззаботнымъ, какимъ входилъ въ него. Случилось, какъ видно нѣчто совершенно неожиданное. Молодая дѣвушка такъ привѣтливо его встрѣтила, такъ мелодиченъ и полонъ прелести показался ему ея голосъ, что онъ не могъ не сбѣгать ей лишнего вопроса, казалось бы даже неумѣстнаго въ разговорѣ „о стаканѣ воды“. Вопросъ вызвалъ отвѣтъ, вызвавшій въ свою очередь новый вопросъ и т. д., и кто знаетъ, къ чему повелъ въ концѣ концовъ этотъ разговоръ. Можетъ быть, эта случайная встрѣча повліяла на всю слѣдующую жизнь молодого человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только мысленнымъ окомъ оглянуть каждую изъ насъ свое прошедшее, чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ событія роковымъ образомъ управляютъ нами.

Л.

Политическія и военныя извѣстія.

Блестящая и славная побѣда одержана нашими доблестными войсками на Закавказскомъ театрѣ войны! Баязетъ, въ крепости котораго слишкомъ 3 недѣли былъ запертъ нашъ гарни-

зонъ, геройски державшійся, отвергшій недавно надменное требованіе предводителя гурдовъ Гуссейна-паши—Баязетъ освобожденъ отъ осады. Обстоятельства этого славнаго дѣла пока из-

ложены в телеграммъ кратко, а именно, сказано такъ: «Генералъ Тергукасовъ разбилъ и разсѣялъ 13-тысячный отрядъ турецкій, окружавшій Баязетъ. Нами взято до 100 пѣхннхъ и 4 орудія». Чтобы привести въ нѣкоторую связь это славное дѣло съ предшествовавшими событиями, приведемъ тѣ обстоятельства, о которыхъ сообщали намъ официальные телеграммы съ Закавказскаго театра войны отъ 27-го юня. Отрядъ генерала Тергукасова двинулся отъ *Даяра* къ *Сурпъ-Ованесу*, при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, потому что онъ вынужденъ былъ принять на себя охрану до 3,000 семействъ, бѣжавшихъ изъ селеній Алашкертской долины отъ неистовствъ баши-бузукъ и курдовъ, которые *вырвали въ этой долине цѣлыя селенія*, напомнивъ тѣмъ прошлогоднюю болгарскую рѣзню. Слѣдовательно, генералъ Тергукасовъ долженъ былъ двигаться къ Сурпъ-Ованесу медленно. Это обстоятельство дало возможность непріятельской пѣхотѣ и кавалеріи безнаказанно слѣдить за нашими войсками и тревожить нашъ аррьергардъ. Изъ Сурпъ-Ованеса Тергукасовъ намѣревался двинуться къ Баязету. Но въ Сурпъ-Ованесѣ онъ долженъ былъ остановиться, чтобы обезпечить участь больныхъ, раненныхъ и переселенцевъ. Для этой цѣли генералъ притянулъ къ себѣ кавалерію и повернулъ черезъ *Каранеройскій перевалъ* на *Идыръ*, куда онъ и прибылъ 23 числа. Пополнивъ въ Идырь свои военные запасы, отрядъ Тергукасова, 26-го числа утромъ, двинулся изъ Аргача къ Баязету, куда еще наканунѣ, т. е. 25-го юня, выступила колонна генерала Калболай-хана. Послѣ этого до какой степени комичнымъ представляется сообщеніе турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ представителямъ Порты при иностранныхъ дворахъ. Г. министръ хвастливо и высокомерно сообщалъ, что *область Баязета уже совершенно очищена отъ русскихъ (!?)*, что нѣсколько сотъ русскихъ окружено было въ Баязетскомъ округѣ и имъ предложено было сдаться, что сдача русскихъ *ожидается ежеминутно*. Это снисхожденіе изъ яркихъ лохмотьевъ чисто-восточное хвастовство теперь уже само себя наказало. Еще разъ образованный міръ увѣрится, что турецкіе вранье и хвастовство возрастаетъ пропорціонально опасности собственнаго положенія...

О дѣлахъ же надъ Карсомъ мы знаемъ, по настоящую минуту слѣдующее:

Изъ Александрополя Его Высочество Главнокомандующій Кавказскою арміею телеграфировалъ отъ 27-го юня, что генералъ Лорисъ-Меликовъ, получивъ свѣдѣніе о движеніи почти всѣхъ силъ Авантоійской арміи Мухтара-паши съ высотъ *Саям-лукскаго* хребта къ Карсу, призналъ необходимымъ доставить своимъ войскамъ возможность большой подвижности подъ этой крѣпостью, и для этого, прекративъ на время бомбардированіе Карса, отправилъ осадныя орудія въ *Кюрюкъ-Дара* и Александрополь и затѣмъ сосредоточилъ большинство своей кавалеріи у *Хаджи-Вали* на прикрытіе сообщенія, а пѣхоту—у селенія *Замъ*. Мухтаръ-паша, съ своей стороны, извѣстилъ свое правительству телеграммою (отъ 6-го юля по нов. стилю), что турецкая армія стала на разстояніи 5-ти часовъ пути отъ Карса, что дорога къ этой крѣпости свободна и что русскія войска отступили за Карсъ.

— Генералъ Семяка телеграфировалъ, что 27 юня, въ 11 часовъ утра, 4 непріятельскіе броненосца открыли бомбардировку по *Евпаторіи* (приморскій городъ этотъ находится на западномъ берегу Крымскаго полуострова). Бомбардировка продолжалась до 2 час. 20 мин. пополудни. Непріятелю отбѣжали съ 3-хъ-верстнаго разстоянія 6 девятифунтовыхъ орудій. Изъ выпущенныхъ этими орудіями 36 гранатъ 6 разорвались удачно. Непріятелемъ выпущено 62 снаряда, которые или не долетали или передегали черезъ наши войска. Нѣкоторые изъ снарядовъ попали въ городъ и на набережную, но безвредно. Потерь нѣтъ и вообще въ городѣ спокойно. Послѣ неудачнаго бомбардированія, непріятельская эскадра ушла въ море.

По восточному берегу Чернаго моря за прошлую недѣлю дѣла наши тоже были удачны. Турки пыгались сдѣлать высадку въ Николаевскѣ, но при появленіи нашего резерва снова съѣли на суда. Со скопичами мятежныхъ абхазцевъ было также удачное дѣло. Такъ, скопица этихъ мятежниковъ, направившіяся было на верховья рѣчки *Гализги*, въ обходъ нашего правого фланга, были разбиты и съ большимъ урономъ, отброшены за Гализгу. Затѣмъ, 18 юня, взято нами съ боя селеніе *Асаго*, главный оплотъ мятежниковъ. Въ это же время полковникъ Батьяновъ выбилъ мятежниковъ изъ укрѣпленной позиціи близъ *Изакоортъ*, причинивъ имъ большія потери. Съ другой стороны, если вѣрить турецкимъ телеграммамъ (а кто же имъ теперь станеть вѣрить, послѣ хвастовства о Баязетѣ?), то у Батума творится что-то такое побѣдоносное для турокъ. Изъ Батума была произведена реконсцировка высотъ, занятыхъ русскими. Утромъ (т. е. 28 юня), продолжаетъ телеграмма, происходила артиллерійская и пѣхотная свалка, въ которой русскіе *отступили*, потерявъ 50 человекъ! Далѣе, сдѣлано-де было нападеніе на русскую пѣхоту и кавалерію турецкою морскою артиллеріею и десантными войсками, причемъ русскіе были отбиты съ большими потерями и проч., все въ томъ же родѣ. На самомъ дѣлѣ, можетъ быть, дѣло ограничивалось сожженіемъ запасовъ дѣса и проч., о чемъ, въ своемъ побѣдоносномъ увлеченіи проговаривается и сама константинопольская телеграмма. Извольте согласить всѣ неудавшіяся турецкія высадки, недавнюю жалкую

попытку бомбардировать Евпаторію (попытку, о которой сказано выше) съ славнымъ батумскимъ подвигомъ.

На Дунайскомъ театрѣ войны прошлая недѣля тоже ознаменована для насъ, русскихъ, блестящимъ молодецкимъ подвигомъ нашихъ войскъ, произошедшимъ 25 юня. Генералъ Гурко съ одною кавалеріей и 16-ю конною батареею напалъ на *Тырново* (или Трнова—Терново), крѣпость, лежащую какъ разъ на стратегическомъ пути чрезъ Габрову на Казанлыкъ къ Бадканамъ. Генералъ Гурко взялъ крѣпость съ бою, и заставилъ 3,000 нязамъ съ батареею и редию, число котораго неизвестно, отступить къ *Османъ-Базару* (значительно къ сѣверо-востоку отъ Тырнова). При этомъ блестящемъ дѣлѣ особенно отличились гвардейскій полускадронъ и 16-я конная батарея. Въ добычу намъ достались турецкій лагерь, патронные ящики и обозъ. Незадолго передъ этимъ, какъ-бы въ предвѣстіе этого блестящаго дѣла наши стародубскіе драгуны заняли *Блыу*; въ тотъ же день, на рѣкѣ *Янтра* наши казаки и ахтырскіе гусары схватились съ черкесами и разсѣяли ихъ. Янтра впадаетъ въ Дунай справа къ востоку отъ Сисова; на ней значательно къ югу отъ ея устья лежатъ и крѣпость Была. Теперь уже есть извѣстіе, что значительные отряды нашихъ войскъ перешли Янтру на сѣверъ отъ Блы, противъ *И-кара-Монастыря*, и въ этомъ пунктѣ ожидаютъ сраженія. Главнѣйшія событія не замедлятъ показатъ, насколько это вѣрно. Во всякомъ случаѣ послѣдствія взятія нашими войсками Тырнова громадно важны. Этими мы отбѣснили турецкія силы къ ихъ знаменитому оборонительному четырехугольнику крѣпостей *Шумла-Варна-Русчукъ-Силистрія* (объ этомъ четырехугольничѣ мы имѣли случай говорить прежде). Въ этихъ пунктахъ турки сосредоточатъ и дѣйствительно сосредоточиваютъ уже теперь свои силы. Въ этомъ мѣстѣ Абдулъ-Керимъ, говорить, думаетъ дать намъ генеральное сраженіе. До сихъ поръ извѣстно, что число турецкихъ войскъ въ упомянутомъ четырехугольничѣ простирается до 165,000 человекъ. Но число это непрерывно увеличивается, посредствомъ производимаго теперь набора солдатъ въ Турціи, который долженъ доставить въ 6 недѣль 140,000 человекъ для дѣйствія противъ нашей Дунайской арміи, и эта вновь собранная 140,000 армія будетъ сосредоточена въ проходахъ верхняго и средняго Балкановъ. Стало быть, 165,000+140,000=305,000 сосредоточится въ восточной области Дуная. Изъ Босніи и Герцеговины турецкіе войска отзываются даже изъ блокгаузовъ. Въ Албаніи турецкіе горнизоны останутся лишь въ Служѣ и Подгорицѣ. Нападеніе на Черногорію послѣ перехода нашего черезъ Дунай уже нехочитъ въ планы турокъ. Въ самой Албаніи останутся только гарнизоны; лучшія же войска выважатся оттуда и сосредоточиваются у Ниша и Явора. Вообще вскорѣ послѣ нашего перехода черезъ Дунай, Турція начала вооружаться съ крайними усиліями. Недавно, по требованію Абдулъ-Керима-паши всѣ свободныя войска отправилась изъ Константинополя въ *Варну*, приморскую крѣпость, составляющую одинъ изъ важныхъ угловъ четырехугольника. Султанская гвардія тоже уже перевезена на театръ военныхъ дѣйствій, частью въ Варну, частью въ Шумлу. До какого лихорадочнаго возбужденія дошло теперь султанское правительство видно уже изъ того, что существуетъ твердое намѣреніе возвратитъ извѣстнаго изгнанника Митхада-пашу и пригласитъ на турецкую государственную службу извѣстнаго всгерца Кошута. Затѣмъ, по послѣднимъ телеграммамъ изъ *Каттаро*, извѣстно, что магометанское населеніе Албаніи и Эпира вооружено и организовано въ Ландштурмъ. Далѣе, болгарскіе проходы весьма тщательно укрѣпляются. Особенно это нужно сказать о 4-хъ изъ нихъ: *Селимно*, (или Сливно) *Ямбали*, *Гривовъ* и *Казанлыкъ*. Селимно и Ямбали укрѣплены 7-ю, Гривовъ и Казанлыкъ 9-ю баталіонами *). Засѣвъши въ этихъ проходахъ турецкія войска почти исключительно состоятъ изъ солдатъ ландвера и добровольцевъ. Гдѣ удобнѣе суждено будетъ перейти нашимъ мужественнымъ войскамъ Балканы—покажутъ сами событія. Фанатическій врагъ будетъ, конечно, здѣсь биться съ нами съ крайними усиліями на животъ и на смерть, но, конечно, онъ встрѣтитъ ту-же стойкую, желѣзную грудь русскаго солдата, какую встрѣтилъ при переходѣ черезъ Дунай, Тырновѣ, Ардаганѣ, Баязетѣ и проч. О нашемъ взятіи Тырнова Константинопольскія телеграммы извѣстия, однако, по своему. Тырново взято потому, что не было укрѣпленъ (!!) и что наши войска задержаны по направленію къ *Плевнѣ* (къ юго-западу отъ Сисова) и монастыришти

По послѣднимъ извѣстіямъ Абдулъ-Керимъ-паша послѣдно соединяетъ свои разрозненные войска съ тѣмъ, чтобы противоставитъ намъ въ полѣ (между Янтрою и четырехугольничѣмъ) армію въ 90,000 человекъ. Въ виду важности этого рѣшенія, въ армію ожидаютъ со дня на день пріѣзда самаго Султана.

Около Плевны, какъ говорятъ, недавно происходило большое сраженіе. Если слухъ объ этомъ подтвердится, то здѣсь вѣроятно, наши войска, идя по дорогѣ изъ Этрополя къ Балканамъ встрѣтили турокъ.

— Изъ Константинопольскаго населенія формируется 6 батальоновъ волонтеровъ съ цѣлью усиленно защищать Балканскіе проходы. Носятся слухи, что наконецъ состоится и переправа Румынской арміи черезъ Дунай около Калафата въ *двухъ* мѣ-

* См. спеціальн. телеграм. «St.-Petersb. Herald».

стахъ. Утверждаютъ, что князь Карлъ самъ будетъ командовать войсками во время переправы. Далѣе есть извѣстie, хотя окончательно не подтвердившееся, что Сербско-Румынскій союзъ, о которомъ много говорили, не состоится, и что Румынская армія назначитъ военныя дѣйствія одна. Другіе говорятъ—на оборотъ. Вообще считаютъ вѣроятнымъ, что заключеніе этого союза рѣшительно зависитъ отъ засѣдающей теперь Скупщины. Эта послѣдняя рѣшительно расположена къ союзу только съ Россіей.

— Но вотъ что представляется крайне курьезнымъ. Лишь только Австрія получила свѣдѣніе о томъ, что Сербія твердо рѣшилась вступить за оружіе, какъ графъ Андраши сообщилъ нашему послу въ Вѣнѣ, г. Новикову, что Австрія немедленно займетъ войсками сербское княжество?.. Такимъ образомъ с-кровенныя-то помысленія и начинаютъ разоблачаться?..

Вотъ и еще новость, обязанная происхожденіемъ все-таки Вѣнѣ. Одна изъ послѣднихъ специальныхъ телеграммъ «St.-Petersb. Herald'a» сообщаетъ, что «въ Вѣнѣ пущены въ ходъ крайне странныя слухи о попыткахъ заключить миръ». Съ чьей стороны эти попытки—объ этомъ «службъ» благоразумно умалчиваетъ. Но всякому венгерцу понятно, что попытки эти идутъ со стороны Россіи—какъ же иначе? Слухи эти являются—и все въ Вѣнѣ и, конечно, сначала на биржѣ,—не въ первый, а чуть ли не въ третій разъ. Исходять они, конечно, отъ вѣскихъ биржевыхъ спекулянтовъ, затѣмъ поддерживаются всѣми желающими унизить Россію!..

— Положеніе великаго визиря Эдхема-паши, какъ сообщаютъ послѣднія телеграммы, сдѣлалось крайне шаткимъ, вѣроятно въ виду ожидаемаго возвращенія Митхада-паши. Известный туркофиль, уполномоченный Англии въ Константинополь, г. Лейардъ, особенно хлопочетъ объ этомъ возвращеніи. По его же настоянію глава старо-турокъ, Редиф-паша, удаленъ въ Шумлу, якобы для производствя слѣдствія надъ главнымъ штабомъ дѣйствующей арміи, а на самомъ дѣлѣ, чтобы безъ Редифа-паши, свободнѣе дѣйствовать въ излюбленномъ направленіи.

— Англійскій флотъ, давно уже перешедшій изъ Пирея въ Безикскую бухту, пребываетъ тамъ и теперь, и еще, говорятъ, будетъ усиленъ присоединеніемъ къ нему 4-хъ весьма сильныхъ броненосцевъ. Въ англійской Палатѣ Общинъ уже сдѣланы были оппозицiей запросы о причинахъ стоянiя флота въ Безикской бухтѣ. На это канцлеръ казначейства, сэръ Норскотъ, далъ отвѣтъ весьма неопредѣленный и, наконецъ, разъяснилъ, что въ послѣднее время съ державами не было установлено никакого соглашенія относительно операций флота на Востоку.

— Во Франціи Макъ-Магонъ за послѣднее время значительно измѣнилъ свой образъ дѣйствій; надѣвъ покрывало скромности, онъ поздравилъ папу съ юбилеемъ его епископства и вѣтвмъ привѣлъ въ восторгъ клерикаловъ.

— Отъ 3-го іюля изъ Тернова Его Высочество телеграфировалъ Государю Императору.

Имѣю счастье поздравить съ переходомъ черезъ Балканы передового отряда войскъ Вашего Величества. Переходъ совершился 1-го іюля, въ 5½ часовъ вечера, безъ выстрѣла. Вчера же, 2-го числа, въ 2 часа дня, генералъ Гурко овладѣлъ Ханкой, который былъ занятъ 300 человекъ нѣзема, застигнутыхъ врасплохъ и обращенныхъ въ бѣгство. Непріятель отступилъ къ востоку на деревню Конаро. У насъ убитъ 1 казакъ; ранены: 1 срълокъ, 1 пластунъ и 3 казака.

Отъ того же числа изъ Турну-Магурелли командиръ 9 корпуса генералъ-лейтенантъ Криденеръ телеграфировалъ Государю Императору:

Имѣю счастье донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, дившагося вчера съ четырехъ часовъ утра до наступленія ночи. Крѣпость сдалась безусловно, сегодня, на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами сильно укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣвъ взято двое пашей и до шести тысячъ регулярнаго войска.

1-й заемъ 1864 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ

25-й тиражъ 1-го іюля 1877 г.

ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13 ноября 1864 г. Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышной и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го іюля 1877 г. Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публичнаго, произведены тиражъ выигрышной и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 г.

ВЫГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	С. мнѣ выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма выигрыша.						
30	37	500	3646	22	500	7407	9	500	10984	48	500	14324	10	500	15485	13	500	17055	31	500	18465	31	500
81	31	500	3686	7	500	7479	48	500	11105	47	500	14356	23	500	15581	3	10000	17101	17	500	18559	44	500
90	6	500	3747	33	500	7487	17	500	11178	24	500	14430	15	500	15666	25	500	17127	3	500	18604	15	500
96	48	500	3772	29	500	7523	42	500	11303	29	500	14465	21	500	15774	33	500	17202	40	500	18622	38	40000
172	20	10000	3824	45	500	7541	37	500	11320	41	500	14469	31	500	15812	46	500	17283	40	500	18703	18	500
204	28	500	4023	29	500	7542	21	500	11341	24	500	14551	46	500	15902	34	500	17404	43	500	18758	46	500
216	41	500	4054	32	500	7647	9	500	11364	37	500	14552	32	8000	15919	38	5000	17489	44	5000	18863	32	500
241	44	500	4104	45	500	7686	33	500	11478	6	500	14594	25	500	15969	8	500	17497	8	500	18971	18	500
261	14	500	4144	13	500	7797	14	500	11551	10	500	14789	29	500	16004	50	500	17537	22	500	18977	30	500
306	28	500	4189	34	500	7830	38	500	11615	47	500	14878	38	500	16203	41	500	17617	36	500	19168	2	500
388	2	500	4209	44	5000	7841	33	500	11626	44	500	14953	4	500	16279	41	500	17845	1	500	19249	8	500
627	20	500	4250	10	500	7873	49	500	11647	46	500	15013	30	8000	16340	19	500	18186	20	500	19297	36	500
744	16	500	4304	1	500	8190	13	500	11700	11	500	15029	44	00	16341	26	500	18237	49	500	19361	12	500
783	45	500	4312	15	500	8246	8	500	11752	48	500	15050	18	500	16343	7	500	18263	10	500	19398	22	500
791	40	500	4495	10	500	8302	40	500	11897	43	500	15175	27	500	16349	32	5000	18303	30	500	19408	16	500
794	39	5000	4505	28	500	8305	43	500	11970	37	500	15288	12	500	16391	29	500	18324	2	5000	19640	38	500
853	42	500	4556	25	500	8306	48	200000	12074	42	500	15295	27	500	16395	46	500	18342	24	500	19774	22	500
908	12	500	4973	41	500	8354	32	500	12139	24	500	15358	38	5000	16738	12	75000	18346	21	500	19793	45	500
965	3	500	5005	39	500	8413	4	500	12236	47	500	15358	43	500	16879	24	500	18381	6	500	19832	36	500
1118	8	500	5075	11	10000	8527	26	500	12256	41	500	15391	36	500	16963	31	500	18409	26	500	19860	29	500
1197	15	500	5120	27	500	8538	25	500	12291	40	500	15434	13	500	17047	3	500	18438	14	500	19947	4	500
1199	11	500	5121	33	500	8589	42	8000	12294	33	500							Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1877 года.					
1410	31	500	5122	4	500	8642	21	500	12308	46	5000							ТАБЛИЦА					
1424	47	500	5176	49	500	8691	24	500	12330	23	500							серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ по ашеніи, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка, 1-го іюля 1877 года.					
1596	33	500	5231	35	500	8777	18	500	12446	44	500							НУМЕРА СЕРІЙ.					
1622	22	500	5564	36	500	8804	48	500	12541	22	500							364, 961, 980, 1026, 1576, 2951, 3090, 3240, 3611, 3657, 3820, 4472, 4640, 4721, 4965, 5979, 6509, 6556, 7125, 7600, 8074, 8307, 8570, 8640, 8704, 9222, 9788, 9755, 10032, 10170, 11421, 11632, 11716, 12205, 12226, 12566, 12623, 12712, 12790, 13075, 13486, 14294, 14824, 15137, 15281, 15818, 15962, 17059, 17238, 17311, 17825, 17789, 18195, 18615, 19503, 19827, 19861, 19882.					
1627	4	500	5588	30	500	8874	19	500	12558	18	500							Всего 58 серій, составляющихъ 2,900 билетовъ.					
1638	46	8000	5618	40	500	9005	6	500	12625	23	500							Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1877 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.					
1902	5	500	5666	41	500	9018	26	25000	12639	11	500							СОДЕРЖАНІЕ. Командиръ 8-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Феоdorfъ Феоdorfовичъ Радецкій. А. М. (съ портретомъ).—Первые шаги. (Повѣсть изъ быта провинціальныхъ чиновниковъ) Н. Сосницкаго (Олоханіе).—Мурашки, или рабочіе и сельскіе хозяева. Стр.—Императорская публичная библиотека въ С.-Петербургѣ. Н. (съ рисункомъ).—Роздымъ и постылаго двора. М. Л. (съ рисункомъ).—Постройка моста черезъ Дунай и переправа части нашихъ войскъ (съ 2-мя рисунками).—Иурма и Румдукъ (Письмо нашего корреспондента съ 5-ю рисунками) Н. Карамина.—Первое свиданіе. Л. (съ рисункомъ).—Политическія и военныя извѣстія.—Тиражъ выигрышей Государственнаго банка.					
1905	47	500	5732	4	500	9186	46	500	12678	40	500							Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.					
1967	24	500	5757	5	500	9313	29	500	12719	20	500												
2274	37	500	5780	5	500	9313	14	500	12721	43	500												
2284	4	500	5795	5	500	9365	12	500	12890	43	500												
2484	44	500	5948	14	500	9432	5	500	12922	13	500												
2440	12	500	6048	50	500	9439	30	500	13179	20	500												
2494	7	500	6131	24	500	9507	16	500	13211	31	500												
2496	38	500	6160	4	500	9598	11	500	13284	33	500												
2523	49	500	6212	28	500	9666	23	500	13406	8	500												
2548	43	500	6258	18	500	9688	26	500	13471	23	500												
2623	17	500	6304	41	500	9774	23	500	13476	47	500												
2641	48	500	6312	17	500	9882	18	500	13695	21	500												
2778	45	500	6384	21	500	9976	38	500	13735	23	500												
2828	34	500	6556	43	500	10017	17	500	13751	27	500												
2927	2	500	6579	45	500	10256	43	500	13771	32	500												
2948	40	500	6903	47	500	10388	12	500	13775	10	500												
2951	23	500	6927	5	500	10412	7	500	13847	8	500												
2964	16	500	6966	3	500	10580	25	500	13885	3	500												
3016	22	500	7017	9	500	10614	23	500	13977	33	500												
3218	49	500	7132	50	500	10659	47	500	13989	2	500												
3227	7	500	7143	16	500	10676	36	500	14069	20	500												
3279	37	500	7193	5	8000	10806	15	500	14173	34	500												
3303	7	500	7236	49	500	10860	7	500	14193	4	500												
3578	44	500	7316	28	500	10878	6	500	14234	16	500												
3592	16	500	7397	19	500	10977	6	500	14303	24	500												

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 29 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 18 Июля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ всѣ
уже вышедшіе номера
«Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ „ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи	5 „ 50 „

Контора журнала
«Нивы» помѣщается
въ С.-Петербургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

Видъ земли съ Венеры и Луны.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей не разъ случалось задумываться надъ вопросомъ о томъ, съ какихъ изъ
поп, и въ какой формѣ представляется наша земля жителямъ дру-
гихъ міровъ, или свѣтилъ, предполагая, что сознательная жизнь

1) Земля, видимая съ Луны. Грав. Вейерманъ.

2) Земля, видимая съ Венеры. Грав. Вейерманъ.

размѣщенныхъ въ міровомъ пространствѣ свѣтилъ можно бы было
видѣть нашу землю, чтобы наглядно понять ея мѣсто во вселен-

ной, и на другихъ свѣтилахъ? Подобный вопросъ для людей,
непривыкшихъ къ отвлеченнымъ научнымъ доказательствамъ,

конечно, представляется совершенно правильнымъ и законнымъ. Непосвященный въ астрономію, разумеется, не можетъ представить себѣ—какое микроскопически-малое мѣсто занимаетъ наша планета и какое мизерное значеніе имѣетъ она въ необъятномъ пространствѣ вселенной. Попытаемся въ настоящей нашей замѣткѣ дать отвѣтъ на тотъ и другой изъ означенныхъ выше вопросовъ, насколько возможно проще и доступнѣе.

Мы уже имѣли случай въ нашемъ журналѣ (см. „Нива“ 1877 г. № 7 и 13) говорить о такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздахъ. Теперь, для ясности, повторимъ, что подъ неподвижными звѣздами мы разумѣемъ тѣ свѣтила, которыя находятся въ нашей планетной системы, а изъ этого само собою вытекаетъ положеніе,—что мы съ одного изъ этихъ неподвижныхъ свѣтилъ, предполагая, что тамъ живутъ люди, они не могутъ видѣть нашу землю. Вѣдь самая близкая къ нашей землѣ неподвижная звѣзда все-таки находится въ такомъ разстояніи отъ насъ, которое въ 226,400 разъ больше разстоянія, отдѣляющаго землю отъ солнца. И само наше солнце, поверхность котораго въ 12,500 разъ больше поверхности земного шара, на такомъ громадномъ разстояніи показалось бы не болѣе какъ маленькою звѣздочкой. Теперь, представимъ себѣ, что наша земля совершенно изолирована въ мировомъ пространствѣ, вмѣсто того, чтобы быть включенною въ солнечную систему. Тогда самыя ближайшія къ намъ неподвижныя звѣзды не могли бы быть видимы, по причинѣ своей малости и ничтожной степени свѣта, не говоря уже о тѣхъ неподвижныхъ звѣздахъ, которыя удалены отъ насъ на большее разстояніе. Съ этихъ послѣднихъ, именно вслѣдствіе громадной ихъ отдаленности въ мировомъ пространствѣ, едва-ли даже въ формѣ, малѣйшей свѣтящейся точки, можетъ быть видимо наше солнце. Изъ всѣхъ свѣтилъ, составляющихъ нашу солнечную систему, мы могли бы только съ *трезвѣ* изъ нихъ (если бы мы какъ-нибудь на нихъ взобрались) видѣть нашу землю *такою же* (т. е. въ видѣ звѣзды), какими намъ представляются наибольшія изъ звѣздъ. Эти *три* свѣтила суть: *Меркурій, Венера и Луна*. Что касается *Марса*, то, если на немъ живутъ люди, они могутъ только догадываться о существованіи нашей земли. Можетъ быть, на *Марсѣ* есть свои Лапласы и Гершелли, и если они есть, то, конечно, они помѣстили нашу землю въ мировомъ зданіи на подобающее ей мѣсто, соответственно ея рангу и достоин-

ству; но достигнуть этого они могутъ только по вычисленіямъ и соображеніямъ, а не вслѣдствіе прямыхъ наблюденій.

Но за то и другія изъ главныхъ и большихъ планетъ нашей солнечной системы, безъ сомнѣнія, знаютъ о насъ столь же мало, какъ и самыя отдаленныя неподвижныя звѣзды. Если даже предположить, что на Меркуріи есть жители, размышляющіе и наблюдающіе такъ-же какъ и мы, то имъ земля должна представляться столь же блестящею и ясною звѣздой, какою намъ представляется Меркурій.

Если наблюдать нашу землю съ *Венеры*, земля представилась бы въ періоды наибольшаго приближенія къ ней Венеры (что случается каждые 584 дня) звѣздою съ гораздо большимъ блескомъ и съ бѣлымъ или голубоватымъ свѣтомъ, который долженъ представляться глазамъ жителей Венеры превосходящимъ блескъ Сиріуса и другихъ звѣздъ на сводѣ небесномъ. Въ общемъ, видъ получился бы такой, каковой представленъ на прилагаемомъ нами 2-мъ рисункѣ. Рисунокъ этотъ составленъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ составляются карты неба.

Наконецъ, что касается вида нашей земли съ Луны, то онъ долженъ принадлежать къ великолѣпнѣйшимъ явленіямъ природы, какія когда-либо можно себѣ представить, потому что этотъ спутникъ нашей земли удаленъ отъ послѣдней только на разстояніе отъ 47,000 до 54,650 миль. Наша земля, при ея величинѣ и плотности и съ окружающей ее атмосферой, должна представляться жителямъ луны, если таковыя есть на ней,—необыкновенно большою по размѣру и сильно и ясно освѣщенною. Нашъ 1-й рисунокъ наглядно представляетъ фигуру и величину, въ какихъ должна представляться наша земля предполагаемымъ жителямъ Луны. Наши суша и море и всѣ видоизмѣненія въ физическомъ характерѣ нашей планеты могутъ быть видимы съ Луны весьма ясно. Но жители Луны, безъ сомнѣнія, все таки находятся въ невѣдѣніи: *населена ли земля?* подобно тому, какъ мы обрѣтаемся въ такомъ же невѣдѣніи относительно Луны. До сихъ поръ было наблюдаемо воздухоплавателями интересное явленіе. Какъ скоро воздушный шаръ поднимался отъ земной поверхности на высоту 4—5000 метровъ, то изъ корзины, прикрѣпленной къ шару, наблюдателю поверхность земли представляется печально-пустынною и вымершею. Ни одного признака какого-либо движенія и звука... Явленіе почти такое же, какое мы замѣчаемъ и на поверхности Луны въ наши зрительныя трубы...

Поздно.

(Страница изъ жизни).

Я жилъ съ матушкой и сестрой, старой дѣвой. Въ ранней юности я боялся женщинъ и бѣгалъ отъ нихъ, потомъ даже и не бѣгалъ, сдѣлавшись къ нимъ совершенно равнодушнымъ. Я видѣлъ передъ собой одну только науку, жилъ только для нея, а все остальное представлялось мнѣ въ туманѣ и нисколько не занимало меня. Даже любовь къ матери и сестрѣ была какая-то бессознательная, скорѣе привычка. Никогда мнѣ въ голову не приходило, что онѣ могутъ также чувствовать, страдать, и боюсь, я ничего не сдѣлалъ для ихъ счастья. Я доставалъ имъ пропитаніе, это правда, но безъ всякихъ съ моей стороны усилій, а потому не могу и поставитъ себѣ этого въ заслугу. Мнѣ платили за профессору, я бралъ деньги, но еслибы мнѣ не платили, я читалъ бы и такъ. Единственное несчастіе, которое могло бы поразить меня, это потеря каѳедры. Одинъ только разъ, въ продолженіи моей тридцатилѣтней жизни, я испыталъ живое чувство, которое волновало меня болѣе, чѣмъ я считалъ себя на то способнымъ. На послѣднемъ курсѣ я подружился съ княземъ Хозаровымъ. Странная дружба между сыномъ бѣднаго учителя и богатымъ аристократомъ; но я не искалъ этой дружбы. Мы сблизились случайно и онъ привязался ко мнѣ со всѣмъ пыломъ юношеской души. Я никогда не бывалъ у него, онъ у меня—каждый день. Онъ дорожилъ моей дружбой болѣе, кажется, чѣмъ своею жизнью; онъ безпрестанно высказывалъ боязнь потерять ее. „Профессоръ,“ говаривалъ онъ, (на первыхъ же порахъ нашего знакомства онъ далъ мнѣ эту кличку, и она осталась за мной) „что, если мы влюбимся въ одну и ту-же женщину, вѣдь нашей дружбѣ тогда конецъ“.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—ничего подобнаго не случится, по крайней мѣрѣ со мной; любовь—болѣзнь воображе-

нія людей праздныхъ, а я празднымъ никогда, надѣюсь, не буду. Вотъ какія были у меня тогда убѣжденія.

Вообще, я могъ интересоваться только предметами отвлеченными, Хозаровъ же прислушивался къ жизни, и ея явленія заставляли его задумываться, но на этой почвѣ онъ не находилъ во мнѣ никакого отголоска. Не смотря на все это, онъ чуть не молился на меня. Могу сказать однакоже, что не за это я любилъ его. Въ немъ плѣняла меня та живость чувства, которой не доставало мнѣ. Онъ воспримчивостью своею оживлялъ многое, что для меня было мертво, и тѣмъ какъ бы пополнялъ мою жизнь. Я любилъ его, какъ могъ бы любить сына, или младшаго брата, но любовь моя никакъ не могла высказаться, и онъ не разъ горько жаловался на мою холодность. Тѣмъ не менѣе эти два года, въ которые мы видались каждый день, были счастливые годы. Мы уже кончили курсъ; я остался при университетѣ, онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Мало по малу свѣтская жизнь стала увлекать его и разединять насъ. Не то, что бы онъ не находилъ болѣе времени для меня, нѣтъ,—онъ готовъ былъ пожертвовать безъ сожалѣнія всякимъ удовольствіемъ лишь бы быть со мной, но наши интересы стали болѣе и болѣе расходиться.

Онъ влюбился. Со свойственной его натурѣ страстностью онъ предался весь новому чувству, и естественно, что оно сдѣлалось господствующею темою его разговоровъ, а я оказался для этого предмета совсѣмъ неспособнымъ слушателемъ: я не понималъ его, и стыжусь признаться, ревновалъ его, отчего къ моимъ отвѣтамъ примѣшивалась желчность, которою онъ оскорблялся. Любовь его скоро прошла, но охлажденіе между нами осталось; когда же, однажды, онъ пришелъ блѣд-

ный и изнуренный, сообщить мнѣ о только что проведенной имъ безпорядочной ночи, мнѣ стало противно его видѣть, и я началъ удаляться отъ него.

Вскорѣ онъ получилъ назначеніе при посольствѣ за границей и это помѣшало нашему окончательному разрыву. При разлукѣ чувства наши проснулись съ новою силою и, расставаясь, мы какъ будто стряхнули всѣ посторонніе наносы, охладившіе нашу дружбу. Мы переписывались, и всякій разъ, какъ Хозаровъ прѣзжалъ въ П***, онъ безпрестанно бывалъ у меня. Только между нами было невысказанное, но взаимно понятое условіе. Онъ никогда не говорилъ мнѣ о чувствахъ: я былъ другъ его ума, но чужой для его сердца.

Такъ шель годъ за годомъ; мнѣ минуло тридцать. Не могу сказать, могло ли бы такъ длиться мое существованіе и до гроба, еслибъ не вторглось въ него обстоятельство, перевернувшее все; или такое полное спокойствіе противоположенно и не можетъ длиться: во всякомъ случаѣ, я не искалъ переменъ,—она налетѣла на меня неожиданно, застала врасплохъ, закружила меня и...сломила.

Случилось это такъ.

У матушки была дальняя родственница, по фамиліи Макарова. Я слыхалъ отъ домашнихъ рассказы о ея безотрадной судьбѣ, о пьяномъ разгульномъ мужѣ, который доводилъ свое безобразіе до того, что даже билъ ее; слыхалъ, но забывалъ это, какъ и все остальное, не касавшееся науки, которой я служилъ. Теперь эта родственница овдовѣла, дѣла мужа ея были разстроены, возбуждены были противъ него разныя претензіи, и она прѣехала въ П*** хлопотать. Матушка прочла мнѣ ея слезное письмо, гдѣ она извѣщала о своемъ прѣздѣ и умоляла помочь совѣтомъ. Тогда я вспомнилъ о ея горькой жизни и понялъ, что обязанъ ей помочь.

Я прѣехалъ по означенному адресу, позвонилъ, мнѣ отворили; я вошелъ въ гостинную. Заранѣе я представилъ себѣ, какъ я встрѣчу пожилую, болѣзненную женщину и что я скажу, чтобъ успокоить и поддержать ее. Роль утѣшителя была не въ моемъ характерѣ и мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы взять ее на себя. Когда я вошелъ, меня поразило, что вмѣсто пожилой, болѣзненной женщины, я вижу передъ собою молодую, цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку. Я зналъ, что у Макаровой естъ дочь, но въ данную минуту позабылъ объ этомъ.

Вышла мать ея и мы заговорили о дѣлахъ. Я сидѣлъ у нихъ долго, стараясь сосредоточить все мое вниманіе на томъ, что говорила мнѣ старушка, но меня невольно отвлекала ея дочь; вдругъ ей понадобилось уйти, чтобъ налить мнѣ еще стаканъ чаю, и я помню, какъ мнѣ на нее за это досадно было, потому, казалось мнѣ, что она прерываетъ нашъ дѣловыи разговоръ: зато второй стаканъ я тянулъ до самаго окончанія моего визита. Прѣхавъ домой, я сообщилъ матери всѣ подробности о дѣлахъ Макаровой и очень удивилъ ее, не сказавъ ни слова о Сонечкѣ. Какъ, развѣ Анна Петровна здѣсь безъ дочери? спросила матушка. Когда оказалось, что я видѣлъ Сонечку, матушка начала было спрашивать о ней, но потомъ, махнувъ рукой, сказала: Да что это я въ самомъ дѣлѣ пристаю къ тебѣ; развѣ ты способенъ обратить вниманіе на какуюнибудь женщину, ты, я думаю, даже старухи отъ молодой не съумѣешь отличить. Ахъ, Петя, Петя, смотри-ка, вѣдь на вискахъ у тебя ужъ сѣдинка пробивается, пора бы тебѣ, другъ мой, подумать о молодой хозяйшкѣ. Не вѣкъ же одному мыкаться. Это былъ любимый матушкинъ припѣвъ, и она частенько повторяла его.

А между тѣмъ я обратилъ вниманіе на Сонечку. Развѣ она была для меня женщина? Она была родственница, почти еще дѣвочка, ну, словомъ, она была

Сонечка. Ей было всего шестнадцать лѣтъ, волосы у ней были темные, лице смугловатое, но съ румянцемъ, глаза славные; видно, что она добрая дѣвушка. Все это я замѣтилъ. Что-жъ такое! Заставъ меня цѣлый часъ смотрѣть на какуюнибудь картинку, такъ вѣдь нельзя же мнѣ не разглядѣть ее.

Такъ я думалъ, и не помышлялъ, что эта встрѣча, роковая, что хорошенькая дѣвушка не картинка, и что сближеніе съ молоденькой дѣвушкой для меня новизна, а что она родственница, то тѣмъ хуже: сближеніе еще скорѣе и неизбѣжнѣе. Словомъ, я ее не боялся, не считалъ для себя опасной, а въ этомъ то и была моя гибель. Пошли безпрестанныя свиданія съ родственниками: мы у нихъ, они у насъ. Кончены мои занятія наукою, и я преспокойно приписываю это дѣламъ Макаровой, тогда какъ эти дѣла занимали у меня самую ничтожную часть моего времени. Я влюбился въ Сонечку, и не будь я свидѣтелемъ любовныхъ волненій моего друга Хазарова, я, можетъ быть, не такъ скоро бы понялъ состояніе своей души.

Сонечка! моя Сонечка! какъ вспомню я ту минуту, какъ ты застала меня за сочиненіемъ стиховъ въ честь тебя, меня тридцатилѣтняго профессора, серьезнаго, пишущаго стихи, какъ и сконфузился до того, что не догадался даже спрятать ихъ, какъ ты изъ-за плеча моего прочла ихъ и поняла, что я люблю тебя. Я сидѣлъ, какъ осужденный на казнь, ожидая, что вотъ-вотъ ты осыпешь меня насмѣшками и презрѣніемъ, а ты ласковымъ взглядомъ своимъ такъ ободрила меня. Я не помню какъ, въ какихъ словахъ, я не понимаю откуда у меня взялось столько смѣлости: я высказалъ тебѣ любовь свою. И вдругъ—о минута, которой не забуду никогда!—ты обвила мою шею рукою, заставила поднять на тебя мои смущенные глаза и мой поцѣлуй передалъ тебѣ мою душу, всю, безвозвратно!.. Я плачу, когда пишу это; зачѣмъ я не умеръ тогда! пережить такія минуты значить пережить свое счастье.

И вотъ года не прошло нашему знакомству и мы—мужъ и жена. Родители наши въ восторгѣ, радости моей матушки нѣтъ предѣловъ. Я даже удивился, когда увидѣлъ, что она могла такъ радоваться. Какой я до сихъ поръ былъ эгоистъ!

Между тѣмъ дѣла Анны Петровны поустроились, и она уѣхала въ деревню. Мы остались жить съ моими родными. Все, казалось, обѣщало мнѣ безпримѣрное счастье. Сонечка меня любила, характеръ у нея былъ ровный и веселый, бывало сидитъ себѣ за работою да пѣсенки распѣваетъ. Точно птичка-пѣвунья слетѣла къ намъ съ неба, чтобы оживить наше уединеніе. Мать и сестра въ ней души не чаяли. Даже то, что рѣдко бываетъ въ женщинѣ, она имѣла. Она не тяготилась моими занятіями и даже поощряла меня къ труду. Но потому именно, что счастье мое было слишкомъ велико, я не могъ пользоваться имъ полною; я трепеталъ, я боялся потерять его. Часто я предавался безпричинной тоскѣ, былъ раздражителенъ, дѣлалъ женѣ безсмысленные упреки и тѣмъ оскорблялъ ее, потомъ самъ же плакалъ, просилъ прощенія, а послѣ ненавидѣлъ себя за свою слабость. Словомъ, на вершинѣ счастья я былъ несчастливъ. Все мнѣ казалось, что жена не такъ любитъ меня, какъ показываетъ, что я и не стою такой любви. Не было ли это предчувствіе? Въ самомъ дѣлѣ, Сонечка встрѣтила меня, будучи въ томъ возрастѣ, когда дѣвушка любитъ любовь и первый попавшійся ей мущина дѣлается предметомъ ея. До встрѣчи со мною Сонечка жила въ деревнѣ и никого не видала. Все это я переворачивалъ въ умѣ своемъ и страдалъ. Опять скажу: можетъ быть, я предвидѣлъ будущее. Но что пользы въ этомъ предвидѣніи, когда оно только отравляетъ настоящее. Предотвратить грядущее не въ силахъ человѣка, хотя бы онъ и предвидѣлъ его.

Такъ прошелъ годъ современіи нашей свадьбы годъ, который могъ бы быть такъ счастливъ и который я отравилъ своими тревогами. Однако же были минуты полнаго счастья, когда я вдругъ успокоивался и видѣлъ жизнь въ настоящемъ ея свѣтѣ; но это были короткія минуты. На другой годъ я сдѣлался отцомъ и съ того дня переродился. Мнѣ казалось, что жена моя имѣетъ теперь столько оковъ, связывающихъ ее съ семьей, что для меня невысказано болѣе потерять ее. Я успокоился и ожилъ, не замѣчая, что стою на краю ямы, которую выкопалъ себѣ самъ. Мнѣ несчастному и въ голову не приходило, что въ невинномъ сердцѣ жены моей, получавшей безпрестанныя, ничѣмъ не заслуженныя упреки, могло накопиться много желчи, которая должна была имѣть исходъ такъ или иначе. Однимъ словомъ, я накликалъ несчастье и оно пришло.

Сонечка, послѣ рожденія малютки, еще болѣе расцвѣла и похорошѣла. Меня не злили болѣе завистливыя взгляды, которые бросали на нее мужчины, когда мы гуляли вмѣстѣ.

II.

Однажды, возвращаясь съ нею домой, я неожиданно попалъ въ объятія Хозарова.

— „Ура! профессоръ, кричалъ онъ, побѣда! нако-

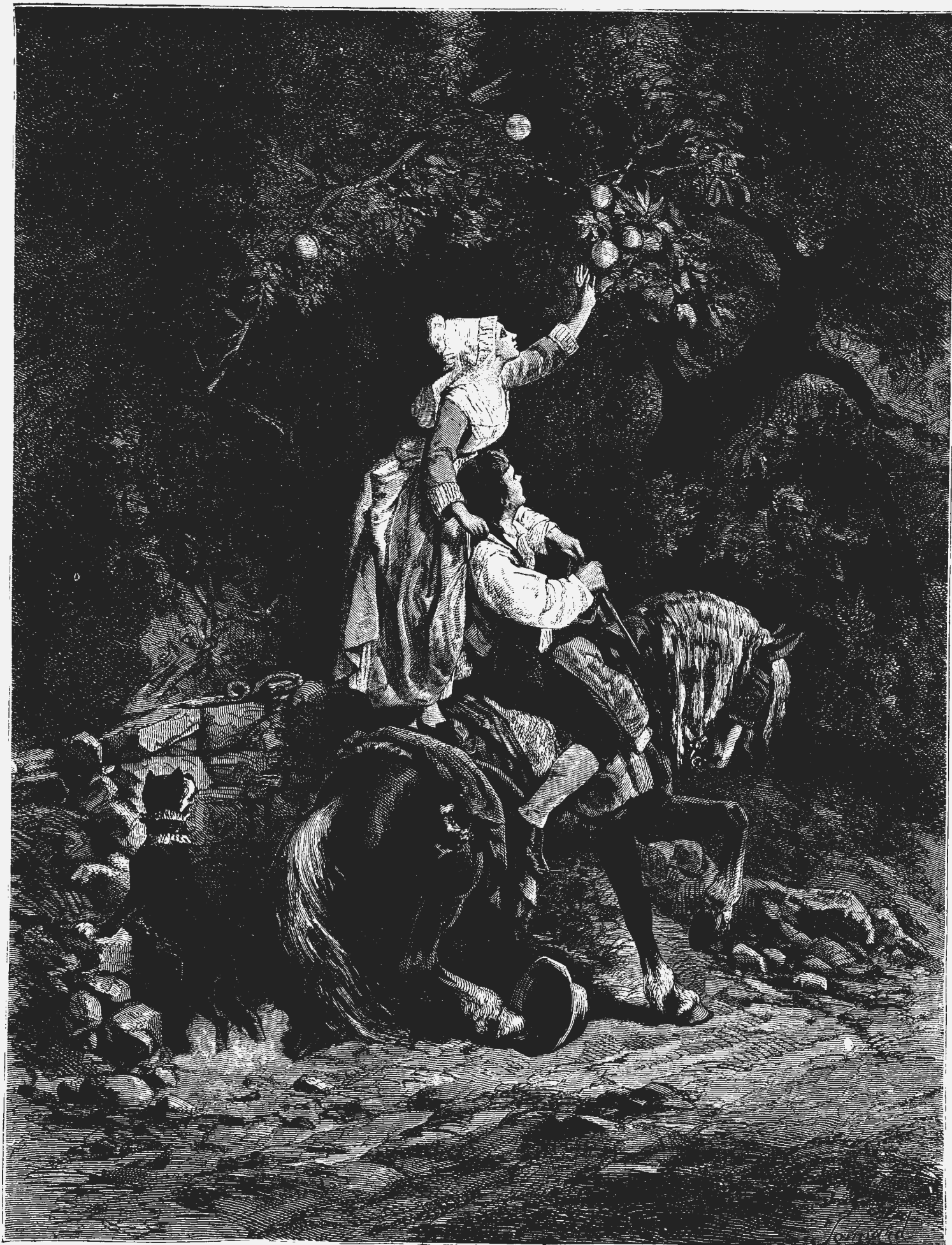
Сіонъ или Дарохранильница Іоанна III.
Съ фотогр. грав. Паннемажеръ.

нецъ-то ты изъ пергамента превратился въ человѣка. Буду же я теперь тебя мучить своими сердечными изліяніями, теперь ты поймешь меня“.

Надо замѣтить, что я съ самой женитьбы моей не писалъ ему, и онъ ничего объ этомъ не зналъ. Долженъ признаться, что мнѣ какъ будто совѣстно было снизойти въ его мнѣніи съ моего пьедестала и ливиться обыкновеннымъ смертнымъ. Долго Хозаровъ трунилъ надо мной по поводу моей женитьбы. Сонечка сдѣлала на него самое пріятное впечатлѣніе, и я гордился этимъ. Три мѣсяца онъ намѣренъ былъ пробыть въ П*** и по обыкновенію сталъ бывать у насъ каждый день. Какимъ неуклюжимъ увальнемъ я долженъ былъ казаться женѣ моей въ сравненіи съ этимъ блестящимъ дипломатомъ. Но я говорю такъ теперь, а тогда мнѣ этого и въ голову не приходило. Я не ревновалъ, когда могъ бы ревновать; допускалъ Сонечку гулять, кататься съ Хозаровымъ безъ малѣйшаго сомнѣнія. Можетъ быть, потому, что Хозаровъ былъ для меня не мужчина, а мой другъ, и я ему вѣрилъ, — пѣтъ, даже и не потому; я говорилъ уже, что отъ бессмысленной тревоги перешелъ къ полному спокойствію. Иногда замѣчалъ я какъ будто тревожныя взгляды матери и сестры, но не обра-

Русскіе на Дунаѣ. Солдаты на рыбной ловлѣ подѣ выстрѣлами у Ольтеицы. Ориг. рис. Н. Каразина.

Адамъ и Ева нашихъ дней. Картина Комита Аликса, грав. Жоннаръ.

щаль на это вниманіа; онѣ же не рѣшались сообщить мнѣ своихъ опасеній. Одинъ день, день ужасный, — дрожу и теперь, какъ вспомню его — возвращаюсь изъ университета, меня встрѣчаетъ сестра съ такимъ испуганнымъ лицомъ, что я невольно встревожился. Мнѣ пришло въ голову, что кто нибудь изъ домашнихъ опасно боленъ. „Ты не встрѣчалъ Сонечки?“ спросила она меня. — Нѣтъ, развѣ она ушла куда-нибудь? — „Ушла гулять съ Володей и съ нянькой давно ужъ, часу въ первомъ.“ — Да гдѣ же Арина? — „Арину она послала изъ сквера за теплымъ платкомъ, а когда она вернулась, то Сони въ скверѣ ужъ не было.“ — Странно, куда же она дѣлась, да она можетъ быть съ Хозаровымъ кататься поѣхала, — заключилъ я пренаивѣйшимъ образомъ. Сестра такъ посмотрѣла на меня, что мнѣ стало вдругъ отчего-то неловко. Обѣдать мы не сѣли, хотя было уже пять часовъ. Ни разу не бывало, чтобы жена не обѣдала дома, и я начиналъ не на шутку тревожиться. Пробыло шесть. Я не выдержалъ; не сказавъ никому ни слова, взялъ шляпу и вышелъ. Машинально, не отдавая себѣ отчета для чего и зачѣмъ, я пошелъ къ Хозарову. „Баринъ сегодня за-границу уѣхали“ доложили мнѣ слуги и какъ мнѣ показалось переглянулись. Въ послѣдніе годы я изрѣдка заходилъ къ Хозарову и слуги его меня знали и жену мою тоже. Мы даже разъ съ нею чаю у него пили. — Хозаровъ уѣхалъ, не простившись, жены моей нѣтъ, родные мои въ тревогѣ. Истина стучалась въ мой мозгъ, но я упорно отвергалъ ее. Долго я бродилъ, не смѣя идти домой, мнѣ стыдно было родныхъ, но смутная надежда, что жена вернулась, повлекла меня, наконецъ, къ дому. Одинъ взглядъ на сестру и мать далъ мнѣ понять, что надежды мои тщетны, но я увидалъ на столѣ письмо и какъ сумашедшій бросился и распечаталъ его. Я читалъ, руки мои дрожали, буквы прыгали передъ глазами, и я слышалъ какъ кто-то въ комнатѣ тихо плакалъ.

Вотъ что было въ письмѣ: „Петя, когда я любила тебя, ты не вѣрилъ мнѣ, теперь ты увидишь, что я не способна къ обману: я люблю другого и потому

оставляю тебя. Мнѣ тяжело: ты и твои родные все-таки милы мнѣ, но я не могу поступить иначе. Беру Володу: онъ бѣдняжка, не можетъ обойтись безъ меня. Не проклинай меня, видно судьба моя такая! Будь великодушень, пришли мнѣ паспортъ въ Парижъ *poste restante*, но не думай, что я тамъ буду; въ Парижъ я не поѣду, не преслѣдуй меня, я скорѣе руки на себя наложу, чѣмъ вернусь“.

Прочитавъ это письмо, я понялъ, что потерялъ навсегда и жену, и ребенка. Я бросился на диванъ и пролежалъ въ какой-то летаргій цѣлыя сутки. Слышалъ, какъ сутились мать и сестра; былъ и докторъ; клали мнѣ ледяные компрессы на голову, но я не могъ двинуться ни однимъ членомъ. На другія сутки я всталъ, одѣлся и пошелъ въ университетъ; съ этого дня я сталъ жить, какъ автоматъ. Между мною и моими родными не было произнесено о ней ни единого слова; разъ какъ-то я уловилъ такое выраженіе сестры: „какъ она смѣла ребенка унести! развѣ безнравственная женщина можетъ быть хорошей матерью, лучше бы ему никогда не знать ее“. Хотя эти слова были сказаны и не мнѣ, но я не могъ ихъ слышать, взялъ шляпу и ушелъ. Съ тѣхъ поръ о женѣ не упоминалось. Я не медля выправилъ ей паспортъ и послалъ по назначенію. Преслѣдовать се я и не думалъ, да что мнѣ было въ томъ, что она вернется, когда не вернется любовь ея. Протянулся годъ, какъ цѣлая вѣчность! Однажды я замѣтилъ по лицамъ своихъ, что у нихъ есть какія-то новости, которыя онѣ боялись сообщить мнѣ. Любопытство меня мучило, но я долго не рѣшался, спросить ихъ о томъ наконецъ какъ-то разъ послѣ обѣда я пошелъ къ старушкѣ и не подымая на нее глазъ, спросилъ:

— Что вы знаете новаго? скажите.

— Сони теперь въ деревнѣ у Анны Петровны, — отвѣчала она мнѣ.

— Одна?

— Съ Володей.

— Дайте письмо.

(Окончаніе будетъ).

N.

Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай 10 и 15 июня 1877 г.

I.

Пунктовъ для переправы выбрано было два: на Нижнемъ Дунаѣ, у Браилова, и на Среднемъ — ниже Никополя (противъ устья Адуты, у Турно-Магурелли).

Сообразно съ этимъ сдѣланы были и всѣ распоряженія по сосредоточенію войскъ и прегражденію мѣстами Дуная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что и удалось вполне. Къ концу апрѣля, мы, не имѣя флота, отняли у непріятеля Дунай отъ Рени до Браилова; а къ концу мая — весь Нижній Дунай отъ Рени до Гирсова былъ свободенъ отъ турецкаго флота и вполне въ нашихъ рукахъ. Еще 10 іюня вода въ Нижнемъ Дунаѣ была столь высока, что генералъ-лейтенантъ Циммерманъ находилъ переправу въ этотъ день невозможною и просилъ разрѣшенія отложить ее до спада воды. Но когда Его Высочество Главнокомандующій изволилъ выразить, что ему совершенно необходимо, чтобы переправа у Браилова совершилась непременно 10-го іюня, то генералъ Циммерманъ принялъ всѣ мѣры и употребилъ всѣ усилія для подготовки этой крайне рискованной задачи, и выполнилъ ее съ блестящимъ успѣхомъ.

Въ ночь на 10 іюня, Рязскій и Рязанскій пѣхотные полки, будучи переправлены заранѣе въ д. Завлысь, на тотъ берегъ Дуная, двинулись подъ командою генералъ-маіора Жукова на заготовленныхъ тамъ судахъ по болотамъ къ Буджаку для десанта. Не успѣли они проплыть половины разстоянія, какъ по нимъ открыли турки убійственный огонь, прямо въ упоръ въ массы нашихъ солдатъ, скученныхъ на судахъ. Мало того, имъ турки не давали высаживаться: пришлось брать штыками каждую пядь завоеванной земли. Страшная рѣзня происходила и въ болотахъ, и на буджакскихъ высотахъ. Нужно было видѣть нашихъ молодыхъ солдатъ, какъ они шли въ огонь и какъ они показали себя въ рукопашной. Много ложилось убитыми, много валилось и тонувъ въ болотахъ, но ничто не останавливало ихъ. Они заняли берегъ. Въ иныхъ мѣстахъ болота вода стояла по плечи. Они высочили изъ лодокъ и плотовъ, кинулись за убѣгающими турками и преслѣдовали ихъ по пятамъ.

Отъ берега до буджакскихъ высотъ порядочное разстояніе, именно около трехъ верстъ. Это разстояніе наши два полка то на лодкахъ и плоткахъ, то цѣпью проходили, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля подъ страшнымъ огнемъ непріятельской цѣпи, расположенной второю линіею у подошвы высотъ. Затѣмъ, на нихъ грянула съ высотъ артиллерія. Рязцы шли впереди. Чуть было дрогнули молодцы, уже и рѣдѣвшіе отъ убыли и измученные такимъ ужаснымъ переходомъ; но за ними на плоткахъ подплыли Рязанцы. Сплотившись дружною стѣною, они пошли впередъ, выбивать вторую линію непріятеля подъ страшнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Здѣсь на своихъ плечахъ потянули они по болотамъ артиллерію и въ убійственномъ огнѣ успѣли установить ее на одномъ болѣе возвышенномъ мѣстѣ. Очевидцы говорятъ, что первый нашъ орудійный выстрѣлъ оказалъ такую громадную нравственную поддержку нашимъ солдатамъ и навелъ на турокъ таковой панической страхъ, что съ этого выстрѣла участь буджакскихъ высотъ была рѣшена. Непріятель дрогнулъ, и, отстрѣливаясь, сталъ отступать. Наши взобрались на горы съ разныхъ сторонъ и шагъ за шагомъ выбивали непріятеля. Здѣсь было нѣсколько кавалерійскихъ атакъ непріятельской кавалеріи, но мѣткою стрѣльбою и стойкостью они были отбиты. Генералъ Жуковъ, командиръ этого отряда, преслѣдовалъ непріятеля до д. Гарвань, далѣе которой измученные люди, бывши 12 часовъ въ огнѣ, идти уже не могли.

Занятіе Буджака произвело на турокъ полную панику. Они отступили къ Исачкѣ и тотчасъ дали знать, чтобы махинскій отрядъ оставилъ городъ и двигался по тому-же направленію.

Въ этотъ же самый день, когда происходила битва около Буджака, наши герон-моряки, Дубасовъ и Шестаковъ, съ двумя миноносками и катеромъ „Фулджеро“ дѣлали диверсію къ Махинскому рукаву. Мониторовъ уже тамъ не было; они подплыли къ самому Мачину, но изъ тамошней батареи въ нихъ выпустили 20 выстрѣловъ, но причинивъ, впрочемъ, нѣкакого вреда. Съ нашихъ судовъ было выпущено 4 выстрѣла и не безъ успѣха. На другой день, когда заняли Мачинъ, въ оставленныхъ турками казармахъ найдено было двое раненыхъ —

именно отъ выстрѣловъ съ нашихъ судовъ. Это было утромъ. Слѣдовательно, турки оставили городъ поздно. Нужно замѣтить, что около этихъ береговъ постоянно шныряли казаки и охотники изъ пѣхотныхъ полковъ на лодкахъ для развѣдокъ, что дѣлается на томъ берегу. Уже вечеромъ имъ дали знать, что турки оставили городъ. Сорокъ человекъ смѣльчаковъ отправились туда на ночь и заняли городъ, извѣстивъ на другой день, что городъ въ нашихъ рукахъ. Тотчасъ же снаряжены были суда съ Тарутинскимъ полкомъ, и самъ корпусный командиръ, генералъ Циммерманъ, отправился въ оставленный безъ боя городъ. Съ музыкой и лихою солдатскою пѣсней вышли бородинцы къ пристани, гдѣ уже ихъ ждали приготовленные заранее лодки, баржи и десантные румынскіе пароходы: „Взрывъ“, „Заграждение“, „Романія“ и „св. Стефанъ Чальморе“ (морской). Возвышенія брайловскаго берега усыпаны были любопытными зрителями, пришедшими посмотреть на зрѣлище, котораго всѣ такъ давно ждали. На горѣ, гдѣ городской садъ, на горѣ, близъ госпиталя, около багетей—всюду видѣлись толпы зрителей. Иные взлѣзли на крыши домовъ. Внизу передъ пристанью, вездѣ, гдѣ только было дозволено стоять народу, тѣснились также многолюдныя группы. Яркое солнце бросало бѣлый ослѣпительный свѣтъ на эти сотни лицъ, полныхъ особеннымъ оживленіемъ, сверкало на штыкахъ солдатъ и озаряло широкій Дунай, быстрыя волны котораго весело катились, какъ будто сочувствуя общему движенію. А подалеже влѣво, за массами многоголовой толпы, за полками, подходоившими съ музыкой и устанавливавшимися у пристани, видѣны были длинный мостъ, колоссальный по своему протяженію и изумительный по постройкѣ, собранный нашими саперами въ какіе-нибудь четыре дня! И столько же, сколько веселъ и оживленъ былъ нашъ берегъ, столько же печаленъ былъ берегъ непріятельскій! Здѣсь музыка, гулъ толпы, крики команды, шумъ снующихъ пароходовъ и челноковъ; тамъ полное безмолвіе. Нѣсколько разрушенныхъ лачужекъ у Гечета, блѣднозеленый тростникъ и отроги горъ, представлявшіеся въ темносинемъ туманѣ на дальнемъ горизонтѣ. Все такъ грустно и уныло...

Занятіе Мачина было не безъ нѣкотораго торжества. На встрѣчу нашихъ войскъ, входящихъ въ городъ, вышло болгарское духовенство съ образами и хоругвями. За нимъ видѣлась еще большая толпа народу. Имъ указали на генерала Циммермана, какъ на высшаго начальника и представителя русской власти. Генералъ тотчасъ съѣхалъ на берегъ со своимъ штабомъ, поздоровался со взводомъ охотниковъ, встрѣтившимъ его, и пошелъ на встрѣчу депутата и духовенству. Отслужень былъ мелебенъ; музыка заиграла „Боже, Царя храни“, и общій крикъ воодушевленія и восторга, какъ со стороны нашихъ солдатъ, такъ и оставшихся жителей, огласилъ воздухъ и далекимъ перекатомъ раздался по прибрежнымъ горамъ.

II.

На Среднемъ Дунаѣ подготовка сложной операціи переправы оказалась несравненно труднѣе. Не говоря уже о неисправности желѣзныхъ дорогъ, задерживавшихъ сосредоточеніе понтонныхъ и мостовыхъ матеріаловъ, турки обнаруживали здѣсь необычайную бдительность: они, очевидно, знали, что переправа предположена ниже Никополя, постѣнно стягивали сюда свои войска и усиленно работали надъ постройкою укрѣпленій. Кромѣ того, на Среднемъ Дунаѣ собрались всѣ оставшіеся у нихъ мониторы, и устройство здѣсь загражденій представлялось дѣломъ весьма труднымъ и опаснымъ.

Согласно окончательному рѣшенію, войска были двинуты на избранный для переправы пунктъ, къ Турну. Время, потребное для ихъ передвиженія, было употреблено на устройство загражденій въ Дунаѣ. Прежде всего проложены мнѣнья загражденія у Парапана, которая лишила турецкіе мониторы, расположенные въ Руцукѣ и ниже, возможности плавания вверхъ по Дунаю выше Руцукъ. Затѣмъ, въ виду предположенія о переправѣ близъ Никополя, необходимо было преградить Дунай выше этой крѣпости, очистивъ сперва отъ мониторовъ все теченіе Дуная отъ Парапана до Никополя. Къ уничтоженію мониторовъ случая не представлялось; но загражденія были выполнены капитаномъ 1 ранга Новиковымъ, справившимся съ этимъ отважнымъ дѣломъ при пособіи однихъ гребныхъ судовъ.

Такимъ образомъ, всѣ приготовления были усрѣдлены на переправу у Никополя, и у турокъ не оставалось болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь именно со дня на день слѣдуетъ ожидать русскихъ; но что представляется намъ особенно важнымъ и благоприятнымъ для всего дѣла условіемъ—это полная увѣренность самого Главнокомандующаго, а съ нимъ и его помощниковъ и всѣхъ войскъ—что переправа рѣшена окончательно именно со стороны Турну. Не будь этой увѣренности, никакая тайна не могла бы замаскировать отъ турокъ дѣйствительный пунктъ переправы, а затѣмъ и все дѣло лишилось бы той внезапности, которая сослужила Дунайской арміи такую важную службу.

Августѣйшій Главнокомандующій, не измѣняя своихъ намѣреній относительно переправы, тайно выѣхалъ, вмѣстѣ съ своими ближайшими сотрудниками, изъ Плоешты и произвелъ личный осмотръ береговъ Дуная отъ Зимницы до Турну. Тутъ, убѣдившись лично въ тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, съ ко-

торыми сопряжено форсированіе переправы въ окрестностяхъ Никополя, и удостоверившись, что у Зимницы состоятіе уровня воды дозволяетъ устройство переправы, Его Высочество окончательно выбралъ мѣсто у Зимницы, нѣсколько ниже Систова.—и тотчасъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Теперь становится понятнымъ, почему до послѣдней минуты и у насъ, и за границей держалось убѣжденіе, что главная переправа нашей арміи произойдетъ именно у Турну, и даже по переходѣ нашихъ войскъ на Систово—все еще ожидали какъ-бы продолженія переправы противъ Никополя.

Не смотря на перемену рѣшенія Главнокомандующаго, непроницаемая тайна продолжала покрывать всѣ его распоряженія. Намѣренія Его Высочества открыты были только командиромъ корпуса, войска котораго направлены были къ переправѣ, но не прямыми путями, а окольными, чтобы замаскировать истинное ихъ назначеніе. Въ то же время съ 12 и 13 чиселъ начато ежедневное бомбардированіе Руцукъ и Никополя, какъ-бы для подготовленія здѣсь предположенной переправы.

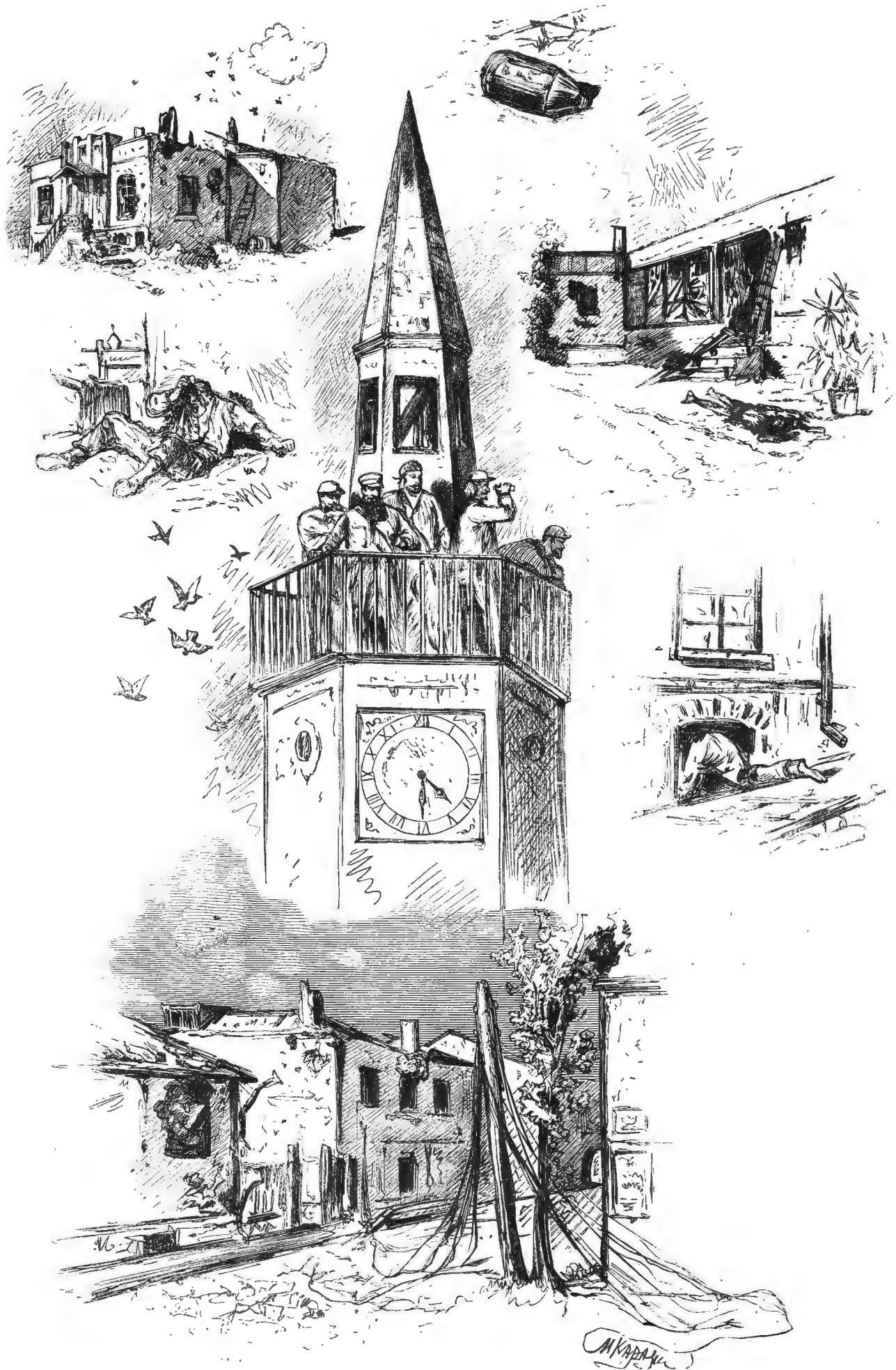
Опишемъ сначала мѣстность.

Отъ Зимницы идетъ довольно значительное побережье въ видѣ острова, которое только-что открылось отъ спада Дунайскихъ водъ. За этимъ мѣстомъ Дунай раздѣляется островомъ, поросшимъ лозою, на два рукава, изъ которыхъ болѣеій рукавъ омываетъ Систово, а меньшій обращенъ къ Зимницѣ. Въ этомъ мѣстѣ Дунай шириною сажень въ шестьсотъ, изъ конхъ полтора приходится на ближайшій къ намъ рукавъ и 450 саж.—на рукавъ около Систова. Все побережье съ нашей стороны низменно, болотисто и только открьшіеся островъ представляетъ собою несчаную, нѣсколько поднятую плоскость; напротивъ, непріятельскій берегъ высокъ и, уступивъ за уступомъ, круто возвышается отъ берега и тамъ далеко теряется въ выси горизонта своими плоскогорными возвышенностями. Вправо отъ города тянется рядъ довольно значительныхъ горъ; слѣва—тоже берегъ, вездѣ отвѣсный, и только версты пять лѣвѣе города имѣется небольшая ложинка, нѣсколько ниже спускающаяся къ берегу. Ложина эта, углубляясь далѣе отъ берега, мало по малу возвышается и переходитъ въ мѣстность съ весьма крутыми подъемами. По ложнѣ протекаетъ горный ручей, на которомъ стояла турецкая мельница. Вся эта мѣстность покрыта виноградниками, густыми кустами, черешневыми, орѣховыми деревьями, изгородью и т. п. И изъ такой-то мѣстности нашимъ пришлось выбивать турокъ, быть подъ огнемъ въ-упоръ, ползкомъ карабкаться по крутизнамъ и т. д.

Мостъ былъ наведенъ сначала чрезъ рукавъ Дуная, и именно въ ночь съ 13-го на 14-е. Мостъ этотъ парусинный въ 50 сажень длиною. Парусинные понтоны очень удобны при перевозкахъ. Они устраниваются такимъ образомъ, что весь оставъ разбирается на части, а бока и дно обтягиваются непромокаемой парусиной; но удобны для перевозки, они имѣютъ то неудобство, что на нихъ трудно перевозить десанты и сами они тяжелы на ходу въ водѣ. Паканунѣ переправы, турки пустили нѣсколько выстрѣловъ по этому мосту, но потомъ стрѣлять перестали, принявъ наводку этого моста за ложную переправу, чтобы отвлечь вниманіе отъ переправы противъ Никополя, гдѣ въ это время производили большую суету и, казалось, собирались переправляться. По этому мосту и были перевезены на островъ въ ночь переправы двадцать четыре орудія, которыя были поставлены противъ турецкаго берега на южной сторонѣ острова.

Поразительное зрѣлище, по словамъ очевидцевъ, представляли эти массы солдатъ, прокравшихся въ укрѣпленія. Необычайная тишина господствовала всюду. Даже артиллерія шла безъ грома: колеса были, какъ говорятъ, обернуты соломою. Первые понтоны съ пластунами перебрались такъ, что турки ихъ не замѣтили. Пластуны вышли на берегъ и, бросившись на турецкій пикетъ врасплохъ, вырѣзали спавшихъ часовыхъ. Можетъ быть и аванпостную непріятельскую дѣнь постигла бы та же участь, если бы, какъ рассказываютъ, въ это время турокъ не извѣстилъ о переправѣ шлюпъ-болгаръ, по однимъ мельникъ, по другимъ поигъ. Поднялась тревога. Завязалась первая перестрѣлка. Турецкія орудія сразу открыли огонь какъ по русскимъ лодкамъ, скрытымъ за кустарникомъ, такъ и по колоннамъ, двигавшимся по плоскому берегу. Кромѣ того, съ высотъ, господствующихъ надъ бухтой, турки посылали сильный ружейный огонь. Ихъ стрѣлки владѣли еще пунтомъ высадки. Одно орудіе, стоявшее отдѣльно, стрѣляло мѣтко и быстро и причинило нѣкоторый вредъ лодкамъ: но не смотря на то, что люди страдали отъ этого огня, лодки дѣлали свое дѣло, подходили и возвращались до тѣхъ поръ, пока людей собралось настолько достаточно, что онѣ были уже въ состояніи удержаться сами, собственными силами до разсвѣта.

Храбрые артиллеристы, не смотря на пальбу непріятеля, исполняли свою обязанность, и какъ только смолкнетъ на минуту одно орудіе—подастъ сво голосъ другое. Подъ страшнымъ огнемъ переправа продолжалась неудержимо, и ничто не могло остановить нашихъ солдатъ. Очевидцы дѣла передавали потомъ страшныя подробности о гибели людей Волинскаго полка, который переправлялся первымъ. Видно было—рассказывалъ офицеръ—что львѣтъ понтоны, полныя людьми. Гребцы жарко

Въ Журжѣ. Сцены во время бомбардированія города. Рис. Н. Карзинъ, грав. Вейерманъ.

Центральная площадь въ Журжѣ, во время бомбардированія. Ориг. рис. П. Каразина, грав. Діамантовскій.

Переправа у Систова, въ ночь съ 14 на 15 юня 1877 г. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Вейермагъ.

гребуть, понтонъ быстро подвигается впередъ. Поднятые къверху штыки блестятъ цѣлымъ рядомъ. Граната. Вдругъ нѣсколько штыковъ опускаются. Ужасные выстрѣлы не умолкаютъ и сыплютъ гибельные снаряды. Наконецъ надъ понтономъ уже не видно ни одного штыка. Дѣйствуетъ только одно весло, тщетно стараясь направить къ берегу понтонъ, увлекаемый быстрымъ теченіемъ. Но вотъ и это весло повисло безъ движенія: послѣдній гребецъ упалъ и понтонъ съ темною массою повалившихся людей плыветъ по мутнымъ волнамъ Дуная, уже неуправляемый нѣмъ, плыветъ огромнымъ печальнымъ гробомъ. Во время переправы потонуло три понтона съ горной артиллеріей. Они были пробиты непріятельскими гранатами и пошли ко дну со всѣми находящимися на нихъ людьми. Говорятъ, что одинъ изъ утопавшихъ офицеровъ очень долго боролся съ волнами и можетъ быть спасся бы, еслибъ ему не помѣшала находившаяся на немъ сумка съ казеннымъ золотомъ. По слухамъ, одно изъ орудій было на другой день вытасчено. Остальныя всѣ потонули. Рассказываютъ еще, что на одномъ понтонѣ перебили всѣхъ людей, кромѣ одного гребца, и этотъ послѣдній привелъ понтонъ къ бѣгу и уже высаливался, какъ пуля поразила его на смерть. Солдаты, при переправѣ, едва достигнувъ берега, бросались безъ выстрѣла прямо въ штыки и выбивали турецкихъ стрѣлковъ изъ-за ихъ заваловъ и прикрытій съ ожесточеніемъ и смѣлостью просто невѣроятными. По всѣмъ отзывамъ и турки сами бѣжали необыкновенно храбро: русскіе всюду встрѣчали вѣра и всякую падь непріятельской позиціи должны были брать съ боя. Кромѣ того, турки придумали слѣдующую хитрость: они падали какъ бы убитые, но какъ только русскіе пробѣгали мимо нихъ — вскакивали и кидались съ тылу на русскіхъ. Этотъ хитрый маневръ совершенно ожесточилъ нашихъ солдатъ, такъ что они начали проклинать штыками всѣхъ павшихъ, не разбирая, и убитыхъ и раненыхъ.

Переправа войскъ, удержавшихся на турецкомъ берегу, производилась на 62 желѣзныхъ понтонахъ, 3, 4, 5 и 6 понтонныхъ батальоновъ въ три транспорта, человекъ около 30 на каждомъ понтонѣ. Понтоны переправлялись рейсами. Съ третьимъ рейсомъ отправился начальникъ 14 дивизіи, генераль Драгомировъ. Генераль этотъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся теоретиковъ-специалистовъ военного дѣла; теперь же онъ выказалъ себя съ блестящей стороны какъ боевой генераль. Все время генераль Драгомировъ находился подъ выстрѣлами и выказалъ необычайное хладнокровіе. Передаютъ такой случай: когда гранаты пролетали надъ головами солдатъ, они, по невольному побужденію, которому повинуются даже храбрые изъ храбрыхъ, впервые выдерживающіе огонь, наклонили головы.

— Что, ребята, кланяетесь, али знакомая? обратился генераль Драгомировъ къ солдатамъ, замѣтивъ ихъ поклонъ одной гранатѣ.

Онъ видимо, хотѣлъ ободрить солдатъ такой шуткой, но они встрѣтили эти слова суровымъ молчаніемъ.

Переправившись подъ страшнымъ огнемъ, генераль Драгомировъ тотчасъ же привелъ въ порядокъ высадку солдатъ; затѣмъ повелъ ихъ лично въ атаку на самую страшную турецкую позицію. Съ крутой горы, вблизи склона къ Дунаю, гдѣ приставали понтоны, бѣжить узенькій потокъ. Около него водная мельница. Мѣстность тутъ самая выгодная для обороны: груды большихъ камней, густой кустарникъ, овражки, рвы, около которыхъ турки насыпали искусственный валъ. Здѣсь-то за каждымъ холмомъ и кустомъ и въ самомъ зданіи мельницы засѣли турки, сопротивляясь съ мужествомъ отчаянія. Мѣткій огонь враговъ изъ-за всякихъ естественныхъ и искусственныхъ преградъ поражалъ нашихъ безпощадно. Солдаты кинулись въ штыки. Рѣзня была по истинѣ ужасная. Все уничтожалось безпощадно, лишь на мельницѣ оставалась засѣвшая тамъ чучка враговъ, которыхъ никаки не могли выбить. Рѣшили поджечь мельницу; подъ ея развалинами погибли и отчаянные защитники.

Въ донесеніи генерала Драгомирова сказано, что „первая вступившая въ бой части не составляли не только цѣльныхъ батальоновъ или ротъ, но даже и взводовъ: каждая вновь прибывшая часть пристраивалась къ первымъ попавшимся кучкамъ и такими-то импровизированными „частями-товариществами“ наши храбрцы, предводимые и руководимые случайными начальниками, безъ малѣйшей надежды на близкую поддержку—такъ какъ нельзя было рассчитывать на скорую помощь съ того берега—выдержали славный бой; каждое товарищество зорко слѣдило за тѣмъ, что дѣлается у сосѣдей, и какъ только послѣдніе подавались впередъ, или имъ угрожала непріятель, немедленно слѣдовала помощь или производилось передвиженіе въ связи съ движеніемъ сосѣдей.

Рассказываютъ, что рота капитана Брянова, переправившись на берегъ, пришла въ замѣшательство отъ огня турецкихъ стрѣлковъ, но храбрый капитанъ для возбужденія мужества рѣшился пожертвовать собою. Съ крикомъ „ребята, впередъ! за мною!“ онъ кинулся въ толпу турокъ. Пока къ нему на по-

мощь не подоспѣли солдаты, турки буквально перебрасывали храброго капитана со штыка на штыкъ. Онъ получилъ девять ранъ и девятая была смертельная.

Впереді 9 дивизіи (князя Мирскаго) шелъ полкъ стрѣлковой бригады, сформированный спеціально для настоящей войны. Бригада эта вооружена ружьями Бердана и состоитъ изъ лучшихъ стрѣлковъ арміи. 9-я дивизія сформирована изъ 4 историческихкихъ полковъ, сильно пострадавшихъ во время осады Севастополя, именно, изъ полковъ: Елецкаго, Орловскаго, Брянскаго и Сѣвскаго). Солдаты этого полка оказывали тоже чудеса храбрости.

Хотя турецкія орудія уже вынуждены смолкнуть, однакожъ сопротивленіе турокъ еще не совершенно закончилось. Сосредоточившись на крайнихъ высотахъ, турки бросились на бригаду командира 14-й пѣхотной дивизіи генераль-майора Юлшина. Но солдаты Юлшина неудержимо двинулись впередъ. Турки кинулись обратно. Скоро русская пѣхота увѣнчала высоты и расположилась тамъ, глядя оттуда внизъ на поля Болгаріи.

Сбитыя съ берега турецкія войска отступили на Рущукъ и Тырново. Относительно дѣйствій противъ перваго пункта мы высказали свое мнѣніе (см. политическія и военныя извѣстія „Нивы“). Тырново же, какъ извѣстно изъ послѣднихъ событій, теперь уже занято нашими войсками, передовые отряды которыхъ теперь проникли по прямой дорогѣ къ Казанлыку (ведущему на Балканъ) отъ Тырново до Габрова. Что касается Спстова, то онъ уже, какъ извѣстно, въ нашихъ рукахъ и удостоился принять въ своихъ стѣнахъ Государя Императора.

Городъ Спстова обнесенъ стариннымъ землянымъ валомъ, ровъ котораго не имѣетъ каменной окладки. Фронтъ укрѣпленій, кромѣ главнаго вала, не имѣлъ прежде никакихъ оборонительныхъ приспособленій; но въ послѣднее время турки расположили вокругъ города нѣсколько передовыхъ, вспомогательныхъ укрѣпленій, поддерживаемыхъ огнемъ съ главнаго вала.

Самый городъ не представляетъ ничего красиваго и интереснаго. Улицы, грязныя, кривыя, слутанныя, окаймлены низенькими домами, сложенными изъ необожженного кирпича и неправильныхъ камней. Окна домовъ какъ вообще бываетъ на востокѣ, обращены во дворъ; а съ улицы идутъ какъ бы сплошныя стѣны, отчего видъ улицы еще скучнѣе; только зелень да бесѣдки, мѣстами выдающіяся надъ стѣнами, немного оживляютъ монотонность сѣрыхъ и неяркихъ домовъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ (отъ 25 іюня) потери наши при переправѣ черезъ Дунай въ ночь съ 14 на 15 іюня показаны: убитыхъ 6 офицеровъ и 289 нижнихъ чиновъ, ранеными 22 офицера и 398 нижнихъ чиновъ, безъ вѣсти пропали 38 нижнихъ чиновъ.

Сколько было непріятеля на этой сторонѣ—показанія весьма различны. Полагаютъ, что не менѣе какъ отъ 5—7 тысячъ человекъ.

16 іюня около 11 часовъ пріѣхалъ Государь Императоръ, остановился у госпиталей и пошелъ по палаткамъ, причемъ спрашивалъ каждого раненаго, чѣмъ и какъ онъ раненъ. Выходя, Государь благодарилъ людей: „Спасибо вамъ! молодцы!“—„Рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ отвѣчали солдатики.—„Богъ съ вами, поправляйтесь!“—Постараемся, Ваше Императорское Величество!“—„Да ужь вы, кажется, постарались!“ Одинъ раненый л.-гв. Павловскаго полка спалъ; проснувшись и увидѣвъ Государя, онъ заговорилъ: „Я шестерыхъ закололъ, Ваше Императорское Величество, а на седьмомъ меня ранили... и ужь не могъ...“ Другой солдатикъ, Волинскаго полка, показывалъ, что у него всѣ 30 патроновъ остались. „Этотъ ты показываешь, что у тебя патроны остались, какъ Драгомировъ приказалъ?“ *).

Волинскаго полка штабсъ-капитанъ Бряновъ былъ поднятъ, какъ сказано выше, на штыки и изувѣченъ 9 ранами, онъ страшно страдалъ, до него нельзя было приблизиться. Когда его постигла, еще до пріѣзда Государя, Его Императорское Высочество Главнокомандующій, онъ жестоко мучился, но былъ въ памяти и попросилъ руку у Его Высочества. „Что, Бряновъ, ты очень страдаешь?“—„Да, Ваше Высочество, дайте руку подѣловать!“ былъ отвѣтъ.—„Нѣтъ! Дай, Я тебя подѣлую!“ сказалъ Его Высочество, и подѣловалъ этого героя-мученика. Онъ кончилъ страдать на другія сутки.

Послѣ удачной переправы, на другой или на третій день около Зимницы на возвышенности былъ поставленъ аналой, а вокругъ этой возвышенности въ боевыхъ порядкахъ стояло около 40,000 войска. Государь императоръ, Главнокомандующій и свита стояли на возвышенности, такъ что все войско видѣло своего Монарха. Началась панихида за упокой убиенныхъ, потомъ молебень за дарованіе побѣды. Его Величество трижды становился на колѣни и за Нимъ все войско съ колѣнопреклоненіемъ возносило свои молитвы ко Всевышнему.

* Въ своемъ приказѣ генераль Драгомировъ, между прочимъ, говоритъ, чтобы солдаты кололи штыкомъ и меньше стрѣляли, а если у кого послѣ дѣла окажется меньше 30 патроновъ изъ 60, то онъ тѣмъ солдатамъ останется весьма недоволенъ.

РѢСЕРКИ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(По поводу рисунка „Сіонъ или Дарохранительница Іоанна III“).

Іоаннъ III Васильевичъ принадлежитъ къ числу величайшихъ государей Россіи, и не даромъ Провидѣніе назначило ему такъ долго дѣйствовать на престолѣ (43 года). Своимъ свѣтлымъ и яснымъ умомъ онъ обнималъ всѣ задачи и потребности государства, ему ввѣреннаго, и выполнялъ эти задачи такъ, какъ едва ли бы кто другой въ состояніи былъ ихъ выполнить. Онъ освободилъ Россію отъ татарскаго ига и началъ отодвигать поляковы, которые чуть не стучались уже въ ворота Москвы, до ихъ настоящихъ границъ, сказавши имъ при томъ, что онъ доберется до всѣхъ владѣній Руси, попавшихъ въ польскія руки во времена русской невзгоды. Смерть помѣшала Великому исполнить этотъ его послѣдній планъ; но онъ перешелъ, какъ завѣтъ и наслѣдіе, къ его преемникамъ, которыми и служилъ путеводною звѣздой вплоть до Екатерины II, окончившей почти дѣла на западѣ, согласно видамъ Іоанна III, а слѣдовательно и согласно указанію исторіи, ибо Іоаннъ ясно понималъ, что требовалось для Россіи.

Если бы разсмотрѣть, при какихъ условіяхъ сталъ Іоаннъ III Васильевичъ проявлять свою вліятельную дѣятельность, то политики-миролюбцы, ставящіе удобства безмятежнаго эпикурейскаго житія выше всѣхъ задачъ чести и долга, пришли бы въ ужасъ и, по крайней мѣрѣ, назвали бы Іоанна безумцемъ. Когда Іоаннъ III (онъ былъ сынъ Василя Темнаго) вступалъ въ управление московскими областями, то въ 80 верстахъ отъ Москвы начинались чуждыя и недружественныя ей владѣнія князя Тверскаго; къ сѣверу Москва сталкивалась съ болѣе еще сильными и враждебными Новгородомъ. На юго-востокъ отъ Москвы было опять отдѣльное княжество Рязанское, указывавшее въ прежнія времена путь къ Москвѣ татарамъ. Короче: Русь Московская, или восточная, раздроблена была тогда на удѣлы и не составляла одного цѣлаго. Въ самыхъ московскихъ областяхъ, въ тѣсномъ ихъ смыслѣ, составлявшихъ отчину дома Іоаннова, не все повиновалось державной волѣ Іоанна. Въ этихъ областяхъ было много властителей, частью родственниковъ Московскаго князя, частью стороннихъ ему людей, которые далеко не сочувствовали его планамъ. Въ годъ окончательнаго расчета съ татарами, то есть въ годъ нашествія Ахмата, два родныхъ брата Іоанновы возмущились и вступили въ преступныя сношенія съ польскимъ королемъ, который былъ въ союзѣ съ Ахматомъ. При такихъ отношеніяхъ затѣвать внѣшнія дѣла, казалось, просто невозможно. Но Іоаннъ III Васильевичъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ находилъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, единственный разумный для нея способъ дѣйствій состоялъ въ томъ, чтобы громко и твердо предъявить свои поприавшіяся въ теченіи столѣтій адчными соудьями права и по возможности защищать ихъ. Послѣдствія показали, что сынъ Темнаго правильно понималъ дѣло. Въ его правленіе татары и поляки усмирены и въ то же время многовластіе въ Россіи уничтожено. Іоаннъ оставилъ своему сыну единую, грозную и нераздѣльную Русь Московскую.

Существуетъ мнѣніе, что усиленная внѣшняя политика, особенно же война, задерживаетъ непрямѣнно внутренній ростъ страны. Относительно войны, предпринимаемыхъ изъ-за честолюбивыхъ только расчетовъ, каковы были, напримѣръ, войны Людовика XIV и Наполеона I, это мнѣніе совершенно справедливо. Силы государства, отвлеченныя отъ внутреннихъ нуждъ на ненужное вмѣшательство въ чужія дѣла, пропадаютъ для страны безслѣдно, да и хорошо бы, если бы этимъ дѣло ограничивалось, а то бываетъ такъ, что къ вещественнымъ убыткамъ, послѣдствіямъ вмѣшательства, присоединяются ненависть и недовѣріе со стороны другихъ державъ, которыя весьма нерѣдко отплачиваютъ потомъ по заслугамъ охотнику мѣшаться въ чужія дѣла. Но другое дѣло, если страна предпринимаетъ войну и соединенныя съ нею неудобства изъ необходимости, побуждаемая къ тому чувствомъ долга, или что тоже: своими существенными интересами. Такая война не только не останавливаетъ внутренняго развитія, а напротивъ поощряетъ ему, ибо возбудитъ благороднѣйшія побужденія челоуѣческой природы, побужденія духовныя, которыя при пренебреженіи долга слабѣютъ и даже иногда совсѣмъ уничтожаются. Персидскія войны въ Греціи обусловили блестящее ея внутреннее развитіе. Славный успѣхамъ нашего оружія, вѣкъ Екатерины II былъ тоже и началомъ нашего самаго разнообразнаго внутренняго развитія. Тяжелая 20-ти лѣтняя война со шведами при Петрѣ Великомъ памятна не по военнымъ только лѣтписямъ, для этого бы и не стоило ее предпринимать,—нѣтъ,

она незабвенна тѣмъ, что вдвинула Россію въ кругъ Европейскихъ державъ, давъ ей и соответственныя для новаго положенія силы. Правленіе Іоанна III Васильевича не осталось также безплоднымъ въ исторіи нашего внутренняго развитія. Сознаніе о своемъ единствѣ, о своей силѣ и достоинствѣ, и тотъ твердый внутренній строй, который помогъ Россіи потомъ выдержать бурю смутнаго времени, тяготившую ее 15 лѣтъ, и дотти ко добру по здорову до творческихъ преобразованій Петра,—это сознаніе получила наша страна изъ крѣпкой руки Іоанна III, а Іоаннъ III большую часть своего 43-лѣтняго правленія провелъ въ войнахъ. Не всегда, стало быть, войны мѣшаютъ внутреннему развитію государствъ.

Іоаннъ III оставилъ послѣ себя много вещественныхъ памятниковъ, безъ чего, конечно, не могло обойтись при такомъ продолжительномъ, полномъ всякихъ событій и замысловъ правленіи. Исторически дознано и доказано, что народъ кладетъ неизгладимую печать своего пребыванія на землѣ, которую владѣетъ, равно какъ самъ несетъ на себѣ отпечатокъ своего жилища. По этой связи народа съ землею угадываютъ и разъясняютъ его прошлое черезъ тысячи лѣтъ. Но если народъ вообще оставляетъ послѣ себя ощутительныя признаки своего пребыванія на землѣ, то и отдѣльныя лица могутъ имѣть тутъ свою долю вліянія и дѣятельности. Въ особенности это можно сказать о лицахъ, имѣвшихъ обширный кругъ дѣятельности и въ особенности оказавшихъ большое вліяніе на свою страну, какъ Іоаннъ III. И дѣйствительно, послѣ Іоанна мы имѣемъ почти весь теперешній Кремль, тотъ Кремль, о который приоткрылось столько татарскихъ и польскихъ сабель и въ которомъ нашелъ предѣлъ своему неасмысленному честолюбію Наполеонъ I. Въ Кремлѣ Успенскій соборъ, мѣсто покоя нашихъ прежнихъ правителей-иерарховъ и коронаванія нашихъ государей, есть дѣло рукъ Іоанна III. Его же рукъ дѣло Благовѣщенскій соборъ и отчасти Архангельскій (онъ былъ заложенъ Іоанномъ) и Грановитая Палата. Есть послѣ Іоанна и еще много памятниковъ, не столь видныхъ: пушкѣ, медалямъ, монетѣ и пр. Его же усердію принадлежитъ и изображенная въ этомъ номерѣ Дарохранительница, именуемая „Сіонъ“.

Дарохранительницу эту приказалъ сдѣлать Іоаннъ III Васильевичъ въ память покоренія Твери. Тверь взята была въ послѣдней полонинѣ (21-го августа) 1485 г., а Сіонъ изготовили въ половинѣ слѣдующаго 1486 г. Названа эта вещь Сіономъ, потому, что вся церковь принимаетъ иногда это названіе по писанію; вещь эта, назначенная для хранения св. даровъ, по преимуществу можетъ удержать на себѣ это названіе. Сіонъ же назывался именно на храненіе св. даровъ. Сіонъ, по наружной формѣ своей, имѣетъ, какъ показываетъ рисунокъ, видъ круглой пятиглавой церкви, которой главный корпусъ обставленъ вычеканенными рельефно изображеніями 12-ти апостоловъ. Верхъ церкви Сіона состоитъ изъ тройныхъ теремовъ; эти терема, выступающіе одинъ изъ другого, на подобіе Галгоемъ, служатъ какъ бы подножіемъ шейки съ главою, которая увѣнчана четвероконечнымъ крестомъ. На теремахъ вычеканены четыре такъ называемыхъ большихъ прокоа, съ своими символическими изображеніями, крылатыми звѣрями. Въ окнахъ шейки рѣшетки сдѣланы въ видѣ свившихся змѣй. Крыша средней или большой главы имѣетъ видъ чешуи и по отдѣльнымъ чешуйкамъ ея наведены личинки людей, птицъ и звѣрей. Около этой средней или большой главы есть по четыремъ сторонамъ четыре меньшія главки, безъ крестовъ. Входъ въ церковь Сіонъ сдѣланъ между тѣми столбиками, гдѣ изображенъ апостолъ Петръ съ ключемъ: на настоящемъ рисункѣ изображенія этого апостола не видно.

Весь изображенный здѣсь Сіонъ сдѣланъ изъ серебра съ чернью и вызолоченъ. Вѣсу въ немъ 1 п. 11 ф. 7 зол., а вышиною онъ 1 ар. $\frac{3}{4}$ вершка. Стоимость его въ свое время опредѣлялась въ 1,500 р., что на наши деньги составитъ до 7,500 рублей.

На Сіонѣ, на дверцѣ, съ внутренней или задней ея стороны, есть надпись, свидѣтельствующая о времени и виновникѣ постройки этой утвари: „въ лѣто 1486 сдѣланъ бысть си Ірусалимъ повелѣніемъ благоувернаго і христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси въ 25 лѣто господарства въ церковь Успенія Пречистыя і ко гробу чудотворца Петра на Москвѣ“.

Въ настоящее время двухъ малыхъ главъ на Сіонѣ недостаетъ; онѣ изломались, или же исчезли отъ какого либо другаго несчастнаго случая.

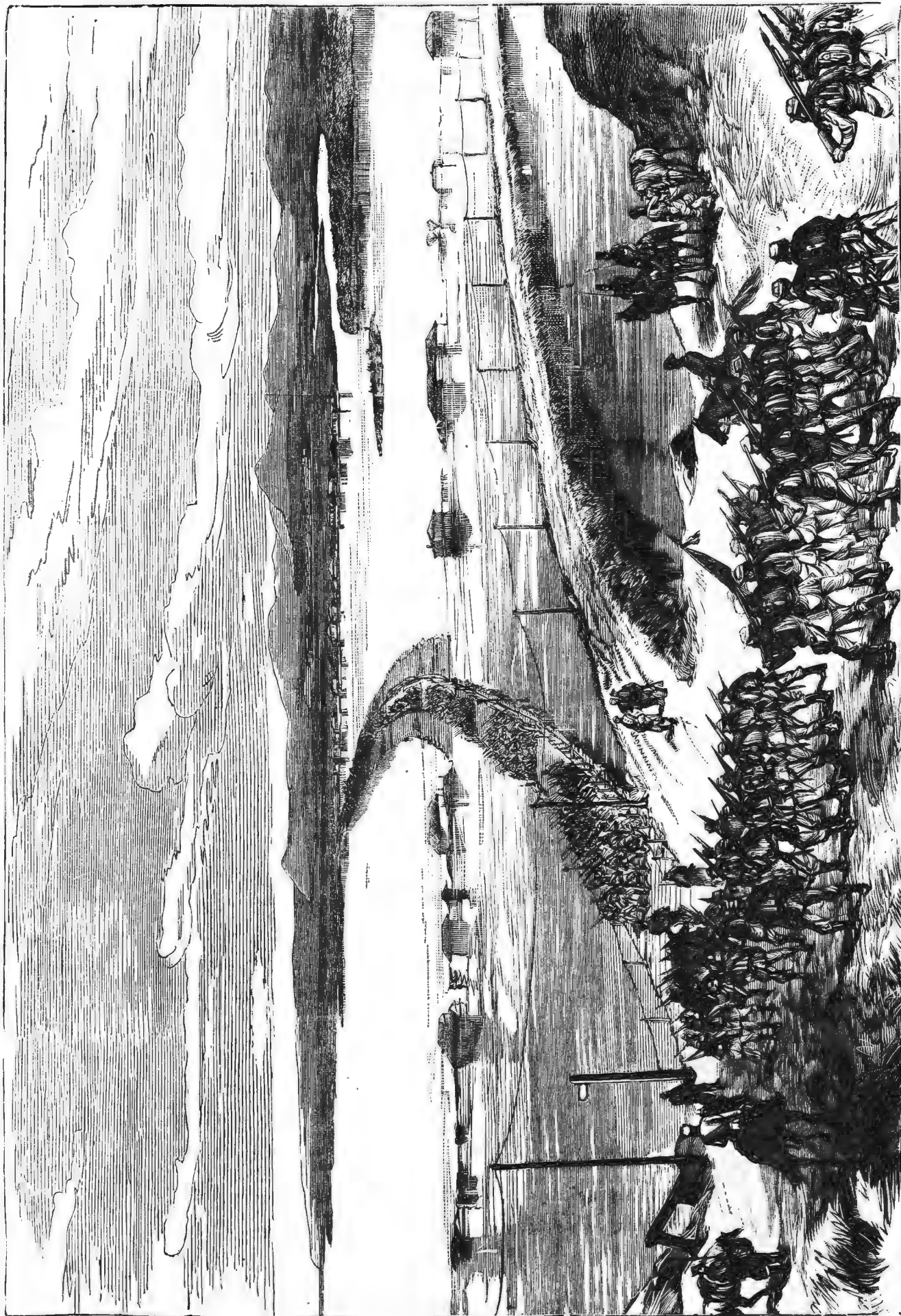
М. Звѣрвѣвъ.

АДАМЪ И ЕВА НАШИХЪ ДНЕЙ.

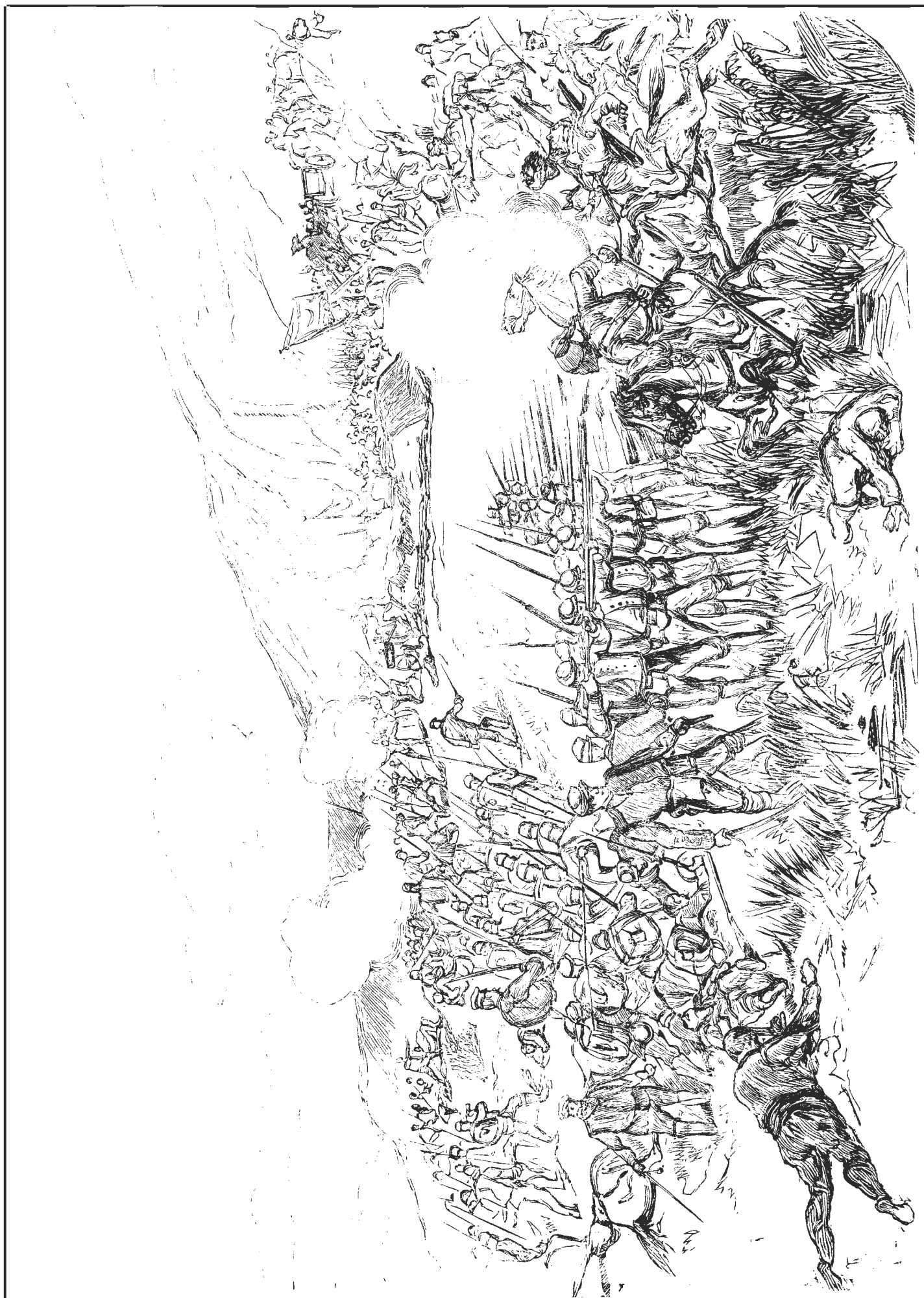
(КАРИКАТА АЛИКСА).

Дѣти, искусившіяся видомъ вѣусныхъ плодовъ и подавшіяся этому искушенію, послужили предметомъ картины, назван-

ной художникомъ „Адамъ и Ева нашихъ дней“. Насколько такое названіе примѣнимо къ этой картинѣ—вопросъ спорный,

Переправа Русскихъ войскъ чрезъ Дунай у Браилова, 10 іюня 1877 г. Рис. Поповъ, грав. Діамантовскій.

Важкіє турецької позиції на Будзязьських висотах, при пореході через Дунай 10 Іюня 1877 г. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Вейерманг.

по что исполнена она превосходно—это не подлежит никакому сомнѣнью. Главное ея достоинство, по нашему, не только въ постановкѣ фигуръ и выраженіи лицъ, но въ прелести всѣхъ частностей ея. Что-то особенно граціозное и нѣжное свозить въ каждой чертѣ рисунка и въ то же время эта нѣжность нисколько не уменьшаетъ силу и выразительность всѣхъ его подробностей.

Все сказанное нами относится только къ выполнению избраннаго художникомъ сюжета; самый же сюжетъ, или вѣрнѣе въ данномъ случаѣ не сюжетъ, а названіе картины, какъ мы ска-

зали выше, можетъ, пожалуй, служить предметомъ спора. Намъ могутъ именно замѣтить, что современные Адамъ и Ева не такіе, и они еще ждутъ своего художника, который изобразитъ ихъ среди настоящей, присущей ихъ идеаламъ, обстановки... Пусть такъ, но задача художника въ настоящемъ случаѣ вовсе не обличительная, и смѣемъ думать, что истинно художественное произведение не можетъ ограничиваться одними только пѣлями обличеній, слишкомъ въ этомъ случаѣ узкими и недостойными искусства.

М. Л.

Аттакка на Буджакскихъ высотахъ и бомбардированіе Журжево

(Письмо нашего корреспондента).

12—16-го июня.

Къ свѣдѣніямъ о переправѣ войскъ черезъ Дунай, конечно намъ уже извѣстнымъ, сообщу еще нѣсколько подробностей. 10 ротъ полковъ Рязанскаго и Рязскаго, первая переправившіяся на лодкахъ на тотъ берегъ, имѣли горячую схватку какъ въ самомъ берегу, гдѣ турецкіе стрѣлки засѣли за окопами, такъ и дальше на буджакскихъ предгорьяхъ, гдѣ пришлось взять штурмомъ турецкія батареи. Эта молодецкая атакка нашихъ пѣхотинцевъ, стоившая имъ болѣе 200 человекъ выбывшихъ изъ строя, была блистательна. Наши солдаты подъ огнемъ непріятеля прошли три версты затопленного водою болотистаго пространства, отдѣляющаго берегъ отъ подножія предгорій; мѣстами приходилось идти по поясу въ водѣ. Когда наши выбрались наконецъ изъ этой топи на болѣе твердый грунтъ, триста человекъ турецкихъ кавалеристовъ занесли имъ въ тылъ. Дѣло было критическое, положеніе нашихъ уже разстроенныхъ движеніемъ по болотамъ могло бы быть печально, если бы русскіе солдаты могъ терять голову въ минуту боя. Нашлись и офицеры и солдаты, которые, впрочемъ, сумѣли оцѣнить опасность и встрѣтить ее какъ слѣдуетъ. Не задерживая общей атакки, двѣ роты быстро повернули лицомъ къ нападавшимъ и встрѣтили ихъ убійственными залпами. Башни-бузуки были опрокинуты и въ беспорядкѣ повернули назадъ, отдѣльные всадники, занесшіе въ самые наши ряды, погибли. Между тѣмъ атакка турецкихъ позицій увѣчалась успѣхомъ, наши ворвались въ окопы и кололи турокъ штыками. Непріятель бѣжалъ. Все это, хотя и небольшое, но блистательное дѣло происходило въ виду остальныхъ переходящихъ и еще не перешедшихъ войскъ и жителей Галаца, зорко наблюдавшихъ въ бинокли и трубы за этими чуть замѣтными точками, двигающимися по скатамъ буджакскихъ предгорій, за этими бѣлыми дымками выстрѣловъ. Громкое ура привѣтствовало первый успѣхъ нашего оружія на правомъ берегу Дуная.

Надо замѣтить, что городу Журжево предполагалось съ нашей стороны сохранить значеніе мирнаго города и безоружнаго вовсе, дабы избавить его отъ совершенно напрасной бомбардировки со стороны турокъ. Для этого въ самомъ городѣ не было возведено ни одной батареи, хотя бы возведеніе ихъ было для насъ чрезвычайно выгодно. Всѣ войска были введены, ни одного военного склада—ничего, чтобы должно было привлечь непріятельскіе выстрѣлы, не было въ городѣ. Ближайшія наши батареи находились не ближе какъ въ полуверстѣ.

Едва только наши орудія заговорили, какъ ошеломленные сначала этимъ неожиданнымъ огнемъ турки стали отвѣчать. Наши артиллеристы работали славно, въ первый же часъ турецкая батарея Салтане, сильный фронтъ которой ясно виденъ почти у самаго берега, замолчала, орудія ея были сбиты; затѣмъ огонь былъ перенесенъ на второй пунктъ, именно на центральную батарею; та тоже замолчала къ половинѣ пятого часа вечера. Канонада началась въ три пополудни. Закончивъ съ этою батареею, наши, систематически переходя отъ одного пункта къ другому, стали громить турецкіе парходы, стоявшіе у военной пристани; не прошло и четверти часа, какъ два изъ нихъ, получивъ серьезные поврежденія, были заведены въ доки. Турецкій мониторъ, нѣсколько разъ выдвигавшійся изъ-за своего прикрытія за островомъ, тоже болѣе уже не показывался. Къ 8 часамъ вечера огонь прекратился; на нашихъ батареяхъ не было ни одного убитаго, ни раненаго. Это положительное чудо: ибо турецкіе снаряды ложились превосходно, напримѣръ: одна бомба ударила въ крышу порохового погреба батареи № 4, лопнула и счастливо рикошетировала, не пробивъ крыши; другая бомба лопнула въ самой амбразурѣ, подъ дуломъ орудія, не тронула его, не задѣла даже осколками ни одного изъ артиллеристовъ. Масса снарядовъ ложились между батареями и сзади ихъ, осколки свистали въ воздухъ, милостью Всевышняго минувя нашихъ солдатъ...

Между тѣмъ, пока шель артиллерійскій бой между нашими батареями и береговымъ фронтомъ крѣпости Рущука, остальные турецкія батареи, расположенныя по правому берегу ниже по теченію и неучаствовавшія вовсе въ бою, не находясь

даже подъ нашими выстрѣлами, спокойно и систематически также принялись разстрѣливать беззащитный городъ, осыпая его, буквально, снарядами, причемъ прицѣльными пунктами служили именно тѣ зданія, которыя имѣли на себѣ знамя Женевской конвенціи: красный прямоугольный крестъ на бѣломъ полѣ. Пять часовъ подъ-рядъ турки громили Журжево, жители котораго выѣхали частью заблаговременно, частью въ самый день бомбардировки... Мало кто рѣшился остаться, особенно когда затрѣбли выстрѣлы и ихъ снаряды обрушились на мирныя крыши городскихъ домовъ.—Приложенные къ этому письму наброски, сдѣланные мною съ натуры, ясно рисуютъ положеніе несчастнаго города. 5 корреспондентовъ: три—русскихъ и два—англійскихъ журналовъ, въ числѣ которыхъ находился и вашъ покорнѣйшій слуга, сочли нужнымъ составить протоколъ по поводу этого бесполезнаго звѣрства, прекрасно характеризующаго свойства нашего врага. Этотъ протоколъ подписанъ нами, какъ представителями прессы и отосланъ въ оригиналѣ въ Петербургъ. Печальную картину представляла Журжа на другой день утромъ послѣ бомбардировки, жертвами которой, кромѣ беззащитныхъ зданій, было семь человекъ мирныхъ гражданъ и въ числѣ этихъ семи три ребенка.

Наиболѣе пострадали кварталы, гдѣ помѣщались зданія подъ флагомъ краснаго креста. Европейская улица, находящаяся въ секторѣ обстрѣла, положительно превращена въ груду мусора. На ней находятся и разбитыя телеграфная и почтовая конторы и несчастная „Европейская гостинница“, за день до бомбардировки, служившая пріютомъ русскимъ офицерамъ. Снаряды ложились чрезвычайно далеко, они достигали почти за станцію желѣзной дороги, около шести верстъ своего полета. Зданіе госпиталя пострадало нѣсколько менѣе, только благодаря своей отдаленности, однако и около него легко болѣе двадцати снарядовъ. Всего выпущено было турками по городу около полуторы тысячи бомбъ, количество весьма достаточное, чтобы превратить этотъ небольшой и красивый городокъ въ груду развалинъ.

Канонада между Рущукомъ и Журжево отвлекла нѣсколько вниманіе турокъ отъ настоящаго пункта атакки. Вчера пришло извѣстіе, что крѣпость эта полуразрушена и городъ горитъ... Рущуку готовится та-же участь — его паденіе неизбежно. Обладаніе этой солидною крѣпостью, сильнѣйшею изъ всѣхъ, расположенныхъ по линіи Дуная, крайне важно для дальнѣйшихъ операций нашей арміи. Къ Рущуку, какъ вамъ извѣстно, ведетъ вѣтвь желѣзной дороги, связывающая румынскую группу съ турецкими путями сообщенія. Опираясь на этотъ пунктъ, мы владѣемъ началомъ рельсоваго пути на Шумлу и Варну. Понятно, что турки успѣютъ значительно испортить свою дорогу, но возстановить испорченное все-таки легче, чѣмъ создать новое. Отъ Рущука идутъ также два превосходныя шоссе: одно на Разградъ, почти параллельно желѣзной дорогѣ, другое на Терново—въ древнѣйшую столицу Болгаріи—оба, значить, въ Балканы, къ ихъ болѣе удобнѣйшимъ проходамъ. Это тоже важное обстоятельство, значительно облегчающее движеніе нашихъ корпусовъ, а главное ихъ бевыхъ и хозяйственныхъ тяжестей. Крѣпко будутъ отстаивать турки Рущукъ, они, конечно, понимаютъ сами все его значеніе и, надо отдать полную справедливость, наши войска готовятся къ атакѣ Рущука—осмотрительно, безъ этой почти всегда вредной хвастливой самоувѣренности.

Корпусъ генерала Циммермана, получено сегодня извѣстіе, быстро подвигается впередъ; его авангардъ уже въ виду Силстрии. Турки повсюду отступаютъ, избѣгая сраженій въ открытомъ полѣ. Это ихъ постоянная тактика.

Со дня на день ожидаются новыя событія, новыя вѣсти. Дай Богъ, чтобы они были также благоприятны для нашей славной арміи, какъ были до сихъ поръ. Рисунокъ „рыбная ловля подъ выстрѣлами“ есть просто оригинальный эпизодъ изъ стоянки нашихъ войскъ на Дунаѣ. Онъ превосходно характеризуетъ духъ нашего солдата, его наивную простоту и безшабашную отвагу.

Н. Каразинъ.

Политическія и военныя извѣстія.

Последнимъ и важнымъ извѣстіемъ съ Дунайскаго театра войны за прошлую недѣлю представляетъ взятіе нашими войсками *Никополя*. Объ этомъ мы уже сообщили въ прошломъ обзорѣ (см. «Нива» № 28). На Никополя уже развѣшается, какъ извѣщали телеграммы, нашъ флагъ. Подробности этого славнаго дѣла пока еще нѣтъ. Но есть нѣкоторыя подробности относительно другого славнаго дѣла—перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы. Генералъ Гурко двинулся 30-го іюня (12-го іюля) изъ Тырнова, по направленію къ Казанлыку, съ авангардомъ изъ всѣхъ родовъ оружія. 1-го (13-го) іюля генералъ перешелъ Балканы, а на другой день 2-го (14-го) онъ напалъ и разсѣялъ турецкій батальонъ, засѣвшій въ тѣснѣнѣхъ при деревнѣ Ханкой; затѣмъ онъ направился къ Казанлыку, лежащему южнее Шипковой лѣсныи или ущелья, гдѣ совершенно былъ переходъ. Этотъ маршъ на Казанлыкъ генералъ совершилъ уже въ тылу непріятеля. Вслѣдъ затѣмъ двѣ сотни казаковъ проникли къ *Тени-Загря* (къ востоку отъ Казанлыка, разрѣшивъ при этомъ телеграфъ, проведенный въ *Тени-Загря* и *Сливно* при деревнѣ *Орсосартъ*). Затѣмъ наши отряды явились у *Ямбола* (къ югу отъ Сливно). Результатомъ этого смѣлаго движенія нашихъ войскъ было бѣгство здѣшняго мусульманскаго населенія къ Адрианополу, какъ опорному пункту, куда стягиваются теперь и турецкія войска. Число переправившихся до сихъ поръ за Балканы нашихъ войскъ одна изъ вѣскихъ телеграммъ опредѣляетъ въ 45 батальоновъ, и противъ нихъ-то теперь турецкій главнокомандующій сосредоточиваетъ 50 тысячное войско у Адрианополя.

Но движась изъ Тырнова къ Казанлыку и Балканамъ, наши войска выдержали упорную битву съ турками. Между *Тырновымъ* и *Габрово* наши 15,000 войскъ сошлись съ авангардомъ 25-тысячнаго турецкаго корпуса. Результатъ этой встрѣчи нѣкоторое время былъ неизвѣстенъ. Только страшная канонада въ этой мѣстности свидѣтельствовала, что въ мѣстности между *Тырновымъ* и *Габровымъ* происходитъ жаркая и упорная битва. По словамъ вѣскихъ депешъ, мы побѣдили, хотя и съ большими потерями. Но вѣрныя подробности этого дѣла нужно ждать изъ официальныхъ источниковъ.

Что касается нѣкоторыхъ подробностей общаго плана нашего движенія черезъ Балканы, то нужно замѣтить, что Казанлыкская дорога черезъ Балканы лежитъ собственно у деревни Шипки (черезъ ущелье). Самъ Казанлыкъ лежитъ южнее Шипки, въ предѣстной широкой долинѣ, въ которой густымъ ковромъ раскинулся растительность дикихъ розъ или шипъ, (оттого и названіе «Шипка»), простираясь къ сѣверу до Шипки. Кругомъ эту равнину окружаютъ колоссальныя горныя цѣпи, состоящія изъ гранита и гнейса. Шипка лежитъ къ сѣверу отъ Казанлыка, слѣдовательно и главный переходъ черезъ Балканы находится тоже къ сѣверу; тамъ и самый переходъ черезъ Балканы составляетъ вѣствъ переходъ изъ долины р. Тунджи въ верхней Интрѣ. Нашъ первый передовой отрядъ, перешедшій Балканы подъ предводительствомъ генерала Гурко, перешелъ нѣсколько восточнѣе Шипки, потому что проходъ Шипки занимали турки, и Гурко долженъ былъ пройти Балканы въ тылъ непріятелю. Но затѣмъ 18 батальоновъ нашихъ войскъ, при помощи болгаръ-проводниковъ, перешли Балканы уже черезъ самое ущелье Шипки.

Переходъ черезъ Балканы имѣлъ непосредственнымъ и быстрымъ слѣдствіемъ появленіе нашихъ отрядовъ около *Ямбола*, лежащемъ на Тунджѣ, уже далеко къ востоку отъ Казанлыка. Это быстрое движеніе нашихъ войскъ можно объяснить только завладѣніемъ долиною р. Тунджи, имѣющей протяженіе къ востоку почти до самаго Ямбола.

Есть извѣстіе, что будто-бы Абдуль-Керимъ-паша, подстрекнутый упреками изъ Константинополя за медленность и нерѣшительность, началъ наступательныя дѣйствія противъ лѣваго фланга русской арміи и, подкрѣпленный Сулейманъ-пашею, собралъ противъ русскихъ у Адрианополя 50,000 человекъ, какое войско Абдуль-Керимъ и двинетъ противъ 45 батальоновъ русскихъ, перешедшихъ Балканы. Трудно однако согласить это извѣстіе съ извѣстіемъ о смѣщеніи Абдуль-Керима и замѣнѣ его Османъ-пашею.

Засимъ извѣщаютъ, что корпусъ Ахмедъ-Эюба-паша, до сихъ поръ занимавшій *Лесну* (къ юго-западу отъ Никополя и соединенъ съ нимъ желѣзною дорогой) и нѣкоторые города на Дунаѣ, теперь отступилъ за рѣку *Джибрицу* *) и сосредоточивается при Виддинѣ, чтобы прикрывать боевую Соейскую линію.

Послѣ долговременнаго обстрѣливанія, *Раховъ* (на Дунаѣ, къ западу отъ Никополя) наконецъ очищенъ 7 (19) іюля отъ турецкаго гарнизона въ 1000 человекъ. Гарнизонъ этого направился къ Виддину.

Изъ этихъ извѣстій становится нѣсколько яснымъ теперешнее расположеніе главныхъ частей турецкой арміи. *Виддинъ* къ сѣверо-западу и Адрианополь къ юго-востоку,—вотъ пункты, гдѣ

концентрируются теперь турецкія силы. Цѣль сосредоточенія турецкаго у Виддина—прикрытіе Соейской дороги черезъ Филиппополь и Адрианополь къ Константинополю, слѣдовательно воспрепятствованіе туркамъ утвердиться въ Виддинѣ должно входить и въ наши стратегическія планы. И дѣйствительно, послѣднія телеграммы отъ 7-го (19-го) іюля уже сообщили, что нашъ 9-й корпусъ и часть 8-го уже двинулись на западъ отъ Никополя къ Ломъ-Паланкѣ и заняли Цыбру-Паланку, съ намѣреніемъ окружить Виддинъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что на всемъ протяженіи по Дунаю съ востока на западъ, отъ Рущука до Виддина, предстоитъ на дняхъ важныя и рѣшительныя событія.

На Закавказскомъ театрѣ войны, повидимому, поступило за-тѣмъ.

Наши дѣйствія тамъ, за недостаткомъ свѣжихъ извѣстій представляются теперь во всякомъ случаѣ не совсемъ ясными. Но зато начинается развѣснаться общій ходъ нашихъ операций въ этомъ краѣ съ самаго начала войны. Наступательное сначала движеніе нашихъ войскъ тамъ сдѣлалось оборонительнымъ. Мы уже упоминали объ этомъ предметѣ прежде, говорили и о томъ, что наши дѣйствія за Кавказомъ не имѣютъ существеннаго значенія и не могутъ повліять на общій исходъ войны.

Коснемся затѣмъ политическихъ фактовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ текущей войнѣ.

Впервые мы должны отмѣтить, что слухи настояныя «о мирныхъ будто бы переговорахъ, имѣющихъ начаться между воюющими сторонами», т. е. между Россіей и Турціей, и о посредничествѣ какой-либо великой европейской державы въ этихъ переговорахъ, все еще, какъ и прежде, продолжаютъ являться, какъ и прежде, Богъ знаетъ откуда, изъ-за какихъ-то кулисъ... Припомнимъ, что и при началѣ текущей войны наши европейскіе добродѣтели рекомендовали намъ «миръ», золотой мостъ отступленія передъ Турціей!..

Подобно вышесказаннымъ инсинуаціоннымъ слухамъ о мирѣ, упорно распространены разными европейскими корреспондентами, въ послѣднее время слухи о «варварствѣ русскихъ войскъ» (!) относительно турокъ.—Цѣль распространенія этихъ слуховъ понятно—«свалить съ больш. й головы на здоровую» дѣйствительно варварскіе поступки турокъ съ Болгарами.

Опасности, которая угрожаетъ въ близкомъ будущемъ Турціи, развѣзали языкъ и англійской прессѣ. Такъ, Лондонская «Standard» уже, не обинуясь, настаиваетъ, чтобы британское правительство заявило, ранѣе движенія русскихъ войскъ на Адрианополь, что у воротъ Константинополя Россія встрѣтитъ силы Англии (sic !!) Такая политика, по мнѣнію «Standard» до безконечности (?) уменьшить рискъ европейской войны. Но вѣдь если возможна теперь европейская война, то по чей же инициативѣ она возможна?—Конечно, по инициативѣ той же Англии. Могушественная Германія въ добромъ расположеніи къ намъ и не начнетъ европейской войны изъ-за турокъ. Стоило пустить въ ходъ софизмы тамъ, гдѣ дѣло очень просто!..

Изъ сказаннаго, однако, совсѣмъ не слѣдуетъ, что Германія будетъ безучастной зрительницей европейской войны, если таковая разгорится. Изъ Берлина была недавно помѣщена въ «Русскомъ Инвалидѣ» корреспонденція, въ которой говорится, что, судя по мѣропріятіямъ, со стороны высшаго военнаго управленія, Германія употребляетъ всѣ средства, чтобы не быть застигнутою врасплохъ въ ту минуту, какъ въ Европѣ разыграется война. Военное министерство, напр., усиленно занято организаціей Германскаго ландштурма. О родѣ вооруженія ландштурма и другого рода войскъ идутъ весьма дѣятельная обсужденія... и т. д. Повторяемъ: Германія не будетъ безучастною зрительницею обширной войны, но не на нее, конечно, падетъ кровь, какая прольется подобно грозной войнѣ. Германія, конечно, вооружится противъ Франціи, и именно Бонапартистскою—ибо Франція снова угрожаетъ опаса бонапартизма и клерикализма, а таковая Франція тоже не отступитъ отъ своихъ традицій—отстаивая, въ союзѣ со своей сосѣдкой пресловутое равновѣсіе Европы. Все это въ порядкѣ вещей, хотя до этого дѣла можетъ быть и не дойдетъ...

Въ телеграммѣ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею отъ 9-го іюля изъ Тырнова сказано, что 5-го числа флигель-адъютантъ Жеребковъ, со 2-мъ эскадронномъ гвардейскихъ казаковъ, двумя сотнями 30-го полка, сотней 23-го полка и двумя конными казачьими орудіями и командой Владикавказскаго полка, въ нѣсколькихъ верстахъ за Сельви, наткнулись на скопище черкесовъ, башки-бузуковъ и пѣхоты, всего около 1,500 человекъ, имѣли жаркое съ ними дѣло, опрокинули ихъ и съ боя взяли городъ Ловчу. Городъ этотъ лежитъ на западъ отъ Тырнова, почти на одной съ нимъ параллели (немного сѣвернѣе) и расположенъ по обѣимъ берегамъ р. Осмы (притока Дуная, впадающаго близъ Никополя). Восточная часть города прислонена къ горѣ и встроена полукругомъ. По узкимъ улицамъ можно взобраться на вершину этой горы. Отсюда въ 1829 году русскіе офицеры генеральнаго штаба дѣлали свои съемки. Въ городѣ считается до 15 тысячъ жителей, въ

*) Рѣка Джибрица или Цыбрица впадаетъ въ Дунай у Цыбру-паланки, къ востоку отъ Виддина и Ломъ-паланки.

Общій видъ города Систова. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

числѣ которыхъ до 400 семействъ христіанъ; прочее населеніе—магометане, которые живутъ преимущественно въ западной части города—

Противъ непріятеля, наступающаго отъ Дуная, Ловча составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ опорныхъ пунктовъ для защиты Балкановъ. Поэтому занятіе его нашими войсками имѣетъ большое значеніе въ стратегическомъ отношеніи. За симъ получена отъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміею, отъ 7 іюля, изъ Тырнова, получена телеграмма:

«Ура! Проходъ Шибки сегодня у насъ въ рукахъ. Сынъ мой Великій Князь Николай сію минуту прибылъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. 5-го же числа генераль Гурко взялъ Казанлыкъ и селеніе Шибки. 7 іюля орловцы вновь перешли въ наступленіе, но турки бѣжали безъ боя и даже безъ выстрѣла. Въ 4 часа дня войска турецкія были въ виду Орловскаго поля; турки бѣжали на западъ, бросивъ 3 знамени, 8 орудій и оружіе; паника огромная. Перевалъ занятъ Орловскимъ полкомъ и двумя орудіями.»

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. В. А. А. Вы пишете: «посылаю стихи моихъ трудовъ, гдѣ влилъ чувства мыслей тѣхъ, чтобы напомнить время прошлыхъ лѣтъ». Очень краснорѣчиво,

но извините: ничего понять нельзя. Выписываю одну строку изъ вашего творенія, гдѣ «чувства изливаютъ мысли»:

Ты сверстникъ школьныхъ мнѣ наукъ,
Но я оставилъ ихъ тебѣ,
А мнѣ судьба тропинку въ дальней сторонѣ нашла
И разлучила бытъ друзьями намъ съ тобой.

Жаль, что вы оставили «школьные науки».

2. Дубовна, Сам—ову. У васъ тоже относительно размѣра стиховъ смѣлости не мало; напримѣръ:

«А невозможная волшебница зяма ей съ досадой нѣжно повдольналась,
И закрывъ безжизненные глаза погружалась въ долгій сонъ.»

Надо же, въ самомъ дѣлѣ и Бога вспомнить: а то, подумайте, вѣдь такъ можно со строкой «распространиться» на аршинъ.

3. Мосна, Добрая слобода, И. Фед—ову. Займитесь-ка лучше дѣломъ, соответствующимъ вашему званію, чѣмъ смѣшить публику совершенно безграмотными «сочиненіями».

СОДЕРЖАНІЕ: Видъ земли съ Венеры и Луны (съ 2 рисунками).—Поздно (Страница изъ жизни). Н.—Переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай 10 и 15 іюля 1877 года (съ 3-мя рисунками).—Очерки изъ русской исторіи: Слонъ или Дарократельница Іоанна III (съ рисункомъ). И. Забѣва.—Адамъ и Ева нашихъ дней (съ рисункомъ). М. Л.—Аттан на Буджанскихъ высотахъ и бомбардированіе Иуржи (съ 4-мя рисунками). Н. Каразина.—Политическія и военныя извѣстия. Почтовый ящикъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪБЕВЪ.

СКОРОВЫСЫХАЮЩІЯ МАСЛЯНЫЯ КРАСКИ,
извѣстныя во всей Россіи и заграницей,

фабрики **Н. Ф. КЮНА,**

ПРОДАЮТСЯ, КРОМѢ ФАБРИКАНТА,

въ конторахъ **Л. Э. Кубаричъ:**

С.-Пб., Галерная, № 33., Москва, Мясницкая, д. церкви
Св. Николая.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 3,

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чехберсъ и Ко.

Магазинъ: Адмиралъ.
Продажа: Орлянкинъ.

«Московское Обозрѣніе».

ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЪ.
(ИЗДАНІЕ БЕЗЦЕНЗУРНОЕ).

Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ названными обертками книгъ.

Для большаго удобства гг. подписчиковъ все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на ШЕСТЬ большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.

Желая доставить гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редація приобрѣла трехъ собственныхъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ—на Кавказѣ, одного—въ Чернигоріи и одного—въ Петербургѣ, и кромя того вошла въ соглашеніе съ рус. международнымъ телеграфнымъ агентствомъ.

Всѣ получаемыя изъ указанныхъ источниковъ телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля наст. года выпускаются въ свѣтъ еженедѣльно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній рассылаются гг. подписчикамъ при журналѣ бесплатно.

ПОДПИСАНІЕ ЦѢНА:

На годъ съ дост. и пер. 7 р. — к. | На годъ безъ дост. и пер. 6 р. — к.
» 1/2 года 4 » — » | » 1/2 года 3 » — »

Для всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ подписчиковъ можетъ быть допущаема рассрочка.

Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе бесплатной преміи.

2-1

НАСТОЯЩАЯ
МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскармливанія грудныхъ дѣтей.

ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи
въ С.-Петербургѣ, у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, по
Васиковской линіи, № 4. Единственный агентъ для
всей Россіи *Александръ Венцель*

Имѣю честь довести до свѣдѣній публики,
что я отвѣчаю только за тѣ экземпляры, на которыхъ
находится СИНІЙ ПТЕМПЕЛЬ и ПОДПИСЬ
Александра Венцеля, ЕДИНСТВЕННАГО агента моего для всей Россіи.
№ 2. ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ въ Веве (Швейцарія). 26—25

ЦѢНА
ЖЕСТЯНКИ
1 р.
безъ пере-
сылки, въскъ
1 1/4 ф.

НИВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ Иманъ 25 Юля 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ въ уже вышедшіе номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.	Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева . . . 4 р. 50 к.
„ „ съ доставкою . . . 5 „	Съ пересылкою во все города Имперіи . . . 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р.	съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

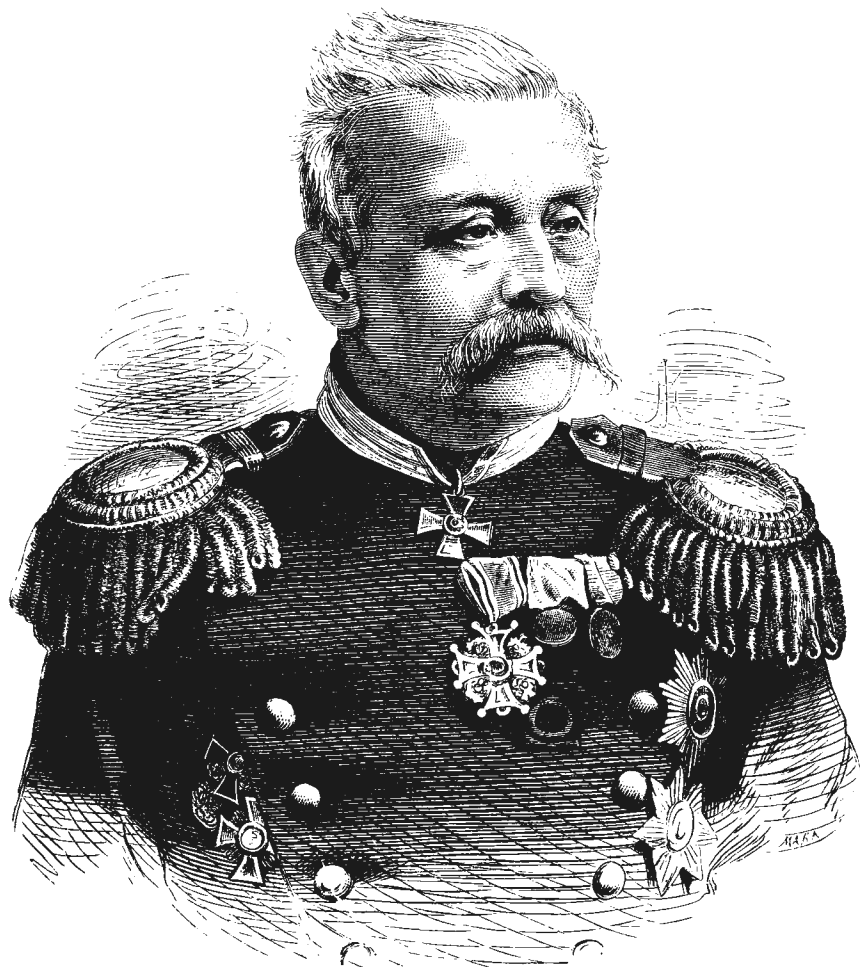
Контора журнала «Нива» помѣщается въ С.-П.-Бургѣ, на Б. Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

Ком. 9-го кор. дѣйст. арміи на Дунаѣ, ген.-лейт. баронъ Н. П. Криденеръ 3-ій.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Николай Павловичъ Криденеръ 3-ій, — герой Николая, взятаго нашими войсками подъ его командой іюля 2 дня с. г.

Баронъ Николай Павловичъ родился 10 марта 1811 года. Родители его дворяне Лифляндской губерніи, лютеранскаго вѣроисповѣданія. Образование онъ получилъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ и Академіи, откуда, по окончаніи полного курса въ 1828 году, былъ выпущенъ офицеромъ въ полевые инженеры: на 1831 году переведенъ въ гвардейскіе офицеры. Въ 1833 году онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, гдѣ окончивъ курсъ въ числѣ первыхъ, былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ генеральный штабъ. Въ началѣ 1838 года былъ назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ, сперва 10-й, а потомъ 3-й пѣхотныхъ дивизій; въ 1841 году назначенъ въ чинѣ капитана въ главную квартиру дѣйствующей арміи для порученій. Въ 1846 г. въ чинѣ подполковника, назначенъ былъ

Командиръ 9-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Н. П. Криденеръ 3-ій. Грав. Макаровскій.

состоять въ распоряженіи военнаго министра и генералъ-квартирмейстера, а годъ спустя занялъ видное мѣсто въ департаментѣ генеральнаго штаба. Въ 1849 г. въ Венгерскую кампанію въ званіи оберъ-квартирмейстера отдѣльнаго гренадерскаго корпуса за отличное веденіе должности произведенъ въ полковникъ. Съ этимъ годомъ кончается, такъ сказать, кабинетная его дѣятельность и начинается строевая служба. Сначала назначенъ командиромъ принца Евгенія Виртембергскаго полка (нынѣ 6-й Тавричскій Е. И. В. Великаго князя Михаила Николаевича), затѣмъ въ 1858 г. командиромъ Кексгольмскаго гренадерскаго Императора Австрійскаго полка, въ составѣ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ 1859 г. произведенъ въ генералъ-майора и принятъ въ командованіе лейбъ-гвардіи Волыцкій полкъ. Въ августѣ 1863 г. назначенъ начальникомъ 27-й пѣхотной дивизіи. Принимая участіе въ кампаніяхъ Венгерской, Восточной и Крымской, ему не удавалось ни разу вы-

казать свои военные способности и распорядительность и только въ 1863 г., при усмирении Польскаго мятежа, въ дѣлахъ 2-го апрѣля и 24-го августа, гдѣ съ вѣренными ему отрядомъ, онъ, разбивъ двѣ многочисленныя шайки мятежниковъ, заявилъ себя какъ боевой генералъ. Наградю за оказанные подвиги была золотая сабля за храбрость. Въ 1865 г. произведенъ въ генераль-лейтенанты, а въ концѣ прошлаго года назначенъ командиромъ 3-го корпуса дѣйствующей арміи на Дунаѣ.

Баронъ Николай Павловичъ Криденеръ, какъ сказано выше, герой Никополя. О взятіи этого города и его крѣпости онъ телеграфировалъ отъ 3 іюля изъ Турну-Мугурелли Его Императорскому Величеству:

„Имѣю счастье донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося вчера съ четырехъ часовъ утра до наступленія ночи. Крѣпость сдалась условно сегодня на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами сильно укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣнъ взято двое пашей и до шести тысячъ регулярнаго войска“.

О подробностяхъ этой битвы въ настоящее время имѣются слѣдующія извѣстія: 2 іюля, въ 5 часовъ утра, начался приступъ, продолжавшійся безъ перерыва до девяти часовъ вечера. Наши войска напали съ двухъ сторонъ, ихъ силы были раздѣлены на двѣ половины, вслѣдствіе необходимости атаковать турокъ съ двухъ сторонъ. Съ правой стороны имъ необходимо было отпариться съ нѣсколькими земляными верками, съ лѣвой надо было одолѣть неправильную стѣну старинной цитадели, бастионы которой со стороны плоскогорія командуютъ футовъ на двадцать и защищены ровомъ въ 30 футовъ ширины. Старая крѣпость обшита шпукатуркой и, повидимому, казалась неприступной для пѣхоты. Наши войска безостановочно продолжали въ теченіи цѣлаго дня подвигаться впередъ. Около 9-ти часовъ вспыхнулъ огонь среди военныхъ запасныхъ

магазиновъ Никополя, расположенныхъ по Дунаю; они горѣли всю ночь. Турки, видя бесполезность усилій къ сопротивленію, рѣшили уничтожить что можно, чтобы не досталось въ руки русскихъ. Весь день турки сильно страдали отъ огня съ батарей, расположенныхъ во Флаундѣ. Это бомбардированіе продолжалось съ 5-ти часовъ утра до 9-ти вечера. Сильная канонада происходила на Дунаѣ и рѣзкій пѣхотный огонь слышался на вершинѣ холма впродолженіе всего утра.

Наши войска атаковали съ большой энергіей и 3 часа длилось сраженіе на гласисѣ. Во время этой послѣдней отчаянной схватки войска положительно смѣшались съ неприятелемъ; тѣла турокъ наполнили ровъ. Этотъ послѣдній штурмъ рѣшилъ судьбу Никополя и 3 іюля въ половинѣ 6-го утра турки сдали крѣпость и доказали еще разъ, что древняя доблесть мусульманъ не въ силахъ болѣе оборонять своихъ старыхъ крѣпостей отъ такихъ нападений, образецъ которыхъ виденъ въ подвигѣ храброй команды Криденера. По слухамъ, у турокъ было 3000 убитыхъ и раненыхъ. Турки сражались упорно, отступая каждую пядь земли, до тѣхъ поръ, пока смѣлый приступъ нашихъ войскъ и взятіе укрѣпленій на высотахъ не доказали имъ всю бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія.

„Вой подъ крѣпостью былъ самымъ жаркимъ и самымъ важнымъ дѣломъ въ настоящей войнѣ. Возвышенное плоскогоріе, простирающееся на нѣсколько миль позади, пересѣкается виноградниками, группами деревьевъ, зерновыми полями, послужившими намъ для прикрытія; но все таки они сильно пострадали, взираясь по крутизнамъ и подвергаясь огню турецкихъ орудій съ большой крѣпости и нѣсколькихъ меньшихъ батарей. Осада и взятіе этой важной крѣпости есть смѣлый подвигъ нашихъ войскъ.—Въ плѣнъ взяты Ахмедъ и Гассан-паша и 6 тысячъ регулярнаго войска. Добыча состоитъ изъ 40 полевыхъ пушекъ, установленныхъ въ батареѣ вдоль высотъ (изъ нихъ 12 крупнаго калибра), а также изъ 2 мониторовъ.“

Н.

Поздно

(Страница изъ жизни).

(Окончаніе).

Матушка встала и принесла письмо. Анна Петровна писала, съ обычными ея причитаніями, что Хазаровъ оказался негодяемъ, и что Соня разошлась съ нимъ. Она прибавляла, что Соня раскаивается, страдаетъ о потерянномъ счастьи, любить меня по прежнему, но никогда первая, не рѣшится сдѣлать шагъ къ примиренію и пр. Пока я читалъ письмо, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ моемъ лицѣ. Давно ужъ я прочелъ его, но держалъ въ рукахъ и размышлялъ. Хазаровъ бросилъ Соню,—это ясно; ея чувство, ея самолюбіе было оскорблено, поругано; я понималъ, какъ она должна была страдать, но я торжествовалъ: злое чувство радости закралось въ мое сердце; въ эту минуту я хотѣлъ, чтобы она страдала ужасно и чтобы не было конца ея страданіямъ.

— Петя,—сказала мнѣ мать,—прости ее...

Я вскочилъ, какъ ужаленный.

— Никогда!... закричалъ я.

Взять назадъ жену, которая принадлежала другому,—эта мысль была для меня невыносима. Я закричалъ такъ громко, что сестра выбѣжала изъ другой комнаты. Понептавшись съ матушкой, она рѣзко сказала:

— Нѣтъ, мама, такія оскорбленія не прощаются, братъ правъ.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Вотъ уже второй разъ, какъ она такъ жестоко отзывается о женѣ моей.

— Знаешь что, Петя,—продолжала сестра,—вытребуй сына, онъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ, ты имѣешь болѣе правъ на него.

Я молчалъ.

— Хочешь, я напишу за тебя, прибавила она, положивъ мнѣ руку на плечо.

Странное дѣло! мнѣ казалось, что я ненавиждѣлъ жену мою, и въ то-же время я негодовалъ на сестру за то, что она враждебно относилась къ ней. Я высвободилъ свое плечо.

— Нѣтъ,—сказалъ я,—я не возьму сына; она несчастна, онъ единственное ея утѣшеніе, пусть онъ останется при ней.

Нечаянно я взглянулъ на мать: она вязала чулокъ и изъ-подъ очковъ ея старческія слезы капали на ея работу. Я не выдержалъ, ушелъ къ себѣ, заперся и плакалъ, плакалъ долго, чуть ли не первый разъ послѣ моего несчастія. Озлобленіе уступило чувству жалости. Когда она была счастлива, любима моимъ соперникомъ; я ненавиждѣлъ ее, теперь она несчастна, несчастіе меня: съ ней живетъ укоръ совѣсти, котораго нѣтъ у меня. Такъ я размышлялъ и мнѣ было жаль ее. Но простить! матушка говоритъ: простить! да если бы я забылся до того, чтобы послѣ того, какъ другой влаждѣлъ ею, прижать ее снова къ своей груди, я бы, кажется, задушилъ ее и убилъ себя. Нѣтъ, возврата быть не можетъ. Зачѣмъ мое безотрадное прозябаніе снова возмутило этими извѣстіями. Я вышелъ къ матушкѣ и сестрѣ и сказалъ.

— Если вы имѣете ко мнѣ хоть каплю жалости, прошу васъ никогда не упоминать мнѣ о ней.

Какъ я былъ жестокъ! ихъ душа вся изныла, глядя на меня, а я говорилъ имъ о состраданіи.

Поплелись дни за днями. Я занимался своимъ дѣломъ, но механически. Душа моя была мертва и тѣло таяло день ото дня, я тосковалъ невыносимо. Были минуты, когда я готовъ былъ бѣжать къ женѣ и умолять ее вернуться, но ложная гордость удерживала меня. Родные мои страдали, глядя на мое нѣмое отчаяніе, и придумали сильное и смѣлое лекарство; но я ничего не зналъ о ихъ замыслахъ; я замѣтилъ только, что между матерью и сестрой стали происходить какіе-то оживленные разговоры, споры, чего прежде не бывало. Однажды, возвращаясь домой изъ университета, я увидалъ въ передней на вѣшалкѣ женское платье; это удивило меня и раздосадовало. Въ послѣднее время никто не бывалъ у насъ, а если и заходили знакомые сестры и матери, то старались не досиживать до моего пріѣзда: мой убитый видъ пугалъ всѣхъ. Я отворилъ дверь въ гостинную, горячо желая ни съ кѣмъ не встрѣтиться и проскользнуть незамѣченнымъ въ свой кабинетъ. Только что я ступилъ въ гостинную, у меня подкосились ноги: передо мной стояла она... Соня, съ

нашимъ сыномъ на рукахъ. Если бы не было тутъ-же возлѣ двери дивана, я бы упала. Я опустился на него и не могъ выговорить ни слова. Она подошла и посадила мнѣ на колѣни сына.

— Возьми его,—сказала она,—ты имѣешь на него болѣе правъ, чѣмъ я.

Это „ты“ звучало такъ странно послѣ того, что было, но она такъ чиста, даже павшая, что ей въ голову не приходило прибѣгать къ тому напыщенному „вы“, которымъ жены въ этихъ случаяхъ обыкновенно признаютъ свою виновность. У меня на колѣняхъ сидѣлъ мой сынъ, мой Володя, я, поддерживая его дрожащими руками, какъ истуканъ смотрѣлъ на него. Вдругъ ребенокъ мнѣ улыбнулся. Тогда я не выдержалъ; сердце переполнилось; я посадилъ ребенка на диванъ и, закрывъ лице руками, громко зарыдалъ. Она подошла ко мнѣ, тихонько тронула меня за плечо, я судорожно вздрагивалъ и рыдалъ. Свиданіе съ нею, съ ребенкомъ, раскрыло всѣ мои раны. Въ эту минуту болѣе чѣмъ когда-нибудь я страдалъ о погибшемъ счастьѣ. Я ясно представлялъ себѣ, что могло бы быть, еслибы...

— Петя,—шептала Соня, наклонясь ко мнѣ,—скажи мнѣ, можешь ты когда-нибудь простить меня. Еслибы ты зналъ, что я выстрадала, ты бы сжалился надо мной.

— А я,—говорилъ я прерывистымъ голосомъ,—я не страдалъ! я все отдалъ одной только женщинѣ. Вся любовь, въ которой только способна душа моя, была ея, ни прежде, ни послѣ я не любилъ никого, и вотъ...

Я замолчалъ.

Видно Соня прочла въ глазахъ моихъ ту глубокую скорбь, которая наполняла мое сердце, потому что и она заплакала.

— Другъ мой! сказала она, схвативъ мою руку и покрывая ее поцѣлуями,—я безумная! какъ могу я молить о прощеніи, когда вся твоя жизнь отравлена мною. Нѣтъ, простить меня ты не можешь! но умоляю, позволь мнѣ остаться съ тобою; пусть я буду только видѣть тебя, ухаживать за тобою и... не разставаться съ Володей.

Я отодвинулся отъ нея. То чудовище, которое заѣдало жизнь мою,—ревность, не оставляло меня даже въ отношеніи моего собственнаго сына. Не я ей нуженъ, а ребенокъ, мелькнуло у меня въ головѣ, только для него она хочетъ остаться со мной.

— Я не отнимаю его,—сказалъ я,—пусть онъ останется при... васъ,—добавилъ я едва слышно.

Соня поняла меня, она поняла, что я ревную, и въ глазахъ ея мелькнула какъ будто радость.

— Петя,—сказала она,—можешь ты вѣрить мнѣ? повѣришь-ли ты, когда я тебѣ скажу, что ты былъ первая и единственная моя любовь; то было только увлеченіе и...

Я вскочилъ съ дивана, я не могъ выносить, когда упоминала о немъ она... о, это было выше силъ моихъ.

— Ни слова больше,—сказалъ я задыхаясь, отъ волненія.

Малютка, о которомъ забыли, испугавшись моего порывистаго движенія, заплакалъ. Соня взяла его на руки, вынесла въ другую комнату и вернулась ко мнѣ. Я ходилъ большими шагами по комнатѣ, она робко смотрѣла на меня. Наконецъ мнѣ стало совѣстно передъ нею. Я сѣлъ, она сѣла возлѣ меня.

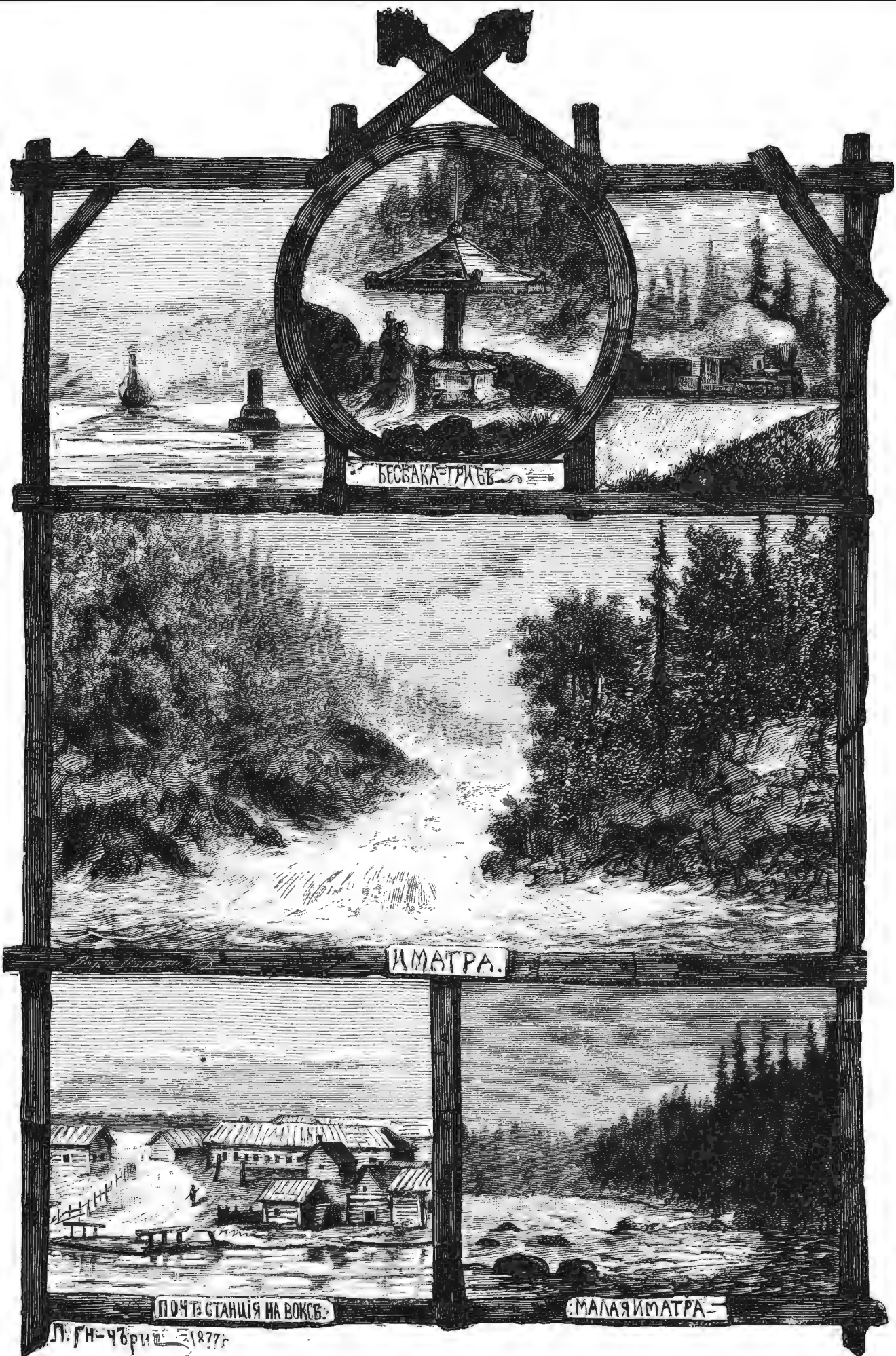
— То все умерло, пойми,—тихо говорила она,—то была болѣзнь, и она прошла. Представь, что я была больна, впала въ летаргію, ты считалъ меня умершей—и вдругъ я опять жива; неужели мы бы стали помнить о моей болѣзни. Петя! еслибы я не любила тебя, неужели бы я пожертвовала тебѣ сыномъ, а я только затѣмъ и пришла сюда, чтобы отдать тебѣ его. О томъ, что ты можешь когда-нибудь простить меня, мнѣ и въ голову не приходило. Но когда я увидѣла тебя,

во мнѣ зажглось такое страстное желаніе снова быть съ тобою, что я рѣшилась... сама не знаю какъ...

Голосъ ея порвался... я взглянулъ на нее. И вотъ та Соня, которую я такъ любилъ, безъ которой жизнь для меня—пустыня, вотъ она опять возлѣ меня, отдавая мнѣ; горе наложило на нее печать свою: она поху-дѣла, она грустна, неужели я оттолкну ее, когда я и теперь безумно люблю ее. Я не могъ болѣе владѣть собой, притянулъ ее къ себѣ и покрывъ поцѣлуями. Я гладилъ и цѣловалъ ея волосы, глаза, я не вѣрилъ, что все это не сонъ. Что было высказано, что понято изъ полусловъ, того ни написать, ни рассказать нельзя. Долго ли сидѣли мы такъ, я не знаю; никто насъ не тревожилъ, но мы сами почувствовали потребность пойти къ своимъ и подѣлиться съ ними нашей радостью. Это все они, мои милыя родныя устроили. Онѣ поняли сына и брата, который никогда не умѣлъ понимать ихъ, онѣ поняли, что моя Соня необходима для моего счастья и убѣдили ее пріѣхать. И она пріѣхала дѣйствительно только для того, чтобы отдать Володю, я читалъ ея письмо къ нимъ, гдѣ она писала: „какихъ бы усилій не стоило мнѣ разстаться съ Володей, но я сдѣлаю это для него; пусть дитя наше любить его такъ, какъ не смѣю любить я. Вмѣстѣ съ сыномъ я оставлю вамъ мою душу и уѣду безжизненнымъ трупомъ“.

И вотъ Соня опять со мною; мрачный уголокъ нашъ опять оживился присутствіемъ молодой хозяйки и сверхъ того милымъ лепетомъ трехлѣтняго мальчика. Родныя мои обрадовались съ Соней по прежнему ласково, безъ всякой задней мысли, а я, былъ ли я счастливъ? Отгадать не трудно. Въ тѣ времена, когда ничто, повидимому, не омрачало моего счастья, я создавалъ себѣ какіе-то чудовищные призраки и страдалъ, а теперь, когда дѣйствительно сердце мое было глубоко изранено, могло ли оно зажить совершенно, даже подъ крохотными взорами моей Сони? Нѣтъ, я слишкомъ понадѣялся на себя; пора мнѣ было убѣдиться, что я не рожденъ для чувства и что жизнь сердца выводитъ меня изъ моего нормальнаго положенія. Жизнь сердца такъ заманчива, но теперь я не могъ болѣе ошибаться. Случилось то, о чемъ я не смѣлъ даже мечтать: я снова сошелся съ женою... Но... лучше бы было намъ и не сходиться. Этотъ шагъ былъ роковымъ для обоихъ. Я относился къ ней съ какою-то болѣзненною страстностью; случилось, что въ минуты самаго сильнаго порыва, я ясно представлялъ себѣ своего соперника и начиналъ язвить ее. Она сама была уже не та: изъ веселой и беззаботной, она сдѣлалась грустна и робка. Эта переменна напоминала мнѣ безпрестанно ея проступокъ и выводила меня изъ себя. Но какъ же она, бѣдняжка, могла быть иною? какъ могла она забыть то, что я безпрестанно помнилъ! Такъ промучились мы нѣсколько мѣсяцевъ. Я дѣлался все болѣе и болѣе раздражительнымъ; иногда мнѣ казалось, что единственное для меня средство найти спокойствіе, это убить Хазарова, были мысли и еще ужаснѣе. Однажды... неужели я рѣшусь выговорить? воспоминаніе объ этомъ и теперь терзаетъ меня; но пусть признаніе будетъ моимъ наказаніемъ: и такъ, однажды я забылся до того, что рѣшился поднять руку на мою жену! Это была капля, которая переполнила чашу горечи. Соня заговорила о разлуцѣ; я не противорѣчилъ; я чувствовалъ, что жизнь вдвоемъ для насъ невыносима, что я могу сдѣлаться преступникомъ, если не отпущу ее.

Въ тотъ вечеръ, когда она уѣхала, я пришелъ домой пьяный: Володя остался у меня, но онъ не утѣшалъ меня; онъ служилъ мнѣ безпрестаннымъ напоминаніемъ о ней. Чарочка все чаще и чаще стала являться моей утѣшительницей. Звѣрь побѣдилъ человѣка! Когда первый разъ жена моя оставила меня, у меня была смутная надежда, хоть я и самъ себѣ не призна-

Повѣдка на водопадъ Иматру. Оригинальный рис. П. Гяѣдича, грав. Діамантовскій.

Взятие Гарбинскихъ высотъ, при переходѣ чрезъ Дунай, въ ночь съ 9 на 10 іюня, войсками 18-й пѣх. дивизіи, подъ командою ген.-маіора Жукова. (14 арм. корп. ген. Циммермана).

вался въ ней, что рано или поздно, она вернется, теперь уже надежды никакой не было. Хотя я и теперь не считал себя виноватымъ, но совѣсть помимо моей воли мучила меня. Я впалъ въ полное отчаяніе. Рѣдкій вечеръ не приходилъ домой пьяный. Можно вообразить, какъ страдали мои родныя, но я старался не замѣчать ихъ страданій.

О Сонѣ долго не было никакихъ извѣстій. Вдругъ Анна Петровна написала, что она опасно больна и умоляла прійхать. Я поскакалъ, какъ сумасшедшій, ѣхалъ день и ночь, но не засталъ ее уже въ живыхъ. Скоротечная чахотка унесла ее въ могилу.

Ночь, проведенная возлѣ ея праха, открыла мнѣ глаза на многое. Торжественное зрѣлище смерти сняло себялюбивую завѣсу съ глазъ моихъ. Я понялъ, что

виноватъ передъ женою, гораздо болѣе, чѣмъ она передо мной.

Соня, моя Соня! восклицалъ я, зачѣмъ я узналъ тебя. Я не сумѣлъ сдѣлать тебя счастливой! Еслибы ты не сошлась со мной, то можетъ быть нашла бы человѣка, который лучше меня сумѣлъ оцѣнить тебя, и тебѣ бы не пришлось искать въ другомъ удовольствіи не удовлетворенному чувству. Я покаялся искупить сколь возможно зло, которое я сдѣлалъ: бросить пить, заняться воспитаніемъ сына, и Богъ видитъ, что я исполнилъ свою клятву.

Десять лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, и спокойствіе, которое осѣнило мою душу, есть признакъ того, что душа ея простила меня.

N.

ПОВѢЗКА НА ИМАТРУ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній).

— Ну вотъ мы и въ лѣсу! сказалъ мнѣ спутникъ, когда мы вышли изъ вагона на платформу Выборгскаго дебаркадера.

— Хуже чѣмъ въ лѣсу, отвѣчалъ я: къ лѣсу русскій человѣкъ привыченъ, не заблудится,—а здѣсь вотъ не угодно ли найти дорогу.

Вмѣсто всякаго гйда мы, какъ всѣ русскіе путешественники, надѣялись на великую пословицу: „языкъ до Кіева доведетъ“, и въ силу ея, такъ или иначе—рѣшились добраться до Иматры.

— Однако намъ надо ориентироваться,—замѣтилъ я, оглядываясь вокругъ, ища хоть какого-нибудь признака „Иматровскаго акціонернаго общества“, о которомъ такъ много грубили въ Петербургѣ.

Въ одномъ изъ закоулковъ не слишкомъ чистоплотнаго вокзала, нашлась дама, торгующая брошюрами, газетами, книгами и видами Финляндіи, откровенно фотографированными. Мнѣ вдругъ пришла фантазія—не представительница ли это „акціонернаго общества“, и мы направились къ ней. На нашъ вопросъ объ Иматрѣ она задумалась, точно вспоминала что-то, и вдругъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ объявила, что самое простое средство доѣхать туда—купить билеты прямого сообщенія у „общества“. Когда мы спросили „гдѣ общество?“—она сказала: „у меня“, и тутъ же вытщила билеты.

Но какъ проникнуть на пароходную пристань? Вотъ новый вопросъ, тотчасъ представившійся намъ по полученіи билетовъ. Къ счастью дама оказалась настолько любезной, что предложила: „вѣнъ зи естъ вионшенъ—зо верде ихъ день извоиши хирхеруфенъ“, и оставивъ свою лавочку на произволъ судьбы, отправилась за извозникомъ.

Извозникъ, въ круглой строй шляпѣ съ широкими полями, съ небритою днѣй десятию бородой, въ кафтанѣ, съ жестяной на воротѣ, сидѣлъ на козлахъ просторной пролетки съ необычайными крыльями. Крошечная дуга его закладки еле-еле возвышалась надъ хомутомъ. По-русски онъ зналъ преимущественно слово: „не понимаю“, и вмѣсто пароходной пристани привезъ насъ въ гостиницу „Иматра“, проѣзжая по какимъ-то необычайнымъ улицамъ, совершенно безлюднымъ, но чистенькимъ, по которымъ прыгали жеребята, да изрѣдка изъ-за воротъ раздавался вопль ребенка, по всей вѣроятности наказуемаго за какую нибудь провинность. Какой-то топкій бульваръ мелькнулъ въ сторонѣ, подался вывѣска экипажнаго мастера, на которой карета была изображена съ такими красными занавѣсками, словно внутри ея горѣла смоляная бочка. Въ иныхъ жилищахъ домахъ окна были забѣлены, но не сплошь, а по которому рисунку, такъ что издали давали впечатлѣніе кисейныхъ, подбраванныхъ съ боковъ въ розетки, занавѣсей. Суровая, мрачная даже въ ясный солнечный день башня св. Анны угловатой тумбой торчала вдаль; а надо всѣмъ этимъ висѣло блѣдно-голубое, съ легкими, пушистыми какъ хлопья ваты облаками, финское небо. Все здѣсь казалось соннымъ, медлительнымъ, но какъ-то не по-русски соннымъ...

Я ѣхалъ на Иматру, чтобы провѣрить самые разнообразныя слухи и описанія объ этихъ порогахъ. То мнѣ говорили, что это восьмое чудо свѣта (что-то много развелось этихъ восьмыхъ чудесъ), то—что и смотрѣть-то на нее не стоитъ: такъ, канава какая-то. И въ описаніяхъ ея тоже,—то поють панегирики и оды, то съ презрѣніемъ отъ нея отворачиваются*). Теперь мнѣ предстояло убѣдиться во всемъ лично и вынести собственное сужденіе.

Пароходъ, отчалившій отъ Fiskarstrand'a, т. е. рыбацкей набережной, проплывъ мимо разводнаго моста желѣзной дороги, и оставивъ влѣво пресловутый паркъ Николай, взялъ на코스ъ

по озеру и вскорѣ вочелъ черезъ шлюзъ въ Саймскій каналъ, почему-то называемый нынѣ Сайменскимъ. Путешественниковъ было болѣе чѣмъ ограниченное число, вѣроятно рѣзкій западный вѣтеръ пугалъ многихъ; но неизбѣжныя рыжеобразныя англійскія фигуры все-таки торчали на вышнѣ, возлѣ колеса шкипера, и занимались наблюденіями за окрестными видами, кутаясь въ свои долгополые орѣховаго цвѣта халаты. Одинъ былъ въ шотландской шапочкѣ и широчайшихъ панталонахъ; у другого панталонъ совсѣмъ не было замѣтно, но за то онъ былъ въ фиолетовыхъ чулкахъ, плотно охватывающихъ жирныя икры. Знали они, конечно, только по англійски, считая позоромъ говорить на другомъ какомъ бы то ни было языкѣ, и имѣли массу багажа. Смѣялись они часто и по очередно: одинъ хохоталъ выказывая бѣлые крупные зубы, а другой кивалъ головой и говорилъ „yes, yes!“, потомъ наоборотъ. Кажется они служили главнымъ пунктомъ, на которомъ сосредоточивалось вниманіе всего парохода,—на береговые ландшафты никто не обращалъ вниманія, а они чудной декорацией плыли мимо, то расширяя свой охватъ на безпредѣльное пространство, то, сгузвившись, еле пропускали лаше судно.

Черезъ часъ фяды мы подошли къ шлюзамъ Юстия. Въ этомъ мѣстѣ воды Саймскаго канала вздымаются на четыре сажени вверхъ, сжатыя тройными шлюзами. Проходить эти шлюзы было бы слишкомъ долго, а потому всѣ пересѣли на другой пароходъ, поджидавшій насъ на верху. Здѣсь, виды еще роскошнѣе, оригинальнѣе. Большой пароходъ быстро идетъ по каналу; перекатный валъ равнозвѣрной струею бѣжитъ за нимъ, захлестывая берегъ, смачивая траву и камни. Каналъ узокъ: еле два встрѣчныя судна могутъ разойтись и то задержавъ свой ходъ. Десятки прелестныхъ, густо заросшихъ соснами, елями и березками острововъ мелькаютъ мимо. По берегамъ тянутся гранитныя скалы, то остроконечной кручей взбѣгалъ вверхъ и обрываясь откосомъ, то плавно, урюгой линіей, обрисовывая свой хребетъ, заросшія хвойной мощно поднявшейся растительностью. Мѣстами глыбы камня подступаютъ къ берегу, виснутъ надъ нимъ, мрачно горд на солиці своимъ обнаженнымъ тѣломъ, и опять отступаютъ всѣ залитыя зеленью. Лѣса густы: солнце блещетъ на ихъ синеватой одеждѣ, обдавая ихъ золотомъ, а внизу, у корней, подъ вѣтвями, скопился непроглядный мракъ и черными пятнами отгѣнилъ освѣщенные части. По самому берегу, у подошвы скалъ, строй лентой тянется дорога-бичевникъ, гладкая, ровная, змѣей вьющаяся межъ камней. Изрѣдка попадется на ней пара лошадокъ, погоняемыхъ чухонскими мальчишками; онѣ съ трудомъ тянутъ барки, оригинальной финской формы, съ маленькой мачтой почти на самомъ носу, пугливо жмушіяся къ берегу при далекомъ свистѣ парохода. Не менѣе оригинальны и значки, обозначающіе форватеръ: то это небольшія полосатыя каменные тумбочки въ видѣ ступокъ, стоящія на крохотныхъ островкахъ, гдѣ ютятся еще двѣ три березы, то—бѣлыя каменныя прямоугольныя призмы, поставленныя на такой же бѣлой плинту, лежащій на высушенемъ изъ воды гранитѣ. Тутъ воды прозрачны и тихи—лѣса, облака, горы, камни—все отражается въ нихъ, плывешь какъ въ волшебномъ царствѣ, и не можешь до сыта насытить взоръ роскошной панорамой.

— Рятъ-Ярви? спросилъ одинъ изъ англичанъ у шкипера, показывая на гору.

— Рятъ-Ярви, отвѣтилъ шкиперъ.

— Дилижансъ? спросилъ англичанинъ.

— Дилижансъ, отвѣтилъ шкиперъ.

Рятъ-Ярви—последняя станція воднаго пути для иматровскихъ путешественниковъ: отсюда надо ѣхать на лошадахъ. Пока англичане жестаами объясняли буфетчицѣ, что имъ

*) Сравните очеркъ о ней въ № 31 „Нивы“ за 1875 годъ, и „Всемирной Иллюстраціи“ за 1877 годъ.

надо чаю, мы стали осматривать станцію. Станціонный домик стоит на высокой горѣ; онъ приземистъ, неуклюжъ, выкрашенъ въ розовую краску съ бѣлыми разводами и вообще проливаетъ неприятное впечатлѣніе своей аляповатой вѣщиностью; предельные виды на окрестности выкупаютъ, впрочемъ, общей гармоніей казенный шаблонъ этого уголка.

Смотритель, очень любезный господинъ, предложилъ намъ отправиться раньше назначеннаго срока, если всѣ на это согласны. Общее согласіе последовало; англичане моментально осушили свои стаканы, и всѣ ушли въ открытый рессорный дилижансъ, запряженный тройкой въ два дышла. Финнъ въ круглой шляпѣ и сѣромъ пиджакѣ пустился, по здѣшнему обыкновению, тройку съ горы во весь духъ, только пылъ клубами понеслась сзади. Англичане замирали отъ восторга каждый разъ, когда дилижансъ кричалъ о мостъ, переброшенный черезъ мелкую рѣчку, наскочивши на него съ нагорнаго скала, и простучавъ по его доскамъ, песся опять вверхъ, мягко подкидывая насъ на эластичныхъ рессорахъ. При сильныхъ толчкахъ оба сына Альбіона хохотали во все горло, откидывая головы назадъ и смотря другъ на друга, а чухонецъ оглядывался съ недоумѣніемъ на нихъ,—чего это, дескать, ихъ разбавляетъ.

Большая часть пути монотонна. Густо надвинулись съ обѣихъ сторонъ на дорогу березовые необъятные лѣса, изрѣдка перемежаясь сосою, елью, да выжженными пространствами, съ обугленными пнями и побурѣвшею землею, на которой правильными рядами легли мертвые стволы деревьевъ. Погору лѣсъ разступится, дастъ поляну, завернется краями въ стороны, тройка вылетитъ въ долину, спугнетъ коровъ и барановъ, промчится черезъ нѣсколько поселковъ, и опять тотъ же лѣсъ. Сбоку, слѣва, тянется безконечная линия телеграфныхъ столбовъ. Встрѣчные чухвы, сворачивая въ сторону, останавливаютъ своихъ лошадей, запряженныхъ въ таратайку, сильно смахивающую на нерессорный шарабанъ, и даютъ намъ дорогу. Иногда на далекой возвышенности обрисовывается нѣсколько фигуръ съ толстыми, суковатыми пацками на плечахъ. Съ перваго раза англичане, направивши туда бинокли, вообразили, что это нѣчто въ родѣ финскихъ грабителей,—по крайней мѣрѣ, мнѣ удалось уловить въ ихъ разговорѣ сквозь зубы слово „robber“—но это просто оказались ребятишки, продающіе грубо-вырѣзанныя палки пробѣжимъ и бѣгущіе съ какимъ-то непонятнымъ лепетаніемъ возлѣ дилижанса. „Вотъ вамъ случай приобрести за какой-нибудь пятналтынный палку изъ настоящей карельской березы,—засмѣлся одинъ изъ спутниковъ,—вѣдь мы ѣдемъ по древней Карелии“. Бабы, при встрѣчѣ съ нами, поспѣшно складывали свои вещи на землю и дѣлали почитительно кивкисень, вѣрнѣе просто присѣдали, что у нихъ выходило преуморительно. Особенно одна баба поразила насъ: вышла изъ своей избы босая, оборванная, очень мило присѣла, и потомъ вдругъ въ припрыжку побѣжала за нами, быстро сбѣгая ногами по пыльной дорогѣ, не отставая отъ насъ долгое время: старуха эта нищенствовала.

Нищенство и попрошайничество развито у мѣстныхъ финновъ вѣроятно туристами. Но достаточные чухвы, особенно женщины, держатъ себя чрезвычайно прилично, съ достоинствомъ присѣдая при встрѣчѣ. Кстаті о финкахъ. Многие думаютъ, что отличительный признакъ ихъ—бѣлобрысость (если можно такъ выразиться), но этотъ признакъ далеко не распространяется на всю Финляндію. Напротивъ, въ собственной Карелии преобладаетъ темно-русый цвѣтъ волосъ, и преимущественно въ женской половинѣ ихъ племени, далеко превосходящей красотой мужчинъ. Среди нихъ попадаются личики не только милые, но даже пикантные. Разговоръ, манеры простой дѣвушки не лишены извѣстной степени изящности, и мнѣ пришлось видѣть въ Финляндіи три-четыре сценки такого тонкаго кокетства, какому можетъ быть позавидовали бы нѣкоторыя столичные жительницы. Онѣ кокетничаютъ и словами, и глазами, и манерами. Смѣшно сказать—я разъ видѣлъ, какъ дѣвушка въ разговорѣ съ бѣлобрысымъ пачканымъ кавалеромъ (изъ кочегаровъ, должно быть), у котораго на головѣ красовалась клеенчатая фуражка съ прямымъ четырехугольнымъ необъятнымъ козырькомъ,—какъ она старалась выставить изъ-подъ платья маленькую ногу, очень недурно обутую въ новые башмаки грубой работы, съ цвѣткою розеткой...

—Чи-чи-чи-чи, гол-гоп! заоралъ вдругъ во все горло одинъ англичанинъ и захопалъ въ ладоши. Оказалось, что онъ хотѣлъ спугнуть какую-то птичку, сидѣвшую на камнѣ.

Промелькнуло озеро сбоку. На бревнахъ, у берега, старый финнъ водилъ палкой по водѣ—точно граблями собиралъ что-то. Мнѣ невольно вспомнилась „Калевала“, какъ старый мудрый Вейнемейненъ съ желѣзными граблями выходитъ на берегъ моря искать знаменитую кантелу:

Онъ у водъ разрылъ валежникъ,
Расчесалъ камышъ высокой,
И въ холмы сдвигаетъ море,
Волны въ кучи собираетъ,—
Но той арфы не находитъ,
Милой кантелы пропавшей.

Впрочемъ, мой Вейнемейненъ занимался очевидно гораздо

болѣе практическими занятіями. А мощную, на все отзвучающую арфу Вейнемейнена, совмѣщающую въ себѣ всѣ звуки міра—Иматру, намъ предстояло слышать впереди.

Еще нѣсколько верстъ, и между деревьями свѣтлой лентой сверкнула Вокса въ своемъ нижнемъ теченіи. Сердца всѣхъ начали биться напряженно, въ ожиданіи чуда природы, даже англичане примолкли, присмирѣли. Вотъ и дворъ гостиницы, дилижансъ вскачь влетаетъ туда. Сквозь стекляныя двери и окна видна толпа лакеевъ, торопящихся на встрѣчу пріѣзжимъ. Конецъ 12-ти часовому путешествію, тройка остановилась, бубенцы и колокольчики замолкли; отдаленный, глухой ревъ ясно раздался—это Иматра.

Первое впечатлѣніе—то есть когда взглянешь на Иматру сверху—не способно поразить зрителя: между кулъ зелени, тамъ, внизу, мчитъ вѣширокій потокъ, бурливый, шумящій—и только. Но стоитъ сойти внизъ, взявши вправо отъ гостиницы и впечатлѣніе мѣняется.

Когда я сбѣжалъ къ бесѣдкѣ въ видѣ гриба, что поставлена на правомъ берегу у истока водопада и глянулъ отсюда на эту кипѣвшую громаду,—первое, что мнѣ пришло въ голову—это клокочущая строфа у Шиллера,

И воесть, и плещеть, и бьетъ, и шинитъ,
Какъ влага мѣшался съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ,
Не море-ль изъ моря исторгнуться хочетъ.

Можетъ быть только эта строфа и въ силахъ передать хотя отчасти картину, развернувшуюся передо мной.

Всѣ рисунки, картины и даже фотографіи—положительно даютъ ложное понятіе объ Иматрѣ. Главнѣйшая причина этому—та, что снимки дѣлаютъ *подъ угломъ*, вслѣдствіе чего является невѣрное представленіе о ширинѣ пороговъ, они кажутся чрезвычайно широкою массою водъ, катящеюся среди невысокихъ береговъ. Между тѣмъ Иматра—это просто узкое ущелье, съ гранитными, суровыми, не только отвѣсно стоящими, но даже наклонившимися надъ водою стѣнами, вверху густо поросшими растительностью, пышно раскинувшись на почвѣ постоянно пропитанной сырми испарениями иматровской пѣны. Сама рѣка, широкая вверху своего теченія, а здѣсь сбтая съ своего пути, сдавленная въ гранитныхъ объятахъ скалъ на нѣсколько десятковъ футовъ, прыгаетъ и дилетъ, перекатываясь черезъ камни, вслѣдствіе шалками пѣны, выдалбливая въ берегахъ дугообразныя желобины своими могучими струями, швыряя брызгами вверхъ на цѣлыя сажени. Сперва, пока не приглядѣлся къ Иматрѣ, думаешь, что всѣ эти волны безъ всякаго порядка бьются одна о другую, дробятся, рассыпаются, соединяются вновь, представляя безконечныя комбинаціи—но это только съ перваго взгляда. Форма всѣхъ валовъ Иматры или постоянна или періодична. Является гдѣ-нибудь водоворотъ, кинящій воронкой, кружится, втягивается и вдругъ упадаетъ засыпанный пѣной сосѣдняго бугра. Прошло нѣсколько мгновений, нѣсколько волнъ перекачилось черезъ это мѣсто, и снова поглоченный пѣной омутъ выступаетъ, по прежнему бурля, по прежнему сохраняя свою форму. Мѣстами форма волнъ неизмѣнна. У бесѣдки вся необъятная масса Воксы совмѣщается въ одинъ чудовищный выпуклый горбъ, хребетъ котораго находится какъ разъ на серединѣ рѣки, а низкіе бока скользятъ по обонимъ берегамъ. Горбъ этотъ, вѣроятно, наткаясь въ концѣ своего теченія на подводную скалу, внезапно даетъ громадный пѣнный бугоръ, взбрасывающій перпендикулярно вверхъ свои брызги. Затѣмъ, перевалившись черезъ эту преграду подъ значительнымъ угломъ внизъ, вода еще вся бѣлая, сплошь взмыленная отъ тренія, сталкивается съ валами, бгущими ей на встрѣчу, отхлынувшими отъ сосѣднихъ скалъ, и представляетъ самое интересное мѣсто всего паденія: это какаютъ безобразная козна густой пѣны, которая сплется сплошной массой во всѣ стороны, съ какимъ-то адскимъ внутреннимъ грохотомъ. Здѣсь поражаетъ васъ ужъ не красота, а просто сила бурленія, кажушаяся сверхъ-естественной. Возлѣ этой коны бунтуютъ, ревутъ, воютъ другіе водовороты, то вздуваюціеся шапками, то воронками сверлящие воду.—Все это сплошь бѣло отъ пѣны, составляющей рѣзкій контрастъ съ черными утесами береговыхъ скалъ.

Въ ясный день, когда солнце бьетъ во всю силу своихъ лучей—Иматра хороша издали, съ того мыска, что выбѣгаетъ изъ сосѣдняго лѣса, и приходится какъ разъ противъ паденія. Но вблизи въ ней нѣтъ того грандіознаго, давящаго величія, какъ въ дурную погоду. Когда грозовыя тучи сберутся на сѣверо-западъ и мрачные утесы еще мрачнѣе нависнутъ вокругъ, когда вѣтеръ засвиститъ межъ деревьевъ, молніи заблестятъ вдали,—тогда несказанно великолѣпенъ, могучъ и страшенъ дѣлается исполнискій потокъ....

Страшенъ шумъ Иматры. Онъ разнообразенъ до безконечности, особенно если слушать его съ разныхъ пунктовъ. Иногда онъ похожъ на сильнѣйшій ливень, стучащій о камни и крыши съ страшной силой,—особенно если слушать его изъ отеля, когда затворены окна. Иногда онъ схожъ съ воемъ вѣтра въ

ушельяхъ. Въ самой же близи, у берега, гдѣ съ трудомъ можно разслушать другъ друга, въ немъ слышатся нерѣдко человѣческіе голоса, шумъ шаговъ. Думаешь, что кто-нибудь подходитъ, говоритъ, оглянешься—никого нѣтъ. Порою онъ даетъ даже музыкальные ритмические тоны. Онъ отдается въ ухахъ нѣсколько дней, послѣ того какъ уѣдешь изъ Иматры: лишь только вопаряется вокругъ тишина, ухо невольно воспроизводитъ его изумительно реально. Такъ, въ закрытыхъ глазахъ является въ темнотѣ самопроизвольно впечатлѣніе свѣта, до такой степени реальное, что вызываетъ слезы...

Подъ этотъ шумъ какъ-то особенно сладко спится въ уютныхъ номерахъ отеля. Номера расположены въ двухъ побочныхъ флигеляхъ, примыкающихъ къ главному зданію, внизу котораго помѣщается огромная двухъсвѣтовая обѣденная зала на пятьдесятъ человѣкъ. Все просторно, комфортно. Номера въ болѣе сорока, есть бильярдная комната, особые апартаменты для высочайшихъ особъ. Стѣны и лѣстницы представляютъ легкую, рѣзную работу нечистаго стіла, съ массою оконъ.

Когда мы вставши на слѣдующій день, очень мило раскланялись съ нашими спутниками-англичанами, оказалось что они недоумѣваютъ, отчего тутъ нѣтъ того, что такъ остроумно обозначается на ихъ языкѣ терминомъ *refreshment room*—освѣжительной комнаты, по нашему буфета. Дѣйствительно, въ собственномъ смыслѣ этого слова буфета нѣтъ, такъ какъ на выставкѣ кромѣ плохихъ фотографій ничего не лежитъ, но достать можно все безъ особенныхъ затрудненій. Все готовить опрятно, вкусно и не слишкомъ дорого. Посуда вся штемпелеванная, всюду стоитъ синими готическими буквами „Иматра“. На столахъ красуются букеты изъ иммортелей и пучки свѣжихъ цвѣтовъ, ежедневно смѣняемыхъ, разливающихихъ вокругъ тонкій ароматъ ландышей.

Напившись утренняго чая, всѣ снова отправились къ порогамъ, неправильно называемымъ водопадомъ, такъ какъ паденіе здѣсь въ строгомъ смыслѣ нѣтъ. Англичане изъ приличія были въ перчаткахъ, допившихъ по всѣмъ швамъ и превратившихся изъ бѣлыхъ въ сѣрые въ яблокахъ, отъ вчерашней пыли. Смотрѣли они на Иматру совершенно такимъ-же взглядомъ, какъ пять минутъ тому назадъ на рюмку хереса—то есть равнодушно стеклянными, неподвижными глазами. Въ душѣ они конечно восхищались, заноса свои впечатлѣнія въ красныя сафьянныя записныя книжечки.

Въ узкомъ мѣстѣ Иматры переброшенъ чрезъ нее проволочный канатъ, на которомъ по блоку ходитъ корзинка съ двумя сидѣльями. За канатъ англійской работы можно поручиться, что онъ не лопнетъ, но механизмъ, передвигающій корзинку не отличается особенной прочностью; говарятъ, бывали случаи его порчи, и тогда по нѣскольку часовъ приходилось сидѣть несчастнымъ надъ kloпочущей бездной, хотя и въ полной безопасности, но тѣмъ не менѣе голодными, такъ какъ не всѣ булки, перебрасываемыя съ берега, доходили по назначенію. Да и коли правду сказать,—видъ съ той стороны несравненно менѣе грандіозенъ, чѣмъ съ этой; если и стоитъ туда переѣзжать, такъ развѣ для того, чтобы осмотрѣть разтрусившійся камень, чрезвычайно оригинальный, носящій названіе чертовой мельницы.

Грустные думы.

(—Гдѣ то теперь они, — наши родные воины?).

чемъ нѣмецкій готическій шрифтъ преобладаетъ. Большинство подписей мало остроумно, а нѣкоторыя даже странны. Такъ одинъ докторъ совѣтуетъ туристамъ непремѣнно сѣздить на Малую Иматру (въ 4-хъ верстахъ выше Большой), потому что она лучше (sic!) здѣшней. Станный вкусъ,—если бы это было такъ, то надо начать съ того, что бы компанія перенесла туда свою гостиницу. Но вѣдь впрочемъ извѣстно: о вкусахъ не спорятъ.

Изъ газетъ здѣсь получается „Новое Время“ и „Journal de St. Petersbourg“,—остальные все не понятныя финскія названія „Ostra Finland“, „Wiborgs Fidinng“... Изъ Петербурга газеты доходятъ сюда въ тотъ же день часовъ въ девять вечера, съ приходомъ почты.

Почтовая дорога идетъ мимо самой гостиницы, и дойдя до

Возлѣ отеля сплуютъ деревенскіе мальчишки и дѣвчонки, продающіе камни таинственнаго происхожденія, выбрасываемыя въ Воксой въ какой-то бухтѣ. Это не то вывѣтрившіяся раковины, не то гладко обточенные вѣтры осколки камней, представляющихъ странныя формы пѣтушковъ, графинчиковъ, бисеровъ и пр. Одинъ благополучный тренированный мальчикъ по добѣжалъ ко мнѣ съ корзиной камней. Порусски онъ не говорилъ, хотя съчетъ деньгамъ зналъ. — „Папа нѣтъ, мама нѣтъ“, сказалъ онъ показывая себя на грудь, желая вѣроятно возбудить сожалѣніе.— „Курить дай!“ прибавилъ онъ, получивъ деньги. Я проналъ семилѣтняго курильщика.

Въ окрестныхъ камняхъ Иматры изрѣзаны фамиліями и именами почитателей, которымъ мало показалось исписать столбики, сидѣнья, потолки бесѣдки и расписаться въ книгѣ хранившейся въ буфетѣ. Книга эта въ ужасно растрепанномъ видѣ и неполноценна стихами, и при

нея, даёт поворотъ въ сторону, чтобы обойти параллельно Воксы ея пороги вплоть до того мѣста, гдѣ устроена черезъ нее переправа. Дорога эта весьма живописна и вскорѣ всѣ туристы отправились по ней любоваться окрестностями.

Если постепенно подниматься по Воксѣ, вверхъ отъ Иматры, то васъ поразитъ слишкомъ быстрые переходы отъ клокочущей воды къ полному спокойствію: съ одной стороны вы видите пороги, весьма схожіе, по сравненію моего знакомаго, съ кипящимъ сахарнымъ пескомъ, когда въ него хотятъ класть ягоды для варенья, съ другой—зеркальную поверхность. Само названіе Воксы у верховьевъ Иматры—Милли-сусанто—(тихая

папорама на окрестности, съ обширнымъ кругозоромъ на нѣсколько десятковъ верстѣ. Особенно хорошъ юго-востокъ, гдѣ терраса лѣсовъ убѣгаетъ на безконечное пространство, шаршавою щеткой макушекъ своихъ деревьевъ, увѣчанной сверху зубчатою синей полоской. Взглядъ тонетъ въ громадныхъ разстояніяхъ открывающейся дали.

Почтовая дорога въ трехъ верстахъ отъ гостиницы сбѣгаетъ къ водѣ, гдѣ устроенъ паромъ въ видѣ колоссальной лодки, перевозящей экипажи на ту сторону рѣки, къ почтовой станціи, длинному узкому зданію, которое краснѣетъ на расчищенномъ пространствѣ, неприятно поражая прямолинейно правильно-

Матросъ Семень Лопатинъ.

Ориг. рисунокъ Н. Карзинина къ его разсказу „Эпизодъ изъ переправы черезъ Дунай“.

вода у мельницъ),—даётъ понятіе о тишинѣ. Ясной, свѣтловодной, голубой лентой катится въ этомъ мѣстѣ рѣка между отлогими, покрытыми огородами и лѣсомъ берегами. Нѣсколько острововъ брошено среди ея теченія, прелестныхъ, сплошь заросшихъ плавающими березами и елями, пустынными корнями у самой воды, склоняясь къ ней вѣтвями. По правому берегу, гдѣ по холмамъ разсыпались живописными группами посѣлки, найдется много пунктовъ, въ которыхъ открывается чудесная

стью своихъ очертаній. Паромъ переправляютъ обыкновенно два старика чухонца, еле ворочая по водѣ массивными веслами. Вода здѣсь тоже тиха, и тоже называется Суванто.

А выше опять шумъ, гамъ, клокотанье—это Тайнионвирта—Малая Иматра, бьющая среди веселыхъ, декорацией по бокамъ стоящихъ роцъ, далеко не грозная, не суровая...

П. Гитдичъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

ВЗЯТИЕ ГАРБИНСКИХЪ ВЫСОТЪ ВОЙСКАМИ 1-Й БРИГАДЫ 18-Й ПѢХОТНОЙ ДИВИЗИИ, ПОДЪ КОМАНДОЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА ЖУКОВА.

При переправѣ части нашихъ войскъ черезъ Дунай у Галаца, на высотахъ берега, выдающихся надъ болотистою почвою и извѣстныхъ подъ именемъ высотъ *Буджакскихъ* и *Гарбинскихъ* (отъ озера и селенія *Гарбина* или *Гарвана*, къ сѣверу отъ *Мачина* и *Исакчи*), было не мало жаркихъ схватокъ съ турками. Поэтому-то геройскій подвигъ бригады Жукова, принадлежащей къ полкамъ Рязанскому и Рязскому, извѣстенъ подъ общимъ именемъ *Буджакскаго дѣла*, не смотря на то, что въ этомъ дѣлѣ было много отдѣльныхъ эпизодовъ, напримеръ, взятіе *Гарбинскихъ* высотъ войсками 1-й бригады 18 пѣх. дивизіи. Это дѣло, не смотря на свою сравнительную незначительность, было достойнымъ началомъ нашего побѣдоноснаго шествія на Дунай. Добавимъ, что первая перешедшія Дунай войска и составляли 1-ю бригаду 18-й пѣхотной дивизіи. Бригада эта состоитъ изъ 10-ти ротъ Рязанскаго и Рязскаго пѣхотныхъ полковъ. На долю войскъ выпало трудное дѣло *взятія Гарбинскихъ высотъ*. Четыре раза производима была атакка. Одинъ изъ моментовъ атаки и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Генералъ-майоръ Жукъвъ состоитъ бригаднымъ командиромъ этой молодецкой 1-й бригады, обезсмертившей себя въ текущую войну. Генералъ-майоръ Жукъвъ получилъ за эту молодецкую переправу орденъ Георгія 4-й степени. По засвидѣтельствованію самаго генерала, его бригада въ этомъ горячемъ бою (противъ 3,300 турокъ,—3,000 пѣхоты и 300 конницы) оказала чудеса храбрости. Особенную распорядительность оказали командиры обоихъ полковъ, Рязанскаго и Рязскаго, *Шульгинъ* и *Шелковниковъ*. Особую неустранимость и храбрость оказали поручикъ *Эльснеръ* и прапорщикъ *Сушковъ*. При этомъ *Эльснеръ* раненъ. Тотъ и другой получили орденъ св. Георгія 4-й степени.

ГРУСТНЫЯ ДУМЫ.

Въ настоящее время, когда со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества подымаются десятки тысячъ вѣрныхъ сыновъ его на защиту праваго дѣла, вездѣ слышатся благія пожеланія успѣховъ русскому оружію.

Но это, конечно, не исключаетъ возможности грустныхъ думъ, весьма понятно вполне оправдываемыхъ свойствами человеческой природы. Гдѣ теперь нѣтъ этихъ грустныхъ думъ, вздоховъ и скорби о милыхъ сердцу: здѣсь печаль о сынѣ, тамъ скорбь о братѣ, о мужѣ, о добромъ знакомомъ... Тяжко на сердцѣ, томить его неизвестность, вздрогнетъ оно при извѣстіи о недавней битвѣ и какъ будто нѣсколько успокоится, благодаря ея славному концу; но часъ, другой—и снова неотвязчивая грустная дума беретъ преимущество надъ всѣми другими.

Мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ „Нивы“ рисунокъ, послѣдній названіе „Грустная дума“, и помѣщаемъ именно потому, что онъ весьма близко соотвѣтствуетъ, по своему содержанию, переживаемой въ настоящее время русскимъ обществомъ минутѣ. Взглядите въ лицо молодой женщины, грустно смотрящей въ даль, и вамъ будетъ понятно то душевное состояніе, которое испытываетъ теперь не одинъ десятокъ тысячъ русскихъ женщинъ.

Другая женщина, изображенная на этомъ рисункѣ, видимо не въ такой сильной степени поражена грустью, чѣмъ ея подруга, она, всего скорѣе, является въ данномъ случаѣ утѣшительницей ея. Нельзя сказать, чтобы и она въ свою очередь не находилась подъ влияніемъ грустныхъ думъ своей подруги...

Но въ такомъ душевномъ состояніи, какое теперь выпало на долю многимъ и многимъ, единственнымъ утѣшителемъ можетъ быть только Тотъ, Кто есть „упованіе всѣхъ konceвъ земли и сущихъ въ морѣ далече“.

МАТРОСЪ СЕМЕНЪ ЛОПАТИНЪ.

(Эпизодъ изъ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова).

...На понтонѣ было сорокъ пять человекъ пѣхотинцевъ Минскаго полка, четыре понтонера-гребца и четыре матроса.

Перекрестились молодцы и отчалили.

Чуть разсвѣтаетъ. Впереди чернѣютъ равнше отплывшіе понтоны, за ними видны темные уступы обрывистаго турецкаго берега... Трескотня выстрѣловъ слышна, красные огоньки вспыхиваютъ... Тамъ, гдѣ турки на самыхъ гребняхъ засѣли, огоньки эти сливаются въ сплошныя линіи, залпами палатъ; пониже, въ разбивку, тамъ наши съ турецкими аванпостами уже сѣялись—мало нашихъ, да на выручку подходятъ все новые и новые понтоны, спѣшно высаживаютъ бойцовъ и еще спѣшнѣе назадъ за другими возвращаются, а вправо, далеко вправо, тамъ, гдѣ, словно аулъ горный, на скалахъ раскинулся

городъ, слышны удары болѣе тяжелые, огонь и тамъ вспыхиваетъ, словно пожаромъ все кругомъ краснымъ заревомъ охватывается. Это начала работу турецкаго батарея. Бьетъ она не по тѣмъ храбрецамъ, что уже на берегу въ штйки ударили, а по прибывающимъ. Съ батарея хорошо Дунай виденъ: вдоль ея выстрѣловъ приходится, а на бѣду еще луна ярко свѣтитъ, черезъ всю рѣку серебристый столбъ тянется; какъ выйдутъ понтоны въ этотъ столбъ, такъ и вырѣжутся ихъ темные силуэты: цѣль для турецкихъ пушекъ превосходная! Сносить понтоны теченіемъ наискось, къ мѣсту высадки—усиленно гребутъ понтонеры и матросы, рукъ не жалѣютъ. Присѣли пѣхотинцы на дно, только головы чернѣютъ да штйки щетнятся. Бьютъ по этимъ понтонамъ и пушки турецкія, то и дѣло отъ ядеръ вода всплескивается, достаютъ уже до нихъ и ружейныя пули... рѣдѣютъ и рѣдѣютъ торчащіе штйки... вотъ уже немного ихъ остается, вотъ и совсѣмъ нѣтъ ни одного. Бокомъ понесло понтоны съ мертвецами, словно гробы желѣзные плывутъ они по волѣ теченія. Видятъ это тѣ, что еще цѣлы, духомъ не падаютъ. Авось пронесетъ Господь!.. Только и слышно: эхъ, навались, братцы, навались! Ну, дружины,—ну, разомъ!..

Плыветъ и нашъ понтонъ, вырвался уже на середину рѣки... Отчетливо съ берега русское ура слышится. Сжимаютъ солдаты ружья въ рукахъ: „эхъ, какъ бы поскорѣе и намъ туда-же!.. Ну, навались—ну, разомъ!.. загудѣло что-то надъ головами, звонко треснуло... засвистали осколки... Есть недочетъ, да не великъ. Ну разомъ,—ну, дружины!.. опять загудѣло, опять треснуло... болѣзненно стонетъ кто-то, да и не одинъ. . . .

Сѣли, просторно было, а теперь какъ будто тѣсновато стало: тѣла мертвыя, раненыя, упавшія на дно, стѣсняють... Тише, много тише пошелъ понтонъ, три весла только гребутъ, а было ихъ восемь!..

—Навались, голубчики, навались!.. Берегъ близко!..

Да, близко! Цѣлымъ роємъ провизжали турецкія пули. Одинъ за другимъ валются люди. Эхъ, скоро силъ не хватить!.. опять залпъ! по желѣзнымъ бочкамъ понтона словно проволочнымъ пруткомъ хлестнуло!..

Понесло и нашъ понтонъ бокомъ... гдѣ же одному съ нимъ управиться!.. Бросилъ этотъ одинъ весло, приползъ на руль, а охолодѣвшая рука убитаго рулевого крѣпко еще за ручку держится, оторвешь не скоро... Сладился такъ уцѣлѣвшій, отвелъ руль вправо, все-таки не прямо къ туркамъ въ руки снесетъ!..

Этотъ-то одинъ уцѣлѣвшій и былъ матросъ Семень Лопатинъ. Только что взялся онъ за руль, какъ пуля въ плечо ему угодила, раздробила кость... Бѣда! съ одною рукою не справился!..

Рѣшилъ матросъ, что коли пропадать, такъ живому туркамъ въ руки не попадаться, перекрестился здоровою рукою, перегулся черезъ бортъ, да въ воду—и закружило его быстрымъ теченіемъ!.. понесло, а куда и руку не помнить. Не чуялъ даже, когда это ему и другую руку въ кисти самой пулею перешибло. Потемнѣло въ глазахъ бѣдняги, въ ухахъ гудитъ, волною захлестываетъ.

—Ну, кончено, упокой Господь мою душу грѣшную!..

Очнулся Семень. Жарко печетъ солнце, песокъ подъ нимъ навалился, дунайская волна плещетъ близко гдѣ-то. Небо надъ головою строе, знойное и бѣлая птицы въ немъ носятся!.. Приподнялся матросъ... болятъ обѣ руки страшно, мочи нѣтъ!.. оглядѣлся: лежитъ онъ на островѣ, недалеко отъ воды, у самаго почти прибоя!.. гладкая несчаная отмель этотъ островъ, кое-гдѣ только кустарникъ торчитъ, змѣйки серебристая шелестятъ по песку... Чайки неподалеку изъ-за выброшенной рыбы ссорятся!.. двѣ вороны бокомъ къ нимъ подбираются!..

Жажда морить матроса, голову отъ жара солнечнаго такъ и разламываетъ. Кое какъ доползъ бѣдняга къ водѣ, хлебнулъ разъ, хлебнулъ два—и опять обезамытѣлъ. Счастье еще, что уналь головою не въ воду, а то бы захлебнулся.

Сколько еще въ безамытѣствѣ пролежалъ, Семень Лопатинъ не помнить, только опять, когда очнулся, ночь прохладная стояла, тихая, свѣжій вѣтерокъ надъ рѣкою стлался, легкую зыбь развелъ!.. Небо ярко вышѣздало!.. На томъ берегу огоньки свѣтятся—далеко только, да и не сообразить никакъ Семену, какой это берегъ виденъ, нашъ или турецкій.—Однако онъ поразмыслилъ, откуда вода течетъ, значитъ, то правый, чужой!..

Опять залопзъ Семень Лопатинъ въ воду, опять напился, забрался по самое горло и руки промылъ теченіемъ, да и пора была!.. загонорились онъ, черви завелись даже, разигъ отъ нихъ духомъ нехорошимъ!.. Посидѣлъ матросъ въ водѣ часа два—легче, много легче стало, а зато ознобъ принялся его трасти, до ночи! Къ разсвѣту совсѣмъ лихорадка одолѣла. Солнце взошло—припекать начало жарко, а его все трясетъ; покрылся нечѣмъ—только и есть всего, что рубаха на немъ да порты. Къ полудню ознобъ жаромъ смѣнился, опять полѣзъ матросъ въ воду, опять до ночи досидѣлъ.

Насталъ и третій день. Завидѣлъ Семень на томъ берегу

словно люди бродят и конные есть и пѣшие... Эхъ, кабы наши были. Да гдѣ тутъ! Извѣстно турки. Неудалась, надо полагать, переправа, вишь сколько народу русскаго побили, сколько понтоново потопили. Не зная Семенъ, что наши на томъ берегу давно уже крѣпкою ногою стояли и мостъ настоящій построили. Порѣшилъ такъ, что пропадать ему надо на этой отмели, не звать же турокъ на помощь, чтобы они пришли, да надъ умирающимъ издѣваться начали...

Бѣсъ не хочется, хоть и давно уже куска во рту не имѣлъ, а жажда мучить страшная, такъ бы и не отрывалъ рта отъ воды, благо ея довольно течетъ въ Дунаѣ—бѣда вотъ только, что ползаетъ больно... Ни на одну руку нельзя опереться—вѣдь обѣ исколѣчены... Протерло штаны его матросскіе, на колѣняхъ ссадины кровавыя выступили: на ракушку острую гдѣ-то порѣзался...

На четвертые сутки плохо, совсѣмъ плохо пришлось бѣднягѣ—почитай весь день безъ памяти провалялся, очнулся, когда уже нѣтъ больше силъ подняться, къ водѣ ползти... Ну, значить, шабашъ...

Спать не спитъ матросъ Семенъ Лопатинъ, и все, что кругомъ него дѣлается, все ясно слышитъ. Слышитъ какъ подъ нимъ сверху крыльями птица какая-то машетъ, какъ вѣтеръ въ кустахъ шестелитъ, какъ волна тихо, тихо всплескивается... Слышитъ онъ, какъ и голоса какіе-то съ того берега несутся: не разберешь ничего, а слышно—гудятъ, какъ труба далеко-далеко прозвенѣла—все слышно. А тѣмъ временемъ и грезы разныя видитъ: деревню свою, родныхъ, знакомыхъ, казармы кронштадтскія, служба его корабельная, товарищъ... все старое грезится, и не болятъ уже больше его раны тяжелыя, совсѣмъ ихъ и не чувствуетъ, словно обѣ руки давно отняты и зажить успѣли отрѣзы.

Чу!.. Удары веселья... разъ, два! разъ, два! гребутъ дружно, отчетливо, умѣлыми руками... разъ, два... Узналъ матросъ своихъ по работѣ; откуда силъ взялось, поднялся... глядитъ... бѣлые бока катера такъ и вырѣзываются на солнцѣ...

— Братцы! крикнулъ матросъ... только, должно быть, самъ и слышалъ свой выкрикъ... нѣтъ силъ кричать, нѣтъ голоса...

Замѣтили однако его съ плывущаго катера; думали тѣло мертвое волною выкинуло и тѣло-то вдобавокъ товарища своего—какъ не взять... причалили...

Вотъ и взяли бѣднягу, привезли въ Зимницю. Это случилось 20-го, значить ровно 5 сутокъ послѣ переправы. Пять сутокъ—легко сказать... Доложили Государю... Онъ самъ лично навѣстилъ матроса Семена Лопатина, Самъ и Георгія ему на грудь приколотъ, Обескалкъ и докторамъ велѣлъ, чтобы былъ живъ и здоровъ лихой матросъ Семенъ Лопатинъ. А царское слово вѣрное—оно лучше докторовъ, лучше лѣкарствъ всякихъ дѣйствуетъ... Будетъ живъ и здоровъ матросъ Семенъ Лопатинъ.

Я былъ въ госпиталѣ въ Зимницѣ, видѣлъ этого матроса, онъ смотритъ молодцомъ, весело. Говорятъ доктора, что черезъ мѣсяцъ, много два, поправится. Не можетъ онъ самъ показать своего креста—руки спеленуты—такъ сидѣлку, сестру милосердія, проситъ:

— Сестрица, отъ гни, родная, одѣляйде. Вотъ такъ.

Сестрица улыбнется, отогнетъ ему одѣяльце, а подъ нимъ, на больничной рубашкѣ яркая лента видна и серебряный крестикъ на ней приколотъ...

И забылъ матросъ свои пятидневныя страданія, тѣшитъ его царская милость, а главное то, что работа ихъ не пропала даромъ. Первымъ дѣломъ, какъ пришелъ въ себя Семенъ, когда его уже взяли товарищи на лодку, спросилъ: что переправа?

— Эге, братъ, спохватился, отвѣчали ему. Да на томъ берегу уже сто тысячъ нашихъ. Дальше уже идутъ по турецкимъ дорогамъ... переправились лихо!..

— А ну, слава тебѣ Господи! произнесъ Лопатинъ. Самъ не могъ лба перекрестить—попросилъ за себя товарища.

Вотъ вамъ и вся коротенькая исторія лихого матроса Семена Лопатина.

Н. Каразинъ.

Г А Б Р О В О .

Городъ Габрово лежитъ къ югу отъ древней столицы Болгаріи, Тырнова, (недавно побѣдоносно занятого нашими войсками), на сѣверномъ склонѣ Балканъ, на высотѣ 640 метровъ надъ поверхностью моря, и находится въ системѣ рѣкъ, впадающихъ въ Черно море. Рѣка Янтра, впадающая недалеко отъ Систова въ Дунай, протекаетъ въ Габрово, раздѣляя городъ на двѣ части. Рѣка Янтра извѣстна была еще Геродоту и названа у него рѣкою „Атросъ“ а римлянамъ эта рѣка была извѣстна подъ именемъ *Атросъ*.

Населеніе Габрова почти исключительно болгарское, лишь нѣсколько чиновниковъ принадлежитъ къ мусульманамъ. Въ городѣ считается до 1,300 домовъ и до 12,000 жителей. Зданія по большей части каменныя и крѣпкія. Въ городѣ считается 5 кварталовъ, раскинувшихся по обимъ берегамъ Янтры. Обѣ части города соединены 2-мя мостами. Древнѣйшій изъ нихъ каменный, построенный на 3-хъ аркахъ. Затѣмъ въ Габровѣ находится 3 церкви: св. Іоанна, Троицкая и Богородицкая. Постѣдняя построена недавно—въ 1867 году и отличается до-

вольно богатыми украшениями. Есть здѣсь также женскій монастырь—Благовѣщенскій.

Въ Габровѣ выдѣлываются ножи, кинжалы и др. металлическія вещи, идущія внутрь Болгаріи, а также въ Албанію и Черногорію. Въ округѣ Габровѣ 20 общинъ; населеніе всѣхъ ихъ болгарское. Въ политическомъ настроеніи габровцы издавна отличались смѣлостью. Еще въ прошломъ вѣкѣ, за попытки къ возстанію, Габрово былъ сожженъ турками (1797 г.). Затѣмъ движенія, бывшія въ Болгаріи въ 1862, 1867, 1868 и 1871 годахъ, находили въ Габровѣ сочувствіе и поддержку. Даже въ спокойное время габровцы выражали смѣлый протестъ противъ злоупотребленія власти каймакомъ, и за это, конечно, габровцы считались у турецкихъ властей „неблагонадежными“. Ихъ часто арестовали, школы ихъ закрывали, и въ городѣ, для водворенія порядка, приводили отряды редифовъ изъ Казанлыка и Тырнова.

Габрово извѣстно нашимъ войскамъ еще съ 1829 г. Здѣсь остановившись, по приказанію Дибича, графъ Киселевъ, перешедшій черезъ Дунай изъ Валахій у Рахова, вслѣдствіе того, что кадрскій паша двинулся изъ Албаніи, черезъ Софію, къ Адрианополю, съ 25-тысячнымъ корпусомъ свѣжаго войска, въ то время какъ Дибичъ занялъ Адрианополь и уже велъ переговоры о заключеніи мирнаго трактата. Въ настоящую же войну Габрово вновь занято нашими войсками.

Г о р о д ъ Н и к о п о л ь ,

(взятый нашими войсками 2-го іюля 1877 года).

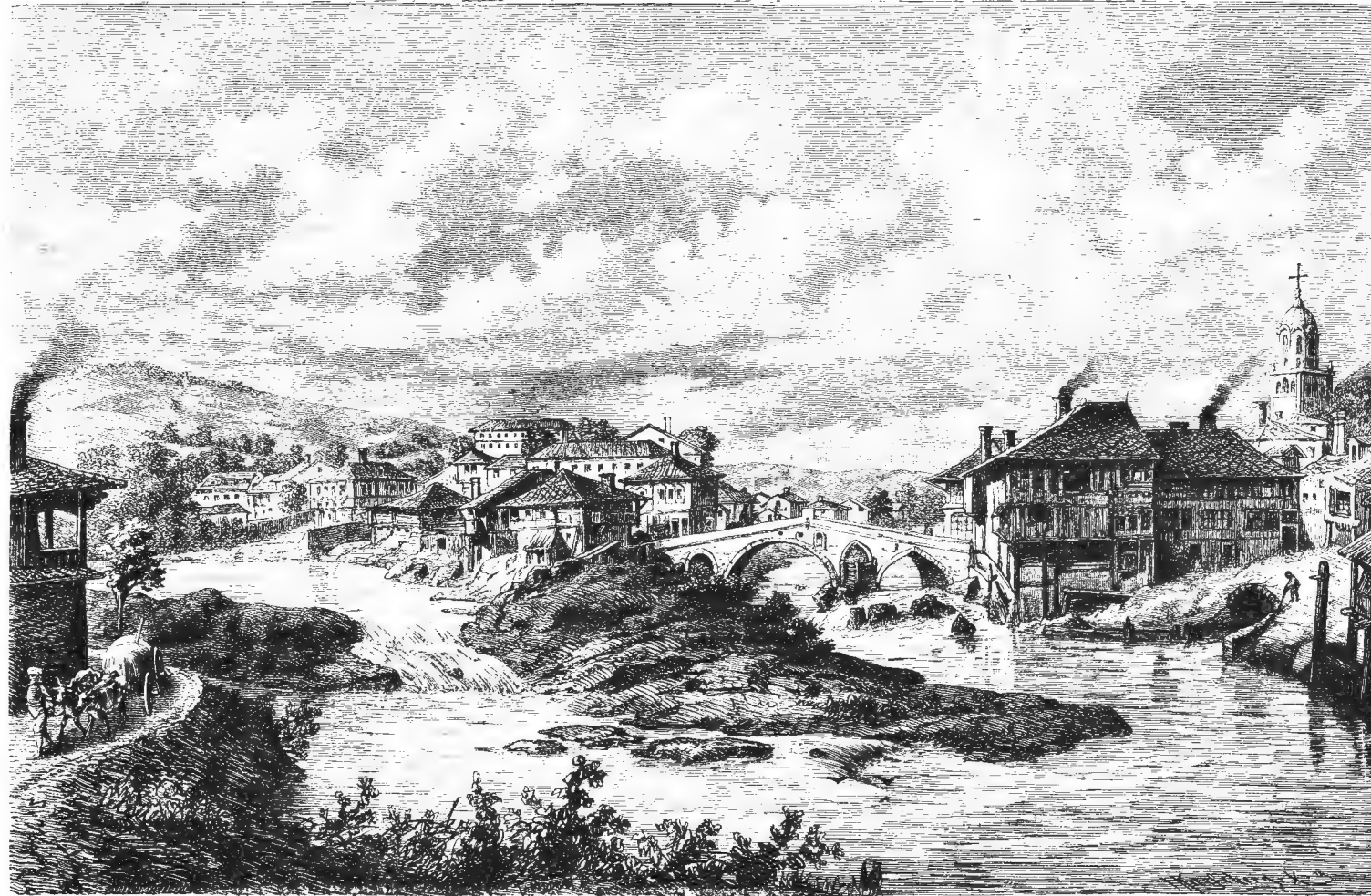
Основаніе Никополя приписываютъ Императору Траяну, который построилъ его въ память побѣды надъ Даками. Въ 1396 году, 28-го сентября, Баязетъ I одержалъ при Никополѣ побѣду надъ 100,000 арміей христіанъ, бывшихъ подъ предводительствомъ короля Сигизмунда. Названіе Никополь, или вѣрнѣе, Никополісъ, по гречески „городъ побѣды“. Въ древности подъ этимъ названіемъ было много городовъ. Такъ, Помпей основалъ Никополісъ въ Малой Азій, въ Ликии; другой городъ этого же имени былъ основанъ Августомъ недалеко отъ Александріи въ Египтѣ; былъ еще Никополісъ въ Визиніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Босфора.

Изображенный въ нашемъ рисункѣ *городъ Никополь*, съ населеніемъ почти сплошь мусульманскимъ, расположенъ на лѣвой сторонѣ широкаго оврага, въ которомъ протекаетъ небольшой ручей, впадающій въ Дунай. Къ западу отъ города, на высокой скалѣ, расположена отдѣльно цитадель, соединенная съ городомъ прикрытымъ путемъ. Укрѣпленія цитадели состоятъ изъ замка, расположеннаго на самой вершинѣ горы и имѣющаго весьма малое внутреннее пространство; здѣсь устроены пороховые погреба и склады оружія. Стѣны замка каменныя, безъ рвовъ. Нѣсколько ниже расположена оборонительная стѣнка, приспособленная для ружейнаго и пушечнаго огня. Еще ниже—валъ, образующій наружную ограду цитадели и состоящій изъ 5 бастіонныхъ фронтовъ. Въ послѣднее время, турки устроили нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій по берегу моря. Цитадель значительно возвышается надъ всею окружающею мѣстностью и можетъ доставить ей хорошую пушечную и дальнюю ружейную оборону.

Никополь не оправдалъ названія „побѣдоноснаго города“ и турки потеряли вмѣстѣ съ нимъ одну изъ самыхъ крѣпкихъ своихъ позицій на Дунаѣ. Нужно замѣтить, что холмистыя возвышенности, на которыхъ стоитъ Никополь, поднимаются до 500 футовъ надъ уровнемъ рѣки со стороны Дуная, представляя отвѣсныя стѣны, въ то время какъ подъемы по бокамъ вышеупомянутыхъ овраговъ, раздѣляющихъ ихъ, до того круты, что мѣстами могутъ быть названы почти отвѣсными. Въ стратегическомъ отношеніи позиція эта представляетъ слѣдующее: Дунай дѣлаетъ крутой поворотъ къ западной оконечности возвышенности, а восточный конецъ прямо упирается въ рѣку, впадающую въ Дунай. Рѣка и южный берегъ Дуная образуютъ мысъ, имѣющій до мили длины и около 500 футовъ высоты. Сѣверная часть этого грознаго мыса прорѣзана рядомъ овраговъ и увѣнчана плоскогоріемъ, тянущимся къ Балканамъ. Линія фортовъ поднимается на вершинѣ высотъ, господствующихъ надъ Дунаемъ, а по плоскогорію разсыпаны земляныя укрѣпленія, защищающія городъ съ тыла. Изъ этого становится очевиднымъ, что пока турки удерживали за собой линію, приближенно на разстояніи одной мили отъ мыса, позиція была неприступна. Русскія и румынскія батареи съ лѣваго берега бомбардировали форты на высотахъ; но 9-му корпусу, подъ предводительствомъ генерала Криденера, было предостережено повести окончательную атаку противъ линіи укрѣпленій, защищающихъ городъ съ тыла.

О положеніи этого города послѣ боя извѣстно слѣдующее:

„Никополь теперь почти совершенно опустѣлъ, хотя сравнительно небольшое число домовъ были истреблены пожаромъ нѣсколько недѣль тому назадъ и разрушены гранатами. Русскіе нашли въ городѣ большіе запасы ружей и боевыхъ принадлежностей, въ томъ числѣ артиллерійскіе снаряды и складъ ружей старой системы, помимо пушекъ и двухъ мониторовъ. Нѣсколько весьма значительныхъ размѣровъ орудій, оказались крупновскими“.

Г. Габрово (въ Болгаріи). Съ фотографіи грав. Кезебергъ.

Общій видъ переправы чрезъ Дунай 15 июня 1877 года.

Къ сообщеннымъ уже нами въ предыдущемъ номерѣ „Нивы“ свидѣніямъ, о переправѣ нашихъ войскъ чрезъ Дунай, помѣщаемъ здѣсь нѣсколько пунктовъ изъ приказа генерала Драгомира, объявленнаго по 14 пѣхотной дивизіи предъ переправою ея чрезъ Дунай.

Приказъ этотъ даетъ ясное понятіе какъ о его составителѣ, такъ и о тѣхъ, къ кому онъ былъ обращенъ.

Передаемъ здѣсь выписки изъ этого приказа уже сдѣланнаго въ настоящее время предметомъ интереса для всего русскаго общества.

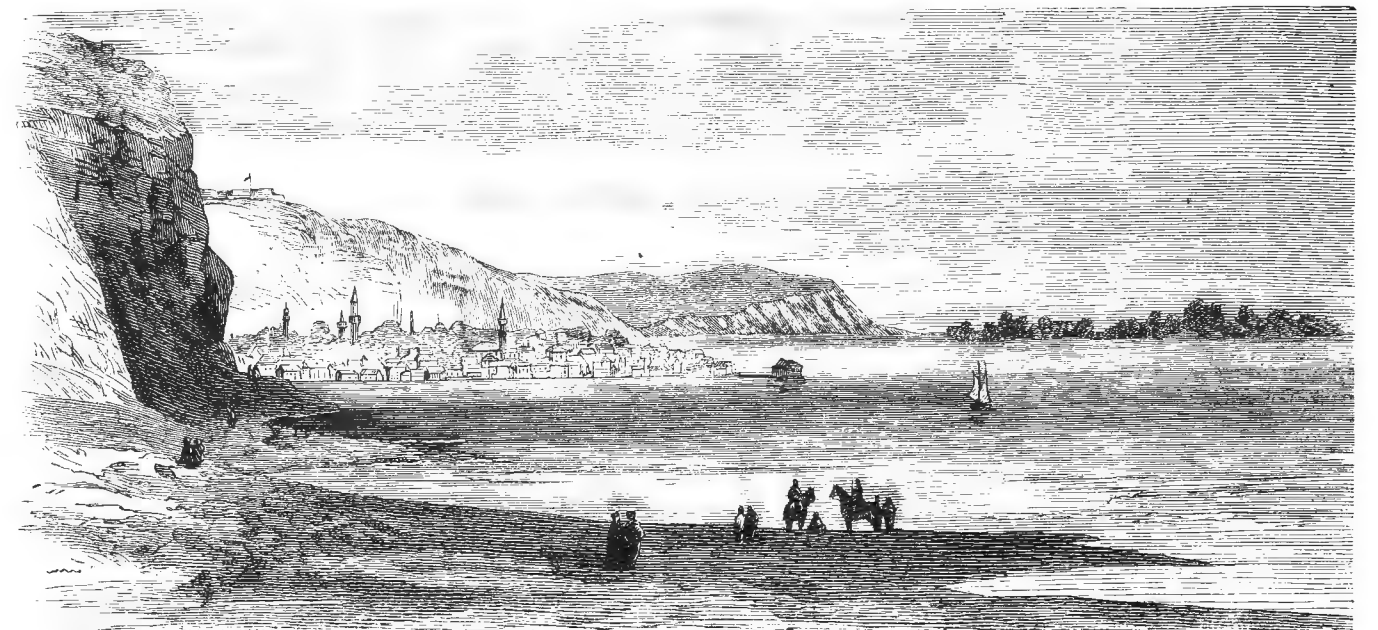
Вотъ эти выписки:

„...Предварить всѣхъ, что въ случаѣ дѣла поддержка будетъ, но смѣны никогда. Кто попадетъ въ боевую линію, останется въ ней пока дѣло сдѣлано не будетъ, потому патроны беречь, хорошему солдату 30 патроновъ достанетъ на самое горячее дѣло.

„Какъ бы тяжело не приходилось, не унывать, а помнить, что только претерпѣвый до конца, спасается. Святой долгъ. Офицерамъ самимъ это помнить и людей подбадривать, чтобы этого не забывали.“

„При вечерней и утренней молитвѣ послѣ „Отче Нашъ“ пѣть: „Господи силъ съ нами буди, много бо разево Тебѣ Помощника въ скорбѣхъ не имамы; Господи силъ, помилуй насъ“...“

„Вывозъ раненыхъ возложить на санитаровъ, слѣдовательно никто для этого и ни для чего другого рядовъ оставлять не

Г. Никополь, взятый нашими войсками 2 июля 1877 г. Грав. и Рис. Вейерманъ.

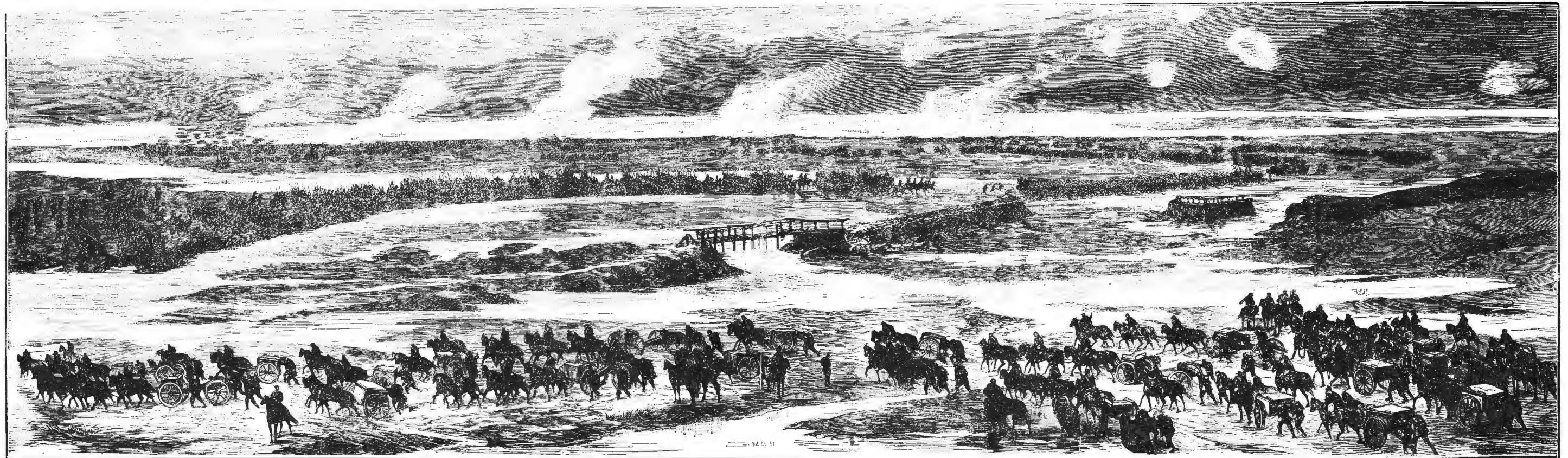
Турецка бат. Турецкій лагерь. Мѣсто перехода русскихъ войскъ.

Турецкій лагерь.

Дунай.

Островъ.

Турецкаа батарея. Систова.

Болотистая мѣстность и переходящія черезъ нее русскіе войска.

Сухопутный переходъ.

Сломанный мостъ.

Сломанный мостъ.

Общій видъ переправы Русскихъ войскъ чрезъ Дунай у Систова, въ ночь съ 14 на 15 июня 1877 г.

долженъ... Держись кучи, выручай другъ дружку—будетъ хорошо.

„Забирать патроны съ убитыхъ и раненыхъ...“

„Никогда не забывать объявлять предъ дѣломъ, что собираемся дѣлать. Последній солдатъ долженъ знать куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда, если начальникъ и будетъ убитъ, смыслъ дѣла не теряетъ. Если начальникъ будетъ убитъ, можно не только не теряться, но еще съ большимъ ожесточеніемъ лѣзть впередъ и бить врага.“

„Помните, что сигналы наши могутъ быть подаваемы и неприятелемъ, а потому начальникамъ рекомендуется воздерживаться отъ ихъ употребленія, а работать преимущественно словесными приказаніями.“

„Сверхъ того, отбоя, отступленія и т. п. вовсе и никогда не подавать и предупредить людей, что если такой сигналъ услышать, то это только обманъ со стороны неприятеля.“

„У насъ ни фланга ни тыла нѣтъ и быть не должно; всегда фронтъ тамъ, откуда неприятель. Дѣлай такъ, какъ дома учился, стрѣлай мѣтко, штыкомъ коли крѣпко, иди всегда впередъ и Богъ наградитъ тебя побѣдой...“

Читатели наши знаютъ уже, съ какою неустрашимою храбростію и сознаниемъ долга и правоты дѣла дрались наши солдаты. Они, какъ на основаніи приказа генерала Драгомира, такъ и по внутреннему сознанию твердо понимали что отступленія быть не можетъ: „нѣтъ ни фланга ни тыла“, есть только фронтъ и именно тамъ, гдѣ неприятель. Подробности этого дѣла, конечно, теперь еще не всѣ выяснились, и ве одинъ годъ еще пройдетъ до тѣхъ поръ, пока онъ всѣ будетъ извѣстенъ. Многие примѣры храбрости и самоотверженія, быть можетъ, и не дойдутъ до насъ никогда, благодаря неохотѣ многихъ героевъ говорить о себѣ. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ, уже обнародованныхъ въ настоящее время.

Во время высадки въ ночь 15-го іюня, понтоны приставали не по очереди, а куда какой снесетъ теченіемъ, и солдаты изъ разныхъ ротъ и батальоновъ строились въ одну роту и шли въ порядкѣ. Въ 6-й ротѣ Волынскаго полка перебили всѣхъ офицеровъ. Батальонный командиръ кричитъ во 2-ю роту: „дайте мнѣ офицера!“ „Всѣхъ перебили, кромѣ ротнаго командира“, отвѣчаетъ ему. Онъ называетъ унтеръ-офицера. Солдаты кричатъ ему: „дайте намъ офицера, съ унтеръ-офицеромъ мы погибнемъ“. Тогда онъ взялъ офицера изъ Минскаго полка, и рота пошла, слушая его приказанія. Фельдфебель 6-й роты волынскаго полка раненъ въ бокъ, двѣ раны его перевязали и онъ пошелъ въ дѣло.

Минскаго полка 8 роты молодой солдатъ, хохолъ, раненъ въ лицо; его перевезли на островъ, сдѣлали перевязку, онъ просилъ, чтобы опять позволили ему идти на турецкій берегъ. „Еще успѣю душъ пять уходить“ говорилъ онъ. Въ то же самое время солдаты выказывали большую находчивость: командиръ гвардейской роты, Озеровъ, лежалъ раненый за кустомъ, съ нимъ рядомъ барабанщикъ и еще человекъ пять солдатъ; дѣло было ночью. Видятъ они, что турки наступаютъ; барабанщикъ бьетъ наступленіе, всѣ раненые кричатъ ура и турки поворачиваютъ назадъ; испугавшись, одушевленнаго крика раненыхъ. Эта гвардейская рота оказала большую поддержку поручику 2-й стрѣлковой роты минскаго полка Маторному,

когда тотъ, завладѣвъ горой, оставался только съ двѣнадцатью человекими и видѣлъ, что турки бросились отбивать позицію. „Гвардейцы помогите!“ крикнулъ онъ, они бросились къ нему на помощь и выручили. 9-й роты 3-го батальона Волынскаго полка рядовой Федоръ Скрипка сидѣлъ за кустомъ, въ цѣпи, такъ, что только его голова была видна; наскочилъ на него турецкій офицеръ, замахнулся саблей, но онъ быстро отбилъ вверхъ ударъ ружьемъ, повернулъ ружье и прикладомъ уложилъ офицера.

Офицеръ Волынскаго полка сообщилъ, между прочимъ о переправѣ чрезъ Дунай слѣдующее: „Я еще не бывалъ въ дѣлѣ и долженъ признаться, что мнѣ было очень неприятно видѣть, какъ около моего понтона въ двухъ шагахъ падали турецкія гранаты; но Богъ хранилъ насъ, и не одинъ снарядъ не попалъ въ нашъ понтонъ. Между прочимъ въ сосѣдній понтонъ ударила граната, пробила его и онъ пошелъ ко дну. Эта катастрофа произвела на насъ грустное впечатлѣніе. Жаль было погибшихъ товарищей. Наконецъ мы подѣхали къ берегу, и насъ осыпали градомъ пуль. Не смотря на это, мы нѣмгомъ выскочили на берегъ и бѣгомъ бросились по ложинѣ передъ турецкою позиціей на горѣ, откуда въ насъ стрѣляли, какъ въ дичь. Намъ оставалось одно: или погибнуть отъ пуль, или броситься въ атаку на гору, занятую турками, и вотъ мы съ 1-ю стрѣлковою ротой Волынскаго полка бросились на гору въ штыки. Турки не выдержали напора и побѣжали, но въ это время одна турецкая рота бросилась на насъ съ тыла. Въ этотъ моментъ все перемѣнилось: и турки, и наши; пошла работа штыками. Рѣзня продолжалась не долго, гдѣ же туркамъ устоять противъ русскихъ штыковъ! Они побѣжали, а мы заняли гору, которая намъ такъ дорого досталась. Изъ пяти офицеровъ осталось насъ только двое, нижнихъ чиновъ половина; остальные или ранены или убиты. Богъ меня хранилъ въ бою. Когда эта рѣзня кончилась, я не вѣрилъ, что осталась цѣль и невредимъ“.

Въ настоящее время извѣстно, между прочимъ, что въ Сис-товѣ налимъ войскамъ достались слѣдующіе запасы: *пшеницы* на 40,000 рубль, *маиса* на 148,000 руб., *ячменя* на 14,000 руб., *овса* на 8,000 р., *соли* на 3,000 руб., и нѣсколько тысячъ пудовъ отличныхъ галетъ (родъ карабельныхъ сухарей) изъ пшеничной муки. Кромѣ того найдены: деготь, смола, кофе, табакъ и много другихъ продуктовъ.

Все это, конечно „капля въ морѣ“, но это указываетъ, однако, на то, съ какою поспѣшностью турецкія войска должны были покинуть Сисово, оставивъ въ немъ всѣ свои продовольственные запасы, которыхъ, какъ извѣстно, у турецкой арміи, вообще, не очень то много.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій общій видъ переправы русскихъ войскъ чрезъ Дунай, даетъ по нашему мнѣнію, весьма полное понятіе о характерѣ мѣстности, избранной для переправы. Ясно видно, что воды Дунай только что начинаютъ спадать, и мѣстность далеко отъ береговъ еще въ сильной степени покрыта водой. Войскамъ приходится дѣлать значительные обходы, что бы выйдти къ избранному пункту переправы.

3.

Политическія и военныя извѣстія.

Прошлое наше обозрѣніе мы кончили отряднымъ извѣстіемъ о взятіи *Ловчи*, *Казамыка* и *Шинки*. Теперь мы должны начать обозрѣніе съ извѣстія о невольнѣ удачномъ для насъ дѣлѣ. Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующей арміи, отъ 10 іюля, извѣщаетъ, что 8-го іюля генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ 1-ю бригадою 5-й дивизіи атаковалъ *Плевно* съ сѣверной стороны, а Костромской полкъ съ 8-ю орудіями—съ восточной. Атака эта, однако, не удалась, такъ какъ противникъ оказался сильнѣе, чѣмъ предполагали. Генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ отступилъ къ Бѣльскому шоссе. На другой же день, 9-го іюня, прибыли къ Шильднеру подкрѣпленія и такимъ образомъ бригада получила возможность отдохнуть и устроиться. Турки остались въ Плевнѣ. Войска, находящаяся въ Плевнѣ принадлежатъ къ корпусу Османъ-паши. Потеря 1-й бригады 5-й дивизіи слѣдующая: *убиты*: командиръ 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго полка голковникъ *Розенбомъ* и 14 офицеровъ; *ранены*: генералъ Кноррингъ и 36 офицеровъ; *выбыло изъ строя* нижнихъ чиновъ 1878; въ Костромскомъ полку убитъ командиръ полковникъ Клейнгаузъ. Потеря нашей кавалеріи и артиллеріи ничтожна. Эту 1-ю бригаду 5-й пѣхотной дивизіи составляли пѣхотные полки 17-й *Архангелогородскій*, 18-й *Вологодскій* и кромѣ того, къ бригадѣ, какъ сказано выше, былъ еще присоединенъ 19-й *Костромской*, съ соотвѣтствующимъ числомъ кавалеріи и артиллеріи.

Это первое наше неудачное дѣло на Дунайскомъ театрѣ войны, до сихъ всрѣ ознаменованномъ геройскими подвигами и рядомъ блестящихъ побѣдъ. Но и здѣсь блестящее мужество нашихъ героевъ, ихъ самоотверженіе, стояли на своей обычной высотѣ. Затѣмъ, съ военной точки зрѣнія эта неудача имѣетъ

чисто тактической характеръ. Дорогою цѣною крови куплена эта неудавшаяся атака,—но всякому истинному смыслу Россіи понятно, что она не повліяетъ на общій исходъ нашей Дунайской кампаніи вообще. Вѣдь и для героевъ всегда бывали и бывають неудачи, часто очень горькія, происходящія отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, а иногда и отъ самого, такъ сказать, излишества отваги и героизма. Римляне терпѣли пораженія, и пораженія страшныя, но всегда оставались римлянами, снова въ неудачу, нисколько не скрывая ея; отдохнувъ и собравъ силы, они снова, подобно орламъ, бросались на враговъ. Такъ и въ нашей доблестной арміи, предводимой Августѣйшимъ Главнокомандующимъ, потеря нисколько не скрыта и не маскирована; наше общество уже знаетъ о ней изъ официальной телеграммы. Наше святое національное дѣло слишкомъ свято и высоко и слишкомъ близко сердцу каждаго изъ русскихъ людей, чтобы намъ скрывать наши потери.

Есть депеши отъ 13-го (25-го) іюля, что наши войска занимаютъ теперь входы во *все* горные проходы черезъ Балканы и что румынскія войска двинуты на Дунай для занятія Никополя. Последнее обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность части нашихъ войскъ, находившихся въ Никополѣ, выступить для подкрѣпленія 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, потерпѣвшей у Плевно убывъ.

— Если вѣрить вънской газетѣ „*Tagblatt*“, то послѣ сраженія подъ Плевномъ кавалерія Османъ-паши отгѣснила русскихъ до Вины, а затѣмъ до Булгарени. Туда прибылъ и турецкій авангардъ; но русскіе продолжали отступать. Турки, прибавляеть „*Tagblatt*“, въ дѣлѣ подъ Плевномъ лишились 150 человекъ убитыми и 1000 ранеными.

Дѣйствія нашихъ войскъ къ востоку и югу отъ Плевна про-

должаютъ представлять рядъ блестящихъ успѣховъ и уравновѣшиваютъ наше отступление отъ Плевны. Недавно наши войска овладѣли *Лени-Загрю* и заняли *Ямболи*. Далѣе заняты *Карлова* и *Калаферъ*, что, по важности этихъ пунктовъ, равняется завладѣнію прохода черезъ Траяновъ валъ. Далѣе, есть извѣстіе, что наши войска изъ *Мималии* (приморскій укрѣпленный городъ, гораздо южнѣе Кюстенджи) и *Меджидіе* подвигаются на Базарджикъ. Сюда же двигается и принцъ Хассанъ съ египетскими войсками и здѣсь ожидается большого сраженія. Западнѣе же этого пункта, до *Эски-Джумы* и *Османъ-Базара* наши войска заняты рекогносцировками, не встрѣчая здѣсь турецкихъ войскъ.

Съ другой стороны изъ среды множества отважныхъ подвиговъ нашихъ моряковъ выдѣлилось на прошлой недѣлѣ еще дѣло, столь же геройски-отважное, но стоявшее намъ и важныхъ дорогахъ потерь. Подробности этого дѣла слѣдующія. Нашъ пароходъ «Веста» отправился 9-го іюля въ рейсерство къ Румелійскому *) берегу, по направленію къ югу отъ Кюстенджи. 11-го іюля утромъ, въ 35 миляхъ отъ Кюстенджи, съ 8 часовъ утра до половины 2-го пополудни, «Веста» держала жаркій бой съ большимъ турецкимъ броненосцемъ, и во время сраженія у «Весты» былъ перебитъ штуртросъ, а во время исправленія турки успѣли приблизиться къ нашему пароходу на разстояніе ружейнаго выстрѣла и отъ того пароходъ сильно пострадалъ. При этомъ убійственнымъ турецкомъ огнѣмъ у насъ убиты: артиллеріи подполковникъ *Черновъ* и прапорщикъ *Яковлевъ*. Убито также 9 человекъ команды; *очень тяжело* ранены были лейтенантъ *Перелешинъ* и 2 человека команды; серьезные раны получили лейтенантъ *Кротковъ* и мичманъ *Петровъ* и 4 человека команды; легкія раны получили: самъ командиръ, старшій офицеръ лейтенантъ *Владиміръ Перелешинъ*, конкеръ *Яковлевъ* и 11 человекъ команды. Лейтенантъ *М. Перелешинъ*, послѣ сдѣланной ему ампутаціи раны, скончался. Самъ пароходъ «Веста» сильно избитъ. Не смотря на это, турецкій броненосецъ, получивъ взрывъ отъ нашей бомбы на своей башнѣ, бѣжалъ. За то нападеніе на другой турецкій мониторъ нашего парохода «*Николай*» и двухъ катеровъ, подъ командою извѣстнаго героя лейтенанта *Дубасова*, было удачнѣе. Уничтоженію этого монитора, быть можетъ, попрепятствовалъ подосланный къ туркамъ другой мониторъ. Затѣмъ къ числу нашихъ удачныхъ морскихъ операцій нужно причесть сожженіе 3-хъ турецкихъ пароходовъ и потопленіе 4-го, въ мѣстности выше Рущука.

Съ Закавказскаго театра войны получена отъ 13-го іюля телеграмма начальника штаба Кавказскаго военнаго округа, что войска *Мухтара-паши* продолжаютъ *усиленно укрѣпляться* на занятой ими позиціи. Недавно около 3000 турокъ показало изъ Оды противъ отряда полковника *Комарова*, расположеннаго на позиціи вѣвъ Ардагана. Съ другой стороны войска генерала *Алхазова* заняли, 10-го іюля, среднюю козонную позицію непріятеля у селенія *Меркулки*. Непріятель потерялъ при этомъ 48 человекъ убитыми и оставилъ въ нашихъ рукахъ много ружей и разныхъ предметовъ довольствія. Одновременно съ атакою *Меркулки* обстрѣливались *Очечирмы*, защищаемыя огнемъ съ флота.

— Генераль-адъютантъ *Семека* телеграфировалъ, что 9-го іюля непріятельскія суда показались у Крымскаго берега противъ *Алушты* и *Караузеля*. Въ полночь наши охотники произвели на баркасахъ развѣдку видѣнныхъ въ морѣ огней. Непріятель открылъ было по баркасу огонь и затѣмъ выслалъ къ берегу паровой катеръ; но этотъ катеръ былъ встрѣченъ энергичнымъ ружейнымъ огнемъ нашей пѣхоты и удался. Непріятельскія суда ушли въ море.

— Изъ Цетинья телеграфируютъ, что недавно черногорцы взяли штурмомъ два сильнѣйшихъ форта *Никшича* *Клачину* и *Мартинъ*.

— Всѣ турецкія войска, находившіяся на восточной границѣ Сербіи, ушли оттуда, и въ Виддинѣ остался лишь гарнизонъ.

— М-ръ *Лейярдъ*, британскій уполномоченный въ Константинополѣ, хлопочетъ о допущеніи Британскаго флота въ Дарданеллы. До сихъ поръ достигнуть какого-либо результата въ этомъ отношеніи ему не удалось. Огромная часть мусульманскаго населенія и въ томъ числѣ населеніе Филиппополя, проситъ убѣдить султана въ необходимости заключить перемиріе. Есть

также слухи, что Англія намѣрена высадить свои войска въ *Галлиполи* и занять этотъ городъ. Недавно офицеры британской эскадры, стоящей въ Безикской бухтѣ получили приказаніе возвратиться на суда. На этомъ основаніи ожидаютъ скораго вступленія англійской эскадры въ Дарданеллы.

Коснемся теперь политическихъ фактовъ.

— Изъ Лондона сообщаютъ, что 11-го (25-го) іюля извѣстный *Джонъ-Брайтъ* произнесъ въ Бреджордѣ рѣчь, въ которой убѣдительно доказывалъ подлѣйшую бесполезность для Англіи препятствовать движенію русскихъ войскъ въ Константинополь. По мнѣнію Брайта, это только *затянуло* бы войну и подвергло Англію униженію. Въ томъ же почти смыслѣ выразился на банкетѣ рыбныхъ торговцевъ въ Лондонскомъ Сити и маркизъ *Гартингтонъ*. Съ другой стороны канцлеру казначейства, сэру *Норскоту*, сдѣлано было въ парламентѣ много запросовъ по поводу отношеній Англіи къ Россіи и восточному вопросу. *Норскотъ* отвѣчалъ по большей части неясно и уклончиво.

Въ послѣднее время на Заатлантическомъ Сѣвероамериканскомъ горизонтѣ сгустились тучи. Съ одной стороны республикѣ угрожаетъ военная диктатура, слѣдовательно представляется серьезная опасность самому демократическому принципу. Съ другой стороны въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ появились стачки рабочихъ, недовольныхъ заработной платою. Положеніе общественной безопасности настолько серьезно, что правительству должно было употребить въ дѣло войска.

— Въ настоящее время происходитъ оживленный обмѣнъ нотъ между европейскими кабинетами. Поводомъ къ этому обмѣну нотъ, по словамъ римской газеты «*Libetta*» послужили новѣйшія звѣрства турокъ надъ плѣнными и мирнымъ сельскимъ населеніемъ и угрожающая отсюда опасность для всѣхъ христіанъ, живущихъ въ Константинополѣ, отъ турецкаго фанатизма. Затѣмъ дѣло касается и Англіи. Отдѣльному дѣйствию ея въ восточномъ вопросѣ европейская дипломатія намѣрена воспрепятствовать.

— Изъ всѣхъ провинцій Константинополя вызвано большое число рабочихъ для устройства укрѣпленій въ окрестностяхъ столицы; главныя укрѣпленія сооружаются у *Чатгаде* и *Черкмержи* на берегу *Мраморнаго моря*.

Митхадъ-паша въ настоящее время находится въ Вѣнѣ и сохраняетъ характеръ частнаго человека, ни съ кѣмъ изъ политическихъ дѣятелей не видится, никого не принимаетъ; онъ ожидаетъ дальнѣйшихъ приказовъ султана и до полученія ихъ не выйдетъ изъ Вѣны. На островѣ *Критъ*, близъ *Ретимно*, произошло кровопролитное сраженіе. Восстаніе разрастается.

— Изъ Москвы отъ 16-го іюля сообщаютъ, что тамъ радушно одобряется предположеніе москвичей, отправить германскому императору благодарственный адресъ за искренній и честный образъ дѣйствій Его Величества по восточному вопросу. Фабриканты предполагаютъ поднести императору *Вильгельму* роскошный альбомъ видовъ Москвы, а дамы заняты составленіемъ узора для роскошнаго ковра, который онъ намѣренъ поднести князю *Бисмарку*. Симпатія Москвы къ германской націи проявляются ежедневно.

Пять московскихъ ямскихъ слободъ пожертвовали вчера въ пользу центрального склада московскаго флота около 4,000 рублей. Кромѣ массы разныхъ другихъ предметовъ, складъ отправилъ уже двадцать двѣ тысячи рубахъ въ обѣ арміи. Требования госпиталей на Кавказѣ увеличиваются. Можковскій центральный складъ, устроивъ слишкомъ тысячу кроватей при кавказской арміи, нуждается нынѣ въ вещевыхъ и денежныхъ пожертвованіяхъ.

Изъ Парижа, отъ 16-го (28) іюля, сообщаютъ, что маршалъ *Макъ-Магонъ*, отвѣчая на привѣтствіе мѣстнаго мэра въ Буржѣ, сказалъ: «Сохранить внутренній и внѣшній миръ и идти во главѣ людей порядка изъ всѣхъ партій, оставаясь на почвѣ конституціи—такова моя дѣль; иной дѣльи никогда не имѣлъ». Далѣе маршалъ протестовалъ противъ клеветы, утверждающей будто бы внѣшнія отношенія Франціи поколеблены и свободѣ совѣсти грозитъ опасность; онъ заявилъ, что клевета не лишитъ его присутствія духа и не воспрепятствуетъ ему довершить свою задачу. Маршалъ надѣется, что нація, избравъ новыхъ уполномоченныхъ, положитъ конецъ распрѣ, продленію которой нанесло бы вредъ интересамъ Франціи.

ОГРАЖДЕНІЕ БРОНЕНОСЦЕВЪ ОТЪ ТОРПЕДО

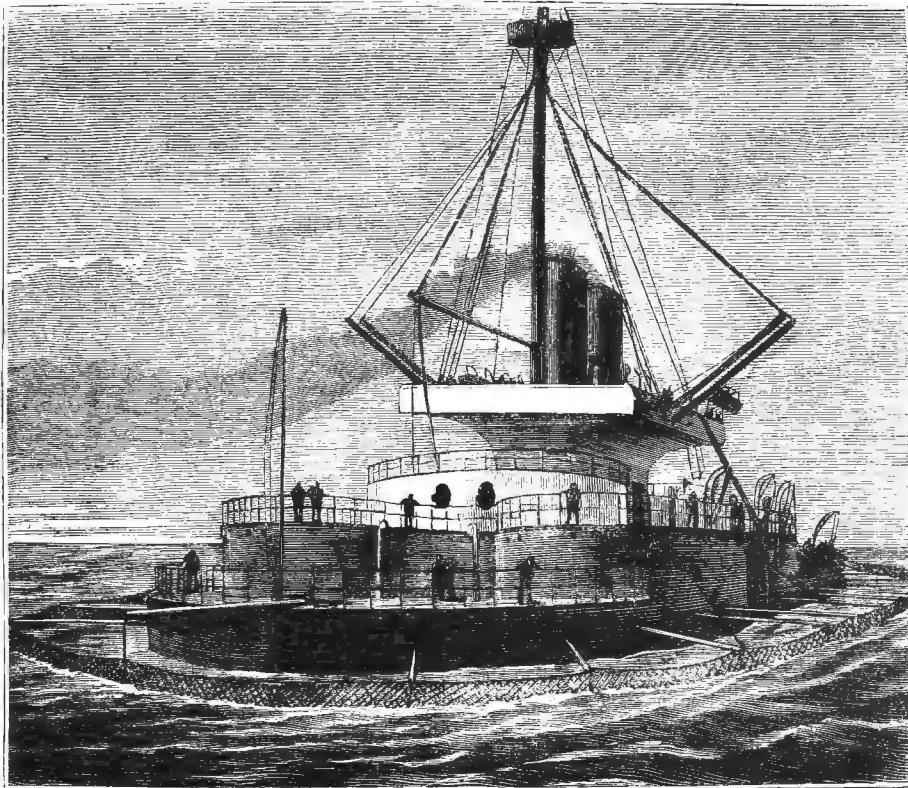
Англичанинъ *Ридъ*, извѣстный знатокъ морскаго дѣла, публично заявилъ, что при совершенствованіи подводной атаки посредствомъ минъ или торпедо, (см. «*Ниву*» № 26) всѣ способы защиты броненосныхъ судовъ становятся весьма сомнительными и въ этомъ случаѣ ни дѣльныя стѣнки, ни увеличеніе числа отдѣленій на судахъ не оказываютъ достаточной помощи. Этотъ приговоръ таковаго компетентнаго судьи, каковымъ считается въ Англіи *Ридъ*, заставилъ многихъ призадуматься о будущей не-

приглядной судьбѣ броненосныхъ эскадръ и изыскивать болѣе дѣйствительныя средства ихъ обороны. Турецкіе мониторы также не остались безъ помощи со стороны «просвѣщенныхъ мореплавателей» и по ихъ указаніямъ были ограждены и такимъ образомъ сдѣланы недоступными для атаки на нихъ русскихъ броненосныхъ шлюпокъ. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ теперь окружены бономъ, состоящимъ изъ бревенъ, связанныхъ толстыми цѣпами; иногда же подобная цѣпь соединяетъ вмѣсто бревенъ рядъ пустыхъ бочекъ разной величины. Кромѣ этихъ загражденій нѣкоторые мониторы окружаются такъ называе-

*) Провинція *Румелия* лежитъ между Фраціей и Болгаріей.

мы и кринолинами, т. е. сътъю изъ тонкихъ бичевовъ, укрѣпляемою посредствомъ шестовъ и поплавковъ, и къ которой, кромѣ того, иногда подвѣшиваются небольшія самовзрывчатая мины. Кромѣ того, въ Англіи наперывъ предлагают кромѣ огражденій, еще и другія средства для охраненія броненосцевъ отъ дѣйствія торпедо. Такъ, по мнѣнію многихъ, въ этомъ случаѣ могутъ принести большую пользу усовершенствованные свѣтовые электрическіе аппараты, подобные известному аппарату Гримма, сильный свѣтъ котораго, собираясь въ диоптрическомъ фонарѣ, можетъ быть направленъ въ какую угодно точку и освѣщать окрестность корабля на двѣ и даже на три мили. Дѣйствительно, одно изъ главныхъ условий удачи миноносной атаки—это темнота и скрытность, а свѣтъ, уничтожая эти условия, конечно, дѣлаетъ ея успѣхъ весьма сомнительнымъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что при усовершенствованіи средствъ обороны, конечно, и средства атаки не останутся безъ улучшенія. Сама Англія даетъ намъ въ томъ благой примѣръ постояннымъ развитіемъ и совершенствованіемъ сво-

Огражденіе броненосцевъ отъ торпедо. Съ наброска А. Б. грав. Діамантовскій.

іе ихъ кринолины, боны и цѣпи.

СОДЕРЖАНІЕ: Командиръ 9-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Н. П. Криденеръ 3-й (съ портретомъ) Н.—Поздно. (Страница изъ жизни) Н. Поѣздка на Иматру. (Изъ путевого впечатлѣній) (съ рисункомъ) П. Гнѣдича. — Взятіе Гарбинскихъ высотъ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи подъ командою генералъ-майора Жукова (съ рисункомъ). — Грустный думы (съ рисункомъ). — Матросъ Семенъ Лопатинъ (съ рисункомъ) Н. Каразина. — Габрово (съ рисункомъ). — Городъ Никополь (съ рисункомъ). — Общій видъ переправы чрезъ Дунай 15 іюня 1877 года (съ рисункомъ). — Политическія и военныя извѣстія. — Огражденіе броненосцевъ отъ торпедо (съ рисункомъ). — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

СЛАВЯНСКІЙ РЕСТОРАНЪ

Большая Морская, № 13.

Завтракъ въ 2 блюда — 60 коп.

Обѣдъ по 60 коп. и 1 руб.

3 билиардные салоны.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

„АРДАГАНЪ“

Побѣдный маршъ. Соч. начальнѣйшаго *Ивана Ренца*. Цѣна для фортепiano 30 к.

Вышелъ вторымъ изданіемъ:

РУССКО-СЛАВЯНСКІЙ МАРШЪ.

П. Чайковскаго. Цѣна 1 рубль.

Продается: въ Москвѣ, у П. Юргенсона, Петровка, № 6; въ С.-Петербурѣ: у П. Юргенсона, Большая Морская № 9. 1

ЛУЧШАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

ИЛИ

СРЕДСТВО КЪ УМЕНЬШЕНІЮ РАСХОДОВЪ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Составила и издала Елена Молоховецъ. Седьмое дополненное изданіе.

Книга эта заключаетъ въ себѣ три плана домовъ, удобно расположенныхъ въ хозяйственномъ отношеніи, пять рецептовъ изъ 800 ОБЪЕДОВЪ на разныхъ цѣнахъ (отъ 75 коп. до 12 руб. обѣдъ на 6—8 человекъ) и до 2.000 ОПИСАНІЙ ДОМАШНИХЪ ЗАПАСОВЪ и разныхъ кушаньевъ, съ подробнымъ указаніемъ выдѣла для нихъ провизіи мясной и рыбной. Цѣна 3 р 50 к., въ роскошномъ переплетѣ 4 р.

Продается у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ. Главнѣйшій складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ О. И. ВОКСТА (Б. Итальянская, № 2). 3—3

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла 3-Я ЧАСТЬ соч. К. В. М.

„ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА“
«ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ»

Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ. — Вторая вторымъ.

Содержаніе 3-й части:

Два обожателя Венеры. — Неожиданное открытіе. — Мудрый совѣтникъ. — Загодичная смерть. — У Венеры въ гости. — Одна изъ жертвъ Венеры. — Развѣчанная Венера. — Масага. — Моя бѣда. — Лидія Петровна. — Волшебница Венеры. — Еще штука Реброва. — Судная ясса. — Ужасная драма. — Медицинскій монологъ. — Ночь у Венеры перваго класса. — Ночь въ царствѣ Венеры послѣдняго класса. — Тины барныя благодѣтели. — Таинственное лицо. — Живой мертвецъ. — Страшный разговоръ. — Грустная комедія. — Валовое судно. — У орака больного. — У двухъ священниковъ на дому. — Выстрѣлъ. — Вѣдная мать. — Новый пациентъ. — Въ тюрьмѣ. — Роковой призывъ.

Тамъ же продается второе изданіе новаго романа того же автора
„ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ“. Цѣна на 4 тома 4 р. 4—3

Новый и единственный въ своемъ родѣ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

соро-высшающихъ масляныхъ красокъ для малярнаго производства

Н. Ф. КЮНА

на 1877 годъ.

Съ 50 образцами сихъ красокъ и короткимъ наставленіемъ объ употребленіи оныхъ, высылаются желающимъ бесплатно. Казанская улица № 38. 2—2

УНИВЕРСАЛЬНОЕ ОПИСАНІЕ КРЫМА 4 т. въ 17-ти спеціал. частяхъ съ политическими. Соч. Дѣйств. члена Император. Географическаго и другихъ обществъ, Василія Христофоровича Кондрачина, временно распродаютъ по типограв. цѣнѣ 6 руб. съ пересылкою. Адресоваться въ г. Ялту (Тавр. губ.) лично или письменно въ автору, до іюля мѣсяца. 3—3

Сборникъ Правилъ и подробныхъ программъ для поступленія во всѣ учебныя заведенія (мужскія и женскія) составл. А. Николаевымъ только что отпечатанъ седьмымъ изданіемъ на 1877—1878 г.

Цѣна 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Выписывающіе могутъ адресоваться и непосредственно къ издателю — преподавателю въ г. Воронежъ, Василію Абрамовичу Маврицкому. 2—2

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8,

ПРОСЬБА Современной.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,

Басилевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чекберъ и К^о.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 31

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 1 Августа 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 25 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.	Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева . . . 4 р. 50 к
„ „ съ доставкою . . . 5 „	Съ пересылкою во всѣ города Имперіи . . . 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.	

Контора журнала
„Нива“ помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

При этомъ № прилагаются: «Парижскія Моды» за Августъ съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 27 чертежами
выкроекъ въ натуральную величину и 23 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ, ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ | В. Гурко.

Свиты Его Величества генералъ-лейтенантъ Іосифъ Васильевичъ Гурко изъ камеръ-пажей былъ произведенъ въ 1846 году въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка. Въ 1857 году въ чинѣ ротмистра, онъ былъ назначенъ командиромъ эскадрона Его Величества въ названномъ полку; въ 1860 г. назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; въ 1861 г. произведенъ въ полковникъ. Пять лѣтъ спустя Іосифъ Васильевичъ назначенъ командиромъ 4-го гусарскаго Мариупольскаго Его Высочества Принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго полка, а въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-майоръ, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Затѣмъ генералъ Гурко командовалъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскимъ полкомъ, въ 1873 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Надобно сказать, что генералъ Гурко участвовалъ въ Крымской кампаніи и, оставаясь

Генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ І. В. Гурко, начальникъ передоваго отряда дѣйствующей арміи въ Балнахахъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

на Бельбекской позиціи до самаго окончанія военныхъ дѣйствій, нѣсколько разъ былъ посланъ на передовыя позиціи. Во время своей служебной дѣятельности Іосифъ Васильевичъ, отличающійся рѣдкимъ самообладаніемъ и хладнокровіемъ, показалъ себя не только замѣчательнымъ фронтowymъ, но и боевымъ кавалеристомъ.

Въ настоящее время генералъ Гурко находится въ дѣйствующей арміи и уже успѣлъ заявить себя своими лихими подвигами. Онъ былъ вызванъ въ дѣйствующую армію телеграммой, уже по прибытіи Его Высочества въ главную квартиру. Онъ проѣхалъ изъ Петербурга, такъ сказать, по прямому пути безостановочно до Тирнова. Занятіе Тирнова несомнѣнно носить на себѣ слѣды лихого кавалерійскаго предпріятія. Занятія этого города произошло слѣдующимъ образомъ: 25-го іюня генералъ Гурко съ одной кавалеріей и 16 конной батталрей налетѣлъ на

Тырново, занятый 3.000 пизамовъ и нѣсколькими баттарейми полевой артиллеріи. Казаки сѣвшились и съ неустрашимостью кинулись на врага. Пизамы держались до тѣхъ поръ, пока могли стѣлать изъ прикрытыхъ позицій и пока русскіе были отъ нихъ еще въ нѣкоторомъ отдаленіи; но когда казаки, не обращая вниманія на огонь артиллеріи, приблизились и бросились на занятые ими позиціи съ громкими криками „ура“, турки пустились бѣжать, успѣвъ захватить только орудія и оставивъ боевые и жизненные припасы. Такъ быстро и рѣшительно было наступленіе войскъ подъ командою генерала Гурко на Тырново и занятіе ими этого города. Занятіе русскими войсками Тырнова, собственно говоря, представляетъ одно изъ безпримѣрныхъ дѣлъ въ военной исторіи: бригада кавалеріи занимаетъ съ боя городъ въ 40.000 жителей; городъ, расположенный въ пересѣченной, въ мало и трудно-проходимой мѣстности, городъ, снабженный артиллеріею, расположенною въ великолѣпно устроенныхъ баттарейхъ, и снабженный всѣмъ необходимымъ для боя. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣрилось, чтобы это было такъ, что Тырново взяли два драгунскихъ—Казанскій и Астраханскій—полка при одной баттарей конной артиллеріи; что наступленіе дѣлалъ сѣшеные драгуны; что потери мы имѣли всего четыре человека. Между тѣмъ это было именно такъ.

Генералу Гурко, какъ говорятъ, было дано приказаніе занять Тырново во что бы то ни стало въ теченіе семи дней. Генералъ выслалъ драгунскую бригаду и баттарей конной артиллеріи впередъ, имѣя стрѣлковую бригаду въ резервѣ. Драгунами командовалъ Его Высочество Евгенийъ Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. Переменнымъ аллюромъ и форсированнымъ маршемъ быстро подошли драгуны и, какъ свѣтъ на голову, явились у воротъ неприятельскаго города. Единственный путь къ городу Тырново идетъ черезъ ущелье, для котораго достаточно было одного неприятельскаго баталіона, чтобы остановить не только бригаду кавалеріи, но и болѣе сильный отрядъ наступающихъ войскъ. Между тѣмъ наши драгуны, подсакавъ къ предмѣстью Тырнова, сѣвшились и заняли лѣвыя возвышенности или холмы, укрываясь за которыми, начали наступленіе на правыя высоты, занятыя неприятелемъ и неприятельскою артиллеріей. Нѣсколько неприятельскихъ выстрѣловъ причиняли сначала имъ вредъ и останавливали ходъ драгунъ; но какъ только конная баттарей послала неприятелю 5—6 выстрѣловъ, они бросили и свои позиціи, и лагерь, и все, что только имѣли тамъ. Драгуны ударили въ штыки, въ атаку, полѣзли на горы и сдѣлали это такъ, что неприятель не успѣлъ даже собрать свои лагерные запасы, патроны, палатки и даже оставилъ въ покинутомъ лагерѣ знамя. Это молодецкое дѣло — молодецкое потому, что оно было настолько рѣшительно, самоувѣренно, самоотверженно, что по-неволѣ турки вошли въ обманъ, думая, что на нихъ нападаетъ войско главной квартиры, подъ непосредственнымъ начальствомъ Главнокомандующаго, о приближеніи котораго, разумѣется, они знали черезъ лазутчиковъ.

5-го іюля, какъ извѣстно, генералъ Гурко взялъ Казанлыкъ и селеніе Шибко. Исполненіе этого дѣла представляло не малыя трудности. Дѣло это справедливо признается подвигомъ со стороны генерала Гурко и составляетъ, по удачному выраженію знакомыхъ съ громомъ пушекъ, настоящую легенду въ исторіи войны. Можно сказать, что генералъ Гурко открылъ ворота, защищавшія турокъ отъ вторженія неприятеля. Нелишнимъ здѣсь иривестъ подробности, какими сопровождался переходъ черезъ Балканы. Выступивъ изъ Тырнова 30-го іюня, генералъ Гурко направилъ главныя силы на Елену, мѣстность, лежащую къ юго-востоку отъ Тырнова. Для развѣдки, насколько сильны турецкія войска, сосредоточенныя, какъ сообщали, около Османъ Базара и простираются ли неприятельскія пози-

ціи отъ Османъ-Базара въ южномъ направленіи черезъ Балканъ, генералъ Гурко повелъ кавалерію по дорогѣ въ Шумлу и по направленію Османъ-Базара.

Разузнавъ все, что ему было нужно знать, хотя и поплатясь значительной потерей, генералъ Гурко оставилъ сопровождавшій его отрядъ для наблюденія за турецкими позиціями около Османъ-Базара и обратясь спиною къ туркамъ, направился къ югу на Балкапы. Около Елены онъ стѣпнулъ свои отряды и въ два форсированныхъ марша (около 60 верстъ каждый) достигъ середины Балкановъ, именно той части горной цѣпи, которая носитъ названіе Еленскихъ Балкановъ. Черезъ нихъ идутъ три прохода въ долину Тунджи, почти параллельные одинъ другому.

Проводниками Гурко служили христіане изъ долины Балканскихъ отроговъ. Черезъ два изъ помянутыхъ трехъ проходовъ генералъ Гурко отправилъ по отряду, а самъ съ главной массой войскъ пошелъ по среднему, извѣстному подъ названіемъ „Ганки“,—узкимъ, извилистымъ ущельемъ, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышаются отвѣсныя скалы. Путь этотъ оказался чрезвычайно тѣснымъ для пушекъ и горныхъ баттарей, сопровождавшихъ колонну. Въ самомъ трудномъ мѣстѣ ущелья развѣдчики генерала Гурко наткнулись на укрѣпленную позицію, занятую батальономъ турецкихъ башни-бузуковъ и черкесовъ, которые, кажется, не ожидали появленія казаковъ и начали отступать. Это отступленіе въ виду быстрого натиска нашихъ войскъ, до такой степени было послѣдствіемъ, что турки оставили на мѣстѣ не малое количество боевыхъ запасовъ и орудій. Вообще генералъ Гурко оказывается слишкомъ проворнымъ для медленныхъ турокъ. Переваливъ черезъ проходъ Ганко генералъ Гурко пошелъ въ долину Тунджи и именно въ селеніе Езекен, находящееся въ равномъ разстояніи отъ Казанлыка, Ени-Загры и Ески-Загры. Казанлыкъ лежитъ при входѣ въ Шибкискій проходъ, одинъ изъ главныхъ путей черезъ Балканы. Ени-Загра лежитъ на желѣзнодорожной линіи, ведущей въ Ямболу. Ески-Загра на возвышенностяхъ долины Марицы и на точкѣ соединенія всѣхъ дорогъ. Послѣдствіемъ этого движенія было, какъ сказано выше, взятіе Казанлыка и селенія Шибко. Съ этимъ дѣломъ наши читатели, конечно уже знакомы изъ политическихъ и военныхъ извѣстій, еженедѣльно помѣщаемыхъ на страницахъ „Нивы“.

Такимъ образомъ оказывается, что въ то время, когда послѣ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай всѣ были заняты вопросомъ о разрѣшеніи второй важной задачи настоящей войны—это вторая задача была разрѣшена: генералъ Гурко перешелъ Балканы.

Приводимъ здѣсь изъ оффиціального рапорта генералъ-лейтенанта І. В. Гурко господину главнокомандующему дѣйствующей арміей, нѣсколько строкъ о тѣхъ трудностяхъ, какими сопровождался переходъ войскъ и о тѣхъ доблестяхъ, какими отличаются эти войска.

„Считаю долгомъ, доносить генералъ-лейтенантъ Гурко, засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ о тѣхъ немовѣрно тяжелыхъ трудностяхъ, которыя были перенесены войсками вѣтреннаго мнѣ отряда, во время прохода, по малоразработанному горному проходу. Въ особенности тяжело было вывозить орудія конныхъ баттарей. Что же касается до перевозки зарядныхъ ящиковъ, то она потребовала почти сверхъ-естественныхъ усилій. Только русскіи солдаты могли пройти въ три дня и провезти полевые орудія по столь тяжелому ущелью. Справедливость требуетъ сказать, что болгарское ополченіе нисколько не отставало отъ остальныхъ солдатъ въ дѣлѣ преодоленія трудностей движенія“.

Честь и слава войскамъ, честь и слава ихъ доблестному предводителю.

3.

Фотографическія карточки изъ альбома губернантки.

Счастливая парочка *).

I.

Анна Михайловна Дорогина рѣшилась сдѣлаться домашней учительницей. Заручившись рекомендательнымъ письмомъ, отправилась она къ какому-то господину Красницкому. Пройдя Покровку (въ Москвѣ), свернула она въ одинъ изъ переулковъ, гдѣ находился означенный на адресѣ домъ, миновала густо-разросшіяся садъ и вошла на большой мощеный дворъ. Справа виднѣлось заброшенное обуглившееся зданіе, похожее на фабрику; слѣва—двухъ-этажный каменный домъ съ неуклюже-масивнымъ крыльцомъ, съ бронзированными, потускѣвшими львами, по бокамъ. Кругомъ все было тихо, безлюдно; даже цѣпная собака спала въ растяжку поодаль конуры. Дорогина, будто изъ опасенія нару-

шить господствовавшую тишину, осторожно позвонила. Послѣ нѣсколькихъ минутъ напраснаго ожиданія, позволила еще и еще. Раздалось по лѣстницѣ тяжелое шарканье, сухо щелкнулъ ключъ, и заповѣдная дверь наконецъ пріотворилась рукою непривѣтливой, повязанной бумажнымъ платкомъ, старухи.

— Кого вамъ? спросила она, оглядывая неизвѣстную посетительницу съ головы до ногъ.

— Дома г. Красницкій?

Старуха, вмѣсто отвѣта, еще пристальнѣе уставилась на нее.

— Вамъ нужно Василья Васильича? переспросила она.

— Да, Василья Васильича. Дома онъ?

— А зачѣмъ вамъ его? допытывалась старуха, придерживая дверь.

— Нужно: письмо къ нему.

— А отъ кого оно будетъ?

*) Продолженіе „Изъ альбома губернантки“, будучи каждое законченнымъ разсказомъ, включающимъ въ себя известное число фотографическихъ карточекъ, даетъ намъ случай помѣщать ихъ въ „Нивѣ“, такъ сказать, отдѣльными группами, по мѣрѣ возможности.

— Ахъ, матушка, отъ кого бы ни было,—не твое дѣло .. пусти!

Инквизиціонный допросъ начиналъ выводить Дорогину изъ терпѣнья. Пусти же, повторила она, показывая письмо.

— А „самой“ не отдадите? прошамкала старуха.

— Какой „самой“?

— Да супругѣ, Глафирѣ Филипповнѣ?

— Отчего-жъ не отдать: мнѣ все равно.

— Ступайте! рѣшила доносчица, видимо успокоенная этимъ отвѣтомъ. Анна Михайловна поднялась вслѣдъ за нею по широкой лѣстницѣ на площадку, съ пологанной балюстрадой, съ мнѳологической группой по срединѣ. Въ передней, кромѣ вѣшалки, да какого-то пестраго лоскута на окнѣ вмѣсто шторы, не было ровно ничего. Въ обширной залѣ подѣ мраморѣ, окаймленной стульями краснаго дерева, стоялъ закрытый рояль; подлѣ рояля—этажерка съ нотами.

— Обождите маленько, сказала старуха, я доложу господамъ. Пока она отправилась „съ докладомъ“, Дорогина принялась разсматривать парадныя комнаты Красницкихъ, гдѣ на всемъ лежала какая-то печать запустѣнія. Литые золоченные настѣнники были покрыты густымъ слоемъ пыли; ненатертый паркетъ съ вычурной выкладкой изъ чернаго дерева, мѣстами растрескался; непромытые окна безъ шторъ открывались, но всемъ видимостямъ, очень рѣдко; два померанцевыхъ дерева, въ огромныхъ кадункахъ, печально коротали свой вѣкъ въ душной атмосферѣ, безъ поливки, безъ ухода. Арка соединяла залу съ гостиной, синяго цвѣта, съ тисненными золотыми звѣздочками по всему фону, невыносимо рябившими въ глазахъ. Неуклюжая, старинная, обитая полинялымъ оранжевымъ штофомъ, мебель, съ бронзовыми украшениями, въ видѣ виноградныхъ лозъ, такъ и просилась въ какой-нибудь „магазинъ“ старьевщика, на Неглинную. Надѣ диваномъ, въ богатой, запыленной рамѣ, висѣлъ портретъ старика съ сѣдой овладистой бородой, съ жесткими чертами лица, въ поддевкѣ на-распашку, съ медалью на шеѣ. Рядомъ съ нимъ, въ такой же богатой рамѣ, красовался портретъ молодой, роскошно одѣтой женщины. Смуглое лицо съ рѣзкимъ румянцемъ, крупныя губы, черные глаза, дугообразныя почти сросшіяся брови, большой пось, съ темно-синеватымъ отливомъ волосы, перевитые крупнымъ жемчугомъ,—все это, взятое вмѣстѣ, составляло весьма рельефный восточный типъ, показавшійся однако Аннѣ Михайловнѣ не только не симпатичнымъ, но даже отталкивающимъ. Впрочемъ, у нея было своеобразное понятіе о красотѣ: „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.“—Изъ гостиной виднѣлась комната съ зеркальными стѣнами, съ расписнымъ потолкомъ и съ подушкой сомнительной бѣлизны на обдерганномъ диванѣ. Тутъ же, на столикѣ, валялись папиросныя окурки, полицейскій листокъ и стоялъ недопитой стаканъ квасу.

Всматриваясь во всю эту обстановку, Дорогина не могла рѣшить, къ какой именно категоріи принадлежатъ Красницкіе: смѣсь позолоты, мрамора, зеркальныхъ стѣнъ съ выдающейся повсюду неряшливостью, сбивала ее съ толку. Поглядѣла въ садъ, куда выходила терраса изъ гостиной,—та же запущенность. Дорожки поросли травой, лѣстницы съ обѣихъ сторонъ террасы покочнулись; съ золоченымъ куполомъ бесѣдка—настежь; у входа—слетѣвшій съ пьедестала, изувѣченный амуръ. Дорогину стало вдругъ жутко отъ новой, такъ невыгодно представившейся перспективы: ей даже пришло было на мысль тихимъ манеромъ улизнуть, но послышавшіяся шаги и легкое покашливанье пресѣкли путь къ замышляемому бѣгству. Изъ зеркальной комнаты появилась средняго роста дама, въ бѣломъ вышитомъ пенюарѣ, съ подвитыми волосами, кокетливо прикрытыми кружевной косыночкой.

— Извините, я заставила васъ ждать, сказала она: брала ароматическую ванну... никакъ нельзя было...

Въ появившейся дамѣ, Дорогина тотчасъ же признала оригинальнѣе видѣннаго портрета, написаннаго, повсѣмъ вѣроятіемъ, лѣтъ 20-тъ тому назадъ, когда еще дама была въ свѣжей порѣ молодости и не прибѣгала, какъ въ настоящую минуту, ни къ ароматическимъ ваннамъ, ни къ косметикамъ.

Анна Михайловна молча поклонилась.

— Вамъ угодно повидаться съ мужемъ? У васъ къ нему письмо? спросила Красницкая.

— Да.

— А! Позвольте я передамъ: Базиль еще не одѣтъ. Взявъ письмо, она исчезла и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, повѣстила, что мужъ скоро выйдетъ. Не угодно ли въ гостиную? пригласила она. Тамъ удобнѣе, да и сквозного вѣтра нѣтъ.

— У васъ, кажется, вѣтра не можетъ быть *никакого* замѣтила Анна Михайловна. Не смотря на теплую майскую погоду, все вездѣ такъ герметически закрыто.

— Немножечко душно, правда; но у меня такое слабое здоровье... боюсь простуды.—Прошу покорно! продолжала хозяйка, усаживаясь на диванъ. Дорогина сѣла на стулъ съ прямой высокой спинкой, и, зацѣпившись газовой вуалеткой за одинъ изъ виноградныхъ листьевъ, тотчасъ же разорвала ее.

— Какая неловкость! усмѣхнулась она, сдвинувшись на самый кончикъ стула, подальше отъ безпокойныхъ украшеній.

— О, вы не первая! утѣшила ее хозяйка. Эти виноградные листья много всякой всячины порвали. Препротивная мебель! Надо бы, конечно, другую, да вотъ все дождаемся раздѣла.—Гдѣ вы желаете поступить къ намъ въ домъ? Неожиданно заключила она.

— Къ вамъ, или къ комунибудь,—все равно, отвѣтила Дорогина.

— Я могу преподавать русскій языкъ, французскій, нѣмецкій, музыку.

— А танцы?

— Нѣтъ, танцы мнѣ не дались.

— Гмъ! придется брать учителя. Не можете ли хоть репетировать съ дѣтьми кадраль, польку?

— Ни кадрили, ни польки не могу.

Красницкая задумалась.

— А какъ на счетъ пѣнія? спросила она послѣ нѣкоторой паузы. У меня вотъ дочь охотится пѣть. Голосъ высокій, сильный... Можете вы ее учить?

— Могу.

— Ахъ, какъ это хорошо! обрадовалась Красницкая. Мысль, что будущая наставница пригодна по части вокальной, сгладила невыгодное впечатлѣніе, относительно части хореографической.

— Я обожаю пѣніе, въ особенности итальянское, заявила она, вскинувъ глаза къ потолку. Мужъ тоже большой охотникъ... самъ поетъ отлично. А, вотъ и онъ!

Въ гостиную вошелъ молодой, смазливый брюнетъ съ ровно подстриженной бородкой. Свѣжее, румяное лицо его дышало здоровьемъ; въ черныхъ юркихъ глазахъ скользило что-то неуловимое, похожее и на отблескъ живого, страстнаго темперамента, и на какой-то плутоватый разумъ.

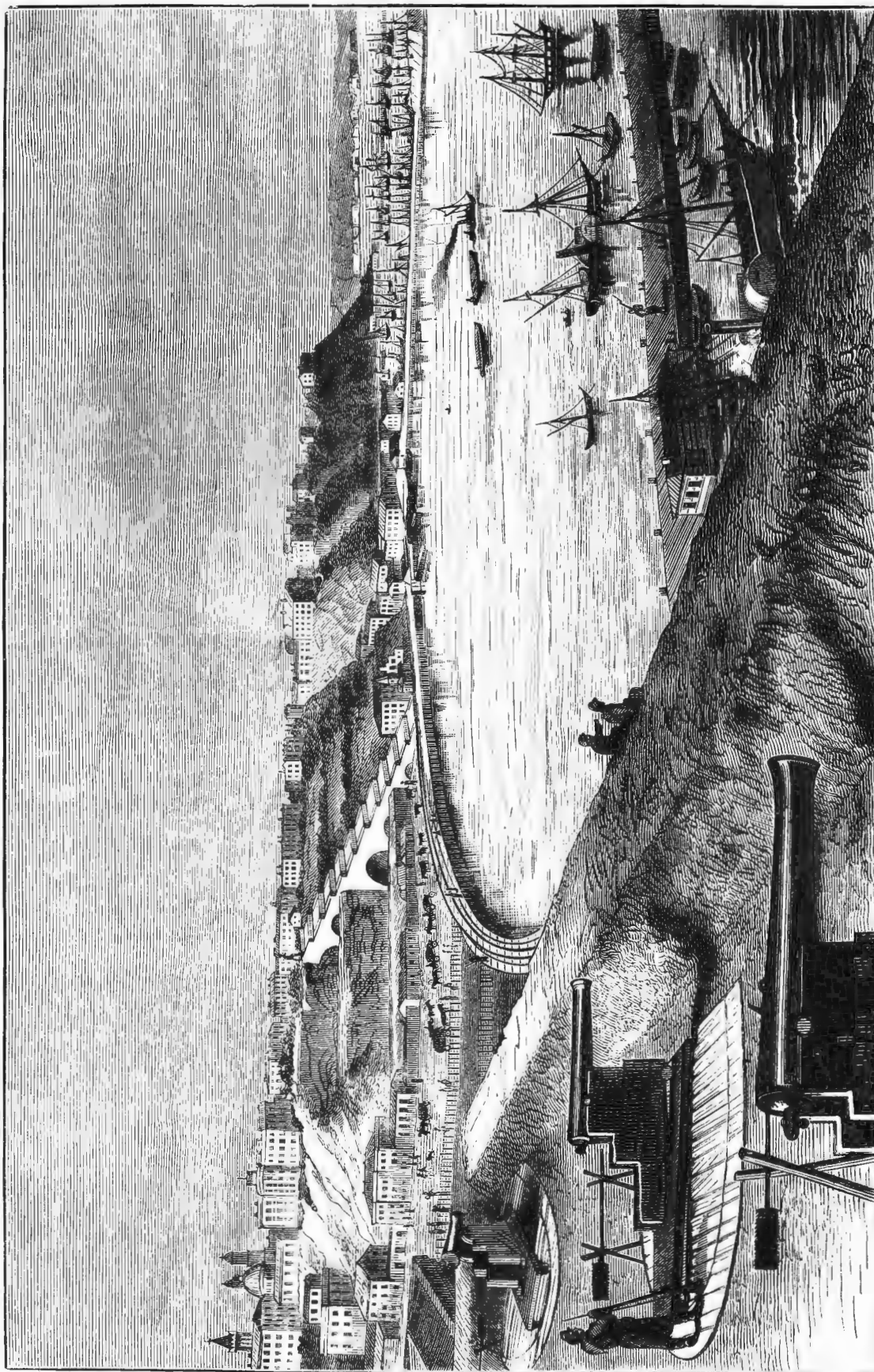
— Честь имѣю кланяться! звучнымъ басомъ проговорилъ онъ, обращаясь къ Дорогинуи.

— Мужъ мой, докторъ Василій Васильевичъ Красницкій, не безъ важности проговорила Глафира Филипповна.

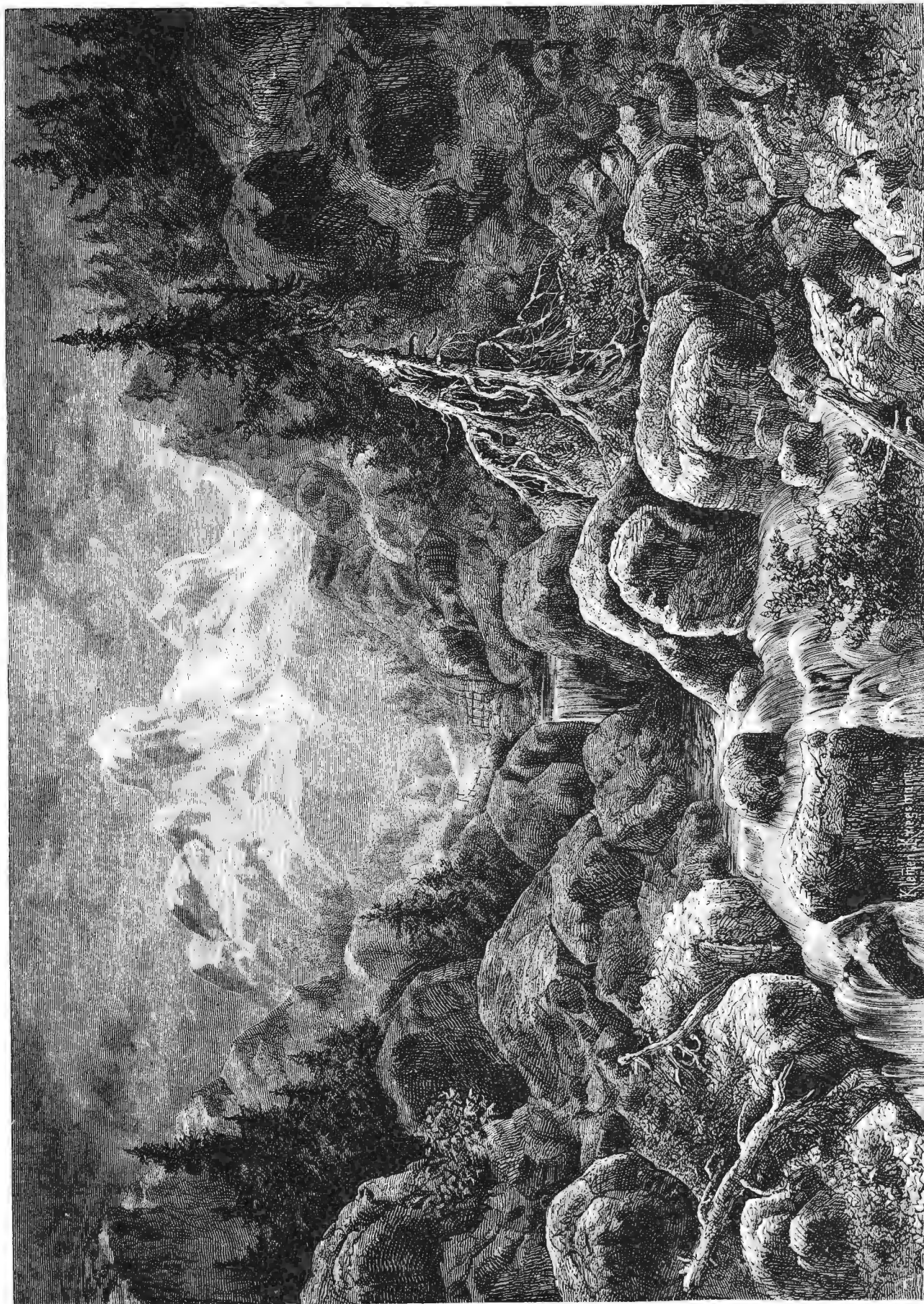
— Васъ рекомендуютъ какъ хорошую, опытную учительницу? прямо началъ тотъ, садясь нѣсколько поодаль.—

— И пѣть могутъ учить, сладко произнесла Глафира Филипповна.

— Неужели? воскликнулъ Василій Васильичъ. Вотъ

Видъ города Одессы. Съ фотогр. грав. Рошевскій.

Адекая долина (въ Южной Баваріи). Съ фотогр. грав. Кригсманъ.

Сашенькѣ радость! Да и я позаимуюсь немножко, если только учительница не найдетъ во мнѣ черезъ-чуръ безтолковаго ученика... Самодовольная улыбка, лукаво прищурившіеся глаза, сильно противорѣчили этому скромному заявленію.

— Судя по вашей рѣчи, на-обумъ сказала Дорогина, у васъ долженъ быть прекрасный голосъ и тонкая музыкальная организація.

— Дѣйствительно, подтвердилъ пріятно-польщенный Василій Васильичъ, играя своимъ пенсне. Не сдѣлай меня судьба медикомъ,—я навѣрное былъ бы педожинымъ пѣвцомъ!

— О, безъ сомнѣнія! подхватила Глафира Филипповна, любуясь своимъ „Базилемъ“. Не угодно ли? прибавила она, протягивая Дорогиной перламутровую папиросницу.

— Благодарю васъ: я не курю.

— Голосъ бережете?

— Нисколько. Я вѣдь не имѣю претензіи быть пѣвицей, а такъ... привычки нѣтъ.

— За то ужъ я не могу жить безъ папироски! И Глафира Филипповна принялась пускать кудреватые струйки дыма.—Послѣ разныхъ переговоровъ, когда рѣчь коснулась „вознагражденія“, Красницкіе согласились на цѣну, спрошенную Дорогиной и дали ей задатокъ.

— Закабалилась! чуть не сказала она вслухъ, кладя ассигнацію въ портмонэ. Ну, да вѣдь не на всегда-же!

— Досадно, что крестная мать увезла дѣтей къ себѣ, пожалѣла Красницкая, прощаясь съ Анной Михайловной. Впрочемъ, завтра они вернутся.

— Когда же вы къ намъ? Любезно освѣдомился Василій Васильичъ, провожая Дорогину въ переднюю.

— Вѣроятно завтра къ вечеру.

— И прекрасно! А я сейчасъ пошлю за настройщикомъ, да приведу въ порядокъ свою музыкальную бібліотеку. Настя, крикнулъ онъ. На зовъ явилась чисто-одѣтая горничная, рѣзко выдѣлявшаяся своею миловидностью изъ всей неуклюжей обстановки, какъ цвѣтокъ изъ бурьяна.

— Пожалуйте-съ! учтиво проговорила она, отворяя дверь и вскользь окидывая Дрогину мягкимъ, привѣтливымъ взглядомъ. Будущая паставница и „камеристка“, повидимому, инстинктивно полюбились другъ-другу.— У воротъ, повстрѣчала Анна Михайловна плотнаго, високаго „дѣтину“, съ сигарою въ зубахъ, похожаго, какъ двѣ капли воды, на Глафиру Филипповну. Братъ ея, или сынъ? подумала она. У „восточной женщины“ сынъ можетъ быть и старше этого, но неужели Красницкій родной его отецъ? невѣроятно: онъ самъ ей въ сыновья годится. Вдругъ вспомнилъ ей портретъ сѣдобородаго купца съ медалью. Ужъ не онъ ли предшественникъ „ненагляднаго Базиля“?—

Переѣхавъ къ Красницкимъ, Анна Михайловна скоро ознакомилась со всѣмъ окружавшимъ ее персоналомъ: отъ хозяина, до цѣпной собаки, Шарика, которой она послѣ обѣда относилась костью. Первое время пребыванія въ чужомъ домѣ, съ непривычки, тяжело подѣйствовало на нее. Помѣстили ее въ одной комнатѣ съ дѣтьми, за ширмами. Комната, окрашенная бурой краской, была мрачная, подъ сводами; мебель поломанная, разнокалиберная; миллиарды повсюду гнѣздившихся клоповъ отнимали возможность спать. По праздникамъ должна она была водить дѣтей къ обѣднѣ и выстаивать всю службу, отъ начала до конца, что крайне ее утомляло. Ключница Никоновна, та самая старуха, съ которой она имѣла удовольствіе познакомиться на крыльцѣ, въ первый свой приходъ къ Красницкимъ, была фаворитка Глафиры Филипповны; благорасположеніе это поддерживалось сплетничаньемъ, наушничествомъ, цѣлованьемъ „ручки“, гадаьемъ въ карты и тому подоб-

ными добродѣтелями. Никоновна за что-то сразу не влюбилась Анны Михайловны. Ужъ какую взяли! почти вслухъ ворчала она. Вонъ въ церкви-то, сказываютъ дѣти, все къ окну приваливши стоитъ... лба лишній разъ не перекрестить. Ну что это за примѣръ для барышни? Дѣвушка на возрастѣ, невѣста,—чему она ее научить? У дебѣлой Сашеньки не было ни слуха, ни малѣйшаго музыкальнаго понятія; безтолковостью, деревяннымъ голосомъ, она безпоощадно терзала нервы учительницы. Василій Васильичъ пѣлъ бы, пожалуй, не дурно: у него былъ нѣжный, пріятный басъ; но наслушавшись итальянцевъ, онъ имѣлъ несчастную претензію хвататься за аріи выше своихъ средствъ. Когда же Дорогина разучила съ нимъ полузабытый Варлаамовскій дуэтъ: „Пойми меня“, когда они его пропѣли, то ученикъ такъ увлекся, съ такимъ чувствомъ выполнилъ свою партію, что Глафира Филипповна, съ кислой гримаской, заявила о неприличіи пѣть *женатымъ* подобные дуэты!—Анна Михайловна, съ первыхъ дней смекнувшая, что Красницкая ревнива до безобразія, стала подъ разными предлогами уклоняться отъ дуэтовъ, чѣмъ вскорѣ и поразогнала тучи собравшіяся на челѣ ревнивой супруги.—Ученики ея, тупоумные шаловливые мальчишки, не знали ровно ничего; даже не умѣли правильно читать по-русски! Если бы не Василій Васильичъ, съ своимъ мягкимъ обхожденіемъ, если бы не привязавшаяся къ ней Настя,—она рѣшительно бы не вынесла безалаберной жизни въ домѣ Красницкихъ. Да и совѣсть порою намекала ей, что она не совѣмъ по заслугамъ получаетъ большое вознагражденіе. Однако, съ теченіемъ времени, всѣ эти шероховатости сглаживались: за ширмами, она все-таки устроила себѣ маленькое „chez-soi“; отъ клоповъ спасалась персидской ромашкой; Сашенькѣ, не волнуясь, давала волю кричать во весь голосъ; къ обимъ мальчикамъ, относилась безъ раздражительности; на нетѣпныя выходки Глафиры Филипповны старалась смотрѣть сквозь пальцы; отъ церковнаго стоянья изошрилась лавировать и нѣсколько умилосердила Никонову трех-рублевымъ вишневымъ платкомъ. Зато, по вечерамъ, отдыхая отъ дневной обузы, любила она поболтать съ Настей. Отъ Настя-то и узнала она семейную исторію Красницкихъ, которую, подъ веселый часъ, выболтала той Никоновна.—Глафира Филипповна была дочь бѣдной армянки и какого-то графа, плѣнившагося красотой ея матери, но не обезпечившаго ее ровно ничѣмъ. Носились слухи, будто послѣ графа, многіе изъ простыхъ смертныхъ пользовались „вниманіемъ“ увядавшей красавицы, но насколько слухи эти были правдоподобны,—Богъ-вѣсть. Взрослая дочь, вѣроятно, тоже пошла бы по ея слѣдамъ, если бы не попала въ театральную школу, откуда впоследствии выпорхнула на московскую сцену, въ качествѣ корифейки. Какъ ни эффектна была новая сильфида, какъ ни старалась она плѣнять своимъ искусствомъ присяжныхъ диллетантовъ, ей буквально не везло: холодно ее встрѣчали, холодно провожали. Пожалуй, незамѣтно бы и прошло ея эфирное существованіе, если бы ею случайно не плѣнился бездѣтный вдовецъ-миллионщикъ, первостатейный купецъ Пудовиковъ. Человѣкъ онъ былъ уже не молодой, суровый, до женскаго пола не охотникъ а вдругъ вотъ полюбилась Глафира, да и все тутъ! Неизвѣстно, какъ устроилось ихъ знакомство, только въ очень непродолжительномъ времени, покинувъ сцену, вышла она за Пудовикова и изъ неказистой квартирки переселилась въ тотъ самый богатый-убранный домъ, гдѣ Дорогина видѣла лишь обломки минувшаго великолѣпія. Переимѣнивъ званіе корифейки на почетное имя первостатейной купчихи, Глафира Филипповна не могла похвастаться счастьемъ и, быть можетъ, нерѣдко сожалѣла о прошлой беззаботной жизни. Мужъ наряжалъ ее, поилъ, кормилъ вдоволь, но будучи ревнивъ выше всякаго описанія, держалъ ее

взаперти, даже рѣдко пускалъ къ роднымъ. У себя принималъ онъ гостей только въ извѣстные торжественные дни, да иногда прокатывалъ ее въ каретѣ, съ опущенными шторками. Привыкшая къ свободной жизни, къ движению, Глафира Филипповна замѣтно хирѣла, блекла, увядала; къ тому же постоянное одиночество, почти ежегодное рожденіе дѣтей, еще болѣе ослабляли ея организмъ. Такимъ образомъ промаячила она почти двадцать лѣтъ. Но сдѣлавшись по смерти мужа полновластной опекушкой надъ дѣтскимъ состояніемъ, она безъ памяти влюбилась въ пріятеля своего старшаго сына, только что кончившаго курсъ мѣдика, Василья Васильича Красницкаго. Сердце такъ долго дремавшее подъ гнетомъ неволи, встрепенулось и со всѣмъ пыломъ запоздалой страсти отдалось ему!—Не имѣя, кромѣ смазливой наружности и молодости, ни гроша за душой, Красницкій, не задумываясь, женился на богатой вдовѣ. Онъ ловко пользовался ослѣпленіемъ, вилъ изъ нея веревки и, опекуествуя вмѣстѣ съ нею, не стѣснялся набивать карманъ, въ ущербъ будущимъ наслѣдникамъ. Зная, на примѣръ, что домъ достанется на ихъ долю, онъ ни мало не заботился объ его поддержкѣ, не обращалъ вниманія, что все ветшало и приходило въ видимый упадокъ. На воспитаніе и содержаніе дѣтей тратились, по его счетамъ, неизмѣримыя суммы, тогда какъ падчерица-невѣста не имѣла порядочнаго платья, а мальчики зачастую пеголяли въ худыхъ сапогахъ. Глафира Филипповна предоставляла ему полную свободу дѣйствій, точно дѣло касалось не ея родныхъ дѣтей. Она спала и видѣла спихнуть Сашеньку замужъ: взрослая дочь была чѣмъ-то въ родѣ бѣлмы на глазу у молодившейся матери.—Базиль уже успѣлъ кушить на свое имя доходный домъ; Базиль уже былъ владѣльцемъ подмосковнаго имѣнья... Неизвѣстно чѣмъ порадовала бы его давно заброшенная медицина, но женитьба на годившейся ему въ матери богатой вдовѣ, отлично устроила его карьеру.

— Какъ это Глафира Филипповна, при своей ревности, держитъ тебя въ домѣ? спрашивала Анна Михайловна Настю. Ты такая хорошенькая, бойкая! Да вотъ и Никоновна не сживаетъ тебя?

— Никонову ужъ я оченно ублажаю, пояснила Настя. Это первое-съ; а второе,—часто скрываю баловство ея на счетъ выпивки. Ину-пору, она безъ заднихъ ногъ, обязанности не исполняетъ, а я докладываю, больнохонька, моль... поясницей тронуться не можетъ. И въ кладовую сбѣгаю, и повару выдамъ—ну, она мнѣ и мирволить, и барынѣ въ обиду не даетъ. Опять же, сама барыня держитъ меня въ сумленіи только на счетъ барченка... Вѣдь онъ ухъ какой баловливый!

— А Василій Васильичъ не баловливый?

— Тоже хорошъ, нечего сказать! лукаво хихикнула Настя. Ходу-то ему тутъ нѣтъ, добавила она. Зато онъ все больше на сторонѣ-съ... Цоѣдетъ быдто въ клубъ, а колесить не вѣсть-гдѣ, и барченка съ собой таскаетъ... У насъ, изъ-за этой оказіи, кучеру не жите-масляница! Барыня то-и знай даетъ на водку: говори, моль, безъ утайки, куда барина возилъ? Баринъ отваливаетъ и того пуще: держи, моль, языкъ на привязи... Что смѣху, какъ поразкажетъ!—

Однажды Глафира Филипповна отправилась въ баню со всѣми чадами и домочадцами, за исключеніемъ Никоновны, оставленной дома для порядка и благочинія. Съ нѣкоторыхъ поръ Анна Михайловна стала замѣчать, что Красницкая относится къ ней холодно, натянуто, что даже видимо ревнуетъ ее къ мужу. Ей не нравилось, что тотъ, по совѣту Дорогиной, сталъ пѣть русскіе романсы вмѣсто итальянскихъ арій, что возилъ ей изъ клуба книги и что, по ея желанію, пьетъ чай на чистомъ воздухѣ, велѣлъ каждый вечеръ готовить самоваръ въ саду. Угожденія эти были весьма

понятны: присутствіе Анны Михайловны разгоняло скуку его семейной жизни, давало ему, какъ человѣку нѣсколько, образованному, возможность поговорить, поспорить о предметахъ, выходящихъ изъ будничной колеи. Къ тому же, съ пасынкомъ онъ гдѣ-то поразладилъ, да и тотъ очень рѣдко бывалъ дома. Дорогина тоже предпочитала общество Базиля пересудамъ Глафиры Филипповны, ея безконечнымъ жалобамъ на болѣзненность и снотворнымъ повѣствованіямъ о смерти „Ваничекъ“, „Валерочекъ“ и проч. Бесѣды съ Сашенькой окончательно не клеились: она была глупа безнадежно и всѣ мечты ея лишь сосредоточивались на мысли—поскорѣе вырваться изъ родительскаго дома. Да и Никоновна, не смотря на пріобрѣтенный платокъ, все-таки не долюбивала Анны Михайловны и какъ бы отстраняла отъ нея „барышню“.—По отъѣздѣ Глафиры Филипповны, Дорогина вышла въ садъ, а почти вслѣдъ за нею явился и Базиль.

— Экой благодатный вечеръ! любовался онъ, оглядывая чистое, безоблачное небо.

— Да, подтвердила Дорогина: спѣшу воспользоваться имъ; въ комнатахъ такъ душно!

— Не помѣшалъ ли вамъ мой приходъ?

— О, нисколько!

Оба пошли по густой липовой аллеѣ, и разговоръ, начавшійся съ прелести лѣтняго вечера, не замѣтно перешелъ къ предметамъ болѣе прозаическимъ. Стали обсуждать какую-то „тему“, горячо заспорили и немало удивились, когда передъ ними, точно грибокъ изъ земли, выросла Никоновна.

— Чтой-то, сударь, забрюзжала она; барыня давнымъ-давно прѣхамши изъ бани, самоваръ на столѣ, а васъ и съ огнемъ не отыщешь! Пожалуйте кверху... Глафира Филипповна гнѣваться изволятъ. Дескать, не наговорятся... быдто вѣки-вѣчные не видались!

— Хорошо, Хорошо! сердито перебилъ Красницкій. Нельзя ли поменьше разсуждать? Убирайся! Хотите, чай велю подать сюда? обратился онъ къ Дорогиной и сдѣлалъ движеніе воротить уходившую старуху, какъ бы желая досказать, что не всегда способенъ плясать подъ женину лудку.

— Что вы.. Господь съ вами! Тихо усмѣхнулась Анна Михайловна.—

Василій Васильичъ пристально взглянулъ на нее, потупился и молча пошелъ вслѣдъ за нею.—Распарившаяся, разгнѣванная Глафира Филипповна, въ банномъ чепчикѣ съ широкой оборкой, была такъ карикатурно-смѣшна, что Дорогина чуть не расхохоталась вслухъ. Посмотрѣвъ искоса на подсѣвшихъ къ самовару мужа и учительницу, Глафира Филипповна принужденно кашлянула и схватилась за-бокъ... Василій Васильичъ былъ видимо въ неловкомъ положеніи: и хотѣлось подойти къ обозлившейся „Гланичкѣ“, приласкать ее, и кака-то задняя мысль будто мѣшала ему...

— Честь имѣю поздравить, попробовала пошутить Дорогина. Я потеряла вуалетку!

— Кажется, вы скоро потеряете и голову, ядовито произнесла Глафира Филипповна.—Дорогина вспыхнула, но пропустила безъ возраженія дерзкую выходку.

— Ну, головы-то не потеряю... не беспокойтесь! Опять-таки шутливо постаралась отвѣтить она.

— Что-же, — сердце? Еще ядовитѣе подчеркнула Красницкая. Она прибавила бы, пожалуй, новую „любезность“, еслибы Василій Васильичъ, видя, что Дорогина очень хорошо понимаетъ въ чемъ дѣло, не послѣдовала бы ея благоразумному примѣру, т. е. не постаралась бы все обратить въ шутку.

— Ой-ой-ой, какая сердитая! мягко улыбнулся онъ, подходя къ жепѣ и поднося къ губамъ ея руку. Увы! Запоздавшая ласка не возымѣла на этотъ разъ обычнаго дѣйствія: долго сдерживавшая свой гнѣвъ, Глафира Филипповна закусилла удила и понесла въ гору!

Изъ потока нескладныхъ, нелѣсныхъ рѣчей видно было, что блюдительница благочинія, Никоновна, успѣла напелести премудреныхъ кружевъ, до настоящаго узора которыхъ не было возможности и добраться!— Недавняя краска сбѣжала съ лица Анны Михайловны: рѣзкія возраженія вертѣлись на языкѣ; но мысль затѣять нѣчто въ родѣ „состязанія“ съ такой личностью, какъ Глафира Филипповна, въ пору остановила ее. Она ограничилась тѣмъ, что, выйдя изъ-за стола, поспѣшно удалась въ свою комнату.

— Ну, сударыня, повѣстила ей сбѣжавшая сверху

Настя, какая была палба,—спаси Господи! Баринъ озлился до страсти... Ужь онъ ее пробираль-пробираль! Убѣду, говорить, отъ тебя... не хочу съ тобой жить! Какъ ударились она въ слезы,—батьюшки, такъ рѣкой и льется! А тутъ хлопъ—истерики поднялись! Насилу мы ее съ бариномъ до спальни дотащили. Чѣмъ это все у нихъ прикончилось—ужь не знаю: заперлись!

— По-добру по-здорову, надо отсюда убираться, рѣшила Анна Михайловна и на другой же день разсталась на всегда съ семействомъ Красницкихъ.

Е. Щепина.

БОЖЕНА, КАРТИНА П. МАЙКСНЕРА.

Прежде чѣмъ объяснять содержаніе картины Майкснера, необходимо сказать нѣсколько словъ о жизни чеховъ въ древнемъ періодѣ ихъ исторіи.

Въ незапамятныя времена чехи отдѣлились отъ общей славянской семьи и взяли особую полосу земли, которую теперь занимаютъ. Цѣльный народъ, съ теченіемъ времени, развѣтвился на племена, изъ племенъ образовались роды. Каждый родъ, владыка, по раздѣлу, обрабатываемую имъ землю, избиралъ себѣ *владыку* или *старосту*. Этотъ послѣдній былъ какъ бы отцомъ рода и заботился о родовомъ имуществѣ. Но каждое племя въ родѣ имѣло еще надъ собою своего *воеводу* или *лега*; воевода же главнаго племени, жившаго въ срединѣ страны, былъ самымъ главнымъ воеводою или княземъ цѣлаго народа. Достоинство воеводъ или князей послѣдственно принадлежало тѣмъ фамиліямъ, которыя издавна имѣли наиболѣе значенія. Затѣмъ каждое племя раздѣлялось на округи или *хлупы*, и надъ ними ст рше князата или воеводы ставили воеводу младшихъ или жупановъ, въ качествѣ своихъ намѣстниковъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ древней Чехіи три единицы для администраціи и суда: *народъ*, *племя* и *жупа*, соответствующія этимъ единицамъ власти: *князь*, *воевода* и *жупанъ*. Воевода, какъ замѣчено выше, назывался еще *легомъ*. Лехъ, слѣдовательно, по аналогіи съ нашей древней исторіей, соответствуетъ нашему удѣльному князю, обязанному помогать своимъ дружинникамъ главному князю, во время общей опасности. Во время войны князь въ Чехіи былъ главнѣйшимъ предводителемъ народа, лехи же и жупаны предводители становили своими племенами или жупанами, и всѣ предводители жупъ должны были встать, во время общей опасности, подъ знамена главнаго князя. Къ защитѣ противъ нападеній неприятелей, въ древній періодъ Чехіи, служилъ прежде густой лѣсъ,

который и покрывалъ границы земли всюду на нѣсколько миль въ ширину. Всѣ дороги черезъ этотъ лѣсъ были загорожены засѣками и постоянно оберегались. Города внутри страны за лѣсною оградой были строимы обыкновенно на высотѣ (хотя не большой) и при водѣ. Города были по размѣру обширны, такъ что всѣ жители известной жупы могли укрыться въ городѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ и каждая жупа имѣла такой городъ, обыкновенно содержавшійся на общественный счетъ. Во время мира въ городѣ этомъ постоянно жилъ жупанъ съ своими ближайшими помощниками и съ вооруженною челядью служившею орудіемъ исполнительной власти жупана. Въ этихъ же городахъ князь и воеводы хранили свое движимое имущество и устранили въ нихъ суды и сеймы. Города были главнымъ центромъ общественной жизни чеховъ, и оттого сюда наиболѣе тянулась торговля и промышленность. Въ сто лѣсовъ, окружавшихъ первоначальные чешскіе города, возникли, мало по малу, открытыя подгородныя селенія. Здѣсь происходили торги, селился тотъ классъ чешскаго народа, который занимался ремеслами и промышленностью.

Сюжетъ картины Майкснера и взятъ изъ этой простой, только что начинавшей слажаться жизни Чехіи. Вотъ въ этотъ-то періодъ былъ-жилъ въ Чехіи король Болеславъ II, известный по столкновенію съ нашимъ великимъ княземъ Владиміромъ (981 г.). У Болеслава этого было три сына: *Болеславъ*, *Яроміръ* и *Ольдрихъ* или *Ульрихъ*, но настоящими наследниками были только двое послѣднихъ. Ольдрихъ во время своей молодости, проѣзжая съ охоты черезъ какое-то селеніе, увидѣлъ мыющую у колодца бѣлую простую сельскую дѣвушку замѣчательною красотой, и влюбился въ нее. Дѣвушка эта и есть Божена, или иначе, какъ привыкли звать ее въ исторіи, Беатриса, дочь Доморада и Самоборки. Влюбился Ольдрихъ въ Божену

Строющія птицы: Ласточка Аріель.

Рис. Меньель, грав. Гальдебрандъ.

ко двое послѣднихъ. Ольдрихъ во время своей молодости, проѣзжая съ охоты черезъ какое-то селеніе, увидѣлъ мыющую у колодца бѣлую простую сельскую дѣвушку замѣчательною красотой, и влюбился въ нее. Дѣвушка эта и есть Божена, или иначе, какъ привыкли звать ее въ исторіи, Беатриса, дочь Доморада и Самоборки. Влюбился Ольдрихъ въ Божену

Вожена. Картина Петра Майкснера, грав. Муваровский. Библиотека "Руниверс"

и, конечно, женился на ней, возвел на престолъ. Первое дитя, плодъ этого брака, оказалось героемъ, „Ахиллесомъ“ Чешской исторіи. Это былъ знаменитый для чеховъ, но почти неизвѣстный для другихъ славянъ, *Бретиславъ*. Подвиги этого „Ахилла“, разумеется, соответствовали тогдашнему времени и не были особенно человѣчными. Самъ же Ольдрихъ, отецъ Бретислава, между прочими подвигами, звѣрски ослѣпилъ своего брата Яромира, который такимъ образомъ напоминаетъ несчастнаго князя Василько изъ нашего удѣльнаго періода...

Исторія говоритъ, что Ольдрихъ былъ въ это время женатъ, хотя дѣтей у него не было, и отъ того-то, прибавляетъ подкрашивающее преданіе, онъ удержалъ у себя Божену въ качествѣ второй жены. Это оправданіе, разумеется, натянутое, и произошло отъ желанія идеализировать Ольдриха во что бы то ни стало. Ольдрихъ, по суровому сказанію исторіи, просто похитилъ дѣвушку, похитилъ грубо, насильно, прельстившись ея красотой.

До какой степени Майкснеръ достигъ въ своей картинѣ исторической правды, могутъ судить компетентные судьи. Мы скажемъ только, что въ нѣкоторыхъ деталяхъ картины замѣтно усиліе достигнуть этой исторической правды. Такъ, мощ-

ный дѣвственный густой лѣсъ занимаетъ большую часть картины и напоминаетъ зрителю тотъ историческій моментъ Чехіи, когда городовъ въ отдѣльныхъ жупахъ и даже самыхъ жулъ было въ Чехіи еще очень мало, да и самые наличные города въ уже существовавшихъ жупахъ были защищены крайне слабо, что, дѣйствительно, и должно было быть въ XI вѣкѣ. Отъ этого-то дѣвственный лѣсъ долженъ былъ представляться самою главною защитой для цѣлыхъ жулъ, городовъ и уже существовавшихъ у подножія этихъ городовъ селеній. Молодецкая фигура всадника Ольдриха представляетъ вѣстаго воеводу или *леха* этого времени. Затѣмъ со стороны техники и постановки фигуръ картина представляетъ много достоинствъ. Фигура Божены, обращающей свое пугливое и изумленное лице на приближающагося статнаго всадника безукоризненно прекрасна. Затѣмъ видно стремленіе воспроизвести характеристическій типъ тогдашней сельской дѣвушки въ Богеміи. Изящная фигура Божены рельефно выдѣляется на первомъ планѣ и чертами милого, дышащаго достоинствомъ и благородствомъ лица, составляетъ яркій контрастъ съ неуклюжей фигурой служанки, сидящей у ея ногъ.

М. Стр...

КЪ РИСУНКАМЪ.

ОДЕССА.

Одесса—портовый городъ въ херсонской губ., при Черномъ морѣ, второй по вѣншней торговлѣ городъ въ Россіи. Одесса имѣетъ въ настоящее время 139,460 жителей обоого пола.

На мѣстѣ, занимаемомъ Одессою, въ давнія времена находилось греческое селеніе Истрионъ. Въ началѣ III вѣка по Р. Х. весь сѣверный берегъ Чернаго моря былъ опустошенъ Хорватами, а въ слѣдующемъ столѣтіи на мѣстѣ Истриона возникло новое селеніе Кадука. Въ половинѣ XV вѣка вмѣстѣ съ Крымомъ и частью берега Чернаго моря это селеніе перешло въ руки турокъ, которые и переименовали его въ Хаджибей. Выгодное положеніе Хаджибея при Черномъ морѣ, представляющее безопасное пристанище для кораблей—обратило на себя вниманіе Императрицы Екатерины. Найдя мѣсто удобнымъ для основанія на немъ порта, Императрица поручила князю Потемкину овладѣть Хаджибеемъ. Храбрый вице-адмиралъ де-Рибасъ взялъ его, и вскорѣ на мѣстѣ Хаджибея сталъ возникать городъ. Первоначальное населеніе его состояло изъ Албанцевъ, Болгаръ, Малороссіянъ, призванныхъ де-Рибасомъ. Названіе Одессы было присвоено городу по указу 27 января 1795 г. въ память древняго эллинскаго селенія Ордиссоъ или Одиссоъ, находившагося недалеко отъ Хаджибея. Быстро начала разрастаться торговля новаго города, со всѣхъ сторонъ стремились къ нему суда, и такимъ образомъ было положено начало торговому значенію города Одессы.

Въ 1803 г. въ Одессу назначенъ былъ градоначальникомъ эмигрировавшій изъ Франціи Герцогъ Эммануилъ Ришиль; его 11-лѣтнее управленіе было истиннымъ благодѣяніемъ для города. Не щадя ни силъ, ни здоровья, Ришиль дѣлалъ все для улучшенія города и для блага гражданъ.

Во время его управленія возникло много полезныхъ учреждений; самый городъ отстроился въ европейскомъ вкусѣ съ красивыми дачами и садами. Чтя его память, жители Одессы сдѣлали Ришиль памятникъ и назвали одесскій лицей Ришильевскимъ.

Въ 1823 г. Одесса была объявлена вольнымъ портомъ и поступила въ управленіе при особомъ градоначальникѣ, къ новороссійскому генералъ-губернатору князю Воронцову. Въ настоящее время Одесса по своему богатству и красотѣ зданій—красивѣйшій городъ на югѣ Россіи. Берегъ Чернаго моря, на которомъ построена Одесса, возвышается на 21 сажень надъ поверхностью воды и къ юго-востоку вдается въ материкъ входящимъ полуружіемъ, образуя заливъ. Ширина этого залива, составляющаго одесскую бухту, простирается до 9 верстъ.

Въ Одессѣ, съ двумя ея предмѣстьями, считается 64 улицы и 8 площадей. Лучшія улицы—у приморскаго бульвара (Ришильевская, Дерibasовская, Итальянская и Херсонская). На бульварѣ, противъ монумента Ришиль, устроена широкая, каменная лѣстница, ведущая къ берегу моря. Церквей православныхъ въ городѣ 12, и два монастыря,—мужской и женскій; кромѣ того, 7 церквей другихъ исповѣданій.

Водою городъ снабжается изъ фонтановъ, находящихся въ 5—12 верстахъ отъ города. Городскіе жители издерживаютъ на воду отъ 12 до 60 р. въ годъ, смотря по количеству требованія ея. Лѣто въ Одессѣ большею частью знойное; иногда жаръ доходитъ до 36° въ тѣни, зима бываетъ рѣдко, но зато осенью свирѣпствуетъ лихорадка.

Одесское градоначальство, кромѣ города Одессы съ предмѣстьями, заключаетъ въ себѣ 12 деревень и 600 хуторовъ или дачъ съ садами, виноградниками и огородами. Градоначальство, такимъ образомъ, занимаетъ до 43,000 десятинъ земли. Оно изъято изъ общаго управленія Херсонской губерніи.

Въ настоящее военное время, во избѣжаніе возможнаго появ-

ленія у Одессы неприятельскихъ судовъ, заливъ ея ночью освѣщается электрическимъ свѣтомъ и заложенъ минами и торпедами. Неприятельскіе корабли пытались уже не разъ посматривать на Одессу издали, но подходить поближе не рѣшались и бомбардировку города, видимо, признали неудобною, по невозможности подойти къ городу на разстояніе выстрѣла.

Адская долина (въ Южной Баваріи).

Горная природа австрійско-баварскихъ Альповъ вообще весьма живописна, но нѣкоторыя мѣстности по своей красотѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе туристовъ, какъ, напримеръ, Хиленталь, т. е. адская долина, лежащая неподалеку отъ Партенкирхена и окруженная высокими горами, изъ которыхъ одна (Пугшица) достигаетъ высоты 9,088 футовъ постоянно покрыта снѣгомъ. Живописно нагроможденные другъ на друга скалы, прорѣзанные многочисленными пропастями и стремительными потоками и поросшія тамъ и сямъ величественнымъ хвойнымъ лѣсомъ—придаютъ всему ландшафту какую-то таинственную, чарующую прелесть. Этому мрачному суровому характеру, конечно, обязана долина и своимъ страшнымъ названіемъ. Здѣшніе горы, мимоходомъ сказать, стоящіе на довольно низкой степени образованности, въ каждомъ утесѣ, въ каждой ращелинкѣ, въ каждой пропасти, видятъ присутствіе чертовщины, и у нихъ всѣ грозная и необычайныя явленія природы приписываются дѣйствію таинственной, сверхъ-естественной силы. Здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчаются въ горахъ слѣды чертовскихъ проказъ и похолоденій. То вамъ указываютъ чертову дверь, то чертовъ погребъ, то чертовъ путь, то чертовъ камень—и такъ далѣе до безконечности. Многія мѣстности получили свое прозвище отъ ада, этой любимой резиденціи чорта и адскихъ долинъ (Höllenthale). Кромѣ той, которая изображена на нашемъ рисункѣ, еще насчитывается немало подобныхъ. Знатоки мѣстной міеологіи производятъ ихъ названіе отъ нѣкоего древняго мионческаго божества женскаго пола, именовавшагося Hel (по-готски Nella). Это божество, дававшее всему жизнь и отнимавшее ее по своему усмотрѣнію, считалось богиней жизни и смерти и прародительницей всего женскаго божественнаго персонала. По народному повѣрью, оно обитаетъ внутри земли и тотъ изъ смертныхъ, кто сходитъ въ землю, т. е. умираетъ, дѣлается его подданнымъ. Понятіе объ адѣ (Hölle) сливается съ понятіемъ о страшномъ божествѣ (Hel) и народъ добродушно вѣритъ, что можно слышать стоны несчастныхъ душъ, посланныхъ въ горы на вѣчное заточеніе, и блуждая по горамъ, онъ повсюду находитъ то адскія долины, то адскіе камни, то адскія пещеры, и каждое изъ этихъ названій напоминаетъ ему какое-нибудь необычайное происшествіе, виновницей или главнымъ дѣйствующимъ лицомъ котораго является, конечно, та-же нечистая сила.

Строющія птицы. Ласточка Ариэль.

Постройка птичьихъ гнѣздъ представляется намъ въ своемъ родѣ образнымъ произведеніемъ, требующимъ много спеціальныхъ свѣдѣній. Наблюденія убѣждаютъ насъ, что въ своихъ постройкахъ птицы положительно обнаруживаютъ проявленіе мыслительной силы.

Каждая птица для своей постройки употребляетъ матеріалъ, который наиболѣе ей доступенъ, и придаетъ своему гнѣзду такое положеніе, какое болѣе соответствуетъ ея потребностямъ и привычкамъ. Форма гнѣзда до нѣкоторой степени обуславливается свойствами страны—холодная или жаркая, ровная или скалистая; обильная звѣрями или нѣтъ. Ко всему этому примѣняются птицы. Живость самой птицы и совершенство

ея орудій—клюва и ногь—даютъ возможность устроить и лучше ложе для яицъ и птенцовъ. Рѣдко мѣняя мѣсто, слѣдовательно находясь въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, каждый отдѣльный видъ птицъ держится почти неизмѣнно одной конструкции гнѣздъ. Но съ измѣненіемъ внѣшнихъ условій, неизмѣнно измѣняется и постройка гнѣзда. Въ нашемъ журналѣ „Нива“ мы находимъ не безынтереснымъ помѣстить нѣсколько рисунковъ, изображающихъ птичьи гнѣзда, особенно замѣчательныя своимъ устройствомъ.

Рисунокъ, приложенный къ этому №, представляетъ намъ бутылкообразныя гнѣзда, устроиваемыя ласточкой Аріэль. Ласточка Аріэль (*Merundo Ariele*) водится въ Австраліи. Это очень красивая маленькая птичка, родственная, что показываетъ самое ея названіе, нашей обыкновенной ласточкѣ.

Гнѣздо свое ласточка Аріэль устроиваетъ единственно изъ глины и грязи и прикрѣпляетъ его или внутри громадныхъ дуплистыхъ деревьевъ, обыкновенныхъ въ Австраліи, или на боку скалъ, но почти всегда вблизи рѣки. Гнѣздо ласточки Аріэль подъ защитой людскихъ жилищъ—чрезвычайная рѣдкость.

Форма гнѣзда очень похожа на бутылку; величина его бываетъ различна,—длина горлышка или шейки отъ 7 до 10 дюймовъ, а діаметръ измѣняется отъ 4 до 7 дюймовъ. Наружность гнѣзда груба, повидимому птички о ней не заботятся, также какъ и о направленіи отверстия, которое дѣлаютъ въ различныя стороны, какъ придется, зато внутренняя отдѣлка отличается необыкновенной чистотой.

Мистеръ Гульдъ *) въ своемъ сочиненіи объ австралійскихъ птицахъ, рассказываетъ, что гнѣздо ласточки Аріэль есть произведеніе нѣсколькихъ птичекъ: при постройкѣ обыкновенно одна изъ птичекъ остается на мѣстѣ и, какъ архитекторъ, направляетъ ходъ работъ, прочія птички между тѣмъ летаютъ за грязью и глиной, и каждый разъ всякій приносимый кусочекъ онѣ старательно переминаютъ въ своихъ носкахъ.

Въ сухую погоду ласточки Аріэль работаютъ только по утрамъ и вечерамъ, потому что солнечный жаръ дѣлаетъ глину такой твердой, что маленькіе нѣжные носики птичекъ не въ состояніи ее обрабатывать. Свободныя отъ работъ, среди жаркаго дня птички занимаютъ ловлю мухъ. Сырая погода самая благоприятная для строительныхъ работъ ласточекъ Аріэль. И воздухъ полонъ влаги, да и мухи не показываются. Въ такую погоду постройки ведутся очень успѣшно и скоро. Ласточка Аріэль—плодовитая птичка: она кладетъ до 5 яицъ и выводитъ дѣтей 2 раза въ годъ. Л.

Движеніе военнаго транспорта въ горахъ Арменіи.

Древнее собственно армянское названіе Арменіи „Ганкъ“, еврейское же *Taraima* или *Aparat* (отъ самой высокой горы Арменіи). Въ настоящее время Арменія занимаетъ немного менѣе пространства, чѣмъ въ древности, а именно до 5,000 кв. миль.

Она занимаетъ всѣ страны, находящіяся при истокахъ рѣкъ Тигра, Евфрата, Цира и Аракса.

Арменія представляетъ плато, окруженное высокими горами. На возвышенномъ этомъ плато свѣжая температура поддерживаетъ свѣжую растительность и роскошныя пастбища. На пастбищахъ пасутся превосходныя армянскія лошади. Въ долинахъ успѣшно созреваютъ маслины и виноградъ. Но вершины громадныхъ горъ, окружающихъ плато, покрыты вѣчными свѣгами. Эти горы составляютъ цѣпь *Gordiey*, или, по древнему римскому названію, *Carduchorum montes* (горы Кардуховъ). Но въ существѣ дѣла эти горы суть отроги Кавказа и *Aparata*. Ущелья сказанныхъ горъ издревле были заселены полудикимъ народомъ *кардучами*, имѣвшими, быть можетъ, нѣкоторое сродство съ нынѣшними хищными курдами.

Главнѣйшіе естественные продукты Арменіи: разная дичь, хлѣбъ, хлопчатникъ, вино, желѣзо, мѣдь, свинецъ и соль. Скотоводство есть главнѣйшее занятіе жителей.

По физическимъ качествамъ армяне народъ весьма стройнаго тѣлосложенія, съ желтовато-смуглымъ цвѣтомъ кожи и черными волосами; они добродушны и трудолюбивы, тихи и вообще хорошей нравственности. Культурные успѣхи армянскаго народа зависятъ преимущественно отъ прилежнаго чтенія библіи. Книги Св. Писанія въ изобиліи печатаются въ огромной типографіи, существующей въ монастырѣ Эчмиадзинѣ, главномъ мѣстопребываніи патріарха-католика. Существовавшее у насъ на Руси Библейское общество также распространяло Св. Писаніе на Армянскомъ языкѣ.

Что касается языка армянскаго, то онъ чрезвычайно богатъ формами и флексіями, хотя грубъ и неблагозвученъ, и оттого изученіе его гораздо труднѣе, чѣмъ греческаго или санскритскаго. Первымъ армянскимъ писателемъ нужно считать св. Григорія Назіанзина, а высшій періодъ процвѣтанія армянской литературы должно отнести къ VI вѣку, т. е. ко времени отдѣленія армянской церкви отъ греко-восточной.

*) Известный ornitholog.

Прилагаемый нами рисунокъ изображаетъ движеніе нашего военнаго транспорта въ горахъ Арменіи. Какія грозныя скалы, какія пропасти, ожидающія своей добычи!.. Онѣ съ родни нашему Кавказу и мы уже замѣтили выше, что горы Арменіи отчасти суть естественное продолженіе горъ Кавказа, слѣдовательно и въ характерѣ ихъ очертанія нѣтъ большой разницы съ Кавказомъ.

Уличная сцена въ Русуку въ время обложенія города русскими войсками.

Обложеніе нашими войсками турецкой крѣпости Русука, составляющей, какъ извѣстно, сѣверо-западный опорный пунктъ пресловутаго четырехугольника турецкихъ крѣпостей *Шумлы—Варны—Русука—Силистрия*, составляло, по словамъ корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, „самое эффектное дѣйствіе военной драмы“. Русуку находится на правомъ берегу Дуная, нѣсколько ниже рѣки *Лома*, впадающей въ Дунай и напротивъ румынскаго селенія Джуржево, находящагося на лѣвомъ берегу Дуная. Крѣпость эта, дѣйствительно, весьма важна для Турціи. Съ потерей ея рухнула бы и стратегическій планъ турокъ, такъ какъ отъ Русуки идутъ желѣзные пути къ Варнѣ, Шумлѣ, Разграду и другимъ важнымъ пунктамъ; затѣмъ, къ сѣверу, идетъ желѣзныи путь къ Бухаресту. Слѣдовательно, съ взятіемъ Русуки была бы въ нашихъ рукахъ и желѣзнодорожная ланія Русуку-Шумла.

Отъ моста черезъ р. Янтру, по направленію къ Русуку, наши войска не встрѣтили никакихъ препятствій. Высокіе холмы на этомъ пути окаймляютъ лежащее въ котловинѣ селеніе Павлу. На этихъ-то возвышеніяхъ наши сооружили баттаренъ высокаго калибра. Павла такимъ образомъ обращена въ укрѣпленный лагерь. Цѣль укрѣпленія этого селенія есть та, чтобы въ немъ могло сосредоточиться необходимое количество войска для составленія главнаго вспомогательнаго корпуса при оперированіи осады Русуки. Генералъ Непокойчицкій лично руководитъ работами при постройкѣ укрѣпленій Павлу.

Турки, такимъ образомъ, не смотря на многочисленность русскаго гарнизона, находятся въ крайне стѣсненномъ положеніи. Что испытываетъ этотъ гарнизонъ скученный въ такомъ тѣсномъ пространствѣ—легко себѣ представить. Одинъ изъ турокъ прониклись фанатическимъ одушевленіемъ, на другихъ нападаетъ паническій страхъ передъ „Московами“. Восклицанія Аллаха, крики восторга, крики отчаянія, вопли слабыхъ, больныхъ и раненыхъ, ругательства, проклятія—все вмѣстѣ оглашало воздухъ. Нашъ рисунокъ представляетъ весьма характеристичную уличную сцену, набросанную англійскимъ корреспондентомъ, во время обложенія Русуки нашими войсками.

Городъ Матчинъ.

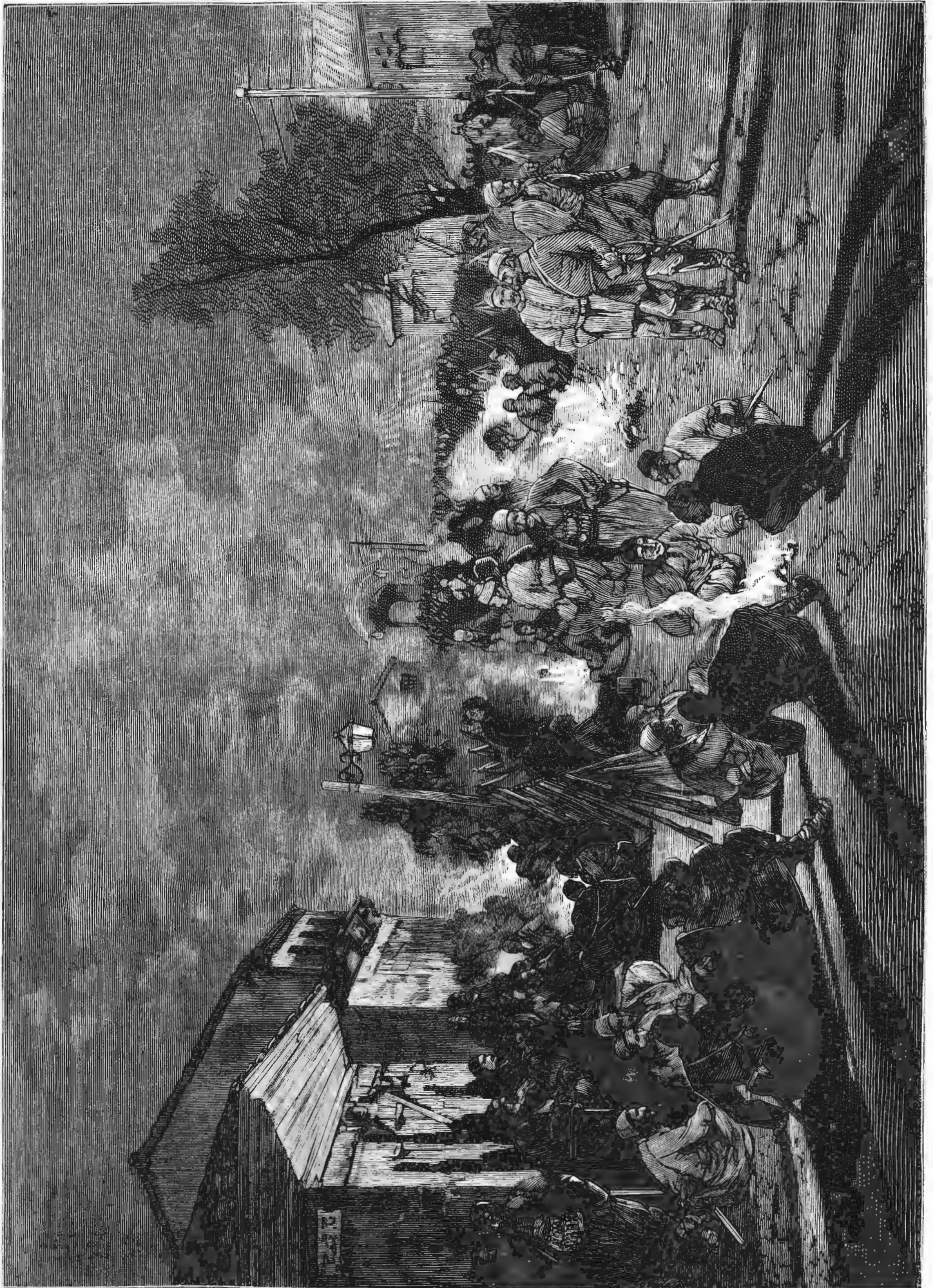
Матчинъ—это прелестный укрѣпленный городокъ, расположенный при такъ называемомъ Матчинскомъ рукавѣ Дуная, какъ извѣстно прославленномъ въ текущую войну многими нашими военными подвигами. Городокъ построенъ на склонѣ высокой конусообразной горы, поднимающейся на 800 футовъ надъ поверхностью моря. Противъ Матчина на Дунаѣ находится нѣсколько острововъ и наибольшій изъ нихъ есть *Быдой*, игравшій важную роль въ Крымскую войну. Сады изъ фруктовыхъ деревьевъ, весьма хорошо культивированныхъ, украшаютъ городъ и его ближайшія окрестности. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе мечеть съ двумя минаретами, зданіе для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и телеграфнаго управления, а также казармы. Всѣ эти зданія весьма красивы и хорошо содержатся. Населеніе Матчина состоитъ изъ турокъ, румынъ и болгаръ. Турки живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ; этотъ послѣдній при приближеніи нашихъ войскъ, конечно опустѣлъ, замѣтимъ, что Матчинъ игралъ важную роль во всѣхъ нашихъ войнахъ съ турками и во всѣхъ переходахъ черезъ Дунай *).

Легко можно представить себѣ ликование и радость болгарскаго населенія Матчина, когда въ него торжественно въѣхалъ генералъ Циммерманъ. Генерала встрѣтило съ крестами и пѣніемъ болгарское духовенство. Отслуженъ былъ въ храмѣ торжественный благодарственный молебенъ, и за сими, Циммерманъ съ своей святой занялъ зданіе, занимаемое дотога времени городскими властями.

О военномъ и особенно судоходно-военномъ значеніи Матчина, какъ городка, лежащаго такъ близко отъ Дунайской дельты, говорить, кажется, излишне, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ журналѣ уже было указано на это не разъ.

Здѣсь прилагается нами общій видъ Матчина съ эскиза г. Камена. Читатель уже видитъ наше развѣвающееся знамя, водруженное на конусообразномъ холмѣ, обрывомъ спускающемся въ Дунай.

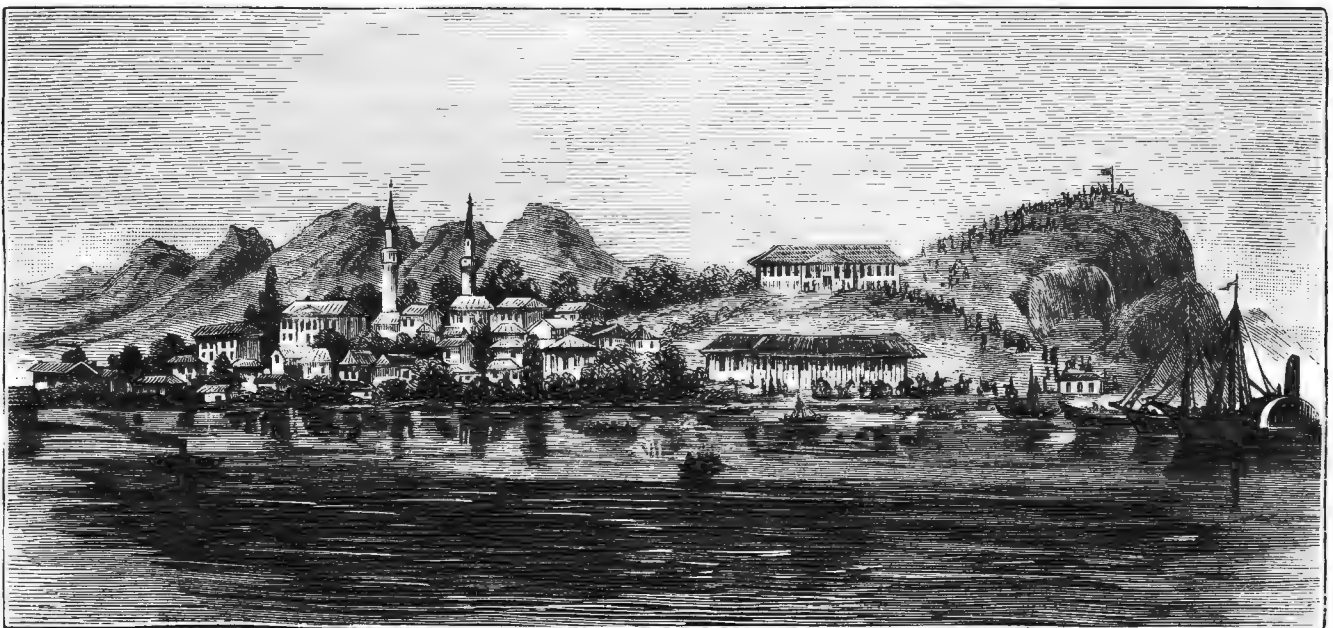
*) Во время прежнихъ войнъ въ Матчинѣ сосредоточивались значительныя турецкія силы. Напримеръ, въ началѣ Крымской войны въ Матчинѣ и его окрестностяхъ было собрано 15,000 ч. съ 38 орудіями, подъ начальствомъ Исмаила-пашы.

Уличная сцена въ Русуѣ, во время обложенія города русскими войсками. Съ наброска англійскаго корреспондента грав. Вейерманъ.

Движеніе военнаго транспорта въ горахъ Арменіи.
Съ набрска А. В. грав. К. Вейерманъ.

Городъ Матчинъ.
Съ фотографіи рѣзалъ Вейерманъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Съ обоихъ театровъ войны извѣстія стали съ нѣкотораго времени скуднѣе. О многихъ важныхъ дѣйствіяхъ, нѣтъ сомнѣній, совершающихся теперь, мы можемъ составить только приближительное заключеніе. Послѣ дѣла подъ Плевною, атака которой намъ не удалась, нужно было ожидать новой насойчивой атаки Плевны. Дѣйствительно, эта вторичная атака состоялась 18-го іюля, какъ сообщаетъ телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго. Атака, однакожъ, была отбита турками. Подробности этого дѣла еще неизвѣстны. Съ другой стороны въ Константинополѣ получена отъ 18-го (30-го) іюля о томъ же предметѣ телеграмма отъ Османъ-паши, держащагося въ Плевнѣ. Мы узнаемъ изъ этой телеграммы, что 18-го (30-го) іюля три сильныхъ отряда (русскихъ), поддерживаемые жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ, произвели нападеніе на турецкія позиціи. Вой продолжался до 10 часовъ вечера и затѣмъ русскіе отступили въ свой лагерь. Телеграмма говорила далѣе о возобновленіи сраженія на другой день. Телеграмма же того же Османъ-паши, пришедшая на другой день (т. е. 19-го (31-го) іюля), извѣстила, что «русскіе атаквали укрѣпленныя позиціи турокъ на восточной сторонѣ Плевны, но были-де отбиты съ большою потерю убитыми и ранеными, и что русскіе отступили въ свой лагерь». Нечего и говорить, что телеграмма эта хвастлива, какъ и всѣ константинопольскія телеграммы, и если сдѣлать въ ней поправку въ смыслъ безпристрастія, то, конечно, окажется, что успѣхъ турокъ совсѣмъ не такъ великъ, какимы представляють его разные туркофильы, дѣлающіе изъ мухи слона...

Городъ Плевно не имѣетъ особеннаго значенія, а слѣдовательно и претерпѣнныя нами неудачи не влекутъ за собою ничего, кромѣ потребности большаго подрѣпленія въ этомъ пунктѣ нашихъ войскъ. Въ этомъ мѣстѣ расположенъ сильный турецкій корпусъ, съ которымъ и встрѣтилась наша 5-я дивизія. Задача остается открытою: нужно выбить отсюда Османъ-паху. Для этой цѣли наши войска стягиваются въ этотъ пунктъ для будущей усиленной атаки. Это видно изъ того, что наша 31-я пѣхотная дивизія, занимавшая Никополь, замѣнена теперь румынскими войсками. Засимъ послѣднія телеграммы извѣщаютъ насъ что къ нашей арміи постоянно прибываютъ подрѣпленія. Въ виду перевозки войскъ, приостановлено на Ясской желѣзной дорогѣ пассажирское движеніе.

Съ другой стороны телеграмкою изъ Журжева сообщаютъ, что бомбардированіе Русука возобновлено съ неописанною энергіей. Болѣе новыя свѣдѣнія говорятъ, что теперь осадная артиллерія выдвинута на позиціи и непрерывно громитъ крѣпость. Но огонь артиллеріи направленъ не на городъ, а на форты.

Обращаясь далѣе, въ восточную сторону Дунайскаго театра войны, мы видимъ здѣсь попытку турокъ *прорваться въ Дунай* черезъ Килійское устье. Вслѣдствіе этого съ нашей стороны возводятся здѣсь новыя батареи. Изъ Браилова же отъ 22-го іюля (нов. стили) пишутъ, что русская армія, получивъ значительныя подрѣпленія, окончательно *перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ*. 40,000 человекъ перешли за желѣзную дорогу изъ Черноводы въ Кюстендже. Герой Добруджи, перешедшій Дунай у Галаца, генералъ Циммерманъ, сдѣлавъ недавно удачный поискъ подъ Силистріей, и затѣмъ прислалъ, на имя Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала слѣдующую телеграмму отъ Браилова отъ 16-го іюля: «Получилъ сегодня милостивую телеграмму Вашего Высочества. Не нахожу словъ, чтобы достаточно похвалить моряковъ за ихъ отличную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность. Моряки удивительно способны на всякое военное дѣло».

На азіатскомъ театрѣ войны также на прошлой недѣлѣ выдающихся дѣлъ не произошло. Дѣйствующихъ войскъ нашихъ тамъ, сравнительно говоря, немного; это и понятно въ виду относительной неважности этого театра войны и въ виду преимущественной важности для насъ военныхъ дѣйствій въ Дунайской долинѣ. Значительная часть нашихъ войскъ расположена тамъ въ Дагестанѣ, Сѣверномъ Кавказѣ и Черноморскомъ побережьѣ, чтобы предупредить возможность вспыхнуть и востаній въ мусульманскомъ населеніи, а также разбойничьи продѣлки иррегулярнаго сброда, въ родѣ черкесовъ и проч. Здѣсь находятся наши 19-я, 20-я и 21-я дивизіи, въ составъ которыхъ входятъ полки: Кабардинскій, Куринскій, Апшеронскій и др.—Недавно наши отряды заняли древнюю столицу Арменіи *Анне*.

Послѣ извѣстій о многихъ успѣхахъ турокъ возрадовались всѣ туркофильы европейской печати, и всѣ тѣ господа, которымъ славянское дѣло представляется вопросомъ стороннимъ для Россіи, неизбѣжнѣе ничего общаго съ ея національными задачами. Мы уже имѣли случай высказывать и теперь, какъ твердое убѣжденіе, что рѣшеніе судьбы восточныхъ христіанъ есть глубокая національная задача Россіи, оставить которую нерѣшенною мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ. Пусть мы потерпимъ и неудачи, святое дѣло освобожденія нашихъ братьевъ изъ-подъ варварскаго вѣковаго ига останется тѣмъ же не менѣе священнымъ для насъ и, какъ таковое, несомнѣнно восторжествуетъ. Освобождая угнетенныхъ, мы начуемъ не дѣлаемъ постороннее дѣло, а свое соб-

ственное глубоко національное дѣло. Австро-Венгрію пугаетъ призракъ «панславизма», который явится естественнымъ слѣдствіемъ освобожденія балканскихъ христіанъ, но ничего общаго дѣло освобожденія не имѣетъ съ панславизмомъ въ той формѣ и окраскѣ, въ какой его представляетъ австрійская политика. Все это мы считали нужнымъ сказать въ виду распространившихся теперь пессимистическихъ слуховъ, раздуваемыхъ нашими недоброжелателями по поводу якобы бездѣльности и убыточности для Россіи настоящей войны съ Турціей. Еще и не то выдумаетъ извѣстнаго сорта печать—вотъ эта-то печать особенно и раздуваетъ вопросъ о *русскихъ встрѣвахъ*, чтобы свести нашу великую и святую войну съ подобающаго ей пьедестала. Нѣтъ сомнѣній что будутъ и послѣ битъ въ набатъ о русскихъ встрѣвахъ, но имѣетъ ли все это сколько нибудь значенія для того, кто убѣжденъ въ святости и глубокой національности для насъ настоящей войны—которую угодно было западнымъ джентльменамъ охарактеризовать именемъ встрѣва и дикости.

Англія, однако, продолжаетъ усиливать свою флотъ на Средиземномъ морѣ и продолжаетъ увѣрять, что она не намѣрена «вмѣшиваться въ войну Россіи съ Турціей».

Со стороны степенной и величаво-спокойной Германіи выдвигается на сцену важный международный вопросъ о Дарданеллахъ. — По извѣстіямъ берлинской газеты «Montagsblatt», Германія будетъ безусловно отстаивать свободу *Дарданеллъ* *), такъ что если обстоятельства потребуютъ, то Германія не откажется прибѣгнуть и къ «принудительнымъ» средствамъ. Такимъ образомъ Германія весьма ясно ставитъ вопросъ о своемъ отношеніи къ возможной въ будущемъ Европейской войнѣ, по крайней мѣрѣ гораздо яснѣе, чѣмъ Австро-Венгрія.

Въ заключеніе сообщаемъ обнаруженный Именной Высочайшей Его Императорскаго Величества указъ, данный Правительствующему Сенату въ сел. Вѣла (въ Болгаріи) 10-го іюля 1877 года, за Собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ коемъ изображено: «Принимая во вниманіе, что часть запасныхъ нижнихъ чиновъ арміи должна служить обезпеченіемъ для пополненія рядовъ войскъ, не приведенныхъ на военное положеніе и, посему, не могутъ получить другаго назначенія, Мы признали необходимымъ, для пополненія запасныхъ и резервныхъ частей, призвать, на основаніи 39-й статьи Устава о воинской повинности, часть ратниковъ государственнаго ополченія. Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: 1) призвать нынѣ на службу сто восемьдесятъ тысячъ шестьсотъ ратниковъ перваго разряда, и 2) призвать ратниковъ произвести изъ губерній и областей Европейской Россіи и Кавказа, по правиламъ означеннаго Устава и Положенія о государственномъ ополченіи, а согласно тѣмъ указаніямъ, какія даны нами на сей предметъ Военному Министру. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать немедленное къ исполнѣнію сего надлежащее распоряженіе». При этомъ Государь Императоръ соизволилъ населеніе Бессарабской губерніи, въ виду особыхъ условий, въ которыхъ эта губернія находится, освободить отъ призыва ратниковъ, согласно Именному Указу, данному Правительствующему Сенату, въ 10-й день сего іюля, а потому призыву подлежатъ не 188,600 ратниковъ, какъ выражено въ вышеозначенномъ Высочайшемъ указѣ, но за вычетомъ 3,133 человекъ, причитающихся съ населенія Бессарабской губерніи, всего 185,467 ратниковъ.

Телеграмма Главнокомандующаго дѣйствующею арміею отъ 22-го іюля, изъ Чаушмахаля, извѣщаетъ, что подробностей о плевнинскомъ дѣлѣ 18-го іюля еще нѣтъ; войска наши остались на тѣхъ позиціяхъ, которыя занимали передъ атакою. Потери большія: изъ строя вышло болѣе 5,000; убитъ командиръ Шуйскаго полка баронъ Каульбарсъ; тяжело раненъ командиръ Козловскаго полка Степановъ; легко ранены генераль-майоръ Божерановъ и командиръ Рыльскаго полка Саранчовъ. Войска сражались геройски, но къ вечеру отступили; духъ войскъ, Мною видѣнныхъ, превосходный. Завтра пойду смотрѣть остальныхъ. Плевно и Довча заняты значительными турецкими силами и сильно укрѣплены.

Генералъ Гурко разрушилъ ямбольскую и филиппопольскую вѣтви желѣзной дороги. 18-го іюля разбилъ на-голову отрядъ арміи Сулеймана, занимающій Ени-Загру, разсѣявъ его и взявъ двѣ пушки. 19-го іюля разбилъ другой отрядъ той же арміи у Джуганли, близъ Ески-Загры, а затѣмъ, въ виду наступающихъ со всѣхъ сторонъ войскъ Сулеймана, вытѣснившихъ наше болгарское ополченіе изъ Ески-Загры, отошелъ въ Балканскіе проходы. Со стороны Шумлы пока все тихо.

*) «Дарданеллами» собственно называются 4 укрѣпленные замка, расположенные на Европейскомъ и Азіатскомъ берегу Дарданельскаго пролива, раздѣляющаго узкую мосу врывающагося въ Эгейское море полуострова отъ Малой Азіи. Назначеніе этихъ замковъ—сторожить проходаща по проливу суда. Построилъ эти замки султанъ Мухамедъ II. Пролитъ имѣетъ здѣсь ширину только 400 сажень и пролѣвъ можетъ быть запертъ цѣпями. Слѣдовательно выраженіе «запереть Дарданеллы» имѣетъ даже и буквальный смыслъ. Два изъ упомянутыхъ 4 замковъ древніе и называются: *Килибаръ* на европейскомъ берегу и *Вонансаръ*—на Азіатскомъ, новыя же замки: *Собаръ* на Европейскомъ и *Гиссаръ-Султана* на Азіатскомъ берегу. Эти два послѣдніе построены въ 1658 г. султаномъ Мухамедомъ IV и море между ними долго считалось непроходимымъ. Первымъ удаломъ пролѣтъ Дарданеллы англичанамъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Полный практический курс французского языка для самоучек и для преподавания, составленный доктором М. Ханомъ. Второе издание вновь перепечатанное и приспособленное къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ, въ трехъ частяхъ. С.-Петербургъ 1877 г. Одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярїи для употребленія въ Институтахъ и Гимназіяхъ.

Книга эта представляетъ весьма отрядное явленіе въ нашей литературѣ по части руководствъ къ изученію французскаго языка. Въ первой части авторъ прежде всего въ весьма подробно составленной статьѣ излагаетъ правила произношенія, причѣмъ пользуется весьма удачнымъ способомъ для выраженія звуковъ французскаго языка; затѣмъ слѣдуютъ первоначальныя правила французской грамматики въ порядкѣ частей рѣчи. Вторая часть обнимаетъ весьма подробно изложеніе грамматическихъ правилъ, наглядно разъясненныхъ посредствомъ множества примѣровъ и упражненій. Эта часть обработана съ такою тщательностью и полнотою, которая рѣдко встрѣчается въ подобныхъ учебникахъ и поэтому даетъ возможность учащемуся основательно ознакомиться со всеми отгѣнками французской рѣчи. Третья часть «книга для чтенія» заключаетъ въ себѣ, кромѣ ключа къ переводамъ, напечатаннымъ въ первыхъ двухъ частяхъ, полное сочиненіе Флоріана «Нума Помпилій» для самостоятельнаго чтенія съ помощью словаря, помѣщеннаго къ концѣ.

Сочиненіе это снабжено ссылками на грамматическія правила и весьма дѣльными историческими замѣчаніями. Такимъ образомъ, всѣ три части практическаго курса представляютъ весьма богатый матеріалъ для изученія французскаго языка, и не подлежитъ сомнѣнію, что книга эта удостоенная весьма лестнаго отзыва со стороны Учебнаго Комитета, найдеть доступъ во многія учебныя заведенія. Считаемо нелишнимъ привести вкратцѣ этотъ отзывъ.

«Вся работа доктора Хана отличается необыкновенною точностью и добросовѣтностью, и какъ каждый добросовѣстный трудъ, не можетъ не принести своей доли пользы. За весьма рѣдкими исключеніями, изображеніе произношенія французскихъ звуковъ и словъ русскими буквами съ условными акцентами, дѣйствительно весьма удачно. Грамматическія правила изложены ясно и основательно; особенное вниманіе обращено на употребленіе члена и различныхъ временъ глаголовъ, которое такъ трудно усваивается русскими. За практическимъ курсомъ доктора Хана можно признать всѣ качества полезнаго пособія, а для самоучекъ—отличнаго руководства».

Мы съ своей стороны можемъ еще прибавить, что предлагаемая книга принадлежитъ къ числу лучшихъ учебниковъ для изученія французскаго языка и будетъ приносить учащимся немалую пользу. Книга напечатана на хорошей бумагѣ и хорошимъ шрифтомъ, и по цѣнѣ весьма доступна. За всѣ три части, до 30 печатныхъ листовъ, 1 руб. 50 коп.

С М Ъ С Ъ.

Военный бюджетъ Римской имперіи. Въ настоящее время, когда всѣ европейскія государства такъ тщательно заняты вооруженіями и не жалуютъ издержекъ на военныя надобности, не безынтересно познакомиться съ военными издержками римлянъ.

Суммы, требовавшіяся на содержаніе римской арміи, представлялось бы легче опредѣлить, еслибы мы нашли точную сумму, требовавшуюся на содержаніе *римскаго легіона*. Простой солдатъ въ легіонѣ получалъ ежегодно 225 динаріевъ жалованья чистыми деньгами, или на наши русскія деньги приблизительно 810 рублей. Если затѣмъ оцѣнить стоимость содержанія солдатъ и ежегодныя денежныя подарки, дававшіеся имъ, въ 75 динаріевъ*), то выйдетъ, что на каждаго солдата римляне истратывали *ежегодно 300 динаріевъ или 1080 рублей* на наши деньги. Легіонъ римскій состоялъ, какъ извѣстно, изъ 6,000 человекъ, включая сюда 60 центуріоновъ, получавшихъ двойное жалованье. Такимъ образомъ денежныя годовыя издержки на легіонъ простирались до 648,000 рублей, да на удвоеніе жалованья 60 центуріонамъ приходится причесть еще 48,600 рублей (т. е. 810 р., годовое жалованье римскаго солдата, умножая снова на 60). Общая цифра получится 696,600 руб. При Августѣ Римское государство, какъ мы знаемъ, содержало 25 легіоновъ войска; слѣдовательно, по приведенному уже расчету, содержаніе этихъ 25 легіоновъ стоило Риму ежегодно 17,385,000 рублей на наши деньги.

Кромѣ того, еще преторіанскія когорты требовали весьма значительныхъ суммъ ежегодно. Нѣмецкіе авторы, переводя эти суммы на марки, опредѣляютъ ихъ приблизительно въ 6,000,000 марокъ, т. е. около 2,280,000 руб. на наши деньги, и затѣмъ еще значительная сумма шла на содержаніе въ городахъ гарнизоновъ и эту сумму нужно предположить въ 500,000 рублей.

О количествѣ жалованья, которое римляне платили вспомогательнымъ войскамъ, къ которымъ принадлежала вся ихъ конница или всадники, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ надежныхъ указаній. Если мы присоединимся къ мнѣнію историка Гиббина, который всю римскую армію опредѣляетъ въ 375 человекъ и, соотвѣтственно этому римскій военный бюджетъ рассчитываетъ въ 90,000,000 марокъ (34,200,000 руб.) и при этомъ примемъ вмѣстѣ съ нимъ, что эта цифра могла измѣняться соотвѣтственно надобности, т. е. предъ вліяніемъ культуры, уменьшенію и увеличенію народонаселенія и т. д., какъ бываетъ и въ современныхъ государствахъ,—то все таки мы увидимъ, что численность римской арміи и употреблявшимися на нее издержками весьма трудно опредѣлить число солдатъ, такъ какъ близкаго соотношенія между издержками и числомъ солдатъ не было. Теперь для насъ, напримѣръ, довольно не трудно вывести общее число арміи и стоимость ея содержанія по стоимости пайка и одежды—что у насъ составляетъ точно опредѣленную и установленную величину. Во всякомъ случаѣ, сравнительно съ боевыми силами большихъ европейскихъ государствъ, боевая сила древнихъ римлянъ представляется довольно ничтожною. Что сказали бы римляне, если бы узнали, что потомки ихъ старыхъ знакомыхъ, германцевъ, теперь въ состояніи двинуть въ поле битвы до 1,200,000 солдатъ, а Галлія, ихъ прежня провинція, можетъ двинуть армію въ-четверо большую, чѣмъ Римъ въ дѣвѣтуцій періодъ своего могущества!!

Интересный придворный приказъ, относящійся къ XVII вѣку Къ эрцгерцогскому столу въ 1624 г. были приглашены юнкера, младшіе офицеры и прапорщики. При этомъ приглашеннымъ были розданы, вѣроятно, распорядителемъ обѣда, слѣдующія печатныя правила, написанныя вычурнымъ и тяжелымъ оффиціальнымъ нѣмецкимъ языкомъ XVII вѣка*) и прекрасно характеризующія и тогдашнюю эпоху, и тогдашній этикетъ. Въ правилахъ этихъ составитель говорить отъ своего лица и обращается къ Эрцгерцогу.

«Поелику Ваше Эрцгерцогское Высочество соизволили благоволить пригласить многихъ офицеровъ къ Вашему Высочайшему столу и понеже я обрѣтался въ такой окказіи, что самымъ разнообразнымъ познаніемъ и достойнымъ увѣреніемъ извѣстился, что большая часть офицеровъ относится другъ къ другу по истиннѣ кавалерскій-вѣжливо и съ учтивствомъ и всякаго въ предстоющей окказіи уиконтентовать могутъ; въ разсужденіи же юнкеровъ великую инконтенцію имѣю и зѣло сожалѣю, что они не довольно для сей великой окказіи обтесаны. Сею ради представляю вниманію и раченію юнкеровъ слѣдующія регулы или иначе *menage regulaire*, какъ-то:

«1. Являться къ Высочайшему столу въ чистой одеждѣ и въ вычищенныхъ сюртукахъ и сапогахъ и не отвѣживаться привѣтствовать Ваше Высочество, находясь уже въ негрезвомъ видѣ.

«2. Не двигать стульями и не покачиваться, сидя на оныхъ, а также не протирать слишкомъ далеко ногъ, вытягивая оныя подъ столы.»

«3. Пить не послѣ каждаго глотка кушанья, ибо въ противоположномъ случаѣ въ крайней скорости такъ выпить можно, что и лыка не будешь вязать. Послѣ каждаго блюда позволительно осушить половину бокала, но предварительно со всякимъ тщаніемъ и раченіемъ вытирать ротъ и подбородокъ салфеткою.

«4. Не опускать руку въ предложенное блюдо и, подобно сему, не бросать въ оное назадъ обглоданныхъ костей, равно не бросать сихъ костей позадѣ стола.

«5. Языкомъ не облизывать перстовъ, не вертѣть тарелкою, и салфеткою не вытирать выступившій, отъ горячести яствъ, потъ.

«Наконецъ, 6-е и послѣднее: не часто опоражнивать бокалы, уподобляясь скотинѣ неразумной, ибо такового невоздержанія ради, можно и со стула свалиться, да равно и, изъ-за стола выйдя, не пройти прямо нѣсколькихъ шаговъ и вавилоны въ залѣ выписывать.»

Въ Нью-Йоркѣ обнаружилось весьма любопытное и замѣчательное явленіе электрическихъ домовъ, описанное профессоромъ Луисомъ въ донесеніи американскому обществу поощренія наукъ. Между прочимъ онъ пишетъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ обнаруживались на многихъ домахъ Нью-Йорка признаки электричества въ замѣчательной степени. Цѣлые мѣсяцы сряду они издавали изъ себя значительныя искры, сопровождавшіяся трескомъ. Гости, входящій въ подобный электрическій домъ и желающій подать хозяину руку, получаетъ изъ этой руки электрическій ударъ, какъ отъ электрическаго кондуктора; чтобы

*) Устарѣвшія формы языка этого документа до нѣкоторой степени можно переводить только оффиціальнымъ языкомъ временъ Елизаветы Петровны или Елизаветы II, что мы и старались сдѣлать при переводѣ.

*) Т. е. 270 рублей.

произвести искры, достаточно прикоснуться къ дверной ручкѣ или вообще къ какому нибудь металлическому предмету, имъющему свободное сообщеніе съ землею.

Хозяйка дома приблизившись къ слуховой трубѣ, чтобы передать прислугѣ свои приказанія, получила сильный ударъ въ ротъ и не могла исполнить своего намеренія, пока, наконецъ, недогадалась предварительно дотронуться до трубы пальцами и слѣдовательно разрядить ее. Въ одномъ домѣ ребенокъ, хотѣвшій отворить дверь получилъ столь сильный ударъ, что убѣжалъ отъ страха. Если при переходѣ изъ одной комнаты въ другую, человекъ случайно ступитъ на мѣдную задвижку, то въ ногѣ его отдавался сильный ударъ. Во многихъ домахъ эти необыкновенныя явленія сдѣлались столь часты, что возбудили общій страхъ, не смотря на то, что электричество въ столь образованной странѣ, какъ Америка, само по себѣ не было явленіемъ новымъ или чудеснымъ.

Снежная известь, какъ предохранительное средство противъ порчи строеваго дѣла. Инженеръ этотъ кладетъ деревянные шпалы въ яму и покрываетъ ихъ слоемъ снежной извести, которая тушится постепенно посредствомъ воды. Дѣль для различныхъ построекъ долженъ пролежать такимъ образомъ около 8 дней, по прошествіи которыхъ онъ приобретаетъ чрезвычайную твердость и прочность и не подвергается никогда гніенію. Заготовленный этимъ способомъ брусъ можно употреблять на желѣзныхъ заводахъ и другихъ фабрикахъ вмѣсто желѣза для молотовъ и другихъ инструментовъ, ибо онъ приобретаетъ такую же плотность какъ и желѣзо, не теряя свойственной этому металлу властичности. Хлористый растворъ снежной извести употребляютъ въ Страсбургѣ какъ средство для предохраненія дерева какъ отъ огня, такъ и отъ вліянія непогоды.

Очистка зданій отъ растеній. Для очистки зданій отъ покрывающихъ ихъ разныхъ родовъ мха слѣдуетъ смазывать стѣны и крыши водою, въ которой нужно распустить одинъ процентъ карболовой кислоты. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, растенія можно смыть водою.

Русскіе типы. I. Букниинъ.

Оригина. рисунокъ И. С. Панова, грав. Рышевскій. — За такую книгу 30 к 7 Да у Вольфа или у Исанова меньше нанъ за 2 р. 50 не получите.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Нѣтъ ничего лучше для человека, какъ имѣть постоянно передъ глазами положеніе своихъ дѣлъ посредствомъ правильнаго хода отчетности о нихъ (Джонъ-Локкъ).

Богатство часто бываетъ концомъ одной нищеты и началомъ другой (Сенека).

Если ты получилъ отъ человека услугу и оскорбленіе и хочешь взвѣсить ихъ, то отними половину въ случаѣ оскорбленія и прибавь его къ вѣсу услуги: тогда только ты будешь справедливъ (Сенека).

Размышляйте какъ хотите, хотя даже невѣрно, но размышляйте сами (Лессингъ).

Входя въ свѣтъ, молодая женщина видитъ въ немъ только то, что можетъ служить ей суетности, и неясное понятіе о счастіи; шумъ и блескъ всего окружающаго ее не позволяютъ душѣ ее вслушаться въ голосъ остальной природы (Вольтеръ).

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ I. В. Гурно (съ портретомъ) 3 — Фотографическія карточки изъ альбома гувернантки Счастливой барочка Е. Щепиной — Божена, картина П. Майнсера (съ рисункомъ) М. Стр. Одесса (съ рисункомъ) 3. — Адская долина (въ Южной Баваріи) (съ рисункомъ) М. Стр. Стрелюция птицы: Ласточка Ариэль (съ рисункомъ) Л — Движеніе военнаго транспорта въ горахъ Арменіи (съ рисункомъ). — Уличная сцена въ Радциу въ время обложенія города русскими войсками (съ рисункомъ). — Городъ Мачинъ (съ рисункомъ). — Политическія и военныя новости. — Видографія. — Снѣгъ. — Мысли замѣчательныхъ людей — Объявленія. — При этомъ прилагаются: **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** за АВГУСТЪ съ 29 рисунками, и отдѣльный листъ съ 27 чертежами выкройки въ натуральную величину, и 23 рисунками бунтъ для итѣи бѣлыя.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

«Московское Обозрѣніе».

ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЪ.
(ИЗДАНІЕ БЕЗЦЕНЗУРНОЕ).

Выходитъ еженедѣльно, въ формѣ сброшюрованныхъ и снабженныхъ нашивками обертками книгъ.

Для большаго удобства гг. подписчиковъ все годовое изданіе журнала «Московское Обозрѣніе» раздѣляется на ШЕСТЬ большихъ томовъ (отъ 500 до 600 стр. бол. формата въ каждомъ), снабженныхъ отдѣльными обертками, нумераціями и оглавленіями.

Желая доставлять гг. подписчикамъ самыя свѣжія извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, редація приобрѣла трехъ собственныхъ специальныхъ корреспондентовъ въ Дунайской арміи, двухъ — на Кавказѣ, одного — въ Черногоріи и одного — въ Петербургѣ, и промѣ того вошла въ соглашеніе съ рус. международными телеграфными агентствомъ.

Всѣ получаемыя изъ уваженныхъ источниковъ телеграфныя извѣстія съ 6-го апрѣля наст. года выпускаются въ свѣтъ ежедневно (а иногда и 2 раза въ день) и въ видѣ приложеній рассылаются гг. подписчикамъ при журналѣ бесплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ дост. и пер. 7 р. — к. | На годъ безъ дост. и пер. 6 р. — к.
» 1/2 года. 4 » — » | » 1/2 года. 3 » — »

Для всѣхъ, нанъ слушающихъ, такъ и неслушающихъ подписчиковъ можетъ быть допущена расрочка.

Лица, подписавшіяся на все годовое изданіе журнала, пользуются правомъ на полученіе бесплатной преміи. 3-2

СЛАВЯНСКІЙ РЕСТОРАНЪ

Большая Морская, № 13.
Завтракъ въ 2 блюда — 60 коп.
Обѣдъ по 60 коп. и 1 руб.
3 билиардные салоны.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 Іюля 1877 г.

Въ Петербургѣ и Москвѣ вышла 3-Я ЧАСТЬ соч. К. В. М.
«ТАЙНЫ СОВРЕМЕННАГО ПЕТЕРБУРГА».
«ВЪ ЦАРСТВѢ ВЕНЕРЫ»

Цѣна 2 руб. Первая часть вышла третьимъ изданіемъ. — Вторая вторымъ. Содержаніе 3-й части:

Два обожателя Венеры. — Неожиданное открытіе. — Мудрый совѣтникъ. — Загадочная смерть. — У Венеры въ гостяхъ. — Одна изъ жертвъ Венеры. — Развѣщанная Венеры. — Маска. — Молъ бѣда. — Людѣя Петровна. — Волшебница Венеры. — Еще штука Реброва. — Судная касса. — Ужасная драма. — Медицинскій монологъ. — Ночь у Венеры перваго класса. — Ночь въ дарствѣ Венеры послѣдняго класса. — Тимъ баринъ благотворительница. — Тайнственное лицо. — Живой мертвецъ. — Страшный разговоръ. — Грустная комедія. — Великое чудо. — У овра большаго. — У двухъ священниковъ на дому. — Выстрѣлъ. — Бѣдная мать. — Новый пациентъ. — Въ торьѣ. — Рокосный приказъ.

Тамъ же продается второе изданіе новаго романа того же автора **«ХОЧУ БЫТЬ РУССКОЮ».** Цѣна за 4 тома 4 р. 4-4

НАСТОЯЩАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ
для вскорѣлкихъ грудныхъ дѣтей.
ГЛАВНОЕ ДЕПО для розничной и оптовой продажи въ С.-Петербургѣ, у **АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ**, по Васильевской линіи, № 4. Единственный агентъ для всей Россіи *Александръ Венцель*

Цѣна **ЖИВОТНИИ** 1 р. безъ пересылки, въѣзъ 1 1/2 ф.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что я отбѣваю только за тѣ желѣзныя, на которыхъ находится **СИНІЙ ИТЪМЕНЦЕЛЬ** и **ПОДПИСЬ** Александра Венцеля, **ЕДИНСТВЕННАГО** агента моего для всей Россіи. № 2. **ГЕНРИХЪ НЕСТЛЕ** въ Веве (Швейцарія). 26-26

Принявъ командованіе Апшеронскимъ полкомъ въ 1859 г., онъ находился: при штурмѣ непріятельскаго редута Завдахъ-Кала, при пораженіи непріятельскій скопищъ близъ села Башъ-Юртъ, при переправѣ чрезъ Андійское Койсу, у Сагритло, при атакѣ Беглинскихъ высотъ, наконецъ, при взятіи штурмомъ Гупиба, 25-го августа 1859 г. За неустранимую храбрость въ послѣднемъ дѣлѣ, генераль-фельдмаршалъ князь Барятинскій лично возложилъ на Арзаса Артемьевича орденъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1861 году онъ получилъ орденъ св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ, за покореніе Восточнаго Кавказа. Въ слѣдующемъ году орденъ св. Владимира 3-й ст. съ мечами надъ орденомъ; въ 1865 г. произведенъ въ генераль-майоры и назначенъ командующимъ 19-й пѣхотной дивизіей; въ 1867 году пожалованъ орденомъ св. Станислава 1-й ст. Затѣмъ былъ начальникомъ Средняго отряда Терской области; далѣе — начальникомъ 38-й пѣхотной дивизіи; награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени, съ мечами надъ орденемъ и удостоенъ Монаршаго благоволенія. Въ 1867 г. получилъ чинъ генераль-лейтенанта. Въ настоящую войну генераль-лейтенантъ А. А. Тергукасовъ командуетъ Эриванскимъ отрядомъ Кавказской арміи. Изъ болѣе видныхъ за послѣднее время дѣлъ на Мало-азиатскомъ театрѣ войны (послѣ взятія Ардагана), есть именно дѣла генерала Тергукасова на высотахъ Драмъ-Дага и при Даярѣ. О нихъ мы своевременно сообщали въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы“ и въ настоящемъ номерѣ, кромѣ того, даемъ подробное описаніе битвы при Даярѣ, съ приложеніемъ рисунка самой битвы. Заслужилъ генералъ Тергукасовъ, какъ извѣстно, освободилъ Баязетъ, окруженный полчищами турецкихъ войскъ, бывшихъ въ количествѣ 20 батальоновъ и 10,000 копниці. О дѣлѣ этомъ 29-го іюня было получено изъ Александрополя отъ Главнокомандующаго Кавказской арміей слѣдующее донесеніе: „Счастливъ, что могу порадовать Ваше Величество. Генераль-лейтенантъ Тергукасовъ прислалъ телеграмму изъ бивуака подъ Баязетомъ, отъ 28-го числа 9 часовъ вечера. „Сегодня въ 8 часовъ утра, вой-

ска въѣреннаго мнѣ отряда, въ составѣ 8 батальоновъ, 24 орудій, 15 сотенъ и 4 эскадроновъ, атаковала непріятельскій тринадцатитысячный корпусъ, осаждавшій цитадель. Послѣ восьмичасовой перестрѣлки и капонады, войска взяли штурмомъ командующія городомъ высоты: непріятельскій корпусъ разбитъ на голову и разсѣянъ, и сверхъ нанесенной ему огромной потери убитыми и ранеными, взято 4 орудія, около 80 плѣнныхъ, много военныхъ и другихъ запасовъ. Цитадель освобождена, гарнизонъ ея и всѣ большіе и раненые до послѣдняго человека выведены, такъ какъ городъ, разрушенный до основанія послѣдними событіями, значенія не имѣетъ. Съ нашей стороны потеря весьма незначительна, но въ точную извѣстность еще не приведена. Всѣ роды войска мужествомъ и взаимнымъ содѣйствіемъ показали себя по прежнему достойными похвалы. Имѣю счастье поздравить съ освобожденіемъ геройскаго гарнизона, бодро выдержавшаго 23 дневную осаду при чрезвычайныхъ лишеніяхъ всякаго рода“. Въ заключеніе нашей статьи о дѣятельности генерала Тергукасова приводимъ здѣсь дословно приказъ по Кавказской арміи и Кавказско-военному округу Главнокомандующаго генераль-фельдцейхмейстера, Великаго Князя Михаила Николаевича. Въ этомъ приказѣ напечатано слѣдующее:

„Іюля 5-го дня 1877 года. Въ Игдырѣ. Именемъ Государя Императора объявляю вамъ, войска Эриванскаго отряда, Царское спасибо, за доблестную, молодецкую службу, за ваши подвиги, за новую славу, которой покрыли вы ваши знамена!

Сраженія на высотахъ Драмъ-Дага и подъ Даяромъ, геройскую оборону Баязетскаго гарнизона и спасеніе нѣсколькихъ тысячъ семействъ несчастныхъ христіанъ Турціи, искавшихъ въ вашихъ рядахъ защиты отъ неистовства дикихъ куртинскихъ племенъ,—исторія занесетъ на свои страницы и съ нами передастъ памяти и примѣру потомства имена ваши и вашего достойнаго предводителя

Ура Эриванскому отряду! Ура вождю его, генералу Тергукасову!“

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

Автора повѣсти «Княжна Острожская», помѣщенной въ «Нивѣ» 1876 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Роскошный домъ князя Александра Даниловича Меншикова, что на Васильевскомъ островѣ, представлялъ необыкновенное оживленіе. Съ утра до ночи толпа осаждала его, подѣзжали всевозможные экипажи, у всѣхъ входовъ и выходовъ помѣщались караулы гвардіи.

Дѣло въ томъ, что вотъ уже больше двухъ мѣсяцевъ, почти съ самой кончины Императрицы, въ этотъ домъ имѣетъ пребываніе новый Императоръ.

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ—когда-то бойкій уличный мальчишка, потомъ потѣшный товарищъ Петра, потомъ знаменитый его сподвижникъ, „дитя моего сердца“, по выраженію покойнаго Императора, почти полноправный хозяинъ Россіи въ царствованіе Екатерины I, теперь уже не вѣдалъ надъ собой ничьей власти и ничьего контроля. Хотя, согласно екатерининскому завѣщанію, онъ обязанъ былъ вершить всѣ дѣла съ согласія Верховнаго Совѣта, но, конечно, это только было на словахъ, а на дѣлѣ онъ управлялъ Россіей какъ ему вздумается. Да и кто могъ ему противиться? Его дочь уже была объявлена невѣстой Петра II. Ему никто не могъ воспрепятствовать перевезти Императора къ себѣ и такимъ образомъ отстранить отъ него всякое постороннее вліяніе...

Было славное лѣтнее утро. Уже поговаривали о перѣздѣ двора въ Петергофъ; но куда еще городская жизнь шла своимъ порядкомъ: учителя аккуратно приходили давать уроки маленькому Императору и теперь только что одинъ изъ нихъ вышелъ изъ его апартаментовъ.

Петръ II сидѣлъ за рабочимъ столомъ, окруженный бумагами, чертежами и всевозможными математическими инструментами; ему нужно было приготовиться къ слѣдующему уроку. Но онъ видимо скучалъ за своимъ дѣломъ; онъ посматривалъ въ окно на Неву, по которой мелькали лодки, онъ нетерпѣливо прислушивался, очевидно поджидая кого-то.

Второму русскому Императору недавно исполнилось двѣнадцать лѣтъ, но онъ казался старше своего возраста. Полный, высокій, съ необыкновенной бѣлизны лицомъ, съ прекрасными голубыми глазами, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе; напудренный, завитой мелкими буклями парикъ, по модѣ того времени, еще больше выдѣлялъ красоту этого лица. Петръ былъ похожъ на свою мать, „кронпринцессу“ Шарлотту и ничего не наслѣдовалъ отъ отца, царевича Алексѣя.

Вотъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Дверь быстро отворилась и на порогѣ показалась небольшая женская фигура. Вошедшая дѣвушка была тоже еще почти ребенкомъ; и въ ней сразу замѣчались сходство съ Императоромъ. Хотя она была совсѣмъ нехороша, съ неправильными чертами лица, но глаза ея сияли необычайной добротой и обнаруживали присутствіе мысли и даже какой-то недѣтской задумчивости; улыбка ея сразу привлекала къ себѣ всѣхъ, кто ни смотрѣлъ на нее.

Войдя въ комнату Императора, дѣвушка окинула ее быстрымъ взоромъ и увидѣвъ, что нѣтъ никого, съ ярко вспыхнувшимъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ подбѣжала къ Петру и охватила его шею своими тонкими руками.

— Наташа, — радостно выговорилъ Императоръ, — я давно ужъ жду тебя! Я думалъ, что ты ужъ не придешь, хотя Андрей Ивановичъ и сказалъ мнѣ, что ты будешь навѣрно.

— Да, меня задержали, — отвѣтила великая княжна Наталья, — но вѣдь ты знаешь, что если я что-нибудь тебѣ обѣщаю, то всегда и исполню.

— Ахъ, сестрица, — печально проговорилъ Петръ, — отчего ты не живешь со мною? меня въ послѣдніе дни просто замучили совсѣмъ эти противные уроки. Посмотри, какая славная погода: по Невѣ хочется покататься, а Александръ Данилычъ не пускаетъ... все учиться, да учиться...

— Ну вот погоди, погоди, — улыбаясь заговорила сестра, — вот переждемъ въ Петергофъ скоро, тамъ будетъ больше свободы. Андрей Иванычъ сказалъ, что все ужъ приготоовлено къ нашему переѣзду. Вѣдь ты любишь Петергофъ — помнишь какъ весело было при бабушкѣ? Ну вотъ и опять будемъ устраивать разные праздники, маскарады, самъ знаешь, какая Лиза на это мастерица.

При этомъ имени яркая краска разлилась по щекамъ маленькаго Императора.

— А что же Лиза, — зашпнаясь спросилъ онъ, — она не прѣхала съ тобою?

— Нѣтъ, но она будетъ, она общала за мной заѣхать.

Дверь опять отворилась и вошелъ плотный человекъ среднихъ лѣтъ, съ дебелымъ, нѣсколько женственнымъ лицомъ, съ мягкими и вкрадчивыми манерами.

— За дѣломъ, Государь, — сказалъ онъ кланяясь Императору, — это хорошо. Поучитесь, поучитесь — отдохнуть будетъ пріятнѣе..

— Эхъ, Андрей Иванычъ, да ужъ слишкомъ много ученья; вотъ сестрица прѣхала — съ ней бы побыть хотѣлось. Неужто-жъ нельзя отказать учителю хотъ на сегодня?

Вошедшій улыбнулся.

— Я бы и отказалъ ему пожалуй — онъ ужъ тутъ дожидается — да что скажетъ князь Александръ Данилычъ?

— Александра Данилыча нѣтъ дома, я видѣлъ самъ, какъ онъ уѣхалъ. Голубчикъ, Андрей Иванычъ, скажите учителю, что мнѣ некогда, что я дѣломъ занятъ.. Александръ Данилычъ не узнаетъ, какъ вернется — кто ему скажетъ?

— Ну хорошо, хорошо, я пойду, — отвѣчалъ Андрей Иванычъ, — только вы ужъ попросите царевну, чтобы она за меня заступилась, если князь будетъ сердитъ.

И Андрей Иванычъ Остерманъ вышелъ изъ комнаты.

— Какой добрый этотъ Андрей Иванычъ, — оживленно заговорилъ Императоръ, обращаясь къ сестрѣ. Вотъ если бы онъ всѣмъ распорядился — не такая бы наша жизнь была! Онъ бы не сталъ меня мучить и разлучать съ тобою, сестрица.

— Да, Андрей Иванычъ добрый человекъ и насъ душевно любитъ, я ему вѣрю — задумчиво проговорила царевна, — а князю не вѣрю. Я боюсь его и знаю, что онъ насъ не любитъ.

— Видѣла ты сегодня княжну, мою невѣсту? злобно сверкнувъ глазами спросилъ Петръ.

— Да, я сейчасъ встрѣтилась съ нею. Она было хотѣла идти за мною сюда, да ее позвали.

— Вотъ еще невидаль! поговорить не дадутъ какъ слѣдуетъ. Знаешь что, сестрица! сначала еще ничего было, а теперь просто мнѣ противно глядѣть на нее — на эту мою невѣсту. Посмотри, какое у нея длинное лицо, какъ есть у Александра Данилыча, все мнѣ такъ и кажется, что это онъ передо мною, когда я говорю съ ней.

Царевна ничего не отвѣчала и грустно глядѣла своими большими глазами, не мигая. Вотъ она вздохнула, но все-же ничего не сказала.

— Наташенька, что же это такое? Я вотъ сегодня почью проснулся, все думалъ: какъ-же это будетъ — какая же это невѣста, когда она мнѣ противна и я.. не глядѣлъ бы на нее никогда... Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ умерла бабушка! Она была добрая и все бы сказалъ ей! Можеть быть она и не дала бы меня въ обиду.

— Да вѣдь все это, Петруша, было при бабушкѣ рѣшено; развѣ ты не помнишь, какъ она слушалась Александра Данилыча

— Да, слушалась, слушалась, а только я знаю, что меня все же бы въ обиду не дала. Бабушка, когда надо, за себя и за насъ постоять умѣла.

Но на этотъ разъ видно не суждено было маленько-

му Императору по душѣ поговорить съ любимой сестрой. Дверь снова растворилась и въ комнату вбѣжала раскрасѣвшаяся и запыхавшаяся дѣвушка лѣтъ семнадцати.

Петръ кинулся къ ней на встрѣчу и остановился передъ нею весь красный, весь сіяющій лучезарной улыбкой. Онъ нѣсколько мгновений даже не могъ сказать ни слова и только смотрѣлъ на вошедшую. Да и дѣйствительно было на что посмотреть. Эта молодая дѣвушка была въ полномъ смыслѣ слова красавица: высокая, полная, стройная, съ роскошными темно-золотистыми волосами, живыми голубыми глазами и ослѣпляющей улыбкой на румяномъ, нѣжномъ лицѣ, она производила впечатлѣніе свѣтлаго дня, живой, радостной жизни. Казалось, что она улыбается всѣмъ существомъ своимъ и эта прелестная улыбка не могла изгладиться изъ памяти разъ взглянувшаго на нее.

— Тетушка, дорогая, спасибо что заглянула, — наконецъ проговорилъ Петръ, кладя свои нѣжныя бѣлыя руки на плечи дѣвушки и крѣпко ее цѣлуя.

— Ай, ай, племянничекъ, ты опять такъ больно цѣдуешься, того и гляди кровь изъ губъ пойдетъ. Сказала, что за уши буду драть, если станешь такъ цѣловаться..

И цесаревна Елизавета Петровна взяла хорошенькаго племянника за ухо и стиснула такъ изрядно, что онъ даже сдѣлалъ непритворную гримасу отъ боли.

— Чай все лѣвишься, — снова заговорила она, — небось гулять хочеться? Посадили молодца на веревочку, а день-то, день-то какой, Боже мой, такъ вотъ пѣть и хочеться!.. Встрѣтила я твоего звѣри-цербера — ѣдетъ себѣ и ни на кого не смотреть.

Тутъ она сейчасъ же и представила, какъ ѣдетъ звѣри-Церберь. И Петръ и царевна Наталья не могли не разразиться неудержимымъ хохотомъ.

Подъ звѣремъ-Церберомъ подразумѣвался, конечно, князь Александръ Даниловичъ и цесаревна Елизавета изъ своего прелестнаго лица сжумѣла мгновенно сдѣлать живое подобіе его сухой и горделивой фигуры.

— Что это ты тутъ подѣлываешь? подбѣжала Елизавета къ рабочему столу Императора, — цыфирь все, да глупыя фигурки... Видно умны твои учителя, да не очень, зачѣмъ тебѣ все это? Да вотъ погоди, постой — разомъ тебѣ все это запачкаю.

— Ай, ай, не трогай, Лизенька, что ты это, вѣдь мнѣ уже достанется.

Но цесаревна не слушала. Она схватила карандашъ и рядомъ съ какой-то геометрической фигурой въ мгновение ока нарисовала карриатуру.

Петръ и цесаревна Наталья изглянули и опять залились громкимъ смѣхомъ: въ карриатурѣ они узнали того-же звѣри-Цербера.

Но Петръ скоро прекратилъ свой смѣхъ и даже поблѣднѣвъ немного, принялся тщательно вычеркивать карриатуру.

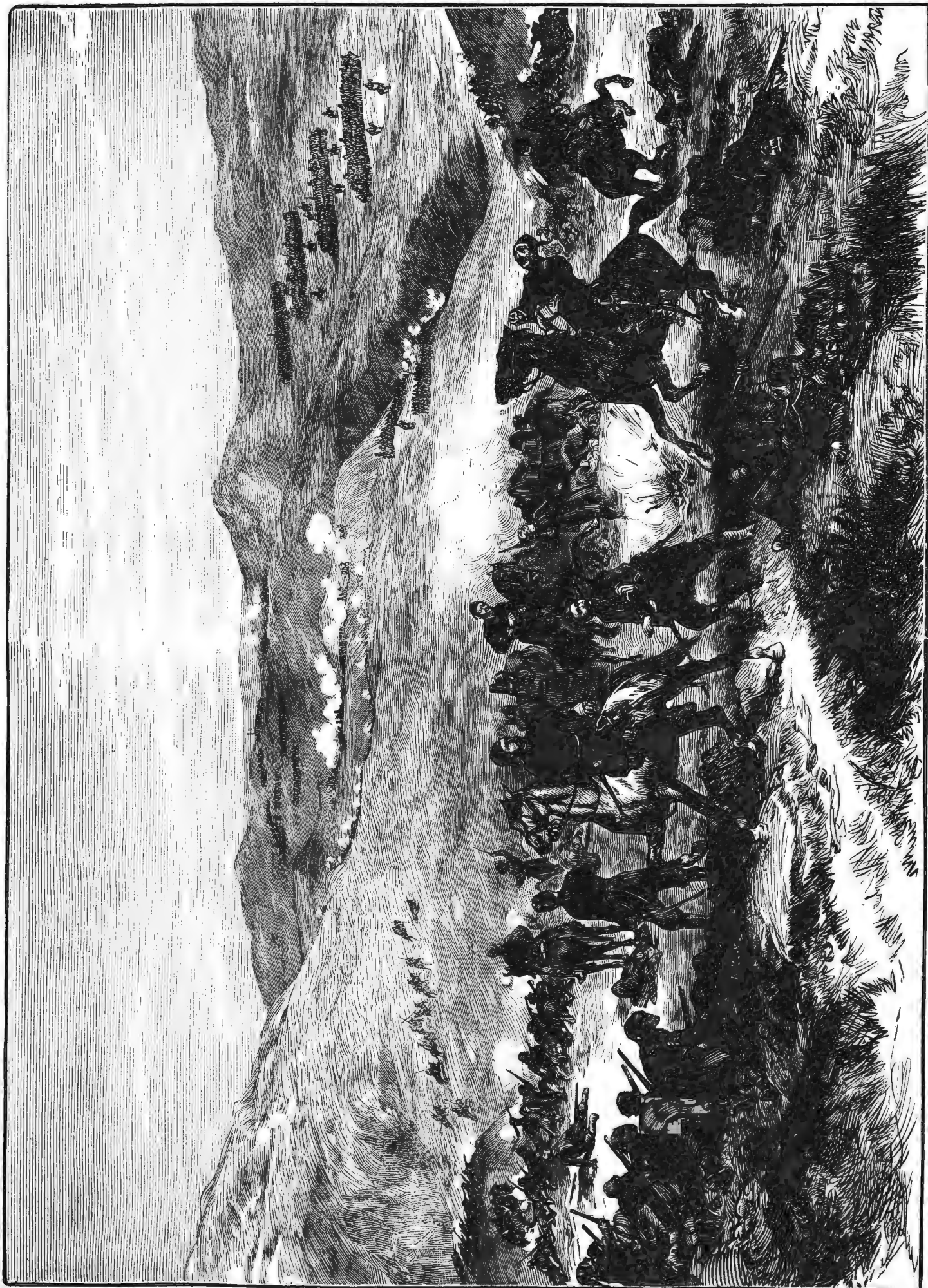
— Что еслибъ увидѣлъ, что еслибъ увидѣлъ, — озабоченно шепталь онъ, — тогда, пожалуй, прощай и Петергофъ; да и васъ ко мнѣ пускать не стали бы.

— Ну, желала бы я посмотреть, кто бы меня не пустил! сказала Елизавета съ презрительной мишкой, — а знаете что? Вотъ вамъ Христось, что я сегодня звѣрю-церберу на улицѣ языкъ высунула. Видѣлъ, или нѣтъ — я не знаю, а только высунула.

— Да, ты безстрашная, Лиза, — замѣтила царевна Наталья, — только не знаю, хорошо ли это, какъ бы за такіе твои поступки для тебя же худо не вышло.

— Да, — озабоченно проговорилъ и Петръ, — вотъ мы тутъ смѣемся и думаемъ, что никто насъ не слышитъ, а того и жди у двери чье-нибудь ухо, — я ужъ не разъ замѣчалъ, что меня подслушиваютъ.

Елизавета подкралась къ двери, быстро ее отворила, но тамъ никого не было.

Битва при Даарфъ, между Зейдегломъ и Дели-Бабой, 4 июня 1877 г. Съ раброска англійск. корресп. при турецкихъ войскахъ, грав. Діамантовскій.

Уличная сцена въ Николѣ въ время бомбардированія. Съ наброска англійскаго корреспондента, грав. К. Вейерманъ.

Ген. Кемпбелъ и кап. Норманъ, спасающіеся отъ преслѣд. казаковъ, послѣ сраженія при Даярѣ. Съ наброска А. К. грав. К. Вейерманъ.

Еще нѣсколько минутъ продолжалась оживленная бесѣда въ рабочей комнатѣ Императора. Цесаревна Елизавета перебрала и пересмотрѣла всѣ предметы, каждую книжку, каждую тетрадь и сопровождала этотъ осмотръ своими веселыми шутками, гримасками и передразниваньями. То изображала она какого-нибудь учителя, то вдругъ превращалась въ княжну Меншикову, наконецъ вдругъ заговорила голосомъ Остермана, копировала его жесты и манеры, да такъ удивительно, что самъ онъ, войдя въ комнату, и заставъ ее врасплохъ, не могъ не улыбнуться.

— Вотъ вы чѣмъ тутъ занимаетесь, ай принцесса— и вамъ не грѣхъ подымать на смѣхъ вашего вѣрнаго слугу! Только все равно я буду просить васъ прекратить эти шутки—не обиды ради, я не обидчивъ, а потому, что самъ князь Александръ Данилычъ вернулся и сюда шествовать изволить.

Елизавета мгновенно притихла, а у Петра даже лицо вытянулось.

Меншиковъ не заставилъ себя долго ждать. Медленной, важной походкой вошелъ онъ въ комнату.

Другъ Данилычъ, дитя сердца Петрова, уже значительно измѣнился и постарѣлъ въ это время. Его сухое лицо приняло выраженіе необыкновенной надменности, презрительности, ему уже не передъ кѣмъ было склоняться, заискивать и извертываться. При взглядѣ на него сразу можно было замѣтить, что это человѣкъ, научившійся повелѣвать и властвовать, невидящій передъ собой никакой преграды.

Неприятнымъ, пронзительнымъ взглядомъ оглядѣлъ онъ присутствующихъ.

— А я чаю, что ты за дѣломъ, Ваше Величество, проговорилъ онъ, положивъ свою сухую, жилистую руку на плечо Императора; по росписанію-то теперь урокъ математики. Гдѣ же учитель?

Петръ вспыхнулъ и опустилъ глаза. Рука Меншикова давила его какъ пудовая тяжесть, и онъ не находилъ словъ, чтобы отвѣчать ему.

— Чего же ты смотришь, Андрей Ивановичъ, обратился Меншиковъ къ Остерману, — нельзя потакать лѣни. Эхъ, дѣда-то нѣту, онъ бы эту лѣнь дубинкой выгналъ отсюда.

Цесаревна Елизавета уже давно вертѣлась на мѣстѣ, очевидно желая вернуть свое слово.

— Да не ворчи, не ворчи, князь, наконецъ засмѣялась она, думая взять шуткой и лаской, — тутъ виновать не Петруша, а вотъ мы съ царевной Натальей. Ну, а на насъ не поднялась бы и отцовская дубинка. Меншиковъ кисло улыбнулся.

— Съ васъ взять нечего, — сказалъ онъ, — я отъ васъ отступился, а за него и Богу отвѣтъ отдать долженъ.

— Да я и такъ сегодня ужъ много учился, — прошепталъ Петръ, — вотъ сестрица говоритъ: день сегодня такой славный — погулять бы хотѣлось...

— Погулять, все гулять, — ворчалъ Меншиковъ, — еще усидишь, Ваше Величество, въ Петергофѣ нагуляться. А въ послѣдніе-то дни не мѣшало бы хорошенько поучиться.

— Да вѣдь онъ и говорить, что съ утра занемался, тихимъ голосомъ сказала Наталья Алексѣевна, — я за работой его и застала. Будьте ласковы, князь, отпустите его покататься съ нами.

— Всею свое время, царевна, наставительнымъ топомъ замѣтилъ Меншиковъ. Не хочу огорчать васъ, но просьбу вашу не исполню. Андрей Ивановичъ, позови учителя. А васъ, царевны, мои дочери дожидаются.

Онъ указалъ имъ рукой на дверь съ такимъ жестомъ, который исключалъ всякую возможность сопротивленія.

Всѣ вышли и Меншиковъ остался съ глазу на глазъ съ Императоромъ.

— Ну, покажи, что ты тутъ дѣлалъ, обратился онъ къ нему, — готовъ урокъ?

Онъ наклонился къ столу и сталъ разглядывать исчерченный листъ бумаги.

— Это что, только-то? Да что тутъ такое—кто тутъ напачкалъ? Что зачеркнуто?

— Ничего... это такъ, ... я ошибся, прошепталъ Петръ.

— То-то ошибся, безъ моего вѣдома и разрѣшенія всѣхъ пускаютъ въ учебное время... Смотри, Государь, учись хорошенько сегодня, я всю правду отъ учителя узнаю.

И не взглянувъ на Петра, своими тяжелыми, мѣрными шагами Меншиковъ вышелъ изъ комнаты.

Крупныя слезы показались на свѣтлыхъ глазахъ маленькаго Императора.

— Что-же это такое, шепталъ онъ самъ съ собою, — что ни день, то онъ лютѣ становится. Неужели такъ таки и никогда я отъ него не избавлюсь? Правду говоритъ Лиза—сущій звѣрь—Церберъ... Ахъ Лиза, Лиза!..

И Петръ положилъ голову на руку и задумался. Слезы, едва показавшіяся на глазахъ его, уже высохли, все хорошенькое лицо его улыбалось, и онъ глубже и глубже погружался въ какія-то радостныя, одному ему вѣдомыя мысли.

Наконецъ голосъ вошедшаго учителя вывелъ его изъ раздумья.

II.

На половинѣ меншиковского дома, занимаемой княгиней и княжнами, было несравненно больше движенія, чѣмъ въ апартаментахъ Императора. Сюда обыкновенно съ утра уже стекались всѣ сановники и ихъ семейства, чтобы показаться и заявить свою преданность Царской невѣстѣ.

Домъ Меншикова былъ въ то время самымъ роскошнымъ домомъ Петровскаго „парадиза“ и на его отдѣлку князь не пожалѣлъ денегъ. Вообще Данилычъ не отличался скупостью и его огромное состояніе, возраставшее съ каждымъ годомъ и добывавшееся самыми незаконными путями, позволяло эту роскошь. Теперь-же, въ послѣднее время, когда дочь его уже была обрученною невѣстой Императора и на содержаніе ея изъ казны отпускалась зватная сумма, ему даже необходимо было сдѣлать изъ своего дома настоящій дворецъ.

Царевны, проходя изъ рабочей комнаты Императора, то и дѣло встрѣчали придворныхъ мужчанъ и дамъ, которые почтительно съ ними раскланивались.

Скоро нагналъ ихъ и Меншиковъ и провелъ въ дальнюю комнату, гдѣ находилось его семейство.

Княгиня Дарья Михайловна всѣми своими силами старалась избѣгать, въ послѣднее время, придворнаго шума. Очень часто не выходила она по цѣлымъ днямъ изъ своихъ покоевъ, звала къ себѣ дочерей и не пускала постороннихъ. Она и теперь сидѣла за какой-то работой и тихо бесѣдовала съ княжнами. Сразу можно было замѣтить, что любимицей ея была не царская невѣста, а младшая княжна Александра. Оно было и понятно. Необыкновенная разница замѣчалась между двумя сестрами. Княжна Марія, какъ уже сказалъ Петръ въ разговорѣ съ сестрою, была похожа на отца; высокая, сухая, съ рѣзкими чертами лица, съ нахмуреннымъ взглядомъ. Она рѣдко смѣялась, была постоянно сосредоточена и угрюма и не умѣла ласкаться даже къ матери. Младшая, напротивъ, была необыкновенно живая, миловидная дѣвушка; къ тому же теперь ей особенно не слѣдовало печалиться: она была уже почти просватана за принца Ангальтъ Дессаускаго, который ей чрезвычайно нравился. И вотъ она передавала матери свой послѣдній разговоръ съ нимъ и дѣтски-наивно восхищалась всѣми комплиментами, которые онъ расточалъ ей. Княгиня Дарья Михайловна съ доброй материнской улыбкой покачивала головою и радовалась на свое любимое дѣтище.

— Ну, а я не могу похвастаться комплиментами моего жениха, проговорила княжна Марія.

— Что-же, Машенька, тебѣ и пождать можно, еще будетъ время—Государь, я чаю и комплиментовъ говорить еще не умѣетъ.

— Ну, объ этомъ нужно спросить у принцессы Елизаветы, язвительнымъ тономъ замѣтила царская невѣста,—для нея у него откуда и слова берутся.

Княгиня опустила глаза и печально задумалась.

— Эхъ, не ладно! шепнули ея губы.

— Да ужъ такъ не ладно, что и сказать нельзя, вдругъ оживилась княжна Марія,—никакого добра не выйдетъ. Съ каждымъ днемъ видишь, что ждетъ насъ только погибель, а батюшка ничего не видитъ, куда и разумъ его дѣвался. Былъ у меня женихъ—человѣкъ мнѣ по сердцу,—выдать бы за него, такъ не знала бы я никакой печали, нѣтъ, царцей захотѣли сдѣлать! Ну, а коли не сдѣлаютъ? Коли въ конецъ меня погубите, ктожь виновать будетъ?

— Вотъ ты всегда такъ, сказала княгиня,—видно никогда отъ тебя радости не дожждаться. О комъ же отецъ-то хлопочетъ, о тебѣ вѣдь?

— Совсѣмъ не обо мнѣ, вспыхнувъ отвѣтила княжна,—совсѣмъ не обо мнѣ, о себѣ только! Ему нужно властвовать, а обо мнѣ онъ и не помышляетъ,—думаетъ на его вѣкъ хватить, а тамъ, безъ него, пускай я развѣдываюсь какъ знаю. Что-жь, развѣ у меня глазъ нѣтъ, развѣ я не вижу, что Императору на меня и глядѣть противно. Теперь онъ еще малъ, не знаетъ своей силы, а когда выростетъ—такъ ждать мнѣ душевной монастырской кельи, если и еще того не хуже—примѣръ не первый.

И княжна замолчала и заходила по комнатѣ въ волненіи.

Что могла ей отвѣтить мать? Бѣдная княгиня и сама все хорошо понимала; она видѣла, что ея Данилычъ завесилъ такъ высоко, что многого и сообразить теперь не можетъ. Она сама себѣ тысячу разъ повторяла то, что теперь слышала отъ дочери. По ночамъ не спала княгиня:—все думала да молилась, страшные сны преслѣдовали ее. Просыпаясь утромъ каждый разъ ей казалось, что это послѣдній день ихъ счастья; мучительныя предчувствія давили ее и нигдѣ не находила она себѣ отъ нихъ покоя. Ей было тошно смотрѣть на эти улыбающіяся лица придворныхъ, на ихъ лесть и униженныя заискиванья. Ей часто вспоминались прежаіе, лучшіе годы, привольная жизнь въ Москвѣ съ сестрой Варварой, съ сестрами Меншикова, съ будущей Императрицей Екатериной I. Какъ хорошо было тогда, какъ весело! не знали онѣ кручины, жили себѣ припѣваячи, о завтрашнемъ днѣ не думая. Наѣзжалъ къ нимъ частенько, съ неизмѣннымъ своимъ Данилычемъ, Петръ Алексѣвичъ; входилъ онъ шутиливый и радостный. Пиръ у нихъ шелъ горою, когда наѣзжали веселые гости, а уѣдутъ,—собирались онѣ всѣ и придумывали шутиливыя письма Петру Алексѣвичу. Помнила она, какъ всегда подписывалась подъ этими письмами: «Дарья глупая». Да и потомъ хорошо было: Катеринушка сдѣлалась великой Императрицей доброй и ласковой, и никогда не забывавшей старинной дружбы. Всегда былъ княгинѣ до нея свободный доступъ, всегда онѣ вмѣстѣ толковали о дѣлахъ своихъ, повѣрили другъ другу свои радости и печали. Однѣ только напасти вѣдала княгиня Дарья Михайловна: бывало, уже очень зарвется Александръ Данилычъ, натащитъ себѣ, незаконными путями, кучу денегъ и дойдетъ это дѣло до Императора; смотреть, молчить Императоръ, покрываетъ своего Данилыча, да наконецъ и не втерпѣжъ ему станеть. Вывали дни, что на волоскѣ висѣлъ Данилычъ, но и тутъ вѣчной заступницей являлась Екатерина. Поплачетъ передъ нею Дарьюшка и смотришь: на другой день всякая бѣда миновала. А вотъ теперь это житѣ веселое, эти милыя воспоминаія отошли далеко, какъ будто ихъ и совсѣмъ не было. Вся

знать, весь дворъ толнится вокругъ княгини, въ церквахъ возглашаютъ ея дочь Государыней—да не на радость все это. Придетъ бѣда—это заступится? въ могилѣ и Петръ Алексѣвичъ и добрая подруга Еватерина. Ненависть людская, страшная ненависть скрывается подъ улыбками и льстивыми рѣчами окружающихъ. Одиный толчокъ, одиный мигъ—и въ прахъ разлетится все это безумное величіе! Темно и страшно на душѣ у княгини Дарьи Михайловны, съ грустью смотритъ она на своихъ дѣвочекъ.

У дверей послышались шаги. Княгиня встрепенулась и должна была насильно заставить себя весело улыбаться и радушно встрѣтить двухъ царевенъ. Да что-же? она вѣдь ихъ искренно и любила. Одна изъ нихъ была дочерью ея сердечнаго друга, а Великая княжна Наталья всѣхъ побѣждала собою.

— Въ добромъ-ли здоровьѣ, мои япочки? обратилась къ нимъ княгиня.

— Здоровы-то, здоровы, отвѣтила Елизавета,—только ужъ очень жарко нынче—въ лѣсъ хочется. Когда-же мы въ Петергофъ переѣзжаемъ, Александръ Данилычъ?

— Тамъ все ужъ готово, сказалъ Меншиковъ,—на этой недѣлѣ переберетесь.

— То-то поскорѣе бы! Да заступишь хоть ты, Дарья Михайловна, за Императора,—совсѣмъ князь его у насъ замучилъ.

Дарья Михайловна только рукой махнула, показавъ этимъ, что не ея это дѣло.

Великая княжна Наталья усѣлась съ Александрой Александровной и дружески съ ней шепталась.

Княжна Марія даже и не старалась казаться любезной. Она сѣла въ уголь, потупила свои глаза и очевидно не хотѣла принимать никакого участія въ разговорѣ.

— Что такъ сурова, государыня, съ ясной улыбкой, нѣсколько маскировавшей насмѣшливость тона, обратилась къ ней Елизавета,—не годится такъ хмуриться невѣстѣ. Женихи хмурыхъ невѣстъ не любятъ.

При этихъ словахъ у Александра Данилыча даже ротъ скопился.

— Эхъ подальше бы эту егозу, да поскорѣй, думалъ онъ. А что-же, цесаревна, взглянулъ онъ на нее, поумала-ли ты, о чемъ я вамъ вчера докладывалъ?

— Нѣтъ, не подумала, да и думать мнѣ не о чемъ—не подходящее это дѣло.

— Что-же—развѣ мой женихъ плохъ? Чѣмъ вамъ не пара принцъ Прусскій?

— А хотя-бы тѣмъ, что онъ прусскій, а не русскій, живо перебила Елизавета. Я хорошо знаю, что иные люди желали-бы меня подальше отсюда спровадить, да я то уѣзжать не намѣрена. Я съ тоски умру на чужой сторонѣ,—вотъ сестрица Анна какъ въ письмѣ плачется...

И веселое лицо Елизаветы мгновенно отуманилось искренней печалью: теперь она уже не похожа была на всегдашнюю беззаботную дѣвушку. Даже краска сбѣжала съ ея нѣжныхъ щекъ и она тихо говорила, едва подавляя слезы:

— Не ищи мнѣ жениховъ, князь,—все равно теперь не выйду замужъ. Былъ женихъ—такъ Богъ его къ себѣ взялъ, да и не время о женихахъ думать, когда чуть не вчера еще матушка въ гробъ легла.

Тутъ цесаревна уже не могла совладать съ собою и залилась горькими слезами.

Всѣ притихли, а княгиня Дарья Михайловна подошла къ Елизаветѣ, обняла ее и сама искренно заплакала. Только одна царская невѣста сидѣла въ своемъ углу съ безжизненнымъ лицомъ, и понять нельзя было, о чемъ она думала въ эту минуту.

Но слезы и печаль Елизаветы длились не долго. Вотъ она опять улыбнулась, заговорила шути и весело и подъ конецъ стумѣла даже оживить Александра Данилыча, который на мгновеніе позабылъ и свои страхи и свое,

Полевки. Рисунок Ярмаретъ, грав. Шапонъ.

Литературный альбомъ. „Обрывъ“ Романъ И. А. Гончарова: ВЪРА.
Оригинальный рис. И. С. Панова, грав. Бренд'Амуръ.

въ послѣднее время все возраставшее, злое къ ней чувство.

— Ну, князь, какъ хотите, а теперь я васъ не слушаюсь, вдругъ обратилась къ Меншикову Великая княжна Наталья, теперь ужъ пора отдохнуть братцу.

Я думаю, онъ кончилъ свои уроки, пойду и приведу его сюда.

Меншиковъ ничего не отвѣтилъ, и Наталья выбѣжала изъ комнаты.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМЪ „ОБРЫВЪ“. РОМАНЪ И. А. ГОНЧАРОВА.

Имя Гончарова стоитъ въ ряду лучшихъ представителей нашей литературы, и журналъ „Нива“ уже имѣлъ случай говорить о литературной дѣятельности этого писателя и помѣстить на своихъ страницахъ его портретъ. (См. „Ниву“ 1876 г. № 18). Въ настоящее время, давая мѣсто прекрасному рисунку, изображающему героиню романа „Обрывъ“, считаемъ необходимымъ разсказать содержание этого романа. (Романъ „Обрывъ“ появился въ печати въ 1869 г. въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“).

Въ маленькомъ имѣніи, въ благословенной Малиновкѣ, на живописномъ берегу Волги, у благочестиво-патріархальной бабушки вырастаютъ двѣ прелестныя внучки. Одна изъ нихъ—Марфинька—совершенное дитя, довольно всѣмъ ее окружающимъ. Читаетъ романы, которые оканчиваются свадьбой, ухаживаетъ за курами, провожаетъ бабушку въ ея хозяйственныхъ занятіяхъ и мечтаетъ, когда она будетъ своимъ домохозяйкой, когда у нея будутъ свои коровы, лошади, много людей въ домѣ и дѣти.—„А я,—говоритъ о себѣ Марфинька—ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами; какъ дышется легко! Какъ весело когда съѣдутся всѣ знакомые! Нѣтъ, не хочу нигуда. Чтѣ-бы я дѣлала одна тамъ въ Петербургѣ, за-границей: я бы умерла съ тоски“. Марфинька сознается, что безъ бабушки она сама ничего бы и не выдумала и полюбитъ того, кого только бабушка укажетъ. Совершенною противоположностью этой простой, наивной деревенской дѣвушкѣ представляется сестра ея, Вѣра. Съ твердой волей, самообладаніемъ, громаднымъ умомъ и бурными страстями, эта дѣвушка, поразительной красоты, не имѣетъ ничего общаго съ окружающей средою. Чуждая ея понятій, ея старыхъ формъ, царствія безраздѣльно въ своемъ внутреннемъ мірѣ, Вѣра встрѣчается съ нѣкимъ Маркомъ Волоховымъ, „апостоломъ новыхъ идей“, внимаемъ новымъ и соблазнительнымъ словамъ его ученія и увлекается имъ.

Въ имѣніи къ бабушкѣ и красавицамъ, своимъ троюроднымъ сестрамъ, въ это время пріѣзжаетъ наследственный владѣлецъ имѣнія Малиновки, Райскій. Райскій—художникъ, писатель и въ то-же время несносный резонеръ, заказывающій себѣ страсти баринъ. „Неудачникъ“—какъ отозвался о немъ Маркъ Волоховъ. Райскій, постоянно влюбляющійся, плѣняется Вѣрой и преслѣдуетъ ее всюду, хотя та съ своей стороны смотритъ на него только съ снисхожденіемъ. Въ одно изъ своихъ ночныхъ свиданій съ Волоховымъ, въ бесѣдѣ на краю оврага, Вѣра падаетъ въ его объятія. Но этотъ проступокъ, этотъ мигъ, моментально освобождаетъ Вѣру отъ любви ея и охватываетъ ее ужасомъ содѣяннаго. Изъ дѣвушки необычайно сильной воли, властвовавшей надъ всѣми, Вѣра превращается въ плачущую, кающуюся грѣшницу и общающуюся исправиться. Бабушка отъ ея признанія приходитъ въ совершенное отчаяніе. Она не проклинаетъ Вѣры,—напротивъ: самый фактъ паденія представляется бабушкѣ въ религиозномъ освѣщеніи, она видитъ въ немъ наказаніе свыше за прегрѣшенія отцовъ и впадаетъ въ какой-то сомнамбулизмъ. Практически-умная, сурово-важная и вмѣстѣ нѣжная и любящая бабушка стала неузнаваема, мирное царство ея рушилось; съ растрепанными волосами, съ наброшенной на плечи турецкою пальмою, какъ бронзовый монументъ, встала она съ пьедестала, двинулась, крупно шагая, и понеслась по полю, лѣсу, спускалась къ обрыву, приходила въ бесѣдку съ своей ношей бѣды. Такъ описываетъ г. Гончаровъ горе бабушки, ея терзаніе и раскаяніе за собственный давнишній, но не забытый грѣхъ. Райскій страдаетъ за обихъ женщинъ; онъ выдается отъ Вѣры къ бабушкѣ, отъ бабушки къ Вѣрѣ. Здоровый и крѣпкій организмъ Вѣры не выдерживаетъ нравственныхъ мученій—она слегла. Въ одно изъ посѣщеній больной бабушка дѣлаетъ признаніе Вѣрѣ, что на ея совѣсти лежитъ подобный же грѣхъ. Онѣ просятъ другъ у друга прощенія и между ними установилась съ этого момента исповѣди, тѣсная и безмолвная связь. Прежде глубоко прятая отъ всѣхъ свои тайны, чуждая общества, Вѣра почувствовала себя теперь жадной и протянула какъ младенецъ свои руки къ людямъ, она начала искать ихъ помощи и на всѣ записки, присылаемыя Волоховымъ, на его предложеніе вѣнчаться, она отвѣчала черезъ своего сосѣда и друга дома Тушина, что не обратится болѣе на зовъ Марка и просила только оставить ее. Вѣра приходитъ къ убѣжденію, что ей надобно быть въ свою очередь бабушкой, отдать свою жизнь другимъ и путемъ долга, нескончаемыхъ жертвъ и труда начать новую жизнь, непохожую на ту, которая ее стщила на дно обрыва. Она начала ухаживать за домашними хлопотами и заботливо работала надъ приданными сестры Марфиньки, выходящей замужъ за такого же

простого, добраго человѣка, какъ и она сама—Викентьева. Затѣмъ Вѣра и бабушка уѣзжаютъ гостить къ Викентьеву и общаются провести нѣкоторое время у Тушина, въ которомъ молва, и весьма вѣроятная, уже предполагаетъ видѣть послѣдствія жениха Вѣры, тогда, когда, по замѣчанію бабушки, она оцѣнитъ и пойметъ его. Райскій, забравъ свои кисти, краски и перья уѣзжаетъ въ Римъ. Маркъ Волоховъ поступаетъ въ юнкера и отправляется на Кавказъ. Для характеристики героини романа г. Гончарова, Вѣры, которую художникъ И. Пановъ изобразилъ на приложенномъ въ этомъ № „Нивы“ рисункѣ, возьмемъ нѣсколько строкъ изъ сцены послѣдняго свиданія ея съ Маркомъ Волоховымъ.

Оно произошло въ день рожденія Марфиньки, когда новый домъ въ имѣніи Райскаго сіялъ огнями. Вѣра съ семи часовъ вечера сидѣла въ бездѣйствіи, сначала въ сумеркахъ, потомъ при слабомъ огнѣ одной свѣчи, облокотясь на столъ и положивъ на руку голову, другой рукой она задумчиво перебирала листы лежавшей передъ ней книги, въ которую не смотрѣла. Спустя полчаса, она медленно встала и начала закрывать окно, и только затворила одну половину, какъ среди тишины раздался подъ горою выстрѣлъ. Она вздрогнула, быстро опустила на стулъ и опустила голову. Потомъ встала, глядя вокругъ себя, мѣняясь въ лицѣ, шагнула къ столу, гдѣ стояла свѣча и опять остановилась. Наконецъ она отворила шкафъ, опять затворила, сбѣла; увидѣла висѣвшую на стѣнѣ стула пуховую косынку, набросила ее, снова отворила шкафъ и стала стаскивать съ вѣшалокъ то одно, то другое пальто. Бросилась къ свѣчѣ, задула ее и скользнувъ изъ двери, не заперевъ ея, неслышными шагами спустилась съ лѣстницы. По окраинѣ двора Вѣра вошла въ аллею сада; изъ сада, перейдя канаву вошла въ рощу и начала спускаться къ обрыву. Передъ ней въ это время какъ изъ земли выросъ Райскій. Куда, Вѣра? спросилъ онъ ее. Она молчала. Райскій взялъ ее за руку и началъ звать ее назадъ. „Туда... въ послѣдній разъ: свиданіе необходимо—проститесь—шептала она со стыдомъ и мольбой. Пустите меня, братъ“. Райскій не хотѣлъ выпустить ея руку; между ними завязалась борьба. „Вы не сладите со мной“, говорила Вѣра, сжимая губы и съ неестественной силой вырывая руку. Онъ схватилъ ее за талию и усадилъ на скамью. „Мнѣ нужно видѣться и я увижусь,—рѣшительно сказала Вѣра,—часомъ или днемъ позже—все равно. Всю дворню, весь городъ зовите, хоть роту солдатъ: ничѣмъ не удержите“. Но сильные руки Райскаго ее не выпускали. „Братъ,—заговорила Вѣра чрезъ минуту, нѣжно кладя ему руку на плечо,—если когда нибудь вы горѣли какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія—когда счастье просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ. Припомните, братъ, такую минуту... Она умоляла его и грозила ему; потомъ бросилась къ обрыву, но упала, торопясь уйти, чтобы Райскій опять не задержалъ ее. Выстрѣлъ раздался уже въ третій разъ. Вѣра протянула руки къ обрыву и глядѣла умоляющими глазами на Райскаго. Вѣднныи, дрожащими руками, поднявъ ее Райскій, снесъ съ крутизны и поставилъ на отлогомъ мѣстѣ на дорожкѣ. Вѣра быстро повернулась къ нему, обдала его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, благодарности—вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку и крѣпко прижала къ губамъ. „Братъ! вы великодушны. Вѣра не забудетъ этого! сказала она и, взвизгнувъ отъ радости, какъ освобожденная изъ клѣтки птица, бросилась въ кусты. Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ ждалъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и фуражка. Самъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ доскамъ. Когда онъ ступалъ на одинъ конецъ доски, другой привскакивалъ и падалъ со стукомъ. „О чортова музыка!“ съ досадою на этотъ стукъ сказалъ онъ и сѣлъ на одну изъ скамей близъ стола, положилъ локти на столъ и впустилъ обѣ руки въ густые волосы. Маркъ ждалъ и былъ взволнованъ. Сдѣлавъ послѣдній третій выстрѣлъ, онъ прислушался минутъ семь, взялъ свое ружье и уже хотѣлъ уйти, какъ вдругъ столкнулся съ Вѣрой. „Еще недавно, Вѣра, вы были такъ аккуратны: мнѣ не приходилось тратить пороха на три выстрѣла, сказалъ онъ.

— Упрекъ—вмѣсто радости! отвѣчала она, вырывая у него свою руку.

— Это я такъ только, чтобы начать разговоръ: а самъ одурѣлъ совсѣмъ отъ радости, какъ Райскій.

— Не похоже! Если бы было такъ, мы не видѣлись бы украдкой въ обрывѣ.. Боже мой!.. Она перевела духъ.

— А сидѣли бы рядомъ тамъ, у бабушки за чайнымъ столомъ и ждали бы когда насъ обвиняютъ!“

Между Маркомъ и Вѣрой поднимается споръ о постоянной и непостоянной любви, о признаніи и отрицаніи церковнаго брака. Маркъ зоветъ Вѣру ѣхать съ нимъ, просить ее отдаться ему, не связывая себя никакими клятвами и обещаніями, и когда Вѣра спрашиваетъ его, чтожь будетъ потомъ, если она уйдетъ съ нимъ, если его вдругъ „потянетъ“ въ другую сторону, и онъ уйдетъ, оставивъ ее, какъ вещь...—Отчего какъ вещь? говоритъ Маркъ, можно разстаться друзьями“. — „Прощайте, Маркъ! блѣднѣя сказала ему на это Вѣра. Я рѣшила. Вы никогда не дадите мнѣ того счастья, какого я хочу. Для счастья не нужно уѣзжать: оно здѣсь... Дѣло кончено.

— Да—скорѣе же вонъ отсюда. Прощайте Вѣра... говорилъ и Маркъ не своимъ голосомъ.

И оба встали съ мѣста, оба блѣдные, старались не глядѣть другъ на друга. Въ темнотѣ Вѣра искала ступеньки ногой. Маркъ шагнулъ изъ бесѣдки прямо на землю, подаль ей руку и помогъ сойти. Оба пошли молча по дорожкѣ, все замедляя шагъ, какъ будто чего-то другъ отъ друга дожидая. Обоимъ мучила одна и та-же мысленная работа: изобрѣсть предлогъ замедленія. Они долго шли до того мѣста, гдѣ ему надобно было перескочить черезъ низенькій плетень на дорогу, а ей взбираться между кустовъ, по тропинкѣ на гору, въ садъ.

„Еще прыжокъ: плетень и канава скрыли бы ихъ другъ отъ

друга навсегда. За оградой разсудокъ и воля заговорятъ сильнѣе и одержатъ окончательную побѣду. Онъ обернулся. Вѣра стоитъ у подѣма на крутизну, какъ будто не можетъ взойти на нее... Наконецъ она сдѣлала, съ очевиднымъ утомленіемъ, два-три шага и остановилась. Потомъ... тихо обернулась назадъ и вздрогнула. Маркъ сидѣлъ еще на плетнѣ и глядѣлъ на нее... „Маркъ, прощай“ вскрикнула она и сама испугалась собственного голоса: такъ было въ немъ много тоски и отчаянія. Маркъ быстро перекинулъ ноги назадъ, спрыгнулъ и въ нѣсколько прыжковъ очутился подлѣ нея. „Побѣда! побѣда! вопило въ немъ. Она возвращается, уступаетъ!“

— Вѣра! произнесъ и онъ такимъ голосомъ, какъ будто про- стоналъ.

— Ты воротился... навсегда?... Ты понялъ наконецъ... о, какое счастье!.. Боже, прости!..

Она не договорила.

Она была у него въ объятіяхъ. Поцѣлуй его зажалъ ее вошь. Онъ поднялъ ее на грудь себѣ и опять, какъ звѣрь, помчался въ бесѣдку, унося добычу...

Боже, прости ее, что она обернулась!..

Тотчасъ же за этимъ свиданіемъ послѣдовало раскаяніе со стороны Вѣры, какъ читатель уже знаетъ изъ вышеннеложеннаго.

Л.

КЪ РИСУНКАМЪ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ САДЪ И ЦВѢТНИКЪ ГОСУДА- РИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Въ получасовомъ разстояніи отъ Петербурга существуетъ удивительная прелестная мѣстность, гдѣ каждый изъ столичныхъ жителей можетъ съ наслажденіемъ провести нѣсколько пріятныхъ часовъ—вдыхая чистый, живительный воздухъ, любуясь живописными видами и предаваясь на каждомъ шагу новымъ историческимъ воспоминаніямъ. Эта прелестная мѣстность—царскосельскій садъ съ его дворцами и множествомъ различнаго рода затѣливыхъ украшеній и декоративныхъ построекъ. Чтобы прослѣдить весь рядъ усилій науки и искусства для преобразования этой бѣдной, болотистой, покрытой лѣсомъ мѣстности въ богатую и роскошную лѣтнюю резиденцію нашихъ Государей, нужно было бы посвятить этому предмету чуть-ли не цѣлую книгу, а посему, стѣсненные узкими рамками нашего журнала, мы ограничимся лишь самыми крупными и замѣтными фактами изъ исторіи развитія и совершенствованія Царскаго Села. Извѣстно, что во времена Петра Великаго здѣсь находилась убогая и самая скромная по размѣрамъ шведская мыза Саарн, которую онъ и подарилъ въ 1708 г. своей любимой супругѣ Екатерины Алексѣевны. До самаго 1718 года, то есть до того времени, когда уже начали воздвигать каменные палаты, Екатерина занимала эту мызу, живя въ шести комнатахъ и пользуясь скромнымъ садикомъ и теплицей. 6-го августа 1724 года происходило торжественное освященіе каменныхъ палатъ, въ которыхъ толпились въ тотъ день множество высшей знати, приглашенной сюда на великолѣпный праздникъ, до которыхъ Петръ былъ таковой охотникъ. По смерти Петра Саарская мыза на время опустѣла, и по воцареніи Елизаветы Петровны снова стала любимымъ мѣстопробываніемъ двора. Императрица предавалась здѣсь на свободѣ охотѣ и другимъ различнымъ потѣхамъ. Здѣсь она выстроила въ 1744 году роскошный дворецъ, по плану знаменитаго тогда архитектора Растрелли, постройка котораго въ продолженіи 9 лѣтъ обошлась до 800,000 рублей. Дѣйствительно, дворецъ былъ сооруженъ съ замѣтельными великолѣпіемъ и вкусомъ; особенно богато было внутреннее убранство комнатъ, обитыхъ штофомъ и украшенныхъ позолотой и прекрасною живописью, надъ которою трудились извѣстные въ то время придворные художники: Караваччи, Валериано, Градицио и другіе. Явились цѣлыя зала, убранные въ японскомъ и китайскомъ вкусѣ; одна комната вся украшена различными раковинами на подобіе грота и другая обложена цѣннымъ янтаремъ. Елизавета же выстроила красивое зданіе—Эрмитажъ, внутри котораго находится залъ съ механическими столами, дающими возможность при бывающихъ здѣсь обѣдахъ совершенно обходиться безъ прислуги, такъ какъ всѣ блюда и все нужное къ столу поднимается снизу. Но какъ бы не было замѣчательно все сооруженное здѣсь Елизаветой Петровной, все таки царскіе сады, которымъ положилъ начало еще Петръ Великій, насадивъ здѣсь нѣсколько аллей, всецѣло обязаны своей роскошной обстановкой Императрицѣ Екатеринѣ II, старавшейся сдѣлать изъ своей лѣтней резиденціи нѣчто подобное пользовавшемуся тогда всемірною извѣстностью саду Версаля и слѣдовавшей въ этомъ случаѣ совѣтамъ такихъ знатоковъ придворной роскоши и утонченнаго вкуса того времени, каковы были графъ Сегюръ и маркизъ де-Ланъ. Подъ личнымъ руководствомъ Императрицы знаменитый Бушъ превратилъ правильные сады въ англійскіе, а инженеръ Бауеръ, проводя въ нихъ воду изъ Тенцы, далъ послѣ возможность устроить великолѣпные пруды и каскады. Императрица какъ будто хотѣла въ этихъ садахъ, посредствомъ

obeliskовъ и памятниковъ, увековѣчить для потомковъ разные знаменитыя событія своего славнаго царствованія и поэты, прогуливаясь въ царскихъ садахъ и обращаясь мыслію къ великой монархинѣ, могъ сказать съ полною справедливостію:

„И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды,
Еще исполнены великою женою
Ея любимые сады.

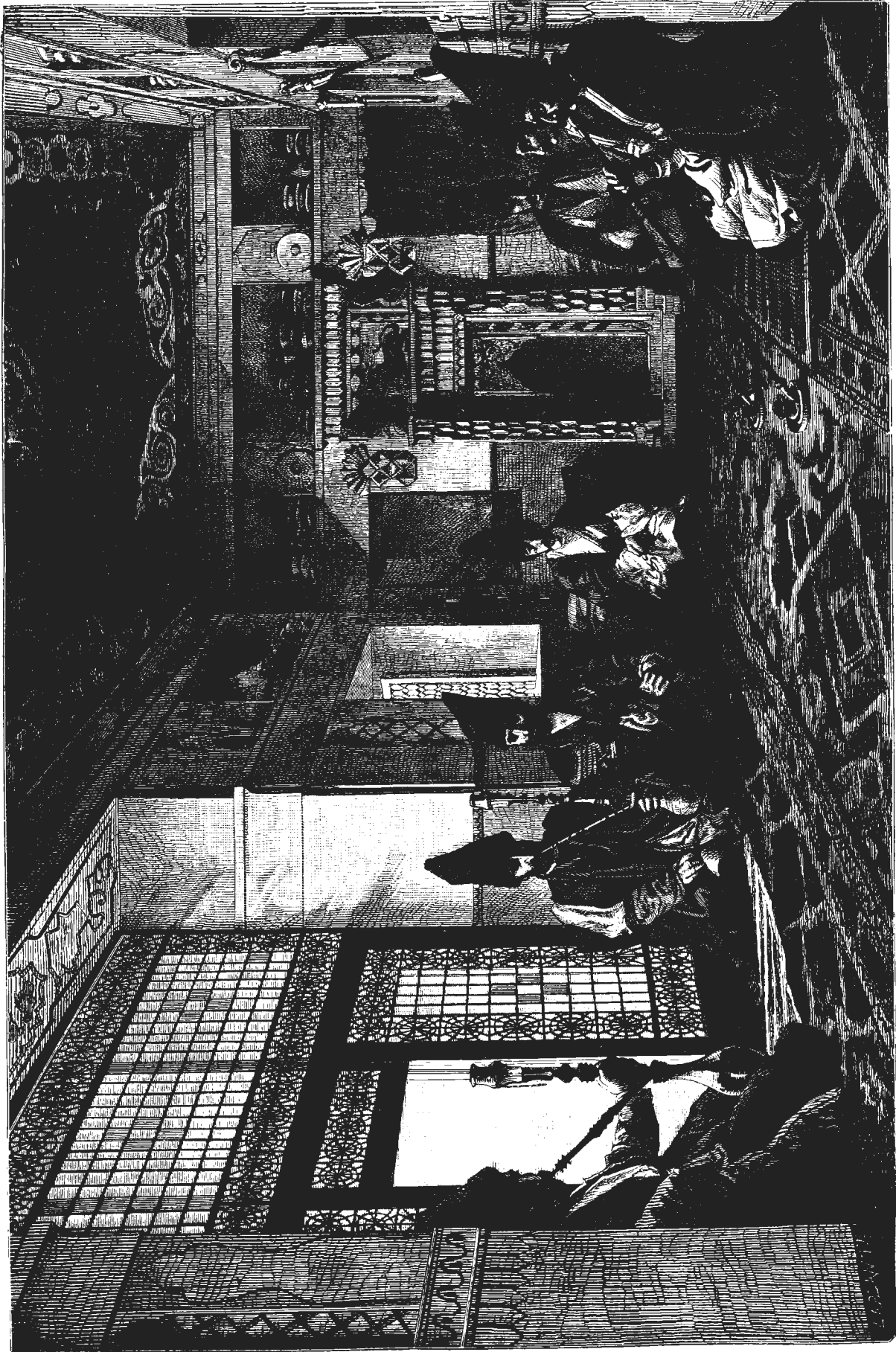
Дѣйствительно эти сады еще живо напоминаютъ собою вѣкъ Екатерины, ея знаменитыя побѣды надъ непокорной Портой; вся блестящая хроника ея борьбы съ этимъ исконнымъ врагомъ Россіи здѣсь во-очію представлена въ многочисленныхъ обелискахъ и памятникахъ. Такъ, близъ Греческаго храма возвышается обелискъ *Кавульскій*, сооруженный въ 1771 году въ память побѣды одержанной Румянцевымъ надъ турками въ Молдавіи 21 июля 1770 года. Далѣе вы встрѣчаете руины древняго, рыцарскаго замка съ высокой башней и нависшими сводами, изъ которыхъ на одномъ видна надпись: „Положенъ въ день объявленія войны съ Турціей“. Тутъ же неподалеку, среди волнъ озера, возвышается *колонна Чесменская*, стоящая на гранитномъ подножіи, а на вершинѣ ея орелъ широко распростеръ свои могучія крылья. Тамъ и сямъ, всюду встрѣчаются различныя колонны въ память знаменитыхъ морскихъ побѣдъ того времени. Кромѣ того Екатерина какъ будто желала собрать въ своемъ любимомъ саду образчики архитектуры всѣхъ странъ свѣта и сдѣлать изъ него маленький мірокъ. Здѣсь, налюбовавшись памятниками классической древности, напр., храмомъ Аполлона съ круглымъ портикомъ и величественнымъ куполомъ, вдругъ вступаете въ область неподвижнаго Китая и передъ вашими глазами возстаетъ рядъ причудливыхъ домиковъ съ красиво загнутыми крышами и жолобами, представляющими драконовъ, крокодиловъ и змѣй. На берегу же одной изъ рѣчекъ высится громадная пагода. Въ одномъ изъ домиковъ китайской деревни жилъ въ одно время Карамзинъ, когда писалъ свою исторію Россійскаго государственства.

Неподалеку отъ храма Аполлона стоитъ турецкій кіоскъ, весь окруженный водою и убранный внутри съ чисто восточною роскошью. Этотъ кіоскъ былъ построенъ въ память отъѣзда Рѣпина посломъ въ Константинополь.

Но создавая разные декоративные домики и обелиски, Екатерина II соорудила въ любимыхъ своихъ садахъ и капитальныя постройки. Такъ, она прибавила ко дворцу боковые корпусы и построила великолѣпную ионическую колоннаду, которая называется колоннадою Камерена, по имени ея строителя. Отпраздновавъ торжественно помолвку своего внука Александра, Императрица, не теряя времени, принялась готовить помѣщеніе для будущихъ молодыхъ и поручила Ворренги составить планъ новому Александровскому дворцу, оконченному въ 1794 году, замѣчательному по легкости, простотѣ и вибѣстѣ съ тѣмъ изяществу своей архитектуры. Этотъ дворецъ былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ Императора Николая, и здѣсь на его глазахъ, 29-го іюня 1849 года, скончалась въ цвѣтѣ молодости обожаемая имъ дочь Великая Княгиня Александра Николаевна. Въ память ея во дворцѣ устроена часовня, а въ саду на томъ мѣстѣ, гдѣ она обыкновенно кормила лебедей, поставленъ памятникъ съ ея изображеніемъ. На нашемъ рисункѣ представленъ роскошный цвѣтникъ Государыни Императрицы, находящійся при Александровскомъ дворцѣ; публика не допускается въ этотъ прелестный уголокъ сада, гдѣ среди множества пахучихъ цвѣтовъ и при журчаніи водомета, цар-

Цвѣтникъ Государыни Императрицы при Царскосельскомъ дворцѣ. Съ фотогр. А. Шулца рис. А. Ваньора, грав. Куренко.

Залъ въ богатомъ домѣ въ Шушѣ. (Въ Южномъ Кавказѣ). Рис. Лаллангъ, грав. Шапонъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 33 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдастъ 15 Августа 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаеъ
въ уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.

„ сь доставкою . . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., сь доставкою 2 р. 50 к., сь пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Сь пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала
„Нива“ помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Бой „Весты“ съ турецкимъ броненоснымъ корветомъ.

Пароходъ „Веста“, лишь недавно преобразованный изъ обыкновеннаго коммерческаго парохода въ военное судно и купленный нашимъ правительствомъ у Русскаго общества пароходства и торговли, 10-го іюля отправился изъ Одессы въ крейсерство къ Румелийскому берегу. Предполагалось было направиться къ Кюстенджи, въ надеждѣ встрѣтить хотя одинъ изъ пароходо-фрегатъ, которые заняты въ настоящее время перевозкой турецкихъ отрядовъ и египетскихъ войскъ. Въ случаѣ неудачи рѣшено было направиться далѣе вдоль береговъ. Команда для парохода образовалась частью изъ балтійскихъ моряковъ, частью изъ черноморцевъ; всего 117 человекъ. Иначе, какъ къ добровольцевъ, на „Весту“ въ этотъ разъ никого не назначали. Охотниковъ явилось много и изъ нихъ былъ сдѣланъ выборъ. Командиромъ „Весты“ былъ назначенъ Николай Михайловичъ Барановъ, бывший въ то время капитанъ-лейтенантомъ. Старшимъ офицеромъ—лейтенантъ Владиміръ Платоновичъ Перелешинъ, минеромъ—лейтенантъ Михаилъ Платоновичъ Перелешинъ. (О

Капитанъ 2-го ранга Николай Михайловичъ Барановъ, командиръ парохода „Веста“.

Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

всѣхъ другихъ сказано будетъ ниже) 11-го числа, когда „Веста“ находилась въ открытомъ морѣ, въ 35 миляхъ на сѣверъ отъ Кюстенджи, съ „Весты“ замѣтили на юго-западѣ полосу густаго чернаго дыма. Тотчасъ же взяли направление на него и чрезъ нѣсколько времени увидѣли корпусъ судна, хотя настолько неясно, что все наблюдавшіе расходились въ своихъ заключеніяхъ; одни утверждали, что это турецкій пароходо-фрегатъ, другіе—что это двухмачтовый турецкій броненосецъ. Точно также не могли опредѣлить и направленія судна: однимъ казалось, что оно удаляется, другимъ что на всѣхъ парахъ идетъ на встрѣчу. Еще нѣсколько времени—и всѣмъ на „Вестѣ“ стало ясно, что имъ предстоитъ имѣть дѣло съ турецкимъ броненосцемъ. Съ капитанской вышки раздался грозный слова: „Къ орудіямъ! Готовься!“ Вслѣдъ затѣмъ былъ сдѣланъ первый залпъ. Снаряды пролетѣли мимо за трудностью опредѣлить разстояніе. Раздалась новая команда: „Право на бортъ!“—и „Вестѣ“ удалось повернуть свою корму неприятелю ранѣе, чѣмъ раздался выстрѣлъ съ броненосца.

Первый неприятельский залп был встречен на „Весты“ криками „ура“, затѣмъ завязался отчаянный артиллерійскій бой; противники такъ сблизились, что между ними образовалось разстояние не болѣе 500 саженой (5 кабельтово). Бой длился ровно пять съ половиною часовъ. Изъ сотни снарядовъ, пущенныхъ въ „Весту“, всего три разрывныя бомбы, начиненныя шарниелевой картечью, сдѣлали ей серьезный вредъ; другіе снаряды, благодаря ея искусному маневрированію, не попадали въ цѣль и безвредно падали въ глубину моря. Опредѣливъ курсъ къ ближайшему порту, Севастополю, „Весты“ все время пришлось прятать бока свои и подставлять врагу то носъ, то корму; кромѣ того необходимо было держать паръ высоко и все усиливать ходъ, ибо броненосецъ съ превосходнымъ ходомъ и снабженный страшнымъ и не для „Весты“ тараномъ, легко могъ ее достигнуть и разсѣчь пополамъ.

Неприятелю удалось перебить у „Весты“ штуртросъ, и въ минуты до исправленія, разстояние между „Вестою“ и броненосцемъ становилось все меньше и меньше. Бывали минуты, когда броненосецъ почти наговяля „Весту“, между ними оставалось пространство менѣе чѣмъ на ружейный выстрѣлъ. Тогда командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Барановъ, все время не сходявшій съ своего возвышеннаго мостика, вызывалъ къ борту стрѣлковъ, и они давали ружейный залпъ по неприятелю. Иногда самъ г. Барановъ, извѣстный отличный стрѣлокъ, выхватывалъ изъ рукъ матроса ружье и стрѣлялъ съ своей вышки. (Капитанъ-лейтенантъ Барановъ имѣетъ призы за стрѣльбу отъ Лондонскаго и Бельгійскаго обществъ). Отъ разорвавшейся бомбы въ корпусѣ „Весты“ образовались двѣ пробоины, а 10 дюймовая бомба, упавшая на палубу и пробившая ее, произвела пожаръ, который грозилъ страшнымъ взрывомъ, такъ какъ загорѣлось подлѣ крѣпко-камеры, гдѣ хранятся порохъ.

Разъ потушенный, пожаръ возобновился, когда разорвало новую болѣу, но и во второй разъ, какъ и въ первый, онъ былъ потушенъ своевременно, благодаря ловкости и энергіи команды, съ которой она дѣйствовала. А раненые и убитые, между тѣмъ, все прибывали; ихъ носили въ каютъ-кампанію, гдѣ устроили лазаретъ. Молодой докторъ Франковскій едва успѣвалъ сносить раненыхъ и перевязывать имъ раны. Лейтенантъ Перелешинъ три часа оставался безъ перевязки, ожидая своей очереди.

Бой между тѣмъ все продолжался и становился все упорнѣе, все отчаяннѣе.

Когда упалъ артиллеріи полковникъ Черновъ, онъ весь былъ залитъ кровью, осколкомъ бомбы ему отъ лѣваго паха своротило всю брюшную полость: „сердце было видать“, разсказывалъ одинъ матросъ.

Не смотря на такую ужасную и безусловно смертельную рану, Черновъ въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній еще жидъ. Онъ даже поднялся на ноги, обнявъ близъ стоявшаго матроса, затѣмъ снова упалъ, успѣвъ сказать: „Прощайте!.. На кормѣ не забудьте... Заряжено... дѣйствуйте!“ Съ этими словами онъ и умеръ.

То же самое повторилось и съ молодымъ поручикомъ Яковлевымъ. Этотъ несчастный былъ буквально засыпанъ и разсѣченъ по всѣмъ направленіямъ картечью. На его тѣлѣ было насчитано двадцать девять ранъ. Не смотря на это, и онъ успѣлъ сказать свое послѣднее слово: „Братцы, въ карманѣ у меня разрывныя трубы,—пригодятся!“ Вновь попавшая бомба разорвалась съ такими же убійственными послѣдствіями, какъ и первая. Она также повредила одно орудіе и свосила не мало жертвъ. Опять полетѣли въ разныя стороны брызги мозга и крови, опять наповаль уложило нѣсколько человѣкъ матросовъ. Изъ офицеровъ погибъ на этотъ разъ упомянутый выше лейтенантъ Перелешинъ. Въ ту минуту, когда разорвало бомбу, онъ находился со своею командой у миноноснаго катера, который снаряжалъ, такъ какъ его было приказано приготовить на всякій случай. Осколокъ бомбы, между прочимъ, попалъ Перелешину въ руку и раздробилъ кость въ пяти мѣстахъ. Не смотря на страшныя, нечеловѣческія муки, онъ остался въ полномъ сознаніи и, лежа въ каютѣ своего брата, старшаго офицера, все время продолжалъ справляться о ходѣ сраженія и снаряженіи катера, которымъ завѣдывалъ.

Страшная рана Перелешина, разбитая мортира, два убитыхъ офицера, четыре раненыхъ, пожаръ въ жилой палубѣ, не могли устроить лихой экипажъ „Весты“; офицеры, начиная со старшаго и кончая молодымъ мальчикомъ, юнкеромъ Яковлевымъ, братомъ убитаго, явили себя героями; на мѣсто убитыхъ артиллерійскихъ офицеровъ всталъ лейтенантъ Кротковъ, и хотя въ тотъ моментъ, какъ наводилъ орудіе, граната, лопнувшая сзади, пробила его платье, по крайней мѣрѣ, въ сорока мѣстахъ и опалила всѣ волосы на головѣ, онъ, ошеленный и съ 17 ранами въ тѣлѣ, продолжалъ наводить мортиру. Одна изъ гранатъ черерѣзала на „Весты“ паровыпускную трубу и обдала осколками весь мостикъ, убивъ наповаль двухъ стрѣлковъ, и дѣйствовавшихъ изъ малокалиберныхъ скорострѣльныхъ ружей по амбразурамъ неприятельскихъ орудій. Въ это же время самъ Барановъ былъ легко контуженъ въ голову и лѣвую руку; ординарецъ его юнкеръ Яковлевъ, тоже контуженъ въ голову; вся машина осыпана осколками, но, благодаря Бога, блинди-

ровка койками съ боковъ цилиндровъ, а матрацами сверху машиннаго люка, спасла машину отъ порчи.

Подъ конецъ наступило мгновеніе, когда минуты „Весты“, казалось, были сочтены. Въ томъ положеніи, въ которомъ находились обѣ сражающіяся стороны, неприятель имѣлъ то страшное преимущество, что при близкомъ разстояніи онъ могъ успѣшно дѣйствовать своими разрушительными, хорошо защищенными прицѣльными орудіями, между тѣмъ какъ „Веста“ исключительно могла серьезно разсчитывать только на мортиры, навѣсные выстрѣлы которыхъ успѣшно дѣйствуютъ лишь на дальнемъ разстояніи.

Надо было добиться прежде всего и во чтобы то ни стало большой скорости хода. Но всѣ средства были пущены въ ходъ: офицеры то и дѣло, по приказанію капитана, сбѣгали въ низъ, чтобы подбодрять измученныхъ выбившихся изъ силъ коцегаровъ. Въ печь бросали пеньку, лили масло и всевозможныя горючія вещества, но паръ и безъ того былъ поднятъ до крайняго предѣла своей высоты. Тогда среди команды съ быстротою молніи пронеслось извѣстіе о предложенномъ капитаномъ рѣшеніи, принятомъ всѣми единогласно. Было рѣшено испытать послѣднее средство: вся команда должна была броситься на катера и съ миносцемъ впереди, разомъ абординовать броненосецъ, имѣвшій вчетверо, если не впятеро больше команды „Весты“; но что за дѣло, когда рѣчь идетъ о „послѣднемъ средствѣ“! На случай же, еслибъ и это не удалось, было рѣшено: оставшимся на пароходѣ свѣпиться въ плотную съ броненосцемъ, и, поднося одною рукой къ крѣпко-камерѣ зажженный фитиль, другою крѣпче и мужественнѣе обнять врага, чтобы вмѣстѣ разомъ взлетѣть на воздухъ. Славное рѣшеніе, достойное такихъ героев-храбрецовъ! Когда оно было объявлено по командѣ, всѣ сняли шапки, перекрестились и крикнули „ура“! Между тѣмъ, кормовыя мортиры еще были заряжены. Изъ нихъ было рѣшено дать послѣдній залпъ. Направляя орудія лейтенантъ Рождественскій, который, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Кротковымъ, послѣ смерти обоихъ артиллерійскихъ офицеровъ, оставался распорядителемъ у кормовыхъ орудій. Взлетѣлъ снарядъ — настоящее чудо!—онъ попадаетъ прямо въ башенную, т. е. въ самую существовавшую часть броненосца. Тамъ, у неприятеля, вслѣдъ за этимъ поднялось страшное смятеніе, настоящей содомъ. На выстрѣлы онъ болѣе не отвѣчаетъ, паръ повалилъ изъ люковъ,—бомба разорвалась удачно, навѣрное въ самой машинѣ.

Можно живо представить себѣ восторгъ, который охватилъ тогда команду „Весты“. Загремѣло снова „ура“! и наши выстрѣлы зачастили съ новою энергіей. (Здѣсь вѣстаги будетъ напоминать что такое-же рѣшеніе принято было капитанъ-лейтенантомъ Казарскимъ и всею командой брига Меркурій, сражавшагося въ 1828 году съ тремя турецкими фрегатами. Въ кампаніи 1789 года, капитанъ шлюпа, баронъ Остенъ-Сакенъ, окруженный превосходными силами неприятеля, свѣпился съ ближайшимъ турецкимъ кораблемъ и вмѣстѣ съ нимъ взлетѣлъ на воздухъ). Первымъ движеніемъ на „Весты“ было пуститься вслѣдъ за врагомъ, окончателно его обезоружить или взять въ плѣнъ, но „Веста“ уже сильно пострадала и къ тому же на горизонтѣ показалось нѣсколько силуэтовъ турецкихъ судовъ.

Видя два орудія у себя подбитыми, имѣя въ корпусѣ двѣ пробоины, двухъ офицеровъ убитыми и четырехъ ранеными, и палубу заваленную осколками и разорванными человѣческимъ мясомъ, и что главное—видя, что машинисты и коцегары едва держатся на ногахъ, послѣ 5-ти часоваго боя, „Веста“ не рѣшилась энергично преслѣдовать убѣжавшаго быстрходнаго врага. Тѣмъ болѣе, что онъ подалъ какой-то сигналъ и на горизонтѣ стали показываться еще рангоуты судовъ. Въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ начальникъ „Весты“ Н. М. Барановъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Доносить о подвигахъ особенно отличившихся гг. офицеровъ я по совѣсти не могу; какъ честный человѣкъ, могу сказать одно, что, кромѣ меня, исполнявшаго лишь свой долгъ, остальные заслуживаютъ удивленія геройству ихъ и тому достоинству, съ которымъ они показывали примѣръ мужества и необычной храбрости. Старшій офицеръ, лейтенантъ Владиміръ Перелешинъ, былъ мною посланъ тушить пожаръ въ жилой палубѣ; пробѣгая туда, онъ наткнулся на носилки съ страдальцемъ его брата; Владиміръ Перелешинъ, не смотря на то, что дѣлалось у него на душѣ, не останавливаясь, пробѣжалъ къ мѣсту пожара и съ помощью мичмана Петрова и гардемарина Казанова погасилъ пожаръ надъ пороховыми и бомбовыми погребами. Только сегодня, при осмотрѣ въ Севастополѣ докторами раненыхъ, оказалось, что лейтенантъ Перелешинъ контуженъ въ голову. Убиты подполковникъ Черновъ, порпорщикъ Яковлевъ и девять человѣкъ нижнихъ чиновъ. Умеръ, на другой день послѣ ампутаціи, лейтенантъ Перелешинъ.

Долгъ мой заставляетъ меня упомянуть о самоотверженіи князя Голицына-Головкина: замѣтъ, что мостикъ въ особенности осыпается снарядами и что нѣкоторые изъ неприятельскихъ снарядовъ покрыли уже кровью весь мостикъ, дебриндированный мною отъ коека, въ виду припрыжки ими машины, Голицынъ, подъ всякими предлогами, старался заслонить меня, желая лишь служить щитомъ.

Штурманскій офицеръ штабсъ-капитанъ Корольковъ стоялъ

все время у штурвала задомъ въ неприятелю, не отрывая глазъ отъ картушки компаса и отъ души сердца на лопанье гранатъ, заставлявшее картушку прыгать, а во время одного изъ неприятельскихъ залповъ, не обращая вниманія на то, что сзади его дѣлалось, онъ приказалъ сигнальщику убрать исковерканный ружейный стволъ, брошенный къ самому компасу, въ видахъ того, что желѣзо ствола можетъ вредить девіаціи компаса, и не замѣчая, что ружье это принадлежало одному изъ несчастныхъ стрѣлковъ, разорванныхъ бомбой на мостикѣ.

Увидя бѣгство броненосца, я велѣлъ подобрать трупы, и предполагая, что прибыль воды отъ пробоя не позволитъ рассчитывать на сохраненіе порядочнаго хода, а слѣдовательно могъ ожидать повторенія атаки отъ новыхъ турецкихъ броненосцевъ, я приготовилъ судно, на сколько могъ, къ новому бою; затѣмъ, приказалъ командѣ пропѣть громко молитву въ благодарность Богу за побѣду, послѣ чего дружно прокричали троекратно „ура!“ въ догонку уходившему врагу, не отвѣчавшему болѣе на наши выстрѣлы.

Изъ нижнихъ чиновъ мнѣ также очень трудно указать наиболѣе отличившихся—отличны были всѣ. Но сколько я могъ замѣтить, Солдѣ другихъ выдавались боцманъ Власовъ и два комендора, оставшіеся живыми при кормовыхъ орудіяхъ; рулевые, не обращая вниманія на происходившее вокругъ нихъ, правили рулемъ какъ-бы въ обыкновенномъ плаваніи.

Подобно многимъ другимъ компанейскимъ пароходамъ, „Веста“ винтовой пароходъ, стѣнки его менѣе дюйма толщины, и въ сравненіи съ турецкимъ броненосцемъ „Веста“ кажется, по замѣчанію очевидцевъ, чуть не картоннымъ судномъ. Говорятъ,

что постройки большихъ деревянныхъ коммерческихъ судовъ на Черномъ морѣ воспротивились морскія европейскія государства. На „Вестѣ“ находилось 12 орудій. По своему калибру, слѣдовательно, и по своей силѣ,—орудія на „Вестѣ“ не могли выдерживать никакого сравненія съ вооруженіемъ турецкаго броненосца, и ея бой съ сильнѣйшимъ противникомъ представляетъ примѣръ того, до чего можетъ достигнуть нравственное превосходство команды, въ связи съ искусными распоряженіями и настойчивостью; ея геройскій бой прибавилъ еще новую страницу въ славной исторіи русскаго флота.

Въ—заключеніе сообщаемъ слѣдующій приказъ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, отъ 14-го іюля: „Сегодня я имѣю счастье получить телеграмму отъ Государя Императора слѣдующаго содержанія: „Командиру парохода „Веста“, капитанъ-лейтенанту Баранову, назначаю Георгія 4-й степени; представь о прочихъ отличившихся и объяви всѣмъ офицерамъ и командѣ Мое сердечное спасибо: они вновь доказали, что старый духъ нашего славнаго черноморскаго флота живъ и въ новомъ поколѣніи“.

За симъ извѣстно, что капитанъ-лейтенантъ Николай Михайловичъ Барановъ получилъ кромѣ того слѣдующій по службѣ чинъ; а въ дополненіе къ наградамъ, Высочайше пожалованнымъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ назначить (какъ объявлено въ приказѣ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ) всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ пожизненную пенсію, о размѣрѣ которой морскому миштерству повелѣно войти съ особеннымъ представленіемъ.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Въ дверяхъ Петра она дѣйствительно столкнулась съ уходившимъ учителемъ.

— Кончилъ, ну и слава Богу, обратилась она къ брату—а я тебѣ, Петруша, пришла одну вещь сказать. Намедни Лиза помѣшала—а сказать нужно.

— Что такое? живо спросилъ Петръ.

— А вотъ что, братецъ — ты хотѣлъ мнѣ подарокъ сдѣлать...

— Да, наконецъ! улыбнулся Петръ,—а ужъ я думалъ, Наташенька, что ты и не поблагодаришь меня за мой подарокъ; я всегда о тебѣ думаю. Что-же, хорошо я придумалъ? Каковы червонцы? И всѣ то блестятъ, всѣ новыя. И цѣлыхъ ихъ девять тысячъ! Это мнѣ поднесъ ихъ цехъ нашихъ каменщиковъ. Я сейчасъ же о тебѣ вспомнилъ и послалъ съ ними къ тебѣ Долгорукаго. Что-же—хороши червонцы?

— Вѣрно хороши, да я то ихъ не видала, братецъ...

— Какъ не видала? что это значить?

— А то, что Долгорукій пришелъ ко мнѣ, а ихъ не принесъ.

Петръ поднялся и свѣтлые глаза его загорѣлись гнѣвомъ.

— Это что? Это что такое... и Долгорукій смѣеть...

— Перестань, перестань, не вини Долгорукаго, не онъ тому причина, а вотъ что я хочу тебѣ сказать: Какъ шелъ ко мнѣ князь Иванъ, встрѣтилъ его Александръ Данилычъ и спрашиваетъ: „Что это ты несешь?“ Тотъ рассказалъ ему: „такъ и такъ“, а Александръ Данилычъ и отобралъ у него весь мѣшокъ. Велѣлъ ему сейчасъ же при себѣ отнести деньги въ свой кабинетъ и говорить: Императоръ еще очень молодъ, не умѣетъ распоряжаться деньгами какъ слѣдуетъ; пригодятся на нужное дѣло. Вотъ князь Иванъ пришелъ ко мнѣ, да и рассказалъ все это.

Петръ заходилъ по комнатѣ большими шагами.

— Что-же это наконецъ такое?! раздражительно говорилъ онъ то краснѣя, то блѣднѣя,—что же—ужъ онъ мнѣ совсѣмъ руки связываетъ! Я ужъ не могу своимъ добромъ распоряжаться, не могу сестрѣ подарокъ сдѣлать! На что-же это наконецъ похоже? Какой я Императоръ,—вотъ онъ послѣ васъ со мною такъ говорилъ...

такъ говорилъ, что, будь моя воля, я бы его далеко куда нибудь упряталъ.

— А развѣ у тебя нѣтъ своей воли? тихо проговорила царевна. Ну когда была жива бабушка — другое было дѣло, а теперь вѣдь ты въ самомъ дѣлѣ, Петя, Императоръ—подумай объ этомъ! Не могу я видѣть, сердце сжимается, какъ Меншиковъ мудритъ тобою и повторяю, я что не вѣрю его любви къ намъ. Конечно, ты еще не взрослый и долженъ учиться, — и много учиться; и умныхъ людей слушаться, да будто, кромѣ Александра Данилыча, у насъ умныхъ людей нѣтъ. Былъ онъ, можетъ, умный, да изъ ума теперь выживать сталъ. Не ты теперь Императоръ—а онъ. Ты говоришь—нѣтъ у тебя воли, а скажи себѣ: есть у меня воля—вотъ она и будетъ! Только въ дурное что не клади ее. А Меншиковъ всѣмъ намъ обидчикъ.

Петръ остановился и жадно вслушивался въ слова сестры. Съ нимъ очевидно совершался какой то переворотъ. До сегодня, не смотря на все, что случилось въ послѣдніе мѣсяцы, онъ все еще, невольно, считалъ себя ребенкомъ, подначальнымъ и дѣтски боялся Меншикова. Тяготясь его властью надъ собою, онъ все же никакъ не могъ себѣ представить, что есть какой нибудь способъ, по собственному желанію, выбиться изъ подъ этой власти. И вдругъ сестрица говоритъ, что только стоитъ сказать себѣ, что *есть воля*—и она будетъ. И сестрица права! Она умна, она все знаетъ и все понимаетъ; сестрица очень умна! Вонъ еще недавно баронъ Андрей Иванычъ говорилъ, что такой умной принцессы на всемъ свѣтѣ сыскать невозможно.

Не будь исторіи съ девятью тысячами червонцевъ, быть можетъ еще долго не пришли бы такія мысли дѣтямъ Алексѣя; но разъ уже пришли онѣ, такъ теперь не уйдутъ навѣрно.

— Пойдемъ, пойдемъ! вдругъ заговорилъ Петръ схватывая сестру за руку,—пойдемъ, я покажу Меншикову, что я не ребенокъ, я покажу ему! Пойдемъ, пойдемъ.

И онъ повлекъ царевну Наталью за руку въ аппартаменты князя.

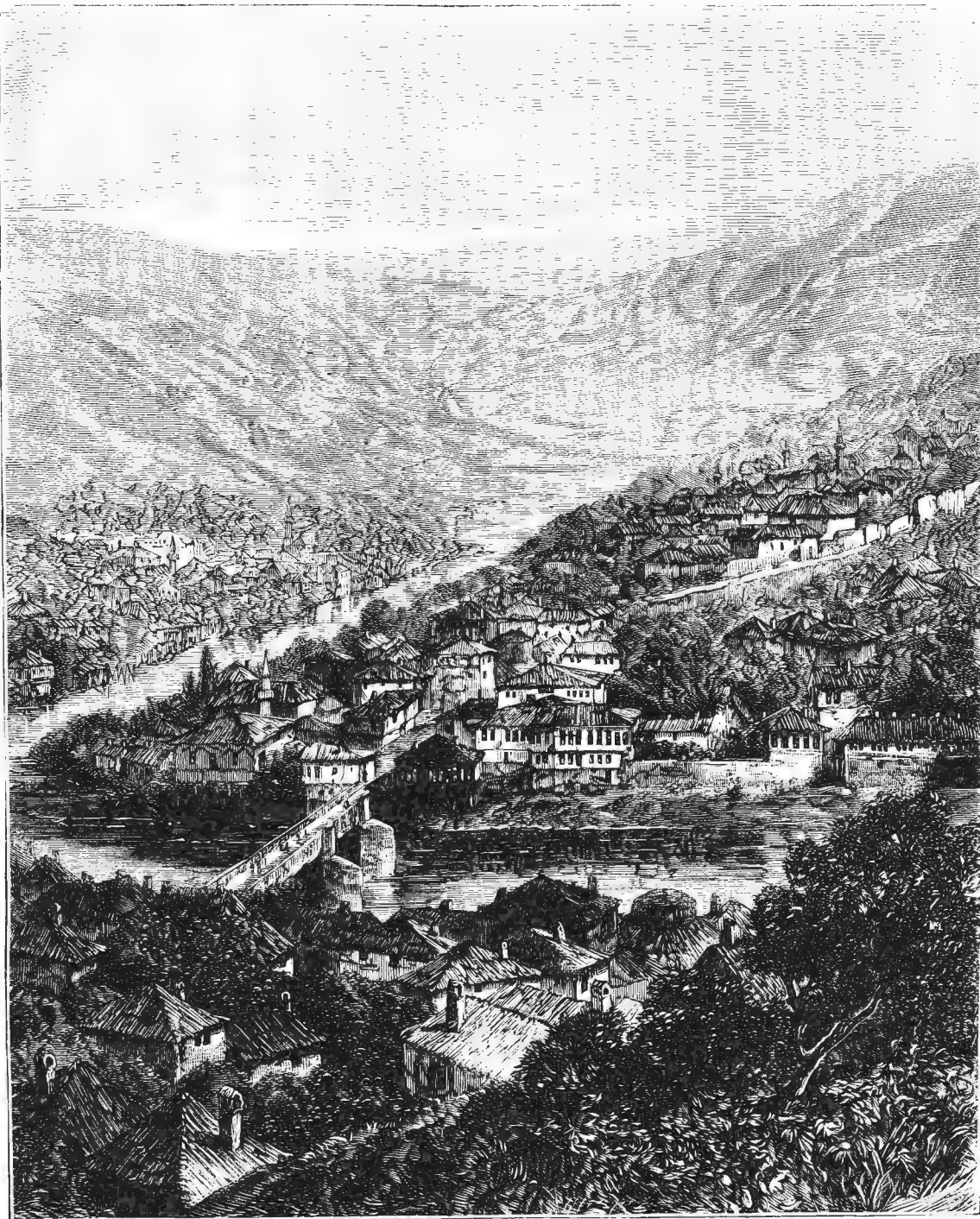
Многочисленные гости встрѣчавшіеся имъ въ каждой комнатѣ, съ изумленіемъ видѣли, что Императоръ ни

на кого не обращает вниманія, что онъ совершенно разстроень и спѣшить куда-то не отпуская сестру.

Шопотъ пошолъ по комнатамъ: никто не понималъ въ чемъ дѣло, но каждый интересовался въ высшей степени и строилъ всевозможныя предположенія.

Ужъ не пожаловалась ли она на Меншикова,—вотъ хорошо бы было!

Тотъ совершенно растерялся, не могъ произнести ни слова, какъ будто обезпамятѣлъ и машинально опустился въ кресло. Онъ никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса отъ покорнаго и боязливаго до сихъ поръ ребенка. Еслибъ кто нибудь еще за часъ предсказалъ ему эту сцену—онъ никогда бы не повѣрилъ, что она возможна. Но вѣдь уши его не обманываютъ! Вотъ

Городъ Тырново (Столица древней Болгаріи). Съ фотографіи грав. Діамантовскій.

Императоръ и Наталья почти вбѣжали въ комнату, гдѣ еще находились всѣ Меншиковы въ сборѣ и съ цесаревной Елизаветой.

— Александръ Даниловичъ, прямо обратился Петръ къ князю,—я послалъ сестрѣ девять тысячъ червонцевъ, а ты ихъ отнялъ и заперъ. Какъ смѣешь ты мѣшать моимъ приказаніямъ?

И мальчикъ весь дрожалъ, говоря это и съ злобой глядѣлъ на князя.

онъ стоитъ передъ нимъ, этотъ мальчикъ, и говоритъ ему „какъ ты смѣешь“ и глядитъ на него съ гнѣвомъ; блещитъ передъ нимъ своими глазами. До сихъ поръ Меншикову никогда и въ голову не приходило взглянуть на Петра какъ на Императора, опасаться за свое надъ нимъ вліяніе, но теперь передъ нимъ былъ Императоръ. И этотъ Императоръ обращался къ нему какъ къ подданному, заслужившему царскій гнѣвъ и немилость.

Эбба Браге, бывшая невеста шведского короля Густава Адольфа. Рис. Гальквистъ, грав. В. Мейеръ.

Князь все молчалъ.

Дарья Михайловна поблѣдѣла. Младшая княжна инстинктивно бросилась къ матери и заплакала. Цесаревна Елизавета съ восторгомъ глядѣла на Петра и вся ея фигура выражала торжество и радость. Одна только царская невѣста продолжала молча сидѣть, ни на что не обращая вниманія.

А Петръ все ждалъ отвѣта; и Александръ Данилычъ наконецъ очнулся. Онъ заговорилъ такъ, какъ еще никогда не говорилъ съ Императоромъ, заговорилъ робкимъ голосомъ подданнаго.

— Ваше Величество, сказалъ онъ, — государство нуждается въ деньгахъ; казна истощена; неотложныхъ нуждъ много, и я подумалъ, что этимъ деньгамъ можно найти хорошее употребленіе. Я уже сегодня утромъ хотѣлъ представить вамъ прожѣктъ, на что употребить эти деньги.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Петръ, — все это, можетъ, и правда, что ты говоришь мнѣ. Да если я дарю моей сестрѣ, если я хочу, чтобы такъ было, такъ оно такъ и будетъ! И ты не смѣешь измѣнять моихъ приказаній! Сейчасъ же изволь послать эти деньги великой княжнѣ Натальѣ.

Съ этими словами маленькій Императоръ круто повернулся и ни на кого не взглянувъ вышелъ изъ комнаты.

Опомившись Меншиковъ побѣждалъ за нимъ и долженъ былъ бѣжать долго, потому что Петръ не оставивался и не обращалъ на него вниманія. Наконецъ Александру Данилычу удалось поймать его за руку; онъ отвелъ его въ пустую комнату и сталъ ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ говорить.

— Ну за что ты обидѣлъ старика, Ваше Величество? — я не хотѣлъ нанести ни тебѣ, ни Великой княжнѣ обиды. Какъ на дѣтей своихъ смотрю я на васъ.

— Какіе мы тебѣ дѣти! вывернулъ у него свою руку Петръ.

Меншиковъ поблѣднѣлъ и затрясся. Въ тонѣ голоса его нарѣченнаго зятя ему послышалась одна знакомая нота. Изъ за юной и нѣжной фигуры Второго Императора вдругъ, невѣдомо какимъ образомъ, выглянулъ громадный образъ Перваго, и старый Данилычъ, еще сейчасъ не вѣдавшій границъ своей власти, вдругъ почувствовалъ себя такимъ же безсильнымъ, какимъ бывалъ во время оно, когда стибался подъ гнѣвомъ и грозными рѣчами своего повелителя и друга.

— Ваше Величество, снова шепталъ онъ, — прости меня — но вина моя была безъ умысла. Впередъ во всемъ съ тобою совѣщаться стану, — но опять повторяю что и самъ ты долженъ подумать о дѣлахъ государства, долженъ знать, что часто добрый Царь жертвуетъ своими желаніями нуждамъ своего народа. Если же что и противное тебѣ дѣлаю, такъ для твоей же пользы, для того, что хочу, чтобы достойнымъ ты былъ преемникомъ Петру Великому. И дѣдъ твой любилъ дарить своихъ близкихъ, но только не тогда, когда подарокъ его могъ пригодиться на пользу Россіи. Прости же меня. Деньги верну царевнѣ, не медля; а Вашему Величеству теперь не мѣшало бы покататься, благо уроки всѣ кончены.

— Скоро-ли мы переѣдемъ въ Петергофъ, — вдругъ обратился Петръ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ. Его гнѣвъ мгновенно прошелъ; онъ еще не привыкъ къ такимъ сценамъ и при первомъ намекѣ на предстоящее удовольствіе готовъ былъ забыть всякую неприятность.

— Когда хочешь, отвѣтилъ Меншиковъ, — хоть завтра переѣзжайте.

— Ну завтра, такъ завтра — и слышишь, князь, не премѣнно чтобъ завтра. Мнѣ очень хочется въ Петергофъ; слышишь — завтра.

Гора съ плечъ свалилась у Александра Данилыча.

Онъ взялъ Императора подъ руку и ласково съ нимъ разговаривая, какъ будто ничего не было между ними,

нарочно тихо прошелъ вплоть до комнатъ жены. И всѣ придворные опять стали перешептываться и перемигиваться, и съ сожалѣніемъ соображали, что Данилычъ совсѣмъ помирился съ Императоромъ и что не легко ихъ поссорить.

III.

Царевны занимали дворецъ, остатки котораго до сихъ поръ еще существуютъ въ концѣ Лѣтняго сада. Это былъ небольшой и совсѣмъ не роскошный домъ, несравненно проще убранный, чѣмъ домъ князя Меншикова; только кругомъ его во всѣ стороны шель превосходный садъ, заключавшій въ себѣ теперешній Лѣтній, Царицынъ лугъ и Михайловскій садъ.

Вернувшись домой послѣ катанья съ Императоромъ Великая Княжна Наталья велѣла позвать къ себѣ барона Остермана. Онъ не замедлил явиться.

— Что прикажете, принцесса, ласково глядя на нее спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Садитесь, мнѣ много нужно сказать вамъ, отвѣчала Наталья, указывая ему кресло.

Баронъ сѣлъ и все съ тою же ласковой улыбкой приготовился слушать.

— Вотъ вы ушли, а послѣ васъ случились самыя неожиданныя вещи, начала Наталья.

— Я ужъ кое-что слышалъ, отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

— Откуда? Кто же могъ вамъ сказать? Да впрочемъ и спрашивать нечего — вы всегда все знаете, — ну такъ что же вы знаете, что вы слышали?

— Да на этотъ разъ немного. Я знаю только, что была ссора у Императора съ княземъ Меншиковымъ и что вы, принцесса, тому причина.

— Да, я дѣйствительно была тому причиной.

И она рассказала Остерману во всѣхъ подробностяхъ утреннее дѣло.

Онъ внимательно ее слушалъ и одобрительно кивалъ головою.

— Это хорошо, хорошо, наконецъ заговорилъ онъ, только все же бы лучше было еслибъ начать осторожнѣе. Вѣдь я говорилъ вамъ, принцесса, что дѣла большія всегда нужно осторожно дѣлать и медленно, этакъ прочнѣе выходить.

— Ну да вѣдь тоже говорятъ, что и нужно ковать желѣзо, пока горячо, замѣтила Наталья.

Остерманъ сталъ опять ее разспрашивать; ему особенно интересны были подробности о томъ, какъ велъ себя Меншиковъ, и слушая рассказъ о его смущеніи, о его почтительности и трепетѣ, Андрей Ивановичъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ потиралъ свои пухлыя руки.

— Хорошо, хорошо, думалъ онъ, авось и выйдетъ что-нибудь. Только бы я былъ въ сторонѣ, только бы меня какъ-нибудь не замѣшали.

— Ну, а теперь они какъ же, спросилъ онъ Великую Княжну, — помирились?

— Да, помирились; только я ручаюсь вамъ, что братъ совсѣмъ ужъ другой сталъ и никогда сегодняшняго дня не забудетъ. До сегодня онъ былъ ребенокъ, а теперь Императоръ, — увѣряю васъ милый Андрей Ивановичъ. И она ласково поглядѣла на Остермана и протянула ему свою руку.

Тотъ почтительно поцѣловалъ эту маленькую, худенькую ручку и глядѣлъ на Великую Княжну въ полномъ восторгѣ. Онъ видѣлъ ясно, что сѣмя, имъ посѣянное, попало на добрую почву. Вѣдь онъ самъ направлялъ постоянно ея мысли въ послѣднее время, онъ зналъ всю силу своего вліянія надъ нею, а вотъ теперь оказываются и плоды этого вліянія. Да, онъ не ошибся — такъ именно и надо было дѣйствовать: никто лучше сестры не могъ направлять маленькаго Императора — а сестру направлять до конца будетъ онъ, Андрей Ивановичъ.

— И завтра мы переѣзжаемъ въ Петергофъ, весело объявила царица, — а Александръ Данилычъ въ свой Ранбовъ ѣдетъ; будетъ не въ примѣръ свободнѣй, и много можно за это время сдѣлать.

— Ухъ, какъ много, серьезно проговорилъ Остерманъ, — только помните, принцесса, что все же осторожность не мѣшаетъ.

— Помню, помню, я никогда не забываю вашихъ совѣтовъ, Андрей Ивановичъ. Да поскорѣй бы въ Петергофъ, вдругъ тихо и какъ то печально, продолжала она, — мнѣ что-то не хорошо здѣсь. Даже и въ саду моемъ воздуху какъ будто мало, душно что-то и опять кашель... Вчера почти всю ночь не спала, а теперь такъ устала, такъ устала...

Остерманъ взглянулъ на ея блѣдное лицо и невольно смутился; онъ уже не въ первый разъ замѣчалъ въ ней это печальное выраженіе — она точно была нездорова.

— Прощайте, Андрей Ивановичъ, попробую заснуть, шепнула царица, протягивая ему руку.

Онъ тихо вышелъ изъ комнаты.

Наталья позвала свою фрейлину, прошла съ ней въ спальню и стала раздѣваться. Скоро она осталась одна, отворила окно и сѣла передъ нимъ въ раздумьѣ. Ночь была душная, въ далекихъ кустахъ заливался одинъ изъ послѣднихъ соловьевъ и странно было слышать въ недалекомъ болотѣ его пѣсни. Но это былъ настоящій соловей: сынъ или внукъ одного изъ тѣхъ, которыхъ Петръ Великій выписывалъ изъ южныхъ губерній для своего „парадиза“.

Царица Наталья смотрѣла въ свѣтлое сѣверное небо и все грустнѣе и тоскливѣе дѣлалось на душѣ ея. Съ нѣкотораго времени она стала очень задумчива: переходъ отъ беззаботнаго дѣтства въ ней совершился неожиданно и быстро. Еще такъ недавно она была настоящимъ ребенкомъ, ни о чемъ не заботилась и ничѣмъ не смущалась; ей хорошо было подъ крылышкомъ доброй, хотя и не родной бабушки. Вспоминала она теперь и великаго дѣда, его рѣдкія своеобразныя и тѣмъ еще болѣе дорогія ласки. И вотъ какъ скоро, какъ быстро всего этого уже нѣтъ, — что то будетъ? Въ усталой и склоненной на руки головѣ царицы бродило множество разныхъ тревожныхъ мыслей; она все думала и думала о своемъ любимомъ, единственномъ братѣ, думала о томъ, что, не смотря на весь блескъ ихъ положенія, все же они бѣдные дѣти, сиротки, не помнящія ни отца, ни матери, безъ добрыхъ родныхъ, окруженные людьми, которымъ невозможно довѣриться. Одинъ только и есть человекъ Андрей Ивановичъ — вѣрить ему сердце, а все же подъ часъ и при немъ беретъ сомнѣніе... Хитеръ больно Андрей Ивановичъ, не разберешь иной разъ что у него въ мысляхъ, а глаза смотреть по сторонамъ, ничего не выдавая. Большое дѣло задумала царица. Она рѣшилась во что бы то ни стало, такъ или иначе, избавить Императора отъ ненавистныхъ Меншиковыхъ — да удастся ли это? А воли и удастся — будетъ ли лучше? Не Меншиковы — найдутся другіе, вотъ хоть бы Лиза. Братъ на нее просто молится. Лиза добрая, милая — но вѣдь и она хитрая... Впрочемъ о Лизѣ, т. е. о принцессѣ Елизаветѣ, Наталья не могла думать хладнокровно. Еще недавно она такъ любила свою красавицу-тетушку, а теперь кака-то черная кошка пробѣжала между ними и все ищетъ царица чего-нибудь дурного въ Елизаветѣ, все старается объяснять въ темную сторону — отчего бы это? Лиза всегда такъ ласкова съ нею, любить ее по прежнему... но что-то такое случилось — и тянетъ ее отъ красавицы Лизы. Великая Княжна еще не совсемъ сознавала свое чувство, а уже оно сильно развилось въ ней — это была ревность! Это былъ страхъ за свое вліяніе надъ братомъ, за братнюю любовь къ ней. Но и не одна Лиза смущала бѣдную царицу. По-

слѣднее время она замѣчала, что маленькій Императоръ очень сдружился съ молодымъ Долгорукимъ и мало проку видѣла она отъ этой дружбы. Долгорукій — краснорѣчивъ, шутливъ, вотъ еще недавно она узнала, что онъ ведетъ безпутную жизнь, даже, кажется, пить началъ — ну, какъ тому же научить Петрушу, вѣдь это будетъ пожалуй, еще хуже Меншикова!

— Да нѣтъ, не дамъ я имъ погубить его, вдругъ вся въ волненіи и свернувъ глазами сказала себѣ царица. Покуда я съ нимъ, онъ ни на кого меня не промѣняетъ, я передъ Богомъ поклялась стоять надъ нимъ и быть ему матерью, отгонять отъ него все злое — и должна я исполнить эту клятву! Я никому не отдамъ его, я всю себя положу въ него, я уничтожу Меншиковыхъ, я уничтожу Долгорукихъ, Пусть она поборется со мною — увидимъ, кто сильнѣе... никому, никому не отдамъ я его!

Царица поднялась въ волненіи и вся дрожала. Вдругъ она схватилась за бокъ, холодныя капли пота показались на лбу ея и она слабо закашляла. Безсилно опустилась она въ кресло и крупныя слезы полились изъ глазъ ея.

— Не отдамъ, не отдамъ... а если меня возьмутъ отъ него — не люди, а Богъ? Если умру — что тогда? А мнѣ все теперь начинаетъ казаться, что умру я скоро...

И долго она сидѣла передъ открытымъ окошкомъ и все плакала, и все думала, и никто не зналъ, что творится въ юной душѣ ея.

IV.

Дворъ уже уѣхалъ въ Петергофъ. Петръ въ сопровожденіи молодого Долгорукаго, цесаревны Елисаветы и сестры объѣздилъ знакомыя мѣста и былъ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Онъ былъ доволенъ всѣми сдѣланными предположеніями и уже строилъ планы, какъ они будутъ охотиться и веселиться. Петергофъ того времени былъ совсѣмъ не тотъ, что теперь. Царскій дворецъ, хотя и удобно построенный, не представлялъ ничего особеннаго. Здѣсь была собрана еще Петромъ Великимъ коллекція картинъ, но картины эти находились безъ всякаго присмотра и значительно пострадали; дворцовая мебель была тоже петровская, т. е. самая простая, дворецъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ и теперь; съ его балконовъ открывался видъ на море; внизу били фонтаны; но паркъ совсѣмъ почти не былъ разчищенъ и только въ ряду мелкихъ строеній для придворныхъ красовались два прелестные домика: Марли и Монплезиръ.

Въ Монплезирѣ дѣлались приготовленія для разныхъ празднествъ. Никто не зналъ, на долго ли князь Меншиковъ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ и когда сюда вернется, но дня черезъ два по переѣздѣ двора на лѣтнюю резиденцію всѣ были поражены неожиданнымъ и важною вѣстью: гонецъ изъ Ранбова извѣстилъ, что свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ тяжело боленъ. Гонецъ привезъ письмо Меншикова къ Императору. Оно было написано дрожащей рукою и въ немъ свѣтлѣйшій пропался съ Императоромъ. Это письмо было его завѣщаніемъ. Тепло и краснорѣчиво писалъ онъ Петру о томъ, какіе для него наступаютъ многотрудные годы, указывалъ ему его обязанности относительно Россіи „недостроенной машины“, увѣщевалъ слушаться Остермана и министровъ, быть правосуднымъ. Въ то-же время онъ писалъ и къ членамъ Верховнаго Совѣта, поручалъ имъ свою семью, однимъ словомъ приготовился дѣйствительно умирать.

Въ первую минуту никто даже и не повѣрилъ этому извѣстію, такъ оно было неожиданно, но княжескій гонецъ подробно рассказалъ о болѣзни свѣтлѣйшаго. Оказалось, что сейчасъ по приѣздѣ въ Ораніенбаумъ онъ расхворался и теперь лежитъ въ великой слабости и лихорадкѣ и харкаетъ кровью. Не вѣрить было нельзя.

Необычайное волненіе поднялось въ Петергофѣ; всѣ ходили другъ къ другу, всѣ толковали, пожимали плечами, качали головою, изумлялись, ахали, радовались, задавали себѣ всякіе вопросы. Что-же теперь будетъ, коли умретъ Александръ Данилычъ? Хорошо будетъ отъ лютаго звѣря избавиться; поднимутся старинныя фамиліи: князь Голицынъ будетъ имѣть первый голосъ во всѣхъ дѣлахъ. Инымъ, болѣе разсудительнымъ и дальнорукимъ, представлялось также, что, не смотря на все это, со смертію Данилыча не будетъ одного—не будетъ прежней крѣпкой силы въ правительствѣ. Императоръ и его близкіе радовались всего больше тому, что вмѣстѣ со смертію Меншикова уничтожится и невѣста. Никогда на ней не женится Императоръ! Петръ велѣлъ снарядить экипажъ и поѣхалъ, свѣрбя сердце, вмѣстѣ съ сестрою, навѣститъ Меншикова. Онъ засталъ его дѣйствительно въ постели и въ плохомъ видѣ. Князя точно била лихорадка; онъ стоналъ и харкалъ кровью. Теперь онъ на словахъ, прерывающимся и слабымъ голосомъ, повторялъ Петру свои увѣщанія, а когда говорилъ о дочери, то даже заплакалъ.

Юный Императоръ слушалъ его молча. Онъ не жалѣлъ князя, ему просто было неловко и хотѣлось уйти скорѣй. Онъ такъ и сдѣлалъ: пробывъ въ Ранбовѣ не больше часа, уѣхалъ обратно.

Тяжелое впечатлѣніе произведенное на юнаго Императора болѣзнію Меншикова, въ тотъ же день совершенно изгладилось: въ Петергофѣ его ожидала прогулка въ обществѣ всѣхъ близкіхъ ему людей. Петръ велѣлъ осѣдлатъ себѣ своего любимаго коня; Елисавета, прекрасная наѣздница, тоже была верхомъ; царица Наталья помѣстилась въ коляскѣ съ княжной Долгорукой и другой своей фрейлиной—и всѣ они отправились версты за шесть, гдѣ въ превосходной мѣстности для нихъ былъ устроенъ праздникъ: музыка и роскошный ужинъ.

Весело было Петру чувствовать себя на свободѣ. Съ нимъ рядомъ ѣхала красавица тетушка, и онъ все на нее любовался. Она была сегодня еще веселѣе обыкновеннаго, озаряла всѣхъ своей беззаботной улыбкой; веселыя ея шутки такъ и сыпались, передавались изъ устъ въ уста и возбуждали искренній смѣхъ придворныхъ. Къ Петру Елисавета была очень ласкова, но все же постоянно сдерживала излишнюю его нѣжность. Она останавливала его порывы, напоминая о томъ, что онъ ребенокъ, мальчикъ, и что такъ она на него и смотреть. Его это ужасно сердило и мучило; онъ изыскивалъ всѣ способы доказать ей, что она ошибается, что онъ смѣлый и ловкій мужчина. Онъ подзадоривалъ своего лихого коня, пускалъ его въ галопъ, молодецки перепрыгивалъ черезъ рвы, глаза его сіяли оживленіемъ, на щекахъ выступалъ румянецъ. Въ своемъ рос-

кошномъ платьѣ, стройный и изящный, онъ дѣйствительно заставлялъ на себя любоваться. И принцесса Елисавета любовалась имъ. Она очень любила этого милаго, красиваго мальчика, но, конечно, никогда не могла смотрѣть на него иначе, какъ на ребенка. Она хорошо знала, что еще на давню баронъ Андрей Иванычъ подавалъ проэктъ о необходимости брака между ею и Петромъ. Она знала, что этотъ бракъ имѣлъ много хорошихъ сторонъ, примирялъ всѣ партіи, упрочивалъ спокойствіе государства, но все же сама не могла безъ смѣха объ этомъ подумать. Какой этотъ мужъ—этотъ юный хорошенкый племянникъ? Настоящій женихъ умеръ, много близкіхъ, дорогихъ умерли и погибли за послѣднее время. Такъ вотъ иной разъ, шутитъ она, смѣется, веселится какъ будто, а вдругъ

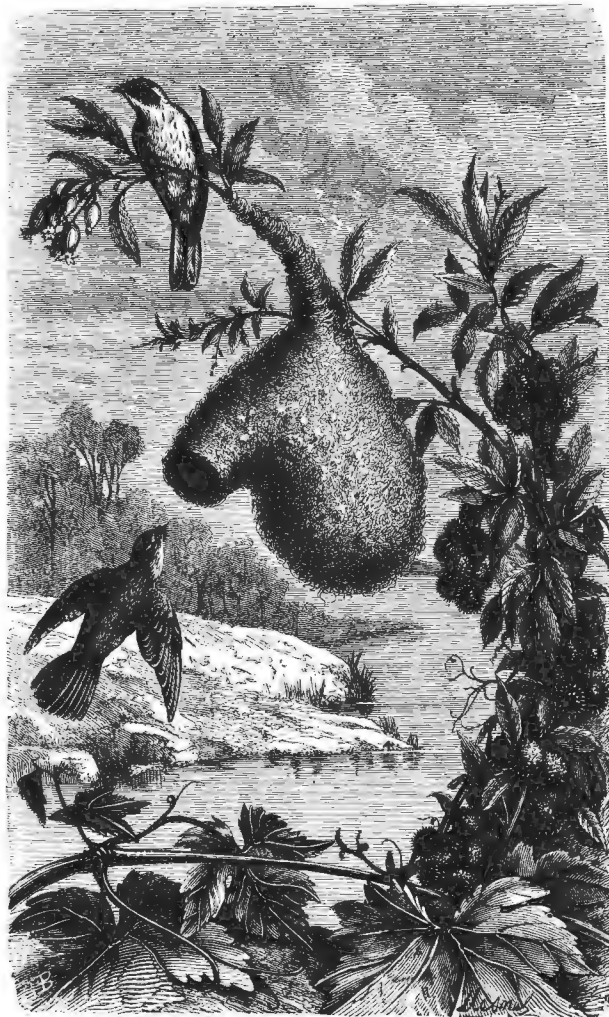
задумается и тяжело ей станетъ. Конечно беззаботный характеръ беретъ свое, печаль проходитъ скоро, зоветъ жизнь, зоветъ веселье! Иногда ей приходило даже въ голову, что въ концѣ концовъ придется таки взглянуть на Петра, какъ на будущаго мужа, по крайней мѣрѣ придется постараться надъ этимъ. Ужъ очень ненавистно ей было уступить его княжѣ Меншиковой. Но вотъ Меншиковъ боленъ, умираетъ; Императоръ не любитъ своей невѣсты, она ему противна—все уничтожается и не о чемъ теперь думать. Ахъ, какъ хорошо, какъ весело! И принцесса тоже подзадориваетъ своего коня и мчитъ вслѣдъ за юнымъ Императоромъ, и всѣ придворные смотрятъ ей въ слѣдъ, любуются ея красотою, ея смѣлостью и природнымъ граціознымъ величіемъ. Во истину она дочь Петра! шепчутъ инныя губы.

А Великая княжна Наталья молча и грустно ѣдетъ въ своемъ тяжеломъ экипажѣ, грустно смотреть вдаль, гдѣ мелькаютъ фигуры брат и Елисаветы. Ея спутницы не смѣютъ нарушить молчанія, видятъ, что Великой княжнѣ не до разговоровъ. Чтѣ съ ней—онѣ не знаютъ. Странной какой-то стала она въ послѣднее время. Все тѣ-же неотвязныя думы преслѣдуютъ Наталью. Видитъ она, что съ каждымъ днемъ усиливается привязанность брата къ тетукѣ Лизѣ. Съ утра до вечера они вмѣстѣ: гдѣ онъ, тамъ и она, гдѣ она, тамъ и онъ. И она хорошо знаетъ о проэктѣ Андрея Иваныча и просто готова возобновить своего стараго друга за этотъ ужасный проэктъ—не простить она ему никогда его. Вечеромъ, послѣ катанья, Великая княжна позвала брата къ себѣ и заперла дверь.

— Что ты такъ скучна, Наташа, спросилъ юный Императоръ.

— Ахъ, нездорова я, Петруша, очень нездорова, да и не одно нездоровье... печально проговорила она.

— Что такое? Обидѣлъ развѣ тебя кто-нибудь?— Скажи только.

Симица Ремезъ (*Aegithalus Pendulinus*).
Птицы съ висячими гнѣздами. Рис. Менель.

Любовь во времена Теокрита. Рисункъ съ картины Л. Гофмана, исполнен. имъ-же; грав. А. Кнезинъ.

— Ты меня обижаешь, братецъ...

— Чѣмъ, Наташенька? помилуй! Я такъ люблю тебя, какъ я могъ тебя обидѣть?!

— Любишь-то ты меня, любишь, тихо отвѣтила Наталья, а все Лизу любишь больше меня, я это хорошо вижу.

— Ахъ, Наташа, краснѣя выговорилъ Петръ,—ахъ Наташа, зачѣмъ ты мнѣ говоришь это? Лиза никогда тебѣ помѣшать не можетъ. Все мое сердце принадлежитъ тебѣ, и я люблю тебя какъ сестру, какъ мать родную, люблю и Лизу—только то совсѣмъ другое дѣло—посмотри какая она красавица, какъ ловка, весела, мнѣ такъ ужасно хорошо и весело съ нею... Но никогда, никогда я тебя для нея не забуду!

Великая княжна грустно улыбнулась.

— Забудешь, скоро забудешь, махнула она рукою.

Петръ подбѣжалъ къ ней, сталъ передъ ней на колѣни, прижался къ ней головою, обнялъ ее и глядѣлъ такъ ласково, такъ любовно и смущенно.

— Петруша, голубчикъ, начала Наталья,—если ты очень меня любишь, такъ послушайся моего совѣта.

— Я всегда тебя слушаюсь, замѣтилъ Императоръ.

— Нѣтъ, не всегда, ты не вѣрь Лизѣ, не вѣрь, она обманщица, она тебя не любитъ, она только шутить да смѣется надъ тобою, смотреть на тебя, какъ на маленькаго мальчика, а ты и ни вѣсть что думаешь.

Петръ поднялся на ноги и вытянулся во весь ростъ передъ сестрой. Лицо его вдругъ сдѣлалось серьезнымъ и важнымъ.

— Во-первыхъ, я вовсе не маленький мальчикъ, рѣзко выговаривая каждое слово началъ онъ,—посмотри на меня, какой я мальчикъ? Потомъ, сестрица, потомъ, знаешь-ли вѣдь вотъ у меня есть невѣста княжна Марія. Она старше Лизы, она въ тысячу разъ ея хуже—а все же невѣста! Ну, этой невѣсты скоро не будетъ—мнѣ нужна будетъ другая, потому что мнѣ никакъ нельзя безъ невѣсты—это говорить и Андрей Ивановичъ—у Императора должна быть невѣста! Такъ скажи мнѣ сама, какую же невѣсту можно найти мнѣ лучше Лизы? Вѣдь это еще до смерти бабушки самъ Андрей Ивановичъ придумалъ, а онъ такой добрый, умный, ученый—онъ дурного да глупаго не придумаетъ.

— Ахъ, Андрей Ивановичъ, Андрей Ивановичъ, и ты сталъ хуже врага, подумала про себя царевна Наталья.—Послушай, обратилась она къ брату,—Андрей Ивановичъ уменьшь—да, но только вѣдь и у умнаго человѣка бываетъ затемнѣніе въ разсудѣѣ. Хорошо онъ придумалъ, а выходитъ, все же, совсѣмъ дурно. Онъ нѣмецъ, Андрей Ивановичъ,—а мы русскіе, православные, онъ забылъ, что грѣшно жениться на родной теткѣ: Богъ не велитъ, церковь не разрѣшаетъ.

— Это пустое! нахмутивъ брови, сказалъ Петръ и сталъ въ волненіи ходить по комнатѣ, это пустое! Ради блага государства, ради неотложной нужды и Богъ и церковь разрѣшаетъ. Вѣдь и нѣмцы не идолопоклонники же, а у нихъ такія женитбы за-частую бывають.

— Не хорошо, не хорошо ты это говоришь, братецъ, никакой тутъ нужды неотлучной нѣтъ и никакого добра изъ этого не выйдетъ. Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ, выбрось это изъ мыслей, не думай объ этомъ—не должно ему статься!

Петръ молчалъ нѣсколько мгновеній. Наконецъ онъ обернулся къ сестрѣ.

Видишь что, Наташа, твердымъ голосомъ сказалъ онъ,—ты все это говоришь потому, что тебѣ кажется будто я люблю Лизу больше нежели тебя, и что еслибъ она стала моей женою такъ я тебя забылъ бы совсѣмъ. Но ради Бога Наташа не думай объ этомъ... еслибъ только могло случиться... (опять яркая краска залила его щеки), еслибъ было это, такъ кажется счастливѣе меня не было бы на всемъ свѣтѣ человѣка—у меня-бы и сестра дорогая и жена дорогая были бы. И никогда Лиза не можетъ мнѣ помѣшать любить тебя, да и она вовсе не хочетъ того—она сама тебя любитъ. Не говори дурного про Лизу; ты такая умная, такая добрая, зачѣмъ же ты хочешь злѣю сдѣлаться, не справедливою? Сама меня учишь быть справедливымъ—такъ примѣръ мнѣ покажи. Во всемъ буду тебя слушаться, все для тебя сдѣлаю—а Лизу не тронь, Лиза сама собою.

И Петръ, нѣжно поцѣловавъ сестру, отъ нея вышелъ. Опять горько и безнадежно заплакала Великая княжна Наталья.

(Продолженіе будетъ).

ЛЮБОВЬ ПО ИДИЛЛЯМЪ ТЕОКРИТА.

(Къ рисунку Гофмана Зейца).

Къ мечтательности „на лонѣ природы“ всегда въ большей или меньшей степени примѣшивается чувство меланхоліи и грусти, которыя, какъ извѣстно, весьма близко граничатъ съ сентиментальностью, господствовавшей напримѣръ, и у насъ, во время Карамзина и генеръ, справедливо осмѣянною. Подобная сентиментальность была въ сильномъ ходу въ Европѣ въ концѣ прошлаго вѣка, и вѣрнымъ зеркаломъ этого общественнаго настроенія служить для насъ одно изъ гениальнѣйшихъ произведеній германскаго поэта Гете, „Вертеръ“. Въ этой повѣсти герой застрѣливается отъ безвыходной, необыкновенно страстной и безнадежной любви къ женщинѣ, вышедшей за другого. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вертеръ любитъ и природу и на лонѣ ея мечтаетъ и о своей любви, и о несовершенствѣ человеческихъ отношеній вообще. И эти обращенія къ природѣ, согрѣтыя гениемъ Гете, принадлежатъ къ самымъ великимъ страницамъ, какія когда-либо создавала поэзія въ этомъ родѣ. Но все-таки, такъ какъ основа этого творенія Гете сентиментальна, то Вертеръ уже при своемъ появленіи вызвалъ насмѣшки такихъ умовъ какъ, наприм. Лессингъ. Лессингъ тогда же высказалъ, что грекамъ и римлянамъ, не смотря на то, что они любили природу не меньше насъ, совершенно не была знакома расплывающаяся, гнилая сентиментальность, ради которой человѣкъ хоть въ могилу радъ лечь, если его не полюбила женщина, которую онъ полюбилъ...

Грекамъ и римлянамъ не была знакома меланхолія и мечтательность на лонѣ природы, а также сентиментальность, какъ высшій предѣлъ развитія мечтательности. Это положеніе непосредственно относится къ существу настоящей нашей статьи. Что бы понять, въ самомъ дѣлѣ, что такое Теокрытъ,—нужно сравнить нашъ новый міръ съ древнимъ и условія, въ которыхъ жилъ тотъ міръ съ нашимъ,—несходство оказывается до того велико, что между этими двумя мірами легла почти цѣлая бездна...

Основное настроеніе древне-античнаго міра было и въ искусствѣ, и въ жизни, а также и въ интимныхъ отношеніяхъ любви, такъ же свѣтло, трезво и спокойно, какъ и самое небо Элады или Италіи, съ ихъ чистымъ прозрачнымъ воздухомъ, прозрачно окутывавшимъ горы и долины этихъ странъ...

Югъ Европы не знаетъ туманнаго воздуха, ступевающегого всѣ формы и краски окружающихъ предметовъ и располагающаго къ тягостному настроенію духа, къ тяжелой мечтательности, которую нѣмцы весьма удачно выразили словомъ Schwermuth. А что именно туманный воздухъ вызываетъ по преимуществу тяжелое настроеніе души—доказательствомъ могутъ служить англичане, то и дѣло подвергающіеся характеристической болѣзни—сплину, именно благодаря туманному небу ихъ острова.

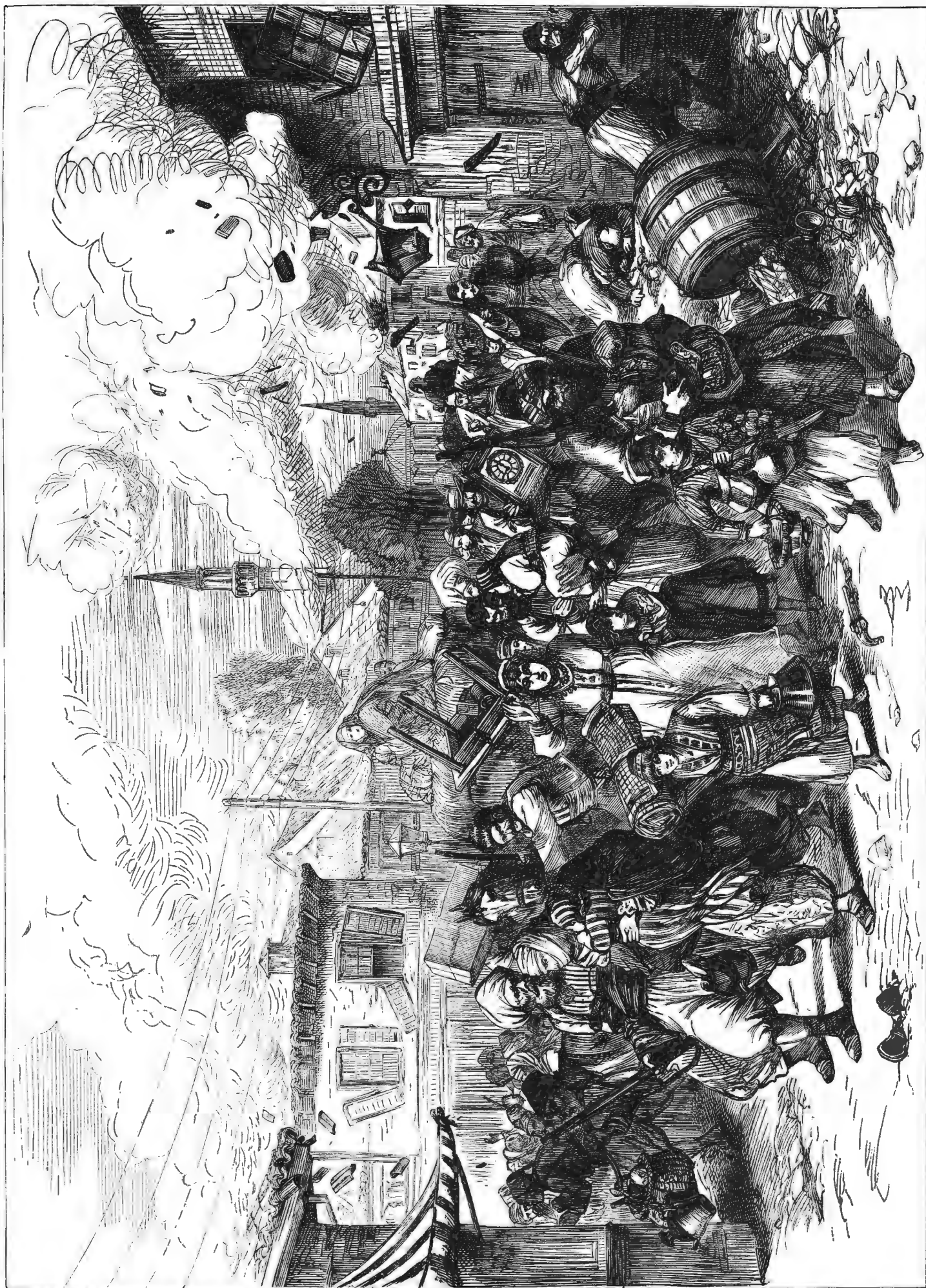
Представимъ себѣ взаимно-любящую парочку молодыхъ людей въ Греціи или Италіи. Идетъ эта парочка по роскошнымъ полямъ, возвышенностямъ, горамъ, склоны которыхъ покрыты прозрачными маслинами, роскошными кипарисами, великолѣпными пиніями, а съ отвѣснѣйшихъ известковыхъ скалъ свѣшиваются виноградныя лозы. Вдали эта парочка видитъ громаднѣйшую одну надъ другою горы, зубчатая скалы, обрывистые сверкающіе берега, а тамъ дальше глубокая и далекая лазурь моря, а по берегу въ серебристомъ блескѣ листья маслинъ. Въ оврагахъ и ущельяхъ цвѣтутъ мастиха, лавровое дерево, выглядываютъ острые листики кустарниковъ; а надъ бѣлыми мраморными скалами роскошно рдѣютъ кусты розъ и олеандровъ. И вообще творческая сила разыпала здѣсь столько обильныхъ даровъ, и при томъ въ полной гармоніи, какъ нигдѣ. Впечатлѣнія подобнаго ландшафта неспособны породить болѣзненной мечтательности. И дѣйствительно, любовь двухъ половъ, при всей ея страстности, была проникнута въ античномъ мірѣ тѣмъ свѣтлымъ сознательнымъ характеромъ, тою полною гармоніей, какія не встрѣчаются намъ нигдѣ.

Бѣгство изъ Андрианополя. Старый турокъ съ гаремомъ въ ожиданіи поезда близъ станціи желѣзной дороги.
По наброску англійскаго корреспондента, грав. К. Вейерманъ.

Укрѣпленный городъ Гирсово. Съ фотограф. грав. Вейерманъ.

Видство изъ Гупука во время бомбардированія города. По наброску англійскаго корреспондента, грав. Вейерманъ.

Вслѣдствіе такого положенія улицы его не шире нашихъ тротуаровъ, такъ что по нимъ можетъ проѣзжать только одинъ экипажъ; самые дома построены въ нѣсколько этажей, съ безчисленнымъ числомъ балконовъ. Кажется, что дома стоятъ одинъ надъ другимъ. Все это придаетъ городу особенный характеръ. Тырновь многолюдный городъ; въ немъ средоточіе болгарской народности. Изъ древнихъ зданій здѣсь существуетъ еще патриаршая церковь св. Апостоловъ, нынѣ метрополія; церкви: св. Дмитрія, въ которой короновались цари, и 40 мучениковъ, гдѣ погребали царей.—Говорятъ, что въ нихъ много болгарскихъ надписей и пергаментныхъ книгъ. Въ настоящее время церкви эти обращены въ мечети.

По завѣренію лицъ, побывавшихъ въ Болгаріи, народъ Болгарскій, сохранившійся въ своей чистотѣ въ Тырновь, обнаруживаетъ много симпатичныхъ чертъ. Другое дѣло представляютъ жители побережья. Смѣшиваясь съ молдаванами и греками болгары заимствовали отъ нихъ добрую дозу непривлекательныхъ качествъ. Говорятъ, что далѣе за Тырновь, къ горамъ, народъ еще добродушнѣе и лучше.

Въ настоящую войну городъ Тырново былъ взятъ, какъ извѣстно, генераломъ Гурко и въ него была переведена наша главная квартира; но вслѣдствіе неудачной атаки Плевно генераломъ Криденеромъ главная квартира переведена въ Царевецъ. Въ Тырновь для защиты осталась значительная часть войска,—сильные корпуса. Будемъ ждать послѣдующихъ событий—мужество и самоотверженіе нашихъ солдатъ, подвиги, полные отваги и силы, нашихъ офицеровъ все заставляють вѣрить въ успѣхъ русскаго оружія и не падать духомъ отъ неудачъ и нѣкоторыхъ ошибокъ, почти неизбѣжныхъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ.

Л.

Юношеская любовь шведскаго короля Густава Адольфа.

Съ весеннею, юношескою порою жизни шведскаго короля Густава Адольфа связывается одна прелестная, но трогательная и грустная идиллія. Густавъ Адольфъ, будучи возведенъ на королевскій тронъ, хотя и сдѣлался лицомъ самостоятельнымъ, полноправнымъ, однакоже этому государю пришлось испытать участь обыкновеннаго смертнаго. Молодому королю не суждено было раздѣлить тронъ свой съ избранницею сердца своего, и онъ *долженъ* былъ, страдая смертельною тоскою влюбленнаго, отказаться отъ обладанія прелестною дѣвушкою, съ которою онъ такъ охотно, рука объ руку, прошелъ въ свой жизненный путь... Давно это было, но память о прекрасной возлюбленной короля-героя и до сихъ поръ жива въ Швеціи: поэты воспеваютъ ту, которая носила имя *Эббы Браге*, живописцы изображаютъ ее на бумагѣ и полотнѣ; ихъ вдохновляетъ этотъ милый, печальный образъ, эта свѣтлая женская фигура на темномъ фонѣ прошедшаго... Эбба Браге была единственною дочерью королевскаго стольника, графа Магнуса Браге, рано овдовѣвшаго. Королева Христина, мать Густава Адольфа, приняла участіе въ дѣвочкѣ-сироткѣ, и когда Эббѣ исполнилось 16 лѣтъ—она взяла ее ко двору своему въ Стокгольмѣ. Хорошенькая, симпатичная, свѣтлокудряя графиня заинтересовала всѣхъ, а юный 18-лѣтній король такъ крѣпко влюбился въ нее, такъ былъ очарованъ этою дѣвушкою, что порѣшилъ возвести ее въ санъ своей супруги, сдѣлать Эббу Браге королевой Швеціи. Хорошенькая дѣвушка тоже не осталась равнодушною къ прекрасному королю-рыцарю и бракъ по любви былъ бы заключенъ, если бы осторожная, предусмотрительная королева-мать въ рѣшительную минуту не явилась предъ влюбленными. Умная женщина знала, что для чользы королевства (а Швеціи въ то время грозило много опасностей) бракъ Густава съ принцессой изъ какаго-либо могущественнаго владѣтельнаго дома былъ гораздо выгоднѣе родства съ мѣстною графскою фамиліею, поэтому Христина употребила всѣ средства къ убѣжденію сына отказаться отъ этого брака, пустила въ ходъ интриги, чтобы разлучить влюбленныхъ и дала даже почувствовать молодой дѣвушкѣ неудовольствіе свое. Послѣ тяжелой борьбы, Эбба покорилась своей участи, написала трогательное письмо королю, прося его навсегда оставить мысль о союзѣ съ нею... Густавъ Адольфъ отвѣтилъ ей горячимъ письмомъ. „Во имя искренней любви, которую я питаю и питаю къ вамъ—умоляю васъ не говорить мнѣ больше объ этомъ, не писать, что я „долженъ забыть васъ! Напротивъ, мнѣ кажется, что упорствуя во взаимной вѣрности—а вѣдь она украшеніе истинной любви! мы должны еще разъ попытать счастье и пребывать въ твердой надеждѣ, что, оставаясь *неизмѣнными*, побѣдимъ наконецъ всѣ преграды, препятствія со стороны Ея Величества и доживемъ до желаннаго, счастливаго дня“...

Для влюбленныхъ снова наступила пора сладкихъ надеждъ и упованій, тѣмъ болѣе что и королева мать стала повидимому благосклоннѣе относиться къ чувству молодыхъ людей, требуя только отсрочки брака. Христина, конечно, хитрила. Секретнымъ образомъ она работала надъ тѣмъ, чтобы навсегда разлучить ихъ, и дѣйствительно, по прошествіи нѣкотораго времени, ей удалось съ помощью Акселя Оксенширны, бывшаго потомъ государственнымъ канцлеромъ, убѣдить наконецъ молодого короля въ томъ, что высшія государственныя сооб-

раженія требуютъ, чтобы онъ пожертвовалъ своею любовью, оставилъ Эббу Браге и вступилъ въ бракъ съ Амаліей Элеонорой, принцессой Бранденбургской... Много слезъ пролила бѣдная дѣвушка, много выстрадала она, но все на землѣ проходить—и Эбба сдѣлалась впоследствии женою честнаго война—графа Якова де-ла-Гарди. Будучи женою невѣстой графа, она написала на оконномъ стеклѣ въ королевскомъ замкѣ въ Стокгольмѣ слѣдующее двустипіе:

„Довольна я своей судьбой,
Благодарю, Создатель мой!“

Эти двѣ строчки Эбба Браге вырѣзала на оконномъ стеклѣ тѣмъ алмазомъ, который былъ вдѣланъ въ кольцо, подаренное ей Густавомъ Адольфомъ, когда онъ былъ еще ея женихомъ.

Поглядите, сколько тихой грусти во всей фигурѣ молодой дѣвушки! Она склонила голову на лѣвую руку, она оканчиваетъ вторую строчку, не подозрѣвая, что за нею наблюдаетъ придворная дама, вѣроятно, одна изъ фрейлинь королевы Христины.

Синица Ремезъ.

(Aegithalus Pendulinus. Птица съ висячими гнѣздами).

Въ предъидущихъ №№ „Нивы“ были помѣщены рисунки замѣчательныхъ построекъ птицъ: „Бесѣдковой Птицы“, „Птички-Портной“ и „Ласточки Аріэль“. Въ настоящемъ № приложенъ рисунокъ висячаго гнѣзда Синицы Ремезъ. Синица Ремезъ маленькая птичка, рѣдко болѣе 4 дюймовъ въ длину. Цвѣта ея перьевъ, хотя и не отличаются яркостью и особеннымъ блескомъ, но они очень красиво сочетаются между собою и даютъ въ общемъ пріятное пѣлое.

Синица Ремезъ относится къ разряду птицъ, устраивающихъ себѣ висячія гнѣзда. Отыщетъ Синица Ремезъ подходящую вѣтку дерева и начнетъ устраивать, прикрѣпляя къ вѣткѣ, свое теплое жилище. Синица Ремезъ обыкновенно выбираетъ для своего гнѣзда вѣтку, наклонившуюся надъ водой. Она любитъ берега потоковъ, такъ какъ кормится сѣменами водяныхъ растений, различными насѣкомыми, личинками и мелкими моллюсками, которыхъ такъ много въ водахъ.

Если смотрѣть на ея гнѣздо издали, то оно, будучи совершенно закончено, имѣетъ видъ огромной груши съ длиннымъ шероховатымъ. Широкая часть гнѣзда виситъ книзу; отверстие же для входа устраивается съ боку. Материаломъ для постройки служатъ хлопчато-видный пухъ ивы и тополя. Случается, впрочемъ, хотя и чрезвычайно рѣдко, находить гнѣздо Синицы Ремезъ въ тростникахъ, въ которыхъ она выбираетъ для этого болѣе или менѣе глухія мѣста и въ нихъ устраиваетъ себѣ пріютъ, стараясь укрыться за толстыми стеблями отъ непрошенныхъ гостей.

Синица Ремезъ водится въ Европѣ и частью въ Азій.

Бѣгство изъ Адрианополя.

Старый турокъ съ своимъ гаремомъ собрался въ походъ. Средоточено, не обращая, повидимому, нисколько вниманія на окружающее, потягиваетъ старикъ-ага свой кальянъ. Женщины его гарема выглядываютъ изъ-за своихъ яшмаковъ съ той кокетливой пугливостью, какая свойственна восточной женщинѣ. Куда ѣдутъ онъ?.. Не все ли имъ равно!.. Женщины гарема—это настоящія дѣти—беззаботныя, знающія только игру, пляски, сплетни, вѣгу въ бассейнахъ и баняхъ. За то вся забота выразилась на челѣ самого владѣльца гарема. „Куда идти отъ гууровъ?“ настойчиво преслѣдуетъ его мучительный вопросъ. Занятый имъ старикъ не замѣчаетъ британскихъ корреспондентовъ, съ большимъ вниманіемъ посматривающихъ на стараго турка и на группу женщинъ его гарема.

Укрѣпленный городъ Гирсово.

Гирсово—это хорошо укрѣпленный городъ въ Болгаріи, въ Силистрійскомъ санджакѣ, на правомъ берегу Дуная, не далеко отъ Бабадага. Расположенъ городъ чрезвычайно живописно, на утесистой отвѣсной гигантской скалѣ, у подножія которой разсыпались маленькія предмѣстья, населенныя валахами и греками. Въ древности этотъ городъ назывался *Аксиополемъ* (Axiorolis—достойный городъ). Такъ названъ онъ по всей вѣроятности при греческихъ императорахъ; но затѣмъ поселились здѣсь славянскія племена *Хрсово*. Такое названіе указываетъ на тотъ отдаленный періодъ, когда первобытныя славянскія племена, пораженныя величественнымъ скалистымъ возвышеніемъ, озарившимся первыми лучами утренняго солнца, преимущественно считали его за жилище Бога Хорса—этого славянскаго Аполлона. Замѣчательно, что Хорсъ былъ боготворяемъ наравнѣ съ *Демъ* (Діу—тоже, что греческій *Зевсъ*) и *Трояномъ* (что указываетъ на императора Трояна), который былъ помѣщенъ въ число южнославянскихъ божествъ гораздо позднѣе. Еще и теперь въ крестьянскомъ болгарскомъ населеніи, живущемъ преимущественно около Гирсова, можно слышать пѣсню „О царь Троянъ“, который „вадилъ несмѣтными сокровищами и лилъ изъ 70 фонтановъ расплавленное золото и чисто ковано серебро“. Этотъ же Троянъ въ пѣсняхъ

нашей Киевской губернии извѣстенъ подъ именемъ царя *Ермала*, а у сербовъ тотъ же Троянъ уже извѣстенъ подъ именемъ *Трилага*, т. е. трехголоваго бога, снабженнаго почему-то восковыми крыльями и козлиными ушами и проч.

Было бы излишне здѣсь вдаваться въ описание множества другихъ преданій и лѣсенъ, связанныхъ съ мѣстностью около Гирсова и такъ рельефно рисующихъ миеологическія вѣрованія южныхъ славянъ. Это составляетъ глубокий интересъ для миеологич. и общеславянской культуры, а не относится непосредственно къ нашей замѣткѣ о Гирсовѣ, и мы сдѣлали это отступление только для того, чтобы показать, до какой степени для насъ русскихъ интересны въ историческомъ и культурномъ отношеніи всѣ города Болгаріи. Тотъ же складъ и характеръ миеологии и народныхъ первобытныхъ наивныхъ сказаній здѣсь, какъ и у насъ—особенно на нашемъ русскомъ югѣ.

Теперь постараемся указать на относительное военное значеніе Гирсова, насколько это доказала свѣжая практика.

Наши войска, корпуса генерала Циммермана, по переходѣ черезъ Дунай въ Добруджѣ, заняли *Гирсово* 15 (27) іюля одновременно съ *Тулмчей*, не смотря на большое разстояніе между тѣмъ и другимъ пунктомъ. Резюмируя вкратцѣ наши военныя дѣйствія въ Добруджѣ, скажемъ словами рапорта Его Высочества Главнокомандующаго, что на Нижнемъ Дунаѣ, еще съ самаго начала кампаніи были устроены загражденія, и къ концу апрѣля мы, не имѣя флота, отняли у непріятели Дунай отъ Рени до Браилова, а къ концу мая и весь Нижній Дунай, отъ Рени до Гирсова. Гирсово, такимъ образомъ, представляется крайнимъ южнымъ пунктомъ необыкновенно быстро взятыхъ нами въ Добруджѣ городовъ. Затѣмъ войска наши уже направились отъ Гирсова въ глубь Добруджи, къ югу, къ *Черны-воды* и *Кюстенджю*. Прибавимъ еще кстати, что отъ города Матчина, о которомъ у насъ была рѣчь прежде и который лежитъ гораздо сѣвернѣе Гирсова, къ послѣдней проведена дорога по высокому берегу Матчинскаго рукава. Военный опытъ 1853 года доказалъ, что занятіе Матчина уничтожаетъ всякое стратегическое значеніе Гирсова. Такъ, въ Крымскую кампанію, съ занятіемъ Матчина русскими, турецкій гарнизонъ тотчасъ же ушелъ изъ Гирсова въ Силистрію. Слѣдовательно, значеніе Гирсова совершенно зависитъ отъ значенія Матчина. При взятіи перваго укрѣпленія, неизбежно парализуется и значеніе другого.

Уличная сцена въ Русуку въ время бомбардированія его нашими войсками.

Въ Болгаріи многіе существующіе теперь промышленные, укрѣпленные и населенные города возникли вмѣсто старыхъ славянскихъ городовъ, разоренныхъ уже въ продолжительный періодъ турецкаго господства. Подобнаго рода города большею частью возникли уже на новыхъ мѣстахъ, невдалекѣ отъ развалинъ старыхъ городовъ. Таковъ и болгарско-турецкій городъ Русуку, или по болгарскому произношенію „Оростшукъ“. На мѣстѣ его, на разстояніи отъ теперешняго Русука на полдня пути, находился старинный болгарскій городъ *Червенъ*, при-

надлежащій къ Тырновскому патриархату и вмѣщавшій въ себя множество монастырей. Еще въ XVII вѣкѣ были замѣтны развалины замка этого города и его стѣнъ. Затѣмъ всѣ слѣды его истребило варварство турокъ. Въ половинѣ XVI вѣка Русуку уже является однимъ изъ промышленныхъ городовъ, заселенныхъ колонистами изъ Рагузы, которые много способствовали поддержанію въ жителяхъ города стремленія къ освобожденію отъ ига турокъ. Были и попытки къ возстанію: особенно дѣятельна была въ этомъ отношеніи партія *Сергочевичей*, дѣйствительно начавшая открытое возстаніе въ 1595 г. въ Тырновѣ, бывшемъ въ тѣсномъ союзѣ съ Русукомъ. Попытка неудалась; точно также неудались и послѣдующія попытки. Затѣмъ, когда въ началѣ текущаго вѣка началась эпоха наполеоновскихъ войнъ, тогда, во время переговоровъ Тильзитскаго мира была рѣчь и объ освобожденіи христіанъ. Турція была въ опасности, и вотъ тогда-то извѣстный рушукскій паша, *Мустафа Барг-Яктаръ*, сдѣлалъ попытку освободить султана Селима III, заключеннаго въ своемъ сералѣ,—но безуспѣшно. Далѣе Русуку дѣлается извѣстнымъ по своей стойкости, съ которою онъ противился нашимъ войскамъ, сдѣлавшимъ побѣдоносный походъ въ Болгарію въ 1810 году. Русскіе подъ предводительствомъ *Воронцова*, *Каменскаго* и *Вяземскаго* взяли *Плевну*, *Ловчу* и *Тырново*. Только Русуку отчаянно сопротивлялся, но и онъ не устоялъ бы, если бы не наступила жестокая зима, заставившая насъ отойти назадъ всю завоеванную область до *Никополя*, *Русука* и *Силистріи*. Далѣе, по мѣрѣ повторенія нашихъ войнъ съ Турціей, мы по необходимости должны были входить въ соприкосновеніе съ Русукомъ, такъ какъ онъ входитъ въ пресловутый оборонительный четырехугольникъ турецкихъ крѣпостей.

Русуку, кромѣ важности своихъ укрѣпленій, главный городъ санджаката. Число жителей болѣе 25,000 чел. Торговля его была всегда оживленною. Извѣстны также фабрики: суконная, юфтяная, кисейная. Причину промышленнаго процвѣтанія служитъ то, что Русуку расположенъ на большемъ пути изъ Бухареста въ Константинополь. Какъ крѣпость, Русуку, на равнѣ съ Силистріей, имѣетъ тотъ недостатокъ, что не обезпеченъ отдѣльными укрѣпленіями на лѣвмомъ берегу Дуная. Бомбардированіе нашими войсками Русука произошло въ 20-хъ числахъ минувшаго іюля. Оно совершалось какъ согласно утверждать всѣ корреспонденты съ громадною энергіей. Нашъ огонь былъ, впрочемъ, направленъ не на городъ, а на форты.

Прилагаемый здѣсь рисунокъ представляетъ уличную сцену въ Русуку во время бомбардированія города нашими войсками. Это превосходное *scquis*, сдѣланное однимъ изъ англійскихъ художниковъ. Сколько жизни въ этой безпорядочной уличной толпѣ, перетрусившей, оторопѣвшей, слѣпшащей убраться изъ стѣнъ города по добру-по-здорову! Какъ и всѣ промышленные и мануфактурные города, Русуку содержитъ въ числѣ своихъ жителей большой процентъ буржуазіи, всегда не воинственной и трусливой. Оттого-то вышелъ у художника до такой степени вѣрнымъ дѣйствительности панической страхъ, объявшій рушукскую буржуазію, подъ градомъ трескающихся раскаленныхъ ядеръ...

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

На прошлой недѣлѣ получено съ театра войны оффиціальное опроверженіе нелѣпныхъ, распущенныхъ иностранными газетами, преимущественно враждебными намъ, слухомъ о неудачномъ ходѣ дѣла на Дунайскомъ театрѣ войны. Опроверженіе это содержится въ телеграммѣ Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміей. «Разъ на всегда прошу,—говорится въ телеграммѣ Великаго Князя,—не обращать никакого вниманія на систематическую ложь, распространяемую турецкими газетами и враждебною намъ частью европейской печати. Если отъ меня нѣтъ никакихъ извѣстій, то это значитъ только, что *все благополучно и новаго ничего нѣтъ*». Въ телеграммѣ говорится также, что извѣстія иностранныхъ газетъ о преслѣдованіи нашихъ войскъ турками въ Систово, о неудачныхъ нашихъ попыткахъ обложить Русуку и Силистрію, о побѣдахъ турокъ при Русуку и Разградѣ—все это «*малая ложь, распространяемая враждебною намъ печатью*»...

Вопросъ на Дунайскомъ театрѣ войны поставленъ ясно. Мы потеряли значительныя неудачи при атакахъ Плевны. Потери же людей, вышедшихъ изъ строя, самымъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ признаны «громадными». Но, какъ мы уже замѣчали прежде, эти потери не могутъ измѣнить общаго результата войны...

Теперь вся сущность дѣла состоитъ въ прибытіи на театръ войны подкрѣпленій, въ ускореніи перехода этихъ подкрѣпленій черезъ Дунай, для каковой цѣли, въ настоящее время, у Зимницы, какъ извѣщаютъ послѣднія телеграммы, дѣлаются приготовленія къ постройкѣ 4-хъ мостовъ. Далѣе, по нижнему теченію Дуная, у Пиргоса, близъ Русука, тоже построены нашими войсками мосты. Такимъ образомъ дѣлается обезпеченною переправа въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Такъ какъ, слѣдовательно, теперь совершаются съ нашей

стороны на Дунаѣ только приготовительныя операціи, то *новаго ничего нѣтъ*, т. е. новаго въ смыслѣ важности и обширности размѣровъ. О второстепенныхъ же дѣйствіяхъ на Дунаѣ на прошлой недѣлѣ получены слѣдующія извѣстія:

Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго изъ *Горнаго-Студена*, сообщаетъ, что 31-го іюля въ 2 часа дня, турецкая кавалерія, около 700 человекъ, атаковала *Жидини*, близъ Разграда. При этомъ 4-й эскадронъ Лубенскаго гусарскаго полка отбилъ нападеніе. Въ концѣ схватки подошелъ батальонъ съ 2-мя орудіями. Непрительская кавалерія, за которою, какъ видно, была также пѣхота съ артиллерією, отступила. Съ нашей стороны при этомъ *убиты* корнетъ *Барановскій* и 4 нижнихъ чина. *Тяжело ранены*: ротмистръ *Левенталъ* и штабъ-ротмистръ *Бодановъ* и 9 нижнихъ чиновъ.

Затѣмъ извѣстно, что 2-го августа наши батареи въ Слободзѣ открыли огонь по рушукскимъ паровымъ мельницамъ, при этомъ сожгли 8 мельницъ и заставили замолчать рушукскія батареи. Того же числа утромъ турецкая пѣхотная колонна съ 2-мя сотнями кавалеріи стала наступать отъ *Плевны* на *Тукеницу*, но, встрѣченная огнемъ нашей артиллеріи, отступила и вслѣдъ затѣмъ передовые посты наши заняли свои мѣста.

Между *Русукомъ* и *Шумлою* (на среднемъ пунктѣ разстоянія между тѣмъ и другимъ находится и *Разградъ*), на прошлой недѣлѣ происходила *рядъ сраженій*, цѣль которыхъ съ нашей стороны, какъ увѣряютъ корреспонденты иностранныхъ газетъ, состояла въ томъ, чтобы не упускать изъ виду непріятели и знать въ точности его силы, положеніе и движенія. Теперь уже даже вѣскія телеграммы изъ Константинополя, большею частью систематически извращающія событія въ пользу турокъ, говорятъ, что берегъ рѣки *Дома* (т. е. западный или лѣвый къ востоку отъ *Итмы*) занятъ русскими войсками у *Попкея* и *Яселари*. У *Попкея*

и Яселари, прибавляет телеграмма, также находятся обширные лагери русских. На всем пространстве между Ломомъ, дорогою въ Разградъ, Джумою и Османъ-Базаромъ, всѣ селенія, по большей части населенныя турками, покинуты жителями. Если взглянуть на карту, то эти площади представляются весьма значительною. *Джумая* стстоитъ уже очень близко отъ Шумы, составляющей юго-западный уголъ въ известномъ четвероугольникѣ турецкихъ крѣпостей.

На прошлой недѣль намъ стало также известно о потеряхъ, понесенныхъ отрядомъ генерала Гурко со 2-го по 20-е июля. Именно отрядъ Гурко потерялъ за это время: 10 офицеровъ и 181 нижнихъ чиновъ убитыми, 24 офицеровъ и 709 нижнихъ чиновъ ранеными; 9 офицеровъ контуженными и 57 нижнихъ чиновъ безъ вѣсти пропавшими. Что касается потерь болгарскаго ополченія, то онѣ исчисляются около 600 нижнихъ чиновъ и 22 офицера убитыми и ранеными. Больше точная цифра убитыхъ и раненыхъ будетъ опредѣлена впоследствии.

Судя по всѣмъ известіямъ изъ Закавказья за прошлую недѣлю, наши войска скоро перейдутъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. И действительно, послѣдняя телеграмма изъ Эрзерума извѣщаетъ, что русский центръ уже поручилъ значительныя подкрѣпленія и началъ наступательное движеніе. Важнѣйшую неприятельскую силу имѣетъ здѣсь корпусъ Измаила-паши. Онъ-то и задержалъ отрядъ генерала Тергукасова въ его движеніи впередъ.

Объ этомъ обстоятельно извѣщаетъ насъ телеграмма начальника штаба, Кавказскаго военнаго округа изъ Александрополя. По этой телеграммѣ неприятельскій корпусъ Измаиль-паши остановился противъ отряда генерала Тергукасова, имѣя по-сю сторону горъ только свой авангардъ. Главныя же силы этого корпуса «до 40 батальоновъ съ многочисленною кавалеріей и 55-ю орудіями» сосредоточиваются въ мѣстности близъ Мысынскаго ущелья.

За тѣмъ известно, что въ послѣднее время съ нашей стороны предпринимались рекогносцировки позицій Мухтара-паши. Именно 27-го минувшаго іюля нашъ Грузинскій полкъ съ батареей осматривалъ укрѣпленія неприятельскаго центра. Неприятельская кавалерія, въ этотъ же день, атаковала наши аванпосты, находящіеся впереди Башъ Кадикъ Лара; но сѣвшихъ казаки, два подосланные батальона и свѣрские драгуны съ успѣхомъ отбили эту атаку.—Ингурскій отрядъ генерала Алхазова, сдѣлавъ значительное движеніе впередъ, остановился 31-го іюля у Атары, на р. *Кодоръ*, гдѣ и устраиваетъ переправу. Кавалерія отряда уже перешла на правый берегъ рѣки.

Въ Кабулетскомъ отрядѣ 1-го августа турки атаковали охотниковъ, расположенныхъ на правомъ слангѣ нашей Мухазатской позиціи, но прибывшія резервы охотниковъ подъ командою Генеральнаго Штаба капитана Клековскаго и пѣшая дружина войскаго старшины князя Джорджадзе оттѣснили его къ рѣкѣ Ачуа. Въ завязавшей затѣмъ по всей линіи перестрѣлкѣ принимали участіе артиллерія обѣихъ сторонъ и турецкіе броненосцы. У насъ убито 23 и ранено 38 нижнихъ чиновъ.

— Въ «Прав. Вѣстн.» телеграфируютъ, изъ Горнаго Студена, что Его Величество Государь Императоръ, съ своею главною квартирою изволятъ прибыть туда. Въ Горномъ же Студенѣ, какъ сказано выше, находится въ настоящее время и Его Императорское Высочество главнокомандующій.

Засимъ изъ Бухареста телеграфируютъ: «Генералъ Гурко увѣряетъ, что позиція русскихъ войскъ отъ Дуная до Шипкинскаго прохода настолько сильны, что турки едва ли рѣшатся атаковать ихъ.

«Объ арміи постоянно заняты устройствомъ окоповъ. Въ Плевнѣ турки укрѣпились чрезвычайно сильно; тѣмъ не менѣе положеніе Османъ-паши затруднительно, такъ какъ многочисленная кавалерія расположенныхъ противъ него 80,000 русскихъ войскъ совершенно прервала связь его съ Соеюі и, задерживая транспорты съ боевыми припасами и провіантомъ, затрудняетъ продовольствіе войскъ Османъ-паши.

«Русскіе вовсе не выступаютъ изъ Добруджи; напротивъ, корпусъ генерала Циммермана постоянно получаетъ подкрѣпленія и намѣренъ перейти въ наступленіе.

Въ политическомъ мірѣ наиболѣе важными представляются теперь слѣдующія событія.

— Наканунѣ прошлой недѣли окончилась сессія Англійскаго парламента. Въ заключительной тронной рѣчи, произнесенной по этому поводу, сказано, что «Англія будетъ соблюдать нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ затронуты ея интересы, изложенные въ сообщеніи Русскому правительству». Во время прений въ палатѣ общинъ, г. Форестеръ сдѣлавъ рѣзкія намекъ на истинную причину слѣдующаго уже глухого и неяснаго обсужденія восточнаго вопроса въ Парламентѣ. Вообще, политика Англіи признается болѣею частью европейскою печати благопріятною миру, но въ то же время подтверждающею политику «условнаго» нейтралитета. Другими словами: подражаться съ Россією Англія-бы и не прочь, да подходящаго союзника нѣтъ пока.

Газеты на прошлой недѣль были наполнены толками, что Англія предостигъ опасность, и даже съ той стороны, съ которой она можетъ быть ее менѣе всего ожидала. Именно въ Авганстанѣ грозитъ вспыхнуть противъ Англіи таѣ называемая «Джихатъ» или *Священная война* (т. е. война, имѣющая исклю-

чительно сннатическій конессіонный характеръ, война правовѣрныхъ магометанъ противъ гяуровъ). Что-бы понять это явленіе необходимо помнить, что англійская политика въ Азіи хватила уже черезъ край. Отъ «мирнаго наблюденія» Англія неожиданно перешла къ энергическому завоеванію Келата. (Хана Келатскаго Англія поймала въ ловушку. Давъ ему ежегодную субсидію въ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, она вѣроломно исторгнула у него для себя право занять главныя города ханства своими войсками). Въ Келатѣ въ недавнее время произошли возмущенія, и убитъ одинъ англійскій офицеръ. По этому поводу въ англійскомъ парламентѣ были уже горячія пренія. Гроувъ-Дуэрь сдѣлавъ въ Палатѣ Общинъ запросъ о мотивахъ, на основаніи которыхъ ведется *слишкомъ уже* наступательная политика Англія въ Средней Азіи, Гроувъ-Дуэрь рѣзко порицалъ эту политику, и надо думать, что перевѣсъ общественнаго мнѣнія на его сторонѣ. Интересъ этого факта состоитъ, главнѣе всего, въ его неожиданности для Англіи и въ близорукости, съ которою она увлеклась завоеваніями. Теперь министерство Дизраэли не знаетъ, на чемъ сосредоточить вниманіе: на азіатскихъ ли дѣлахъ, или на русско-турецкой войнѣ.

— Франція переживаетъ въ настоящую минуту одинъ изъ жестокайшихъ кризисовъ своей политической жизни. Благодаря несчастному перевороту, произведенному президентомъ Макъ-Магономъ 16 мая текущаго года, эта сі-девантъ великая страна потеряла всякій голосъ въ международныхъ дѣлахъ Европы. Послѣ низверженія министерства Жюль-Симона импровизированное министерство Брولى-Фурту теперь окончательно запуталось. Правительство подавило свободу выборовъ, замятило своими чиновниками личный составъ мѣстной администраціи. Чиновники должны произнести *давлени* на выборъ депутатовъ въ палату. Есть слухи, что если, паче чаянія, республиканская партія все таки побѣдитъ то Макъ-Магонъ приметъ вышнюю «воинственную» политику. Какая это политика—понятно: клерикалиамъ радъ бы былъ создать новую Крымскую кампанію.

Внутреннихъ известій, какъ конечно замѣчаютъ наши читатели, мы въ послѣднее время давали очень немного, именно потому, что въ настоящій моментъ, переживаемый Россіей, почти все сосредоточивается на театрѣ военныхъ дѣйствій, и внутренняя жизнь страны отодвинулась нѣсколько на задній планъ. Въ настоящее время можемъ, пока, указать на то, что состоялось Высочайшее повелѣніе о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., въ полномъ ихъ объемѣ, въ девяти западныхъ губерніяхъ: Киевской, Волынской, Подольской, Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской и Минской.

За симъ отмѣчаемъ печальный фактъ—пожара въ Самарѣ. 24—26 іюля въ этомъ городѣ выгорѣло шестнадцать кварталовъ.

Ея Императорское Величество, глубоко соболѣзнуя объ участи, постигшей жителей города Самары и принимая во вниманіе то живое участіе, съ которымъ Самарская губернія пришла на помощь раненымъ нашей арміи, Высочайше изволила поручить главному управленію общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ отправить изъ особаго капитала для пособія по случаю народныхъ бѣдствій и изъ другихъ источниковъ *сто тысячъ рублей* въ самарское мѣстное управленіе, для удовлетворенія первѣйшихъ нуждъ города и для пособія бѣднѣйшимъ и наиболѣе пострадавшимъ отъ пожара жителямъ.

Въ-заключеніе сообщаемъ цѣны акцій и облигацій на с.-петербургской биржѣ 10-го августа.

Полумперіалы 7 р. 94. 5% бил. госуд. банка перваго выпуска 94¹/₈, втораго выпуска 92, третьяго выпуска 91¹/₈, четвертаго выпуска 92¹/₈. 6% серебромъ 110. 5% 2 займа 1822 г. 113. 5% то же 5 займа 1854 г. 92 5% то же 7 займа 1862 г. 118. 5% Восточный заемъ 88³/₈. 5% внутр. съ выигр. заемъ 1864 г. 207. 5% внутр. съ выигр. заемъ 1866 г. 208. 5¹/₂% ренты 99³/₄. 5% консолидир. обл. желѣз. дор. 2 вып. 118³/₄. 5% консолидир. обл. желѣз. дор. 3 вып. 118³/₄. 5% консолидир. обл. желѣз. дороговъ 4 выпуска 118³/₄. 4¹/₂% консолидир. обл. желѣзныхъ дороговъ 5 вып. 110. 5% заемъ гор. Петерб. 85. 5% облиг. с.-пет. гор. кредитн. общества 87. 5% облиг. моск. гор. кредитн. общества 85. 5¹/₂% облиг. одесскаго город. кред. общ. 76. 5% закл. листы общ. взаим. позем. кред. 111³/₄. 5¹/₂% закл. л. земск. банка херсон. губ. 85.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ 32 № „Нивы“ вкралась ошибка въ заглавіи исторической повѣсти Вс. Соловьева. Продолженіе этой повѣсти будетъ печататься во всѣхъ слѣдующихъ №№ „Нивы“ подъ заглавіемъ: „Юный Императоръ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Бой „Весты“ съ турецкими броненосными корветомъ (съ пор- третомъ).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть первая (продолженіе).—Любовь по идилліямъ Теокрита (съ рисункомъ) Стр.—Горно (съ рисункомъ) Л.—Юношеская любовь шведскаго короля Густава Адольфа (съ рисункомъ) Ш.—Синица Ревезь (съ рисункомъ).—Бѣство изъ Адрианополи (съ рисункомъ).—Укрѣпленный городъ Гирсово (съ рисункомъ).—Улицная сцена въ Руцивѣ во время бомбардированія его нашими войсками (съ рисункомъ).—Политическія, военные и внутреннія извѣстія.

Издатель А. Ф. МАРНСЪ. Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 34

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 22 Августа 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ГODOBAY ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ все
уже вышедшіе номера
«Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ „ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала
«Нивы» помѣщается
въ С.-Петербургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

ВЪ ЗАКАВКАЗЬ.

Внутренность татарскаго дома въ Закавказьѣ. Рис. Гомонъ, грав. Шалонъ.

Из истории Закавказья.

История распространения русского владычества по ту сторону Кавказа ведет свое начало со времен первых русских князей. Наше отечество, уже в самом начале образования его под династией Рюрика, владело землями у самого Кавказа и не раз приносило свое оружие к югу от этих гор. О войнах князей русских с кавказскими народами и о покорении этих последних или обложении их данью, упоминается неоднажды в древнейших летописях наших. В 966 году Святослав ходил войною на Козарь (к сѣверу от Кавказских гор, между Доном и Каспием) и Косоговъ (нынешних черкесов и кабардинцев); в 1022 году Мстислав обложил данью этих последних. Дружественные отношения наши с Закавказьем были во времена Изяслава. Он был женой на княжнѣ Азабикской; впоследствии один из сыновей князя Андрея Боголюбского, Георгій, был в супружестве с славною грузинскою царицею Тамарою. Но утверждению и дальнейшему распространению русского могущества в этих странах воспрепятствовали с XII вѣка усилившіяся здѣсь половцы, а потом нашествіе монголовъ, отбросившее русскіе предѣлы далеко на сѣверъ. После этого русское владычество стало подаваться на юг Кавказа только со времени совершеннаго паденія Золотой Орды. Не касаясь подробностей той продолжительной борьбы, какую приходилось здѣсь вести нам со временем Ѳедора Иоанновича, сражаясь попеременно то съ разными ханами, то съ Персіей, то съ Турціей, замѣтимъ, что только чрезъ восемь вѣковъ после первого вторжения нашего въ Закавказье (считая со времени первых русских князей) перешагнули мы снова за этотъ хребетъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ Персидскій походъ 1722 года, подъ личнымъ предводительствомъ Петра Великаго, войска наши проникли чрезъ Дагестанъ до Дербента и потомъ отдѣльный отрядъ, посланный моремъ, занялъ г. Рештъ (въ Персіи, въ разстояніи миль отъ Каспійскаго моря). Последствиемъ этого было, какъ известно, заключеніе мира съ Персіей, по которому уступались Россіи всѣ персидскія области, лежащія при Каспійскомъ морѣ: Дагестанъ, Ширванъ, Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ. Засимъ идетъ снова рядъ столкновеній, то съ Турціей, то съ Персіей, о которыхъ мы не имѣемъ возможности здѣсь подробно разсказать. Напомнимъ лишь по поводу присоединенія къ нашимъ владѣніямъ ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, что эти ханства присоединены по договору нашему съ Персіей (Турманчайскій мирный договоръ) 10-го февраля 1828 года, состоявшемуся вслѣдствіе блистательныхъ побѣдъ персидскихъ войскъ графомъ Паскевичемъ. Эти вновь приобретенныя ханства, по введеніи въ нихъ русскаго управленія, составили особую Армянскую область. Вслѣдъ за симъ, благодаря тоже военнымъ успѣхамъ графа Паскевича (уже въ борьбѣ съ Турціей) было присоединеніе къ Закавказскимъ владѣніямъ нашимъ сосѣдняго съ Грузіей и Имеретіей Ахалцхскаго пашалыка.

Какъ турецкая, такъ и персидская войны увеличили население Закавказья большимъ числомъ выходцевъ христіанскаго и магометанскаго исповѣданій, которые, испытавъ во время войны превосходство русскаго управленія предъ азіатскимъ владычествомъ, переселились добровольно изъ Эрзерумскаго, Баязетскаго и Карскаго округовъ въ вновь приобретенныя нами область армянскую и ахалцхскую провинцію.

Такимъ образомъ власть русская въ Закавказьи утвердилась съ тридцатыхъ годовъ этого столѣтія съ нѣкоторой прочностью, оставались въ волненіи только нѣкоторыя мѣстности по сѣверному склону Кавказа и проникали эти волненія за укрѣпленія Кавказской линіи, что продолжалось, какъ известно, до паденія Шамни. Административное устройство Закавказья не только въ первый періодъ, послѣдовавшій за водвореніемъ въ немъ русскаго владычества, но даже отчасти и теперь, носитъ на себѣ слѣды недавняго (сравнительно) присоединенія края къ имперіи.

Въ настоящее время Закавказскій край раздѣляется на пять губерній: Тифлисскую, Эриванскую, Бакинскую, Кутаисскую и Елизаветпольскую. По чрезвычайному разнообразію въ краѣ мѣстныхъ условій общественной жизни, опредѣляющихся такимъ же разнообразіемъ началъ этнографическихъ, религіозныхъ и историческихъ, долго не представлялось возможнымъ подвести всѣ мѣстности этого края подъ одну общую административную норму. При этомъ нельзя не замѣтить, что по изученію быта и нравовъ этого края, представляющаго громадное богатство материаловъ, до сихъ поръ еще слышкомъ мало сдѣлано.

Въ предѣдущемъ № „Нивы“ мы имѣли случай (по поводу рисунка „Залъ въ богатомъ домѣ въ Шуптъ“) сказать, что населеніе Шупи, какъ и окрестныхъ мѣстностей, состоитъ изъ туркоменовъ, лезгинъ, грузинъ, армянъ и особенно татаръ. Здѣсь замѣтимъ, что къ числу позднѣйшихъ переселенцевъ Кавказскаго края принадлежатъ: —турки, населяющіе южную часть Кутаисской губерніи, татары—въ большей части Бакинской, персы—въ южной части этой губерніи. Относительно же собственно кавказ-

скихъ горскихъ племенъ, разбросанныхъ по Кавказскому хребту и по обѣимъ его сторонамъ, то въ виду многочисленности ихъ остается только указать на главныя племена. Всѣхъ ихъ раздѣляютъ на пять: абхазы, черкесы (32 народа), чеченцы, лезгинны и авары (36 народовъ) и осетины (16 народовъ).

Промышленность этого края имѣетъ большую будущность, теперь же она находится въ младенческомъ состояніи. Скажемъ здѣсь, что край этотъ надѣленъ природою щедро, но пользуются этимъ даромъ пока весьма еще неумѣлыя руки. Главнѣйшія отрасли промышленности — винодѣліе, шелководство; сѣютъ сорочинское шено, хлопчатую бумагу, табакъ, ленъ, пшеницу; кромѣ винограднаго вина и водки, приготавливаютъ водку изъ фиговъ, туговыхъ ягодо и другихъ фруктовъ; скотоводствомъ занимаются преимущественно кочевые жители. Лучшими лошадьми во всемъ Закавказьи славятся карабахскія лошади. Изъ овечьей шерсти женщины приготавливаютъ ковры, обувь и шали и шерстяную матерію, изъ которой шьютъ верхнее платье.

Женщины не отличаются крѣпостью силъ, но славятся красотою формъ. Онѣ, какъ и мужчины, имѣютъ цвѣтъ лица смуглый, волосы черные. Закавказье, какъ мы сказали выше, представляетъ еще во многихъ отношеніяхъ массу сырого материала для изслѣдователя.

Укажемъ на нѣкоторыя черты изъ нравовъ Закавказья. Путешественникъ спрашиваетъ о заинтересовавшемъ его челоуѣкѣ. Ему отвѣчаютъ, что онъ убіица своей жены и ея друга.

— Что же онъ у васъ дѣлаетъ?

— Онъ въ изгнаніи. Начальники поручили намъ оберегать его отъ враговъ—братьевъ убитыхъ.

— Ты давно здѣсь, спрашиваетъ онъ убіицу.

— Три мѣсяца.

— Не скучаешь?

— Нѣтъ. Тутъ не до скуки. Ждешь, что вотъ-вотъ кто побудь угоститъ пулею въ затылокъ или кинжаломъ въ спину.

— Почему же ты опасаясь именно за затылокъ и спину.

— Враги мои трусы и рѣшатся убить меня только изподъ шапки и сади.

— А много ихъ?

— Да хватитъ на всю жизнь: пять со стороны жены, семь—со стороны любовника...

Онъ разсказалъ потомъ какъ убилъ жену:

„Мелькнуло у меня нечистое подозрѣніе, ревность. Я все стыжу самъ себя, думаю—экой я! Ну, можетъ-ли такое быть?.. Старался быть поспокойнѣе и нѣтъ—не удается! А сагана шепчетъ—чего ужъ тутъ притворяться слѣпымъ, когда все ясно?.. Не знаю что дѣлать! Мучаюсь—да и только. Наконецъ рѣшился. Поймать, думаю, ихъ на мѣстѣ! Объяснилъ женѣ, что ѣду и не вернуться мнѣ ранѣе недѣли. Она говоритъ „ахъ“—и будто грустила. Я вышелъ и окольнымъ путемъ свернуть въ конюшню. Темно, душно, жарко. Изъ конюшни у меня было сдѣлано отверстіе въ стѣнѣ, при помощи котораго можно было видѣть внутренность моеи сагли, и я сѣлъ противъ него. Жена сначала сидѣла задумчиво. Потомъ вдругъ вскочила и весело засмѣялась, и такъ то мнѣ больно стало! Вижу—радуется, что меня нѣтъ. Я сталъ пристально слѣдить за ней. Губы ея шевелятся. Слышу шепчетъ: „О Аллахъ, пророкъ, пусть пропадетъ онъ, не вернется!“ Взяла жестяной кувшинъ, налила изъ него воды въ котлы, закинула она его на спину и вышла изъ сагли. Думаю—ну, это идетъ она не за водою, а за любовникомъ. Долго ждалъ я. Часть полуденной молитвы давно прошла, приспѣла и вечерняя. Не могу молиться. Надо совершить омовеніе, воды въ конюшнѣ нѣтъ. Думаю: надо помочь бѣдѣ! Дозволяется, когда нѣтъ воды, брать свѣжую землю. И ея тоже негдѣ взять въ конюшнѣ. Выбѣжалъ потихоньку на лужокъ, въ травѣ захватилъ земли—помолился. Гляжу—вернулась домой жена. „Видно, не нашла его“,—подумалъ про себя. Такъ стало горько и досадно. Думалъ ужъ, что такъ и придется ночевать въ этой засадѣ, да не такъ вышло.

Гляжу: надѣла жена новое шелковое платье, набросила на голову чистое, бѣлое покрывало, и подошла къ зеркалу. Долго вертѣлась передъ зеркаломъ и собою все любовалась. Вдругъ слышу идетъ кто-то. Отскочила она отъ зеркала, принялась за шитье. Онъ и входитъ: О, Аллахъ, Аллахъ! Летитъ къ нему на встрѣчу. „Куда быкъ то ушелъ?“,—спрашиваетъ онъ и озирается.—А? Быкъ! О, Аллахъ. Аллахъ!—Вернется чрезъ недѣлю!.. Вотъ радость-то! О, рай пророка!“ Бросается къ нему на шею. Онъ цѣлуетъ ее, обнимаетъ! Кровь такъ и кипитъ у меня. Дрожу, а все сижу—гляжу, что будетъ дальше. Въ груди бьетъ какъ молотомъ, въ мозгу больно; въ глазахъ темно; голова кружится; ноги слабыя, такъ и дрожатъ. Я, шатаюсь, упалъ на солому. Слышу—поцѣлуй. Выбѣжалъ я изъ своей засады. Головой ударился въ стоабъ. Горячая кровь струей бьетъ изъ раны. Ничего я не чувствую, никакой боли. Бѣгу въ саглу. Ахъ, они, враги Алаха! Они таютъ и трепещутъ отъ страсти! Разъ! Два! И оба они ужъ безъ головъ передо мной валяются...“

Расправа, какъ видитъ читатель, короткая.

О современном положеніи Закавказскаго края въ настоящее время въ отношеніи политическомъ—свѣдѣнія имѣются довольно разнорѣчивыя: есть слухи, что Закавказье питаетъ большую ненависть къ своимъ прежнимъ угнетителямъ, туркамъ, но послѣднія извѣстія, на оборотъ, даютъ понятія о сочувствіи населенія туркамъ.

Будетъ жаль, разумѣется, только потому, что этимъ заблуж-

деніемъ магометанскаго населенія Закавказья увеличится число жертвъ войны, и это увеличеніе не принесетъ никакихъ результатовъ ни для Турціи, ни для Закавказскаго магометанства. Событія будутъ идти своимъ чередомъ, и прольются только напрасно потоки крови... Но такія событія совершаются не по волѣ людской.

Ф.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

V

Дни проходили за днями—Императоръ все веселился. Не кому было стѣснить его: далеко, въ своемъ Ранбовѣ лежитъ на постели больной и умирающій Александръ Данилычъ. Одинъ человѣкъ только и остался, который могъ бы стѣснить веселье,—это Андрей Ивановичъ Остерманъ. Но Андрей Ивановичъ не стѣсняетъ Императора; онъ говоритъ, что послѣ ученья, въ лѣтнюю пору, отдохнуть нужно, повеселиться, лишь бы забавы не мѣшали дѣлу, лишь бы не очень ужъ долго онъ прогинулись. Слѣдовательно, можно веселиться съ чистою совѣстью: даже Александръ Данилычъ наказывалъ слушаться Остермана; другіе близкіе люди ни въ чемъ не перечать Императору. Иванъ Долгорукій каждый день придумывалъ новыя забавы: то охоту устроить, то катанье съ музыкой и пѣснями, то во дворцѣ или подъ фонтанами устроить машкараду. Цесаревна Елисавета—душа этого веселья; дни проходятъ какъ радостный сонъ и только жалко, что скоро такъ идутъ они, и что времени удержать не возможно. Одной сестрицѣ Наташѣ не по себѣ—все грустна она, иногда по цѣлымъ днямъ отъ себя не выходитъ,—но сестрица Наташа не здорова, вотъ поправится—хорошіе доктора ее лечатъ—поправится и снова станетъ веселою.

Каждый день ѣздить гонцы въ Ранбовъ и изъ Ранбова. Сначала князю все было хуже, но вдругъ полегчало.

— Не умретъ еще, поди чай выздоровѣетъ—что ему дѣлается? толкуютъ придворные. И дѣйствительно, князь выздоровѣлъ. Петръ было поѣхалъ какъ то къ нему, да на дорогѣ въ Ранбовъ его самого встрѣтилъ. Не смотря на доброе сердцѣ, не могъ не подосадовать юный Императоръ и если ему тяжело и неловко было смотрѣть на слабаго, умирающаго Меншикова, то теперь на здороваго онъ глядѣлъ положительно съ враждою.

— Пусть только опять за старое примется, пусть только, думалъ онъ,—я покажу ему, что со мной трудно тягаться! И случай показать это скоро представился.

Меншиковъ, едва появился въ Петергофъ, сейчасъ же и потребовалъ отчета во всемъ, что произошло во время его болѣзни. Онъ очевидно забылъ исторію съ девятыю тысячами червонцевъ, или разсудилъ, что не стоитъ придавать ей большаго значенія, что это только была мимолетная вспышка и отъ нея ничего не осталось. Онъ призвалъ къ себѣ царскаго камердинера и спросилъ его, куда истрачены три тысячи рублей, данные для мелкихъ расходовъ Императора. Камердинеръ началъ высчитывать, но не досчитался нѣсколькихъ сотенъ и объявилъ, что выдалъ ихъ Императору по его приказу.

Меншиковъ разбранилъ камердинера, прогналъ его и велѣлъ ему немедленно убираться изъ Петергофа. Камердинеръ кинулся къ Императору, повалился ему въ ноги и умолялъ заступиться за него передъ княземъ. Петръ только и желалъ чего-нибудь подобнаго и

ухватился за возможность показать себя Меншикову. Онъ призвалъ его къ себѣ и встрѣтилъ его такъ, что тотъ опять почувствовалъ возвращеніе своей лихорадки. Все кончилось тѣмъ, что камердинеръ былъ возвращенъ.

Дня черезъ два опять повторилась подобная сцена. Петръ потребовалъ у Меншикова пять сотъ червонныхъ.—Зачѣмъ, спросилъ Меншиковъ.

— Надобно, рѣзко отвѣтилъ Петръ. Александръ Данилычъ ничего не возразилъ и велѣлъ выдать червонцы. Петръ сейчасъ же снесъ ихъ къ царевичу Натальѣ въ подарокъ.

— Вотъ какъ я его учу, сказалъ онъ ей,—небось теперь онъ ихъ у тебя не отниметъ!

Но каково было изумленіе Императора, когда черезъ часъ какой-нибудь сестра объявила ему, что Александръ Данилычъ отобралъ у нея эти червонцы.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ этотъ Меншиковъ? Подайте мнѣ его сейчасъ же, гдѣ онъ, задыхаясь отъ волненія и гнѣва кричалъ Императоръ.

Но Меншикова не было. Онъ только что уѣхалъ къ себѣ въ Ранбовъ.

Петръ хотѣлъ было немедленно за нимъ ѣхать, но потомъ разсудилъ иначе.

— Слишкомъ много для него чести, сказалъ онъ. Сейчасъ послать гонца и вернуть его! Сказать ему, что я долженъ его видѣть, чтобъ онъ возвратился немедленно.

Меншиковъ вернулся, но въ страшномъ раздраженіи.

— Что это значить Ваше Величество, сказалъ онъ входя къ Императору—что ты меня съ дороги ворочаешь? Дѣлъ важныхъ никакихъ нѣтъ, уѣзжая я рѣшилъ все, а я устарѣлъ, чтобы ты такъ помыкалъ мною.

— Не я тобой помыкаю, а ты мной помыкать хочешь, замѣтилъ ему Императоръ. Ты вѣрно забылъ, что я говорилъ тебѣ, ты забылъ, что обѣщалъ мнѣ исполнять мои приказанія и не перечить моимъ распоряженіямъ. Я подарилъ сестрѣ моей пятьсотъ червонныхъ и ты опять осмѣлился отнять ихъ—что же это наконецъ такое?

— Но Ваше Величество, разсуди...

Петръ перебилъ его. Онъ топнулъ ногою и сказалъ „Я тебя научу, я тебѣ покажу, что я Императоръ и что мнѣ надобно повиноваться“ вышелъ изъ комнаты.

Онъ не хотѣлъ видѣть Меншикова, не хотѣлъ о немъ слышать. Свѣтлѣйшій не зналъ, что ему и дѣлать. Ему ясно было, что много неладнаго совершилось во время его болѣзни: Петръ приучился къ свободѣ, къ тому же и враги княжескіе очевидно сдумали вооружить его противъ будущаго тестя.

— Вѣдь что ни человѣкъ, то врагъ мнѣ лютый, думалъ Меншиковъ. Что же это такое? Вѣдь такъ они въ самомъ дѣлѣ спихнуть меня—бѣда! И не на кого положиться—думалъ Остерманъ за меня... Вѣдь вотъ писалъ онъ, все писалъ, что слѣдуетъ за Императоромъ, писалъ, что Императоръ радуется моему выздоровленію,—много писалъ, а, можетъ, самый этотъ Остерманъ и есть лютѣйшій врагъ мой! На кого положиться? Вотъ

Послѣ взятія Никополя. 1) Прибрежная часть города и затопленные турецкіе мониторы. 2) Плѣнный Гассанъ-паша. 3) Переходъ русскихъ войскъ чрезъ мостъ въ Никополь. Ориг. рисунокъ Н. Кагазина, грав. К. Вейерманъ. Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Александровичъ.

Рис. Бокуръ, грав. Шапонъ.

оно послѣднее письмо его... ишь какъ расписываетъ: „Вашу высококняжескую свѣтлость всепокорнѣйше прошу о продленіи вашей высокой милости и моля Бога о здравіи Вашемъ пребываю съ глубочайшимъ респектомъ Вашей великокняжеской свѣтлости всенижайшій слуга А. Остерманъ“. Хорошъ слуга! Хорошъ другъ! Вотъ и Петръ приписываетъ: „И я при семъ Вашей Светлости, и светлейшей кнегине и невестѣ и своячинѣ и тетке и шурина поклонъ отдаю любителны. Петръ“. Но это небось самъ Андрей продиктовалъ, чтобъ глаза отвести мнѣ. Нѣтъ, нужно добратся до Остермана, послушать, что-то онъ скажетъ, какъ вернется!

Александръ Давидычъ вышелъ изъ дворца, спустился съ пригорка и направился къ домику, занимаемому Остерманомъ. Баронъ Андрей Ивановичъ уже съ утра не выходилъ изъ своей комнаты. Онъ зналъ какая во дворцѣ идетъ буря, его жена уже два раза приносила ему оттуда самыя свѣжія вѣсти. А во время бурь и волненій, очень часто имъ самимъ приготовленныхъ, Андрей Ивановичъ всегда сидѣлъ дома, одержимый всевозможными недугами. Онъ и теперь сдѣлалъ видъ больного человѣка: снялъ парикъ, надѣлъ шлафрокъ, спустилъ штору и даже поставилъ передъ своей постелью стклянку съ какимъ-то лекарствомъ.

Андрей Ивановичъ занималъ маленькое помѣщеніе—три бѣдно меблированныя комнаты, и даже по переѣздѣ въ Петергофъ вовсе не позаботился, чтобы ихъ украсить. Не любилъ онъ излишней роскоши, да и вообще никакихъ тратъ не любилъ, для него было несравненно пріятнѣе отложить денежку въ безопасное мѣсто на черный день. И такой же бережливости и скупости пріучилъ онъ и свою баронессу, которая была ему вѣрнымъ другомъ, съумѣла окончательно войти во всѣ интересы и планы мужа и безъ души любила своего Андрея Ивановича.

Баронесса Марфа Ивановна Остерманъ, урожденная Стрѣшневна, была сосватана Андрею Ивановичу самимъ Петромъ Великимъ и въ нѣсколько лѣтъ счастливой семейной жизни какъ-то съумѣла даже по внѣшнему виду совсѣмъ превратиться въ нѣмецкую фрау.

Теперь она только что вернулась изъ большого дворца и шепнула мужу, что сейчасъ тамъ было крупное объясненіе у Государя съ Меншиковымъ, и что Александръ Давидычъ спѣшно идетъ теперь къ ихъ домику.

— Поди, поди, поди на кухню, быстро зашепталъ Остерманъ,—какъ будо тебя и нѣту.

Баронесса скрылась, а Андрей Ивановичъ соорилъ самую болѣзненную физиономію, легъ на постель, налилъ себѣ лекарства, обернулъ голову мокрымъ полотенцемъ и принялся легко стонать. Черезъ минуту къ нему входилъ Меншиковъ.

— Валяешься, боленъ опять—небось помрешь къ вечеру? Что-то ужъ долго ты умираешь—съ тѣхъ поръ какъ тебя знаю. И все отъ болѣзней твоихъ лютыхъ только распираетъ тебя во всѣ стороны, едва сдерживая свой гнѣвъ началъ Меншиковъ какъ только что вошелъ.

— Боленъ, боленъ ваша высококняжеская милость, охая и какъ бы не замѣчая Меншиковскаго тона отвѣтилъ Остерманъ, искусно выражая на своемъ лицѣ невыносимыя страданія.—Такъ голова трещитъ, что еле гляжу на свѣтъ Божій. Вотъ окно занавѣсилъ, а все глазамъ больно.

— А небось не больно глазамъ и не стыдно ими смотрѣть на свѣтъ Божій дѣлая всякія непотребныя дѣла, уже не сдерживая своего гнѣва возвысилъ голосъ Меншиковъ.

— Какія такія дѣла? О чемъ говорить изволите ваша высококняжеская милость? Охъ, охъ, простоналъ Остерманъ.

— Не знаетъ, не понимаетъ, скажи на милость! Ан-

дрей, смотри у меня, не доводи до послѣдняго—или ты меня не знаешь?

— Охъ, охъ да толкомъ сказывай ваша высококняжеская милость—ей-Богу ничего не понимаю!

— Ты мнѣ писалъ это письмо? вынулъ Меншиковъ изъ кармана пакетъ.

— Я. Тутъ вотъ и приписочка есть Императора.

— То-то приписочка, писать-то ты мастеръ? Все время меня успокоивалъ, увѣрялъ въ томъ, что Императоръ спрашиваетъ про меня, жалѣетъ, желаетъ здоровья. А что вы тутъ безъ меня надѣлали? Ты, я чаю, всѣ дни турчалъ ему на меня.

— Боже меня сохрани и избави, вдругъ поднялъ голову съ подушки Остерманъ, въ нѣкоторомъ изумленіи глядя на Меншикова. Чтобы я могъ... да зачѣмъ, скажи на милость? И откуда у тебя такія мысли берутся ваша высококняжеская милость, грѣхъ тебѣ! И главное одного сообразить не могу—неужто-жъ вы меня за малаго ребенка или за дурака почитаете? Если моему сердечному расположенію и респекту къ себѣ не вѣрите, такъ подумали бы о томъ, что самъ я себѣ не врагъ. Кѣмъ же я и держусь какъ не вами, ваша милость. Ну не приведи Богъ что съ вами, такъ вѣдь куда я дѣнусь? Затрутъ меня, ужъ за одно то затрутъ, что съ вами въ ладахъ былъ—никогда мнѣ не простятъ этого! Такъ вѣдь я все это очень хорошо понимаю, какъ же могу что-нибудь дурное про васъ замыслить? Охъ, охъ... ишь голова проклятая!

Меншиковъ молчалъ въ нерѣшительности.

— Нелегкая его знаетъ, думалъ онъ,—хитрый нѣмецъ! Или тутъ взаправду другія руки дѣйствовали...

Такъ въ нерѣшительности и съ тяжелымъ чувствомъ и вышелъ князь отъ Андрея Ивановича.

По его уходѣ въ комнату прокралась баронесса.

— Ну что-жъ Андрей Ивановичъ—ничего, заставилъ замолчать его, я все у двери слышала.

— Да какъ же съ нимъ иначе, проговорилъ Остерманъ, снимая съ головы своей повязку. А ты вотъ что, мейнъ герцхенъ, обожди немного да сходи опять во дворецъ, узнай когда онъ уѣдетъ—тогда приди и скажи мнѣ. Теперь туда нужно—съ вечера вѣдь я тамъ не былъ.

Андрей Ивановичъ досталъ маленькое складное зеркальце и приготовилъ себѣ парикъ; лекарство снова вылилъ въ стклянку и сидѣлъ, дожидаясь возвращенія жены. Его глаза весело смотрѣли; головной боли какъ не бывало.

IV.

26-го Августа въ Петергофѣ былъ большой праздникъ,—имянины Великой Княжны Натальи. Къ этому дню сюда собрались даже всѣ придворные и саповники, остававшіеся въ Петербургѣ. Приготовлялись разныя празднества. Еще за три дня все убиралось, паркъ разчищался; у Монплезира готовился большой фейерверкъ. Еще наканунѣ вечеромъ князь Александръ Давидычъ прибылъ изъ Ораніенбаума со всѣмъ своимъ семействомъ. Петръ хотѣлъ необыкновенно весело отпраздновать день именинъ сестры и только одно его смущало—она сама. Здоровье Великой княжны очень плохо поправлялось; не смотря на хорошія воздухи, прогулки и лекарства она все была очень блѣдна, задумчива, по временамъ кашляла. Когда Остерманъ спрашивалъ ее о здоровьѣ, она печально качала головою и говорила ему:

— Ахъ, Андрей Ивановичъ, какъ же мнѣ тутъ поправиться, когда сердце не на мѣстѣ. Развѣ вы не видите, что кругомъ насъ дѣлается? Братецъ по прежнему ласковъ со мною, но все же ни мои совѣты, ни ваши на него не дѣйствуютъ. Вотъ онъ теперь сдружился съ Иваномъ Долгорукимъ, все на охотѣ съ нимъ, да съ цесаревной.

Остерманъ не находилъ словъ, что отвѣчать ей на это. Онъ конечно не хуже ее видѣлъ и понималъ, но не находилъ для себя возможнымъ рѣзко вмѣшиваться въ дѣла Императора и отстранять Долгорукихъ. Теперь одна была цѣль только у барона Андрея Ивановича—уничтожить Меншикова и онъ прямо шелъ къ своей цѣли, забывая все остальное.

Рано утромъ торжественнаго дни Петръ проснулся и еще въ постели велѣлъ позвать къ себѣ новаго любимца князя Ивана Долгорукаго. Тотъ не заставилъ себя ждать. Это былъ еще очень молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, съ неправильнымъ, но довольно приятнымъ лицомъ и открытыми веселыми глазами. Всегда франтоватый и даже роскошно одѣтый, умѣющій, когда надо, держать себя въ высшей степени прилично и съ тактомъ, когда надо—совершенно распускаться, понявшій характеръ Императора и въ короткое время вошедшій въ его душу, онъ, естественно долженъ былъ играть большую роль при Петрѣ. Онъ былъ не истощимъ въ придумываніи всевозможныхъ развлеченій и удовольствій, зналъ какъ надо говорить съ юнымъ Императоромъ, кого хвалить, кого бранить, а главное поддакивать и потворствовать всѣмъ капризамъ и желаніямъ своего юнаго друга. Петру очень нравилось, что взрослый молодой человѣкъ раздѣляетъ всѣ его забавы, онъ самъ при этомъ забываетъ свои годы и считалъ себя такимъ же взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Петръ развился необыкновенно быстро и дѣйствительно никакъ нельзя было принять его за двѣнадцатилѣтняго мальчика. Способный и умный отъ природы, одаренный крѣпкимъ организмомъ, онъ торопился жизнью и какъ-то вдругъ провелъ черту, за которою остался его дѣтство и прежній внутренній міръ его. Конечно онъ еще по-дѣтски относился къ забавамъ, но въдѣ его забавы были забавами взрослыхъ людей; онъ любилъ охоту, скачки и всякія гимнастическія упражненія. Подъ вліяніемъ Долгорукаго онъ уже совсѣмъ иначе, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сталъ смотрѣть на хорошенькихъ женщинъ. Теперь уже онъ сказалъ самъ себѣ, что влюбленъ въ принцессу Елизавету и часто повѣрялъ объ этой любви другу Долгорукому. Но это не мѣшало ему замѣчать и другія хорошенькія лица; ему нравилось, когда молодыя дѣвушки съ почтительнымъ кокетствомъ относились къ нему; ему нравилось слушать рассказы Долгорукаго о всевозможныхъ любовныхъ похожденияхъ—и не было никого, кто бы благоразумными разсужденіями и совѣтами въ другую сторону направлялъ его мысли. Остерманъ зналъ, что разыгрывать теперь роль воспитателя, значитъ погубить себя—и благоразумно отстранялся, стараясь только казаться Императору добрымъ, ласковымъ и всегда снисходительнымъ человѣкомъ.

Войдя въ спальню Императора, князь Иванъ безцеремонно сѣлъ у самой постели Петра.

— Зачѣмъ позвалъ меня, Государь,—спросилъ онъ.

— А вотъ зачѣмъ—разскажи мнѣ, что ты придумалъ на счетъ вечерняго маскарада—какіе костюмы?

Долгорукій оживился.

— Да ничего новаго не придумалъ. По моему хорошо такъ, какъ вчера мы рѣшили. Ты, Государь, одѣнешься Аполлономъ, я—Марсомъ; цесаревна еще не рѣшила, какъ ей одѣться...

— Пстой, погоди, ну а сестра—говорилъ ты съ нею? Согласна она быть Минервой?

— Великая княжна отвѣтила мнѣ, что если на то твоя воля, такъ она перечить не станетъ.

— Конечно, конечно, быть ей Минервой. Она какъ есть Минерва—моя милая Минерва!.. Ну, а Меншиковы какъ будутъ одѣты?

— Про то я не знаю. Отъ меня теперь, Государь, отвѣтываться стали, вчера едва слова добился отъ Александра Данилычу.

— Ничего, пичего, пускай себѣ, тѣмъ для нихъ хуже,—самоувѣренно проговорилъ Императоръ.

Куда дѣвался его прежній страхъ и почтеніе къ Данилычу. По совѣту сестрицъ онъ давно уже сказалъ себѣ, что „естъ воля“—и она дѣйствительно оказалась: Минерва, какъ и всегда, была права. Петръ нетерпѣливо дождался того дня, когда совсѣмъ отдѣляется отъ Меншикова и уже рѣшилъ, что день этотъ скоро настанетъ. Иванъ Долгорукій, часто бесѣдовавшій съ нимъ о Меншиковыхъ, каждый разъ еще больше его подзадоривалъ. У нихъ еще и вчера было рѣшено, во время праздника досаждать Данилычу и его дочери.

— Любопытно, съ улыбкой замѣтилъ Петръ,—любопытно, какъ будетъ одѣта моя невѣста? То-то хороша, чай, будетъ! Я думаю такой богини никогда и не бывало; на нее древніе не стали бы молиться.

Долгорукій тоже одобрительно улыбался, но не настаивалъ на продолженіе этого разговора.

— Теперь не нужно раздражать Императора, думалъ онъ,—дѣла и такъ хороши—Меншиковъ останется доволенъ сегодняшнимъ днемъ. И Меншиковъ остался доволенъ.

Ни утромъ, ни за столомъ Императоръ не обращалъ на него никакого вниманія. Только что Александръ Данилыч начиналъ говорить съ нимъ, какъ Петръ поворачивался къ нему спиною, не отвѣчалъ на его вопросы и дѣлалъ видъ какъ будто совсѣмъ и нѣтъ его здѣсь.

— Смотрите, на всю комнату сказалъ онъ Голицыну, развѣ я не начинаю вразумлять его.

Эти слова облетѣли всѣхъ присутствовавшихъ и достигли до слуха свѣтлѣйшаго князя. Была минута, когда раздраженный и доведенный до отчаянія Меншиковъ просто хотѣлъ забрать своихъ и ухѣхать изъ Петергофа, но онъ одумался. Онъ понялъ, что этимъ ничего не возьмешь и хмурый бродилъ по дворцу, видя, что дѣла дѣйствительно плохи, и что бѣда виситъ надъ его головою. Теперь онъ готовъ былъ на всякія уступки, на что угодно—лишь бы Императоръ обратилъ на него вниманіе, лишь бы подарилъ ему ласковую улыбку; но Петръ упорно продолжалъ не замѣчать его. Всемогущій правитель государства, еще такъ недавно считавшій себя на верху земного величія, даже со стороны теперь начиналъ казаться жалкимъ: въ немъ клочкотали и злоба, и гордость, и оскорбленное самолюбіе, и страхъ—невольный и мучительный. Этотъ человѣкъ умѣлъ ладить съ Великимъ Петромъ, умѣлъ обращаться, въ самыя страшныя минуты, грозный гнѣвъ Царя въ милость любящаго друга,—а вотъ теперь двѣнадцатилѣтній мальчикъ оказался ему не по силамъ. Да нѣтъ, этого быть не можетъ, все это пройдетъ, только туча налетѣла, успокоивалъ себя Меншиковъ,—развѣ въ силахъ они раздавить меня! Нѣтъ, это невозможно! И онъ снова гордо поднималъ свою голову и презрительно оглядывался на окружающихъ. Взгляды многихъ опускались передъ нимъ: всѣмъ было какъ-то неловко смотрѣть на него, всѣ понимали его положеніе лучше, чѣмъ понималъ онъ самъ.

На бѣдной княгинѣ Дарьѣ Михайловнѣ лица совсѣмъ не было; царская невѣста, окруженная придворными женщинами была по обыкновенію своему ко всему равнодушна. Младшая сестра ее казалась чѣмъ-то необыкновенно разстроенной, но ее горе было другого рода. Она повѣдала его своему другу, Великой княжнѣ Натальѣ: ее бракъ съ принцемъ Ангальтъ-дессаускимъ разстроился.

Андрей Ивановичъ Остерманъ всячески избѣгалъ встрѣчаться съ свѣтлѣйшимъ княземъ, а при встрѣчахъ строилъ самую умильную и печальную фізіономію. Но теперь онъ уже не могъ обмануть Меншикова: тотъ неопровержимо рѣшилъ теперь, что вся бѣда главнымъ образомъ отъ Остермана.

— Что же это наконец, сказалъ онъ Андрею Ивану, развѣ это возможно, что Императоръ даже, кажется, ни разу не подошелъ къ моей дочери—или она ему не невѣста? Чего ты смотришь, воспитатель?

— Его Величество такъ занятъ приготовлениями къ вечернему празднику, такъ разбѣянъ сегодня... Но я сейчасъ же доложу ему о легкомысленномъ его поведении, ваша великокняжеская милость, можешь быть спокойнымъ, да вѣдь и Государь-то почти ребенокъ еще, можно ли съ него такъ взыскивать.

Меншиковъ ничего не отвѣтилъ, Остерманъ подошелъ прямо къ Императору и передалъ ему жалобу князя. Онъ даже дѣйствительно замѣтилъ, что Петръ не долженъ пренебрегать своими обязанностями относительно невѣсты, но замѣтилъ это такимъ тономъ, что нисколько не разсердилъ Петра.

— Андрей Ивановичъ, — отвѣчалъ Императоръ, — подпиши отъ меня Меншикову вотъ что, — скажи, развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ—ласки излишни, — а что касается до свадьбы, то вѣдь Меншиковъ знаетъ, что я намѣренъ жениться ранѣе двадцати пяти лѣтъ. Подпиши сейчасъ же передай ему слова мои.

Остерманъ немедленно исполнилъ приказъ Императора. Меншиковъ весь позеленѣлъ отъ злости.

Вечеромъ, во время маскарада царская невѣста явилась въ костюмѣ минервы. Это ужасно раздражило Петра, такъ какъ и Великая Княжна Наталья была точно такъ-же одѣта.

— Смотри, —

громко сказалъ Петръ, обращаясь къ Долгорукому, — у насъ двѣ минервы, но только одна изъ нихъ фальшивая.

Наконецъ Петръ счелъ своею обязанностью пригласить на одинъ танецъ княжну Марію Александровну. Она не сдѣлала ему никакого замѣчанія, никакого упрека и упорно молчала, дожидаясь, чтобъ онъ заговорилъ съ ней.

— Зачѣмъ вы такъ одѣлись, — спросилъ Императоръ, — развѣ вы не знали, что у насъ еще заранѣе было рѣшено моей сестрѣ быть минервой?

— Не знала, Государь, просто отвѣтила княжна.

— Напрасно. Или вы думали, что къ вамъ этотъ нарядъ больше пойдетъ, можетъ быть вамъ ужъ кто-нибудь и сказалъ это?

— Никто ничего мнѣ не говорилъ и мнѣ рѣшительно все равно, что идетъ ко мнѣ и что нѣтъ, тихо проговорила она.

— Это не хорошо, — засмѣялся Императоръ, — вѣдь вы еще въ старухи не записались. Вамъ нужно быть прекрасной, хоть даже на переکورъ Создателю.

Вотъ ужъ до чего дошелъ Петръ. Даже княжна, не смотря на все свое равнодушіе, поблѣднѣла и едва не расплакалась.

— Зачѣмъ вы меня колете, Государь? Если я вамъ не нравлюсь — оставьте меня, но я ничѣмъ не заслужила вашихъ насмѣшекъ.

Петръ взглянулъ на нее; передъ нимъ было длинное, такъ противное ему лицо, но теперь на этомъ лицѣ изобразилось чувство собственнаго достоинства, на глазахъ блестя ли слезы. У юнаго Императора было доброе, славное сердце, только ужъ очень его раздражали, возбуждали ненависть ко всему этому семейству.

Ему вдругъ жалко стало княжну и онъ съ откровенной, смущенной и ласковой миной попросилъ у нея прощенья.

— Я не хотѣлъ обидѣть васъ, простите, прощентали его губы.

Княжна только пожала плечами и до конца танца они не сказали другъ другу ни слова.

— Что говорилъ съ тобой Императоръ, спросила у дочери Дарья Михайловна, какъ только это оказалось удобнымъ.

— Онъ назвалъ меня уродомъ, матушка, отвѣтила княжна.

— Господи, да вѣдь это не можетъ быть, зачѣмъ ты меня пугаешь?

— Ну, не такими словами, а сказалъ это самое.

Бѣдная княгиня понурила голову и ушла изъ Монплезира въ глубь парка; она не могла больше владѣть собою. Она все поняла, все угадала и для нея не ос-

Мало-Азіатская турчанка. Грав. Клейнъ.

Секретъ на ушко. Картина А. Дилленса, грав. Жонаръ.

тавалось уже никакой надежды. Она замѣтила даже что не такъ уже заискиваютъ передъ нею, пришелъ всему конецъ и ничего ужъ больше не поправишь? И глубже въ паркъ слѣзла Дарья Михайловна. Она наткнулась на кусты, не замѣчала какъ зацѣпляется и рвется о сухія вѣтки кружево ея платья; не замѣчала вечерней сырости, росы мочившей ей ноги. Крупныя слезы текли по щекамъ ея, смывая бѣлила и румяна, неизбѣжно требовавшіяся въ то время. Что теперь дѣлать, что дѣлать! шептала она и рѣшилась на послѣднее средство: обратиться къ Великой княжнѣ Натальѣ. Она скоро нашла ее. Царевна тоже бѣжала шума и искала единенія. И юное, безвременно отцвѣтающее лицо княгини Натальи Алексѣевны и старое, отцвѣтшее лицо княгини были одинаково печальны и разстроены и причина этого разстройства у обѣихъ была одна и та же—юный Императоръ.

— Ваше Высочество, голубушка моя Наташенька, позволь сказать себѣ слово, проговорила въ волненіи Дарья Михайловна.

— Говори, княгиня, тутъ никто насъ не слышитъ.

Великая княжна подняла на нее глаза и почти не узнала княгини.

— Дарья Михайловна, что съ тобою—на тебѣ лица нѣтъ?

Княгиня не выдержала и заплакала.

— Матушка, золотая моя, хоть ты заступишь за насъ! Коли Александръ Данилычъ въ чемъ виноватъ—такъ мы неповинны! Сердечно люблю я васъ всѣхъ и почитаю, за что же Его Величество такъ не милостивъ, за что обижаютъ онъ мою дочку? Заступись царевна, за молви ласковое слово. Не любя Машенька Его Величеству—такъ и не надо. Все еще поправить можно—не обвѣнчаны, а за что же обиды, за что погибель.

Великая княжна взяла Дарью Михайловну за руки и грустно на нее глядѣла.

— Эхъ, княгиня, ужъ и не знаю могу ли помочь я этому. И мнѣ, пожалуй, не лучше твоего—не такъ ужъ слушаетъ меня братецъ, у всѣхъ у насъ много горя! А насчетъ княжны Маріи я скажу тебѣ, и нельзя винить братца—наильно милъ не будешь.

Такъ и не дождалась ничего бѣдная княгиня; послѣдняя надежда ея рушилась—никто за нихъ не заступится. Что-жъ это Данилычъ—видно не жалко ему головы своей,—неужто не видитъ онъ, что теперь самому скорѣй отъ всего нужно отступиться, только этимъ и спасеть и себя и всѣхъ насъ. Господи, помилуй, не попусти, часто привычно крестилась княгиня, не знаю на чемъ и остановиться,—охъ тяжело, какъ и до утра доживу, не знаю!

(Продолженіе будетъ).

ХОДЪ МИРОВЫХЪ ЧАСОВЪ.

Уже въ первобытнѣмъ, младенческомъ состояніи человѣчество развивало свои духовныя силы къ достиженію практическихъ цѣлей. Знакомясь съ окружающимъ вѣднимъ міромъ и всматриваясь въ безчисленный рядъ послѣдовательно смѣняющихся явленій, человѣкъ необходимо долженъ былъ выбрать одинъ рядъ изъ нихъ, такой, который бы могъ служить ему мѣриломъ для всѣхъ другихъ. При всемъ разнообразіи явленій природы человѣку не трудно было подмѣтить правильное возвращеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, на деревьяхъ показывались листья, распускались цвѣты, созрѣвали плоды; затѣмъ листья увядали, и деревья, лишеныя всякаго украшенія, погружались въ зимній сонъ; черезъ нѣсколько времени деревья пробуждались отъ этого сна, и съ ними снова повторялся тотъ же рядъ явленій. Но еще болѣе бросалась въ глаза первобытному человѣку правильная и непрестанная смѣна дня и ночи.

Рано утромъ восходило на востокѣ лучезарное свѣтило, величественно шло оно по небосклону и вечеромъ исчезало за горизонтомъ, предоставляя владычество ночи съ ея миллиардами блестящихъ звѣздъ и погружая людей и животныхъ въ желанный сонъ.

Надо полагать, что уже на первой ступени развитія человѣкъ обладалъ способностью производить сравненія между теченіемъ времени и измѣненіемъ въ положеніи солнца на небосклонѣ. Первый шагъ впередъ въ этомъ отношеніи состоялъ въ томъ, что единицу времени, сутки, начали считать отъ полудня до полудня, отстраняя, такимъ образомъ, неравенство лѣтнихъ и зимнихъ дней. Съ этимъ шагомъ мы вступаемъ въ историческій періодъ. Полдень, т. е. самую высшую точку въ положеніи солнца на небѣ, начали опредѣлять по длинѣ отбрасываемой предметами тѣни, а отсюда—одинъ шагъ до устройства солнечныхъ часовъ. Вскорѣ замѣтили, что и мѣсто полуденнаго стоянія солнца на небѣ подвергается правильнымъ измѣненіямъ; сообразно съ этими измѣненіями составлена была высшая единица времени—годъ, состоящій изъ 365 дней. Съ быстрымъ развитіемъ астрономіи въ средніе вѣка шло рука объ руку и усовершенствованіе часовъ, такъ что теперь равномерность и правильность хода нашихъ хронометровъ доведены до чрезвычайной высокой степени.

Коперникъ лишь измѣнилъ центральнаго положенія во вселенной и доказалъ, что она, подобна другимъ планетамъ, обращается вокругъ солнца. Въ то-же время люди поняли, что движеніе свѣтилъ небесныхъ вокругъ земли только кажущееся явленіе; но что сама земля обращается вокругъ своей оси по направленію отъ запада къ востоку. Если продолжительность этого обращенія опредѣлять по положенію солнца на небѣ, то получится нѣсколько иной результатъ, чѣмъ отъ опредѣленія его по какой либо неподвижной звѣздѣ, потому что съ каждымъ днемъ земля подвигается впередъ по пути своему вокругъ солнца. Путь, который долженъ совершить наблюдатель до того пункта, гдѣ солнце въ отношеніи его снова будетъ стоять на самой высокой точкѣ небосклона, будетъ нѣсколько длиннѣе, нежели тогда, когда онъ дѣлаетъ свои наблюденія по какой-нибудь звѣздѣ, которая, какъ болѣе отдален-

ная отъ земли чѣмъ солнце, позволяетъ намъ разсматривать землю за неподвижную въ небесномъ пространствѣ и лишь вращающуюся вокругъ своей оси. А потому солнечный день на четыре минуты длиннѣе звѣзднаго. Если мы возьмемъ за основаніе нашихъ вычисленій послѣдній, то единицею нашего времени будетъ то время, въ теченіе котораго земля, вращаясь вокругъ своей оси, приведетъ наблюдателя въ известное положеніе по отношенію къ какой-либо неподвижной звѣздѣ. Эту единицею времени мы проѣтрѣемъ наши часы и полагаемъ ее въ основаніе всѣхъ нашихъ опредѣленій времени.

Но развѣ время обращенія земли вокругъ своей оси остается постоянно неизмѣннымъ? Развѣ не бываетъ оно, смотря по обстоятельству, быстрѣе медленнѣе? Еслибы мы не предположили съ самаго начала равномерности движенія, то не могли бы и принять обращеніе земли вокругъ своей оси за единицу времени, потому что въ противномъ случаѣ эта единица была бы то больше, то меньше.

На землѣ мы видимъ, что всякое движеніе, продолжаясь меньшее или большее время, прекращается. Быстролетящая пуля падаетъ вскорѣ на землю. Качаніе всякаго маятника становится постепенно медленнѣе, и медленнѣе и наконецъ прекращается. Не тоже ли должно случиться и съ землей. Обратимся къ механикѣ; она говоритъ, что однажды начавшееся движеніе должно, по силѣ инерціи, продолжиться безконечно, если только не встрѣтитъ на пути своемъ какаго либо препятствія, которое оно должно будетъ преодолевать треніемъ; пуля и маятникъ, напр., встрѣчаютъ на своемъ пути воздухъ, треніе о который и прекращаетъ постепенно ихъ движеніе. Этого препятствія, при обращеніи земли вокругъ своей оси ея, не существуетъ, такъ какъ вся атмосфера движется вмѣстѣ съ нею. Въ чемъ же можетъ встрѣтиться ей препятствіе?

Для космофизика въ этомъ вопросѣ получаетъ громадное значеніе известное явленіе прилива и отлива. Это явленіе находится въ замѣчательномъ противорѣчій со всѣми тысячекратными процессами окружающей насъ природы, ибо всѣ они въ своихъ самыхъ запутанныхъ сплетеніяхъ въ концѣ концовъ все таки зависятъ отъ солнца. Всѣ метеорологическія явленія происходятъ отъ неравнаго нагрѣванія твердой и жидкой поверхности нашей планеты; растенія могутъ развиваться и процвѣтать единственно только подъ живительнымъ лучами солнца; растительныя вещества служатъ пищею животнымъ, а люди, для своего существованія, нуждаются въ тѣхъ и другихъ. Такимъ образомъ не одинъ только „власитель небесной имперіи“ можетъ называться сыномъ солнца, но и всякій изъ насъ имѣетъ на это такое же право, наравнѣ, впрочемъ, съ наукомъ и отвратительной сороканожкой. Приливъ же и отливъ происходятъ, съ одной стороны, отъ притяженія моря луною и солнцемъ, а съ другой—отъ обращенія земли вокругъ ея оси. Подобному дѣйствію подвергается, правда, и воздухъ, но такъ какъ въ немъ результирующее многообразно пересѣкается иными процессами, то мы можемъ ограничиться приливомъ и отливомъ воды. Мы можемъ также упустить изъ вида притяженіе солнца, такъ какъ луна, находясь много ближе къ землѣ, притягиваетъ подвиж-

ной части ея несравненно сильнѣе солнца. Водяныя массы океана слѣдуютъ на извѣстное разстояніе притяженію нашего спутника и болѣе всего поднимаются къ нему тѣ части, которыя находятся подъ непосредственнымъ его дѣйствіемъ, т. е. расположены на сторонѣ земного шара, обращенной къ лунѣ; менѣе же поднимаются къ ней тѣ части океана, которыя всего далѣе отстоятъ отъ нея, т. е. которыя находятся на противоположной сторонѣ земли. Подъемъ водъ океана на этой послѣдней сторонѣ земли объясняется явнымъ проявленіемъ центробѣжной силы вслѣдствіе нѣкотораго ослабленія центробѣжной силы отъ вліянія притягательной силы луны. Такимъ образомъ на обѣихъ сторонахъ земной поверхности образуется по водной горѣ, т. е. наступаетъ *приливъ*. Въ мѣстностяхъ, лежащихъ между этими двумя сторонами, вода понижается и тамъ наступаетъ *отливъ*. И такъ, въ одно время образуются всегда двѣ приливныя волны и между ними отливъ. Для всякаго мѣста наблюденія луна находится въ самомъ близкомъ разстояніи черезъ каждыя 25 часовъ; слѣдовательно, приливъ и отливъ должны совершаться каждыя шесть съ половиною часовъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и бываетъ.

Высота приливной горы зависитъ отъ мѣстныхъ условій и видоизмѣняется еще отъ направленія и силы вѣтра. Въ открытомъ океанѣ высота прилива не превышаетъ одного метра, тогда какъ въ проливахъ и бухтахъ бываетъ необычайно; такъ называемые „большіе приливы“, происходящіе во время новолунія и полнолунія, когда направленіе луннаго и солнечнаго притяженія совпадаютъ, у нѣкоторыхъ береговъ достигаютъ до двѣнадцати метровъ высоты. Въ заливѣ Фунди на юго-восточномъ берегу Сѣверной Америки, большіе приливы бывають въ 23 метра высоты. Вся масса воды, привлекаемая приливомъ на четвертую часть земной поверхности, имѣвшей передъ этимъ отливъ, составляетъ двѣсти кубическихъ миль. Можно составить себѣ представленіе о силѣ этого явленія, когда подумаешь только, что вся эта масса чрезъ шесть съ половиною часовъ будетъ на другой четверти земной поверхности!

Все это явленіе не обходится безъ многоразличныхъ треній и сопротивленій, причѣмъ покойныя частицы воды трутся о пришедшія въ движеніе, а эти послѣднія между собою, между тѣмъ какъ большія течения встрѣчаютъ многоразличныя сопротивленія въ морскихъ берегахъ и бухтахъ суши. Поэтому самое большее возвышеніе воды наступаетъ лишь тогда, когда мѣстность прилива удалена отъ луны на два съ половиною часа; сообразно съ этимъ, для извѣстнаго мѣста приливъ достигаетъ своей силы тогда, когда луна, въ своемъ кажущемся движеніи, отошла отъ него на два съ половиною часа. Слѣдовательно положеніе воды къ востоку отъ луны всегда выше, чѣмъ къ западу; а такъ какъ воды въ тоже время стремятся къ лунѣ, то онѣ должны непремѣнно сильнѣе течь къ западу, чѣмъ къ востоку, т. е. приливъ и отливъ не только вызываютъ непрерывное возвышеніе и пониженіе воды, но и обуславливаютъ еще *общее теченіе океана съ востока на западъ*.

Это теченіе давно уже доказано опытомъ; объясненіе его вліяніемъ восточнаго пассата недостаточно; потому что оно встрѣчается и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не дуетъ восточный пассатъ, и гдѣ даже преобладають западныя вѣтры. По законамъ теченій должно бы было быть западно-восточное теченіе; а такъ какъ направленіе его противоположно, то несомнѣнно, что здѣсь преобладаетъ вліяніе прилива и отлива.

Это западное теченіе океана имѣетъ тормозящее вліяніе на обращеніе земли вокругъ ея оси. Для болѣе удобнаго пониманія представимъ себѣ, на примѣръ, какъ теченіе атлантическаго океана должно напирать на восточный берегъ сѣверной Америки и задерживать его теченіе къ востоку; или же, вообразимъ себѣ землю въ видѣ маховаго колеса, увлекающаго за собою сопротивляющіяся массы воды; конечно, колесо должно употреблять извѣстную долю коловращательной силы на преодоленіе этого сопротивленія. Другими словами, *приливы и отливы причиняютъ постепенное замедленіе скорости вращенія земли*.

Правильное теченіе прилива и отлива теперь многоразлично затрудняется сушею, которая составляетъ третью часть земной поверхности; въ первобытныя же времена, когда земной шаръ

былъ въ огненно-жидкомъ состояніи, этого затрудненія не существовало. Луна была также нѣкогда въ расплавленномъ состояніи и обращалась вокругъ своей оси; на ней тоже происходили приливы и отливы; но такъ какъ земное притяженіе дѣйствовало съ большею силою, потому что объемъ земли больше объема луны, то и вращательная сила луны была скоро истощена. А потому намъ нечего удивляться, что нашъ спутникъ постоянно обращаетъ къ намъ только одну свою сторону.

Размысленіе о томъ періодѣ, когда и наша земля была въ расплавленномъ состояніи, приводитъ къ весьма важному соображенію. Если теперь все еще несомнѣнно продолжающееся охлажденіе земной поверхности совершается такъ безконечно медленно, то прежде, когда земля находилась въ расплавленномъ состояніи, это охлажденіе должно было совершаться несравненно быстрѣе. Такъ какъ, охлаждаясь, всякое тѣло сжимается, то и объемъ земного шара долженъ былъ уменьшиться. По законамъ механики скорость вращательнаго движенія тѣла увеличивается съ уменьшеніемъ его объема, а потому со времени охлаждения земля должна была бы вращаться вокругъ оси своей все скорѣе и скорѣе. Но съ образованіемъ океана и возникновеніемъ приливовъ и отливовъ, явилась задерживающая сила, которая не только постепенно остановила ускореніе скорости въ обращеніи земли, но и до нынѣ замедляетъ это движеніе.

По отношенію обращенія нашей земли вокругъ своей оси мы можемъ различить три періода: первый съ возрастающею скоростью, второй—съ равномерною и третій—съ уменьшающеюся. Сообразно съ этимъ продолжительность звѣзднаго дня будетъ уменьшающаяся, равномерная и возрастающая. Отсюда мы видимъ, какова точность хода міровыхъ часовъ: въ началѣ они бѣжали впередъ, потомъ одно время шли вѣрно, а теперь стали все болѣе и болѣе отставать. Не остановятся ли они и совсѣмъ? спроситъ со страхомъ кто-нибудь, въ виду послѣдняго роковаго фазиса; мы отвѣтимъ: увы, это весьма вѣроятно! Для того, чтобы этого не случилось, все море должно бы было замерзнуть и этимъ прекратить существованіе прилива и отлива. Но нашимъ потомкамъ тогда было бы совершенно безразлично, идутъ міровые часы или нѣтъ, потому что ледъ покрылъ бы ихъ буквально съ головы до ногъ и приготовилъ бы для всей органической жизни холодную могилу.

Давленіе, которое приливъ и отливъ оказываютъ на вращеніе земли, можетъ быть опредѣлено только приблизительно. Оно, минимумъ, равняется 6000 милліонамъ лошадиныхъ силъ, соотвѣтствуя силѣ, могущей поднять въ одну секунду на высоту одного метра 464,000 милліоновъ килограммовъ. Хотя, съ человѣческой точки зрѣнія, эта сила громадна, но въ сравненіи съ силою вращенія земли она ничтожна, потому что вращательную силу земли можно было бы въ секунду придумать на одинъ метръ 25,840 квадриліоновъ килограммовъ. Эта послѣдняя сила въ отношеніи къ первой такъ громадна, что отъ вліянія прилива и отлива можетъ замедляться лишь на одну семисотъ-тысячную часть ея въ теченіи 2,500 лѣтъ.

Весьма интересно опредѣлить, въ какомъ изъ трехъ періодовъ вращенія земли мы теперь находимся. Отвѣтитъ на этотъ вопросъ стало возможнымъ только въ новѣйшее время: мы вступили уже въ третій и послѣдній фазисъ, въ которомъ, подъ вліяніемъ прилива и отлива, коловращательная сила земли фактически замедляется. Въ теченіи послѣднихъ 2,500 лѣтъ продолжительность звѣзднаго дня увеличилась, минимумъ, на $\frac{1}{81}$ секунды и, такимъ образомъ, наши хронометры будутъ въ теченіи столѣтія, идти впередъ на 22 секунды.

И такъ, милліоны лѣтъ нужны для того, чтобы земля перестала обращаться вокругъ своей оси и сохранила бы лишь свое движеніе вокругъ солнца. Какъ луна обращаетъ теперь къ намъ одно только полушаріе свое, такъ будетъ и съ землею по отношенію къ солнцу. На одномъ полушаріи земли будетъ тогда вѣчный день, а на другомъ вѣчная ночь. Но и такое существованіе земли, по предположеніямъ науки не вѣчно: сила, съ которой земля обращается вокругъ солнца, будетъ со временемъ истощена и тогда по всей вѣроятности послѣдуетъ соединеніе нашей планеты съ центральнымъ тѣломъ. Такъ-ли это будетъ,—твердительно сказать все-таки нельзя. W.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Послѣ взятія Никополя.

Рисунокъ, изображающій видъ части города Никополя, взятаго нашими войсками подъ командою генерала Криденера, даетъ между прочимъ понятіе о мѣстности, гдѣ были затоплены два турецкіе монитора, оказавшіяся теперь уже на поверхности воды. Его Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ, послѣ занятія Никополя, телеграфировалъ Его Императорскому Высочеству Генералъ-Адмиралу, что доставшіяся намъ мониторы оказались годными для дѣла.

На этомъ же рисунокѣ, кромѣ изображенія вступленія нашихъ войскъ въ Никополь чрезъ мостъ (нижняя часть рисунка), представлена сцена конвоирования взятаго въ плѣнъ

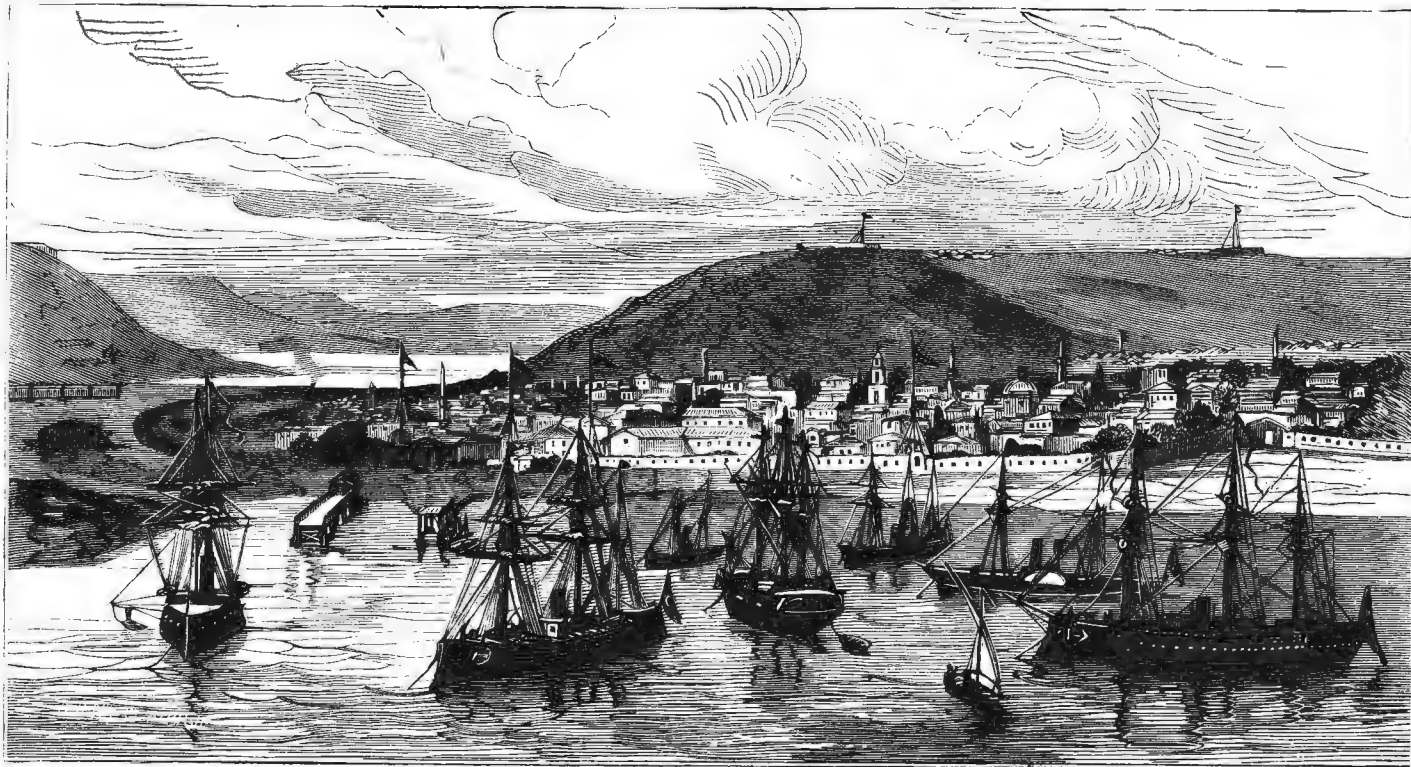
при занятіи Никополя, командира крѣпости этого города, Гассана-паша. Считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о немъ.

Гассанъ-паша, какъ сказано выше, былъ командиромъ этой крѣпости. Онъ уже пожилой человѣкъ и имѣетъ нѣсколько дѣтей, но только одну жену. Гассанъ-паша родомъ изъ Малой Азии. Еще полгода тому назадъ онъ жилъ совершенно покойно и счастливо въ Скутари, какъ вдругъ получаетъ приказаніе—отправиться въ Никополь, въ качествѣ коменданта. Онъ остался въ Скутари беременную жену, и въ его отсутствіе она родила ему еще сына; но ему такъ и не удалось увидѣть новорожденнаго, ибо положеніе политическихъ дѣлъ не дало возможности его семьѣ соединиться съ нимъ. По рассказамъ

очевидцевъ, Гассанъ-паша по прибытіи въ Кишиневъ, былъ отправленъ къ губернатору, гдѣ съ восторгомъ рассказывалъ о милостивомъ приемѣ, оказанномъ ему Государемъ Императоромъ и выражалъ искреннюю благодарность за хорошее обращеніе съ нимъ русскихъ. Гассанъ-паша по приѣздѣ ни-

Турецкія крѣпости Шумла и Варна.

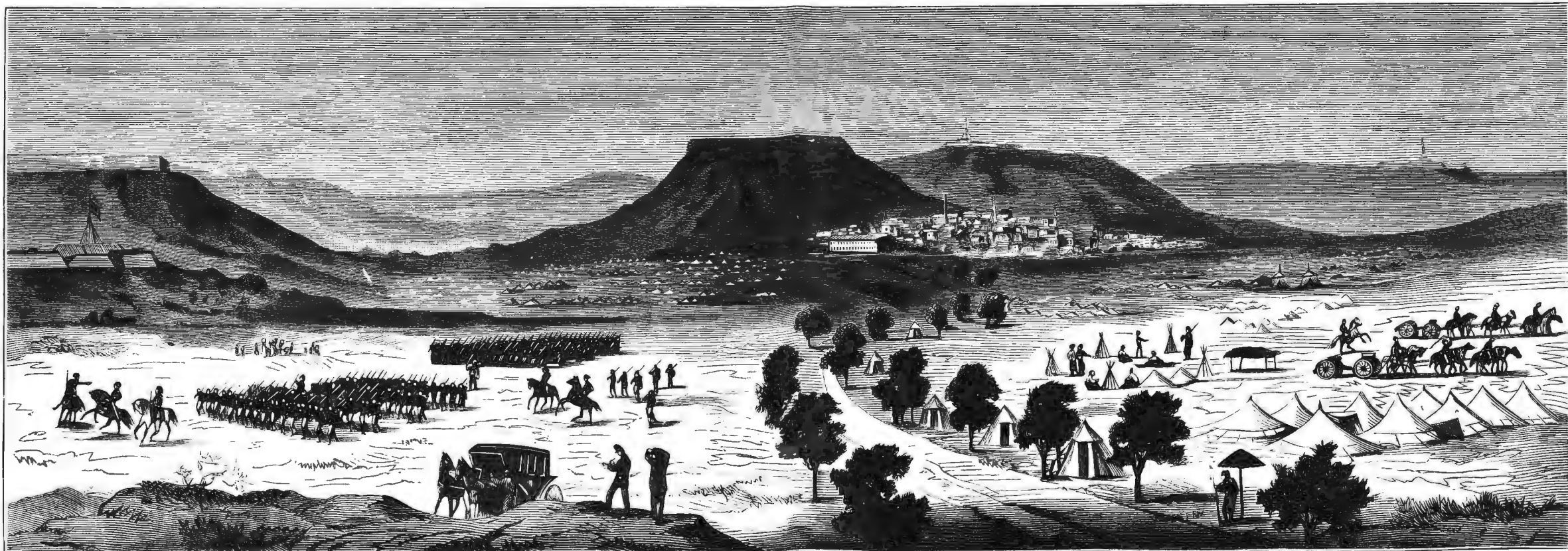
Шумла—важный торговый и военный пунктъ на сѣверо-восточномъ скатѣ Балкановъ, въ Силистрійскомъ санджакѣ. Сама природа здѣсь какъ бы указала мѣсто для возведенія об-

Общій видъ крѣпости Варны. Грав. Рашевскій.

чего не имѣлъ съ собою; все его имущество составляло только то, что было на немъ, поэтому губернаторомъ тотчасъ же было отдано приказаніе о доставленіи плѣннику бѣлья, платья и прочихъ необходимыхъ вещей. Согласно его желанію, онъ получилъ дозволеніе отправить письмо къ женѣ. Гассанъ-паша скучаетъ о своей семьѣ и своей родной странѣ. Рассказываютъ, что когда онъ пожелалъ имѣть турецкія книги его спросили, не желаетъ-ли онъ познакомиться съ сущностью христіанской религіи. Онъ отвѣчалъ, что давно уже интересуется и желаетъ познакомиться со священной книгою христіанъ, но не имѣлъ до сихъ поръ къ тому случая. Онъ взялъ Евангеліе, прилежно его читаетъ и прочиталъ уже болѣе половины. „Опасаясь, говорилъ по этому случаю настоятель, доставившій ему книги, что-бы съ нимъ не случилось того, что съ Шамилемъ, когда послѣдній находился въ плѣну. Шамилю было доставлено Евангеліе въ роскошномъ переплетѣ. По прочтеніи онъ сказалъ: „Я читалъ книгу вашего, вѣрованія, и убѣдился, что ваша вѣра великая и прекрасная; но одно меня удивляетъ, что никто изъ васъ не живетъ по ученіямъ этой книги. Если бы вы сами слѣдовали ей, то, конечно, и другіе послѣдовали бы вашему при-мѣру“.

ширнаго лагеря. Человѣку оставалось только устроить цитаде-ли на оконечностяхъ цѣлаго полукруга природныхъ укрѣпленій и прикрыть редутами другую половину окружности котловины. Городъ Шумла расположенъ во впадинѣ кратерообразно-

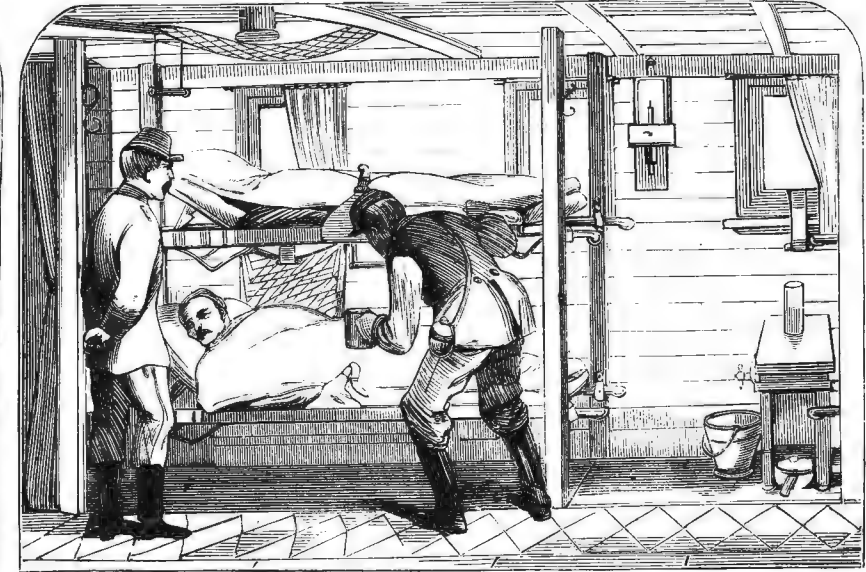
Общій видъ крѣпости Шумлы и турецкаго лагеря при ней. По наброску французскаго корреспондента, рѣзалъ Рашевскій.

формы, полуоткрытой къ востоку. Высоты Шумлы поднимаются надъ окрестностью на 300—400 фут. Скаты ихъ покрыты дубовыми рощами, а на вершинахъ ихъ находятся богатые залежи извести, которую и берутъ для построекъ въ крѣпостныхъ верхахъ. Спускъ къ городу съ высотъ идетъ наискось между виноградниками съ одной стороны и бѣлымъ известковымъ утесомъ съ другой.

Видъ Шумлы эффектенъ. Лучшими зданіями ея служатъ мечети съ минаретами, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ по нѣсколькимъ куполовъ и даже колонады, въ родѣ адрианопольской мечети. Казарменныя постройки бросаются въ глаза разиѣрами, европейскимъ стилемъ и нарядностью. Известковая почва окрестностей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прикрыта дерномъ, а мѣстами даже и кустарникомъ. На югѣ бѣлый утесъ круто

зрачности. Изъ виноградниковъ вырабатываютъ бѣлорозовое вино. Жителей не менѣе 40,000.

Мѣстность, окружающая городъ, число сообщеній чрезъ Балканы, удобство дѣйствовать гарнизону Шумлы въ тылъ арміи, наступающей къ Константинополю, возможность отрѣзывать ея подвозы—все придаетъ большое значеніе этой позиціи и вотъ почему до 1829 г., въ войну Россіи съ Турціей, Шумла считалась непреодолимымъ оплотомъ. Въ 1774, 1810 г. Шумла была безуспѣшно атакована русскими, но въ 1829 г. русскій главнокомандующій графъ Дибичъ, пользуясь содѣйствіемъ флота, доставлявшаго арміи продовольствіе, рѣшился обойти Шумлу и слѣдовать не прямо чрезъ Балканы, а по берегу моря. Съ этою цѣлью для блокады Шумлы былъ оставленъ корпусъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ Красовска-

Внутренній видъ вагоновъ санитарнаго поѣзда. (Кухня и помѣщеніе для раненыхъ).

поднимается надъ домами и кладбищемъ. Но самый городъ не можетъ похвалиться чистотой. Улицы плохо вымощены, а вдоль ручья, пересѣкающаго городъ, накопились груды сора и нечистоты. Частые туманы въ Шумлѣ лишаютъ воздухъ его про-

го, а русская армія направилась къ Адрианополю, и слѣдствіемъ этого смѣлаго и весьма искуснаго движенія былъ адрианопольскій миръ.

Варна—крѣпость и портъ Европейской Турціи въ Болгаріи, при заливѣ Чернаго моря, у подножія сѣверной оконечности Балканскаго хребта. Отъ Варны до Константинополя всего только до 250 верстъ; отъ Шумлы-же эта крѣпость отстоитъ верстъ на 70 не болѣе, и верстъ на 100 отъ крѣпости Силистріи (находящейся тоже въ Болгаріи, у слиянія Миссово съ Дунаемъ). Варна, въ числѣ четырехъ крѣпостей (Шумла-Варна-Русчукъ-Силистрія) занимаетъ равное съ ними по военному значенію мѣсто и составляетъ важный оборонительный пунктъ для прикрытія пути чрезъ Балканскія горы къ Константинополю. О современномъ положеніи этихъ крѣпостей мы имѣли уже не разъ случай упомянуть въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Нивы.“

Санитарные поѣзды и походные лазареты Общества Краснаго Креста.

Съ усовершенствованіемъ убійственныхъ орудій войны, пушекъ, ружей и т. п., и санитарная часть при войскахъ, естественно, должна получить наибольшее развитіе.

Казалось бы, лучше уничтожить самую войну и причины, ее производящія; но

цѣлне вѣка исторіи убѣждаютъ насъ, что войну уничтожить такъ же невозможно, какъ и передѣлать человѣческую природу. Чего кажется проще помочь подняться нашимъ братьямъ изъ глубины рабства, залечить вѣковыя раны, сбить цѣпи и жить человѣческой жизнью, а вѣдь есть тысячи образованныхъ европейски людей, которые не хотятъ этого. Несомнѣнно, однако, и то, что если Богъ благословитъ наше оружіе и мы освободимъ нашихъ балканскихъ соплеменниковъ отъ многовѣковаго ига варваровъ, то пройдетъ какое-нибудь столѣтіе, и уже всѣ въ Европѣ станутъ удивляться, кто же могъ, кто же смѣлъ кричать противъ освобожденія раинъ?.

Познакомимся, однако, поближе съ современнымъ устройствомъ помѣщеній для больныхъ и раненыхъ (къ чему поводъ даютъ намъ прилагаемые рисунки).

Общій планъ устройства санитарныхъ поѣздовъ можно свести къ слѣдующему. Въ известномъ числѣ вагоновъ 1-й вагонъ назначается для доктора и хирурга, перевязывающаго раны и производящаго неизбежныя и безотлагательныя операціи. Вагонъ этотъ снабженъ всѣми удобствами и приспособленіями, напримѣръ, конторкою для писанья, кроватью, шкафомъ для аптеки и проч. Затѣмъ еще слѣдуетъ вагонъ или два для другихъ врачей, помощниковъ хирурга, фельдшеровъ, распорядителей хозяйственной частью и проч. Засимъ слѣдуютъ вагоны, гдѣ уже помѣщаются раненые и больные солдаты. Койки ихъ устроены такъ, что ихъ удобно вносить, выносить, переносить и проч. На одной сторонѣ вагона помѣщается 6 коекъ, на другой 4; слѣдовательно, по лучше-принятой нормѣ всего въ вагонѣ должно быть 10 коекъ. Въ промежуткѣ между койками, на той сторонѣ вагона, гдѣ коекъ меньше (т. е. 4) занятъ столъ и принадлежностями, которыми необходимо имѣть подъ рукою, корѣн, бинты, полотенца, промывательный аппаратъ и проч. Затѣмъ подвигаясь черезъ рядъ подобнаго же устройства вагоновъ съ ранеными, мы достигаемъ, наконецъ, походной кухни, находящейся уже недалеко отъ тендера машины. Въ кухнѣ этой находятся всѣ приспособленія для скорой варки или жаренія кушанья, для кипяченія воды и проч. Кухонная прислуга выбирается изъ людей ловкихъ, расторопныхъ и трезвыхъ. Затѣмъ далѣе отъ кухни, въ направленіи къ тендеру, помѣщаются кладовыя для припасовъ, погребъ для хранения жидкостей, особая судомойная—все это устроивается по крайней мѣрѣ въ лучшихъ санитарныхъ поѣздахъ весьма хорошо. Убѣительно думать, что санитарные поѣзды на театръ войны отправляетъ и дружественная намъ Германія. Такъ, недавно Берлинскій Национальный Комитетъ Международнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ устроилъ два санитарныхъ поѣзда по 22 вагона въ каждомъ.

Наши два рисунка представляютъ: первый рисунокъ—раненаго въ койкѣ съ обслуживающими ему двумя лицами изъ врачебно-санитарнаго персонала, направо виденъ аппаратъ для нацѣживания воды. Второй же рисунокъ представляетъ желѣзнодорожную кухню при санитарномъ поѣздѣ съ хлопочащей въ ней прислугой.

Мало-Азіатская турчанка.

На рисункѣ типъ восточной женщины. Она всегда была такою; и во времена Нимродовъ или Сарданпаловъ, такова она и теперь, въ наше время. На памятникахъ Египта сохранились до сихъ поръ барельефы женскихъ головъ (профили), которые археологи и историки искусства признаютъ за настоящія и вѣрные портреты древнихъ египетскихъ женщинъ. Даже

головы древнихъ сфинксовъ сформированы именно по этому типу головы.

По косвенному разрѣзу глазъ и общему выраженію лица видно, что восточная женщина расчетлива, коварна и почти неспособна на всякое самопожертвованіе, подобно своей европейской сестрѣ. Разумѣется, есть исключенія, нисколько, однако, не измѣняющія общаго правила. Оттого во всѣхъ, даже гениальныхъ восточныхъ женщинахъ (какова была, напримѣръ, знаменитая Клеопатра въ Египтѣ во времена Цезаря) встрѣчается смѣсь холодной расчетливости, жестокости, коварства, продажности, вмѣстѣ съ безстыднымъ развратомъ. Примѣръ такихъ фурій мы видимъ въ Иродіадѣ, не устыдившейся просить блѣдную, окровавленную голову пророка Божія, въ Іезавели, отнявшей у бѣдняка послѣдній виноградникъ, о которыхъ повѣствуетъ намъ Библія. Это, конечно, худшіе примѣры; но они не измѣняютъ существа дѣла и не ослабляютъ силы того положенія, что влияние ея на ходъ дѣлъ было чаще всего гибельно, а въ лучшемъ случаѣ—совершенно безслѣдно.

Въ Малой Азій, гдѣ былъ особенно въ ходу сладострастный культъ Цибелы, мифологическія преданія гибель всѣхъ мало-азіатскихъ государствъ приписывали женщинамъ. (Гротъ).

Отъ этого, добавимъ мы, къ намъ черезъ Византію и перешелъ съ востока взглядъ на женщину, какъ на каковую-то непреклонную сокрушающую силу какого-то дьявола. Преданіе о Фракійскихъ бѣснующихся менадахъ, растерзавшихъ вдохновеннаго Орфея, произошло, очевидно, изъ того же источника.

СЕКРЕТЪ НА УШКО.

(Съ картины Ад. Дилленса).

Что за секретъ передаетъ пожилому собесѣднику эта мило-видная дѣвочка?

— Ну, Эмма! Говори-ка, дитя мое! Признавайся. Отъ отца ты не должна ничего скрывать...

— Папа!.. Я скажу все—только на ушко...

И Эмма, прислонясь къ уху отца, какъ бы боясь собственнаго голоса, робкимъ голосомъ рассказала въ сущности самую простую и обыкновенную исторію. Нынѣшней весной неожиданно-негаданно ей пригласился молодой человѣкъ, сынъ ихъ сосѣда. И куда дѣвался покой дѣвочки? Явились у ней до сихъ поръ невѣдомыя ей тоска и слезы. Сколько разъ ночью плакала она, молилась—все напрасно.

— Да, я потеряла мое сердце, папа! заключила свой разговоръ дѣвушка, раскраснѣлась и заплакала. У меня нѣтъ силъ отвязаться о мысли отъ *немы*—словно я приворожена!..

— Тсъ!.. Да хранить тебя Богъ, дитя мое! Зачѣмъ этикія слова... строго произнесъ старикъ.

— Я потеряла мое спокойствіе и возвратитъ его уже не могу, покаместъ вѣзвѣтъ онъ не дастъ мнѣ *свое*, поднявъ головку горячо произнесла Эмма.

— Но вѣдь надо испытать его—можно ли на него надѣяться—любить ли онъ тебя... Надо испытать и себя—точно ли онъ тебѣ нравится, а главнѣе всего—любить ли *онъ-то* тебя?.. Вѣдь это самый важный шагъ въ жизни, дитя мое... Подумай!

Старикъ смолкъ. Смолкла и дочь его и ждетъ она отвѣта отъ отца, мнѣнія его о миломъ... Но отецъ на этотъ разъ твердъ какъ камень. Твѣритъ онъ свое: „нужно испытать *его* и *себя*! Вѣдь это самый важный шагъ въ жизни“. И тысячу разъ правъ опытный старикъ, скептически говорящій своей дочері: „испытать надо!...“

Стр...

С М Ъ С Ъ.

Турецкій судъ. Выходящая въ Константинополь армянская газета «Аведарегъ» рассказываетъ слѣдующій интересный судебный случай: въ турецкой провинціи Дивосъ, у одного арендатора, армянина, пропала корова, которую однако онъ скоро отыскалъ у своего сосѣда, турка. Армянинъ требовалъ, чтобы ему была возвращена его собственность, но мусульманинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Дѣло пошло на судъ мѣстнаго кади. Этотъ послѣдній прежде всего требовалъ отъ армянина, чтобы тотъ представилъ свидѣтелей, что корова действительно принадлежала ему. Въ судебную камеру было приведено три свидѣтеля, и они вполнѣ подтвердили показанія истца, но кади ни за что не хотѣлъ придавать вѣры этимъ свидѣтельствамъ, такъ какъ они исходили изъ устъ христіанъ. Армянинъ, не зная что дѣлать, просилъ позволенія привести въ судъ корову и потомъ впустить также ея теленка. Только что корова увидѣла свое дѣтище, какъ бросилась къ нему и стала его нѣжно облизывать и ласкать. Тогда кади немедленно приказалъ возвратитъ корову ея прежнему владѣльцу. Итакъ, свидѣтельство теленка было больше принято въ уваженіе, чѣмъ свидѣтельство трехъ христіанъ.

Въ парижскомъ саду акклиматизаціи произошла недавно замѣчательная битва между слономъ и верблюдомъ, къ удивленію кончившаяся пораженіемъ перваго. «Тоби», молодой слонъ,

пользовался извѣстной свободой; ему позволялось ходить по волѣ и дѣлать визиты своимъ сосѣдямъ. Желая поѣтить одного изъ нихъ, онъ воспользовался отсутствіемъ сторожа, и безъ позволенія проникъ въ отдѣленіе верблюда; однако этотъ визитъ кончился для него плохо. Мать верблюда, увидя чудовище, испугалась за своего дѣтеныша, который выпускалъ жалобные крики, и яростно кинувшись на молодого слона, встрѣтила его сильными ударами копытъ. Въ нѣсколько секундъ бѣдный Тоби лежалъ на землѣ. Когда пришелъ сторожъ, Тоби лежалъ въ громадной лужи крови. Послали скорѣе за докторомъ, который оказалъ животному первую помощь. Мать верблюда съ своей стороны сильно пострадала отъ ударовъ хобота и потеряла въ битвѣ одинъ глазъ.

Изъ Сѣверной Америки сообщаютъ о появленіи тамъ новаго вида чумы рогагого скота, принимающей весьма опасный характеръ. Эта новаго рода чума внезапно появилась впервые въ Пенсильваніи, главный городъ которой есть, какъ извѣстно, Филадельфія, мѣсто послѣдней всемірной выставки. Названное въ родѣ дровосѣка впивается въ тѣло животного, производя отравленіе крови, отъ чего животное чрезъ нѣсколько часовъ издыхаетъ. Приняты предохранительныя мѣры, чтобы по возможности зараза не была перенесена въ Европу.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ, ВОЕННЫЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

12-го августа исполнилось уже 4 мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ по великому слову Монарха наша армія выступила на поле брани, на святую землю угнетенныхъ. Много за этотъ 4-мѣсячный періодъ было совершено подвиговъ, дѣлающихъ честь нашей арміи, ея мужеству и самоотверженію, подвиговъ, поистинѣ, безсмертныхъ, но пролито много и крови, понесены и потери. Хотя самые славные эпизоды этой войны—переправа черезъ Дунай и переходъ черезъ Балканы совершились сравнительно съ весьма незначительными потерями, такъ что потери людьми, напримѣръ, подъ Плевной, могутъ уравниваться удачными операциями черезъ Дунай и Балканы. Вообще, по официальнымъ свѣдѣніямъ, война поглотила, за время отъ 12-го апрѣля до 4-го августа *15,445 чел. в.* Денежныя затраты на войну также значительны, а продолжающееся мобилизованіе войскъ потребуетъ еще большихъ затратъ^{*)}. Но передъ какими жертвами можетъ остановиться наша страна, въ виду святой цѣли, достигаемой настоящей войною. Нѣсколько перипетій въ великой драмѣ уже совершилось. Но несомнѣнно, что теперь-то драма и получаетъ свое наибольшее энергическое развитіе. Только еще и можно сказать: положено славное начало, но когда будетъ конецъ—покажутъ сама событія. Теперь же, со стороны общества нужны новыя и новыя жертвы, и нѣтъ сомнѣній, оно откликнется на нихъ съ тою же готовностью, какъ и всегда. Наше общество имѣетъ теперь ту выгоду, что еще разъ указана и доказана ему та истина, что по частнымъ не совѣмъ удачнымъ военнымъ эпизодамъ никакъ нельзя судить о плодотворности будущихъ результатовъ и о достоинствѣ общаго плана, отдѣльныя детали котораго не могутъ быть намъ понятны.

Рѣшительный моментъ войны насталъ, сколько можно судить именно теперь. Со стороны турецкихъ арій мы видимъ крайне напряженные и почти отчаянныя усилія соединиться и окружить насъ соединенными силами, вырвавъ у насъ и Шипкинскій проходъ черезъ Балканы. За этотъ послѣдній идетъ уже ожесточенная битва, въ которой мужество нашихъ войскъ, командующихъ генералами *Дорожнскимъ* и *Столыповымъ*, уже проявилось во всемъ блескѣ. Турки теперь на себя испытываютъ, что такое значить атаковать сильно укрѣпленную самую природою позицію. Ожесточенный характеръ боя доказываетъ, что обѣ сражающіяся стороны придаютъ огромную важность его исходу. И въ самомъ дѣлѣ, война получитъ тотъ или иной характеръ, смотря по тому или другому исходу ожесточеннаго боя изъ-за Шипки. Нельзя себѣ вообразить такой сильной позиціи, какъ Шипкинскій перевалъ съ его сѣверной стороны. Шоссе взбирается по узкому и затруднительному для движенія хребту, а близъ самаго перевала преграждается нѣсколькими послѣдовательными сильно укрѣпленными позиціями, съ обороною въ нѣсколько ярусовъ, ружейной и артиллерійской. Тутъ находятся батареи и траншеи, флешы и люнеты, и все удачно приспособлено къ мѣстности. На южной сторонѣ перевала укрѣпленій нѣтъ, но оны достаточно укрѣплены природою. Южный скатъ перевала чрезвычайно крутъ и взбираться по нему трудно. Высоты по сторонамъ сѣловины расположены такъ, что съ нихъ весьма удобно поражать противника. Наши войска атаковали Шипку 6-го іюля съ юга. Съ юга же производятъ теперь атаку и турецкія войска.

На поддержку защиты Шипкинскаго прохода изъ нашей главной арміи посланъ генералъ Радецкій, командиръ 8-го корпуса. Какъ бы ожидая исхода дѣла, недавнее настойчивое движеніе турокъ изъ *Ловчи* на *Сельви* приостановилось; наши войска, а именно 9-я дивизія 8-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Святополка-Мирскаго, занимаютъ позиціи впереди *Сельви*; изъ *Тырнова* же отпривалась на поддержку къ Шипкѣ 19-я пѣхотная дивизія генерала Драгомира. У *Плевны* все спокойно. Со стороны *Рушюка*, *Разграда*, *Эски-Джумы* и *Шумлы* неприятель недавно дѣлалъ попытку прервать наши сторожевыя посты, намѣреваясь, перейти въ наступательное движеніе съ востока.

До какой степени геройски дрались наши войска еще до прибытія Радецкаго при оборонѣ Шипкинскаго прохода, видно изъ того, что 9-го августа они отбили 9 атакъ, а на слѣдующій день (10-го) турки только поддерживали перестрѣлку. Потери наши здѣсь за это время сравнительно не велики, но изъ строя вышло много офицеровъ. Потери турокъ громадны, хотя въ то же время ихъ сила не уменьшается, что, конечно, можно объяснить только непрерывно прибывающими подкрѣпленіями. Наши войска, спѣша къ Шипкѣ, дѣлаютъ усиленные переходы. Такъ, нѣкоторые подкрѣпленія прошли 56 верстъ въ день...

11 Августа, съ ранняго утра турки ожесточенно атаковали Шипку съ трехъ сторонъ громадными силами. Упорный бой продолжался до полуночи, когда наступило луное затмѣніе, но коновата продолжалась и во время затмѣнія. Наши отстояли всѣ позиціи, несмотря на громадный численный перевѣсъ неприятеля и на убійственный перекрестный огонь. Это былъ третій день геройской защиты Шипки противъ всей арміи Сулейманъ-

паши. Войска наши четыре дня не имѣли горячей пищи и четыре ночи не спали.

12 августа горячая перестрѣлка продолжалась цѣлый день и ослабла только вечеромъ; наши удержали всѣ позиціи. Раненныхъ за четыре дня боя вывезено въ *Габрово* 27 офицеровъ и около 900 нижнихъ чиновъ; о числѣ убитыхъ пока нѣтъ свѣдѣній.

13 августа, въ 9 час. утра, снова началась сильная канонада на Шипкѣ. Бой продолжался и 14 августа. Наши войска стояли крѣпко. Нѣсколько сильнѣйшихъ атакъ геройски отбиты.

Генералъ *Дорожнскій*, управлявшій первые три дня обороной Шипки, погубъ въ этотъ пятый день боя геройскою смертію. Генералъ *Драгомировъ* раненъ въ правую ногу навылетъ, не опасно. Изъ такихъ пять дней продолжающихся атакъ, на Шипку, видно все значеніе этого мѣста. Еще ранѣе сообщено было что генералъ *Гурко*, тотчасъ по занятіи ущелій, распорядился укрѣпить ихъ и возвести тамъ значительные ретраншементы. Распоряженіе это какъ нельзя болѣе пригодило въ настоящую трудную минуту, когда нашимъ незначительнымъ силамъ пришлось удерживать сосредоточенные войска Сулейманъ-паши.

Перейдемъ къ нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ.

Теперь первое и самое главное, что обращаетъ наше вниманіе на неприятеля—это стремленіе его разрозненныхъ, хотя и значительныхъ арій *сожмнуться* и окружить насъ. Въ эти стратегическія соображенія турокъ входятъ, конечно, и отнятіе у насъ Шипки. Даже болѣе—возможно, что по ихъ разсчету, это составляетъ ключъ къ дальнѣйшимъ операциямъ. Въ противномъ случаѣ не было бы выполнено одно изъ существенныхъ условій соединенія турецкихъ арій. Сулейманъ-паша находится по ту сторону Балканъ, и атакуетъ Шипку съ юга. Для соединенія же съ *Ахметомъ* ему нужно перейти Балканы.

Одновременность движенія Сулеймана-паши къ Балканскимъ проходкамъ и наступленія войскъ Османа-паши изъ *Ловчи* на *Сельви* находятся въ близкой связи. Вслѣдствіе этихъ неприятельскихъ движеній наша теперешняя задача состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы не допустить двѣ арміи Османа и Сулеймана пашей соединиться между собою, ибо, въ противномъ случаѣ, соединенными силами они будутъ стараться вытѣснить наши войска изъ *Балкановъ*, отбросить ихъ гораздо къ сѣверу за *Тырновъ* и войдти такимъ образомъ въ сношенія съ арміей *Мехмеда-Али-паши*^{*)}. Такой долженъ быть тактический и стратегическій планъ турокъ, выигн онъ быть не можетъ. Если бы турки, дѣйствительно, достигли своей цѣли, мы имѣли бы противъ себя численность соединенныхъ арій: Сулеймана-паши до 55 тысячъ человекъ, Османа-паши 70 тыс. чел., затѣмъ армія *Мехмеда-Али-паши*. Главныя силы этого послѣдняго простираются до 70 тысячъ^{**}) и расположены они у *Османъ-Базара*, (къ сѣверо-востоку отъ *Тырнова*) затѣмъ у *Разграда* (города къ сѣверо-востоку отъ *Османъ-Базара*, по *Рушюкской* дорогѣ) стоитъ *Эюбъ-паша* съ войскомъ въ 50 тысячъ. Если бы мы потеряли Шипкинскій проходъ, который съ такимъ героизмомъ, честію и славою до сихъ поръ отстаиваютъ наши войска, то мы могли бы очутиться въ срединѣ громаднаго кольца неприятельской арміи, простирающейся до 245 тысячъ человекъ. Мы знаемъ уже, что даже и съ востока турки дѣлаютъ попытки прорвать нашу сторожевую линію и перейти въ наступленіе со стороны *Рушюка*, *Эски-Джумы* и *Шумлы*. Отсюда, кромѣ главной нашей операціи, отстаиванія позиціи у Шипки, естественно вытекаетъ сосредоточеніе нашихъ силъ у *Рушюка*, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ дорогу въ *Разградъ*, гдѣ стоитъ *Эюбъ-паша*. На рѣкѣ *Кара-Ломъ* (имѣющей почти прямолинейное теченіе къ югу, по направленію къ *Османъ-Базару*^{***}) находится войска *Государя Наслѣдника Цесаревича*. Въ планы *Эюба-паши*, очевидно, входитъ намѣреніе задержать эти войска съ тою цѣлью, чтобы дать время *Мехмеда-Али-пашѣ* устремиться на *Тырново* (до котораго отъ *Османъ-Базара* переходъ не большой). Мы не можемъ сказать даже приблизительно, сколько теперь находится нашихъ войскъ въ *Тырновѣ*, но весьма вѣроятно, что значительная часть ихъ ушла на подкрѣпленіе Шипкинскаго прохода. Если бы туркамъ удалось пробиться до *Сельви*, что въ настоящее время они упорно и стараются сдѣлать, двигаясь отъ *Ловчи* къ *Сельви* (*Сельви* лежитъ къ юго-востоку отъ *Ловчи*), а войскамъ *Мехмеда-паши* удалось бы пробиться до *Тырнова*, то эти двѣ арміи раздѣлила бы только незначительная по протяженію линія отъ *Тырнова* до *Сельви*. (*Тырново* и *Сельви* лежатъ почти на одной широтѣ) и воспрепятствовать соединенію этихъ арій стоило бы намъ огромныхъ усилій. Понятно по этому, какой огромный стратегическій интересъ принимаетъ теперь линія *Тырново-Сельви-Ловча*. Весьма вѣроятно, что, послѣ того или иного исхода Шипкинскаго боя, рѣшительная событія произойдутъ именно здѣсь, такъ какъ именно здѣсь стремятся соединить-

*) Надѣлавшее нѣкотораго шуму извѣстіе иностранныхъ газетъ, что армія Сулеймана-паши уже вошла въ сношенія съ арміей Мехмета-паши оказалось вбродомъ, который такъ любятъ пускать въ ходъ Константинопольскія газеты.

***) Изъ юго-западу отъ котораго на *Янтрѣ*, находится *Тырново*.

****) Графически эта линія представляется дугою, имѣющею отворстіе къ сѣверу.

*) Газета «Пресса» опредѣляетъ составъ нашей арміи, выступившей въ поле, до 280 000 человекъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 35 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Издавъ 29 Августа 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА «НИВА» на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.

„ съ доставкою . . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.
маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.
Съ пересылкою во всея города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ А. Э. ЦИММЕРМАНЪ.

Генераль-лейтенантъ Аполонъ Эрнестовичъ Циммерманъ—одинъ изъ наиболѣе выдающихся нашихъ боевыхъ генераловъ, прошедшій значительную часть своей жизни въ походахъ и сраженіяхъ. Онъ родился въ Лифляндской губерніи, отъ родителей православнаго исповѣданія, въ 1825 г. Службу онъ началъ юнкеромъ въ гусарскомъ полку Его Величества Короля Виртембергскаго (теперь 14-й гусарскій Митавскій Его Королевскаго Высочества Принца Прусскаго Альберта Младшаго полкъ). 18 лѣтъ отъ роду Аполонъ Эрнестовичъ произведенъ въ корнеты и началъ немедленно готовиться къ поступленію въ Академію Генеральнаго Штаба, а по окончаніи въ этой Академіи курса былъ причисленъ въ 1848 г. къ Генеральному Штабу и отправленъ въ Архангельскую и Олонецкую губерніи для составленія военно-статистическаго обозрѣнія и маршрутной карты. Въ 1849 г. въ чинѣ штабсъ-капитана онъ былъ командированъ за границу, по случаю войны въ Венгріи, и назначенъ состоять въ распоряженіе генераль-адъютанта графа Берга. Это назначеніе дало ему

Генераль-лейтенантъ, А. Э. Циммерманъ, командиръ 14 армейскаго полка. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

возможность принять дѣятельное участіе въ венгерской кампаніи и быть участникомъ ея главнѣйшихъ эпизодовъ. Онъ участвовалъ въ сраженіяхъ съ 14-го по 20-е іюня 1849 года, при наступательномъ движеніи австрійской Дунайской арміи (въ составѣ которой находилась и русская сводная дивизія генераль-адъютанта Панюткина), отъ г. Пресбурга чрезъ Раабъ и м. Бабольна до вѣи. Коморна, занятой 6-тысячнымъ неприятельскимъ корпусомъ подъ командою Гергея. Съ 6-го по 23-е іюля генераль Циммерманъ находился при арміи барона Гайнау, наступавшей отъ вѣи. Коморна, чрезъ города Пештъ и Кечкеменъ къ гор. Сегедину, на лѣвомъ берегу Тейсы и при переправѣ съ боемъ чрезъ эту рѣку. Далѣе онъ находился при атакѣ неприятельской позиціи между гор. Сегединымъ и сел. Серекъ и выбитіи венгровъ изъ этой позиціи и совершенномъ пораженіи 50-тысячнаго ихъ корпуса подъ предводительствомъ Дембинскаго; 28-го іюля онъ былъ въ сраженіи противъ 70-тысячной арміи, бывшей подъ начальствомъ Бема и Дембинскаго, при сел. Кинь Бечкарсофъ

и обращеніи непріятеля въ бѣгство за крѣп. Темешваръ, освобожденную при этомъ случаѣ отъ осады. За все это А. Э. получилъ слѣдующія награды: за битву подъ Коморномъ—орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ; за битву подъ Сегединимъ награжденъ чиномъ капитана, а подъ Сереккомъ и Кишъ-Берчереккомъ—орденомъ св. Владимира 3-й степ. съ бантомъ; императоръ же австрійскій пожаловалъ ему орденъ Леопольда меньшаго креста. Въ 1851 году онъ отправился на Кавказъ и находился въ зимнемъ походѣ на Малую Чечню; въ 1852 году участвовалъ въ зимнемъ походѣ по Большой Чечнѣ, въ то время, когда были тамъ стычки со скопцами Шамиля. Съ донесеніемъ объ успѣхахъ противъ горцевъ онъ былъ отправленъ къ Его Величеству Государю Императору и тогда же за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ въ подполковники. Въ 1853 году онъ уже подполковникомъ былъ командированъ въ распоряженіе командующаго войсками Прикаспійскаго края и здѣсь также участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Во время вспыхнувшей потомъ Крымской войны онъ находился въ распоряженіи командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ на Кавказско-турецкой границѣ. При этомъ былъ назначенъ завѣдующимъ штабомъ Ахалкалакскаго отряда, потомъ командовалъ этимъ отрядомъ, причѣмъ молодецки отличился въ разныхъ сраженіяхъ, особенно тогда, когда, командуя кавалерійскимъ отрядомъ, онъ у селенія Дигвері успѣлъ захватить два непріятельскія орудія. Послѣ этого, по удостоенію Кавалерской думы, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ 1864 г. генералъ Циммерманъ участвовалъ въ движеніи Ахалцхскаго отряда въ Поцковскій санджакъ, къ сел. Чаборія (въ Малой Азии); затѣмъ отсюда, въ слѣдующемъ 1855 году, онъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ распоряженіе

главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму; здѣсь поступилъ въ *Севастопольскій гарнизонъ*, гдѣ и находился безотлучно по 28-е августа, раздѣляя участь славныхъ защитниковъ Севастополя. Здѣсь онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ военныхъ дѣлахъ, а при штурмѣ Севастополя съ 27 на 28-е августа онъ, вмѣстѣ съ войсками Севастопольскаго гарнизона, перешелъ съ южной на сѣверную сторону—эпизодъ, памятный для всѣхъ, помнящихъ подвиги севастиопольскихъ героев! Во время 3-го бомбардированія Севастополя, въ ночь съ 5-го на 6-е іюля Аполлонъ Эрнестовичъ былъ контуженъ осколками бомбы и камнями въ правую ногу и правый пахъ, затѣмъ пролетѣвшею бомбою оторвало у него *половину плаща*, не повредивъ самаго—случай рѣдкій въ военныхъ лѣтописяхъ! За отличіе по службѣ 22-го августа 1855 г. онъ произведенъ въ полковники, а въ 1860 г. назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, командующимъ войсками Закавказскаго края, и получилъ приказаніе двинуться противъ коканцевъ. Въ этомъ походѣ онъ взялъ крѣпости *Токмакъ* и *Пиштевъ*, произведенъ затѣмъ въ генералъ-майоры и получилъ орденъ Станислава 1-й степени. Въ 1862 году онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Виленскаго военнаго округа, на этомъ же постѣ состоялъ и въ слѣдующемъ 1863 г., при Назимовѣ и Муравьевѣ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Графъ Бергъ оцѣнилъ потомъ его военныя достоинства и, по представленію графа, ему поручено было начальство надъ 4-ю пѣхотною дивизіей, стоявшей въ Царствѣ Польскомъ; затѣмъ Аполлонъ Эрнестовичъ назначенъ былъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи, а 19-го февраля текущаго 1877 года командиромъ 14-го армейскаго корпуса Дунайской арміи. Событія уже показали, что выборъ оказался блестящимъ, и генералъ Циммерманъ сдѣлалъ уже многое, достойное его славы, какъ севастиопольскаго героя!

Z.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть Вс. Соловьева ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

VII.

Угрюмый и злобный выѣхалъ Меншиковъ въ свой Ранбовъ; ничего и никого не замѣчая прошелъ онъ черезъ анфиладу апартаментовъ роскошнаго своего дворца и заперся у себя въ рабочей комнатѣ и къ столу даже не вышелъ. Княгиня во что бы то ни стало рѣшилась переговорить съ нимъ и, если возможно, добиться отъ него какого-нибудь благоразумнаго рѣшенія. Только гнѣвъ ужъ онъ очень нынче, какъ и подступиться къ нему, не знаетъ она! Вотъ тихонько подошла Дарья Михайловна къ запертой его двери, прислушалась. Тяжелыми шагами ходить онъ по комнатѣ. Она стукнула.

— Кто тамъ? раздался мрачный его голосъ.

— Я, Данилычъ, пусти меня, очень нужно.

— Еще что тамъ? Но онъ все же отперъ дверь.

— Батюшка, Данилычъ, голубчикъ, что же это такое? На какой конецъ все это? залилась Дарья Михайловна горькими слезами.

— Не хнычь, и безъ тебя тошно,—отвѣчала Меншиковъ. Ну, чего тебѣ? Съ чѣмъ пришла?

— Не сердись ты на меня, Данилычъ, лучше поговоримъ, что намъ дѣлать, подумаемъ вмѣстѣ. Бѣда минушая надъ нами—самъ, чай, понимаешь! На меня нынче во дворцѣ никто и вниманія не обратилъ, а Машеньку такъ Государь, прямо что, почитай, назвалъ уродомъ.

— А, я еще не зналъ этого,—заскрежеталъ зубами Меншиковъ,—такъ вотъ ужъ какъ! Вотъ до чего дошли! Ну нѣтъ, все перевернуть нужно, не бывать этому! Ничего они со мной не подѣлаютъ!

У княгини и руки опустились. Она все же думала, что смирится теперь ея Данилычъ, пойметъ свое безсиліе—а онъ все еще заносится, все еще считаетъ себя прежнимъ человѣкомъ.

— Трудно, трудно теперь справиться! Хитры враги наши и вотъ что я хотѣла сказать тебѣ, Данилычъ, голубчикъ мой, подумай о насъ всѣхъ. Только одно теперь остается—нужно какъ-нибудь умиловить Императора, ты ужъ старъ становишься, боленъ, я тоже, а

о дѣтяхъ нашихъ позаботиться намъ нужно, ихъ спасти отъ гибели. Брось все, откажись, уѣдемъ подальше, хоть въ Украйну ступай—попроси себѣ тамъ начальство надъ войскомъ. А мы гдѣ-нибудь укроемся, чтобъ о насъ не было и слышно; пускай все успокоится. Голубчикъ Данилычъ, только такъ намъ и можно спастись, авось умиловится Государь, а то ничего ты съ нимъ не подѣлаешь, только и себя и всѣхъ насъ погубишь.

— Дарья, не твоего ума это дѣло,—крикнулъ Меншиковъ. Трусить, въ ногахъ валяться.. нѣтъ, еще не время! Для того ли я всю жизнь свою положилъ на службу Россіи, для того ли поднялся, чтобы на старости лѣтъ скрыться въ нору, какъ крокъ какой-нибудь, или на царской кухнѣ дожидаться подачи!.. Нѣтъ, Дарья, нѣтъ, все еще поправить можно—я покажу имъ! Вотъ постой, въ Воскресенье 3-го сентября у насъ будетъ освященіе церкви, пріѣдетъ ко мнѣ Государь—и все я поправлю. Не дамъ я врагамъ моимъ насмѣяться надо мною, я покажу этой мелкотѣ несчастной, что не съ Александромъ Меншиковымъ имъ тягаться!.. А теперь мнѣ ни слова, слышишь, Дарья, и не доводи ты меня.. золь я нынче.

Княгиня взглянула на мужа и убѣдилась, что дѣйствительно лучше оставить его въ покоѣ. Печально и едва держась на ногахъ побрела она на свою половину.

Меншиковъ очень рассчитывалъ на освященіе своей церкви. Присутствіе Императора въ его домѣ и по такому случаю уничтожило бы всѣ слухи о враждѣ между ними и непріятности. Тутъ же представлялся удобный случай хорошенько переговорить съ Петромъ и разными средствами смягчить его и устроить искреннее примиреніе.

Еще за четыре дня до освященія Меншиковъ поѣхалъ въ Петергофъ и съ самымъ униженнымъ видомъ упрашивалъ Петра посѣтить его.

— Не знаю, какъ сказать тебѣ, князь, на охоту я собираюсь—поспѣю-ли?

— Ваше Величество! будь милостивъ, по гробъ тебѣ этого не забуду, не откажи мнѣ.

— Эхъ, какъ присталь, отвязаться бы отъ него поскорѣе, раздражительно подумалъ Петръ.

— Ну хорошо, хорошо, прѣйду, обѣщаю, сказалъ онъ.

Меншиковъ разсыпался въ благодарностяхъ и успокоенный вернулся въ Ранбовъ. Онъ такъ былъ доволенъ, что даже забылъ пригласить на торжество цесаревну Елизавету, а ему никакъ бы не слѣдовало забыть это.

Вернувшись къ себѣ, князь началъ отдавать приказанія относительно устройства приѣма Императора; ему хотѣлось не ударить лицомъ въ грязь и устроить все какъ можно волюкопѣнѣе. Три дня длились приготовления. Наконецъ все было готово, у церкви собралось множество народу. Красное сукно было разостлано отъ самаго дома до церковной паперти, гирлянды цвѣтовъ и зелени были развѣшаны всюду. Духовенство въ новомъ блестящемъ облаченіи уже приготовилось къ начатію службы и только дожидались Императора.

— Что же не ѣдетъ Императоръ? озабоченно спрашивалъ Меншиковъ у всѣхъ прѣхавшихъ изъ Петергофа, но никто не могъ дать ему на это отвѣта.

— Вчера собирался, а сегодня не слышно что-то.

Прошелъ еще часъ. По дорогѣ были разосланы гонцы, но никто изъ нихъ не возвращался. Меншиковъ началъ волноваться больше и больше — и вдругъ вспомнилъ, что позабылъ пригласить царевну. Онъ бы самъ теперь полетѣлъ за нею, но было поздно — невозможно было. А служба давно, давно должна была начаться. Между присутствующими шель почти уже нескрываемый ропотъ, перешептыванья, предположенія разнаго рода, невыносимыя и обидныя для Меншикова.

— Что если не прѣдетъ, — съ отчаяніемъ думалъ онъ, — тогда всѣ надо мной надсмѣются, тогда всѣмъ будетъ вольно лягать меня.

Вотъ наконецъ показался какой-то всадникъ; но онъ не изъ гонцовъ князя — онъ изъ Петергофа, Господи... что такое?

— Его Императорское Величество изволили приказать доложить свѣтлѣйшему князю, что они никакъ не могутъ быть, возвѣстилъ посланный.

— Да отчего, отчего? отчаянно кричалъ Меншиковъ. Но ему ничего не отвѣтили. Онъ поблѣднѣлъ, зашатался и едва устоялъ на мѣстѣ.

Такъ и освятили церковь безъ присутствія Императора и царевны.

VIII.

На другой день Александръ Данилычъ прѣхалъ въ Петергофъ на ночь и долго искалъ случая увидѣться съ Императоромъ, но нигдѣ не могъ его встрѣтить. Наконецъ онъ замѣтилъ его въ паркѣ съ непокидавшимъ его теперь Долгорукимъ и другими молодыми людьми. Князь бросился ему на встрѣчу и спрашивалъ его, отчего онъ не прѣхалъ вчера и за что такая немилость?

— Не могъ я, не могъ, нездоровилось, — отвѣчалъ Петръ, не глядя на Меншикова.

— Ваше Величество, — началъ было тотъ, но Императоръ перебилъ его.

— Прости, князь, мнѣ некогда, слѣшу. И онъ быстро прошелъ мимо со своею свитой.

Александръ Данилычъ остановился съ опущенной головою, въ совершенномъ отчаяніи. Только теперь онъ, наконецъ, позналъ всю безвыходность и безнадежность своего положенія. Только теперь окончательно смутилась его гордость, и онъ былъ готовъ на колѣняхъ вымаливать себѣ прощенье, готовъ былъ отъ всего отказаться, уступить кому угодно власть, только бы его помиловали.

Онъ остался ночевать въ Петергофѣ, но не спалъ почти всю эту ночь и все думалъ и ничего не могъ придумать.

На другой день былъ опять въ Петергофѣ праздникъ: именины цесаревны Елизаветы. Авось хоть тутъ можно будетъ что-нибудь устроить, авось выпадетъ случай объясниться съ Императоромъ.

Рано утромъ прѣхала и княгиня Дарья Михайловна съ дочерьми. На нихъ никто почти не смотрѣлъ, все старались съ ними не встрѣчаться, быть отъ нихъ подальше. Никто уже не сомнѣвался, что гроза разразилась надъ Меншиковыми и многіе соображали, что теперь быть съ ними даже не совсѣмъ безопасно — за друзей еще примутъ, за сторонниковъ. И у Меншиковыхъ не оказалось ни одного друга.

Князь Александръ Данилычъ еще до прѣзда жены вздумалъ пройти къ Петру и настоять на объясненіи, но ему доложили, что Императоръ сейчасъ только выѣхалъ на охоту. Не зная что дѣлать, Меншиковъ поспѣшилъ въ апартаменты Великой княжны Натальи, но она, узнавъ, что онъ идетъ, и ни за что не желая говорить съ нимъ, выпрыгнула изъ окошка и отправилась вмѣстѣ съ братомъ. Одно только оставалось князю — идти къ именинницѣ цесаревнѣ Елизаветѣ. Онъ и пошелъ ее поздравить. Елизавета приняла его и приняла довольно любезно. Слава-Богу никого нѣтъ, можно поговорить, а говорить необходимо: на душѣ такъ тяжело, такъ смутно, нужно передъ кѣмъ-нибудь высказаться.

— Что это вы, князь, такой хмурый сегодня, или опять нездоровы? навела на разговоръ сама Елизавета.

— Какъ же не быть мнѣ хмурымъ, принцесса, — печально заговорилъ Меншиковъ, — развѣ я не вижу, что всѣ вооружены противъ меня, что лютые враги мои навѣрное оклеветали меня передъ Его Величествомъ и передъ всѣми вами.

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ, никто не клеветалъ, сказала Елизавета.

— Не разувѣрить вамъ меня, принцесса, развѣ у меня глазъ нѣтъ, развѣ я не вижу? И за что такъ обижаютъ меня Императоръ? Я всегда думалъ, что у него доброе сердце, что онъ умѣетъ цѣнить заслуги и расположеніе къ нему — неужто-жъ я ошибался? Я всего себя посвятилъ на службу Ему и государству — мало что-ли я о немъ заботился? Если и досаждалъ когда своей взыскательностью, такъ вѣдь такова была моя обязанность. Потакать ему — грѣхъ былъ великій: я обѣщаніе далъ покойной Государынѣ, Вашей матушкѣ, внука учить и воспитать на славу Россійскаго государства. Я долженъ былъ всѣ силы свои положить на то, чтобы изъ него вышелъ Государь справедливый и просвѣщенный. Вотъ онъ пенялъ на меня, что много заставляю учиться — а какъ же иначе? Что же съ нимъ будетъ, коли онъ съ этихъ поръ перестанетъ учиться? Вѣдь вотъ незабвенный, родитель вашъ всю жизнь учился и только этимъ великимъ ученьемъ и прославилъ Россію. За что же такая неблагодарность? Да теперь взять и то, вѣдь я все здоровье свое разстроилъ въ дѣлахъ государственныхъ, вѣдь покою себѣ не знаю, съ утра до ночи занятъ, — хоть бы это пришло на мысль Его Величеству — за что же на меня такая напасть, за что все это?

Цесаревна сидѣла, потупивъ глаза, ей очевидно было очень неловко.

— Я знаю, князь, всѣ ваши заслуги, — наконецъ сказала она, — и конечно Государь ихъ тоже не можетъ не видѣть — онъ очень уменъ, онъ все понимаетъ, только что-жъ дѣлать, если вы слишкомъ много хотите за эти заслуги. Ужъ говорить откровенно, такъ скажу я вамъ, что княжна ваша не по сердцу Императору, и что-жъ съ этимъ подѣлать?

— Если только это, если только это, — зашепталъ Меншиковъ, — все еще поправимо. Матушка, цесаревна, поговорите съ Его Величествомъ, онъ васъ выслушаетъ, скажите ему, что все передѣлать можно.

Последнія кровавыя страницы изъ исторіи Турціи въ Европѣ. Оригинальный рисунокъ Н. Каразина, грав. Рашевскій.

Моя дочь откажется, она уйдет отсюда, она пойдет в монастырь, если нужно! Да и самъ я хочу на покой, и я уйду хоть въ Украйну, къ тому же тамъ и пригожусь, можетъ: войско еще не забыло меня, всякій солдатъ еще помнитъ наши дѣла военныя, въ которыхъ не ударилъ я лицомъ въ грязь; еще тамъ послужу царю и отечеству. Цесаревна, будьте моей заступницей, скажите все это Государю, пусть только онъ предложитъ гибъ на милость.

Елизавета обѣщала Меншикову исполнить его просьбу и очень была рада, когда онъ ушелъ отъ нея.

Онъ отправился искать жену и дочерей, а онъ давно его ужъ дожидались.

Княгиня Дарья Михайловна со слезами стала жаловаться мужу на то, что ихъ всѣ обижаютъ, едва отвѣчаютъ имъ.

— Уйдемъ отсюда, уйдемъ, не втерпѣжъ мнѣ, князь, такое униженіе.

— Хорошо, уйдемъ, вдругъ отвѣтилъ Меншиковъ и приказалъ запрягать свои экипажи.

Но они поѣхали не въ Ораціенбаумъ, а прямо въ Петербургъ.

Прямо съ дороги, не заѣзжая на Васильевскій островъ, Меншиковъ отправился въ засѣданіе Верховнаго Совѣта. Тамъ въ этотъ день присутствовали: Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ. Меншикова не ожидали и при его входѣ всѣ переглянулись между собою. Онъ это сейчасъ же замѣтилъ.

— Что у васъ тутъ на сегодня, спросилъ онъ.

— А вотъ господинъ интендантъ Мошковъ докладываетъ, что лѣтній и зимній дома Его Величества въ три дня могутъ быть убраны, къ случаю Государева пріѣзда. Вотъ и указъ Его Величества. Меншиковъ прочелъ:

„Лѣтній и Зимній дома, гдѣ надлежитъ починить и совсѣмъ убрать, чтобы совсѣмъ были готовы... Дальше онъ не могъ читать, у него потемнѣло въ глазахъ.“

Подъѣзжая къ своему дому, онъ видѣлъ, какъ укладываютъ и вывозятъ вещи изъ апартаментовъ Петра. Совсѣмъ обезсиленный вошелъ онъ въ свои палаты, никому не говоря ни слова. Нечего теперь ему дѣлать, не на что надѣяться.

Александръ Данилычъ заперся на ключъ и пробовалъ даже молиться, но молитва не шла ему на умъ, да онъ и не умѣлъ молиться.

Къ вечеру однако князь вышелъ изъ своего оцѣневія; онъ сталъ метаться по комнатамъ, закричалъ на жену, пробовавшую было заговорить съ нимъ и вдругъ приказалъ закладывать экипажъ. Онъ опять поѣхалъ въ Петергофъ, уже ночью; а на утро, чуть свѣтъ, отправился въ домикъ Остермана.

Баронъ Андрей Ивановичъ только что всталъ съ постели и при входѣ князя ласково поднялся ему на встрѣчу. Теперь онъ совсѣмъ не былъ боленъ, а напротивъ того во всей его фигурѣ и движеніяхъ изображалось полное довольство собою и здоровьемъ.

Меншиковъ не подаль руки Андрею Ивановичу и прямо приступилъ къ дѣлу.

— Предатель! съ искаженнымъ лицомъ зашепталъ онъ,—такъ вотъ твоя благодарность! Вотъ что ты для меня сдѣлалъ! Что-жъ и теперь, пожалуй, станешь вывертываться, говорить, что для меня старался.

— Ахъ, вапа милость, ты опять со старымъ, проговорилъ Остерманъ.

Но Меншиковъ не обратилъ никакого вниманія на его слова.

— Вѣдь Императоръ не хочетъ говорить даже со мною, не глядитъ на меня, сейчасъ же объясни мнѣ, что это значить?

Андрей Ивановичъ пожалъ плечами.

— Боже мой, да я-то почему знаю? Право ты приимаешь меня за нѣчто нераздѣльное съ Императо-

ромъ—какъ же я могу отвѣчать за него. Я могу говорить ему, убѣждать, но онъ воленъ меня не слушать. Ты говоришь, ваша свѣтлость, что онъ не глядитъ на тебя, а завтра, можетъ, и на меня глядѣть не будетъ, такъ я-то чему тутъ причиной, я не могу отвѣчать тебѣ за чувства Его Величества. Вотъ онъ теперь совсѣмъ отъ рукъ отбился, съ нимъ и говорить-то, не то что спорить, не приходится.

— А, вотъ какъ! скрежеталъ зубами Меншиковъ,—вотъ какъ ты теперь поговариваешь, нѣмецкая лисица! Такъ вотъ ты какой воспитатель, вотъ какъ исполняешь свои обязанности! Тебѣ нужно на добро наставлять Императора, внушать ему непрестанно добрыя правила—на то ты къ нему и приставленъ—а ты только потакаешь всему дурному—вотъ ты какой воспитатель!

Остерманъ молчалъ и сидѣлъ совершенно спокойно.

— Что же ты думаешь, что на всѣ твои безчинства и дерзости никакого суда нѣтъ, ты думаешь, что все можешь творить безнаказанно,—но я еще голубчикъ, докажу тебѣ, что ты ошибаешься: не всегда и хитрость помогаетъ. Знаю я все,—продолжалъ задыхался Меншиковъ,—все теперь знаю, не скрылся ты отъ меня: ты нѣмецъ, ты безбожникъ, ты отъ православія отворачиваешь Государя, вотъ ты что дѣлаешь! А ты знаешь, что за это тебѣ будетъ? Ты вотъ мнѣ яму выкопалъ, да смотри самъ попадешь въ нее—за совращеніе Государя въ безвѣріе твое ты будешь колесованъ!..

Меншиковъ замолчалъ: онъ не былъ въ состояніи больше выговорить слова. Лицо его было страшно; онъ поднялся передъ Остерманомъ и сверкалъ на него глазами. Но баронъ Андрей Ивановичъ нисколько не смутился. Тихимъ и мягкимъ своимъ голосомъ сказалъ онъ князю:

— Можешь говорить все, что тебѣ угодно, меня ничѣмъ не испугаешь. Я знаю что мнѣ надлежитъ дѣлать, знаю свои обязанности и веду себя такъ, что меня колесовать не за что, а вотъ я такъ скажу тебѣ, что знаю одного человѣка, который взаправду можетъ быть колесованъ—и Андрей Ивановичъ медленно поднялся и медленно вышелъ изъ комнаты, а потомъ и совсѣмъ изъ своего домика.

Меншиковъ нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, ничего не понимая и наконецъ самъ вышелъ, опустивъ голову. Всѣ предметы кружились передъ его глазами, ему казалось, что самъ онъ кружится въ какомъ-то вихрѣ и мчится куда-то въ черную пропасть. Ему стало душно, невыносимо.

IX.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновался придворный міръ, окружающій юнаго Императора. Наконецъ наступило давно ожидаемое всѣми время: надъ головой всевластнаго Меншикова должна была разразиться гроза, и эта гроза окончательно его повалитъ и рухнетъ съ корнемъ дубъ, надъ которымъ тщетно пробовали свою силу всякіе хитрые и нехитрые люди долгіе годы. Еще недавно думали, что борьба со свѣтлѣйшимъ немислима, но вотъ одинъ ложный шагъ этого великана преобразилъ робкаго ребенка въ неумолимаго врага. И этотъ ребенокъ выступилъ смѣло въ открытую борьбу съ великаномъ и вотъ-вотъ повалитъ его и ничего не останется отъ великана. И волновались, и радовались обсуждая это, и рѣшали придворные люди: пуще всѣхъ работалъ баронъ Андрей Ивановичъ, но его работа по обыкновенію велась самыми таинственными путями и никому въ глаза не бросалась. Совсѣмъ иначе дѣйствовали представители старинной, еще недавно имѣвшей огромное значеніе, но теперь отодвинутой Меншиковымъ на второй планъ, фамиліи, князя Долгорукіе. Они были самыми злѣйшими врагами Меншикова, никогда не могли ему простить его

необычайнаго возвышенія, тѣмъ болѣе, что былъ онъ человѣкъ низкаго происхожденія.

Долгорукихъ было много. Одинъ изъ нихъ князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ ловкій, хитрый хотя и безхарактерный, счумѣлъ постоянными угожденіями и лестью понравиться юному Императору. Сынъ его Иванъ Алексѣевичъ, какъ мы уже видѣли, былъ другомъ Петра, его наперсникомъ. Былъ и еще одинъ Долгорукій—Василій Лукичъ, двоюродный братъ Алексѣя Григорьевича, извѣстный дипломатъ. Этотъ умомъ своимъ и характеромъ могъ заткнуть за поясъ всю родню и его пуще всего долженъ былъ бояться Меншиковъ.

Въ то время какъ Александръ Данилычъ метался, не зная что предпринять, развѣзжалъ изъ Петергофа въ Ораниенбаумъ и обратно,—Долгорукіе неизмѣнно находились при Императорѣ. Поздно по вечерамъ собирались они всей родней у Алексѣя Григорьевича въ одномъ изъ петергофскихъ домиковъ. Въ этомъ же небольшомъ, но богато устроенномъ домикѣ жила и княгиня, жена Алексѣя Григорьевича, и двѣ ея дочери.

Императоръ только что вернулся съ охоты. Онъ усталъ, легъ спать и отпустилъ отъ себя Ивана Долгорукаго. Тотъ отправился было домой, но вдругъ какакто счастливая мысль пришла ему въ голову, и онъ повернулъ въ другую сторону.

— Опять толкують старики, подумалъ онъ, глядя на освѣщенные отцовскія окна,—все тамъ одно и то же, скука смертная. Да и ничего особеннаго нѣтъ рассказать имъ, еще успѣю вернуться. И князь Иванъ, навистывая какую-то веселую пѣсню, спѣшными шагами направился въ глубину парка; а въ домикѣ Долгорукихъ происходило родственное совѣщаніе. Тутъ находился и Сергѣй Григорьевичъ, родной братъ Алексѣя, и Михайло Владимировичъ, дальній его родственникъ, и самъ Василій Лукичъ.

— А часъ вѣдь ужъ поздній,—замѣтилъ Алексѣй Григорьевичъ, посмотрѣвъ въ окно, за которымъ въ тишинѣ и темнотѣ ночи шептались деревья. Неужто до сихъ поръ они не вернулись?

— Какъ не вернуться, вернулись,—сказалъ Сергѣй Долгорукій.

— Куда же это Иванъ запропастился, опять гдѣнибудь безпутничаешь, проворчалъ Алексѣй Григорьевичъ.

— Ну, небось, было бы что важное забѣжалъ бы сказать, отозвался молчаливо сидящій въ углу Василій Лукичъ. Безпутный малый твой Иванъ, да несовсѣмъ,—до дѣла дойдетъ и всѣ шалости забываетъ! Ты, братъ, его не очень ужъ—я за него всегда заступлюсь. Ничего, прокъ изъ него будетъ! Онъ дѣла свои получше насъ съ тобой обдѣлываетъ. Правда, выдержки еще нѣту, ну да наострится,

— Не хвали ты Ивана, братецъ, хоть и сынъ онъ мнѣ и въ дѣлѣ нашемъ человѣкъ нужный, а ничего я про него сказать не могу. Вонъ у матери спроси,—съ дѣтства такой былъ; да и боюсь я тоже какъ бы онъ не зарвался. Ну, мы тутъ свои всѣ, скажу я тебѣ, что Иванъ то мой выдумалъ, знаешь съ чѣмъ подвѣзжастъ теперь:—вотъ, говорить, не сегодня-завтра Данилычу капуть, такъ мы дѣло повернемъ такимъ манеромъ: изъ сестеръ, говорить, кого нибудь, ну хоть Катюшу,—она больно смазлива—на мѣсто Марьи Меншиковой выдадимъ за Императора, а самъ я—это Иванъ то говорить,—то же себѣ невѣсту запримѣтилъ.

— Что? Кого? спросили всѣ разомъ.

— Ну, а кого бы вы думали?

— Неужто великую княжну Наталью?

— Нѣтъ, не туда онъ мѣтитъ—ему больше по праву цесаревна Елисавета.

— Ну, гусь, съ улыбкой поднялся Василій Лукичъ. Ты чего же это, братъ, говоришь, что проку въ немъ мало? Нѣтъ, прокъ хорошъ. Ты говоришь—зарвался, а

я не того мнѣнія. Конечно съ этимъ дѣломъ нужно осторожно, конечно теперь ни гу-гу! А чтожь, въ концѣ концовъ такъ и быть должно. Я самъ не разъ ужъ объ этомъ всемъ думалъ—и странно, что тебѣ до сей поры. до сыновнихъ словъ, въ голову того же не приходило. Что-жь, даромъ что-ли Меншиковъ то полетитъ, что-жь намъ такъ и остаться и сидѣть сложа руки, кому-жь дорогу уступать—Голицынымъ? Эхъ, братъ, ты держись за такого сына, только если все такъ и будетъ, какъ онъ сказалъ тебѣ, только тогда мы и можемъ быть спокойными, а то всякая креатура, нѣмецъ всякій Андрей Остерманъ, насъ будетъ гнуть въ три погибели.

— Что-жь ты ужъ такъ на Остермана, перебилъ Алексѣй Григорьевичъ. Остерманъ конечно не другъ намъ, да и опасности отъ него теперь никакой я не вижу. Что-жь, пусть онъ теперь для кого угодно, хоть для себя работаетъ, намъ только отъ того польза выходить. Вѣдь какъ не говори, а не меньше Ивана онъ у Императора значить—меншиковская-то бѣда главнымъ образомъ его рукъ дѣло! Намъ еще и въ голову ничего не приходило, мы еще воображали себѣ, что Меншиковъ какъ статуя каменный недвижимъ, а нѣмецъ вокругъ него ужъ копался, копался себѣ по маленьку, да и подкапалъ статуу—статуу и пошатнулся.

— Такъ-то такъ, все это ты вѣрно описалъ, своимъ тихимъ голосомъ заговорилъ Василій Лукичъ,—ну такъ что-жь? Такъ какъ же ты видѣть не хочешь, что за птица этотъ Андрей Ивановичъ—такъ, какъ подъ Меншикова, аки кротъ подземный подкапался, такъ вѣдь и подъ насъ подкопаться можетъ и не замѣтишь. Да и въ мышеловку попадешь, а все будешь не понимать: кто тебя туда сунулъ,—вонъ Данилычъ, понимаетъ?—не совсѣмъ я думаю.

— Такъ ты какъ же, подсѣлъ Алексѣй къ Василю Лукичу,—я думалъ, я думалъ Иванъ заврался, а ты, братецъ, точно полагаешь все сіе возможнымъ? И самъ будешь орудовать?

— Еще бы! только опять говорю,—ни гу-гу!

— Ну, да ужъ знамо, знамо, замотали головами остальные Долгорукіе.

Въ это время въ комнату вбѣжала хорошенькая пятнадцати-лѣтняя дѣвушка. Она обвела бойкими черными глазами всѣхъ присутствующихъ и радостно бросилась на шею къ князю Василю Лукичу.

— Здравствуй Катюша, здравствуй, поцѣловалъ онъ ее, точно что не видѣлись сегодня. А ты что-жь не спишь—поздно, спать пора! Вонъ глазки то совсѣмъ осоловѣли. И онъ взялъ ее за подбородокъ и съ удовольствіемъ разсматривалъ ея свѣжее, хорошенькое личико.

— Да спать что-то не хочется, дяденька, и Матушка не спитъ тоже—прислала спросить, не хотите-ли ужинать? Велишь батюшка подавать ужинъ, обратилась она къ Алексѣю Григорьевичу.

— Да, хорошо—скажи; а сама иди спать, иди спать—разбаловала ужъ очень тебя матушка.

Катюша сдѣлала видъ какъ будто очень испугалась сурового голоса отца, и граціозно отвѣсивъ всѣмъ поклонъ, выбѣжала изъ комнаты.

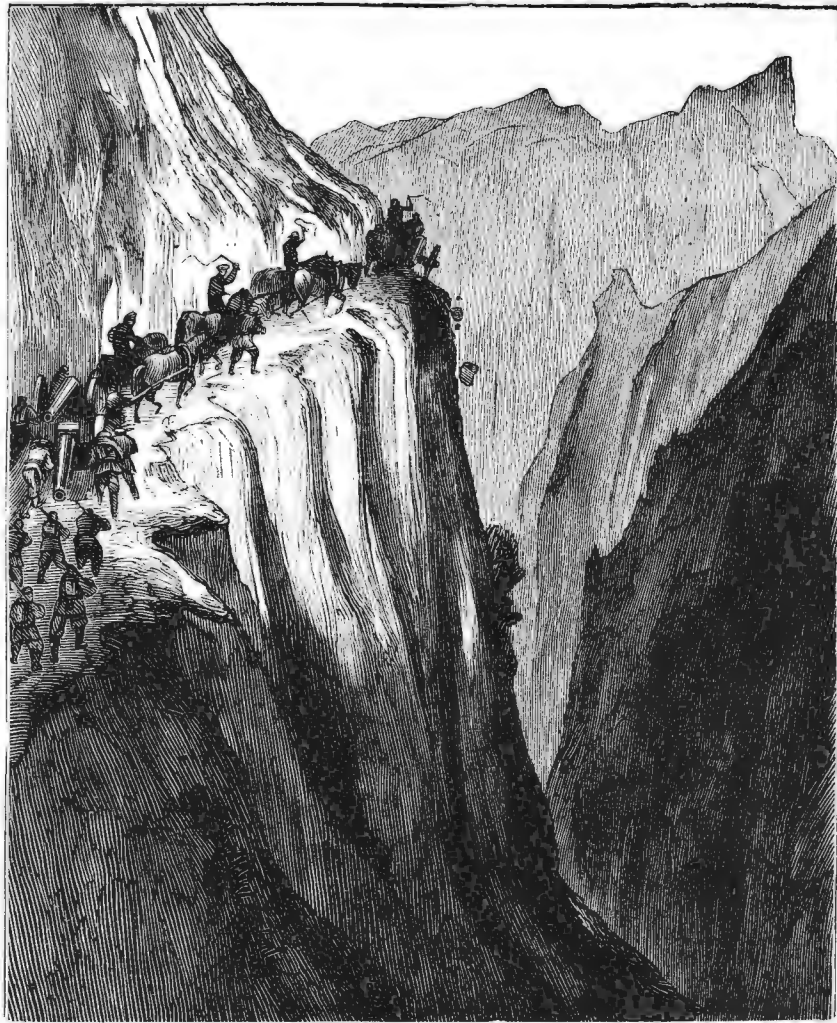
— Ну, чѣмъ же не царская невѣста, засмѣялся ей вслѣдъ Василій Лукичъ. Хотѣлъ бы я, братъ, имѣть такую дочку—я бы не иначе ее и готовилъ какъ въ царскія невѣсты. Вотъ пожди годикъ другой, распустится она аки розанъ—кто-жь съ ней красотой поспорить, развѣ что цесаревна!

Князь Алексѣй Григорьевичъ ничего не возражалъ. Теперь послѣ разсужденій двоюроднаго брата, который всегда имѣлъ на него огромное вліяніе, онъ ужъ иначе взглянулъ на все дѣло. Сразу ему точно что показалось невѣроятнымъ осуществленіе безумныхъ сыновнихъ плановъ; еще такъ недавно всѣ они были въ тѣни, въ загонѣ. Но, Боже мой, вѣдь тутъ одинъ день

все вверх дномъ повертывается, точно, что-жъ мудреного — вчера конь князя Меншикова величался государыней, завтра никто и не вспомнитъ про княжну Меншикову — государыней будетъ величаться Катюша, только бы удержаться, только бы не забыть призрака того же Меншикова! Ну, да мы удержимся, насъ то много; да и голова у насъ хорошая есть, братецъ Василій Лукичъ, этотъ на все мастеръ.

— Одно только теперь нужно, оживленно обратился Алексѣй Григоричъ ко всѣмъ, — одно нужно, сплотиться намъ нужно крѣпче, врозь не смотрѣть, какъ одинъ человѣкъ орудовать, тогда точно много сдѣлать можно.

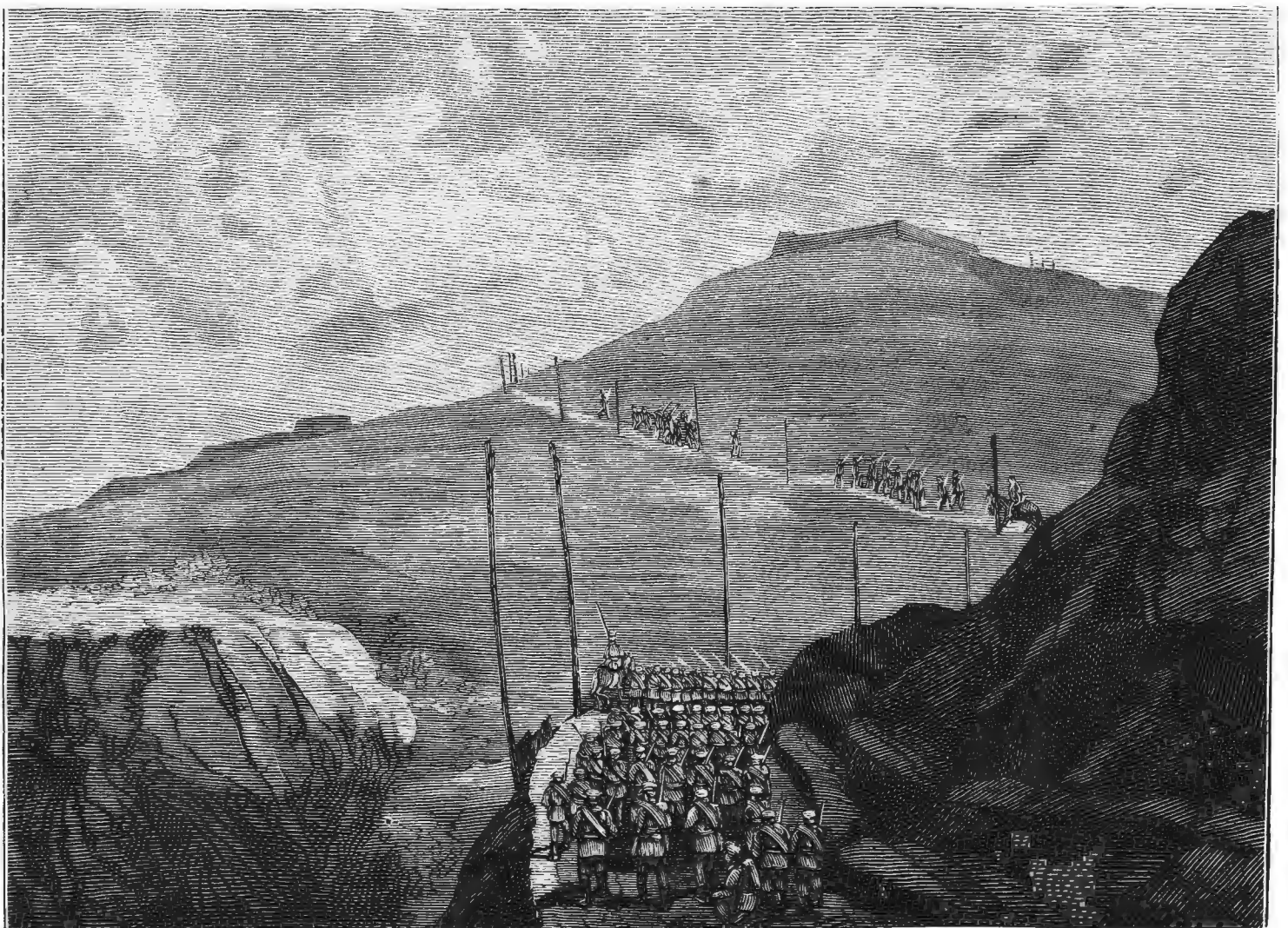
— Вотъ это такъ, замѣтилъ Василій Лукичъ, я давно

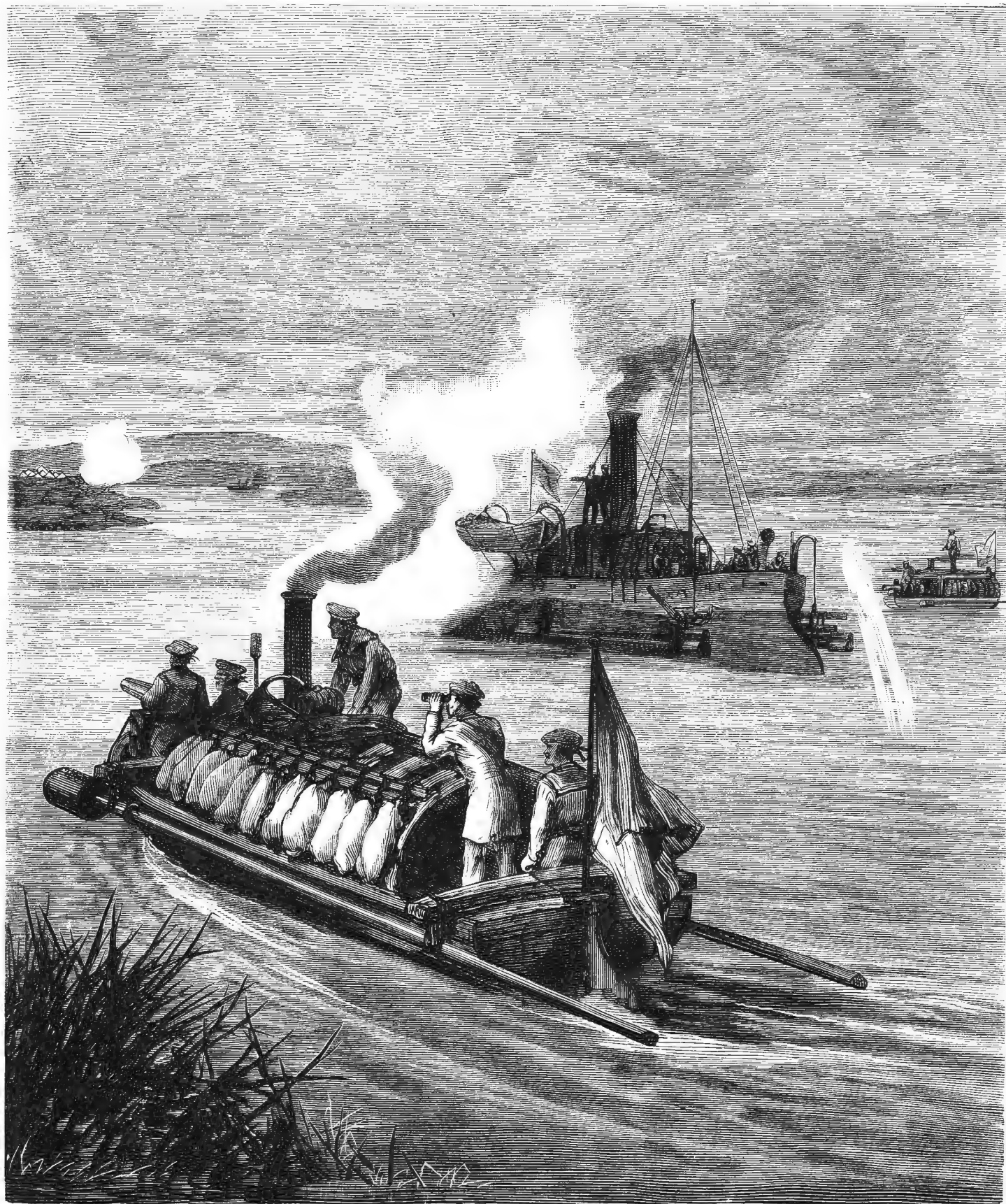
Переходъ русской артиллеріи черезъ высоты Балманъ въ Шипинскомъ проходѣ.
Рис. А. В., грав. Вейерманъ.

ужъ подумываю, какъ бы намъ съ силами собраться. Много-тонасъ много, да что въ томъ толку! Вотъ Меншикова не будетъ, а Голицынъ и Остерманъ все-же останутся — а Голицыны, какъ вы думаете, легко съ ними справиться? Тамъ у нихъ одинъ Михайло фельдмаршалъ чего стоитъ.

— Что-жъ князь Василій, замѣтилъ Михайло Владиміровичъ, — поискать между нами, такъ и у насъ найдется человѣкъ не хуже князя Михайлы Голицына. Видно точно, что всѣ теперь о братѣ Василіи Владиміровичѣ позабыли, видно долго былъ онъ въ опалѣ, да и теперь вишь далеко — въ Персіи. Какъ бы намъ вернуть его сюда такъ много-бы у насъ силы прибавилось.

Движеніе русскихъ войскъ черезъ Балманы (на пути изъ Габрова къ Шипитъ). Съ наброска, Виѣдѣтъка «Универс»

Русскій броненосецъ и миновосныя катера на Дунаѣ. По наброску И. А., грав. Вейерманъ.

— Ты это напрасно так думаешь,—вернулся въ сторону Михаила Владиміровича Василій Лукичъ,—напрасно думаешь, что мы твое брата позабыли, я вонъ о немъ всѣ эти дни думаю. Самъ знаю, что не обойтись намъ безъ него, нужный онъ намъ человѣкъ, ухъ какъ нужно вернуть намъ его! Только что Меншиковъ провалится, такъ сейчасъ же и вернуть князя Василя Владиміровича.

— Это точно, это такъ—отозвались всѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ уже былъ поданъ ужинъ и Алексѣй Григорьевичъ пригласилъ своихъ гостей закусить и выпить.

Они продолжали толковать объ ожидаемомъ со дня на день окончательномъ низверженіи Меншикова, и подъ конецъ всѣ до одного были въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Князь Алексѣй изрядно тянулъ вино изъ серебряной чарки и теперь ему ужъ совсѣмъ не казалось страшно и невѣроятно видѣть въ своей дочери Катюшѣ будущую императрицу. Теперь, по мѣрѣ того какъ начинало пріятно шумѣть въ головѣ, онъ все болѣе и болѣе входилъ во вкусъ плановъ своего нелю-

бимаго сына Ивана, ему ужъ начали представляться самыя соблазнительныя сцены, заговорило и заклокотало въ немъ нѣсколько придавленное обстоятельствомъ честолюбіе.

— А нейдетъ таки негодный Иванъ, стукнулъ онъ кулакомъ по столу,—того и жди отобьетъ у кого нибудь жену, нарвется на исторію, исколотитъ его кто нибудь, убьетъ пожалуй—ну и пиши все пропало!

— Небойсь, небойсь братъ, смѣялся Василій Лукичъ, не таковъ твой Иванъ, не дастся въ обиду. Ну, а на счетъ чужой жены—это точно, не знаю въ кого онъ—можетъ и въ папеньку. Признайся, старина, княгиня-то далеко—не услышитъ!

Князь Алексѣй пріятно ухмыльнулся, очень можетъ быть, что черезъ минуту онъ бы началъ какое нибудь пикантное повѣствованіе изъ дней своей молодости, онъ ужъ даже кажется, ободренный любимымъ и уважаемымъ двоюроднымъ братомъ, собирався начать что-то рассказывать, какъ вдругъ раздался неистовый стукъ въ наружную дверь дворика и прежде чѣмъ слуга ее отворилъ, послышался громкій голосъ.

(Продолженіе будетъ).

Послѣднія кровавыя страницы изъ исторіи Турціи въ Европѣ.

Картинѣ, изображающей одну изъ многочисленнѣйшихъ и ужасныхъ сценъ турецкаго звѣрства, всего ближе дать такое названіе, именно „Послѣднія кровавыя страницы изъ исторіи Турціи въ Европѣ“. Дай Богъ, чтобы это заглавіе оправдалось. Звѣрства турокъ перешли всякія границы возможнаго. Воображеніе отказывается представить что-либо ужаснѣе и свирѣпѣе этихъ звѣрствъ. Гдѣ предѣлы этому ужасу! Казалось бы, вся Европа должна теперь одновременно и съ полнѣйшей энергіей возстать противъ общаго врага христіанства и человѣчества. Казалось бы минуты нельзя допустить на промедленіе, на мгновеніе нельзя задуматься въ колебаніи мысли: вступить-ся или не вступить-ся за попираемая такъ нагло права чело-вѣчества и христіанства. Казалось бы такъ, да? Но Европа еще не подвигалась одновременно на Турцію, мечъ ея еще спокойно лежитъ въ ножнахъ,—увъ, даже не только спокойно лежить въ ножнахъ,—увъ, онъ обнажается въ защиту все той же Турціи, въ защиту тѣхъ, которые съ такимъ невообразимымъ звѣрствомъ терзаютъ и надругаются надъ плѣнными, которые не хотятъ знать никакихъ конвенцій, никакихъ условій войны. Послѣднія извѣстія съ театра войны приносятъ намъ не мало свѣдѣній о томъ, что на ряду съ турками (хотя бы, напримѣръ, при атакахъ на Шипку) дерутся и англичане и поляки. Да они вѣдь христіане, да они вѣдь несомнѣнно знаютъ о турецкихъ звѣрствахъ надъ христіанами, за чѣмъ же они имъ же помогаютъ? Такъ могутъ спросить и навѣрное спрашиваютъ многіе изъ тѣхъ простыхъ сердцемъ, для которыхъ дороги чистыя и святыя идеи христіанства. Такъ они спрашиваютъ—и не понятенъ имъ отвѣтъ о политическихъ интересахъ Европы, темны и чужды имъ тѣ толкованія, какія слышатся со стороны защитниковъ Турціи.

Но положимъ, Европа не хочетъ обнажить меча въ защиту христіанства, положимъ, она настолько оцивилизовалась, что для нея христіанство уже утратило большую часть своего смысла и значенія, но взаимнѣ этой утраты, но крайней мѣрѣ въ призрачный замѣнъ (по нашему мнѣнію замѣнъ этотъ только призрачный и можетъ быть) должны же остаться у нея хотя какія-нибудь понятія о томъ, можно ли сдирать съ живого чело-вѣка безнаказанно кожу и всячески издѣваться надъ нимъ, или же этого нельзя. Неужели по понятіямъ, основаннымъ на современнѣйшихъ и послѣднихъ выводахъ цивилизаціи, можетъ быть терпимо все то, что дозволяетъ себѣ Турція. Должно быть, все это можетъ быть терпимо, ибо до сихъ поръ, не смотря на продолжающееся и усиливающееся звѣрство турокъ, Европа ограничивается пока напоминаніями Турціи о томъ, что нужно быть благонаравне и только теперь, когда звѣрства турокъ достигли ужасающихъ размѣровъ, послышался энергическій голосъ Германіи, потребовавшей отъ Турціи прекращенія звѣрствъ. Правда, къ этому энергическому протесту Германіи присоединились и другія государства Европы (кромя Англіи), но все же это только одна дипломатическая переписка, все же отъ этого не легче тѣмъ, кого истязаютъ и мучатъ неизмѣримо ужаснѣе, чѣмъ мучили въ первые вѣка христіанства, во времена Нерона, Тиверія, Діоклетиана. И пока Европа обнажитъ свой мечъ въ защиту мучениковъ-славянъ, такъ безбожно терзаемыхъ—въ это время турки успѣютъ замучить еще нѣсколько десятковъ тысячъ душъ!

Ужасъ! Какъ жить въ такое время? какъ согласовать мысли, при видѣ тѣхъ ужасающихъ противорѣчій, которыя неволью поднимаются роємъ подъ впечатлѣніями совершающихся событій.

Послушайте, напримѣръ, рассказъ, что происходило послѣ отступленія русскихъ отъ Ески-Загры:

„Всѣ успѣвшіе бѣжать изъ Ески-Загры единогласно говорятъ, что, замѣтивъ отступленіе русскихъ на Казанлыкѣ, жители перваго изъ поименованныхъ городовъ хотѣли было послѣдовать за русскими войсками. Сраженіе началось въ восемь часовъ утра, настала полдень, и всѣ были увѣрены, что дорога въ Казанлыкѣ еще свободна. Бѣглецы намѣревались отправиться дорогою этою, составляющею продолженіе главной улицы города, но тотчасъ же были встрѣчены ружейнымъ огнемъ войскъ, которыя, замѣтивъ отступленіе русскихъ, прежде всего позаботились окружить со всѣхъ сторонъ Ески-Загру. Всѣ мѣры были приняты для истребленія болгаръ; никто изъ нихъ не долженъ былъ ускользнуть отъ избіенія, и дѣйствительно никто не ускользнулъ.“

„Болгары, рѣшившись дорого продать свою жизнь, вошли въ свои дома и забарикадировались въ нихъ. Въ четыре часа началась атака или, скорѣе, избіеніе райи. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ покончили дѣло съ низенькими, сложенными изъ глины мазанками, которыя вспыхнули какъ солома. Болгары, выбѣжавшіе на улицу и спасавшіеся отъ пламени, тотчасъ же были перебиты. Госпиталь, гдѣ заперлось около сотни христіанъ, оказалъ больше сопротивленія. Въ теченіе цѣлаго часа болгары отражали приступы турокъ, но, поражаемые, побѣждаемые, согласились наконецъ сдаться, если мусульмане дадутъ слово оставить ихъ въ живыхъ. Въ то время, когда они вели переговоры чрезъ дверь, сильный натискъ отбросилъ ихъ назадъ; турки ворвались въ госпиталь и началась бойня, происходившая одновременно и въ церкви, куда, какъ въ безопасное убѣжище, помѣстились женщины и дѣтей.“

Турецкіе нотабли, отравившіеся къ башнѣ-бузукамъ въ ближайшія деревни, руководили розысками по узкимъ улицамъ, указывая мѣстожительство наиболѣе неблагонадежныхъ и, главное, богатыхъ болгаръ.“

Убийство, грабежъ и насилие продолжались цѣлый день. Молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ приводили въ школы, гдѣ предавали ихъ звѣрскимъ инстинктамъ перваго пришедшаго, до полного истощенія силъ.

Когда въ Ески-Загрѣ завершилось дѣло крови и разрушенія, настала очередь сосѣднихъ деревень. Въ округѣ Ески-Загры и Ширпана предано пламени 15 церквей, 500 школъ и 1,500 домовъ.

Деревни Богданъ, Магалиссы и Рани-Магалиссы, лежація между Ени-Загрою и Герменли, обращены въ груды развалинъ. Звѣрства эти произведены не башнѣ-бузуками: это доказываетъ тѣмъ, что солдатамъ, разставленнымъ офицерами на дорогѣ въ Ески-Загру, было приказано стрѣлять по всѣмъ, старавшимся убѣжать.“

Или, напримѣръ, когда надъ турецкимъ лагеремъ былъ поднятъ бѣлый флагъ и турки, подпустивъ нашихъ на весьма близкое разстояніе, открыли изъ-подъ бѣлаго флага страшный залпъ, отъ котораго, изъ двухъ нашихъ ротъ, легло на мѣстѣ сразу 100 человѣкъ.

Какъ назвать такой наглый отвратительный способъ веденія войны.

По взятіи Шипки, какіе обнаружались звѣрства турокъ: почти всѣ наши раненные найдены умершими и страшно изувѣченными. Только одинъ изъ нихъ остался въ живыхъ; трупы нашихъ солдатъ лежали разбросанными по полю безъ ушей, безъ носовъ, съ

обрубленными ногами и руками; у многих отрубаны головы, у других распороты животы, вынуты все внутренности, и в подлости раскладывались костры! Все болгары в один голос говорят, что все ужасные истязания совершались турками над нашими пленными ранеными еще при жизни последних. С болгарами турки, конечно, точно также ни мало не считают нужным поступать иначе чем поступают с русскими. Со всех сторон слышатся такие подробности о зверствах турок, которым трудно верить, даже после того, что известно о прошлогодних ужасах в Болгарии, и тем не менее, они достоверны. Что может быть возмутительнее и ужаснее, например, вырывания грудей болгарским женщинам, и вырывания ремней из кожи их грудных младенцев, которых этими ремнями привязывают к несчастным матерям? А между тем подобной участи подверглось, говорят, несколько десятков женщин в Ени-Загре за то, что их их мужья, увидев рекогносцировочный отряд наших казаков, вышли к ним на встречу из города. Все 80 болгар, желавшие видеть русских в своем городе, были поголовно изрубаны. Да, теперь, за Балканами—страшная картина... По словам прибывших отсюда, есть человеческих слов описать, что совершилось в округе Эски-Загры: разможенные дети, девочки, пригвожденные к столам, женщины с отрубанными грудями, девушки... вот картина, представляющаяся от Шипки до Ени-Загры; а протраство от Шипки до Габрова, как муравейник, кишит голыми, босыми и голодными детьми и женщинами.

Несчастная, многострадальная страна!

Общее говоря, зверствам турок нет предель и нет конца рассказам об ужасах, происходящих на театре войны.

После атаки Плевны, когда наши войска отступили, стая башни-бузуков спустилась на поле битвы и не щадила никого. И до штаба, в тишине лунной ночи, доносились страдальческие стоны и крики торжествующего фанатизма. Всю ночь башни-бузуки, явившиеся и в Радизово, избивали раненных. По рассказам, это были те ужасы утонченного зверства, которые повторяются всюду, где попадаются наши раненные. Очевидцы, раненные солдаты, спрятавшиеся в кукурузу и приползшие через несколько дней к нашим разрядам, рассказывали следующий случай: офицер, легко раненый, взять был турками в плен. Турки сдали ему еще несколько раз и пустили на волю,—блги, мол, к своим. Офицер действительно, обливаясь кровью, пустился бжать. Турки догнали его, отбили одну руку и погнали его опять «к своим»; отбили вторую руку; догнали в третий раз, отбили одну ногу, волокли по земле «к своим», избиваясь, отбили другую ногу и затем покоячили с несчастным, огрубив ему голову. И это называется война!

Под Плевной пострадали также и санитары. Рассказывают про семь человек, вбродомно убитых ранеными пленными турками, в ту минуту, когда санитары подавали им

помощь. Зная это, группы солдат наших, отрубанные неприятелем и имья во главе своих офицеров, большинство которых было перебито, собирались по 30—40 человек, и с криком «ура» бросались на неприятеля, гибли все славною смертью, не сдаваясь в плен.

Так ведет Турция войну, так готовится она сама себя погубить. И она погибнет, мы верим, что она погибнет, ибо всякому злу есть границы.

Не смотря на то, что разграбленный, терзаемый и мучимый многострадальный славянский народ не находит себя защиты ни в ком ином, как только в единственной с ним России—час освобождения его все таки близится и несомненно должен наступить вслед за окончанием этой войны. Час освобождения его близится не только в силу того, что Россия (не смотря на всякую тайную поддержку, оказываемую Турцией ее друзьями) должна победить Турцию, но даже в силу того, что Турция не может более властвовать над славянами, не может потому, что носит сама в себе все признаки разложения государственного организма. Не раз уже повторялись известия о том, что Турция не в силах справиться с самовластием башни-бузуков, черкесов, зейбеков и всякого иного сброда, и как не многочисленны ее друзья в Европе—помочь они ей не в силах. Положим, друзья турок не осудят ее своей численности, положим, лорд Биконсфильд поможет Турции еще несколькими миллионами фунтов стерлингов, допустим даже, поднимется так называемая «священная война», Турция с берет силы магометанства со всего мира и будет защищаться, как говорится, до последней капли крови. Допустим даже, что при содействии своих друзей она и эти ее друзья будут вповнически пролиты? Непечислимых потоков крови—но что же будет потом? Неужели мир? Неужели останется Турция такою же, какою была? Нет, Турция остаться такою не может, и именно потому, что она, как государство, как единое целое, разлагается, и те же самые ее друзья, для которых не дороги интересы христианства, разорвут ее на клочки при первом же могущем представиться для этого случая. Случай этот представится тотчас же по окончании настоящей войны, хотя самый конец ее еще очень далеко от нас.

В заключение не можем не высказать вашего глубокого убеждения в том, что как бы ни было сильно, могуче и велико зло, оно само в себя носит свою погубитель и само от себя погибает. Такова судьба и Турция и такова судьба всякого зла. Конечно, бывает иногда так, что зло, повидимому, более долговечно, чем добро, но это только повидимому, ибо при тех малых объемах границ, в которые замкнута человеческая мысль, ей нет возможности подняться в те высшие предель, где ршаются судьбы миров, царств и народов, вечно, безначально и бесконечно премудростию управляемых.

Д. Стахъевъ.

Къ рисункамъ.

Шипкинский проходъ въ Балканахъ.

Шипкинский проходъ идет по скаламъ и крутизнамъ, мимо безднъ и ущелий; то идет онъ прямо, то изгибается влево, вправо, возвращается даже назадъ, взбирается на головокружающую вышину и оттуда внезапно обрывается вниз къ подошвѣ горы; все эти жестокия причуды истощаютъ до нелзя несчастнаго путника, доводя его иногда до отчаянія. Въ некоторыхъ мѣстахъ этого страшнаго прохода съ одной стороны зияетъ разверзтая пропасть, съ другой—подымается вертикально крутая стѣна великана-скалы. За семь верст отъ Габрова находятся самыя крутыя, стремнистыя мѣста, по которымъ почти нетъ возможности проходить. Пѣшеходъ, взбирающийся этимъ проходомъ на гребень Балканъ, долженъ останавливаться каждая пять минутъ, шесть лошадей не могутъ тащить одного орудія въ гору. И вотъ этой-то дорогой должна была наша армія совершить свой переходъ за Балканы... При правильной и энергической оборонѣ—горы эти непроходимы. Самая трудная часть пути лежитъ между Габрова и Балканскимъ хребтомъ. За деревней Шипки, лежащей у подошвы Червенебрака, путь идетъ уже по равнинѣ.

Высоты Червенебрака господствуютъ надъ всеми находящимися въ этомъ районѣ возвышенностями, такъ что взобравшись на нихъ видна вся дорога отъ Габрова и далѣе. На всемъ протяжении отъ города Елены и до селенія Ханкой не существуетъ ни малѣйшаго сѣда дороги, по которой бы могла пройти армія.

Правду говорятъ, что для русскаго солдата не существуетъ препятствій, что терпѣние его и выносливость выше силъ человеческихъ, русскій солдатъ въ страшную жару карабкается по крутымъ горнымъ уступамъ и тащитъ за собой еще орудіе.

Нужно припомнить, что во время нашего перехода чрезъ Балканы по крутой, узкой, безпѣрно трудной дорогѣ, сломались почти все лазаретныя фуры, и одно орудіе 16-й конной баттарен совсѣмъ, съ упряжью и прислугой, полетѣло въ про-

пасть (см. рисунокъ), къ счастью люди спаслись безъ тяжелыхъ поврежденій, а дальнѣйшему паденію орудія помѣшалъ гигантскій дубъ, въ вѣтвяхъ котораго оно повисло. Два часа употребили на то, чтобы поднять его опять на дорогу и сдѣлать годнымъ къ дальнѣйшей отправкѣ. И это нисколько не удивительно, потому что дорога чрезвычайно узка и колеса орудій едва только могли уместиться на ней; въ некоторыхъ мѣстахъ они бороздили края этой высшей надъ бездною дороги.

О томъ, что происходитъ теперь въ Шипкинскомъ проходѣ Балкановъ читатели наши знаютъ изъ политическихъ и военныхъ известій «Нивы», какъ предъидущаго, такъ и этого номера.

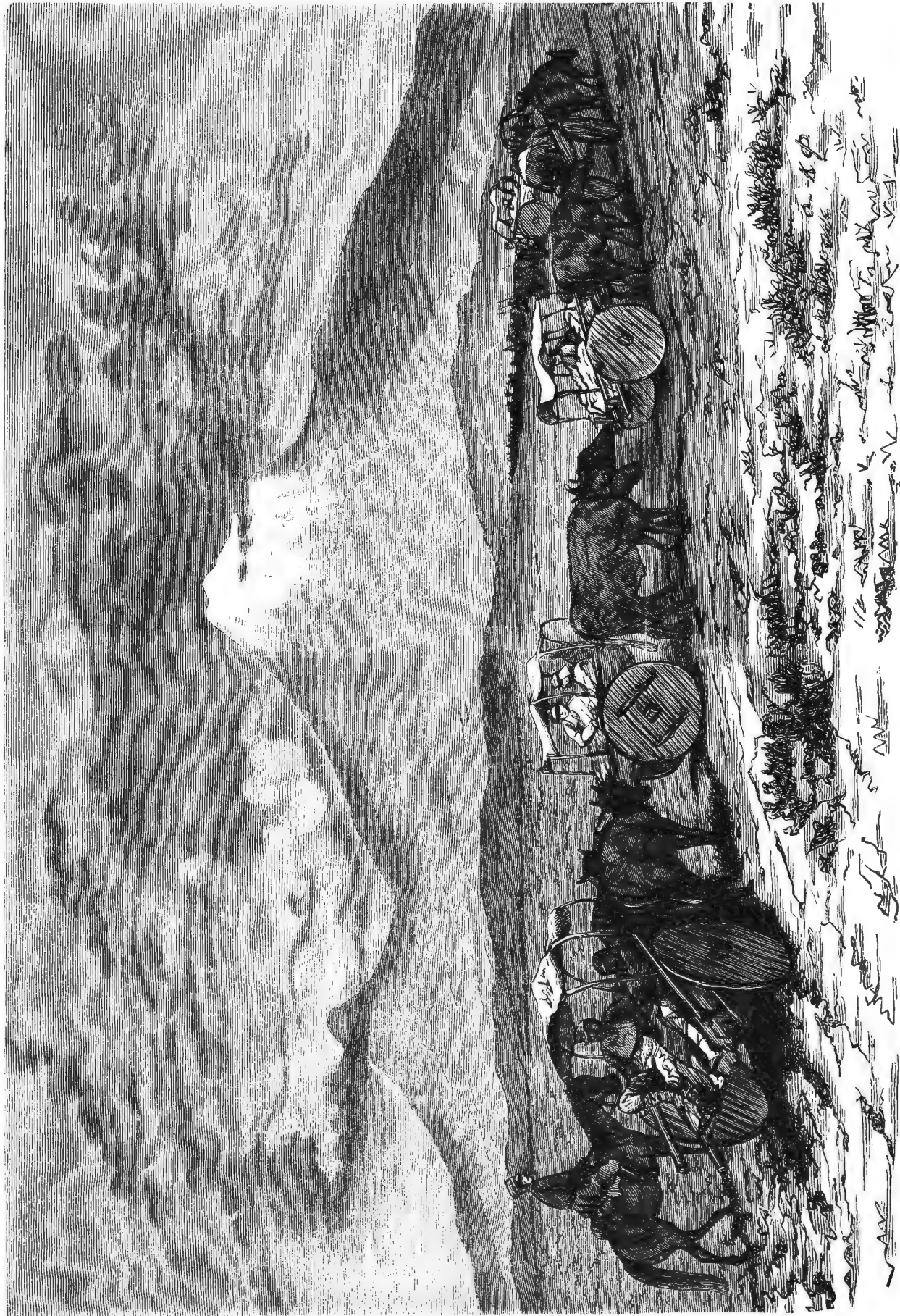
Т. Руд—ая.

Наши броненосцы на Дунаѣ.

Нашъ флотъ, сравнительно съ неприятельскимъ, построеннымъ на англійскія деньги, скромнѣе, но и съ этимъ скромнымъ флотомъ, съ миноносными катерами, наши герои-морьяки оказали на Дунаѣ такіе блестящіе подвиги храбрости, достигли такихъ результатовъ, что невольно уже представляется вопросъ: целесообразно ли для государства затрачивать большія деньги на броненосный флотъ, какъ это дѣлаетъ, напримеръ, Англія? Разрушительное дѣйствіе постоянно усовершенныхъ техниками современныхъ миноносныхъ снарядовъ можетъ въ значительной степени парализовать все расчѣты на флотъ. Какъ кажется, предвидя это, Англія теперь уже старается, при постройкѣ военныхъ судовъ, придавать имъ нераздѣльно два качества: крейсерскую быстроту и боевое достоинство. Достичь этого предполагается устраниеніемъ на боевомъ суднѣ сплошной брони и примѣненіемъ ей только для защиты такъ сказать, самыхъ жизненныхъ органовъ боеваго судна. Удастся ли достигнуть англійскимъ кораблестроителямъ предложенной задачи—покажетъ будущее. Теперь же нужно сказать только, что громадную часть бюджета морскихъ державъ въ состояніи поглотить броненосцы, изъ которыхъ каждый, принимая въ расчѣтъ максимумъ толщины брони, обойдется 5—10 и болѣе

Храбрый атаман кавказовъ изъ турецкія батареи при Ловчи. По наброску К. Е. рис. академикъ Павелъ Соколовъ, грав. А. Вейерманъ.

Перевозка больших и маленьких героев из Вязета к русской границе (Вдали видны горы: большой и малый Арарат).
Ориг. рисун. нашего специального корреспондента, академика Н. Н. Филиппова, грав Вейерманъ.

миллионы!.. Повторяем: въ постройкахъ броненоснаго флота теперь весьма естественно ожидать реакціи. На это блестяще указываетъ настоящая война.

Такъ какъ настоящая война локализована и ограничена собственно только счетами нашими съ Турціей и главнымъ театромъ борьбы выбрана Болгарія, то участие въ войнѣ нашего флота, по весьма понятнымъ расчетамъ, представляется относительно скромнымъ. Съ самаго начала войны главнымъ действующими судами представлялись съ нашей стороны складныя, небольшія по размѣру, но удобныя и быстрыя на ходу, канонирки (кто внимательно прослѣдитъ ходъ войны на Дунаѣ, тотъ увидитъ, что эти наши канонирки сдѣлали чудеса и оказались вполне цѣлесообразными). Съ самаго начала войны наши канонирки были заняты опусченіемъ въ Дунай торпедъ или минъ и это дѣло онѣ дѣлали съ изумительной ловкостью, неутомимостью и смѣлостью, такъ какъ часто работали подъ огнемъ турецкихъ батарей. Только уже слишкомъ сильная канонада превращала неутомимую работу опусканія минъ.

Самую блестящую роль на Дунаѣ до сихъ поръ играли у насъ именно эти канонирки миноноски, затѣмъ миноносные катера, пароходы, словомъ все быстро крейсирующія суда. Изъ преимущественныхъ дѣйствій нашихъ моряковъ на быстро крейсирующихъ судахъ ни чутъ, однако, не слѣдуетъ, что мы не дѣйствовали съ мониторовъ, потому что и наши мониторы производили довольно важныя операціи, особенно въ открытыяхъ, широкихъ рукавахъ Дуная. Такъ, въ концѣ минувашаго мая (см. телеграммы отъ 20-го мая (1-го іюня)) наши броненосцы форсировали входъ въ Сулинское гирло Дуная, чтобы парализовать сосредоточеніе турецкаго флота около Рени и предполагавшую тамъ высадку турокъ. Результатомъ этого была ожесточенная канонада на Дунаѣ, около Рени, продолжавшаяся 2 часа. Турки при этомъ были отброшены и удалались на востокъ судахъ.

Прилагаемый рисунокъ представляетъ одинъ изъ нашихъ дунайскихъ мониторовъ, сопровождаемый миноносными лодками.

М. Стр.

Кавалерійское дѣло подъ Ловчею 5-го іюля 1877 года.

О дѣлѣ этомъ въ политическихъ и военныхъ извѣстіяхъ „Ины“ (см. № 29) мы помѣстили дословно телеграмму Его Высочества Главнокомандующаго. Теперь въ дополненіе отмѣтимъ нѣсколько подробностей этого дѣла.

Непріятель занималъ крутую высоту подъ самымъ городомъ Ловчею, который окруженъ такими высотами съ двухъ сторонъ, а самыя высоты укрѣплены шанцами. Жара стояла нестерпимая; лошади и всадники „загорались“, т. е. падали часто въ изнеможеніи и получали возможность встать опять въ бой благодаря болгарамъ, которые отливали своихъ „братушко“ (такъ зовутъ они русскихъ) водою. Командиръ отряда приказалъ штабсъ-ротмистру Муратову немедленно атаковать турокъ съ лѣваго фланга; но тутъ казаки были встрѣчены сильнѣйшимъ перекрестнымъ огнемъ, такъ что принуждены были спѣшиться и, держа лошадей въ рукахъ, отстрѣливаться отъ непріятеля, въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго; благодаря чрезвычайному искусству и ловкости, съ которыми казаки примѣнялись къ мѣстности, потери въ людяхъ при этомъ не было, кромѣ одного раненаго, но лошадей убито у насъ до 20 штукъ. Въ то же время нашъ взводъ 6-й донской батареи своими мѣткими выстрѣлами заставилъ непріятеля ослабить свой огонь и такимъ образомъ подготовилъ атаку на высоты, занятыя непріятелемъ. По приказанію полковника Жеребкова, штабсъ-ротмистръ Муратовъ пустилъ сначала часть своего эскадрона въ разсыпную атаку, удерживая временно на мѣстѣ свой лѣвый флангъ изъ опасенія, чтобы турки съ праваго своего фланга не попытались отрѣзать атакующихъ, тѣмъ болѣе, что у турокъ стояли тутъ кавалерія и низамъ. Видя однако, что турки съ обычною безпечною и обычнымъ отсутствіемъ предпримчивости стоять спокойно, штабсъ-ротмистръ Муратовъ обратился къ остальной части эскадрона со словами: „Молодцы! плюнь на нихъ дураковъ... пойдемъ за товарищами“. Храбрецы, имѣя во главѣ своихъ молодцовъ офицеровъ, понеслись впередъ: атака была исполнена блестятельно: эскадронъ смялъ непріятеля, мигомъ ворвался въ шанцы и жестоко изрубилъ турокъ, которые въ полѣйшемъ смятеніи покинули укрѣпленія и самый городъ, изъ котораго тѣмъ временемъ вышли на встрѣчу нашему отряду болгары съ духовенствомъ и хоругвями во главѣ.

Такъ была занята Ловча, теперь, какъ извѣстно, нами оставленная. Надѣмся, что не долго она будетъ во власти непріятеля.

Перевозка больныхъ и раненыхъ изъ Баязета.

Геройскій гарнизонъ Баязета, бодро выдержавшій 23-дневную осаду, освобожденъ, какъ извѣстно, войсками подъ командою генерала Тергукасова, разбившими на-голову непріятельскій корпусъ. Мы уже сообщали (см. № 32) о томъ, что гарнизонъ крѣпости и все больные и раненые до послѣдняго человѣка выведены изъ крѣпости, такъ какъ городъ, разрушенный до

основанія послѣдними событіями, значенія не имѣеть. Помѣщая въ этомъ номерѣ рисунокъ, изображающій движеніе транспорта съ больными и ранеными героями Баязета, считаемъ нужнымъ разсказать о главномъ изъ нихъ, именно о командантѣ Баязетской крѣпости, Штоквичѣ. Мы можемъ не выразить сожалѣнія, что пока не имѣемъ возможности помѣстить портрета этого замѣчательнаго человѣка.

Не смотря на свою нѣмецкую фамилію, капитанъ Штоквичъ представляетъ собой исчезающій типъ стараго кавказскаго офицера. Онъ уроженецъ Тифлиса, учился въ мѣстной гимназіи и въ 1848 году поступилъ на службу. Отецъ его также прославился подъ стѣнами другой турецкой крѣпости—Карса, въ турецкую кампанію 1828—1829 годовъ. Онъ взорвалъ пороховой погребокъ, рѣшившій участь крѣпости. Самъ онъ полагался за своей геройскій подвигъ жизнью: послѣ взрыва нашли лишь его орденъ, бывшіе на немъ въ этотъ день: ни тѣла, ни частей его не оказалось...

Сынъ этого героя, капитанъ Штоквичъ состоялъ при генералѣ Лорисъ-Меликовѣ во время управления имъ Карсомъ въ прошлую кампанію. При осадѣ Баязета онъ оказался на высотѣ случайной и столь неожиданно выпавшей на его долю тяжелой задачи. Его энергія и мужество поддерживали въ гарнизонѣ ту бодрость духа, которая дала ему возможность переносить въ теченіе 23 дней самыя страшныя лишенія, ни разу не поддавшись лукавымъ письменнымъ предложеніямъ, которыя дѣлались баязетскому гарнизону о сдачѣ. Гарнизонъ страдалъ отъ голода и жажды (въ послѣдніе дни воды выдавали только по столовой ложкѣ на человѣка); но на все предложенія комендантъ цитадели, капитанъ Штоквичъ, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, а чтобы положить предѣлъ оскорбительной назойливости турокъ, повѣсилъ послѣдняго парламентаря, оказавшагося прежнимъ нашимъ лазутчикомъ. Комендантъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ сыномъ Шамиля, генераломъ турецкой службы. Шамиль уговаривалъ капитана Штоквича сдаться, представлялъ всю безусибность защиты. Штоквичъ напелся: „*Неужели,—сказалъ онъ Шамилю,—вашъ батюшка никогда вамъ не говорилъ, что русскіе не делаютъ крѣпостей, а сами берутъ.*“

Послѣ этого отвѣта Шамиль уже не ѣздилъ на свиданіе и пересталъ писать письма. Вотъ одно изъ полученныхъ гарнизонномъ письменныхъ предложеній безъ измѣненія его ореографіи.

„Сегодня мы присланы здѣсь изъ порученія правительства и народнаго совѣта для увѣренія васъ что въ моей личности можетъ сложить оружіе и увѣрю васъ что вся ваша личность будетъ обезпечена и прежніе поступокъ здѣшнихъ курдовъ правительства строго поискиваетъ и въперодѣ ничего подобнаго не повторится и я все мои средства употреблю васъ честно сохранить отъ всехъ худыхъ послѣдствій если хотитъ для переговоровъ завтра пришлю моего родственника собственнаго Его Величества конвоя отставной ротмистръ Дауднова въ объявить свое желаніе завтра въ 7 часовъ утра.“

„Генералъ-Лейтенантъ Свѣты Его Величества султана Шамиль“ Z.

ТАТАРЫ ВЪ КРЫМУ.

Татаръ, разумѣется, нельзя считать давними поселенцами въ Крыму. Они утвердились здѣсь въ то время, когда распалась такъ называемая Золотая Орда (это случилось въ XV вѣкѣ, при Василіѣ Темномъ). Тогда, одновременно съ образованіемъ Казанскаго царства, возникла и Крымская орда, составившаяся изъ многочисленныхъ улусовъ, бывшихъ на полуостровѣ. Здѣсь утвердилась династія Гиревъ и первый ханъ этой династіи былъ, какъ извѣстно, Азы-Гирей. Съ начала XVI вѣка, съ Василія III, въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ, татары дѣлаютъ изъ Крыма раззорительныя набѣги на Русь, даже на самую Москву.

Въ послѣднія десятилѣтія началось выселеніе татаръ изъ Крыма преимущественно въ Турцію, вслѣдствіе недовольства сгѣсненіемъ привилегій. Въ послѣднія два десятилѣтія выселенія татаръ изъ Крыма совершались массами, и мы знаемъ, что получившая въ текущую войну громкую извѣстность стратегическая линія *Черноводы-Кюстенджи* (въ Добруджѣ), пересѣкаетъ городъ *Меджидіэ*, основанный въ 1857 г. именно выселившимися сюда крымскими татарами и населенный ими (1,500 чел. жителей).

Крымскіе татары, подобно другимъ своимъ единоплеменникамъ, раздѣляются на нѣсколько классовъ. Классъ *благородныхъ* имѣетъ здѣсь исключительное право владѣть поземельною собственностию; затѣмъ остальные классы служатъ у высшаго класса фермерами, батраками и проч. Степныя привычки и склонность къ кочевой жизни не истребились въ татаринѣ и здѣсь, особенно въ простоянѣхъ. Срубъ изъ кое-какъ сложенныхъ бревенъ, или, при недостаткѣ въ Крыму дѣса, просто лагуча изъ древесныхъ вѣтвей, укупоначенная мхомъ и смазанная глиной, составляютъ жилища крымскаго татарина-простолюдина. Каждымъ татарскимъ селеніемъ управляетъ *мурза*, избираемый общиною.

По отзыву многихъ путешественниковъ, трудно найти что-либо прелестнѣе татарскихъ селеній и деревенекъ на южномъ берегу Крыма. Весь почти южный берегъ въ геологическомъ

отношении состоит из юрская известняка, террасами спускающаяся к морю. Кое-где возвышаются мощные гранитные скалы палеогеновых (огненных) образований и у подножия их робко приютились татарские селения. В эпоху процветания татарщины этих селений была масса и вся татарская аристократия располагалась около хребта Яйлы и славной вершины Чатырдага. Много селений уже исчезло, и память об этом исчезновении сохранилась в названиях долин, в которых были расположены исчезнувшие селения.

Политическія и военныя извѣстія.

Прошлое наше обозрѣніе мы закончили извѣщеніемъ об упорномъ и кровопролитномъ боѣ нашихъ войскъ въ Шипкинскомъ проходѣ. Нашъ врагъ показавъ ожесточенное, рѣдкое въ военныхъ лѣтописяхъ упорство и этизмъ, въ свою очередь, весьма рельефно доказавъ, до какой степени для него дорогъ этотъ пунктъ и до какой степени онъ составляетъ основную точку стратегическихъ плановъ. Не будь, въ самомъ дѣлѣ, крайне-важнымъ для турокъ Шипкинской переваль, эти упорныя атаки его со стороны Сулеймана-паши, и притомъ въ теченіе цѣлой недѣли, были бы странны и нерасчитанны.

Сулейманъ-паша желалъ во что бы то ни стало пробиться за Балканы именно черезъ этотъ трудно-доступный переваль, чтобы быстрее и ярвѣе соединиться съ арміями Мехмеда (сердаръ-экрема или главнокомандующаго) и Османа пашей. Армія первая, какъ извѣстно, находится на восточной сторонѣ у Османъ Базара, а другого на западной. Есть, впрочемъ, мнѣніе, что упорство Сулеймана-паши довольно хитрая диверсія. Онъ будто бы хотѣлъ отвлечь къ Шипкѣ массы нашихъ войскъ, ослабить ихъ на сѣверѣ отъ Балканъ и тѣмъ облегчить задачу Мехмеда и Османа пашей соединиться и окружить уже ослабленную въ этой части нашу армію. Если такой стратегическій планъ дѣйствительно существовалъ или существуетъ у турокъ, то это планъ близоружій. Наши враги въ пылу увлеченія забыли о непрерывно-прибывающихъ съ нашей стороны подкрѣпленіяхъ на театръ войны, такъ что насколько ослабитъ наша армія къ сѣверу отъ Балканъ, отвлеченіемъ ея въ Шипку, настолько же она вознаградится непрерывно прибывающими на театръ войны подкрѣпленіями. Какъ бы то ни было, но очевидно, что Шипкинской переваль играетъ и до сихъ поръ важную роль въ общемъ планѣ дѣйствій турокъ. Это видно уже изъ того, что тогда какъ константинопольскія телеграммы непрерывно кричатъ о небывалыхъ побѣдахъ и пораженіяхъ нашей арміи, о Шипкинскомъ дѣлѣ турецкія телеграммы болѣе молчатъ, чѣмъ говорятъ, а ужъ тутъ ли бы, кажется, имъ не хватить и не кичиться, потому что дѣйствительная упорная стойкость все-таки лучше вымышленной побѣды. Гораздо проще формулируется цѣль Сулеймана-паши—это уничтожить нашъ отрядъ, пройти черезъ переваль и занять Габрово.

Телеграмма Его Высочества Главнокомандующаго отъ 17 августа, извѣстила насъ, что на Шипкѣ уже «водворилось полное спокойствіе», что даже турецкія позиціи вблизи нѣтъ. Пока еще нельзя рѣшить: готовятся ли турки къ новой атакѣ, собираются ли отступить, или замышляютъ обходъ. Одна изъ вѣнскихъ телеграммъ сообщала, что Сулейманъ-паша получилъ уже приказаніе—если не удастся взять Шипкинской переваль, занять укрѣпленныя позиціи въ Карловѣ, Казанлыкѣ и долины р. Тунджи, чтобы воспрепятствовать движению нашихъ войскъ въ Румелию;—что къ арміи Сулеймана-паши подошла подкрѣпленія въ числѣ 19,000 человекъ низама. Все это вѣроятно, но пока не подтверждено изъ болѣе надежнаго источника.

Шипкинской бой останется навсегда безсмертною эпопеей русскаго мужества и стойкости, на равнѣ съ великою эпопеей Бородина или Куликова поля. Сходство здѣсь, разумеется, не въ размѣрахъ, а въ одушевленіи и самоотверженіи сражавшихся. Въ виду близости этой потрясающей драмы и въ виду того, что бой, можетъ быть, возобновится, теперь нельзя даже въ общихъ чертахъ нарисовать эту страшную по виду и величавую по смыслу картину.

Ходъ дѣла представляется въ такомъ видѣ: 50,000 человекъ редиѣ, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, сосредоточившись сначала у Ени-Загры, прошли въ Шипку и напали на наши позиціи 9-го августа. Вотъ первые-то три дня, 9-е, 10-е и 11-е августа и были самыми страшными, потому что, съ нашей стороны Шипкинской проходъ былъ отстаиваемъ, сравнительно говоря, горстью защитниковъ, только Орловскимъ полкомъ и болгарскою дружиной, составлявшими численную силу въ 6,000 человекъ противъ 50,000 турецкаго редиѣ! Эти три дня управлялъ защитою герой генералъ Дерожинскій, укрѣпившій южныя десюдезъ прохода каменными баррикадами, отчего турки понесли громадные потери. 11-го августа Житомирскій и Подольскій полки съ безпримѣрнымъ мужествомъ въсколько разъ овладѣваютъ турецкими ложементами—отчаянное и ожесточенное сопротивление турокъ доходить до крайняго предѣла,—и вотъ въ самомъ пылу этого боя генералъ Драгомировъ тяжело раненъ, а Дерожинскаго поражаетъ пуля прямо въ сердце... Въ это время уже былъ здѣсь генералъ Радецкий, усиленнымъ переходомъ при-

Напримѣръ, къ юго-западу отъ Феодосіи, у самого моря, находится долина *Отузъ* (что по-татарски значитъ *тридцать*). Татары говорятъ, что нѣкогда 30 принадлежавшихъ имъ цѣлующихъ селеній, дѣйствительно, существовало въ этой долині. Нашъ рисунокъ представляетъ берегъ Чернаго моря, и хотя размѣръ этого рисунка слишкомъ незначителенъ, но все-таки онъ даетъ понятіе о мѣстности, а фигура обитателя Крыма, татарина и его телѣга съ волами кажется весьма знакомыми тѣмъ, кто бывалъ на южномъ берегу Крыма.

ведшій въ ночь съ 10-го на 11-е августа въ Габрово стрѣлковую бригаду, а на слѣдующій день (т. е. 11-го) отправившій ее въ Шипку, такъ что эта стрѣлковая бригада, придя на мѣсто битвы въ 6 часовъ вечера, поспѣла какъ разъ во время—потому что турки уже ворвались въ нашу позицію; но вотъ сначала подошли стрѣлки, составлявшіе авангардъ бригады, и отбили турокъ; затѣмъ подошла и вся бригада, одушевила своимъ приходомъ войска—и всѣ послѣдующія атаки были отбиты и затѣмъ, не смотря на упорство турокъ, Шипка осталась все-таки нашею.

Потери наши въ этомъ дѣлѣ представляются пока приблизительными цифрами. Ранены 2,633 нижнихъ чина и 98 офицеровъ. Число убитыхъ еще не приведено въ извѣстность. Но, сравнительно съ турками, наши потери еще незначительны. Турки потеряли по меньшей мѣрѣ 10,000 человекъ и съ этими потерями Сулейманъ-паша еще продолжалъ атаку перевала, теперь же турецкія потери превосходятъ вышепоказанную цифру. Убитые у турокъ лежатъ горами и турки дѣлаютъ изъ труповъ брустверы для своего прикрытія.

Въ другихъ пунктахъ Дунайскаго театра войны особенно выдающихся дѣйствій не случилось. Наши войска производили атаки на Аясларъ, 11 августа. Атаки наши собственно производились на позиціи турокъ при Кучукіефъ и Кизиларъ. Отъ Аяслара наши войска отступили на болѣе выгодную позицію, въ Султанкой. Во всѣхъ этихъ сраженіяхъ или скорѣе стычкахъ наши потери незначительны. Затѣмъ въ Русчукскомъ отрядѣ, непріятель дѣлалъ наступленіе на Садину, (по Русчукской дорогѣ, къ югу отъ Русчука), но неудачно; дѣло однако кончилось повидимому, простою стычкой. За сѣмъ изъ Русчука была тоже неудачная вылазка турецкаго пѣхотнаго батальона, но онъ былъ отброшенъ казаками обратно въ Русчукъ, безъ всякой потери съ нашей стороны. Въ нижедунайскомъ отрядѣ было два удачныхъ для насъ кавалерійскихъ дѣла: 1) генераломъ Яновымъ захвачена партія турецкихъ фуражировъ и 2) подполковникомъ Варламовымъ настиженъ турецкій транспортъ, причемъ транспортный конвой обращенъ въ бѣгство и захвачено значительное число головъ рогатаго скота и 4,000 барановъ. Всѣ эти дѣйствія были въ восточной части Дунайскаго театра войны. Западные же, около Ловчи и Плевны, не происходило ничего.

О ходѣ нашихъ дѣлъ на Закавказскомъ театрѣ войны за прошлую недѣлю, извѣстно, что турки, наступая съ юга заняли передовую холмъ Кизиль-Тапа, на лѣвомъ флангѣ нашего расположенія. Завязавшійся потомъ вскорѣ общій бой былъ ожесточенный и продолжительный. (Объ этомъ дѣлѣ мы уже упоминали въ предыдущемъ № «Нивы»). Еще до занятія Кизиль-Тапа, Мухтаръ-паша атаковалъ всеми своими силами позиціи генерала Лорисъ-Меликова, стараясь обойти нашъ лѣвый флангъ. Бой длился до 5 часовъ по полудни и непріятель отброшенъ по всей обширной боевой линіи, и возвратился къ своимъ укрѣпленіямъ на *Аладжъ*. Возвышеніе Кизиль-Тапа, представляющее выгодную позицію, осталось, однако за турками, которые для обороны его оставили батальонъ. При этомъ дѣлѣ потери наши значительны и еще приводятся въ извѣстность. Въмѣстѣ съ Кизиль-Тапа и Башъ-Кадыкъ-Ларъ остался также въ рукахъ турокъ. Наши войска возвратились въ Бюрюкъ-Дара. Обѣ воюющія стороны крайне утомлены, и, повидимому, возобновленіе рѣшительныхъ дѣйствій отложено на неопредѣленное время. Съ другой, стороны, есть извѣстіе, что войска, состоящая подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, перемѣняютъ свою позицію, перенося свой лагерь на 4 версты впередъ, ближе къ туркамъ около укрѣпленія Кара-Яла.

Изъ другихъ важныхъ дѣлъ на этомъ театрѣ войны слѣдуетъ отмѣтить взятіе отрядомъ полковника Шелковникова сильно укрѣпленныхъ турками *Гаиринскихъ* тѣсинъ около берега Чернаго моря, причемъ блестящую помощь оказалъ нашъ пароходъ «Константинъ» (командиръ лейтенантъ Степ. Осип. Макаровъ). У Сухума этимъ пароходомъ взорванъ въ минуту луннаго затмѣнія (въ ночь съ 11-го на 12-е августа) турецкій броненосецъ «Ассоръ-Шевкетъ». Онъ взорванъ тремя буксирными паросилиновыми минами. У насъ потери нѣтъ никакихъ. Полагать надо, что «Константинъ», уйдя въ Новороссійскъ отъ преслѣдовавшаго его броненоснаго фрегата «Османіе», вновь вышелъ въ крайсерство и исполнилъ въ открытомъ морѣ свой молодецкій подвигъ, такъ сказать на глазахъ Гобартъ-паши.

«Ассаръ-Шевкетъ» построенъ во Франціи въ 1868 году, по заказу вице-короля египетскаго. Его измѣренія; длина 217/2

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 36 **ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.** 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 5 Сентября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ НА 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . 4 р.

„ съ доставкою . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.

маг. Сомовьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.

Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
Морской, вѣ д. № 9.

При этомъ № предлагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за СЕНТЯБРЬ съ 30 рисунк. и отдѣльный листъ съ 28 чертежами выкроекъ въ натуральную величину, съ 31 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ и 29 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

Свиты Его Величества генераль-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.

Свиты Его Величества генераль-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ происходитъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился 8-го ноября 1830 года. Первоначальное воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ Полку — нынѣ Константиновскомъ военномъ училищѣ, гдѣ за необычайные успѣхи онъ считался отличнѣйшимъ ученикомъ и имъ его записано на мраморной доскѣ. Затѣмъ, въ 1854 г. Михаилъ Ивановичъ поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба. Здѣсь, кстати замѣтить, на него имѣли огромное вліяніе генералы Милютинъ и Карцевъ, тогда профессора академіи. Блестательно пройдя весь курсъ наукъ, Михаилъ Ивановичъ въ 1856 году кончилъ по первому разряду и былъ награжденъ золотой медалью. Совѣтъ Николаевской Академіи положилъ командировать его за границу для собранія свѣдѣній по тактикѣ. По возвращеніи изъ заграничья онъ назначенъ былъ сначала адъюнктомъ профессоромъ, а потомъ профессоромъ тактики въ вышеупомянутой академіи. Ему же поручено было чтеніе курса тактики и

Свиты Его Величества генераль-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ.
Съ фотогр. рѣзаль Вейерманъ.

военной исторіи покойному Цесаревичу Николаю, а также чрезъ нѣкоторое время и нынѣшнему Государю Наслѣднику Александру Александровичу и Великому Князю Алексѣю Александровичу. Съ производствомъ въ полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба, Михаилъ Ивановичъ былъ назначенъ въ начальники штаба 2-й кавалерійской дивизіи. Далѣе онъ получилъ назначеніе — быть членомъ Совѣщательнаго Комитета Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. Въ Прусско-французскую войну онъ былъ командированъ на все время кампаніи на театръ этой войны и состоялъ при главной квартирѣ Императора Вильгельма въ качествѣ военного агента. Лекціи объ этой войнѣ, которыя читалъ по своему возвращеніи Михаилъ Ивановичъ, остались для слушателей на всегда памятными по своей рельефности и живости изложенія. Михаилъ Ивановичъ за эти лекціи имѣетъ отъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника подарокъ: брильянтовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Высочества. Въ 1868

году Михаилъ Ивановичъ произведенъ въ генералъ-майоры и въ слѣдующемъ году назначенъ начальникомъ Киевскаго военного округа. Въ 1872 году назначенъ въ Свиту Его Величества. Назначеніе его командующимъ 14-й пѣхотной дивизіей состоялось въ 1873 году.

Говоря о переправѣ нашихъ войскъ чрезъ Дунай, мы уже имѣли случай познакомить читателей съ замѣчательнымъ приказомъ генерала М. И. Драгомирова, объявленнымъ имъ по 14 пѣхотной дивизіи передъ переправкою ея чрезъ Дунай.

Приказъ этотъ даетъ, по нашему мнѣнію, весьма ясное представленіе о его составителѣ, какъ о человѣкѣ, умѣющемъ достойно понимать, въ чемъ душевная сила каждаго русскаго (см. „Ниву“ № 30, стр. 485). Михаилъ Ивановичъ, какъ уже знаютъ наши читатели изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы“ предыдущаго номера, раненъ въ ногу во время ожесточеннаго боя при Шипкѣ.

Въ дополненіе уже сообщенныхъ нами извѣстій о битвѣ при Шипкѣ, расскажемъ здѣсь нѣсколько эпизодовъ изъ этой непримѣрной битвы, въ которой генералъ М. И. Драгомировъ, какъ мы уже сказали, принималъ дѣятельное участіе.

Турки начали нападеніе 9-го августа, атакуя непосредственно высоты, лежація выше села Шипки. Наши войска, занимавшія тогда укрѣпленія горнаго прохода, состояли изъ болгарскаго легіона и одного полка девятой дивизіи. Ближайшія подкрѣпленія находились въ Тырново.

Наши сражались храбро и не дали туркамъ достигнуть какого-либо существеннаго успѣха, хотя тѣ и заняли наружную линію русскихъ ложементовъ, находившихся ниже позиціи св. Николая (высшей точки Шипкинскаго перевала). Наши устроили передъ своими ложементами мины и взорвали ихъ. Въ этотъ день потери простирались всего до двухъ сотъ человѣкъ. На другой день, 10 августа, бой былъ незначителенъ. Турки обратили все вниманіе на обходное движеніе противъ праваго и лѣваго фланга русской позиціи. На третій день турки напали на нашу позицію съ фронта и съ фланговъ и вытѣснили защитниковъ изъ передовыхъ укрѣпленій. При этомъ выяснились всѣ недостатки позиціи: ограниченность ея прострѣтности, ея открытое положеніе, а также возможность легко быть обойденными съ фланговъ и стать изолированными. Генералъ Столѣтовъ, командующій болгарскими дружинами, сражался въ высшей степени храбро, но онъ ничего не могъ сдѣлать, когда 50,000 человѣкъ напали на него съ фронта и фланговъ. Между тѣмъ изъ Сельвы подошла бригада 9-й дивизіи, подъ начальствомъ генерала Дорожинскаго и эта своевременная помощь Столѣтову была какъ нельзя болѣе кстати. При закатѣ солнца турки проникли такъ далеко на обоихъ нашихъ флангахъ, что, казалось, они соединятся въ тылу нашей позиціи. Оба генерала, ожидая съ минуты на минуту быть окруженными непріятелемъ, отправили Государю Императору послѣднюю телеграмму, въ которой извѣщали о томъ, что предстоитъ имъ, не смотря на всѣ ихъ старанія и намѣренія держаться до послѣдней крайности. Къ 6 часамъ сраженіе пріутихло, тѣмъ не менѣе наши не могли воспользоваться этимъ затишьемъ: солдаты изнемогали отъ жары, утомленія, жажды и голода. Три дня какъ не варилась горячая пища и не было воды. Вотъ надъ горами уже начались раздаваться побѣдныя клики турокъ: „Алла-иль-алла!“ Оба генерала стояли на высотѣ, которая почти на половину была окружена первой позиціей. Исполненныя тоскливаго ожиданія, направили они свои зрительныя трубы на видимыя мѣста дороги, ведущей изъ долины Янтры. Вдругъ генералъ Столѣтовъ внезапно вскрикнулъ, схватилъ своего сотоварища за руку и указалъ ему внизъ. Голова черной, длинной колонны рѣзко отдѣлялась отъ краснобурыя дороги. „Слава Богу!“ торжественно воскликнулъ Столѣтовъ. Оба генерала обнажили свои головы,—войска одушевились. Черезъ зеленый кустарникъ прорывается лучъ солнца, разсвѣкаетъ мракъ и блеститъ на острияхъ штыковъ. Голова колонны подходитъ ближе къ карауду;—но это всадники. Лошадей легко узнать и невольно зарождается мысль, неужто Радецкій такъ стѣсненъ, что послалъ конницу, чтобы сражаться въ ущельяхъ Балканъ противъ пѣхоты? На высотѣ вправо одна горная батгарея только-что открыла огонь противъ турецкихъ орудій, стоящихъ на томъ горномъ кряжѣ, съ котораго турки угрожаютъ нашему правому флангу. Теперь уже не видно болѣе всадниковъ и лошади спускаются подъ гору, но за то колонна нашей пѣхо-

ты скорымъ шагомъ идетъ на гору и, дойдя на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ стоящихъ направо турокъ, открываетъ огонь; изъ-за каждаго куста, изъ-за каждаго камня поднимаются облака дыма. Это подоспѣлъ батальонъ стрѣлковой бригады. Послѣдняя находится теперь на разстояніи 3 версты и ей пришлось пройти 55 верстъ безъ сна и горячей пищи. Теперь она вступила въ бой, не останавливаясь ни на минуту для отдыха. Храбрый генералъ Цвѣцинскій прибылъ вмѣстѣ со своими стрѣлками и руководитъ атакою на непріятельскія позиціи, расположенныя на лѣсистомъ кряжѣ вправо отъ русскихъ. Радецкій, который самъ подвелъ застрѣльщиковъ и спасъ, такимъ образомъ, честь дня, пробѣгаетъ съ своимъ штабомъ по дорогѣ среди перекрестнаго огня турокъ, присоединяется къ двумъ другимъ генераламъ, стоящимъ на высотѣ, и принимаетъ на себя главное начальство.

Ночью можно было и не возобновлять нападенія на турецкія позиціи, угрожавшія правому флангу русскихъ, но каждый чувствовалъ, что нельзя быть безопаснымъ, пока турки не будутъ прогнаны съ этого лѣсистаго горнаго кряжа. Лѣвый флангъ находился только въ сравнительной безопасности.

На разсвѣтѣ, наши снова напали на названную позицію. Болгарскіе мальчишки носили для сражающихся воду въ глиняныхъ кувшинахъ и проникали даже въ первые ряды. Битва въ долинѣ шла нерѣшительно и подкрѣпленія, присланныя 9 дивизіей, принесли много пользы. Къ 9 часамъ подошелъ генералъ Драгомировъ съ двумя полками 2 бригады, входящей въ составъ его дивизіи. Оставивъ Подольскій полкъ въ резервѣ, двинулся онъ съ Житомирскимъ полкомъ вверхъ, по опасной дорогѣ. Полкъ былъ оставленъ въ редутѣ на вершинѣ, пока въ немъ не представится надобности. Радецкій и его штабъ остались на склонахъ вершины, тутъ примкнулъ къ нему и генералъ Драгомировъ.

Ружейный огонь въ долинѣ то усиливался, то ослабѣвалъ въ продолженіи утра. Къ 11 часамъ огонь сталъ значительно сильнѣе.

Объ успѣхахъ, достигнутыхъ нашими въ лѣсу, нельзя было судить по причинѣ густоты этого лѣса, но ясно было то, что битва попеременно склонялась то въ ту, то въ другую сторону. На склонахъ вершины, откуда генералы и штабъ наблюдали за ходомъ битвы, пуди жужжали словно рой разсерженныхъ пчелъ. Вотъ именно здѣсь и въ это самое время одна изъ безчисленныхъ вокругъ жужжащихъ пудъ ранилъ генерала Михаила Ивановича Драгомирова въ лѣвое колено. Сначала онъ самъ перевязалъ себѣ рану носовымъ платкомъ, но потомъ подоспѣвшіе врачи дѣлаютъ ему перевязку. Рана при всей своей незначительности, все-таки не дала возможности Михаилу Ивановичу слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ боя, и онъ на носилкахъ былъ вынесенъ далѣе, за линію паденія пуль.

Бой между тѣмъ продолжался. Застрѣльщики и Брянскій полкъ не имѣли успѣха въ своемъ трудномъ предпріятіи—взять турецкій лѣсистый склонъ нападеніемъ съ фронта, хотя имъ и удалось парализовать усилія турокъ, которые хотѣли прорваться влѣво отъ нихъ и зайти въ тылъ русскимъ. Въ 12 часовъ рѣшили произвести контръ-фланговое нападеніе на правый склонъ турецкаго горнаго кряжа, и еще разъ пустить снизу въ атаку застрѣльщиковъ и остальные отряды. Два батальона Житомирскаго полка, оставивъ по ротѣ въ резервѣ, выходятъ изъ частью прикрытой первой русской позиціи на вершинѣ и идутъ поротно черезъ довольно ровную поверхность, находящуюся выше долины. Турецкія горныя орудія на лѣистой вершинѣ турецкой позиціи и турецкая пѣхота на правомъ краю турецкаго горнаго кряжа открываютъ по нимъ убійственный огонь, и многие изъ нихъ окрашиваютъ траву своею кровью. Но батальоны неудержимо стремятся впередъ и бросаются въ лѣсъ. Русская артиллерія сдѣлала всевозможное, чтобы очистить имъ дорогу, но теперь она должна умолкнуть, такъ какъ было-бы опасно стрѣлять на удачу въ лѣсъ, гдѣ находятся свои же собственные солдаты.

Поворотъ въ участіи сраженія наступилъ. Бой пѣхоты во фронтѣ и флангѣ турокъ продолжался цѣлый часъ и былъ по истинѣ ужасенъ. Но уже было ясно, что наши подвигаются впередъ. Турки удалили свою горную батгарею, стоявшую вблизи ихъ праваго фланга. Затѣмъ и лѣвая батгарея послѣдовала ея примѣру. Отъ всѣхъ турецкихъ позицій оставалась теперь только средняя вершина. Она была взята и горный кряжъ перешелъ въ наши руки. О дальнѣйшемъ исходѣ битвы при Шипкѣ читатели наши уже знаютъ изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы“.

Z.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Черезъ минуту на порогѣ комнаты показалась фигура молодого князя Ивана.

— А, за уживомъ честная компанія, безцеремонно

крикнулъ онъ снимая шляпу, и меня не подождали. Ну, а вино не все выпилъ родитель—сыну то оставилъ, а выпью, я могу!

Онъ очевидно и такъ ужъ изрядно выпилъ. Пошатываясь, подошелъ онъ къ столу и грузно опустился въ кресло, подперъ раскраснѣвшееся лицо руками и осматривалъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ.

— Хорошъ, развелъ на него руками отецъ. Ну вотъ заступайся ты за него, Василій Лукичъ—вотъ онъ каковъ! Весь тутъ передъ тобой! Я ему говорю: ну пьянствуй, безпутствуй, дебоширничай, только такъ, чтобъ ни одна собака объ этомъ не вѣдала, потому онъ теперь пуще всего свою репутацію соблюдать долженъ, — а онъ развѣ о словахъ моихъ думаетъ? Ему ничего вотъ такъ орать на весь Петергофъ! Чай по роцѣ шель, иѣсни пѣль, со всѣми въ драку лѣзь—на что же это похоже? Какъ трезвый, такъ еще ничего, иной разъ и толкъ показываетъ, да вотъ такимъ то ужъ больно часто являться сталъ. У!—не глядѣлъ бы на него—совсѣмъ изъ рукъ выбился.

Князь Иванъ пристально глядѣлъ на отца во все время какъ тотъ говорилъ—и вдругъ расхохотался самымъ беззаботнымъ и безцеремоннымъ образомъ.

— Дядюшка Василій Лукичъ, заступись хоть ты—вотъ онъ такъ каждый день... Право, я скоро на него челомъ буду бить Государю.

— Молчи, негодный, крикнулъ Алексѣй Григорьевичъ—не зазнавайся больно, я еще тебѣ покажу, что я твой отецъ!

— Ну полноте, перестаньте, вступился Василій Лукичъ. Гдѣ былъ племянничекъ? Что подѣлывалъ?

— Такъ вотъ я вамъ сейчасъ и скажу, гдѣ я былъ.

— Ну, а что Государь въ добромъ здоровьѣ?

— Здоровъ—теперь почиваетъ, да и мнѣ пора тоже.

Князь Иванъ совсѣмъ наклонилъ голову къ столу и скоро захрапѣлъ.

— Унесите его, раздѣньте, обратился Александръ Григорьевичъ къ слугамъ.

Тѣ осторожно приступили къ исполненію этого приказанія.

— Да, это плохо, задумчиво сказалъ Василій Лукичъ,—я завтра съ нимъ поговорю. Очень дурить сталъ твой Иванъ, и такъ нельзя—все дѣло можно испортить.

Я уже тебѣ говорилъ, говорилъ, махнулъ рукою Алексѣй Григорьевичъ.

Въ это время въ томъ же самомъ домикѣ, въ маленькой спальнѣ княжени Долгорукихъ на мягкой съ пышно вздутыми перинами и высокими балдахиномъ кровати сидѣла Катюша. Ночь была теплая, окно открыто. Рядомъ спала ея сестра и спала крѣпко; время отъ времени что-то шептала во снѣ—какія то непонятныя отрывочныя слова. А Катюша все не ложилась, все сидѣла. Слабый свѣтъ лампадки, зажженной въ углу передъ иконами освѣщалъ ея кровать и всю ея небольшую граціозную фигуру. Ей было жарко и не спалось. Она откинула одѣяло и распустила воротъ. Не спалось ей потому, что ужъ очень она удивилась, сегодня—сейчасъ удивилась. Когда мать послала ее узнать, велить ли отецъ подавать ужинъ, и она уже подбѣжала къ дверямъ комнаты, гдѣ толковали Долгорукіе, ей ясно послышалось ея имя, произнесенное княземъ Василиемъ Лукичемъ. Не удержалась Катюша: что обо мнѣ говорить, дай подслушаю. И она приложила ухо къ замочной скважинѣ... ну и все услышала. Чудно и странно показалось ей: она будетъ царской невѣстой, царицей... да развѣ это возможно? Да и зачѣмъ это!.. Она почти каждый день видала Императора, почтительно кланялась ему; когда, иной разъ онъ заговаривалъ съ нею—отвѣчала, потупивъ глаза, но все же, не смотря на то, что ей самой еще не было шестнадцати лѣтъ, Императоръ казался ей маленькимъ мальчикомъ и никогда не могла она подумать о немъ иначе, какъ о существѣ особенномъ, стоящемъ далеко и высоко—а тутъ вдругъ хотять, чтобъ онъ сдѣлался ея женихомъ.

И все это братъ Иванъ—чего онъ не выдумаетъ! А

самъ то, самъ то!.. ахъ какъ все это странно, какъ странно, шептали губы княжны. Наконецъ она заснула.

Но въ эту ночь и сны ей снились все такіе странные: ей снилось, что она царица, что на ней золотая корона, мантия на горностаѣ; ей снилось, что всѣ кланяются ей въ ноги и ей становилось почему то душно, тяжело, и она просыпалась и металась на своей пуховой постели.

X.

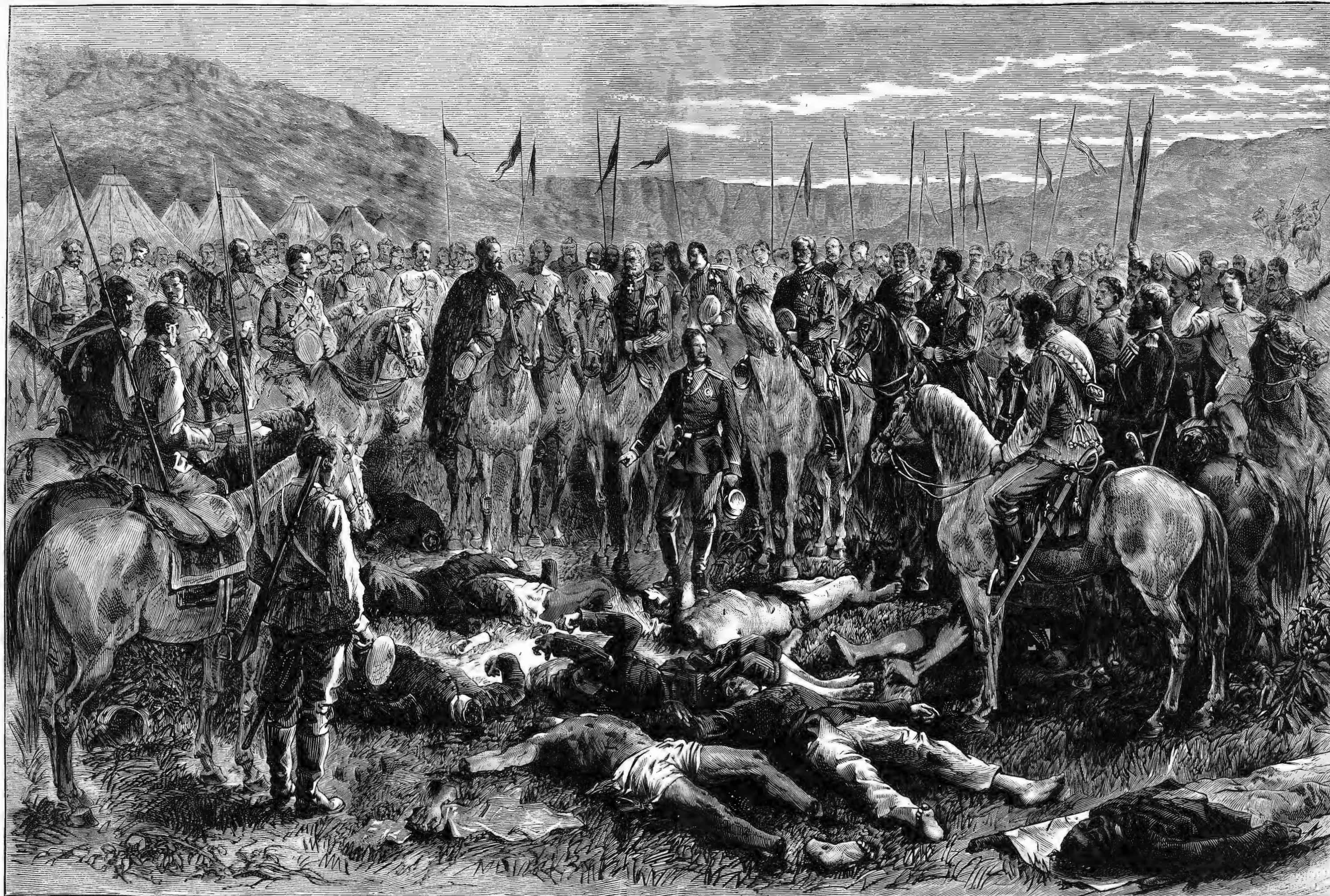
Все такъ-же великолѣпный домъ князя Меншикова, такая же толпа прислуги бродить взадъ и впередъ по безчисленнымъ его комнатамъ. Но что-то виситъ надъ этимъ домомъ и каждому входящему въ него съ первой минуты это становится яснымъ. Да теперь рѣдко кто и заходитъ къ Александру Данилычу. Онъ ужъ третій день въ Петербургѣ—всѣ это знаютъ и какъ будто икому до этого нѣтъ дѣла. Давно ли отбою не было отъ посѣтителей? Давно ли высокіе сановники государства дожидались княжескаго выхода со страхомъ и трепетомъ и сгибались передъ нимъ, чуть не цѣловали полы его кафтана—да и цѣловали таки.

Александръ Данилычъ ужъ и не ѣздитъ въ Петергофъ, не старается умиловить Императора—того и жди хуже отъ этого будетъ. Всѣ царскія вещи уже вынесены изъ Меншиковскаго дома: Императоръ не сегодня—завтра переѣзжаетъ въ Петербургъ. Охъ, что-то будетъ! Послѣдніе надежныя люди доносятъ, что тамъ никто и слова не говоритъ про Меншиковыхъ, какъ будто ихъ и нѣтъ на свѣтѣ; тамъ теперь только Долгорукіе и нѣмецкая креатура. Ломаютъ себѣ голову Александръ Данилычъ: къ кому бы обратиться, да что теперь выдумаешь?—самъ оттолкнулъ отъ себя всѣхъ. Думалъ никто и не пригодится, никто и не будетъ никогда нуженъ, а вотъ теперь пригодился бы каждый маленькій человѣчекъ—да нѣтъ никого: всѣ разбѣжались, всѣ врагами смотрять, всѣ лгать готовы!

Послѣдняя слабая надежда мелькнула князю—къ Голицыну обратиться. Голицынъ также какъ онъ долженъ бояться возвышенія Долгорукихъ и Остермана. Голицынъ ради своихъ выгодъ помочь долженъ. Вотъ садится Александръ Данилычъ и пишетъ князю Михайлу Михайловичу Голицыну:

„Изволите ваше сіятельство посѣщать сюда какъ возможно, на почтѣ, и когда изволите прибыть къ перепективной дорогѣ, тогда изволите къ намъ и къ брату вашему прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число когда намѣрены будете сюда прибыть, а съ Ижоры опять же насъ обоихъ увѣдомить, понеже весьма желаемъ дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами.“ Спѣшить, шлетъ гонца Александръ Данилычъ и что-то будетъ? Помогутъ ли уничтожить Долгорукихъ и Остермана? А кѣмъ замѣнить воспитателя, если удастся его свергнуть, кѣмъ замѣнить? кто былъ бы угоденъ? Вспомнилъ свѣтлѣйшій про стараго учителя Зейкина, котораго когда то любилъ Петръ, и вотъ другое письмо пишетъ онъ къ этому Зейкину. Письма посланы, но когда то еще получатся, когда явятся эти нужные люди? А тутъ что ни день, что ни часъ бѣда неминуемая стрястись можетъ.

Александръ Данилычъ ужъ и изъ дому не выходитъ, забылъ и о верховномъ совѣтѣ—гдѣ теперь! Что теперь—однѣ обиды только! Какъ левъ залпегтый въ клѣткѣ, бродитъ изъ угла въ уголъ по своему рабочему кабинету Александръ Данилычъ, ждетъ вѣстей недобрыхъ. А вѣсти недобрыя ужъ близко—вотъ онъ ужъ у порога, въ двери стучатся. Вотъ докладываютъ князю: Государь и царевны переѣхали въ лѣтній домъ—свѣтлѣйшему никто изъ нихъ не далъ знать объ этомъ—и сейчасъ же по переѣздѣ Государя послано объявить гвардіи, что-бы слушались только его приказаній, которыя будутъ объявлены ей маіорами его, князьями

Русские генералы: Гурко, Раухъ, Скобелевъ, Витгенштейнъ и прусскій уполномоченный фонъ-Лигницъ и др. предъ трупами звѣрски замученныхъ русскихъ солдатъ. Съ наброска французскаго корреспондента, «Monde illustré», съ фотогр. на деревѣ рѣзалъ Рашевскій.

Юсуповымъ и Салтыковымъ. Это было утромъ 7-го сентября.

Князь рѣшился ждать до вечера. Тянулись часы—идти посланцевъ изъ дворца, никто не является, всё какъ въ воду капучи. Цѣлый день въ ротъ ничего не могъ взять Александръ Данилычъ. Стучалась къ нему жена—не отперъ; дѣти стучались—не подаль голоса. Ужъ совсѣмъ ни о чемъ и не думалъ князь, мыслей никакихъ не было—да и о чемъ теперь думать? только тоска глухая давить, дохнуть не даетъ, и дѣваться некуда отъ этой тоски—ничѣмъ не заглушишь ее.

Вечеръ. Стемнѣло, тучи ходятъ по небу, вѣтеръ осенній поднялся и зарябилъ нескія воды. Сѣро и мрачно, вонь изъ окна слышно, вороны каркаютъ—и пуще надрывается сердце Александра Данилыча и пуще тоска давить его. Нѣтъ, не втерпежь эта убійственная неизвѣстность—будь что будетъ, а узнать надо, что тамъ дѣлается. Самому ѣхать—ни за что! Пожалуй даже не впускать. При этой мысли холодный потъ показался на высокомъ морщинистомъ лбу Меншикова. „Дѣтей пошлю, дѣтей—вѣдь что же, еще не объявили, вѣдь Марья все еще царской невѣстой считается. Онѣ должны поѣхать поздравить съ прїѣздомъ, должны... пошлю ихъ къ царевнамъ хоть что-нибудь узнаю“. И вотъ идетъ онъ на половину жены, а та встрѣчаетъ его блѣдная, дрожащая—лица на ней нѣтъ: измаялась вся, исхудала въ эти послѣдніе ужасные дни бѣдная Дарья Михайловна.

— Гдѣ дочери,—мрачно проговорилъ князь.

— Дома, дома—да гдѣ же имъ и быть-то?

— То-то; вели сейчасъ запрягать, снаряди ихъ, пусть ѣдутъ поздравить царевенъ съ прїѣздомъ, пусть все узнаютъ—о, Господи!

Дарья Михайловна побрела къ дочерямъ, а князь остался на мѣстѣ, сѣлъ въ кресло и замеръ.

Больше часа сидѣлъ онъ такъ неподвижно, слова никому не сказалъ, только головой мотнулъ какъ доложила ему жена, что дочери во дворецъ уѣхали.

Невеселою вышла изъ экипажа у Лѣтняго сада княжна Марья Александровна. Въ послѣдніе дни и она оставила свое равнодушіе; еще больше поблѣднѣла она, еще больше вытянулось лицо ея, тошно было ей глядѣть на свѣтъ Божій—чуяла она неминуемую гибель.

И Цесаревна Елисавета и великая княжна Наталья дома—а княженъ все же дожидать заставляютъ; не выходятъ къ нимъ и къ себѣ не зовутъ. Полчаса проходить, часъ—царская невѣста опять посылаетъ фрейлину доложить царевнамъ. Фрейлина возвращается и говоритъ: сейчасъ выйдутъ—позабыть изволили о нашемъ прїѣздѣ.

— Машенька, что же это такое, даже задрожала княжна Александра,—что же это за неспособныя обиды? Уѣдемъ, ради Бога. Боже мой, неужели Наташа и отъ меня отворотится!

Вотъ великая-княжна Наталья показала на порогѣ. Александра Александровна бросилась къ ней: бывало онѣ встрѣчались закадычными друзьями, цѣловались и обнимались, бывало не наглядятся другъ на друга,—что-же это? что-же Наталья глядитъ и не улыбается, едва протянула руку... цѣловать не хотеть, что-же это? За что-же?

— Царевна, чѣмъ я виновата передъ тобою? шепчетъ княжна Александра. Если есть моя вина—скажи мнѣ. Развѣ забыла ты, какъ я люблю тебя, развѣ забыла ты нашу старую дружбу?

Великая княжна все молчитъ—ей неловко. Вотъ входитъ цесаревна Елисавета.

— Прошу извиненія, говоритъ она, обращаясь къ княжнамъ,—забыли мы, что вы здѣсь дожидаетесь.

— Мы здѣсь болѣе часа, шепчутъ блѣдныя тонкія губы царской невѣсты, а на глазахъ ея блестятъ слезы.

— Очень жалко, отвѣчаетъ Елисавета,—волью же вамъ такое время выбрать. Чай, слышали—мы только

что переѣхали, тоже вѣдь разобратся нужно—не до чужихъ!

— А я такъ устала, я не здорова,—замѣчаетъ великая княжна Наталья.

— Тоже не до чужихъ видно, прорыдала передъ нею Александра Александровна

— Ахъ, какъ это скучно, раздражительно проговорила цесаревна, поднимаясь съ мѣста. Такіе любезные гости—отъ нихъ слова не добьешься. Пойдемъ Наташа у насъ тамъ веселѣе.

„Что-жъ это? что-жъ это,—вотъ обѣ онѣ вышли!—Меншиковы остались однѣ въ пустой комнатѣ. Никого нѣтъ... Боже мой, что-жъ это такое?“

Не помня себя, доѣхали онѣ до дому, прибѣжали къ матери и обѣ не могли сказать ни слова—обѣ только рыдали.

— Да что такое, что?—не томите, не надрывайте душу, расскажите хоть чтонибудь—что съ вами тамъ было? измученнымъ ослабѣвшимъ голосомъ шептала Дарья Михайловна,—да говорите, говорите. И вдругъ передъ ними очутился отецъ. На немъ лица не было.

— Говорите сейчасъ же—что тамъ было, закричалъ онъ.

— А то было, вдругъ поднялась передъ нимъ княжна Марья,—то было, что ты погубилъ и себя, и меня... и всѣхъ насъ... Княжна зарыдала и выбѣжала изъ комнаты.

— Говори все подробно, дрожа и сжимая кулаки обратился князь ко второй дочери. Говори—не то убью на мѣстѣ—видѣли вы Государя?

— Нѣтъ, не видѣли, прорыдала княжна Александра да и царевны не выходили къ намъ больше часа. А вышли—сказали два слова, обидѣли и ушли и насъ однѣхъ оставили.

— Какъ и Наталья—нѣтъ она тебя любила...

Бѣдная княжна зарыдала еще отчаяннѣе.

— Да, и она... и она на меня смотрѣть не захотѣла.

Александръ Данилычъ схватилъ себя за голову, глаза его остановились, лицо ужасно искажилось, онъ застоялъ и вдругъ безъ чувствъ рухнулъ на полъ. Несчастная Дарья Михайловна съ отчаяннымъ крикомъ кинулась къ мужу, старалась поднять его, но ей было это не по силамъ.—«Воды, воды, доктора! кричала она охрипнувшимъ голосомъ» Княжна Александра металась изъ комнаты въ комнату какъ помѣшанная. По всему огромному дому все дальше и дальше разносилось: доктора, доктора,—свѣтлѣйшій умираетъ!

XI.

Страшная долгая ночь наконецъ промчалась; наступило утро 8-го сентября. Свѣтлѣйшій успокоился нѣсколько и заснулъ только при солнечномъ восходѣ. Дарья Михайловна на цыпочкахъ вышла изъ его спальни; во всемъ домѣ никто почти не ложился спать. Съ часу на часъ ожидали Меншиковы рѣшенія своей участи. Бѣдная княгиня выплакала всѣ свои слезы, даже молодой сынъ Меншикова, до сихъ поръ ни во что не вышивавшійся и игравшій самую незначительную роль въ домѣ, и тотъ понялъ всю важность событій, не отходя отъ матери и старался ее успокоить—но развѣ можно было успокоить Дарью Михайловну. Она не плакала: глаза ея были сухи, но на нее и взглянуть было страшно; она то и дѣло подходила къ дверямъ спальни мужа и прислушивалась.

Прошло нѣсколько долгихъ часовъ и вотъ княгинѣ доложили, что изъ дворца къ свѣтлѣйшему явился майоръ гвардіи генераль-лейтенантъ Салтыковъ.

Дарья Михайловна бросилась къ нему, но не получила отъ него никакихъ разъясненій.

— Мнѣ нужно видѣть князя Александра Данилыча. сказалъ онъ, проводите меня къ нему сейчасъ-же—я не могу безъ этого уѣхать.

Дѣлать нечего—пришлось разбудить князя. Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ встать съ постели. Салтыковъ долженъ былъ войти къ нему.

— По приказу Его Величества объявляю вамъ арестъ, чтобъ вы никуда не выѣзжали изъ своего дома, сразу сказалъ Салтыковъ.

Меншиковъ открылъ глаза, задрожалъ и вторично упалъ безъ чувствъ на подушку. Черезъ нѣсколько минутъ медикъ пустилъ ему кровь. Онъ очнулся, но глядѣлъ на всѣхъ бессмысленно и не говорилъ ни слова.

Дарья Михайловна взяла съ собою сына и сестру свою Варвару Арсеньеву и поспѣшила во дворецъ: тамъ ей сказали, что Государь еще не возвращался отъ обѣда. Она осталась въ передней компатъ дожидаться. Вотъ и Государь—княгиня бросилась передъ нимъ на колѣни, держала его за полу кафтана. Онъ не глядѣлъ на нее, онъ пробовалъ вырваться, но она вцѣпилась въ него и не отпускала.

— Государь, пощади, задыхаясь и обливаясь слезами шептала Дарья Михайловна. Великая княжна Наталья заплакала и убѣжала къ себѣ. Всѣ окружающіе были разстроены этой сценой—даже и тѣ, кто искренно ненавидѣли Меншикова. Ненавидѣли Меншикова, но противъ жены его никто не могъ ничего имѣть. Всѣ знали, что она была добрая, почтенная женщина, что сама она была несчастна и всегда при первой возможности исправляла зло, причиненное ей мужемъ, и всѣмъ было не ловко, всѣ опускали глаза, жались къ стѣнамъ, но ни у одного человѣка не пошевельнулся языкъ въ ея защиту. Защита теперь была бы бѣзуміемъ, это значило бы подвергать самого себя опасности—и княгиня все стоитъ на колѣняхъ, все держится дрожащими руками за камзолъ Императора, мочить полъ своими слезами, шепчетъ невнятные рѣчи, а онъ все силится отъ нея вырваться. И вотъ онъ вырвался, онъ ни сказалъ ни слова и быстро ушелъ. Она одна на колѣняхъ среди комнаты. Сейчасъ было много народу—теперь никого: всѣ разбрелись, всѣ ушли отъ нея точно отъ чумной, боясь заразиться. Она кинулась къ великой княгинѣ Натальѣ; по дорогѣ всѣ разступались передъ ней, всѣ отъ нея отворачивались и никто не говорилъ съ ней. Княжна Наталья тоже убѣжала отъ нея и куда-то скрылась. Бродить и мечется несчастная Дарья Михайловна по дворцу этому, гдѣ каждая комната, каждое кресло, каждая вещьца ей такъ давно знакомы. Мысли ея спутались: она ничего не понимаетъ, она кидается то туда, то сюда. Императоръ ушелъ; великая княжна ушла; осталась цесаревна—къ ней идти... но и цесаревна не сказала ни слова княгинѣ, у нихъ такъ видно положено было: ни одного слова, ну хоть бы бранить стали, хоть бы тяжелья, обидныя рѣчи пришлось ей выслушать, а то ни слова... ни слова, вѣдь это еще хуже, еще ужаснѣе. И поняла наконецъ бѣдная княгиня, что нѣтъ никакого спасенья и быть не можетъ, и шатаясь, вся растрепанная, едва волоча за собою ноги, потащилась она вонъ изъ дворца, неся съ собою ужасныя вѣсти о пришедшей неотвратимой гибели. Но на дорогѣ снова послѣдняя мысль пришла ей въ голову—идти къ Остерману.

Остерманъ по крайней мѣрѣ принялъ ее и даже старался успокоить.

— Ну чтожь, княгиня, говорилъ онъ,—чтожь теперь дѣлать, ничего теперь не подѣлаешь! Того и ожидать было нужно, очень ужъ забылся Александръ Данилычъ, вѣдь на твоихъ же глазахъ, княгиня, все было, вы чай помните какъ обращался супругъ вашъ съ Его Величествомъ—ну, и чтожь—ну и не вытерпѣлъ Императоръ оно и понятно! Только вы успокойтесь княгиня, не на казнь же поведутъ васъ.

— О, Господи, стонала Дарья Михайловна,—не на казнь, говоришь ты, Андрей Иванычъ, а почему я знаю, вѣдь не самъ ли ты на дняхъ еще говорилъ Александру

Данилычу, что его колесовать нужно, такъ почему я знаю, можетъ и колесуютъ.

— Да вѣдь и говорилъ потому, что самъ онъ страдалъ этимъ, потому что клевету взвелъ на меня, что я отвращаю Государя отъ православія.

— Ахъ, Господи! прости ты, прости, Андрей Иванычъ мужу—не зналъ онъ самъ, что говорилъ, ужъ очень обидь много было. Прости его Христа-ради, не помани зла—не помани. Смилуйся надъ нами! и бѣдная дрожащая княгиня стала на колѣни передъ Остерманомъ и также какъ и Императора схватила его за полы и мочила его ноги своими слезами.

— Ахъ, что вы, что вы, княгиня, суетился баронъ Андрей Иванычъ, стараюсь поднять ее. Но все было тщетно. Онъ позвалъ жену и та начала успокаивать Дарью Михайловну—да чѣмъ же они могли ее успокоить? Она хорошо знала, хорошо видѣла изъ каждаго слова Андрея Иваныча, что онъ просто не хочетъ за нихъ заступиться и пустить въ ходъ свое вліяніе. „Онъ бы еще могъ, онъ многое можетъ, но вотъ онъ не хочетъ, не хочетъ—чѣмъ же его разжалобить. Или у людей совсѣмъ нѣтъ сердца, или имъ радостно видѣть погибель невинныхъ.“

— Андрей Иванычъ, голубчикъ, заливалась слезами Дарья Михайловна,—смилуйся же наконецъ, вѣдь есть же у тебя сердце. Ну, мужъ виноватъ, ну, я виновата, хоть не вѣдаю въ чемъ вина моя, ну насъ и казнить, да дѣтей за что-же? Вѣдь вотъ хоть бы Машенька; развѣ сама она—вѣдь отецъ рѣшилъ, противъ его воли она идти не могла. Ну, я глухая виновата можетъ въ этомъ дѣлѣ—сними мою голову, а дѣтей не губи!

— Ахъ, княгиня, да я-то тутъ при чемъ же, что-жь съ меня вы хотите? я ничего не могу, я ничего не знаю, я тутъ въ сторонѣ.

— Андрей Иванычъ! много ты можешь, не обманешь меня, знаю я все вѣдь... Андрей Иванычъ... Матушка сударыня моя, Марья Ивановна,—обращалась она и къ женѣ Остермана,—вѣдь вотъ и у васъ, Богъ дастъ, выростутъ дѣтки, вѣдь вотъ и съ вами бѣда можетъ приключиться, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, такъ хоть дѣтокъ ради, ради ихъ счастья будущаго, пожалѣйте вы меня несчастную: замолвите слово не за меня, а за дѣтей моихъ.

Эта сцена становилась слишкомъ длинной и слишкомъ тяжелой. Не смотря на все терпѣнье Остермана, онъ видѣлъ, что нужно же положить ей конецъ.

— Княгиня,—сказалъ онъ,—ей Богу мнѣ некогда, въ Верховный Совѣтъ слѣзнуть надо, туда нынче прѣдетъ самъ Императоръ—боюсь опоздаю. И онъ рѣшительно вырвалъ свое платце изъ рукъ Дарьи Михайловны и ушелъ отъ нея. Она осталась вдвоемъ съ его женой.

— Такъ и у васъ нѣтъ никакого сердца, — съ ужасомъ взглянула она на баронессу,—и вы враги лютые... Забыла видно ты, сударыня, всѣ мои ласки, всю мою дружбу! Какъ нужна я была тебѣ, такъ руки у меня цѣловала, а вотъ теперь и слова за меня сказать не хочешь.

Баронесса Остерманъ, приученная мужемъ къ сдержанности, не отвѣчала ни слова.

— Ну такъ вотъ что скажу я тебѣ,—снова заговорила Дарья Михайловна, поднимаясь;—она вдругъ перестала плакать, она вдругъ выпрямилась, какъ будто исчезла вся ея слабость и все ее отчаяніе, глаза ея вспыхнули. Такъ вотъ что я скажу тебѣ: попомнишь ты день этотъ и часъ этотъ попомнишь! Какъ меня теперь оттолкнула, такъ и тебя оттолкнутъ, какъ за моихъ дѣтей не заступилась, такъ и за твоихъ не заступятся, и у тебя будетъ та-же участь, что и у меня—и не въ комъ ты не найдешь поддержки въ день твой черный; за меня тебя Богъ накажетъ!

И Дарья Михайловна ушла отъ Остермана, оставивъ

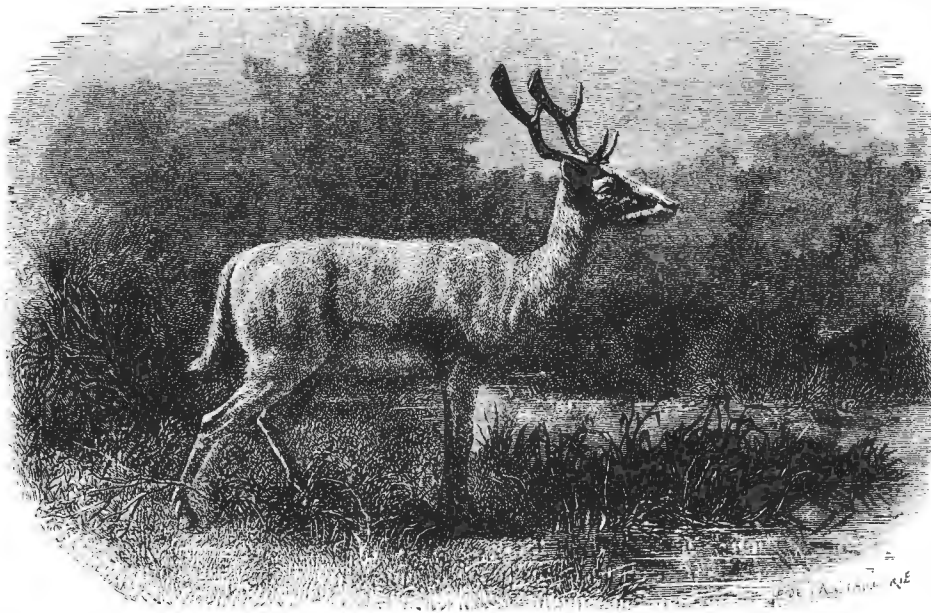
за собою послѣдній проблескъ надежды; теперь передъ нею не было даже и соломенки, за которую бы она могла ухватиться.

А въ это время въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ дѣйствительно самъ Императоръ засѣдалъ и изволилъ. Твердою рукою подписывалъ онъ указъ: „Понеже мы всемилостивѣйшее намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать и всѣмъ указамъ отправленными быть за подписаніемъ собственной нашей руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта: того ради повелѣли, дабы никакіе указы или письма, о какихъ бы дѣлахъ оныя не были, которые отъ князя Меншикова или кого бы иного партикулярно писаны, или

вѣйшее вашего величества разсужденіе: я же обещаю мое къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего“. Затѣмъ Меншиковъ писалъ, что самъ проситъ „для своей старости и болѣз-

стрицѣ вашей ея императорскому высочеству учинилъ въ забвеніи и невѣденіи или въ моихъ вашему величеству для пользы вашей представленіяхъ: и въ такомъ моемъ невѣденіи и недоумѣніи всеижайше прошу за вѣрныя мои къ вашему величеству извѣстныя службы всемилостивѣйшаго прощенія, и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ-подъ ареста свободить памяти изрѣченіе нашего Христа спасителя „да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ“. Сіе все предаю на всемилости-

вѣйшее вашего величества разсужденіе: я же обещаю мое къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего“. Затѣмъ Меншиковъ писалъ, что самъ проситъ „для своей старости и болѣз-

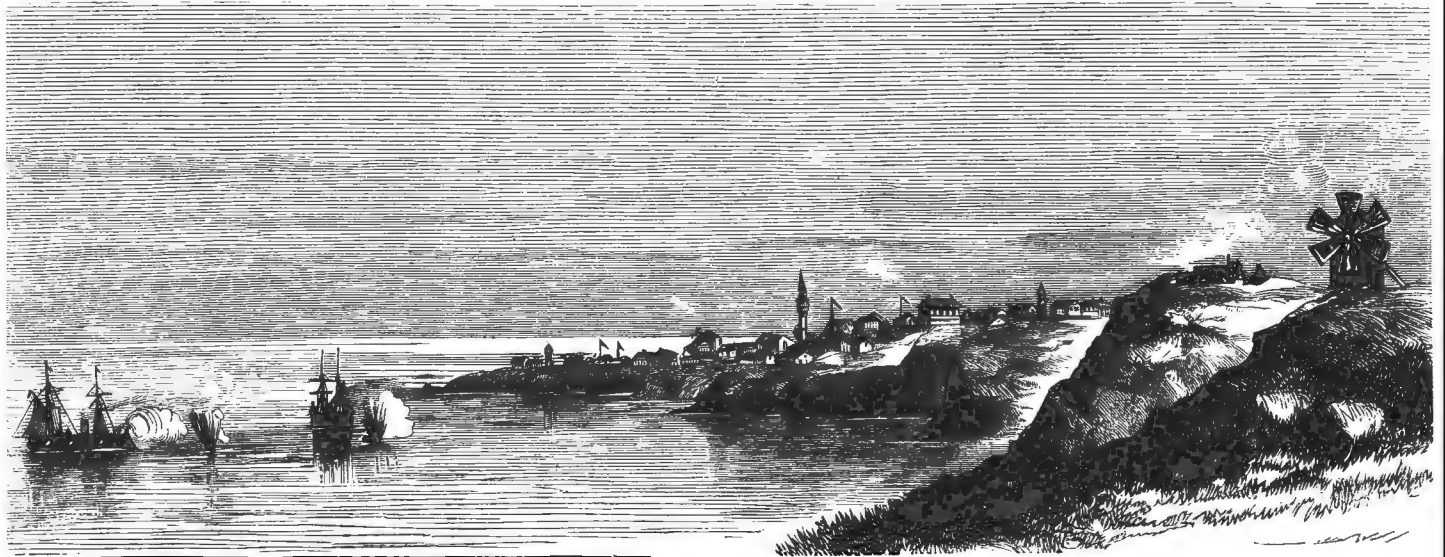

Лань. (Dama platyceros). Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

Турецкіе броненосцы

Маахъ.

Русская батарея.

Городъ Кюстенджи на берегу Чернаго моря, занятый русскими войсками, XIV армейскаго корпуса.

отправлены будутъ, не слушать и по онымъ отнюдь не исполнять подъ опасеніемъ нашего гнѣва и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и въ войсѣхъ изъ Сената“. Только что былъ подписанъ указъ этотъ, какъ Государю принесли письмо Меншикова, пересланное имъ черезъ Салтыкова: „Всемилолюбивѣйшій Государь Императоръ, — писалъ Меншиковъ, — по вашему Императорскаго Величества указу сказанъ мнѣ арестъ и хотя никакого вымышленнаго передъ вашимъ величествомъ погрѣшенія въ совѣсти тамъ не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ чемъ свидѣтельствуюсь величественнымъ судомъ Божиимъ, развѣ можетъ быть, что вашему величеству или вселюбезнѣйшей се-

ни“ отъ всѣхъ дѣлъ его уволить. Дальше онъ оправдывался въ нѣкоторыхъ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, разъясняя смыслъ сдѣланныхъ имъ приказаній и заканчивалъ письмо прося милостиваго прощенія.

— Что же, Ваше Величество, обратился къ Императору Остерманъ, — прикажете мнѣ отвѣтъ князю Меншикову составить, или сами написать изволите?

— Я ничего не хочу отвѣчать на это письмо, — замѣтилъ Императоръ. Я даже жалѣю, что прочелъ его.

Такъ и не вышло Меншикову никакого отвѣта.

Въ этомъ же засѣданіи рѣшена была на первое время участь Александра Данилыча. Баронъ Остерманъ сочинилъ докладъ „о князѣ Меншиковѣ и о другихъ лицахъ къ нему близкихъ“ и резолюція заранѣе была

Угощение „изъ особенной бочки“. Картина Ф. Винса, грав. Библиотека "Руниверс"

рѣшена такъ: „Меншикова лишить всѣхъ чиновъ и орденовъ и сослать въ дальнее имѣніе его Ораніенбургъ.“

ХІІ.

Въ мгновеніе ока по всему Петербургу распространилась вѣсть о паденіи Меншикова. Съ 8-го сентября быстро появлялись и приводились въ исполненіе распоряженія, касающіяся его скорѣйшей высылки къ мѣсту ссылки. Опять караулъ гвардіи стоялъ у всѣхъ входовъ и выходовъ меншиковского дома; но не съ той цѣлью уже стояли они, какъ во время пребыванія здѣсь Императора.

Меншиковъ упалъ духомъ, смирился и не подавалъ голоса. Письмо къ Императору, оставшееся безъ отвѣта, было послѣднимъ актомъ проявленія его сознательной воли. Теперь страшно похудѣвшій и измѣнившійся, состарѣвшійся на десять лѣтъ, опираясь на костыль, бродилъ онъ какъ тѣнь по своему пустующему дому. Много часовъ проводилъ онъ въ спальнѣ жены, у ея постели. Бѣдная Дарья Михайловна лежала недвижима; не вынесла она всего, что случилось въ послѣдніе дни и вернувшись домой отъ Остермана, не могла даже добраться до своей комнаты: жестокой припадкомъ паралича отнялъ у нея ноги. Она тоже казалась теперь, въ своей постели, совершенно спокойною: не плакала, не стонала, не жаловалась—только молилась. Послѣ долгихъ лѣтъ супружеской и далеко не счастливой жизни несчастіе снова сблизило Данилыча и Дарьюшку. Она—недвижимая, разбитая, и онъ—еле шевелящійся, разбитый не меньше ея, поняли другъ друга; поняли, что только другъ въ другѣ, съ этой поры, они и могутъ имѣть поддержку; только они одни вдвоемъ и были на всемъ свѣтѣ: все отъ нихъ отшатнулось, даже дѣти не могли скрывать своего противъ нихъ раз-

драженія. И старики поняли, что дѣти, пожалуй, и правы.

А въ домѣ между тѣмъ то и дѣло появлялись должностныя лица, отбравшія меншиковскія вещи, распоряжавшіяся его собственностью. Прежде всего отобрали у него и повезли во дворецъ андреевскую и александровскую кавалеріи, потомъ стали дѣлать описи всему его состоянію, а состояніе было страшное. У него оказалось девяносто одна тысяча душъ крестьянъ и семь милліоновъ тогдашнихъ рублей деньгами и банковыми билетами, но и этимъ, какъ говорили, еще не исчерпывалось все состояніе свѣтлѣйшаго: полагали, что многое онъ успѣлъ во время спрятать въ надежное мѣсто.

Вывносимое впечатлѣніе производилъ теперь этотъ огромный домъ; казалось, что въ немъ происходитъ дѣлежъ наслѣдства послѣ покойника. Но этотъ покойникъ еще былъ живъ: онъ былъ здѣсь и присутствовалъ при дѣлежѣ своего наслѣдства. Онъ былъ живъ и еще такъ недавно подписывался съ такимъ титуломъ: „Мы, Александръ Меншиковъ, римскаго і россійскаго государствъ князь, герцогъ Ижерскій, наслѣдный господинъ Аранибурха і иныхъ, его царскаго величества всероссійскаго первый действительной тайной совѣтникъ, командующій генералъ фельд-маршалъ войскъ генералъ-губернаторъ губерніи Санктпетербургской і многихъ провинцій его императорскаго величества кавалѣръ Святаго Андрѣя і Слона і Бѣлаго і Чернаго Орловъ. і пр. і пр. і пр.“

Теперь герцогъ Ижорскій былъ простымъ разслабленнымъ старикомъ; вся его жизнь до послѣдняго времени представлялась ему какъ какое-то далекое сновидѣніе, ему казалось, что вотъ только теперь и есть настоящая жизнь—что онъ проснулся.

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

РУССКІЕ ГЕНЕРАЛЫ: Гурко, Раухъ, Скобелевъ, Витгенштейнъ, прусскій уполномоченный фонъ-Лигницъ и др. предъ трупами звѣрски замученныхъ русскихъ солдатъ.

Было бы страшно и тяжело сосчитать хотя малую часть эпизодовъ турецкаго и баши-бузукскаго звѣрства. Теперь у всѣхъ однако, въ свѣжей памяти кровавый эпизодъ у Шипки.

Всѣхъ нашихъ раненыхъ послѣ геройскаго боя 7-го (19-го) іюля, какъ единогласно утверждаютъ иностранные корреспонденты, турки обезглавили и изуродовали. Въ одномъ мѣстѣ лежатъ куча головъ, около 30-ти, въ другихъ мѣстахъ лежатъ тѣла, обезображенные, съ обрубленными руками, ногами. По судорожнымъ положеніямъ рукъ и ногъ, видно, что изверги мучили свои жертвы, медленно рѣзали ихъ въ куски. Отрѣзанныя головы турки обыкновенно кладутъ кучами, такъ что тѣло, которому принадлежитъ голова, приходится искать далеко въ другомъ мѣстѣ. Напримѣръ, послѣ боя на Шипкинскомъ перевалѣ, былъ раненъ начальникъ нашихъ пластуновъ, эсауль Ваштаникъ; онъ попалъ въ плѣнъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ турокъ, храбрый эсауль долженъ былъ умереть страшною, медленною смертью: послѣ многихъ истязаній, ему отрѣзали голову, а трупъ его остался такъ далеко, что только съ усиленнымъ трудомъ можно было его найти. Тѣла нѣсколькихъ нашихъ санитаровъ тоже были найдены безъ головъ.

Нашъ рисунокъ, прилагаемый здѣсь, представляетъ сцену, тысячу разъ известную еще во времена Атиллы и, въ несчастію, повторившуюся множество разъ въ XIX вѣкѣ. Эта сцена: изуродованные, разорванные на части, поруганные трупы нашихъ русскихъ солдатъ, этихъ честныхъ бойцовъ за свободу своихъ угнетенныхъ братьевъ. Здѣсь присутствуютъ: генералы Гурко, Раухъ, Скобелевъ, Витгенштейнъ и прусскій уполномоченный фонъ-Лигницъ. Негодованіе на звѣрство характеризуетъ всю группу—это выражается въ позахъ и въ выраженіи лицъ присутствующихъ. Они замѣтно потрясены всѣ до глубины души тѣмъ, что имъ пришлось увидѣть, и обнажили свои головы, невольно благоговѣя передъ трупами страдальцевъ, пріавшихъ мученическую кончину.

ЛАНЬ (PAMA PLATYCEROS).

Platyceros Плинія и Pгох Аристотеля сдѣланы пзвѣстны

намъ подъ именемъ лани. Сочиненія этихъ древнихъ авторовъ, упоминающія красивую лань, ясно доказываютъ намъ, что это животное хорошо извѣстно было и древнимъ народамъ, но мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что родиною лани должны быть непременно теплыя страны Европы, врядъ ли справедливо, во первыхъ потому, что историческіе факты рѣшительно подтверждаютъ существованіе ея въ средней и даже сѣверной Европѣ; такъ, напримѣръ, писатель, жившій въ концѣ десятаго и началѣ одиннадцатаго столѣтій, и именно Сень-Галленскій монахъ Эггардъ, пишетъ, что между животными, за которыми часто охотятся нѣмцы, первенствуетъ лань; кромѣ Эггарда пишутъ о *бллой лани* другіе писатели среднихъ вѣковъ и, наконецъ, недавно открытыя древне-германскія гробницы между Виттенбергомъ и Шлибеномъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ человѣческими тѣлами были погребены лани, лучше всего доказываютъ, что это животное жило въ среднихъ и сѣверныхъ полосахъ доисторической Германіи, когда люди, въ простотѣ своего первобытнаго невѣдѣнія, конечно, и не помышляли объ акклиматизаціи растений и животныхъ.

Теперь стада ланей вообще стали очень немногочисленны, и Англія представляетъ единственный примѣръ значительнаго ихъ размноженія. Впрочемъ и не удивительно: здѣсь особенно обращаютъ вниманіе на разведеніе ихъ не только въ зоологическихъ и общественныхъ садахъ, но и въ паркахъ частныхъ лицъ. Лань, по своему наружному виду и по очертанію своихъ роговъ, имѣетъ большое сходство съ сѣвернымъ оленемъ; развѣтвленные рога ея отличаются отъ оленьихъ только тѣмъ, что въ оконечностяхъ переходятъ въ широкую лопасть, отдѣляющую отъ себя маленькіе отростки, тогда какъ рога оленей оканчиваются одними простыми развѣтвленіями, безъ всякихъ расширеній.

Лань значительно менѣе оленя. Длина ея отъ головы до хвостоваго корня не болѣе четырехъ футовъ и десяти дюймовъ, а вышина около трехъ или три фута. Ноги короче оленьихъ; туловище сравнительно толще, хвостъ же длиннѣе. Врядъ ли найдется въ нашихъ широтахъ другое животное, которое было бы болѣе разнообразно въ цвѣтѣ шерсти, какъ лань. Какъ цвѣтъ ногъ, такъ и цвѣтъ шерсти туловища измѣняется и по возрасту животнаго, и по различнымъ временамъ года. Въ лѣтнее время спина лани, бедра и хвостъ бываютъ рыжевато-бурые, а внутреннія части тѣла, ноги и самый хребтъ бѣлые. Около рта и глазъ бываютъ черныя кольца или ободки. Зимой общій цвѣтъ тѣла превращается въ буро-сѣрый,

а на спинѣ и на бокахъ въ черноватый. Особенно красивы бываютъ бѣлыя лани, у которыхъ вся шерсть какъ на спинѣ, такъ на бокахъ и на ногахъ положительно бѣлая; эти лани встрѣчаются довольно рѣдко, но самая большая рѣдкость—это лани черныя, которыя потому и дѣются любителями очень дорого. Молодые самцы бываютъ бѣловато-желтаго цвѣта, который съ годами переходитъ въ обыкновенные цвѣта. Лань по быстротѣ никакъ нельзя сравнить съ легкою серною, она уступаетъ въ этомъ даже оленю, потому что вообще не очень любитъ скоро бѣгать и бѣжитъ рысью только въ исключительныхъ обстоятельствахъ жизни, или въ случаѣ опасности, то есть преслѣдованія людьми и разными животными, или подъ влияніемъ особой радости. Скачки, дѣлаемые ланью, чрезвычайно оригинальны, она скачетъ всегда разомъ всѣми четырьмя ногами, чего не дѣлаетъ, какъ кажется, положительно ни одно животное. Во время бѣга всегда поднимаетъ свой хвостъ вверхъ, а поджимаетъ его только въ случаѣ болѣзни или испуга. Какъ ни оригинальна кажется скачка лани, тѣмъ не менѣе должно отдать ей полную справедливость въ томъ, что она скачетъ отлично и притомъ чрезвычайно высоко, такъ что весьма высокіе заборы и насыпи, футовъ въ шесть или даже въ сажень, не служатъ ей ни малѣйшимъ препятствіемъ. Кромѣ способности отлично скакать, лань отличается еще способностью превосходно плавать; спать же ложится также весьма оригинально, не опускаясь никогда на бокъ, а разомъ на всѣ четыре поджатыхъ ноги. Лань не прихотлива на кормъ, довольствуясь мхами и лишайми, но считаетъ большимъ лакомствомъ молодую древесную кору и сдираетъ ее безошадно съ молодыхъ деревьевъ, чѣмъ сильно вредитъ лѣсамъ. Неразборчивость въ пищѣ часто дѣлается причиною ея гибели; не умѣя отличать, подобно другимъ животнымъ, ядовитыхъ растений отъ полезныхъ, она наѣдается ими и околѣваетъ въ судорогахъ и сильныхъ мученіяхъ. Въ зоологическихъ садахъ, гдѣ имѣются опытные и ученые ветеринары, ее спасаютъ иногда немедленно принятыми мѣрами, но на волѣ, гдѣ далека помощь человѣческаго ума, она часто дѣлается жертвою своей неосторожности или неразборчивости. Такъ, въ берлинскомъ зоологическомъ саду однажды пало все находившееся тамъ стадо отъ того, что обѣлось ядовитыми губками, что оказалось лишь по вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, а принятыя до того мѣры всѣ оказались бесполезными, потому что никому не приходило въ голову, чтобы лани могли употребить въ пищу такой предметъ, какъ губка.

Эти животныя бываютъ очень привязаны къ одному мѣсту, а потому въ паркахъ и садахъ, гдѣ ихъ содержатъ, мало заботятся о присмотрѣ за ними, зная очень хорошо, что они нигде не убѣгутъ. Въ лѣтнее время старые самцы обыкновенно живутъ въ одиночествѣ, а самки въ обществѣ своихъ телятъ и годовалыхъ ланей, но едва наступитъ октябрь, самцы находятъ въ самомъ возбужденномъ состояніи, отыскиваютъ свои стада, снова примыкаютъ къ нимъ и отгоняютъ въ это время въ полное одиночество молодыхъ самоцвѣт, которые возвращаются опять къ стаду, когда первые покинутъ самокъ и уйдутъ опять въ свое обычное уединеніе. Періодъ любви ланей-самокъ и ланей-самоцвѣтъ продолжается обыкновенно не болѣе двухъ или двухъ съ половиною недѣль. Въ это время самецъ окружаетъ себя не болѣе, какъ восьмью самками, которыя всѣ дѣлаются стельными. Беременность ихъ продолжается восемь мѣсяцевъ, послѣ чего онѣ рожаютъ обыкновенно по одному дѣтенышу, который въ первое время бываетъ совершенно беспомощнымъ. Въ это время маленькіе хищные звери стремятся похитить таюй лакомый для нихъ кусокъ, но нѣжная и бдительная мать отгоняетъ или умерщвляетъ ихъ сильными ударами своихъ переднихъ ногъ. Но когда происходитъ нападеніе такихъ звѣрей, съ которыми она не можетъ справиться, то прибѣгаетъ къ слѣдующей хитрости: отходя отъ своего дѣтеныша на значительное разстояніе, привлекаетъ вниманіе звѣря къ себѣ, чтобы этимъ спасти свое дѣтище, хотя бы и погнѣбнуть самой. Тутъ она обращается въ притворное бѣгство; звѣрь, конечно, гонится за ней и когда она, какъ своимъ быстрымъ бѣгомъ, такъ и околѣлыми зигзагами измучитъ его до полнаго изнеможенія, то видя себя вполнѣ безопасно отъ преслѣдованія, украдкой возвращается околѣными путями къ временно покинутому дѣтенышу, причемъ обнаруживаетъ невѣроятную способность немедленно отыскать его.

Рога молодыхъ ланей растутъ и увеличиваются съ каждымъ годомъ постепенно. Сначала, то есть на первомъ году, выступаютъ на лбу шишки, которыя къ концу года развиваются въ рога, на второмъ, третьемъ и четвертомъ рога удлинняются, пріобрѣтая боковыя пикированности, а на пятомъ образуются уже лопасти и дальнѣйшія развѣтвленія.

Если поймать лань въ молодости и вскормить ее въ домѣ коровьимъ или козьимъ молокомъ, то она дѣлается вполнѣ ручною и до того привязанною къ человѣку, что всюду слѣдуетъ за нимъ, какъ самая преданная собака. Мясо ланей, особенно жирныхъ самоцвѣт, такъ нѣжно и вкусно, что составляетъ лакомое блюдо даже на самыхъ взыскательныхъ обѣдахъ, но вкусно оно только въ лѣтнее время, то есть въ іюнѣ, іюль, августѣ и осеннемъ мѣсяцѣ сентябрѣ, но съ октября теряетъ свой прекрасный вкусъ и получаетъ непріятный козий запахъ.

Н. Зуевъ.

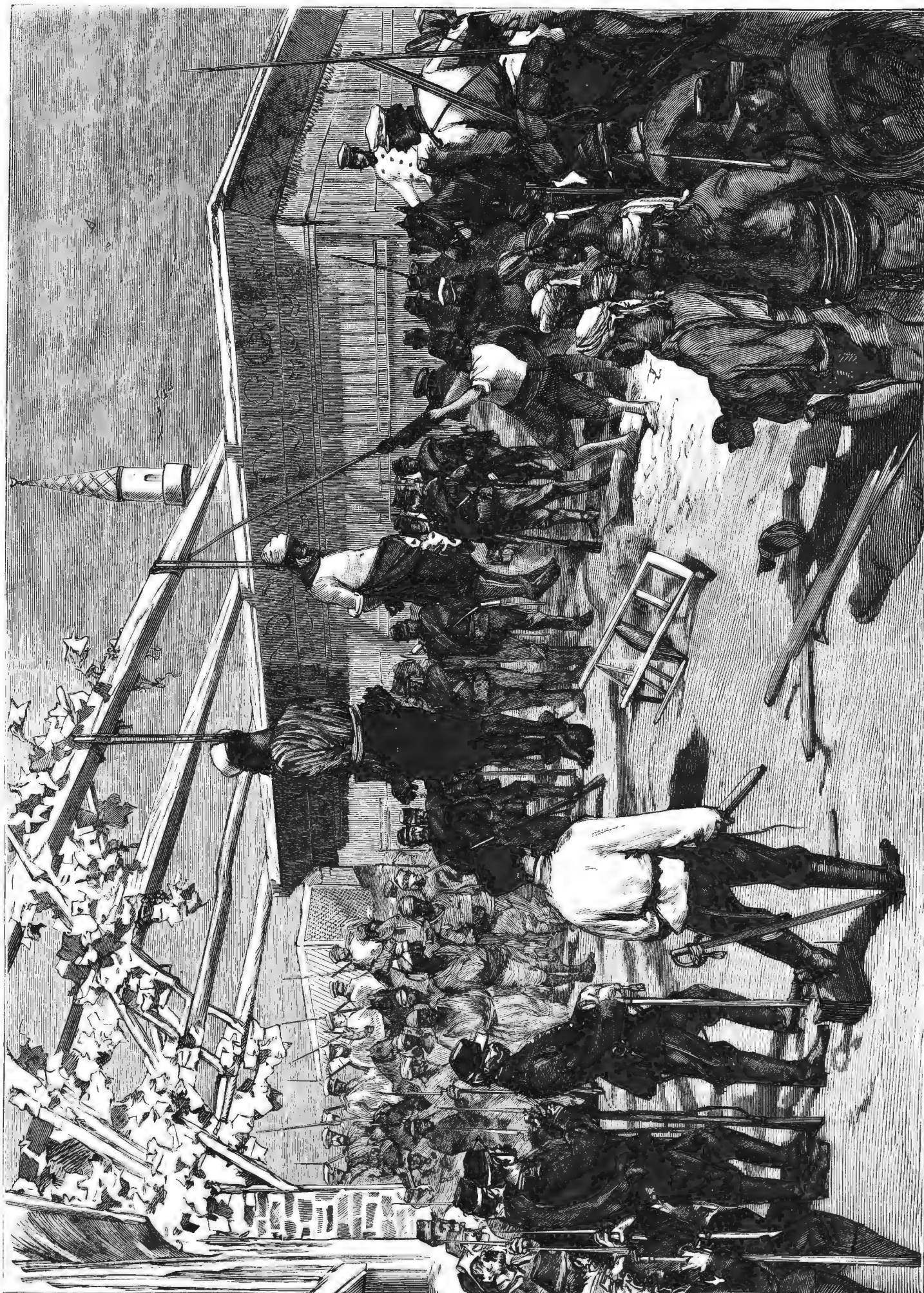
КЮСТЕНДЖИ И ЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Кюстенджи или *Кюстендже*—это небольшой турецкій городокъ съ 3,000 жителей, расположенный на самомъ берегу Чернаго моря, на полпути между крѣпостью Варною и Дунайскими гирлами; городъ расположенъ на высокомъ мысѣ, который съ такою рѣзкостью выдвигается дугообразно въ море, что почти не достигаемъ для пѣшеходовъ и единственная дорожка на высоту идетъ только съ западной стороны. Кюстенджи застроенъ нѣсколькими купами бѣдныхъ хижинъ, расположенныхъ по окраинамъ береговъ, а въ серединѣ ихъ возвышается мечеть съ минаретомъ. Высота холма, на которомъ возвышается городъ, простирается до 150 англ. футовъ надъ поверхностью моря, и мысъ Кюстендже вдвигается въ море такъ, что у городского берега образуется открытая бухта, устроенная еще римлянами. Отъ края мыса, по направленію къ югу, навидана въ море на небольшомъ разстояніи отъ берега, гряда камней, образующая родъ каменной дамбы, которая когда-то имѣла значительную ширину и закрывала бухту отъ морскихъ волнъ. Но во все время владычества турокъ на Черномъ морѣ дамба бухты не исправлялась вплоть до 1857 года (тогда только что начались приготовленія къ ея исправленію). По замѣчанію знаменитаго Мольте, нѣкогда путешествовавшего по Турціи и изучавшаго ея военныя средства и сооруженія, только немногія и небольшія суда могутъ стоять въ бухтѣ Кюстендже на якорѣ; военные же корабли не могутъ безъ большой опасности приближаться къ ней на разстояніе выстрѣла. Въ періодъ Крымской войны въ этой бухтѣ могло помѣщаться отъ 12 до 15 судовъ; но затѣмъ бухта еще болѣе засорилась. Самъ Кюстенджи въ 1853 году былъ почти совершенно разрушенъ канонадою съ нашихъ судовъ, однако войска наши не входили въ самый городъ.

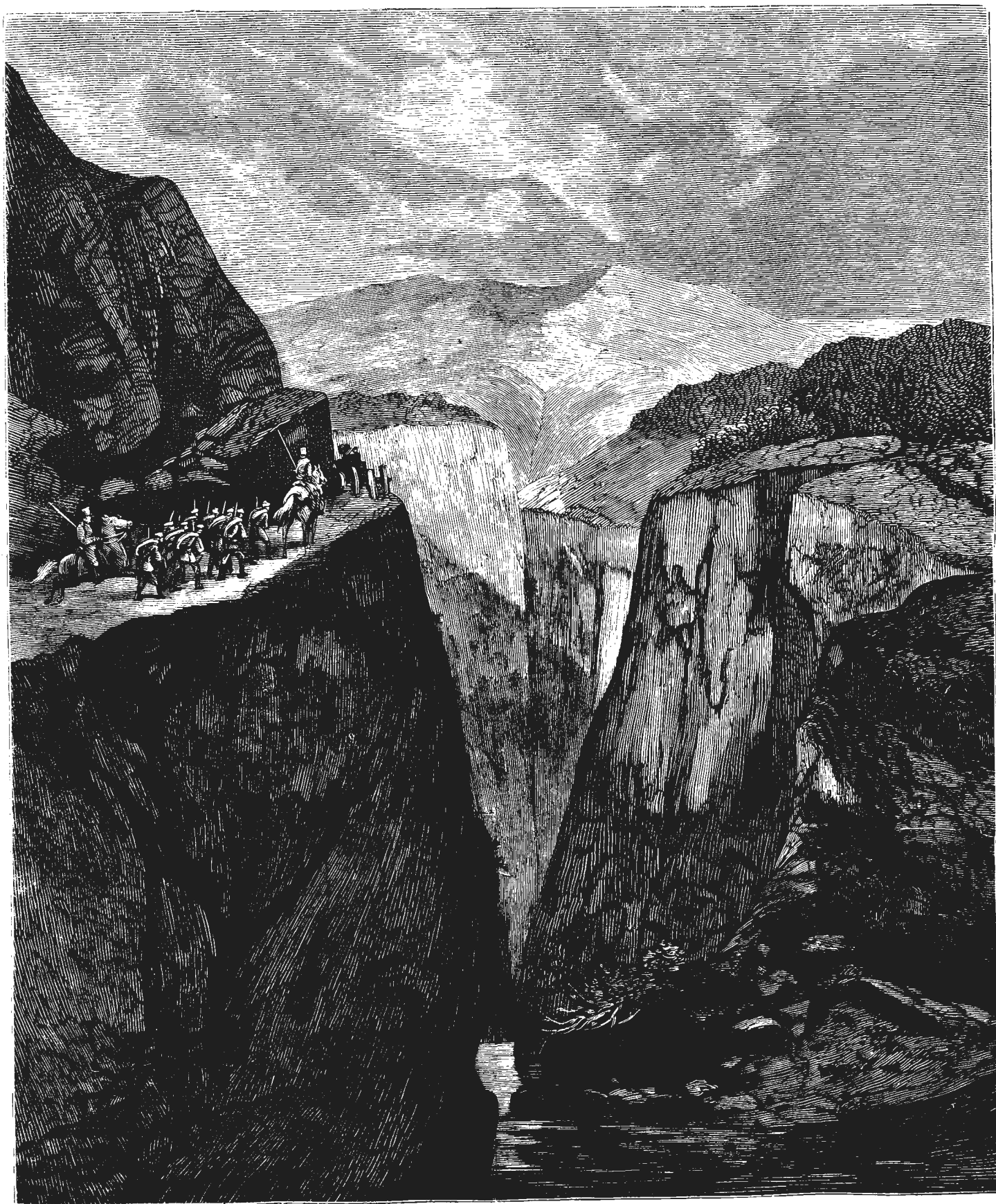
Послѣ Крымской войны англичане обѣщали туркамъ исправить Кюстенджи, превративъ этотъ городъ въ неодолимую крѣпость и съ моря, и съ суши. Тотчасъ по заключеніи Парижскаго трактата, въ Кюстенджи налетѣли англійскіе инженеры, капиталисты, торговцы, разные прожекторы и т. д. Занялись изслѣдованіемъ бухты и нивелировкой мѣстности. Предлагали различныя проекты соединенія *Черноводы* (на Дунаѣ, къ сѣверозападу отъ Кюстенджи) или каналомъ, или желѣзною дорогою. Послѣ долгихъ обсужденій, турецкое правительство дало предпочтеніе желѣзной дорогѣ, и эта дорога, по времени сооруженія, есть *первая* желѣзная дорога въ Европейской Турціи. Протяженіе ея 45 англійскихъ миль и построена она въ теченіи 1857—62 годовъ англійскими инженерами, англійскою компаніей и на англійскія деньги.

По мнѣнію Мольте, линія Черноводы-Кюстенджи имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе. Это явствуетъ уже изъ того, что и у римлянъ была здѣсь стратегическая линія (ибо линія знаменитаго Троянова вала параллельна теперешней желѣзно-дорожной линіи Кюстенджи-Черноводы). Желѣзнодорожная линія эта идетъ отъ бухты Кюстенджи на сѣверозападъ по холмамъ, направляющимся отъ мыса къ сѣверозападу, и достигаетъ потомъ долины Карассу, въ которой рельсы положены на берегу озера Козимце, затѣмъ перекинуты черезъ рѣчку *Черноводу*, продолжены по сѣверному берегу озера Карассу и доведены до города *Черноводы*, расположеннаго вблизи устья рѣчки того же имени, впадающей въ Дунай. На линіи дороги лежитъ основанный въ 1857 году крымскими татарами городъ Меджиді, и съ 1,500 жителей, чрезъ этотъ городъ проходитъ и дорога. Само собою разумѣется, что здѣсь проведенъ и телеграфъ, и Кюстенджи уже самый крайній сѣверный предѣлъ турецкихъ телеграфныхъ сообщений.

Въ началѣ настоящей войны турки довольно значительно укрѣпили Кюстенджи и Черноводы, оставивъ тамъ отряды и усиливъ ихъ отрядами изъ Матчина и Гирсово. Въ бухтѣ Кюстенджи они заложили торпеды, а оборонительныя средства всей линіи поставлены въ связь съ операціями Рассовой, Силистрии, Шумлы и Варны. Оборонительная линія эта была поручена Фалери-бею, бывшему коменданту Тульчи. Но затѣмъ мы знаемъ, что наши войска, корпуса генерала Циммермана, вскорѣ по переходѣ черезъ Дунай и взятія Матчина, побѣдноносно двинулись впередъ и овладѣли Кюстенджи. Войска генерала Циммермана раздѣлись здѣсь на два отряда: *первый* отрядъ занялъ Матчинъ, Гирсову, Черноводы, Меджиді (городъ крымскихъ татаръ) Рассову и подвигается къ Силистрии, тогда какъ *второй* (такъ-называемый приморскій) отрядъ занялъ Кюстенджи, дорогу къ Базарджику и гор. Мангалию (гораздо южнѣе Кюстенджи). Въ послѣднее время константинопольскія телеграммы распространяли слухъ, что Кюстенджи взято турками. Извѣстіе оказалось вздорнымъ. Теперь мы знаемъ, что Кюстенджи сильнѣйшимъ образомъ укрѣпленъ русскими и вооруженъ крѣпостными орудіями, что телеграфное сообщеніе между Кюстенджи и Черноводами порвано, что въ Кюстенджи сооружены 4 баттаренъ большого калибра и что вторженіе со стороны турокъ сдѣлалось теперь невозможнымъ... 0.

Осужденіе на смерть башки-бузковъ, по рѣшенію турецко-болгарской судебной коммисіи въ Казаньскѣй.
По наброску французскаго корреспондента. „Monde illustré“, грав. Рейерманъ.

Ханкюйскій проходъ въ Балканахъ. Съ фотогр. грав. Вейерманъ.

УГОЩЕНИЕ „ИЗ ОСОБЕННОЙ БОЧКИ“.

(По поводу рисунка).

Въ Европѣ „угощаютъ“ не по нашему, но, думаемъ, что и тамъ „не безъ грѣха“, и тамъ тоже накачиваются виномъ какъ говорится „до зеленого змія“, но съ тою разницею, что накачиваются безъ угощенія такъ сказать, по доброй волѣ и на свои собственныя средства. Угощеніе тамъ болѣе „галантерейное“. Тамъ зачастую приглашаютъ такъ:

— Когда вылетаете дома чаю, то приходите къ намъ вечеромъ въ саду погулять.

У насъ-же иногда бываетъ, что если зовутъ „на чашку чаю“, то для приглашаемаго предстоитъ удовольствіе увидѣть баттарен бутылочъ, графиновъ, массы закусокъ и пригрозъ въ аршинъ, и радушный хозяинъ будетъ приставать, прося выпить.

— Пожалуйте съ... Нельзя—порядокъ!

И когда гость станетъ отвѣчиваться, хозяинъ неуклонно будетъ приставать:

— Покорнѣйше прошу... Невозможно-съ безъ этого: вино „изъ особенной бочки“. Значитъ, хочешь-не хочешь, а пить надо.

И дойдетъ потомъ это угощеніе виномъ „изъ особенной бочки“ до того, что гостя за горло хватаютъ и вмѣсто ласковаго „покорнѣйше прошу“ кричатъ ему повелительно: пей!

Такая „чашка чаю“ теперь, впрочемъ уже явленіе не петербургское. Здѣсь тоже во многихъ случаяхъ угощаютъ „по европейски“. Даже въ Москвѣ и за Москвой на Волгѣ, Окѣ и Камѣ такая „чашка чаю“ явленіе не всегда обыденное. Теперь иной разъ посмотритъ внимательный человѣкъ на хозяйскія рюмки, разставленныя на столѣ съ закускою и съ грустью замѣчаетъ:

— Рюмки-то у васъ совсѣмъ не по нонѣшнему времени.

— А что? спрашиваетъ удивленный хозяинъ.

— Да велики очень: нынче все пошло поменьше и народъ мельче, и рюмки, и правда, знаете-ли, какъ то тоже поменьше. Можетъ-быть это и вѣрное замѣчаніе, т. е. на счетъ измелчанія.

Но во всякомъ случаѣ, мельчаетъ-ли правда или нѣтъ, рюмки-то въ самомъ дѣлѣ стали дѣлать „по нонѣшнему времени“, да и самое угощеніе „изъ особенной бочки“ уже въ рѣдкость.

Угощаетъ, наприимѣръ, уфѣдный купчикъ барышню, мармеладомъ и тоже знакомую фразу повторяетъ:

— Пожалуйста, сдѣлайте милость, мармеладъ изъ особенной бочки-съ...

— Пожалуйста безъ комплиментовъ! рѣзко заявляетъ барышня, знаю я васъ.

— Помилуйте, нѣшто я въ обиду; какъ есть отъ сердца.

— Рассказывайте, знаю я васъ: прошлый разъ тоже угощали мармеладомъ „изъ особенной бочки“, а у меня котенокъ отъ него чуть не подохъ, три дня хворалъ и теперь все еще не въ своемъ умѣ ходить, такой сдѣлался заду-умчивый...

— Ахъ, какая жалость... Это онъ, сударыня, можетъ быть такъ отъ скуки, а не то чтобы мармеладъ... Я для васъ нарочно, отвѣрите „изъ особенной бочки“.

Такъ увѣряетъ купчикъ, а посмотрѣтъ если поближе, да по-внимательнѣе, то и окажется, что изъ особенной бочки мармеладъ лежитъ давнымъ давно гдѣ-нибудь около мѣднаго купороса, и недаромъ отъ него котятъ ходятъ „не въ своемъ умѣ“.

Да, теперь все цивилизуется, и рюмки меньше, и мармеладъ съ мѣднымъ купоросомъ и рѣдко, рѣдко встрѣтишь такое простодушное приглашеніе:

— Кушайте—не скупайте.

Не правда-ли, какъ много въ этомъ словѣ старины, сколько мира, тишины и спокойствія.

Не знаю, угощаютъ ли въ Европѣ такъ. Но угощеніе, изображенное на прилагаемомъ рисункѣ всего скорѣе можетъ быть понято именно въ томъ смыслѣ, что гостю предложено вино „изъ особенной бочки“, да еще и изъ большого стакана. Онъ какъ будто тоже всматривается въ стаканъ и говорить ту-же фразу: „Стаканъ-то у васъ совсѣмъ не по нонѣшнему времени“.

Но несомнѣнно, что и тамъ найдется не мало такихъ лицъ, которыя не разъ съ грустью вздохнуть при воспоминаніи о давно минувшей старинѣ, когда, угощая гостей, хозяинъ простодушно говорилъ: кушайте—не скупайте.

Я.

РСУЖДЕНІЕ НА СМЕРТЬ ВАШИ-БУЗУКОВЪ.

Всякому великодушію бываютъ предѣлы. На звѣрства баши-бузуковъ мы отвѣчали гуманнѣмъ распоряженіемъ падить жизнь плѣннаго врага и притомъ нашъ въ высшей степени добродушный и дисциплинированный солдатъ самъ, даже безъ вѣншиныхъ побужденій и приказаній начальства, не тронетъ безоружнаго и безпомощнаго врага, какъ бы онъ ни былъ огорченъ и озлобленъ на него. Да, всѣ крики о „русскихъ звѣрствахъ“, благодаря стараніямъ туркофиловъ, разнеслись-было по Европѣ, оказались предумышленною клеветкою, отъ которой теперь благодарно отлыниваютъ и самые виновники ея...

Великодушіе и прощеніе—прекрасно, но и правосудіе должно имѣть мѣсто. Таковой актъ правосудія совершился послѣ занятія генераломъ Гурко Шинки надъ нѣсколькими баши-бузуками. Въ примѣръ прочимъ, надъ ними, по приговору смѣшанной болгарско-русской комиссіи, учрежденъ военный

судъ, приговорившій ихъ къ повѣшенію. Обстоятельства дѣла состоятъ въ слѣдующемъ:

Послѣ взятія Шинки наши войска двинулись къ Казанлыку; турки же, испугавшись напора русскихъ со всѣхъ сторонъ, оставили городъ безъ сопротивленія. Вблизи Шинки наши войска встрѣтили своихъ павшихъ и раненыхъ собратьевъ изъ 2-хъ ротъ Орловскаго полка. Убитыхъ съ честью похоронили, а раненымъ, по возможности, оказали медицинскую помощь, хотя помощь эта для многихъ была слишкомъ поздною. Истязанные и изувѣченные баши-бузуками, едва дышавшіе и стонущіе, они были безнадежны для жизни... У однихъ были отрублены уши и носы, выколоты глаза, у другихъ взрваны животы. Это зрѣлище такъ потрясло весь отрядъ, пришедшій на это поле страданій и смерти, что многие зарыдали. Невдалекѣ еще оставалась шайка баши-бузуковъ, состоящая изъ 5 человекъ. Какъ степенные шакалы, дико завывая, они потѣшались своими скапелями надъ двумя нашими ранеными офицерами. Эти изверги были взяты и приговорены къ смерти, что и было немедленно исполнено.

Нашъ рисунокъ представляетъ одну изъ сценъ, когда обсуждался особою комиссіей смертный приговоръ надъ баши-бузуками, пойманными на мѣстѣ преступленія. Это принадлежатъ тоже къ памятнаму Шинкинскому эпизоду.

Хайнкюйскій проходъ въ Балканахъ и редутъ св. Николая вблизи Шинки.

Если направиться къ Балканамъ отъ Тырнова, по справедливости считающагося центромъ, отъ котораго лучеобразно идутъ стратегическіе и торговые пути по всѣмъ направленіямъ, то влѣво, въ восточной сторонѣ Балканскаго гребня, мы будемъ имѣть такъ называемый *Елена-Балканъ*. Три параллельные другъ другу перевала или прохода ведутъ черезъ него на югъ, въ долину рѣки Тунджи. Средній изъ этихъ проходоу и есть Хайнкюйскій проходъ, получившій свое названіе отъ деревни *Хайнкюй*, лежащей за переваломъ. Хайнкюйскій проходъ, какъ это видно и на прилагаемомъ рисункѣ, страшно утѣсненъ и линія, составляющая его узкую дорогу, извилиста. Какъ грозныя стѣны, стоятъ мрачныя утѣсы, а внизу чернѣютъ пропасти. Въ геологическомъ отношеніи часть этихъ отвѣсныхъ горныхъ стѣнъ, представляющихъ особенно грандіознымъ съ юга, состоитъ изъ гранита и изъ первобытнаго глинистаго и слюдянистаго шифера. Геологическая особенность Балканскаго хребта состоитъ въ томъ, что въ западной его части, до того пункта, гдѣ рѣка *Искеръ* перерѣзываетъ его мощный гребень (недалеко отъ Софій) онъ состоитъ изъ массы известняка; затѣмъ, подвигаясь отъ Искера къ востоку, мы встрѣчаемъ преобладаніе массы шифера съ залежами серебра и мѣди, особенно у истоковъ рѣки Осмы. Затѣмъ далѣе, за Шинкою, слѣдуютъ какъ преобладающіе *гранитъ* и *гнейсъ*.

Проходъ Хайнкюйскій лежитъ какъ разъ въ той части Балканъ, гдѣ представляется переходъ отъ глинистаго шифера къ граниту и гнейсу. Съ южной стороны свалы совершенно отвѣсны и оттого онъ представляется съ этой стороны неприступнымъ.

Изъ газетныхъ свѣдѣній, какъ ни много говорится тамъ объ этомъ предметѣ, трудно составить ясное понятіе, какое именно имѣетъ значеніе долина р. Тунджи и какое отношеніе имѣетъ самая Тунджа къ Балканамъ. Балканы состоятъ изъ параллельныхъ горныхъ хребтоу, изъ которыхъ одинъ главный, и о немъ мы уже сейчасъ говорили. Изъ второстепенныхъ важнѣйшій *Караджа-Дагъ* (или Средняя Гора). Начинаясь у Ямболы, онъ идетъ съ востока къ западу, параллельно главному хребту Балканъ и на югъ отъ него, и между нимъ и главнымъ хребтомъ тянется долина или, точнѣе, котловина Тунджи до самаго истока этой рѣки, гдѣ кончается и Караджа-дагъ. Въ этой-то котловинѣ лежатъ и Калоферъ и Казанлыкъ. Южная сторона Караджа-Дага покрыта роскошными виноградниками и у южнаго подножія его начинается необозримая равнина верхняго Еракии, роскошно плодородная. Въ туманной дали поднимается величественное очертаніе горы *Родопъ* и лежатъ города Эски-Загора и Эни-Загора *). Засимъ уже отсюда легко проникнуть и въ долину Морицы и овладѣть важнѣйшими торговыми путями Турціи.

Скажемъ нѣсколько словъ о редутѣ св. Николая.

Къ проходамъ черезъ Балканскія горы и особенно Шинкѣ (Шинка лежитъ къ западу отъ Хайнкюй) примыкаютъ укрѣпленія или верки. Это шанцы или редуты, охраняющіе подступъ къ переваламъ со стороны неприятеля. Около Шинки этихъ верковъ три, и важнѣйшій изъ нихъ редутъ св. Николая. Высота этого редута господствуетъ надъ всей мѣстностью, и потому понятно и его важное значеніе. Во время ожесточеннаго боя на Шинкѣ (см. въ этомъ же № стр. 570) турки преимущественно употребляли усилія отнять этотъ редутъ, однакожь, безуспѣшно. Наши герои отстояли его съ тою же твердостью, какъ и самую Шинку.

* То есть неправильно называемыя въ газетахъ Ески-Загра и Еени-Загра. Болгары называютъ эти города: *Новая* и *Старая Загора* (то есть находящаяся за горами) *Еени* и *Эски*—турецкія прилагательныя и значатъ *старый* и *новый*.

НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ.

Телектроскопъ. Изобретень электрической приборъ, посредствомъ котораго всякій предметъ, находящійся, положимъ, въ Нью-Йоркѣ, можетъ быть видимъ совершенно отчетливо въ Петербургѣ и при томъ не въ видѣ фотографическаго изображенія, а такъ сказать во-очію, со всеми характеристическими особенностями его и даже въ состояніи движенія. Приборъ, служащій для подобной передачи изображеній, дѣйствуетъ при посредствѣ электрическаго тока и названъ *телектроскопомъ*, т. е. далеко-смотрящимъ. Онъ играетъ совершенно такую же роль относительно нашихъ органовъ зрѣнія, каковую играетъ телефонъ, относительно органовъ слуха. (См. «Ниву» № 12). Идея устройства телектроскопа состоитъ въ слѣдующемъ: на станціи отправленія устраивается родъ ширмы, или перегородки, усѣянной множествомъ торчащихъ перпендикулярно къ плоскости этой перегородки проволочныхъ иглъ. Эти иглы расположены такъ близко одна отъ другой, что представляютъ собой родъ щетинистой поверхности. Каждая игла представляетъ собою конецъ электрическаго про-

водника. Передъ подобною перегородкою помѣщается лицо или предметъ, изображение котораго хотятъ передать. Различная игра свѣта и тѣней, производимая контурами предмета, воспринимается чувствительными щетинками (черезъ которыя пропускается электрической токъ), и будучи передана телеграфнымъ проводникомъ на станцію назначенія, воспроизводится тамъ, посредствомъ аналогичнаго аппарата, въ видѣ изображенія совершенно сходнаго съ тѣмъ, которое находится на станціи отправленія. По словамъ бостонскихъ газетъ, опыты надъ телектроскопомъ, произведенные въ этомъ городѣ, въ присутствіи многочисленнаго собранія публики, увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Изобрѣтатель телефона Граамъ Беллъ намѣренъ, по сообщенію тѣхъ же газетъ, купить привилегію на телектроскопъ и, съчетавъ его съ телефономъ, давать сеансы, на которыхъ жители Нью-Йорка, Бостона или С. Франциско, не только услышатъ оперу, разыгрываемую въ Лондонѣ или Парижѣ но и будутъ отчетливо видѣть физиономіи и игру исполнителей.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ, ВОЕННЫЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ловча, сильно укрѣпленный городъ на р. Осмѣ (къ юго-востоку отъ Плевны), 22-го августа взята нашими войсками приступомъ. Этимъ взятіемъ мы сдѣлали громадно важное стратегическое и тактическое приобритеніе. Битва подъ Ловчею начата была турками, которые сдѣлали бѣшеное нападеніе. Наши мужественныя войска отбили при этомъ цѣлыхъ 9-ть атакъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, затѣмъ загнали турокъ въ городъ, куда ворвались за ними и сами. Послѣ ужасной, ожесточенной борьбы на улицахъ, турки были выгнаны изъ города съ другого его конца. Героями этого славнаго дня были генералы Скобелевъ 2-й и князь Имеретинскій. Наши потери при этомъ еще не приведены въ извѣстность. Въ числѣ раненыхъ находится генералъ *Размьлдаевъ*.

Послѣ взятія нами Ловчи арміи Османа, Мехемета и Эюба нашей остались разъединенными; отдѣленъ балканскою твердиною и Сулейманъ-паша. Наша армія разъединяетъ турецкія войска мощною пирамидой, которая основаніемъ опирается на Дунай. Предѣлами расположенія нашей арміи теперь служатъ: съ запада рѣка Осма (на которой расположена и Ловча), съ востока линія, образуемая рѣкою Кара-Ломъ, Руцукомъ и Османъ-Вазаромъ, съ юга Балканы, съ сѣвера Дунай. Серьезныя и рѣшительныя операціи начнутся, прежде всего, конечно, тамъ, гдѣ это требуется во первыхъ, общимъ планомъ кампаніи, во вторыхъ—обстоятельствами. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, для насъ теперь важны обѣ линіи: и западная: *Сельви-Ловчи-Плевны* и восточная или линія *Янтры*. Съ одной стороны, изъ Добруджи прибылъ въ главную квартиру сержантъ-экстрема принцъ Гассана Египетскій, командующій вспомогательнымъ египетскимъ корпусомъ и подкрѣпленная такимъ образомъ восточная турецкая армія намѣрена начать наступленіе на нашъ лѣвый флангъ. Затѣмъ на западѣ мы должны вытѣснить Османъ-пашу изъ Плевны, что представляется уже не труднымъ въ виду взятія нами Ловчи и въ виду того, что Османъ-паша ни въ какомъ случаѣ не можетъ получить помощи, напримѣръ, отъ Сулейманъ-паши, хотя бы тотъ и перешелъ Балканы на Западъ. Ему нужно бы здѣсь прорваться чрезъ Трояновъ проходъ, составляющій здѣсь единственное сообщеніе, по причинѣ гористости страны. Трояновъ проходъ лежитъ близъ р. Осмы, южнее Ловчи, и конечно уже занятъ теперь нашими отрядами. Такимъ образомъ съ этой стороны, правый флангъ нашей арміи гораздо болѣе обезпеченъ отъ усиленія неприятельской арміи. Другое дѣло представляеть восточная сторона: здѣсь неприятельскія силы значительно увеличиваются. Кромѣ прибывшаго сюда изъ Добруджи, какъ сказано выше, корпуса принца Гассана, недавно высадились въ Варнѣ подкрѣпленія изъ Малой Азіи. Въ виду этихъ подкрѣпленій и находящіяся здѣсь турецкія арміи сдѣлали, на прошлой недѣлѣ, значительныя попытки къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Часть войскъ Ахметъ-Эюба-паши (расположеннаго укрѣпленнымъ лагеремъ у Разграда) выступила изъ-подъ Разграда до *Кадикюи* на р. Кара-Ломъ, немного къ югу отъ Руцука и произвела горячую атаку на Кадикюю; въ то же время турки сдѣлали вылазку изъ Руцука, чтобы помочь атакующимъ. Турки сначала овладѣли было Кадикюемъ, но потомъ были выбиты оттуда. Въ этомъ дѣлѣ съ нашей стороны участвовали: 7 батальоновъ, 8 сотенъ и 22 орудія. Съ турецкой стороны было 17 таборовъ (таборъ—тоже батальонъ). Въ настоящее время съ восточной стороны къ туркамъ продолжаютъ прибывать подкрѣпленія и ожидаютъ, что въ скоромъ времени арміи Эюба и Мехемета нашей начнутъ наступленіе, раздѣлившись на двѣ колонны: армія Эюба съ сѣвера на Бѣлу, а армія Мехемета съ юга на Тырново, во всякомъ случаѣ главныя дѣйствія сосредоточиваются въ долину Янтры. Какъ ни рѣшительно, однако, будетъ, это наступленіе, мы убѣждены въ одномъ, что наша армія, оказавшая чудеса храбрости въ самыя страшныя минуты, рассвѣтъ и эти наступленія. Что же касается западной линіи, то здѣсь, по телеграфнымъ извѣстіямъ, началось

уже генеральное сраженіе по всей линіи *Сельви-Ловча-Плевна* и что Великій Князь Главнокомандующій лично командуетъ въ Предѣлѣ (объ этомъ, впрочемъ, оффиціальныхъ извѣстій еще нѣтъ).

Официальная телеграмма Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, изъ Порадиима, отъ 27-го августа сообщаетъ слѣдующее: «27 августа на Кадакюй и Палкюй атаки не было; по занятіи турками Кацелева, рущукскій отрядъ хотя и отбилъ атаку на Аблову, но отошелъ весь на новыя позиціи. 25 августа, съ наступленіемъ темноты, наши войска западнаго отряда придвинулись къ Плевнѣ, устроили ночью батареи на высотахъ окружающихъ турецкія укрѣпленія; турки же не замѣтили этого и наши всю ночь работали безпрестанно; ровно въ 6 часовъ утра, 26 августа, наши осадныя батареи открыли огонь, сдѣлавъ залпъ; началась кононада, продолжавшаяся цѣлый день. 27 августа, въ 5½ часовъ утра, артиллерійскій бой возобновился съ большою силою.

Обообще о характерѣ нашихъ дѣйствій за Дунаемъ современіи Плевнинскаго дѣла (послѣ котораго прошло болѣе мѣсяца) нужно сказать, что онъ до сихъ поръ былъ оборонительный. Но съ ловчинскаго блестящаго дѣла наши задунайскія операціи, очевидно, вступаютъ въ новый фазисъ. Полнаго прибытія отъправленныхъ на театръ войны подкрѣпленій слѣдуетъ ожидать вскорѣ, и тогда-то вполне развернутся наши силы для рѣшительныхъ дѣйствій. Надо прибавить и то, что времени удобнаго для войны остается еще два мѣсяца. Храброй и многочисленной арміи можно въ это время совершить очень многое.

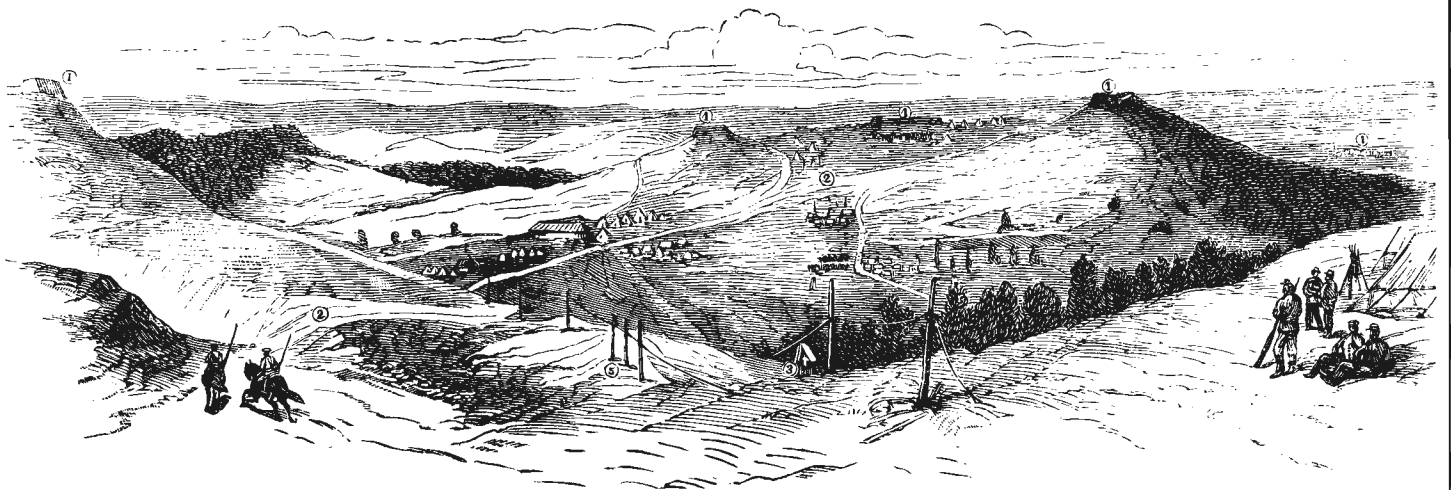
За выступленіемъ изъ Добруджи корпуса принца Гассана, военные дѣйствія здѣсь отошли на вторую планъ. Что касается Сербіи, то военныя дѣйствія съ ея стороны будутъ начаты въ самомъ непродолжительномъ времени. Берлинскій кабинетъ уже энергически побуждалъ Австрію не *мшлатъ Сербіи воювати съ Турціей*. Въ Сербіи непрерывно происходятъ засѣданія совѣта министерствъ подъ предсѣдательствомъ князя Милана, для обсужденія плана предстоящаго похода. Выбраны начальники частей для занятія важныхъ позицій. Въ числѣ ихъ находятся уже знакомыя намъ: *Харватовичъ, Лшанинъ и Николитъ*.

Что касается Закавказскаго театра войны, то изъ Тифлиса извѣщаютъ, что въ главную квартиру въ Кара-Длѣ *) прибылъ главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и лично принялъ командованіе. Чрезъ нѣсколько дней здѣсь ожидаютъ рѣшительныхъ сраженій, къ востоку отъ Карса. По побережью Чернаго моря, гдѣ дѣла наши были парализованы возставшими туземцами, напримѣръ, абхазцами, дѣла начинаютъ принимать благопріятный для насъ оборотъ. Большая часть возмущившихся, въ виду вѣроломства и разбойничества турокъ, изъявляетъ намъ покорность. Турки очистили недавно даже Сухумъ-Кале вслѣдствіе приближенія нашихъ войскъ.

Съ черногорскаго театра войны, получено телеграфное сообщеніе, что 27-го августа (8-го сентября), 9 часовъ 10 минутъ вечера крѣпость Никшичъ сдалась на капитуляцію. На цитадели города развѣвается черногорское военное знамя; воодушевленіе черногорскихъ войскъ неописанное.

Въ политическомъ отношеніи, за прошлую недѣлю, на сцену выступила Франція, событія въ которой принявшія за послѣднее время острый характеръ, еще приняли особый отъзвонъ, отъ неожиданной смерти знаменитаго старца-Тьера. Смерть Тьера, повидимому, расположила общественное мнѣніе утвердить во Франціи навсегда консервативную республику, изъ уваженія къ памяти государственнаго человѣка, стоявшаго за эту форму правленія. Съ другой стороны правительство Макъ-Магона подняло политическій процессъ противъ Гамбетты, обвиняя его въ оскорбленіи главы Франц. правительства, Макъ-Магона. Гамбетта упрекнулъ на счетъ маршала-президента, выраженіе, что онъ

*) О перенесеніи главной квартиры генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова въ Кара-Длѣ мы уже сообщали въ прошломъ обзорѣ, («Нива» № 85).

На Балканѣ. Позиція русскихъ войскъ на высотахъ Св. Николая близъ Шипки.

1) Русскія батареи, 2) Большая дорога, 3) Кустарникъ, 4) Габрово, 5) Телеграфная линия.

долженъ или подчиниться воля народа, (при предстоящихъ выборахъ) или отказаться отъ власти. Макъ-Магонъ, разумѣется не можетъ желать ни того ни другого. Но рѣзкая фраза Гамбетты уже облетѣла всю Францію, воспламенила цѣлыя массы и сдѣлалась лозунгомъ республиканской партіи со всеми ея откликами И въ то время, когда этотъ шумъ былъ поднятъ, разнеслись вдругъ слухи о коалиціи (или союзѣ) Англии, Франціи и Австріи. Противъ кого же направлена будетъ это коалиція—понять не трудно. Правительству Макъ-Магона, получившему название правительства «нравственнаго порядка», хочется отличиться блестящихъ вѣдшихъ предприятий, чтобы загладить внутренніе промахи и неудачи. За симъ, одновременно съ этимъ, раздался кличъ английскихъ политиковъ: «положить конецъ несчастной, бѣдственной и кровопролитной войнѣ». Въ связи съ слухами о коалиціи этотъ кличъ имѣетъ угрожающій смыслъ. Для кого же настоящая война извѣсѣхъ войнъ, когда либо веденныхъ, бѣдственна? Для возлюбленной Порты, конечно, этой наперстницы Великобританіи. До начатія настоящей войны миръ былъ гораздо бѣдственнѣе для балканскихъ христіанъ. Предположимъ не возможное и не желательное: положимъ, война прекратится теперь, безъ всякихъ результатовъ для балканскихъ христіанъ, тогда положеніе ихъ станетъ въдесятеро хуже: подъ ножами баши-бузукъ несчастныя христіанскія селенія истекуть кровью, а христіанская Англія будетъ издали наблюдать за кровавымъ зрѣлищемъ истребленія?.. Нѣтъ, это не возможно... Это было бы противно даже поверхностнымъ понятіямъ о справедливости, столь же обязательной для народовъ, какъ и для частныхъ мирныхъ гражданъ. А потому мы высказываемъ наше твердое убѣжденіе, что упомянутая коалиція, если таковая состоится, получить чувствительный противовѣсъ со стороны Германіи. Это тѣмъ болѣе не сомнѣнно, что одинъ изъ самыхъ солидныхъ органовъ Германской печати, «Северо-германская Всеобщ. газета» (органъ самого князя Бисмарка) на дняхъ прямо и категорически заявляетъ всѣмъ европейскимъ туркофиламъ, что они горько ошибаются, рассчитывая на податливость Россіи. Затѣмъ и сама Австрія еще не совсемъ-то готова къ коалиціи, это видно уже изъ ожидаемаго свиданія графа Андраши съ княземъ Бисмаркомъ*), такъ что отъ этого свиданія графа Андраши съ княземъ Бисмаркомъ, и зависитъ окончательное рѣшеніе Австро-Венгріи.

*) Свиданіе это, по послѣднимъ извѣстіямъ, предполагается въ Гаштейнѣ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры иллюстрированнаго журнала «НИВА» за 1875 и 1876 года продаются въ конторѣ редакціи журн. «Нива» для подписчиковъ на журналъ за 1877 г. съ уступкою 25%, т. е., вмѣсто 4 руб. за томъ по 3 руб.

Каждый томъ «Нивы» заключаетъ въ себѣ 20—25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и проч. и до 700 художественно исполненныхъ рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей. Каждый покупатель тома «Нивы» имѣетъ право на получение всѣхъ къ нему приложенныхъ бесплатныхъ премій. (Приложенія къ «Нивѣ» 1875 года 2 картины: 1) Смерть Юлія Цезаря, картина профессора Пилоти 2) Мадонна Севильская, картина Севастіана Мурильо.—Приложенія къ «Нивѣ» 1876 года: Спящая Красавица, картина Э. Велъ, печатана масляными красками въ 20 тонахъ.

Цѣна каждому тому т. е. годовому изданію съ преміями

Брошюрованному.	Въ простомъ перепл.	Въ наленкор. переп.
Безъ перес. 3 р. —	3 р. 75	4 р. 50
съ пересыл. 4 » —	4 » 75	5 » 50

Теперь нѣсколько словъ о личности покойнаго Тьера. Этотъ несомнѣнно великій государственный человѣкъ болѣе подувѣка служилъ своему отечеству съ честью и славою, показалъ рѣдкую проницательность ума въ самыхъ трудныхъ положеніяхъ и, говоря безъ преувеличанія, спасъ Францію, въ горькую годину ея, послѣ бѣдственной Франко-прусской войны, когда уже самъ несъ 80 лѣтнее бремя за плечами. Какъ человѣкъ, онъ соединялъ лучшія качества ума и сердца съ глубокими познаніями. И отечество безъ сомнѣнія, останется благодарнымъ къ великой и священной памяти этого неутомимаго старца. Въ свѣдущемъ № «Нивы» будетъ помѣщенъ его портретъ и биографія.

Изъ нижегородской ярмарки отъ 28 августа сообщаютъ, что 25-е августа—день платежей по нижегородской ярмаркѣ—миновалъ благополучно. Крупныхъ неплательщиковъ нѣтъ, мелкихъ мало. Банки жалуются на обиліе денегъ и малый спросъ; натаріусы жалуются на малочисленность протестовъ. Конецъ ярмарки вообще оживленъ, и, какъ оказывается, ярмарка прошла хорошо во всѣхъ отрасляхъ, кромѣ предметовъ роскоши и желѣза; впрочемъ, торговлѣ желѣзомъ значительно помогла разрѣшенная управляющимъ государственнымъ банкомъ, выдача ссудъ изъ государственнаго банка.

Деньги, назначенныя на торжественный обѣдъ, ежегодно даваемый кучествомъ, рѣшено употребить, на вспоможеніе приюту для сиротъ, оставшихся послѣ нижнихъ чиновъ, павшихъ въ вышнюю войну.

СОДЕРЖАНІЕ: Свиты Его Величества генералъ-майоръ Михаилъ Нвановичъ Драгомировъ (съ портретомъ) 2.—Юный Императоръ. Историческая псалъсть Вс Соловьева. Часть первая (продолженіе).—Русскіе генералы: Гурко, Раухъ, Снобелевъ, Витгенштейнъ и прусскій уполномоченный фонъ-Линницъ, передъ трупами заѣрски замученныхъ русскихъ солдатъ (съ рисункомъ).—Лань (Dama platyceros) (съ рисункомъ) Н. Зуева.—Нюстендди и его стратегическое значеніе (съ рисункомъ) О.—Угощеніе «изъ особенной бочки» (съ рисункомъ) Я.—Осужденіе на смерть баши бузукъ (съ рисункомъ).—Ханкисскій проходъ въ Балканахъ и родутъ св. Николая близъ Шипки (съ 2-мя рисунками).—Новое изобрѣтеніе.—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются: «ПАРНИСКІЯ МОДЫ» за СЕНТЯБРЬ съ 30 рисунками и отдѣльный листъ съ 28 чертежами выроекъ въ натуральную величину, съ 31 рисункомъ румодѣльныхъ работъ и 29 рисунками бунтъ для шитья бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

Поступившіе въ контору «Нивы» въ пользу пострадавшихъ славянъ отъ служащихъ на Быстрорѣцкомъ стеклянномъ заводѣ И. Х. Ланко въ Сомину 39 руб. сданы въ Главное Управленіе Общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ подлѣ квитанцію за № 2096.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8,

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ.

Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чейберсъ и К^о.

Магазинъ: Адмиралъ. Противъ Орелънннн.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 37

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 13 Сентября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
въ уже вышедшіе
номера „Нивы“.

ГODOВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.	Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж. маг. Соловьева, Лангъ и Живарева . . . 4 р. 50 к.
„ „ съ доставкою . . . 5 „	Съ пересылкою во всея города Имперіи . . . 5 „ 50 „
На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.	

Контора журнала
„Нива“ помещается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

Подписка продолжается.

ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ ВАЛЕРІАНЪ ФИЛИППОВИЧЪ ДЕРОЖИНСКІЙ.

13-го августа сего года, въ пятый день ожесточеннаго боя при Шипкѣ, о которомъ въ предыдущемъ номерѣ „Нивы“ мы уже имѣли случай дать по возможности подробныя свѣдѣнія, въ этотъ-день погибъ геройскою смертію генераль-маюръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій. Во время страшно-ожесточеннаго боя, когда наши войска мужественно отбивали одну за другой отчаянныя атаки турокъ, Валеріанъ Филипповичъ былъ смертельно пораженъ пулею въ полость сердца и осколкомъ разорвавшейся гранаты въ голову. Онъ моментально потерялъ сознание, но жизнь еще нѣкоторое время не покидала тѣла, духъ какъ бы боролся съ нимъ и какъ бы силился оживить его для того, чтобы вновь храбрый генералъ сталъ въ ряды доблестныхъ воиновъ, защитниковъ Шипкинскаго прохода въ Балканахъ. Раненаго генерала Дерожинскаго, находившагося почти въ безсознательномъ состояніи, отправили съ мѣста боя въ Габрово. Онъ уже былъ, можно сказать въ предсмертной агоніи, когда его привезли въ этотъ городъ, и вскорѣ по прибытіи, спустя не болѣе

Генераль-маюръ В. Ф. Дерожинскій.
Съ фотогр. рис. Пановъ, грав. Вейерманъ.

часа времени, Валеріанъ Филипповичъ скончался. Тѣло его, какъ передаютъ газеты, будетъ перевезено въ Петербургъ и теперь, говорятъ, уже находится въ пути. Смертельная рана выпала на долю генерала Дерожинскаго въ той же мѣстности шипкинскаго боя, гдѣ получилъ рану въ ногу генералъ Драгомировъ (портретъ котораго помѣщенъ въ предыдущемъ номерѣ „Нивы“), теперь уже, судя по газетнымъ извѣстіямъ находящійся въ совершенно безопасномъ состояніи здоровья. Эта мѣстность боя гдѣ генералы Дерожинскій и Драгомировъ были ранены, обстрѣливалась турками до такой степени сильно, что пули (по выраженію свидѣтеля боя, корреспондента англійской газеты „Daily News“) жужжали кругомъ точно рой пчелъ.

Генераль-маюръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій происходилъ изъ дворянъ Воровежской губерніи. Онъ родился 15 іюня 1826 г.; въ 1845 году, изъ унтеръ-офицеровъ перваго Кадетскаго корпуса былъ произведенъ въ прапорщики 19 артиллерійской бригады. Пройдя курсъ наукъ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, Валері-

анъ Филипповичъ Дерожинскій, въ качествѣ офицера Генеральнаго Штаба участвовалъ въ бывшей восточной войнѣ. Состоя въ распоряженіи главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами въ Крыму, онъ получилъ за отличіе чинъ капитана. Затѣмъ произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ штаба четвертой легкой кавалерійской дивизіи. Будучи потомъ произведенъ въ полковники, Валеріанъ Филипповичъ состоялъ на службѣ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба въ качествѣ наблюдателя за обучающимися тамъ офицерами. Вслѣдъ за симъ, по полученіи чина генераль-маіора, покойный Валеріанъ Филипповичъ состоялъ помощникомъ начальника пятой пѣхотной дивизіи, а потомъ уже былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Во время Севастопольской кампаніи Валеріанъ Филипповичъ былъ контуженъ въ голову осколкомъ бомбы, но эта контузія была не опасна, и скоро оправившись отъ нея, Валеріанъ Филипповичъ, потомъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ, не испытывалъ никакихъ отъ нея послѣдствій. И въ дѣлѣ подъ Шипкою, какъ сказано выше, Валеріанъ Филипповичъ, кромѣ раны въ полость сердца, былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову; но эта рана уже не была такъ счастлива, какъ севастопольская контузія: она, совмѣстно съ той раной, которая поразила Валеріана Филипповича въ полость сердца, была смертельнымъ для него концомъ.

Имя покойнаго Валеріана Филипповича было извѣстно во все продолженіе его жизни, какъ имя человѣка, вполнѣ достойнаго уваженія, отличавшагося высокими нравственными качествами. По общимъ отзывамъ лицъ, имѣвшихъ случай встрѣчаться съ покойнымъ Валеріаномъ Филипповичемъ на поприщѣ его служебной дѣятельности, онъ всегда отличался въ ней замѣчательною аккуратностью и неуклоннымъ исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей.

Покойный генераль-маіоръ Валеріанъ Филипповичъ Дерожинскій оставилъ послѣ себя жену и четырехъ дѣтей, какъ говорятъ, безъ средствъ къ жизни. Нужно замѣтить, что недале, какъ нынѣшней весной, супруга покойнаго генерала была въ Петербургѣ и хлопотала о соборіи. Дѣло въ томъ, что весной нынѣшняго года, по случаю наводненія, бывшаго въ Кременчугѣ, они потеряли все свое движимое имущество и собственный небольшой домъ. Такимъ образомъ г-жа Дерожинская въ самое короткое время потеряла и мужа, и все свое состояніе.

Само собою разумѣется, что теперь семейство покойнаго генерала будетъ надлежащимъ образомъ обезпечено, и какъ слышно, состоялось уже распоряженіе не только о выдачѣ г-жѣ Дерожинской соотвѣтствующей заслугамъ ея покойнаго мужа пенсіи, но и о принятіи ея дочерей въ одинъ изъ императорскихъ институтовъ на казенное содержаніе.

Л.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Поздно вечеромъ, вернувшись изъ спальни жены, Александръ Данилычъ заперся въ своей комнатѣ и со стономъ опустился на колѣни передъ огромнымъ кіотомъ; онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ силы для молитвы. Никогда, въ самыя тяжкія минуты своей жизни не прибѣгалъ онъ къ этому средству и вотъ теперь, когда ничего ужъ не оставалось, онъ вспомнилъ о Богѣ. Минуты шли за минутами: часъ прошелъ—другой, а князь все стоитъ на колѣняхъ, все молится: слезы бѣгутъ изъ глазъ его неудержимо—тихія, никогда неизвѣданныя имъ слезы; крупныя капли пота струятся по высокому блѣдному лбу его и съ этими слезами все тише становится въ измученной душѣ его. Еще вчера онъ былъ—ужасъ, отчаяніе, злоба и негодованіе, еще сегодня въ безсильной злобѣ проклиналъ онъ враговъ своихъ, и вотъ теперь ему кажется, что никакихъ враговъ нѣтъ, что никакого несчастья не случилось съ нимъ и что, напротивъ того, пришло спасеніе. Онъ вспоминаетъ всю жизнь свою, вспоминаетъ все, ни кому неизвѣстное, даже женѣ неизвѣстное, даже имъ самимъ позабытое—и это неизвѣстное и позабытое встаетъ теперь передъ нимъ. Оно страшно, ужасно—въ немъ все грѣхъ и преступленіе! И молится князь Александръ Данилычъ и бьетъ себя въ грудь, неліцемерно раскаиваясь во всѣхъ темныхъ дняхъ своего величія, и чудится ему, что тутъ сейчасъ, за его спиной стоитъ огромный страшный призракъ великаго императора, обманутаго друга. „Рабъ неблагодарный,—шепчетъ этотъ призракъ,—не я ли вывелъ тебя изъ ничтожества, не я ли возвелъ тебя паче заслугъ твоихъ на верхъ земнаго величія; не я ли, въ слабости моего сердца, прикрывалъ всѣ твои беззаконія, прощалъ тебѣ многократно, тогда какъ долженъ былъ карать ради Божеской и человѣческой справедливости. Чѣмъ же заплатилъ ты мнѣ за это! была ли не лицемерна любовь твоя, помышлялъ ли ты непрестанно о благѣ государства, ввѣреннаго въ твои руки—нѣтъ, ты забывалъ о немъ, ты только о себѣ думалъ! И вотъ ты проникъ въ самыя нѣдра моего соейства, ты посѣялъ зло въ дому моемъ, и еще себя же считаешь оскорбленнымъ! Смирись, рабъ лицемерный, смирись и моли Господа, чтобы онъ простилъ грѣхи твои; долгимъ расканіемъ, тяжелыми днями заглади вина свои“. И молится, все молится князь Александръ Данилычъ и тише, неслышнѣе становится шопотъ огромнаго призрака. Вотъ ушелъ этотъ при-

зракъ—нѣтъ никого, только Богъ одинъ слышитъ раскаивающагося грѣшника, и невѣдомая отрадная тишина и душевное спокойствіе нисходятъ въ мятежную его душу. Неузнаваемымъ, обновленнымъ человѣкомъ всталъ Меншиковъ со своей долгой молитвы: не было злобы и не было теперь въ немъ отчаянія. „Все къ лучшему: Богъ вспомнилъ обо мнѣ, думалъ онъ,—нужно молиться, нужно замаливать грѣхи свои“. И пошелъ князь къ женѣ и на колѣняхъ сталъ просить у нея прощенія и просилъ прощенія у дѣтей своихъ и вышелъ отъ нихъ совсѣмъ успокоенный. Къ нему пришли и спросили его, не пожелаетъ ли онъ выпросить себѣ что нибудь у Государя, потому что на завтра назначенъ его выѣздъ.

— Ничего мнѣ не надо, отвѣтилъ Александръ Данилычъ,—спросите жену, спросите дѣтей, быть можетъ они что нибудь скажутъ, а я у Его Императорскаго Величества прошу одной только милости, съ великою покорностью прошу я ее: пускай повелѣтъ изволить, что-бы дохтуръ мой и лекаръ шведской породы и полоненный и при мнѣ живущій съ двадцать лѣтъ, со мною былъ отпущенъ

Государь разрѣшилъ Меншикову исполненіе этой просьбы и одновременно съ тѣмъ повелѣлъ, что-бы впредь обрученной невѣсты въ церквахъ не поминали и что-бы немедленно взяли у Меншикова большой яхонтъ. „Только поскорѣ бы всѣ они уѣхали отсюда, объявилъ Императоръ“. И въ тотъ же день, въ четыре часа по полудни, назначенъ былъ отъѣздъ Меншиковыхъ. Бѣдная княгиня Дарья Михайловна неосновательно боялась казни мужа. Повуда Государь отнесся къ нему весьма милостиво; онъ не хотѣлъ ему зла, онъ хотѣлъ только отъ него избавиться—хотѣлъ знать что бывшій лютой врагъ далеко, что нечего бояться столкновенія съ ненавистнымъ человѣкомъ и чуть ли не больше еще ненавистной невѣстой.

Къ четыремъ часамъ вокругъ дома Меншикова, по набережной Васильевскаго острова, собрались толпы разнаго люда со всѣхъ сторонъ Петербурга. Давка была страшная: всѣмъ хотѣлось взглянуть на павшаго вельможу и на его домочадцевъ, на царскую невѣсту. Вотъ одинъ за другимъ стали подѣзжать къ большому крыльцу кареты шестернями; вотъ настаетъ растворились двери. Кто былъ ближе, тотъ увидѣлъ высокую, согбенную фигуру вчерашняго властелина; за нимъ ве-

ли подъ руки почти недвижимую Дарью Михайловну. Свѣтлѣйшій князь сѣлъ съ женою и свояченицею Варварой Арсеньевой, раздѣлявшею ихъ участь, въ первой каретѣ. Онъ ни на кого не взглянулъ, хотя сотни глазъ были устремлены на лице его; всѣ поразились необычайной перемѣной, произошедшей въ Меншиковѣ. Онъ имѣлъ видъ дряхлаго изнуреннаго болѣзнью старика, по въ то же время лицо его было совершенно спокойно: на немъ не отражалось ни смущенія ни отчаянія.

Княгиня Дарья Михайловна тоже ни на кого не взглянула и ежесекундно крестилась.

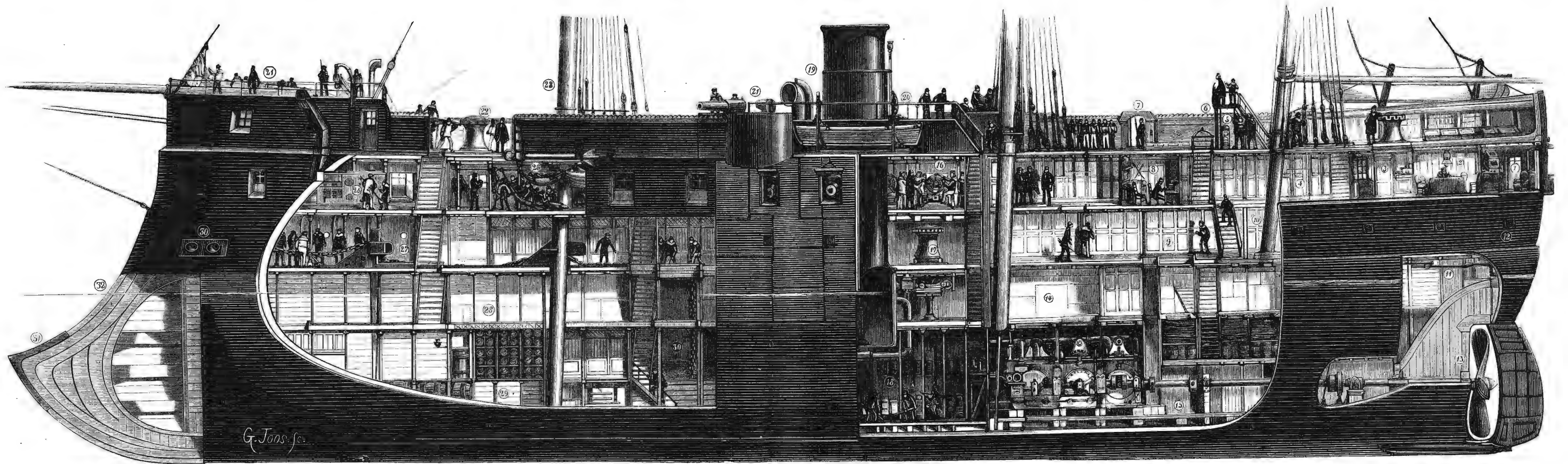
Вотъ ихъ карета отъѣхала нѣсколько шаговъ и остановилась; за нею къ крыльцу подъѣхала другая. Въ эту карету помѣстился молодой князь Меншиковъ. Онъ прикрылъ плащомъ все свое лицо, такъ что никто его не видѣлъ; съ нимъ вмѣстѣ усѣлась старая, крошечная карлица. Отъѣхала и эта вторая карета. Быстрое движеніе прошло въ толпѣ народа всѣ разомъ устремились взорами къ дверямъ, изъ которыхъ сейчасъ должна была появиться бывшая царская невѣста. Вотъ и ей подана карета. вотъ и она показалась—но никто не увидѣлъ лица ея; она такъ же, какъ и братъ, его закрыла. Младшая сестра ея княжна Александра, шедшая за нею, горько плакала неудержимо всхлипывая какъ ребенокъ. Она не думала закрываться отъ постороннихъ взоровъ, она забыла, что толпы народа смотрятъ на нее. Отъѣхала и третья карета. Въ четвертую сѣлъ братъ княгини Дарьи Михайловны, Арсеньевъ, и другіе приближенные люди,—всѣ, начиная съ свѣтлѣйшаго князя были одѣты въ черное. Послѣ четвертой кареты стали приближаться экипажи, наполненные слугами и вещами. Поѣздъ былъ огромный, его сопровождалъ гвардейскій капитанъ съ отрядомъ въ сто двадцать человекъ. По знаку этого капитана поѣздъ наконецъ тронулся вдоль набережной и народъ тихо пошелъ за нимъ переговариваясь, передавая другъ другу свои замѣчанія. Быстро распространялись всевозможные слухи. Вотъ въ одной кучкѣ толкуютъ о томъ, что теперь открылись всѣ преступленія и злодѣянія Меншикова; что онъ хотѣлъ совсѣмъ отстранить Государя и самому короноваться на престолъ русскій. Говорили, что найдено письмо Меншикова ко двору прусскому, въ которомъ онъ проситъ дать ему взаймы десять милліоновъ, обѣщаясь возратить вдвое какъ только сдѣлается Императоромъ. Вотъ въ другой кучкѣ за самое вѣрное передаютъ, что съ недавняго времени началось у аленки гвардейскихъ офицеровъ для того, чтобъ замѣнить ихъ людьми преданными Меншикову; толкуютъ о завѣщаніи Екатерины I. Но о завѣщаніи говорятъ уже не въ толпѣ народа, а въ кружкахъ болѣе близкихъ ко двору. Увѣряютъ тутъ же, что герцогъ Голштинскій и Меншиковъ заставили Цесаревну Елизавету подписать это завѣщаніе вмѣсто матери, которая ничего о немъ не знала. „Теперь не одобровать и голштинскому двору: вонъ ужъ министръ голштинскій какимъ мрачнымъ ходитъ. Ну, а что жь Меншиковы—неужь-то такъ ихъ и оставятъ въ Ораніенбургѣ на свободѣ,—развѣ это кара за столь великія злодѣянія?“ И дальнзоркіе люди отвѣчали на такіе вопросы:—„конечно не оставятъ. Самаго Данилыча вмѣстѣ со свояченицей Арсеньевой Варварой заплотъ въ Сибирь—потому, эта Варвара тоже много мудрила,—ну а жену съ дѣтьми оставятъ на свободѣ. Въ концѣ концовъ всѣ такъ полагали, что быть можетъ и никого ужъ не будутъ засылать въ Сибирь—навѣрно и Александръ Данилычъ и Дарья Михайловна проживутъ не долго—лица на нихъ нѣтъ, еле шевелятся, не жильцы они на свѣтѣ И всякій кто успѣлъ взглянуть на свѣтлѣйшаго и на бѣдную княгиню въ послѣдніе дни не могъ не согласиться съ вѣрностью этого предсказанія.

XIII.

Прошло нѣсколько дней. Пустой запертый и заколо-

ченный стоитъ меншиковскій домъ, какъ будто долгіе годы никто не живетъ въ немъ. Тихо вокругъ него, только вѣтеръ осенній гуляетъ по широкому двору, мечется по саду и обрываетъ на лету желтѣющіе листья и съ жалобнымъ шопотомъ крутятся они и падаютъ на землю. И дальше мечется вѣтеръ, хочетъ забраться въ опустѣвшіе покои; бьется въ окна и дребезжатъ отъ его напора стекла—но туда, во внутрь, ему не прорваться, и съ жалобой летитъ онъ обратно и опять крутитъ листья, опять клонитъ къ землѣ древесныя вѣтки. Вотъ добрался онъ до садовой бесѣдки—эхъ, дверь-то запереть забыли—рванулъ онъ ее что есть силы и распалхулась она—соскочила съ петель и упала. Ворвался вѣтеръ въ бесѣдку—все въ ней тихо; стоятъ парчевыя скамейки, стоятъ вычурныя столики—это была любимая бесѣдка княженъ. Здѣсь еще недавно услышала княжна Александра признаніе своего жениха; здѣсь допрежь того и княжна Марія не разъ слушала сладкія льстивыя рѣчи. Гдѣ теперь всѣ эти любезники, всѣ эти вздыхатели, гдѣ теперь бѣдныя дѣвушки? Въ далекое изгнаніе ѣдутъ онѣ—и вотъ погнался имъ въ догонку вѣтеръ и нагналъ ихъ на большой дорогѣ.

Все также медленно, съ печальной торжественностью подвигается огромный княжескій поѣздъ. Ему на встрѣчу выходятъ люди окрестные и розинувъ рты смотрятъ на это невиданное зрѣлище. На-глухо закрыты окна первой кареты, спущены извнутри шелковыя шторы; душно въ каретѣ, но ни князь, ни княгиня не замѣчаютъ духоты. Они оба ушли въ свой внутренній міръ и только изрѣдка переговариваются другъ съ другомъ: ихъ рѣчи тихи и спокойны. Только видимо съ каждымъ днемъ слабѣетъ княгиня, врядъ ли доѣдетъ, да и князь совсѣмъ плохъ;—скоро, скоро сбудется предсказанія петербуржцевъ. Заглянулъ вѣтеръ во вторую карету—не интересно: спитъ крѣпкимъ сномъ молодой Меншиковъ, да что же ему теперь и дѣлать какъ не спать? На яву печальныя мысли приходятъ—а во снѣ все забывается. Рядомъ съ нимъ не спитъ, а зорко смотритъ по сторонамъ безобразная карлица. Забралась она на широкое сидѣнье кареты съ ногами и сидитъ какъ комъ какой, горбъ спереди, горбъ сзади, шея совсѣмъ нѣтъ, голова между горбами какъ шишка какая. Зло посматриваетъ карла и все ворчитъ что-то себѣ подъ носъ. Влетѣлъ вѣтеръ прямо въ открытое окошко кареты и съ размаху ударилъ въ лице безобразной карлѣ, сдулъ у нея платокъ съ головы, растрепалъ сѣдые волосы, такъ и забрается въ глаза, въ носъ, въ уши, такъ и свиститъ, проклятый. „Эхъ, чтобъ тебя!“ крикнула карла и захлопнула окошко кареты—едва успѣлъ вылетѣть вѣтеръ. И закружился онъ кругомъ третьей кареты, сидятъ въ ней двѣ княжны. Марья Александровна ужъ не скрываетъ лица своего—никто теперь ее не видитъ. Блѣдна она, бѣдная, такъ стала, что страшно взглянуть на нее, щеки ввалились, губы поблѣднѣли, кругомъ глазъ—синева. Много слезъ выплакало княжню, измучено давно уже ея сердце и не теперь это началось—не въ послѣднее время. Вся жизнь какъ то не удалась Марьѣ Александровнѣ: выросла она дичкомъ, не любимую дочерью; не на радость пришло ей и неожиданное величіе. Она никогда не заблуждалась и все очень ясно видѣла. Въ то время еще какъ отца ея всѣ считали не движимымъ, не разрушимымъ „статуемъ“, а въ ней видѣли будущую государыню—она сама никогда не вѣрила своей свѣтлой долѣ. Разъ только въ жизни и показалось ей, что она счастлива,— это было еще при императрицѣ Екатеринѣ—полюбила она молодого польскаго выходца Сапѣгу, и онъ ей строилъ свои комплименты—и было почти рѣшено относительно ея брака съ Сапѣгой. Но вотъ въ одинъ день все передумано: императрица выдала за Сапѣгу свою племянницу, Скваронскую, а Меншиковъ предназначилъ дочь въ царскія невѣсты. И такъ все это рѣшилъ Александръ Данилычъ и даже за

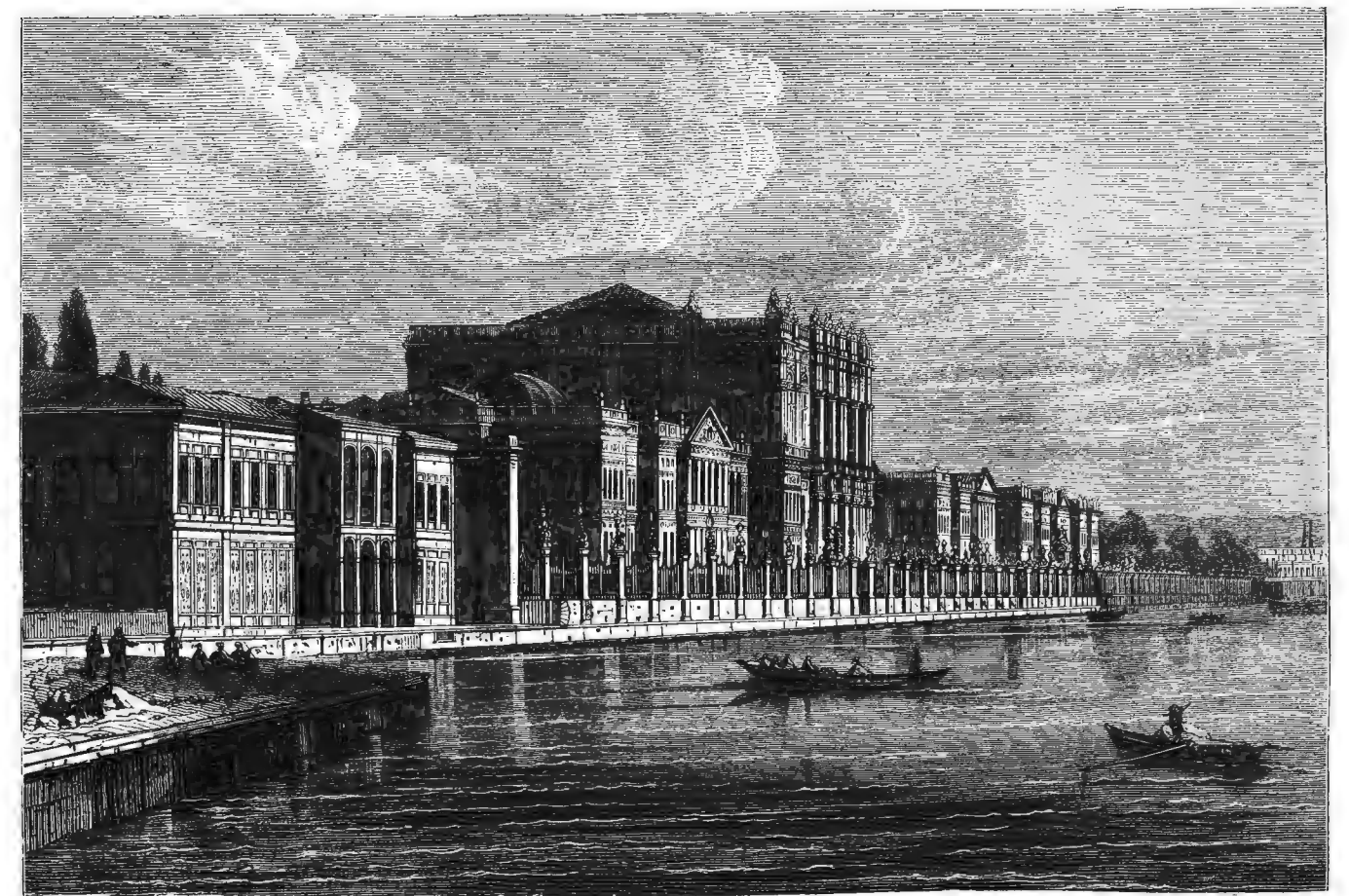

Внутренний вид большого военного корабля (въ разрёзѣ). Грав. Г. Юосъ.

1. Комнаты коменданта броненосца. 2. Столовая коменданта. 3. Кухня коменданта. 4. Комната, ведущая изъ кухни въ столовую. 5. Помѣщеніе для рулевого. 6. Подъемный мостикъ. 7. Мѣсто для караульного. 8. Комната помощника коменданта. 9. Комната для офицеровъ. 10. Лѣстница для схода. 11. Гладовая. 12. Комната для офицеровъ. 13. Спиральная лѣстница. 14. Комната для гардемариновъ. 15. Паровыя машины. 16. Блиндированный укрѣпленный пунктъ. 17. Помѣщ. на случай пожара. 18. Помѣщеніе, гдѣ производится топка. 19. Печная труба. 20. Лѣстница, по которой долженъ входить вахтенный офицеръ. 21. Маленькія блиндированныя башни, вооруженныя пушками. 22. Ворота. 23. Фокъ-мачта. 24. Бустринтъ-мачта. 25. Мѣсто отдыха экипажа. 26. Бортовой госпиталь. 27. Бытенги, вокругъ которыхъ вращаются цѣпи. 28. Кухни. 29. Камора для пороху. 30. Клязы (цѣпи спускающіяся въ колодцы). 31. Носъ броненосца. 32. Черта, опредѣляющая поверхность воды. 33. Камора для канатовъ. 34. Камора для бомбъ. 35. Трюмъ для храненія винъ и Камбусъ (мѣсто, гдѣ раздають на корабляхъ провіантъ). 36. Трюмъ для храненія овощей. 37. Камора для пороху. 38. Камора для угля. 39. Трюмъ для воды. 40. Помѣщеніе для начальствующихъ.

Конвоированіе плѣнныхъ турокъ черезъ Систово. Ориг. рис. нашего спеціальнаго корреспондента Н. Каразина, грав. Вейерманъ.

Султанскій дворецъ Дольма Бахче въ Константинополѣ. Съ фотографіи грав. Пейне.

нужное не счелъ поговорить съ дочерью; впрочемъ развѣ возможно было ей протпвиться—и она не протпвилась, она только забиралась къ себѣ, да плакала въ одиночествѣ. Ночи не спала и все отъ всѣхъ скрывала Марья Александровна и никто не зналъ сколько на душѣ у нея горя, да никто объ этомъ и не справлялся: съ дѣтства никто не любилъ ее, съ дѣтства никому она не нравилась. Началась новая жизнь: передъ княжной ежеминутно стали появляться новыя лица, на которыхъ она прежде не обращала вниманія и для которыхъ не существовала сама—теперь эти новыя лица униженно ей кланялись, заискивали, ловили каждое ея слово, теперь представлялись они самыми преданными друзьями. Но ни одному изъ нихъ не вѣрила Марья Александровна: хорошо она знала, что все это значить и хорошо понимала, что придетъ день и разомъ всѣ преданные друзья эти опять отъ нея отвернутся—такъ оно и вышло. Хорошо еще, что на свободѣ ее оставили, хорошо, что такъ скоро все разыгралось, а то бы тамъ прожить долгіе годы съ постоянной мыслью о вѣрной медленно приближающейся гибели... О, это было бы такое мученье! Теперь конечно лучше... да что и думать—княжна никого и ничего не жалѣла, жалѣла она одного только человѣка, который еще недавно былъ такъ близокъ съ нею, о которомъ она мечтала, какъ о будущемъ мужѣ—человѣкъ этотъ былъ все тотъ же Сапѣга. Въ послѣднее время только одна и была радость у княжны—мелькомъ увидать его, не сказать ему ни слова, а только посмотреть, услышать, его голосъ и потомъ долго жить этой минутой. „Вотъ теперь никогда ужъ его не увидить, не будетъ даже знать гдѣ онъ и что съ нимъ, да и никого не увидить... Можетъ, такъ и лучше... скоро, скоро все это кончится... Скоро, скоро шепчетъ ей на ухо вѣтеръ,—сама знаешь, что скоро... И летить вѣтеръ прочь отъ бѣдной княжны, онъ знаетъ, что и года не пройдетъ, какъ станетъ онъ носиться надъ ея могилой въ странѣ далекой и холодной—въ Сибири. Теперь подлетаетъ онъ къ другой княжнѣ, къ Александрѣ Александровнѣ; она тоже, бѣдная, все плачетъ, опухли и покраснѣли прекрасные глаза ея... но въ ней еще много жизни, много молодости, она еще не все потеряла, хоть потеряла многое. Она еще вѣрить, еще ждетъ чего-то, еще не намѣрена расстаться съ жизнью—и вѣтеръ свиститъ ей въ ухо: „не плачь, успокойся, проглянетъ тебѣ солнце, опять будешь ѣхать по этой дорогѣ, опять блескъ и шумъ окружатъ тебя и снова услышишь ты лъстивыя рѣчи... а все же не на долго, не на долго... и ты уйдешь за ними, за всѣми, не на радость, не на счастье родились вы, безталанные!“ И вотъ дальше мчится вѣтеръ и грустно и злобно рветъ онъ все, что попадаетъ ему на встрѣчу... Къ рѣкѣ подлетитъ—вздуются и зашумятъ волны; на дерево паткнется—скрипитъ дерево, трещатъ сучья; тутъ поднимаетъ пыль столбомъ, залѣзаетъ въ глаза пѣшеходу, тамъ врывается въ плохо притворенную дверь бѣднаго жилища и студитъ его, студитъ и никакъ не выпнать его хозяевамъ. И опять, наскучивъ этими забавами, летитъ осенній вѣтеръ ко взморью, къ Невѣ шпрокой и опять вѣется вокругъ Меншиковскаго заочленного дома и вздувая Неву пробирается на другой берегъ къ Петровскому старому саду, откуда разлетѣлись привозныя птицы. А придворная жизнь идетъ своимъ чередомъ, оживленно и шумно—всѣ разомъ вздохнули свободно, всѣ рады, что далеко Меншиковъ. Новыя заботы, новые интересы у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ: Меншиковыхъ нѣту, такъ нужно дѣлать ихъ наследство—кто же его подѣлить? передъ кѣмъ придется снова склоняться, кому уступать дорогу? Хитрый нѣмецъ Андрей Ивановичъ—вотъ теперь первое лицо и всѣ это хорошо понимаютъ. Понимаетъ это конечно и самъ онъ, но знаетъ, что труденько держаться Не разрѣшимый вопросъ стоитъ передъ Андреемъ Ивановичемъ:—вѣдъ

онъ воспитатель Императора, значить нужно хорошо воспитать его, нужно выучить, а Петръ совѣмъ теперь учиться не хочетъ—хочетъ жить въ свое удовольствіе. Какъ тутъ быть, чтобъ и совѣсть успокоить, да и себѣ вреда не поправимаго не сдѣлать?.. При Меншиковѣ даже лучше было. Тогда Остерманъ былъ добрый снисходительный человѣкъ,—особенно рядомъ съ свѣтлѣйшимъ,—онъ не налегалъ такъ какъ тотъ... ну, а теперь нѣту этого сравненія. Всякое замѣчаніе неприятно Петру! вотъ онъ всѣ ночи на пролетъ гуляетъ съ молодымъ камергеромъ, княземъ Иваномъ Долгорукимъ; ложится въ 7 часовъ утра. Зайкнется Андрей Ивановичъ о необходимости учиться—Петръ станетъ сумраченъ, раздражать его не годится: и извертывается Андрей Ивановичъ и успокоиваетъ себя своими неутомимыми трудами на пользу государства.

Ну, а другіе?—ктоже эти другіе? конечно, князя Долгорукие; ихъ не смущаетъ совѣсть, они знаютъ свое дѣло и дѣло ихъ заключается только въ томъ, чтобъ во всемъ угождать юному Императору, чтобъ быть ему пріятными. Они хорошо знаютъ, что только этимъ способомъ и можно имъ удержаться, а не то—бѣда: вотъ явятся враги и спихнутъ ихъ также какъ сами они спихнули Меншикова. Вотъ ужъ и явились враги; пріѣхалъ знаменитый князь Голицынъ. Опять собрался родственникъ совѣтъ у Долгорукихъ: какъ быть съ Голицыннымъ? Василій Лукичъ объявилъ, что бояться особенно нечего: князь Голицынъ въ фаворѣ не будетъ—не таковъ онъ человѣкъ, онъ ни за что не можетъ отказаться отъ своей самостоятельности, не можетъ смотрѣть въ глаза; постоянно угождать, да и характеръ у него тяжелый: самъ себѣ повредитъ сразу.

Князю Ивану Долгорукому на этомъ родственномъ совѣтѣ было поручено поскорѣй сообщить Императору о томъ, что Голицынъ въ послѣднее время свелъ дружбу съ Меншиковымъ и съ нимъ переписывался. Конечно Иванъ аккуратно исполнилъ это порученіе и легко добился того, что Петръ даже немного поморщился когда ему доложили, что князь Михайло Голицынъ явился и ждетъ аудіенціи.

Петръ хорошо зналъ обо всѣхъ заслугахъ Михайлы Голицына, и скрывъ свое неудовольствіе, вышелъ къ нему и встрѣтилъ его очень ласково. Но Василій Долгорукой былъ правъ, говоря, что князь Михайло самъ себѣ повредитъ своимъ характеромъ. Послѣ первыхъ словъ Голицына сейчасъ же началъ:

— Много переменъ засталъ я здѣсь, Ваше Величество, вотъ и свѣтлѣйшаго князя Меншикова нѣту.

Петръ нахмурилъ брови.

— А что-жь, князь, развѣ тебѣ хотѣлось, что-бы онъ былъ здѣсь?

— Я этого не сказала, отвѣтилъ Голицынъ,—Меншиковъ мнѣ не другъ и не свой, а только, по истинѣ, Ваше Величество, не могъ я не смутиться, узнавъ что такой заслуженный, государственный человѣкъ, помощникъ Петра Великаго, удаленъ такъ скоро, сосланъ безъ суда... Коль есть его вина великая, такъ все на судѣ бы и открылось—а безъ суда ссылатъ человѣка не ладное дѣло.

Юный Императоръ ничего не отвѣтилъ и очень сухо простился съ Голицыннымъ.

Долгорукие торжествовали. Теперь имъ некого бояться, развѣ что Остермана, но Остерманъ—одинъ, его можно сдѣлать безвреднымъ, а уничтожить, удалить не годится: на комъ же дѣла тогда останутся? князя Долгорукие любятъ пожить въ свое удовольствіе: отъ дѣла не бѣгаютъ, да и дѣла не дѣлаютъ, если можно свалить его на кого другого. И на кого же сваливать, какъ не на Остермана, благо работаетъ неустанно: нигдѣ не сыскать такого работника—и рѣшено до времени вслѣдственно беречь Остермана.

XIV.

Баронъ Андрей Ивановичъ только что вернулся домой изъ засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Съ ранняго утра, не переставая, работалъ онъ и теперь дѣйствительно уже, не притворяясь чувствовалъ себя уставшимъ. Но дома, въ его скромной семейной обстановкѣ, его ожидало успокоеніе. Заботливая жена, къ возвращенію мужа, приготовила обѣдъ: сама позаботилась о томъ, чтобы все были вкусныя и любимыя Андреемъ Ивановичемъ яствя. Сама она накрыла ему приборъ, поставила серебряную стопку и бутылку англійскаго пива.

Андрей Ивановичъ, переодѣвшись у себя, вошелъ въ столовую и съ удовольствіемъ замѣтилъ заботливыя приготовления жены. Здѣсь, въ этой маленькой столовой, онъ былъ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ привыкли его видѣть всѣ его знавшіе. Здѣсь онъ былъ самъ собою, даже лицо его измѣнялось; спадала съ него его сдержанность. Онъ не думалъ ужь больше о томъ, что говорить и какъ держать себя; теперь глаза его, обыкновенно опущенные и рѣдко глядящіе прямо на собеседниковъ, искрились и спокойно и ласково обращались къ вѣрному другу—женѣ.

— Охъ, усталъ, мейнъ герцхенъ, сказалъ онъ,—давай скорѣй обѣдать.

Повторять приказанія было нечего: все было уже готово. Утоливъ свой аппетитъ, Андрей Ивановичъ покурилъ трубочку, прихлебывая пиво.

Никто, глядя на него, не призналъ бы въ немъ одного изъ величайшихъ государственныхъ людей того времени, тонкаго дипломата, искуснаго интригана. Онъ былъ теперь добрымъ, жирнымъ нѣмецкимъ буржемъ, созданнымъ, казалось, для тихой семейной жизни. Для трубки и стопки пива—и ничего такъ не любилъ онъ на свѣтѣ какъ эти рѣдкіе свободные часы, этотъ старый потертый, теплый шлафрокъ, старую трубку и пиво.

— Ну что, какъ тамъ у васъ, спросила баронесса Марфа Ивановна, видя что мужъ отдохнулъ и теперь самъ радъ будетъ побесѣдовать съ нею.

— Да что тамъ, все такъ же... Спасибо что никто въ дѣла не вмѣшивается и вольно мнѣ дѣлать все по своему. Вотъ люди—каждый готовъ утопить меня въ стаканъ съ водою, а лѣнь у нихъ все же пуще вражды и ненависти, утопить, такъ вѣдь работать будетъ нужно, а этого они не любятъ. А ужь какъ ненавидятъ, какъ ищутъ придратъ къ чемунибудь,—вонъ наемдн Головкинъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „странное дѣло, говоритъ, Андрей Ивановичъ, что воспитаніе нашего монарха поручено вамъ.“ А почему, говорю, странное дѣло? „А потому, отвѣчаетъ, что вы человѣкъ не нашей вѣры, да и никакой кажется.“

Марфа Ивановна ничего на это не сказала и сдѣлала видъ, что занята перестанавливаніемъ посуды на столѣ. Она сама не разъ уже подумывала о томъ, какой вѣры ей добрый мужъ Андрей Ивановичъ. Не разъ и она поднимала съ нимъ религиозные вопросы, но всегда какъ то очень быстро и ловко отдѣлывался отъ подобныхъ разговоровъ и это обстоятельство очень смущало баронессу. „Видно, нѣтъ на свѣтѣ совершеннаго человѣка, думала она,—все хорошо, а одного чего нибудь всегда не достаетъ человѣку.“ И она усердно молилась Богу и просила его, чтобы онъ простилъ рабу своему Андрею всѣ грѣхи его вольные и невольные.

— Ну а Государь что теперь дѣлаетъ, поспѣшила она переимѣнить разговоръ, который могъ сойти на неприятную почву и разстроить Андрея Ивановича,—былъ онъ сегодня въ Совѣтѣ?

— Не былъ, матушка, не былъ, когда онъ бываетъ! Въ первыя двѣ, три недѣли послѣ Меншикова пріѣзжалъ, а теперь и глазъ не кажетъ—не тѣмъ занятъ—веселится все. Просто не знаю что и дѣлать! Знаешь

вѣдь что вчера было,—хотѣлъ сказать тебѣ, да не успѣлъ—вѣдь я вчера имѣлъ большое объясненіе съ Государемъ—право, сердце у меня не на мѣстѣ, что я за воспитатель. Вотъ вчера, оставшись съ нимъ наединѣ и говорю ему: Ваше Величество, исполни мою сердечную просьбу—уволь меня отъ должности твоего воспитателя, ибо иначе придется мнѣ строгій отчетъ дать; вѣдь долженъ я слѣдить за тѣмъ, чтобы Ваше Величество учились изрядно, а Ваше Величество только о весельи думаете. Отпусти ты меня, Христа-ради, назначь на мое мѣсто кого другого.

— Ну, что же Государь, что онъ сказалъ—поспѣшно спросила баронесса.

— Очень ужь онъ изумился. Потомъ заплакалъ, сталъ просить, умолять меня остаться. „Не оставляй меня, говоритъ, Андрей Ивановичъ, никого другого кромѣ тебя не хочу—да и кого найду я, а тебя люблю сердцемъ и почитаю. Я знаю что ты имѣешь право быть недовольнымъ мной. Я знаю, что веду себя не хорошо“. Вотъ и говорю я ему: такъ если самъ знаешь Государь—отчего не исправиться, у человѣка воля должна быть, твердость. Видишь, что нужно идти на право, зачѣмъ же идешь на лѣво. Смотрю я, Государь еще пуще плачетъ. „Прости, говоритъ, меня Андрей Ивановичъ,—исправлюсь, буду учиться.“

— Ну, что-жь, это хорошо, сказала баронесса.

— То есть одно не дурно, что еще не успѣли его отвратить отъ меня любить, да и сердце у него доброе—а другого ничего хорошаго нѣтъ, потому хотъ и обѣщаль онъ мнѣ это вчера утромъ, а къ вечеру за старое принялся: не преодолѣлъ искушенія—всю ночь пробѣгалъ по городу съ Долгорукимъ.

— Охъ, ужь этотъ Долгорукій, озабоченно покачала головой баронесса.

— Да, нечего сказать,—что ни день, то хуже, просто язва этотъ Долгорукій, заговорилъ опять Андрей Ивановичъ. Чай слышала ты, что онъ теперь съ княгиней Трубецкой водится—такъ, что теперь вышло, говорить о томъ стыдно. Вѣдь князь то Никита Трубецкій, не Богъ знаетъ кто: и дѣвняя фамилія и на виду,—а знала бы ты какъ съ нимъ обращается этотъ Долгорукій—ни стыда, ни совѣсти. Пьянствуетъ у него въ домѣ, ругаетъ его, даже бьетъ, мнѣ говорили,—а тому что-жь дѣлать? Кто сладить съ фаворитомъ, вѣдь теперь иначе его ужь и не называютъ. Вонъ пробовалъ я вчера Государю о немъ заикнуться, такъ поблѣднѣлъ тотъ даже: „Нѣтъ, сказалъ, не говори ты мнѣ, Андрей Ивановичъ, ничего дурного про моего друга, онъ мнѣ теперь замѣсто брата, такъ люблю я его и ни кому, слышишь ты, говоритъ, Андрей Ивановичъ, никому не позволю его обижать“. Да развѣ одна Трубецкая, опять раздражительно заговорилъ Андрей Ивановичъ,—позоръ, срамъ что онъ такое творить началъ: ко всѣмъ пристаеъ, никому отъ него нѣтъ спасенья—а за нимъ и другіе молодчики примѣру его слѣдуютъ, хотъ бы иностранныхъ президентовъ постыдились. Тѣ ужь своимъ дворамъ отписываютъ, что въ Россіи честь женская въ такой же безопасности, какъ во градѣ, взятомъ непріятелями-варварами. До чего онъ дойдетъ, этотъ Долгорукій, помыслить страшно, да и Государя совратить. Ну теперь молодъ тотъ еще, а время то идетъ скоро, годъ, другой пройдетъ, выростетъ—ахъ, Боже мой, право страшно подумать!

Въ это время въ комнату вошла служанка и объявила, что пріѣхали великая княжна Наталья. Остерманъ засуетился, вскочилъ изъ за стола и побѣжалъ къ себѣ переодѣваться. Баронесса встрѣтила великую княжну поклонами, разсыпалась въ благодарности за высокую честь, которую та имъ оказала своимъ посѣщеніемъ.

— Очень Андрея Ивановича нужно видѣть, что онъ дома,—спросила Наталья.

— Дома, дома, принцесса, сейчас выйдет.

Андрей Иванович не заставил себя дожидаться, а баронесса поспѣшно вышла изъ комнаты, чтобы не стѣснять царевну своимъ присутствіемъ.

— Чѣмъ заслужилъ я, ваше высочество, такую честь? почтительно говорилъ Остерманъ.

— Какая честь, Андрей Иванычъ, озабоченно проговорила великая княжна, — поговорить нужно съ вами да такъ чтобъ никто не зналъ. Вотъ каталась и захала.

— Развѣ случилось что, принцесса?

— А развѣ у насъ проходитъ день, чтобы чего нибудь неслучилось? Сегодня утромъ у меня опять было объясненіе съ братомъ, не могу я смотрѣть на него равнодушно, уморять они его — и великая княжна заплакала и сквозь слезы продолжала — какъ есть у м о р я т ь! Вѣдь онъ въ семь часовъ утра теперь спать ложится: гдѣ бываетъ, что дѣлаетъ — не знаю я. Сегодня лица на немъ нѣтъ, блѣдный такой, да посмотрѣла я, и глаза у него красные, точно плакалъ. „Петичка, говорю, ты плакала — признайся: ну вотъ онъ и признался, что точно плакалъ и причиной этихъ слезъ цесаревна Елисавета; или съ Долгорукиимъ онъ, или у нея. Третьяго дня два раза звать его посылала, а онъ такъ ко мнѣ отъ нея и вышелъ. Голубчикъ, Андрей Иванычъ, — га какой конецъ все это, помощи, посоветуй мнѣ, какъ спасти его. Я все терпѣла, все молчала послѣднее время, но такія дѣла теперь узнала, что молчать не могу больше.

— Что же вы узнали такое, принцесса? тихо спросилъ Андрей Иванычъ.

— А то, что цесаревна смѣется надъ нимъ — мучить его, она вотъ съ Бутурлинымъ его на смѣхъ поднимаютъ, вѣрные люди мнѣ это сказали.

— А Бутурлинъ у нея часто бываетъ? спросилъ Остерманъ.

— Почти и не выходитъ отъ нея, отвѣчала Наталья, и глаза ея засверкали.

— Ну что-жь — это ничего, успокойтесь принцесса, одобряющимъ голосомъ заговорилъ Андрей Ивановичъ, — успокойтесь, принцесса, можетъ въ Бутурлинѣ все наше спасенье. Уже я все разузнаю и посмотрю, что надо дѣлать. Утрите же ваши свѣтлыя глазки, вы совсѣмъ

недурныя вѣсти принесли мнѣ. Сами увидите, все къ лучшему повернется.

— Да, хотя бы и такъ — на долго ли прощптала великая княжна.

— Ну, это другое дѣло, — развелъ руками Андрей Ивановичъ.

Царевна уѣхала и Остерманъ остался опять вдвоемъ съ женою, онъ не рассказывалъ ей о своемъ разговорѣ съ великой княжной, онъ хорошо зналъ что она и такъ слышала за дверью весь разговоръ этотъ.

— Ну, теперь дѣла принцессы Елисаветы плохо становятся, замѣтилъ онъ: нужно ждать перемѣнъ. Вотъ скоро въ Москву всѣ побѣдемъ для коронаціи, а въ Москвѣ новый человѣкъ есть — бабушка, и человѣкъ этотъ можетъ стать важнымъ человѣкомъ для насъ, для

всѣхъ. Что-жь, мейнъ герцхенъ, написала ты старой царицѣ письмо?

— Написала, отвѣтила баронесса, — вотъ черное въ карманѣ, прочти — все описано, какъ ты приказывалъ. И баронесса подала мужу бумагу. Онъ съ большимъ вниманіемъ принялся читать ее. Марфа Ивановна Остерманъ писала царицѣ Евдокии, позабытой до сихъ поръ, инокинѣ Еленѣ, о томъ, что вручаетъ себя въ высочайшую ея величества милость и при этомъ увѣряла, что мужъ ея Государю и ей царицѣ со всякимъ усердіемъ и вѣрно служить и служить будетъ.

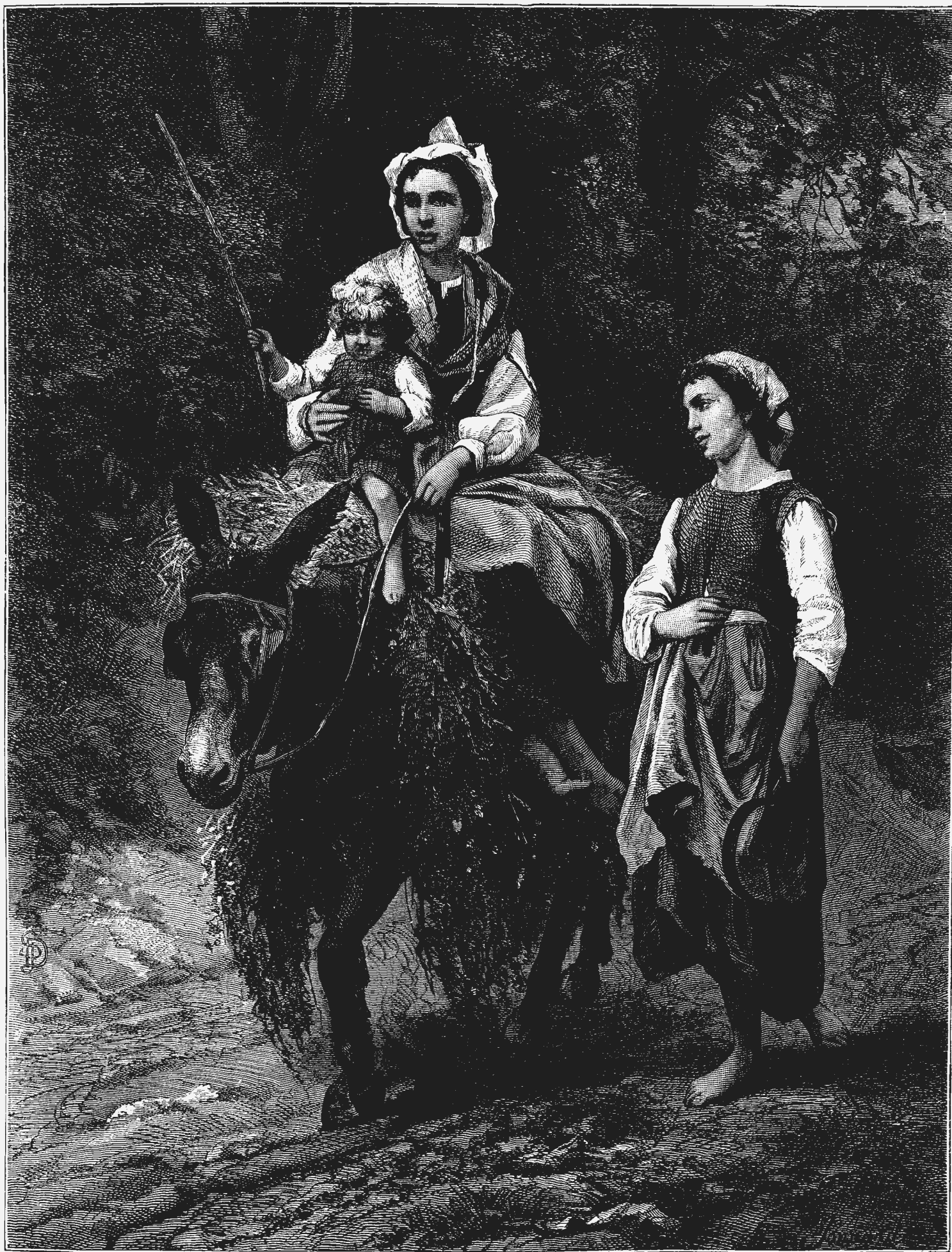
— Хорошо, хорошо, такъ, такъ и шужно, одобрительно кивалъ головою Андрей Иванычъ. читая письмо это. Ну, а теперь и я Марфуша пойду тоже напишу царицѣ — охъ, нуж-

на она намъ, охъ какъ нужна, вѣдь все же бабушка родная — крови заговоритъ. Многое она тогда сможетъ сдѣлать — душе все же нужно намъ заручиться ея милостью.

И Андрей Иванычъ сѣлъ за свой рабочій столъ и принялся писать. Онъ описывалъ старой царицѣ службу; сочиненную на день рожденія Государя, прилагалъ рисунокъ фейерверка, въ этотъ день сожженнаго, и манифестъ о коронаціи. Долго писалъ онъ и такъ окончилъ письмо свое: „яко я на семь свѣтъ ничего иного не желаю, окромѣ чтобъ его Императорскому Величеству безъ всякихъ моихъ партикулярныхъ прихотей и страстей прямая и вѣрная свои услуги показать, такъ и Ваше Величество соизволите всемилостивѣйше благонадежны быть о моей вѣрнѣйшей преданности къ Ва-

Адольфъ Тсеръ. Рис. К. Ивановъ, грав. Вейерманъ.

Возвращеніе съ полевыхъ работъ. Картина А. Делова, грав. Жонарь.

шого Величества высокой особѣ потомъ не распространяю, понеже вѣдаю, что какъ Его Императорское Величество такъ и ея Императорское Высочество великая княжна, мнѣ въ томъ вѣрное свидѣтельство подать изволятъ, и вѣрная моя служба всегда болѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели пустыми словами явна будетъ“.

„Вотъ такъ ладно, сказалъ самъ себѣ Андрей Ива-

новичъ, перечитывая письмо свое. Охъ трудно, трудно жить на свѣтѣ: обо всемъ то нужно подумать, все предусмотрѣть, предугадать, а то какъ разъ полетишь въ пропасть и что отъ тебя тамъ останется“.

И Андрей Ивановичъ собрался во дворецъ. На новья мысли навела его великая княжна Наталья.

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

РАЗМѢРЫ ВОЕННЫХЪ КОРАБЛЕЙ.

Величина мониторовъ не есть что либо постоянное, а весьма видоизмѣняется. Въ связи съ этимъ уменьшеніемъ или увеличеніемъ, находится большее или меньшее количество экипажа. Смотря по обстоятельствамъ... Въ Англии и Америкѣ а въ послѣднее время и во Франціи строятся мониторы,—какъ будто имѣющее значеніе вмѣстятъ въ себѣ населеніе цѣлаго города. У насъ, въ Россіи, образцомъ величины считается броненосецъ „Петръ Великій“ (Длина 332 саж. и ширина 60). Вообще за maximum броненоснаго судна, при нормальныхъ на него затратахъ, можно принять 300 или слишкомъ сажень длину, 50-60-70 ширину и экипажъ въ 600—700 человекъ.

КОНВОИРОВАНИЕ ПЛѢННЫХЪ ТУРОКЪ.

Въ этомъ наброскѣ художникъ сумѣлъ уловить то выраженіе душевнаго состоянія, какое вспыхивало на лицахъ обитателей Систова при видѣ плѣнныхъ турокъ.

Отвращеніе и ненависть къ своимъ прежнимъ притѣснителямъ у нѣкоторыхъ, видимо, до того велики, что не будь конвоира—то рѣдкій изъ конвоируемыхъ уцѣлѣлъ бы. Подобныя встрѣчи турки видѣли и видятъ далѣе на пути къ Россіи, и конвоированіе ихъ оказывается мѣстами и у насъ далеко не лишнимъ. Но увя, не вездѣ турки встрѣчаютъ достойное къ себѣ отвращеніе. Въ послѣднее время наши газеты не разъ сообщали въ письмахъ изъ провинціи, что тамъ находятся такіа добросердечныя барыни, что не знаютъ, какъ бы лучше и чѣмъ бы повкуснѣе угостить турокъ, находятся молодые люди, заботящіеся о доставленіи туркамъ всевозможныхъ развлеченій, возятъ ихъ въ загородныя сады, поятъ шампанскимъ и т. п.

Стыдитесь, скажемъ и мы вмѣстѣ съ другими, благо разумно отворачивающимися отъ такихъ сценъ. Стыдитесь! Вспомните, какъ терзали и до сихъ поръ терзаютъ нашихъ солдатъ и офицеровъ эти самыя турки и отвернитесь отъ нихъ съ должнымъ презрѣніемъ: по долгу чести и совѣсти мы не имѣемъ права давать имъ болѣе того, что необходимо только для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни. Вспомните, сколько вдовъ и сиротъ даетъ намъ война, вдовъ и сиротъ, имѣющихъ полнѣйшее право на сочувствіе: они—не турки, ихъ мужья и братья не тиранили невинныхъ, а положили свой животъ на славу брани, защищая права человека, рабски попираемыя звергами.

Вотъ куда нужно обратить все сочувствіе, все вниманіе, всѣ заботы и всѣ свои избытки.

ДВОРЕЦЪ ДОЛЬМА БАХЧЕ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Трудно передать красоту и величіе Босфора, исполнскаго протока, раздѣляющаго двѣ части свѣта. Европа и Азія здѣсь какъ бы сошлись лицомъ къ лицу во всей своей красѣ и роскоши. Отъ Мраморнаго моря до Чернаго, въ зелени виноградниковъ и кипарисныхъ рощъ, тянется по берегамъ его безконечный рядъ дворцовъ и кіосковъ, поднимаются надъ ними величественныя куполы, плоскіе какъ опрокинутое блюдечко, сверкающіе золотыми полумѣсяцами, и высокіе минареты блестятъ на солнцѣ, точно исполнскія свѣчи бѣлаго воска. Масса бѣлыхъ и красныхъ домовъ перемежаются купами темныхъ кипарисовъ. Куда ни взглянешь—всюду дивная красота, чудное сочетаніе зелени, воды, горъ, неба, прозрачнаго воздуха, великолѣпныхъ зданій. Обѣ стороны Босфора имѣютъ свою особую фizioномію. На европейскомъ берегу болѣе дворцовъ и селеній, азіатскій богаче рощами и садами. Дѣйствительность во всемъ величій и блескѣ, въ разнообразіи богатствъ линій и красокъ здѣсь выше всякихъ описаній, выше всякихъ восторговъ. И по этой синей площади съ легкостію ласточки скользятъ стамбульскіе каяки, красныя островочетныя лодки, сколоченныя изъ тонкихъ досокъ и покрытыя рѣзбой. Большинство изъ нихъ двухвесельныя; весла укрѣпляются кожаными петлями, смазанными масломъ. При плаваніи на такихъ каякахъ не бываетъ слышно никакаго шума, и только едва слышныя всплески воды отъ веселъ нарушаютъ тишину ихъ движенія. Вмѣсто скамеекъ на каякахъ разостланы ковры, а на коврахъ лежитъ красная суконая подушка. Гребцы, каяки, всегда одѣты въ полосатыя кисейныя рубашки, въ широкіе

бѣлые шаровары и малиновыя шапочки съ голубою вставкой; лица ихъ нѣсколько суровыя отъ смуглаго цвѣта кожи, еще болѣе темнѣющей на солнцѣ; грудь обнажена и мускулистыя руки тоже открыты по локоты.

Султанскія каяки и также каяки богатыхъ людей устраиваются съ большей роскошью и съ большимъ числомъ веселъ.

Босфоръ вмѣстѣ съ Золотымъ Рогомъ по истинѣ составляютъ счастливѣйшее сочетаніе красоты и удобствъ представляемыхъ здѣсь природою для морешаванія. Золотой Рогъ вѣрвается въ матерію въ видѣ рога изобилія и образуетъ превосходную гавань, вмѣщающую до 1200 судовъ. Источникъ богатства и жизненной силы для людей, онъ со времени глубокой древности получилъ свое названіе *золотого рога*.

Помѣщенный въ этомъ № рисунокъ, изображаетъ дворецъ султана въ Константинополѣ, носящій названіе Дольма Бахче и находящійся на самомъ берегу Босфора.

Зданіе Дольма Бахче представляетъ собою странную, но въ то же время чрезвычайно удачную смѣсь всевозможныхъ стилей. Это большое зданіе изъ бѣлаго мрамора, все унизанное сквозными балконами, готическими розетками и арабскими орнаментами. Главный корпусъ его, въ венеціанскомъ вкусѣ, соединяется съ боковыми флигелями, которые выданы впередъ мраморной колонадой дорическаго ордена. Со стороны площади онъ обнесенъ двумя стѣнами. Монументальныя ворота съ бронзовой вызолоченной рѣшеткой замыкаютъ ихъ. Примыкающей къ дворцу дворъ весь покрытъ газонами, съ цвѣтниками и красиво разсаженными группами стриженныхъ деревьевъ. Смотря на зданіе со стороны, кажется какъ будто это какаа то декорація чуднаго балета, фантастическій рисунокъ, набросанный рукою артиста въ минуты увлеченія сказками Шехеразады. Названіе „Дольма Бахче“ въ переводѣ значитъ „*отуреченныя сады*“. Дворецъ этотъ построенъ при султанѣ Махмудѣ II (отцѣ Абдуль-Меджида, умер. 1839 г.) возлѣ того извѣстнаго въ исторіи мѣста, на которомъ Императоромъ Константиномъ былъ поставленъ золотой крестъ, въ память своего обращенія. За дворцомъ Дольма Бахче въ густой зелени бѣлѣетъ Чараганскій дворецъ, построенный въ мавританскомъ стилѣ.

Но дивясь величію, изяществу и красотѣ великолѣпнѣйшихъ видовъ Босфора, тяжело становится при взглядѣ на отвратительную грязь, покрывающую улицы Константинополя, на нищизнь и калѣкъ, которыми кишатъ эти улицы и вспоминается сколько въ этихъ дивныхъ мѣстахъ совершается ужасовъ, сколько наспій и мукъ.

Красота водъ Босфора и Золотого Рога, при всемъ своемъ очарованіи можетъ иной разъ совсѣмъ исчезнуть для любующаго ими, если этотъ любующійся ими человекъ вспомнитъ о томъ, какіе ужасы скрываются въ таинственной и нѣмой глубинѣ этихъ водъ. Воды эти имѣютъ страшныя легенды, много скрыто въ нихъ всевозможныхъ преступленій. Въ нихъ выбрасывались трупы, послѣ кровавыхъ междоусобій и войнъ, въ нихъ-же кончали жизнь несчастныя затворницы гарема. Въ эти воды была прежде проведена канава для стока крови изъ Семибашеннаго замка, гдѣ турецкіе властители по своему распорявленію съ тѣми, кого имъ нужно было убить на тотъ свѣтъ. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, вблизи этихъ-же водъ, а именно въ самомъ дворцѣ Дольма Бахчи совершилось неменѣе таинственное самоубійство турецкаго султана Абдуль-Азиса, будто бы перерѣзавшаго себѣ на рукахъ жилы.

Г. ТЬЕРЬ.

День 22-го августа (3-го сентября) ознаменовался для Франціи утратою человека, посвятившаго ей свою жизнь и составившаго ея гордость. Въ 6 часовъ и 10 минутъ вечера, въ Севъ-Жерменъ-анъ-Лэ, скончался отъ удара господинъ Тьеръ, на 80 году отъ рожденія. Еще утромъ господинъ Тьеръ былъ здоровъ. Всталъ по своему обыкновенію въ 5 часовъ утра и выпилъ свою чашку чернаго кофе, которое ему всегда приготовляла его горничная и передавала чрезъ камердинера Мореля. До половины 7 часа г. Тьеръ работалъ въ своемъ кабинетѣ, ходилъ гулять съ помощію руки Мореля, снова сѣлъ за работу, отъ которой и не отрывался до завтрака. Въ этотъ день завтракъ былъ назначенъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ г. Тьеръ предполагалъ отправиться въ Парижъ. Поездъ изъ Севъ-Жерменъ отходитъ въ 1 часъ и 5 минутъ. Тьеръ сѣлъ за завтракъ въ залѣ, служившей ему въ „Павиль-

онъ Генриха IV^а также и столовой. Съ нимъ была жена его и сестра жены M—elle Дюнь. Тьеръ кушалъ съ аппетитомъ, но за десертомъ вдругъ почувствовалъ себя такъ не хорошо, что только съ трудомъ могъ сказать: „Странно! я чувствую себя не по себѣ... мнѣ трудно дышать... я задыхаюсь...“ Открыли окно и подкатали къ нему кресло, на которое положили Тьера. Не смотря на желаніе говорить, на попытки написать, больной только шевелилъ губами и дѣлалъ слабыя движенія пальцами. Вскорѣ онъ утратилъ совсѣмъ сознание своего положенія и не смотря на все стараніе докторовъ, всякая надежда на восстановленіе силъ исчезла. Въ 5 часовъ г. Тьеръ еще дышалъ, но слабо, и пульсъ его становился все слабѣе, рѣже и, наконецъ, почти незамѣтно, г. Тьеръ перешелъ отъ жизни къ смерти. Вдова и сестра ея всю ночь безъ сна провели возлѣ бездыханнаго тѣла. Г-жѣ Тьеръ и теперь казалось, что отошедши въ вѣчность, мужъ еще нуждался въ ея уходѣ и попеченіяхъ, которыми она окружала его во все время ихъ сожителства. Г. Тьеръ былъ балуемъ женою. Слуги также, не смотря на неровность его характера, любили своего хозяина и хотѣли всю ночь оставаться колѣнопреклоненными предъ его трупомъ.

Тьеръ былъ положенъ на ту самую кровать, на которой всегда спалъ. Лицо покойника нѣсколько припухло, но тѣмъ не менѣе имѣло спокойный видъ. Голова была нѣсколько наклонена на лѣвое плечо. Глаза закрыты и короткія руки протянуты поверхъ одѣяла. Замѣчательно, что пальцы были пригнуты къ ладонямъ, какъ будто страшная боль заставила сжать кулаки. Капельки крови, вытекшей изъ уколовъ пиявокъ, виднѣлись на наволочкѣ подушки. Бѣлые волосы, тщательно причесанные г-жею Тьеръ, рѣзко выдѣлялись на матовомъ фонѣ лба и високъ. На груди было положено серебряное распятіе. Знаменитый Мессонье, другъ Тьера, набросалъ съ него портретъ, а Альфредъ Ленуаръ, посланный директоромъ школъ изыщущихъ искусство, снялъ слѣпокъ съ лица покойнаго и его правой руки. Заявленія сочувствія исходили изъ всѣхъ слоевъ общества, летѣли телеграммы, сыпались груди визитныхъ карточекъ и писемъ. Г-жа Тьеръ получила телеграммы съ изъявленіемъ соболѣзнованія отъ разныхъ европейскихъ государей. Каждый спѣшилъ отдать дань уваженія къ покойному. Пріѣзжалъ и нашъ русскій посланникъ въ Парижѣ, князь Орловъ.

Вдова ни за что не согласилась на балзамированіе тѣла своего мужа. Въ Парижѣ тѣло г. Тьера было привезено въ дубовомъ и свинцовомъ гробѣхъ. Погребеніе отнесено на счетъ государства, но г-жа Тьеръ приняла предложеніе погребенія тѣла на счетъ государства только подъ условіемъ, чтобы 363 республиканскихъ депутата шли за гробомъ, чтобы она сама выбрала ораторовъ для произнесенія рѣчей и тѣхъ, которые должны нести вѣсти балдахина.

8-го сентября (27-го августа) состоялись похороны на кладбищѣ Pere Lachaise при громадномъ стеченіи народа. Гриви въ своей рѣчи, между прочимъ, напомнилъ, что г. Тьеръ принесъ свои монархическія убѣжденія въ жертву республикѣ, которую онъ считалъ единственною возможною формою правленія для Франціи. Жертва эта стоила много, сказалъ Гриви, но для Тьера не существовало ничего выше патриотизма.

Здѣсь надобно замѣтить, что первые признаки болѣзни, которая свела Тьера въ могилу, появились еще въ маѣ текущаго года. Съ нимъ случился первый ударъ, но такъ какъ онъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, то никто не полагалъ, чтобы можно было опасаться втораго, и притомъ такъ скоро.

Луи-Адольфъ Тьеръ родился въ Марсели 16-го апрѣля 1797 года. Отецъ его былъ бѣдный ремесленникъ, мать изъ купеческой семьи. Первое время г. Тьеръ воспитывался въ школѣ своего роднаго города, но затѣмъ состоятельнымъ родственникамъ матери удалось его помѣстить въ коллегію Э (Aix), гдѣ окончивъ курсъ по юридическому факультету, молодой Тьеръ въ 1819 году получилъ званіе адвоката. Но Луи-Адольфъ не могъ удовлетворяться скромнымъ положеніемъ въ провинціи, его пылкая натура требовала высшей дѣятельности и Тьеръ отправился въ Парижъ искать счастья. Съ нимъ вмѣстѣ побѣхалъ другъ его Минье (историкъ). Счастье сначала не улыбнулось молодымъ людямъ и много имъ пришлось терпѣть въ ихъ маленькой мансардѣ въ окрестностяхъ Пале-Рояля.

Въ то время шла ожесточенная борьба партій, люди владѣвшіе перомъ могли быстро составлять себѣ репутацію. Тьеръ и Минье рѣшились попробовать заняться журнальной работой. Тьеръ началъ свой дебютъ на столбцахъ газеты „la Constitutionnel“ и статьи его произвели положительный эффектъ. Вставая въ 5 часовъ утра, г. Тьеръ неутомимо работалъ и постоянно стремился увеличивать свои свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія. Увѣренный въ своихъ силахъ, г. Тьеръ сталъ писать со свойственнымъ ему авторитетнымъ тономъ и положительно производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Два года спустя г. Тьеръ дебютировалъ какъ историкъ и его „Histoire de la Révolution Française“ надѣлала много шума по своей безпристрастной оцѣнкѣ событій и дѣятелей революціи.

Окончивъ „Исторію Революціи“ (1827 г.), Тьеръ вмѣстѣ съ

Минье и Кареллемъ задумали основать новую газету „National“. Тьеръ рѣзко нападалъ на министровъ и обсуждалъ ихъ дѣйствія. Вскорѣ Тьеръ всталъ во главѣ протестующихъ журналистовъ и редактировалъ протестъ подъ которымъ подписалось 43-хъ извѣстныхъ французскихъ журналиста. Результатомъ было то, что Тьеръ вмѣстѣ съ друзьями долженъ былъ удалиться изъ Парижа, но не далѣе какъ на слѣдующій же день (29-го іюля 1830 года), когда парижане, поставивъ вездѣ баррикады, стали тѣснить королевскія войска (Карла X) г. Тьеръ и его друзья вернулись обратно въ Парижъ, чтобы участвовать въ борьбѣ. Въ „National“ появилась составленная господиномъ Тьеромъ прокламація герцога Орлеанскаго къ французской націи. Самъ Тьеръ отправился на другой день (30-го іюля) въ Нейли и лично просилъ герцога о пріѣздѣ въ Парижъ для восстановленія порядка и принятія званія регента королевства. Республиканской партіи пришлось преклонить голову предъ совершившимся фактомъ, ловко подготовленнымъ Тьеромъ, воцаренія орлеанской линіи бурбонскаго дома. Со вступленіемъ на престолъ Луи Филиппа, Тьеръ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а потомъ вскорѣ товарищемъ министра финансовъ. Въ этой должности онъ заявилъ себя знатокомъ финансоваго дѣла и въ особенности выказалъ свои блестящія ораторскія способности. Получивъ затѣмъ въ 1832 г. портфель министра внутреннихъ дѣлъ, Тьеръ заявилъ себя открыто врагомъ республиканцевъ, и энергично подавилъ всѣ ихъ попытки къ возстанію.

Вслѣдъ за покушеніемъ Фіески на жизнь Луи Филиппа, Тьеръ вмѣстѣ съ герцогомъ Брольи, Персиль и друг., внесъ въ палату законопроектъ объ ограниченіи свободы печати. Въ февралѣ 1836 г. Тьеръ былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ подалъ въ отставку, вслѣдствіе отказа Луи Филиппа отъ предложеннаго имъ вооруженнаго вмѣшательства противъ карлистовъ. 1-го марта 1840 года онъ былъ вторично назначенъ президентомъ совѣта министровъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, но и на этотъ разъ не на долго. Причиной его паденія было также предложеніе о вооруженномъ вмѣшательствѣ, но не противъ карлистовъ, а противъ турокъ Тьеръ поддерживалъ пашу египетскаго Мегемета-Али, который возсталъ противъ султана Махмуда. Россія, Англія, Пруссія и Австрія держали, напротивъ, сторону послѣдняго. Не смотря на это, Тьеръ настаивалъ на своемъ и, желая произвести давленіе на эти державы, поставилъ французскую армію на военную ногу, сталъ укрѣплять Парижъ и т. п. Но всѣ эти демонстраціи ни къ чему не повели, а такъ какъ король, сторонникъ мира, во что бы то ни стало (la paix a tout prix), и знать не хотѣлъ о войнѣ, то Тьеру пришлось отказаться отъ своего портфеля, который былъ переданъ Гизо. Тогда Тьеръ сдѣлалъ главою дѣлаго центра, тогдашней оппозиціи и внѣ своихъ парламентскихъ занятій усердно занимался составленіемъ продолженія своего историческаго труда „Histoire du Consulat et de l'Empire“. Когда революція стала угрожать трону Луи-Филиппа, король вспомнилъ о своемъ бывшемъ министрѣ и поручилъ ему составить кабинетъ, который удовлетворялъ бы требованіямъ общественнаго мнѣнія, но было слишкомъ поздно: народъ отказался слушаться увѣщаній Тьера, Луи-Филиппъ бѣжалъ и вторая республика была провозглашена. Тогда Тьеръ болѣе или менѣе искренно примкнулъ къ республикѣ, принявъ участіе въ занятіяхъ законодательнаго собранія. 2-го декабря 1852 года онъ былъ арестованъ и сосланъ изъ Франціи, но уже въ августѣ слѣдующаго года Наполеонъ III дозволилъ ему вернуться на родину.

Избранный депутатомъ втораго парижскаго избирательнаго округа въ законодательный корпусъ, онъ продолжалъ начатую исторію консулата и имперіи. Во все продолженіе существованія второй имперіи, Тьеръ былъ рѣшительнымъ противникомъ Наполеона III, и въ послѣдніе дни имперіи, когда Наполеонъ III пытался укрѣпить свой колеблющійся тронъ новымъ плебисцитомъ, Тьеръ былъ самымъ рѣшительнымъ изъ его противниковъ. Точно также онъ твердо стоялъ противъ войны съ Пруссіей. Послѣ Седана Тьеръ отказался войти въ составъ временнаго правительства и всецѣло посвятилъ себя дѣлу спасенія отечества. Съ этою цѣлью онъ побѣдилъ почти всѣхъ европейскихъ государей, и если эта дипломатическая поѣздка не принесла желанныхъ результатовъ, то всего менѣе можно винить въ этомъ г. Тьера. 17-го февраля 1871 г. Тьеръ былъ избранъ главою исполнительнаго власти и подписалъ предварительныя условія мира съ графомъ Бисмаркомъ. 24-го мая 1874 г. Тьеръ сложилъ съ себя званіе президента республики, передавнное маршалу Макъ-Магону.

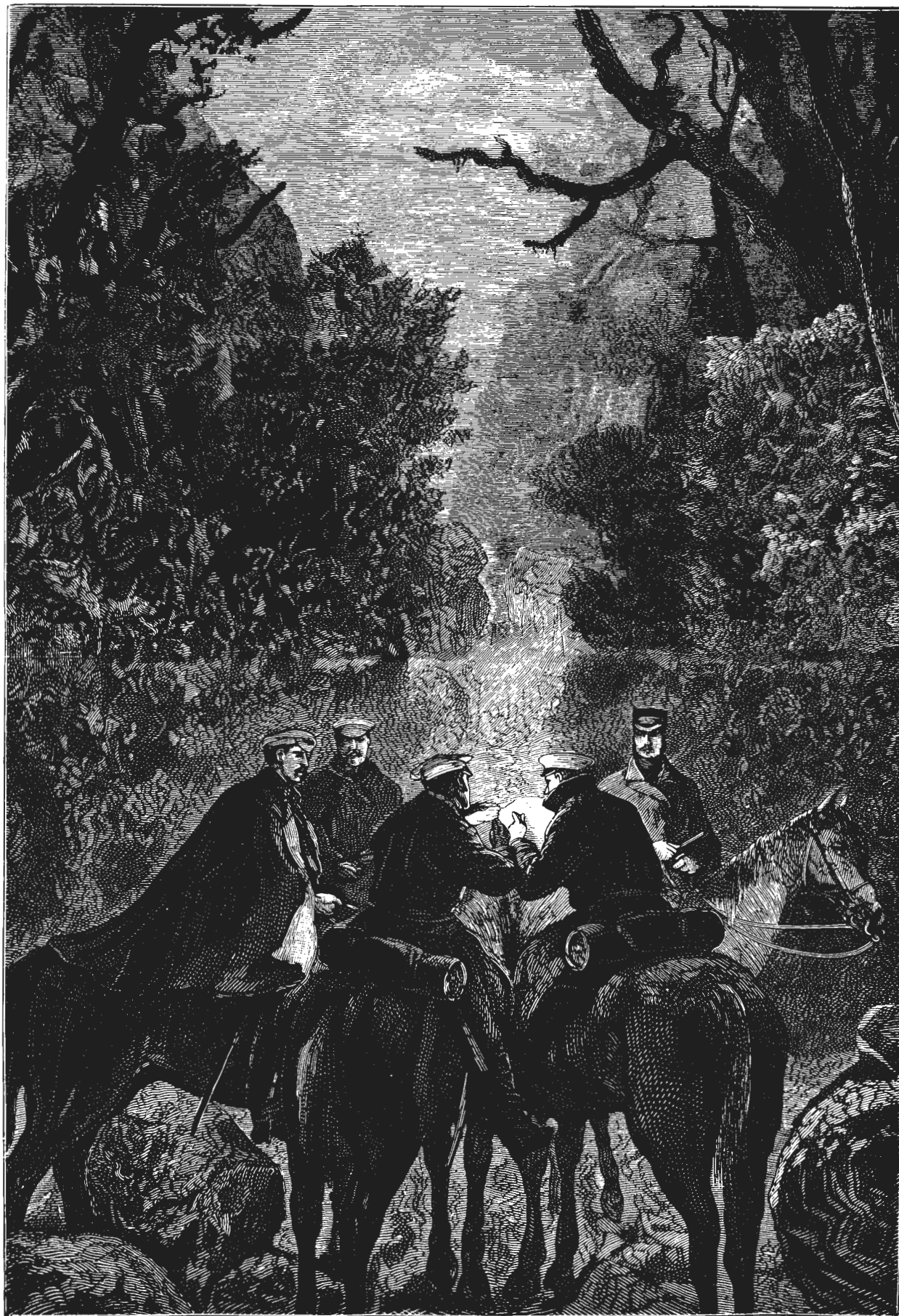
Вотъ краткій перечень его дѣятельности, о которой сказать болѣе или менѣе подробно значило бы написать цѣлые томы книгъ.

По необычайной силѣ и богатству талантовъ, по ясности и широтѣ мысли, точно также какъ и по количеству одержанныхъ успѣховъ и по размаху дѣятельности, г. Тьеръ вполне заслуживаетъ названіе величайшаго государственнаго чловека XIX столѣтія.

Блестящая извѣстность Тьера неразрывно связана съ исторіей самыхъ трудныхъ періодовъ политической жизни въ со-

Древній замокъ Pfальцъ близь города Кауба на Рейнѣ. Рис. Манфельдъ, грав. Женфельдъ.

Гдѣ-же дорога?

(Эпизодъ изъ похода русскихъ войскъ чрезъ Балканы). Съ наброска К. П., грав. К. Вейерманъ.

временной Европѣ. Знаменитый историкъ и поклонникъ Наполеона I, выдающийся ораторъ и министръ при королѣ Люи-Филиппѣ, ближайшій участникъ событій 1848 г., непреклонный противникъ Наполеона III во все время его царствования, великій самоотверженный патриотъ въ мрачную эпоху 1870—1871 годовъ, освободитель французской территоріи, герой пяти миллиардовъ, Тьеръ всегда оставался какъ бы идеаломъ государственнаго человѣка не для одной Франціи, но и для всей Европы вообще. Въ послѣднее время, правда, не рѣдкость было слышать, будто съ 24-го мая, т. е. послѣ сложенія съ себя званія президента республики, Тьеръ отчасти утратилъ обаяніе, которое онъ производилъ на иностранныя правительства. Говорятъ, что Тьеръ, когда до него дошли такіе слухи, сказалъ: „Если это будетъ продолжаться долѣе, то я предамъ гласности двѣ или три телеграммы, которыя находятся въ моемъ распоряженіи“. При этомъ онъ показалъ своему собесѣднику телеграммы отъ одного нѣмецкаго генерала и нѣмецкаго историка, въ которыхъ было написано: „мы вѣримъ въ вашу счастливую звѣзду и желаемъ вамъ лучшаго успѣха“. Тьеръ объяснилъ эти слова желаніемъ ему побѣды на предстоящихъ октябрьскихъ выборахъ. Тьеръ дѣйствительно очень дорожилъ тѣмъ, чтобы его считали другомъ Европы и ему крайне были неприятны слухи, будто онъ лишился дружбы иностранныхъ правительствъ.

Для Франціи въ особенности будетъ особенно памятно какъ въ годины бѣдствій поставленный во главѣ правительства, Тьеръ, въ силу своего патриотизма, держался на высотѣ самой трудной и самой горестной задачи.

Тьеръ умѣлъ поднять Францію изъ той пропасти, въ которую ее ввергнула Наполеоновская война съ Пруссіей, онъ отстоялъ Бельфоръ, смягчилъ условія мира, выплатилъ баснословные миллиарды раньше срока. Его содѣйствію и неутомимымъ заботамъ обязана Франція, что она снова заняла достойное положеніе въ ряду сильныхъ державъ.

Смерть Адольфа Тьера должна вызвать нѣкоторыя угрызения совѣсти въ нынѣшнихъ совѣтникахъ Макъ-Магона, сдѣлавшихъ съ своей стороны все возможное, чтобы наполнить горечью послѣдніе годы жизни знаменитаго старца. А надъ свѣжею могилкою соберется Франція и приступитъ къ исполненію того, что ей завѣщалъ покойный, устранивъ всякіе поводы къ дальнѣйшей борьбѣ партій.

Состояніе, оставленное Тьеромъ, весьма значительно, но надобно замѣтить, что все его личное богатство составлено литературными работами—фактъ знаменательный въ виду того, что Тьеръ два раза былъ министромъ и затѣмъ президентомъ республики. Одна „Исторія Консульства и Имперіи“ доставила автору одинъ миллионъ франковъ. Ежегодный доходъ Тьера простирался до 60—70,000 франк. съ его собственнаго состоянія. Домъ Тьера на площади Сень-Жоржъ представляетъ самъ по себѣ извѣстность. Во время коммуны онъ былъ разрушенъ и потомъ снова возстановленъ на счетъ республики. Обстановка дома имѣетъ громадную цѣнность. Особенно замѣчательны: библиотека, коллекція древнихъ и современныхъ бронзовыхъ вещей и драгоценный и рѣдкій фарфоръ. Л.

Возвращеніе съ полевыхъ работъ.

(Картина А. Делова).

Мирная сцена мирнаго времени, столько же пріятная, если случится встрѣтить ее въ дѣйствительной жизни, насколько правдивая въ этой художественно-исполненной копіи съ художественнаго произведенія.

Сцена эта не изъ нашей русской жизни, это видно изъ всѣхъ ея особенностей, начиная съ осла, на которомъ ѣдутъ (у насъ это въ рѣдкость) и кончая одеждой изображенныхъ фигуръ. У насъ такъ не одѣваются и такихъ лицъ среди сельскаго населенія едва ли можно встрѣтить. Съ перваго взгляда наша жизнь какъ будто хуже, крестьяне грязнѣе, ихъ умственный кругозоръ значительно уже, чѣмъ кругозоръ ихъ европейскихъ собратьевъ. Куда намъ до европейцевъ, тамъ давно уже такъ разграничили и раздѣлили каждый кусочекъ земли, каждую сажень рѣки, что приходится дѣйствительно „мозгами ворочать“, чтобы выдерживать „борьбу за существованіе“. Поневолю умственный кругозоръ расширится.

Понятно, чтобы дойти до такого разграниченія на сажени каждаго кусочка земли, нужно было много пережить другихъ состояній въ борьбѣ за существованіе; недаромъ Европа имѣетъ передъ нами чуть не тысячекратное преимущество: въ то время, когда у насъ славянскія племена только что поднимались изъ тѣсныхъ дебрей, чтобы сдѣлать первый шагъ на пути къ своему теперешнему существованію, въ это время Европа уже пережила многое множество всякихъ невзгодъ, войнъ, переворотовъ, имѣла Карла Великаго, не говоря уже о періодѣ древне-исторической ея жизни.

Наша жизнь другая и доля наша не та, которая досталась Европѣ. Покойный Тютчевъ написалъ о русскомъ народѣ, между прочимъ, слѣдующее:

Эти бѣдныя селеня,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,

Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

Вотъ какъ высказался о русскомъ народѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ знатковъ Европы, прожившій въ различныхъ ея центрахъ чуть-ли не болѣе двухъ десятилѣтій. Увидаль онъ что-то такое въ русскомъ народѣ, чего не нашелъ тамъ за моремъ и чего не пойметъ и не оцѣнитъ „гордый взоръ иноплеменный“.

Но мы въ сравненіи нашей русской жизни съ западно-европейской удалились отъ нашей картинки. Она все таки указываетъ намъ, что мы еще не выработали тѣхъ условій [жизни, которыя выработаны тамъ на западѣ.

Слѣдовательно нужно пожелать, чтобы наступило то время, когда наши крестьянки будутъ ѣздить въ чепцахъ на полевые работы и вмѣсто шлепанья босыми ногами по грязи пѣшкомъ, спокойно сидѣть верхомъ на ослахъ.

Д. Стахѣевъ

Древній замокъ Пфальцъ близъ города Кауба на Рейнѣ.

Городокъ Каубъ — по старинному Куба и Хуба — стоитъ въ Мюльбахской долинѣ. Во время оно (въ XIII в.) городокъ этотъ былъ обнесенъ каменною стѣною съ нѣсколькими башнями. Башни и до сихъ поръ стоятъ. Въ ночь на 11-е марта текущаго года Каубъ сильно пострадалъ вслѣдствіе горнаго обвала. Окрестности этого города богаты шиферными коями.

Громадное каменное шестиугольное зданіе на самой рѣкѣ—это Пфальцбургъ. Эта башня съ кучей башенокъ стоитъ тутъ уже много вѣковъ. Быстрыя воды Рейна едва ли когда разрушатъ ее. Пфальцбургъ былъ сооруженъ въ XIII в. и сооруженъ съ единственною цѣлью грабежа и взиманія пошлинъ съ судовъ, плававшихъ по Рейну. Обладатели этого каменнаго грабительскаго гнѣзда наводили ужасъ на всѣхъ корабельщиковъ. Въ настоящее время Пфальцбургъ необитаемъ, и только чужестранцы порой заглядываютъ туда днемъ.

Гдѣ-же дорога?

(Эпизодъ изъ перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы).

Картинка изображаетъ эпизодъ изъ перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. Исслѣдуя путь, офицеры штаба достигли самой высшей точки прохода и прежде чѣмъ рѣшиться на продолженіе пути, они хотѣли удостовѣриться по картамъ въ вѣрности избраннаго ими направленія. Ихъ сопровождалъ болгаринъ, взятый за путевода. Никто, дѣйствительно, не могъ бы въ ущельяхъ горъ отыскать дороги, если бы не было человѣка совершенно знакомаго съ мѣстностью.

Всѣ путники хранили молчаніе, такъ какъ вниманіе каждаго изъ нихъ было сосредоточено на ихъ провожатомъ и невольно приходило каждому на мысль: можно ли вѣрится проводнику? Только наконецъ послѣ величайшихъ затрудненій всадники пркбыли на мѣсто, гдѣ бивуакировала нифавтерія, уѣхавшая еще днемъ раньше.

Чаша Нептуна. Губка (SPONGIA).

Кому неизвѣстны губки, по ихъ почти ежедневному употребленію, но многіе-ли имѣютъ точное понятіе о томъ, что такое губка? Многіе не знаютъ о томъ, что эти, повидному, никогда немѣвнія жизни массы въ свое время пользовались не только жизнью, но и самостоятельной индивидуальностью. Не имѣя ни ногъ, ни органовъ пищеваренія, онѣ питались и передвигались съ мѣста на мѣсто. Множась дѣленіемъ, самопроизвольно разрывали онѣ свое тѣло, и каждая новая половинка росла, тѣла и снова множилась. У нѣкоторыхъ родовъ губокъ—tethes, напримѣръ, замѣчается совершенно правильно выпрыскиваніе воды сквозь скважины, но лишь только дотронуется до губки—какъ она сжимаясь, тотчасъ же закрываетъ свои скважины.

О значеніи губокъ и о мѣстѣ ихъ въ естественной исторіи до послѣдняго времени было между натуралистами много различныхъ заключеній. Иные причисляли ихъ къ царству растений, другіе къ животнымъ и только теперь организація губокъ стала болѣе извѣстной.

Губки составляютъ классъ существъ при переходѣ отъ животнаго царства къ растеніямъ и находятся въ близкомъ родствѣ съ полинами.

Онѣ водятся въ прѣсной и соленой водѣ, гдѣ прикрѣпляются къ подводнымъ предметамъ. Въ простѣйшей, индивидуальной,

основной формъ, представляющей существенныя особенности строения, губки являются въ видѣ цилиндрическаго, прикрѣпленнаго мѣшка съ большимъ выводнымъ отверстиемъ на свободномъ концѣ. Губокъ извѣстно нѣсколько родовъ. Всѣ онѣ болѣею частью состоятъ изъ сократимой стѣнки, натянутой на твердый скелетъ, сложенный или изъ роговыхъ волоконъ, или кремневыхъ и известковыхъ иголь. Поверхность губки поздраватая, со множествомъ крупныхъ и мелкихъ отверстій; внутренность ея представляетъ цѣлую систему каналовъ и трубокъ, въ которыхъ поддерживается непрерывный токъ воды, приносящей, по всему вѣроятію, питательныя вещества. Твердый остовъ или скелетъ не встрѣчается лишь у мягкихъ и совершенно неправильныхъ губокъ. Ученые группируютъ губки такъ: студенистыя губки, кожистыя, роговыя, кремнистороговыя, коровыя, стекловидныя и известковыя. Путемъ сліянія первоначально отдѣльныхъ особей, а также и новообразованиями, происходятъ весьма разнообразныя колоніи губокъ. Размноженіе губокъ совершается, какъ уже сказано, дѣленіемъ и образованіемъ зародышныхъ тѣлецъ. Половое размноженіе нѣсколько изслѣдовано только у одного рода губокъ—бодягъ (*spongilla*).

Съ болѣе или менѣе рѣзкимъ измѣненіемъ формъ, въ губкѣ замѣчается способность перемѣщенія. Медленно двигаясь, масса покидаетъ первоначальное мѣсто своего прикрѣпленія и перетекаетъ на новое.

Повидимому губки не составляютъ особенной важности въ экономіи природы. Для человѣка годны только мягкія роговыя губки (*Euspongia*), извѣстныя подъ общимъ именемъ губокъ,

которыя ловятся въ особенности со дна Средиземнаго моря, близъ Смирны и Крита. Цѣнность этихъ губокъ побудила заняться искусственнымъ разведеніемъ ихъ на берегу Далмаціи.

Считаемъ необходимымъ добавить, что кромѣ всѣмъ извѣстнаго употребленія губокъ въ обыденной жизни, жженныя обрѣзки губокъ, ради содержанія въ нихъ юда, употребляются въ медицинѣ, какъ средство противъ зоба.

Для добыванія со дна моря губокъ, изъ которыхъ многія растутъ на порядочной глубинѣ, спускаются водолазы. Вдоль береговъ, гдѣ находятся ловли губокъ, жители съ ранняго возраста приучаются нырять и достигаютъ такого совершенства, что остаются подъ водою до 7 минутъ. Вокругъ Триполи водолазы спускаются на дно съ веревкой, на концѣ которой привязывается мраморная плита; когда водолазъ устаеетъ, онъ дергаетъ за нее и тѣмъ даетъ знакъ, чтобы его вытаскивали. Поиски губокъ сопряжены съ страшными опасностями: во-первыхъ водолазъ можетъ потерять веревку; самъ же онъ поднятъ со дна не можетъ; а во-вторыхъ ему нерѣдко приходится выдерживать нападенье акулы. Послѣдствіемъ промысла является слабость груди, чихотка и ежегодно нѣсколько жертвъ моря.

Губка бодяга, водящаяся на двѣ рѣсныхъ, текущихъ водъ, извѣстна повсемѣстно въ Россіи. Растертая въ порошокъ, она употребляется для натиранія щекъ вмѣсто румянъ; въ смѣснѣ же съ растительнымъ масломъ, ею сводятъ синяки на тѣлѣ.

Представленная на нашемъ рисункѣ „чаша Нептуна“—ничто иное какъ губки, которымъ сообразно ихъ формѣ, дали въ этомъ случаѣ такое названіе.

Л.

Извѣстія съ ТЕАТРА ВОЙНЫ.

Какъ двѣ недѣли тому назадъ все вниманіе нашего общества приковывала Шипка, такъ въ прошлую недѣлю его приковывала Плевна, ея настойчивая осада съ нашей стороны и отчаянное сопротивление нашихъ враговъ. Расскажемъ дѣло въ хронологическомъ порядкѣ. Послѣ взятія нашими войсками Ловчи, о которомъ мы уже говорили въ прошломъ обзорѣ (см. «Наву» № 36), мы говорили также и о важномъ стратегическомъ значеніи этого взятія для дальнѣйшихъ нашихъ операций, такъ какъ естественнымъ слѣдствіемъ взятія Ловчи должно быть движеніе съ юга на Плевну, и осада этого важнаго пункта, что бы вытѣснить оттуда Османа-пашу. Этого естественно было ожидать: это, дѣйствительно, и случилось вскорѣ. Изъ предъидущаго обзорѣя нашего читателя уже знаютъ о томъ, что происходило, подѣ Плевной 25 и 26 августа.

Потери наши 26-го были незначительны. Но 27 же августа, около 5 часовъ утра, артиллерійскій бой возобновился съ усиленною энергіей.

28 августа наши батареи обстрѣливали Плевну цѣлый день, на разстояніи 600—700 сажень. 29 утромъ турки сдѣлали сильную вылазку противъ лѣваго фланга нашего расположенія, но были отбиты съ большимъ урономъ. Далѣе въ этотъ же день произошла рекогносцировка румынами непріятельскаго редута, который при этомъ открылъ сильный ружейный огонь, но долженъ былъ вскорѣ замолчать, благодаря сосредоточеннымъ выстрѣламъ нашихъ батарей. Одна изъ батарей передвинута была нами, 28 августа, для стрѣльбы по турецкому укрѣпленному лагерю. Ночью съ 28-го на 29-е происходила сильная стрѣльба, а 29-го усиленная кононда снова возобновилась, и обстрѣливаніе Плевны съ нашихъ осадныхъ и полевыхъ батарей продолжалось цѣлый день. Уже поздно вечеромъ, нашъ лѣвый флангъ, подѣ начальствомъ генерала Скобелева, занялъ еще высоту, съ которой представлялось возможнымъ дѣйствовать по непріятелю, по укрѣпленному лагерю и по самому городу. Непріятель оказалъ намъ лишь слабое сопротивленіе. Въ этотъ же день кавалерія наша на Соейской дорогѣ, отразила отрядъ конныхъ черкесовъ, выступившихъ противъ нея изъ Плевны.

30 августа обстрѣливаніе, начатое съ разсвѣтомъ, продолжалось до 3-хъ часовъ дня. И затѣмъ, когда усиленный трехдневный артиллерійскій огонь достаточно подготовилъ возможность штурма, этотъ штурмъ начался. Къ вечеру этого дня на южномъ фронтѣ уже были взяты 3 редута генераломъ Скобелевымъ и большой Гривницкій редутъ генераломъ Родіоновымъ. Но это дѣло, при ожесточенномъ сопротивленіи непріятеля, не обошлось безъ чувствительныхъ потерь. Генераль Родіоновъ, при взятіи Гривницкаго редута, раненъ (къ счастью легко), а командиръ 17-го пѣхотнаго Архангелогородскаго полка полковникъ Шлантеръ убитъ. Затѣмъ убитъ начальникъ 3-й стрѣлковой бригады генералъ Добровольскій. Въ Штурмѣ Гривницкаго редута участвовали 6 нашихъ и 1 румынскій батальоны, и при этомъ взято 2 знамени и 5 орудій.—31 августа съ разсвѣтомъ, опять возобновился по всей линіи сильный огонь и при этомъ наши войска стояли въ виду турецкихъ укрѣпленій, на занятыхъ вечеромъ мѣстахъ.

31-го августа атака съ нашей стороны прекратилась, почему—пока неясно и конечно, мы получимъ объ этомъ вскорѣ подробныя свѣдѣнія. Оставивъ атаку, наши войска обстрѣливали съ близкаго разстоянія турецкія укрѣпленія, а также и самый

городъ, который около 4 часовъ дня загорѣлся и произошли 2 большихъ взрыва въ турецкихъ укрѣпленіяхъ. Но турки отвѣчали на нашъ огонь мало, а направили все усилія противъ нашего лѣваго фланга, угрожавшаго ихъ тылу. На этомъ флангѣ былъ генераль Скобелевъ; онъ отбилъ пять ожесточенныхъ турецкихъ атакъ, но затѣмъ, послѣ шестой атаки, всетаки былъ принужденъ оставить позиціи, взятыя имъ 30-го августа *). За ночь на 1-е сентября войска наши окопались на занятыхъ ими прежде позиціяхъ вокругъ Плевны. 31-е августа было снова страшнымъ и грознымъ днемъ.

Эти извѣстія были сообщены Его Высочествомъ Главнокомандующимъ отъ 1 Сентября; 2-го—официальныхъ извѣстій съ театра войны не было, такъ какъ въ этотъ день Его Высочество Главнокомандующій обѣзжалъ позиціи, выбралъ новыя мѣста для батарей, производилъ рекогносцировку непріятельскаго расположенія, и какъ сказано въ телеграммѣ отъ 3-го числа, не успѣлъ телеграфировать! Въ этой телеграммѣ (отъ 3-го сентября) сообщается, что 1-го сентября весь день и 2-го до 6 часовъ вечера наши батареи обстрѣливали Плевну. Турки не отвѣчали; они повидимому берегутъ снаряды на случай повторенія штурма. Въ 6 часовъ вечера 2-го сентября турки открыли усиленный огонь по гривницкому редуту и затѣмъ атаковали его, но были отбиты при содѣйствіи нашихъ и румынскихъ резервовъ; все дѣло продолжалось 3¼ часа. За симъ 4-го сентября наши продолжали обстрѣливать непріятельскія укрѣпленія.

По свѣдѣніямъ къ вечеру 2-го сентября, черезъ всѣ перевалочныя пункты прошло, съ 26-го августа, раненыхъ офицеровъ 239 и нижнихъ чиновъ 9,482; число убитыхъ около 3,000; точной цифры опредѣлить еще невозможно. Вся наша потеря около 300 офицеровъ и 12,500 нижнихъ чиновъ. Румынская армія до утра 2-го сентября потеряла около 60 офицеровъ и 3,000 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Духъ войскъ, какъ нашихъ, такъ и румынскихъ, превосходенъ; молодая румынская войска, по словамъ телеграммы, дерутся отлично.

На всѣхъ остальныхъ мѣстахъ театра войны все по прежнему спокойно.

И такъ бой подѣ Плевной еще до сихъ поръ не далъ ни какихъ рѣшительныхъ результатовъ. Число жертвъ, павшихъ на поляхъ, окружающихъ это упорно отстаиваемое турками мѣсто, уже достигло громадной цифры (если припомнить число жертвъ, павшихъ во время первыхъ двухъ неудачныхъ атакъ). Но мы уже имѣли случай не разъ говорить, что изъ всѣхъ народныхъ бѣдствій, война есть величайшее бѣдствіе и, видя въ Богъ, какъ Россія, въ лицѣ своего миролюбиваго монарха, старалась избѣжать войны. Теперь же, когда наступаютъ самыя рѣшительныя обстоятельства этой войны, намъ уже не слѣдуетъ смущаться духомъ, а терпѣливо ждать дальнѣйшаго хода ея и выполненія тѣхъ стратегическихъ плановъ, которые предначертаны главнокомандующимъ. Вышеописаннымъ упорнымъ и до сихъ поръ неприведшимъ къ рѣшительнымъ результатамъ боемъ подѣ Плевной нисколько не уничтожаются выгода и значеніе нашего стратегическаго движенія отъ Ловчи на Плевну. Съ одной стороны позиціи турокъ слишкомъ выгодны, слишкомъ укрѣплены самою природою, затѣмъ мужество отчаяныя нашихъ враговъ, бьющихся на животь и на смерть, тоже слишкомъ велико,—что бы счи-

*) То есть три редута, о которыхъ сказано выше.

Чаша Нептуна. Губна (Spongia). Рисов. Менель, граф. Лапланть.

тать неожиданным подобный оборотъ дѣла. Эти обстоятельства, въ связи съ турецкимъ ожесточеніемъ и фанатизмомъ, дѣлають настоящую войну жестокою и кровопролитною. Но такую дѣною суждено намъ покупать свободу нашихъ униженныхъ братьевъ. Хотя въ исторіи и ничего не повторяется, но были же и аналогичныя съ настоящимъ грозныя моменты, когда правое дѣло, дѣло свободы, повидимому, погибало, мудрый законъ справедливости, управляющей событіями, неожиданно давалъ направление этимъ событіямъ въ пользу праваго дѣла. Въ другихъ пунктахъ дунайскаго театра войны за это время положеніе дѣлъ не змінилось, точно также и въ Малой Азіи дѣла находятся въ прежнемъ положеніи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ слоб. „Новая сотня“ (Воронежской губ.) М. М. Прот.—ову. Изъ массы стиховъ, съ упорнымъ постоянствомъ ежедневно доставляемыхъ въ редакцію, ящикъ „сочинения на пробу“ выдаются своими необычайными перама. Напримеръ, — такіе стихи:

Зачѣмъ вы равнодушно на меня взраете,
Что я въ лѣтахъ соорѣвши,
И взоръ свой отъ меня отвращаете,
Вы полагаете, что чувства мои охладѣвши,

Не знаемъ, какого мѣйне о вашихъ чувствахъ то лядо, къ которому вы обращаетесь, но мы съ своей стороны не можемъ незамѣтить, что, какъ-бы ни были „охладѣвши“ ваши чувства, краснорѣчіе ваше всегда будетъ способно воспламенить ихъ и дать вамъ возможность сказать въ слѣдующемъ „сочинении“ что чувства ваши „закапѣвши“

Екатеринославъ. А Лес—ову. Вы спрашиваете:

Для чего, для кого онѣ (звѣзды) тамъ
Разноцвѣтными блещутъ огнями,
Украшеніемъ ли несемъ
Или созданы отдѣльно мірама?

Задаваясь „высокими“ мыслями, да еще въ такихъ стихахъ, каковы ваши, можно пріядти только къ тому заключенію, что „систему міра изложивъ действительно-бы можно, да кто ее знаетъ какъ оно тамъ“. Дальше этого вы не пойдете.

Тамбовъ С. Кол—ину. Вы обращаетесь къ своей фантазіи съ такими стихами:

„О ты, фантазія, создатель
Разнообразнѣйшихъ идей...“

Это не высота тона напоминаетъ известное обращеніе:

„О ты, что букажи торгуешь,
Продай на гривну палачей.“

Думаемъ, что „высота тона“ въ обоихъ случаяхъ совершенно убитва.

2-й заемъ 1866 года,

23-й тиражъ 1-го сент. 1877 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

На основаніи Выс. утв. 14-го февраля 1866 г. Положенія о внутреннемъ 5%-омъ выигрышамъ займа, 1-го сентября 1877 г., Правленіемъ Банка, въ присутствіи надеющихся членовъ и депутатовъ, произведено тиражъ выигрышей и тиражъ погамента билетовъ 2-го займа 1866 г. Выигрыши пади на слѣдующіе билеты:

Table with 9 columns: №№ серій, №№ билет., Сумма выигрыша, №№ серій, №№ билет., Сумма выигрыша, №№ серій, №№ билет., Сумма выигрыша, №№ серій, №№ билет., Сумма выигрыша. It lists various lottery numbers and their corresponding prizes.

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1877 года.

ТАБЛИЦА

серій блж. 2-го внутр. 5%-омъ съ займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погамента. НУМЕРА СЕРІЙ.

Table listing lottery serial numbers: 205, 843, 1678, 2161, 2798, 2806, 2846, 2961, 3726, 4,080, 4100, 5644, 5940, 6113, 6368, 6904, 7025, 7039, 7264, 7834, 7929, 8067, 8227, 8812, 9043, 9044, 9089, 10228, 10455, 10667, 11442, 11628, 12437, 12872, 13074, 14203, 14,533, 14537, 14575, 14797, 14969, 16290, 15,369, 16159, 16,225, 16725, 16726, 16907, 17132, 17135, 18282, 18386, 18486, 18968, 19235, 19918.

Всего 56 серій, составляющія 2,800 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производится съ 1-го дек. 1877 г. въ Государст. Банкѣ, его Конторъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль-майоръ Валеріанъ Филипповичъ Дероминскій (съ портретомъ) Л.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть первая (продолженіе).—Размѣры военныхъ кораблей (съ рисункомъ).—Континированіе пѣкныхъ турокъ (съ рисункомъ).—Дворецъ Дольма Бахче въ Константинополѣ (съ рисункомъ).—Адольфъ Тьеръ (съ портретомъ) Л.—Возвращеніе съ полевыхъ работъ (съ рисункомъ) Д. Стахѣва.—Древній законъ Пфальца близъ города Науба на Рейнѣ (съ рисункомъ).—Гдѣ-же дорога? (съ рисункомъ).—Чаша Нептуна. Губна (Spongia) (съ рисункомъ) Л.—Иванъ Гіа съ театра войны.—Тиражъ выигрышей Государственнаго банка.—Почтовый ящикъ.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 38 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 19 Сентября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫПРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ГODOBAЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ въ
уже вышедшіе номера
«Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
" " съ доставкой	5 "
Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи	5 " 50 "

Подписка продолжается.

Контора журнала
«Нивы» помѣщается
въ С.-Петербурѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

23 ДНЕВНАЯ ОСАДА БАЯЗЕТСКОЙ КРѢПОСТИ.

Въ 35 № „Нивы“ мы имѣли уже случай сообщить въкоторыя свѣдѣнія о защитникѣ Баязетской крѣпости, капитанѣ Теодорѣ Эдуардовичѣ Штоквичѣ; въ настоящее время въ виду осуществившейся возможности помѣстить на страницахъ „Нивы“ его портретъ, приведемъ подробности Баязетскаго сибѣня, въ которомъ онъ выказалъ себя человѣкомъ неуклонной честности и замѣчательнаго мужества. Слово „сибѣнь“ старинное слово, означающее оборону гарнизона въ осажденной крѣпости. Надобно сказать, что комендантъ осажденной крѣпости получаетъ права командира отдѣльнаго корпуса, которыя равны правамъ главнокомандующаго, за исключеніемъ права назначать награды за подвиги. Приказанія коменданта исполняются какъ Высочайшія повелѣнія. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ комендантъ можетъ окончательнo подтвердить приговоры полевого суда, даже къ смертной казни, и только по исполненіи приговора обязанъ представить подлинное военно-судное дѣло въ главный военный судъ. — Осадѣ Баязетской крѣпо-

Теодоръ Эдуардовичъ Штоквичъ, комендантъ Баязетской крѣпости.
Рис. Н. Павловъ, грав. Вейерманъ.

сти предшествовали слѣдующія обстоятельства:

4 іюня курды напали на стада, принадлежавшія жителямъ Баязета, и отбили до 1000 головъ. 6 числа въ 5 часовъ утра для осмотра мѣстности выступилъ изъ Баязета отрядъ, а въ 11 часовъ отрядъ этотъ уже отступалъ, встрѣтивъ сильнаго непріятеля. Задуманная Штоквичемъ фланговая атака не удалась, такъ какъ были замѣчены массы непріятеля, тысячъ въ 7, дѣлавшія обходъ по гребню горы съ цѣлью отрѣзать нашъ отрядъ отъ крѣпости;—нужно было отступить. Для покровительства отступленію, Штоквичъ выслалъ изъ крѣпости и послѣдній караульный взводъ, замѣнивъ его вооруженною пересыльною частью изъ людей разныхъ командъ, слѣдовавшихъ черезъ Баязетъ. Свои позиціи за крѣпостью наши удерживали до тѣхъ поръ, пока къ туркамъ не подошли свѣжія подкрѣпленія. Тогда войска наши были уже вынуждены отступить въ крѣпость и началась осада. Во время послѣдняго отступленія, когда войска шли городомъ, жители открыли по нимъ огонь, стрѣляли даже женщины.

Огонь продолжался непрерывно, и ночью, при заревѣ пожаровъ, гарнизонъ нашъ увидѣлъ, какъ въ городѣ мусульмане рѣзали армянъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Недорѣзанныхъ женщинъ они кидали въ огонь. Отвѣсду слышались вопли и стоны. Такая рѣзня продолжалась три дня; въ варварствѣ принимали участие ирегулярная турецкая пѣхота. Что сталося послѣ этой рѣзни съ армянскимъ населеніемъ Баязета и какой ужасный видъ представляетъ эта часть города, читатели могутъ судить изъ помѣщенного въ настоящемъ номерѣ „Нивы“ рисунка (см. стран. 612).

Для приведенія крѣпости въ оборонительное положеніе, Штоквичъ приказалъ смотрителю госпиталя наполнить водою изъ родника всю свободную посуду. Дѣлалось это на случай, если непріятель отрѣжетъ воду. Госпитальной командѣ розданы были ружья отъ больныхъ. Всѣ окна въ домахъ были заложены камнями, оставлены только узкія бойницы для ружей, а на крѣпостныхъ стѣнахъ наложены изъ камней закрытія для стрѣлковъ. Для орудій сдѣлано закрытіе изъ мѣшковъ съ землей.

Точно также, въ виду неизвѣстности продолжительности осады и такъ какъ ни въ одной части войска не было 8 дневнаго запаса сухарей, Штоквичъ приказалъ уменьшить дачу на 1 фунтъ и прекратить варку горячей пиши для гарнизона, за исключеніемъ госпиталя. Офицеры также наравнѣ съ солдатами получали только сухари и воду. 6 числа, когда непріятель обложилъ крѣпость, гарнизонъ состоялъ изъ 5 штабъ офицеровъ, 30 оберъ офицеровъ, 126 унтеръ офицеровъ и 4461 ч. рядовыхъ. 7 числа крѣпостныя ворота были завалены камнями. Убитыя накануне лошади были сброшены съ крѣпостныхъ стѣнъ. 8 числа къ осаждающимъ туркамъ прибыла артиллерія. Обстрѣлявъ нѣсколько крѣпость, турки бросились на штурмъ, но были встрѣчены такъ твердо, что къ концу 2 часа должны были отступить на разстояніи дальняго выстрѣла, и наши орудія перешли отъ картежи къ гранатамъ. Турки оставили подъ стѣнами до 300 тѣлъ, унеся съ собою тоже не малое число. Съ 8 числа въ гарнизонѣ начали выдавать воду по 1/2 крышки въ день. Хотѣли было сдѣлать ночью траншею до оврага, гдѣ протекаетъ ручей, въ 300 шагахъ отъ крѣпости, но не смотря на принятые мѣры предосторожности, непріятель все таки узналъ и открылъ огонь. Пришлось прекратить носку воды. Тѣмъ не менѣе запасы воды изсякалъ и надобно было снова принимать какія нибудь мѣры. Опять сдѣланы ночью вылазку за водой и снова неудачно, тогда рѣшено было сдѣлать уже дневную вылазку въ 5 часовъ вечера, чтобы выбить непріятели изъ ближайшихъ къ ручью домовъ. Вылазка удалась совершенно, и вода была набрана. Дѣло стало только за сухарями, которые были уже на исходѣ и приходилось выдавать порціи въ 1/4 ф. на человека. 17 числа одновременно съ вылазкой за водой, рѣшили произвести фуражировку въ пустыхъ домахъ для сбора съѣстныхъ припасовъ, и на этотъ разъ дѣло кончилось успѣшно; всѣ нижніе чины получили горячую пищу. Но 20 чис. фуражиры были встрѣчены огнемъ турецкихъ стрѣлковъ, и съ этого времени турки зорко начали слѣдить за вылазками русскихъ. Вдругъ получается радостное извѣстіе, что къ 22 чис. должна придти къ осажденнымъ выручка. Всѣ вздохнули свободно, однако же наступило желанное 22 число, а выручки нѣтъ. Сдѣланы обычную вылазку за водой—отбита.—На другой день появляется обычнымъ порядкомъ коротенькій приказъ по гарнизону, которымъ дозволялось выдавать воды только по 1/4 крышки, а 24 числа вслѣдствіе неудавшейся вылазки приказывалось выдавать больнымъ по крышкѣ, а остальнымъ по ложкѣ. Наконецъ комендантъ приказалъ зарѣзать двухъ лошадей, такъ какъ оставшееся количество сухарей необходимо нужно было для больныхъ. Видитъ комендантъ, что люди пріуныли сильно, рѣшился онъ обратиться къ нимъ съ увѣщаніемъ. Крѣпитесь, друзья, говорилъ онъ между прочимъ, крѣпитесь; на будущія лишеныя, предстоятъ еще большія; притомъ не теряйте надежды на освобожденіе. Во всякомъ случаѣ, помните, что присяга, законъ, честь, долгъ

и слава нашего Отечества требуютъ отъ насъ умереть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ. Простое сердечное слово начальника приободрило людей, а тѣмъ болѣе, что ночью выпавшій дождь далъ возможность *вспрыснуть конину*. Далѣе зарѣзали еще лошадей, послѣднихъ оставшихся, такъ какъ и ихъ уже нечѣмъ было кормить: ячмень весь былъ поѣденъ людьми. А вода опять вышла и опять пришлось дѣлать вылазки и жертвовать людьми: каждая вылазка обходилась въ 5 и болѣе человекъ убитыми. Турки наложжили, какъ въ послѣдствіи оказалось, поперекъ ручья нѣсколько мертвыхъ человеческихъ тѣлъ, съ цѣлью отравить воду, и оттого вода, получаемая гарнизономъ, имѣла отвратительный вкусъ, отзывается мертвечиной. Пить однакоже надо и воду эту добывали, жертвуя жизнью.

27 числа гарнизонъ повторилъ вылазку въ 11 часовъ ночи и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что отъ русской границы уже шла выручка, Генералъ Тергукасовъ шель къ Баязету.

Нечего и говорить, что во все продолженіе этого времени турки не переставали осаждать крѣпость. Съ окружающихъ высотъ сыпались пули и снаряды, въ первое время дѣйствовали только горныя орудія, а во все остальное—6 фунтовыя полевыя.

Полевая пушка, обстрѣливая передній фронтъ крѣпости, болѣе всего вредила русскимъ; ни откуды въ нее нельзя было направить ни одной нашей пушки. Штоквичъ, наконецъ придумалъ втащить пушку въ верхній этажъ одного изъ домовъ, въ окно котораго видна была непріятельская батарея. Пушку снали съ лафета, съ лафета сняли колеса и, такимъ образомъ, втащили весь лафетъ на верхъ, а для того, чтобы при выстрѣлахъ не провалился полъ, въ нижней комнатѣ поставили частыя подпорки.

— Ну ка, полѣзай старушка на печь, шутили солдаты.

— Закашляла наша старушка, радостно привѣтствовали они первые ея выстрѣлы. Нѣсколько разъ „старушка“ усмиряла турецкую полевую пушку, но зато и сама была попорчена непріятельской гранатой и даже чуть было вовсе не была подбита. Къ непріятельскимъ гранатамъ наши привыкли, впрочемъ, очень скоро. Взвизгнетъ надъ ухомъ граната, обдастъ горячимъ вѣтромъ, а солдатъ улыбнется во все свое исхудалое лицо.

— Что мимо, то спасибо,—проговариваетъ онъ.

Положеніе больныхъ и раненыхъ было самое жалкое—тѣсноста въ помѣщеніяхъ была страшная. Раны перемывать было нечѣмъ.

И при такихъ тягостныхъ условіяхъ, не смотря на предложенія непріятели, то угрозами, то льстивыми увѣщаніями сдаться, гарнизонъ оставался твердъ и непоколебимъ. Въ одномъ изъ своихъ отвѣтныхъ писемъ къ туркамъ, комендантъ Штоквичъ прибавилъ такое выраженіе:

— Если вы такъ горячо желаете взять крѣпость— берите насъ силою. Русскіе живыми не сдаются“. Мы уже имѣли случай въ вышеупомянутомъ № 35 „Нивы“ говорить о томъ, сколько разъ турки присылали къ коменданту Баязетской крѣпости упрощиванія о сдачѣ крѣпости. Догадывались конечно они, что если имъ удастся добраться до этой крѣпости, то развѣ только для того, чтобы взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ со всѣмъ ея геройскимъ гарнизономъ. Такъ бы, конечно, и случилось. И въ этомъ геройскомъ дѣлѣ не было бы ничего необычайнаго, и почтенный комендантъ Баязетской крѣпости повторилъ бы только то, на что неразъ рѣшались русскіе герои и въ томъ числѣ достойной памяти отецъ капитана Штоквича погибшій славною смертію при взрывѣ порохового погреба крѣпости Карса въ кампаніи 1828—1829 г.

Въ незабвенный день 28 июня с. г. когда выручка вступила въ крѣпость, комендантъ обставилъ свое освобожденіе нѣкоторой торжественностію. Около флага выставлено было знамя 2 батальона 74 пѣх. полка и значки всѣхъ казачьихъ сотенъ. Около флага пропѣтъ былъ гимнъ „Боже Царя храни“, и громкое ура перекатилось по рядамъ войска

Л.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XV.

Цесаревна Елисавета вернулась съ прогулки въ свои апартаменты и отдыхала въ мягкомъ креслѣ. На душѣ у нея было, какъ всегда, свѣтло и весело, она съ удовольствіемъ осматривала свою любимую комнату, убранную и устроенную по ея вкусу. Комната была довольно обширна, устлана мягкими коврами. По стѣнамъ висѣли портреты родныхъ: Петра Великаго, Екатерины и любимой сестры Елисаветы герцогини Анны Петровны. Былъ тутъ также и превосходный портретъ

юнаго Императора, недавно съ него списанный и подаренный имъ Елисаветѣ. У окна стоялъ мольбертъ съ начатой картиной, надъ которой по утрамъ работаетъ Елисавета. Много книгъ разложено было въ углу, на большомъ столѣ, покрытомъ тяжелой скатертью. Цесаревна, предаваясь удовольствіямъ, всегда находила время для занятій; она прекрасно рисовала, пѣла, любила читать интересныя и полезныя книги. Теперь она вытянула на бархатную подушку свои маленькія ноги, обутыя въ атласныя туфли, откинула голову и улыбалась сидѣвшему передъ нею Александру Борисовичу

Бутурлину. Бутурлинъ былъ красивый, статный молодой человекъ, очень любезный и образованный для своего времени. Въ послѣдніе мѣсяцы всѣ замѣтили, что цесаревна обратила на него большое вниманіе, постоянно къ себѣ приглашала—объ этомъ ужъ всѣ говорили. Въ комнату вошла фрейлина и подала письмо Елисаветѣ.

— Ахъ, это изъ Кили, обрадовалась цесаревна,—отъ Мавры Шенелевой, что-то она пишетъ?

Елисавета быстро разорвала конвертъ и принялась читать письмо.

Ея прелестное лицо оживилось еще больше, улыбка распространялась по нему и показывала на щекахъ прелестныя ямки.

Бутурлинъ молча любовался ею.

— Что-жъ она вамъ пишетъ, или это тайна?—накопецъ проговорилъ онъ.

— Какая тайна! Пишетъ, что всѣ здоровы. Сестра ѣздила въ саняхъ по Килію и весь городъ дивовался русскимъ санямъ. Балы у нихъ тамъ черезъ день. Особенно веселый балъ, говоритъ Мавра, былъ у графа Бассевича—вотъ какъ пишетъ: „и танцовали мы тамъ до десятаго часа утра и не удовольились въ комнатахъ танцовать, такъ стали польскій танцовать въ поварнѣ и въ погребѣ“. И цесаревна и Бутурлинъ громко засмѣялись.

— Вотъ тамъ какъ веселятся—не нашему чета, говорила Елисавета,—отъ души веселятся. Послушай, что дальше: „И всѣ дамы кильскія также танцовали, а графиня Кастель старая, лѣтъ пятидесяти, охотница великая танцовать и перетанцовала всѣхъ дамъ—молодыхъ перетанцовала“. И еще пишетъ: „Бишофъ очень дурно танцуетъ, а принцъ Августъ и еще того хуже.“ А вотъ и еще—но вотъ прочти самъ и цесаревна, краснѣя передала письмо Бутурлину, указывая на приписку. Онъ прочелъ: „ежели вашему высочеству не въ прогивное поздравить съ кавалеріею Александра Борисыча“. Цесаревна все также улыбаясь и краснѣя взяла письмо обратно у Бутурлина. Онъ съ восторгомъ глядѣлъ ей въ глаза—нѣжная, бѣлая рука съ письмомъ была такъ близко отъ лица его, что онъ не могъ удержаться и поцѣловалъ эту руку. Елисавета тихонько ударила его письмомъ по лицу и опять засмѣялась.

Въ это время дверь отворилась и на порогѣ показался юный Императоръ. Онъ осмотрѣлъ всю комнату, пристально взглянулъ на смѣющуюся, раскраснѣвшуюся Елисавету, потомъ перевелъ свои глаза на Бутурлина, поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Мнѣ кажется ты никогда не бываешь дѣломъ занятъ, не сдерживая своего раздраженія сказалъ онъ Бутурлину, я тебя еще никогда за дѣломъ не видѣлъ.

— А вотъ дайте мнѣ дѣло Ваше Величество, такъ я и буду занятъ, спокойно отвѣтилъ Бутурлинъ.

— Дамъ, непремѣнно дамъ, а теперь оставь насъ, мнѣ нужно поговорить съ цесаревной.

Бутурлинъ поклонился глубокимъ поклономъ и вышелъ.

Едва заперлась за нимъ дверь, Петръ подбѣжалъ къ Елисаветѣ, схватилъ ее за руку и прошепталъ задыхаясь отъ волненія: Лиза, Лиза, зачѣмъ ты меня мучаешь?

Она изумленно на него взглянула.

— Я, я тебя мучаю, скажи на милость чѣмъ?

— Какъ будто сама не знаешь—что жъ это такое, всякій то разъ какъ приду къ тебѣ, непремѣнно у тебя этотъ Бутурлинъ торчитъ, всегда ты съ нимъ.

— А вотъ я слышала, что меня упрекаютъ будто я всегда съ тобою, что я тебѣ учиться мѣшаю, такъ не знаю, право, что ужъ мнѣ и дѣлать—все не ладно. И потомъ скажи, пожалуйста, Государь, съ какихъ это поръ ты сталъ моимъ дядькой? Если ты видишь у меня Бутурлина, такъ чтожъ тутъ мудренаго и дурнаго,—я очень люблю Бутурлина и всегда рада его видѣть, люблю потолковать съ нимъ: онъ умный, веселый...

— А я не могу допустить этого, я этого не позволю, волновался Императоръ.

— Вотъ какъ, засмѣялась Елисавета, глядя ему прямо въ глаза своими живыми свѣтлыми глазами, вотъ какъ! мой милый племянничекъ хочетъ подражать Александру Данилычу—моимъ звѣремъ-церберомъ хочетъ сдѣлаться! И чѣмъ тебѣ помѣшалъ Бутурлинъ, за что ты такъ не влюбилъ его, самъ еще недавно хвалилъ.

Юный Императоръ ничего не отвѣтилъ, только вдругъ его лицо измѣнилось, онъ упалъ передъ цесаревной на колѣни, прижался къ ней лицомъ и горько заплакалъ. Она взяла голову его обѣими руками и подняла ее.

— Голубчикъ мой, Петинька, что съ тобой? Зачѣмъ ты плачешь?

— Я все вижу, все—захлебывался слезами Петръ. Я... я вижу, что ты меня нисколько не любишь, Лиза!

— Ахъ, какой ты право ребенокъ, какъ тебѣ не стыдно. Ты такъ уменъ, такъ благоразуменъ, а вдругъ превращаешься въ самаго маленькаго, глупенькаго мальчика—какъ тебѣ не стыдно?

— Но по совѣсти, какъ передъ Богомъ, можешь ли ты мнѣ сказать Лиза, что ты меня любишь?

— Еще бы—люблю, люблю всѣмъ сердцемъ, мой милый, дорогой. Она обняла его и крѣпко поцѣловала.

— Ну если это правда, если ты меня любишь, началъ юный Императоръ, вытирая слезы и усаживаясь въ кресло рядомъ съ цесаревной, и не выпуская ея руку,—если это правда, такъ докажи мнѣ: согласишься быть моею женою.

Цесаревна съ видомъ глубокаго изумленія взглянула на него и высвободила свою руку.

— Ахъ, какой вздоръ это, тихо проговорила она, откуда, право, берутся у тебя такія мысли.

— Почему-жъ это вздоръ, вспыхнувъ возразилъ Императоръ.

— А потому вздоръ, что вовсе тебѣ теперь еще не слѣдуетъ думать о женитьбѣ И какая я тебѣ невѣста, я старше тебя—я твоя тетка.

— Тетка, тетка... и ты тоже, рады вы всѣ, что нашли это слово. Такъ чтожъ что тетка?—развѣ тебѣ, такой красавицѣ, такой молоденькой, прилично быть теткой? лучше тебѣ быть невѣстой. И потомъ ты говоришь, что мнѣ рано объ этомъ думать—да какъ же рано, когда ужъ у меня была невѣста... и должна быть непремѣнно и вѣдь моя невѣста была не моложе тебя, а никто тогда не находилъ этого страннымъ.

— Ну вотъ оттого, что она была твоей невѣстой и была старше тебя, ты и не любилъ ее. Такъ бы и меня скоро разлюбилъ, еслибъ я согласилась.

— Ты—и она, смѣшно даже подумать! Какъ можешь ты себя сравнивать съ нею,—все больше и больше волновался юный Императоръ. Лиза, послушай, согласишься, я тебя умоляю, я тебя люблю больше всѣхъ на свѣтѣ, я для тебя все сдѣлаю, что только ты захочешь. Чо-жъ, развѣ лучше будетъ тебѣ выйти замужъ за какогонибудь нѣмецкаго принца, уѣхать отсюда, никогда не видѣть ни насъ, ни Россіи. Вѣдь вотъ ты сама часто говоришь, что тетюшка Анна Петровна несчастна, что такъ она сюда и рвется,—чтожъ ты и себѣ того-же хочешь?

— Нѣтъ, я себѣ вовсе этого не хочу—я совсѣмъ не хочу замужъ. Я останусь такою, какова я и теперь, останусь свободной. Зачѣмъ мнѣ мужъ—не нужно.

— Лиза, умоляю тебя, согласишься—развѣ ты не хочешь быть царицею?

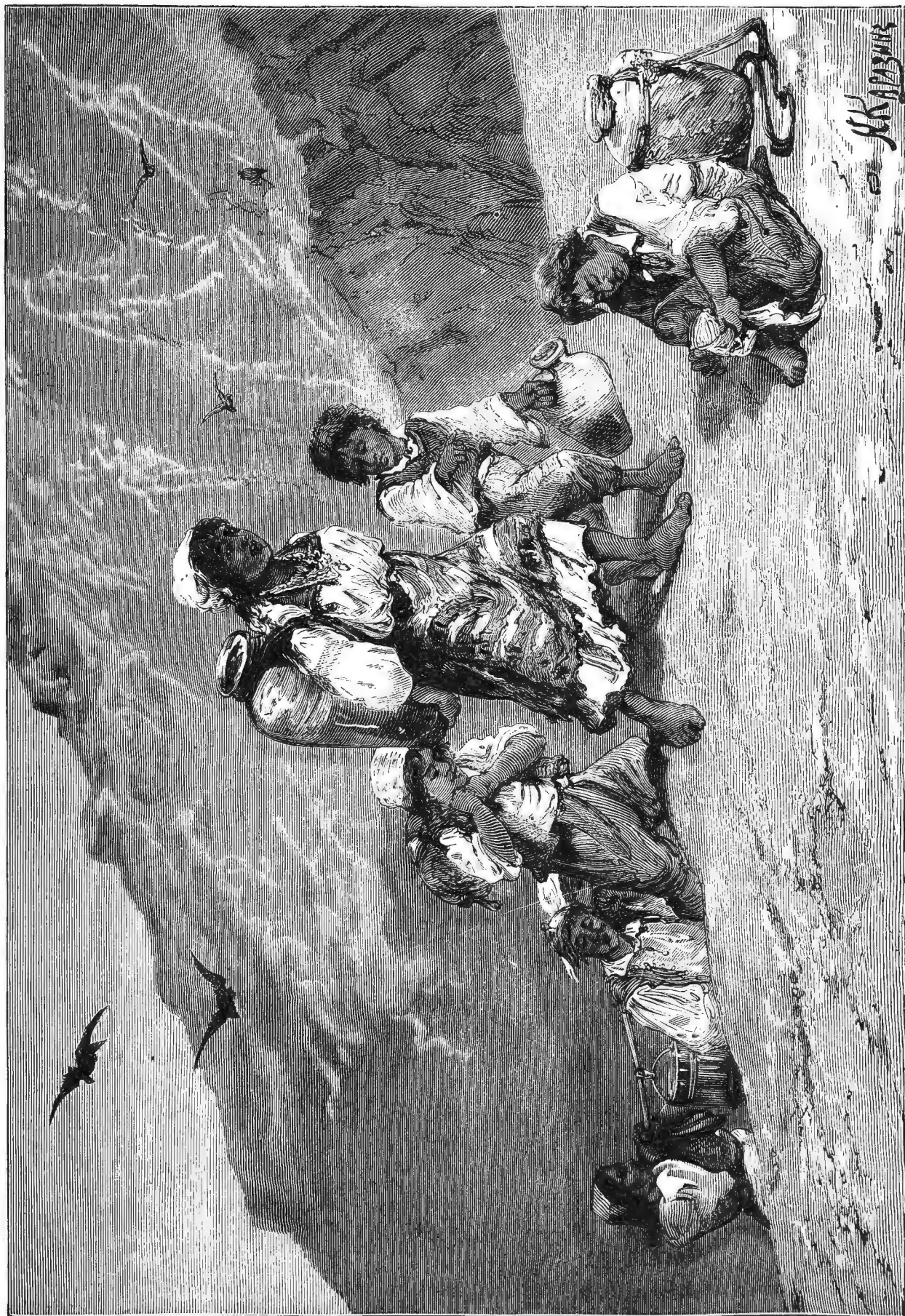
— Вѣдь вотъ теперь ктонибудь можетъ тебя обидѣть, а тогда никто ужъ не обидитъ.

— Я не знала, Государь, что меня можно теперь обижать, я думала, что ты никому меня не дашь въ обиду, поднялась Елисавета.

— Ахъ, прости, прости, я не такъ сказалъ, заторо-

Армяне бѣгущіе въ турецкихъ владѣній къ русской гвандѣ въ Малой Азіи подѣ охраною войскъ г. Тергузасова. Съ наброска К. Л. грав. Вейермангъ.

Въ Валсанахъ. Волгарскія дѣти, доставляющія воду русскимъ войскамъ во время битвы при Шилеѣ.
По наброску очевидца, оригинальный рисунокъ Н. Каразина грав. Вейерманга.

пился Петръ,—я не знаю что говорю, я право такъ опечалень, такъ несчастливъ... Лиза, голубушка моя, согласись пожалуйста, я теперь не могу жить безъ тебя.

— Нѣтъ, видно можешь, улыбулась цесаревна,—ты не можешь жить только безъ Ивана Долгорукаго. Вотъ ты меня упрекаешь, что часто бываетъ у меня Бутурлинъ, а посмотри на себя:—вѣдь ты совсѣмъ не отпускаешь отъ себя Долгорукаго, вѣдь всѣ дни и ночи ты съ нимъ. Ужь за одно это я бы никогда не согласилась на то, о чемъ ты просишь. Долгорукий дѣлаетъ изъ тебя все, что хочеть; еслибъ ты и женился когда—вздумаешь онъ обидѣть твою жену и ты это ему дозволишь.

— Ахъ, Боже мой, что ты говоришь, Лиза! Иванъ точно мой самый лучший другъ: я его люблю и онъ меня любить, но только напрасно ты думаешь, что я позволю ему играть собою. Ахъ, Лиза, да если я всегда съ нимъ, если я стараюсь веселиться, такъ вѣдь только можетъ быть, чтобъ какъ нибудь убить время, чтобъ о тебѣ не думать—ты всему причиной. Скажи одно слово, согласись о чемъ прошу я—и все будетъ иначе. Лиза, послушай—скажи, что ты меня любишь, что согласна быть моею невѣстой и если велишь... если хочешь, я всѣмъ тебѣ пожертвую и хотъ люблю Ивана, а по твоему приказу и съ нимъ не стану видаться, забуду о немъ, обо всемъ забуду Лиза.

И одно ея слово дѣйствительно могло бы произвести самую неожиданную и огромную перемѣну—но она не сказала этого слова. Она все хорошо видѣла и понимала, она знала что теперь могла бы забрать все въ свои руки, всѣмъ распоряжаться какъ ей вздумается, могла бы сдѣлаться всемогущей—но для этого нужно было притворяться, лгать, ломать свое сердце, соглашиться на то, что казалась ей немислимымъ, невозможнымъ, противнымъ совѣсти, — и честная прямая натура Елизаветы возмущалась этимъ. Она была готова отъ всего отказаться, готова была вынести многое, чтобъ только остаться свободной въ своихъ поступкахъ и въ своихъ чувствахъ, и она не выговорила того слова, котораго такъ жадно ждалъ отъ нея юный Императоръ. Она встала передъ нимъ. Спокойное поблѣднѣвшее лицо ея сдѣлалось вдругъ серьезнымъ и даже грустнымъ.

— Нѣтъ Государь, нѣтъ, мой милый Петруша, я не могу согласиться, тихимъ, ровнымъ голосомъ выговорила она, я не хочу обманывать тебя, себя и Бога. Я сердечно люблю тебя—но какъ брата, какъ племянника, какъ Государя. Никогда я не могу быть твоей женою. Петруша, голубчикъ, и ты не волнуйся, ты самъ потомъ будешь мнѣ благодарень, что я такъ говорю тебѣ.

— Такъ это твое послѣднее слово... послѣднее,—блѣдный и дрожащій едва выговорилъ Императоръ.

— Послѣднее, Петруша.

Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на нее, крупныя слезы готовы были политься изъ глазъ его; онъ, задыхаясь отъ сдавливаемыхъ рыданій и вдругъ собравъ всѣ силы, молча и даже не взглянувъ на Елисавету, вышелъ изъ комнаты. Онъ отправился прямо къ сестрѣ и вошелъ къ ней съ такимъ лицомъ, что она испугалась.

— Что съ тобой, братецъ?

— Ничего, Наташа... т. е. очень многое. Я сейчасъ былъ у Лизы, я предложилъ ей быть моею женою—и она мнѣ отказала.

— Что-жь, она очень хорошо сдѣлала, смущенно проговорила великая княжна.

Цѣлый рой мыслей закружился въ ея головѣ: „Что-жь, радоваться этому или печалиться, думала она,—можетъ быть разсердится, не проститъ ей этого, отвернется отъ нее.... О, какъ бы это хорошо было! но вѣдь можетъ быть и на оборотъ, можетъ быть эта неудача только раздражитъ его и онъ еще больше ее полюбитъ—

вѣдь это бываетъ—я знаю, я понимаю, что оно можетъ быть и навѣрно бываетъ.

— Какъ же она тебѣ отказала?

— А такъ, что ты была права сестрица, когда говорила, что Лиза хитрая, что она только смѣется надо мною и считаетъ меня ребенкомъ. Да, она сама мнѣ теперь все это сказала: она взаправду только всегда смѣялась надо мною, она меня никогда не любила. Для нея я мальчикъ, ей со мной скучно, ей веселѣе вонъ съ Бутурлинымъ, онъ, видишь ты, уменъ и веселъ.

— А, Бутурлинъ, подумала великая княжна. Да я знала, что такъ все и будетъ, громко сказала она,—Бутурлинъ ей очень нравится—это я давно замѣчаю.

— Такъ я не поущу этого, не вынесу... Я уни-чтожу Бутурлина, я сошлю его, я не позволю смѣяться надо мною!...

— Братецъ, милый, успокойся—заговорила царевна, не хорошо это. Ты долженъ оставить Бутурлина въ покоѣ, какъ можешь ты становиться съ нимъ на одну доску—вы не ровня. Онъ не смѣетъ надъ тобой смѣяться. Не за что ссылать его, пока онъ дѣйствительно не провинился: ты долженъ быть справедливымъ, ты долженъ понять наконецъ Лизу—она тебя не стоитъ. Если она себѣ находитъ друзей—пускай ее, оставь ее и успокойся. Послушайся меня—береги свое достоинство, держи себя такъ, что бы всѣ тебя уважали.

Юный Императоръ мрачно слушалъ сестру, его лицо хмурилось все больше и больше.

— Да, ты права,—наконецъ прошепталъ онъ,—это правда, что не стоитъ связываться. Я любилъ ее такъ, какъ больше любить невозможно, но если она меня мѣняетъ на всякаго и со всякимъ дружится—такъ я самъ не хочу ее знать... Я забуду ее, Наташа, теперь ты можешь радоваться. Ты боялась, что тебя изъ-за нее позабуду и разлюблю—ну такъ вотъ видишь, будь теперь спокойна: я не хочу объ ней думать, ее для меня нѣту... Ты одна только у меня... одна только, Наташа!..

Юный Императоръ вдругъ заплакалъ, бросился на шею сестры и долго они такъ оставались и плакали вмѣстѣ.

По его уходѣ великая княжна даже стала креститься отъ радости и благодарила Бога, что онъ помогъ ей.

Юный Императоръ очевидно серьезно намѣревался позабыть красоту тетюшку. Вечеромъ во дворцѣ былъ балъ—Петръ казался оживленнымъ, много танцевалъ и не разу не подошелъ къ цесаревнѣ. Всѣ сейчасъ же замѣтили это и начались по обыкновенію всевозможные разговоры и предположенія. Но цесаревна ничѣмъ не смущалась, была какъ и всегда весела, привѣтлива; тоже танцевала весь вечеръ и не разъ ходила по заламъ подъ руку съ Бутурлинымъ.

ХVI.

Прошло Рождество. Въ Петербургѣ готовились къ переѣзду двора въ Москву на коронацію. Самъ Императоръ торопиль этой поѣздкой: ему ужъ надоѣлъ Петербургъ—все одно и то же, да одно и то же, а въ Москвѣ, говорятъ, столько славныхъ мѣстъ для охоты, чудныя облавы на медвѣдей можно дѣлать. И Андрей Ивановичъ тоже торопитъ отъѣздомъ, Андрей Ивановичъ часто теперь говоритъ о московской бабушкѣ. Никогда до послѣдняго времени ни Петръ, ни Наталья не слышали объ этой бабушкѣ, даже думали, что умерла она, что ея совсѣмъ нѣтъ, и вдругъ эта бабушка оказалась живою. Еще раньше осенью, послѣ ссылки Меншикова, баронъ Андрей Ивановичъ принесъ Императору письмо отъ нея и говорилъ ему, что бабушка до сихъ поръ была въ далекомъ монастырѣ, что ее нужно со всякимъ почетомъ перевезти въ Москву и пусть она сама себѣ выбираетъ мѣстожительство. Императоръ сейчасъ же распорядился; бабушкѣ былъ назначенъ

штатъ, она пожелала поселиться въ дѣвичьемъ монастырѣ: бабушка монахиня—вспомнилъ Императоръ все, что когда либо о ней слышалъ, ничего хорошаго не слышалъ онъ о ней, никто и не любилъ ее: всѣ бранили. Говорили, что много она была виновата передъ супругомъ своимъ Петромъ Великимъ. Да полно такъ-ли, нужно-ли почитать эту бабушку? спросилъ объ этомъ Императоръ у Андрея Ивановича. Андрей Ивановичъ говоритъ, что нужно. А ну, какъ бабушка станетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло, будетъ вести себя также, какъ вель Меншиковъ. Меншиковъ тоже всегда говорилъ, что имѣетъ право надъ Императоромъ, жаловался на его неблагодарность, выставялъ свои заслуги. Но Меншиковъ былъ подданный, а если бабушка станетъ во все вмѣшиваться, такъ видъ ей и не отвѣтишь, пожалуй, что не ея это дѣло. Она родная—точно имѣетъ право, особенно теперь, когда никого старшихъ нѣту. Какъ хорошо, что она пожелала поселиться въ Москвѣ! Юный Императоръ даже испугался, когда одинъ разъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она между прочимъ писала: „При этомъ просьба: есть-ли ваше величество къ Москвѣ вскорѣ быть не изволите, дабы мнѣ повелѣти быть къ себѣ, чтобы мнѣ по горячности крови видѣть васъ и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей. Дай моя радость мнѣ себя видѣть въ моихъ такихъ несносныхъ печаляхъ. Какъ вы родились—не дали мнѣ про васъ слышать, ниже видѣть васъ“. Петръ испугался; „бабушка хочетъ сюда ѣхать, прїѣдетъ, испортитъ все веселье—нѣтъ, пусть живетъ тамъ въ Москвѣ. Поѣдемъ на коронацію—увидимся“. Онъ написалъ старой царицѣ самое любезное письмо, но не звалъ ее въ Петербургъ. „Прошу ко мнѣ отписать,—заканчивалъ онъ письмо,—въ чемъ я вамъ могу услугу и любовь мою показать, еже я вѣрно исполнять не примину. Я самъ ничего такъ не желаю, какъ чтобы васъ видѣть и надѣюсь, что съ Божіей помощію еще нынешней зимы то учиниться можетъ“.

О московской бабушкѣ разсуждали теперь и думали очень многіе, раньше всѣхъ подумалъ, какъ мы уже видѣли, баронъ Андрей Ивановичъ. Но и Долгорукіе соображали, что на нее слѣдуетъ обратить вниманіе и они ей писали.

Старая царица благодарила всѣхъ за вѣрную службу ея внуку и всѣхъ увѣряла въ своемъ расположеніи.

Баронъ Остерманъ очевидно окончательно помирился со своей совѣстью, рукой махнулъ на ученіе Императора и не препятствовалъ въ его забавахъ. Долгорукіе съ каждымъ днемъ получали больше и больше силы. По всему Петербургу ходили преувеличенные разсказы о безчинствахъ, чинимыхъ фаворитомъ.

Великая княжна Наталья нѣсколько успокоилась, здоровье ея поправилось: она перестала кашлять.

Юный Императоръ все се, дѣлся на цесаревну Елисавету и старался показать ей это: онъ ухаживалъ то за одной, то за другой изъ красивыхъ дѣвушекъ, дочерей придворныхъ. На святкахъ, во время многочисленнхъ праздниковъ и баловъ, устраиваемыхъ при дворѣ, онъ обратилъ особенное вниманіе на княжну Катерину Долгорукую, которая совсѣмъ выросла и ужасно похорошѣла въ послѣдніе мѣсяцы. Этому, конечно, способствовалъ и фаворитъ, онъ почти ежедневно находилъ случай такъ или иначе напомнить Императору о своей сестрѣ, расхваливалъ ея умъ, толковалъ о добротѣ ея сердца, быть можетъ главнымъ образомъ, чтобъ только угодить ему, и любезничалъ съ ней императоръ.

Но Катюша Долгорукая держала себя весьма сдержанно, нисколько не кокетничала и не искала встрѣчи съ Петромъ. Быть можетъ, если бы она держала себя иначе, она больше бы ему и понравилась. Братъ не разъ ужъ выговаривалъ ей и даже съ ней ссорился

изъ-за этого: до сихъ поръ онъ смотрѣлъ на нее, какъ на маленькую дѣвчонку, но эта дѣвчонка сдѣлалась ему нужна, да и къ тому, вотъ она выросла, похорошѣла. Но онъ все же думалъ, что она не выйдетъ изъ повиновенія, что своего ума у ней нѣту, а она вдругъ ему отвѣчаетъ на всю его науку какъ нужно обращаться съ Императоромъ.

— Да чтожь это, Иванушка, сама я знаю, какъ вести мнѣ себя должно, не доброму ты меня учишь, да и не забыла я судьбу княжны Меншиковой. Иванъ Долгорукій раздражался, кричалъ на сестру и скрывался изъ дому или къ Императору, или къ многочисленнымъ царицамъ своего сердца.

А и Меншиковыхъ тоже не оставили въ покоѣ. Въ послѣднее время посланникъ при шведскомъ дворѣ графъ Головинъ донесъ объ одномъ письмѣ Меншикова, изъ котораго ясно можно было усмотрѣть измѣну свѣтлѣйшаго князя. Узнавъ объ этомъ, Петръ приказалъ послать къ Меншикову нарочнаго, который бы обо всемъ допросилъ его съ принужденіемъ и угрозами, велѣлъ опечатать все его имѣніе, отобрать всѣ его письма и вотъ былъ отправленъ къ Меншикову Плещеевъ, которому наказано было допросить Александра Данилыча между прочимъ и о деньгахъ, взятыхъ съ герцога Голштинскаго. „Нельзя оставлять его на свободѣ,—толковали Государю приближенные,—нужно подальше послать его, а то онъ опять строитъ ковы“. И вотъ была рѣшена послѣдняя страшная участь Александра Данилыча, его сошлютъ въ Березовъ, а съ нимъ и его семейство.

Послѣ святокъ Императоръ каждый день освѣдомлялся, скоро-ли все будетъ готово къ переѣзду въ Москву. О Москвѣ главнымъ образомъ напоминали Долгорукіе. У нихъ были свои планы и очевидно что и Государь вошелъ въ нихъ. Какъ-то на большомъ сборищѣ во всеуслышаніе толковали о томъ, что Москва хорошій городъ и что напрасно дѣдъ совсѣмъ забылъ ее; въ Москвѣ не худо пожить бы подольше. Эти слова Императора произвели сильное впечатлѣніе: многіе вельможи были очень довольны. Петровскаго парадиза не долюбивали. Тутъ было столько неудобствъ: страна печальная, болотистая, вѣтры сильныя дуютъ, холодныя; родовыя деревни далеко: трудно доставлять всѣ необходимые запасы, а въ Москвѣ чрезвычайно хорошо старое, родное, нагрѣтое мѣсто и помѣстья ихъ близко оттуда, все легко достать. Но чему радовались русскіе вельможи, отъ того приходили въ ужасъ всѣ, кому дорога была новая Россія и завѣты покойнаго Императора. Въ переѣздѣ въ Москву видѣли забвеніе дѣлъ Петровыхъ, удаленіе отъ Европы; предсказывали паденіе Россіи, возвращеніе къ старымъ порядкамъ, къ прежнему варварству. Пуще всѣхъ боялся этого баронъ Андрей Ивановичъ. Всѣми силами въ разговорахъ своихъ съ Императоромъ старался онъ его настраивать такъ, чтобы онъ видѣлъ въ поѣздѣ только необходимость, по старому обычаю короноваться въ Москвѣ; чтобы онъ не забывалъ о настоятельной нуждѣ вернуться снова въ Петербургъ, потому что отсюда только и можно управлять Россіей. Юный Императоръ внимательно вслушивался въ слова своего воспитателя. Андрей Ивановичъ говорилъ такъ убѣдительно, такъ разумно—но вслѣдъ за Андреемъ Ивановичемъ являлись Долгорукіе—Алексѣй Григорьевичъ и Иванъ Алексѣевичъ и тоже очень краснорѣчиво и разумно описывали прелести московской жизни.

Наконѣцъ, въ началѣ января 1728 года дворъ выѣхалъ въ Москву. Оживилась московская дорога, по ней тянулись цугомъ огромныя сани, покрытыя кожей кибитки съ теплыми мѣховыми полостями.

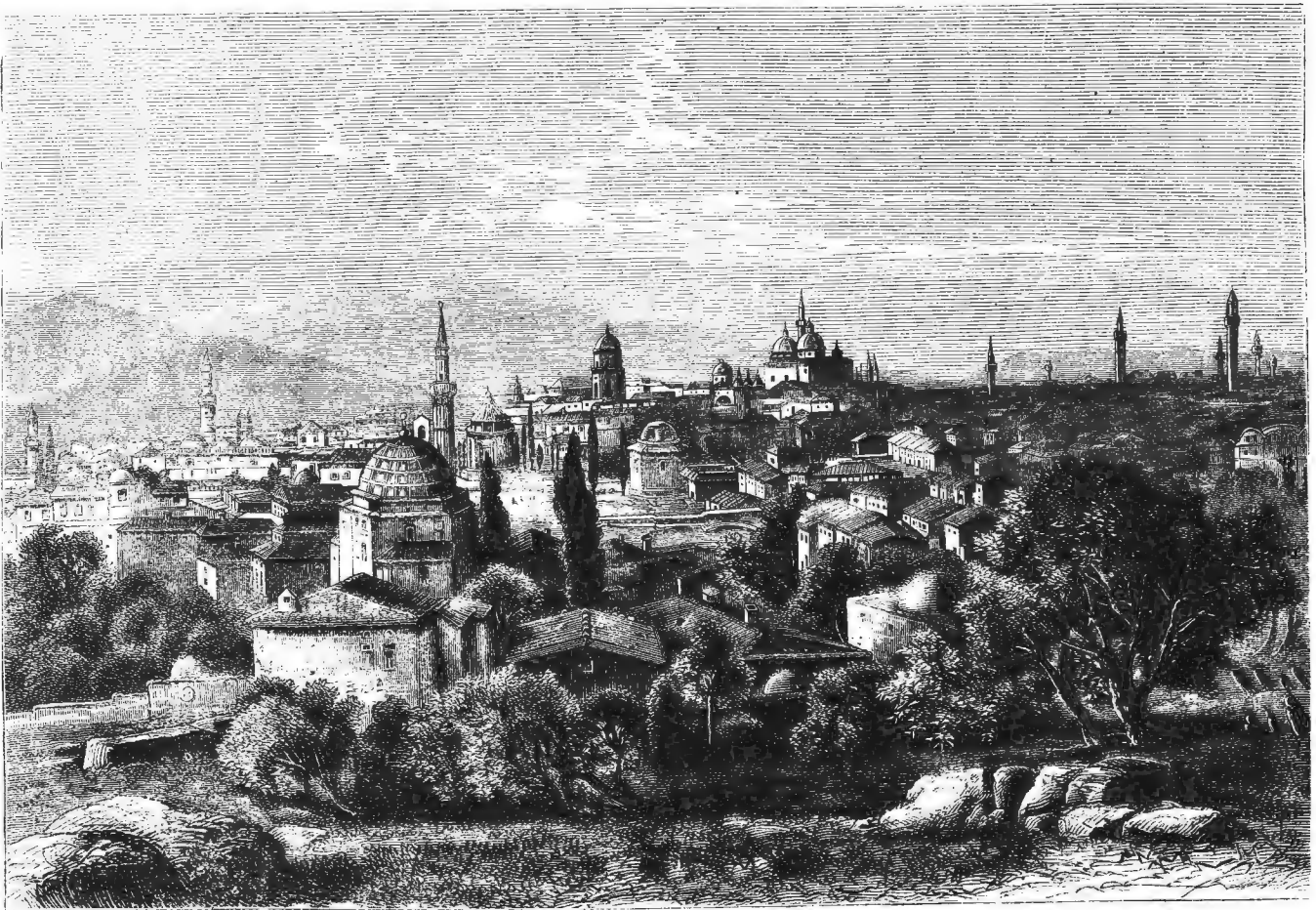
Унылыя мѣстности тянулись сади и спереди. Со всѣхъ сторонъ дороги точно были снѣжныя пустыни;

изрѣдка попадались хижины и деревеньки. Одни лѣса нарушали эту плоскую безпредѣльность, и стояли эти лѣса какъ войско великановъ, покрытыя снѣгомъ и инеемъ, и юный Императоръ глядѣлъ на нихъ и казалось ему, что они стоятъ передъ нимъ и грозятъ ему своими мохнатыми руками. Вотъ ночь приходитъ: почти всѣ спятъ въ царскомъ поѣздѣ. Только одному Императору не спится, закутавшись въ свою теплую мѣховую шубу, прикрывшись медвѣжьей полостью, глядитъ онъ снова на этихъ великановъ и все грознѣе и таинственнѣе машутъ они ему на встрѣчу мохнатыми руками. „Да за чтожь они мнѣ грозятся,—сквозь полудремоту думается Императору,—что я имъ сдѣлалъ? И забываетъ онъ о нихъ и думаетъ о томъ, что ожидаетъ его въ Москвѣ: какія веселья. „Нѣтъ, Андрей Ива-

плотнѣ, плотнѣ закутывается онъ въ свою шубу, но дрожь не проходитъ.

На другой день подъѣзжая къ Твери совсѣмъ разболѣлся Императоръ. Рѣшено было здѣсь остановиться на нѣсколько дней, ждать его выздоровленія.

А въ это время надъ Петербургомъ носился холодный туманъ. Уныло и сумрачно было по опустѣвшимъ улицамъ Петровскаго „парадиза“: нѣтъ прежняго оживленія, какъ будто и никогда его не бывало и сѣверный лютый морозъ заморилъ такъ еще недавно кипѣвшую жизнь, уложилъ на вѣчный сонъ все живое. Молчать, не шелохнется Нева широкая, закованная льдомъ и поблѣвшая, грустно торчатъ мачты недостроенныхъ кораблей; остановились по широкимъ улицамъ недоделанные постройки; царскіе салы заперты и голыя де-

Общій видъ города Вруссы. Съ фотографіи грав. Пенне.

нычъ не правъ, а правы Долгорукіе,—зачѣмъ это дѣдушка выстроилъ Петербургъ на такомъ дурномъ мѣстѣ, зачѣмъ уѣхалъ онъ изъ Москвы. Въ Москвѣ лучше, да и всегда цари русскіе въ Москвѣ жили. Москва старый, родной городъ—и я тамъ жить буду“. И представляется Императору Москва—хоть онъ никогда не видалъ ее—представляется тамошняя жизнь въ волшебномъ, сказочномъ видѣ. Онъ открываетъ глаза и опять передъ нимъ ледяные великаны и опять они ему грозятся, вотъ будто выступили они со всѣхъ сторонъ дороги, будто не пускаютъ впередъ его царскій поѣздъ. Ему даже какъ будто слышится въ ледяномъ молчаніи морозной ночи: „Назадъ, назадъ, не пустимъ“. „Чтожь они, сговорились что-ли съ Андреемъ Ивановичемъ или пророчатъ недоброе. И вдругъ какъ-то страшно становится ему: дрожь пробѣгаетъ по его членамъ,

ревья ихъ тоже торчатъ какъ мачты, и только вороны иной разъ нарушаютъ своимъ заунывнымъ карканьемъ ихъ тишину невозмутимую. Заколочены ставни дворцовъ, дома вельможъ заколочены—совсѣмъ мертвое, сонное царство. Что-жь, неужели не проснется оно снова, неужели исполнятся завѣтныя думы потомковъ старыхъ бояръ русскихъ, неужели онъ тоже не нуженъ, весь этотъ мрачный, недостроенный городъ, возставшій изъ болота. Вотъ зимняя ночь надвигается на него и еще мертвеннѣе, невозмутимѣе становится тишина и кажется этотъ городъ какимъ-то призракомъ, какъ будто и нѣтъ его совсѣмъ, какъ будто онъ только сонъ—причудливый сонъ богатыря земли русской, безвременно заснувшіа на берегу Невы, въ каменномъ новомъ соборѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.
(Продолженіе будетъ).

Шипкинскій бой. Схватка русскихъ съ турками въ лѣсу 11 августа 1877 г.
Съ наброска К. М., граф. Вейерманъ.

Бой при Шипкѣ и болгарскіе дѣти водоносы.

Уже третій день шелъ жаркій бой подъ Шипкою; третій день не смолкая, не прерываясь ни на минуту, слышался въ горахъ гулъ и грохотъ палбы, безконечнымъ эхомъ расходясь по узкимъ тѣснинамъ...

Изнемогаетъ горсть героевъ-защитниковъ, силы на исходѣ, но держатся еще крѣпко и всѣ усилія многочисленнаго врага разбиваются объ эту каменную, стойкую горсть, такую же стойкую и твердую, какъ и окружающія ихъ каменныя скалы Балкановъ.

Да и есть изъ-за чего драться до послѣдней капли крови, есть изъ-за чего умирать на этихъ голыхъ, раскаленныхъ солнцемъ скалахъ. Знаютъ хорошо защитники—за что они бьются, что прикрываютъ своей грудью, знаютъ и атакующіе—чего хотятъ, чего добиваются, не жалѣя своихъ силъ, не жалѣя лучшаго своего войска. Грудями тѣмъ укладываютъ они крутые откосы подъемовъ. Какъ вода послѣ горнаго ливня струится по ложбинамъ и трещинамъ въ камняхъ, такъ теперь потоками струится турецкая кровь, смачивая оголенные скаты...

Тамъ, за этими южными скатами Балкановъ, тянется зеленая, плодородная, густо населенная, цвѣтущая долина. Долина эта—рай Болгаріи,—лучшая жемчужина въ роскошномъ ожерельѣ Балканскихъ долинъ. Турки заняли ея, оттѣснивъ нашихъ въ самыя горы и до тѣхъ раззорили чудную долину Тунджи, избили ея мирныхъ жителей, избили безъ расчету и безъ разбору и старыхъ, и малыхъ, и мужчинъ, и женщинъ...

Изъ Тунджи, словно ворота въ высокой каменной стѣнѣ, ведетъ проходъ Шипка, по немъ турки могутъ войти въ другія долины, между горами, тоже густо населенныя, тоже цвѣтущія; они могутъ черезъ Шипку ворваться къ самому сердцу Болгаріи, къ стѣнамъ ея древней столицы Тырнова, чудомъ спасшюся отъ разгрома, занятую теперь уже братскими, дружескими полками русскими.

Пропусти здѣсь турокъ и это отозвалось бы печально на расположеніе русской арміи, сломило бы самую вершину пока еще крѣпкаго треугольника... знаютъ это наши солдаты и живые шагу назадъ не отступаютъ.

Поднялось на ноги все населеніе горъ: и въ Тырновѣ, и въ Габровѣ, и въ Дреновѣ, во всѣхъ мелкихъ городкахъ и селахъ, все со страхомъ и надеждою прислушивается къ грознымъ звукамъ боя. Все, что сильно, что хотя чѣмъ нибудь можетъ помочь борцамъ за святое дѣло,—все стремится туда,—что уже безсилно и само беспомощно,—то молится жарко Всевышнему, молится также неустанно, какъ бьются шипкинскіе герои.

Нежданно, всѣми своими силами навалился врагъ на опасное мѣсто. Не скоро еще могутъ подойти подкрѣпленія къ атакованнымъ, но эти подкрѣпленія подойдутъ—они могутъ быть на дорогѣ, могутъ, уже и до нихъ донесло вѣтромъ отдаленные звуки палбы, поддало имъ ходу, какъ ударъ шпоръ поддаетъ ходу усталому коню... Даль бы только Богъ, чтобы не изсякли послѣднія силы защитниковъ, пока подойдетъ выручка, поддержалъ бы Онь эти силы, послалъ бы имъ бодрость духа, укрѣпилъ бы ихъ мощь воинскую...

Но „на Бога надѣйся и самъ не плошай“—знаютъ эту пословицу и тѣ, кому грозить бѣда—и не плошуютъ...

Кипшатъ живымъ движеніемъ горныя дороги, ведущія къ Шипкѣ, но всѣмъ узкимъ тропинкамъ тянутся извиваясь вереницы участниковъ и пособниковъ общаго дѣла. Не однимъ ружьемъ и пулею помочь можно, есть еще и другая, не менѣе важная подмога...

Жаркій день, палятъ южное солнце, накалываются голые камни, душно въ воздухѣ, густымъ туманомъ пороховой дымъ стелется, длинными нитями ползетъ вверхъ, по откосамъ, застилая собою покойное голубое небо...

Ни въ одномъ мѣстѣ горитъ бой... по боковымъ тропамъ, въ обходъ справа и слѣва устремились турецкіе батальоны, грудь съ грудью, въ рукопашъ схватываются, обходятъ... Жарче всего кипитъ этотъ бой въ серединѣ, тамъ, гдѣ, замыкая выходъ изъ ущелья, поднимается пологая, лысая гора, увѣчанная русскими шанцами, на эти шанцы устремились всѣ усилія турокъ... Самъ Сулейманъ глазъ не сводитъ съ этого мѣста и шлетъ на него все новыя и новыя колонны.

Въ шанцахъ бьются русскіе, пришлые изъ далека солдаты, бьются рука объ руку съ своими новыми боевыми товарищами,

болгарскими ополченцами. Много и тѣхъ и другихъ легло на мѣстѣ, много ранено, изувѣчено и ползаетъ по этой оголенной, каменистой вершинѣ, изнемогая отъ боли, отъ жажды и палящаго солнца. Бойцы не могутъ помочь своимъ несчастнымъ товарищамъ, имъ не до нихъ, некогда... Съ каждою минутою ваются все новыя и новыя жертвы... Тамъ грохнется турецкая граната, заклубится бѣлый дымъ взрыва, брызнетъ во всѣ стороны осколками чугуна и каменье, брызнетъ алая кровь выбитыхъ изъ строя... родемъ свистать ружейныя пули, звонко шелкался о камни, глухо шлепаясь о живое мягкое тѣло... Стоитъ болѣзненный, надрывающій душу стоить кругомъ... Убратъ бы этихъ несчастныхъ, увезти куда-нибудь въ тихое мѣсто и для нихъ хорошо бы было, да и для тѣхъ, кто еще живъ остался, отраднѣе, „глаза бы не мозолили, не смущали, тѣсноты бы лишней не дѣлали“.

Вотъ тутъ-то и пригодилась болгарская мирная подмога.

По тырновской дорогѣ, скрыта деревянными осями, тянутся тяжелыя арбы, шелкаютъ ременные бичи по чернымъ, лопнившимся спинамъ сильныхъ буйволовъ... Бонятся скотина пушечнаго грома, хранитъ, упирается... На возахъ боченъ съ водою, мѣшки съ хлѣбомъ, глиняные оплетенные кувшины съ виномъ. Везутъ все это добро габровцы, тырновцы, дреновцы на подкрѣпленіе силъ борцамъ; безъ страха входятъ въ самый адъ боя, сами подвертываются подъ свинецъ, падаютъ, да и дѣло свое тѣмъ временемъ дѣлаютъ, повозки опоражниваютъ, сваливаютъ свою привезенную кладь, другую печальную кладь наваливаютъ. Не одна сотня раненыхъ уже увезена этими возами, на рукахъ вынесена изъ боя, не только мужчинами-болгарами, но и ихъ женщинами... Дѣти не отстаютъ отъ болшихъ и презирая опасность, смѣло, глядя прямо въ лицо смерти, снуютъ тутъ же, неся и свою лепту общему дѣлу.

Такъ въ боковыхъ ущельяхъ, поближе къ мѣсту боя, сочатся холодные горныя родники. Около такихъ родниковъ толпятся ребята съ кувшинами и всякою другою посудой помельче, набираютъ воды, тащатъ на баттарен, живо расходуютъ эту влагу и бѣгутъ назадъ за новою ношею...

Сколько уже горячихъ, запекшихся губъ приложилось къ краямъ ихъ кувшиновъ, сколько силъ возобновилось ихъ работою, сколько нѣмыхъ благословеній несло за ними вслѣдъ, когда они весело и бойко бѣжали къ родникамъ съ пустою посудой, сколько этихъ благословеній встрѣчало ихъ, возвращающихся на мѣсто боя.

Одна изъ такихъ трогательныхъ группъ изображена на приложенномъ рисункѣ. Вереница дѣтей, наполнивъ гдѣ-то внизу свои кувшины, направляется къ опасному мѣсту. Они уже поднялись на первый взлобокъ, съ котораго имъ уже виденъ бой, видны если не бой, то на вѣрнѣе бѣлые клубы порохового дыма—это замѣтно уже по глазамъ старшей дѣвочки, лѣтъ тринадцати... Широко раскрыты эти большіе темные глаза устремлены впередъ, дѣвочка вся погружена въ созерцаніе боя, машинально шагаетъ подъ тяжестью своего глинянаго кувшина; ничего она не видитъ другого, не замѣчаетъ даже, какъ маленький братъ ея испуганно показываетъ на рапенаго уже мальчика, поставившаго свой кувшинъ на землю и серьезно перевязывающаго платкомъ свою искалѣченную ножку. Раненъ ли онъ на самомъ мѣстѣ, въ ту минуту когда поднесилъ свой кувшинъ къ губамъ усталого солдата, раненъ ли онъ по дорогѣ, шальною пулею—кому до этого дѣло... Можетъ быть и сюда, на этотъ самый взлобокъ, долетаютъ уже турецкіе снаряды. Мѣсто открытое, коли съ него видно турокъ, такъ и туркамъ видны эти маленькіе водоносы, а турецкая пуля бьетъ все безъ разбора, для нея нѣтъ ничего святого, ничего заказного... Бьетъ она и ради мести, ради того, чтобы на всемъ сорвать зло своихъ неудачъ, ради того, чтобы страху нагнать, отбить охоту не въ свое дѣло вмешиваться.

Только страху нагнать на этихъ маленькихъ героевъ не придется: выростутъ они закаленные въ ненависти ко всему турецкому, давнишему ихъ подъ рядъ цѣлыя столѣтія, и смѣютъ твердо отстоять свою волю и свободу, если таковою благословить ихъ Господь въ эту борьбу,—вновь современемъ поднять знамя свободы—если бы настоящая борьба по волѣ неисповѣдимаго промысла, не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ.

Н. Каразинъ.

Къ рисункамъ.

Бѣгство армянъ отъ преслѣдованія турокъ.

Рисунокъ изображаетъ бѣгство христіанскихъ жителей селеній Алашкертской долины отъ неистовства баши-бузукъ и курдовъ, вырѣзавшихъ тамъ множество селеній. Эти несчастные, спасшюся отъ ужасной участи, постигшей ихъ соплеменниковъ, обязаны своимъ спасеніемъ генералу Тергукасову: если бы онъ почему либо не нашелъ возможнымъ взять ихъ подъ свое покровительство, то позорная смерть, сопровождаемая невѣроят-

ными издѣвательствами и пытками была бы участіемъ ихъ. Но къ счастью Богъ судилъ иначе.

Генералъ Тергукасовъ, слѣдуя отъ Даяра къ Сурпъ Оганесу, 22 іюня с. г. встрѣтилъ ихъ на пути въ количествѣ 3000 семействъ. Онъ въ виду ужасающаго положенія этихъ несчастныхъ вынужденъ былъ принять ихъ подъ защиту. Прикрытіе несчастныхъ семействъ замедлило движеніе отряда и дало возможность непріятельской пѣхотѣ и конницѣ безнаказанно слѣдовать за нашими войсками и тревожить нашъ арьергардъ.

По прибытии въ Сурпъ Оганесъ, Генераль Тергукасовъ долженъ былъ остановиться, чтобы обезпечить участь своихъ раненыхъ и переселенцевъ, и тогда уже только могъ двинуться на помощь къ Байзетскому отряду.

Такимъ образомъ эти три тысячи семействъ избавились отъ мучений и смерти и, конечно, памятенъ для нихъ останется на всю жизнь генераль Тергукасовъ.

Городъ Брусса.

Г. Брусса, въ древности Пруза, столица Вивинскихъ царей, а впоследствии (до завоеванія Константинополя) резиденція Султановъ, находится въ малоазійскихъ владѣніяхъ Турціи. По восточнымъ сказаніямъ, Брусса—четвертый рай на землѣ (первые три—Константинополь, Багдадъ и Каиръ). Въ самомъ то дѣлѣ мѣстность, считаемая четвертымъ раемъ, замѣчательна по климату и богатству природы. Далеко во всѣ стороны отъ Бруссы, какъ говорится, на каждомъ шагу, встрѣчаются развалины древнихъ городовъ, развалины, полная историческихъ воспоминаній. Г. Брусса раскинулся на возвышеніи у подножья славнаго Олимпа. Предъ городомъ расстилается прелестная долина, орошаемая быстрыми ручьями (изъ которыхъ нѣкоторые горячіе, минеральные ключи, отъ 60 до 70° тепла) и богатая чудной растительностью. Здѣсь растутъ шелковичныя и плодовые деревья, хлопчатникъ и всякаго рода хлѣбъ.

Постройка города Бруссы относится къ 187 г. до Р. Х. Вытѣснъ съ Вивиней онъ былъ покоренъ Митридатомъ Великимъ. Далѣе, подпавъ подъ власть Римлянъ, онъ пересталъ быть столицей независимаго государства и началъ постепенно разрушаться. При раздѣленіи Римской монархіи, городъ Брусса достался Восточной имперіи. Эмиръ аленскій, изъ династіи Гомадонидовъ, отпаялъ Бруссу у византийцевъ и только чрезъ нѣсколько лѣтъ городъ былъ снова возвращенъ имъ Никифоромъ Фокой. Обнесенный укрѣпленіями, г. Брусса потомъ долго удерживалъ напоръ турецкихъ полчищъ. Но когда Никея—была покорена крестоносцами и возвращена Грекамъ, турки разграбили Бруссу. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, она подверглась опять разграбленію за неирознаніе похитителя престола Андроника Комника своимъ владыкою (1184). По занятіи Константинополя Балдуиномъ гр. Фландрскимъ, Бруссой овладѣлъ, при помощи иконійскаго султана, Феодоръ Ласкари и удержалъ городъ за собой, заключивъ миръ съ Крестоносцами. Отманъ, первый султанъ Оттомановъ, блокировалъ Бруссу, устроивъ противъ нея башни. Сыну его, Орхану, удалось занять городъ и онъ сдѣлалъ его своей столицей. Съ тѣхъ поръ обращено было вниманіе на возрожденіе прежняго величія города. Султаны старались украсить его всѣмъ великолѣпнѣйшмъ. Существуетъ преданіе будто подъ самыми стѣнами Бруссы Тамерланъ взялъ въ плѣнъ Байзета, хотя этому послѣднему трудно вѣрить, такъ какъ битва, проигранная Байзетомъ, была подъ Ангорою, болѣе 200 верстъ отъ Бруссы. Старшій сынъ Байзета, Солиманъ, преслѣдуемый однимъ изъ начальниковъ Тамерлана войска, только проскакалъ Бруссу, искавъ спасенія въ Константинополѣ. Начальникъ Тамерлановъ овладѣлъ городомъ послѣ слабого сопротивленія; самъ же Тамерланъ не былъ въ Бруссѣ. По занятіи Андріанополя, столица Оттомановъ была перенесена изъ Бруссы въ этотъ городъ, тѣмъ не менѣе г. Брусса не потерялъ своего значенія. Благодаря выгодному географическому положенію, по своей торговлѣ этотъ городъ уступааетъ одной только Смирнѣ.

Въ настоящее время Брусса городъ Анатоійскаго Вилайета. Сюда непрерывно идутъ караваны съ юга и востока, изъ Смирны, Персіи, Алеша. Городъ Мудавія служитъ какъ бы портомъ г. Бруссы и доставляетъ ему произведенія Европы, привозимыя чрезъ Константинополь. Главный предметъ торговли Бруссы шелкъ и хлопчатая бумага. Въ Бруссѣ также не мало мануфактуръ, гдѣ производятся разныя издѣлія, какъ для собственнаго потребленія жителями города, такъ и для отправленія въ другія мѣста. Народонаселеніе города полагаютъ въ 100,000. Украшеніе Бруссы составляютъ великолѣпныя мечети, каравансераи, базары, фонтаны. Фонтаны устроены почти при каждомъ домѣ въ Бруссѣ. Есть также нѣсколько греческихъ церквей, армянскихъ и синагогъ. Старинный замокъ какъ бы, вѣнчаетъ собою городъ. Въ стѣнахъ замка попадаются камни съ греческими изваніями; можно думать, что это былъ акрополисъ древней Прузы. Нѣкоторыя ванны, устроенныя надъ минеральными водами—греческой постройки. Въ окрестностяхъ Бруссы лежитъ деревня Чирчія; тамъ въ небольшой мечети почитается прахъ основателя турецкаго владычества, двухъ первыхъ султановъ: Отмана и Оркана.

Путешественники, побывавшіе въ Бруссѣ, приходятъ въ совершенный восторгъ отъ ея великолѣпныхъ видовъ. Пользуемся описаніями одного путешественника, всходившаго на гору Олимпъ. „Часа два, пишетъ онъ, поднимались мы на гору и достигли до небольшого озера. До него еще встрѣчались растенія, кустарники и травы, но далѣе представлялись только голыя скалы. Тутъ я долженъ былъ оставить лошадей и идти пѣшкомъ. Чрезъ часть я былъ на вершинѣ и стоялъ выше фригійскихъ горъ. Вдали видѣлся Константинополь и Принцевы острова, у ногъ блистали озеро Авуйзюкть и рѣка Уферъ, извивающаяся по Брусской долигѣ и впадающая въ море. Иногда облака, проходя ниже меня, совершенно застилали отъ глазъ

землю, тогда, какъ будто прекращалось всякое сношеніе съ нею. Не это ли восторженное ошущеніе внушило древнимъ поэтамъ мысль: „назначить верхи Олимпа жилищами боговъ!“ На горѣ всюду видѣнъ мраморъ. Сѣверная сторона покрывается льдомъ. Снѣгъ, говорятъ, стаяетъ только въ іюлѣ. При восходѣ солнца видъ изъ города на Олимпѣ восхитителенъ. Лучи играютъ на его вершинѣ, то окрашивая ее въ радужные цвѣта, то блистая въ конечностяхъ снѣжно бѣлыми отливками.

Главная квартира Сулеймана-паши въ лагерѣ близъ Казанлыка.

Сулейманъ-паша, помимо своей боевой дѣятельности, извѣстенъ какъ писатель. Его „Военная исторія“ принята за руководство въ военныхъ школахъ Турціи, а „Всеобщая исторія“ составляетъ полное сочиненіе по этому предмету на турецкомъ языкѣ.

Всѣ важнѣйшія реформы Турціи дѣлались при его непосредственномъ участіи, такъ, напримѣръ, реформа военно-учебныхъ заведеній принадлежитъ ему; въ комисіи, обсуждавшей проектъ конститудіи, онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣателей.

Перейдя всѣ степенни командованія, отъ роты до корпуса, онъ вышелъ большимъ военнымъ практикомъ. Окончивъ курсъ наукъ въ 1860 году, черезъ два года Сулейманъ-паша принималъ участіе въ войнѣ Турціи съ Черногоріей. Далѣе онъ сражался въ рядахъ войскъ противъ критянъ и въ прошедшемъ году противъ Сербовъ. Дьюниинскій погромъ былъ задуманъ Сулейманомъ-пашей и выполненъ подъ его личнымъ надзоромъ.

Атаки на Шипку, какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, производились Сулейманомъ-пашей. Потергивъ здѣсь громадную неудачу и потерявъ до 15 тыс. войска, онъ отступилъ къ Казанлыку. Засимъ, какъ читатель увидитъ изъ политическихъ извѣстій этого номера, онъ 5 сентября снова попытается атаковать Шипку и былъ опять отбитъ съ громаднымъ урономъ. Понятно, что, потерявъ 15 тыс. войска, Сулейманъ паша пополнилъ свои потери въ численномъ отношеніи и привелъ снова въ должный порядокъ свою разбитую въ августѣ подъ Шипкой армію. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что хотя ему и удалось пополнить свои потери въ численномъ отношеніи, но въ качественномъ пополненіи ихъ, говорятъ, невозможно. Невозможно это именно потому, что при обиліи „пушечнаго мяса“ въ Турціи, не найдти въ ней болѣе такихъ солдатъ, какіе уложены большими тысячами подъ Шипкой. Вышеупомянутая атака 5-го сентября повела къ дальнѣйшимъ потерямъ въ этомъ отношеніи: генераль-лейтенантъ Радецкій доноситъ, что въ штурмѣ на укрѣпленіе св. Николая дрались султанская гвардія и арабистанцы, т. е. самыя отборныя и отличающіяся доходящею до изступленія храбростью турецкія войска. Но видно крѣпость и стойкость нашихъ доблестныхъ воиновъ, защитниковъ праваго дѣла, превосходитъ изступленную храбрость турокъ.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ номерѣ, изображаетъ главную квартиру Сулеймана-паши въ лагерѣ близъ Казанлыка. По отзывамъ, онъ ведетъ жизнь самую простую и чуждъ всякихъ прихотей и излишествъ. Такія качества всегда, конечно, достойны добраго отзыва, и въ комъ бы мы ихъ не встрѣтили, они, будучи нами заимствованы, ничего, кромѣ пользы, намъ не принесутъ.

Ж.

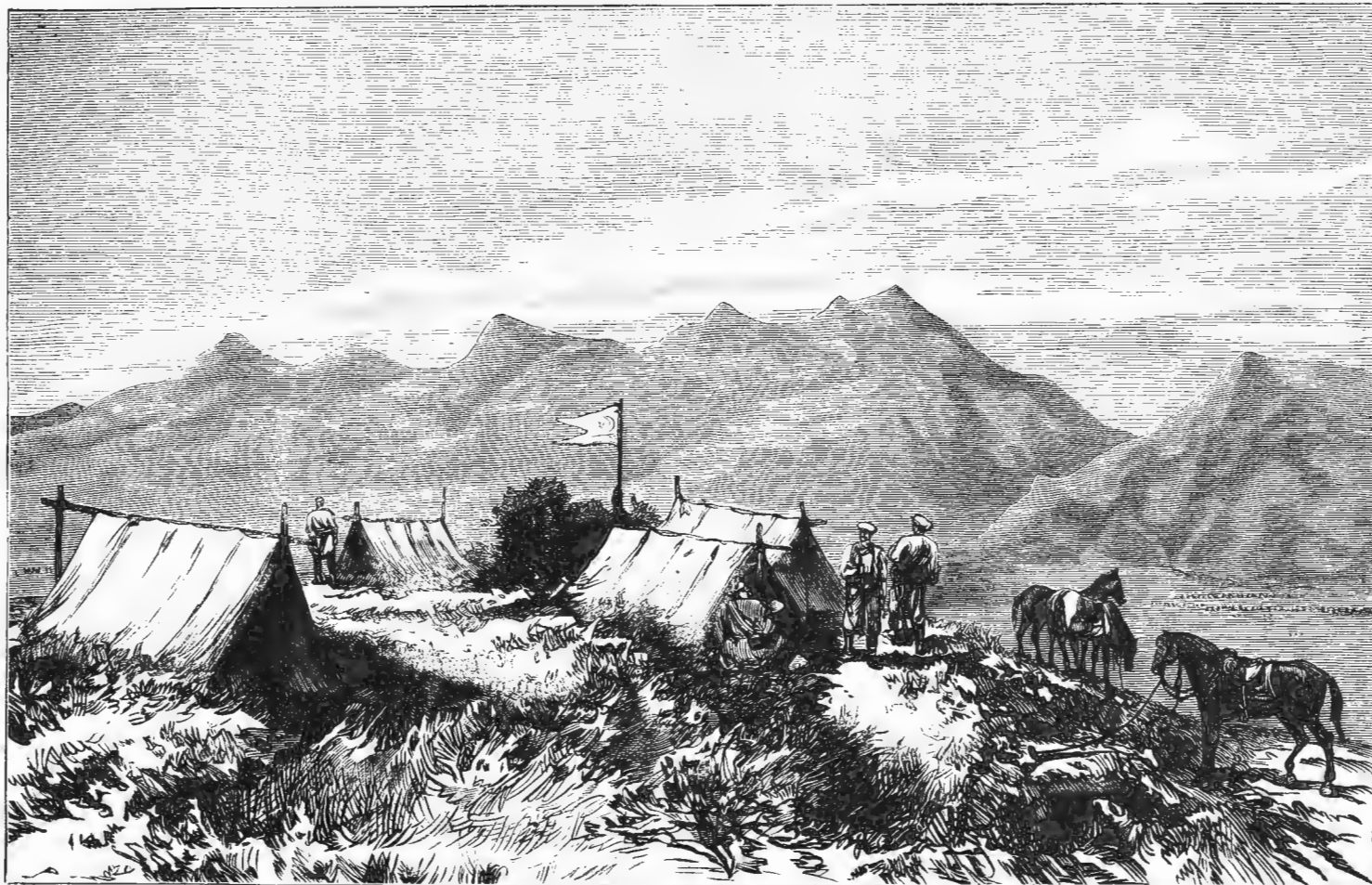
Какъ дѣлаютъ чай въ главной квартирѣ.

Этотъ маленькій рисунокъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какими удобствами приходится пользоваться на войнѣ. Само собою понятно, что среди военной обстановки некогда думать объ удобствахъ, нѣтъ возможности не только пользоваться ими, но приходится даже отказывать себѣ во многомъ такомъ, что въ мирное время и среди домашней обстановки считается самымъ необходимымъ. Стаканъ чаю на ходу, между окончаніемъ одного какого либо снѣжнаго дѣла и началомъ другого, кусокъ булки, наскоро съѣдаемой, но причинѣ той же снѣжной и неотложной по своей важности работы—вотъ и весь утренній чай и вся короткая исторія его питья. Не поетъ свою монотонную пѣсню самоваръ, важно и въ большомъ самодовольствіи возвышающійся среди дубоваго стола (какъ у насъ здѣсь въ городскихъ квартирахъ), никто не прислушивается къ его старымъ пѣснямъ, да и пѣсенъ такихъ у него нѣтъ. Какъ паровая машина, шипитъ онъ, поставленный прямо на землю, и непохожъ онъ среди окружающей его обстановки на самоваръ: именно здѣсь къ нему можно примѣнить то названіе, которое онъ получилъ на западѣ. Дѣйствительно это не самоваръ, а „чайная машина“.

Нѣсколько словъ о Пенсильваніи и о другихъ нефтяныхъ областяхъ на земномъ шарѣ.

Пенсильванія, страна, или точнѣе, дѣсь Пенна *) почитается однимъ изъ лучшихъ штатовъ республиканскаго союза Сѣ-

*) Пенсильванія была открыта при Яковѣ I Вальтеромъ Райдегомъ, а въ 1681 г. квакеръ Вильямъ Пеннъ, получивъ ее въ подарокъ отъ короны, поселился въ ней и колонизовалъ по большей части квакерами же, давъ странѣ свое имя. Въ 1776 году Пенсильванія сдѣлалась штатомъ независимымъ и вошла, въ числѣ тринадцати, въ англо-американскій союзъ, которымъ завязался узелъ нынѣшняго знаменитаго союза.

Главная квартира Сулеймана-паши близъ Казанлыка въ Балканахъ. Съ наброска Англійскаго корреспонд. грав. Вейерманъ.

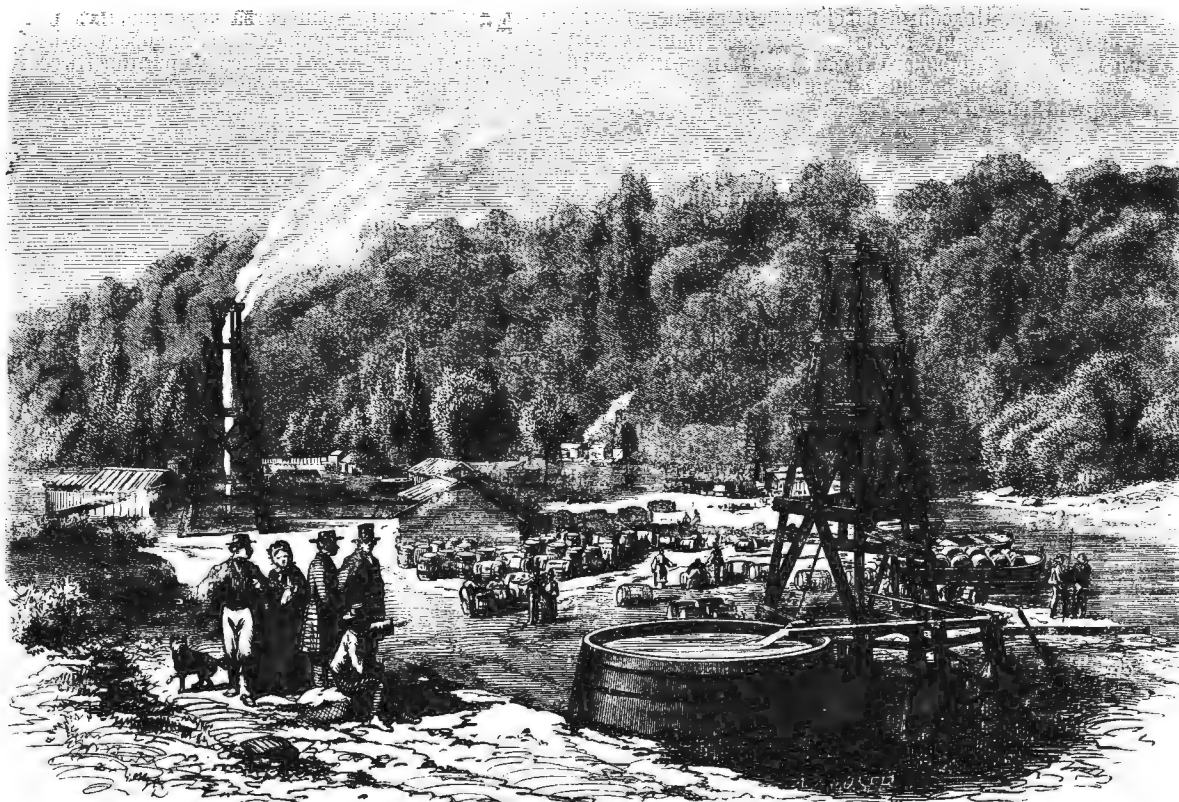
Истребленіе армянскаго населенія въ Баязетъ турецкими войсками во время 23 дневной осады Баязетской крѣпости. Рис. К. З., грав. Вейерманъ.

верной Америки, известнаго под именемъ Соединенныхъ Штатовъ, и граничить съ сѣвера Нью-Йоркомъ, съ юга Виргинією и Мерлендомъ, съ востока Нью-Джерси, а съ запада большимъ штатомъ Огіо и озеромъ Эри. Главнымъ административнымъ пунктомъ этой страны почитается въ настоящее время

между которыми первенствуютъ нефтяные ключи. Почва до того пропитана нефтью, называемою также горнымъ или каменнымъ масломъ или петролемъ. что стоитъ раскопать ее на три, даже мѣстами не болѣе какъ на два съ половиною аршина, и присутствие нефти обнаруживается въ изобиліи. Въ этомъ

Намъ готовится чай въ главной квартирѣ Дунайской арміи.

Нефтяный источникъ близъ озера Эри въ Пенсильваніи. Грав. Осиповъ.

Гаррисбургъ, но Питтсбургъ и особенно Филадельфія, справедливо почитаемая столицей штата, играютъ несравненно большую роль и пользуются огромнымъ значеніемъ въ смыслѣ коммерческомъ. До пришествія въ Америку европейцевъ, Пенсильванія была населена ленапами, миамисами, иллинезами, алгонкинами и другими туземными племенами, бывшими коренными жителями страны, теперь же почти совершенно вымершими и не вынесенными европейской цивилизаціи.

Богатая почва Пенсильваніи заключаетъ въ недрахъ своихъ огромные пласты каменнаго угля и желѣза и особенно пользуется известностью по изобилію минеральныхъ источниковъ,

штатѣ вообще замѣчены оставшіеся слѣды сальзы, подобныхъ нашимъ бавинскимъ сальзамъ *).

На прилагаемомъ здѣсь рисункѣ мы видимъ одну изъ неф-

*) Сальзами и дожными вулканами называются выбрасыванія низменными колмами грязи почти у самой поверхности земли. Эти грязи составляютъ явленія ложныхъ вулкановъ, называются сальзами отъ присутствія въ нихъ соли (sal) и всегда бываютъ солонья на вкусъ. Вблизи Валу находится много такихъ грязныхъ уулъ; кромѣ того можно назвать еще сальзы въ сѣверной Италіи, близъ Парми и Модены, а въ Свѣціи—Макалуби, въ Южной Америкѣ, у Турбако, въ китайскихъ провинціяхъ Юнь-Намъ, Си-Чуанъ, Гуанъ-Си, также сальзы Кривелия и Таманскія. Пенсильванскія сальзы расположены преимущественно по юго-восточнымъ берегамъ озера Эри.

тяных мѣстностей Пенсильваніи вблизи озера Эри, на берегу впадающей въ него рѣчки. Въ лѣвой сторонѣ рисунка изображенъ высокій столбъ пламени, исходящаго близъ самой поверхности земли и постоянно горящаго бѣло-желтымъ цвѣтомъ. Читателямъ, конечно, не безинтересно знать, откуда берется это постоянное пламя и какой источникъ горѣнія поддерживаетъ его весьма и весьма долгое время.

Надобно замѣтить, что вообще всѣ мѣстности, изобилующія и пропитанныя нефтью, какъ Пенсильванія въ Америкѣ, Апшеронская и Таманская нефтяныя области въ Европейской Россіи, Киргизскія степи въ Азіатской Россіи, имѣютъ тѣсную связь съ изверженіями нефти и углеводороднаго газа, воспламеняющагося отъ соприкосновенія съ кислородомъ воздуха. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна наша Апшеронская и Бакинская система, обнимающая своими нефтяными и газовыми источеніями цѣлую обширную область. Вѣчные, неугасаемые огни становятся особенно часты по мѣрѣ приближенія къ юго-западнымъ берегамъ Каспійскаго моря. Близъ Баку, у деревни Сурахане, чрезъ трещины земли, непрерывно выдѣляется газъ, который быстро воспламеняется самъ собою и производитъ вѣчный пожаръ нѣсколькихъ столбѣтъ, видъ котораго, въ ночное время, представляетъ ужасное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и живописное зрѣлище. Сильное зарево видно уже верстъ за двѣнадцать; чѣмъ ближе, тѣмъ оно сильнѣе, а за версту свѣтъ такъ великъ, что можно легко читать книгу. Индіицы огнепоклонники соорудили, въ мѣстахъ самыхъ сильныхъ огненныхъ струй, храмъ для поклоненія божеству огня, соединивъ пламя въ нарочно сдѣланныхъ для этой цѣли трубахъ, надъ которыми и развѣвается, широкими языками, яркое неугасающее пламя. Насколько вся эта мѣстность изобилуетъ нефтью и горючимъ газомъ, мы можемъ убѣдиться изъ поражающаго явленія въ самыхъ водахъ Каспійскаго моря, гдѣ газъ съ силою вырывается изъ-подъ морского дна, проходитъ всю толщу воды, и появляется на поверхности безчисленными бурлящими пузырями, подбрасывающими вверхъ воду, какъ въ колесахъ мельницы. Если въ это мѣсто, съ большою осторожностью бросить огонь, то газъ быстро воспламеняется и обхватываетъ значительное пространство пламенемъ, горящимъ многочисленно развѣвающимися языками. Иногда этотъ газъ воспламеняется и самъ собою. Подобныя изверженія пламени изъ отверстій земли получили названіе газовыхъ или воздушныхъ вулкановъ. Такія же явленія горящаго газа замѣчаются и въ Аппенинскихъ горахъ, надъ небольшимъ коническимъ холмомъ при Pietra. Въ Перу огненный столбъ стоитъ періодически по нѣсколькимъ часамъ въ видѣ лучезарнаго султана. Въ 1807 году близъ Баку, послѣ легкаго землетрясенія, поднялся огромный огненный столбъ изъ трещины земли, державшійся три часа сряду на одной и той же высотѣ, потомъ онъ понизился и продолжалъ горѣть на высотѣ трехъ футовъ, въ продолженіи двадцати часовъ. Горѣвшее вещество было—углеводородный газъ.

Подобно пенсильванскимъ и бакинскимъ огнямъ, неподалеку отъ Рейна, въ Готтегсбургской соляной копѣ, находится колодезь, изъ котораго уже болѣе семидесяти лѣтъ подымается токъ горячаго газа. Онъ горитъ блестящимъ бѣлымъ пламенемъ и состоитъ изъ чистаго углеводорода. Зданія управляющаго и рабочихъ этой копѣ постоянно освѣщаются пламенемъ газа, проведеннаго изъ колодца чрезъ трубы и кромѣ того оно служитъ для всѣхъ какъ даровое отопленіе. Тоже самое надо сказать и о Сѣверной Америкѣ, гдѣ въ штатѣ Пенсильваніи, близъ береговъ озера Эри, въ деревнѣ Фредоніи, горючій газъ струится изъ многихъ отверстій почвы и также употребляемый жителями какъ освѣтительный матеріалъ и топливо. Въ небольшомъ ручейкѣ, пересѣкающемъ дорогу изъ Глазго въ Единбургъ, сильно вырывается на поверхность воды газъ, воспламеняющійся и горящій надъ самой водой на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженей. Газъ горитъ яркимъ желтоватымъ пламенемъ и проведенъ трубами въ Глазго для освѣщенія улицъ. Широкая струя такого же горячаго газа выходитъ изъ земли съ большою силою въ Южной Америкѣ, въ гористомъ и мало обитаемомъ мѣстѣ, при слияніи рѣкъ Катумбо и Суліи. Свѣтъ широкаго горячаго столба виденъ на

разстояніи шестидесяти или семидесяти верстъ, и такъ какъ онъ находится недалеко отъ устья Мараканбо и на одномъ меридіанѣ съ каналомъ, ведущимъ въ озеро того же имени, то и называется Мараканбскимъ маякомъ. Прибрежные острова въ юго-западной и южной части Каспійскаго моря, какъ напримѣръ, островъ Изба, Нефтяной, Огурчинъ, Жилой и другіе, особенно же первый, имѣютъ почву, пропитанную въ высшей степени нефтью и изобилующую нефтяными ключами въ такой мѣрѣ, что стоитъ прорыть землю на три или на четыре аршина, чтобы увидѣть готовый источникъ, дающій въ неогромятномъ изобиліи нефть. Воспламеняющіеся ключи при Тейль-Тенинѣ имѣютъ болѣе трехъ тысячъ пятисотъ футовъ глубины.

Въ Фредоніи и другихъ прибрежныхъ нефтяныхъ мѣстностяхъ Пенсильваніи надъ отверстиемъ, откуда съ силою бьетъ горное масло, устраивается деревянный плотный срубъ или колодезь, быстро наполняющійся прибывающею нефтью, а изъ него въ стороны проведены боковыя трубы или даже простые жолоба, чрезъ которые горячая жидкость переливается въ колоссальныя чаны. Затѣмъ на мѣстѣ же приступаютъ къ очищенію нефти, являющейся въ продажѣ въ трехъ видахъ керосина. Низшій сортъ очищенной нефти или керосина имѣетъ обыкновенно желтый цвѣтъ и пригоденъ съ тяжелыми запахомъ, хорошій сортъ совершенно прозраченъ какъ вода, но отливаетъ иногда голубовато-стальнымъ блескомъ, высшій же сортъ идетъ въ продажу въ москотильныхъ магазинахъ, какъ хорошее средство для вывода пятенъ изъ платя и въ аптекахъ для разныхъ мазей и натираний. Очищенный керосинъ разливается въ бочки и затѣмъ немедленно отправляется въ громадномъ количествѣ въ Нью-Йоркъ, а оттуда на корабляхъ и пароходахъ во всю Европу, не исключая и Россіи, имѣющей собственныя нефтяныя богатства. Поѣзды съ грузомъ керосина отправляются обыкновенно особо, то есть безъ пассажировъ, по той причинѣ, что случайное столкновение или ударъ вагоновъ производитъ быстрое воспламененіе этого горячаго матеріала съ огромными несчастными послѣдствіями.

Потребность керосина въ Пенсильваніи до того громадна, что едва кажется вѣроятною. Не смотря на обиліе лѣсовъ и множество работающихъ рукъ, нѣтъ никакой возможности приготовить достаточнаго количества керосиновыхъ бочекъ, потому что потребность керосина и необыкновенное изобиліе нефти превышаютъ всякую возможность приготовить соответствующее количество бочекъ, поэтому смѣтливыя американцы придумали весьма практической способъ отправки керосина въ сплошныхъ, герметически закупоренныхъ вагонахъ, которые наполняются до верха и накрываются плотными крышками, имѣя внизу краны, чрезъ которые керосинъ разливается на мѣстахъ привоза въ бочки для продажи оптовымъ торговцамъ.

При внимательномъ взглядѣ на громадную добычу нефти въ Пенсильваніи и на гигантскую торговлю штата со всѣмъ свѣтомъ, невольно задаешься вопросомъ, почему же у насъ въ Россіи, при такихъ же богатствахъ природы, не обратятъ вниманія на столь важную вѣтвь промышленности, какъ добываніе и сбытъ керосина. Почему у насъ, даже для собственнаго употребленія, жгутъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ и въ городахъ близкихъ къ Кавказу все тотъ же Пенсильванскій керосинъ? Свои ключи въ Закавказьѣ, въ Крыму, на полуостровѣ Таманскомъ, на островахъ Каспійскаго моря, въ Киргизскій степи и наконецъ въ Печерскомъ краѣ, казалось бы гораздо къ намъ ближе, чѣмъ Пенсильванія, лежащая по ту сторону громаднаго атлантическаго океана. Причина этого главнѣйшимъ образомъ заключается, конечно, въ томъ, что пенсильванскій керосинъ несравненно дешевле кавказскаго, хотя и послѣдній находится также въ значительномъ употребленіи, во вторыхъ въ Америкѣ владѣютъ лучшими способами очищать нефть, и пенсильванскій керосинъ является поэтому несравненно высшаго качества, въ третьихъ у насъ въ Россіи мало еще заводовъ для очищенія нефти, наконецъ американскій рабочій классъ лучше сознаетъ свои собственныя пользы и охотно идетъ работать тысячами на нефтяныя заводы...

Н. Зуевъ.

Исторія Юсифа въ древне-египетскихъ надписяхъ.

Чѣмъ болѣе выясняется для насъ загадочное значеніе іероглифовъ древняго Египта и чѣмъ болѣе выучиваемся мы понимать ассирійскія клинообразныя надписи, тѣмъ болѣе увеличивается итогъ подобныхъ же свидѣтельствъ на памятникахъ, подтверждающихъ истинность священныя Ветхозавѣтныхъ сказаній. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ египтологовъ (ученыхъ, посвятившихъ свою дѣятельность спеціальному изслѣдованію Египта), профессоръ Гейнрихъ Бругшъ, недавно издалъ свою „Исторію Египта при Фараонахъ“ (Лейпцигъ, книжная торговля І. Ц. Гинрихше). Эта книга представляетъ глубоконаучное, превосходное во всѣхъ отношеніяхъ твореніе, достоинства котораго увеличиваются еще и тѣмъ, что книга доступна пониманію даже неподготовленнаго читателя. Двѣнадцатый отдѣлъ этой книги трактуетъ о періодѣ чужеземнаго го-

сподства въ Египтѣ и объ Юсифѣ. Исторія Юсифа, столь близкая и знакомая всѣмъ намъ съ ранняго дѣтства, находятъ себѣ замѣчательное подтвержденіе въ іероглифическихъ надписяхъ древне-египетскихъ памятниковъ. Надписи, пережившія цѣлыя тысячелѣтія, выясняются теперь предъ нами, представляя глубокой интересъ и поучительность.

По свидѣтельству египетскаго жреца и ученаго писателя Манетока (это свидѣтельство сохранилъ для насъ въ письменныхъ іудейскій историкъ Юсифъ Флавій), египетскую низменность, въ глубоко отдаленный періодъ времени, занялъ весьма грубый и дикій народъ, пришедшій съ востока. Этотъ народъ напалъ на туземныхъ египетскихъ царей и вскорѣ овладѣлъ всею египетскою землею, причемъ туземцы не оказали никакого сопротивленія. Этотъ воинственный дикій народъ носилъ

название „Гиксосы“ (пастухи). Они принадлежали, как доказывает Брунш, к семитическому племени, следовательно были одного племени с евреями. В период царствования одного из этих царей-гиксосов, по имени Нуба (в 1750 г. до Р. Хр.), Иосиф занимал свою известную влиятельную должность в Египте. Существует предание, что действительно Иосиф был продан братьями в Египет во время владычества там гиксосов, и впоследствии вознесен был на высшую степень славы и чести. Согласно этому преданию, „принятому всеми святыми“, Иосиф управлял Египтом в царствование царя Афофиса. Брунш мог, с чувством глубокого удовольствия, прибавить к прежним замечаниям об Иосифе и царствовавшем при нем царь еще новья блестящая подтверждение и свидетельства. Эти свидетельства совпадают с указанием на время семилетнего голода и дороговизны в Египте,—а это время было при праотце Аврааме,—вследствие недостатка наводнений Нильской низменности.

На стенах внутренней части гробницы одного древнего египтянина, по имени Баба (стены этой гробницы обильно снабжены надписями), жившего именно в это время, находится, между прочим, замечание, что этот Баба был крохотку сердцем, и что боги за это дали ему богатство и счастье на земле. Затем далее в надписи читаем: „Я, друг бога жатвы, собирал жито. Я сторожил время посява. А как только настал голод, продолжавшийся многие годы, я, удовлетворяя каждому настоятельному требованию, посылал жито в город“. Этот „продолжавшийся многие годы“ голод, конечно, не мог быть кратковременным, но должен был простирались на определенное, исторически-намеченное время. Так как являющийся в Египте голод, вследствие недостатка наводнения, составляет явление чрезвычайно редкое и история знает и упоминает, собственно говоря, только один пример такого недостатка наводнения в Египте—и именно семилетний голод при Иосифе, и далее: так как упомянутый Баба жил и действовал в то время, когда Иосиф управлял в Египте под верховною властью правителя-гиксоса, то для верного заключения у нас здесь остается только один

путь—именно: мы должны принять, что „продолжительный голод“ во время Баба должен соответствовать именно „семи голодным годам“ при Иосифе. Простые слова библейского повествования, а также и надписи внутри гробницы Баба—то и другое слишком ясно и убедительно и исключают всякое недоразумение. Священно-библейский рассказ о возвышении Иосифа при одном из царей-гиксосов, о его жизни при дворе этого царя, о принятии им в Египте своего отца и своих братьев, со всеми подробностями, находится в полном согласии с теми предположениями, которые примыкают к лицам, месту и времени.

Фараон, царствовавший при Иосифе, имел свою резиденцию в Зоане, позднейшей столице Рамзеса. Дворец этого фараона, обывал дворца и проч. имели совершенно египетский характер. Перед Иосифом, по приказанию этого фараона, провозглашали на семитическом языке: „Абрек!“ (т. е. преклоняйте колена. Кн. Быт. 41—43). Слово это удержалось в египетском словаре и принято египтянами, чтобы выразить чувство благоговения, при взгляде на важное лицо. Далее, фараон дает Иосифу высшее достоинство „Зафнатпанаеха“ (управителя). Имя жены Иосифа, „Аснат“—чисто египетское. Отец его жены, жрец Онеполиса—истый египтянин. Его имя—Потифера, или, на туземном языке, Путифера, значит „дарь солнца“, Царедворец Пентефрий, который купил мальчика Иосифа у его братьев, и жена которого пыталась соблазнить юного невольника, носила имя „Путифара“, что на египетском языке означает „дарь явившегося“.

Библейское повествование говорит, что Иосиф получил самый высший пост царя чин при дворе, и это явствует из усвоенного ему названия „адон“—что означает степень власти над всеми Египтом. Быт. 45, 9). Из памятников Египта видно, что *адон*, как и греческое *ἄριστος* означает предстоятеля.

Изыскания Брунша еще раз доказывают, что в настоящее время исторически свидетельства совершенно точно подтверждают священно-библейское повествование. Стр...

Политическая, и военные известия.

Телеграмма Его Высочества Главнокомандующего действующей армией от 7 (19) сентября известила, что 6 сентября все и вездь было тихо и что блокада и обстреливание Плевны продолжают. Засим некоторые телеграммы разных агентств также известают, что под Плевною продолжается артиллерийской бой. Следовательно на дунайском театре войны за прошлую неделю не произошло важных передвижений, и дѣла находятся приблизительно в statu quo предшествовавшей недели, означенной упорным боем за редуты плевенской позиции. Но все таки в этот промежуток времени случился важный эпизод, значительно осветивший для нас стратегические расчеты турок. Эпизод этот—возобновление турками ожесточенной атаки Шинкинского прохода. Берем события в их хронологической последовательности.

4 (16) сентября Его Высочество Главнокомандующий действующей армией Самъ объѣзжал румынскія позиции под Плевной и остался ими вполне доволен. При этомъ переѣзныя мѣста некоторыхъ баттарей, которыя съ тѣхъ поръ и начали наносить неприятелю значительный вредъ. На слѣдующій же день 5 (17) сентября, турки въ три часа утра неожиданно атаковали гору св. Николая на Шинкѣ, въ 5 часовъ утра распространили атаку по всей линіи. Упорный бой продолжался 9 часовъ, и въ результатъ неприятель былъ отброшенъ съ огромнымъ урономъ. Первая атака въ этомъ бою выдержалъ Подольскій полкъ, причѣмъ особенно отличились: командиръ этого полка Духонинъ, командиръ Житомирскаго полка Тяжелыниковъ, подполковникъ 53-го пѣхотнаго Волынскаго полка князь Хилковы и майоръ того же полка Сендецій. Штурмъ Шинки со стороны турокъ былъ, сколько можно судить по всемъ даннымъ, отчаянный; доказываются это уже тѣмъ, что войска посланы были въ атаку сама отборная—это турецкая гвардія и арабистанскія войска. Но и наши потери были въ этомъ дѣлѣ значительны: 19 раненыхъ офицеровъ, и нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ. до 1000 ч. Убитъ флигель-адъютантъ подполковникъ князь Меншерскій и раненъ подполковникъ Тяжелыниковъ. Съ другой стороны о томъ же самомъ дѣлѣ трактуетъ и телеграмма самаго Сулеймана-паша, которая приписываетъ успѣхъ нашихъ войскъ прибывшимъ къ укрѣпленію св. Николая значительнымъ подкрѣпленіямъ, и исчисляеть число убитыхъ и раненыхъ, со стороны турокъ, въ 3000 человекъ.

И такъ на театре войны все по старому. Но что же будетъ затѣмъ? Можно ли говорить объ этомъ предметѣ по крайній мѣрѣ гадательно? Некоторые изъ вѣнскихъ телеграммъ сообщаютъ, что войска турецкаго главнокомандующаго Мехмеда-Али-паша стоятъ близъ Бьлы (на Янтрѣ), т. е. гораздо западнѣе р. Кара-Дома, отъ которой наши войска были недавно оттѣснены численнымъ превосходствомъ турокъ. Засимъ говорятъ, (тоже вѣнскія газеты), что Сулейманъ-паша, пройдя Трояновымъ переваломъ в Рованитъ черезъ Балканы спѣшилъ къ Плевнѣ

съ 30,000 человекъ, что засимъ высланные къ Осману-пашѣ подкрѣпленія, въ числѣ 30 батальоновъ, уже прибыли въ Орханіе, а часть этихъ войскъ уже выступила къ Плевнѣ, что въ скоромъ времени предстоитъ общее наступленіе со стороны турокъ.

Извѣстія эти были бы, конечно, весьма важны, если бы они стояли внѣ всякихъ сомнѣній, но такъ какъ они идутъ изъ вѣнскихъ телеграммъ, то и незаслуживаютъ довѣрія.

Бой подъ Плевною, бывшій 30 августа (11 сентября) веденъ былъ съ той и другой стороны съ страшнымъ ожесточеніемъ, и отдѣльные эпизоды его до сихъ поръ недостаточно ясны. Ясно одно, что потери наши при этомъ были значительны и что мужество и самоотверженіе нашихъ войскъ при этомъ были выше всякихъ похвалъ. Судя по описаніямъ, освѣщающимъ съ разныхъ сторонъ дѣло, плевенская позиция удоболагается Севастополю въ маломъ масштабѣ. Не смотря на потери, разрушительное дѣйствіе нашего огня даетъ себя знать. Значительная часть города представляетъ уже развалины. Гривичій редутъ, который турки атаковали было съ мужествомъ отчаянія—наши отстояли и редутъ этотъ до сихъ поръ въ нашихъ рукахъ.

На Закавказскомъ театре войны не произошло ничего выдающагося.

Но въ маленькой Черногоріи совершаются геройскія дѣла: Черногорцы, какъ извѣстно, взяли крѣпость Никшичь (на сѣверной границѣ Черногоріи), о чемъ мы упоминали въ прошломъ обзорѣ. Многихъ удивило, что черногорцы, повидимому не извлекли всѣхъ выгодъ изъ этого молодецкаго дѣла, потому что выпустили населеніе Никшича съ полнымъ вооруженіемъ и припасами. Говорятъ даже, что по этому поводу выражалось въ Черногоріи общественное неудовольствіе дѣйствіями князя Николая. Но по всей вѣроятности сдача Никшича была сдѣлана подъ условіемъ выпуска изъ него жителей съ оружіемъ и имуществомъ. Замѣтимъ, что Никшичь взять не штурмомъ, такъ какъ крѣпость эта почти неприступна. Затѣмъ, послѣ славнаго никшичскаго дѣла, мужественныя черногорцы заняли: Билекъ, Любоміръ и Кореницу затѣмъ почти совсѣмъ окружили Требинье *) (близъ сѣверо-западной границы Черногоріи). Если падетъ Требинье, то передъ Черногорцами откроется цѣлый уголокъ Герцеговины для дальнѣйшаго хода ихъ дѣйствій. Замѣтимъ здѣсь, что Билекъ представляетъ весьма важный стратегическій пунктъ. Во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ съ Черногоріей въ Билекѣ стоялъ укрѣпленный турецкій лагерь, да и въ мирное время здѣсь стояла лагерьмъ турецкая бригада. Цѣль горъ Кличани **) (Kličani)

*) Требинье—весьма старый укрѣпленный городъ, былъ извѣстенъ римлянамъ и назывался у нихъ Tribubium. Затѣмъ въ новой исторіи до завоеванія Балканскаго полуострова турками, этотъ городъ служилъ мѣстопребываніемъ знаменитой фамиліи Лавловичей, которые владѣли цѣлымъ княжествомъ Тербунія подъ верховнымъ покровительствомъ Босніи. Рагузаны поправилъ распавшіяся стѣны крѣпости. Подъ владычествомъ турокъ Требинье сдѣлалось отвлеченно-неоправленнымъ городомъ, однако былъ пунктомъ транзитной торговли.

**) Отъ слова Кличъ (Клис)—позвѣкъ источникъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 39 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 26 Сентября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕНЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫПРОЕЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГODOVAY ЦѢНА ЖУРНАЛА «НИВА» на 1877 ГОДЪ.

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.

» съ доставкою . . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.

маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.

Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала

«Нива» помещается
въ С.-П.-Бургѣ на Б.
Морской, въ д. № 9.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ началъ свою военную карьеру, такъ сказать, съ первыхъ ея ступеней. Бывъ восемнадцати лѣтъ, онъ поступилъ въ Кавалергардскій полкъ унтеръ-офицеромъ. Два года спустя онъ былъ произведенъ въ корнеты, съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, который въ 1862—1863 г. находился въ Варшавѣ. Во время польскаго возстанія, молодой корнетъ Скобелевъ выказалъ свою храбрость и рѣдкія боевыя способности. Его товарищи и начальники тогда еще оцѣнили въ немъ эти качества. Съ окончаніемъ мятежа, Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба и кончилъ курсъ блестятельно, почему тотчасъ же былъ причисленъ къ Генеральному Штабу и назначенъ на службу сначала въ Туркестанскій край, а потомъ на Кавказъ. Возвратившись съ Кавказа, Михаилъ Дмитріевичъ въ некоторое время пробывъ въ комитетѣ Главнаго Штаба, а потомъ былъ назначенъ адъютантомъ 32-й пѣхотной дивизіи. Война съ коканцами вызвала его къ боевой дѣятельности. Тамъ за отличие онъ получилъ всѣ высшія боевыя награды: золотую саблю съ надписью „за храбрость“, орденъ св. Георгія 4 и 3 ст., золотую шапку, украшенную брилліантами; точно также чины полковника и генералъ-майора, съ назначе-

ніемъ въ свиту Его Величества. Въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, Михаилъ Дмитріевичъ, на 30 году отъ рожденія, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ находящимися въ ней войсками, но на этомъ посту ему не пришлось долго оставаться. „Восточный вопросъ“, переживъ всевозможныя дипломатическія переговоры, оставался послѣ нихъ еще болѣе требующимъ разрѣшенія и еще болѣе неразъясненнымъ. При всеобщемъ нежеланіи войны со стороны всѣхъ европейскихъ государствъ, а тѣмъ болѣе самой виновницы возникновенія „восточнаго вопроса“—эта война оказалась неизбежною, и Михаилъ Дмитріевичъ, въ виду наступленія военныхъ дѣйствій долженъ былъ оставить свой постъ въ Ферганской области. Но отзываютъ лица, близко знакомыхъ съ достойнымъ уваженіемъ генераломъ, онъ съ большою охотою покинулъ Ферганскую область, будучи руководимый желаніемъ не отставать отъ другихъ въ дѣлѣ помощи родной странѣ и стать въ ряды родныхъ войскъ, чтобы нести наравнѣ съ ними всѣ труды, лишения и опасности войны.

Само собою понятно, что такой дѣятельный, энергическій и опытный генералъ долженъ былъ занять среди своихъ собратьевъ видное мѣсто и при первомъ же представившемся случаѣ выказалъ себя ге-

Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.
Рис. Н. Пановъ, грав. Вейерманъ.

роемъ. Такъ телеграмма Его Высочества Главкомандующаго дѣйствующей арміей на Дунаѣ, отъ 23-го августа, извѣщала, что 22-го числа, послѣ 12 часового боя, взята Ловча, не смотря на сильную по природѣ и укрѣпленную позицію и на упорное сопротивление турокъ. Героемъ дня былъ генералъ М. Д. Скобелевъ.

За симъ, при многочисленныхъ атакахъ подъ Плевной, имя генерала Скобелева не разъ было предметомъ восторговъ и удивленія.

Корреспондентъ англійской газеты „Daily Mews“, описывая какъ очевидецъ, бой подъ Плевной 31-го августа (12-го сентября), говоритъ о генералѣ Скобелевѣ между прочимъ слѣдующее: „Въ то время какъ битва свирѣпствовала съ фронта и направо, съ неменьшею силою шла она и около редутовъ и по другую сторону ловчинской дороги. Скобелевъ хорошо подготовилъ почву. Къ четыремъ часамъ онъ поставилъ двадцать артиллерійскихъ орудій на краяхъ передъ Плевной. Очевидно, Скобелевъ рѣшился сдѣлать отчаянное усиліе, чтобы взять редутъ, находящійся передъ нимъ. Редутъ, на который Скобелевъ нападалъ, былъ двойной редутъ въ изгибѣ ловчинской дороги близъ Плевны. Онъ двинулъ свои войска на склонъ горы. Когда турки открыли по нимъ огонь съ редута, онъ отвѣчалъ на огонь упорно и мѣтко, поставивъ своихъ людей по возможности подъ прикрытіе. Онъ такъ сильно дѣйствовалъ артиллеріей, что нѣсколько орудій было попорчено. Онъ, очевидно, рѣшился сдѣлать все, чтобы взять этотъ редутъ. Въ продолженіе трехъ часовъ, онъ поддерживалъ огонь, и когда турецкій огонь нѣсколько ослабѣлъ, онъ считалъ эту минуту удобною для начатія приступа. У него было четыре линейныхъ полка и четыре батальона стрѣлковъ.

Все еще продолжая поддерживать свой убійственный огонь, онъ направилъ подъ его прикрытіемъ два полка въ маленький оврагъ, при подошвѣ невысокаго холма, на которомъ построенъ редутъ, вѣстѣ съ двумя батальонами стрѣлковъ. Тогда, занявъ наилучшую позицію для наблюденія за ходомъ дѣла, онъ прекратилъ огонь и отдалъ приказъ къ наступленію. Наступающему отряду онъ запретилъ стрѣлять, и тотъ, съ оружіемъ на плечахъ, съ музыкою и развѣвающимися знаменами двинулся впередъ и исчезъ въ туманѣ и дымѣ. Но скоро онъ замѣтилъ, что эта линія начинаетъ колебаться. Сію же минуту онъ двинулъ на поддержку одинъ полкъ и опять началъ наблюдать. Этотъ новый отрядъ двинулъ массу далѣе, но турец-

кій редутъ изливалъ такой потокъ пуль, что линія опять разстроилась. Скобелевъ стоялъ неприкосновеннымъ среди этого ливня пуль. Вся его свита была перебита или ранена. Онъ опять видитъ, что линія его колеблется и онъ двинулъ на гласисъ свой четвертый и послѣдній полкъ, Либавскій. Эта новая волна опять подвинула впередъ предвинуція, такъ, что они были уже почти у эскарпа, но убійственный ливень пуль продолжалъ литься на нихъ; люди падали сотнями, а результатъ все еще былъ сомнителенъ. Линія все еще болѣе колебалась. Нельзя было терять ни одной минуты, если только должно было взять редутъ. У Скобелева оставалось только два батальона стрѣлковъ. Ставъ во главѣ ихъ, онъ бросился впередъ верхомъ; онъ достигъ колеблющуюся массу и передалъ ей свое собственное мужество. Съ крикомъ бросилась впередъ масса. Весь редутъ представлялъ массу пламени и дыма. Шпата Скобелева была перебита на двое. Потомъ упала его лошадь. Онъ пошелъ пѣшкомъ, а за нимъ вся масса устремилась съ ревомъ, чрезъ эскарпъ и контръ-эскарпъ, чрезъ парапетъ и наводила собою редутъ подобно урагану. Ихъ штыками скоро выбили еще оставшихся турокъ. Тогда радостные крики возгласили, что редутъ взятъ и что, наконецъ, одно изъ прикрытій Плевны находится въ рукахъ русскихъ“.

Нужно ли еще дополненіе къ этому описанію, такъ непременно указывающему на безпримѣрную храбрость генерала Скобелева?

Мы не имѣемъ здѣсь возможности привести съ должною подробностію свѣдѣнія, касающіяся хода этого боя и ограничиваемся только указаніемъ на то, что имя генерала Скобелева во все продолженіе Плевнинскаго боя удивлявшего героизмомъ самыхъ храбрыхъ, покрыло себя на всегда неувыдаемымъ вѣнкомъ славы.

Мы можемъ только съ глубокимъ сожалѣніемъ досказать, что сопровождавшееся съ такими необычными военными подвигами занятіе турецкаго редута въблизи Плевны (да и одного только, а трехъ) завершилось потомъ уступкою ихъ обратно туркамъ... Но въ этомъ уже вина не генерала Скобелева, а многихъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ требовала уступки туркамъ редуты такъ дорого намъ стоившихъ. Можемъ только утѣшиться тѣмъ, что уступка эта временная, и дай Богъ, что бы поскорѣ наступилъ день взятія нашими войсками не только этихъ редуты, но всей Плевны.

М. Ж.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Зимніе ясные и морозные дни стояли надъ Москвою. Густо выпавшій снѣгъ закутывалъ ее и блестялъ и переливался на солнцѣ. Покрытыя ивеемъ, стояли деревья садовъ московскихъ, лѣсовъ и рощъ, окружавшихъ со всѣхъ сторонъ первопрестольную столицу. Рѣка Москва извивалась твердою, бѣлой дорогой и по ней взадъ и впередъ перебирался и нѣшій людъ и многочисленные обозы. Забытая и затихнувшая въ послѣдніе годы Москва, снова оживилась; въ ней обнаружилось необычайное движеніе. Къ Тверской заставѣ то и дѣло подъѣзжали курьерскія тройки; въ Кремль и во дворцахъ нѣмецкой слободы дѣлались приготовленія къ приему Императора и двора. Вѣсть объ императорскомъ приѣздѣ уже облетѣла весь городъ: передавалось извѣстіе, что дворъ уже выѣхалъ, уже на дорогѣ, потомъ вдругъ другое извѣстіе—императоръ заболѣлъ въ Твери. Прошло нѣсколько дней—говорили выздоровѣлъ и ѣдетъ. Но въ ожиданіи торжественнаго вѣзда, глаза жителей московскихъ и ихъ уши обращались къ одной изъ окраинъ города, къ берегу Москвы рѣки, на которомъ возвышалась, за широкимъ полемъ, старинная обитель—Новодѣвичій монастырь. Монастырь этотъ построенъ еще въ 1524 году великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, въ память побѣды надъ казанскими татарами при рѣкѣ Свиязѣ. Съ тѣхъ поръ эта обитель никогда не забывалась щедротами царей и всякаго русскаго люда; но особенное значеніе и извѣстность приобрѣла она съ того времени, какъ сюда была заточена царевна Софія Алексѣевна. Теперь при

монастырѣ существовалъ пріютъ для содержанія подкидышей—безпризорныхъ дѣвочекъ, и ихъ было болѣе двухсотъ пятидесяти. Онѣ воспитывались въ монастырѣ подъ надзоромъ монахинь до совершеннолѣтія,—обучались пряденію голландскихъ нитокъ и плетенію кружевъ. Между ихъ учительницами было нѣсколько, выписанныхъ Петромъ Великимъ, питомицъ изъ брабантскихъ монастырей.

И вотъ въ эту же обитель недавно перевезена была инокиня Елена, всѣми давно позабытая и вдругъ какъ бы воскресшая, вдругъ заставившая говорить о себѣ. Теперь она была уже не инокиня Елена—ее называли „великая государыня Евдокія Ѳеодоровна“. Тихо, темнымъ вечеромъ приѣхала она изъ своего заточенія: никто и не зналъ какъ это было. Теперь же она перестала скрываться; для нея, по приказу изъ Петербурга, отдѣляли помѣщеніе въ одномъ изъ монастырскихъ строеній, направо отъ главныхъ воротъ. Ей и отдавались всевозможныя почести.

Московский людъ валомъ валилъ въ Новодѣвичій, только что раздавался утренній или вечерній колоколъ: всѣмъ хотѣлось взглянуть на старую царицу, вынесшую столько горя и униженія. Всѣ знали, что она не пропускаетъ церковныхъ службъ. Люди, кто повиднѣе, изъ старожиловъ московскихъ, ѣздили къ ней на поклонъ; но рѣдко кого она принимала.

Наступилъ уже ранній зимній вечеръ; поблѣднѣлъ розовый свѣтъ на западѣ, мало по малу зажглись звѣзды; мѣрно отбивали часы на колокольнѣ Новодѣвичьего монастыря. И вотъ раздался первый звукъ колокола. Толпы пѣшаго люда и возки на полозьяхъ со всѣхъ

сторонъ спѣшать, по Дѣвичьему полю, къ обители, такъ что если бы всѣхъ впустить въ церковь, то не хватило бы въ ней мѣста. Но вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ почти никого не пускали въ монастырскія ворота и пришедшіе и прѣѣзжіе съ печальнымъ недоумѣніемъ возвращались во свояси, не увидавъ старой царицы.

Должна была ужъ начаться всенощная: монахини и питомицы становились рядами за высокими четырехугольными колоннами, поддерживающими своды храма, но священникъ еще не начиналъ молитвы: кого то очевидно ожидали. И вотъ неслышно отворились тяжелыя церковныя двери, ведущія въ крытую галлерею, и показалась старческая фигура въ монашеской одеждѣ, ведомаая двумя почтенными матерями. Это была инокиня Елена. Войдя въ церковь, она освободила свою правую руку съ висѣвшими на ней четками, и принялась спѣшно креститься. Глаза ея были опущены, тонкія, уже нѣсколько впавшія губы шептали молитву. Медленно прошла она на возвышенное мѣсто, всегда занимаемое игуменьей, а теперь предназначенное для новой монастырской жилицы. Монахини, приведшія ее, глубоко ей поклонились и стали поодаль. Началась всенощная. Старушка сейчасъ же опустилась на колѣни и принялась горячо молиться, вскидывая большими, еще ясными и живыми глазами на образъ Богородицы, вокругъ котораго теплились безчисленныя лампады. Очевидно ни на кого и ни на что не обращала вниманія Евдокія Ѳеодоровна и горячо молилась; но вотъ она поднялась съ колѣнъ, сѣла въ кресло, покрытое дорогой парчю, и осталась недвижима. Ея руки опустились на колѣни; она, не отрываясь, смотрѣла все на тотъ же, бывшій передъ нею образъ, но мысли ея далеко. Теперь, въ этомъ тихомъ пристанищѣ, обрѣтенномъ ею послѣ долгихъ, безконечно долгихъ лѣтъ мучительной жизни, невольно обо многомъ приходилось подумать царицѣ: позабытыя мысли, позабытыя чувства приходили ей въ голову и стучались въ сердце.

Тихая, торжественная обстановка; почти неумолкаемые звуки церковнаго хора; теплый, ласкающій свѣтъ лампады; лики старинныхъ иконъ; душистая атмосфера, разливаемая облаками ходящаго по церкви ладана; полная и благоговѣйная тишина—все это еще больше помогало царицѣ уходить въ міръ прошедшаго; вся долгая жизнь вспомнилась ей. Вотъ она помнитъ себя молодою дѣвушкой въ старомъ, отцовскомъ, московскомъ домѣ. Она и не грезить никогда о томъ, что случится съ нею, она не царица и не царевна, а просто Лопухина—боярышня. Отецъ ея стариннаго рода и старыхъ правилъ. Выросла Евдокія Ѳеодоровна въ четырехъ стѣнахъ своего дѣвичьяго терема; вынянчили ее нянюшки да мамушки—не приходили къ ней учителя заморскіе, не трудили ей голову разнымъ ученіемъ: по просту, по-русски воспиталась она и выросла. Вотъ прошло дѣтство—наступили годы дѣвчества. Нянюшки и мамушки стали ее захваливать, не иначе называли какъ золотой красавицей; сулили ей всякаго счастья видимо не видимо, сулили жениха знатнаго да красиваго. И радостно слушала она ихъ лстивый шопотъ, частенько стала глядѣться въ зеркальце, сурмила свои брови соболиныя, румянила нѣжныя щеки. Коса у ней ниже пояса, пышный станъ, полныя руки; бѣла, что первый снѣгъ выпавшій. И скоро, скоро убѣдилась Евдокія Ѳеодоровна, что нянюшки и мамушки правы, что она точно вышла красавица, стала задумываться и о своемъ суженомъ, представляла его себѣ въ дѣвическихъ грезахъ. „Знатный да красивый“ говорили нянюшки,—конечно долженъ онъ быть знатный и красивый—за иного и не выдадутъ Лопухину боярышню. Но ни лстивыя воспитательницы, ни сама боярышня никогда и въ помыслахъ не имѣли, какой женихъ ей готовится. А

въ тѣ поры Государыня царица Наталья Кириловна примѣтила своимъ материнскимъ окомъ Евдокію Ѳеодоровну, и замыслила она взять ее въ жены сыну единому, сыну любимому, Государю Петру Алексѣевичу. Не любила царица Наталья Кириловна откладывать въ долгій ящикъ задуманнаго ею дѣла: сынокъ на возрастѣ—пора ему жениться, не ладно, что Государь ходитъ холостъ—не женатъ, да и внуковъ ужъ хотѣлось царицѣ. Уговорила она Петра Алексѣевича—тотъ не вышелъ изъ родительской воли и вотъ боярышня Лопухина объявлена царской невѣстой. Дымъ коромысломъ стоитъ въ Лопухинскомъ домѣ; вся Москва на поклонъ валитъ, нянюшки и мамушки ужъ и словъ не находятъ величать свою золотую красавицу; любимыя подруги всѣ такъ почитательно и умильно на нее смотрятъ: разомъ полюбили ее во сто разъ пуще прежняго. Весело и радостно боярышнѣ, Государь-женихъ смотритъ на нее привѣтливо, хоть и рѣдко они видятся по старымъ обычаямъ. Робость не малая беретъ невѣсту отъ женихова взгляда орлинаго; чуденъ онъ ей очень, а сердце все же къ нему такъ и рвется—и не потому только, что онъ Государь, что сдѣлаетъ онъ ее царицей, возведетъ на верхъ земныхъ почестей, а и потому, что писанный онъ красавецъ: росту высокаго, молодецъ, богатырь; темные волосы кудрями на плечи падаютъ; брови надъ глазами дугой сходятся, а глаза,—Боже ты мой милостивый—глаза, что у молодого сокола. Хорошъ онъ, чудно хорошъ, а все же какъ-то при немъ жутко—и опять таки не потому, что онъ Государь и владыко земли русской и не потому даже, что говорятъ люди будто онъ правомъ крутенецъ, горячъ больно, а потому, что совсѣмъ не похожъ онъ на другихъ молодцовъ, какихъ видала Евдокія Ѳеодоровна: и говоритъ не такъ и не о томъ думаетъ—все учится да учится, себя не жалѣючи, работаетъ какъ будто и не царь, а простой крестьянинъ, до всего самъ доходить хочетъ, все своими руками дѣлать пробуетъ—даже и руки у него не царскіе: большія, мозолистыя, грубыя рабочія руки.

Быстро идетъ время—вотъ и день, назначенный для свадьбы—страшный, торжественный день. Вотъ и онъ прошелъ—и Евдокія Ѳеодоровна стала царицей. Чудное было время, свѣтлые дни—да скоро они улетѣли: государь, сначала добрый и ласковый, нѣжный какъ только могъ быть онъ нѣжнымъ, видно нашель, что не вѣкъ же медовому мѣсяцу продолжаться, не вѣкъ милостиво молодцу съ молодой женой, пора опять за дѣло приниматься, за черную великую работу. И ушелъ онъ въ свою работу и по цѣлымъ днямъ безъ него оставалась молодая царица. Скучно ей стало, начала она жаловаться Натальѣ Кириловнѣ, а та ласково смѣется. „Постой, погоди, говоритъ,—скоро скучать перестанешь, будетъ другая у тебя забота. И явилась эта забота; стала матерью Евдокія Ѳеодоровна, родился у ней сынокъ Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Молодой Государь былъ радостенъ: приходилъ и заглядывалъ въ колыбельку поворожденнаго и склонялся надъ этой колыбелькой и улыбался маленькому мальчику, щекоталъ его своимъ большимъ грубымъ пальцемъ. „Ишь крохотный, выростай поскорѣй, будь работникомъ—мнѣ помощникомъ“—шептали его губы.

Конечно ребенокъ бралъ много времени у царицы, развлекалъ ее, занималъ и заботилъ, но все же оставалась она недовольною долгими да частыми отлучками Государя Петра Алексѣевича и не разъ встрѣчала его жалобами на свое одиночество, слезами да робкими попреками. И сдвигались отъ словъ этихъ и слезъ густыя царскія брови, молчалъ онъ и выходилъ отъ жены хмурый и недовольный.

Усталый, запыленный, съ новыми мозолями на рабочихъ рукахъ возвращался онъ домой отдохнуть немного; хорошо бы встрѣтить жену веселую, хорошо бы было повѣдать ей все, что сдѣлано; подумать при ней о

Болгарскіе сироты, усыновляемые нашими солдатами. Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. Гоосъ.

Улица въ Никополѣ послѣ бомбардировки. Грав. Вейерманъ.

Улица въ Никополѣ послѣ бомбардировки. Грав. Вейерманъ.

Недостатокъ свинца у турокъ. Облаженіе крышъ съ мечетей въ Адрианополѣ. Съ набрѣса англійскаго артиста Вейерманъ.

томъ, что нужно сдѣлать; рассказать объ успѣхѣ какого нибудь дѣла и увидѣть сочувствіе и радость при вѣсти о такомъ успѣхѣ—и ничего этого не встрѣчалъ у себя дома Петръ Алексѣевичъ. Молодая жена вышла къ нему на встрѣчу невеселою, безучастно слушала его рассказы и часто даже не понимала зачѣмъ онъ такъ о томъ-то да о томъ-то заботится, къ чему это нужно.

— Эхъ, все это новыя, заморскія хитрости, говорила она,—ничего того допрежъ у насъ на Руси не было, а жилось всѣмъ изрядно. Къ чему жъ новшества, жилъ бы по старому, какъ искони жилали цари великіе, не трудилъ бы своихъ царскихъ ручекъ, свою голову не ломалъ бы надъ пустыми заморскими науками, да по чаще бы съ женою былъ, посердечнѣе бы ласкалъ ее, а то что это такое—иной разъ уйдетъ не простившись. Золотой мой, обо мнѣ подумай! скучно мнѣ безъ тебя, да и по закону не ладно оно выходить. Гдѣ это видано, что-бы мужъ съ женою, почитай что совсѣмъ и не жили. Уйдешь ты—всѣ слезы я безъ тебя выплачу, денечекъ мнѣ кажется за годочекъ.

И начинала плакать царица, и съ каждымъ днемъ все сумрачнѣе и сумрачнѣе становился Петръ Алексѣевичъ, все нетерпѣливѣе ее слушалъ. Иной разъ, не выдержать онъ: хлопнетъ по столу рукой:

— Эхъ, Авдотья, надоѣли мнѣ твои вѣчныя слезы, для тебя только и свѣту, что въ этомъ окошкѣ, ну а мнѣ это окошко тьмою кромѣшною кажется. Душно мнѣ въ четырехъ стѣнахъ сидѣть, съ тобой немного высижу. Работать надо, Авдотья, а кажись не токмо что одной жизни человѣческой, а и сотни жизней не хватить на такую работу, какая передо мною!

— Много ужъ ты очень работы себѣ выдумываешь, золотой мой, гдѣ это видано, чтобъ государь такъ работалъ. Что это за государь, самъ онъ и плотникъ и мастеровой!...

— Эхъ то-то, то-то! мрачно замѣчалъ Петръ Алексѣевичъ,— много больно согласишь ты въ моей работѣ.

И уйдетъ онъ прочь, хмурый и неласковый, а вслѣдъ ему слышатся докучныя женины слезы.

— Что, никакъ опять съ Авдотьюшкой повздорилъ? говоритъ Петру Алексѣевичу царица Наталья Кирилловна.

— Никогда я съ ней не вздорю, матушка, а жить она мнѣ не даетъ своими слезами, ну а сама чай знаешь ты, что съ дѣтства не люблю я слезъ этихъ—да и кто ихъ любить. Жить хочу я, а съ нею это сонъ какой-то, души замираніе. Эхъ рано ты меня женила, матушка!

Качаетъ головою и задумывается царица Наталья Кирилловна, „видно и впрямь рано женила, а то можетъ и невѣсту плохо выбрала, да гдѣ было сыскать ему подходящую невѣсту? Онъ, что огонь, за нимъ никто не поспѣетъ.“

И идетъ старая царица и утѣшается на внука и всячески успокоиваетъ невѣстку: совѣтуетъ ей не плакать передъ государемъ, а быть веселой. „Ничего не возьмешь слезами, только хуже сдѣлаешь, оттолкнешь отъ себя мужа.“ Но не слушается мудрыхъ материнскихъ совѣтовъ Евдокія Федоровна—не такой у ней характеръ, стоитъ она на своей правдѣ. Въ этой правдѣ воспитала ее родная матушка, нянюшки и мамушки въ боярскомъ лопухинскомъ теремѣ.

А время идетъ: жалобъ и слезъ все больше и больше, все дальше и дальше разрастается пропасть между мужемъ и женою. Совсѣмъ теперь не понять имъ другъ друга, только и спокоенъ молодой царь вдали отъ жены, выносить не можетъ ея причитаній. Противны становятся ему ея слезы, иной разъ боится онъ, что не совладеетъ съ собою да поучить ее хорошенько по старинному. Недобрыя мысли приходятъ иной разъ въ голову Петру Алексѣевичу и сидитъ онъ въ

ней все упорнѣе—не уходятъ, а уйдутъ такъ сейчасъ же и опять возвращаются. „Что это за жена, думается ему,— только жизнь мнѣ отравляетъ; никакой мнѣ радости—одна тоска да досада. Молодъ и не разуменъ былъ я, когда меня на ней женили—да вѣдь и женили, а не самъ я женился, а неужто жъ такъ мнѣ и пропадать изъ за матушкиной ошибки? Потерплю еще годикъ, а если будетъ все тоже такъ не взыщи Авдотья Федоровна—не умѣешь быть царицей, такъ авось сдумѣешь быть монахиней, мои да свои грѣхи замазывать.“

Эхъ пора была, пора взяться за разумъ Евдокія Федоровнѣ, хорошенько мужа-государя понять, что не ей съ нимъ бороться, не ей измѣнить его характеръ, его крѣпкую волю—а царица и не думаетъ объ этомъ, все та же, да еще и того хуже.—Нашлись услужливыя пріятельницы шепнули ей новость: „Ты что, молъ, царица, думаешь, такъ, молъ, по твоему небось Государь и не глядитъ безъ тебя ни на одну красавицу—а онъ и красавицу себѣ нашель, и съ ней ему не скучно.“

Свѣту же взвидѣла Евдокія Федоровна, закипѣла въ ея сердцѣ лютая ревность. Накинулась она на мужа съ новыми упреками, съ новыми слезами. Ну, и не вынесъ Петръ Алексѣевичъ, и царица Евдокія Федоровна стала инокиней Еленой. И никто за нее не заступился, не нашлось ни одного друга, всѣ отшатнулись отъ покинутой жены, отъ бывшей своей царицы.

Тяжкое пришло время: оторвали ее отъ всего ей близкаго и дорогого, оторвали и отъ сына, прахомъ разлетѣлось недавнее величіе... Четыре стѣны мрачной кельи, одинъ день, какъ другой въ тишинѣ песносной, та же молитва съ утра до ночи, то же церковное пѣніе, тѣ же лампы передъ иконами, тотъ же дадонъ!... Рвалась и металась въ первое время царица, даже руки на себя наложить хотѣла, да не рѣшилась: грѣха побоялась. Потомъ пробовала молиться, стояла на колѣняхъ, но и молитва не дѣйствовала. Бушевало въ ней сердце, поднялась въ ней злоба и ненависть: то, что еще недавно было дорого, то опостылило. И глубоко затаила въ душѣ своей эту ненависть инокиня Елена, и конца не было этой ненависти—только ею одной и жила она, только ею и питалась.

Въ долгія безсонныя ночи много разныхъ чудовищныхъ и невозможныхъ плановъ строила она, мести жаждало ея сердце. Но чѣмъ было отмстить ей? Тамъ сила, тамъ воля—а у нея руки связаны, раздавлена она какъ червь и безильна. А время шло въ тоскѣ и отчаяніи, въ мукахъ ненависти; годы проходили и ушла быстро и не возвратно молодость. Не лѣта состарили, а состарили часы лютые, поблекли румяныя щеки, выльзла коса русая, появились сѣдые волосы, морщинки. Что за жизнь была—да и развѣ можно назвать жизнью это несносное вѣчное заключеніе. Рѣдко кто навѣщалъ бывшую царицу, рѣдко кого она видала.

Но все же нашелся и у нея другъ. Этотъ другъ былъ маіоръ Степанъ Глѣбовъ.. Полная ненависти и жажды мести, привязалась къ нему и полюбила его Евдокія Федоровна и долго длилась любовь эта. А тутъ выросъ и царевичъ—не забылъ матери, время отъ времени видѣлся съ нею. Передъ сыномъ инокиня Елена выливала всю свою душу; ему жаловалась она на свои лютыя мученія и на своихъ гонителей; его вооружала она противъ отца, подготавливая себѣ въ немъ вѣрн ое и страшное орудіе своей мести. Но она не ограничивъ ась этимъ, она сдумѣла наконецъ набрать себѣ приверженцевъ и осторожно готовила свои ковы. Только не дала ей судьба достигнуть цѣли: изблечены были вскорѣ враги Петровы, началось длинное, тяжелое дѣло царевича Алексѣя...

И вотъ Елена опять одна—сынъ погибъ, погибъ и Глѣбовъ и погибъ страшной, мучительной смертью, посаженный на колъ; а сама бывшая царица, въ сопровож-

дени карлицы, повара и двѣнадцати солдатъ отправлена въ Ладугу, въ Успенскій монастырь, гдѣ ее стали содержать подъ самымъ строгимъ присмотромъ въ нуждѣ, тѣсногѣ и всевозможныхъ обидахъ. О, тутъ была совѣсмъ не жизнь, а каторга. И долго длилась эта каторга—до самаго воцаренія Екатерины, при которой уже одряхлѣвшую Елену перемѣстили въ Шлиссельбургъ и доставили ей нѣкоторыя удобства.

Страшно подумать чего натерпѣлась Евдокія Ѳедоровна. Всѣмъ ее обижать было вольно, всѣ издѣвались надъ нею, унижали всячески, лишали необходимаго. Бывали дни, недѣли и мѣсяцы, что каялась она передъ Богомъ въ грѣхахъ своихъ и искренно признавала себя виновной; но все же въ концѣ концовъ просыпалась прежняя гордость, прежній духъ строптивости и упрямства, и смотрѣла и окиня Елена на себя не иначе, какъ на мученицу безвинную.

Все это припоминалось теперь старушкѣ, и даже потъ холодный выступалъ на морщинистомъ лбу ея; отъ иныхъ воспоминаній дрожь пробѣгала по дряхлымъ ея членамъ.

Вотъ она снова упала на колѣни и снова жарко молится передъ иконой Богородицы, ищетъ спастись въ этой молитвѣ отъ страшныхъ призраковъ и невыносимыхъ воспоминаній. Снова кипитъ и горитъ въ ней сердце, снова лютыя муки, снова ненависть къ покойному.

„Прости его Боже, упокой и помилуй,“—шепчутъ ея губы, но сердце не вторитъ этой молитвѣ. „И какъ только не умерла я до сихъ поръ, какъ еще живу на свѣтѣ, невольно думаетъ Евдокія Ѳедоровна,—столько вынести... Боже мой, Боже! Вѣдь мѣста живаго въ душѣ нѣту, да и тѣло все разбито, вотъ ужъ ноги не слушаются, а все живу... видно такъ нужно, видно смилуется Богъ и готовитъ, хоть на конецъ дней, свѣтлую долю...—Да зачѣмъ она мнѣ теперь?... съ отчаяніемъ едва громко не вскрикнула царица,—что теперь я подѣлаю, еслибъ даже власть пришла въ мои руки; на что я похожа и что мнѣ теперь нужно? Постель бы только мягкая, да кусокъ хлѣба... А! слишкомъ поздно... не милость тутъ Божья, а новая кара. Но нѣтъ, нѣтъ, еще есть за чѣмъ жить, вѣдь и они живы... одинъ умеръ—другой остался, живы враги мои лютые; всѣ тѣ, кто позабылъ меня, всѣ тѣ, кто оскорблялъ меня, кто меня мучилъ. Вотъ зачѣмъ надо жить, вотъ зачѣмъ нужна власть.—Ихъ покарать, ихъ казнить, надъ ними теперь посмѣяться!..“

Горятъ глаза царицы, злая усмѣшка кривитъ ея блѣдныя губы, и вдругъ она повергается опять ницъ передъ иконой и опять начинаетъ молиться, стараясь отогнать отъ себя бѣса-искусителя—но отогнать его не можетъ. Вотъ онъ явился, онъ завладѣлъ теперь ею, ей не избавиться отъ него и онъ шепчетъ ей соблазнительныя рѣчи и снова рисуется ей картину мщенія. Наболѣвшая душа ея разгорается снова, снова раскрываются старыя раны... Да, она должна отомстить,—не умереть пока не насмѣется надъ ними... и опять она шепчетъ: „да зачѣмъ же? Поздно—мнѣ ничего не надо.“ Онъ близко теперь, близко этотъ юный внукъ, сынъ Алексѣя, съ сестрою, съ маленькой Наташей. Она ихъ никогда не видала, не знала... вотъ для чего еще можно было бы жить, вотъ единственная остающаяся ей отрада—любить ихъ, милыхъ внучатъ. Родные явились... никогда родныхъ не было—всѣ оставили—а теперь родные близкіе, кровныя дѣти единственнаго сына—несчастнаго погибшаго Алексѣя—вотъ зачѣмъ жить! Но какъ отвыкло отъ любви ея сердце—найдется ли въ немъ снова прежняя сила, да и какъ звать, быть можетъ, и любить-то придется безнадежно—развѣ они ее полюбятъ эти внучата? Какая такая бабушка, откуда взялась?.. у нихъ была другая бабушка—Императрица, а это что такое?.. жалкая, дряхлая старуха, измученная, долгіе годы голодавшая, заброшенная, забытая, несчастная монахи-

ня—развѣ они ее полюбятъ такую. Она и отъ людей то отвыкла, чай по ихнему и слова сказать не умѣетъ; тамъ новые совѣсмъ люди, новые нравы, Богъ знаетъ какъ и говорить-то они! И развѣ когда нибудь, хоть одинъ человекъ, сказалъ этимъ внучатамъ про бабушку,—а если и сказалъ кто, такъ съ бранью, съ презрѣніемъ, съ ненавистью. И вотъ теперь, съ воцареніемъ внука, хоть и возвращена ей свобода, а вѣдь еслибъ точно хотѣли видѣть, такъ давно бы ужъ къ себѣ въ Петербургъ выписали. „Можетъ пріѣдутъ да и отвернутся отъ меня и ждать мнѣ новыхъ бѣдъ, новыхъ обидъ и оскорбленій. Вотъ этотъ нѣмецъ, баронъ Андрей Ивановичъ, пишетъ такія ласковыя письма, увѣряетъ, что П. руша думаетъ обо мнѣ, заботится и меня любить—да какъ мнѣ вѣрить нѣмцу, извѣрилась я, ни отъ кого не жду правды. А хотѣлось бы полюбить ихъ, этихъ дѣточекъ-сиротокъ, охъ давно никого не любила“...

Ниже и ниже опускается голова старой царицы, тихія слезы струятся по морщинистымъ щекамъ ея и она рада этимъ слезамъ... многіе годы ужъ не приходили слезы. „Боже, благодарю тебя, шепчетъ она,—Мати Пресвятая Богородица, милостивая заступница!“ И опять, среди горячей молитвы, являются страшные призраки и опять образцы мертвыхъ и живыхъ людей проходятъ передъ глазами. И мертвымъ нѣтъ прощенья въ сердцѣ царицы, а на живыхъ кличетъ она гнѣвъ Божій и велика ея вражда къ нимъ. И клянется она не оставить ихъ въ покоѣ и не можетъ ужъ взглянуть на ликъ Богородицы и не слышитъ стройнаго клирнаго пѣнія, не слышитъ успокоивающихъ болящую душу словъ святой молитвы. А кругомъ изъ темноты, сгущающейся между колоннами, со всѣхъ сторонъ обращены на нее любопытные взоры, сотни глазъ слѣдятъ за малѣйшимъ ея движеніемъ. Быть можетъ, многіе понимаютъ ея волненіе, ея слезы, но никто не въ силахъ понять всю безконечность ея злобы и ея мученій.

II.

Всенощная кончилась и такъ-же тихо, такъ-же опустивъ глаза и шепча молитву прошла Евдокія Ѳедоровна мимо народа. Монахини осторожно свели ее со ступеней паперти, накинули богатую шубу на ея плечи; отъ церкви до крыльца ея былъ разостлашъ коверъ. При входѣ въ ея помѣщеніе ее встрѣтили другія монахини и суетились вокругъ нея: снимали съ нея шубу, спрашивали чего она прикажетъ. Она слабо махнула рукой и прошла въ тихую комнатку, которую выбрала для себя спальней. Тамъ въ углу стоялъ огромный кіотъ, наполненный образами въ дорогихъ ризахъ; три лампы теплились передъ кіотомъ. Въ другомъ углу была ея постель, пышно взбитая, покрытая стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ съ вышитыми на немъ причудливыми узорами. Расписанная изразцовая лежанка далеко отъ себя распространила теплоту; въ комнаткѣ ужъ поселился тотъ особенный запахъ, какой бываетъ въ кельяхъ набожныхъ старушекъ: пахло ладаномъ, лампаднымъ масломъ. За старой царицей пробралась только одна женщина, ея прежняя прислужница.

— Ну чтожь, ну чтожь, обратилась къ ней Евдокія Ѳедоровна,—нѣтъ вѣстей отъ Государя?

— Какъ же, матушка,—Государь-то, сейчасъ гонецъ былъ—сказываетъ, все еще стоятъ на мѣстѣ. Дня черезъ три не то четыре, говорить, прибудутъ.

Евдокія Ѳедоровна покачала головою.

— Ну, а что я въ Оружейную палату послать наказывала за рукомоемъ—послала?

— Здѣсь рукомой, государыня, судья тотчасъ же выдалъ!

— Гдѣ онъ, гдѣ? оживилась старушка,—принеси его, Настя.

Прислужница послѣшила въ сосѣдную комнату и

вынесла оттуда какую-то вещь, завернутую въ шелковомъ платкѣ и обвязанную шнурками.

— Поставь здѣсь, вотъ тутъ на столикъ и уйди.... мнѣ ничего не нужно, шепнула царица,—да дверь за собою запири и никого не пускать ко мнѣ. Ничего не нужно, ничего...

Оставшись одна, Евдокія Ѳедоровна подошла къ столу и дрожащими старческими руками стала развязывать принесенную вещь. Долго шнурки не поддавались, но вотъ наконецъ они распутаны. Въ платкѣ былъ за-

вязанъ золотой рукомоиникъ съ такой же лоханью. Царица сѣла передъ столомъ и стала разсматривать рукомоиникъ. Вотъ измѣняется все лицо ея, вотъ на глазахъ ея дрожать слезы,—что жъ это значитъ? что особеннаго въ этомъ рукомоиникѣ? Отчего она такъ жадно его разсматриваетъ и поворачиваетъ во все стороны и дрожать при этомъ ея руки? Рукомоиникъ дѣйствительно прекрасной художественной работы, вещь рѣдкая и богатая, хитрымъ узоромъ весь онъ выведенъ, золотой съ финифтью, и усыпанъ драгоценными каменьями—алмазы, яхонты, изумруды и счастливо ихъ невозможно—всѣхъ около тысячи; а кругомъ надпись. Царица жадно принялась разбирать ее: „Лѣта 7200, медленно, букву за буквой, читала она, „Генваря въ первый день симъ столѣтнемъ и рукомоиникъ пожаловала Великая Государыня, Благотворная Царица и Великая

Княгиня Наталья Кирилловна внука своему Благотворному Государю Царевичу и великому князю Александру Петровичу Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи“.

Сильно задрожали руки Евдокіи Ѳедоровны, чуть не уронила она рукомоиникъ; слезы полились изъ глазъ ея. „Цѣль онъ, цѣль, ничего не испортился, все камешки цѣлы, вотъ и змѣнная головка, изъ которой вода малыми струйками сочится. Долгіе, долгіе годы прошли съ тѣхъ поръ какъ увидѣла Евдокія Ѳедоровна въ первый разъ этотъ рукомоиникъ, но будто сейчасъ это было. На другое утро послѣ свадьбы своей умывалась она изъ него. Эта вещь была самою любимую вещью

Натальи Кирилловны и она, въ видѣ особой ласки, поставила ее новобрачной, но все же не подарила и потомъ взяла себѣ обратно. Каждая минутка, каждое слово того страшнаго далекаго дня вспоминалось теперь старой царицѣ. Помнила она, какъ мужъ молодой, еще вчера бывшій такимъ далекимъ, такимъ страннымъ и теперь ставшій такимъ близкимъ, подавалъ ей этотъ рукомоиникъ. Помнила она, какъ смѣялись тогда, что такой маленькой и хрупкой казалась эта роскошная вещьца въ большой рукѣ Государя. Помнила она, что

и онъ смѣялся, помнила какъ лилась маленькими струйками вода на ея бѣлыя, нѣжныя руки и сбѣгала съ тонкихъ пальцевъ, и какъ государь, склонившись надъ нею, касаясь своими черными кудрями щеки ея, любовно цѣловалъ ея еще не вытертыя полотенцемъ, мокрая руки, и какъ она брызгала въ лицо его оставшимися каплями воды, и какъ онъ жмурился, и какъ она его любила. И вотъ смотритъ теперь невольно Евдокія Ѳедоровна на свои морщинистыя, старыя руки и странно ей, что столько времени прошло съ тѣхъ поръ, да и какого времени!—ничего, какъ есть ничего, не осталось отъ того, что тогда было—какъ будто его и совсѣмъ не было, какъ будто оно все пригрезилось только въ какую нибудь душистую майскую ночку. Не она, не она была та рѣзвая молодая красавица, не можетъ человѣкъ такъ измѣняться, да и онъ, развѣ онъ то былъ тотъ ласко-

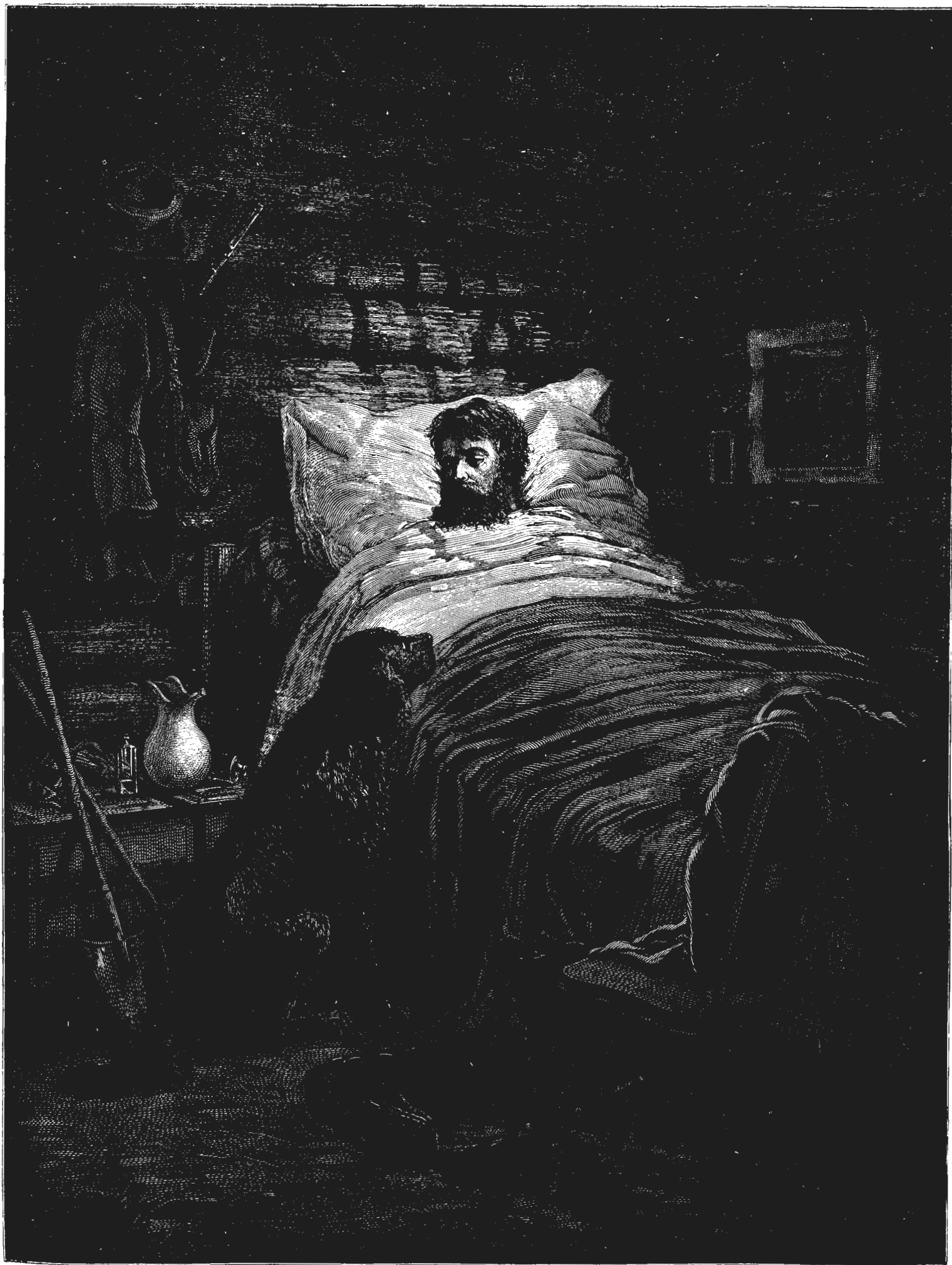
вый, смѣющийся, жмурающийся отъ брызгъ попадавшихъ въ глаза, взмахивающій черными кудрями красавецъ, развѣ онъ то былъ, ея врагъ лютой, ея мучитель?

И она теперь хотѣла его представить себѣ такимъ, какимъ видѣла въ послѣдній разъ, видѣла съ ядомъ и ненавистью въ сердцѣ, и никакъ не могла: все вспоминалась онъ ей молодымъ, ласковымъ и любимымъ. И вотъ совсѣмъ наклонилась надъ рукомоиникомъ старушка и все плакала и не замѣчала какъ ея слезы сбѣгаютъ каплями и падаютъ въ узкое горлышко рукомоиника, какъ въ урну.

(Продолженіе будетъ).

Забалканская болгарская красавица.

Вѣрный другъ.

«И день за днемъ, и ночь за ночью
Все ждѣть его выздоровлѣнья,
Тома съ тоскою, вѣрный другъ»

Картина Юлія Таверни. Гравировалъ Міоль.

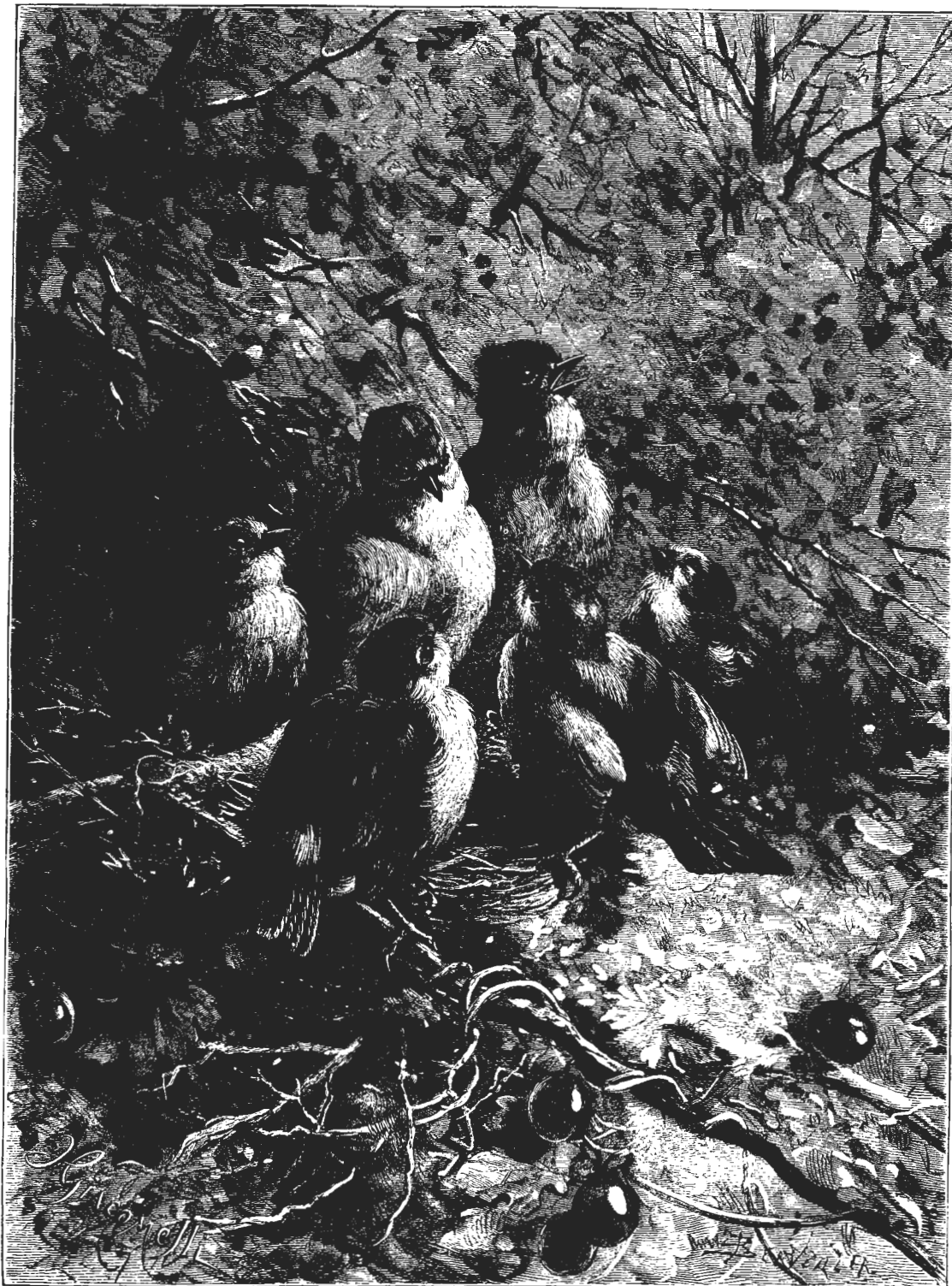
Библиотека "Руниверс"

Гордый Никитинъ, старый солдатъ, уже въ безсрочномъ побывалъ, потому должно быть чаще ребятъ нянчить прихотилось—живо управился, на траву бариномъ разлегся и тѣшитъ малышомъ—съ горнистомъ Пашкою Глушышевымъ совѣтъ держать, какъ этого клопа кормить—прямо ли изъ котелка ложкою, или лучше съ пальца...

— У насъ всегда,—говоритъ Пашка,—бабы соску въ ротъ совали. Таперича есть у меня пара портянокъ чистыхъ, залившихъ—я ему этихъ сосокъ понадѣлаю.

Порфенъ Силинъ, молодой еще парень... Тоска на него напала что-то, на дѣтей гляючи; вспомнилась, должно быть, жена, да свои ребяткишки.—Эхъ, пошли Богъ живому вернуться, да снова свитѣться!..

Дѣвочка маленькая, году нѣтъ еще, та, что полковникъ къ себѣ въ дочери взять вызвался, какъ на походѣ унчалъ, дѣвочка эта отползла отъ усатыхъ да бородатыхъ нянекъ, въ густой травѣ копошится... Привыкла она уже къ военному, бивачному шуму, ничего не пугается. Такая забавница стала,

Послѣдніе теплые дни. Рисунокъ Джакомелли, грав. Берелле.

— Соску.. смекаетъ старый солдатъ.. Нѣтъ, у нашей ротничихи *), въ Козловѣ городѣ когда стояли, соски не полагалось, а была коза заведена и рожочекъ такой, резвчатый...

— Тутъ этакого рожечка гдѣ же достать! резонно замѣчаетъ Глушышевъ горнистъ.

— Не достать—словно про себя, грустно такъ вздохнулъ и

всей ротѣ утѣха. Писарь батальонный ей ниточку бисеру связалъ, свой кошелекъ, презентъ растрепалъ для такого дѣла... Ползаетъ пока на свободѣ дѣвочка, а скоро посвѣжѣе станеть, къ вечеру всѣхъ малютокъ емѣстѣ соберутъ на ротную телѣгу, подъ навѣсъ. Горнистъ Пашка бурю борову подовѣтъ, хватить на всѣхъ молока и даже ротному командиру къ чаю немного останется...

Малюткамъ теперь хорошо; онѣ хоть и въ грубахъ, но за то

*) Жена ротного командира.

Улица въ городѣ Руанѣ. Рис. Лаборна, грав. Меоль.

въ добрыхъ, христіанскихъ рукахъ... Можетъ быть въ эту же ночь ихъ дѣтскій сонъ нарушенъ будетъ тревожнымъ грохотомъ барабана, глухимъ гуломъ боевыхъ выстрѣловъ; быть можетъ, одинъ за другимъ падутъ славною смертію ихъ няньки—ничего! завтра новыя найдутся... Со славою кончатъ походъ русскія войска—и опѣ, эти крошки, будутъ безсознательными участниками этого похода, а тамъ, или найдутъ своихъ дѣтей отцы и матери, если таковыя по счастью останутся живы, или эти дѣти найдутъ себѣ сильную общую мать, ихъ новую родню, и уже навѣрное, выросши, тепло и съ любовью, отнесутся къ скромной, сѣрой шинели русскаго солдата.

Н. Каразинъ.

Никополь послѣ бомбардированія

Какое потрясающее, невыносимо-тяжелое зрѣлище представляеть собою городъ послѣ его бомбардированія! Повсюду развалины, разлетѣвшіеся обломки: зданій и унылыя пенелли! Тѣмъ, кто бывалъ въ нашемъ Севастополѣ, помѣщаемые въ этомъ номерѣ рисунки, изображающіе видъ города Никополя послѣ бомбардированія, не будутъ новостью. Они напоминаютъ намъ только то, что еще до сихъ поръ не только свѣжо въ нашей памяти, но существуетъ въ дѣйствительности. И въ самомъ дѣлѣ удивительно: прошло почти четверть столѣтія послѣ Крымской войны, а городъ Севастополь до сихъ поръ еще во многихъ частяхъ своихъ носитъ слѣды страшнаго погрома. И до нынѣ въ немъ имѣются улицы, представляющія на всемъ своемъ протяженіи однѣ развалины.

Не легко исправлять обращенное въ развалины и пепель, пѣз обломковъ возстаивать новое, тѣмъ болѣе, что и возстаивать бываетъ иногда некому. Страшное дѣло—война.

Недостатокъ свинца у турокъ.

Картинка хотя и знакомитъ насъ съ тѣмъ, будто бы критическимъ со-тоніемъ дѣлѣ въ Турціи, при которомъ для военныхъ надобностей приходится сдирать свинцовыя крышки съ мечетей, но въ такое критическое положеніе дѣлѣ что-то плохо вѣрится. На оборотъ: съ театра войны слышно, что у турокъ всего много, и ружья прекрасныя и патроны съ избыткомъ всегда и во всякой битвѣ, какъ бы не была она продолжительна. Добрые друзья „просвѣщенные мореплаватели“ очень шедры на помощь сынамъ Аллаха.

Фактъ снятія свинца съ крыши, положимъ, и вѣренъ, но онъ составляетъ частный случай, и мы русскіе, въ особенности склонные къ безпечности, не должны слишкомъ надѣяться на слабость „турки“.

Дѣло въ томъ, что настоящая война наша ведется не съ одной Турціей и не съ однимъ „фанатизмомъ магометанъ“, а именно съ просвѣщенными мореплавателями“. Они, такъ сказать, изъ-за угла дѣйствуютъ и помогаютъ своему другу-турку. Изъ за угла-то, положимъ, дѣйствовать и безопаснѣе—цѣлѣе голова; но достойно-ли это христіанской державы, покровительствующей тѣмъ, кто десятки тысячъ невинныхъ христіанъ-болгаръ предалъ мученической смерти?

„Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!“

Д.

Болгарская красавица.

Въ одной изъ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ описывается красота болгарской дѣвушки, заставляющая молодого человѣка предпочесть ее блестящимъ предложеніямъ другихъ невѣстъ, а именно румынки и гречанки, сулящихъ богатое приданое. Въ этой пѣснѣ такъ говоритъ болгарка:

«Пускай и гола, и боса я.
За то хороша и пригожа,
Приданого нѣту за мною,
А вмѣсто приданого, будетъ
Лицо мое бѣло, румяно,
Да черныя брови густыя!..
Когда мы поидемъ черезъ горы
Раступится древо сухое,
А то, что цвѣло, приавянетъ!
Какъ вступимъ мы въ Божию церковь
Попы и дячки онѣмѣють...»

Родные жениха, по словамъ пѣсни, говорятъ о красотѣ болгарской дѣвушки слѣдующее:

«Стоянь мой, Стоянь ты мой милый!
Привсватйся къ бѣлой болгаркѣ...
Не стануть распрашивать люди,
Приданого много-ль за нею?
А скажутъ: пригожая дѣвка!
Войдете вы въ Божию церковь,
Всѣ люди обступятъ невѣсту,
Хвалить и разглядывать станутъ;
А будешь ты съ нею вѣнчаться—
Иной обернется и молвить:
Пригожую въздѣ онъ невѣсту!»

Такъ славится между славянскими племенами болгарская дѣвушка за свою красоту. Помѣщенный нами рисунокъ даетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ этой красоты.

Ж.

Последніе теплые дни.

(Къ рисунку Жакомелли).

Прокатилось горячее лѣто. Опали пшумруные листья лѣсовъ и съ ними исчезли и сумракъ ихъ душистый и пышный тѣни. Не вьютъ болѣе гнѣздъ веселыя птички, не порхаютъ, весело кружась въ воздухѣ. Луи осенняго солнца уже утратили свою прежнюю силу и съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже пробиваются сквозь сѣрыя тучи „на печальныя поляны“ земли.

«Ужь небо осенью дышало,
Ужь рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась...»

Нѣвнны птички уныло ежата и близокъ ихъ отлетѣть въ чужіе края „за моря“. Уже нѣтъ въ лѣсу прежнихъ утѣхъ:

«Лѣсъ съ себя тайну совлекъ:
Сорвань послѣдній орѣхъ,
Свянуль послѣдній цвѣтокъ.
Мохъ не приподнять, не взрыть
Грудой кудрявыхъ грудей,
Около пня не висить
Пурпуръ брусничныхъ кистей.
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ.»

Невесело птичкамъ среди такой природы, негдѣ укрыться отъ холода. Уже собираются онѣ стаями и готовятся въ путь

«Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.»

Превосходный рисунокъ Жакомелли (извѣстнаго уже нашимъ читателямъ по прежнимъ его рисункамъ, неразъ помѣщеннымъ въ „Нивѣ“) передаетъ именно одну такую сцену изъ жизни птицъ въ дни наступившей осени.

М.

Улица въ Руанѣ.

Передъ вами узкая улица древняго французскаго города Руана. Городъ этотъ вообще снаружи мало измѣнился; эта же улица въ особенности напоминаетъ эпоху среднихъ вѣковъ. Старинное названіе свое она удержала—rue d'Épicerie, и, во всей вѣроятности, во времена оны тутъ обитали самые крупные представители французской бакалейной торговли. Еслибы нашли нужнымъ назвать теперь эту улицу соотвѣтственно ея современной промышленной дѣятельности, то, конечно, ее окрестили бы такъ: rue de la Friperie, т. е. „Ветошной“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣшніе торговцы и торговки не ограничивались зазываніемъ прохожихъ въ свои лавченки и, безъ всякихъ церемоній, хватали предполагаемаго покупателя подъ руку, а затѣмъ увлекали его въ мрачный магазинчикъ, гдѣ и навязывали съ удивительнымъ проворствомъ какое нибудь старье.

Здѣсь торгуютъ не только ветошью, но и всякаго рода живностию: курами, цыпятами, голубями, кроликами, а также вы видите тутъ массу овощей, фруктовъ, деревьевъ и растений (комнатныхъ) для посадки. Чтобы выйти изъ этого лабиринта въ сторону противоположенную отъ названной выше улицы—нужно непременно пройти подъ древнимъ, великолѣпнымъ крыльцомъ собора, на которомъ въ прежнія времена совершалась торжественная церемонія выноса раки св. Романа. Проходъ этотъ довольно узокъ и теменъ; въ немъ холодно, какъ къ погребу, но за то, когда вы выйдете на площадь de la Basse-Vieille-Tour—сразу попадете въ волны свѣта и тепла. И чего только нѣтъ на этой площади, украшенной домами съ арками! Тутъ торгуютъ сыромъ, лентами, масломъ, шляпами, морковью, серебряными и золотыми издѣліями, дьянями и даже кружевами. Торговцы то и дѣло что кричатъ, предлагая свои товары по „пониженнымъ“ цѣнамъ. Въ остальные дни недѣли объ площади—de la Haute и de la Basse-Vieille-Tour довольно пустыни, тихи. Нѣкоторые изъ старыхъ кварталовъ Руана могутъ служить любопытнымъ археологическимъ музеемъ—конечно, для человѣка свѣдущаго въ археологій и надѣленнаго извѣстною долею наблюдательности.

Какой видъ имѣла „Ветошная“ улица въ Руанѣ прежде, такой имѣетъ она и теперь; измѣнились только костюмы—вмѣсто кафтана встрѣтите пиджакъ, да вотъ у дверей, напр., этой лавочки со старьемъ, что на право отъ васъ, уже не увидите сабель и каски (можетъ быть побывавшихъ въ Москвѣ въ 12 году), взамамъ которыхъ уже навѣрно повѣшены нынѣ олеографическія картинки, револьверы и, пожалуй, прусская игольчатка, найденная гдѣ нибудь около Парижа.

Святыя морскія животныя (Рифонофоръ или трубочатникъ) (Physonora)

Море въ неизмѣримой своей глубинѣ, питаетъ такое обиліе жизни, которое превосходитъ все, что представляетъ земля на

выдающихся из него частях своих. И какое разнообразие форм, какое величайшее красок в обитающих в морях животных! Плиний в своей естественной истории говорит, что все возникающее в природе имеет своих представителей в морях, и, кроме того, в немъ есть еще многое, чего нигдѣ не встрѣчается. По словамъ Паласа: „Море есть мать и колыбель всего живого“.

Отъ самыхъ крупныхъ, поражающихъ своимъ размахомъ, животныхъ въ немъ кишатъ безчисленные мелкіе живые организмы. Многие изъ этихъ животныхъ организмовъ имѣютъ чудное свойство изливаться изъ себя свѣтъ, и появяясь на поверхности моря, они какъ бы усыпаютъ его блестящими искрами. Такъ, напримеръ, подъ тропиками океанъ похожъ на звѣздное небо. Влажные его звѣзды блещутъ иногда такъ ярко, что заливаютъ свѣтомъ корабельныя доски.

Блестящіе животные, пишетъ Шлейденъ въ своей книгѣ „Море“, слѣдуютъ за перекачивающимися волнами, прыгаютъ по камнямъ и обозначаютъ предѣлы береговыхъ волнъ огненной лентой. Въ болѣе теплыхъ моряхъ путь лодки усяянъ алмазами. Каждый всплескъ воды сверкаетъ свѣтящимися каплями. Этотъ свѣтъ играетъ самыми разнообразными окрасками, то бледными, то желтыми, голубыми, красными. Иногда блестящее проявление жизни сосредоточивается на поверхности моря и, сливаясь, образуетъ его общими фосфорическими свѣтомъ.

Къ свѣтящимся животнымъ моря относятся слизистые пузыри (*posticula mirari-*), столь малые, что въ одной каплѣ воды есть мѣсто для сотни животныхъ. Если разматривать ихъ въ темнотѣ подъ микроскопомъ, то въ тѣлѣ каждого видны тысячи свѣтящихся точекъ, исчезающихъ и возобновляющихся. Изъ раковинъ свѣтятся *pholas dactylus* Linn, камнеточецъ, водящихся

около Европы, который вбуравливается въ дерево и камень. Сокъ этихъ животныхъ имѣетъ свойство свѣтиться еще нѣскольکو времени послѣ того какъ выступитъ изъ животного. Плиний упоминаетъ, что камнеточецъ свѣтится тѣмъ сильнее, чѣмъ они сочатъ, и что стекающій сокъ можетъ свѣтиться еще долго на рукахъ, на одеждѣ, на полу.

Къ морскимъ свѣтильникамъ относятся колоколообразные и каралловые полипы, медузы, нѣкоторые изъ морскихъ червей, изъ суставчатыхъ многие коловратки. Число свѣтящихся такъ велико, что по выраженію Карла Фогта для сбереженія времени и труда лучше указывать, какія только морскія животныя не свѣтятся. Всего запутаннѣе и великолѣпнѣе явленіе свѣта у огненныхъ цилиндровъ. Они представляютъ трубки, длиною въ 6 или 7 дюймовъ, закрытыя на одномъ концѣ; снаружи трубка густо покрыта бутылковидными отдѣльными животными, соединившимися колоніями. Въ каждомъ отдѣльномъ животномъ распространяется по всему тѣлу желтоватый свѣтъ; начинался на одномъ концѣ трубки, онъ переходитъ тренещущими волнами, постепенно усиливаясь, къ другому ея концу и затѣмъ исчезаетъ въ обратномъ порядкѣ.

Приложенный рисунокъ представляетъ одно изъ свѣтящихся морскихъ животныхъ именно *Physophora*, трубчатникъ или сифонофора. Это полиморфная колонія, состоящая изъ множества особей, изъ которыхъ каждая имѣетъ особенное отправление, особенную дѣятельность. Вслѣдствіе раздѣленія труда, вся колонія получаетъ характеръ единичнаго организма, а особия ея низводятся физиологически до значенія органа. Трубчатники или сифонофоры чрезвычайно богаты замѣчательными разнообразными формами.

Л.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Прошедшая недѣля представляетъ въ военномъ отношеніи продолженіе осады, или точнѣе блокады нашими войсками Плевны; затѣмъ недѣля эта ознаменовалась новымъ ожесточеннымъ боемъ на Шипакъ—бомбардированіемъ горы св. Николая и дѣломъ подъ Церковною.

Что касается Шипинскаго боя, то онъ опять носилъ страшный и упорный характеръ. Наши потеряли 31 офицера и 1000 солдатъ; турки же понесли громадные и гораздо большія потери. Есть въ основанія предполагать, что Сулейманъ-паша такъ упорно наступалъ на Шипинскій перевалъ именно съ цѣлью отвлечь наши силы къ югу и ослабить дѣйствіе этихъ силъ противъ Плевны. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что нападеніе на Шипинъ совпало, по весьма вѣроятіямъ, съ выступленіемъ изъ Орханіи подкрѣпленій, высланныхъ Сулейманомъ пашею къ Плевнѣ. Въ эти-то выступившія изъ Орханіи войска турецкія и встрѣтились Штакембергу и Тутолмину, при рекогносцировкѣ ими мѣстности за рѣкою Видомъ.

Но расскажем дѣло по порядку.

8-го сентября флигель-адъютантъ графъ *Штакембергъ*, съ цѣлю произвести рекогносцировку, двинулся къ Рахитѣ, и опрокинулъ не доходя этой деревни, три турецкія эскадрона; обнаруживъ же за ними пѣхоту, отошелъ. На слѣдующій день, 9-го сентября, отбросилъ турецкую кавалерію, а затѣмъ, замѣтивъ у *Телиши* 10 батальоновъ съ артиллеріею въ окопавъ и 2 полка кавалеріи, становилъ наступленіе турецкой пѣхоты огнемъ артиллеріи. Засимъ *Тутолминъ* отвелъ отрядъ на заранѣе выбранную наблюдательную позицію. Этимъ пока, повидимому, дѣло и кончился. Съ этой стороны, т. е. со стороны р. Виду, никто не ждалъ ничего существенно важнаго. Тѣмъ болѣе что на слѣдующій день, 10-го сентября, началось дѣло при Церковнѣ.

Въ этотъ день съ самаго начала стремительная атака турокъ на Церковну совершенно отбита нашими войсками и на слѣдующій день, т. е. 10-го сентября, болѣе не возобновлялась, турки должны были отступить. Въ сраженіи при Церковнѣ со стороны турокъ было 20,000 съ 40 орудіями. Турки атаковали позицію, занятую 12-ю нашими батальонами. Сначала была атакованъ правый флангъ генерала Горшкова. Курскаго полка майоръ Добровскій подпустилъ турокъ безъ выстрѣла на 30 шаговъ, потомъ ударилъ въ штыки, и обратилъ непріятеля въ бѣгство. 200 турокъ остались на мѣстѣ. Потомъ турки возобновили атаку на лѣвый флангъ, и она отбита. Потомъ турки ударили на нашъ центръ, но были отбиты съ громаднымъ урономъ. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Рыльскій полкъ. Къ вечеру непріятель отступилъ. На слѣдующій день, 10-го сентября, турки прислали парламентаря просить убрать своихъ убитыхъ. На глазахъ нашихъ войскъ турки похоронили 800 тѣлъ, а всего потеряли 2,000. Наша потеря въ битвѣ при Церковнѣ состоитъ изъ 6 убитыхъ офицеровъ и 60 нижнихъ чиновъ; раненыхъ 20 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ. Нашимъ отрядомъ въ этомъ дѣлѣ командовалъ генералъ Татищевъ. Изъ другихъ генераловъ въ этомъ дѣлѣ особенно отличился генералъ *Горшковъ*, начальникъ 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи.

Послѣ сраженія подъ Церковной, наши дѣла на Дунаѣ приняты болѣе опредѣленный видъ, чѣмъ прежде. Намѣренія непрі-

ятеля и замыслиаемый имъ планъ наступленія все болѣе выяснились; становилъсь яснѣе, что положеніе арміи Османа-паша отчаянное, что всѣ послѣднія движенія турокъ съ юга-запада и востока предприняты ими, собственно говоря, для спасенія этой арміи. Посланныя къ Осману подкрѣпленія уже довольно давно находились въ Орханіи. Засимъ, какъ сказано выше, по развѣдкамъ нашего полковника *Тутолмина* и флигель-адъютанта графа *Штакемберга*, оказалось, что турецкія войска находятся уже на линіи Рахиты-Телиши, верстъ приблизительно на 60 отъ Плевны. Численность этихъ войскъ опредѣлялась въ 20,000; они расположены были къ востоку за рѣкою Видъ, по дорогѣ, ведущей изъ *Луковицы* въ Плевну и по дорогѣ отъ Луковицы въ *Горный-Дубнякъ* *). Турецкія войска могли направиться отсюда на Плевну по двумъ сходящимся направленіямъ. Для предупрежденія этого съ нашей стороны, на западъ за рѣку Видъ, былъ отправленъ кавалерійскій корпусъ. Войска этого корпуса могли напасть на турецкіе отряды съ фронта и съ фланга, со стороны Дювичи. Въ такомъ видѣ представлялось дѣло въ началѣ прошлой недѣли. Какъ вдругъ офиціальная телеграмма отъ 14-го сентября извѣстила насъ, что 10,000 турецкой пѣхоты съ артиллеріей, шедшей изъ *Софійи*, пробились 10-го сентября сквозь нашу кавалерію въ Плевну. Это извѣстіе поставило многихъ въ недоумѣніе, такъ какъ *Штакембергъ* и *Тутолминъ*, производя развѣдки, уже открыли «турецкую пѣхоту» на линіи Рахиты-Телиши и слѣдовательно были приняты всѣ мѣры остановить турокъ. Оказалось, что наша кавалерія употребляла всѣ силы остановить турокъ, но не успѣла въ этомъ. Для уясненія себѣ факта вторженія турокъ, не преувеличивая его значенія, которое, конечно, не важно, познакоимся насколько то возможно, съ общемо картиной расположенія нашихъ войскъ подъ Плевною.

Русско-румынскія войска занимаютъ подъ Плевной линію, правую оконечность которой составляетъ деревня *Гривица*, а лѣвую *Тачененица*. У Гривицы Румыны при помощи саперныхъ работъ, проникли на близкое растояніе отъ 2-го редута. Въ во отъ Гривицы, стоятъ: 9-й корпусъ генерала *Криденера*, и 4-й корпусъ генерала *Зотова*. На крайнемъ лѣвомъ пунктѣ находится князь *Имеретинскій* со 2-ю дивизіей и 4-ю артиллерійскою бригадой и остатками войскъ генерала *Скобелева*. Всѣ эти наши силы поддерживаютъ постоянный огонь болѣе чѣмъ изъ 320 орудій по турецкимъ укрѣпленіямъ, которыя едва отвѣчаютъ на выстрѣлы. Наши войска сильно окопались по всей линіи и прямо надъ *Радичевымъ* (** построили полевой редутъ. Подъ Плевною, нашихъ войскъ, не считая прибывающихъ подкрѣпленій, простирается до 50,000 человекъ. Замѣтимъ, что если турки едва отвѣчали на нашъ огонь, то очевидно вслѣдствіе крайняго истощенія запасовъ и снарядовъ. Становится понятнымъ и то напряженное усиліе, съ которымъ до 10,000 турецкой пѣхоты съ артиллеріей пробилось сквозь ряды нашей кавалеріи къ Плевнѣ. Турки конечно спѣшили, во чтобы-то ни стало, на выручку истощеннымъ отъ голода и стѣсненнымъ не-

*) Тотъ и другой пункты, и *Луковица* и *Горный-Дубнякъ*, лежатъ на рѣкѣ *Искеру*. Луковица гораздо сѣвернѣе Горнаго-Дубняка. Слѣдовательно турецкія войска расположены были на двухъ сторонахъ треугольника, верхній уголъ котораго составляла Плевна.

**) Селеніе н-многое къ югу отъ Плевны.

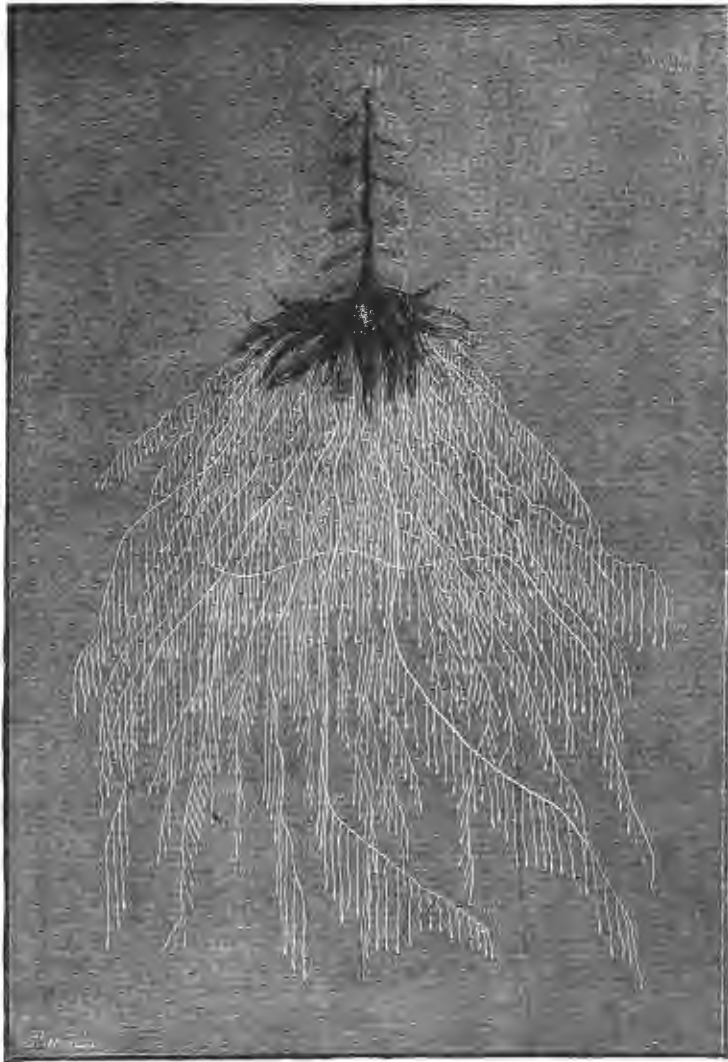
достаткомъ боевѣхъ запасовъ войскамъ Османа-паша. Доставлены ли теперь продовольственные запасы и въ какомъ количествѣ—это уже не замедлитъ обнаружиться вскорѣ. Замѣтимъ, что если къ Плевнѣ подоспѣло турецкое подкрѣпленіе въ 10-ть тысячъ, то съ нашей стороны уже давно послѣдило Дунай, форсированнымъ маршемъ, подкрѣпленіе слишкомъ въ 100,000 лучшаго войска.

Въ виду громадной важности, какую приобрѣла въ послѣдніе дни Плевны, значительная часть нашего общества какъ известно, интересуется знать: что же мы дѣлаемъ съ Плевной *осаждаемъ* ее или *блокируемъ*? Въ военномъ отношеніи между этими двумя терминами есть важное различіе. Въ данномъ случаѣ идетъ, дѣйствительно, не осада, а блокада *) Плевны, но полное ее обложеніе дѣло весьма трудное, такъ какъ при блокадѣ нужно всегда предположить незначительность окружаемаго пункта сравнительно съ массами окружающаго этотъ пунктъ войска. Это правило практиковалось давно еще со временъ Юлія Цезаря. Но бывали и исключенія, изъ этого правила, вызываемыя особыми и обстоятельными, подобными тѣмъ, въ какихъ мы находимся теперь въ Плевненскомъ дѣлѣ. При данныхъ обстоятельствахъ дѣйствіе блокады, дѣйствіе выжидательное, — самое практичное, которое, однако, ничуть не исключаетъ начатія новой энергической осады Плевны, какъ скоро будутъ сюда наши подкрѣпленія. Вотъ почему, мы не можемъ придавать, особеннаго значенія прибытію турецкихъ подкрѣпленій. Имъ удалось прорваться сюда вслѣдствіе самаго характера нашихъ теперешнихъ операций, заставившихъ насъ окружать обширныя укрѣпленія врага слишкомъ уже растянутой цѣпью. Снова эту цѣпь турки легко могли прорваться,—но это еще далеко не успѣхъ.

Что касается нашихъ дѣлъ на Янтрѣ, т. е. на лѣвомъ флангѣ дѣйствующей арміи, то относительно этого предмета известно, что армія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича находится на высотахъ, подѣ *Бѣлой* а главная квартира въ *Монастырѣ*, въ 8 верстахъ отъ Бѣлы, въ сторону Рущука. Противъ этого нашего фланга раскинуто 5-ть дивизій Ахметъ-Эюбъ-паша, 2 дивизіи Солиза и Измаила-пашей и 1 дивизія у Османъ-Базара, подѣ начальствомъ Мехмета-Селима-паша. Войскъ въ распоряженіи Наслѣдника Цесаревича 2 1/2 корпуса. Военныя дѣйствія на нашемъ лѣвомъ флангѣ приостановились, говорятъ, вслѣдствіе наступившихъ сильныхъ дождей и распутицы.

Съ Закавказскаго театра военныхъ дѣйствій послѣ долгаго молчанія получены наконецъ за прошлую недѣлю извѣстія, что тамъ съ самаго начала сентября Измаилъ паша началъ водвигать батареи по гребню и скатамъ горъ, противъ селенія *Халфалю* и *Хошъ-Хаворъ* и открылъ огонь противъ войскъ генерала Тергукасова, съ намѣреніемъ спуститься со скатовъ горъ на плоскость. Турецкій огонь, однако, былъ безвреденъ для нашихъ войскъ. 7 сентября турки предприняли наступленіе *Халфалю* и *Верхней Чаруци*. Но эта атака, послѣ двухъ часовой перестрѣлки, была энергически нами отбита и неприятель съ большимъ урономъ обращенъ въ бѣгство. Точно также отбита партія баши-бузукъ (500 чел.), прорвавшая было наши аванпосты. Со времени этого незначительнаго дѣла на Закавказскомъ театрѣ опять наступило затишье, и, по видимому, съ

*) *Блокада*, *блокировать*—сплошной цѣпью окружать или обложить городъ. *Блокада*—операция преимущественно наблюдательная, выжидательная и почти оборонительная. *Цѣпь*—операция у блокадуемаго гарнизона вслѣду возможности получить посылки въ пищу и продовольственные и военныя запасы. Съ этой точки зрѣнія наши операции надъ Плевною нужно назвать блокадой.

Свѣтящаяся морская животная. Сифонофоръ или трубчатникъ (Physophora).

обѣихъ сторонъ идутъ приготовленія къ решительнымъ дѣйствіямъ. Мухтаръ-паша собирается атаковать наши новыя позиціи подѣ Кара-Яломъ. Позиціи эти теперь, съ нашей стороны, сильно укрѣплены.

Сухумъ-Казе оставленъ турками. Въ городѣ и его окрестностяхъ лежатъ тысячи головъ скота, убитаго турками. Они, переселяя абхазцевъ, не успѣли забрать громаднаго количества скота, и за день до своего бѣгства, для того, чтобы скотъ не достался гяурамъ, порѣзали и перестрѣляли нѣсколько тысячъ животныхъ—преимущественно буйволовъ. Въ самомъ городѣ—сожженнымъ и полуразрушенномъ—въ каждомъ домѣ валяется по нѣскольку штукъ убитаго рогатаго скота; всѣ улицы и площади загромождены имъ; въ окрестностяхъ вереты на 3—4 (Трапеція, Келасуры, Абжаква) горы и долины усѣяны падалями. Во всѣхъ рѣчкахъ и родникахъ, съ цѣлью зараженія воды наваленъ битый скотъ. Тысячи до 8—10 разлагаются при страшной жарѣ и заражаютъ воздухъ. Сухумъ ждетъ помощи и помощи энергичной.

Въ прошломъ обозрѣніи («Нивы», № 38) мы говорили о блестящихъ успѣхахъ черногорцевъ въ войнѣ съ турками, что они успѣли углубиться внутрь Герцеговины. За прошлую недѣлю получены извѣстія

о слѣдующихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ черногорцевъ. Небольшой отрядъ черногорцевъ занялъ 5 сентября *Гацко* (къ сѣверу отъ Билеча, по дорогѣ въ Невесиньѣ) и подкрѣпленный другими частями, взялъ крѣпостцу *Преску*, захвативъ въ ней 77 пленныхъ, множество боевыхъ припасовъ и провiantа. За сѣмъ извѣстно, что взяты черногорцами *Корбъ*, *Ноздре* и *Злостунъ* въ Дужскомъ ущельѣ, такъ что и все это знаменитое ущелье теперь въ рукахъ Черногорцевъ. Ясно, что, оставивъ въ этомъ проходѣ прикрытіе, и при содѣйствіи Герцеговинцевъ, они могутъ серьезно угрожать Мостару, въ которомъ, какъ мы упоминали въ прошломъ обозрѣніи турки приготовились къ оборонѣ.

Въ политическомъ отношеніи прошлую недѣлю характеризовала молва о результатахъ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши въ Зальцбургѣ. Результаты свиданія, какъ утверждаютъ единодушно всѣ газеты, вышли удовлетворительные, но эту удовлетворительность многія, особенно туркофильскія, газеты отрицаютъ по своему. Туркофильская печать распространяетъ слухи, что графъ Андраши явился не уступчивымъ и рынымъ защитникомъ интересовъ Венгріи, т. е. другими словами, туркофильства, чего князь Бисмаркъ никакъ не ожидалъ. Вообще же свободные отъ туркофильства органы признаютъ, что свиданіе повлекло за собою укрѣпленіе союза трехъ императоровъ и что значительная часть переговоровъ посвящена была церковному вопросу, для котораго теперь самое благоприятное время.

Изъ Греціи извѣщаютъ, что тамъ министерскій кризисъ, возникшій по смерти Канариса, уладился, и министры остаются на своихъ мѣстахъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-лейтенантъ М. Д. Скобелевъ (съ портретомъ) М. И.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Начало второй части.—Вѣрный другъ (съ рисункомъ) Д. Стахѣева.—Болгарскія сироты (съ рисункомъ) Н. Каразина.—Никополь послѣ бомбардированія (съ 2-ми рисунками).—Недостатокъ свинца у турокъ (съ рисункомъ) С.—Болгарская красавица (съ рисункомъ) Ж.—Послѣдніе теплые дни (съ рисункомъ) М.—Улица въ Руандѣ (съ рисункомъ).—Свѣтящаяся морская животная. Сифонофоръ или трубчатникъ (Physophora) (съ рисункомъ) Л.—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 40

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 3 Октября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
все уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГODOVAYА ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.

„ съ доставкою . . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.

маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.

Съ пересылкою во все города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

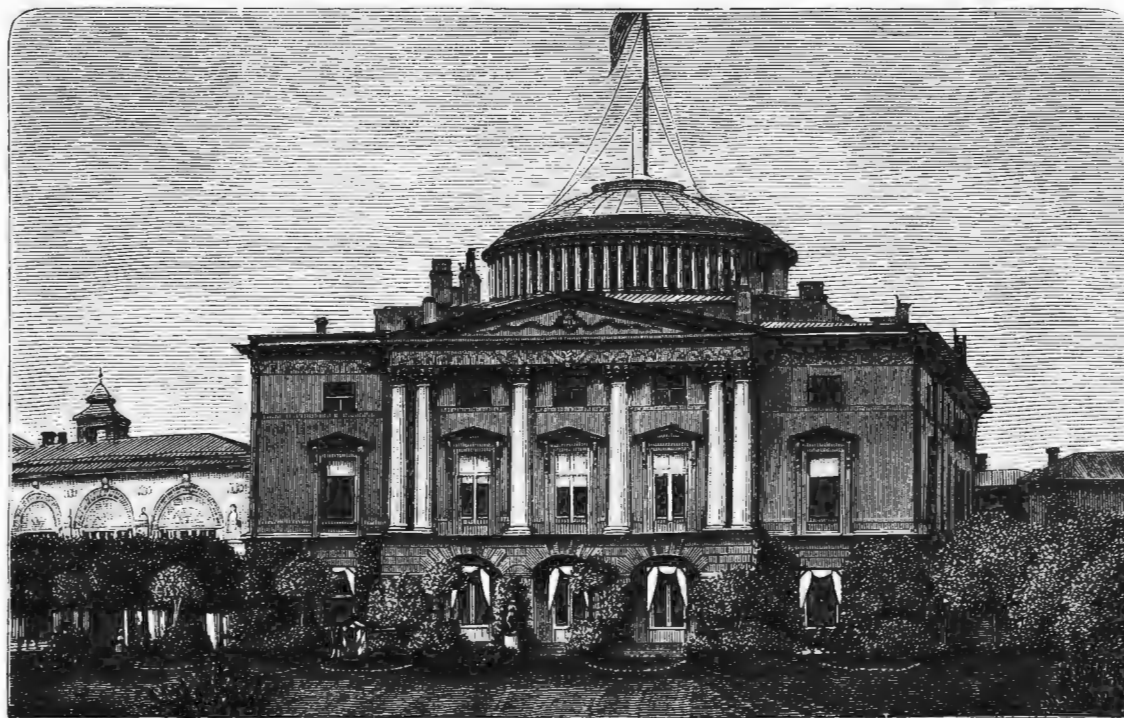
При этомъ № предлагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ОКТЯБРЬ съ 26 рисунк., отдѣльный листъ съ 23 чертежами
выкроекъ въ натуральную величину и 60 рисунками буквъ для мѣтки бѣлья.

СТОЛѢТІЕ ПАВЛОВСКА.

1777—1877.

Сто лѣтъ тому назадъ, въ день рожденія своего внука-первенца, въ 1777 году, Екатерина II подарила родителямъ его, Цесаревичу Павлу Петровичу и Великой Княгинѣ Маріи Фе-

включало въ своихъ предѣлахъ двѣ деревеньки: Линну и Кузнецы (или Рысь-Кабачекъ), остатки окоповъ, возведенныхъ шведскимъ генераломъ Кроніуртомъ во время великой сѣвер-

Павловскій дворецъ. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

одоровнѣ—362 десятины земли, въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села. Это пространство земли, пересекаемое рѣкою Славянкою и покрытое тогда лѣсами и болотистыми топями, за-

ной войны (1700—1721 г.), два охотничьихъ домка „Крикъ“ и „Кракъ“. Населеніе этой мѣстности, довольно дикой и угрюмой, состояло изъ 117 душъ обоюго пола.

Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится гор. Павловскъ, соединенный съ Петербургомъ желѣзною дорогою; лѣсныя чащи и топи превращены въ превосходныя сады и обширный паркъ, подобныя которымъ не много въ Европѣ.

Павловскъ и его паркъ обязаны своимъ благоустройствомъ супругѣ Императора Павла I-го, Маріи Ѳеодоровнѣ. По мановенію ея руки, щедрой на благотѣнія, возникло въ Павловскѣ множество благотворительныхъ заведеній. Таковы были: церковный инвалидъ, Монмартръ, Народное училище, школа земледѣлія, училище глухонѣмыхъ (первое въ Россіи), училище ботаники и садоводства; вспомогательныя капиталы для недостаточныхъ жителей Павловска; милостивое содѣйствіе родителямъ для опредѣленія ихъ дѣтей въ учебныя заведенія; материнскія заботы о крестьянскихъ деревняхъ, приписанныхъ къ Павловску, улучшенія ихъ быта въ ту эпоху, когда крѣпостное право свирѣпствовало во всей силѣ; постоянное радушіе и заботливость, оказываемыя войскамъ, расположеннымъ въ Павловскѣ—вотъ тѣ неизгладимыя черты благотворительности Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которыми она запечатлѣла въ сердцахъ память о своей жизни, посвященной благотѣніямъ. Удѣляя досуги свои въ Павловскѣ занятіямъ садоводствомъ и сельскимъ хозяйствомъ, Императрица въ тоже время украсила паркъ и сады многими сооружениями, сохраняющимися донынѣ въ ихъ первобытномъ видѣ. Таковы были, во первыхъ, монументы, посвященные Государынею Маріею Ѳеодоровною памяти усопшихъ ея родителей, супруга и дѣтей; во вторыхъ, зданія увеселительныя, каковы: театр, розовый павильонъ; въ третьихъ, зданія хозяйственныя: ферма, вальеръ, молочная, Старое Шале. Послѣднія три зданія поддерживались неизмѣнно, соотвѣственно ихъ назначенію. Любительница и покровительница наукъ, словесности и изящныхъ художествъ, Императрица, въ пышныхъ покояхъ своего дворца, независимо отъ картинъ ихъ украсившихъ, основала обширную бібліотеку, музей произведеній медальернаго искусства, съ богатыми коллекціями гербаріевъ, собранныхъ ученымъ батаникомъ Хейнманомъ. При жизни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ извѣстные дни недѣли въ Павловскѣ прѣзжали, составляя всегда пріятный для Государыни кругъ—все свѣтила нашей литературы Александровскаго времени: Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, Н. И. Гнѣдичъ, И. А. Крыловъ... „Розовый павильонъ“ съ 1814 года былъ палладіумомъ отечественной славы, храмомъ торжества Александра Благословеннаго, куда съ благоговѣніемъ стекались многія тысячи жителей столицы.

Послѣ кончины Государыни, Павловскъ, какъ маіоратъ, перешелъ во владѣніе второго, по Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, сына Ея, Михаила Павловича. При немъ 30-го октября 1837 года произошло открытіе *первой въ Россіи* желѣзно-дорожной линіи между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ; а 22-го мая 1838 года—и Павловскъ.

Въ настоящее время Павловскій дворецъ съ его парками и землями принадлежит Великому Князю Константину Николаевичу.

Во владѣніи Павловска заключаются 881 десятина 1658 кв. сажень; изъ этого пространства 623 десятины 128 сажень заняты паркомъ и садами. Протяженіе прѣзжихъ и пѣшеходныхъ аллей превышаетъ въ общей сложности 180 верстъ. Павловскій паркъ превосходно содержится на проценты съ капитала, ассигнованнаго на его содержаніе еще прежними его

владѣльцами. Изъ находящихся въ садахъ и въ паркѣ зданій болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе: Старое шале, Храмъ дружбы, Домикъ Крикъ, Пиль башня, Розовый павильонъ, Павильонъ Елисаветы и Ферма... Нынѣшнее лѣто въ Павловскомъ вокзалѣ игралъ оркестръ капельмейстера Лангенбаха; со времени же открытія желѣзной дороги дирижерами оркестровъ въ Павловскомъ вокзалѣ были: Лабицкій и Германъ (1838—1845), Іоганнъ Гунгль (1845—1848), Гильманъ (1849), Іосифъ Гунгль (1850—1855), Іоганнъ Штраусъ (1856—1864). Съ 1865 по нынѣшній годъ: Эдуардъ и Іоганнъ Штраусы, Фюрстенно, Іоганнъ и Іосифъ Штраусы, Мансфельдъ, Бильзе, Арбапъ и Лангенбахъ. Самымъ цвѣтущимъ временемъ Павловскаго вокзала былъ періодъ капельмейстерства Іоганна Штрауса.

Сады, паркъ и вокзалъ въ Павловскѣ всегда привлекали и привлекаютъ въ лѣтнее время тысячи посѣтителей и мѣстныхъ дачниковъ.

Во дворцовой бібліотекѣ не мало манускриптовъ и рѣдкихъ древнихъ изданій по исторіи и разнымъ отраслямъ естествознанія, которыя могутъ привлечь на себя вниманіе бібліофила и любителя наукъ. Здѣсь же собраніе автографовъ Екатерины II, Павла Петровича, Маріи Ѳеодоровны; коллекція рисунковъ Лафатера, коллекція эстамповъ, нѣсколько альбомовъ и въ томъ числѣ одинъ находившійся въ Розовомъ павильонѣ. Въ отдѣленіи глинтики и въ коллекціи медалей, любители изящнаго найдутъ множество превосходныхъ камней, печатокъ и медалей; изъ нихъ нѣкоторыя—трудовъ Государыни Маріи Ѳеодоровны. Картинная галерея еще того болѣе привлекаетъ вниманіе знатоковъ и цѣнителей художествъ. Въ числѣ 67 картинъ здѣсь находящихся, посѣтитель найдетъ: *Гuido-Рени, Корреджо, Мурильо, Рембрандта* и друг. Художественный музей—драгоценный для археолога, заключаетъ въ себѣ собраніе древнихъ статуй, бюстовъ, рельефовъ, саркофаговъ и пеллохранильницъ. Въ стѣну передней комнаты музея вѣданы мраморныя доски, въ 1828 году выломанныя изъ стѣны покоренной Варны. Эти доски, съ хвастливыми турецкими надписями, возбуждаютъ въ посѣтитель немало воспоминаній о минувшемъ, надеждъ на будущую славу Россіи при одолженіи ею вѣкового врага христіанства.

Кромѣ картинъ находящихся въ галереѣ, въ „общемъ кабинетѣ“ и нѣкоторыхъ покояхъ большого дворца есть много художественныхъ произведеній, достойныхъ вниманія. Здѣсь находятся издѣлія Императрицы Маріи Ѳеодоровны, портреты и собственные рисунки Императора Павла, и ихъ августѣйшихъ дѣтей. Въ кабинетѣ Маріи Ѳеодоровны находится небольшое, но прекрасное собраніе картинъ великихъ мастеровъ, каковы: „св. Севастіанъ“ *Карла Долье*, „Спаситель“ *Л. онардо-да-Винчи*, и „Плачущая Марія Магдалина“—прелестнѣйшее произведеніе вѣжной кисти *Шарля Лебр на*. Въ уютномъ домикѣ „Крикъ“, по волѣ владѣтеля Павловска, къ годовщинѣ этого города изъ дворцовыхъ комнатъ собраны писанные масляными красками, тушью и гравированные виды первобытнаго „села Павловска“ въ періодъ 1777—1796 годовъ. Здѣсь—живописная дѣтопись постепеннаго возрастанія и усовершенствованія Павловска, къ исторіи котораго хижинка „Крикъ“ относится точно такъ же, какъ домикъ Петра Великаго, близъ крѣпости, относится къ исторіи Петербурга.

Т. Р.—овъ.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Потомъ стало вспоминаться ей ужъ другое время, вспоминался ей сынъ, которому бабушка подарила свой любимый рукомоиникъ.

И вдругъ снова вспыхнули давно позабытыя материнскія чувства къ несчастному царевичу, безвременно и страшно погибшему. Вся вздрогнула Евдокія Ѳеодоровна, представила она себѣ Алексѣя крошечнымъ мальчикомъ у груди своей, потомъ вспомнила его блѣднымъ юношей, заглядывавшимъ въ тишину ея заточенія; вспомнила она тихіе часы съ нимъ—тѣхъ бесѣдъ, когда вся душа ея кипѣла отъ лютой злобы и жажды мести, когда съ устъ ея срывались ядовитыя рѣчи. Вспоминала она какъ растревляла, и раздрожала, и возмущала слабый духъ юноши, какъ вооружала она его противъ отца и противъ всѣхъ дѣлъ отцовскихъ, какъ взывала она къ его сердцу, молила о мести, о заслупничествѣ за мать родную. О, онъ долго колебался, но она знала какъ вести дѣла, она сдумѣла наконецъ со-

всѣмъ преобразить его и вышелъ онъ изъ ея рукъ ненавистникомъ отца, ненавистникомъ его плановъ, ненавистникомъ новой Россіи. И онъ погибъ за эту ненависть—и кто же былъ виною его гибели? Все онъ же, онъ, этотъ звѣрь лютой, этотъ отецъ безъ сердца...

И вдругъ всѣми членами задрожала старая царица, вдругъ, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, что то прояснилось въ ея мысли и поняла она что причиною гибели ея дѣтища былъ не отецъ, а только одна она, она приготовила ему эту гибель. Страшно и душно стало Евдокіи Ѳеодоровнѣ, и казалось ей что она видитъ въ полумракѣ этой теплой келейки блѣдный, измученный сыновній образъ. Вотъ онъ простираетъ передъ нею свои тонкія худыя руки—на нихъ ей кажутся слѣды пытки—его блѣдныя, запекшіяся губы искривленныя страданьемъ, шепчуть ей: „Матушка, матушка, ты меня погубила“. Обезсиленная, падаетъ на столъ головою Евдокія Ѳеодоровна и уже не можетъ

она плакать. Ей страшно, ея сѣдые волосы поднимаются дыбомъ. Вотъ она вскакиваетъ и мечется по комнатѣ. За ней слѣдомъ бѣгутъ и настигаютъ ее призраки, они грозятъ ей: «Ты, ты, погубила насъ, ты насъ отвѣтишь передъ Богомъ!» Сынъ сзываетъ къ себѣ цѣлое полчище и растутъ эти призраки, и страшнѣе всѣхъ и ужаснѣе призракъ Глѣба: она ясно видитъ, съ невыразимымъ ужасомъ въ сердцѣ, когда то любимого человѣка посаженнымъ на колъ, въ глазахъ ея вотъ онъ извивается, извивается и скрежещетъ зубами, и стонетъ и грозитъ ей: «Ты, ты, виною моихъ мученій!» не знаетъ куда дѣваться бѣдная старуха отъ этихъ гостей непрошенныхъ, гдѣ ей теперь скрыться? Вотъ падаетъ она на полъ передъ кіотомъ и начинаетъ молиться и жарко молится и опять плачетъ и бьетъ себя въ свою иссохшую грудь, и долго не можетъ успокоиться. Нѣтъ, только одно осталось на свѣтѣ—внучата! въ нихъ все спасеніе. Любить ихъ, стараться отстранить отъ нихъ все дурное,—вотъ къ чему нужно стремиться, вотъ чего добиваться. Вѣдь какъ бы то ни было, страшно, страшно ихъ положеніе: ни души родной, кругомъ ихъ все чужіе люди, каждый то и дѣло, что старается забрать ихъ въ руки ради своихъ корыстныхъ цѣлей, а объ нихъ, объ ихъ благѣ никто и не подумаетъ!

И вотъ начинаетъ чувствовать старая царица въ своемъ сердцѣ приливъ давно позабытой нѣжности. Да, она любитъ, горячо любитъ этого маленькаго внука, юнаго Императора и сестру его. И внучата должны непременно полюбить ее—вѣдь она своя, родная, бабушка. Пусть вооружали ихъ противъ нея, пусть говорили имъ о ней только одно дурное, но все же!.. она вѣдь еще жива, ихъ скою увидетьъ и не совѣмъ же выжила она изъ ума, слумѣеть, должна слумѣть повернуть все въ свою пользу, должна слумѣть внушить имъ къ себѣ довѣріе, почтеніе и любовь. Да гдѣ-жь они, что-жь они не ѣдутъ, что-жь томятъ такъ долго, вѣдь близко, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда и все таки тянется эта разлука. Хоть бы самой къ нимъ поѣхать, да нѣтъ, не желаютъ, нѣтъ, нужно ждать ихъ здѣсь, а ждать теперь старой царицѣ съ каждой минутой становится не по силамъ, и вотъ Евдокія Федоровна велитъ зажечь въ своей келейкѣ восковыя свѣчи, велитъ подать себѣ бумаги и начинать выводить старческимъ, дрожачимъ почеркомъ. Она пишетъ великой княжнѣ Натальѣ: «Пожалуй, свѣтъ мой, проси у братца своего, чтобы мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились, не дали мнѣ про васъ слышать, не тоюмо что видѣть».

Пусть сестра поговорить ему, убѣдить его,—думаетъ царица,—да напишу и нѣмцу, говорятъ, онъ его слушается.

«За вѣрную вашу службу ко внуку моему,—пишетъ она Остерману,—и къ намъ, я по премногу благодарствую, а у меня истинно на васъ надѣяніе крѣпкое, только о томъ васъ прошу, чтобы мнѣ внучать своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть; а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу. А я истинно надѣюсь, что уже печали наскучили, и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печаляхъ не умереть; и ежели бы я съ ними вмѣстѣ была и я бы такія свои несносныя печали всѣ позабыла и такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынѣ опять сокрушаютъ, а я не знаю, сіе чинится отъ ково».

— Скорѣй, скорѣй! влечетъ она свою старую прислужницу,—скорѣй вели послать гонца съ этими письмами... да нѣтъ, погоди, постой, дай мнѣ еще бумаги.

И царица опять садится и пишетъ уже самому внуку: «Долго ли, мой батюшка, мнѣ васъ не видѣть? Или васъ и вовсе мнѣ не видѣть, а я съ печали истинно умираю что васъ не вижу, дайте, мой батюшка, мнѣ васъ видѣть, хотя бы я къ вамъ пріѣхала».

Съ этими письмами скачетъ гонецъ въ царскую стожанку, а царица всю ночь не спитъ въ своей роскошной кельѣ; съ боку на бокъ поворачивается она на мягкой перинѣ; ее бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ, закутывается она въ дорогое хитро вышитое шелками и золотыми нитками одѣяло и все ей что-то не ловко, все ей тревожно. Бываютъ минуты, что кажется ей будто никакой нѣтъ перемѣны къ лучшему въ ея положеніи. Такъ невыносимо ей это ожиданіе. Тамъ, въ тяжеломъ зоточеніи, было спокойнѣе. Подъ конецъ уже сжилась съ своимъ горемъ, со своей лютой жизнью старушка. Ничего уже не хотѣла, ничего не ждала и ни на что не надѣялась. Наконецъ забывается она сномъ, но сонъ длится не долго. Вотъ она опять проснулась. Съ изумленіемъ глядитъ кругомъ себя: гдѣ она, что съ нею? Откуда взялась вмѣсто сырой и душной кельи эта теплая, спокойная комната? Откуда эта мягкая перина, это роскошное одѣяло? Куда исчезла старая скрипящая кровать съ грубой простынею, съ изношеннымъ одѣяломъ, которымъ она прикрывала свое коченѣющее тѣло? И долго ничего не можетъ понять царица, и вотъ наконецъ вспоминаетъ и все глядитъ кругомъ себя и не можетъ глазъ отвести отъ драгоценнаго рукомыльника, на которомъ самоцвѣтные камни блестятъ и переливаются отъ тихаго лампаднаго свѣта.

III.

Наконецъ въ февралѣ былъ торжественный въѣздъ Императора въ Москву. Петръ окончательно оправился отъ своей простуды. День былъ чудесный, солнечный, съ небольшимъ морозцемъ. Москва производила на юнаго Императора волшебное впечатлѣніе. Здѣсь ему все правило, но больше всего понравилась встрѣча, приготовленная ему жителями. Весь городъ высыпалъ на Тверскую улицу, всѣ колокола московскіе несмолкаемо гудѣли радостнымъ звономъ. Торжественный царскій поѣздъ медленно подвигался и Государь добродушно расклаивался на обѣ стороны. Путь былъ далекий, почти черезъ всю Москву, но до самой нѣмецкой слободы не рѣдѣли толпы народа, до самаго дворца не смолкали восторженные крики и гулъ колокольный. Духовенство въ богатомъ облаченіи выходило на встрѣчу Императору. Все это, вмѣстѣ съ яснымъ и солнечнымъ днемъ, подъ копецъ совѣмъ растрогало Петра и онъ нѣсколько разъ долженъ былъ утирать слезы.

А бабушка все сидѣла въ своемъ монастырѣ и дожидалась, когда о ней вспомнить внучекъ. Внучекъ вспомнилъ въ тотъ же день и собрался навѣстить ее вмѣстѣ съ сестрой. Онъ попросилъ также ѣхать вмѣстѣ съ ними и цесаревну Елизавету.

— Мнѣ то зачѣмъ,—изумленно сказала она,—вѣдь я ей не родная. Ей будетъ только досадно, она не можетъ любить меня и конечно никогда не полюбитъ. Я только испорчу ея встрѣчу съ вами, разумѣется, я могу и должна къ ней съѣздить, но потомъ, одна.

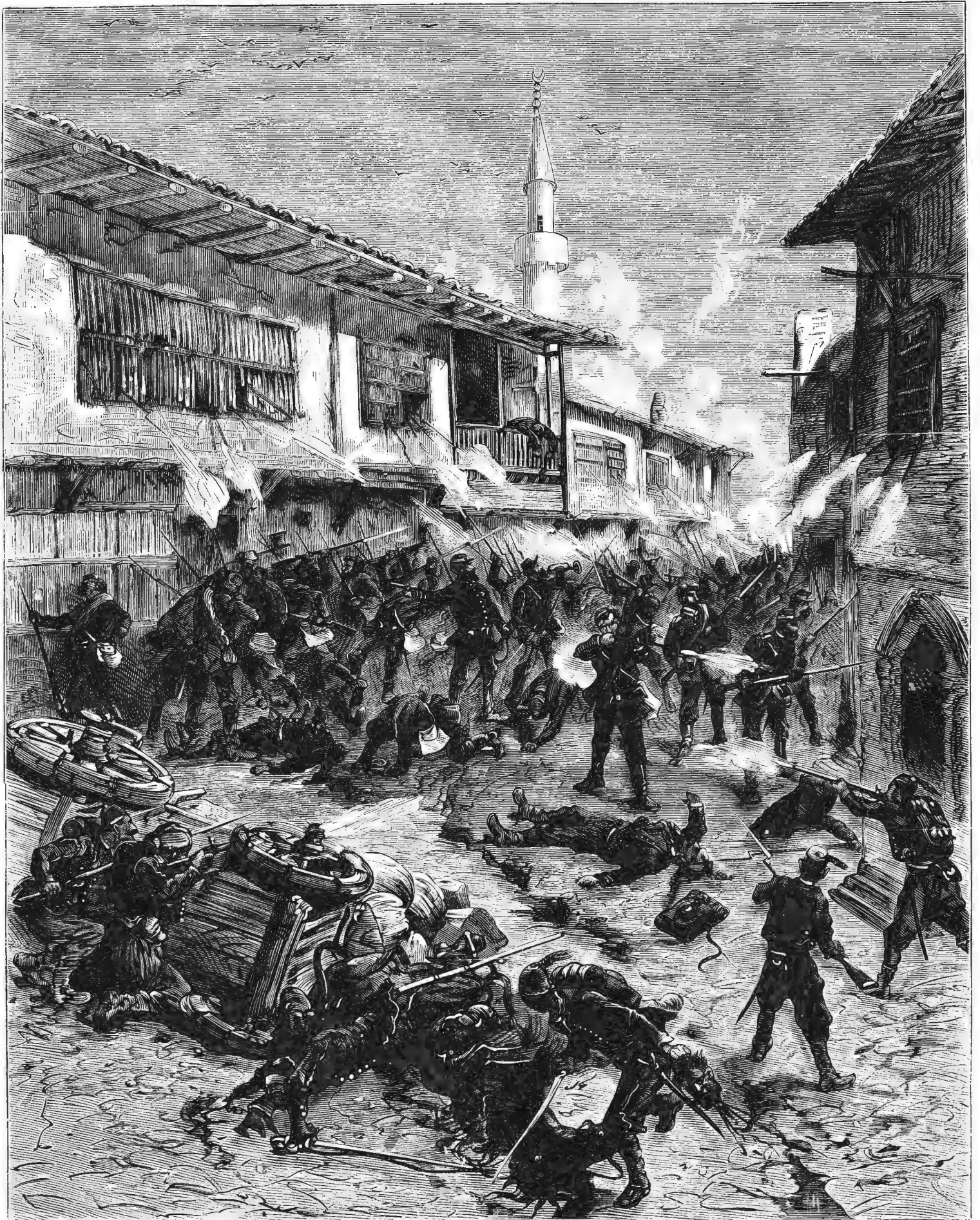
— Нѣтъ, Лиза, пожалуйста поѣзжай съ нами, я знаю что дѣлаю, сказалъ Петръ.

Къ его просьбѣ присоединилась великая княжна Наталья.

— Да зачѣмъ же, зачѣмъ, повторяла Елизавета.

— А зачѣмъ,—отвѣтилъ юный Императоръ.— что я боюсь, да и Наташа тоже, этого свиданія съ бабушкой. Вѣдь мы ее не знаемъ, какая она. Вотъ намъ такъ хорошо сегодня, такъ на душѣ радостно, а бабушка навѣрно станетъ плакать, жаловаться. Вонъ говорятъ, что она сердится, отчего до сихъ поръ съ ней не видались, зачѣмъ въ Петербургъ ее не выписали. Ну, а при тебѣ, Лиза, она остережется и все сойдегъ какъ слѣдуетъ.

На это объясненіе цесаревна Елизавета не имѣла что возразить и они отправились всѣ вмѣстѣ.

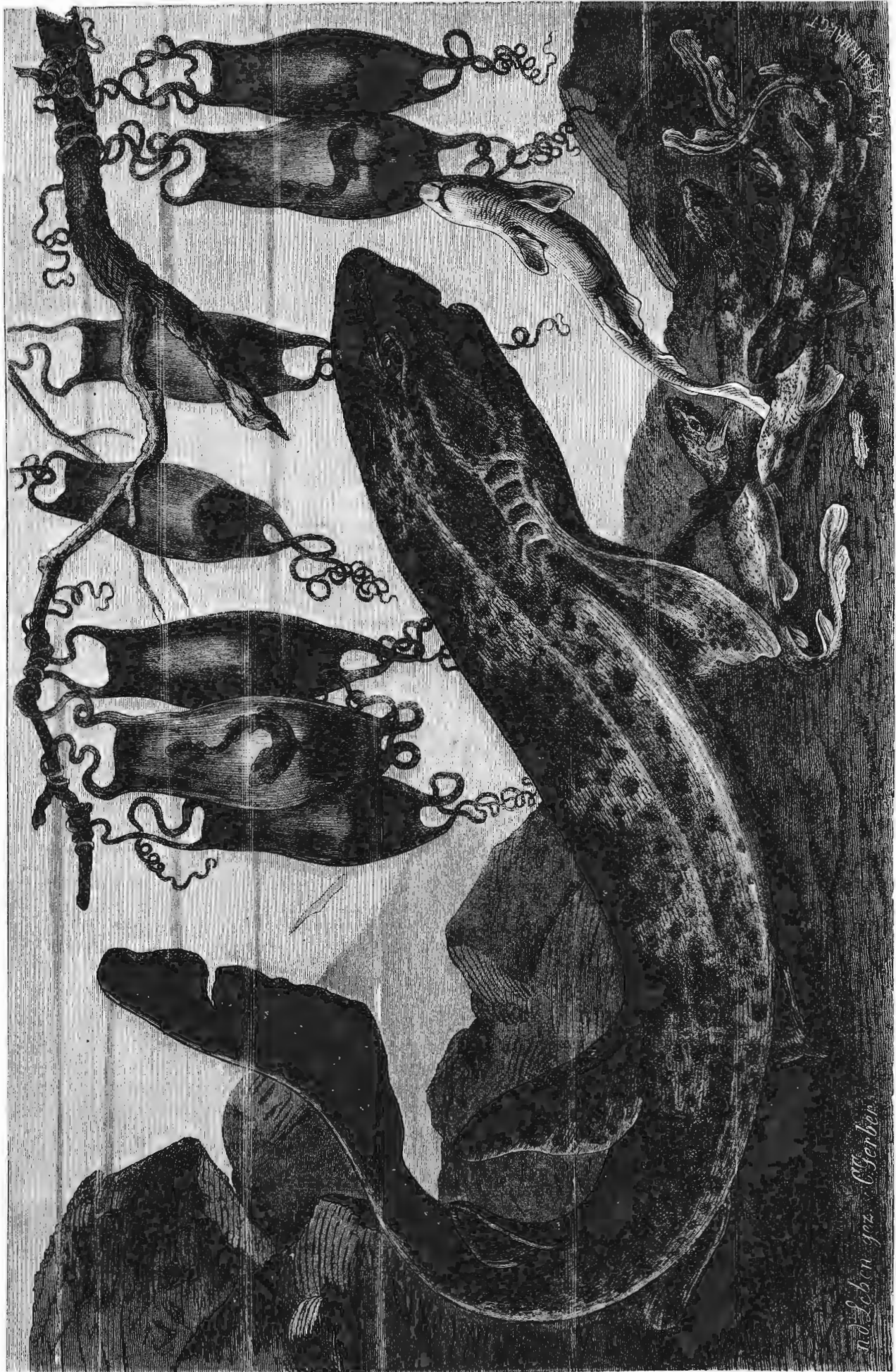

Первая атака на Плевну 8 июля 1877 г. По рисунку въ «Monde illustrée», грав. Ратевский.

Фиг. 8.

9.

Фиг. 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7.

Акула-бошеа (Scyllium). Съ натуре рисоваля К. Гербергъ, грав. Ярмарктъ.

Подъѣзжая къ Дѣвичьему монастырю, Петръ нахмурился больше и больше, ему становилось неловко. Еще сейчас все было такъ хорошо, такъ весело и радостно, еще сейчас онъ чувствовалъ себя свободнымъ, а тутъ снова какое-то стѣсненіе, точь въ точь какъ въ тотъ день, когда онъ ѣхалъ въ Ранбовъ навѣщать Меншикова. Скучная обязанность—необходимость приневоливать себя, притворяться обрадованнымъ свиданіемъ съ бабушкой, тогда какъ въ дѣйствительности ничего кромѣ тоски и скуки не сулитъ это свиданье: никакое воспоминаванье, никакое чувство не связываетъ внука съ бабушкой. Тоже самое думала и испытывала цесаревна Наталья; но она обдумывала не только предстоящую минуту первой встрѣчи, а и послѣдующія отношенія, которыя должны возникнуть между ними и старой царевной. Она больше брата знала о прошломъ бабушки, она подробно спросила обо всемъ и ей все рассказали. Она помнила дѣда и любила его, отца не помнила и не любила, а тутъ ей еще и извѣстнымъ стало, что не будь бабушки, не было бы и гнѣва Петра Великаго на сына, не всталъ бы на родителей Алексѣй Петровичъ. Одна цесаревна Елисавета не чувствовала смущенія. Ничего общаго не могло быть у ней съ Евдокіей Ѳедоровной, она сторона, а если та и будетъ косо глядѣть на нее и возненавидитъ даже, такъ что же ей, какое дѣло. Государь проситъ ее присутствовать при ихъ свиданіи, она исполняетъ эту просьбу и ни къ чему себя не обязываетъ. Но вотъ къ монастырю подъѣхала огромная карета, остановилась у воротъ монастырскихъ. Цѣлый сонмъ мочахинъ вышелъ встрѣчать Императора.

— Гдѣ же бабушка, ведите меня къ ней, громко сказалъ онъ. И ихъ повели. Они вошли въ маленькія сѣни. Императору стало еще неловче.

Царевны Наталья и Елисавета молча за нимъ слѣдуютъ. Вотъ передъ ними сухая старушка въ монашеской одеждѣ, вотъ она вскрикнула и обвила дрожащими руками шею Императора.

Бабушка,—говоритъ онъ,—какъ я радъ васъ видѣть.

— Золотой мой, Государь-батюшка, Петруша, ненаглядный, рыдаетъ надъ нимъ старушка. Голубчикъ, дай взглянуть на тебя, дай насмотрѣться.

И она поднимаетъ къ себѣ его лицо, вглядывается въ него, но слезы застилаютъ ей глаза, она почти его не видитъ. Вотъ она креститъ его, шепчетъ молитву надъ нимъ и опять рыдаетъ, и опять прижимаетъ его къ своему сердцу, и опять цѣлуетъ. Съ каждой минутой ему все больше и больше становится неприятнѣе и тяжелѣе. Онъ не можетъ съ удовольствіемъ отвѣчать на ея ласки такими же ласками и поцѣлуями. Ему неприятно, что эта совсѣмъ чужая, какъ ему кажется, старушка такъ обнимаетъ его, ему неприятно чувствовать на своихъ щекахъ ея слезы; но дѣлать нечего, нужно притворяться—кругомъ видятъ—и онъ притворяется.

— Батюшка, золотой мой, думала, что умру не дождусь тебя, но слава Богу, слава Богу, дожила до такой радости. Голубчикъ мой, большой какой, какой красавецъ. Только говорили мнѣ, ты боленъ былъ, не бережешься. Охъ, боюсь я за тебя—молодъ.

И вдругъ она вспоминаетъ, что тутъ не одинъ онъ, что рядомъ съ нимъ должна быть внучка Наташа. И она отрывается отъ него и спѣшитъ къ ней, къ этой внучкѣ. И опять плачетъ, и опять обнимаетъ царевну.

— Наташенька, ангелъ мой, что же ты это такая блѣдненькая да худенькая, посмотри на меня, улыбнись старухѣ. Всякую ночь себѣ во снѣ представляла, только о васъ и думала, дѣточки вы мои ненаглядныя... А это кто же съ вами?

— Цесаревна Елисавета, отвѣтилъ Императоръ.

Евдокія Ѳедоровна пристально, проникательнымъ взглядомъ окинула Елисавету. Та почтительно покло-

нилась ей и улыбнулась своей прелестной улыбкой.

— Красавица, — прошептала старушка, — красавица, рада видѣть тебя матушка, много слышала о тебѣ, ну и не солгали люди, точно красавица. И старушка осматривала принцессу, оглядывая ея всю, начиная съ прически и кончая мельчайшими подробностями туалета. Этотъ пристальный осмотръ даже нѣсколько смутилъ Елисавету. Она сразу почувствовала что-то злое и враждебное во взглядѣ старой царицы, даже слово „красавица“ та произнесла неприятнымъ, насмѣшливымъ тономъ.

Наконецъ Евдокія Ѳедоровна окончательно пришла въ себя и приказала всѣмъ выйти, оставить ее одну съ внучатами. Елисавета Петровна подвинулась было тоже къ дверямъ, но Петръ остановилъ ее.

— Лиза, останься съ нами, громко сказалъ онъ. Вѣдь она не можетъ намъ помѣшать,—обратился онъ къ бабушкѣ.—она своя родная и другъ нашъ.

Евдокія Ѳедоровна невольно поморщилась и не нашла что отвѣтить. Она уже ненавидѣла эту красавицу Елисавету, она ненавидѣла и за то, что она дочь Петра и Екатерины и за то, что ее привезли теперь съ собою очевидно для того, чтобы помѣшать откровеннымъ изліяніямъ. Заныло вдругъ сердце старушки, она почувствовала слабость и едва дошла до кресла.

— Охъ, стара я стала, дѣточки: ноги подкашиваются, голова кружится, а отъ радости и еще того пуще, прошептала она простирая руки къ Петру и Натальѣ.

Они подошли къ ней.

— Ну что-жь, ну что-жь,—думала про себя старушка,—ну что-жь, ну идите ко мнѣ ближе, опуститесь тутъ, по обѣимъ сторонамъ, на колѣни, дайте я обниму васъ обоихъ крѣпко, прижму къ себѣ, дайте разгляжу васъ, поговоримъ же по душѣ. Но она только объ этомъ думала, она только ждала этого и боялась что не дождется и точно, невольнаго душевнаго порыва не было во внучатахъ. Они подошли къ ней, но не опустились передъ ней на колѣни, не прижались къ ней. Вотъ Петръ пододвинулъ стулъ сестрѣ, потомъ себѣ и чинно усѣлись они по обѣимъ сторонамъ бабушки, да такъ, что она даже не могла достать ихъ руками. То смущеніе, которое чувствовалъ юный Императоръ съ сестрою, теперь передалось и Евдокіи Ѳедоровнѣ. Въ первую минуту встрѣчи она была такъ обрадована, она ничего не видѣла, не замѣчала, она только чувствовала возлѣ себя родныхъ, близкихъ, милыхъ дѣтей, но теперь ей ясно стало, что эти дѣти хоть родныя, но не близкія: принцесса Елисавета стояла между ними и невыносимо было ея присутствіе другой царицѣ. Такъ много хотѣлось сказать, а вотъ языкъ не повертывается. Развѣ можно такъ говорить, нужно было говорить по душѣ, наединѣ со своими кровными, а тутъ, эта чужая ненавистная красавица. Ну, да чего же еще отчаяваться, ободряла себя царица, знаю дѣло сразу трудно, чтобы все устроилось. Вѣдь и то правда, откуда имъ было полюбить меня, пусть поосмотрятся и увидятъ, что бабушка точно любить и добра желаетъ, ну и сами, авось Богъ, полюбятъ, вѣдь молоды оба, дѣти, самимъ не ловко, понятное дѣло. И чего мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на эту писанную красавицу и ея смущаться, если сидитъ здѣсь, ну и пусть сидитъ, а я о ней забуду и думать. И царица поспѣшно отерла свои слезы, глаза ея снова блеснули и она ласково переводила ихъ отъ Петра къ Натальѣ.

— Дѣточки мои, что же вы меня какъ будто дичитесь, тихо вкрадчивымъ голосомъ заговорила она, подвиньтесь ко мнѣ поближе, чтобы я могла хорошенько разглядѣть васъ, вѣдь вотъ глаза стары, почти ничего не вижу. Юный Императоръ и Наташа подвинулись, а бабушка взяла ихъ руки и крѣпко держала.

— Ахъ, Петенька,—говорила она, не смужю я и и отблагодарить Господа Бога за ту радость, которую

онъ послалъ мнѣ. что васъ я наконецъ вижу. И никогда, кажется, такого свѣтлаго дня не было въ моей жизни. Ну, да не стану я говорить о моей жизни, будетъ еще время, уснѣмъ. Теперь все, все дурное и темное позабыла, одну радость чувствую. Вотъ, Петруша, Государь мой, объ одномъ тебѣ теперь моя дума. Молодь ты, всего тебѣ 12 годочковъ, а ужъ Господь тебя государемъ надъ землей русской поставилъ, такъ непрестанно ты долженъ помышлять объ этомъ, чай знаешь, вѣдь много мучили, чай знаешь: „кому много дано, съ того много и спросится“. Береги себя Петруша да и ты, моя золотая Наташенька, береги его, ты старше, ты должна быть благоразумнѣе.

И юный Императоръ и царевна уперно молчали. „Такъ я и знала, что начнутся эти разговоры, вотъ и весь день испорченъ. Что-жь она думаетъ, что тамъ не наслушался всего этого—до тошноты наслушался: все малъ да малъ, когда наконецъ избавлюсь отъ нянюшекъ“. И онъ хмурилъ свои густыя брови и неглядѣлъ на бабушку. Великая княжна Наталья была тоже недовольна: „Все это правда, что говорить бабушка, все это истинно, только зачѣмъ она сразу стала говорить это, видно изъ ума старушка выжила. Потерпѣла бы, можетъ быть Петруша и полюбилъ бы ее, еслибъ иначе говорила, ну а потомъ и совѣтывать, и учить добру успѣла бы. А теперь только испортила себѣ—такъ я и знала, что это будетъ!“

А между тѣмъ Евдокія Федоровна начала говорить—ей такъ хотѣлось все высказать и сжимая имъ руки и нѣжно глядя на нихъ, продолжала

— Такъ-то Петрушенька, такъ-то золотой мой, не сердись ты на старую бабку, добра она тебѣ хочетъ, и о томъ подумай опять, что одна я у васъ, одна на всемъ свѣтѣ: кто о васъ кромѣ меня подумаетъ. Долго жила я, всего навидѣлась, людей понимаю, оттого и говорю, что одни вы на всемъ свѣтѣ, мои бѣдныя сиротки. Вотъ узнала я, что совсѣмъ не бережешь себя, все на охотахъ да на забавахъ разныхъ, не хорошо это, мой голубчикъ. И здоровье свое испортишь, да и отъ дѣла отъучишься.

„Эхъ, совсѣмъ все испортила бабушка, досадливо подумала царевна Наталья. Принцесса Елисавета дѣлала видъ, будто ничего не слышитъ, а можетъ и дѣйствительно не слышала. Ей просто было скучно и она разглядывала все, что было вокругъ нея въ комнатѣ. Но юный Императоръ слушалъ ужъ очень внимательно. Онъ ужъ раздражился, покраснѣлъ, губы его нервно дрогнули.

— Давно я это слышу, бабушка,—вдругъ сказалъ онъ,—давно слышу, что и дурной я, и лѣнивый, и только о забавахъ думаю. Вонъ, князь Меншиковъ то и дѣло повторялъ мнѣ это.

Старушка поняла, что зашла слишкомъ далеко.

— Ахъ, мой золотой, не говори ты мнѣ о Меншиковѣ—встрепенулась она,—и какъ тебѣ не грѣхъ приравнять меня къ нему. И чтобы поправить дѣло, она ужъ не знала, что и сказать внуку.—Хоть бы ты женился Петруша, все бы оно лучше было.

— Ну вотъ, а сестра и тетюшка Лиза говорятъ, что мнѣ не слѣдъ и думать о женитьбѣ, отозвался Императоръ. Вотъ видите,—обратился онъ къ царевнамъ,—вотъ и бабушка говоритъ, что лучше мнѣ жениться.

— Да что-жь, ужъ конечно,—шептала Евдокія Федоровна,—конечно лучше по закону, да и жена можетъ попадется путная, такъ отъ всего дурного отъучить можетъ. Ну, здѣсь нѣтъ невѣсть подходящихъ, такъ въ чужихъ странахъ какая-нибудь принцесса подойдетъ, только не выбирай красавицу писанную, будетъ она думать о красотѣ своей да о нарядахъ. И въ это время царица бросила невольный и злобный взглядъ на Елисавету. Та просто и откровенно улыбнулась ей. Однако пора было окончить это свиданіе. Петръ зато-

ропился. Бабушка произвела на него, какъ онъ и ожидалъ, дурное впечатлѣніе. Царевны тоже не были ею особенно довольны. Она еще стала удерживать и плакать, говорила, что еще не успѣла на нихъ наглядѣться, утирали ихъ почаще видѣться съ нею. Сказала, что не смотря на старыя свои годы и немощь, сама будетъ къ нимъ ѣздить.

— Нѣтъ, бабушка, вы ужъ не беспокойтесь, мы васъ будемъ навѣщать, а вы не ѣздите, не тревожьте себя, сказалъ Петръ на прощанье. А я, бабушка, завтра же распорядусь, чтобы было у васъ всякое довольство. И юный императоръ уѣхалъ.

Старушка осталась снова одна и весь вечеръ грустно вздыхала, а ночью опять грезились ей страшные призраки.

Юный Императоръ успѣшилъ исполнить свое обѣщанье. 9-го февраля онъ явился въ верховный тайный совѣтъ и прямо, даже не садясь на свое мѣсто объявилъ, что изъ почтенія и любви къ государынѣ, бабушкѣ своей, желаетъ, чтобы Ея Величество по своему высокому достоинству были содержаны во всякомъ довольствѣ, и что пускай члены совѣта учинять надлежащее опредѣленіе и донесутъ ему скорѣй. Такимъ образомъ рѣшено было назначить слѣдующій штатъ для царицы: ей опредѣлялось по шестидесяти тысячъ рублей въ годъ и волость въ двѣ тысячи дворовъ. Князь Василій Лукичъ Долгорукій и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ были посланы къ ней донести объ этомъ. Къ тому же Императоръ приказалъ имъ сказать царю, что если и сверхъ всего этого изволить чего потребовать, то онъ, Императоръ, по особой своей къ ней любви и почтенію, не преминетъ исполнить всякое ея требованіе.

IV.

7-го марта была торжественно отпразднована коронація Императора. За нѣсколько дней передъ этимъ торжествомъ Петръ ѣздилъ въ Сергіевскую лавру говѣть и молиться. Коронація праздновалась въ теченіи нѣсколькихъ дней, да и потомъ вплоть до Великаго поста шли балы за балами. Императоръ забылъ и думать о бабушкѣ, сначала онъ еще считалъ своимъ долгомъ приготовить ей помѣщеніе во дворцѣ, но затѣмъ отмѣнилъ это рѣшеніе. Она осталась въ Дѣвичьемъ монастырѣ и всего разъ только прѣзжала къ внуку. Опять при этомъ свиданіи присутствовала Елисавета и старушка вернулась къ себѣ убѣжденная, что дѣла ея плохи и что во всякомъ случаѣ нужно повременить, ожидать что будетъ, но куда трудно было рѣшить о близкомъ будущемъ, куда всѣ только веселились. Государь началъ съ милостей своимъ приближеннымъ: Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ были назначены членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, а Иванъ Алексѣевичъ—oberъ камергеромъ.

Баронъ Андрей Ивановичъ по прежнему пользовался неограниченнымъ довѣріемъ юнаго Императора, по прежнему велъ тайственные и никому неизвѣстныя интриги. Теперь онъ казался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Долгорукими и въ тоже время старался сблизить Петра съ Бутурлинымъ, дабы ослабить вліяніе фаворита. Императоръ поддавался Остерману, онъ пересталъ ревновать Бутурлина къ Елисаветѣ и снова великая княжна Наталья съ ужасомъ замѣтила, что онъ окончательно помирился съ красавицей теткой. Замѣчала она и еще одно, что приводило ее въ большое смущеніе: Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій совершенно открыто и не стѣсняясь началъ ухаживать за Елисаветой. Онъ пользовался всякимъ случаемъ танцовать и говорить съ нею и кончилъ тѣмъ, что не смущаясь толковалъ ей о своихъ чувствахъ, о необыкновенномъ всемогуществѣ красоты ея. Елисавета сначала возмутилась этимъ, но подъ конецъ стала спокойно принимать

его ухаживанье. Она разсудила, что фаворитъ этимъ можетъ только погубить себя, а противъ его гибели она ровно ничего не имѣла—ужь черезъ чуръ зазнался Долгорукій, совсѣмъ овладѣлъ Императоромъ. Во дворцѣ былъ большой балъ. Никогда еще не видѣли московскіе жители ничего подобнаго, да и для петербургскихъ вельможъ все это было новинка. Въ царствованіе Великаго Императора они не привыкли къ подобной роскоши. Петръ гналъ всякій блескъ. На его ассамблеяхъ была простота. Главное заключалось въ весельѣ, а большіхъ тратъ не допускалъ Императоръ; бывало онъ появлялся въ своемъ старомъ поношенномъ платьѣ, въ штопаныхъ чулкахъ и требовалъ, чтобы никто не носилъ дорогого платья. чтобы съ него примѣръ брали; даже обыкновенно преслѣдовалъ молодыхъ модниковъ, вернувшихся изъ-за границы, смѣялся

чтительно къ ней относятся, гдѣ она на первомъ планѣ и затмѣваетъ всѣхъ если не красотой, такъ величіемъ своимъ и значеніемъ. Теперь же она не могла спорить даже съ послѣдней фрейлиной—вонъ какъ всѣ онѣ красивы, какъ всѣ разодѣты, какими важными кажутся, а она и одѣться по модному не умѣетъ, да и какой нарядъ пойдетъ къ ней: росту она огромнаго, сложеніе почти мужское, лицо смуглое, носъ большой, взглядъ угрюмый. Одному только человѣку и мила она здѣсь, да и того съ собой привезла она изъ Курляндіи. Человѣкъ этотъ Эрнстъ-Иванъ Биронъ, сынъ простаго служителя герцоговъ Курляндскихъ, но для нея онъ дороже всѣхъ принцевъ и королей, только съ нимъ и отводить она душу, ему передаетъ свои впечатлѣнія, свои замѣчанія, жалуется на свои обиды.

— Потерпите,—шепчетъ ей Биронъ,—все перемѣ-

Долина рѣки Кара-Лома въ Болгаріи. Съ наброска К., грав. Крыжановскій.

надъ ними, дразнилъ ихъ, а иногда даже и наказывалъ. Теперь же было совсѣмъ не то, теперь каждый хотѣлъ перещеголять другого богатѣмъ костюмомъ; женщины сіяли драгоценными каменьями, удивительными заграничными кружевами, появилось много яствъ и питей новыхъ, вывезенныхъ изъ-за границы. Иностранцы резиденты отписывали къ своимъ дворамъ, что во всей Европѣ нѣтъ такой роскоши, какая завелась при дворѣ московскомъ. Въ числѣ присутствующихъ на балѣ находилась между прочимъ и герцогиня Курляндская Анна Іоанновна, приглашенная на коронацію. Мало кто обращалъ на нее вниманіе, никого не интересовала эта некрасивая и не имѣвшая никакого вліянія принцесса, даже и Петръ и царевны не считали нужнымъ быть особенно любезными съ нею. Очень скучная бродила она по комнатамъ и помышляла о томъ, что несравненно лучше ей у себя дома, гдѣ она госпожа, гдѣ по-

нится. До сихъ поръ у насъ друзей тутъ не было, а теперь друзья найдутся, я ужь кой кого наприимѣтилъ, кое съ кѣмъ переговорилъ и даже сблизился, обласкавъ Левенвольдомъ, ну, а онъ человѣкъ сильный и насъ не оставитъ—не даромъ сюда пріѣхали.

И уходитъ отъ него спѣшно герцогиня и снова бродитъ по комнатамъ, производя на всѣхъ непріятное впечатлѣніе своей сумрачной, некрасивой наружностью, и конечно ни она, ни другъ ея Биронъ, устраивая свои маленькія дѣла и заручаясь покровительствомъ какого-нибудь Левенвольда, и во снѣ не грезятъ о томъ, что скоро, очень скоро, вернутся они опять въ эти залы и бѣдная позабытая герцогиня будетъ величаться государыней императрицей Анной Іоанновной, а самъ онъ, Эрнстъ Биронъ, сдѣлается герцогомъ Курляндскимъ и всемогущественнымъ властелиномъ Россіи.

Но какъ ни грустно и не печальна Анна Ивановна,

Можколли. (Сцена во время Римского карнавала). Картина Канинка, грав. Панемакеръ сынъ.
Библиотека "Руниверс"

а еще грустиѣ и печальѣе ее великая княжна Наталья. Успокоилась она было, видя разрывъ брата съ цесаревной Елисаветой, а теперь таже кручина, просто тошно глядѣть ей на нихъ; вотъ онъ даже обижать ее сталъ—долженъ былъ начать балъ съ нею, а началъ съ Елисаветой, даже и передъ придворными и иностранными министрами неприлично и обидно. И скрылась съ бала цесаревна Наталья, ушла въ свои апартаменты. Поплакала она сначала, да потомъ и успокоилась, благо нашла себѣ возможность успокоиваться теперь въ грустныя минуты. Въ чемъ же эта возможность, что свѣтлое мелькнуло передъ слабенькой, больной цесаревной? Одинъ человекъ долго говорилъ съ нею, человекъ этотъ испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріе. Не самъ по себѣ онъ ей интересенъ, а интересны его рѣчи. Вотъ ужъ не въ первый разъ таинственно заговариваетъ онъ съ нею, а онъ умѣетъ такъ ловко, такъ мило вести разговоры. Сначала все описывалъ онъ ей свою страну—прекрасную Испанію, а потомъ ужъ не замѣтила сама она какъ это случилось, а вдругъ сталъ онъ рассказывать ей про молодого испанскаго инфанта Карлоса, про то, что инфантъ ужасно заинтересованъ ею, заочно въ восторгѣ отъ нея, по письмамъ его, герцога Лиріе, и кончилъ испанскій посланникъ тѣмъ, что шепнулъ великой княжнѣ о томъ, что хорошо бы было ей выйти замужъ за инфанта Карлоса. Что-жъ тутъ такого, ужъ не въ первый разъ толкуютъ о ея будущемъ и предлагаютъ ей жениховъ то того, то другого; но никто еще не говорилъ съ нею, какъ испан-

скій герцогъ, никто еще никогда не сдумѣлъ такъ заинтересовать ее, такъ очаровать своими рассказами. Послѣ перваго разговора цесаревна всю ночь видѣла во снѣ невѣдомую волшебную страну и невѣдомаго волшебнаго принца. Никогда еще не случилось съ ней этого, никогда она не думала ни о какихъ принцахъ, а вотъ теперь думаетъ и самой ей смѣшно, а все же отъ думъ своихъ отдѣлаться не можетъ. Каждый разъ встрѣчаясь съ Лиріе, ей хочется, чтобы онъ снова заговорилъ объ инфантѣ, и каждый разъ онъ умѣетъ найти случай и сказать ожидаемое слово. Ну, а сегодня что-жъ—сегодня онъ даже далъ ей, да такъ что никто этого не видѣлъ, миниатюрный портретъ Донъ-Карлоса, только что высланный ему изъ Испаніи. Цесаревна не хотѣла взять этого портрета, хотѣла снова отдать герцогу, да какъ-то такъ случилось, что не отдала, а взяла его съ собою и вотъ онъ теперь у нея въ карманѣ. Она одна у себя, никто ее не видитъ; вотъ тихонько вынула изъ кармана маленькій портретикъ и стала его разглядывать. Какой красавецъ, никогда, никогда она такого не видала. Онъ снился ей, этотъ Донъ-Карлосъ, но и во снѣ былъ хуже чѣмъ на самомъ дѣлѣ. „Что-жъ это я такія глупости дѣлаю, такое думаю,—краснѣя говорила себѣ цесаревна, а мысли не проходятъ. Въ этихъ мысляхъ забываетъ она свое горе и свое одиночество и все, что смущаетъ ее. Забываетъ она и свою слабость и мучительную боль въ груди, которая вотъ опять стала возвращаться чаще и чаще.

(Продолженіе будетъ).

АКУЛА-КОШКА (SCYLLIUM)*.

Обширный отдѣлъ рыбъ хрящистыхъ (cartilages), характеризующійся неподвижностью жабръ, содержитъ въ себѣ два главныхъ подраздѣленія, названныхъ Кьюве Sélaciens и Cyclostomes. Sélaciens, весьма видоизмѣняясь въ своей внѣшней формѣ, имѣютъ однако общимъ признакомъ число и расположение плавниковъ и 5 жаберныхъ отверстій, имѣющихъ форму щелей, расположенныхъ по сторонамъ шеи или на нижней ея сторонѣ, ротъ, усаженный многими рядами острыхъ, клинообразныхъ зубовъ и короткій кишечный каналъ. Затѣмъ, нѣкоторыя породы ихъ—*живородящія*, т. е. производящія живыхъ дѣтеншей, а другія мечутъ яича, одѣтыя твердой роговой оболочкой, которая лопается послѣ окончательнаго развитія дѣтенша.

Вотъ къ этому-то разряду Sélaciens, несущихъ кожистыя яича или капсулы, принадлежитъ и изображенная на прилагаемомъ нами рисунокѣ маленькая или кошачья акула (Scyllium), составляющая въ настоящее время интересную принадлежность аквариумовъ Берлина и Гамбурга и нѣкоторыхъ аквариумовъ Франціи. Интересъ наблюденья надъ аквариумомъ, въ которомъ находится эта миниатюрная акула, обуславливается процессомъ развитія ея яичъ, въ которыхъ наблюдатель аквариума можетъ прослѣдить всѣ стадіи развитія зародыша.

На нашемъ рисунокѣ изображено 7 такихъ яичъ-мѣшечковъ или капсулъ, прицѣпившихся къ древесной вѣтвѣ. Капсулы эти снабжены кожистымъ покровомъ и имѣютъ форму сплюсненной подушки, длиною 7,2, а шириною 1,8 сантиметровъ; на одномъ изъ поперечныхъ краевъ мѣшечекъ сильно вогнутъ внутрь. На каждомъ изъ четырехъ угловъ мѣшечка находится спирально извивающаяся нить, длиною болѣе 29 сантиметровъ. При помощи этихъ-то спиральныхъ нитей мѣшечки и прицѣпляются къ твердымъ тѣламъ. Время для вывода молодыхъ рыбокъ довольно велико и продолжается, по наблюденьямъ французскаго натуралиста Косте, не менѣе 9-ти мѣсяцевъ. Упомянутый ученый устроилъ въ приморскомъ городѣ Конкарно (въ департаментѣ Финистерра, на югѣ Франціи) грандіозныхъ размѣровъ аквариумъ, занимавшій въ морѣ квадратную площадь въ 1,800 метровъ. Въ апрѣлѣ 1866 г. онъ положилъ въ аквариумъ яича кошачьей акулы, а въ декабрѣ того же года изъ нихъ уже развились маленькія животныя. Точно также удачно развились и выросли эти животныя и въ аквариумахъ Берлина и Гамбурга, и представили для посѣтителей весьма интересное зрѣлище. Желаніи можетъ прослѣдить здѣсь всѣ стадіи развитія маленькихъ акулъ.

Обратимся къ рисунку. Фигуры 2-я и 6-я представляютъ маленькое животное, заключенное въ своемъ мѣшечкѣ и безпрестанно и быстро движущееся. Положеніе животнаго въ этихъ двухъ фигурахъ наклонное, отгоснительно вертикальной оси мѣшечка. Но затѣмъ мало по малу, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, животное измѣняетъ свое положеніе и принимаетъ направ-

леніе по длинѣ мѣшечка, и такъ какъ послѣдній для него становится тѣснѣе, то оно изгибается. Маленькое животное прикрѣплено канатикомъ ко дву мѣшечка; на этомъ днѣ находится сгущенная протоплазма или бѣлокъ, служащій для питанія зародыша. На нашемъ рисунокѣ эта сгущившаяся на днѣ всѣхъ семи мѣшечковъ протоплазма обозначена темными большими пятнами на нижнемъ концѣ каждого мѣшечка. Протоплазма сгущена на нижнемъ краю мѣшечка по простому закону тяжести. Въ первое время развитія животнаго, бѣлокъ бываетъ весьма жидокъ и канатика, связывающаго животнаго съ запасомъ бѣлка, не существуетъ; но затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, бѣлокъ все болѣе и болѣе густѣетъ, является и канатикъ, служащій проводникомъ пищи для зародыша,—и существуетъ до полнаго развитія послѣдняго. Измѣненія, какія претерпѣваетъ зародышъ во весь 9-ти мѣсячный періодъ жизни въ мѣшечкѣ, теперь извѣстны въ подробности, благодаря возможности наблюденія въ аквариумахъ. Въ *перые 6 мѣсяцевъ* у животнаго постепенно вырастаютъ зачатки жабръ (и выростаніе это сходно съ развитіемъ дыхательныхъ органовъ у головастика лягушки), появляются жаберныя отверстія и сравнительно большой головной и спинной мозгъ; еще ранѣе становятся замѣтны глаза, страшно выступающіе впередъ, что весьма характерно для хищнической породы акулъ.

Фигуры 1-я, 3-я и 7-я представляютъ мѣшечки послѣ періода *пятинедельнаго* развитія, фигуры же 4-я и 5-я послѣ періода развитія 7—8 *недельнаго*. Фигура 6-я представляетъ уже *трехмѣсячный* зародышъ, соединенный канатикомъ съ протоплазмой, а 2-я фигура представляетъ тотъ же зародышъ на *пятиомъ мѣсяцѣ*. Въ этотъ періодъ у маленькаго животнаго, помѣщенный между грудными плавниками, грушеобразный удлинненный мѣшечекъ или канатикъ развивается болѣе и содержитъ внутри еще мѣшечекъ съ желткомъ. Съ *6-го мѣсяца* животное уже получаетъ полное развитіе и производитъ быстрыя, какъ бы нетерпѣливыя движенія въ своемъ маленькомъ жилищѣ, но все таки продолжаетъ жить въ немъ, и оставляетъ его только по истеченіи 9-го мѣсяца. При наступленіи этого въ мѣшечкѣ дѣлается щелеобразное отверстіе, изъ котораго выходитъ вполне развитое животное. Фигура 8-я рисунка представляетъ животное, уже освободившееся отъ оболочки. Изъ рисунка видно, что отверстіе рта находится у этой рыбки на нижней части головы и образуетъ косую дугообразную щель, развѣивающуюся въ широкую часть, слишкомъ большую относительно размѣровъ тѣла и весьма характеристичную для всѣхъ породъ акулъ, большихъ и малыхъ. У большихъ породъ акулъ часть эта достигаетъ страшныхъ размѣровъ. Любопытно, что собственно настоящая морская акула называется по француз-

* Название это заимствовано отъ круглой формы черепа этого животнаго, напоминающей черепъ кошки.

ски Requim, каковое название произошло от слова Requiem—панихида, потому что по повѣрью моряковъ, встрѣча съ акулой предвѣщаетъ смерть (и нужно уже заранѣе „служить панихиду“) и приводитъ въ трепетъ самыхъ безстрашныхъ моряковъ, которымъ приходится встрѣчаться съ этими морскими хищниками. Косая линия рта породъ акулъ была причиною, что всѣ онѣ названы были естественными животными Animolia plagiostoma (т. е. животныя косоротыя, отъ греческихъ словъ plagios—косой и stoma—ротъ). Вышедшіе изъ янцъ дѣтеныши имѣютъ цвѣтъ кожи или свѣтлобурый, или бѣлый, испещренный маленькими бѣлыми пятнами (см. на рисункѣ фиг. 9). Голова ихъ въ это время бываетъ особенно коротка и толста, представляя почти полшаровидную форму, зубы тонки и остры, очень большіе глаза. Питаются они маленькими червячками.

Что касается величины и фигуры взрослой акулы-кошки, то продолговатое овальное тѣло ея простирается до 0,86—1,15 метр. въ длину. Кожа ея тверда и груба и усажена костистыми тѣльцами. Голова кругла, морда округлена и въ нижней ея части въ желобовидномъ углубленіи два отверстия. Внутренность рта окрашена въ ярко-красный цвѣтъ и усажена нѣсколькими рядами зубовъ; языкъ толстый, мясистый. Глаза большіе, блестящіе, темнаго цвѣта. Позади головы, по обѣимъ сторонамъ, находится по пяти круглыхъ жаберныхъ отверстій.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Подъ Плевной

Первая атака русскихъ войскъ на Плевну, 8-го іюля с. г., какъ извѣстно, была неудачна, не смотря на то, что войска уже были въ самомъ городѣ и оказали необыкновенное мужество и храбрость въ сраженіи съ непріателемъ. Рисунокъ представляетъ ходъ боя на улицахъ города, когда на наши войска сыпались пули изъ каждаго окна и изъ за каждаго угла.

Читатели наши уже знаютъ изъ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы“ о томъ, что происходило подъ Плевной вслѣдъ за этой неудачной атакой, и о томъ, въ какомъ тамъ положеніи находятся теперь наши военныя дѣла. Кромѣ этого рисунка, представляющаго ходъ боя въ центрѣ города, помѣщаемъ еще рисунокъ, изображающій кавалерійскую схватку съ турецкими черкесами во время рекогносцировки все подъ тою-же Плевной. Рекогносцировка и схватокъ съ турецкими войсками, какъ и самыхъ атакъ на Плевну было до настоящаго времени уже весьма много; но все еще дѣло подъ Плевною не окончено и затягивается день за днемъ, недѣля за недѣлю. Необходимо, однакоже разсказать читателямъ, что такое представляетъ собою Плевна.

Плевна или Пловна есть одинъ изъ наиболѣе лабиринтообразныхъ городовъ въ свѣтѣ. Стоитъ онъ въ низменности, называемой долиною рѣки Вида. Въ немъ есть мечеть, большая христіанская церковь, тюрьма и такъ называемый ханъ, нѣчто въ родѣ нашего присутственнаго мѣста. Самъ по себѣ городъ этотъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго значенія, и если-бы онъ мѣсяца три тому назадъ провалился сквозь землю, то это не обратило-бы на него болѣе вниманія сколько обращается на каждое землетрясеніе и провалъ земли. Словомъ Плевна до сихъ поръ ничего не значила ровно. Но обстоятельства послѣдняго времени дали этому мѣсту иную роль. Роль эта получилась вслѣдствіе именно того, что Плевна стоитъ въ низменности, окруженной тремя кряжами горъ, представляющими треугольникъ, вслѣдствіе чего она и была избрана турками для самозащиты.

Въ дѣйствительности она могла представлять лишь очень незначительныя выгоды для безпечнаго защитника. Если-бы ее занималъ вѣдлый человѣкъ, онъ не извлекъ бы никакой пользы изъ расположенія мѣстности. Но въ рукахъ Османъ-паша она внезапно превратилась въ одну изъ сильнѣйшихъ позицій, какую только можно гдѣ либо найти. Тотчасъ по прибытіи въ Плевну Османъ съ большимъ искусствомъ выбралъ выдающіеся пункты позицій и построилъ тамъ редуты. Фортъ за фортomъ воздвигался тамъ и снабжался людьми: если какой нибудь пунктъ командовалъ надъ редутomъ, то онъ также укрѣплялся и вооружался.

Не находя возможнымъ утомлять вниманіе читателя подробностями о ходѣ битвъ подъ Плевною тѣмъ болѣе, что онѣ до сихъ поръ еще не привели дѣло къ желанному результату, передаемъ здѣсь разсказъ участника одной изъ битвъ подъ этимъ упорно отстояннымъ турками мѣстомъ. Онъ передаетъ впечатлѣнія, испытанныя имъ при отступленіи нашихъ войскъ.

„Ну, думаю, нечего дѣлать, надо уходить. Смекаю только, что надо выбрать мѣсто гдѣ идти, что бы, провлятій, какъ нибудь въ спину не угодилъ. Оглядываюсь направо, на лѣво,—и-и-и! нашихъ никого уже и нѣтъ: кто лежитъ убитый, кто раненый ползетъ, другіе отошли далеко къ лѣвому флангу. Вотъ я ползу и нарочно попадаю въ кукурузу: тамъ, думаю, турки не увидятъ меня. Заслѣзъ я въ ней и ишу воду—а въ, кукурузѣ-то страсть что такое: пули такъ и визжатъ, хуже чѣмъ въ полѣ. Нѣтъ, думаю, шалишь, тутъ совсѣтъ скверно,

Позади глазъ находятся 2 отверстия для удаленія воды. Спинныхъ плавниковъ 2, изъ коихъ первый большой, имѣющій форму крыла, какъ видно на рисункѣ. Грудныхъ плавниковъ, имѣющихъ ромбoidalную форму, тоже 2; затѣмъ на задней части брюха находятся еще 2 малые брюшные плавника (фиг. 8). У самаго на брюшныхъ плавникахъ всегда находятся кожистые придатки, содержащіе много хрящобразныхъ тѣлъ. Это очевидно оставшіеся слѣды заднихъ ногъ, которыми животное когда то дѣлалось за посторонніе предметы. Хвостъ у самца и самки длинный, мясистый, къ концу заостренный, снабженный большимъ хвостовымъ плавникомъ. Цвѣтъ кожи обыкновенно темнобурый, на бокахъ свѣтлый, а на брюхѣ свѣтло-желтый.

Нервная система этихъ животныхъ весьма развита, что свидѣтельствуетъ о ихъ смысленности. Зрѣніе у нихъ чрезвычайно острое и весьма тонкое обоняніе. Зрительные нервы соединены. Сердце состоитъ изъ цѣлага ряда клапановъ, весьма энергически прогоняющихъ кровь въ сосуды. Пасть, пищеводъ и желудокъ весьма широки, но кишечный каналъ коротокъ, какъ и вообще у всѣхъ акулъ. Водится акула-кошка въ моряхъ между скалами, на которыхъ и вѣшаетъ свои мѣшкообразныя яйца. Питается рыбами и другими морскими животными, а часто пожираетъ и своихъ дѣтенышей! М. Др.

и вылѣзъ опять въ поле, да такъ вспаханной бороздочкой ничкомъ и ползу. Кое гдѣ приподнимусь, пробѣгу маленько, да опять ничкомъ. Дошелъ я такимъ манеромъ до кустовъ. Тутъ ужъ немного легче стало: пули хотя и попадались да рѣже, только надъ головой картечь да гранаты летѣли. Вотъ, думаю, отлучно: этимъ мѣстомъ я и буду идти. Прошелъ я немного, — вдругъ мнѣ на встрѣчу полетѣли пули. Что за чертъ! и сзади стрѣляютъ и спереди стрѣляютъ! Это я попалъ на наши выстрѣлы! Кричать—пользы мало, а умереть отъ своей русской пули больно ужъ было бы обидно, идти же—тоже не знаю куда... Выбралъ я маленькую этакую ямочку и легъ въ нее: думаю себя, тутъ хоть пули не задѣнутъ, развѣ на излетѣ какая. Лежалъ я добрыхъ полчаса, наконецъ вижу стрѣльба ружейная утихла, только гранаты по верху летаютъ. Ну, тогда я всталъ и снова побѣжалъ на угадъ. На этотъ разъ къ счастью добрался“.

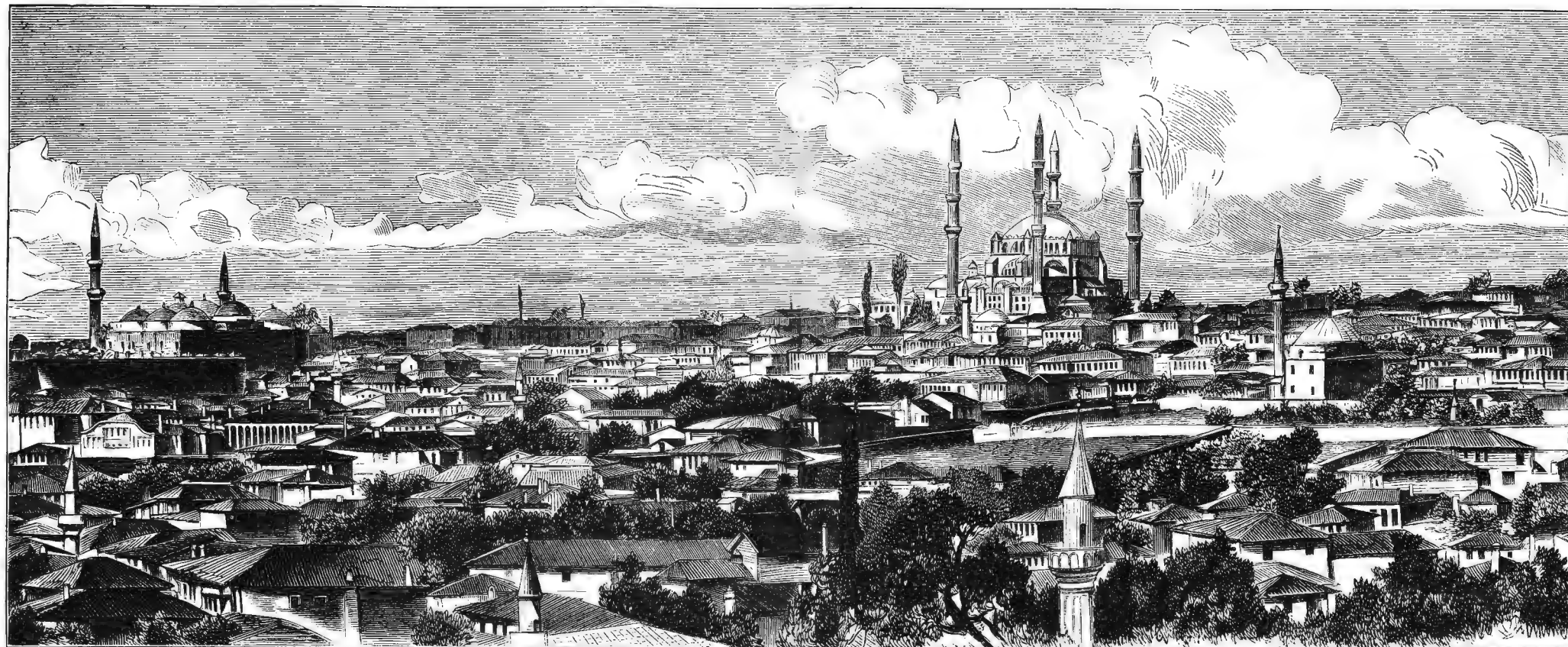
Разскажемъ еще нѣсколько сценъ изъ послѣднихъ неудавшихся атакъ на Плевну 29 и 30 августа. Въ понедѣльникъ утромъ 29 августа со всѣхъ нашихъ баттарей продолжалась усиленная бомбардировка Плевны: около 300 нашихъ, до 60 румынскихъ и до 200 турецкихъ орудій—одновременно ревѣло и сотрясало воздухъ на далекое пространство. На ловецкомъ шоссе представлялась, при самой мрачной обстановкѣ, грустная картина: лазаретныя фуры, носилки, санитары, масса раненыхъ возвращающихся и приносимыхъ съ поля битвы, все это въ крови; съ носилокъ часто раздаются стоны. Дѣйствительно, ужасная картина! Но къ чему не привыкаетъ человѣкъ.

Вотъ подбѣгаетъ ко мнѣ, говоритъ очевидецъ, знакомый офицеръ блѣдный, весь въ крови, съ мутными глазами. „Я раненъ въ грудь на вылетѣ“.—„Не можетъ быть?“—„Да, на вылетѣ. Я уже привыкъ къ своей ранѣ; докторъ увѣряетъ, что выздоровѣю“, и голосъ его дрожитъ, дрожитъ. Дальше лежитъ опять офицеръ того же полка, но этотъ, кажется, уже успокоился вѣчнымъ сномъ—на его лицѣ смертельная блѣдность.

Вдемъ даліе и встрѣчаемъ кн. Имеретинскаго. Онъ сильно взволнованъ; нервно ходитъ по дорогѣ взадъ и впередъ, накиннувъ на плечи кожанъ. По диспозиціи на 30-е августа онъ назначенъ начальникомъ резерва Юржда. Скобелеву поручено командовать главными силами. Оба они очень дружны, затѣмъ искренніе патріоты и люди преданные дѣлу, а главное свѣдущіе и распорядительные, такъ что въ какія бы взаимныя отношенія ихъ не поставили—это безразлично. Но дѣло въ томъ что резервовъ уже никакихъ нѣтъ. Князь уже все отдалъ до послѣдняго человѣка, и остался вдвоемъ со своимъ начальникомъ штаба. Силы отряда недостаточно для полнаго исполненія возложенной задачи, а турки здѣсь сосредоточиваютъ значительныя силы. Скобелевъ далеко впереди, но гдѣ именно—неизвѣстно. Дальше не совѣтуютъ ѣхать, ничего не видать за туманомъ, а шальныхъ пуль много, хотя перестрѣлка сравнительно стихла. Этотъ утренній бой только прологъ; наша артиллерія получила возможность выдвинуться впередъ—и только. Впрочемъ, никто не въ состояніи хорошенко опредѣлить, какъ обстоятъ теперь наши дѣла. Для этого слѣдовало бы добраться до самогъ Скобелева,—это слишкомъ рискованно. Уже изъ четырехъ офицеровъ, сопровождающихъ его двухъ принесли—оба ранены, одинъ слегка, другой тяжело. Да и найти-то генерала не легко. Проходить казакъ и ведетъ свою раненую лошадь въ поводу; другого казака, смертельно раненаго, несутъ на носилкахъ; лошадь его дѣла. Вотъ и устрояетъ сейчасъ мѣлу лошадей, замѣчаетъ кто-то. Возвращаемся назадъ и на дорогѣ видимъ почернѣвшій трупъ—сначала принимаемъ его за турка, но, разсмотрѣвъ ближе, узнаемъ въ немъ русскаго солдата.

Въднюку, какъ будто вовсе опалило лицо. Мы уговариваемъ стоящихъ на шоссе солдатъ закопать товарища; мигомъ наши лопаты и скоро похоронили на вѣки болгарской землею русскаго челоука.

Далѣе очевидно говорить: наталкиваемся на полковника въ буркѣ, въ башлыкѣ, онъ хлопочетъ у телѣги, чтобы добыть кусокъ хлѣба и сыра и обязательно дѣлится съ нами. Полковникъ представляетъ теперь единственную „душу“ резерва, которымъ располагаетъ князь Имеретинскій. Холодно, мелкій дождь не перестаетъ насъ мочить, на шоссе грязь сбоку по тропинкѣ раненые скользятъ или вязнутъ. Тяжело ихъ положеніе, многіе говорятъ, что лучше бы быть убитыми. Такая участь только-что постигла Верещагина, Сергѣя. Онъ ѣхалъ передать приказаніе Скобелева, когда пуля поразила его, и онъ, говорятъ, тутъ-же былъ изрубленъ наскочившими черкесами. Обвиняютъ нашихъ осетинъ, что они не выручили Верещагина. Это неправда—они-то ужъ навѣрно бы выручили, если бы представлялась малѣйшая возможность. Между тѣмъ они только успѣли оторвать шашку и револьверъ убитаго и доставили эти предметы въ обозъ, для передачи роднымъ на память. Другой Верещагинъ, Александръ тоже пострадалъ, но онъ только раненъ и, говорятъ, не опасно. (Нужно замѣтить, что оба они братья известнаго художника В. Верещагина, находящагося тоже волонтеромъ въ Дунайской арміи и теперь уже поправляющагося отъ раны, полученной имъ въ неудавшейся попыткѣ взорвать турецкій броненосецъ). На перевязочныхъ пунктахъ,

Общій видъ города Адрианополя. Съ фотографіи грав. Рашевскій.

устроенныхъ въ окрестныхъ деревняхъ, а именно въ Коюловцѣ, въ Мечнѣ, въ Муселимъ-селѣ идетъ слѣпшная и горячая работа—раненые прибываютъ массами. Не можемъ умолчать о слѣдующемъ случаѣ, сообщенномъ газетами. На перевязочный пунктъ пріѣхалъ молодой докторъ, только что окончившій курсъ. Онъ въ первый разъ исполняетъ свои обязанности. Когда стали привозить изъ батареи раненыхъ, онъ первый бросился на перевязочный пунктъ, и первый, кого сняли съ лазаретной фуры былъ—его родной братъ, вступившій добровольцемъ въ армію и въ эту ночь тяжело раненый. Молодой медикъ, увидавъ опасную рану, дрожащими руками началъ перевязывать брата и невольно слезы лились по его загорѣвшему лицу. Инспекторъ походнаго лазарета, не зная причины слезъ молодого врача, строго напомнилъ ему его обязанности. Раненый въ эту минуту спросилъ въ какомъ войскѣ находится. „Въ очень хорошемъ“ — отвѣчалъ медикъ. „Какъ я могу умереть спокойно, поцѣлуй меня!—прощай!“ И затѣмъ онъ впадалъ въ безпамятство на рукахъ брата. Судя по напечатаннымъ въ газетахъ сообщеніямъ, подъ начальствомъ Скобелева было подъ Плевной 12,000 чел., изъ которыхъ пало убитыми и ранеными до 8000. Онъ лично повелъ въ атаку 4 стрѣлковую бригаду (3700 чел.) и она въ теченіи часа потеряла 2000 челоуковъ.

Объ исходѣ этой атаки на Плевну, кончившейся, какъ извѣстно, уступкою трехъ занятыхъ генераломъ Скобелевымъ Плевненскихъ редутовъ мы уже имѣли случай говорить. (См. „Ниву“ № 39, стр.

Схватка русской кавалеріи съ турецкими черкесами подъ Плевной. Рис. Даранъ, грав. Рашевскій.

617 и 618, биография генерала Михаила Дмитриевича Скобелева).

Без сомнѣнія Плевна будетъ взята нашими войсками, но сколько еще пройдетъ времени когда совершится это взятіе—пока неизвѣстно.

Долина рѣки Кара-Лома.

Рѣки Болгаріи, берущія свое начало въ Балканахъ и текущія въ Дунай, представляютъ много характерныхъ особенностей. Начиная съ запада отъ Виддина, большая часть этихъ рѣкъ впадаютъ въ Дунай, за исключеніемъ р. Вида, почти подъ прямымъ угломъ. Всѣ онѣ при истокахъ прорываютъ себѣ ложе въ известковыхъ массахъ Балкана. Большая часть истоковъ этихъ рѣкъ изслѣдована только въ новѣйшее время ученымъ путешественникомъ Канитцомъ, употребившимъ для этого много времени. Среднее теченіе было болѣе или менѣе извѣстно уже и древнимъ римлянамъ, что видно изъ ихъ древнихъ названій, видоизмѣненныхъ болгарами и турками. Напримеръ изъ древне-римскаго названія рѣки „Almus“—что значитъ питательный, благодѣтельный—сдѣлано названіе Ломъ. Въ этомъ видоизмѣненіи названія все-таки остался основной звукъ „л“, характеристическій для словъ, выражающихъ „питательность“, „благодѣяніе“. Въ числѣ рѣкъ, текущихъ въ Дунай изъ Балканъ съ юга къ сѣверу находятся два Лома. Первый западный—недалеко отъ Виддина и Калафата, другой восточный, при впаденіи которого въ Дунай находится знаменитая крѣпость Рушукъ, слѣдовательно и древнимъ было извѣстно два Альмуса, или питательныя рѣки. Въ статьѣ къ прилагаемому рисунку мы имѣемъ въ виду именно восточный Ломъ, раздѣляющійся въ своемъ верхнемъ теченіи на два рукава. Этотъ Ломъ характеристиченъ своими крайне живописными извилинами, которыми онъ прорылъ себѣ ложе въ массахъ известняка. Западный рукавъ этой рѣки называется Кара-Ломъ (Черный Ломъ), а восточный Акъ-Ломъ (Бѣлый Ломъ). При селеніи Низова самъ Бѣлый Ломъ раздѣляется еще на двѣ вѣтви, изъ которыхъ восточная сохраняетъ еще названіе Бѣлаго Лома (Акъ-Ломъ) и на ней-то стоитъ сильная турецкая крѣпость Разградъ. Средняя же вѣтвь Лома не носитъ никакого опредѣленнаго названія. Оба главные рукава (Черный и Бѣлый Лома) сливаются при Терсеникѣ, недалеко отъ Кады-Кіюля, и затѣмъ уже рѣка, не раздѣляясь на рукава, течетъ до Рушукъ.

Послѣ приведенныхъ объясненій, надѣмся, читателю будетъ понятенъ прилагаемый рисунокъ долины р. Лома. Это—долина Чернаго (Кара) или западнаго Лома. Причудливо, змѣеобразно извиляющаяся рѣка окружаетъ рядъ холмовъ, которые къ востоку все болѣе и болѣе возвышались, господствуютъ надъ Разградомъ, и эти же высочайшіе холмы раздѣляютъ Бѣлый Ломъ отъ Чернаго. На Кара-Ломѣ лежитъ Кара-Гассанъ-Кіюль, знаменитый страшно-упорною битвою съ турками, какую выдержала 18-го (30-го) и 19-го (31-го) августа армія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, и результатомъ которой было отступленіе нашихъ войскъ отъ Кара-Лома къ Янтрѣ. Съ нашей стороны героемъ битвы былъ генералъ *Дюновъ*, со стороны турокъ *Фуадъ* и *Неджибъ* наши. Наканунѣ 18-го (30-го) августа изъ Разграда двинулись на наши войска до 20,000 турокъ. Правое крыло этой турецкой арміи сосредоточилось на среднемъ теченіи Лома (которое мы описали выше), при Соленинѣ. Дивизія Фуада-наши двинулась на насъ отъ Разграда, а войска Неджиба-наши отъ Кара-Гассанъ-Кіюля. Наши войска двинулись съ сѣвера отъ сел. *Сиданы* и прорва къ югу, заняли деревню Козелево; войска же Фуада-наши расположились на высотахъ, опоясывающихъ эту деревню и начали грозную и отчаянную атаку нашей позиціи. Затѣмъ подошли войска Неджиба-наши и подавляющимъ силамъ турокъ мы должны были уступить. Даже отдѣльные эпизоды этихъ грозныхъ дней (30 и 31 августа по новому стилю) до того важны и многозначительны, битвы до того упорны и ожесточены, что только для одного перечисленія отдѣльныхъ эпизодовъ здѣсь не хватило бы мѣста.

На слѣдующій день наши войска заняли высоты, противоположныя деревнѣ Кизилія, на лѣвомъ берегу Кара-Лома и затѣмъ начали отступленіе по направленію къ Бѣлѣ. Результатъ всего этого былъ тотъ—что армія Наслѣдника Цесаревича сосредоточилась на линіи Янтры, чтобы прикрыть дорогу къ мосту черезъ Дунай у Систова.

Моқколи во время карнавала.

Карнавалъ—итальянскій народный праздникъ. Праздникъ этотъ ведетъ свое начало съ весьма отдаленнаго времени и не одни только итальянцы празднуютъ его. У другихъ народовъ онъ извѣстенъ подъ другими именами. У насъ карнавалъ извѣстенъ подъ именемъ масляницы. Собственно слово карнавалъ филологи производятъ отъ *cognis*—говядина и *avaler*—глотать, изъ чего въ общемъ значеніи получилось слово: заговѣнье. Праздникъ этотъ ведетъ свое начало отъ временъ языческихъ, хотя, конечно, въ настоящее время празднующіе его не имѣютъ ровно никакого понятія о томъ, какими богами служатъ. А боги эти очень древніе.

Первобытный народъ, чувствуя свѣтила небесныя, учредилъ цѣлый рядъ праздниковъ, торжествуя возвращеніе свѣтлыхъ явленій желаннаго лѣта.

Въ древнемъ Римѣ въ это время происходили сатурналии, праздникъ въ честь Сатурна *). До времени Августа праздникъ этотъ ограничивался однимъ днемъ, позднѣе онъ распространился на цѣлую недѣлю. Этимъ праздникомъ желали предъставить золотое время Сатурна, когда всѣ люди были равны. Для этого всѣмъ рабамъ давалась полная свобода; ихъ одѣвали въ золото и пурпуръ и дѣлали господами. Идея переодѣванья выражала собою равенство положеній. Праздникъ Карнавала, празднуясь въ настоящее время почти во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ Европы, уже не имѣетъ того блеска, которымъ онъ сопровождался прежде. Только празднованіе его въ Италіи до сихъ поръ сопровождается большимъ блескомъ и весельемъ. Толпы народа всѣхъ возрастовъ и состояній покрываютъ улицы. Всѣ балконы, окна, крыши—всѣ возвышенія, гдѣ только могутъ помѣститься люди—заняты бывають ими. Улицы наполняются народомъ, сопровождающимъ процессію. Процессіи эти разнообразны до крайности: бываютъ процессіи дураковъ, ословъ, бандитовъ и т. п. Бывали, напримеръ, процессіи такого рода: громадная гондола съ зеленымъ флагомъ, на которомъ изображенъ левъ (гербъ Венеціи), двигалась по улицамъ вся покрытая трауромъ и на флагъ была надписъ: „Венеція мертва“. Это производило грустное впечатлѣніе; но эта процессія проходила въ другія улицы, и грустное впечатлѣніе тотчасъ же замѣнялось другимъ, веселымъ, возбуждаемымъ видомъ пѣро, чертенятъ и т. п. Все это бѣжало, прыгало, дѣло и неистовствовало въ своемъ праздничномъ увлеченіи.

Съ балконовъ, крышъ, оконъ сыплются въ это время на уличную толпу цвѣты, букеты, коріондоли (шарики изъ гипса), яйца, начиненныя мукой. Поднимаются столбы бѣлой пыли, пыль эта встрѣчается съ пылью коріондолой, бросаемихъ снизу изъ толпы на балконы и окна. Зрители и участвующіе въ бросаніи коріондолой рукоплещутъ при удачныхъ выданіяхъ, когда, напримеръ, коріондоли хорошо попадаютъ въ цѣль. Все кричитъ, визжитъ, пляшетъ и хохочетъ.

Собственно словомъ „Моқколи“ называются свѣчи, съ которыми въ третій день праздника (въ послѣдній день) какъ-бы провожаютъ карнавалъ. Въ это время главнымъ развлеченіемъ и цѣлью толпы служитъ гашеніе свѣчей: каждый старается сохранить огонь своей свѣчи и потушить огонь свѣчи другого.

На нашемъ рисункѣ изображена сцена именно этого послѣдняго дня карнавала. Говорить о достоинствѣ этого превосходнаго произведенія не находимъ нужнымъ, такъ какъ онъ можетъ самъ за себя постоять въ этомъ случаѣ.

Г. АДРИАНОПОЛЬ.

Послѣ Константинополя первый городъ въ Европейской Турціи Адрианополь. Онъ служитъ какъ бы второю столицей государства. Народонаселеніе этого города весьма значительное и достигаетъ до 200,000 душъ (впрочемъ полагаться на точность турецкихъ статистическихъ изслѣдованій не всегда можно). Адрианополь находится въ Румелии, при сліяніи рѣкъ Моричи съ Гунжею. Городъ этотъ построенъ Императоромъ Адрианомъ тамъ, гдѣ находился Ускадакъ, городъ Бессовъ Фракійскаго племени. (Адрианъ—пятнадцатый изъ римскихъ императоровъ, родился въ Непонскомъ городѣ Кталикѣ въ 76 г. по Р. X. и послѣ смерти Траяна, скончавшагося въ 117 г. въ Малой Азій, былъ провозглашенъ преемникомъ престола; умеръ въ 138 г.). Въ IX столѣтіи Адрианополь сопротивлялся готамъ въ 1360 г. былъ взятъ султаномъ Амуратомъ и осталась столицей Турціи до 1453 г., т. е. до времени завоеванія Константинополя турками.

Мы, русскіе, давно знакомы съ Адрианополемъ. Онъ былъ занятъ нашими войсками въ 1829 году и вскорѣ послѣ этого занятія въ томъ же году въ немъ былъ заключенъ съ Турціей миръ.

Адрианополь имѣлъ до сихъ поръ большое торговое значеніе, насколько можетъ имѣть его турецкій городъ, ведущій торговля операціи только своими „восточными“ товарами. Къ намъ въ Россію шли изъ Адрианополя товары чрезъ Одессу и Таганрогъ, преимущественно табакъ и частію розовое масло; въ Марсель, Италію, Грецію и Египетъ Адрианополь отправлялъ кожи, сыръ, табакъ, орѣхи.

Теперь всякое торговое движеніе въ этомъ городѣ затихло: все населеніе его прислушивается къ тому, что происходитъ въ горахъ Балкана, около Плевны и Рушукъ. Но это, впрочемъ, не мѣшаетъ мѣстнымъ властямъ творить судъ надъ болгарами: ихъ казнятъ въ Адрианополѣ каждый день и казнятъ не по одному, а цѣлыми массами. И не только въ Адрианополѣ, но и въ его окрестностяхъ—ездѣ теперь „творять судъ“ надъ болгарами.

Часть приговоренныхъ адрианопольскимъ полевымъ судомъ къ смертной казни болгаръ вѣшаютъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Одинъ видъ несчастныхъ, которыхъ ведутъ на казнь, наводитъ ужасъ. Шею каждого осужденнаго окру-

*) Богъ времени.

жаютъ желѣзное кольцо, откуда спускается цѣпь, прикрѣпленная къ тѣлу, въ то время какъ руки связаны сзади веревкою. Пять или шесть человѣкъ прикрѣпляются другъ къ другу и идутъ гуськомъ. Въ Адрианополѣ изготовили складную деревянную висѣлицу, которую ставятъ попеременно на разныя мѣста, площадкахъ города. Большая часть осужденныхъ на смерть принадлежитъ къ сельскому сословию, но иногда между ними встрѣчаются лица другихъ классовъ. Такъ недавно газеты сообщали, что въ Адрианополѣ повѣшенъ докторъ медицины изъ Иени-Загры, бывший студентъ пражскаго университета. Повѣшеніе совершается самымъ патриархальнымъ образомъ. Осужденнаго вѣшаютъ просто гдѣ попало, на улицахъ, и виситъ онъ на виду у прохожихъ до тѣхъ поръ, пока не сбросятъ его турецкіе „запѣн“ куда-нибудь въ яму. Къ этимъ зрѣлищамъ владѣльцы различныхъ лавокъ такъ свылклись, что не обращаютъ болѣе на нихъ никакаго вниманія.

Черезъ Адрианополь теперь ежедневно двигаются поѣзды съ ранеными: госпитали и частные дома въ городѣ полны ими. Пройдетъ не мало времени, прежде чѣмъ можно будетъ изъ Адрианополя отправить больныхъ далѣе. Тѣснога въ лазаретахъ ужасная: такъ, напримѣръ, въ госпиталѣ, устроенномъ только на шестьсотъ кроватей, принято 2,000 раненыхъ.

Въ брѣвнотъ, число раненыхъ и убитыхъ турокъ съ начала августа мѣсяца, т. е. въ теченіи сорока дней, простирается до 20,000 человѣкъ, и изъ этого числа въ Адрианополѣ „свалено“ значительное количество.

ТУРЕЦКІЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ,

Мехметъ-Али-паша, сердарь-экремъ (генералиссимусъ) турецкой арміи, сынъ нѣмца Детруа, одного изъ потомковъ выселившихся въ Германію изъ Франціи гугенотовъ. Онъ въ дѣтствѣ отличался крайне живымъ и энергическимъ характеромъ: не окончивъ курса, самовольно ушелъ отъ отца и нанялся юнгой на корабль. Недовольный корабельными властями, онъ бѣжалъ отъ нихъ, бросившись ночью въ воду и достигнувъ вилавъ берега. Черезъ нѣсколько времени его поймали и засадили въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ (впослѣдствіи великимъ визиремъ) Аали-пашей. Обращенный въ магометанство, онъ былъ отданъ въ военное училище и тамъ изучилъ турецкій языкъ; засимъ онъ посѣщалъ артиллерійское училище и окончивъ въ немъ курсъ поступилъ въ турецкую армію офицеромъ. Теперь ему около 50 лѣтъ. Онъ участвовалъ въ Крымской войнѣ; въ 1870 году былъ уже дивизионнымъ генераломъ; по вѣдѣнствію придвор-

ныхъ интригъ онъ въ 1873 году былъ удаленъ изъ Константинополя и посланъ въ Янину для усмиренія мятежа, вспыхнувшего въ Эпирѣ и Фессалии. Быстрота и распорядительность его всегда были извѣстны султану, и когда понадобилось замѣнить престарѣлаго Абдуль-Керима, выборъ султана пал на Мехмеда-Али. Какъ главнокомандующій всѣми турецкими арміями, Мехметъ-али не могъ оказывать большое влияние на общій ходъ военныхъ дѣйствій, такъ какъ, по словамъ корреспондентовъ, въ этихъ дѣйствіяхъ нѣтъ единства, и каждый начальникъ арміи дѣйствуетъ будто-бы, какъ ему вздумается. Правда ли это—не знаемъ, но что турки уцорно защищаются—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Мехметъ-Али командовалъ войсками, дѣйствующими противъ арміи Государя Наслѣдника. Теперь онъ замѣняетъ Сулейманомъ-пашей.

Сулейманъ-паша командовалъ войсками, атаковавшими Шипку. О немъ мы уже имѣли случай говорить въ № 33 „Нивы“ (см. стр. 611). Здѣсь можемъ присовокупить, что Сулейманъ-паша лѣтъ 45, съ окладистой рыжеватой бородой, говоритъ отрывисто. Корреспондентъ „Кельнской газеты“ передаетъ о своемъ свиданіи съ Сулейманомъ-пашей слѣдующее: „Когда я вошелъ, въ его палатку онъ сидѣлъ за цѣлой горой писемъ и депешъ, но принялъ меня довольно ласково и пригласилъ сѣсть на стоянціи вблизи барабанъ. Во время моего получасоваго пребыванія въ палаткѣ главнокомандующаго, послѣдній получилъ около 12 депешъ, на которыя немедленно далъ отвѣты. Затѣмъ Сулейманъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ запѣевъ, осматривать позиціи своихъ войскъ“.

Гобартъ-паша—англичанинъ. Онъ сынъ графа Букингейма (родился въ 1822 г.) и долженъ былъ по условіямъ своего рожденія сдѣлаться духовнымъ. Но чрезвычайная любовь къ морю заставила его поступить въ 1835 году на службу во флотъ, гдѣ и былъ капитаномъ англійскаго фрегата. Получивъ нѣкоторую извѣстность во время Крымской кампаніи, онъ затѣмъ былъ приглашенъ на службу въ Турцію, какъ опытный руководитель въ дѣлѣ преобразования турецкаго флота. Въ 1868 г. онъ уже былъ контръ-адмираломъ турецкаго флота подъ именемъ Гобартъ-паша. Во время Критскаго возстанія подъ его начальствомъ былъ блокированъ островъ Кандія. Получивъ засимъ чинъ Адмирала, онъ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ турецкаго флота.

Въ 1874 году онъ опять перешелъ на службу въ Британскій флотъ, а осенью 1876 года, вмѣстѣ со многими англійскими офицерами вернулся въ Константинополь въ объятія своихъ друзей-мусульманъ.

Политическія и военныя извѣстія.

«Вездѣ холодъ и ненастье, въ Балканахъ идетъ снѣгъ»—вотъ первое оффиціальное извѣстіе съ Дунайскаго театра войны за прошлую недѣлю. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что за минушую недѣлю не было никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій на Дунайскомъ театрѣ войны. Обстоятельство это, какъ оно ни невыгодно само по себѣ, представляется благоприятнымъ, по возможнымъ результатамъ. Тогда какъ турецкій солдатъ, подобно другимъ жителямъ юга, съ трудомъ выноситъ климатическія перемѣны—суровый горный холодъ, наступившій почти вдругъ послѣ удушавыхъ жаровъ,—нашъ солдатъ, сынъ угрюмаго и непріютливаго сѣвера, гораздо легче перенесетъ горную стужу.

Турки теперь очистили всю линію Кара-Лова между тѣмъ, читатель помнитъ, что еще недавно лѣвый флангъ нашей арміи былъ оттѣсненъ (послѣ упорной битвы при Кара-Хассавъ-Кюйѣ) къ Янтрѣ. Затѣмъ и въ самой Плевнѣ турки не отбѣгаютъ на нашъ огонь, хотя, судя по телеграфнымъ извѣстіямъ, мы продолжаемъ непрерывно обстрѣливать Плевну. Отъ Шипкинскаго перевала армія Сулеймана-паша отступила, послѣ обстрѣливанія ея съ нашей стороны мортирами и послѣ взрыва турецкаго погреба. Словомъ—мы видимъ всюду, что турки или отступаютъ, или бездѣйствуютъ. Слѣдовательно если не безусловно, то въ значительной степени, наступившая суровая погода ослабила дѣйствія турокъ. Но этимъ временемъ мы, безъ сомнѣнія, воспользуемся, сдѣлавъ приготовления для энергической и усиленной атаки Плевны. Съ другой стороны въ этотъ промежутокъ военного затишья придутъ въ надлежащемъ количествѣ наши подкрѣпленія. Дѣйствительно, въ русско-румынской арміи подъ Плевной замѣтно большое движеніе. Уже прибылъ и контингентъ для пополненія убыли; прибыли сверхъ того еще и подкрѣпленія. Вскорѣ, слѣдовательно, должны начаться военныя операціи. Одновременно въ турецкомъ военно-начальническомъ персоналѣ произошла слѣдующія перемѣны: *Реуфъ-паша* назначенъ начальникомъ балканской арміи и уже прибылъ на Шипку. Сулейманъ-паша назначенъ начальникомъ Дунайской арміи и уже прибылъ въ Разградъ. Мехметъ-Али-паша отозванъ отъ своей должности главнокомандующаго.

19-го и 20-го сентября, Его Высочество Главнокомандующій дѣйствующей арміей вмѣстѣ съ княземъ Карломъ румынскимъ и Тотлебеномъ объѣхали всѣ наши и румынскія баттарей, и

телеграмма Его Высочества извѣщаетъ что работы наши и румынскія уже сильно подвинулись впередъ. Эти работы—саперныя, и назначеніе ихъ состоитъ въ постепенномъ приближеніи къ турецкимъ ретраншемантамъ и редутамъ, расположеннымъ надъ мѣстностью. Припомнимъ здѣсь, что плевненская турецкая позиція представляетъ укрѣпленный лагерь, а за послѣднее время сдѣлалась извѣстнымъ, что впереди этого лагера выдвинуто до 23 отдѣльныхъ укрѣпленій, доставляющихъ туркамъ преимущества огнестрѣльной, ружейной и орудійной обороны. Резюмируя все сказанное сейчасъ, мы вравѣ констатировать, что положеніе нашей задунайской арміи твердое, что нѣкоторыя неудачи нѣсколько не ослабили ея духа, что впечатлѣнія этихъ неудачъ теперь совершенно сгладились. Дѣйствительно, чтобы не противорѣчить очевидному факту проужавшая всѣмъ уши о бѣдствіяхъ нашей арміи западно-европейская печать теперь выхваливаетъ положеніе нашихъ дѣлъ на Дунаѣ. Такая странная непослѣдовательность отнимаетъ уже всякій кредитъ у тенденціозныхъ, и особенно туркофильскихъ сообщеній. Что касается насъ, мы никогда не придавали цѣны этимъ тенденціознымъ и туркофильствующимъ сообщеніямъ. Признавая суровый фактъ какой-либо неудачи,—мы всегда отрицали значеніе этой неудачи и вліяніе ея на общій характеръ и общій исходъ настоящей войны. Пусть говорятъ: всякая стратегическая ошибка ведетъ за собою рядъ другихъ ошибокъ, и неизбежно приводитъ въ концѣ концовъ къ печальному результату, это нѣсколько неизвѣстно нашего взгляда на исходъ настоящей войны. Если-бы вышеприведенный афоризмъ былъ безусловно вѣрнымъ, то громадный процентъ войнъ, наполняющихъ исторію, не имѣлъ бы другого результата, кромѣ бѣдственнаго; а то прослѣдите исторію—и вы увидите, что въ самой счастливой войнѣ бываетъ множество поправокъ, предполагающихъ или не совсѣмъ удачныя или прямо неудачныя планы. Даже маршалы Наполеона I дѣлали неудачи и промахи, не имѣвшие, однако, никакаго результата на исходъ многихъ изъ Наполеоновскихъ войнъ. А то вдругъ боатливая западная пресса, заручившись предвзятыми мнѣніями и нелюбовью молвою, старается безъ всякой критики навязать намъ неблагоприятныя вѣсти. И пусть ее навязываетъ; но мы все-таки не будемъ принимать эти вѣсти безо всякой критики. Лучшій же критеріумъ для этой критики какъ мы, неоднократно упоминали прежде—это наша непоколе-

Гобартъ-паша.
Главнoкомандующій турецкимъ флотомъ.

Сулейманъ-паша.
Командовавшій турецкою армією въ Блманакъ *).

Мехметъ-Али-паша.
Бывшій главнокомандующій турецкою армією.

бимая въра въ святость призванія Россія—освободить несчастныхъ страдальцевъ изъ магометанской неволи, и надежда на мужество и одушевление нашихъ войскъ и геройскую рѣшимость довести эту войну до желаннаго конца. До сихъ поръ ни одинъ фактъ съ театра войны не опровергъ этихъ положеній... каковы-бы ни были въ частности ея неудачи.

Съ лѣваго фланга Дунайской арміи получено известіе, что 14 сентября состоялась кавалерійская рекогносцировка турецкихъ войскъ къ юго-западу отъ Добруджи. Посланный генераломъ Циммерманомъ на рекогносцировку изъ Кюгендже къ Татаръ-Базарджигу отрядъ пѣхоты и кавалеріи, силою въ 6,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Манзеля, разбилъ 500 черкесовъ у Чубагъ-Куюса; у самого Татаръ-Базарджика отрядъ этотъ отбросилъ 700 черкесовъ и нанесъ имъ большой уронъ. Движеніе изъ горъ пѣхоты было остановлено артиллерійскимъ огнемъ. При этой развѣдкѣ русскіе нашли, что Базарджикъ укрѣпленъ и занятъ турецкими войсками, подъ начальствомъ Рузапаша. Потря на на при этомъ дѣлѣ 16-ти человекъ.

Съ Закавказскаго театра военныхъ дѣйствій, изъ Кара-Яльской главной квартиры, получено известіе, что 20-го сентября наши войска атаковали укрѣпленную высоту лѣваго фланга арміи Мухтара-паша. Эти высоты называются *большіе и малые Яны* (къ востоку отъ Карса). Защищавшія *Большія Яны* войска частью уничтожены, частью взяты въ плѣнъ. Штурмъ горы Малые Яны, однако, признанъ преждевременнымъ, такъ какъ эта гора сильно укрѣплена. Значеніе заняты *Большіе Яны* видно изъ того, что изъ Карса тотчасъ же выступила часть гарнизона, въ количествѣ 13-ти батальоновъ, на поддержку Мухтару-паша, однако безуспѣшно. Карсскіе батальоны были энергически отброшены и шими войсками, ночевавшими съ 20 на 21-е сентября на занятыхъ позиціяхъ; на слѣдующій день (21 сентября) турки атаковали наше лѣвое крыло; но были геройски отражены и прѣгнаны до своихъ лагерей. Наша потеря за эти два дня: убитыхъ 12-тъ и 71 раненыхъ офицеровъ и 1,040 убитыхъ и 2,250 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Потери со стороны турокъ громадны. Однако уже на третій день (22 сентября) наше правое крыло начало отодвигаться съ занятыхъ высотъ, такъ какъ встрѣтились затрудненія въ снабженіи водою.

Въ политическомъ отношеніи на прошлой недѣлѣ продолжало обращать на себя вниманіе туркофильское движеніе въ Венгріи. Недавно разнеслись слухи о предполагавшемся вторженіи въ Румынію сформированнаго венграми легіона. Оказалось потомъ, что предводителями этого замысла были генералъ *Кланка*, известннй аягитаръ въ революціи 1848 г. *Кошутъ* и депутатъ *Гельфи*. На сформированіе этого венгерскаго легіона дано было около полумилліона гульденовъ англичанами: *Борне*, *Ветлеромъ* и

еще однимъ лордомъ, благородно скрывшимъ свое имя. Зѣтля съ легіономъ, однако, потерпѣла плачевную неудачу. Въ Венгріи и Трансильваніи произведены многочисленные аресты легіонеровъ; много ящиковъ съ оружіемъ арестовано не только въ Венгріи, но и въ вѣнскомъ вокзалѣ желѣзной дороги. Австро-венгерскій министръ юстиціи и главный прокуроръ выѣхали для слѣдствія, а въ Трансильваніи расквартированы на случай опасности 2 пѣхотныхъ полка.

Черезъ Бухарестъ получено известіе, что графъ *Комаровскій* изъ нашего посольства въ Римъ привезъ Государю Императору собственноручное письмо короля Виктора Эммануила, заключающее въ себѣ выраженіе дружественныхъ намѣреній этого послѣдняго.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Глупецъ есть драгоценный даръ боговъ, посылаемый на землю для забавы умныхъ людей (Демократъ).

Конецъ жизни печаленъ, середина ничего не стоитъ, а начало очень смѣшно (Вольтеръ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Екатеринодаръ. А. Р.—но. Ваша пѣсня о казакахъ, поздравившемся изъ похода весьма обильна... вытѣсненіями колѣсцата ударовъ ланыхъ мужемъ женѣ, и совершенно лишена здраваго смысла. Кто-же и гдѣ-же такъ дерзаетъ? Если-же у васъ такая страсть къ ариметикѣ въ стихахъ, то вотъ вамъ для прихѣра арославскіе расчеты:

«Иногда съ собой прихватимъ
Рублей двѣсти—триста въ годъ;
Шестидесять оброчку платимъ
Дѣвяти сорочѣ на прихѣду».

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, ариметическія вычисленія вѣрны и смыслъ есть, а въ вашихъ стихахъ ни того ни другого.

Туда Н. И. Кор—ову. Забѣлю, что вы еще не достигли того возраста, въ который мальчики называются уже юношей. Учитесь грамотѣ и спросите старшихъ какъ назвать насъ за всякое покусаніе «къ сочинительству».

Г. Евсюкову, автору «Женскаго вопроса». Сожѣту въ вашихъ стихахъ для рѣшннн «женскаго вопроса» бросаться женщинами съ мѣста въ рѣву, сами вы почему-то не рѣшаетесь примѣнить этотъ способъ къ собственной особѣ. Что гасается оцѣнки вашихъ стиховъ, то въ этомъ случаѣ имѣ дѣло нѣтъ, въ особенности такимъ строкамъ.

«Склонясь на перила, бѣдная стоить,
Тяжелую думу, должно-быть, мечтаетъ...»

Это напоминаетъ ту купчиху, которая, наругавшись на всю улицу съ сосѣдкой, говоритъ, уходя: «пора мнѣ домой, ужъ очень и съ тобой здѣсь замечала».

СОДЕРЖАНІЕ: Столѣтіе Павловска 1777—1877 г. (съ рисункомъ) Т. Р—ова.— Юный Императоръ Историческая повѣсть Вс Соловьева. Часть вторая (продолженіе).—Акула-ноша (Scyllium) (съ рисункомъ) М. Др.—Подъ Плевной (съ 2-мя рисунками).—Долина рѣки Лома (съ рисункомъ) —Моишкы во время карнавала (съ рисункомъ) А.—Г Адрианополь—Турецкіе военачальники съ 3-ми портретами.— Политическія и военныя извѣстія.— Мысли замѣчательныхъ людей.— Почтовый ящикъ. Объявленія.— При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ОКТЯБРЬ съ 26 рисунками и отдѣльный листъ съ 23 чертежами выроекъ въ натуральную величину и 60 рисунками бумѣ для шитья бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

*) Назначенъ начальникомъ Дунайской арміи на мѣсто Мехметъ-Али.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 8,

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРЬ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ.

Васильевскій Островъ, 41 линия, № 56.

Товарищество Чехберсъ и К^о.

Магазинъ: Адмиралъ. Противъ Оредеиной. 16

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ГРАЖДАНИНЪ“.

8 июня журналъ „Гражданинъ“, по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ, приостановленъ,—за статьи о дипломатіи по восточному вопросу, помѣщенныя въ 22 №,—на 4 мѣсца. Извѣщая подписчиковъ о возобновленіи журнала съ 8 октября, редакція считаетъ долгомъ довести до ихъ свѣдѣнія, что, ота постараясь, съ изысканіемъ вознаграждать подписчиковъ за столь про ожительное въ такую пору и значіе нашего журнала. Для удовлетворенія подписчиковъ редакція: 1) начнетъ издавать со дня возобновленія журнала двойные номера съ равными приложеніями; 2) разошлетъ въ непреодолительномъ времени 2 томъ «Русскаго Сборника» (второе изданіе *первого* тома будетъ разошло подписчикамъ съ 2863 № при первомъ №, который выйдетъ по возобновленіи журнала 8 октября) въ увеличенномъ противъ обыкновеннаго размѣрѣ, съ иллюстраціями, при чемъ будетъ помѣн на новая повѣсть гг. В. П. Мещерскаго изъ жизни петерб. большаго свѣта и 3) разошлетъ безплатно всѣмъ подписчикамъ невременно съ 1 № на 78 г. печатающіеся уже два мѣсяца (въ отдѣльныхъ книгахъ) романа князя Н. П. Мещерскаго «Тайны современнаго Петербурга».

Подписка принимается въ редакціи „Гражданина“; цѣна съ 8 окт. по 1 янв. со оими прѣмліями 4 р. съ перес. № 18 1

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (кроме московскихъ) объявленіе отъ чайнаго магазина Ф. В. Аппасина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 30 Сентября 1877 г.

Виблотека „Гуниверс“ № 10

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 41

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Изданъ 10 Октября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

ГODOVAYA ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ на 1877 ГОДЪ:

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ все
уже вышедшіе номера
«Нивы».

Въ Петербургѣ безъ доставки	4 р.
„ „ „ съ доставкой	5 „
Въ Москвѣ безъ доставки черезъ книжные магазины: Соловьева, Лангъ и Живарева.	4 р. 50 к.
Съ пересылкою во все города Имперіи	5 „ 50 „

Подписка продолжается.

Контора журнала
«Нивы» помещается
въ С.-Петербурѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ПАВЕЛЬ ДМИТРИЕВИЧЪ ЗОТОВЪ.

Генераль-лейтенантъ Павелъ Дмитріевичъ Зотовъ, наравнѣ съ другими предводителями войскъ нашей Дунайской арміи, обратившими на себя всеобщее вниманіе своею личною храбростію и знаніемъ дѣла, пользуется также вполне заслуженною извѣстностію, какъ опытный военачальникъ. Въ военныхъ кружкахъ, во всякомъ случаѣ, представляется сравнительно гораздо большая возможность для справедливой оцѣнки каждаго военачальника, какое бы значительное или незначительное мѣсто въ общемъ порядкѣ управленія службы онъ ни занималъ, и въ этихъ-то военныхъ кружкахъ имя генераль-лейтенанта Павла Дмитріевича Зотова было всегда популярно и пользовалось извѣстностію, какъ имя человека, опытнаго въ боевыхъ дѣлахъ и притомъ обладающаго значительной энергіей.

Читатели „Нивы“, изъ многихъ предыдущихъ номеровъ этого журнала, не могли, полагаемъ, не обратить вниманія на то, весьма замѣтное въ біографіяхъ нашихъ предводителей войскъ обстоятельство, а именно, что

Генераль-лейтенантъ П. Д. Зотовъ. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

большая часть изъ нихъ боевую опытность свою получили на Кавказѣ. Къ числу ихъ приходится присовокупить и генераль-лейтенанта Павла Дмитріевича Зотова, который главнымъ образомъ обязанъ Кавказу своею боевою опытностію.

И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ войны въ Туркестанѣ, которая во всякомъ случаѣ не имѣла и не могла имѣть въ военномъ отношеніи большого практическаго значенія для нашихъ войскъ и ихъ предводителей, — оставался для нихъ, въ дѣлѣ пріобрѣтенія боевой опытности, только Кавказъ, да и то лишь до поры своего замиренія. Правда, въ числѣ нашихъ военачальниковъ есть теперь еще нѣсколько севастопольскихъ героевъ, но она составляютъ исключеніе и весьма уже незначительное. Большая же часть изъ нихъ, если даже и имѣли нѣкоторое участіе въ этой въ высшей степени замѣчательной кампаніи, то участіе ихъ ограничивалось тогда (по молодости ихъ лѣтъ и по незначительности за ними должностей) только малою степенью военной дѣя-

тельности, да и то болѣе въ положеніи исполнительномъ, а не распорядительномъ.

Такимъ образомъ понятно, что если среди военачальниковъ встрѣчается лицо, имѣющее за собою репутацію боевого генерала, то эта репутація несомнѣнно составлена на Кавказѣ, въ періодъ нашихъ послѣднихъ тамъ войнъ съ Шамилемъ.

Само собою понятно, что эта репутація дается не даромъ, и добыть ее на парадныхъ выѣздахъ и маневрахъ невозможно. Невозможно точно также достигнуть боевой опытности теоретически, какъ бы хорошо не была эта теорія изучена. Необходимо, какъ говорится, „вдосталь“ напукаться пороху и послушаться той музыки, которую производятъ пушечные и ружейные выстрѣлы, чтобы умѣть владѣть собою въ пылу битвы и спокойно отдавать приказанія въ то время, когда кругомъ какъ скошенные колосья валяются люди.

Генералъ-лейтенантъ Павелъ Дмитриевичъ Зотовъ—офицеромъ съ 1843 года, а генераломъ съ 1859 года. Высшее военное образование Павелъ Дмитриевичъ получилъ въ бывшей Императорской Военной Академіи, и цѣлый рядъ военныхъ наградъ и отличій, включая сюда и чинъ генералъ-лейтенанта,

пожалованный ему въ 1864 году, заслуженъ имъ въ бояхъ съ неприятелемъ.

Телеграммою Его Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею на Дунаѣ, отъ 18 августа изъ Горнаго Студена, было извѣщено, что князь Карлъ Румынскій назначенъ командующимъ союзною русско-румынской арміею на Дунаѣ, и что начальникомъ штаба этой арміи назначенъ генералъ-лейтенантъ Зотовъ. Въ настоящее время есть извѣстія, впрочемъ еще не подтвердившіяся официально, что мѣсто начальника штаба союзной русско-румынской арміи займетъ Генералъ-адъютантъ Инженеръ-Генералъ и товарищъ Его Императорскаго Высочества по инженерной части, Э. И. Тотлебенъ, а генералъ-лейтенантъ П. Д. Зотовъ получитъ иное назначеніе. (Портретъ Э. И. Тотлебена и біографія о его жизни и дѣятельности были помѣщены въ № 14 „Нивы“, стр. 215 и 216). Оправдается ли это извѣстіе официально или нѣтъ, въ томъ и другомъ случаѣ значеніе заслугъ Генералъ-лейтенанта Павла Дмитриевича Зотова останется тоже, и въ ходѣ настоящей войны онъ, обладая большими знаніями дѣла, опытностію и энергіей, несомнѣнно принесетъ свою долю пользы.

Д.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

А въ это время балъ идетъ своимъ чередомъ; оживленные пары встрѣчаются въ контрадансахъ; юный Императоръ то и дѣло танцуетъ съ Елисаветой; но вотъ онъ усталъ, ушелъ изъ танцевальной залы въ другую, гдѣ и велѣлъ подать себѣ ужинъ. Съ минуты на минуту ждетъ—они должны сюда явиться: и Лиза и князь Иванъ; но они не являются. Юному Императору становится скучно—онъ одинъ, кругомъ не интересно, все ненужные люди. Торопливо окончилъ онъ свой ужинъ и вышелъ въ залу. „Что это? Иванъ танцуетъ съ Лизой, онъ наклоняется къ ней, что-то говоритъ ей, даже шепчетъ... Какое у него лицо!“ И опять позабытое, бывшее чувство—ревность, стучится въ его сердце, и не сводитъ онъ глазъ съ этихъ двухъ людей, которыхъ такъ любить. А они все вмѣстѣ. Вотъ окончень танецъ. Долгорукій все же не отходитъ отъ Елисаветы. Юный Императоръ не двигается съ своего мѣста, все смотритъ. Лицо его поблѣднѣло, глаза горятъ, онъ весь—необычайное волненіе. Вотъ подходитъ къ нему баронъ Остерманъ.

— Андрей Ивановичъ,—шепчетъ юный Императоръ,— съ какой это стати князь Иванъ не отходитъ отъ принцессы?

Остерманъ наострилъ уши и пристально взглянулъ на Петра.

— Какъ не отходить, Государь, да вы же сами танцевали съ нею кажется подъ рядъ три контраданса. Что-жь тутъ такого? Вы знаете, какъ принцесса любить танцевать, а князь Иванъ хорошо танцуетъ.

Но юный Императоръ вѣдъ себя, онъ недоволенъ отвѣтомъ Остермана и когда къ нему подходитъ Долгорукій, онъ грозно глядитъ на него и отвертывается.

— За что это? равнодушно и улыбаясь спрашиваетъ Иванъ Алексѣевичъ. Ахъ да, понимаю—Государь меня ревнуетъ. Ну чтожь, ничего, поревнуй, посердишь, скоро помиришься.

И такой же равнодушный, такой же увѣренный въ своей силѣ и въ томъ, что ничѣмъ онъ себѣ повредить не можетъ, отходитъ Иванъ Долгорукій отъ Государя и идетъ въ ту сторону, гдѣ больше молодыхъ красивыхъ женщинъ. Между ними онъ видитъ сестру свою, которая что-то оживленно толкуетъ съ молодымъ племянникомъ австрійскаго посла, графомъ Милезимо. Между ними онъ видитъ и другую молодую дѣвушку и внезапно поражается ею; она сидитъ въ уголку залы, подалѣе отъ другихъ. Стройная и чудно-прекрасная, равнодушно спокойнымъ взглядомъ глядитъ она на окружающія оживленіе и великолѣпіе и кажется принимаетъ

во всемъ мало участія. О! какъ она хороша, какимъ образомъ не замѣчалъ онъ этой ея красоты, а вѣдь давно онъ знаетъ эту дѣвушку. И вотъ онъ подходитъ къ ней и садится рядомъ съ нею.

— Зачѣмъ не танцуешь, графиня, говоритъ онъ ей.

— Устала, Иванъ Алексѣевичъ, поднимается она на него свои чудные большіе глаза, опухшие длинными темными рѣсницами.

— Пойдемъ танцевать со мною, шепчетъ онъ снова.

— Устала, дай отдохнуть, князь.

— Что рѣдко бываешь у матушки, да у сестеръ, спрашиваетъ Иванъ Алексѣевичъ послѣ минутнаго молчанія.

— Не рѣдко бываю, да только тебя никогда нѣту, не видно тебя, ты дома не бываешь, замѣчаетъ дѣвушка.

— Ахъ, еслибъ я зналъ, когда ты у насъ, то всегда бывалъ-бы дома.

Онъ глядитъ ей прямо въ глаза своимъ смѣлымъ, блестящимъ взглядомъ; опускаются ея длинныя рѣсницы, нѣжный румянецъ вспыхиваетъ на щекахъ ея, не то грустная, не то насмѣшливая улыбка трогаетъ ея губы и тихимъ голосомъ она отвѣчаетъ фавориту:

— Побереги свои слова для другихъ, а я имъ все равно не повѣрю.

Раздаются новые звуки музыки и начинается Иванъ Алексѣевичъ танецъ съ красавицей дѣвушкой и все пригожѣе она ему кажется: какъ она танцуетъ, какъ плавно выступаетъ; какая дивная шея, какія руки, а главное есть въ ней что-то такое, что-то тихо спокойное, содержащее свою тихую силу, и опять повторяетъ себѣ изумленно Иванъ Алексѣевичъ: „какъ могъ я, какъ могъ проглядѣть такую чудную дѣвушку; удивительно хороша она, эта красавица Наталья Борисовна Шереметьева“.

V.

Съ ранняго утра и до вечера звонили и отзванивали всѣ сорокъ сороковъ церковей московскихъ, справлялась великопостная служба; народъ православный молился, говѣлъ, исповѣдывался и причащался. Затихли и дворцовыя празднества, но не могъ юный Императоръ удержаться отъ другихъ соблазновъ: то и дѣло уѣзжалъ онъ на охоту, проводилъ по нѣсколько сутокъ за Москвою, возвращался на день, другой, да и опять начинается тоже самое. Вотъ и постъ великій кончается, пропла страстная недѣля, другой уже весенній благоуханіе разносится въ весеннемъ воздухѣ. Снѣгъ

давно уже начал таять, ручьи побѣжали по московскимъ улицамъ, по обширнымъ огородамъ; сбѣгаютъ они съ холмовъ и съ пригорковъ. Изъ-подъ талаго снѣга кое-гдѣ земля начинаетъ видѣться, ростки травы прошлогодней показываются. Вотъ и совсѣмъ нѣтъ снѣга, только еще мѣстами лежитъ онъ хрупкій и прозрачный и быстро таетъ отъ лучей вешнихъ. Морозная тишина невозмутимая замѣнилась веселымъ шепетаньемъ безчисленныхъ птицъ, невѣдомо откуда налетѣвшихъ, все оживилось и кишитъ новой жизнью и спѣшить насладиться недолгимъ теплымъ временемъ. Мало по малу опускаются деревья, трава всюду зазелѣла, цвѣты желтые зацвѣтѣли. День за днемъ идутъ и проходятъ такъ быстро, что оглянуться не успѣши; цвѣтеть ужъ черемуха, вотъ и вѣтки сирени почернѣли и того гляди распустятся, а юный Императоръ все на охотѣ: въ Верховный Совѣтъ ужъ не заглядываетъ, еще неудержимѣе, чѣмъ зимою влечетъ его теперь любимая забава. Что въ городѣ, душно,—стѣны давятъ, жизнь тамъ такая скучная: одинъ и тѣ же рѣчи о дѣлахъ различныхъ. Ну пусть кому любо это, кому это нравится, тотъ и занимается дѣлами, а молодому мальчику въ лѣсъ теперь хочется, въ широкое свѣжее приволье.

Душистый бальзамическій весенній воздухъ такъ и вливается въ грудь и возбуждаетъ въ ней новыя чувства; неясныя, причудливыя, почти безформенныя, но могучія грезы со всѣхъ сторонъ наплываютъ. Куда-то летѣть хочется, хочется чего-то невѣдомаго, блаженнаго, что и близкимъ и далекимъ кажется, и ничѣмъ ужъ теперь не заманишь юнаго Императора во дворцовыя покои, да и не кому заманивать. Давно ужъ отступился отъ воспитанника своего баронъ Андрей Ивановичъ и весь ушелъ въ дѣла государственныя, да въ свои дѣла личные.

Какъ ни хитрилъ, какъ ни обхо плъ кругомъ всѣхъ Андрей Ивановичъ, а все успѣлъ онъ поссориться съ молодымъ фаворитомъ Иваномъ Долгорукимъ. Тотъ на него теперь при всякой встрѣчѣ напускается, ни передъ кѣмъ не скрываетъ своей вражды къ нему. За то съ отцомъ фаворита, Алексѣемъ Григорьевичемъ, большая теперь дружба у барона Остермана. Частенько сталъ заглядывать Андрей Ивановичъ въ палаты Долгорукихъ и всегда тамъ ему радушная встрѣча.

Государь по обычаю на охотѣ; съ нимъ и Иванъ Алексѣевичъ. Но князь Алексѣй Григорьевичъ на этотъ разъ не поѣхалъ—поздоровилось ему что-то и остался онъ дома. Сидитъ онъ у себя, въ окно смотритъ открытое, а передъ нимъ Андрей Ивановичъ, толкуютъ, и все о томъ же Императорѣ и его фаворитѣ. Жалуются Алексѣй Григорьевичъ на сына.

— Какой онъ мнѣ сынъ,—говоритъ онъ барону,—онъ моей погибели только хочетъ.

— Ну ужъ и погибели, больно ты князь Алексѣй на слова невоздержанъ. Какъ можетъ этакое статься? Не погибели твоей хочеть, а просто удержу себѣ не знаетъ и ничего съ нимъ сдѣлать невозможно.

— Да это точно, совсѣмъ отъ рукъ отбился, избаловали его. Вѣдь вонъ намедни простудился это онъ на охотѣ, разболѣлся, говоритъ; да какое тамъ разболѣлся, просто привередничаетъ, а вѣдь Государь-то прѣхалъ, ни на минуту не выходилъ отъ него, такъ и спалъ въ его комнатѣ, вотъ какая у нихъ нынче дружба. Право, сажу это я теперь не при Государѣ вотъ, и страхъ беретъ меня, того и жду, что по милости сынка попаду въ немилость.

— Пустое,—опять замѣчаетъ Остерманъ, а самъ думаетъ: вотъ глупый человѣкъ, даже сыну завидуетъ.

А князь Алексѣй Григорьевичъ какъ будто бы отвѣчаетъ на его мысль.

— Право другъ, Андрей Ивановичъ, такъ теперь помышляю, хотъ бы за что про что, а возненавидѣлъ бы

его Государь, удалилъ бы отъ себя, другого кого бы на его мѣсто въ друзья выбралъ, только кто бы тебѣ былъ угоненъ да друженъ съ тобою.

Андрей Ивановичъ благодаритъ князя за такую любовь къ себѣ и собирается прощаться—не втерпежь ему эти глупыя рѣчи, любить онъ съ умными людьми вести компанію, а нѣтъ такихъ, такъ ужъ лучше потолковать самому съ собою, да и не очень ужъ нуженъ ему теперь Алексѣй Григорьевичъ. Сразу съумѣлъ хитрый нѣмецъ забрать его въ руки, теперь онъ ему милѣ сына родного сдѣлался, не уйдетъ теперь отъ него; во всякую минуту однимъ словомъ его вернуть къ себѣ возможно, и уходитъ Андрей Ивановичъ. Князь остается со своими тревогами и мыслями о томъ, что вотъ-вотъ родной сынъ наговоритъ царю на отца. А сынъ ни о чемъ дурномъ не думаетъ, противъ отца не злобствуетъ: ему бы самому хорошо было, а другимъ онъ мѣшать не станетъ. Другое дѣло баронъ Остерманъ: претить ему Андрей Ивановичъ, не выносить онъ глазъ его хитрыхъ, его мягкихъ кошачьихъ хватокъ, фальшивый въ немъ человѣкъ ему чудится, а князь Иванъ любитъ русскихъ людей—чтобы всѣхъ на распашку—нѣмцевъ не долюбываетъ, ему бы хотѣлось совсѣмъ уволить всѣхъ нѣмцевъ, чтобы не лѣзли со своимъ совѣтами, не мѣшались въ дѣла русскія. Хотѣлось бы ему вернуть старую русь, позабыть совсѣмъ о Петербургѣ, зажить въ Москвѣ широко и весело: пировать да веселиться, о завтрашнемъ днѣ не думать. Искренно любить онъ своего государя и друга, а если дурному его учить, такъ самъ хорошенько не знаетъ, дурное это или хорошее.

Безпутный человѣкъ Иванъ Алексѣевичъ, а все же душа у него широкая, добрая душа, только дѣйствительно никакого удержу себѣ не знаетъ. Вотъ онъ вернулся съ охоты, домой прѣхалъ. Отецъ тотчасъ же на него накинулся. „Что такъ долго пропадали? ты, молъ, всему причиной. Чай нивѣсть что нажужжалъ въ уши Государю, на всѣхъ наговорилъ, только бы тебѣ одному милости, душа твоя ненасытная.“

Пожимаетъ на эти непутныя рѣчи плечами Иванъ Алексѣевичъ. Онъ уже привыкъ къ отцу и не принимаетъ въ серьезное его брань и попреки.

— Да перестань, батюшка,—тоскливо говоритъ онъ,—что я тебѣ дѣлаю, оставь ты меня въ покоѣ, или безъ меня наговорился со своимъ Остерманомъ, чай по косточкамъ перебирали меня, ну и удовольствуйся, обнимайся ты съ нѣмецкой клеатурой, а меня не трогай.

— Ну что ты лаешься,—кричитъ на него отецъ,—какъ ты смѣешь такого почтеннаго человѣка, какъ баронъ Андрей Ивановичъ, обзывать клеатурой.

— Давно ли же ты самъ такъ называлъ его, смѣется въ отвѣтъ Иванъ Алексѣевичъ.

Этотъ рѣзкій смѣхъ окончательно выводитъ изъ терпѣнія стараго князя, онъ накидывается на сына чуть не съ кулаками. А въ сосѣдней комнатѣ слышенъ шопотъ.

„Тамъ сестры, думаетъ Иванъ Алексѣевичъ. То-то чай Катюша радуется, что отецъ на меня накинулся, ненавидитъ она меня, а за что ненавидитъ, ужъ право не знаю. Я вотъ ее хочу царицей сдѣлать, а она меня ненавидитъ, всѣ какимъ-то извергомъ меня считаютъ, человѣконенавистникомъ—за что-жъ это, Господи, право ума не приложу? Одного желаю, чтобы оставили меня въ покоѣ, чтобы дали по душѣ повеселиться, не мѣшали бы моей жизни—такъ нѣтъ, не оставляютъ“.

Отецъ между тѣмъ кричитъ все громче и громче, страшнѣе и страшнѣе его упреки, тоска забирается въ душу Ивана Алексѣевича. Бѣжалъ бы изъ дому, не глядѣлъ бы ни на кого.

— Батюшка, да пощади ты,—отчаяннымъ голосомъ наконецъ выговорилъ онъ,—право послушать тебя—хуже я звѣря лютаго.

— А ты какъ о себѣ думаешь? кричитъ Алексѣй Григорьевичъ. Что-жъ ты полагаешь—никто изъ насъ твоихъ продѣлокъ не видитъ, ты полагаешь мы не знаемъ, что отъ всѣхъ отвращаешь ты Государя.

Бѣдный князь Иванъ совсѣмъ въ отчаяніи, ему давно ужъ надоѣли всѣ эти сомнѣнія, сцены, всѣ эти интриги, даже въ разгулѣ съ нѣкотораго времени не находятъ онъ прежняго веселья.

Казацкая удаля. Ловно наброшенная петля. Съ наброска англійск. корреспондента, грав. К. Вейерманъ.

— О, Господи, да когда-же? Кто можетъ сказать это, и кто отъ меня видѣлъ что дурное.
— Ты вонъ козни свои строишь теперь барону Ан-

„Эхъ, бросить бы все, уйти бы“, думается ему.
— Да коли такъ,—почти со слезами отвѣчаетъ онъ отцу,—коли вы точно всѣ обо мнѣ такъ думаете, такъ

Сборъ румынскихъ цырюльниковъ и парикмахеровъ для отправленія на войну фельдшерами. Съ наброска Д., грав. Рашевскій.

дрею Ивану, а того не согласишь, что умнѣе и полезнѣе этого человѣка найти невозможно. Глупъ ты, Иванъ, вотъ что, да и золь къ тому же.

идите къ царю, обнесите меня какъ нибудь, чтобъ онъ пересталъ любить меня, чтобъ онъ удалилъ меня отъ себя. Создателемъ клянусь—слова не скажу. Радъ бу-

Борьба въ Шипкинскомъ проходѣ. Солдаты Брячскаго полка и болгарская дружина, по не достатку патроновъ, забрасывающіе непріятеля камнями и бревнами.
По рисунку «Monde illustrée» г. Дьеса. грав. Вейерманъ Библиотека "Руниверс"

ду бросить все, только чтобъ меня въ покоѣ оставили, только чтобъ не слышать этихъ вѣчныхъ попрековъ, этихъ обидъ отъ родныхъ своихъ. Оставляю васъ всѣхъ, уйду, если мнѣ мѣста мало между вами! И онъ едва можетъ ужъ говорить отъ волненія и отчаянія и выбѣгаетъ изъ комнаты.

Увидѣвъ его, княжна Катерина отворачивается и выходитъ въ другія двери, даже и встрѣтиться съ нимъ не хочетъ.

Но въ комнатѣ еще кто-то, какая-то женщина. Она подходитъ къ князю Ивану и протягиваетъ ему свою руку. Она глядитъ ему въ глаза, глядитъ на лице его блѣдное и читаетъ въ немъ усталость, тоску и отчаяніе.

— Успокойся князь, — говоритъ она тихимъ голосомъ, — я все слышала, я понимаю, какъ все это должно тебя мучить и тебя теперь понимать начинаю; вѣрю я, что ты говоришь искренно и что ты совсѣмъ не таковъ, какимъ они тебя изображаютъ.

Странно было и отрадно слышать слова эти Ивану Алексѣвичу. Онъ жадно вслушивается въ тихій, ласкающій голосъ, говорищій ему, жадно всматривается въ чудное лицо, которое передъ его глазами. Мгновенно стихаетъ тоска его, онъ схватываетъ прятанную руку и прижимаетъ къ губамъ своимъ.

— Голубушка, Наталья Борисовна! — шепчетъ онъ, — спасибо тебѣ, что хоть ты за меня заступаешься, спасибо за слова твои добрыя, ими душа моя лечится.

Молодая графиня Шереметьева опускаетъ глаза, на которыхъ блестятъ небывалыя слезы. Хотя и слышитъ она прочь отъ князя Ивана, но съ нимъ остаются ея думы. А онъ по ея уходѣ остается неподвижно и самъ не знаетъ что съ нимъ такое. Никогда не встрѣчалъ онъ подобной дѣвушки, никогда не слышалъ подобнаго голоса. Что это за голосъ, ровно пѣсня соловьиная, что это за рѣчи такія, прямо до глубины души проникаютъ и не томятъ, не больно отъ нихъ, словно масло благоуханное по душѣ отъ нихъ разливается и смягчаетъ всѣ сердечныя боли. Чудная дѣвушка! и вспоминаются князю Ивану другія, быть можетъ, также красивыя, вспоминаются князю Ивану всякія его похождения любовныя—много ихъ у него было, а недруги невѣсты что про него рассказываютъ. Охъ, правы, правы эти недруги, совсѣмъ не знаетъ удержу своему сердцу князь Иванъ Алексѣвичъ. Многихъ дѣвичьихъ слезъ онъ причиною, много грѣха принялъ онъ на свою душу, надъ многими насмѣялся. Но не до смѣху ему, какъ подумаетъ онъ о Натальѣ Борисовнѣ, совсѣмъ на умѣ другое—святою какою-то она ему кажется.

V1.

Не снится графинѣ Натальѣ Борисовнѣ въ тишинѣ стараго отцовскаго дома. Еще недавно спокойно и ровно текла ея жизнь, не задавала себѣ трудныхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ молодая графиня, а вотъ съ нѣкоторого времени стало совсѣмъ другое, сама не знаетъ она, какъ это случилось, а только нѣтъ ужъ прежняго спокойствія—тревожно у ней на сердцѣ. Все думаетъ она, думаетъ какъ ей быть и что теперь дѣлать,—больно полюбился ей князь Иванъ Долгорукій. Многихъ молодыхъ людей видѣла графиня, много жениховъ за нее сватались, но не одинъ до сихъ поръ не сумѣлъ плѣнить ее, а вотъ князь Иванъ и не сватался, о сватовствѣ можетъ и не думать, а взявъ, да и вынулъ ея душу. И что въ немъ хорошаго нашла графиня? Что друженъ онъ съ Императоромъ, что въ почетѣ великомъ—такъ вѣдь это не можетъ привлекать ее. Ея отецъ всю жизнь былъ въ почетѣ, и ее съ дѣтства при дворѣ ласкаютъ, а богатства у Шереметьевыхъ столько, что и не сосчитать его; самую богатою невѣстою слыветъ Наталья Борисовна. Чѣмъ же полонилъ ее князь Иванъ, красотою что-ли?—но онъ далеко не

красавецъ; правомъ своимъ, добротою сердца, благороднымъ характеромъ—но совсѣмъ мало знаетъ его графиня, а слышитъ о немъ только одно дурное. Страшно даже припомнить все, что рассказываютъ про князя Ивана, такое рассказываютъ, что дѣвушкѣ зазорно и слушать, такое, чего при дѣвушкѣ и сказать невозможно. И знаетъ Наталья Борисовна, что если не все въ этихъ рассказахъ, такъ все же очень многое совсѣмъ вѣрно. Безупутную жизнь ведетъ князь Иванъ, забавы себѣ выдумываетъ все не хорошія, да и одинъ разъ сама своими глазами, совсѣмъ почти пьянымъ видѣла его графиня. Вѣжать бы подальше дѣвушкѣ отъ такого человека, противнымъ долженъ онъ ей казаться, а вотъ любить его, да любить Наталью Борисовну и ничего съ собою подѣлать не можетъ. Пришла эта любовь внезапно, въ одинъ мигъ какой нибудь и знаетъ красавица что не уйдетъ она, такъ на всю жизнь и останется—два раза любить не возможно. Да, точно, бѣда великая приключилась съ нею. Было ей изъ кого выбрать себѣ суженаго—первые женихи земли русской смотрѣли на нее, какъ на желанную невѣсту и ожидало бы ее тихое, семейное счастье, жизнь безъ борьбы и волнений, такъ нѣтъ же, не то судьба ей приговорила и отъ судьбы теперь уйти уже невозможно, любить она его, любить себѣ на погибель, а все же таки любить, и некому рассказать ей про любовь эту: всякій за нее бранить ее будетъ,—скрывать ее должна она, а скрывать ужъ скоро не хватитъ силы. Только и жива Наталья Борисовна, какъ мелькомъ увидитъ князя Ивана, только и радость у ней одна—скажетъ онъ ей ласковое слово. А видѣть его рѣдко приходится, вотъ до сихъ поръ онъ вниманію нпкакого не обращалъ на нее, будто ее и нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ, не о ней онъ думаетъ, у него что ни день, говорятъ, то любовь новая, а жениться, сказываютъ, напимѣтилъ онъ ужъ себѣ невѣсту—цесаревну Елисавету. Чтожъ это такое? Чѣмъ все это кончится? Только нѣтъ, нѣтъ—клеветуютъ на него люди, не таковъ онъ на самомъ дѣлѣ, какъ про него сказываютъ. Вотъ вѣдь сегодня, вотъ онъ былъ самъ собою. Она никогда не забудетъ его отчаяннаго голоса, никогда не забудетъ словъ его, а какое лицо у него было печальное, какъ онъ благодарилъ ее за участіе. Точно, и онъ одинъ на всемъ свѣтѣ и его никто не понимаетъ; все дурное, что есть въ немъ, такъ это наносное, придетъ другая жизнь—все съ него соскочитъ и слѣда не останется. Останется въ немъ только душа добрая, честная, и какъ ни великъ онъ теперь, какъ ни сіяетъ онъ, а все же онъ жалкій и несчастливый человекъ. Враговъ у него видимо не видимо—и нѣтъ ни одного истиннаго друга. Что Императоръ,—Императоръ такъ молодъ, ну, теперь любить, жалуется, а мало ли что быть можетъ? Только вѣдь однимъ Государемъ онъ и держится, а отвернись отъ него Петръ и всѣ отступятся, мало того что отступятся чужіе—родные, кровные накинута, погубятъ его, уничтожатъ. Нѣтъ, видно такъ оно нужно, чтобъ полюбила его Наталья Борисовна, чтобъ положила въ него всю свою душу. Когда нибудь можетъ быть покинутый и оставленный, несчастный и ненавидимый всѣми, придетъ онъ къ ней и тогда она ему покажетъ всю силу любви своей, отдастъ ему всю жизнь свою, спасетъ его отъ гибели, отъ отчаянія. А куда, куда, пусть никто не знаетъ, что творится въ ея сердцѣ, напрасно и ему то шепнула она сегодня ласковое слово—не стерпѣла, впередъ нужно быть осторожнѣе. Но Боже, еслибъ теперь какъ нибудь, чѣмъ нибудь можно было бы его удержать отъ всего, чѣмъ онъ позоритъ свою душу, только развѣ есть у ней для этого сила, что она ему? Чай съ глазъ она—и ни разу не вспомнить про нее князь Иванъ Алексѣвичъ. Утомленная такими тревожными тяжелыми мыслями, заснула наконецъ молодая графиня. А на другой день съ нею случилось то, чего она никакъ не ожидала. На всю

жизнь сохранился этотъ день въ ея памяти. Пріѣхалъ къ нимъ князь Иванъ Долгорукій, а и дома никого не было, одна молодая графиня. Такъ ему и доложили слуги. Слѣдовало ему уѣхать, но онъ непремѣнно желалъ видѣть Наталью Борисовну. „Да развѣ это возможно, подумала она,—что говорить будутъ! Но вдругъ какая-то рѣшимость овладѣла ею и она допустила къ себѣ князя.

— Вотъ спасибо большое тебѣ графинюшка, сказалъ онъ входя къ ней,—такъ я и ждалъ, что велишь гнать меня. А вѣдь все же напрасно ты это сдѣлала, напрасно меня впустила, вѣдь отъ меня, какъ отъ чумы, тебѣ нужно бѣгать, тебѣ и говорить то со мною должно быть зазорно. Неужь-то вразуму не боишься ты принимать у себя Ивана Долгорукаго?

Она подняла на него свои большіе глаза, она увидѣла его грустное лицо, и больно сжалось ея сердце.

— Чего-жь мнѣ тебя бояться?! тихо сказала она. Пусть другіе бояться, а я не боюсь, я тебѣ вѣрю. Я знаю, слышишь ли, знаю что ты меня ни чемъ не обидишь.

На грустномъ лицѣ князя мелькнула свѣтлая улыбка.

— Второй разъ спасибо, дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ онъ. Эти твои слова я никогда не забуду.

Онъ сѣлъ рядомъ съ графиней и начали они тихую бесѣду.

Вотъ онъ, думала она, давно ожидаемый случай, вотъ когда многое сказать можно, но хватитъ ли у ней силы, какъ начать-то?..

И она молчала въ смущеніи.

— А вѣдь я затѣмъ и ѣхалъ, графиня, чтобъ только взглянуть на тебя и поговорить съ тобою, отдохнуть немного. Никто до сихъ поръ не былъ со мною такъ ласковъ какъ ты, никто не показалъ мнѣ такого участія,—не знаю, чѣмъ заслужилъ я это—но мнѣ такъ дорого твое участіе, такъ дорого, какъ голодному нищему кусокъ хлѣба.

— Странно мнѣ все это слышать, отвѣчала Наталья Борисовна,—ты ли говоришь это? Что дома то бранять тебя, такъ въ какомъ дому разныхъ ссоръ не бываетъ, а кажись не тебѣ на свою жизнь ценять: живешь ты во все удовольствіе, только и знаешь, что веселишься, забавы себѣ разныя устраиваешь.

— Ахъ и ты тоже, махнулъ рукой князь Иванъ. Да пойми ты Наталья Борисовна, что нѣтъ мнѣ веселья въ этихъ забавахъ, надоѣли онѣ мнѣ, давно надоѣли—все одно и тоже ничего новаго не придумаешь, одно и тоже, а человѣку мало этого, да и противно къ тому же... все опротивѣло, тошно мнѣ жизнь мол.. Иной разъ и страшно за себя становится, за свою душу—многимъ я грѣшенъ Наталья Борисовна, развѣ не вижу, развѣ не понимаю, что такъ жить не возможно? Вотъ послѣднее время и Государь на меня сердится, что отставать начинаю отъ него, рѣдко на охоты съ нимъ выѣзжаю: „Тебѣ, говоритъ, со мною скучно, сказываютъ, ты безъ меня себѣ новыя веселья находишь“. А влянусь тебѣ, какъ передъ Богомъ истиннымъ, Наталья Борисовна, не нахожу я себѣ новыхъ веселій. Пусть говорятъ обо мнѣ что хотятъ, мнѣ все равно, только совсѣмъ не для затѣй разныхъ остаюсь я, не ѣзжу съ Государемъ, потому не ѣзжу, что тошно мнѣ глядѣть теперь на то, что тамъ творится. Понялъ я наконецъ какой страшный грѣхъ взяли мы всѣ на свою душу, полонили Императора, приучили его ко всему недоброму. Эхъ, кабы знала ты, что тамъ теперь дѣлается, да нѣтъ тебѣ нельзя и знать этого. Отецъ, скажу тебѣ, вчера на меня накинулся, все боится, что я отъ нихъ Государя отлучаю, да гдѣ-же мнѣ, еслибъ и хотѣлъ—они тамъ теперь сильнѣе меня становятся. Мнѣ тошно глядѣть на дѣла ихъ, за это они и сердятся. Право, иной разъ какъ думать начинаю, что нельзя такъ жизни продолжаться, такъ въ ту же пору хотѣлъ-бы наложить на себя руки

— Что ты, что ты, быстро перебила его графиня—побойся Бога, что ты говоришь! Я такъ радостно слушала тебя, а ты вдругъ такимъ непугливымъ кончилъ.

— Эхъ, Наталья Борисовна, вѣдь всего не выскажешь, а кабы знала ты, что со мной иной разъ дѣлается, такъ не изумилась бы моимъ чернымъ мыслямъ. Вѣрно, истину говорю, что позорная жизнь эта мнѣ опротивѣла, а другое.. ты не знаешь, не знаешь какъ мало у меня силы, воли надъ собою. Я понимаю дурное, хочу бѣжать отъ него, а не бѣгу—въ старыхъ грѣхахъ своихъ погрязая, и некому спасти меня.

Онъ печально замолчалъ и опустилъ голову.

Наталья Борисовна съ восторгомъ его слушала. То, что еще вчера ночью казалось ей невозможнымъ и далекимъ, то начинаетъ сбываться: онъ пришелъ къ ней измученный и несчастный пришелъ и ждетъ отъ нея спасенія. Вотъ онъ поднялъ опять голову и глядитъ на нее, все глядитъ, не отрывается. Какая нѣжность въ его взглядѣ! Графинѣ и отрадно и страшно. Она не можетъ вынести, не можетъ смотрѣть на него и смущенно то краснѣя, то блѣднѣя отъ него отвертывается.

— Зачѣмъ ты такъ на меня смотришь, въ волнсіи шепчетъ она,—мнѣ страшно отъ твоего взгляда, я не знаю, что онъ значить.

— А, поднялся князь Иванъ, и ты меня испугалась и тебѣ страшно.. Что-жь уйди, уйди, не пристало тебѣ дольше быть со мною, неуютный человѣкъ пришелъ въ твой домъ, уйди—тебѣ есть отчего меня бояться! Ну, гляжу я на тебя... и что-жь я скажу тебѣ, почему такъ гляжу—гляжу такъ потому, что полюбилъ я тебя Наталья Борисовна.

Она вздрогнула. Она точно хотѣла убѣжать,, но осталась неподвижною. Ея голова кружилась.

— Да я полюбилъ тебя, я... и должна быть позорна для тебя любовь моя. Кому только не говорилъ я о любви своей, кому только не лгалъ я—и точно также смотрѣлъ на тѣхъ кому лгалъ и мнѣ вѣрили. И я обманывалъ и не стыдно мнѣ было отъ моихъ обмановъ, и не жалко мнѣ было слезъ дѣвичьихъ. Бѣги, бѣги вѣдь и тебя обману такъ и надъ твоими слезами посмѣюсь я. Ну что-же ты не бѣжишь, бѣги!..

Но она не шевелилась.

— Что ты говоришь, опомнись князь, шептала она,—развѣ можно говорить это? Неужли и впрямь ты пришелъ надо мною издѣваться и обижать меня—не могу этому вѣрить.

— Нѣтъ я не издѣваться пришелъ надъ тобой, снова заговорилъ онъ,—я самъ не знаю что со мною. Я не лгу что полюбилъ тебя, я всю ночь глазъ не смыкалъ—о тебѣ думалъ послѣ твоихъ словъ вчерашнихъ и теперь мнѣ кажется, что еслибъ раньше запримѣтилъ я тебя, еслибъ раньше услышалъ твой голосъ, такъ многого бы не было. Мнѣ кажется, что въ тебѣ одной мое спасеніе и вотъ я пришелъ къ тебѣ, какъ безумный, рассказать все это и молить тебя отъ меня не отвертываться. Полюби меня Наталья Борисовна и спаси меня отъ самого себя.

Наталья встала передъ нимъ и взглянула ему прямо въ глаза, лицо ея было блѣдно, но серьезно и спокойно.

— Князь Иванъ, сказала она ровнымъ голосомъ,—мнѣ не слѣдъ тебя слушать, а я слушаю; мнѣ не слѣдъ тебѣ вѣрить, а я вѣрю. Еслибъ точно могла спасти я тебя—я спасла бы, но ты долженъ мнѣ доказать, что нуждаешься въ моемъ спасеніи и что я могу спасти тебя, если точно я что нибудь для тебя значу. Если точно ты обо мнѣ думаешь и не смотришь на меня такъ, какъ смотрѣлъ, до сихъ поръ, на всѣхъ, такъ ты долженъ найти дорогу къ моему сердцу. Обмануть меня не трудно; у меня одна только ограда отъ твоего обмана—мое къ тебѣ довѣріе, слышишь-ли ты, что я тебѣ вѣрю?... Князь Иванъ хотѣлъ броситься къ ней,

хотѣлъ взять ее за руку, но она не дала руки и отъ него отступила.

— Оставь, не трогай меня князь, сказала она,—пойди къ себѣ успокойся. Если точно знаешь грѣхи за собою, если точно противна тебѣ та жизнь, которую велъ ты до сихъ поръ, такъ найди въ себѣ силу отказаться отъ этой жизни, пайди въ себѣ силу уйти отъ грѣховъ своихъ. Знай, что каждый день, когда ты съумѣешь побороть себя, будетъ для меня днемъ счастливымъ и когда накопится нѣсколько такихъ дней, тогда приходи ко мнѣ новымъ человекомъ и расскажи мнѣ все, расскажи всю твою душу и я буду помогать тебѣ, и буду за тебя радоваться. Такимъ, какимъ былъ ты до сихъ поръ я не могу, не должна, не смѣю любить тебя; если же ты съумѣешь быть другимъ, съумѣешь очиститься, тогда я буду любить тебя, а теперь оставь меня, прощай.

И князь Иванъ не на шель ничего сказать ей. Онъ видѣлъ, что она въ рукахъ его, онъ видѣлъ, что она ужъ его любитъ, но онъ не хотѣлъ пользоваться своею властью надъ нею. Онъ взглянулъ на нее съ восторгомъ, и даже не осмѣлившись протянуть ей руку, простился и вышелъ изъ Шереметьевского дома.

VII.

Баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ занималъ небольшой домъ, недалеко отъ дворца. У него здѣсь все было такъ же просто, какъ и въ Петербургѣ: онъ все еще считалъ себя на бивуахѣ, все еще надѣялся на скорый переѣздъ въ Петербургъ. Но теперь съ каждымъ

днемъ все слабѣла и слабѣла эта надежда, каждый разъ, возвращаясь изъ дворца онъ велъ долги бесѣды съ женой, и грустны бывали эти бесѣды. Положеніе барона было все также тяжело: онъ видѣлъ что его вліяніе на бывшего воспитанника, котораго номинально онъ и теперь считался еще воспитателемъ, окончательно ослабѣло: Петръ совсѣмъ выбился изъ рукъ.—Въ немъ вдругъ произошла быстрая перемена къ худшему. Еще недавно не смотря на лѣнь и страсть ко всевозможнымъ забавамъ, Андрей Ивановичъ часто подмѣчалъ въ немъ любознательность, радовался его прекраснымъ способностямъ, его живому уму, но теперь, подъ вліяніемъ той безобразной компании, въ которую попалъ юноша, его горизонтъ сужился. Онъ пересталъ интересоваться тѣмъ, чѣмъ слѣдовало ему интересоваться, помышлялъ только о весельѣ, объ охотѣ, о разнаго рода непозволительныхъ шалостяхъ; сталъ очень любить нескромные разговоры, къ которымъ приучали его окружающіе и въ особенности старика Алексѣя Долгорукаго. Ну, а Андрей Ивановичъ не любилъ и не умѣлъ вести

нескромныхъ разговоровъ, да и во всякомъ случаѣ ни за что въ мирѣ не позволилъ бы себѣ онъ ихъ при воспитанникѣ, не умѣлъ онъ также говорить и о собакахъ, не смыслилъ въ охотѣ: такимъ образомъ что жъ ему оставалось, чѣмъ могъ быть онъ пріятель Императору—ненависть къ нему со всѣхъ сторонъ; съ фаворитомъ вѣчныя ссоры. Конечно онъ все таки же всѣмъ нуженъ, не могутъ безъ него обойтись, но что жъ изъ этого? Онъ силенъ единственно разрозненностью

Сельскій почтальонъ. Рис. Доступинъ, грав. Скрыжевскій.

Борьба въ Шиплинскомъ проходѣ. Движеніе подѣ турецкими выстрѣлами транспорта съ боевыми снарядами и провіантомъ на мѣсто битвы.
По рисунку „Monde illustré“ г. Дикса грав. Вейерманъ.

своихъ враговъ, а соберись они въ крѣпкую партію, и ему не удержаться. Съ другой стороны тоже виситъ зло страшное надъ головою—совсѣмъ готовятъ погибель для Россіи враги петровскихъ порядковъ. Очевиднымъ становится, что и помышлять нечего о переѣздѣ двора въ Петербургъ. Ну, а если совсѣмъ въ Москвѣ останутся, такъ суцая приходитъ погибель: кажется никогда еще не было такого безначалія какъ теперь, пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и окажутся послѣдствія. Вѣдь подумать страшно, что теперь творится. Никто, какъ есть никто о завтрашнемъ днѣ не думаетъ, заняты только всѣ интригами, бессмысленными интригами, ни къ чему не ведущими, только чтобы грызться другъ съ другомъ. Всѣ рады, что хорошо и весело живется. Но онъ, баронъ Андрей Ивановичъ, смотритъ дальше, видитъ глубже, видитъ онъ тяжелыя и неотвратимыя вещи. Недолго все это будетъ такъ продолжаться, такая жизнь, какую ведетъ Императоръ, скоро, очень скоро, разрушитъ его крѣпкое здоровье, уложитъ его въ могилу—нельзя такъ насиловать природу, никакихъ силъ не хватитъ. Баронъ Андрей Ивановичъ грустно вздыхаетъ, ему вспоминается блѣдное, больное лицо великой княжны Натальи, которая еще вчера жаловалась ему очень на боль въ груди. Онъ давно уже замѣчаетъ, что она больна не на шутку, никакія лекарства ей не помогаютъ. Грустно, грустно это, а скоро умретъ цесаревна. Съ нею вмѣстѣ умретъ и послѣднее доброе вліяніе на юнаго Императора: все же теперь, когда онъ ужъ черезъ чуръ завеселится, она еще можетъ на нѣсколько дней удержать его, все же она направляетъ по временамъ его сердце, избавляетъ его отъ поступковъ несправедливыхъ, парализуетъ злое долгоруковское вліяніе. Пока она жива, Остерману нечего бояться немилости: кто другъ ей, тотъ другъ и

Императору, умретъ она—и все переменится. Вотъ еще вчера она обѣщала что всѣ свои послѣднія силы употребитъ на то, чтобы уговорить брата переѣхать въ Петербургъ, и въ этомъ послѣдняя надежда, умретъ она—тогда конечно, совсѣмъ забудутъ о Петербургѣ. И чѣмъ больше думаетъ Андрей Ивановичъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе для него становится, что недолго послѣ нея проживетъ Императоръ — совсѣмъ завертять его, надорвутъ его силы, уложить въ могилу. И кто знаетъ, можетъ все это случится даже очень скоро, чтожь тогда будетъ? Если никто объ этомъ не думаетъ, такъ онъ, Андрей Ивановичъ, подумать долженъ, чтобы такія событія врасплохъ не застали. На комъ же останется? Старая царица Евдокія Ѳеодоровна пожалуй возвыситъ свой голосъ, по вѣдь это не возможно—она сама въ гробъ смотреть, къ тому же съ нею та же Москва, та же погибель. Цесаревна Елисавета? съ нею можетъ меньше погибели для Россіи, но навѣрное погибель ему, Остерману,—не влюбилась его послѣднее время цесаревна, лады ихъ давно кончились: она его своимъ врагомъ считаетъ. Нѣтъ, если сберечь себя онъ хочетъ, такъ долженъ всѣми силами отстранять цесаревну. И онъ все думаетъ и передумываетъ, да такъ ушелъ въ свои мысли, что не слышитъ вопросовъ жены, ничего ей неотвѣчаетъ. Вотъ онъ всталъ, пошолъ въ свою спальню, снялъ съ себя старый, любимыи плафрокъ и одѣлся.

— Куда ты, спрашиваетъ Марѳа Ивановна.

— Къ одной персонѣ, таинственно отвѣчаетъ Андрей Ивановичъ и уходитъ изъ дому. Онъ идетъ во дворецъ, идетъ задними ходами въ уединенную дальнюю часть дворцоваго помѣщенія, гдѣ отведено нѣсколько комнатъ для герцогини Курляндской Анны Ивановны.

(Продолженіе будетъ).

СТОЛѢТІЕ Г. ТУЛЫ.

Въ нынѣшнемъ году исполнилось столѣтіе со времени открытія тульского намѣстничества.

Повелѣніемъ Императрицы Екатерины II, вслѣдъ за генеральнымъ размежеваніемъ Имперіи, открыто было тульское намѣстничество, именно въ 1777 г. Это намѣстничество заключало въ себѣ 12 уѣздовъ, которые остались въ немъ и при переименованіи его въ тульскую губ. (Указомъ 28 июня 1802 г.)

Собственно гербъ Тульѣ, въ честь ея оружейнаго завода, пожалованъ въ 1778 году. Гербъ этотъ изображаетъ на золотомъ фонѣ серебряный оружейный стволъ, горизонтально положенный на двухъ серебряныхъ шпажныхъ клинкахъ, лежащихъ на подобіе андреевскаго креста, концами внизъ; вверху и внизу этотъ гербъ вмѣстѣ кромѣ того по золотому молоту.

Такимъ образомъ оказывается, что и въ то отдаленное отъ насъ время, когда Императрица Екатерина учредила тульское намѣстничество, оружейный заводъ въ Тульѣ имѣлъ на столько значенія въ глазахъ Императрицы, что, при учрежденіи герба города Тулы, былъ принятъ въ основу этого герба.

Но прежде чѣмъ говорить объ исторіи тульского оружейнаго завода, находимъ небезынтереснымъ рассказать исторію самаго города Тулы.

Городъ Тула, какъ извѣстно, въ настоящее время расположенъ по обѣимъ сторонамъ р. Упы, при впаденіи въ нее—справа р. Тулицы, а слѣва Воронки и Рогожны, въ 175 вер. отъ Москвы.

Древняя Тула была не на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится: первоначально она была въ 15 вер. дальше на сѣверъ.

Тула—городъ весьма древній. Въ исторіи упоминается о ней подъ 1147 годомъ. Карамзинъ думалъ, что она названа именемъ жены Чанибека, царицы Тайдулы, которая въ XIV в. управляла Тулою чрезъ своихъ баскаковъ. Изъ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Олегомъ Рязанскимъ (1381—1382 г.) положено было, что бы Тула оставалась собственностью великаго князя Рязанскаго.

Переходя за сѣмъ во время удѣльнаго періода отъ одного князя къ другому, Тула въ 1516 г. присоединена была къ Москвѣ. По приказанію Василія Ивановича (сына Іоанна III) въ Тульѣ заложены первыя крѣпости, деревянная и каменная, а при Грозномъ и сынъ его Ѳеодоръ проведена была охранная сторожевая линия, имѣвшая своимъ центромъ Тулу.

Въ продолженіи XVI вѣка къ Тульѣ не разъ подступали татары. Замѣчательнъ славный подвигъ туляковъ въ 1552 г., когда многочисленная крымская рать Девлетъ Гирей и данные ему

ла помощь турецкимъ султаномъ янычары цѣлый день не могли взять Тулу, хотя и полусожженную огненными ядрами, по упорно защищаемую жителями.

Въ началѣ XVII столѣтія Тула имѣла за собой весьма недобрую славу: она служила сборнымъ пунктомъ преступниковъ и бродягъ, которые въ ней и ея окрестностяхъ находили безопасное для себя убѣжище. Нужно замѣтить, что власти того времени смотрѣли на это укрыпательство преступниковъ нѣсколько сквозь пальцы: были виды на ихъ подмогу еще во время Грознаго, а именно, ими падѣялась въ случаѣ военнаго времени охранить южныя границы государства. Такой взглядъ на защиту границъ, столь странный для нашего времени, оправдывался при Грозномъ и долго еще послѣ него держался.

За сѣмъ въ эпоху самозванцевъ Тула тоже заявила себя несомненно похвально. При первомъ Лжедмитріи туляне были на его сторонѣ. Въ Тульѣ онъ принималъ во временномъ дворцѣ пословъ изъ Москвы, знатнѣйшихъ вельможъ думы царя Бориса; здѣсь принималъ онъ государственную печать, ключи отъ кремлевской казны, одежды и царскіе доспѣхи. Отрепьева не стало, но чрезъ нѣсколько времени снова разнеслись слухи о его избавленіи и туляне опять вооружились, чтобы идти къ нему на помощь. Вождь ихъ Истомъ Пашковъ повелъ ихъ къ Москвѣ, но былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ Скопиннымъ. Остатки мятежниковъ бѣжали и засѣли въ Калугѣ и Тульѣ, къ нимъ присоединился Илейка, или Лжепетръ, мнимый сынъ царя Ѳеодора. Завязалась борьба съ царскими войсками, посланными для усмиренія мятежа. Василій Шуйскій, наконецъ, самъ принялъ начальство надъ войскомъ и подступилъ къ Тульѣ.

Осажденные сопротивлялись упорно, хотя и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Советники предложили Василію Шуйскому затопить Тулу. Слѣдую этому совѣту, онъ распорядился запрудить рѣку Упу деревянной плотиной, и такимъ образомъ поднять воду. Вода залила улицы, дворы, такъ что осажденнымъ пришлось переправляться изъ дома въ домъ на лодкахъ. Эта мѣра вмѣстѣ съ голодомъ заставила ихъ смириться. Главные изъ зачинщиковъ бунта обѣщались предать Шуйскому Тулу и самозванца Петра, если онъ своимъ царскимъ словомъ удостовѣритъ ихъ въ прощеніи. Василій Шуйскій зналъ, что второй Лжедмитрій приближался къ Тульѣ съ своими сообщниками, и потому поспѣшилъ дать мятежникамъ согласіе на прощеніе. Бояринъ Колычевъ вступилъ въ Тулу съ московскими войсками и взялъ Илейку.

Въ 1610 г. по мысли Лянунова и благословенію патриарха Гермогена, Тула ополчилась для избавленія Москвы отъ Поляковъ.

Въ 1613 г. подъ предводительствомъ гетмана Лисовскаго, поляки разорили Тулу и выжгли ея окрестности. Далѣе для защиты отъ татарскихъ набѣговъ при Михаилѣ Феодоровичѣ возобновлены тульскія засѣки; при Алексѣѣ Михайловичѣ вырытъ третій земляной городъ или *Завитай*. Въ этомъ же столѣтіи тульскіе жители получили многія права, особенно кузнецы и кирпичники (на договоры съ иностранными заводчиками), слѣдствіемъ чего было основаніе въ Тулѣ и ея окрестностяхъ заводовъ чугунно-литейныхъ, желѣзныхъ, оружейныхъ.

Вотъ какова исторія старой Тулы, рассказанная нами по возможности кратко, лишь въ предѣлахъ передачи читателямъ общаго понятія о томъ, какихъ событій и какихъ временъ этотъ старый городъ былъ свидѣтелемъ.

Обратимся теперь къ свѣдѣніямъ, касающимся развитія заводскаго дѣла въ этомъ городѣ.

Но прежде чѣмъ говорить о развитіи этого дѣла въ Тулѣ, пужно замѣтить, что въ Россіи первоначально выдѣлывали желѣзо изъ глыбовой руды, которая добывалась близъ бывшаго города Дѣдилова (въ 30 вер. отъ Тулы) и плавилась крестьянами въ ручныхъ горнахъ, нѣсколько схожихъ съ обыкновенными кузнечными. Желѣзная крица, разбитая ручными бадами въ небольшіе батоги, служила тульскимъ кузнецамъ для приготовления самоналовъ, которые по малому искусству мастеровъ и дурнымъ свойствамъ самаго матеріала, стояли гораздо ниже иностранныхъ. Голландскіе куницы, производившіе чрезъ архангельскій портъ самую дѣятельную торговлю съ Россіей, почти не имѣли соперниковъ въ продажѣ намъ всякихъ металловъ и всякаго оружія, назначая на нихъ самопроизвольно высокія цѣны. Одинъ изъ куницовъ голландскихъ, разслѣдовавъ качество желѣза въ Россіи, наконецъ основалъ близъ стараго тульского городища чугунно-литейные и водоудѣляющіе желѣзные заводы. Затѣмъ были устроены Ведменскіе заводы, вслѣдъ за ними и друг. Тогда только наши тульскіе казенные кузнецы начали учиться у иностранцевъ чужеземной заваркѣ ствольныхъ и прочимъ приемамъ оружейнаго производства. Само правительствомъ при выдачѣ грамотъ на открытіе заводовъ всѣмъ заводчикамъ и фабрикантамъ начало включать въ условіе обученіе „людей государевыхъ всякому желѣзному дѣлу“. Въ началѣ XVIII столѣтія тульскихъ кузнецовъ стали посылать за границу, а оттуда вывозить мастеровъ и механиковъ для улучшенія техническихъ работъ на тульскомъ оружейномъ заводѣ.

Здѣсь необходимо упомянуть нѣсколько въ сторону ко времену царя Феодора Иоанновича, при которомъ было положено основаніе класса тульскихъ оружейниковъ. Основаніе этому многочисленному сословию тульскихъ оружейниковъ положили 30 самопальныхъ кузнецовъ, которыхъ Федоръ Ивановичъ по просьбѣ ихъ, приказалъ поселить на казенной оброчной землѣ, уволивъ отъ всякихъ посадскихъ податей и земскихъ повинностей, за исключеніемъ ежегоднаго взноса 10 р. во владимірскій приказъ. Михаилъ Феодоровичъ, подтвердивъ полученныя льготы, освободилъ ихъ отъ поста и платежа оброка, для болѣе успѣшнаго хода ихъ работъ. При Петрѣ Великомъ сначала (въ 1701 г.) велѣно было „принять въ тульскую казенную слободу оружейныхъ мастеровъ, всякаго званія людей, откуда бы они не были“, а 10 лѣтъ спустя (1711 г.) предписывалась сенатскимъ указомъ „изъ разныхъ губерній послать въ Тулу молодыхъ ребятъ, которые кузнечному и стожарному дѣлу заочными и учить ствольному, замочному и ложевому дѣлу оружей и пистолетовъ“.

Когда тульское желѣзо, по его мягкости уступающее только сибирскому, было наконецъ признано за лучшее желѣзо въ Европейской Россіи рѣшено было укоренить оружейное дѣло въ Тулѣ и въ 1705 г. посланъ былъ дьякъ Андрей Бѣляевъ прискаать удобное мѣсто для постройки оружейнаго двора съ 50 горнами, съ избами для отдѣлки, амбарами для храненія. Дворъ былъ построенъ на берегу Уны, противъ церкви Вознесенія, (вслѣдствіи проданъ съ публичнаго торга). Настоящій оружейный заводъ получилъ свое правильное основаніе только вслѣдствіе указа 15 февраля 1712 г. Устроенъ онъ былъ тогда по плану, сдѣланному кузнецомъ Маркомъ Сидоровымъ (иначе Красильниковымъ), а окончень солдатовъ Ораниенбургскаго батальона Яковимъ Батищевымъ, который къ водоудѣляющимъ машинамъ (для сверленія, обтачиванія и бѣнія ствольныхъ), устроеннымъ на Улѣ, прибавилъ еще разныя машины для наружной и внутренней отдѣлки ствольныхъ, собственного изобрѣтенія.

Сдѣланныя въ наше время измѣненія какъ во многихъ частяхъ заводскихъ построекъ, такъ и въ самомъ ходѣ оружейнаго дѣла, не уменьшаютъ значенія заслугъ первыхъ заводскихъ строителей и мастеровъ, которые, въ то уже весьма отдаленное отъ насъ время, умѣли поставитъ заводское дѣло значительную степень достоинства. Само собою понятно, что подъ вліяніемъ могучей воли и энергіи Петра Великаго заводское дѣло въ Россіи росло и спорилось, и тульскіе мастера воодушевлялись въ своей дѣятельности. Но такъ шло только пока живъ былъ Петръ Великій.

По кончинѣ Петра Перваго дѣло на тульско-оружейномъ казенномъ заводѣ стало мало по малу падать, заводъ все болѣе и

болѣе разрушался, и дошло до того, что работы на немъ вовсе прекратились. Съ того времени кузнецы работали по домамъ и квартирамъ. Въ 1778 г. учреждена была коммисія для составленія проекта постройки новаго каменнаго завода на томъ мѣстѣ, гдѣ можно пользоваться водами Уны и Тулицы. Проектъ удостоился одобренія Императрицы Екатерины II и такъ какъ не оказалось нужныхъ на постройку суммъ, то и рѣшено было на первое время построить временной деревянный, (сгорѣвшій послѣ 52 лѣтнаго существованія). Вмѣстѣ съ планомъ, Высочайше утвержденнымъ 1782 г., вышло положеніе, которымъ опредѣлился образъ управленія казенными и приписанными къ заводу крестьянами Тульской губ. При Павлѣ открыто заводское правленіе. По восшествіи на престолъ Александра I на тульскомъ заводѣ осуществились всѣ перемѣны и улучшенія, которые до этого времени существовали только въ проектахъ и предположеніяхъ.

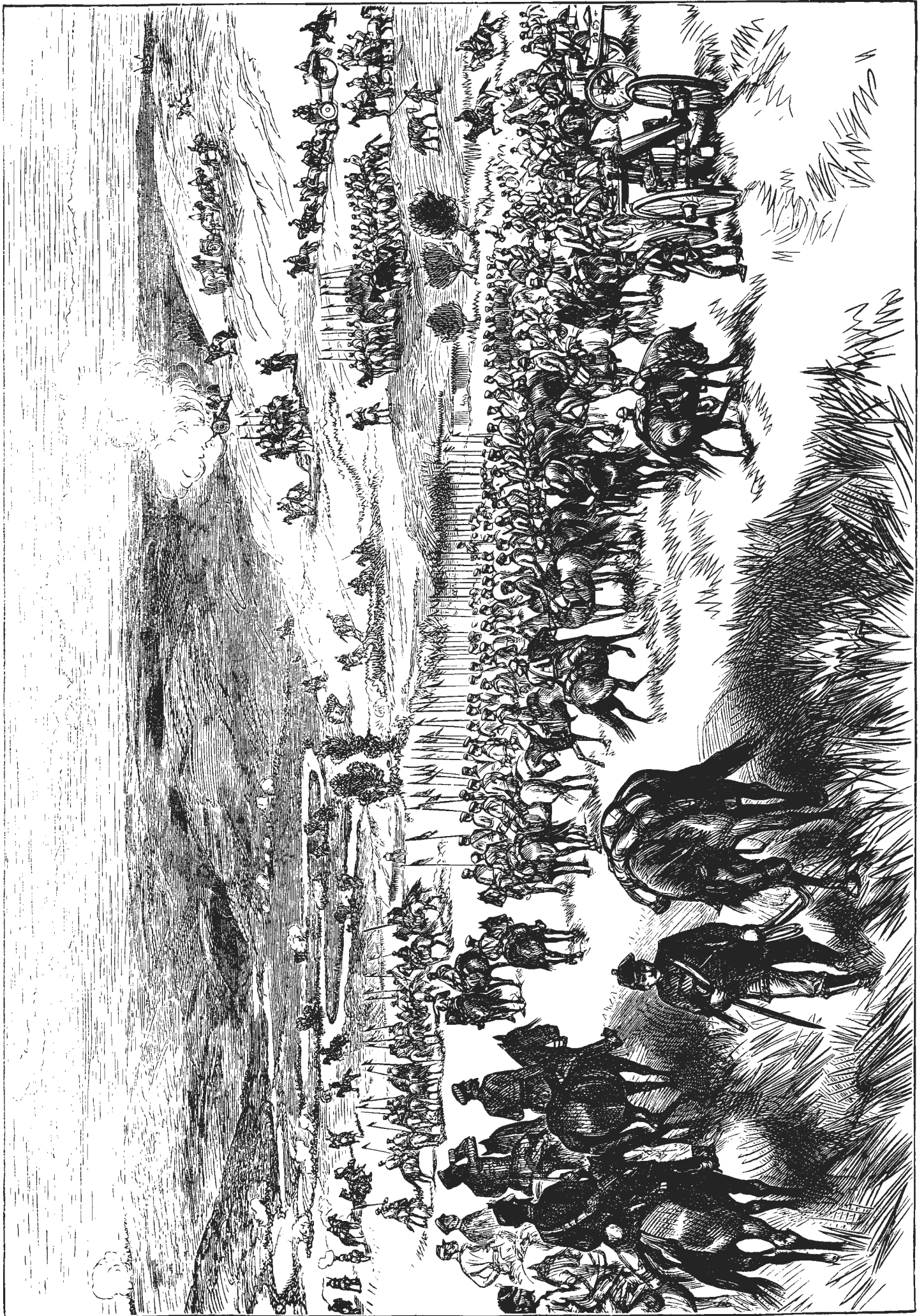
Въ это царствованіе были зачислены оружейниками крестьяне (310 д.), купленные правительствомъ у оберъ-егермейстера Нарышкина и размѣщены по цехамъ на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ вѣкогда устроились первые чугунно-литейные и желѣзные заводы тульской губерніи. При Александрѣ I возобновлены были всѣ заводскія зданія и построены новыя. Въ 1812—1814 г. Тула могла приготовить до 13,000 разноколиберныхъ ружей ежемѣсячно. Нужно замѣтить, что, подобно тому, какъ въ настоящее время война открываетъ намъ на многое глаза и представляетъ на видъ многіе наши недостатки, такъ точно и въ то время было: война 1812 года тоже открыла то, что не могли мы русскіе до ея начала замѣтить. Она доказала необходимость и пользу лучшаго устройства оружейнаго дѣла.

Блестящій періодъ въ исторіи Тульского оружейнаго искусства можно назвать 1817 г., когда командиромъ завода сдѣланъ былъ генералъ-майоръ Штаденъ, а механикомъ Джонъ-Джонсъ. Первый все приводилъ въ порядокъ и устройство, — второй преобразовывалъ заводскія работы. Нѣкоторые введенные послѣднимъ способы и изобрѣтенныя станки сдѣлали имя его извѣстнымъ и заслужили ему славу. Правительство съ своей стороны также содѣйствовало къ улучшенію заводскаго дѣла. Утвержденъ былъ для тульскаго завода штатъ; возвышено содержаніе всѣхъ находящихся на заводѣ чиновниковъ, приведены въ ясность разныя ихъ обязанности. Оружейникамъ даны права мѣщанъ и цеховыхъ, разрѣшено торговать собственными издѣліями и отпускать ихъ за границу, выходить въ купечество, заводитъ фабрики и брать изъ казны, какъ вспомоществованіе, на заведеніе ихъ: желѣзо (до 25000 п. ежегодно) сталь, уголь и проч. по цѣнѣ, во что они обходятся заводу. Пострадавшимъ отъ пожаровъ назначено получать безвозмездно строевой лѣсъ изъ казенныхъ засѣкъ или за указные проценты, пользоваться заимообразно денежнымъ вспомошествованіемъ изъ такъ называемой ссудной кассы. Для совѣщаній о пользахъ и нуждахъ общественныхъ, оружейные мастера получили право выбирать изъ среды своей до 60 человѣкъ, такъ называемыхъ *сотень*, которые по большинству голосовъ и по утвержденіи командира назначаются на разныя присяжныя должности. Для больныхъ построено военный госпиталь и заведена аптека, для престарѣлыхъ богатыря, для дѣтей школа.

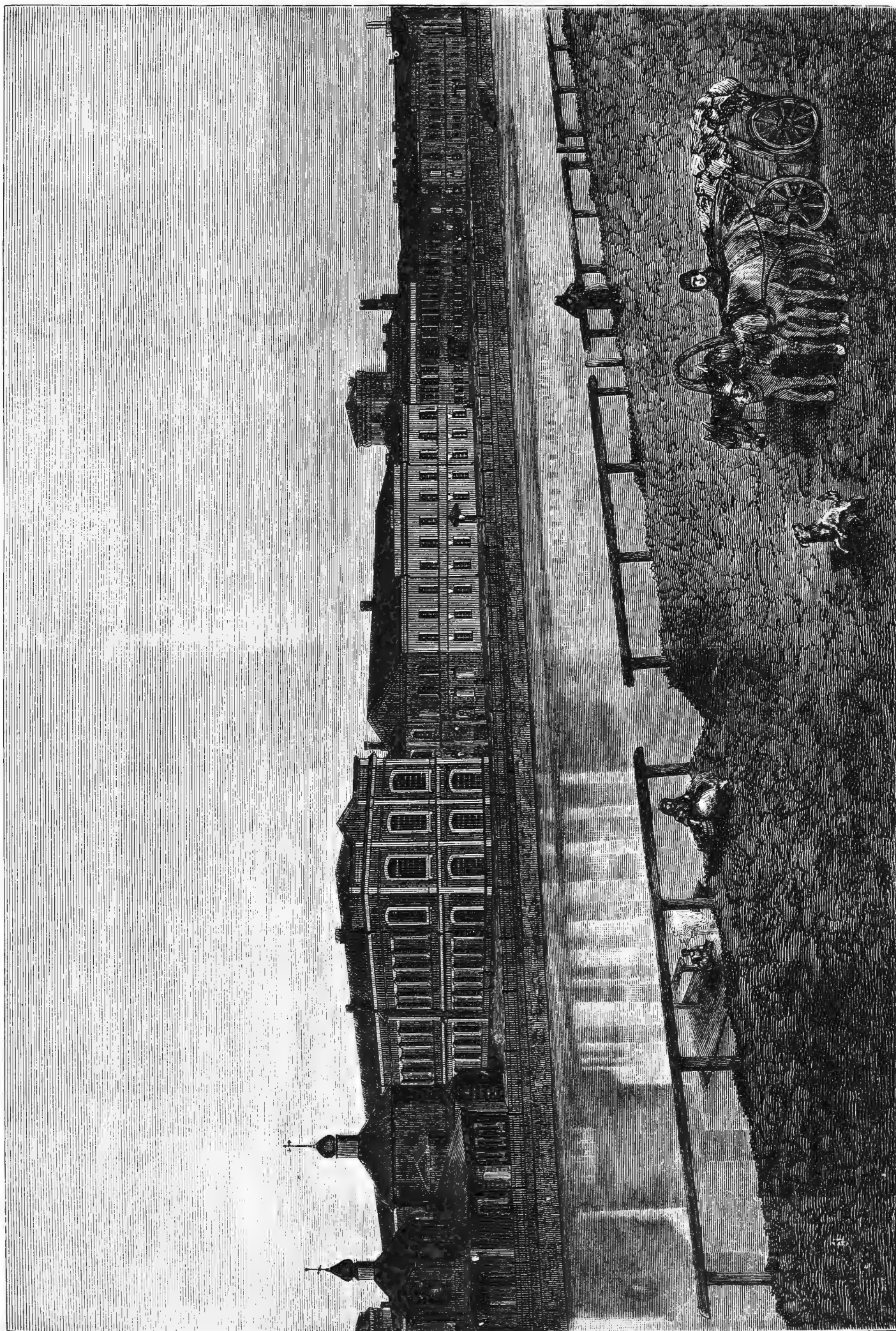
Взавлеченіе считаемъ нужнымъ замѣтить, что желѣзныя руды въ тульскомъ губ. находятся особенно въ большомъ изобиліи въ засѣкахъ (*мсахъ*) Малиновской и Щегловской. Но самое обильное рудное мѣсто находится въ дачахъ Демидова въ с. Рвахъ. Впрочемъ желѣзо, тамъ добываемое, отвозится все на заводъ Демидова въ Калужскую губ. въ д. Дубку.

Въ настоящее время въ Тулѣ кромѣ вышеупомянутыхъ казенныхъ производствъ находятся чугунно-литейные, колокольные, самоварные и друг. заводы. Кромѣ того городъ славится извѣстнымъ заводомъ стальныхъ издѣлій. Вообще весь городъ Тула носитъ колоритъ рабочаго города. Много очень бѣдныхъ лачугъ, напоминающихъ столь извѣстную избушку на курьихъ ножкахъ. Въ каждой изъ такихъ лачугъ живутъ рабоче, въ тѣснотѣ и грязь, много лачугъ заняты женщинами, работающими тоже на фабрикахъ: свердильницами, наждашницами и т. п. Много лачугъ занято рабочими, дѣлающими гармони, токарями, слесарями и т. п. Въ несправдочные дни слышится тамъ и слымъ немолчный стукъ молотовъ, то въ перемежку, то вдругъ обрушивающихся на отчаянную металлическую массу. Иногда вдругъ среди неожиданно выдавшейся минуты общей тишины послышится звукъ гармонистки: то мастеръ для пробы тронувъ ее; или жужжаніе токарнаго станка, сопровождаемое тихой пѣсней рабочаго. Но не успѣютъ эти звуки стихнуть, какъ опять зашумитъ и застучитъ тамъ и слымъ молотъ. Изъ трубъ фабрикъ, то медленно ползутъ мутно-красныя искры, то зияетъ по временамъ пламя и долго, долго въ темные зимніе вечера ярко свѣтятся окна фабрикъ.

Въ праздники — помимо кабака нѣтъ удовольствій и радостей, такъ необходимыхъ послѣ долгихъ трудовъ. До сихъ поръ въ Тулѣ нѣтъ никакихъ развлеченій для трудящагося всю жизнь свою рабочаго, и идетъ этотъ рабочий въ кабакъ, единственное мѣсто забавенія вѣчной нужды. И этотъ кабакъ, такъ же властвовалъ надъ большинствомъ тульскаго населенія въ дореформенный періодъ настоящаго царствованія, какъ властвуетъ и теперь.

Форсированная рекогносцировка генерала Лопкарева въ долинь р. Вида. Съ наброска К. Б., грав. Рашевскій.

Столітній юбилей города Тулы. (Со времени образованія тульскаго намістничества).
Общій видъ Тульскаго оружейнаго завода. Съ фотогр. рис. Бренке, грав. Вейерманъ.

Нельзя сказать чтобы всё „реформы“ послѣдняго десятилѣтїя способствовали хотя сколько нибудь улучшенію быта и нравовъ заводскихъ мастеровъ и рабочихъ. Не будетъ большаго несправедливости, если мы замѣтимъ, что съ этой стороны, т. е. со стороны улучшения быта и нравовъ тулякъ, дѣло что-то туго подвигается впередъ. Собственно есть прогрессъ и очень даже значительный... но только въ увеличеніи числа питейныхъ заведеній. Грустно это и больно... Но, должно быть что, наша частная грусть и страданія при видѣ нежелательнаго этого прогресса не имѣетъ еще той силы и значенія, чтобы препятство-

вать ему. Должно быть мало еще у насъ русскихъ такихъ свойствъ, которыя могли-бы противустоять давленію такого прогресса и оборотъ его, какъ одно изъ величайшихъ золъ, дающихъ въ нашей жизни все хорошее.

Но когда-же и гдѣ тотъ желанный свѣтъ, который освѣтитъ темные углы нашей родины вообще и въ частности темные углы тульской заводской жизни съ ея бѣдностью, нерашиемствомъ и пороками, этими законными дѣтьми того прогресса, о которомъ намъ пришлось здѣсь сказать?

Д. Стахѣевъ.

Эпизоды изъ защиты Шипкинскаго прохода въ Балканахъ.

„Нива“ имѣла случай помѣстить уже нѣсколько рисунковъ, составляющихъ эпизоды изъ знаменитой защиты Шипкинскаго прохода въ Балканахъ. Помѣщаемые въ этомъ номерѣ два рисунка относятся ко времени этой же знаменитой защиты, рассказы о которой, по всей вѣроятности, еще долго, долго, будутъ появляться одинъ за другимъ, дополняя и выясняя значеніе подвига нашихъ воиновъ.

Защита эта—дѣйствительно подвигъ и безпримѣрный по необычайной стойкости и беззаветной храбрости русскихъ войскъ. И какъ бы мы высоко не ставили этого подвига—намъ его не оцѣнить во всей его силѣ и значеніи. Оцѣнка его принадлежитъ исторіи, которая имена героевъ Шипки обезсмертитъ на вѣки вѣчные.

Мы, современники, не имѣемъ возможности исполнѣть оцѣнить значеніе того или другого эпизода настоящей войны. Казалось бы это странно и невѣроятно, казалось бы, кому же какъ не намъ, должно принадлежать право оцѣнки и опредѣленія значенія ея эпизодовъ. Но если всмотрѣться поглубже въ то положеніе, въ какомъ мы находимся, по отношенію къ совершающимся на театрѣ войны событіямъ, то явится именно такой выводъ, что не намъ принадлежитъ оцѣнка этихъ событий. Событія эти еще совершаются, они еще идутъ одно за другимъ, они еще не вошли въ опредѣленные имъ самымъ ходомъ войны рамки, не завершились, и вотъ поэтому то мы не можемъ высказать о нихъ своего рѣшающаго сужденія. Мало того, во многихъ случаяхъ, мы, нечуждые увлеченій успѣхами, огорченій неудачами, не можемъ имѣть спокойнаго, трезваго взгляда на эти событія. Послѣдствія ошибокъ кажутся ужасными, незначительныя удачи—большими. Словомъ, мы еще сами участвуемъ въ ходѣ того или другого эпизода войны и не можемъ видѣть его во всемъ его объемѣ, подобно тому, какъ человекъ, идущій въ толпѣ, не видитъ всей толпы, а только нѣсколько лицъ, его окружающихъ.

Будетъ время, завершатся событія, подведутся итоги имъ и только тогда нашимъ глазамъ во очію предстанутъ во всемъ своемъ поистиннѣ изумляющемъ величій наши безпримѣрные русскіе герои, эти „воины Христовы“.

Одинъ изъ рисунковъ (см. стр. 653) относится къ первымъ днямъ защиты Шипки и именно къ третьему дню, когда еще на помощь нашимъ войскамъ не подоспѣли подкрѣпленія, когда боевые снаряды были израсходованы и неприятель съ остервенѣніемъ подступалъ все ближе и ближе. Этотъ именно моментъ, послѣдній моментъ предъ самымъ приходомъ подкрѣпленій, изображаетъ рисунокъ. Наши воины уже начали отбиваться бревнами и камнями, бросая ихъ съ кручи на лѣзущихъ снизу въ гору турокъ.

Но вотъ подоспѣли подкрѣпленія и вздохнули свободнѣе доблестныя наши войска Бранскаго полка и Болгарскія дружины, три дня, какъ сказано выше, защищавшія Шипку.

Генералъ Радецкій (см. „Ниву“ № 28), пришедшій въ этотъ моментъ на помощь имъ, въ карьеръ взлетѣлъ по крутой горѣ на брустверъ батареи, откуда открывалась вся атака турокъ внизъ и куда градомъ сыпались пули. Радецкій отсюда осматривалъ позиціи, оставаясь спокойнымъ подъ убійственнымъ огнемъ неприятеля. Когда стрѣлки, расположившіеся у первой батареи и на окраинахъ дороги по лѣвую сторону и дружина наверху, увидѣли нашъ отрядъ, по всѣмъ гребнямъ нашихъ позицій раздалось такое дружное и энергичное ура, что оно на минуту покрыло и трескотню выстрѣловъ и гвалтъ турецкой атаки, озлобленно и неустоиво переходившій съ одной высоты на другую. Свѣжіе батальоны стрѣлковъ моментально, не ожидая приказаній, кинулись на гору и залегли на ея карнизахъ.

Наступленіе турокъ шло по лощинѣ, образуемой выгибомъ горы св. Николая. Лощина эта покрыта лѣсомъ почти до вершины гребня. Лучшіе таборы Сулеймана-паши неустоиво шли по ней вверхъ, не обращая вниманія на самый убійственный огонь стрѣлковъ.

— Покажите имъ скорѣе пушки, приказалъ генералъ Радецкій командиру горной батареи Орлову. Несмотря на крутой взбѣздъ, лошади быстро взвезли четырехъ фунтовыхъ орудій къ брустверу и черезъ нѣсколько времени въ общемъ гвалтѣ и трескотнѣ атаки грянули мѣдныя жерла, бросая прямо въ лицо атакѣ свои гранатныя гранаты. Первая проба оказалась удачной. Гранаты разорвало въ копошившейся по скату горы массѣ красныхъ фесокъ.

Очевидецъ, передавая этотъ день битвы, рисуетъ слѣдующую картину.

„...Внизу правильныя колонны турокъ, точно на маневрахъ развертывавшія свой строй, рядомъ карнизъ горы зубами и зигзагами, весь точно оцѣпнившійся ружьями. Особенно поразительна была одна скала. Она выдавалась вся въ блесковомъ сумракѣ тихаго вечера карнизомъ. На ней по самому краю плашмя залегли стрѣлки. Подъ скалою туманъ, кругомъ все ушло во мглу.

Стрѣльба глушила насъ... Вся гора одѣлась въ огневую кайму. Гремѣло и сверху и снизу. По атакѣ сбили и справа и слѣва, на краю дороги тоже работали стрѣлки по отдѣльнымъ толпамъ, подступавшимъ оттуда, чтобы раздѣлить наши силы. Сначала это было какой-то хаосъ, потомъ ухо пріучилось находить въ немъ нѣкоторую правильность. Грохотъ залпа разомъ, моментъ тишины, прерываемый только криками „алла!“ внизъ и затѣмъ огонь на выборъ, въ перемежку, а тамъ опять оглушительный залпъ... Турки внизу дрогнули. Замѣтивъ это, наши стрѣлки кинулись изъ своихъ прикрытій и стали сбгать внизъ по скату прямо на озлобленнаго врага, еще одинъ могучій перекатъ „ура“ и все внизу смято, свалавшееся въ одну массу, кинулось вспять... Турки бѣжали въ лѣса зеленыхъ горъ, обступившихъ лощину и почти въ каждомъ рву ея оставляя своихъ убитыхъ и раненыхъ“.

Послѣ трехъ сутокъ непрерывнаго боя—шипкинскій отрядъ могъ наконецъ успокоиться. Выстрѣлы раздавались только изрѣдка, но это было почти мертвою тишиною послѣ недавней свалки. Пушки горной батареи оказались какъ нельзя болѣе кстати. Грохотъ четырехъ фунтовыхъ орудій былъ для турокъ поэтому полною неожиданностью—и довершилъ дѣло, превосходно начато стрѣлками...

По окончаніи боя, сверху, на горѣ св. Николая, грянуло торжествующее ура, прокатилось по гребню внизъ и замерло въ лощинахъ отдаленнаго перевязочнаго пункта, чтобы начаться опять... Повторилось оно три раза, пока Радецкій не приказалъ замолчать...

— Затѣмъ ихъ останавливать теперь?

— Солдаты въ эту минуту очень нервны. Если не дать имъ до сна успокоиться—они и ночью во снѣ не найдутъ отдыха. Пригрезятся нѣкоторымъ турки—заорутъ со сна и всполошатъ всѣхъ на позиціяхъ.

Такія тревоги не разъ уже бывали. У турокъ случилось даже такъ, что они подняли стрѣльбу и въ безпамятствѣ много перебили своихъ.

Второй рисунокъ (см. въ этомъ № стр. 657) представляетъ движеніе подъ выстрѣлами неприятеля транспорта съ боевыми снарядами и провіантомъ на мѣсто битвы.

Несомнѣнный фактъ, подтверждаемый всѣми корреспондентами и русскими и иностранцами, что болгары съ опасностью жизни помогали русскимъ, доставляя и воду, и провіантъ, и боевые снаряды и перевоза раненыхъ. Очевидцы объ этомъ въ шестомъ днѣ битвы рассказываютъ что въ этотъ день съ одиннадцати часовъ утра дорога на гору св. Николая представляла очень оживленный видъ. Болѣе тысячи болгаръ изъ окрестностей и изъ Габрова явились сюда. У каждаго мулъ или осель, только у рѣдкихъ лошадей. Животныя были навьючены боченками съ водою. Сами болгаре несли по два кувшина въ рукахъ. Это они явились развозить воду по позиціямъ. И нужно отдать полную справедливость, они аккумулятно не пересажая развозили ее не самые отдаленныя занятые нами пункты. Нѣкоторые изъ нихъ смѣшивали воду съ виномъ. И не смотря на то, что у многихъ изъ нихъ убиты лошади и ослы, и сами они ранены—это не охлаждало ихъ усердія. Солдаты ихъ душевно благодарили. Въ описываемое время Болгары особенно оказали намъ услугу, можно сказать, они являлись спасителями, ибо трудно рѣшить, отчего мы болѣе страдали—отъ лужъ неприятеля или отъ жажды.

По всей дорогѣ, пишутъ очевидцы, растянулись эти добровольцы водовозы въ два ряда. Одинъ мѣрно съ полнымъ грузомъ, позвякивая колокольчиками, навѣшанными на ослѣхъ, взбирается вверхъ, другой спускается къ ключамъ, чтобы наполнить водою свои боченки и кувшины, и сейчасъ же опять итти въ гору. Около каждаго солдата останавливается болгаринъ.

— Братушка, вода!

— Дай, дай напиться, братушка... Спасибо тебѣ... И какая у тебя вода холодная.

Все время пути болгаринъ слѣдитъ, чтобы у него кувшинъ не обсохъ и такимъ образомъ сохраняя постоянную температуру. Раненымъ болгаре обмывали сами раны и, возвращаясь назадъ, везли ихъ на своихъ ослахъ. Въ этотъ палящій зной степень жажды была просто невообразимая. Солдаты не знали, чѣмъ и какъ благодарить за ихъ услуги. Противъ траншей гдѣ лежали наши, болгары останавливались съ водой, не

смотря на то, что представляли прекрасную цѣль для непріятельскихъ стрѣлковъ. Они, видимо, старались не обращать вниманія на опасность, а можетъ быть не одинъ изъ нихъ превозмогалъ себя и совѣтился своей трусости, вида какъ „братушко“ русскій спокойно смотреть на свистающіе кругомъ пули.

Орш.

КЪ РИСУНКАМЪ.

КАЗАЦКАЯ УДАЛЪ.

О казацкой удали издавна идетъ слава. Въ народной пѣснѣ о казакѣ поется, какъ о смѣтливомъ, ловкомъ и отважномъ воинѣ. Правда, изъ пѣсни слова не выкинешь, поется въ ней и о корыстныхъ наклонностяхъ удалого казака, но это не уменьшаетъ его способности на удалъ.

Рисунокъ передаетъ одинъ изъ случаевъ, когда казакъ ловко закинулъ арканъ на турка. Да и какъ было удержаться отъ представлявшагося случая. Турки, видимо, удирали, преслѣдуемые казаками (во время одной изъ рекогносцировокъ), убивать ихъ въ догонку—дѣло уже и прискучившее, да и доблести въ немъ особенной для казака нѣтъ: ну убилъ—и конецъ. Другое дѣло—живьемъ взять, къ тому же вдругъ представляется такой случай, что можно „подцѣпить“ не только „простую турку“, а даже еще и чиновную, при томъ порядочныхъ по объему размѣровъ.

— Должно—неряной! мелькаетъ въ головѣ казака мысль, и онъ еще сильнѣе поддаетъ шпоры своему коню.

Лошадь подъ туркомъ между тѣмъ все уменьшаетъ бѣгъ, а казацкая все прибавляетъ.

— Аллахъ! взываетъ догоняемый и сердце его уже замерло при мысли—вотъ сейчасъ и смерть, сейчасъ пуля свалитъ его.

Ишь, жирный какой! опять мелькаетъ у казака въ головѣ мысль, и затѣмъ съ быстротою принимаетъ дальнѣйшее развитіе и переходитъ отъ представления о наружномъ видѣ турка къ его положенію по службѣ, къ его оружію, къ лошади, къ его, наконецъ, карманамъ.

Мчится турокъ, летитъ за нимъ и казакъ... Чувствуетъ поклонникъ Аллаха, что часъ его близокъ: уже слышитъ его ухо, что казацкая лошадь, какъ говорится, на хвостѣ его лошади.

— Аллахъ!..

— Должно, собачій смнъ, не изъ бѣдныхъ!.. Погоди, погоди, я тѣ вотъ „заарканю“.

Замеръ духъ у турка: вотъ-вотъ пришибетъ пуля... Но что это? вдругъ мелькаетъ у него въ головѣ, но не успѣлъ еще онъ хорошенько сообразить, въ чемъ дѣло, и что эта за сила такая валитъ его съ лошади безъ всякой боли—какъ уже лежатъ на землѣ: быстро накинутый арканъ плотно подцѣпилъ его „живьемъ“ и волочитъ.

— Выудилъ! вскрикиваетъ казакъ.

— Ловко! слышатся въ отвѣтъ одобрителный окрикъ товарищей.

— Почаще бы такъ то, хорошо бы, думается казаку, въ то время, какъ сваленный турка волочится по землѣ и проситъ пощады.

РУМЫНСКІЕ ЦЫРЮЛЬНИКИ.

Художникъ, изобразившій румынскихъ „брадобрѣвъ“ предъ вступленіемъ ихъ въ новую должность фельдшеровъ, едва ли не имѣлъ въ виду нѣсколько комическую сторону этого перехода отъ брития бородъ и завивки волосъ къ санитарной службѣ на войнѣ.

Соглашаемся, что не лишнее комизма такой переходъ, и что отъ завивки волосъ и брития бородъ до фельдшерской службы есть нѣкоторое разстояніе, которое перескакивать безнаказанно не всегда возможно. Но стоитъ только посмотреть на другую сторону этого вопроса, какъ весь комизмъ рисунка самъ собою забудется: стоитъ припомнить, сколько тысячъ жертвъ войны бываютъ вынуждены по нѣскольку дней оставаться безъ перевязокъ, безъ всякаго ухода, даже иной разъ и безъ пищи... Вспомнивъ это, забудешь весь комизмъ рисунка. Къ тому же нужно замѣтить, что изъ „брадобрѣвъ“ большая часть умѣетъ пустить кровь, поставить пиявки,—ну, значитъ, уже на цѣлый шагъ они и приближаются этимъ къ новой своей должности, и дай имъ Богъ успѣха и крѣпости душевной при ея исполненіи. Смѣемъ высказать мысль, что и знаніе дѣла бываетъ безсильно тамъ, гдѣ нѣтъ готовности быть полезнымъ.

СЕЛЬСКІЙ ПОЧТАЛОНЪ.

Если въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, въ смыслѣ его усовершенствованія, главнѣйшимъ считается упрощеніе и удешевленіе прибора его выполненія, то съ этой стороны сельская почта устроена самымъ лучшимъ способомъ, т. е. самымъ простымъ и самымъ дешевымъ.

Осуществляется этотъ лучшій способъ, на примѣръ, такъ:

Собирается въ селѣ сходка: нужно выбрать „ходока“, бумагу носить по волости. Собралось мужиковъ много, говоръ идетъ громкій.

— Ну, ребя, да какъ же, кого „ходокомъ“? слышно, наконецъ, громкое слово старосты.

— Кого ходокомъ? Знамо, кого... Ягоръ, чай, самый што ни на есть ходокъ будетъ: мужикъ—сирота, нѣтъ у яво никого...

— Ягоръ-то, знамо.. подсказываетъ кто-то.

Но вдругъ раздается жаркая оппозиція и заглушаетъ весь голоса.

— Да что Ягоръ, Ягоръ... Ягоръ-то вонъ, вишь ты, безъ ногъ, чуть по избѣ-то ноги волочить... А то Яго-о-рѣ!..

— Не горлань... погоди маленько... Чай про какого Ягора говорить...

— Про какого? передразниваетъ кто-то.

— Про какого! Вѣстимо про Микифорова.

— Анъ, вишь, нѣтъ...

Оказывается, въ селѣ есть другой Егоръ—сирота и „съ ногами“, т. е. способный еще передвигаться съ мѣста на мѣсто. Этого Егора и снаряжаютъ ходокомъ: мужикъ онъ сирота, много-ли ему надо, будетъ онъ „ходить“ и за это ему оба села будутъ давать пропитаніе „по силѣ возможности“, гдѣ краюху хлѣба, а гдѣ пожалуй и щецъ похлебаютъ.

Чего же дешевле этого?

Правда, Егоръ не боекъ на ходу, иной разъ и заснетъ дорогой гдѣ подъ деревцемъ, иной разъ и грибовъ собираетъ себѣ на обѣдъ, но все таки какъ-нибудь доберется же съ сумкой до мѣста, если, впрочемъ, не забудетъ ее гдѣ-нибудь подъ деревомъ по старости своихъ лѣтъ.

Положимъ, теперь война, и сельская почта должна бы быть хоть немного поживнѣе и поаккуратнѣе: вѣдь съ театра войны такъ дороги вѣсти, въ особенности тѣмъ, чьи мужья и дѣти бьются тамъ съ врагомъ. Положимъ это такъ, но сельскую почту что же винить: газеты, вонъ, сообщаютъ, что письма съ театра войны и начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій лежатъ по мѣсяцамъ.

— Что же это вы дѣлаете: вѣдь это безбожно! восклицаютъ на примѣръ, неопытные люди при видѣ этихъ писемъ съ театра войны.

Но начальникъ станціи справедливо замѣчаетъ.

— Самъ что ли я ихъ буду разносить?

Чувствуешь слушающій такой отвѣтъ, что начальникъ станціи невиноватъ, но кто же виноватъ? Виноватъ кто-то другой, но кто именно—неизвѣстно. Вѣроятно вотъ этотъ самый Егоръ, что представленъ на нашемъ рисункѣ.

— Егоръ, вѣдь это ты... сонный, лѣнивый... Это ты виноватъ, что письма съ театра войны лежатъ цѣлыми грудями на станціи желѣзной дороги.

— А—ась, медленно произноситъ Егоръ, не понимая, о чемъ его спрашиваютъ—и лѣзетъ въ свою сумку, чтобы достать корку сухого хлѣба „пожевать“.

— Вонъ на тебя жалуются, говорятъ ты виноватъ.

— Виноватъ, батюшка, я виноватъ: никакъ вотъ не могу умереть... Прощу, прошу Господа Бога, все по мою душевненьку не посылаетъ.

Оказывается, что Егоръ хоть и виноватъ, въ медленности, но медленность тутъ, какъ видитъ читатель, другого рода.

Виноватъ, слѣдовательно, кто-то другой. Но кто—этого таковы намъ и не дано знать.

О—нъ.

РЕКОГНОСЦИРОВКА МѢСТНОСТИ ВЪ ДОЛИНѢ РЪКИ ВИДА ГЕНЕРАЛОМЪ ЛОШКАРЕВЫМЪ.

Рисунокъ представляетъ долину рѣки Вида, ниже Плевны, т. е. на нѣсколько миль сѣвернѣе отъ этого города. Рекогносцировка этой мѣстности была произведена въ половинѣ августа генераломъ Лошкаревымъ. Исходнымъ пунктомъ рекогносцировки было мѣстечко Третеникъ, лежащее къ сѣвероостоку отъ Плевны. Съ генераломъ Лошкаревымъ при этомъ находился отрядъ уланъ, часть румынской пѣхоты и двѣ полевныя батареи.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что русская армія окружила плевненскую позицію Осман-паша кольцомъ. Это кольцо, по крайней мѣрѣ сначала, въ первое время обложенія Плевны представлялось не вполне замкнутымъ, именно съ сѣверозападной стороны по дорогѣ къ Виддину. Но здѣсь постоянно совершались разѣзды нашей и румынской кавалеріи; слѣдовательно, если бы Османъ-паша съ этой стороны выдался прорваться къ Виддину, то наша кавалерія заставила бы его отступить обратно. Было, однакоже, время, еще до прибытія въ Плевну подкрѣпленій изъ Орхане (изъ подъ Софіи), когда подобной отчаянной

Ложбина рѣки Янтры и монастыри св. Троицы и Преображенія въ Балканахъ. Рис. Вацлакъ, грав. Вейерманъ.

попытка наша армія ожидала отъ Османа-пашы, въ виду истощившихся у турокъ жизненныхъ и военныхъ запасовъ. Нужно было усилить кавалерійскіе отряды именно съ сѣверозапада и, главнѣе всего, охранить мостъ черезъ Дунай для румынской арміи. Вотъ этими-то соображеніями и вызвана была рекогносцировка всей долины рѣки Вида и всѣхъ вообще путей къ сѣверо-западу.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о самой рѣкѣ Видѣ.

Старинное латинское названіе этой рѣки Utus. Она беретъ начало на сѣверномъ склонѣ Балканскаго хребта и образуется изъ двухъ истоковъ—Бѣлаго и Чернаго Вида (такъ болгары привыкли называть развѣтвленія своихъ рѣкъ). Видъ протекаетъ мимо стариннаго болгарскаго города *Тетевенъ* и впадаетъ въ Дунай сѣвернѣе Никополя. До самаго 1870 года теченіе Вида обозначалось невѣрно. Истокомъ его считали ручей Мтивиръ у подошвы горнаго хребта Ихтиманъ, гдѣ, чрезъ узкій дефилей, идетъ дорога изъ Бѣлграда въ Константинополь. Только недавно (въ 1870 г.) французскій путешественникъ опровергъ это заблужденіе и открылъ и описалъ настоящее теченіе Вида. Все это доказываетъ только наши въ высшей степени неудовлетворительныя познанія географіи Болгаріи и вообще Балканскаго полуострова. Городъ Плевна, какъ извѣстно, недалеко отъ рѣки Вида, къ востоку; отъ того-то рѣка эта и получила въ настоящую войну такое важное стратегическое значеніе.

ЛОЖБИНА Р. ЯНТРЫ И МОНАСТЫРЬ СВ. ТРОИЦЫ И ПРЕОБРАЖЕНІЯ.

Рѣка Янтра извѣстна издавна. У Геродота она называется *Ασσος*; римляне называли эту рѣку *Iatrius*. По теперешнему болгарскому произношенію, это названіе рѣки звучитъ скорѣе *Ietra*, чѣмъ Янтра. Беретъ свое начало Янтра у Шипкинскаго прохода, протекаетъ черезъ городъ Габрово, раздѣляя его на двѣ части. За симъ, къ сѣверу отъ Габрова ложе рѣки окружаютъ крутыя скалистыя возвышенія, между которыми Янтра течетъ въ высшей степени живописными извилинами до Дуная, и на этомъ теченіи Янтры, въ равномъ разстояніи отъ Шипки и отъ впаденія рѣки въ Дунай, расположена знаменитая древняя столица Болгаріи *Терново* *), представляющая истинный центр Болгаріи. Проведя отъ этого центра радіусы на востокъ до берега Чернаго моря съ одной стороны и до Виддина на западъ съ другой, мы получимъ равныя разстоянія отъ Тернова.

На это обратилъ вниманіе уже Мольтке, говоря о центральномъ и стратегическомъ значеніи Тернова и долины Янтры. Съ лѣвой стороны въ Янтру впадаетъ огромный по размѣрамъ притокъ Ружица (или Розита, какъ произносили въ средніе вѣка), а съ правой впадаютъ *Тревно*, *Златорица* и *Бѣбровска-рѣка*.

На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ тотъ интересный пунктъ логовища Янтры, которая имѣетъ протяженіе отъ *Самоводы* до *Тернова*. Трудно представить что нибудь прелестнѣе и романтичнѣе береговъ Янтры между этими пунктами. Отвѣсныя известковыя скалы обрамляютъ глубокое ложе рѣки. Таинственныя пропасти и пещеры зияютъ по обѣимъ сторонамъ. Народная фантазія населила эти пещеры духами-эльфами, или „*самодивами*“ по выраженію болгаръ. Террасы и уступы мощныхъ скалъ покрыты могильными курганами, съ незапамятныхъ временъ покрывающими Болгарію, (преимущественно восточную) называемыхъ латинскимъ словомъ *Tumulii* **) На мѣстѣ многихъ *Tumulii* построены въ Болгаріи монастыри и церкви. На прилагаемомъ рисункѣ читатель видитъ на живописныхъ скалахъ Янтры, идущихъ параллельно между собою, два монастыря, построенныхъ на возвышеніяхъ какъ разъ одинъ напротивъ другого. Одинъ изъ этихъ монастырей Троицкій, другой Преображенія. Это самыя богатые изъ всѣхъ монастырей Болгаріи, знаменитые какъ и по святости жившихъ здѣсь прежде отшельниковъ. Обитали богаты воспоминаніями, представляя собою нѣчто въ родѣ нашей Троицко-Сергіевской лавры. Но къ сожалѣнію уровень образованія живущей въ этихъ обителяхъ братій самый низкій. Монахи крайне суевѣрны и корыстолюбивы. Массы жизненныхъ припасовъ лежатъ у нихъ въ громадныхъ кладовыхъ, а монастыри все-таки требуютъ подаянія и пожертвованій. Богомольцевъ въ этихъ монастыряхъ всегда много и почти всѣ богомольцы изъ простолюдовъ. Число братій въ томъ и другомъ монастырѣ простирается до 50—60 человекъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ сосѣдней съ Болгаріей Сербіи считается всего на все до 100 монашествующихъ, а въ Болгаріи монаховъ нужно считать *тысячами*. Образованіе и любовь къ наукамъ въ нимъ не прививается. Но, конечно, время возьметъ свое; наступитъ череда цивилизаціи и для Болгаріи,—и тогда все измѣнится къ лучшему.

М. Стр.

*) Названіе «Терново», принятое въ нашихъ газетахъ, совершенно неправильно болгары произносятъ всегда, Терново а не Тырново.

**) *Tumulii* значить могильный холмъ, бугорокъ. Болгары, называя ихъ простирающимися. Такихъ холмовъ много и на прославленной въ послѣдніе вѣка Шипки. При произведенныхъ раскопкахъ въ холмахъ найдены древнія латы и оружіе, но всей вѣроятности принадлежащія доисторическимъ жителямъ Болгаріи.

(Продолженіе на стр. 165, 166, 167, и 168).

Первая частная астрономическая обсерватория в России.

Устойчивость в Москвѣ этой обсерватории даетъ намъ удобный случай поговорить о воспитательномъ значеніи астрономіи вообще. По всей справедливости можно сказать, что никакая изъ такъ называемыхъ *точныхъ* наукъ не добыла столь великихъ результатовъ и не достигла столь изумительныхъ успѣховъ, какъ астрономія. Открытія, сдѣланныя въ этой области, изумительны, почти невѣроятны, да и всѣ астрономическія знанія составляютъ величайшій триумфъ человеческого ума, такъ какъ въ этой области трудились величайшіе люди всѣхъ временъ. И вотъ этотъ-то совокупный трудъ изслѣдованія, совершенный величайшими умами всѣхъ образованныхъ народовъ и создалъ, наконецъ, неколебимо-твердыя истины

теперешней науки о небѣ. Затѣмъ, ни въ какой положительной наукѣ добытые результаты не представляются именно результатами отвлеченнаго, спекулятивнаго, философскаго мышленія, какъ именно въ астрономіи *). И вотъ изъ этого уже ясно, что вопреки невѣжественнымъ толкамъ нашихъ доморощенныхъ позитивистовъ и разныхъ ограниченныхъ утилитаристовъ, называющихъ всякое философствованіе „толченіемъ воды“, — безъ философскаго мышленія никогда невозможно у совершено совершенствованіе какой либо науки, а слѣдовательно невозможно и никакіе успѣхи обществѣ и тѣмъ, которыми мы, близорукіе утилитаристы, простые смертные, питаемся, именно и растутъ на томъ роскошномъ могучемъ дубѣ, который называется съ отвлеченными научнымъ мышленіемъ, издавна, еще со временъ Аристотеля, стройно и органически развивающемся изъ такъ называемыхъ апіорныхъ основныхъ истинъ. Даже тѣ громадныя изобрѣтенія, которыя гораздо ближе повидимому касаются насъ, такъ какъ преобразовываютъ нашу общественную жизнь — напримеръ, всѣ виды движенія паромъ, разныя машины, паровозы, пароходы и проч. изобрѣтенія, выведенныя изъ законовъ физики и механики въ тѣсномъ смыслѣ, и тѣ всѣ получаютъ свою высшую цѣну преимущественно благодаря успѣхамъ астрономіи, ибо эта послѣдняя обеспечиваетъ имъ блестящее практическое приложеніе. Для примѣра достаточно взять мореплаваніе. Кто не знаетъ, какъ громадно-важна наука мореплаванія; это еще важнѣе, пожалуй, желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, но мореплаваніе-то именно и обуславливается законами, выработанными и сознанными астрономіей, т. е. точнымъ опредѣленіемъ долготы и широты каждаго изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ въ данное время находится мореплаватель. Но вѣдь важнѣйшая и большая часть нашихъ путешествій выпадаетъ на моря, занимающія гораздо большее, чѣмъ суша, пространство на земномъ шарѣ. Считаемо излишнимъ говорить объ одной изъ важнѣйшихъ практическихъ наукъ — о *геодезии*. Она безъ астрономіи невозможна.

Астрономія едва ли не самая древняя изъ наукъ. Намъ здѣсь нѣтъ нужды рассказывать въ высшей степени интересную исторію этой науки. Резюмируемъ дѣло только вкратцѣ. Астрономіей занимались уже китайцы, египтяне, особенно вавилоняне (халдеи); затѣмъ греки проявили въ астрономіи блескъ своего гения. Римлянъ астрономія занимала гораздо меньше,

чѣмъ ихъ завоеванія **), поглощавшія все ихъ время. Затѣмъ позднѣе, въ IX и X в. по Рожд. Христ., арабы обратили все рвеніе къ изученію неба. Засимъ настаетъ для этой великой науки мрачная ночь римско-католическаго фанатизма и преслѣдованія. Заря, предвѣщавшая разсвѣтъ этой ночи, занялась съ явленіемъ *Галилея*, этого мученика науки (род. въ 1564 г.). Но еще прежде Галилея въ Торинѣ родился въ 1473 г. *Коперникъ*, великій родоначальникъ новой астрономіи. Вотъ Галилей-то и объявилъ себя защитникомъ началъ, провозглашенныхъ Коперникомъ, и доказалъ ихъ безусловную справедливость своими блестящими открытіями. Затѣмъ уже *Кеплеръ* и *Ньютонъ* дали астрономіи прочный и непоколебимый фунда-

ментъ. Далѣе, въ новѣйшее время мы видимъ, что всѣ цивилизованныя государства Европы и Соединенныя Штаты Сѣверной Америки не отстаютъ другъ отъ друга въ благородномъ соревнованіи въ астрономическихъ работахъ, и дѣйствительно и въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ достигнуты въ этомъ отношеніи блестящіе результаты.

И во всемъ-то мірѣ существуетъ, можетъ быть, какихъ-нибудь 100 астрономическихъ обсерваторій. Изъ нихъ нѣкоторыя, довольно значительныя, основаны на средствахъ состоятельныхъ частныхъ лицъ. Важнѣйшая изъ обсерваторій, относящихся къ этой послѣдней категоріи, основана *Лордомъ Россомъ* въ Ирландіи. Въ этой обсерваторіи находится гигантскій *телескопъ съ зеркаломъ (рефлекторъ)*, отверстие *) котораго простирается почти до 2-хъ метровъ.

У насъ въ Россіи находится нѣсколько прекрасныхъ и новыхъ обсерваторій. Важнѣйшая изъ нихъ — это *Пулковская*, основанная въ 1839 г. ученымъ *В. Струве* и директоромъ которой теперь состоитъ сынъ его, *О. Струве*. (См. „Нива“ № 2 с. г.) Этапозитивъ величественная обсерваторія снабжена превосходными инструментами, Репсольдовымъ меридіаннымъ кругомъ въ 1 метръ и 140 милл. отверстія, рефлекторомъ въ 380 милл. отверстія, гелиометромъ въ 190 милл. отверстія и множествомъ другихъ новыхъ и новѣйшихъ инструментовъ. Наши астрономы, какъ извѣстно, обнаружили самую оживленную дѣятельность при наступленіи весьма важнаго и рѣдкаго астрономическаго событія — именно прохожденія *Венеры* черезъ дискъ солнца. Событіе это случилось, какъ извѣстно, 9-го декабря 1874 г. Астрономы соорудили тогда въ разныхъ мѣстахъ много наблюдательныхъ станцій, подобно своимъ ученымъ сотоварищамъ, астрономамъ другихъ странъ.

Значеніе этого прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца обуславливается, конечно, главнымъ образомъ рѣдкостью этого явленія, потому что оно повторится въ будущемъ только 6-го декабря 1882 г. и затѣмъ 7-го іюня 2004 г. И эти-то заранѣе съ такою точностью рассчитанные и опредѣленные пункты времени, явленіе столь изумительное и почти невѣроятное для непосвященныхъ — представляютъ для насъ самое мощное доказательство достоинства результатовъ, которые выработала астрономія. Въ самомъ дѣлѣ, сравнительно еще немного вре-

*) Исключеніе составляетъ философъ Сенека, который въ своихъ мѣтникахъ о причинахъ появленія кометъ является глубокимъ философомъ и по тогдашнему, даже астрономомъ.

*) Отверстіемъ въ рефлекторѣ, какъ во всякомъ параболическомъ вогнутомъ зеркалѣ, называется уголъ, образуемый линіями, идущими отъ центра кривизны вогнутаго зеркала до верхняго и нижняго края этого зеркала. Отверстіе зеркала такимъ образомъ всего исцѣ можно представить графически.

Русскія тяпы II. Буеца лабавникъ...
— Торгуемъ по маненьку, на капиталы покойныхъ родителей...
Оригинальный рисунокъ Н. Панова, грав. Ромевскій.

*) Отъ этого великіе астрономы были мѣстѣ и великими философами, такъ что въ исторіи философіи астрономія занимаетъ почетное мѣсто.

мени тому назад подобное предсказание представилось бы нефронтальным. Теперь мы знаем, например, — мало того, что мы знаем о солнце, что оно отстоит от земли на 20 миллионов миль, что оно в 355,000 раз тяжелее земли, что оно в $28\frac{1}{2}$ дней двигается вокруг своей оси, — чего достигли исследованиям солнечных пятен — мы знаем еще о том, из какого вещества состоит солнце. Это показало нам спектральный анализ; мы знаем, что вещественный состав солнца аналогичен или сходен с нашею землею. Какъ, однако, ни велика только что приведенная цифра солнечного отъ насъ разстоянія, но она еще совсѣм не велика, сравнительно даже съ ближайшими къ намъ неподвижными звѣздами, разстояніе которыхъ отъ насъ простирается до 4-хъ миллионов миль. Разстояніе же большей части неподвижныхъ звѣздъ идетъ еще дальше, такъ что для тѣхъ неподвижныхъ звѣздъ, которыя замѣтны только въ лучшіе, новѣйшіе инструменты, мы уже даже не въ состояніи выразить цифрами громаднѣе разстоянія. Существуютъ различныя средства для доказательства, что наша солнечная система находится въ кругообразномъ движеніи и что наше солнце, также какъ и вращающіяся вокругъ него планеты, само вращается вокругъ центрального солнца; и это движеніе, слѣдовательно, земля, какъ и прочія планеты, совершаетъ одновременно съ солнцемъ — въ періодъ времени около 18-ти миллионовъ лѣтъ. Такимъ центральнымъ солнцемъ считаютъ одну звѣзду въ созвѣздіи Тельца.

Кто желаетъ, однако, ближе познакомиться съ тѣми великими и разнообразными открытіями, какія предлагаетъ новѣйшая астрономія, кто желаетъ достигъ этого не пускаясь въ утомительныя математическія вычисленія, — тому представляется къ услугамъ новѣйшая популярно-ученая литература, излагающая привлекательнымъ и въ высшей степени удобопонятнымъ образомъ всѣ науки, входящія въ область астрономіи: сферической, теоретической, физической, практической, морской и географической и мы въ этомъ отношеніи преимущественно обратили бы вниманіе читателя на труды Араго, Литтрова, Медлера, Уле, Шотте и затѣмъ на различныя астрономическія карты, въ особенности же на атласъ Литтрова, изображающій устьянное звѣздное небо и состоящій изъ 27 листовъ. Атласъ этотъ прекрасно помогаетъ наглядному представленію звѣзднаго неба. Однакоже никакой атласъ не можетъ замѣнить собственнаго наблюденія звѣздъ въ инструменты — и вотъ почему лучшее знаніе и легчайшее и привлекательнѣйшее изученіе звѣзднаго неба представляетъ именно *обсерваторія*.

Извѣстно, что не одинъ изъ русскихъ университетовъ не лишитъ обсерваторію, и вотъ почему не должно составлять въ этомъ отношеніи исключенія и московская высшая школа; но при этомъ, къ сожалѣнію, различнаго рода обстоятельства исключаютъ для публики, взятой въ общирномъ смыслѣ, всякую возможность пользоваться этою обсерваторіей. Не говоря уже о томъ, что московская обсерваторія слишкомъ удалена отъ массы публики, было бы противно цѣлямъ самого института, еслибы онъ желалъ удовлетворять общественную любознательность и любопытство только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Въ настоящее время Москву нужно причислить къ тѣмъ не многимъ европейскимъ городамъ, въ которыхъ находятся частныя астрономическія обсерваторіи (въ Европѣ есть подобныя обсерваторіи въ нѣкоторыхъ городахъ Англій и Ирландіи, также въ нѣкоторыхъ германскихъ городахъ, а за океаномъ въ нѣкоторыхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Тамъ эти частныя обсерваторіи назначены исключительно для пользы и назиданія обывденной публики. Какая прекрасная, возвышенная цѣль — популяризировать въ народѣ одну изъ величайшихъ, благороднѣйшихъ и возвышающихъ душу науку!.. Можно, кажется, положительно сказать, что посѣщеніе разныхъ вздорныхъ, нелѣпныхъ и растлѣвающихъ массу народа театровъ Буффъ, балагановъ Берга и Демидроновъ, наравнѣ съ посѣщеніемъ кабаковъ, уменьшилось бы, если бы этой народной массѣ сдѣлалось доступнымъ подобное возвышенное наслажденіе *).

Подобная заслуга, смѣемъ думать, принадлежитъ и почтенной фирмѣ К. Швабе, не пожалѣвшей большихъ издержекъ на устройство института, который современемъ можетъ сдѣлаться народнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Обсерваторія устроена на крышѣ громаднаго четырехэтажнаго Голицынскаго дома, столь извѣстнаго своими роскошными магазинами и находящагося на Кузнецкомъ мосту. Устройство и самый планъ сооруженія обсерваторіи вполне соответствуетъ современнымъ требованіямъ и заключаетъ въ себѣ всѣ уже испытанныя улучшенія. Какъ всѣ уже хорошо устроенныя обсерваторіи, и обсерваторія Швабе снабжена желѣзною куполообразною вращающеюся крышею, такъ что возможно, по мѣрѣ надобности вращать и направлять во всѣ стороны рефракторъ и телескопъ.

*) О великомъ воспитательномъ для массы народа значеніи такой науки, какъ астрономія, излишне говорить. Поэтъ Шиллеръ выражалъ желаніе, чтобы эта наука сдѣлалась необходимымъ элементомъ воспитанія народа, потому что никакая эстетика не способна до такой степени возвысить и облагородить душу, какъ наука созерцающая свѣтила, вращающіяся въ безпредѣльномъ мировомъ пространствѣ. Это — само высокое, которое, вѣчно возбуждая въ насъ мысль о нашемъ ничтожествѣ, сдѣлало бы насъ морально-лучшими. Замѣчательно, что высше астрономіи была вмѣстѣ и возвышеннѣе характеры, и чисты и просты душой какъ дѣти. Стоитъ только вспомнить Кеплера и Ньютона (примѣч. переводчи.).

Рефракторъ разматриваемой обсерваторіи приготовленъ Фраунзаферомъ, извѣстнѣйшимъ и уважаемымъ въ ученномъ мѣрѣ фабрикантомъ телескоповъ. Фраунзаферъ, какъ извѣстно, первый въ точности опредѣлилъ твердыя или постоянныя линіи спектра, а потому эти линіи и названы въ наукѣ „Фраунзаферовыми“. Изъ инструментовъ, вышедшихъ изъ мастерской Фраунзафера, слѣдуетъ упомянуть объ исполнимомъ рефракторѣ Дерптской обсерваторіи. Этотъ рефракторъ при томъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ во всемъ свѣтѣ. Затѣмъ — о большихъ пулковскихъ рефракторѣхъ. Для обсерваторіи Берлина, Кембриджа и Мюнхена рефракторы также мастерской Мерца съ сыномъ (которая мастерская со славою продолжаетъ дѣло Фраунзафера). Рефракторъ на обсерваторіи Швабе поставленъ *параллактически* *) и имѣетъ отверстіе въ 100 миллиметровъ, а увеличиваетъ приблизительно въ 200 разъ. Само собою понятно, что въ обсерваторіи Швабе нѣтъ недостатка ни въ какихъ необходимыхъ для обсерваторіи вспомогательныхъ инструментахъ. Богатый оптико-физическій каталогъ Швабе указываетъ на болѣе чѣмъ 4,000 номеровъ. Надо замѣтить, что обсерваторія Швабе окончена постройкой еще въ 1875 году, но нужно было значительное время выжидать окончательнаго приготовления и установки Фраунзаферовскаго рефрактора. Также точно были замедлены и другія постройки, и вотъ только недавно институтъ открытъ для публики. Весьма кстати, у входа изображенъ „красный крестъ“, этотъ святой символъ крови Распятаго за насъ и крови проливаемой нашими соотчичами въ текущую войну. Научная цѣль, такимъ образомъ, прекрасно соединилась съ гуманною, и выручка съ посѣщающей институтъ публики дастъ значительную помощь раненымъ.

Наблюдавшія свѣтила въ рефракторѣ Швабе говорятъ, что въ этотъ рефракторъ видны планеты *Юпитеръ* и *Марсъ* очень приближенными. Та и другая звѣзда, по величинѣ, уподобляются диску луны. Четыре же спутника Юпитера, соответствующіе нашей лунѣ, представляютъ незначительными звѣздами. „Юпитеръ“, какъ извѣстно, послѣ „Венеры“ есть самая яркая звѣзда на нашемъ небѣ; затѣмъ это есть величайшая изъ планетъ, и затѣмъ Юпитеровыхъ спутниковъ дали физикамъ надежное средство измѣрять скорость свѣта. „Юпитеръ“ въ 5 разъ дальше отъ солнца, чѣмъ наша земля, т. е. въ среднемъ расцѣтѣ, въ $107\frac{1}{2}$ милл. миль; объемъ же тѣла „Юпитера“ въ 334 раза больше земля, но плотность его составляетъ только $\frac{1}{4}$ плотности земли. Для вращенія этого могучаго свѣтила около своей оси потребно 9 часовъ 55,5 минутъ; около солнца же онъ вращается въ періодъ времени 11 лѣтъ и 313 дней. Это небесное тѣло не совершенно кругло, но весьма сильно сплющено — и это ясно замѣтно при помощи рефрактора обсерваторіи Швабе. При помощи рефрактора Швабе наблюдатели замѣтили даже пятна и полоски на „Юпитерѣ“, а эти пятна и полоски интересны потому, что онѣ означаютъ *атмосферу*. Все это прекрасно можно видѣть при помощи рефрактора Швабе.

Также точно отчетливо съ обсерваторіи Швабе замѣтенъ и „Марсъ“ — это тѣло тоже не круглое. „Марсъ“, какъ извѣстно, совершаетъ свое вращеніе около солнца въ 686 дней, а разстояніе его отъ солнца $31\frac{1}{2}$ миллионовъ миль, вращеніе же около солнца совершается въ $24\frac{1}{2}$ часа. Даже невооруженному глазу его свѣтъ представляется нѣсколько красноватымъ. Его атмосфера весьма разрѣжена, и это обстоятельство позволяетъ ясно различать, при помощи телескопа, его континентъ (т. е. сушу). Блѣзъ полюсовъ его замѣтны бѣлыя пятна, которыя, смотря по временамъ года, уменьшаются или возрастаютъ. Эти бѣлыя пятна — конечно, свѣтъ или же гущенные пары. Это также прекрасно можно видѣть въ рефракторѣ Швабе.

Затѣмъ — можно ясно видѣть такъ называемыя *двойныя* звѣзды въ созвѣздіи *Пса* и туманныя пятна въ созвѣздіи Геркулеса. Но здѣсь для недовольно знакомаго съ дѣломъ читателя нужны нѣкоторыя объясненія. Что касается, во первыхъ, двойныхъ звѣздъ, то онѣ невооруженному глазу представляются простыми звѣздами и ихъ истинный характеръ сталъ извѣстенъ съ открытій телескопа. Дѣйствительно, Галлеи первый открылъ существованіе двойныхъ звѣздъ, а Гершель уже наблюдалъ такихъ звѣздъ числомъ до 500. Въ настоящее время существуетъ каталогъ 3,000 двойныхъ звѣздъ, въ числѣ которыхъ, впрочемъ, находятся еще *тройныя*, *четверныя* и *пятнерныя*. Затѣмъ, что касается „туманныхъ пятен“, то это суть свѣтлыя точки, замѣтныя и для невооруженнаго глаза. Число ихъ въ астрономическомъ каталогѣ простирается теперь до 5,000. Стекла телескопа иногда разлагаютъ эти пятна на отдѣльныя звѣзды, и конечно нужно признать, что многія изъ этихъ пятенъ

*) Т. е. подъ угломъ, который составляютъ взаимно двѣ различныя линіи, направляющіяся на одинъ и тотъ же предметъ. Если мы представимъ, что линія отъ извѣстной звѣзды идетъ до центра земли и этотъ центръ представимъ точною наблюденіемъ этой звѣзды, другая же точка наблюденія будетъ на поверхности земли. Если соединимъ мысленно эти двѣ точки линіями, то образующій соединеніемъ этихъ линій уголъ будетъ составлять параллактическій уголъ данной звѣзды. Если звѣзда находится въ зенитѣ, т. е. вертикально надъ головою наблюдателя, то не будетъ параллакса. Размѣръ послѣдняго, слѣдовательно, соответствуетъ разстоянію звѣзды отъ земли. Наибольшій параллаксъ бываетъ тогда, когда звѣзда является на горизонтѣ (астрономическомъ). Однако параллаксъ можно опредѣлить и у всѣхъ свѣтилъ. Относительно микроскопически-малыхъ свѣтилъ, напримеръ, *Клоны*, *Весицы*, *Череры* и *Палласа* сдѣлать этого нельзя. Самое слово „параллаксъ“ значитъ взаимныя перемены, а параллактическій — взаимно-переменныи и указываетъ на взаимную переѣмчивость точки зрѣнія наблюдателя и положенія на небѣ наблюдаемаго свѣтила.

суть скопления звѣздъ, взаимно сближенныхъ силою притяженія. Часто одна такая кучка составляетъ до 20,000 звѣздъ и даже болѣе. Сначала думали, что и всѣ туманныя пятна можно разложить посредствомъ сильныхъ телескоповъ, на отдѣльныя группы звѣздъ. Въ новѣйшее время, однако, это предположеніе опровергнуто спектральнымъ анализомъ. Именно знаменитый итальянскій ученый Секки, съ которымъ уже знакомы читатели нашего журнала, замѣтилъ посредствомъ спектральнаго аппарата *свѣтлыя линіи* въ туманныхъ пятнахъ Оріона. Эти свѣтлыя линіи были совершенно такого же характера, какія замѣчаются нами и въ газообразныхъ тѣлахъ. Слѣдовательно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно туманными обра-

зами, а не съ твердыми тѣлами, не со звѣздами. Но туманное пятно въ созвѣздіи Геркулеса, которое наблюдали въ рефракторъ Швабе, представлялось кругообразнымъ и сгущеннымъ въ срединѣ, а при употребленіи сильныхъ телескоповъ оно разрѣшалось въ отдѣльныя группы звѣздъ.

Днемъ на обсерваторіи Швабе производятся работы по спектральному анализу солнца. Но матеріаловъ для любознательности такъ много, а средства обсерваторіи такъ значительны, что мы позволимъ себѣ, въ заключеніе, только пожелать полнѣйшаго процвѣтанія новой обсерваторіи и заключимъ желаніемъ, чтобы она навсегда осталась въ культурныхъ цѣляхъ доступною большинству публики, т. е. народу.

Стр.

Политическія и военныя извѣстія.

«Подъ Плевною и вездѣ и все тихо—холодъ, вѣтеръ и дождь» —въ этихъ краткихъ словахъ резюмировались всѣ наши свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій на Дунайскомъ театрѣ войны въ началѣ прошлой недѣли. Это молчаніе грозное, потому что не смотря на холодъ, дождь и вѣтеръ, наши саперныя работы подъ Плевной все таки энергически продолжаются; румыны за это время значительно распространили свои траншеи. Только 26-го сентября турки прервали молчаніе; они сдѣлали отчаянную вылазку, намѣревались смѣнить свой траншейный караулъ: но, встрѣченные жаркимъ огнемъ румынъ, приостановились, подвели подкрѣпленія и пытались атаковать румынскія траншеи, но были отбиты съ большимъ урономъ. Вотъ пока и весь перерывъ саперныхъ работъ, усиленно и въ тишинѣ продолжающихся съ нашей стороны подъ Плевною. Второстепенныя же дѣйствія на Дунайскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю мы перечислимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. 1) Отъ нашего отряда, стоящаго на Османъ-Базарской дорогѣ, былъ высланъ легчайшій отрядъ къ югу отъ Кезрова, къ деревнѣ Козлюбегъ. Цѣль высылки отряда была: наказать баши-бузукоевъ за грабежи и убійства. Турки были захвачены врасплохъ и повесли большія потери убитыми и пѣвными. Наши потери при этомъ весьма незначительны: убито 2 нижнихъ чина, ранено 2 офицера и 10 нижнихъ чиновъ Якутскаго полка. 2) 25 сентября въ Русуцкомъ отрядѣ (на лѣвомъ флангѣ нашей арміи) турки напали на наши передовые посты у *Кады-Кюйя* (по Русуцкой дорогѣ, къ югу отъ Русуца), однако были отбиты съ большимъ урономъ.

Затѣмъ на лѣвомъ же флангѣ нашей Дунайской арміи замѣчаются слѣдующія движенія турокъ. Русуцскій отрядъ, въ виду общаго отступленія арміи Мехмедъ-Али-паши, послѣ пораженія при Церковнѣ выдвинулся впередъ. У Силистріи замѣнены были приготовленія турокъ къ постройкѣ моста, противъ чего и приняты были нами надлежащія мѣры. Вообще около Силистріи турки въ последнее время пытались что-то предпринять, судя по повторяющимся нападеніямъ на наши отряды въ этомъ пунктѣ. Такъ, въ ночь съ 25 на 26 сентября, непріятель открылъ по нашимъ островамъ съ парохода и батареи. Еще далѣе, къ сѣверо-востоку отъ Силистріи, въ Сулянскомъ устьѣ Дуная 27 сентября (9 октября) произошло сраженіе, длившееся нѣсколько часовъ и закончившееся тѣмъ, что турецкій трехмачтовый броненосецъ, наткнувшись на наши миныны загражденія, взлетѣлъ на воздухъ. Тогда вѣроятно отчаявшись въ благопріятномъ исходѣ своихъ морскихъ битвъ, турки *развели мостъ*, который, какъ сказано выше, они начали было строить у Силистріи. Флагъ съ взорваннаго турецкаго броненосца снятъ, въ виду другихъ стоящихъ въ Сулянѣ турецкихъ броненосцевъ, нашими отважными моряками: *Сатинимъ, Фридрихсомъ, Строгоновымъ и Чабовскимъ*. У Сулина все таки остались 4 турецкіе броненосца и по нимъ-то, 28 сентября, наши паровыя шкуны возобновили горячую пальбу, результатъ которой еще неизвѣстенъ. Въ тоже время со стороны Ловчи совершены были съ нашей стороны весьма удачныя поиски. Такъ командующій войсками въ Ловчѣ, генералъ Карцевъ, послалъ 21 сентября войскового старшину Тарасова съ сотнею казаковъ къ *Турецкому Извору* (къ юго-западу отъ Ловчи, недалеко отъ р. Вида). Тарасовъ овладѣлъ Изворомъ нечаяннымъ нападеніемъ и выбилъ оттуда около 400 турокъ, составившихъ сборную команду разныхъ частей и затѣмъ уничтожилъ здѣсь турецкіе склады хлѣба и фуража. Спустя 2 дня, 23 сентября, при новомъ набѣгѣ на Изворъ, Тарасовъ опять выгналъ оттуда турокъ, а 24 сентября выбилъ изъ деревни Галата до 300 баши-бузукоевъ и преслѣдовалъ ихъ до города *Тетевена*. Цѣль этихъ поисковъ состояла, очевидно, въ томъ, чтобы парализовать возможность турецкихъ подкрѣпленій къ Плевнѣ со стороны Софій, черезъ разные горные проходы.

Обобщая все, сейчасъ сказанное, мы можемъ представить себѣ слѣдующую картину современнаго хода Дунайскихъ военныхъ дѣйствій:

1) Главныя силы Сулеймана-паши, новаго главнокомандующаго турецкою арміей, сосредоточены теперь подъ Русуцомъ. 2) Естественный результатъ памятнаго и удачнаго для насъ сраженія при Церковнѣ былъ тотъ, что армія Наслѣдника Це-

саревича перешла къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Непріятель, тѣснимый къ востоку отъ Янтры, перешелъ за *Черный Ломъ* и отступилъ къ *Бьлому Лому*, сосредоточившись около его береговъ (къ югу отъ Кады-Кюйя). Вотъ вслѣдствіе-то этого сконцентрированія силъ Сулеймана-паши на Бьломъ Ломѣ и оставлены турками *Костанцы* и *Садина*, лежащія гораздо южнее теченія Бьлаго Лома. Армія Сулеймана-паши должна здѣсь занимать большое пространство, потому что опорты ея, отбитые нами, находятся у Кады-Кюйя, на значительномъ разстояніи отъ береговъ Бьлаго Лома. При страстномъ и нетерпѣливомъ характерѣ Сулеймана-паши, здѣсь естественно ожидать вскорѣ большого и, быть можетъ, рѣшительнаго сраженія.

Съ Закавказскаго театра войны извѣстно, что вслѣдствіе болевыхъ дѣйствій, бывшихъ 20 и 21 сентября *), турки оставили большую часть своихъ позицій, въ томъ числѣ и позицію на *Кизиль-Тене*; вслѣдствіе этого въ настоящее время нами занята линія *Кюльверанъ-Суботанъ-Хаджи-Вали* (къ востоку отъ Карса). Этими неожиданнымъ оставленіемъ Мухтаромъ-пашею своихъ позицій доставлены нашему расположенію значительныя выгоды, что не замедлитъ, вѣроятно обнаружиться вскорѣ.

Затѣмъ, на прошлой недѣлѣ получено извѣстіе, что нами нанесены пораженія мятежникамъ Кайтахскаго округа въ Дагестанѣ. Два сильныхъ пораженія мятежниковъ отрядамъ полковника Теръ-Ассатурова, безъ сомнѣній, заставитъ ихъ теперь смириться. Потеря мятежниковъ простирается до 550 человекъ и 300 взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. И до сихъ поръ еще продолжается преслѣдованіе нами въ лѣсахъ разбойничьихъ шаекъ Али-бека. Скопича возмущившихся горцевъ до сихъ поръ доходило до 4,000 человекъ.

Черногорцы, получивъ извѣстіе о назначеніи Мехмеда-али-паши начальникомъ войскъ дѣйствующихъ противъ Черногоріи, весьма дѣятельно принялись за укрѣпленіе занятыхъ ими въ Герцеговинѣ пунктовъ. Что касается Сербіи, то въ ней воинственное движеніе въ полной силѣ. Съ 28 сентября (10 октября) сербская артиллерія уже выступила изъ Браничева въ Великій Изваръ. Новыя батареи продолжаютъ формироваться, и кавалерійскіе отряды уже выступили къ Крушевацу. Были также слухи о переговорахъ Сербіи съ Россіей и Румыніей и изъ частныхъ телеграммъ извѣстно, что переговоры эти теперь закончены, и что сербское правительство рѣшило принять военныя мѣры, однако не ранѣе ноября. Порты уже потребовала отъ Сербіи объясненія по этому поводу.

Въ политическомъ отношеніи почти весь интересъ сосредоточивается теперь на Франціи. Напряженное ожиданіе исхода выборовъ въ этой странѣ сильно занимало последнее время весь политическій міръ, и если-бы не война, то Франція исключительно приковала бы къ себѣ вниманіе. Въ послѣднія недѣли ходила упорные слухи о государственномъ переворотѣ, который будто-бы замышляетъ маршалъ Макъ-Магонъ. Этотъ государственный переворотъ совершился бы, очевидно, тѣмъ же путемъ и тѣми же средствами, какими произвелъ подобный переворотъ Наполеонъ III. Это извѣстный, соединенный съ нами съ Suffrage Universelle или всеобщая подача голосовъ. Такъ или иначе, страна ожидала исхода выборовъ съ самымъ страстнымъ напряженіемъ; Бонапартисты открыто выражали свою уверенность въ побѣдѣ имперіи. Вышедшій Наполеоновскій министръ Руврѣ снова выступилъ на сцену въ качествѣ хозяина. Герцогъ Брольи принялъ на себя роль усерднаго агента Императрицы Евгеніи, затѣмъ герцогъ Деказъ и прочая братія. Паріякъ былъ покрытъ аюнами кандидатовъ всевозможныхъ партій: республиканцевъ, легитимистовъ, бонапартистовъ. Леонъ Гамбетта обнародовалъ избирательный манифестъ, за который и вызванъ былъ въ судъ исправительной полиціи. 2 (14) октября былъ рѣшительный день, въ который должны были быть извѣстны результаты выборовъ, и мы сообщимъ объ нихъ въ слѣдующемъ обзорѣ.

Прибавимъ здѣсь для характеристики критическаго дѣла, что Гамбетта торжественно указалъ, что существованію права Suffrage Universelle грозитъ опасность; затѣмъ Гамбетта, указавъ

*) Потери Мухтара-паши, во время этого боя, исчисляются въ 6000.

на г. Гречи, бывшего президента національнаго собрания, какъ на достойнаго преемника Тьера, и заключилъ рѣчь такъ: „Франція, послѣ выборовъ будетъ въ состояннн доказать, что *клерикализмъ низвергнутъ*“. Герцогъ же Брозль стремился доказать, что истинная постановка вопроса состоитъ въ выборѣ между консерватизмомъ и радикализмомъ, между Макъ-Магономъ и Гамбеттою. Послѣдннй однако, намекнувъ на свое стремленне къ власти весьма скромно, хотя и прозрачно.

Туркофильское движенне въ Венгрии, о которомъ мы сообщали въ прошломъ обозрѣннн („Нива“ № 40) было парализировано, повидному, самою силою вещей. Судя по докладу, недавно представленному императору Францу Йосифу министромъ Гонведовъ, г. Шавде, слухи о „*трансилванскомъ заговорѣ*“ были

сильно преувеличены оппозиционными газетами, съ весьма понятною цѣлью. Теперь оказалось что въ Трансилванію не было послыаемо значительныхъ войскъ, но что, однако, движенне неосомнѣнно было и главный организаторъ движеннн бѣжалъ теперь за границу. Въ палатѣ представителей венгерскаго сейма депутатъ Гельсъ уже обращался къ правительству съ вопросомъ: намѣрено ли оно подробно изложить передъ палатою положенне дѣлъ въ Трансилваннн; но министр-президентъ Тисса благодарозумно уклонился отъ сообщеннн этихъ подробностей.

Затѣмъ на политическую сцену явился теперь съ особою настойчивостью вопросъ о посредничествѣ европейскихъ державъ между воюющими сторонами. Весьма понятно съ какою цѣлью это дѣлается.

С М Ъ С Ъ

Шахматная партія инднйскаго вице-короля. Разсказываютъ, что, въ среднне възкѣ, игравали въ шахматы живыми шашками. Лордъ Литтонъ вооресилъ недавно такую забаву Инднн. Шахматною доской служилъ коленировый коверъ изъ красныхъ и бѣлыхъ квадратовъ въ 1 кв. ярдѣ (почти 1 1/2 арш.). Онъ былъ разложенъ подѣ открытымъ небомъ. Шахматы—взрослые люди и мальчннн, отдѣтые по партнн, въ красное и бѣлое—двнгалнсь и занимали соответствующія мѣста по командѣ.

Американская реклама. Владѣлецъ одной изъ большихъ гостинницъ въ Нью-Йоркѣ придумалъ, для привлеченнн посѣтнтелей, слѣдующее: «Каждому г. стно подаютъ утромъ счетъ и ящикъ, въ которомъ находится столько нумеровъ, сколько въ данный день состоитъ въ гостинницѣ гостей. Кто вынулъ самый высшнй №, живетъ сутки бесплатно, получаетъ полное содержанне и, кромѣ того, 1 долларъ деньгами». Гостинница всегда переполнена посѣтнтелями

Крысы всюду неудобны, но на кораблѣ онѣ составляютъ истинное бѣдствне. Случайно открыто весьма простое средство для того, чтобы отъ нихъ избавиться. Запахъ растенн, весьма распространенаго въ юду и называемаго «*Synoglossus*» (собачнй языкъ), до того противенъ върымъ, что когда на корабль принесена была вязка этой травы, крысы стали съ большимъ безпокойствомъ метаться по всему кораблю и, наконецъ, бросились въ море и поплыли къ берегу.

СОДЕРЖАННЕ: Генераль-лейтенантъ Павелъ Дмитрневичъ Зотовъ (съ портретою) Д.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть В. Соловьева. Часть вторая (продолженне).—Столтнн г. Тулы (съ рисункомъ) Д. Стахѣева.—Эпизоды изъ защиты Шипкинскаго прохода въ Балканахъ (съ 2-ма рисунками) Орбш.—Назачная удадь (съ рисункомъ) З. Румынснн циркульннн (съ рисункомъ).—Сельскнй почталонъ (съ рисункомъ) О. нъ.—Ремонсировка мѣстности въ долинѣ рѣки Вида генераломъ Лошаревымъ (съ рисункомъ) С.—Лонжина рѣки Яатры и монастырь св. Троицы и Преображенн (съ рисункомъ) М. Стр.—Первая частная астрономическая обсерваторн въ Рогнн Стр.—Русские типы П. Купецъ лабазннн (съ рисункомъ).—Полнтическия и военныя явленнн.—Связь.—Объявленнн

Издатель А. Ф. МАРНСЬ. Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

Главный складъ для Россіи въ Петербургѣ

уголъ Николаевской и Невскаго проспекта № 71—2.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНЫЕ ГРУДНЫЕ КОНФЕТЫ ПРОТИВЪ КАШЛЯ.
Ваши мальцъ-экстрактные грудные конфекты оказались целбными для моей жены, страдающей грудью; прошу послать мнѣ еще таковыхъ. Е. Видигеръ въ Выборгѣ
Ваши мальцъ-экстрактные грудные конфекты освободили мою грудь отъ мучительной мокроты; кашель прошелъ и могу свободно дышать. Цитенъ счетоводъ, въ Шейнвердѣ

О МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНОМЪ ПИВѢ ЮГАННА ГОФФА.

Страдаю 12 лѣтъ желудкомъ, я вотъ 4 мѣсяца употребляю ваше драгоценное мальцъ-экстрактное пиво, отъ котораго не только что чувствую себя лучше, но и силы мои возвращаются (слѣдуетъ заказать). Адр. Конце. Лютграу, Берлинъ, 17 апрѣля 1877 года.
Для отправленн въ провинцію цѣна за ян. мальцъ-экстрактнаго пива въ 33 бут., съ яннкомъ и унак. (кромѣ перес.) 10 р. 80 к., 70 бут.—21 р. Берлинъ е. мальцъ экстр. шокол. 1 р. 80 к.; 5 1/2 е.—9 р. 50 к., 11 еун. 19 р.
Цѣна ящичка грудныхъ конфектъ въ 40 штукъ—30 к., 5 1/2 ящш—2 р. 50 к., 11 ящш.—5 р.
Сгущенный мальцъ-экстрактъ противъ кашля—1 р. за флаконъ; за 11 флаконовъ 10 р. Мальцъ-экстрактная питательная мука для дѣтей—за жестянку 1 р., за 11 жестянокъ—10 руб № 15 1—1

КАМИННЫЙ УГОЛЬ
у Фрицъ Буркгардта.

1—2 Румянцевская площадь № 5. № 16

КАРЛЬ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.
Садовое Заведенне въ Рнгѣ,

снмъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнн любителей, что **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕННМЪ** и пр. на 1877—1878 г. изданы и разошланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы. Прочнмъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также бесплатно, смотря по заявленн, на русскомъ языкѣ, или французскомъ и нѣмецкомъ. № 22 4—2

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимрская, № 3.

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕНАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ.

Васильевскнй Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чежберсъ и К^о.

Противъ Стрѣльннн.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКАГО КАТАЛОГА МАГАЗИНА Н. ФЕНУ и К^о.

1877 г. 2 частн, ц. по 50 коп. съ пересылкою.
Содержанне 1-й части: Классная обстановка, письменныя принадлежности, начальное обученне и педагогическія игры. Наглядныя пособія къ систематическому курсу.
Содержанне 2-й части: Руководства и учебныя пособія.
Прнмѣчанне. Готовится къ печати третья часть, которая дастъ фундаментальныя и возрастныхя бнбліотеки
Извлеченне изъ 1-й части (классная обстановка, письменныя принадлежности и начальное обученне) выдается бесплатно. Иногороднымъ высылается въ обмѣнъ почтовой марки.
Съ требованнми на каталоги, а равно и на всѣ книги и наглядныя пособія, письменныя принадлежности и педагогическія игры обращаться въ Петербургъ, въ складъ **Н. Фену и К^о.** по Фонтанѣ, противъ Лѣтнаго сада. № 17 1

РУКОВОДСТВО КЪ УХОДУ

за больными, ранеными, беременными, родильницами, новорожденными дѣтьми и первая помощь до прибытія врача, съ 41-мъ рисункомъ въ текстѣ. 2-е изданне, 1877 года.

Составилъ Михаилъ Залуговскнй.

Медицинскимъ Совѣтомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ книга эта одобрена для сестеръ милосердія, для фельдшерскихъ школъ, какъ вспомогательное при другихъ руководствахъ, и для бнбліотекъ цѣленныхъ покоевъ и врачебныхъ приутовъ.
Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ книгъ у автора въ Москвѣ, у Пречистенскихъ воротъ, Лѣвнй переулочъ, д. Антошевской, квартира **Михаила Самсоновича Залуговскаго.** Продается и у гг. книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ. № 14 1

РЕКОММЕНДУЕМЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- З. А. Россесслеръ. На Досугѣ. Популярныя Бѣсѣды, съ политнпжами въ текстѣ, переводъ съ нѣмецкаго П. Андреевскаго. Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р.
- Записки Слѣдователя, сочиненне Н. П. Тимофѣева. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.
- Хрнстова Невѣста, повѣсть Н. А. Лейннна. Изданне второе. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою 1 р. 50 к.
- Повѣсти, Разказы и Драматическія сочиненн Н. А. Лейннна. Цѣна за 2 тома 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р.
- Историческія Очерки и Разказы С. Н. Шубинскаго. Изданне второе дополненное. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Все эти пять изданнй объявленныхъ здѣсь можно выписывать чрезъ Редакцію „НИВЫ“. 3—3

№ 42

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 17 Октября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к

Каждый новый под-
писчикъ получаетъ
всѣ уже вышедшіе
номера «Нивы».

ГОДОВАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА „НИВА“ НА 1877 ГОДЪ:

Въ Петербургѣ безъ доставки . . . 4 р.

„ „ съ доставкою . . . 5 „

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 2 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 3 р.

Подписка продолжается.

Въ Москвѣ безъ доставки чрезъ книж.

маг. Соловьева, Лангъ и Живарева 4 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ города Имперіи 5 „ 50 „

Контора журнала
«Нива» помѣщается
въ С.-П.-Бургѣ, на Б.
Морской, въ д. № 9.

При слѣдующемъ № 43 будутъ разсланы въ картонномъ футлярѣ обѣщанныя гг. подписчикамъ „Нивы“ (получаю-
щимъ журналъ черезъ почту) ПРЕМІИ—двѣ олеографическія картины: 1) Семья рыбака и 2) Тарантелла.

Въ случаѣ не полученія къмъ либо при № 43 такого футляра съ преміями, издатель
проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ
№ 44 „Нивы“.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ или Москвѣ, будутъ выданы эти пре-
мія при № 43 безъ футляра, завернутыя въ бумагу.

РАЗВАЛИНЫ ТРАЯНОВА МОСТА НА ДУНАѢ

Остатки развалинъ отъ моста, бывшаго на Дунаѣ во времена Римскаго Императора Траяна. Рис. Лансело.

РАЗВАЛИНЫ ТРАЯНОВА МОСТА НА ДУНАЙ

Гуляя по Английской набережной въ Петербургѣ и любуясь грандіозностію и красотою Николаевского моста, смѣло переброшеннаго чрезъ Неву, или смотря на сложныя и весьма трудныя по своимъ задачамъ сооруженія, долженствующія служить основою будущаго Литейнаго моста (противъ Медико-Хирургической Академіи), мы дивимся прогрессу нашего времени, восторгаемся успѣхами техники и думаемъ, что ужасно далеко превзошли въ этомъ дѣлѣ древнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько нужно знанія для того, чтобы преодолѣть всѣ трудности, представляющіяся въ безчисленномъ количествѣ при попыткѣ укрѣпить прочно каменные устои на днѣ широкой и быстро несущей свои воды рѣки. Сколько нужно соображенія, основаннаго на самыхъ точныхъ выводахъ науки, чтобы устои эти оказались построенными не на пескѣ и не на илѣ, а на прочномъ материалѣ, лежащемъ иногда глубоко подъ дномъ рѣки. Все это нужно преодолѣть, овладѣть, такъ сказать, самою рѣкою, загнать ее не мѣшай работѣ и спуститься безвредно на ея дно.

Зная все это, не можемъ ли мы, дѣти XIX вѣка, сказать про себя, что мы есть достойные представители своего времени, возвысившіея своимъ превосходствомъ высоко, высоко надъ всѣми прежними жителями нашей планеты, уже потонувшими теперь „въ пропасти забвенья“?

Сказать этого о себѣ мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ. Вѣроятно, ни одинъ изъ нашихъ читателей будетъ удивленъ, услыша, что мы не только недалеко ушли во многомъ отъ древнихъ, а напротивъ, далеко отъ нихъ отстали.

Такое обидное для насъ, дѣтей XIX вѣка, обвиненіе въ медленномъ шествіи на пути къ такъ-называемому *прогрессу знаній* тѣмъ, конечно, кажется обиднѣе, что оно совершенно справедливо. Теперь мы, понятно, не можемъ для сравненія привести данныя, какъ именно, при помощи *какихъ* именно машинъ, способвъ и приемовъ производились сооруженія древнихъ, но что эти сооруженія превосходятъ далеко сооруженія нашего времени, объ этомъ не можетъ быть никакого спора.

Между тѣмъ, какъ въ наше время, когда на помощь строителямъ являются всевозможныхъ родовъ примѣненія пара, древніе строители умѣли обходиться безъ его помощи, замѣняя его чѣмъ-то другимъ.

Но чѣмъ же именно?

Замѣнить, конечно, нужно было, иначе и самый замыселъ той или другой изъ грандіозныхъ построекъ древнихъ не могъ бы осуществиться.

Предъ читателями рисунокъ развалинъ, представляющихъ несомнѣнные слѣды громаднаго каменнаго моста чрезъ Дунай. Какъ былъ этотъ мостъ построенъ, какимъ способомъ были установлены быки на дно рѣки — теперь это неразрѣшимый вопросъ.

Дунай въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся развалины этого моста имѣетъ 596 сажень и при такой то широтѣ былъ построенъ за 1,800 лѣтъ до нашего времени каменный мостъ въ двадцать арокъ, подъ которыми могли свободно проходить мачтвыя корабли, такъ были высоко поставлены арки этого моста...

Но прежде чѣмъ рассказать по порядку все то, что извѣстно о постройкѣ этого моста, необходимо замѣтить слѣдующее.

На сѣверъ отъ Дуная до Карпатскихъ горъ, между Тиссою и Прутомъ, лежала древняя страна Дакія. Нѣкоторые писатели думаютъ, что жители Дакіи были одного происхожденія съ готами, которыхъ греки называли гетами, а римляне — *даки*, по общему мнѣнію сходится въ томъ, что обитатели Дакіи были славянскаго происхожденія. Жители Дакіи вели войны съ Римлянами. Въ 103 г. по Р. Хр. при царѣ Доцсбалѣ, Императоръ Римскій Ульпій Траянъ побѣдилъ даковъ и присоединилъ ихъ страну къ своей имперіи. (Траянъ [Ulpius Trajanus] римскій императоръ, род. въ 54 г. по Р. Х. въ Испаніи, въ 91 г. былъ консуломъ, усыновленъ былъ императоромъ Нервою, объявленъ имъ соправителемъ и послѣдникомъ и въ 98 г. наследовалъ ему. Умеръ Траянъ въ 117 г.) Во время этого похода и былъ построенъ знаменитый мостъ чрезъ Дунай, чрезъ который римскія войска шли сражаться противъ даковъ.

Мостъ этотъ былъ построенъ вблизи того мѣста, гдѣ нынѣ находится сербская крѣпость Кладово. Во времена римлянъ Кладово называлось *Egeta* и была въ стратегическомъ отношеніи едва ли не самымъ важнымъ пунктомъ на Дунаѣ.

Остатки этого моста со временъ глубокой древности были извѣстны подъ именемъ развалинъ Траянова моста, но при отсутствіи другихъ доказательствъ болѣе явственно утверждающихъ, къ какому именно времени относилась постройка, остат-

ки эти для многихъ „любящихъ поколебаться“ давали обильный материалъ къ разнымъ предположеніямъ. Понятно, нельзя не удивляться и теперь даже, какъ могли древніе римляне построить каменный мостъ чрезъ такую рѣку. Пловучій мостъ — другое дѣло, на это теперь и мы даже способны, и имѣемъ по случаю настоящей войны даже не одинъ такой мостъ чрезъ Дунай, а нѣсколько. Но что мостъ былъ построенъ римлянами — это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ 1766 г. была открыта на первомъ сводѣ развалинъ Траянова моста надпись: „Providentia Augusti, vere pontificis! virtus Romana quid non domat? Sub jugem ecce rapitur Danubius“ (Промыслъ Августа, истиннаго первосвященника! Сила Римлянъ чего не укротитъ! Подъ ярмомъ ея влечется Дунай).

Въ настоящее время развалины представляютъ двѣ величайшія каменные груды, имѣющія форму стульевъ (одна находится на румынскомъ берегу, другая на сербскомъ — обѣ онѣ имѣютъ совершенно одинаковую видъ). Часть каменной стѣны, возвышаясь надъ массивнымъ четырехугольникомъ, закругленнымъ отъ времени, имѣетъ видъ нѣсколько напоминающей спинку стула. При низкой водѣ съ Сербскаго берега у острова, находящагося среди Дуная, бывають видны 11 пилястровъ, а у острова къ румынскому берегу 4, служившихъ устоями моста. Такимъ образомъ въ виду фактически подтверждаемаго доказательства о постройкѣ каменнаго моста чрезъ Дунай въ концѣ перваго или въ началѣ втораго вѣка по Р. Хр. императоромъ Траянмомъ, нельзя не удивляться бывшему величію этого замѣчательнаго сооруженія. Это, видимо, было такое же величественное сооруженіе, какъ и знаменитый колоссъ Родосскій, стоявшій при входѣ въ гавань Родосса (на Средиземномъ морѣ) и опиравшійся ногами на двѣ скалы, между которыми проходили съ распушенными парусами корабли. И здѣсь подъ арками этого моста точно также (при высотѣ ихъ надъ водою болѣе чѣмъ въ 20 саж.) могли проходить корабли, распустивъ свои паруса. Какъ же не удивляться такимъ необычнымъ для нашего времени постройкамъ?

Но удивляясь на различныя и весьма многочисленныя сооруженія древнихъ, о которыхъ повѣствуютъ намъ исторія и остатки развалинъ этихъ сооруженій, мы должны болѣе всего обращать вниманіе при этомъ не только на ихъ бывшіе гигантскіе размѣры, но главнымъ образомъ на то, какая сумма знаній была потребна для производства этихъ построекъ. Такъ здѣсь, при видѣ сооруженій каменнаго моста на такой широкой рѣкѣ, какъ Дунай, мы невольно поражаемся не самой массивностію постройки, а именно трудностію ея выполненія, въ особенности въ то отдаленное время, когда наука, казалось, стояла на низкой степени своего развитія, въ сравненіи съ тѣми успѣхами, какіе она сдѣлала въ послѣднія столѣтія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ знаній мы уступаемъ древнимъ. Это впрочемъ не должно казаться для насъ обиднымъ, хотя бы въ виду того, что въ военномъ искусствѣ мы далеко опередили ихъ... Но прогрессъ ли это?..

Изъ историческихъ памятниковъ древности о Траянмомъ мостѣ, извѣстно, впрочемъ, не многое. Сооружался онъ знаменитымъ архитекторомъ Аполлодоромъ, подъ личнымъ наблюденіемъ самого императора. Состоялъ этотъ мостъ изъ 20 арокъ, имѣвшихъ возвышеніе надъ поверхностію воды, какъ сказано выше, болѣе 20 сажень. Ширина моста была болѣе 9 сажень и длина до 600 саж.

Судя по этимъ размѣрамъ, можно представить, какое это было гигантское сооруженіе, чрезвычайно смѣлое и величественное. Историки передають, что къ сожалѣнію, мостъ этотъ весьма не долго существовалъ.

По сказанію однихъ, преемникъ Траяна, императоръ Адрианъ, рѣшился сломать мостъ, чтобы не дать варварамъ возможности воспользоваться имъ въ свою очередь при переправѣ въ предѣлы Римской территоріи. (Адрианъ [Publius Aelius Adrianus] пятнадцатый изъ римскихъ императоровъ. О немъ см. въ № 40 „Нивы“, стр. 646. Когда Траянъ скончался въ 117 г. въ Малой Азіи, смерть его была скрывается его женою до тѣхъ поръ, пока подкупленная войска не провозгласили Адриана преемникомъ престола). По другимъ источникамъ предосторожность императора Адриана противъ варваровъ была только предлогомъ: въ сущности онъ не желалъ, чтобы остался послѣ Траяна такой могучій памятникъ и изъ чувства зависти къ славѣ Траяна велѣлъ снести всю верхнюю постройку и своды моста. Строитель моста, Аполлодоръ, погибъ также какъ и его произведеніе.

Ор.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

Историческая повѣсть Вс. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Анна Ивановна у себя, она рѣдко куда выѣзжаетъ, ликовъ княжны Натальи, въ царскихъ охотахъ тоже рѣдко показывается у цесаревны Елисаветы и не принимаетъ участія. Никому не доставляетъ осо-

беннаго удовольствія ея компанія, а между тѣмъ съ своей стороны она употребляетъ всѣ силы чтобы нравиться, чтобы заслужить расположеніе. Глазъ не спускаетъ съ Императора и царевенъ, не знаетъ чѣмъ и угодить имъ и все таки не обращаютъ на нее вниманія. Съ какимъ бы удовольствіемъ уѣхала она въ свою Митаву, но Биронъ говоритъ что еще подождать нужно, еще не всѣ дѣла сдѣланы, а безъ рѣшенія дѣлъ ѣхать не стоитъ, не даромъ же пріѣзжала.

Герцогиня очень изумилась и обрадовалась приходу Остермана: ее и придворные не баловали своимъ вниманіемъ.

— Какъ это ты обо мнѣ вспомнилъ, Андрей Ивановичъ? сказала она, протягивая ему руку.

— Что это вы, ваше высочество, „какъ вспомнилъ“, да я непрестанно васъ въ мысляхъ своихъ имѣю; вотъ пришелъ узнать не прикажете ли чего—такъ я все для васъ устрою.

— Чего жъ мнѣ, всѣмъ я довольна, ничего мнѣ не надо, заторопилась Анна Ивановна. Что Государь, какъ онъ въ своемъ здоровьѣ?

— Какое, я думаю, здоровье! отвѣчалъ Остерманъ,—совсѣмъ не берегутъ его, а самъ о себѣ конечно ужъ онъ не думаетъ.

— Ахъ, какъ вѣдь это плохо, печально качала головой герцогиня,—я такъ всѣмъ сердцемъ люблю его величество и такъ мнѣ жалко слышать, что онъ не бережетъ себя....

Да и ея высочество великая княжна все такъ не здорова, ахъ какъ это жалко!

— За то цесаревна хорошо себя чувствуетъ, еще пополнѣла, проговорилъ Остерманъ, пристально глядя на герцогиню.

— Ахъ да, да, какая она красавица, цесаревна!

И герцогиня тоже стала пристально глядѣть въ глаза Андрею Ивановичу, пытаясь прочесть въ нихъ, почему это онъ заговорилъ о цесаревнѣ и такимъ тономъ. Она такъ боялась попасть въ какойнибудь просакъ, сказать чтонибудь лишнее, какимънибудь словомъ повредить себѣ! И какъ нарочно съ ней не было ея друга Вирона, который всегда умѣлъ вывести ее изъ затрудненія, чтонибудь сказать за нее или незамѣтнымъ образомъ навести ее на отвѣтъ подходящій.

— Ахъ да, Андрей Ивановичъ, вспомнила Анна Ивановна, прошу васъ передайте великой княжнѣ, что я ужъ писала въ Митаву насчетъ собакъ, о которыхъ она мнѣ говорила. Можетъ и безъ меня найдутъ ихъ для его величества, а то какъ я пріѣду, такъ сейчасъ все сдѣлаю, чтобы исполнить ихъ желанье, сама искать буду. Пожалуйста же передайте, Андрей Ивановичъ, что я только и думаю о томъ, не могу ли чѣмънибудь быть полезной его величеству и ея высочеству, пожалуйста передайте.

— Да, вѣдь вы сами, герцогиня, увидите съ ними, раньше моего пожалуй.

— Да да, конечно, но все же хорошо будетъ если и вы имъ объ этомъ скажете и ужъ прошу я васъ, продолжала она, заглядывая въ глаза Остерману и смущаясь,—ужъ прошу я васъ, добрый Андрей Ивановичъ, какъ уѣду не забудьте обо мнѣ, будьте ко мнѣ милостивы и иной разъ напомните обо мнѣ, скажите за меня доброе слово, а ужъ я, я чѣмъ только могу—да вотъ, могу то я мало—чѣмъ могу ужъ я услугу вамъ за это....

— Ахъ Богъ съ вами, полноте, герцогиня, что это вы, неужели думаете, что меня еще просить нужно. Пожалуйста положитесь на меня, я всегда почту себя счастливымъ, если смогу чтонибудь сдѣлать вамъ удобное.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, даже покраснѣла Анна Ивановна, я знаю, вы добрый человѣкъ.

Въ это время вошелъ Биронъ. Онъ почтительно по-

клонился Остерману, а тотъ всталъ и дружески протянулъ ему руку.

— Вотъ баронъ Андрей Ивановичъ такъ добръ, обрадовалась Анна Ивановна къ Бирону, что не забываетъ меня, навѣщаетъ.

— И я надѣюсь, проговорилъ Биронъ, что мы уѣзжая оставимъ здѣсь надежнаго друга, вѣдь вы позволите, баронъ, такъ назвать себя?!

— Конечно, сказалъ Остерманъ, я сейчасъ уже имѣлъ честь доложить герцогинѣ, что все сдѣлаю на ея пользу, что въ моихъ слабыхъ силахъ. Такъ не позволите мнѣ дать никакихъ приказаній, ваше высочество?

— Чтожъ, теперь никакихъ, только не забудьте про собакъ, что я вамъ говорила...

— Какъ можно забыть, не забуду, при первомъ же свиданьи непременно скажу и цесаревнѣ, да и Государю.

Андрей Ивановичъ почтительно откланялся герцогинѣ, опять пожалъ руку Бирону съ самой добродушной, милой улыбкой, и вышелъ.

По его уходѣ Анна Ивановна подробно, не пропуская ни одного слова, передала Бирону весь свой разговоръ и стала его спрашивать что бы значилъ намекъ Остермана на принцессу Елисавету.

— Чтонибудь да значить, сказалъ Биронъ. Остерманъ хитеръ, онъ даромъ не скажетъ ни одного слова, да и вообще мы можемъ теперь успокоиться—значить дѣла наши не совсѣмъ дурны, если Остерманъ васъ навѣщаетъ. Откуда же бы это взялась такая къ намъ дружба.

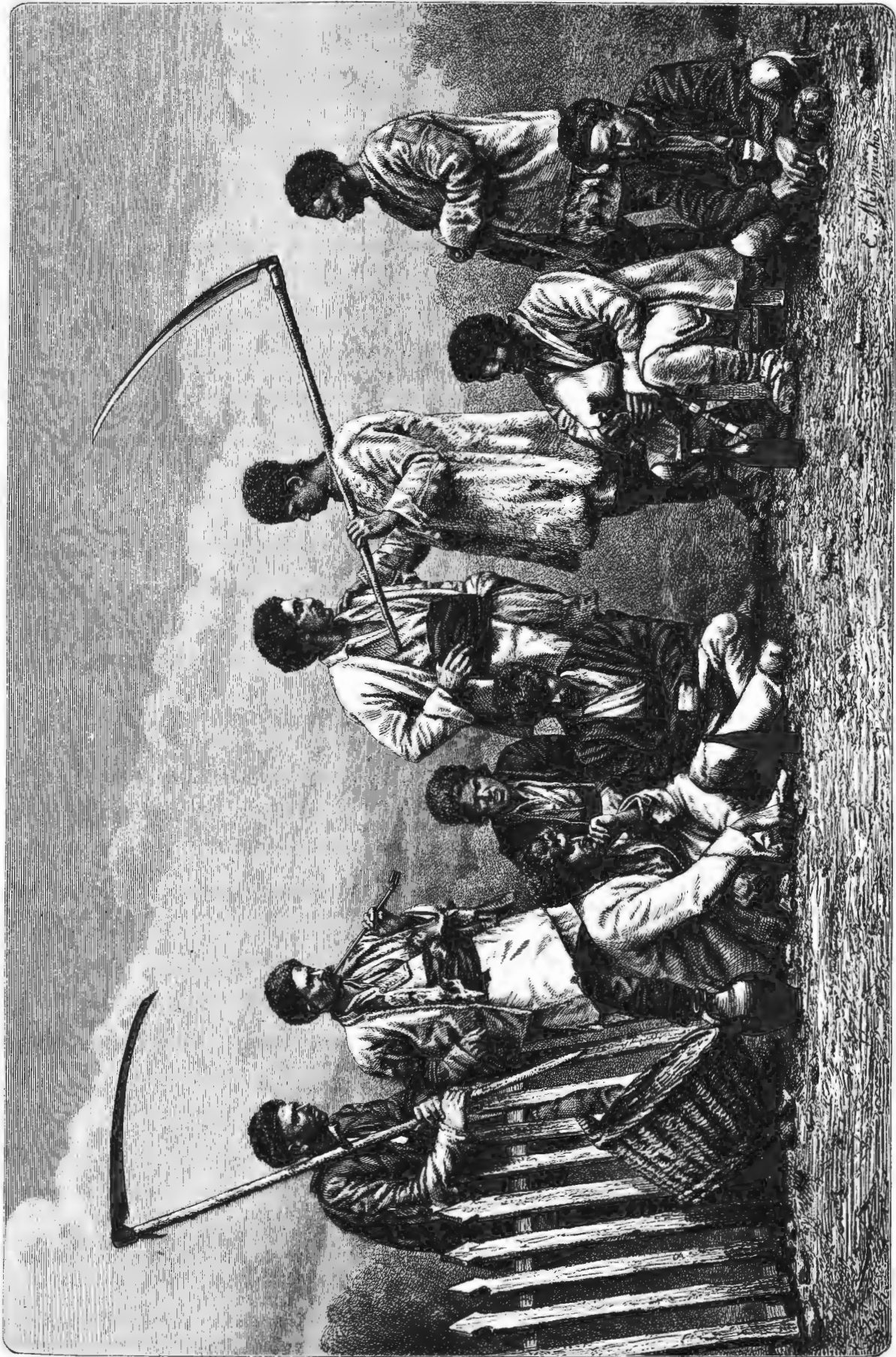
— Ну, а что ты? что новаго?

— Я теперь отъ князя Ивана Алексѣевича, тоже и съ нимъ поладилъ, ласковъ онъ былъ со мною, милостивъ, и ему я обещалъ найти у насъ въ Курляндіи хорошую охотничью собачку, такъ онъ за это даже поцѣловалъ меня. Какъ только что пріѣдемъ домой сейчасъ нужно собакъ искать,—много эти собаки намъ помогутъ.

— Ну, и слава Богу, даже перекрестилась герцогиня...

VIII.

Свѣтлые майскіе дни стоятъ надъ Москвою. Благоуханная тишина въ тепломъ воздухѣ. По Москвѣ рѣкѣ ходятъ лодки и гребцы не знаютъ иной разъ что плыть и дѣлать, такъ обмелѣла Москва рѣка. Облитый вечернимъ солнцемъ стоитъ монастырь Новодѣвичій. Напротивъ его, по ту сторону рѣки, тянутся Воробьевы горы, покрытыя густымъ, зеленымъ лѣсомъ. Съ вышины этихъ горъ во всѣ стороны чудные виды открываются и весь городъ Москва, какъ на ладони: всѣ сорокъ сороковъ церквей ея видны, отъ солнца какъ огни горятъ ихъ золоченные куполы. Длиннѣютъ вечернія тѣни и все тише и тише становится, только гдѣнибудь на берегу промчитъ корова, да раздадутся тонкіе, жалобные звуки рожка пастушьяго... Часы на монастырской колокольнѣ все бьютъ минуты за минутами и съ тоскою великою, съ томленьемъ и скукой прислушивается къ ихъ бою царица Евдокія Ѳеодоровна. Все въ той же она тихой и спокойной спальнѣ, только окно отворено, а подъ окномъ цвѣтетъ кустъ сирени. Длинные, однообразные дни тянутся для царицы, чего бы ей, кажется? жизнь спокойная беззаботная, всего у ней вдоволь и людей много, что по первому ея знаку готовы исполнять всѣ ея приказанія, и столь обильный, и всякаго продовольствія сколько душа пожелаетъ. Въ церковь войдетъ—всѣ ей низко кланяются, священникъ всенародно возглашаетъ ее великой государынею, отвсюду ей почтеніе, чего жъ она такъ печальна, чего сидитъ часто подъ открытымъ окошкомъ, смотритъ на дворъ монастырскій и тихонько плачутъ ея глаза старыя, съ безнадежнымъ отчаяніемъ шепчутъ жалобы ея блѣдныя губы? Чего ждала она, на что надѣялась то не сбы-

Волгарскіе крестьяне на жатвѣ. Рис. Мелнджеръ, грав. Г. Кохъ.

Муравьѣдъ въ зоологическомъ саду въ Берлинѣ. Рис. Гофманъ, грав. Гренд'амуръ.

лось, чего боялась то исполнилось. Только соблюли приличіе, назначили ей содержаніе богатое внучата, а ее позабыли, и за что это? Всего раза три и видѣла она внука. Чѣмъ досадить ему она успѣла—что совѣтывала ему побережь свое здоровье, да жизнь вести разумную—это не повалилось? Ну а сестрица его, внучка Наташенька, она то чего отвернулась отъ бабушки? Да что и думать объ этомъ: отчего, да почему? отчего бы тамъ ни было, а отвернулись отъ нея внучата, и сами къ ней незаглядываютъ и ее къ себѣ не зовутъ. Все ждала, все надѣялась старушка, что это переимѣнится, да не дождалась. Вотъ и теперь: не можетъ. Послала она записочку Императору, говорить что больна и просить навѣстить ее, ну и чтожь? онъ на словахъ велѣлъ отвѣтить, что очень сожалѣетъ, что посылаетъ къ ней дохтура и приказываетъ постоянно извѣщать его объ ея здоровьи, а самъ къ ней быть не можетъ—очень занятъ. Занятіе его извѣстное—на охоту ѣдетъ, отъ того и не могъ навѣстить старуху. Думала хоть внучка приѣдетъ, анъ и внучки все нѣту—говорятъ сама больна очень, правда ли, нѣтъ ли, какъ тутъ узнаешь. Прежде заѣзжалъ хоть нѣмецъ, баронъ Андрей Ивановичъ, а и онъ ужъ пересталъ ѣздить... Никому не нужна царица—всѣ поняли что печего въ ней заискивать.

Сидитъ она у открытаго окошка и плачетъ; часто плачетъ теперь царица—бесиліе одолѣло ее, только и можетъ, что плакать. Ночь приходитъ. Ложится она въ постель, никакъ заснуть не можетъ, такъ всю ночь и ворочается съ боку на бокъ. Уже зазвонили и къ заутренѣ; пойти хоть помолиться. Она кличетъ служанку и спѣшитъ одѣться и бредетъ въ церковь. Тамъ становится она на свое мѣсто и поднимаетъ заплаканные глаза къ образу Богородицы. Всетаже спокойно и милостиво глядитъ на нее ликъ Пречистой Дѣвы, онъ зоветъ ея душу къ покою и смиренію, но все еще не можетъ обрести этого покоя и смиренія царица. Когда проходитъ тоска и слезы, тогда поднимаются въ ней другія чувства: снова стучится старая жажда мести, но больше чѣмъ когда либо, можетъ быть, связаны ея руки—право прежде лучше было, ну заточеніе, ну ужъ и знала что это значитъ, а теперь вѣдь окружили почетомъ и думаютъ что все сдѣлали, что могутъ на этомъ успокоиться. Да вѣдь нѣтъ больша обиды, какую она терпитъ теперь отъ внучатъ своихъ, вѣдь вотъ не захотѣли помѣстить ее во дворцѣ, все сдѣлали, только чтобъ подалше, чтобъ не видѣть ее, не слышать о ней. Значитъ, противна она имъ, значитъ прямо показать ей хотять, *какою* ее считаютъ. Всю жизнь всѣ обижали, а эти обиды, подл старости, ужъ не по силамъ царицѣ. Чтожь они, въ самомъ дѣлѣ думаютъ? чѣмъ и такъ провинилась передъ ними? Чѣмъ я ихъ озорюила? Лучше меня, чтоли, была ихъ другая бабушка?—той все прощалось—да и сами они какъ живутъ?!.. И недавнее чувство любви къ Петру и Натальѣ замѣняется въ ней почти ненавистью. „Смѣйтесь, смѣйтесь, издѣвайтесь, обижайте, мысленно грозится она имъ... погодите, все же я жива еще, еще не умираю, еще можетъ васъ переживу!.. Вонъ внучка какъ цвѣтокъ вянетъ, къ землѣ клонится, грудь у ней болитъ, кашляетъ, умереть того гляди... да и ты умрешь тоже скоро, Государь мой внучекъ—не хвтитъ тебя на эту жизнь разгульную, въ этикіе то годы. Сами себя погубите: я бы васъ охраняла, я бы не допустила, я бы какъ коршунъ надъ вами стояла, вашихъ враговъ отгоняла—не захотѣли, оплевали старуху, ну, и погибайте!.. Охъ, чуеъ мое сердце, чуеъ что скорою я ихъ, думаетъ глядя на икону и уже не видя ее Евдокія Федоровна,—и не пожалѣю! Къ чему жалѣть—развѣ они меня жалѣютъ? Развѣ ктонибудь когда пожалѣлъ меня?... Но потомъ... что потомъ, кто сядетъ на престолъ русскій? Неужто она, эта писаная краля, дочь моего учителя? Нѣтъ, еще подожди ты!

Если по немъ стала Императрицей вторая жена его—жена при живой то женѣ! да не своя, а нѣмка—такъ отчего жъ и мнѣ не быть Императрицей? Я его законная наследница, я первая вѣнчанная жена его, русская, православная—такъ неужли я уступлю мѣсто это Елисаветѣ? Всю жизнь всѣмъ уступала—пора образумиться хоть передъ смертью. Охъ, что я, о чемъ это я думаю, развѣ тому можно статьса“.

Но мысль ужъ пришла, послѣ первой безнадежности, послѣ долгой тоски и сознанія своего безилія; мысль пришла дикая но соблазнительная и теперь ужъ не уйдетъ она. „Чтожь это, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь можетъ оно статьса, почему знать, можетъ быть все и идетъ только къ этому, можетъ такъ, самимъ Богомъ назначено“! И никакъ ужъ не въ силахъ отвязаться Евдокія Федоровна отъ этой внезапно всю ее охватившей мысли. Она дрожитъ, глаза ея горять, ей становится душно, она начинаетъ чувствовать невѣдомое волненіе, ей ужъ начинаетъ казаться, что сейчасъ, сію минуту должно совершиться исполненіе ея замысловъ, что ужъ никого ихъ нѣтъ, что они умерли. Вотъ ей слышится подл церковными сводами голосъ священника, онъ возглашаетъ: „Благовѣрную государыню нашу, царицу Евдокію Федоровну“. Да, она царица, вѣнчанная царица земли русской. Кругомъ нея—все это ея подданные: въ ея рукахъ и гнѣвъ и милость: всѣ ждутъ съ великимъ трепетомъ ея приказаній, ловятъ ея взгляды. Безумными глазами обводитъ она церковь, ей кажутся знакомыя лица, толпа придворныхъ... все смѣшалось: въ средѣ ихъ и живые и уже умершіе люди. Но ей теперь кажется, что они еще живы, что они здѣсь, передъ ней.. сейчасъ, сейчасъ совершиться должно исполненіе ея замысловъ, сейчасъ насладится ея сердце мезтью старой, долгіе годы копившейся мезтью. Передъ ней онъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, онъ—вѣчный врагъ ея... какую казнь придумаетъ она ему? Нѣтъ для него казни, еще не придумано: колесовать его—мало! На колъ посадить—мало!.. подождетъ она, придумаетъ... За нимъ стоятъ другіе!.. Вотъ они падаютъ передъ ней на колѣни, молятъ о прощеньи, извиваются и пресмыкаются у ногъ ея. А! ей смѣшно, она наслаждается ихъ униженіемъ, нѣтъ, не сейчасъ она казнить ихъ—это было бы для нихъ мало, она медленно станетъ пытать ихъ, какъ сами они ее пытали. Она станетъ оскорблять ихъ, издѣваться надъ ними, какъ и ее оскорбляли и какъ надъ нею издѣвались. И никого не пощадитъ она, пусть просятъ прощенья, пусть!.. напрасно! Но кто жъ останется? враговъ такъ много, все враги, и ни одного друга.

Она выпрямилась во весь ростъ свой. Окружающія ее мопахини съ изумленіемъ и страхомъ глядятъ на нее, такъ измѣнилась она. Голова ея трясется, лицо багровѣетъ, губы шепчуть что то непонятное. И опять ей начиняетъ казаться—ей кажется, что всѣ эти враги лютые, лежавшіе у ногъ ея и молившіе о пощадѣ, поднимаются... ей слышится угрожающій крикъ ихъ: А! такъ ты хочешь погубить насъ всѣхъ, но мы тебѣ не дадимся. Насъ много—ты одна, одна хоть и царица и никто за тебя не заступится—насъ много!.. И они кидаются на нее. Вотъ они уже ее окружили, она рвется, мечется, вырывается изъ рукъ ихъ, но они скрутили ей руки. Дикій крикъ огласилъ церковные своды... Всѣ кинулись къ царицѣ—съ багровымъ лицомъ, съ закатишимися глазами, она неподвижно лежала на полу церковномъ.

Бросились за докторомъ. Докторъ объявилъ, что царица еще жива, что нужно ей пустить кровь, что съ ней ударъ. Осторожно принесли ее изъ церкви и дали знать во дворецъ. Но Императора тамъ не было, онъ уѣхалъ на охоту съ цесаревной Елисаветой, а великая княжна Наталья сама лежала въ постели слабая и больная. Одна только герцогиня Курляндская, Анна

Ивановна, приехала в монастырь и весь день провела у больной царицы, и оставила ее только тогда, когда та окончательно пришла в себя и когда доктор сказал, что опасность миновала.

IX.

По тверской дороге, за селомъ Всесвятскимъ, начинается сосновый лѣсъ и тянется онъ на многія версты, доходитъ до рѣки Химки, идетъ по берегу, перебрасывается на другую сторону и опять тянется. Зимой въ лѣсу этомъ много всякаго звѣря: и волки и медвѣди водятся; лѣтомъ птица дикая кишмя кишитъ по старымъ сосновымъ вѣткамъ. Привольно здѣсь охотиться: птица не напугана, не видала до сихъ поръ человѣка, не слыхала выстрѣла. Тишина невозмутимая жила здѣсь долгіе годы; трава стояла не мятая, а въ травѣ цвѣты прятались. На лѣсныхъ лужайкахъ и вездѣ, гдѣ доступъ былъ солнцу, спѣли крупныя ягоды земляники, черники и костяники, спѣли и осыпались,—некому было собирать ихъ; развѣ кое когда деревенскія дѣвки изъ сель окрестныхъ забредутъ сюда съ кузовками, но онѣ ходятъ все больше по опушкѣ—вглубь боятъ заглядывать, тамъ страсти — медвѣдь, звѣрь всякій....

А вотъ теперь и тишина убѣжала изъ сосноваго бо-ра: шумъ великій по немъ слышится, гикъ, порсканье. То охотники Петра Алексѣевича, то собаки его вверхъ дномъ лѣсную жизнь подняли. Изумленно слушаетъ птица звуки выстрѣловъ и падаетъ мертвою, такъ и не очнувшись, не понявши откуда пришла гибель. Съ утра ранняго охотится Государь молодой, заморился совсѣмъ, отдохнуть пора. И возвращаются охотники на широкую лужайку у высокаго рѣчнаго берега, гдѣ стоятъ шатры, готовъ пыльный ужинъ. Съ Государемъ большая свита: всѣ Долгорукіе—на этотъ разъ и Иванъ Алексѣевичъ выѣхалъ—баронъ Остерманъ, есть и дамы: цесаревна Елисавета со своей фрейлиной, княгиня Долгорукая, Прасковья Юрьевна, съ дочерьми. Совсѣмъ замаялся юный Императоръ, едва ноги за собой волочить, лицо загорѣлое, потное, за то на сердцѣ у него весело. Возвращается онъ ужинать, и съ богатой добычей: самъ сколько птицы всякой настрѣлялъ: ягдташи полные. Весело и радостно обращается онъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ и начинаетъ рассказывать ей свои охотничьи приключенія, о томъ, какъ застрѣлялъ онъ въ болотѣ, и какъ едва его вытащили, о томъ, какъ чуть въ любимую собаку свою не выстрѣлилъ;—много у него разныхъ рассказовъ.....

Баронъ Андрей Ивановичъ подходитъ къ Императору и своимъ постоянно ласковымъ и почтительнымъ тономъ говоритъ ему, что если онъ попалъ въ болото такъ навѣрно промочилъ себѣ ноги, навѣрное вода въ сапоги забралась—нужно переобуть, не то простудится.

— Пустое, весело отвѣчаетъ Императоръ,—съ чего мнѣ простудиться теперь?—лѣто. Усталъ я, это правда, да вотъ поѣмъ хорошенько, выпью немного и усталость какъ рукой сниметъ. И не угоаривай меня, Андрей Ивановичъ,—не стану переодѣваться.

Онъ садится ужинать. По одну его сторону—Елисавета, по другую—княгиня Катерина Долгорукая. Ужинъ быстро исчезаетъ въ голодныхъ желудкахъ охотниковъ и вина выпито изрядно. У всѣхъ языки развязались, поднялся смѣхъ, начались шутки, всѣ веселы. Не весело только барону Остерману, не весело фавориту Ивану Алексѣевичу, не весело и сестрѣ его Катюшѣ. Сидитъ она рядомъ съ Императоромъ, не сама она такъ съѣла, а ее посадили—только зачѣмъ, зачѣмъ это? Еще еслибъ Императоръ особенно желалъ этого, благоволилъ бы къ ней, а то вѣдь нѣтъ ничего. Вотъ онъ и вниманія на нее не обращаетъ, почти слова не говоритъ съ нею. Ей гораздо бы пріятнѣе было сидѣть подальше, вонъ хоть бы тамъ, на томъ концѣ стола— ея взоры

обращаются туда часто—тамъ между молодыми охотниками, спутниками Императора, видитъ она красивое лицо съ большими черными глазами. Эти глаза часто встрѣчаются съ нею и она краснѣетъ и опускаетъ рѣсницы. И ужъ не первый день это—давно запримѣтила она молодого графа Милезимо, родственника австрійскаго посланника Вратислава. На балахъ она часто съ нимъ танцевала и вотъ ужъ четвертый день, какъ выѣхали они на охоту, онъ пользуется всякимъ случаемъ подойти къ ней, сказать ей нѣскольکو словъ и глянуть на нее такъ нѣжно;—совсѣмъ по сердцу пришелся ей этотъ молодой иностранецъ.

Послѣ оживленныхъ рассказовъ Петръ замолчалъ, видимо утомленный. Онъ отказался отъ предложеннаго ему блюда, откинулся на спинку стула и вытянулъ ноги. У него немного начинала кружиться голова, рѣчи присутствующихъ стали сливаться. Вотъ онъ слышитъ что князь Алексѣй Долгорукій говоритъ что то, вѣрно очень смѣшное—всѣ кругомъ смѣются и онъ улыбнулся, но самъ не знаетъ чему улыбается. Тетушка Лиза нагнулась къ нему и что то шепнула—онъ не расслышалъ, онъ ловитъ ея руку, но она не даетъ руки. По прежнему рѣдко съ нимъ ласкова Лиза, то есть не такъ ласкова, какъ ему бы хотѣлось. По цѣлымъ мѣсяцамъ, иногда, онъ на нее сердится, отъ нея удаляется, почти не говоритъ съ нею, но долго сердиться на нее онъ не можетъ—влечетъ она его къ себѣ, да и только, какая то тайная сила у нея есть надъ нимъ. „Ну а эта что жъ? подумалъ онъ, взглянувъ на княжну Катерину—эта, пожалуй, не отвернется, не станетъ сердиться если возьму за руку... а вѣдь какая она хорошенькая! Вотъ еще недавно была маленькая совсѣмъ, а теперь вдругъ какъ выросла, большая стала, совсѣмъ большая, ужъ ей шестнадцать лѣтъ“...

И онъ глядитъ на нее съ улыбочкой и говоритъ ей:

— Что жъ это ты ничего не кушашь, Катюша?

— Сыта, Государь, вѣдь я не ходила на охоту.

— Вотъ то-то, смѣется онъ,—зачѣмъ же не ходила, теперь бы и купала много. Завтра непременно отправляйся съ нами. Хочешь мы тебя нарядимъ охотникомъ, дадимъ тебѣ ружье,—славный ты будешь охотникъ.

И онъ беретъ ея руку и долго держитъ въ своей и глядитъ на нее съ нѣжной улыбочкой.

Долгорукіе уже замѣтили это, зорко слѣдятъ за каждымъ словомъ, за каждой миной Петра, только дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ.

Катюша не отняла руки, но вся покраснѣла, смутилась и взглянула на Императора такимъ испуганнымъ и дѣтскимъ взглядомъ, что онъ самъ смутился, и вдругъ оставилъ ея руку и отвернулся отъ нея. Ему стало неловко. Вотъ онъ думаетъ: „Нѣтъ, лучше какъ Лиза, лучше какъ Лиза, лучше бы и она отняла свою руку, а то что проку,—не отнимаетъ, а такъ жалобно смотреть“...

Наконецъ ужинъ кончили, сейчасъ будутъ запрягать экипажи: Императоръ со свитой поѣдутъ въ ближнее село, гдѣ приготовлено помѣщеніе для ночлега.

Вечеръ теплый, душистый. Кто не такъ усталъ, пошли въ роуцъ погулять немного; Императоръ остался съ Остерманомъ и Алексѣемъ Долгорукимъ.

Между высокими деревьями, въ тепломъ полумракѣ лѣтнихъ сумерекъ идетъ грустно задумавшись цесаревна Елисавета. Вотъ она оглянулась и видитъ за собою Ивана Долгорукаго.

— Ну что, любезникъ, опять за мною? насмѣшливо говоритъ она ему.

— Опять за тобою, принцесса, поговорить мнѣ нужно съ вашимъ высочествомъ.

— Князь Иванъ, иди, оставь меня въ покоѣ, не хочу я рѣчей твоихъ слушать, знаю что говорить будешь. Ужъ очень ты занесся, о себѣ много думаешь, не такъ точное дѣло затѣлять...

— Прости меня, принцесса, за мои прежнія глупыя рѣчи, теперь ихъ больше не услышишь. Затѣмъ и иду за тобою, чтобъ сказать это тебѣ.

Она глядитъ на него съ изумленіемъ. Что это такое—онъ точно говоритъ серьезно и лице у него такое печальное. Странно!..

— Самъ я знаю, продолжаетъ онъ, какъ досаждалъ тебѣ своєю дурачью, но сердце у тебя золотое, ты зла не помнишь.

— Коли ты это правду говоришь, князь Иванъ, такъ давай руку, я тебѣ зла никогда не желала, только надоѣдалъ ты мнѣ очень. А теперь мнѣ совсѣмъ ужъ не до любезностей и комплиментовъ.

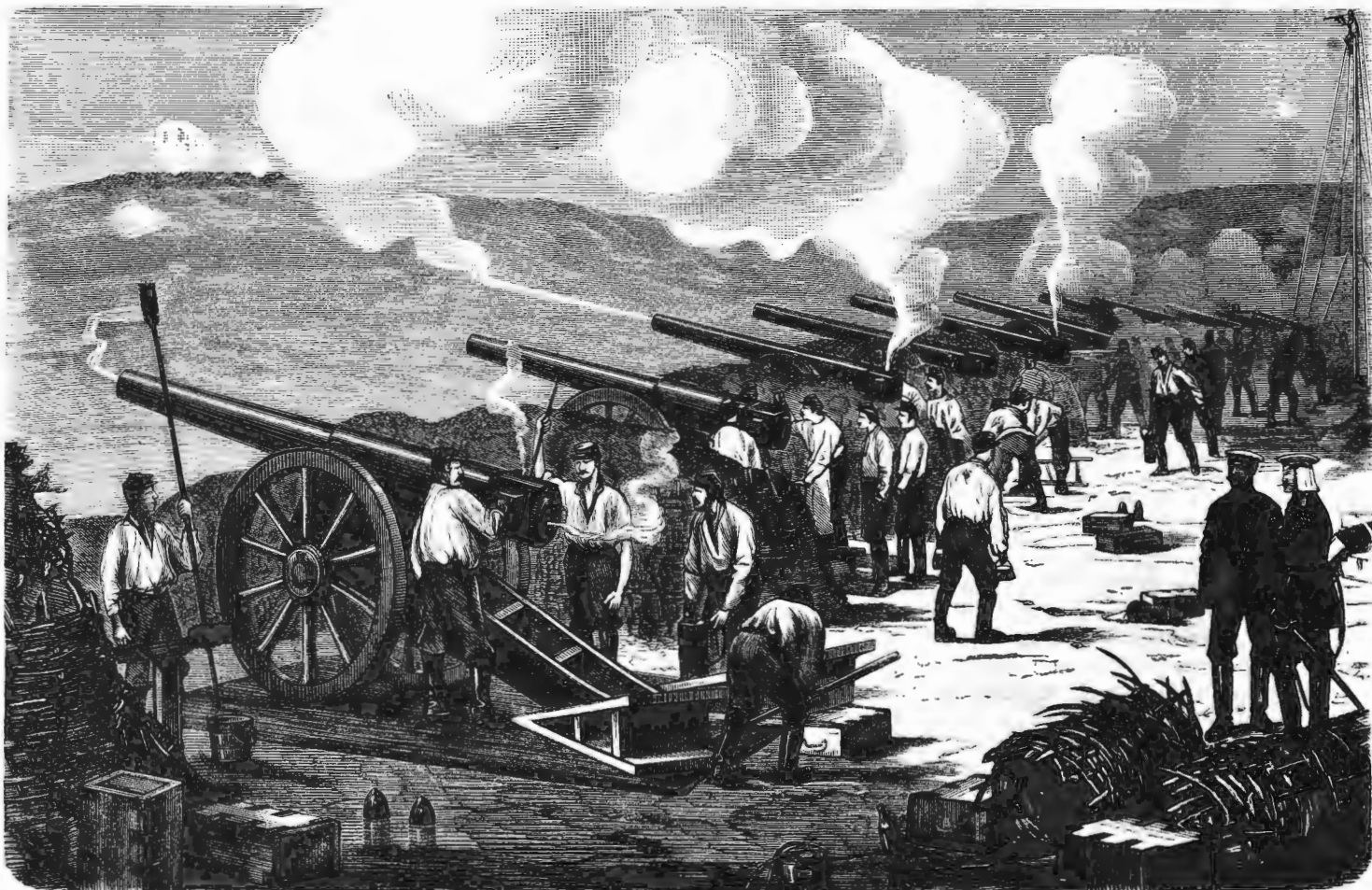
— Знаю, знаю, принцесса...

Елисавета отвернулась отъ него и заплакала. Недавно она дѣйствительно понесла тяжелую утрату: умер-

ныя одѣяльца. И вдругъ въ началѣ Мая получено страшное извѣстіе: Анна Петровна скончалась. Шепелева прислала письмо все облитое слезами, рассказывала все подробно:

Въ Килѣ была иллюминація и фейерверкъ по поводу крещенія маленькаго принца; герцогиня непременно хотѣла смотрѣть ихъ и долго стояла у открытаго окошка, а ночь была сырая, холодная. Придворныя дамы и сама Шепелева уговаривали ее отойти отъ окна, хотѣли запереть окно, но она смѣялась надъ ними и хвалилась своимъ русскимъ здоровьемъ. И опять отперла окошко и высунулась въ него и долго дышала ночнымъ сырмъ воздухомъ. Къ утру ужъ чувствовала она себя плохо, а черезъ десять дней скончалась.

Нѣсколько дней послѣ этого ужаснаго извѣстія, заплакала цесаревна запершись у себя и никого къ се-

Главная русская батарея при Плевнѣ Рис. К. Д. грав. Зоосъ.

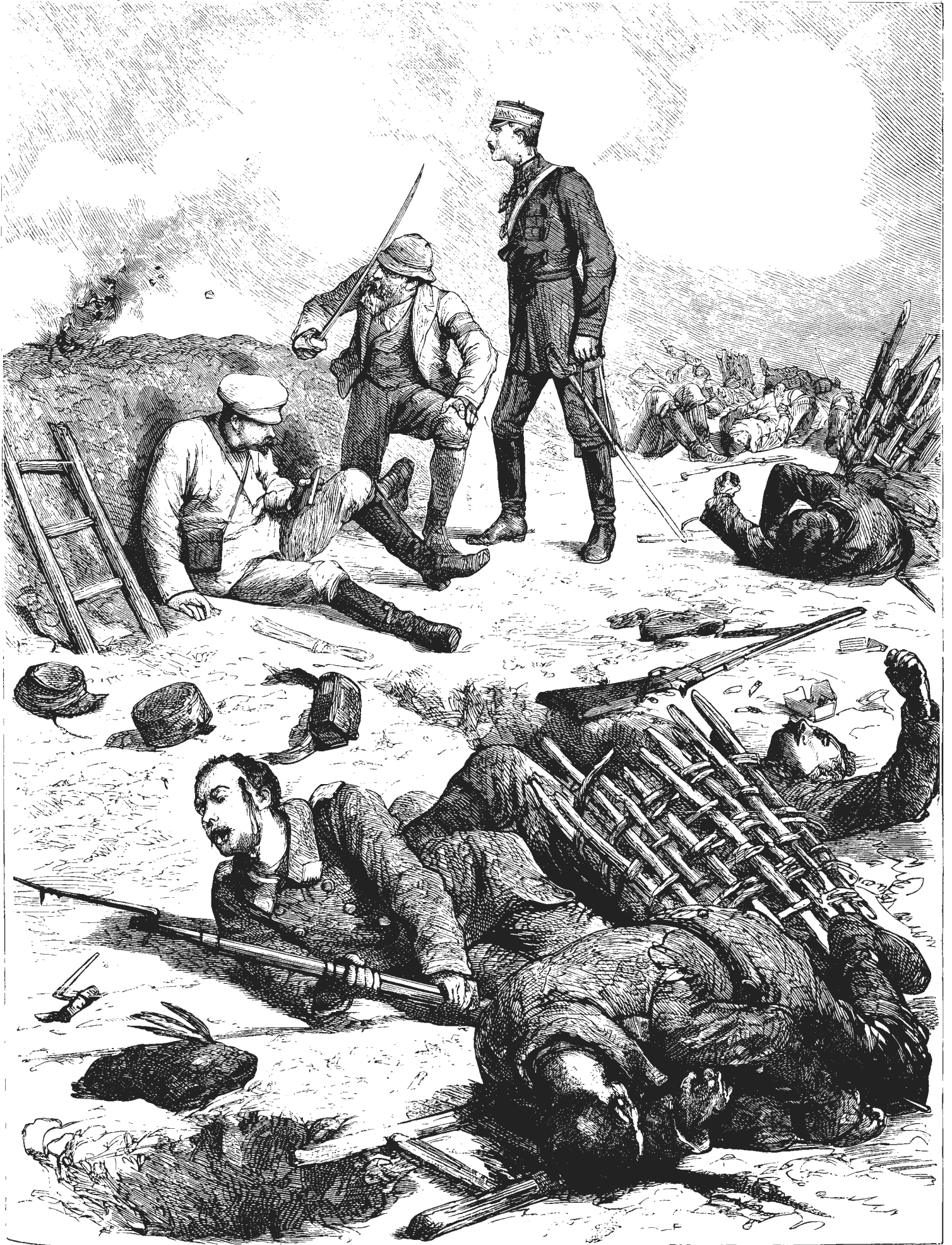
ла любимая сестра ея Анна Петровна и умерла далеко, въ городѣ Килѣ, и не видала ее передъ смертью цесаревна. Съ дѣтства горячая дружба связывала ее съ сестрою; много слезъ пролила она, когда та уѣзжала изъ Петербурга по пропискамъ Меншикова. Потомъ дня не проходило, чтобъ не получила цесаревна письма изъ Кили, или отъ самой сестры, или отъ общаго друга ихъ Шепелевой, уѣхавшей съ герцогиней голштинской. Все ждали сестры свиданія, задумывали его на это лѣто. Веселыя письма одно за другимъ приходили изъ Кили и радости всего для Елисаветы было извѣстіе, что у сестры ея родился сынъ. Шепелева извѣщала, что здоровье Анны Петровны совсѣмъ хорошо. Императоръ былъ заочно воспріемникомъ новорожденнаго, названнаго Петромъ. Цесаревна много подарковъ послала въ Киль и сестрѣ и племяннику, сама шила ему маленькія рубашечки, вышивала раз-

бѣ не пуская. Теперь вотъ она выѣхала на охоту, чтобы какъ нибудь разсѣяться. Забудетъ ка часъ свою утрату, оживится, но вспомнить снова и защемятъ ея сердце и плачетъ она неудержимыми слезами.

— Да, спасибо тебѣ, князь Иванъ, обратилась наконецъ Елисавета къ Долгорукому, утирая слезы; — а еслибъ иначе заговорилъ со мною, такъ я кажется тебя на всю жизнь бы возненавидѣла. И если ты искренно говоришь, и если ты дашь мнѣ слово, что не будешь больше приставать ко мнѣ, такъ я стану твоимъ искреннимъ другомъ.

— Клянусь тебѣ, принцесса, что и не зайнусь больше.

— Ну ладно, ладно, вѣрю я тебѣ, князь Иванъ. Но вотъ, сказала она, какъ бы сама съ собою,—отъ одного жевиха отдѣлалась, а другой вѣдь еще остался на шеѣ. Помоги мнѣ, князь Иванъ,—опять пристають съ

Англійскій военный агентъ, полковникъ Уэльслей и корреспонденты иностранныхъ газетъ, осматривающіе Гривицкій редутъ (при Плевнѣ) послѣ взятія его русскими и румынскими войсками. Рис. К. Д. грав. К. Вейерманъ.

графомъ Морицомъ Саксонскимъ—скажи ты имъ, тамъ кому надо, чтобъ оставили меня наконецъ въ покоѣ. Сколько разъ повторяла я всѣмъ, что не хочу замужъ и каждый то божій день новаго жениха мнѣ навязываютъ. Говорила всѣмъ —умеръ мой женихъ, котораго мнѣ матушка назначила, ну и значить не судьба мнѣ, а то что это такое, то одного предлагаютъ, то другого! Право даже смѣшно подумать:—что я за предметъ такой для исканій разныхъ нищихъ принцевъ! Да еслибъ вѣдь и хотѣла замужъ такъ за Морица не пошла бы, вѣдь онъ ужъ извѣстенъ повсюду—выгодныхъ невѣстъ себѣ ищетъ. Такъ окажи услугу, помоги мнѣ отъ него отдѣлаться.

Князь Иванъ обѣщалъ все исполнить и цесаревна

ушла отъ него ласково кивнувъ ему головою. Онъ остался одинъ подъ деревьями лѣса.

— Ну вотъ, Наталья Борисовна, сказалъ онъ самъ себѣ, и блаженная улыбка на мгновеніе освѣтила все лицо его,—вотъ могу теперь къ тебѣ явиться, хоть въ одномъ успѣлъ поладить съ собою. И пусть отсохнетъ языкъ мой, если еще хоть когда нибудь по прежнему взгляну на принцессу, хоть она и краше солнца небеснаго и хоть еще съ мѣсяцъ тому назадъ кажется ни за какія блага въ мірѣ отъ нея бы не отказался. Но вѣдь ты краше принцессы, Наталья Борисовна, краше всего свѣта божьяго! Я пойду за тобою, куда бы ты ни повела меня, всякая доля съ тобою будетъ для меня счастливой долей!..

(Продолженіе будетъ).

КРОВЬ, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ЖИЗНИ.

Не смотря на значительное въ наше время стремленіе общества къ изученію естественныхъ наукъ, большинство весьма мало знакомо съ тѣмъ, какая существуетъ разница между свѣжимъ и испорченнымъ воздухомъ. Даже въ Англіи, гдѣ вообще больше чѣмъ гдѣ либо, сознается необходимость вентиляціи и гдѣ санитарная полиція имѣетъ власть выскливать штрафъ за помѣщеніе, не заключающее достаточнаго количества воздуха, и даже тамъ не разъ бывали случаи удушенія испорченнымъ воздухомъ, вслѣдствіе незнанія его свойствъ. Извѣстенъ разсказъ о капитанѣ, который во время бури велѣлъ пассажировъ второго класса на глухо запереть въ ихъ каютахъ, гдѣ они всѣ и задохлись въ страшныхъ мученіяхъ.

По мнѣнію капитана, онъ поступалъ съ хорошимъ намѣреніемъ, только онъ не зналъ, что воздухъ, выдыхаемый легкими, есть испорченный воздухъ, и что испорченный воздухъ есть ядъ.

Извѣстенъ также случай въ Калькутской пещерѣ, въ которой въ 1756 году заперто было въ одинъ вечеръ 146 англійскихъ плѣнныхъ; 117 изъ нихъ были найдены утромъ на другой день въ ужаснѣйшемъ видѣ, убитые тѣмъ воздухомъ, которымъ они дышали, а 29 оставшихся въ живыхъ прильнули къ единственному отверстию, выходящему воздухъ въ пещеру, однако всѣ они остались несчастными, болѣзненными, слабыми людьми.

Воздухъ, насыщенный углекислотой безъ всякой другой примѣси, удушаетъ мгновенно при первой попыткѣ дышать имъ. Правда, что ядовитое вліяніе испорченнаго воздуха ослабляется тѣмъ, что онъ не бываетъ совсѣмъ замкнутъ, но болѣе или менѣе возобновляется притокомъ свѣжаго воздуха; тѣмъ не менѣе ядъ остается ядомъ. Стоитъ только вспомнить чувство, съ какимъ мы выходимъ изъ жаркой, ослѣпительной, сияющей газомъ оперной залы, или изъ комнаты наполненной людьми и табачнымъ дымомъ, на свѣжій воздухъ. Развѣ мы не ощущаемъ чувства освобожденія, выдыхая ядъ и вдыхая неиспорченный воздухъ? Всѣ выходятъ изъ такихъ душныхъ залъ болѣе или менѣе усталыми, блѣдными или въ лихорадочномъ жару съ головной болью и т. п.

До XVII-го столѣтія люди не знали ничего положительнаго объ отношеніи воздуха къ жизни. Англійскому ученому Пристлею принадлежитъ честь открытія кислорода и научнаго опредѣленія зависимости жизни отъ воздуха; онъ открылъ именно химическій процессъ, доказывающій что кислородъ есть существенная составная часть атмосфернаго воздуха и посредствомъ дыханія превращаетъ венозную кровь въ артеріальную. Французскій ученый Лавуазье построилъ на этомъ химическую теорію дыханія. Далѣе, въ 1788 году англійскій ученый Гудвинъ продолжалъ изслѣдованія въ этомъ направленіи и доказалъ, что не только недостатокъ воздуха вообще, но недостатокъ свѣжаго воздуха, рано или поздно причиняетъ удушеніе, смерть. Изъ этого положенія пришли далѣе къ заключенію, что дыханіе, кровообращеніе, мускульная и нервная дѣятельность тѣсно связаны между собой и зависятъ другъ отъ друга. Такъ венозная, т. е. смѣшанная съ углекислотой, кровь снова получаетъ свою живительную силу черезъ обмѣнъ углекислоты съ вдыхаемымъ кислородомъ; при отсутствіи или недостаточномъ количествѣ послѣдняго, кровь остается венозной и вмѣсто жизненной силы становится смертельнымъ ядомъ. Если она приливаетъ, напримѣръ, къ головѣ, дѣятельность мозга, а съ нимъ вмѣстѣ и всего организма превращается; сердце перестаетъ биться, жизнь кончается.

Воздухъ, котораго мы не видимъ и едва чувствуемъ, если нѣтъ вѣтра, есть тѣмъ не менѣе весьма вещественное и тяжелѣе тѣло. Мы наполняемъ воздухомъ подушки и большіе шары, химики растворяютъ въ воздухѣ безчисленное множество тяжелыхъ массъ тѣлъ. Воздухъ образуетъ вокругъ земли океанъ, имѣющій около восьми географическихъ миль глубины или вышины; мы живемъ на днѣ этого океана, который движется, приливаетъ и отликаетъ, точно также какъ водяной

океанъ. Атмосферный воздухъ состоитъ изъ двухъ газообразныхъ тѣлъ: одной пятой кислорода и четырехъ пятыхъ азота. Болѣе точное отношеніе ихъ какъ 21 къ 79. Другія примѣси, какъ углекислота, аммоніакъ и проч., находящіяся въ воздухѣ въ небольшихъ количествахъ, соединены съ нимъ лишь механически, а не химически. Если свѣжій свободный атмосферный воздухъ будетъ замененъ въ извѣстномъ пространствѣ, гдѣ много дышатъ или много потребляется и разлагается жизненныхъ элементовъ, какъ напримѣръ отъ гніенія животныхъ или растительныхъ тѣлъ, то такой воздухъ болѣе или менѣе наполняется вредными газами и наконецъ становится смертельнымъ ядомъ. Въ такомъ воздухѣ человекъ задыхается также какъ и въ водѣ, или какъ еслибъ ему заткнули ротъ и носъ. Воздухъ портится отъ дыханія, и именно въ такой степени, насколько вмѣсто вдыхаемаго кислорода выдыхается углекислота. Испаренія другого рода и гніющія или тлѣющія тѣла также портятъ воздухъ, но далеко не въ такой степени и не такъ скоро какъ дыханіе въ замкнутыхъ пространствахъ. Дыханіе есть процессъ горѣнія; и такъ, если въ запертомъ пространствѣ, гдѣ много людей, будетъ еще горѣть много огня, который тоже поглощаетъ большое количество кислорода и отдѣляетъ взамѣнъ углекислоту,—воздухъ будетъ испорченъ еще скорѣе. Химическое изслѣдованіе воздуха залы, вмѣщающей 500 человекъ при 50 свѣчахъ, показало одну часть углекислоты на 100 частей воздуха. Въ чистомъ атмосферномъ воздухѣ приходится по большей мѣрѣ *двѣ части углекислоты на 500 частей* атмосфернаго воздуха. Разница громадная!

Простѣйшее объясненіе процесса дыханія слѣдующее: обмѣнъ углерода и кислорода между легкими и атмосфернымъ воздухомъ. Справедливо, но не вполне достаточно. Дыханіемъ безъ сомнѣнія выдѣляется углекислота и впитывается изъ воздуха кислородъ; но то же происходитъ и со всякимъ отдѣленнымъ отъ живого тѣла кускомъ мяса, прежде чѣмъ въ немъ наступитъ гніеніе. Дыханіе есть физическій обмѣнъ двухъ газовъ, но въ то же время и самостоятельная дѣятельность извѣстныхъ органовъ, легкихъ. Черезъ растяженіе необыкновенно тонкой сѣтчатой ткани, внѣшній воздухъ, чрезъ правильные промежутки, приходитъ въ соприкосновеніе съ кровью, которая вслѣдствіе этого окисляется, т. е. пропитывается кислородомъ и изъ черной венозной крови превращается въ алую артеріальную. Итакъ, собственно работа и назначеніе дыханія, есть окисленіе крови; этому содѣйствуетъ также кожа, почему и слѣдуетъ заботиться какъ можно болѣе объ ея чистотѣ. Слѣдовательно въ физиологическомъ смыслѣ дыханіе есть дѣятельность легкихъ, посредствомъ которой, при помощи дѣятельности кожи, кровь освобождается отъ углекислоты и другихъ потребленныхъ жизненныхъ веществъ и взамѣнъ ихъ постоянно снабжается кислородомъ. Кислородъ есть истинная возбуждающая сила жизненной дѣятельности; онъ въ одно время и матерьялъ для горѣнія и огонь, онъ согрѣваетъ и стараетъ, оживляетъ и пожираетъ. Поэтому-то такъ и трудно постигнуть и объяснить себѣ жизнь, что это не вѣтъ нѣчто неподвижное, замкнутое, это непрерывная борьба противоположныхъ элементовъ, которые постоянно уравниваются, пока мы здоровы.

Если кровь, проходя черезъ наши легкія не приходитъ въ соприкосновеніе съ достаточнымъ количествомъ кислорода, то идущій далѣе потокъ несетъ въ сосуды венозную, лишенную своего питательнаго и живительнаго вещества кровь, такъ что жизненный огонь горитъ въ насъ тускло и слабо, подобно тому какъ тускло и слабо горитъ огонь лампы въ зараженномъ воздухѣ. Постоянный приливъ къ легкимъ и крови кислорода есть необходимое условіе жизни въ воздухѣ и водѣ. Послѣдняя, будучи лишена своего кислорода, также удушаетъ живущихъ въ ней животныхъ.

Главный органъ дыханія, легкія, состоятъ изъ многихъ миллионовъ переплетенныхъ между собою воздушныхъ сумочекъ, которыя посредствомъ дыхательнаго горла (Bronchis) находятъ

ся в непосредственной связи съ атмосфернымъ воздухомъ. Дыхательное горло въ началѣ представляетъ простую круглую хрящевидную трубку, которая по мѣрѣ приближенія къ легкимъ развѣтвляется на мелкія вѣтви и наконецъ безчисленными тончайшими нитями соединяется съ воздушными сумочками. Концы развѣтвленій дыхательнаго горла теряются въ тончайшей ткани воздушныхъ клѣточекъ, размножающихся на пути къ обѣимъ половинамъ легкаго. По исчисленію физиолога Колликера, хорошія легкія состоятъ изъ 600 миллионновъ воздушныхъ клѣточекъ, которыя, если разложить ихъ на прямомъ пространствѣ, заняли бы поверхность въ 2642 квадратныхъ фута. Изъ этого легко представить, какъ посредствомъ дыханія кровь, съ каждымъ вздохомъ, миллионами сосудовъ приходитъ въ соприкосновеніе съ вѣшнимъ воздухомъ. Сумочки или клѣточки состоятъ изъ безконечно тонкихъ оболочекъ, между которыми развѣтвляются безконечно маленькія волосныя трубочки кровяныхъ сосудовъ. Стѣны этихъ клѣточекъ, непроницаемая для воды, доступны для воздуха. Когда мы дышемъ, то черезъ ноздри и ротъ втягиваемъ воздухъ въ дыхательное горло и въ безконечно развѣтвляющіяся трубочки легочныхъ клѣточекъ. Посредствомъ расширяющейся груди и миллионновъ воздушныхъ клѣточекъ, воздухъ сообщается легкому, входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ миллионами кровяныхъ сосудовъ и чрезъ нихъ выдѣляетъ кислородъ; получаемая за сѣмъ вмѣсто кислорода углекислота, выдѣляется (выдыхается). Количество каждый разъ вдыхаемаго и выдыхаемаго воздуха, простирается среднимъ числомъ до 20 кубическихъ футовъ. Но мы никогда не выдыхаемъ сполна находящійся въ легкихъ воздухъ и его больше или меньше всегда остается тамъ, меньше при сильномъ выдыханіи, больше при голодѣ, во время сна, свободной, въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ *испорченъ* и препятствуетъ свободному дыханію, какъ на примѣръ въ непровѣтриваемыхъ и жаркихъ комнатахъ, на заднихъ дворахъ, въ подвалахъ и на улицахъ большихъ городовъ. Хорошо еще что этотъ дурной воздухъ мѣшается свободному дыханію (спираетъ грудь, какъ говорятъ въ народѣ), по крайней мѣрѣ мы вдыхаемъ его лишь въ крайне необходимомъ количествѣ, иначе, полное дыханіе значительно усилило бы отравленіе крови.

Но недостаточное дыханіе оставляетъ въ крови углекислоту и негодные осадки, такъ что это удержанное дыханіе причиняетъ также много вреда.

Въ Англіи никто не смѣетъ безнаказанно заражать атмосферный воздухъ, никто не смѣетъ отдавать въ наймы подъ жилые подвалы или давать спать нѣсколькимъ людямъ въ помѣщеніи, не соответствующемъ количеству кубическихъ футовъ воздуха, необходимому для дыханія каждого. На это есть тамъ обязательные для всѣхъ и cadaго законы. Понятно, хорошо бы и намъ ихъ имѣть.

Но обратимся къ нашему предмету. По физиологическимъ изслѣдованіямъ, при спокойномъ, здоровомъ дыханіи, съ каждымъ вздохомъ выдѣляется 25 кубическихъ дюймовъ воздуха; но тѣ же самыя легкія при большемъ напряженіи или при вичномъ упражненіи, такъ сказать гимнастикѣ дыханія (самое лучшее средство противъ легочныхъ, горловыхъ, желудочныхъ и другихъ страданій, для пищеваренія и очищенія крови), въ состояніи выдохнуть 240 кубическихъ дюйма. Такъ какъ дыханіе есть необходимое условіе жизни и здоровья, то понятно, какъ благотворно вліяніе подобной дыхательной гимнастики на чистоту, хорошему воздуху, при длинныхъ прогулкахъ пѣшкомъ, при восхожденіяхъ на горы, вообще при всякомъ движеніи и физической работѣ. При сидячемъ образѣ жизни и болѣе умственной работѣ систематическое упражненіе въ дыхательной гимнастикѣ совершенно необходимо для изгнанія болѣзненныхъ веществъ. Для этой цѣли хорошо приучать себя каждый день чаще и чаще, сначала раза три, потомъ разъ до десяти сряду, дѣлать какъ можно болѣе глубокаго вдыханія и выдыханія, по возможности на солнцѣ и на открытомъ воздуху. Это надо дѣлать по возможности черезъ носъ, а не черезъ ротъ, какъ указывалъ еще (въ особенномъ сочиненіи) великій философъ Кантъ, достигшій глубокой старости.

Подъ Плевной.

Была темная непроглядная ночь съ 29 на 30 августа, говорятъ очевидцы послѣднихъ битвъ подъ Плевной. Еще съ вечера началъ идти дождь и къ полночи усилился. Воздухъ сдѣлался холоднымъ. Къ утру дождь пересталъ, но поднялся густой туманъ, такъ что когда въ 5 часовъ раздался первый выстрѣлъ съ румынской батареей—ничего нельзя было видѣть даже на разстояніи 15—20 шаговъ. Поднявшійся вѣтеръ разогналъ туманъ, а вмѣстѣ его снова полился дождь. Сплошная грязь покрывала почву. Тропинки сдѣлались скользкими. 8 румынскихъ батарей или 48 орудій открыли огонь по неприятелю. Только небольшая часть артиллеріи стояла въ резервѣ. Отъ Врбацкихъ высотъ, находящихся направо отъ главной квартиры румынской арміи, гремѣли двѣ батареи, обстрѣливавшія всѣ форты по сторонамъ. Утромъ изъ Порадима была привезена часть фашиновъ и шанцевыхъ мѣшковъ, которые въ этотъ день

Человѣкъ въ годъ среднимъ числомъ вдыхаетъ и выдыхаетъ въ девяти миллионахъ вздоховъ, 100,000 кубическихъ футовъ воздуха и окисляетъ, или напитываетъ кислородомъ 70,000 центнеровъ крови, которая постоянно обновляется, постоянно и уничтожается. Кажется невѣроятнымъ что-бы такая масса крови перелилась черезъ легкія въ теченія года, однако эти цифры даны точными физиологическими изслѣдованіями.

Прессесъ дыханія обуславливаетъ всѣ другіе процессы нашего организма. Мы можемъ прожить день, два безъ пищи, безъ питья, безъ сна, но однако 5 минутъ не проживемъ безъ вдыханія и выдыханія воздуха. Послѣдній состоитъ, какъ уже упомянуто, изъ 21 процента кислорода и 70 процентовъ азота. Эта четвертая доля живительной части воздуха, въ запертномъ пространствѣ, скоро поглощается дыханіемъ присутствующихъ и горящими свѣчами, но это зло еще не такъ велико, ибо кислородъ въ нѣкоторомъ количествѣ все-таки проникаетъ въ жилища черезъ стѣны и оконныя рамы.

Удушающій ядъ образуетъ выдыхаемая углекислота въ воздухѣ, съ преобладающимъ содержаніемъ азота, газа, въ которомъ, въ чистомъ его видѣ, также никто не можетъ ни жить, ни дышать. Что выдыхаемый воздухъ содержитъ углекислоту, всякій можетъ убѣдиться самъ, если возьметъ на себя трудъ подышать черезъ трубку въ стаканъ съ известковой водою. Вода, до тѣхъ поръ свѣтлая, тотчасъ же приметъ молочный цвѣтъ, то есть, углекислота дыханія соединится съ известью въ водѣ и образуетъ углекислоту известъ, которая осаждается въ маленькихъ бѣленькихъ крупицкахъ. При обыкновенномъ дыханіи, эта ядовитая углекислота остается въ воздухѣ, и въ запертой комнатѣ умножается съ каждымъ вздохомъ. Ясно до какой степени важное устройство хорошей вентиляціи, выгоняющей испорченный воздухъ и дающей постоянный приливъ свѣжаго воздуха безъ сквознаго вѣтра и холода. Для большихъ общественныхъ зданій, уже много лѣтъ пробуютъ разные способы вентиляціи, но до сихъ поръ, кажется, не придумано ни одного, вполне соответствующаго цѣли. Лучшая изъ известныхъ системъ вентиляціи, изобрѣтенія нѣмецкаго инженера Конради, устроена въ новомъ университетскомъ зданіи въ Глазговѣ. По этой системѣ, съ высоты башни, посредствомъ паровыхъ винтовъ чистѣйшій воздухъ постоянно проводится и запирается въ особыхъ большихъ резервуарахъ, нѣсколько увлажняется лѣтомъ и нагрѣвается зимой, и потомъ, также посредствомъ пароваго давленія, проводится во всѣ комнаты и залы, откуда въ тоже время, выдыхаемый воздухъ немедленно удалается безъ всякаго сквознаго вѣтра, черезъ незамѣтно устроенныя вытяжныя вентиляторы. Это совершеннѣйшая изъ вентиляцій; но она недостаточна для частныхъ домовъ и квартиръ по своей дороговизнѣ и сложности. Вентиляція хороша, когда отъ нея нѣтъ сквознаго вѣтра, поэтому многіе боятся зимой отворять форточки, думая что въ теплой комнатѣ и съ испорченнымъ воздухомъ можно жить. Однако это вовсе не предотвращаетъ холода; воздухъ все равно охлаждается черезъ стѣны и окна, не много сгладившись отъ этого лучше. Кто боится форточекъ, можетъ устроить въ стѣнахъ воздушныя отверстія, одно противъ другого, но такъ чтобы одно приходилось выше, другое ниже. Эти отверстія должны быть прикрыты жестяными пластинками съ мелкими въ нихъ отверстиями и понятно, должны имѣть, кромѣ этого надлежащія крышки, чтобы по мѣрѣ надобности можно было открывать и закрывать ихъ.

Въ Англіи уже одни камны составляютъ сами по себѣ довольно хорошую вентиляцію, а въ домахъ образованныхъ лицъ для этой цѣли еще устраиваются особыя приспособленія. Въ большихъ городахъ, въ видахъ общественнаго здоровья, разводятся для очищенія воздуха парки, сады, скверы.

Такимъ образомъ мы въ концѣ концовъ приходимъ къ тому выводу, что процессы пищеваренія, питанія и дыханія самымъ существеннымъ образомъ зависятъ отъ хорошаго воздуха и легкихъ. Слѣдовательно, каждый, въ значительной степени самъ можетъ быть творцомъ своихъ несчастій или блага, такъ какъ здоровье есть одно изъ величайшихъ благъ въ жизни.

III.

должны были защищать отступающія колонны. Чрезвычайно браваый и одушевленный видъ имѣли румынскія войска. Нужно замѣтить, что они, вопреки толкамъ о ихъ трусости, въ дѣйствительности оказываются одаренными замѣчательными военными качествами и умѣемъ сражаться, за свое отечество, не щадя жизни.

Въ половинѣ 10 часа пушечный огонь, все время непрекращавшійся, затихъ. Румынскія пушки начали стрѣлять уже съ интервалами въ 20 минутъ каждое орудіе.

Этимъ маневромъ Румыны, кажется хотѣли помучить Турокъ ожиданіемъ атаки. Къ двумъ часамъ дождь нѣсколько утихъ, но не надолго и вскорѣ полился опять. Въ это время отданъ былъ приказъ открыть усиленную и координированную пальбу противъ обихъ Гривичскихъ редутовъ, и чрезъ полчаса были уже сформированы штурмовыя колонны. Ровно въ 3 часа по полу-

Третія и послѣдняя атака Доробанцевъ на Гривидкій редутъ подъ Плевной, отнятый у турокъ 30 августа. (См. стр. 679 и 682). По рисунку К. Д. грав. К. Вейерманъ. Библиотека "Руниверс"

дни, подъ сильнѣйшимъ дождемъ, второй стрѣлковый батальонъ съ штурмовымъ матеріаломъ двинулся впередъ. Для укрѣпленія румынскаго лѣваго фланга и главное, чтобы турки не могли обойти румынъ, командирована была бригада нашего девятого корпуса, именно Архангелогородскій и Вологодскій полки съ двумя четырехъ фунтовыми баттареями. Другая бригада того же корпуса должна была прикрывать русскія баттареи отъ Гривицы до Радипева. Предъ началомъ атаки Государь Императоръ и Главнокомандующій, вмѣстѣ съ княземъ Карломъ прѣехали на ближайшія позиціи надъ деревней Гривицей. Надобно сказать, что румыны шли въ первый разъ въ атаку. Турки открыли по истинѣ адскій ружейный огонь, который покрылъ штурмовую колонну. Завязался отчаянный бой, охватившій цѣлую линію отъ Гривицы до Опанеша. Русскія баттареи также открыли огонь по редуту и по турецкимъ ложементамъ, содѣйствуя атакѣ. Однако дѣло шло туго. Атака не подвигалась впередъ. Румынскіе батальоны начали уже уставать и потеряли много убитыми и ранеными. Полковникъ Херетъ, начальникъ артиллеріи 2 румынскаго корпуса, чтобы ободрить людей, началъ объѣзжать баттареи. Подъ полковникомъ Войнеску убили лошадь, но онъ пошелъ пѣшкомъ за своими войсками. Интерваловъ въ стрѣльбѣ уже не было. Пули свистали непрерывно и гранаты не переставали сыпаться. Князь Карлъ былъ мраченъ. Сдвинувъ брови и стиснувъ губы, онъ мучительно слѣдилъ за своими войсками, начинавшимъ уже отступать. Лучшіе батальоны 4 дивизіи возвратились отбитые, съ немногими офицерами, и едва ли имѣли численность ротъ. Однакоже начальникъ румынской артиллеріи велѣлъ поставить новыя баттареи противъ редута и открылъ новый огонь. Полковники сформировали изъ разбитыхъ остатковъ штурмовыхъ колоннъ новыя колонны и войска пошли на второй приступъ противъ редута. Этотъ второй приступъ былъ снова отбитъ, румыны были вторично отброшены съ большимъ урономъ. Войска были въ конецъ изнурены. Къ тому же и сумерки уже спустились и становилось совсѣмъ темно. Третій штурмъ казался невозможнымъ... Но между тѣмъ — поздно ночью, на позиціяхъ всѣхъ объѣзжалъ извѣстіе о взятіи кроваваго Гривницкаго редута и о томъ, что на лѣвомъ русскомъ флангѣ генераломъ Скобелевымъ взяты также три редута. (Объ этомъ см. „Ниву“ № 39, стр. 618). Утромъ 31 августа многіе изъ нашихъ посѣщали взятый редутъ. Редутъ представлялъ ужасную картину. Это скорѣе простое земляное укрѣпленіе, чѣмъ редутъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Три фаса обрисовывали исходящія углы. На флангахъ стояли 4 крупновскія орудія. Около былъ валъ и траншеи; проходовъ съ фронта совсѣмъ не было. Кругомъ шли наружные рвы и множество ямъ для прикрытія артиллерійской прислуги и стрѣлковъ. Кругомъ разбиты эполеты для прикрытія зарядныхъ ящичковъ, которыхъ было найдено весьма много. И кругомъ, вездѣ: во рвахъ, на валахъ и внутри редута — вездѣ валялись груды изувѣченныхъ человѣческихъ тѣлъ. Земля была взрыта глыбами русскими и румынскими ядрами и лопнувшими гранатами, и почернѣвшіе потоки крови пропитали землю... Въ блиндажахъ и казематахъ лежали кучи едва прикрытыхъ землею, труповъ, издавая ужасный запахъ. Иные трупы просто были сброшены въ ямы, совсѣмъ не засыпанные землей. Свѣжіе трупы и ранены только наканунѣ еще лежали неубранными. Тутъ много было русскихъ и румынъ и между ранеными были такіе, которыхъ еще можно было спасти. Но они только напрасно поднимаютъ руки и раздраютъ сердце своими тяжкими стонами: спасеніе ихъ стоило бы новыхъ жертвъ, такъ какъ противъ фронтальнаго фаса второго турецкаго редута нельзя показаться въ виду турецкихъ стрѣлковъ. Лохмотья и обрывки шинелей и мундировъ, каски и фесы, облитые кровью, разбросанные по всему редуту сломанные ружья — дополняютъ ужасную картину, которую невиданному подобнаго и вообразить нельзя. Кругомъ вездѣ, за наружнымъ рвомъ, лежатъ также много павшихъ отъ турецкихъ пуль, и ихъ также нельзя похоронить въ виду огня ближайшаго редута и гранатъ, бросаемыхъ ежеминутно изъ турецкихъ баттареи съ противоположнаго плевненскаго лагеря.

За снмъ на слѣдующій день, атака нашихъ войскъ, въ соединеніи съ румынскими, на Плевну была неудачна. Генералъ Скобелевъ двинулся въ этотъ разъ противъ редута, господствующаго надъ Софійскою дорогою, но былъ атакованъ турками, сдѣлавшими вылазку и вообще наша атака турецкихъ редутовъ по всей линіи не удалась. Только на слѣдующій затѣмъ день взятъ одинъ изъ сильныхъ редутовъ, господствовавшихъ надъ остальными *) Съ тѣхъ поръ рѣшено дальнѣйшія наши атаки противъ Плевны совершать при помощи правительной осады. Пушечный огонь, до сихъ поръ, поддерживаемый нами противъ Плевны, сосредоточенъ и теперь на южной сторонѣ. Какъ извѣстно, высоты, окружающія Плевну заняты турецкими редутами и укрѣпленными лагерями. Редуты эти поражаютъ своимъ величіемъ, такъ и силою. Смотра на ихъ огромныя размѣры ихъ можно назвать просто крѣпостными фортами.

Когда все спокойно, турки сидятъ въ первомъ и во-второмъ рвахъ, въ галлереяхъ, прикрытыхъ къ сторонѣ рва стѣнками. Здѣсь они ѣдятъ, пьютъ, отдыхаютъ. По сигналу часоваго, они выскакиваютъ на брустверь и стрѣляютъ изъ-за брустверовъ.

Турки открываютъ ружейный огонь съ 2,000 шаговъ и оскаплютъ впередъ лежащую мѣстность такою массою пуль, что, по словамъ очевидцевъ, невозможно составить себѣ конятія о немъ безъ личнаго опыта. Къ тому же, редуты такъ искусно расположены, что даютъ взаимный обстрѣлъ. Участвовавшіе во взятіи редута 30-го августа, рассказываютъ что всѣ ужасы, вынесенные ими при атакѣ, ничто сравнительно съ тѣмъ, что имъ пришлось испытать по занятіи самаго редута.

Въ настоящее время городъ Плевну окружаютъ болѣе двадцати крѣпостныхъ верховъ эти верки собственно и препятствуютъ русскимъ и румынамъ завладѣть плевнинской позиціей. Большинство этихъ верховъ расположено къ югу и востоку отъ Плевны и они увѣчиваютъ всѣ находящіяся передъ городомъ высоты. Одно укрѣпленіе господствуетъ надъ другимъ и можно назвать почти чудомъ обстоятельство, что русскимъ и румынамъ удалось взять Гривницкій редутъ. 1.000 турокъ защищали съ 4 орудьями это укрѣпленіе, прикрываясь брустверомъ въ 3 метра вышины и рвомъ, шириною тоже въ 3 метра. Многочисленные ложементы, вырытые впередъ, затрудняли, кромѣ того, наступленіе. Изъ трехъ, четырехъ, а мѣстами даже изъ 5 линій открывали турки огонь по наступающимъ колоннамъ. Взятіе редута стоило много потерь. Въ настоящее время военачальники, не желая жертвовать передъ Плевною цѣлою арміею, приступили какъ сказано выше, къ систематической осадѣ. Сначала были начаты осадныя работы противъ редута, лежащаго всего ближе къ Гривницкому.

На Гривницкомъ редутѣ побывали, какъ тому и быть слѣдовало, корреспонденты различныхъ газетъ и между прочимъ англійскій военный уполномоченный, полковникъ Уэльслей.

Полковникъ Уэльслей, англійскій повѣренный на театрѣ военныхъ дѣйствій — лицо уже нѣсколько намъ извѣстное. На его долю выпало нежелательное для истаго британца константированное факта турецкихъ звѣрствъ, практикуемыхъ надъ нашими ранеными. Его Величество Государь Императоръ, еще въ началѣ текущей войны, посѣщая госпитали и встрѣчая въ нихъ изувѣченныхъ турками нашихъ раненыхъ и болгаръ, выставлялъ это на видъ сопровождавшему Его Величество, при визитаціи лазаретовъ полковнику Уэльслею. Что могъ возразить Уэльслей? — Онъ долженъ былъ согласиться — и сдѣлать своему правительству сообщеніе о дѣлѣ какъ оно есть. Полковникъ Уэльслей представленъ на рисункѣ съ двумя соотечественниками репортерами „Scotsman“ и „Graphic“, Уэльслей съ напряженнымъ вниманіемъ всматривается въ даль, гдѣ кипитъ грозная битва, возвѣщаемая клубами дыма и лопающимися гранатами. Одинъ изъ корреспондентовъ можетъ быть „Graphic“ отмѣчаетъ что то въ своей записной книжкѣ. Вокругъ нихъ цѣлыя груды труповъ и массы раненыхъ, лишенныхъ самой необходимой санитарной помощи.

4.

Къ рисункамъ.

Болгары на жатвѣ.

Главный продуктъ болгарскаго земледѣлія зерновые хлѣба; но все таки этихъ хлѣбовъ производится не на столько, какъ можно бы было ожидать отъ мощнаго болгарскаго чернозема. Толща чернозема въ Болгаріи простирается отъ 6 до 10 футовъ. Но вотъ бѣда въ чемъ: воды мало. Засуха останавливаетъ ростъ посѣвовъ и не даетъ развиваться даже обыкновеннымъ растеніямъ въ такомъ разнообразіи, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по географическому положенію страны. Оттого-то только какая-нибудь *пятая часть* Болгарской земли запахивается подъ посѣвы...

Но болгаринъ за то не удобряетъ своей пашни. Роскошный черноземъ не требуетъ никакого удобренія и достаточно производителенъ самъ по себѣ. Между засѣваемыми въ Болгаріи

хлѣбами первое мѣсто занимаетъ *пшеница*, затѣмъ *рожь* и *кукуруза*. Но путешествуя по Болгаріи, чѣмъ далѣе мы подвигнемся къ югу, къ Балканамъ, тѣмъ больше встрѣтимъ посѣвовъ сурьбы, разводимой для сурьбнаго масла; воздѣлываются также красивыя растенія, напримеръ крапль, вайда и проч.

Болгарская пшеница издавна вывозилась въ Варну и отсюда моремъ отправлялась въ другіе европейскіе портовые города. Транспортныя пшеницы перевозились на скрипучихъ неуклюжихъ арбахъ, до озера *Джено* (не далеко отъ морскаго берега). Другіе транспортные пути еще труднѣе, такъ что даже избытокъ, остававшійся у болгарина за укладкою Турціи положенной десятины, онъ не умѣлъ и не могъ сбыть съ выгодой.

Но кромѣ слаботи развитія земледѣлія, и самая ремесла

*) Нашии Архангелогородскіи полкомъ.

стоять у болгаръ на весьма низкой стени. Даже дома у нихъ строятся самымъ первобытнымъ образомъ, большею частью не изъ кирпича, а изъ такъ называемаго *дшамуръ* (турецкое слово) или кусковъ глины соединенныхъ съ камнями. Производство матерій для одежды удовлетворяетъ только самымъ необходимымъ потребностямъ. Для зимней одежды ткнутъ грубое сукно бурого цвѣта; рубашки носятъ бѣдыки изъ пеньковой ткани. Женщины въ состоятельныхъ семействахъ любятъ шелковыя и бумажныя матеріи. Столовая утварь состоитъ изъ деревянныхъ, а у богатыхъ изъ роговыхъ ложекъ, большого желѣзнаго котла и мѣдныхъ луженыхъ чашекъ. Горшковъ въ нашемъ народномъ смыслѣ болгары не любятъ, а изготовляютъ обемистые кувшины на восточный ладъ. Единственное исключеніе въ индустріи составляла издавна фабрикація ковровъ, особенно въ Пиротъ-Шаркойѣ. Для перевозки тяжести употребляются неуклюжія четырехколесныя арбы мѣстнаго производства. Затѣмъ въ промышленно-фабричномъ отношеніи нѣтъ у болгаръ ничего, что останавливало бы на себѣ вниманіе.

Посмотримъ на ихъ внутреннюю жизнь, и мирозерцаніе. Масса болгарскаго народа крайне суевѣрна. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе объясняется естественными условіями. Высокія горы, часто образующія грозный лабиринтъ*), съ темными таинственными пропастями, издавна дѣйствовали здѣсь на дѣтское воображеніе народа. Подъ впечатлѣніемъ этой величавой природы наши балканскіе собратья создали свою весьма интересную мифологию. Къ сожалѣнію предметъ этотъ до сихъ поръ весьма темный. Порабощенный и изнуренный турками народъ самъ не можетъ до сихъ поръ понять, выяснить своего собственнаго творчества. Въ мѣтахъ болгарскихъ представляются интересными и очень родственными всѣмъ славянскимъ народамъ *самовилы* и *юдѣ* (Iudi) обитающіе около грозныхъ, величественныхъ горъ. *Самовилами* являются и рѣчныя и озерныя нимфы, нѣсколько, впрочемъ, отличающіяся отъ нашихъ русалокъ; но подобно русалкамъ, онѣ заманиваютъ неопытныхъ въ глубь озеръ и рѣкъ. Затѣмъ болгары проникнуты мрачнымъ суевѣріемъ въ *бродницы* или старыхъ вѣдьмъ, невидимыя шныряющихъ между людьми и соблазняющихъ молодыхъ неопытныхъ женщинъ. Есть цѣлыя деревни, которыя воображеніе болгаръ населило юдами. Это кучи развалившихся пустынныхъ лачужекъ, служащихъ пріютомъ нетопырей — и эти мѣста болгаринъ робко обходятъ, особенно подъ вечеръ. Затѣмъ въ этой мрачной мифологіи слѣдуютъ родственныя самовиламъ *стѣи*, *вѣйюлицы* и *духове* (множ. отъ слова духъ). Подъ этими послѣдними болгаринъ разумѣтъ колоссальныхъ лѣшихъ, являющихся только ночью и зазывающихъ людей въ рѣки и пропасти. Вотъ идетъ запоздавшій работникъ-болгаринъ съ поля; онъ напѣваетъ уныло вполголоса:

„Judo samovilo! Stara judo samovilo!“

Онъ трепетно всматривается въ даль, чтобы не найти на такую проклятую деревню. Между тѣмъ тѣни становятся гуще, горныя пропасти чернѣютъ. „Вотъ-вотъ грядутъ духове изъ горъ!“ со страхомъ лепечетъ запоздавшій и ускоряетъ шаги. Въ огромномъ числѣ болгарскихъ народныхъ пѣсенъ выражается желаніе не быть вѣжно-любимому другу жертвою самовиловъ и юдовъ, то же желаніе выражается и въ свадебныхъ пѣсняхъ. Въ случаѣ ссоры—самая жестокая фраза, какую можетъ болгаринъ произнести противнику, что онъ „будетъ самовилъ братъ“, (т. е. по русски—чорту братъ). Измѣнившій другъ—это жертва самовила, и это опасеніе связываетъ у болгаръ узы дружбы и отчасти узы брака.

Если уже мужская половина болгарскаго народа проникнута такимъ суевѣріемъ и страхомъ противъ подавляющихъ неприязненныхъ силъ, то о женской половинѣ и говорить нечего. Всякое обольщеніе женщинъ приписывается вліянію самовиловъ и бродницъ. Противъ искушенія женщинъ самовилами и бродницами (старыя вѣдьмы) обыкновенно молятся св. Іоанну Рыльскому, патрону болгарскаго народа. Для этой цѣли жизнь св. Іоанна иногда списывается руками монаховъ, чтобы потомъ прочтати искушаемымъ женщинамъ. Въ этомъ видятъ единственное спасеніе. Въ прошломъ вѣкѣ одинъ монахъ употребилъ огромный трудъ, чтобы списать въ Габровѣ житіе св. Іоанна Рыльского для прочтенія искушаемымъ женщинамъ.

3.

Муравьѣдъ (Мурмесорнага.)

Неуклюжее и страннаго вида животное—муравьѣдъ относится къ порядку неполнозубыхъ (Edentata). Главный признакъ животныхъ этого порядка, заключающаго въ себѣ нѣсколько родовъ, состоитъ помимо сравнительно низкой степени развитія всѣхъ системъ органовъ, или въ совершенномъ отсутствіи зубовъ, или—у иныхъ въ неполномъ числѣ, а у другихъ—въ слишкомъ большомъ количествѣ зубовъ, но тѣмъ не менѣе всегда лишенныхъ корней и эмали. Всѣ животныя этого порядка вялыя, тупоумныя; лазаютъ или роютъ норы и

въ настоящее время живутъ исключительно въ жаркихъ поляхъ.

По общей формѣ тѣла и способу питанія, неполнозубые дѣлятся на муравьѣдовъ и броненосцевъ (*Vermilingua* и *Dasyroda*) и тихоходовъ или лѣнивцевъ (*Bradypoda*).

Всѣ муравьѣдовыя съ весьма заостреннымъ узкимъ рыломъ, безъ всякаго слѣда зубовъ. Ротъ ихъ такъ малъ, что образуетъ, собственно говоря, одно только отверстіе, чрезъ которое животное можетъ далеко высовывать свой длинный, червеобразный языкъ (отчего и происходитъ латинское названіе *Vermi lingua*), глаза и уши чрезвычайно малы. Муравьѣды находятся въ Средней и Южной Африкѣ и большей части Южной Америки. Тѣмъ мѣсто пустыни и уединеніе, тѣмъ оно удобнѣе для муравьѣдовъ и тѣмъ они спокойнѣе могутъ добывать свою пищу. Большая часть муравьѣдовыхъ живетъ въ подземныхъ норахъ или ходахъ, которые они мастерски устраиваютъ и въ случаѣ опасности ловко проводятъ въ новыхъ направленіяхъ. Нѣкоторые изъ муравьѣдовыхъ живутъ въ углубленіяхъ между корнями деревъ, или устраиваются на самыхъ деревьяхъ. Живущіе на деревьяхъ—дневныя животныя, а въ норахъ—заклятые враги свѣта. При хожденіи, когти животныхъ складываются подобно пальцамъ человѣческой руки, хвостъ при хожденіи служитъ для поддержанія равновѣсія. Нѣкоторые изъ муравьѣдовыхъ, кромѣ муравьевъ и термитовъ, ловятъ въ пищу маленькихъ червей, жуковъ и саранчу. Муравьевъ и термитовъ они ловятъ такимъ образомъ: отыскавъ муравьиную кучу и разрывъ ея до главнаго жилища муравьевъ, они запускаютъ въ него свой длинный, покрытый клейкой слизью языкъ и вытягиваютъ его въ ротъ уже весь покрытый обильными муравьями. Червей и жуковъ они ловятъ также языкомъ. Голосъ животныхъ родъ рева, больше какое-то согнѣе и ворчанье. Одинъ видъ совершенно лишень голоса. Самки мечутъ всего на все одного дѣтеныша и нѣкоторое время таскаютъ его на спинѣ. Материнская опека продолжается до тѣхъ поръ, пока самка не будетъ чревата новымъ дѣтенышемъ. Вообще муравьѣды боязливы, осторожны и только въ иныхъ случаяхъ нѣкоторые изъ нихъ пускаютъ въ ходъ свои страшныя орудія обнигиванія врага ногами и когтями и разрывають ему мясо.

Семейство муравьѣдовыхъ имѣетъ нѣсколько разновидностей: *Murmecorhaga jubata*; *Murmec. tetradactyla* и *Murmec. didactyla*. Первый *jubata*, большой муравьѣдъ, съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ и высокой гривой на спинѣ.

Вторые—*Murm. tetradactyla* имѣетъ по 3, а *Murm. didactyla* по 2 когтя на ногахъ. Ростъ ихъ менѣе, чуть не на половину, и хвостъ они имѣютъ голый, дѣпляющійся за деревья.

Индійцы называютъ муравьѣдовъ *Юруми*, что означаетъ „маленькій ротъ“. Названіе это принято и между учеными.

Было сдѣлано не мало опытовъ перевести юруми въ европейскіе звѣрницы, но опыты эти были болѣею частью неудачны, потому что въ Европѣ, не говоря уже о вліяніи другого климата, трудно сыскать для юруми подходящій пищевой суррогатъ, вмѣсто муравьевъ и термитовъ, число которыхъ въ такомъ большомъ количествѣ нужно для животныхъ, достать не легко. Обыкновенно юруми заболѣваютъ еще по дорогѣ въ Европу, а если удавалось привозить его здоровымъ, то онъ прожигалъ много-много что годъ. Но вотъ недавно опытъ удался, въ Берлинскомъ зоологическомъ саду, извѣстномъ многими превосходными экземплярами животныхъ. Въ Берлинъ привезъ былъ осенью 1875 г. молодой юруми, величиною съ лисицу и въ настоящее время это животное пользуется совершеннымъ здоровьемъ и развилось въ великолѣпный экземпляръ отъ 5 фут. длины и 2 фута вышины съ полнымъ и здоровымъ тѣломъ. Утромъ кормятъ его молокомъ, смѣшаннымъ съ мансвой мукой, а въ полдень даютъ полфунта мелкоизрубленной говядины, вечеромъ же—кашу съ мелкоизрубленными крутыми яйцами. Затѣмъ, *roug la bonne bouche*, юруми получаетъ добрую порцію муравьиныхъ личинокъ (яичъ). Эта система питанія оказалась благоприятною для здоровья животнаго. Когда въ первый разъ юруми viuтили въ помѣщеніи съ яванскими и мадагаскарскими обезьянами, вышло странное, комическое зрѣлище. Бѣдныя обезьяны сначала перепугались пришельца и подняли крикъ и визгъ отчаянія—но затѣмъ быстро смекнули, что пришелецъ этотъ простоватъ и надъ нимъ можно довольно потѣшаться—вотъ онъ и принялся потѣшаться—вздвигать на бѣднякъ-юруми верхомъ, дергать его за хвостъ, отнимать изъ-подъ носа пищу. Эту уморительную сцену видитъ читатель на прилагаемомъ рисункѣ. Д.

Черногорка, охраняющая оружіе, при входѣ въ монастырь.

О Черногоріи и ея исторіи мы уже имѣли случай говорить на страницахъ „Нивы“ (См. „Ниву“ 1876 г. № 12). Обращаемъ здѣсь вниманіе на нѣкоторыя бытыя черты этой страны, по правамъ и обычаямъ совершенно оригинальной и въ высшей степени симпатичной. Нѣкоторые изъ описывавшихъ Черногорію упрекаютъ ея обитателей въ дикости, но согласующейся съ принципами современной европейской цивилизаціи. Но нужно замѣтить, что черногорцамъ, этимъ неумолимымъ героическимъ борцамъ не только за свою свободу но и свободу всѣхъ

*) Напримѣръ мощный узелъ горъ между истоками рѣкъ *Моричы* и *Искера*, *Стумы* и *Нисавы*, исследованный только въ наши дни.

своих забалканских собратьев, до сих пор некогда было даже подумать о цивилизации, в смысле развития наук и искусства. Элементы цивилизации несомненно есть в черногорцах—сэ этимъ едва ли кто будет спорить и несомненно придет пора для развития этихъ элементов и можетъ быть даже в недалекомъ уже будущемъ. Теперь пока, до наступления дней „торжества цивилизации“, эта истинно гомерическая раса воскрешаетъ предъ нами героев „Иллады“. Сэ ружьями старой системы, сэ допотопными пушками, сэ канджарами, которыми вноу владѣтъ геркулесу, черногорцы проявили, въ особенности въ послѣдніе два года, чудеса храбрости, достигли громаднхъ результатовъ—а что же сказать о ихъ неутомимой борьбѣ сэ вѣковыми притѣснителями въ ближайшія десятилѣтія?

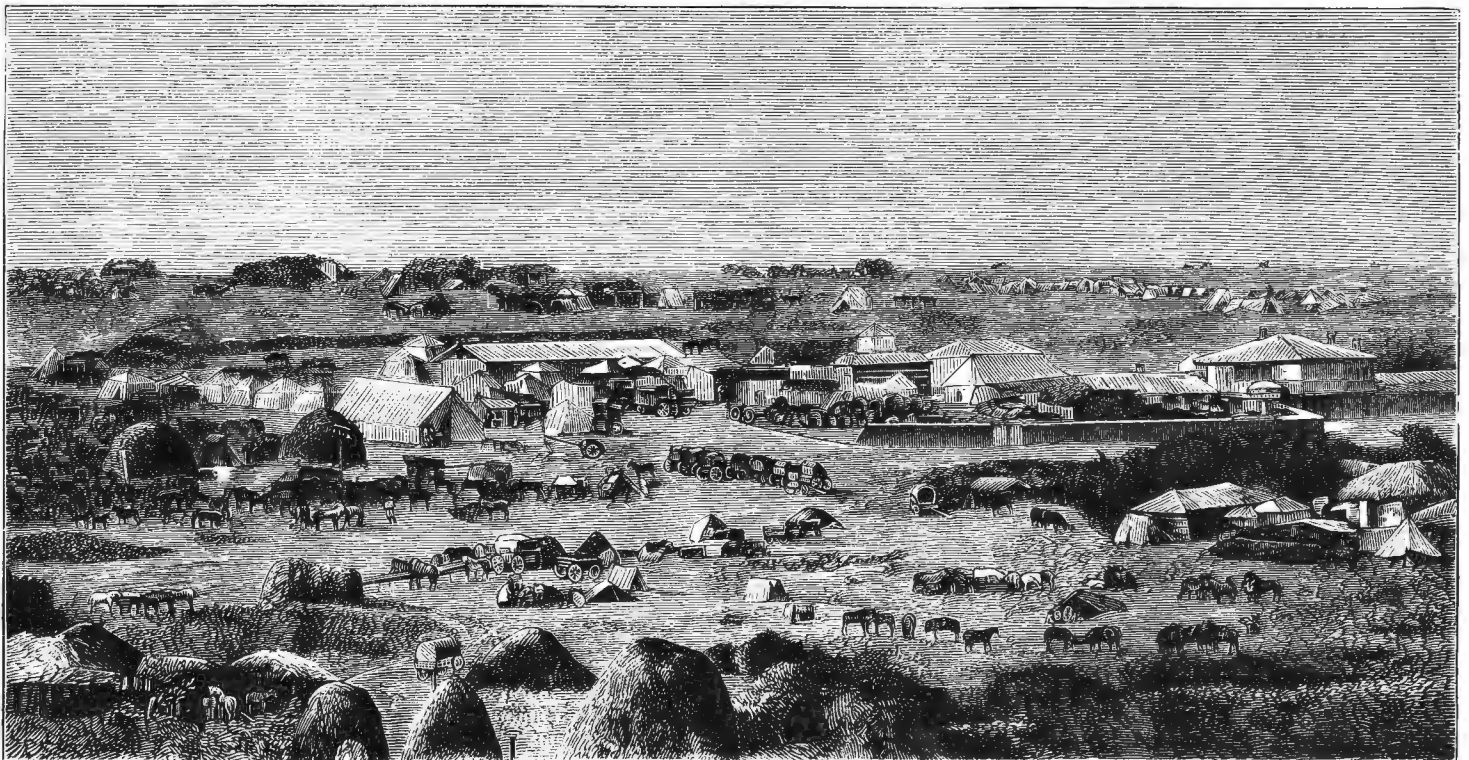
Мы сдѣлаемъ здѣсь краткую характеристику современныхъ черногорцевъ и черногорокъ, оставляя въ сторонѣ ихъ прошлую исторію.

Первая бросающаяся въ глаза черта черногорцевъ—та, что они, какъ истые герои, закалившіеся въ кровавыхъ бояхъ и постоянно обращающіеся сэ оружіемъ, пренебрегаютъ полевыми работами; эти работы исправляютъ обыкновенно женщины. Въ увлеченіи героизмомъ черногорець дошелъ даже до крайности и смотритъ какъ-то свысока на умственные занятія и часто не считаетъ даже нужнымъ выучиться читать и писать,

кавка носится на распашку и позволяетъ видѣть рубашку, обыкновенно длинную сэ длинными рукавами и высоко застегнутую на шеѣ. Длинный черного цвѣта передникъ эффектно отдѣляется отъ бѣлизны рубашки и безрукавки. Обувь черногорокъ состоитъ или изъ національныхъ опанокъ, или изъ черныхъ башмаковъ сэ бѣлыми чулками. Вообще костюмъ безъ претензіи на яркость цвѣтовъ и производитъ пріятное впечатлѣніе. Физическая сила и выносливость прекрасной половины черногорскихъ героевъ въ высшей степени замѣчательны. Во время всѣхъ предшествовавшихъ войнъ сэ турками, онѣ шли на помощь мужьямъ, переносили огромныя тяжести, какъ орлицы цѣплялись на неприступныя почти скалы, мѣтко стрѣляли въ турокъ.

По поводу помѣщаемого въ этомъ номерѣ рисунка, изображающаго черногорскую женщину у преддверія монастыря, нужно замѣтить слѣдующее.

У черногорцевъ, какъ и у другихъ народовъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру, считается неприличнымъ входить въ храмъ Божій сэ оружіемъ. Между тѣмъ черногорцы почти никогда не расстаются сэ своими ятаганами и пушками (ружьями). Какъ же помочь горю и какъ облегчить положеніе лицъ, желающихъ, напримѣръ, войти въ монастырь помолиться и въ то же время не имѣющихъ возможности войти внутрь храма сэ ятаганами и пушками?

Деревня «Горный Студень» въ Болгаріи. (Гдѣ въ настоящее время помѣщается Главная квартира русской арміи).

хотя въ настоящее время въ Черногоріи появилось много школъ, даже въ деревняхъ. Мѣста учителей въ городскихъ и деревенскихъ школахъ заняты большею частью далматинцами. Вся цѣль стремленій черногорца—это закалить свою силу, сдѣлаться героемъ родной земли, чтобы жить въ цѣсныхъ и сказаніяхъ потомства. Правда, въ мирное время, скрѣпя сердце, черногорцы занимаются промышленностью и торговлей. При этомъ главныя статьи торговли составляютъ козы, овцы, вино, табакъ, масло, красильныя и дубильныя вещества, между прочимъ сумахъ. (*Rhus cotinus*), въ изобиліи растущій на восточныхъ склонахъ горъ. Жители Каттаро, приморскаго города, специально занимаются воздѣлываніемъ зелени и картофеля, коптятъ козье мясо, ловятъ маленькихъ сарделей, называющихся по сербски „Ukleiva“. Всѣ эти виды промышленности довольно значительны, но они не по нутру черногорцу.

Что касается черногорокъ, то это особый оригинальный типъ женщинъ. Онѣ обыкновенно средняго роста, весьма крѣпко сложены; особою красотой онѣ не отличаются: но у всѣхъ ихъ весьма пріятное и, такъ сказать, гостепріимное и открытое выраженіе лица. Улыбка ихъ выказываетъ рядъ роскошныхъ бѣлыхъ зубовъ Голову онѣ обыкновенно повязываютъ на итальянскій манеръ платкомъ изъ темной матеріи. Верхнюю одежду ихъ составляетъ безрукавка изъ бѣлой бумажной ткани сэ черными полосами или крапинками. Безру-

горю этому оказываетъ помощь сторожъ... Но какъ же мужчина, герой Черной Горы, можетъ сидѣть у дверей храма въ качествѣ охранителя оружія входящихъ въ него богомольцевъ? Это не его дѣло: его дѣло воевать, бить турокъ—и по этой уважительной причинѣ сторожемъ является женщина. Она тутъ же около себя поставила и люльку своего ребенка, и покачаетъ его, если будетъ въ томъ надобность, и покормитъ, и оружіе приходящихъ богомольцевъ побережетъ. Простота, какъ видитъ читатель, большая.

На дальнемъ планѣ рисунка видны богомольцы, уже прошедшіе внутрь двора монастыря и только остановившіеся въ его корридорѣ. Мужчина припалъ головою къ стѣнѣ, видимо подъ влияніемъ религиозныхъ чувствъ. Онѣ еще прежде чѣмъ пройдутъ внутрь храма, напелъ нужнымъ какъ бы приготовить себя къ этому входу.

Черногорцы очень религіозны и строго наблюдаютъ всѣ установленія церкви.

Въ слѣдующемъ номерѣ, по поводу предполагаемаго къ помѣщенію въ немъ рисунка изъ быта въ Черногоріи, мы будемъ имѣть случай рассказать о томъ положеніи жителей Черной Горы, въ какомъ они теперь находятся, по причинѣ трудныхъ обстоятельствъ настоящей войны.

Стр.

(Продолженіе на стр. 685, 686, 687 и 688).

Черногорка, охраняющая оружіе, при входѣ въ монастырь. Рис. Валеріо, грав. Бертранъ.

ДЕРЕВНЯ «ГОРНЫЙ-СТУДЕНЬ».

Деревня „Горный-Студень“, занятая в настоящее время главной квартирой нашей Дунайской армии, расположена на слегка холмистой местности, на просторных по крайней мере двух-трех верстах. Не смотря однако на такое расстояние, доказывающее значительную величину деревни, в ней нельзя найти ни одного порядочного дома, в котором было бы можно поместиться хотя бы с самыми ограниченными удобствами. Турецкие дома отличаются все таки большим устройством, чем дома болгары. Но и они не могут быть

названы в таком смысле слова домами.—просто низенькие землянки, крытые черепицей или тростником, на который сверху для большого предохранения от холода, еще накинута на аршин толщины хворосту. Пол в землянке—та же глина, из которой сделаны стены. Окна маленькия, рѣшетчатая и пропускают свѣтъ в землянку, точно в тюрьму или в подвалъ. Тѣмъ не менѣе необходимость заставила состоящихъ при главной квартирѣ расположиться в такихъ землянкахъ, за неимѣнемъ лучшихъ помѣшеній. Болгарское население этой деревушки отличается еще значительно большею бѣдностью.

ТЮРКМЕНСКАЯ ЖЕНЩИНА ВЪ ПРАЗДНИЧНОМЪ НАРЯДѢ.

Голова ея, обременена *хасавою*. Эта тяжелая махина изъ картона обтягивается спереди бархатомъ и украшается шестью рядами золотыхъ бляхъ на красныхъ свуркахъ, а съ боковъ—большими, устланными разноцвѣтными стеклами и сердоликомъ серебряными бляшками, съ которыхъ свѣшиваются до подбородка тоже серебряныя цѣпочки съ бубенчиками; сверху картона ниспадаетъ на плечи шелковое покрывало отъ жары, вѣтра, покажутъ комаровъ, но не отъ воровъ мужчинъ, ибо туркменки ходятъ съ открытымъ лицомъ. Длинная красная (съ полосками) рубаха, изъ-подъ которой выглядываютъ узкіе шальвары, короткіе шерстяные носки и туфли съ острыми носками составляютъ остальную часть костюма.

Зимой женщины надѣваютъ поверхъ рубахи двѣ или три архаика мужскаго покроя и кутаются въ бараньи шубы, вышитыя по бортамъ узорами изъ кумачевой полосатой матеріи, съ тонкою выпушкой изъ мерлушекъ по краямъ.

Тяжела доля туркменской женщины. Она хозяйничаетъ, исполняетъ всѣ тяжелыя работы и не имѣетъ права голоса въ семьѣ; короче сказать—это рабыня. Она моетъ, очищаетъ и сушитъ пшеницу, мелетъ ее ручной мельницей, ткетъ ковры, тесьмы, хурджины (дорожные мѣшки), выдѣлываетъ шерстяные войлоки и przygotowляетъ изъ верблюжьей шерсти матерію гороховаго цвѣта для костюма, а при перекочевкахъ ауда—разбираетъ и устанавливаетъ кибитку.

Если туркменъ имѣетъ *краниз*, т. е. рабыню, въ такомъ случаѣ на ней лежитъ вся эта работа, за исключеніемъ тканья и шитья, которымъ занимаются его жены и вообще женская половина семьи.

Не смотря на всю обширность женскаго труда, когда у туркмена рождается дочь, въ семьѣ нѣтъ радости, и никто не придетъ поздравить его съ новорожденною; но если родится сынъ, весь аулъ сперва привѣтствуетъ лучшаго друга счастливаго отца, потомъ поздравляетъ „съ наследникомъ“ самого родителя, а затѣмъ слѣдуютъ веселые ширры.

Когда ребенку стукнетъ 7—12 лѣтъ, отецъ высматриваетъ ему такую же крошку-невесту и, отыскавъ такую, вступаетъ въ предварительные переговоры съ ея отцомъ, послѣ чего отправляетъ къ нему старшинъ аула условиться насчетъ *платы за невесту*, которая и вносится немедленно сполна или въ опредѣленные сроки по частямъ. Затѣмъ, нѣсколько родственницъ жениха идутъ къ невестѣ и, по прочтеніи мудлою соотвѣтствующей обстоятельствамъ молитвы, свиваютъ съ дѣвчьею головы шапочку (въ родѣ ермолки), волосы ея заплетаютъ въ двѣ косы, а голова повязывается, какъ у женщины, платкомъ; съ этой минуты, дѣвица называется *гализъ* (снохою).

Внесши условленную плату за невесту, отецъ жениха готовится къ торжественной церемоніи похищенія ея изъ отцовскаго дома къ своему сыну; приглашаются родные и знакомые, конные и пѣшіе, *бакши* (музыканты) и *джигиты* (наѣздники) со всѣхъ окрестныхъ, иногда и дальнихъ ауловъ, на убранномъ кистями и прочими украшениями верблюдѣ, прилаживается *кеджава*, т. е. маленькая будка, занавѣшенная разными матеріями, и вся эта процессія отправляется къ невестѣ отцу, но самъ женихъ остается на это время въ кибиткѣ одинъ одиноко, не показываясь ни роднымъ, ни знакомымъ невесты.

При приближеніи процессіи, подруги и женская половина, родственная невестѣ, окружаютъ ее внутри кибитки, между тѣмъ какъ снаружи толпится ея мужское родство, не допуская ворваться къ ней и похитить ее прибывшимъ роднымъ жениха; это нѣрѣдко заканчивается хотя шуточно, но довольно

чувствительною потасовкою двухъ лагерей: одежды обращаются въ клочья, тѣла покрываются синяками; тѣмъ временемъ родители невесты угощаютъ гостей, разбрасывая фрукты и крашеный сахаръ собравшемуся народу и дѣтямъ. Въ концѣ-концовъ, *какъ бы не хотя*, невесту выдаютъ роднымъ жениха, а тѣ увозятъ ее; при этомъ джигиты показываютъ свою удалъ въ бѣдѣ и стрѣляютъ, бакши играютъ и орутъ, дѣти бросаютъ камнями въ кеджаву, что повторяется и при встрѣчѣ свадебнаго поѣзда у родныхъ жениха, которые, въ свою очередь, угощаютъ гостей и разбрасываютъ фрукты и сахаръ народу,—словомъ, *пиръ идетъ горой*...

Собравшееся къ пяти часамъ по полудни въ аулъ духовенство отправляетъ къ жениху и невестѣ четырехъ мужчинъ, по двое съ обѣихъ сторонъ, спросить у нихъ: согласны ли они на бракъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ*, посланные сообщаютъ его народу; тогда ахундъ (высшее духовное лицо) провозглашаетъ: „дочь такого-то выходитъ за сына такого-то, по обоюдному согласію, — вы, народъ, свидѣтели атому“.

Народъ отвѣчаетъ: „Мы — свидѣтели“. Процедура спроса (или спрашиванія) согласія у молодыхъ и призывъ народа въ свидѣтели повторяется троекратно, послѣ чего одинъ изъ духовныхъ читаетъ молитву, и тѣмъ завязывается неразрывный узелъ брачной жизни.

Между тѣмъ въ сторонѣ отъ аула разбивается новая кибитка, куда вводятъ молодыхъ; дѣти швыряютъ камнями въ нее до тѣхъ поръ, пока ктонибудь изъ друзей жениха не отгонитъ ихъ, чтобы дать одыхъ жениху и невестѣ, которые остаются на ночь одни, и съ этой минуты они, будучи дѣтьми, признаются уже за мужа и жену.

На слѣдующее утро кибитка молодыхъ переносится въ аулъ и ставится по правую сторону отцовской кибитки; проживъ здѣсь недѣлю, молодая возвращается къ своимъ родителямъ на годъ, въ теченіе котораго przygotowляетъ себѣ приданое: наряды, ковры и прочія украшения для патра. Затѣмъ она прибѣгаетъ къ мужу на мѣсяцъ и снова отправляется мѣсяца на два или на три, послѣ чего уже окончательно переселяется къ нему. Безъ сомнѣнія, моментъ окончательнаго сожительства съ мужемъ ускоряется въ случаѣ рожденія ребенка.

Мужъ никогда не зоветъ свою жену по имени, а кличетъ: „хойгы!“ то есть: эй! и не то что гнушается ею, но ставитъ ее гораздо ниже себя: она не смѣетъ идти рядомъ съ нимъ, а слѣдуетъ сзади, она не отваживается называть его иначе, какъ „*гагасы*“, т. е. отецъ дѣтей, и безпрекословно исполняетъ всѣ его приказанія и прихоти, въ противномъ случаѣ мужъ колотитъ ее пальцами, стегаетъ плетью.

Туркменамъ не дозволяется имѣть болѣе четырехъ женъ изъ туркменокъ, но изъ *краниз*, т. е. персидскихъ невольницъ—сколько угодно, смотря по средствамъ. Плата за дѣвицу колеблется между 60 и 120 червонцами (180—360 руб.), деньгами и товарами, *которые поступаютъ въ безотчетное распоряженіе* ея отца; цѣна же молодымъ вдовушкамъ вдвое и втрое дороже. Туркмены предпочитаютъ вдовъ дѣвушкамъ потому, что тѣ уже опыты, привычны къ тяжелымъ трудамъ и имѣютъ готовое приданое.

Если умираетъ мужъ, то спустя 40 дней послѣ его смерти вдова беретъ изъ кибитки *только свое приданое*, а если осталась деньги, то получаетъ не болѣе 15% съ наличнаго капи-

* При безусловной власти отца надъ дѣтьми, отрицательнаго отвѣта быть не можетъ.

Туркменская женщина въ праздничномъ нарядѣ.

тала, затѣмъ, оставивъ своихъ дѣтей у его ближайшей родни, отправляется къ своему отцу, къ которому не замедляетъ явиться охотники *купить вдовушку*, предварительно неспросивъ у ней личнаго на то согласія. Если же у вдовушки (у дѣвцы тоже) нѣтъ отца, тогда судьбою ея распоряжается старшій братъ или ближайшіе родственники, но родная мать не имѣетъ

надъ нею никакого права, даже лишена права голоса при запродажѣ дочери въ замужество.

По смерти старшаго брата въ семьѣ, на его женахъ женится младшій братъ или двоюродные братья, или дядя; только родному брату нельзя жениться на родной сестрѣ, прочія же степени родства не служатъ препятствіемъ къ браку.

П. Огородниковъ.

Библиографія.

Календарь съ отрывающимися листками. Ежедневникъ, на 1878 годъ. Изданіе Э. Гоппе. Цѣна 75 к.

Календарь этотъ можетъ быть стѣннымъ, такъ какъ для гвоздика наверху въ картонѣ сдѣлано отверстіе. Книжка съ отрывающимися листками привѣрена къ толстому картону, длиною около 8 вершковъ. На лицевой сторонѣ подъ книжкой указаны цѣны вексельной и гербовой бумаги, а сзади на картонѣ помѣщены пожарные сигналы въ С.-Петербургѣ и така

почтовыхъ сборовъ за внутреннюю корреспонденцію. На листкахъ назначены: мѣсяць, число, день, церковныя свѣдѣнія и другія указанія; напр. на листкѣ: февраль 18 (2) суббота, указано на тиражъ акцій и облигацій курско-харьковской желѣзной дороги и историческія свѣдѣнія, о смерти Ярополка Владиміровича и о предоставленіи права Петромъ III русскому дворянству служить или нѣтъ. Вообще календарь этотъ довольно изящень, красивъ, и судя по его достоинствамъ, весьма недорогъ.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

«Наше святое дѣло торжествуетъ!» Этими словами мы вправдѣ начать нынѣшнее наше обзорнѣе дѣйствій на театрѣ войны. Одержана побѣда надъ турками, блестящая даже по сознанию туркофильскихъ газетъ, и одержана именно за Кавказомъ, гдѣ всего болѣе было, повидимому, военное затишье и куда съ такимъ торжественнымъ злорадствомъ указывали туркофилы. *Армія Мухтара-паши разбита на-голову и отрубана отъ Карса!* Даже и не знакомому съ военнымъ дѣломъ очевидны громадныя и плодотворныя послѣдствія этой побѣды. Самъ Мухтаръ-паша бѣжалъ въ Карсъ. Карсъ теперь снова составляетъ средоточіе нашихъ военныхъ операцій за Кавказомъ, съ тою разницею, что теперь есть гораздо большіе для насъ шансы къ взятію этой громадной крѣпости (способной вмѣстить до 30,000 войска), чѣмъ это было съ начала войны, послѣ взятія нами Ардагана.

Дѣло это происходило 2-го и 3-го октября. Сначала наша обходная колонна, подъ командою генерала Лаварева, заняла, 2-го октября, высоты Орлока, сбивла турецкія войска и отбросила ихъ къ *Карсу* и *Вязниксу*. Этимъ движеніемъ была обойдена часть неприятельской арміи. Въслѣдствіе этого, на слѣдующій день (3-го октября) была предпринята общая атака расположенія Мухтара-паши. Ключемъ къ его фронту была гора *Авліаръ*, сильно укрѣпленная. 3-го октября утромъ наши войска начали общее наступленіе на *Авліаръ*, предварительно подготовивъ это наступленіе мѣткимъ огнемъ артиллеріи. Знаменитый нашъ кавказскій герой генералъ *Гейманъ*, предводительствуя Эриванскимъ, Грузинскимъ и Пятигорскимъ полками и стрѣльцовымъ батальономъ, къ полудню, энергически пошелъ на штурмъ Авліара и овладѣлъ имъ. Съ занятіемъ Авліара армія Мухтара-паши была разрубана. Одна часть ея обратилась къ Карсу, но была встрѣчена во флангъ войсками генерала *Лаварева* и преслѣдуема войсками *Геймана*, а къ 5 часамъ пополудни была совершенно разбита и разбѣяна. Въ то же время покончено было съ правымъ флангомъ турецкихъ войскъ. Эти войска, состоящіе изъ 3-хъ дивизій, были отброшены съ позицій на высотѣ Аладжи, окружены со всѣхъ сторонъ, и, понеся громадныя потери, должны были сдаться. Пленныхъ взято нами множество: 7 пашей и 100 высшихъ офицеровъ, 36 орудій, 32 батальона, 4 артиллерійскія бригады и огромное количество военного имущества, состоящаго изъ артиллерійскихъ припасовъ, провіанта и пр. Взято также два турецкія знамени и много значковъ. Турки сначала сдѣлали было попытку пробиться съ высотѣ Аладжи въ Карсъ, но это движеніе было отражено нашими войсками и при этомъ турки понесли большія потери и отступили въ беспорядкѣ къ крѣпости Кагызману (къ юго-востоку отъ Карса). При этомъ наша кавалерія преслѣдовала неприятеля. Наша потеря около 1000 человекъ. Потеря же турокъ громадна—именно 16,000 человекъ.

Его Величество Государь Императоръ, увѣдомилъ Германскаго Императора Вильгельма о славной побѣдѣ 3-го октября особою телеграммой. Вскорѣ на эту телеграмму полученъ былъ отвѣтъ Германскаго Императора, съ поздравленіемъ и пожеланіемъ счастья. Не можемъ здѣсь не отмѣтить факта—какое впечатлѣніе произвело извѣстіе о побѣдѣ подъ Карсомъ въ нашей Дунайской арміи. Радостная вѣсть эта пришла во время вечерней зари. Солдаты горячо молились, «о завтрашемъ дѣть помышляя». Когда было прочитано извѣстіе, надо было видѣть, какъ десятки тысячъ обнаженныхъ головъ гордо и величаво поднялись, горячія слезы радости появились у многихъ.

Бомбардированіе Плевны уже началось по всей линіи. Рѣшительныя дѣйствія видимо послѣдуютъ скорѣ. Все обезпечено съ нашей стороны, вслучаѣ неожиданнаго движенія турокъ, и намъ кажется, самымъ главнымъ здѣсь представляется то, что Османъ-паша теперь совершенно отрубавъ отъ Соеин и не можетъ получить отсюда подкрѣпленія. Армія Османъ-паши, что называется, *деморализована*, упала духомъ. Этотъ страшный

терминъ, *деморализована*—понятна всѣмъ, потому что доказываетъ многочисленными примѣрами исторіи. Солдатъ голоденъ, оборванъ, потерялъ вѣру въ предводителей и состоятельность того дѣла, которое защищаетъ онъ перебѣгаетъ къ врагу, противъ котораго незадолго еще горячо сражался. Телеграфъ дѣйствительно, извѣстилъ насъ, что изъ осажденной Плевны явились уже дезертиры, или перебѣжчики, въ нашъ лагерь, и эти дезертиры теперь являются, уже большими массами—это признакъ близкаго паденія Плевны. Замѣтимъ, что пришедшій какъ мы уже извѣщали, въ Плевну изъ Орханіе, чрезъ Соеію, турецкій 10 тысячный отрядъ съ провіантомъ, повидимому, нисколько не помогъ бѣдственному положенію осажденныхъ. Голодныхъ желудковъ и оборванныхъ тѣлъ, стало быть, уже слишкомъ много, даже при великобританскихъ субсидіяхъ... Замѣтимъ кстати, что недавно англійскія газеты кричали объ упадкѣ духа именно *нашей*, а не турецкой арміи. Вотъ что называется съ большой головы да наздоровую!

Если бы мы стали указывать на разнообразныя толки вызванныя «неожиданною» для туркофиловъ нашею побѣдою на равнинахъ Арменіи, то никогда ни кончили бы. Не лишены комизма, однакоже, заботливья указанія англійской прессы, что вотъ-мольте, теперь-то и настала часть для Россіи заключить почетный миръ съ турками, ибо послѣднею славною побѣдою военная честь Россіи спасена. Да когда же было опасеніе, что Россія можетъ потерять военную честь? Вся наша исторія служитъ опроверженіемъ этой вздорной мысли... Если въ политикѣ и необходима практичность, но ужь отъ англійскихъ то практическихъ совѣтовъ—избави насъ Боже!..

Затѣмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ и судя по согласнымъ телеграфнымъ сообщеніямъ, и армія Наслѣдника Цесаревича вскорѣ приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Судейманъ-паша сосредоточиваетъ свои силы у Кады-Клюйя и остается пока въ Разградѣ.

Въ ловченскомъ нашемъ отрядѣ продолжаютъ молодецкіе поиски, по направленіи къ югу.

Что касается военныхъ операцій на Шипкѣ, то здѣсь выпавшій глубокий снѣгъ препятствуетъ имъ.

Перейдемъ теперь къ политическимъ извѣстіямъ, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ результаты выборовъ, во Франціи. Полный результатъ выборовъ, за исключеніемъ французскихъ колоній, представляется пока въ слѣдующемъ видѣ: выбрано консерваторовъ 201, республиканцевъ 314. Допускаются перебаллотировки. Верхъ одержала республиканская партія, и этотъ результатъ маршалъ Макъ-Магонъ какъ-то съумѣлъ истолковать въ свою пользу. Сторонники маршала и самъ маршалъ утверждалъ, что, въ концѣ концовъ, его правительство одержало *моральную побѣду* (?) Какимъ же образомъ? Категорически и положительно выражаться въ этомъ смыслѣ—по меньшей мѣрѣ преждевременно. Въ числѣ преимуществъ, присвоенныхъ избираемымъ, принадлежитъ и право имѣть мѣсто въ палатѣ. До сихъ поръ результаты выборовъ показавъ, что мѣста въ палатѣ, пріобрѣтенныя консерваторами, принадлежатъ скорѣе монархистамъ, чѣмъ бонапартистамъ. Клерикаловъ, или приверженцевъ папы, выбрано вообще мало.

Гамбетта, по поводу выборовъ, снова оскорбилъ личность президента въ своей рѣчи и во второй разъ позванъ въ судъ исправительной полиціи.

Изъ другихъ новостей прошлой недѣли наиболѣе выступаетъ *нота турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ посланная на имя турецкаго посла въ Лондонъ*, для передачи лорду Дерби. Нота содержитъ строгое предостереженіе Греціи по поводу ея военныхъ приготовленій. Курьезно здѣсь то, что Порта обращается съ нотою не къ самой Греціи, а къ своей покровительницѣ Англій, неудостовая маленькую Грецію непосредственнымъ напоминаніемъ. Эта канцелярско-бюрократическая манера въ дипломатіи комична въ высшей степени. Какая-нибудь нота

должна перейти через двой-трой руки, чтобы передаться по назначению. Лорд Дерби препроводил турецкую ноту греческому министру иностранных дѣлъ Трикупису, съ совѣтомъ бросить военный задоръ и лучше обратить вниманіе на внутреннее устройство Греціи. Трикуписъ отвергъ съ достоинствомъ и по пунктамъ, справедливость взведенныхъ на Грецію обвиненій и весьма деликатно намекнулъ, что Турція могла бы обратиться съ предостереженіемъ не къ Англіи, а къ самой Греціи.

По свѣдѣніямъ „Вѣстн. Народ. Помощи“ все число выбывшихъ изъ строя на обоихъ театрахъ войны достигаетъ, по 6-е октября, 60,100 человекъ.

Изъ внутреннихъ извѣстій считаемъ нужнымъ указать на то, что съ 2 октября спокойствіе въ южномъ Дагестанѣ возстановлено, въ среднемъ же Дагестанѣ пока еще есть нѣкоторые волненія, имѣющія, конечно, прекратиться вскорѣ, тѣмъ болѣе, что у волнующихся племенъ съ извѣстіемъ о поражении Мухтара-паши пройдетъ всякое желаніе бунтоваться. За сямъ укажемъ, на слѣдующее распоряженіе:

Съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, частныя посылки, отправляемыя изъ Россіи въ дѣйствующую армію, могутъ быть впредь сдаваемы на почту въсомъ до одного пуда каждая, о чемъ сообщается для свѣдѣнія публики и надлежачаго руководства почтовыхъ учреждений. Замѣтимъ еще, что состоялось правительственное распоряженіе о томъ, что прогоны при требованіяхъ пассажирами обыва-

тельскихъ лошадей на почтовыхъ трактахъ должны быть взимаемы въ тѣхъ же размѣрахъ, какіе опредѣлены для почтовыхъ лошадей Высочайше утвержденныхъ 21-го мая 1874 г. мѣншемъ государственнаго совѣта объ увеличеніи прогововъ на почтовыхъ трактахъ.

8 октября праздновалъ Петербургъ пятидесятилѣтіе со дня Наваринской битвы. Наканунъ этого дня было отправлено изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ на пароходѣ «Нева», при взводѣ отъ второго флотскаго экипажа и въ сопровожденіи хора портовой музыки, георгіевской знаменной флага, пожалованной дванадцатому флотскому экипажу, составившему команду корабля «Азовъ» во время Наваринскаго боя и перешедшей при расформированіи экипажей во второй флотскій экипажъ, и икона Пресвятой Богородицы, имѣющей знаменательное значеніе въ исторіи Наваринскаго сраженія. На золотой дощечкѣ подъ этой иконою имѣется надпись, гдѣ сказано, что икона эта во время Наваринскаго боя, была поднята изъ воды у борта корабля «Гангутъ» и послужила счастливымъ знаменіемъ роковаго дня. Усердіемъ офицеровъ и команды корабля «Гангутъ», эта драгоценная святыня была украшена серебряно-вызолоченною ризою и на ней вокругъ иконы изображены лики „Всѣхъ Святыхъ“. Въ этомъ видѣ икона сохранилась и понынѣ.

Въ Петербургѣ вѣствъ съ вздорожаніемъ хлѣба въ зернѣ и мука, вздорожалъ и печеный хлѣбъ, поднявшись въ цѣнѣ до 3 к. за фунтъ.

С М Ъ С Ъ

Телеграфныя сношенія Европы. Согласно исчисленіямъ австрійскаго министерства торговли, въ Европейскихъ государствахъ на 1000 жителей приходится телеграммъ: въ Швеціи 1006, въ Нидерландахъ 616, въ Великобританіи 561, въ Бельгіи 537, въ Виртембергѣ 474, въ Норвегіи 433, въ Германіи 314, въ Швеціи 306, во Франціи 243, въ Даніи 237, въ Австріи 202, въ Италіи и Румыніи 188, въ Австро-Венгріи 178, въ Греціи 136, въ Сербіи 128, въ Испаніи 76, въ Португаліи 75, въ Турціи 62 и Россіи 41.

Новый способъ сохраненія мертвыхъ тѣлъ. Бразильскій инженеръ Льюкъ Крельсъ изобрѣлъ новый способъ сохранять трупы образованіемъ изъ нихъ искусственной каменной массы. Цѣль его изобрѣтенія, вмѣстѣ погребенія тѣла ввести ихъ инкрустацію и искусственное окаменѣніе. Инкрустирующій покровъ такъ плотенъ, что черезъ него не проходитъ ни одного атома трупнаго газа, и самый трупъ превращается въ твердую каменную массу. Для достиженія этого, обернутое въ холстъ тѣло опускается въ водяной растворъ глины и извести, взятыхъ въ одинаковыхъ доляхъ, послѣ этого въ растворъ дегтя, послѣ чего вокругъ тѣла образуется непроницаемая плотная масса. Затѣмъ готовится смѣсь изъ цемента, песку и золы; ее распускаютъ въ водѣ и потомъ выливаютъ въ любого выбора форму, въ которую предварительно былъ вложенъ инкрустированный трупъ. Оня остается въ такомъ видѣ сутки; въ теченіе этого времени изъ него образуется искусствнная каменная ая гробница. По снятіи формы, на камнѣ можетъ быть сдѣлана надпись или извѣстный номеръ, дабы родные и друзья могли безошибочно находить ихъ, или въ избѣжаніе ошибокъ при какихъ-либо уголовныхъ изслѣдованіяхъ. Стоимость такого приготовления трупа, соединяющаго въ себѣ и гробъ и надгробный памятникъ, не превышаетъ 4-хъ марокъ, т. е. нашего рубля съ небольшимъ.

Средство для чистки перчатокъ, сдѣланныхъ изъ кожи. 3 унц. мыла слѣдуетъ распустить въ 2 унц. бѣлильной воды и 1 драхму жидкаго аммоніаку. Затѣмъ посредствомъ слабой тряпки чистятъ составомъ этия перчатки до тѣхъ поръ, пока не сойдутъ съ нихъ всѣ грязныя пятна.

Чистка золотыхъ цѣпочекъ. Опустить цѣпочку въ маленькую бутылку, наполненную небольшимъ количествомъ теплой воды и прибавивъ туда немного растертаго мыла и извест-

коваго порошку, встряхнуть бутылку хорошенько нѣсколько разъ и затѣмъ, вынувъ цѣпочку, промыть ее въ чистой водѣ и просушить. Послѣ этой операціи цѣпочка получитъ блестящій видъ.

Раскладыва вещей происходитъ нерѣдко, какъ извѣстно, во время сильной теплоты въ воздухѣ, или если склеенныя вещи приходится ставить въ сильно раскаленную печь, или на раскаленный уголь. Эту раскладку вещей можно предотвратить примѣсю къ клею хлоръ-кальція. Клей составленный съ примѣсю хлоръ-кальція держится хорошо на вещахъ изъ стекла, фаянса, металла и пр. и можетъ быть употребленъ для наклеики этикетовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Мосина Е Л.—ову. При послѣднихъ модахъ приложеніе рисунковъ для убранства комнатъ въ русскомъ стилѣ не могло быть сдѣлано по причинѣ сложности и разнообразія работы, потребовавшей отъ художника много времени. Потеряте еще нѣдѣлю да и тогда можете уррарать ваши комнаты въ настоящемъ русскомъ стилѣ.

2. Нѣминъ. Н. А. Нѣкоторые изъ стиховъ вашихъ очень недурны. Напримѣръ вотъ эти:

«Когда отъ меня ты далеко,
Я вѣрить готовъ всей часъ,
Что любишь меня ты глубоко,
И счастье возможно для насъ.
Мы встрѣтились снова... друзьями,
И снова твой взглядъ говорить,
Что, другъ мой далекій, между нами
Безбрежная бездна лежит!»

Это очень хорошее стихотвореніе, но въ немъ такъ много Гейневскаго по мысли, по складу, что сами вы, буучая, можете быть, законнымъ его авторомъ, нечтаете въ Гейневской поэзіи

За сямъ вѣдругихъ вашихъ стихахъ уже нѣтъ этой поэзіи, нѣтъ законченности, и видно что при ихъ писаніи надъ вами уже не царилъ ни чей одушевленіи образецъ. Вы вникли оригинальнымъ поэтомъ и вышло что-то:

И вотъ ужъ среди темныхъ вѣшнихъ листовъ
Пурпурныя вишни свозвать...
Какъ жаль что изъ стаи обжоръ воробьевъ
Съ такимъ аппетитомъ ѣдать!

Здѣсь не скоро догадаешься, кто кого ѣсть, и чей это стаи обжоръ воробьевъ. Все вто мы говоримъ не ради только почтоваго ящика, гдѣ, по преимуществу являются предъ публикою поэты, образцовые... по безграмотности. Вы не изъ ихъ числа.

Если напишете что либо болѣе удачно—пришлите.

СОДЕРЖАНІЕ: Развалины Траинова моста на Дунаѣ (съ рисункомъ) Ор.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть В. Соловьева. Часть вторая (продолженіе).—Кровь, какъ источникъ жизни. Ш.—Подъ Плавной (съ 3-ми рисунками) Ч.—Болгары на ятвѣ (съ рисункомъ) — Муравьѣдъ (Мутесорнара) (съ рисункомъ) Д.—Черногорка, охраняющая оружіе, при входѣ въ монастырь (съ рисункомъ) М. Стр.—Деревня «Горный-Студень» —Турменская женщина въ праздничномъ нарядѣ (съ рисункомъ) П. Огородникова.—Библиографія.—Смѣсь.—Политическія военныя и внутренія извѣстія.—Объявленія

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 3,

АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.

ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,

Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.

Товарищество Чежберсъ и К^о.

КАМИННЫЙ УГОЛЬ
у Фрицъ Буркгардта.
1—3 Румянцева площадь № 6. № 16

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ,
Садовое Заведеніе въ Ригѣ,

самъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ и пр. на 1877—1878 г. издали и расосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.
Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также безъ платы, смотря по завѣщенію, на русскомъ языкѣ, или французскомъ и нѣмецкомъ.
№ 23 4—3

Сочиненія Д. СТАХЪЕВА
Наслѣдники. Повѣсть 2 тома 670 стр. цѣна 2 руб.
Зстреложный городъ. 1 томикъ 116 стр. цѣна 50 коп.
Уъ Москвѣ у Соловьева и Живарева, въ Петербургѣ въ конторѣ «Пчелы» и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 43 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 24 Октября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫНРОЕНЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе болѣе 23,000 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонныя адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1878 г.	Безъ доставки въ Пбургъ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ	5 р.
	Съ доставкою	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе гор.	6 . *)

*) Увеличеніе цѣны для гг. иногородныхъ подписчиковъ (вмѣсто 5 р. 50 к.—6 р.) вызвано значительными расходами по прочной укупоркѣ и громаднымъ почтовымъ расходамъ при пересылкѣ премій въ картонныхъ футлярахъ.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера.

При этомъ № высылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ обѣщанная премія „Нивы“ 1877 года: двѣ олеографическія картины съ акварелей Ф. Келлера: 1) СЕМЬЯ РЫБАКА и 2) ТАРАНТЕЛЛА.

Картины эти, какъ могутъ видѣть гг. подписчики, по свѣжести тоновъ и чистотѣ красокъ, достойны служить замѣною оригиналовъ.

Картины привезены въ бумагѣ, составляющей ихъ фонъ, только однимъ краемъ. Это сдѣлано съ намѣреніемъ, для того, чтобъ онѣ не смялись при укладкѣ въ футляры. Просимъ Гг. подписчиковъ, вынувъ осторожно картины изъ футляра и разложивъ ихъ гладко на столѣ, смочить слегка гуммированную (заднюю) сторону другого края картины и приложить къ фону, приерживъ на нѣкоторое время чѣмъ нибудь плотнымъ.

Цѣна этихъ двухъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 руб., особо каждая по 2 рубля съ пересылкою.

Раковины заслуживаютъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Наука давно уже занимается наблюденіемъ не только надъ жизнію организмовъ, въ нихъ обитающихъ, но изучаетъ и самое строеніе этихъ раковинъ. Кромѣ того, раковины во многихъ случаяхъ служатъ руководящею нитью при изученіи и распознаваніи свойствъ земли въ мѣстности ихъ находженія. Самый слабый оттискъ извѣстныхъ, такъ называемыхъ *руководящихъ* раковинъ, указываетъ собою, какія именно горныя формации и какіе органическіе остатки имѣются въ той мѣстности, откуда онѣ взяты. Такъ для углекислаго известняка отличительнымъ признакомъ служить одинъ видъ раковинъ, для плитнаго известняка—другой и т. д. Засимъ, обращаясь отъ изученія свойствъ раковинъ къ изслѣдованію жизни обитающихъ въ нихъ организмовъ, наука получаетъ возможность, по сравнительному изученію нынѣ существующей жизни въ раковинахъ, дѣлать болѣе или менѣе точные выводы о жизни уже вымершей,

Раковина Тридакна (Tridacna).

Раковина Тридакна (Tridacna), замѣняющая дѣтскую ванну.

слѣды которой собственно и составляютъ опустѣвшія раковины. Обитатели раковинъ составляютъ отдѣлъ мягкотѣлыхъ (mol-lusca). Что же касается самаго образованія раковинъ, то до XVII вѣка придерживались мнѣнія Аристотеля, будто животныя приготовляютъ себѣ скорлупу изъ песку и ила; но рядъ послѣднихъ изслѣдованій доказываетъ, что раковина есть ничто иное какъ известковое отложеніе кожи животнаго.

Изъ обитателей раковинъ нѣкоторые употребляются человекомъ въ пищу, устрицы, напимѣръ, служатъ даже лакомымъ и вкуснымъ блюдомъ. Птицы и морскіе животныя, млекопитающіе, также употребляютъ въ пищу животныхъ—обитателей раковинъ. Любители рѣдкостей собираютъ раковины, какъ представляющіе (въ особенности на югѣ) удивительное разнообразіе по своимъ формамъ и великолѣпную блестящую, переливающуюся въ нихъ перламутровыхъ оттѣнковъ. Раковины жемчужницы доставляютъ такую морскую крупу, которая изъ всѣхъ драгоцен-

постей у людей занимает первое мѣсто и цѣнится, весьма дорого, смотря, впрочемъ по величинѣ.

Представленная на приложенномъ рисункѣ раковина Тридакна (*Tridacna gigas Lam*) есть величайшая изъ всѣхъ раковинъ. Мягкотѣлое, моллюскъ, обитающій въ ней, относится къ семейству пластинчато-жаберныхъ. Всѣ пластинчато-жаберные *бизоловы* моллюски, неимѣющие головы отдѣльной отъ туловища; тѣло ихъ окружено большою двудольною складкою—значею и заключено въ двустворчатую раковину, имѣющую правую и лѣвую створки, связанная между собою тяземъ. Дышать эти моллюски листоватыми или гребенчатыми жабрами. Органы пищеваренія ихъ помѣщены по большей части въ мѣшкѣ подъ жабрами; органы эти состоятъ изъ рта, иногда окруженнаго щупальцами, короткаго пищевада, одного или двухъ желудковъ и извитой кишки.

Сердце ихъ состоитъ изъ двухъ предсердій и одного желудочка, прободеннаго кишкой. На краю эпанчи замѣчается множество

маленькихъ глазъ; ихъ насчитываютъ до 180. Пластинчато-жаберныя животныя водятся въ водѣ и двигаются при помощи особаго кожномускальнаго органа—*ноги*, развитой на нижней поверхности тѣла.—Вѣсъ моллюска, Тридакна доходитъ иногда до 35 фунт. Мясо его жестко, но островитянами Океаніи все таки употребляется въ пищу. Раковина Тридакна бываетъ длиною до 3 и болѣе футовъ и вѣсомъ до 12 пудовъ. Въ моряхъ, гдѣ они водятся, встрѣчаются мели въ версту и болѣе, образуемая ихъ скопленіемъ.

Говорятъ сила этого исполнскаго треугольника (раковины Тридакна) такъ велика, что закрывая свои створки, животное можетъ перервать толстый якорный канатъ. Въ Индіи створки употребляются вмѣсто доханокъ и служатъ, какъ мы видимъ на рисункѣ, ванною для дѣтей. Въ Парижѣ, въ церкви St. Sulpice, до нынѣ находится раковина подаренная Венеціанскою республикой королю Франциску I, и служить сосудомъ для хранения священной воды. Люб.

У НЕАПОЛИТАНСКАГО ЗАЛИВА.

(По поводу двухъ картинъ, составляющихъ премію „Нивы“ въ 1877 г.).

Многовѣковая, полная тревогъ жизнь Италіи, слѣды которой остались на ея почвѣ въ видѣ многочисленныхъ памятниковъ, развалинъ, все таки не могла наложить на нее печать безмолвія и смерти. Италія не утомилась, не одряхлѣла подъ бременемъ этого длиннаго ряда вѣковъ. Она все еще молода, она все еще красавица и никогда не убываетъ числа ея поклонниковъ, находящихъ въ ней одной источникъ высокаго вдохновенія и неподдѣльнаго восторга. Увлеченіе Италіей и восторгъ къ ней доходили у иныхъ людей до какого-то культа, до какого-то безграничнаго обожанія. Такую привязанность къ ней имѣлъ извѣстный Винкельманъ, цѣлую жизнь изучавшій Италію, хотя преимущественно въ остаткахъ ея античнаго быта и искусства: въ средѣ же художниковъ такимъ поклонникомъ Италіи былъ талантливый французъ Леопольдъ Робертъ, постоянно тамъ жившій и передававшій въ предѣльныхъ картинахъ типы и сцены итальянской народной жизни. Если прослѣдить исторически тотъ интересъ, который всегда возбуждала Италія чудесами своей природы и искусства въ сопредѣльныхъ ей странахъ, то окажется, что уже съ XVIго вѣка начинается съ ней знакомство остальной Европы, хотя путешествія въ эту классическую страну были въ то время еще весьма рѣдки, да и посѣщалась она исключительно однимъ людьми знатными или богатыми. Но за то въ вѣкъ процвѣтанія и развитія въ Италіи ремесла, когда цѣлая плеяда первоклассныхъ художниковъ украсила свою родину чудесами живописи и зодчества, число туристовъ начинаетъ замѣтно увеличиваться. Нужно помнить при этомъ, что добраться тогда дозой благоуханной страны было далеко не такъ легко какъ нынѣ; путешествіе по сушѣ было утомительно, такъ какъ приходилось ѣхать на лошадахъ по сквернымъ и часто нагорнымъ путямъ; плыть же моремъ на уломъ кораблѣ того времени, было еще опасно отъ возможности крушенія или встрѣчи съ пиратами. Къ тому же плохи и грязныя гостиницы могли вывести изъ терпѣнія самаго невзыскательнаго путешественника. Но не смотря на всѣ эти неудобства, притягательная сила Италіи уже была до того велика, что съ XVII столѣтія начинается непрерывный рядъ путешествій въ эту страну и появляется цѣлая масса книгъ, посвященныхъ ея описанію... Нынѣ же желѣзныя дороги еще болѣе сблизили Италію съ остальнымъ міромъ; вмѣсто грязныхъ тавернъ появились хорошіе отели, а нападеніе страшныхъ бандитовъ на мирныхъ путешественниковъ уже перешло въ область легендъ и воспоминаній далекаго прошлаго. Путешественникъ можетъ смѣло проникать въ самыя отдаленныя и глухіе ея уголки, не боясь что что-либо помѣшаетъ его цѣлямъ какъ туриста, или какъ художника. Особенно послѣднему Италія представляетъ изумительное богатство матеріала, захочетъ ли онъ перевести на полотно красоту ея природы или сцены народнаго быта. Талантливый жанристъ, поставленный среди этого страстнаго, подвизнаго, поэтическаго народа, не будетъ долго затрудняться въ сюжетѣ. Здѣсь первая попавшаяся на глаза сцена совершенно достаточна, чтобы служить богатой канвою для художественнаго произведенія. Такое достоинство бойкаго и талантливаго жанра имѣютъ за собой двѣ извѣстныя картины Келлера, представляющія отдыхъ неаполитанскихъ рыбаковъ и тарантеллу, предлагаемая при этомъ номеръ какъ годовая премія „Нивы“. По этому поводу мы считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей какъ съ природою побережья неаполитанскаго залива, такъ и съ бытомъ его обитателей, нравы которыхъ послужили темой для этихъ картинъ.

Южный берегъ Италіи, тамъ, гдѣ онъ омывается Неаполитанскимъ заливомъ, справедливо носитъ названіе цвѣтущаго сада, а по фигурному выраженію Сеназара, это „частица неба, упавшая на землю“. Un pezzo di cielo caduto in terra! Здѣсь все полно очарованія; въ мартѣ и апрѣлѣ уже цвѣтутъ и благоухаютъ лимонныя и померанцовыя рощи, а съ плетней и за-

боровъ спускаются гирлянды жасминовъ, розъ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ.

...Здѣсь алмй апельсинъ,
И золотой лимонъ цвѣтутъ среди долинъ.

Берегъ же повсюду поднимается величественными уступами, покрытыми самою роскошною растительностью. Въ этомъ уголкѣ Италіи, защищенномъ и отъ знойнаго Сирокко и отъ зимнихъ вѣтровъ—царствуетъ почти вѣчная весна, а воздухъ такъ чистъ и прозраченъ, что самыя отдаленныя предметы глазъ видитъ съ поразительною ясностью. Съ какой-нибудь высокой террасы, съ балкона или съ моря нельзя досыта наглядѣться на этотъ очаровательный берегъ, лежащій у подножія вѣчно суроваго вулкана, который здѣсь виденъ отовсюду какъ страшное привидѣніе, вѣчно и ежеминутно грозящее разрушеніемъ всему окружающему. Живописные городки Портичи, Резина, Торре-дель-Греко и Торре-дель-Анунциатъ, лежащіе по взморью около Везувія, составляютъ, можно сказать, продолженіе Неаполя. Ряды ослѣпительно бѣлыхъ виллъ, омыаемыя съ одной стороны голубыми волнами залива, а съ другой замнутые громадною массою вулкана; оливковыя рощи, лимонныя сады, а иногда величественныя плинніи и роскошныя пальмы—представители здѣсь далекаго востока и все это облитое прозрачнымъ воздухомъ, представляетъ картины, достойныя кисти Сальватора Розы. Здѣсь у каждаго часа—два свои, неуловимыя часто для художника, краски; лазурь неба, волны залива, все мѣняется какъ бы въ космарамѣ и самый Везувій то покрывается какой-то золотистой дымкой, то принимаетъ оттѣнокъ голубоватый, розовый или фіолетовый. Немудрено, что при такой природѣ и такомъ климатѣ, жители этого благодословеннаго края горячо любятъ свою родину, считая его серьезно земнымъ раемъ и сохраняя преданіе, что именно здѣсь Адамъ и Ева избрали себѣ мѣстопробываніе послѣ изгнанія ихъ изъ Эдема. Эту страстную любовь къ своему городу неаполитанецъ выражаетъ и въ извѣстной народной пѣснѣ, которую можно слышать ежедневно на заливѣ:

O dolce Napoli
O suol beato!
Dove sorridere
Vole il creato *).

и въ каждой народной пословицѣ: „Vidi Napoli i poi mori, т. е. погляди на Неаполь и потомъ умри.“

Что прекрасно, говорить Тэнъ, такъ это то, что въ этомъ благословенномъ климатѣ, жизнь можетъ быть также проста какъ и во времена Гомера, Все что въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ цивилизація выработала на пользу нашего благосостоянія, здѣсь кажется совершенно излишнимъ. Что здѣсь нужно человѣку? Кусокъ полотна, кусокъ холстины, и онъ вполне доволенъ, какъ былъ бы этимъ доволенъ одинъ изъ спутниковъ Улисса. Стоять лишь прикрыть наготу, а остальное придетъ само собою. Дѣйствительно, только такой климатъ, только такая богатая природа могли произвести неподражаемый типъ неаполитанскаго ладзарони, хотя нужно сознаться, что настоящій ладзарони, строгій послѣдователь привычекъ и образа жизни пресловутаго Діогена, мало по малу исчезаетъ. Нынѣ и ладзарони понимаетъ цѣну нѣкотораго комфорта и стараясь добыть необходимыхъ для этого средствъ, постепенно пріучается къ ненавистному для него прежде труду. Одѣтъ онъ нынѣ прилично и на немъ уже не видно тѣхъ лохмотьевъ, которые дозволяли каждому любоваться его загорѣлымъ тѣломъ, обронзировавшимся южнымъ солнцемъ. Что же касается

* О дорогой Неаполь... О блаженная земля, гдѣ умбается каждое твореніе.

до вопроса питания, то ладзарони может заработать четыре или пять копеек в день, а на берегу Неаполя каждый смертный, обладающий такой суммой, не может отчаяваться, что умрет с голоду. Но бывают и для ладзарони такие дни, что пробуждаясь на ступенях какого-нибудь храма и чувствуя прежде всего голод, он ощущает свои карманы и увы! не находит в них никакого сбережения ни в форме мелкой монеты, ни в форме чего либо съедобного. *Corro di Vasso!* ворчить он сам себя под нос, но отчаяваться не имеет привычки и потому поднявшись, съешит в ближайшую церковь, где благоговейно слушает мессу, а потом выйдя на улицу начинает фланировать, поет, свистит, болтает с знакомыми и зорко следит за такими прохожими, которых он знает. Глазами он ищет иностранца, который бы нуждался в его услугах, как опытного чичероне. Часто, как говорит пословица, на ловца и зверь бежит и ладзарони тут же встрѣчает какого-нибудь благодѣтеля в образѣ приѣзжаго туриста, желающего ознакомиться со всеми достопримѣчательностями Неаполя. Ладзарони знает, конечно, город как свои пять пальцев и за несколько ничтожных грановъ покажет и соборъ св. Ануарія со всеми его рѣдкостями и знаменитыя катакомбы, где покоятся кости болѣе чѣмъ ста тысячъ христіанъ, или даже проводит на Везувій. Зарабатывъ такимъ образомъ нѣсколько мелкихъ монетъ, онъ уже считаетъ себя богатѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ и можетъ прожить совершенно беззаботно четыре или даже цѣлые пять дней. Въ первый день послѣ такой получки онъ даже позволяетъ себѣ нѣсколько пороскошничать; первымъ дѣломъ за два грана покупаетъ себѣ огромный кусокъ дыни, что и составляетъ лакомый для него завтракъ. Потомъ вѣ ближайшей табачной лавочкѣ покупаетъ сигару, которой гордо дымитъ среди своихъ товарищей и знакомыхъ жевачницъ, а крошечный отъ нея остатокъ великодушно отдаетъ вакомунибудь нищему. Если же фланируя, онъ встрѣтитъ случайно военный отрядъ, идущій съ музыкой на ученье, то считаетъ своей священной обязанностью сопровождать его на плацъ и присутствовать при его экзерциціяхъ. Окончивъ это пріятное и полезное занятіе, онъ опять возвращается въ городъ, где и заходитъ къ продавцу воды и выпиваетъ за два грана нѣсколько стакановъ воды со льдомъ, что такъ дорого цѣнится на жаркомъ югѣ, или толчется около передвижной макаронной кухни. Улыбаясь, снимаетъ онъ съ нечесанной головы свой шерстяной, коричневый колпакъ и подавая одинъ гранъ, проситъ наполнить его лакомымъ блюдомъ. Получивъ его, онъ воодушевляется, закидываетъ назадъ голову и загребая макароны руками, высоко поднимаетъ ихъ надъ нею и потомъ медленно спускаетъ ихъ сочными, бѣлыми нити въ свой широко раскрытый ротъ. Наѣвшись до сыта, онъ безъ церемоніи ложится на каменную скамью, находящуюся противъ королевскаго дворца и тамъ отдыхаетъ часика два, не обращая никакого вниманія на себя прохожихъ ни своими далеко не граціозными поэмами, ни своими рубашечками. Окончивъ же свою сіесту, онъ отправляется на берегъ, где беззаботно слушаетъ шутки полишинеля, суровую проповѣдь капуцана, чтеніе Аріосто или стиховъ какого-нибудь народнаго импровизатора. Но вотъ уже стемнѣло и онъ идетъ въ театръ марionетокъ, где ему покажутъ или печальную исторію Додоны, или поединокъ Карла XII съ Петромъ Великимъ. Почувствовавъ наконецъ, что карманъ опустѣлъ, онъ смиренно ложится на ступени дѣстницы какого-нибудь зданія, передаетъ себя заступничеству Мадонны и сладко засыпаетъ до радостнаго утра. Но въ Неаполѣ помимо класса такихъ нищенствующихъ сибаритовъ, такихъ поклонниковъ пресловутаго *for-niente*, есть въ изобиліи и другое население, работающее, трудовое. Это прежде всего *maginati*, т. е. рыболовы и вмѣстѣ съ тѣмъ моряки, составляющіе въ Неаполѣ совершенно отдѣльную касту, имѣющую свои законы, обычаи и особенныя права. Группы этихъ рыбаковъ, отдыхающихъ на песчаномъ прибрежьи залива, такъ и просятся на полотно живописца, съ ихъ мускулистыми ногами, обнаженными по колѣни, открытою почернѣвшею грудью, доснающимися кудрами, выглядывающими изъ-подъ алаго колпака и необыкновенно одушевленнымъ взоромъ. Живописный костюмъ ихъ состоитъ изъ рубашки и короткихъ брюкъ, стяннутыхъ кожаными поясомъ, за которымъ блеститъ широкой ножъ, а на шеѣ красуется изображение Мадонны. Работаютъ они большею частью артелями и одна лодка служитъ для многихъ. Окончивъ дневной, тяжелый трудъ, они вытаскиваютъ ее на берегъ и тутъ же около нея, въ граціозныхъ группкахъ, вкушаютъ всю сладость сіесты. Передъ ними любимое ими море; волны плещутъ и разсыпаются мелкими брызгами, а многочисленная толпа нагихъ ребятишекъ, прелестныхъ какъ амуръ, формами будто вылитыхъ изъ античной бронзы, плещутся въ нихъ съ гикомъ и хохотомъ. Рыбаки по большей части люди женатые и обладающие кучею дѣтей; они очень рано женятся и очень рады каждому новому ребенку, такъ какъ воспитаніе его имъ положительно ничего не стоитъ. Ребенокъ растетъ около моря и приучается отцовскому ремеслу и изъ него современемъ выходитъ тотъ же опытный рыболовъ и неустрашимый морякъ, рискующій на утлой ладѣ подплывать почти къ берегамъ Африки для ловли каралловъ. Любовь къ морю эти моряки доводятъ до обожанія и во всѣхъ ихъ дѣяніяхъ

звучитъ безконечный гимнъ питающей ихъ стихіи. По ихъ мнѣнію, она одна даетъ и счастье, и жизнь, и красоту. „Неудивляйся, поетъ рыбакъ своей подругѣ.

Ты такъ прекрасна.

Ты родилась на берегу моря....

и дѣйствительно эти приморскіе типы дышатъ силой, здоровьемъ и красотой.

Но для ознакомленія съ неаполитанскимъ бытомъ нельзя изучать его лишь на берегу залива, а надо съѣздить улицу Толедо и другія, идущія отъ моря къ центральной части Неаполя, где южная жизнь кипитъ ключемъ, ведется на распашку. Улицы замѣняютъ жителямъ мастерскую, и кухню, и спальню. Тутъ они занимаются домашнимъ туалетомъ, бранятся, стряпаютъ, планиютъ и все это безъ малѣйшаго стѣсненія. Неловкому иностранцу здѣсь легко натолкнуться или на подвижной очагъ где варятся макароны, или на какую-нибудь корзину, вмѣщающую въ себѣ снѣгаго торговца. Здѣсь народъ цѣлый день проводитъ на открытомъ воздухѣ и если судьба осудитъ неаполитанца на усидчивое, замкнутое ремесло, то хотя онъ и покоряется своей участи, но очевидно страдаетъ. Воздухъ, солнце и движеніе — это необходимыя условія неаполитанскаго народнаго быта.

Такая живая уличная жизнь кипитъ въ Неаполѣ большую часть года, когда идутъ непрерывно прекрасные, жаркіе дни; только во время туманнаго и дождливаго января физіономія Неаполя измѣняется; холодный вѣтеръ, дующій съ моря, заставляетъ все население запертаться дома или сидѣть безвыходно въ ближайшей кофейнѣ. Всѣ купаются, чуть не стучатъ зубами, и безпрестанно повторяютъ: *freddo! freddo!* холодно, холодно. Но за то какой широкой разгулъ, какое необычайное оживленіе, присущее одному Неаполю, видны въ хорошее время года на его улицахъ и особенно на площадяхъ, где производится разная мелкая торговля. Тутъ только можно составить себѣ понятіе объ этомъ живомъ, увлекающемъ темпераментѣ неаполитанца, но трудно сказать, въ увлеченіяхъ котораго даже среди гнѣва и ожесточенія, всегда видна пезлобная, добрая натура, смягчаемая кожнымъ, благодатнымъ климатомъ. Пойдите на рынокъ и при взглядѣ на эту клокоющую толпу, видя ея бѣшеные жесты и слыша ея оглушающій говоръ, вы легко можете подумать, что попали въ среду бандитовъ или бунтовщиковъ. Ненависть, насмѣшки, гнѣвъ, ярость — все здѣсь, выражается самой страстной мимикой: глаза бросаютъ молніи, рта искривляются, сжимаются кулаки, жилы набухиваются и весь торсъ живописно откидывается назадъ. Можно ожидать, что вотъ съ минуты на минуту начнется общая свалка, но не бойтесь: гнѣвъ и ярость исчезаютъ быстро подъ влияніемъ этого чуднаго, благовоннаго воздуха; уста изрыгаютъ проклятія, но сердце смѣется: рѣчь начинается оскорбленіемъ и кончается шуткой. И какой шуткой! Такая шутка при такомъ гомерическомъ хохотѣ толпы возможна только здѣсь, въ Италіи, где сохранились слѣды древне-римскаго народнаго остроумія, образцы котораго мы видимъ у Плавта и Марциала. Вотъ, напримеръ, сцена, схваченная на Неаполитанскомъ рынкѣ:

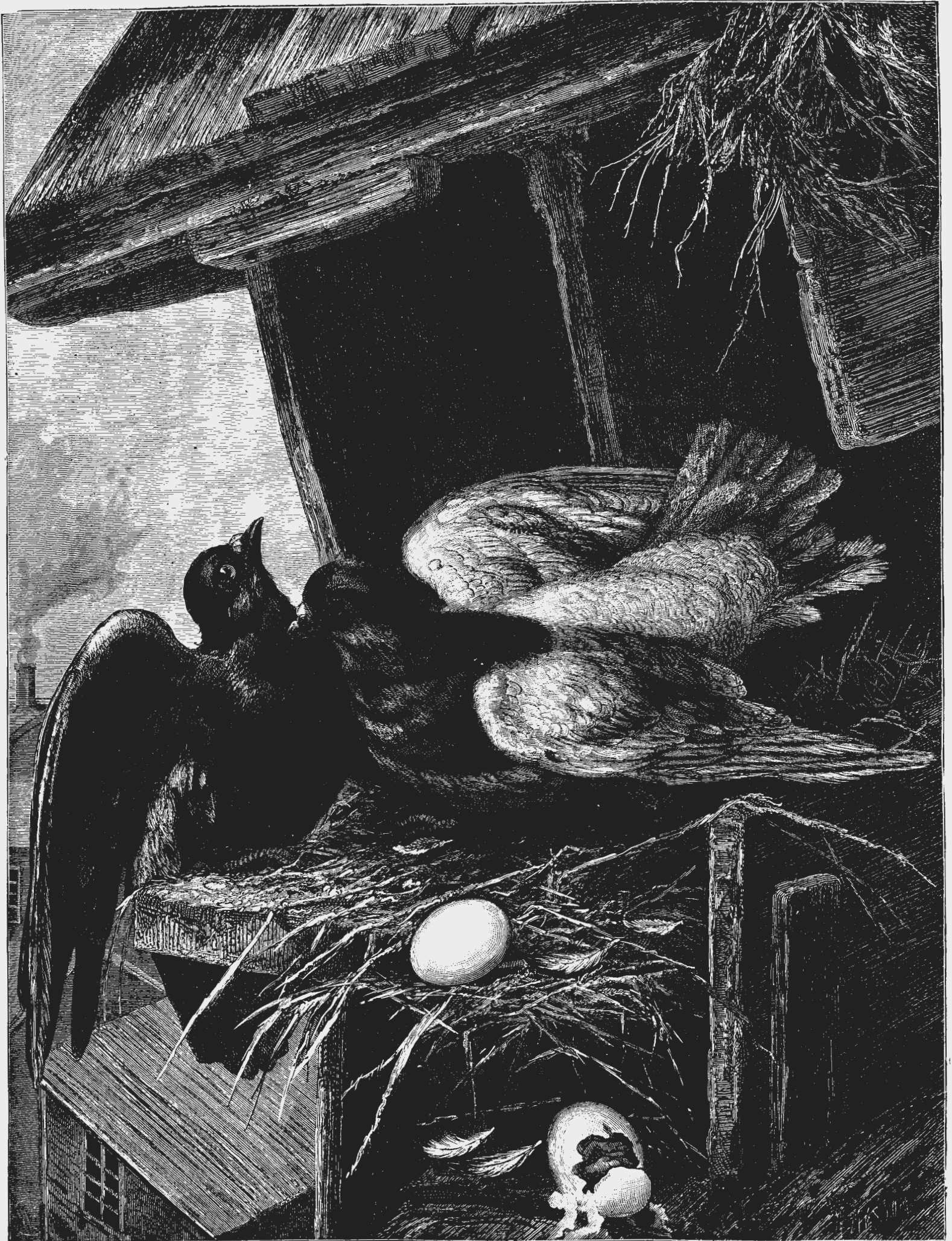
Стоитъ толпа торговцевъ арбузами и наперерывъ предлагаетъ свой лакомый товаръ прохожимъ:

— За гранъ, только за гранъ,—кричитъ одинъ торговецъ, показывая публикѣ сочный арбузъ,—можно поѣсть, напиться и омыть себѣ физіономію. Покупайте, господа, настоящей арбузъ изъ Кастеламаре!—А у меня,—кричитъ другой,—арбузъ взросшій на ледникахъ, а попробуйте его, онъ точно весь огненный. —О! что за прекрасный плодъ,—возглашаетъ третій. Кто хочетъ вмѣсто завтрака съѣсть восходящее солнце? Цѣлую планету отдаю за восемь су! половину за четыре! А если съѣсть здѣсь на мѣстѣ, то отдаю и за три! Сказавъ это, продавецъ кладетъ арбузъ на голову подѣл стоголаго мальчика и ловко разрѣзываетъ его на двѣ части и поднимая руки съ видомъ комическаго изумленія продолжаетъ: Но что я вижу? Въдѣ это восьмое чудо. Смотрите, скорѣй смотрите, если только у васъ есть глаза. Въдѣ тутъ огонь! настоящий огонь! Везувій у меня, у меня Везувій, кричитъ кто-то въ толпѣ.

— А здѣсь Этна, Монжбелло! раздается крикъ изъ другой лавки. Казалось бы, что изобрѣтательность народнаго остроумія истопилась и не можетъ идти далѣе, но вотъ еще раздается громовой голосъ одного торговца: Сюда! всѣ сюда, у меня здѣсь такой арбузъ, въ которомъ цѣлый адъ со всеми чертами!.. И произнеся такую убійственную рекламу, онъ скрепчиваетъ руки и съ гордымъ видомъ обводитъ глазами всѣхъ своихъ совоуаршей, какъ бы вызывая еще кого либо на этотъ поединокъ остроумія и по ихъ молчанію убѣждаясь, что онъ сказать въ немъ послѣднее, самое многозначительное слово.

Часто у какой-нибудь бѣдной, убогой остеріи слышатся звуки тамбурина и щелканье кастаньетъ. Тутъ собралась молодая парня и дѣвушки и танцуютъ тарантеллу, этотъ любимый танецъ неаполитанскаго простолюдiana. Особенно отличаются въ этомъ танцѣ женщины, своею граціей и страстностью мимики. Каждый жестъ тутъ—мысль, каждая поза—чувство. Сначала движенія танцовщи медленны и какъ бы нерѣшительны и при-нужденны; это моментъ, когда страсть еще созрѣваетъ и не мо-

Война. Картина А. Рондела, грав. Миланъ.

жеть быть вполне выражена; но вотъ танецъ мало по малу одушевляется; является смѣлость позъ и движеній, танцуютъ уже не однѣ ноги, а всѣ мускулы, суставы, голова и глаза принимаютъ участіе въ пляскѣ; страсть и энергія доходятъ до крайнихъ предѣловъ и танцорка превращается въ классическую вакханку. Танецъ дѣлается часто общимъ, увлекая всякаго въ бѣшеный вихрь и доводя любителей до изнеможенія. Обаятельность пляски можетъ, конечно, отчасти зависѣть и отъ обворожительности здѣшней женщины въ ея живописномъ нарядѣ, который она умѣетъ носить съ такимъ неподражаемымъ благородствомъ и граціей. Станъ ея, стянутый синимъ или алымъ корсажемъ, не смотря на роскошное развитіе формъ, обладаетъ замѣчательной гибкостью; плечи обнажены, а чудныя, изсинѣ-черныя косы причесаны съ истинно-античнымъ вкусомъ. Прибавьте къ этому обворожительную нагую ножку и вы поймете то впечатлѣніе, какое умѣетъ производить неаполитанка на зрителей своей сладострастной пляски.

Въ заключеніе нашего очерка укажемъ и на то грустное

явленіе въ народной жизни Неаполя, что нищенство тамъ уже давно получило огромное развитіе. Если узнаютъ, что вы путешественникъ, то отовсюду протягиваются къ вамъ руки съ словами: per caritate! Впрочемъ, слѣдуетъ сознаться, что и сами туристы, особенно англичане и отчасти наши соотечественники пріучили туземцевъ къ попрошайничеству своею широкою щедростію. Получая частыя подачки, неаполитанцы привыкли къ нищенству и невообразимо изобрѣтательны на способы облекать его въ болѣе благовидныя формы, хотя бы то было указаніе вамъ дороги или какая нибудь ничего не стоющая и не нужная услуга. Они находятъ очень естественнымъ собирать такую контрибуцію съ каждаго чужеземца, такъ какъ по ихъ мнѣнію у каждаго изъ нихъ куча золота и его не можетъ раззорить нѣсколько ничтожныхъ грановъ, которыя онъ подаритъ бѣдняку прелестной страны, дѣйствующей на него живительно своимъ чуднымъ воздухомъ и очаровывающей его своей обаятельной природой.

А. Невельской.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Х.

„Исполняется годъ, какъ я при этомъ дворѣ и повѣрите этотъ годъ стоитъ двухъ, проведенныхъ въ другомъ мѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ не прожить здѣсь другаго.“ Такъ писалъ герцогъ де-Лириа въ Испанію. „Здѣсь мы живемъ въ полномъ спокойствіи и отъ скипетра до посоха, по французской пословицѣ, не думаютъ ни о чемъ, какъ только бы провести лѣто въ сельскихъ развлеченіяхъ.“

Другіе иностранные резиденты тоже извѣщали свои дворы, что и представить себѣ невозможно тѣхъ интригъ, которыми занимаются русскіе придворные. Всѣ эти извѣстія были совершенно справедливы: блестящій мірокъ, окружавшій Петра II дошелъ до какого то бѣшенства. При дворѣ поднимались безумныя сатурналіи и въ нихъ металась, прыгали и вертѣлись всякіе люди и старые и молодые, и мужчины и женщины. Каждый заботился только о сегоднешнемъ днѣ, старался единственно о томъ, чтобы извлечь какъ можно больше выгодъ для себя; о настоятельныхъ нуждахъ государства, о бѣдахъ грозящихъ Имперіи, о событіяхъ политическихъ нието и не думалъ. Турки подступили къ границамъ Россіи, Кіевъ находился въ опасности; шведы того и гляди соединятся съ турками; англичане готовятъ свои козни—но никому до этого нѣтъ никакого дѣла. Внутри Имперіи тоже всякія безурядицы: народъ недоволенъ, всѣ жалуются, всѣ находятъ, что никогда не бывало такихъ беспорядковъ—точно вернулось смутное время самозванщины—а сановникамъ русскимъ, людямъ держащимъ кормило правленія, не до высшихъ вопросовъ: какъ бы только повеселиться, удержаться въ милости царской—вотъ о чемъ они думаютъ. Одинъ баронъ Андрей Ивановичъ какъ волъ работаетъ, старается уладить и то и другое. Много у него силы, крѣпкая, свѣтлая голова на плечахъ держится, но и ему не совладать съ „недостроенной, развинтившейся машиной.“ Руки у него опускаются и по временамъ общая сатурналія и его захватываетъ и онъ мечется, и вертится, и прыгаетъ вслѣдъ за другими, ведетъ интриги—о своей головѣ заботится. Повалили колосса петровскаго, свѣтлѣйшаго Меншикова, думали—дѣло сдѣлано, думали—всѣ вздохнуть свободнѣе, все пойдетъ безъ него какъ по маслу, а нѣ то вышло! и хоть изъ негоднаго матеріала былъ созданъ колосъ этотъ, но все же вложена была въ него какая то могучая, истинная сила и крѣпко держалъ онъ этой силой на глазахъ его выстроенную машину. Все, что было въ немъ человѣческаго, завѣтнаго все поднималось когда думалъ онъ о машинѣ—она была дорога ему.

Но конечно никому и въ голову не приходила возможность снова вернуть Меншикова, напротивъ судьба его окончательно рѣшилась: милостивое сначала рѣшеніе Императора было измѣнено, какъ мы уже видѣли. Время отъ времени всплывали на поверхность старыя грѣхи Александра Данилыча и раздражали Петра. Вонъ нашли у спасскихъ воротъ подметное письмо въ пользу Меншикова; вонъ изъ военной и другихъ коллегій и канцелярій подаются доношенія, что свѣтлѣйшій взялъ изъ казны деньги и матеріалы—и требуютъ теперь возвращенія взятаго изъ его пожитковъ. Нельзя же все это такъ оставить. Меншикова сослали въ Сибирь, въ Березовъ, отобрали у него все и положили ему съ семействомъ и ихъ людямъ по шести рублей въ день кормовыхъ денегъ. Сестру княгини Дарьи Михайловны, Варвару Арсеневу, женщину хитрую и пронырливую, оставившую по себѣ дурную память, постригли въ Сорскомъ монастырѣ и дали ей полъ—полтины на день. Самъ князь Александръ Данилычъ, разбитый въ конецъ, пораженный горемъ еле волочилъ ноги. Про него рассказывали, что онъ наконецъ смирился, что молится Богу, несетъ черную работу и съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Еслибъ зналъ онъ да вѣдалъ о томъ что творится въ его отсутствіе, о томъ, какой позоръ готовить алчные придворные Россіи, еслибъ зналъ онъ, что старыя вельможи изъ всѣхъ силъ стараются задержать Императора въ Москвѣ, не пустить его въ Петербургъ, заставить его позабыть дѣдовскій городъ—отъ одного этого извѣстія умеръ бы Александръ Данилычъ. Но къ нему не доходили никакія извѣстія.

Да, дѣйствительно, рѣшеніе теперь казалось неизмѣннымъ. Москва совсѣмъ пришлась по нраву Императору и съ каждымъ днемъ Петербургъ казался все скучнѣе и скучнѣе. Остерманъ былъ въ полномъ отчаяніи, не зналъ что и придумать, чѣмъ убѣдить Долгорукихъ отказаться отъ ихъ плана. Подружился онъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, да разсорился съ фаворитомъ, а въ фаворитѣ, покуда, вся сила.

И вотъ Андрей Ивановичъ себя забываетъ, забываетъ чувство собственнаго достоинства и всячески старается угождать Ивану Алексѣевичу, только чтобъ тотъ съ нимъ примирился, сблизился хоть немного. Иностранные резиденты собираются между собою и съ ужасомъ толкуютъ о томъ, что произойдетъ, если Петербургъ будетъ окончательно оставленъ. Но больше всѣхъ стоитъ за возвращеніе къ берегамъ Невы герцогъ де-Лириа. Это ловкій, умный, краснорѣчивый человѣкъ, сразу сумѣвшій поставить себя на первое мѣсто и заслужить расположение всего царскаго семейства; великую княжну Наталью онъ плѣнилъ рассказами объ Испаніи и о

прекрасномъ донъ-Карлосѣ; расположеніе Петра снискалъ обѣщаніемъ выписать изъ Испаніи андалузскихъ лошадей и муловъ; придворныхъ веселитъ у себя въ домѣ, задаетъ блестящія празднества, не жалѣетъ денегъ. Одна только прекрасная цесаревна не по душѣ пришла къ герцогу: то и дѣло бранить онъ ее въ своихъ письмахъ, посылаемыхъ на родину. Съ Остерманомъ онъ большой другъ и въ то же время другъ Ивана Долгорукаго, который часто приходитъ къ нему, говоритъ съ нимъ по душѣ, жалуется на безобразную компанію, окружающую Императора, и чуть не со слезами увѣряетъ, что хочетъ совсѣмъ удалиться, чтобы только не видѣть, какъ губятъ молодого монарха. Но и ловкій герцогъ де-Лириа ничего не можетъ придумать: „не выйдутъ изъ Москвы, не выйдутъ!“ Конечно все же нельзя оставлять этого дѣла, нужно пробовать всѣ средства. Онъ часто навѣщаетъ Остермана и они по долгу толкуютъ вдвоемъ, и все таки никакъ не могутъ столковаться.

Лѣто въ полномъ разгарѣ. Почти всѣ придворные перѣѣхали на дачи. Жарко. Но герцогъ де-Лириа не смущается этимъ и въ самый полдень ѣдетъ къ Остерману. Сегодня обо многомъ нужно переговорить. Вотъ вчера былъ у него фаворитъ и объявилъ, что и цесаревна Елисавета и весь дворъ рѣшительно возстаютъ противъ плана относительно Морица саксонскаго, что она ни за что не хочетъ выходить замужъ. Герцогъ де-Лириа увидѣлъ изъ словъ этихъ, что фаворитъ больше и больше начинаетъ подумывать о собственномъ своемъ бракѣ съ Елизаветой. Непремѣнно весь вчерашній разговоръ нужно сообщить Остерману, и потомъ обо всемъ подробно отписать къ своему двору.

Баронъ немедленно принялъ де-Лириа, но передъ входомъ въ его комнату герцогъ замѣтилъ, что въ другую дверь входилъ князь Алексѣй Долгорукій съ обоими своими сыновьями: Николаемъ и Иваномъ; замѣтилъ онъ также, что Иванъ Алексѣевичъ, при взглядѣ на него покраснѣлъ и смутился.

Что бы это значило?

Герцогъ де-Лириа, какъ свѣтскій и любезный человекъ, постарался сократить свой визитъ и уѣхалъ. А на слѣдующее утро отправился къ князю Ивану. Долго и наединѣ поговорить имъ не удалось. Князь Иванъ шепнулъ ему только, по поводу вчерашней встрѣчи, что Остерманъ забралъ себѣ въ голову смѣлыя идеи.

— И представьте, герцогъ, вдругъ онъ обращается ко мнѣ и говоритъ—а самъ чуть не плачетъ—я говорить впредь съ Его Величествомъ ни о какомъ дѣлѣ толковать не стану больше, развѣ что въ твоёмъ присутствіи. Потомъ сталъ просить меня, удостоить его своей дружбой.

Де-Лириа внимательно слушалъ.

— Ну что же, князь, что вы ему отвѣтили?

— Конечно я сказалъ, что очень радъ.

Тутъ вошли посторонніе и разговоръ ихъ прекратился.

„Нужно опять ѣхать къ Остерману и узнать въ чемъ дѣло. Это хорошо, что между нимъ и фаворитомъ лады начинаются. Ахъ, еслибъ удалось что-нибудь!“

Герцогъ вернулся домой, а тамъ ужъ его дождалъ посланникъ Бланкенбурга, который остался у него обѣдать. Послѣ обѣда этотъ посланникъ прямо началъ слѣдующую рѣчь:

— Я знаю, какъ вы желаете добра этой монархіи, герцогъ, и никому кромѣ васъ не могу открыть своего сердца, потому что вы вашимъ влияніемъ можете много добра сдѣлать.

Герцогъ молча слушалъ, а посланникъ продолжалъ:

— Вѣдь сами знаете, что царю непремѣнно нужно воротиться въ Петербургъ—и не только потому, что тамъ ближе къ другимъ государствамъ Европы, но и потому, что тамъ будетъ на его глазахъ флотъ, котораго ждетъ погибель, если тамъ не будетъ его величества лично.

А русскіе только и думаютъ о томъ, какъ бы удержать царя здѣсь. Вотъ можетъ быть вы могли бы повліять на князя Долгорукаго—вы вѣдь такъ дружны съ нимъ, уговорите его въ необходимости переѣзда въ Петербургъ. Онъ человекъ все же благоразумный, хорошіе резоны понять можетъ. Скажите ему, что такимъ образомъ дѣйствій онъ вѣдь многое заслужитъ себѣ передъ вѣнскимъ дворомъ. Ну понимаете, мало ли что пообщать ему можно.

Герцогъ де-Лириа отвѣчалъ, что сдѣлаетъ со своей стороны все, чтобы убѣдить Долгорукихъ, какъ только царь возвратится съ охоты въ городъ.

Наконецъ посланникъ уѣхалъ, а де-Лириа ужъ и не захотѣлъ въ этотъ день отправиться къ Остерману. Онъ теперь все понималъ. Конечно, во время визита Долгорукихъ къ Остерману шелъ разговоръ о возвращеніи двора въ Петербургъ, конечно, Остерманъ представлялъ всѣ свои доводы и кончилъ тѣмъ, что всѣ силы сталъ употреблять, чтобы сблизиться съ фаворитомъ. Посланникъ Бланкенбурга, конечно, пріѣзжалъ къ герцогу по порученію Остермана Да, нужно будетъ всячески постараться. И герцогъ посѣбно принялся писать донесеніе своему двору обо всемъ случившемся.

И такія сцены повторялись очень часто. Въ этихъ занятіяхъ, развѣздахъ другъ къ другу, скрываніи другъ отъ друга, шептаньи и переговорахъ проходило все время. Но между тѣмъ дѣло нисколько не подвигалось, все оканчивалось одними разговорами.

Молодой Императоръ и слышать не хотѣлъ о возвращеніи въ Петербургъ. А князь Иванъ, съ одной стороны подъ давленіемъ своего семейства, съ другой стороны по твердо выраженному требованію Императора, не смѣлъ ни о чемъ заикнуться. И снова продолжались охоты и снова придворный міръ метался бессмысленно. А между тѣмъ отсюду приходили тревожныя извѣстія. При дворѣ толковали, что пріѣхалъ изъ Украйны курьеръ съ вѣстью о томъ, что будто татары, въ числѣ пятидесяти тысячъ, готовы подняться и наводнить предѣлы Россіи; что фельдмаршалъ Долгорукій, который долженъ былъ изъ Персіи возвратиться въ Москву, пріѣхалъ въ Царицынъ и на пути имѣлъ встрѣчу съ татарами, которая неизвѣстно чѣмъ кончилась. Кромѣ того въ Астрахани появилась моровая язва, а въ Казанскомъ царствѣ собралось столько разбойниковъ, что нельзя путешествовать безъ многочисленной стражи и опасаются, что въ непродолжительномъ времени они и въ Москвѣ появятся.

XI.

Вернувшись въ Москву съ охоты послѣ страннаго и неожиданнаго разговора съ Иваномъ Долгорукимъ, цесаревна Елисавета окончательно заперлась у себя и отказывалась сопровождать Императора. Онъ пришелъ къ ней, сдѣлалъ ей сцену, но все же ничего не добился. Она говорила ему, что ей теперь не до забавъ, наконецъ заплакала. Онъ ушелъ раздосадованный и смущенный.

„Ну чтожь, ну чтожь, если не хочетъ такъ и не нужно“, раздражительно повторялъ онъ себѣ. И съ тѣхъ поръ сталъ опять сердиться на красавицу тетку, не приглашалъ ее на охоты.

Къ концу лѣта она вздумала отправиться на богомолье въ Сергіевскую лавру. Она поѣхала съ небольшою свитой, очень часто выходила изъ экипажа и шла пѣшкомъ много верстъ. Три дня молилась она у мощей св. Сергія, а возвратный путь весь сдѣлала пѣшкомъ, утомилась и теперь лежала больная, никого не принимала. Ея приближенные замѣчали, что со времени извѣстія о смерти сестры, цесаревна стала совсѣмъ другая: пропала ея живость и ея беззаботность, даже похудѣла она и поблѣднѣла. И не одно горе, не одна утрата любимой сестры измѣнила цесаревну, вообще всѣ дѣла ея стали идти очень плохо.

Вот она лежит, окруженная сгущающимися сумерками и печально думает... Нѣтъ, ей никакимъ весельемъ характера не помочь видно себѣ: съ каждымъ днемъ все больше и больше враговъ у цесаревны. И откуда они берутся? И что все это значитъ? Ну еслибъ еще нравъ былъ у нея крутой, еслибъ замышляла она что недоброе, а то вѣдь нѣтъ — со всѣми ласкова и привѣтлива, никому ни въ чемъ мѣшать не хочетъ, только чтобы ей жить не мѣшали. Бояться ея вліянія на Императора—да чтожь у нея за такое за вліяніе? Что она ради него дѣлаетъ? Во всемъ перечить племяннику, никакихъ его нѣжностей не допускаетъ: раза три на отрѣзъ отказалась быть его женою—а все же недовольны. И

Наташа сердится, и онъ сердится и всѣ враждуютъ. Прежде вотъ Остермана другомъ считала, а теперь видитъ, что и онъ присталъ къ врагамъ ея. Она хорошо замѣчала, что хитрый Андрей Ивановичъ всячески потворствовалъ планамъ Ивана Долгорукаго, когда тотъ забралъ себѣ въ голову жениться на ней: обоихъ ихъ хотѣлось погубить Остерману. Вотъ какъ заплатилъ хитрый нѣмецъ дочери за отцовскія милости! Всячески хотятъ выжить ее изъ Россіи. Просить она, молить, чтобъ ни о какихъ женихахъ ей не говорили, а они каждый день новаго жениха придумываютъ, то одного предлагать, то другого. Стала она у себя запирается, ни во что не вмѣшиваться, живетъ тихо, скромно, а все

же до нее долетаютъ разные неприятные слухи. При дворѣ вотъ толкуютъ о какомъ то ея дурномъ поведеніи, но ничего дурнаго не знаетъ за собою цесаревна. Прежде вотъ веселиться любила, наряжалась, пировала, а теперь веселье на умъ нейдетъ, ни на кого бы не смотрѣла. Одинъ человекъ только и милъ ей—Александръ Борисовичъ Бутурлинъ. Съ нимъ она отводитъ душу. Онъ хорошо ее понимаетъ, умѣетъ отгадывать каждую мысль ея, каждое чувство. Такъ вотъ въ чемъ дурно ея поведеніе, въ ея дружбѣ съ этимъ человекѣмъ. Такъ что-жь наконецъ такое? Этакъ нужно отъ всего отказаться, все наперекоръ душѣ своей дѣлать! Да вѣдь и тогда лучше не будетъ—найдутъ чѣмъ попрекнуть — всегда най-

дутъ. И хочется цесаревнѣ, чтобы всѣ ее позабыли, чтобъ быть ей простой дѣвушкой и самой распоряжаться своею жизнью. Ничего такъ не любить она, какъ простоту и свободу, ну, любить еще можетъ быть наряды, да вѣдь это не грѣхъ великій въ ея годы.

Печальныя мысли цесаревны перебила вошедшая фрейлина. Она доложила ей, что Нарышкинъ, ея гофмаршалъ, желаетъ ее видѣть, что очень ему нужно.

— Еще что? Ахъ, Боже мой, да вѣдь я больна. Какъ же могу я принять его? Ну да, впрочемъ, ничего, пусть войдетъ. Только дай мнѣ большое одѣяло.

Цесаревна закуталась въ поданное одѣяло и ждала Нарышкина.

— Ну что тамъ такое? какія напасти? встрѣтила она его.

— Истинно что напасти, ваше высочество, насъ ужъ и Верховный Совѣтъ тѣснить начинать. Обратились ко мнѣ письменно—узнали, вишь, что ваше высочество, имѣя свои доходы и помѣстья, все же получаете столовыя деньги изъ царскаго дома, что наши счета очень велики...

— Ну, такъ что-жь? Я ничего не понимаю.

— Да вотъ, ваше высочество ужъ не знаю я какъ и быть. Точно что у насъ хозяйство плохо ведется — всякій тащитъ себѣ, что хочетъ: вина одного сколько выходитъ — ужасъ! Вотъ они объявляютъ, что безъ моего требованія ничего отпускать не стануть. А я прошу ужъ васъ, увольте меня, я не стану ни во что мѣшаться.

— Да чтожь мнѣ самой входить во все это, что-ли? Неужь-то моимъ гостямъ и людямъ не пить, не ѣсть, а мнѣ каждый кусочекъ учитывать? Не привыкла я къ этому. Такъ только то и всего? и затѣмъ то вы пришли ко мнѣ?

Нарышкинъ пожалъ плечами.

— Это не такъ пусто, какъ вамъ кажется, принцесса.

— Нѣтъ, это очень пусто: Пожалуйста меня не тревожьте—я нездорова. Придетъ Государь, скажу ему и насъ не будутъ беспокоить изъ Верховнаго Совѣта.

Нарышкинъ, съ недовольнымъ лицомъ, вышелъ, а Елисавета снова погрузилась въ свои мысли.

Изъ оконъ неслись завыванія вѣтра; мелкій дождь зарядилъ; небо—одна туча сѣрая, непроглядная. Все

Волгаринъ продавецъ фруктовъ. Рис. Бояръ, грав. Бертранъ.

Молодая черногорка, пасущая стадо. Рис. съ натуры Валерио, грав. Бертранъ.

это еще больше раздражает цесаревну: тоска ее давить, скучно, душно.

— Призовите ко мнѣ дѣвушекъ,—говоритъ она фрейлинѣ,—да сами всѣ придите, пѣсни что ли мнѣ спойте—тоска такая...

И вотъ въ ея спальню собираются дѣвушки—служанки и фрейлины.

— Спойте мнѣ чтонибудь, спойте, да веселое. потягиваясь говорить Елисавета.

Онѣ запѣваютъ пѣсню, но выходитъ не весело—старая, знакомая пѣсня, напѣвъ такой тоскливый. Откуда взять иного—нѣту.

— Перестаньте, замолчите, со слезами въ голосѣ останавливаетъ ихъ цесаревна,—лучше расскажите чтонибудь, какія новости?

„Новостей нѣтъ особенныхъ—все тоже. Толкуютъ дѣвушки, что князь Долгорукой, Иванъ Алексѣевичъ, все больше и больше безчинствуетъ. Вишь теперь въ домъ къ Шереметевымъ повадился, видно съ пути сбить хочется ему молодую графиню“.

— Слышала ужъ я это, тоскливо отзывается Елисавета. Много про него болтаютъ, а разобратъ хорошенько, такъ не мало и вракъ окажется. Про меня еще пуще того болтаютъ. Ахъ! тошно мнѣ, тошно! мечется на своей постели красавица. Оставьте меня, уйдите, позовите ко мнѣ Аринушку.

Дѣвушки выходятъ и на мѣсто ихъ появляется старая старуха. Совсѣмъ ужъ въ землю она смотритъ; отъ лѣтъ спина дугой согнулась; лице—что яблоко печеное; во рту ни одного зуба; изъ подъ кички рѣдкіе, сѣдые волосы выглядываютъ. Постукивая палочкой подходить она къ постели цесаревны и низко кланяется.

— Государыня моя матушка, пресвѣтлая моя царица, что прикажешь? Зачѣмъ звать изволила?

— Присядь-ка ты сюда, Аринушка, ласково говоритъ ей Елисавета. Скучно мнѣ нынче—тоска беретъ меня. Думала дѣвки пѣснями развеселятъ, а онѣ еще пуще скуку нагнали. Такъ хоть ты, нянька старая, придумай мнѣ забаву какую, чѣмъ хочешь развлеки меня.

— Ахъ ты моя сердечная, шамкаетъ старуха, безпрестанно какъ бы жуя что то беззубнымъ ртомъ,—свѣтикъ ты мой ясный, чѣмъ я тебя забавлю? Была ты махонькая, такъ сказки тебѣ сказывала...

— Ну вотъ и теперь расскажи, нянька, сказку, хоть дѣтство вспомню счастливое.

И старая Аринушка заученнымъ монотоннымъ голосомъ начинаетъ свою сказку. И начинаетъ она ее все съ того же, что дѣвчата за тридцать земель въ тридцатомъ царствѣ жилъ былъ царь съ царицей, а у нихъ три сына...

Съ дѣтства знакома цесаревнѣ эта сказка, ничего, кажись, нѣтъ въ ней занятнаго, а только съ каждымъ ея словомъ, теперь ей дѣтство вспоминается—совсѣмъ другое время, жизнь другая—и отрадно все это вспомнить Елисаветѣ, и жаднослушаетъ она старую няньку. Вотъ повернулась на своей постели, поближе къ раскатицѣ, подперла рукой голову и глазъ не спускаетъ со стараго лица, и у самой глаза загораются, а на губахъ мелькаетъ совсѣмъ дѣтская, ясная, беззаботная улыбка. Но сказка кончена, обаяніе милыхъ воспоминаній исчезло: опять тоска и скука. А тутъ нянька еще подгадила: напомнила милую сестру покойницу, разревѣлась старуха, а съ нею вмѣстѣ плачетъ, рыдаетъ и не можетъ удержаться и цесаревна. Вотъ и старуха ушла и опять никого нѣту.....

Фрейлина докладываетъ что Александръ Борисычъ пришелъ справиться о здоровьѣ принцессы.

— Онъ здѣсь? оживилась Елисавета.

— Здѣсь, рядомъ.

— Позови его Ну что жъ, думаетъ Елисавета, вѣдь все равно, Богъ знаетъ что ужъ говорить, ну пусть

скажутъ: въ постели принимаю и Нарышкина, и его и всѣхъ, пусть говорятъ, мнѣ то какое дѣло...

А Бутурлинъ ужъ вошелъ.

— Сюда, поближе! шепнула цесаревна, протягивая ему свою прекрасную руку. Вотъ какъ я непристойно веду себя, Александръ Борисычъ,—молодыхъ людей нынче въ постели принимаю—явно, у всѣхъ на глазахъ.

— Да зачѣмъ же, я уйду... Въ самомъ дѣлѣ не слѣдъ пишу злымъ языкамъ давать.

— Ахъ что ты это, что ты, и ты туда же! Да мнѣ то, говорю, какое дѣло, вѣдь не стану я другая отъ этого. Какова есть такую и останусь. Совсѣмъ я разбита съ дороги, силъ нѣтъ одѣться, а тоска такая что рада приходу твоему, какъ солнцу небесному. Совсѣмъ меня забижать стали, другъ мой сердечный!..

И она смигнула слезы.

— Вотъ узнала что тѣло сестрицы привезутъ скоро, вся душа разрывается. Вспомни, голубчикъ, еще недавно, какія веселыя письма получала. Не ждала я, не гадала, что случится такое....

Бутурлинъ спѣшилъ ее всячески успокоить, какънибудь отогнать отъ печальнаго предмета ея мысли, но это было ему не по силамъ.

— Вѣдь вотъ у другихъ, говорила она, близкій человекъ одинъ умираетъ, такъ другіе близкіе люди, другіе друзья остаются, а вѣдь у меня нѣтъ друзей—кто мнѣ теперь послѣ сестрицы остался! Ты что ли, Александръ Борисычъ, такъ вѣдь и тебя, пожалуй, черезъ меня, сживутъ со свѣта, ушлютъ куданибудь.

— Ну, это еще посмотримъ, еще не очень то дадимся, стараясь весело улыбаться, проговорилъ Бутурлинъ. Ужъ я то, цесаревна, не сгибну съ глазъ твоихъ, кажись съ того свѣта—свисни ты только—и какъ листъ нередь травой явлюсь я передъ тобою.

— Ну, хорошо, хорошо, улыбалась Елисавета. Я такъ и знать буду, помни.

Такимъ образомъ долго они бесѣдовали и мало по малу стихала тоска красавицы, и мало по малу прежняя радостная улыбка разливалась по лицу ея, и не думала она о томъ, что не подобаетъ царицѣ жить такъ просто, что глаза острые, языки длинные со всѣхъ сторонъ слѣдятъ за нею и далеко разносятъ молву недобрую. Лишь бы зла въ сердцѣ не было, лишь бы людямъ несчастья не желала, а другое что простить Богъ милостивый.

ХІІ.

Погода разгулялась, дожди прошли и высушило солнце сырую землю. Весело выѣхалъ Императоръ на охоту. Только на этотъ разъ въ его свитѣ не было княжны Долгорукой Катюши. Простудилась она, видно: ночью, жаръ у ней былъ, ну и оставили ее дома. А уѣхали всѣ—Катюшѣ вдругъ лучше стало. Можетъ и болѣзнь то вся была только хитрость дѣвчѣны. Ужъ очень не любить она этихъ выѣздовъ, а особенно когда въ свитѣ царской нѣтъ молодого графа Милезимо. А на этотъ разъ что его нѣту—про то навѣрно знаетъ княжна.

Часъ уже шестой въ исходѣ. Солнцѣ къ западу склоняется. Скучно одной въ комнатахъ Катеринѣ Алексѣевнѣ; вотъ накинула она атласную, на легонькой ватѣ стеганную куцавейку и сошла въ садъ. Тихо бредетъ по дорожкѣ: на пескѣ, не совсѣмъ еще высохшемъ отъ дождя вчерашняго, остаются слѣды маленькихъ ножекъ. Садъ порѣдѣлъ: инныя деревья совсѣмъ осыпались, другія стоятъ желтыя, третьи—ярко-красныя, какъ огонь горятъ на солнцѣ. Листьевъ опавшихъ видимо не видно: покрыты ими дорожки. Спускается княжна съ пригорка, подходит къ садовой оградѣ, а у ограды садовой ужъ кто то ее поджидаетъ. „Онъ, это онъ!“ радостно говоритъ себѣ княжна и съ румянцемъ, ярко на щекахъ вспыхнувшимъ, осматривается она во всѣ сто-

роны... никого нѣтъ—домъ далеко, хоть и порѣдѣли деревья а все же даже не видать его за ними. Всѣ уѣхали: и батюшка и матушка, сестра и братья—некому подсмотрѣть—и княжна машетъ рукою молодому человѣку, стоящему за оградой. „Перелѣзай, молю, никто не увидитъ.“ Онъ только и ждалъ этого и во мгновение ока вскочилъ на рѣшотку и былъ передъ княжною.

Что жъ это, княжна Катюша? давно ли она была маленькой дѣвочкой и о дѣтскихъ забавахъ только думала, а вотъ теперь. ишь какое дѣло дѣлаешь, родныхъ всѣхъ обманула: больною сказалась, краивому юношѣ свиданье назначила.

Вотъ она протянула ему обѣ руки, вотъ онъ ее нѣжно обнял, а она не противится, сама его поцѣловала. Ужь очень хорошъ онъ. милъ ей—какъ для другихъ не знаетъ, а для нее на всѣмъ свѣтѣ нѣтъ милѣе человѣка. И видно что больно молода княжна Катюша, будь постарше она, такъ пожалуй онъ ей бы не понравился: какъ съ картинки сорвался молодой графъ Милезимо. Росту небольшого, худенькій да тоненькій, черты лица мелкія, усы въ струнку выведены, волосы темные, мелкими кольцами завиваются, самъ онъ почти мальчикъ. Не видно въ глазахъ его мысли строгой, серьезной, ума яснаго, но зато нѣжно такъ и умильно, съ дѣтскимъ счастьемъ улыбается онъ Катюшѣ. Вотъ идутъ они рядомъ въ дальнюю аллею и садятся на скамеечку, говорить безъ умолку, а что говорятъ и сами не знаютъ: смѣхъ безпричинный, невѣдомо откуда приходящая радость.

— Какая же ты смѣлая, какая же ты умная, княжна моя милая, говоритъ Милезимо; думалъ я, ни за что того не будешь, не придешь ты.

— Мало ты меня знаешь, мой миленькій, смѣется и гладить его по сердцу своими глазами княжна Катерина: ужъ если сказала я что нибудь, то ужъ и сдѣлаю, такой мой характеръ.

Но вдругъ она что-то вспомнила, видно грустное, и затуманились ясные глаза ея.

— Вотъ мы смѣемся тутъ и радуемся и любо намъ и весело, а вѣдь плохія дѣла наши, мой милый: совѣмъ житья мнѣ нѣтъ дома, и подслушала я третьяго дня, что точно во что бы то ни стало, задумали выдать меня за Государя.

Милезимо поблѣднѣлъ и испуганно взглянулъ на нее.

— Да, что жъ это такое, такъ значить тебя насильно выдавать будутъ, вѣдь у васъ, въ Россіи, это сплошь бываетъ. Какъ же я то останусь?!...

— Авось Богъ милостивъ, и потомъ... потомъ есть одно средство: коли ты очень любишь меня, какъ говорилъ мнѣ, такъ все сладится.

— Какъ же, какъ же, научи меня!

— Вотъ, усмѣхнулась княжна, всему я тебя должна учить, самъ ничего ты не придумашь. Ну скажи, скажи, какъ тамъ у васъ дѣлается, въ землѣ вашей, если дѣвушку родные не хотятъ выдать за того, кого она любить? Неужто жъ тѣмъ все и кончается, что расходятся они въ разныя стороны... ну, а коли такъ у васъ, такъ у насъ другое—у насъ, если человѣкъ точно крѣпко любить, если онъ храбрый и смѣлый, такъ онъ безъ родительскаго согласія увозитъ свою невѣсту, а она идетъ за нимъ. Потомъ какъ обвѣнчаются, тогда ужъ дѣлать нечего, поневолѣ простятъ родные, а коль не простятъ, такъ она и родныхъ забудетъ, съ милымъ другомъ убѣжитъ хоть на край свѣта.

— Вотъ ты какая, вотъ ты что придумала, радовался Милезимо, цѣлуя ея руку,—вѣдь и я объ этомъ думалъ, да боялся сказать тебѣ—не зналъ какъ ты взглянешь. Да нѣтъ, видно ты точно смѣлая, видно очень меня любишь, не обманула.

— Господи, къ чему же мнѣ тебя обманывать, не любила бы тебя, такъ можетъ теперь же ужъ стала царской невѣстой.

— Такъ значить согласна, значить и убѣжишь со мною?

— Да, да, сказала разъ, такъ назадъ не пойду.

— Только какъ же мы это сдѣлаемъ, задумался Милезимо. Охъ трудно, ужъ и не знаю какъ это будетъ. Вѣдь этакая обида, что сродни мнѣ Вратиславъ: такую они исторію поднимутъ... да и твои тоже, пожалуй и убѣжать то не дадутъ намъ, мигомъ догонять.

— Конечно трудно, что и говорить, замѣтила княжна, да знаешь ли ты, есть у насъ одна пословица такая: „Волка бояться, такъ въ лѣсъ не ходить.“ Ну вотъ ты и помни, и помни, заруби у себя на носу.

И она своимъ тоненькимъ, розовымъ пальчикомъ ударила по носу графа Милезимо. Онъ завладѣлъ этимъ пальчикомъ и сталъ цѣловать его.

— Ну да вѣдь не сейчасъ это, снова заговорила Катюша. Еще что то будетъ, можетъ и такъ обойдется. Авось женится царь на комъ нибудь, вѣдь не правлюсь я ему, вотъ счастье то!

Милезимо счелъ своимъ долгомъ заявить о томъ, что у Государя весьма плохой вкусъ. Но княжна не обратила никакого вниманія на это замѣчаніе. Она стала спрашивать молодого человѣка о томъ, какъ имъ жить придется. Онъ спѣшилъ удовлетворить ея желанье и не замѣчали они какъ шло время. Вотъ ужъ пора вернуться домой княжнѣ Катеринѣ, не то ее искать станутъ, а прійдутъ домой отецъ съ матерью такъ донесутъ имъ, что сказалась она больною, а сама весь вечеръ гуляла по сырости. Дѣлать нечего, простилась она со своимъ красавчикомъ. Онъ также быстро, также ловко перелѣзъ черезъ заборъ, а она тихонько пошла къ дому, какъ будто ни въ чемъ не бывало, оглядывалась по сторонамъ, прислушивалась: все тихо, пусто, никого нѣтъ, никто не подглядѣлъ ихъ, не подслушалъ. А дома ее дожидалась графиня Шереметева.

— Что это, Катюша, сказала она ей, сказали мнѣ что ты больна, въ постели, а тебя и дома нѣтъ, гуляешь по саду. Весь садъ я обѣжала, искала тебя, гдѣ ты пропадала?

— Какъ, ты была въ саду? невольно покраснѣвъ спросила княжна.

— Да, была въ саду, что жъ ты покраснѣла, что это значить?

— Ничего, право ничего, я только удивляюсь, какъ это мы не встрѣтились.

— Нѣтъ, тутъ есть что то такое. Катюша, не отвертывайся, расскажи мнѣ все скорѣе.

Но Катерина Алексѣевна стала увѣрять, что ничего ровно нѣту. Она ни за что не повѣдаетъ никому своей тайны. Она проклинала себя за свой глупый вопросъ и съ ужасомъ думала, что вотъ пожалуй Наталья Борисовна какъ нибудь проговорится при братѣ, станутъ слѣдить за нею и плохо тогда будетъ.

— Наташа, какъ тебѣ не стыдно право, что ты такое подумала, даже въ краску вогнала меня. Вѣдь вотъ такъ при комъ изъ нашихъ, да при братѣ еще Иванѣ скажешь, что, такъ мнѣ проходу не будетъ.

— Съ какой стати я стану говорить кому нибудь? слово даю тебѣ, ничего ни скажу.

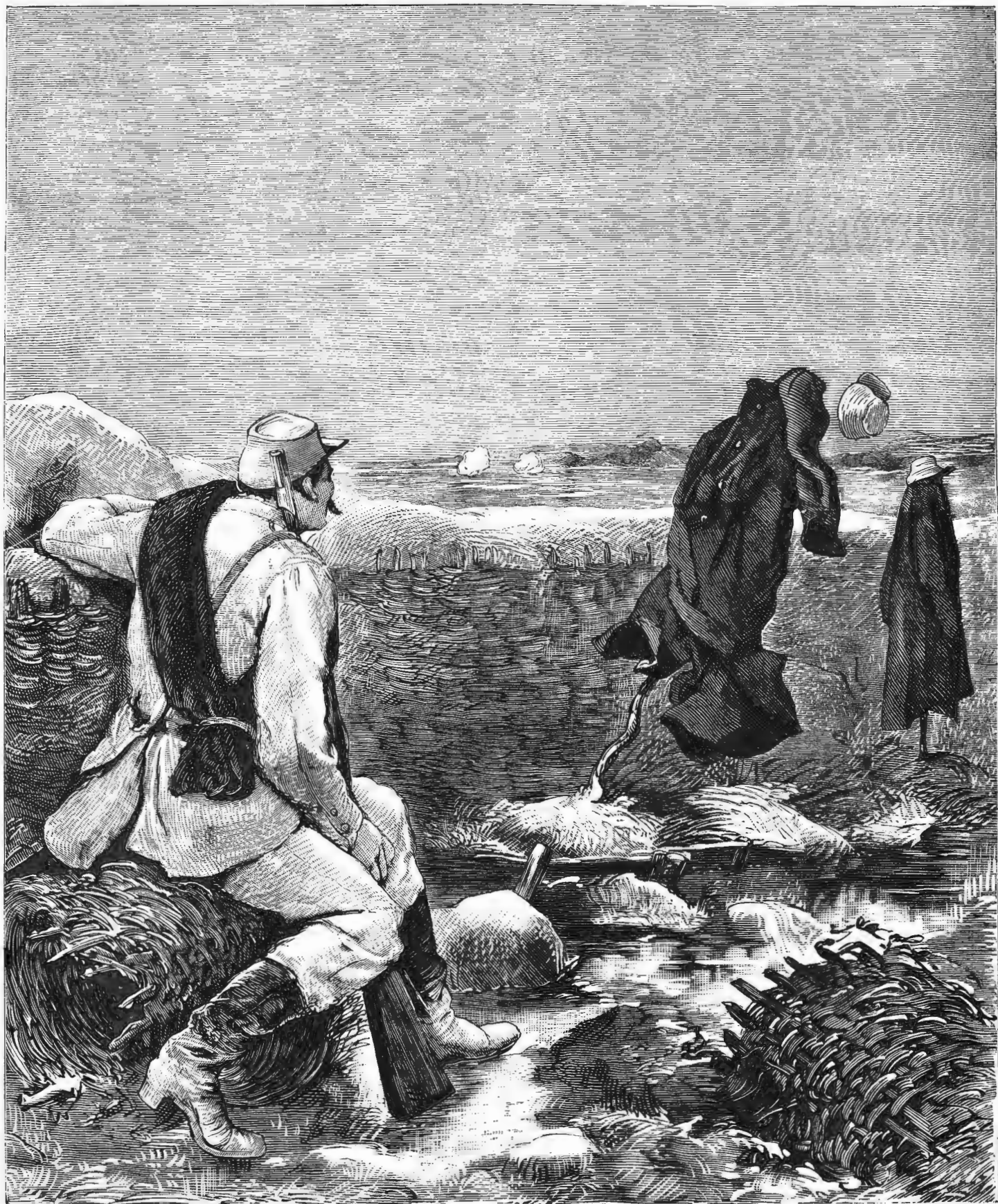
— Будь другъ, пожалуйста—я и такъ не знаю, куда дѣваться отъ брата.

Наталья Борисовна вспыхнула и быстро сказала:

— Что это вы всѣ его такъ не любите, что въ немъ дурнаго?

Княжна Катерина презрительно улыбнулась.

— Видно мало ты его знаешь, коли спрашиваешь. Да и не дай Богъ тебѣ знать его. Такого человѣка я и не видала никогда. какъ братъ мой Иванъ. Теперь знаешь ты, чѣмъ они всѣ заняты, а онъ пуце всѣхъ: хотятъ уговорить Государя, чтобъ онъ на мнѣ женился, меня хотятъ силой выдать. А самъ Иванъ о принцессѣ Елисаветѣ подумываетъ.

Шутки на войнѣ. Выставка фальшивой цѣли для непріятеля.

По рис. К. Д. въ „Illustration“, грав. Вейерманъ.

Послѣдній моментъ предъ взятіемъ Гривицкаго редута (при Плевнѣ) румынскими и русскими войсками.

По рис. С., въ „Illustr. Zeitg“, грав. Рашевскій.

— Нѣтъ, это не правда, это не правда, то блѣднѣя, то краснѣя, вдругъ даже встала со своего мѣста Наталья Борисовна.

— Правда, коли я говорю тебѣ. Не стану лгать, давно ужь своими ушами все слышала.

— Отъ кого слышала, говори, отъ кого?

— Да отъ него же, отъ самага: передъ отцомъ и

дядей похвалялся, что будетъ мужемъ царевны.

Наталья Борисовна хотѣла сказать что то, но языкъ ея не послушался, она поблѣднѣла какъ смерть и пошатнувшись опустилась въ кресла.

Катюша такъ была занята своими мыслями, и негодованіемъ противъ брата, что ничего не замѣтила.

(Продолженіе будетъ).

ВОЙНА И МИРЪ.

(По поводу двухъ картинъ художника Ронделя).

Художникъ помѣщенный въ этомъ номерѣ двухъ превосходныхъ рисунковъ изъ жизни птицъ, избралъ для выраженія своей идеи двѣ сцены именно изъ этой жизни. Почему именно изъ этой, а не изъ другой какой либо? На вопросъ этотъ отвѣтъ прямой—все равно. Художникъ видимо хорошо знакомъ съ бытомъ пернатого царства, и задача, задуманная имъ исполнена безукоризненно. Возьметъ другой эту же задачу и примѣнитъ ее къ быту звѣрей—и снова идея получится въ картинѣ вѣрное выраженіе. Если примѣнить идею картины къ быту „царя природы“, т. е. человѣка, то въ этомъ послѣднемъ случаѣ картина будетъ еще правдивѣе.

Война и миръ, довольство и пужда, скорбь и веселье и т. д. и т. д.—всѣ противоположности идутъ одна за другою, чередуются, сталкиваются, борются—и въ этомъ жизнь, ея тайна, ея непонятный для насъ смыслъ!

На рисункахъ, служащихъ предметомъ этихъ строкъ, представлены между прочимъ крыши зданій, указывающія, гдѣ именно помѣщаются гнѣзда птицъ. Но эти крыши, кромѣ такого указанія, даютъ просторъ мысли зрителя, наводятъ его на сравненія этой жизни птицъ съ жизнью тѣхъ другихъ существъ, на жилищахъ которыхъ онѣ пріютились. Подъ ними оказывается большой многолюдный городъ.

Велико население этого города и гнѣздится оно, начиная съ нижнихъ подвальныхъ этажей, до самыхъ крышъ высокнхъ многоэтажныхъ домовъ. Конечно, много въ этомъ городѣ богатыхъ, а еще болѣе бѣдныхъ людей, много веселья, но еще болѣе горя. Такъ ужь мнѣръ Божій устроенъ, что въ немъ неравномерно распределены блага и скорби, радости и печали...

но круговоротъ жизни, не смотря на эту кажущуюся неравномерность распределенія между людьми радости и горя, счастья и несчастія, идетъ своимъ чередомъ, и какъ бы высоко ни поднялись мы мысленнымъ окомъ, силясь заглянуть въ тайны этого распределенія—мы ничего не увидимъ.

Тѣмъ не менѣе, по свойствамъ нашей духовной природы, человекъ не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ среди окружающей его жизни. Самъ наблюдаемый и изучаемый другими себѣ подобными, онъ наблюдаетъ въ свою очередь окружающую его жизнь. Онъ не можетъ не сознавать всю тщету усилій постигнуть сущность и назначеніе этой жизни, но не смотря на такое сознаніе, все таки идетъ дальше и дальше въ своихъ изслѣдованіяхъ, и чѣмъ дальше онъ уходитъ, тѣмъ больше видитъ впереди неизвѣстнаго, непонятнаго, и тѣмъ сильнѣе въ немъ страстное стремленіе къ знанію.

Таковы свойства духовной природы человѣка, въ лучшихъ его представителяхъ.

Въ этомъ же шумномъ городѣ, среди населенія его, размѣщаются съ нижнихъ подвальныхъ этажей домовъ до крышъ ихъ, есть еще и другая жизнь. Она кипитъ и бьетъ ключемъ, точно также съ нижняго этажа до верхняго. И вѣтъ силъ у человѣка для того, чтобы уловить и прослѣдить эти различныя проявленія жизни, во всемъ ихъ безконечномъ разнообразіи. И самъ онъ среди этой жизни, занимая въ ней хотя и первенствующее мѣсто, составляетъ все таки лишь одно ея звено и конечно не можетъ выдѣлать себя какъ исключеніе изъ общей цѣпи творенія. Среди этого самага мелкаго міра жизни, даже неуловимаго для простаго глаза наблюдателя, точно также идетъ вѣчная борьба различнхъ началъ, и здѣсь война и миръ, скорбь и радость, довольство и голодъ и т. д. и т. д.

Непостижимое, подавляющее своимъ разнообразіемъ величіе вселенной въ ея необъятныхъ пространствахъ и массахъ міровъ, не менѣе непостижимо и здѣсь, не менѣе подавляетъ воображеніе необъятнымъ обиліемъ жизни, ключемъ бьющей вездѣ, куда бы мы ни направили свой взоръ.

Предъ нами крыша дома, гдѣ-то между сѣноваломъ и чердакомъ. На этой крышѣ, пользуясь уютностью мѣста, пріютилось мирное семейство самыхъ мирныхъ птицъ—голубей. Посмотримъ на ихъ жизнь.

Ясный день. Воздухъ прозраченъ и теплъ. Нѣтъ ни вѣтра, ни дождя. Сидитъ голубка среди своихъ птенцовъ, ласково воркуетъ она, довольная своимъ положеніемъ... И кто знаетъ, какія мысли достучны этому классу творенія! Кто слышалъ ихъ языкъ? Быть можетъ и они, подобно намъ, людямъ, одарены способностью также чувствовать и понимать. Вотъ въ прозрачной сивевѣ неба показалась вдали темная точка, она

ростетъ, растетъ, приближается—и голубка видитъ своего друга, съ которымъ она вмѣстѣ взростала и воспитываетъ своихъ дѣтенышей. Онъ прилетѣлъ, тихо опустился на гнѣздо, и воркуютъ они оба, наслаждаясь своимъ счастьемъ.

Кто знаетъ, быть можетъ, прилетѣвшій другъ передаетъ о томъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ и какъ ему все удавалось сегодня. Сидятъ они вмѣстѣ, любуются своими дѣтенышами и опять такъ, кто можетъ разрѣшить, какія мысли ихъ занимаютъ и мыслятъ ли они, наконецъ?

Но не вѣченъ миръ, какъ не вѣчна и война, жизнь идетъ своимъ порядкомъ и чередуются въ ней между собою различныя противоположности.

Предъ нами другая картина изъ жизни того же царства пернатыхъ и изъ жизни, быть можетъ, той же четы, которою мы только что любовались въ рисункѣ талантливаго художника.

Но какая разница между тою, полною мира и тишины жизнью, и этой полною гнѣва и ненависти! Гдѣ та привязанность къ своимъ птенцамъ, гдѣ тогъ заботливый уходъ за ними, еще скрытыми въ скорлупѣ? Налетѣла гроза и на время все охватила собою. Падаютъ съ кровли разбившееся яйцо, и та самая нѣжная мать, которая до настоящей минуты его берегла, не замѣчаетъ теперь своего несчастія, охваченная гнѣвомъ на своего недавняго друга. Но откуда же беретъ начало этотъ гнѣвъ?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить только вопросомъ же: изъ-за чего часто возникаютъ ссоры между людьми?

Несомнѣнно и въ царствѣ пернатыхъ и во всѣхъ другихъ царствахъ природы всякому проявленію душевныхъ движеній есть и свои причины, имѣющія начало въ ихъ природѣ, насльбственности, воспитаніи и различнхъ (весьма, понятно, сложнхъ) обстоятельствахъ окружающей ихъ жизни.

Возьмемъ для сравненія картинку изъ купеческой жизни. Счастлирое семейство сидитъ за чайнымъ столомъ. Миръ и тишина. Въ переднемъ углу теплится лампада и свѣтъ ея играетъ и переливается въ дорогихъ каменныхъ золоченыхъ ризахъ. На стѣнахъ портреты митрополитовъ и архіереевъ, два генерала съ золоченными эполетами и взрывъ турецкаго монитора, раскрашенный самыми яркими цвѣтами.

За столомъ сидитъ почтенный глава семьи, купецъ, толстенькій, приглаженный и прилизанный. Онъ въ черномъ сюртукѣ и съ медалью на шеѣ. Собрался въ гости къ имяниннику и вотъ „на дорожку“ стаканчикомъ чайку забавляется.

— Благодать у насъ, говоритъ онъ своей супругѣ, видимо тоже совершенно довольной своимъ положеніемъ.

— Слава Богу, Петръ Петровичъ, грѣхъ пожаловаться! отвѣчаетъ она со вздохомъ, взглядывая на образа.

— Тихо, мирно! Самое лучшее дѣло! продолжаетъ мужъ и тоже взглядываетъ на образъ.

— Такъ-то дай Богъ всякому! вздыхая подсказываетъ онъ. А гдѣ ребятки-то наши, чтой-то не слышать...

— Да ужь я услжила ихъ.

— Эхъ... поцѣловать бы... На счастье, можетъ, сяду перекинуться въ картишки...

— Не тропь, Петръ Петровичъ,—упрашиваетъ жена: побряжай съ Богомъ такъ... Да пожалуйста... Ради Христа...

Жена что-то шепчетъ ему тревжнхмъ шопотомъ, чего-то, должно быть побавляется по случаю имянина. Мужъ немного хмурится, недовольный чѣмъ-то, но старается успокоить жену.

— Ну что ты! что ты! Вотъ выдумала!.. Сказано, никогда больше не буду, то есть ни-ни! Чай помню свое слово...

— У насъ ужь съ тобой трѣ дѣтей... Десять лѣтъ живемъ вмѣстѣ... Пора бы ужь успокоиться.

Онъ рѣшительно машетъ рукой, подтверждая этимъ взмахомъ, что „никогда“—и уѣзжаетъ.

Жена, оставшись одна, еще вѣскольню времени стоитъ въ раздумьи среди комнаты и смотритъ, то на генераловъ, гнѣвно, какъ кажется ей, поводящихъ усамъ, то на взрывъ монитора, въ пламени котораго турки летятъ кверху ногами, широко раскинувъ руки.

— Господи! вздыхаетъ жена и вмѣстѣ съ этимъ вздохомъ взглядъ ея переходитъ къ образу: дай ты ему крѣпости душевной! Дай ты ему силы... разума! Почти ему, Господи!

Она неслышно подходит по мягкимъ коврамъ къ другой комнатѣ, заботливо заглядываетъ въ нее, и спокойная за тихій сонъ дѣтей, отдается своимъ хозяйственнымъ занятіямъ.

Въ комнатѣ тихо, лампа летѣтъ мягкій свѣтъ на бархатную скатерть круглаго стола, стоящаго посреди комнаты. Слышно какъ столовые часы отбиваютъ ударъ за ударомъ.

Сидитъ хозяйка въ мягкомъ креслѣ, что-то шьетъ, потому что-то читаетъ. Она поджидаетъ возвращенія мужа и не рѣшается лечь спать, не дождавись его; читая, она заснула, охваченная миромъ и тишиной окружающей ее обстановки. Быть можетъ и сонъ ея былъ такой же мирный и тихій, какъ и дѣйствительность, среди которой она находилась.

Но каково было ея пробужденіе!

Она вскочила съ кресла, испуганная порывистымъ звонкомъ, не успѣла еще прийти въ себя и опомниться, какъ раздался другой звонокъ... третій...

— Эй! отпирай!... Кто тамъ... Чортъ васъ поберетъ..

— Господи! Что это съ нимъ, думаетъ жена, въ переполохѣ бросаясь къ двери и сталкиваясь въ прихожей съ горничной и съ мужемъ.

Мужъ ворвался въ дверь, оттолкнувъ горничную и бросился къ женѣ.

— Такъ вотъ ты, сударыня, ка—акъ! [напустился онъ на нее.. Такъ во—отъ ка—а—къ!..

Голова его была всклочена, глаза налились кровью, медали сбился вмѣстѣ съ галстукомъ въ сторону...

— Не ты-ли меня увѣряла—а! И что-жъ теперь... Ахъ! я несчастный!.. Измѣнница!..

— Успокойся, ради Бога, успокойся! что съ тобой!..

Жена въ слезахъ бросается къ нему—упрашивая его успокоиться и рассказать обстоятельно причину его гнѣва... Но онъ слышать ничего не хочетъ, „какъ говорится, рветъ и мечетъ“ во всѣ стороны.

— Измѣнница! Измѣнница!.. Мнѣ теперича все рассказано и доказано какъ на ладони.

— Что тебѣ рассказано, что тебѣ доказано? Скажи ты мнѣ сначала толкомъ... Не бѣсишь...

— Знать ничего не хочу...

Шумъ, гамъ, стулья летятъ въ разные стороны, картина „взрывъ монитора“ обрасывается со стѣны... Дѣти плачутъ, жена плачетъ и самъ „глава дома“ обезсиливый, наконецъ, отъ своего гнѣва, брани и упрековъ, падаетъ въ изнеможеніи на стулъ и начинаетъ рыдать горькими слезами.

Гдѣ покой, гдѣ миръ и тишина?

— Да скажи ты мнѣ толкомъ... Ну что рюмишь-то, пристаётъ жена, стараясь удержать свои слезы.

Онъ въ отчаяніи машетъ рукой, какъ бы говоря: что ужъ рассказывать—горю не поможешь...

Однако спустя пять-шесть минутъ „глава дома“ не удерживается отъ разсказа подробностей о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вспыхнуло въ немъ яркимъ пламенемъ подозрѣніе на счетъ невѣрности его жены.

Несчастный страдалъ ревностью — и она отравляла все спокойствіе его и его семьи.

Спустя нѣкоторое время, онъ уже плакалъ другими слезами: онъ уже просилъ у жены прощенія въ томъ, что обидѣлъ ее... въ тысячу первый разъ.

Но опустимъ завѣсу—тяжело видѣтъ такія картины.

Между тѣмъ они есть, ихъ много, нѣтъ числа имъ и разница между ними только та, что въ одномъ случаѣ причины, вызывающія ихъ, одна, въ другомъ—другія, далѣе третью и такъ до безконечности...

Д. Стахѣевъ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

БОЛГАРИНЪ, ПРОДАВЕЦЪ ФРУКТОВЪ.

Рисунокъ относится къ очень недавнему времени, именно къ послѣднимъ недѣлямъ только что прошедшаго лѣта, быть можетъ, частью захватываетъ даже нѣсколько дней и настоящаго осенняго времени. Можетъ быть и теперь еще, пользуясь теплыми днями, ходятъ по занятымъ русскими войсками городамъ и мѣстечкамъ Болгаринъ продавецъ фруктовъ, болгары, и покрикиваютъ о своемъ товарѣ.

Впрочемъ, едва ли они кричатъ такъ громко, какъ наши петербургскіе продавцы „ходобщики“, думаемъ, что такихъ горластыхъ тамъ мало У насъ это ужъ вошло въ привычку и голоса ходобщицковъ, такъ сказать, развиваются чуть ли не съ дѣтскими лѣта. Иной мальчуганъ лѣтъ восьми закатываетъ цѣлый день и во весь духъ: „Синички хоро-о-оши!“, да вѣдь такъ звонко, что повстрѣчавшись съ нимъ на тратуарѣ, невольно сторонился.

Болгары, продавцы фруктовъ, не такъ голосисты и немного, полагаемъ, теперь, на театрѣ войны, такихъ продавцевъ: немного плодовъ дали имъ въ нынѣшнее лѣто сады, да и удѣлѣли ли они. Быть можетъ отъ тѣхъ садовъ, въ которыхъ зрѣли эти фрукты, теперь уже и слѣда не осталось!

Страшное, ужасное время.

Зеленѣлъ садъ, зрѣли согрѣваемые горячими лучами солнца сочные плоды, любовался, на нихъ глядя, хозяинъ сада, ухаживалъ за деревьями, берегъ и хранилъ ихъ отъ всѣхъ непогодъ...

— Вотъ это дерево, — думалъ, быть можетъ, онъ, — нужно будетъ окутать на зиму потеплѣе; вотъ здѣсь нужно на вѣточкѣ замазать воскомъ...

Такъ размышляя, ходилъ, быть можетъ, онъ, поглядывая то на то дерево, то на другое... Быть можетъ, семья его была тутъ же вся около него и любовались, на нихъ глядя, тѣ, кто умѣетъ понимать истинное значеніе мира, согласія и взаимной любви...

Но что сталося теперь съ этимъ садомъ? Переломаны, перебиты ружейными выстрѣлами и выжжены огнемъ всѣ его растенія, взрыта земля ядрами, и стоитъ надъ всѣмъ этимъ только почерпѣвшая отъ дыму пожара труба, уныло и мрачно торча надъ пенелищемъ сгорѣвшаго хозяйскаго дома. Гдѣ хозяинъ, гдѣ его семья, гдѣ тотъ миръ, счастье и покой, которыми, какъ самую вышею благодать, былъ ослѣпленъ этотъ домъ и его обитатели? Налетѣла шайка башни-бузуконъ „и все“ разомъ рухнуло: быть можетъ тутъ же, среди этихъ развалинъ дома, между обуглившимися деревьями сада валяются звѣрски замучанныя дѣти и ихъ родители...

Но на грустныхъ мысляхъ навелъ насъ этотъ продавецъ фруктовъ... на грустныхъ и, увъ, такъ часто подтверждавшіяся и подтверждающіяся до сихъ поръ въ дѣйствительности...

Умилосердись, Господи!..

ЧЕРНОГОРКА, ПАСУШАЯ СТАДО.

Въ предыдущемъ № „Нивы“, помѣщая рисунокъ „Черногорка, охраняющая оружіе, при вхоу въ монастырь“, мы отложили помѣщеніе свѣдѣній о современномъ положеніи Черногоріи. Приложенный въ этомъ № „Нивы“ рисунокъ даетъ намъ удобный случай сказать, въ какомъ положеніи находятся теперь

черногорцы и какъ имъ необходима помощь нашего русскаго общества. Въ настоящее время черногорцы дошли до состоянія полнаго обнищанія, въ которомъ находились прежде одни герцеговинскіе выходцы.

Безпріютныя скитальцы выжженныхъ турками округовъ, голые бродятъ теперь по горамъ. Множество дѣтей, оставшихся безъ крова и пріюта, босая, полунагія, также блуждаютъ въ горахъ, не находя ни пищи, ни пристанища. Родители многихъ изъ нихъ или убиты на войнѣ, или умерли отъ тифа. Есть случаи вымиранія отъ лишения и болѣзней цѣлыхъ селеній. А предстоящая зима съ вьюгами и холодомъ грозитъ прибавленіемъ новой бѣды. Прежде одѣтыя въ сукно и опанки (мѣстная обувь), въ настоящее время черногорскія женщины лишены всякой одежды, и только грязныя тряпки на груди и синіи прикрываютъ ихъ тѣло. Уже болѣе года, какъ въ Черногоріи не производится никакихъ пошвовъ и никакихъ работъ по выдѣлкѣ платья и обуви. Мужчины всѣ на войнѣ, а женщины также все время не перестаютъ помогать имъ въ ихъ боевой жизни, оставивъ домашнія заботы.

Уполномоченный Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ въ Черногоріи пишетъ, что отъ смерти, *только отъ смерти*, спасаютъ несчастныхъ образованные на счетъ русскаго правительства хлѣбные запасы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, куда страдалицы стекаются за три, за четыре дня пути, по острымъ камнямъ горныхъ переваловъ, подъ палящими лучами солнца или проливнымъ дождемъ, чтобы получить мѣшокъ кукурузы. Даяніе Государыни Императрицы—25,000 р., распределенное между наиболѣе бѣднѣйшими семьями, также пошло на удовлетвореніе самой насущной потребности—пропитанія. Все же привезенное изъ Россіи въ прошедшемъ году холстъ, бѣлье и платье уже превратились въ лохмотья, а новыхъ присылкъ теперь болѣе нѣтъ. 100,000 бѣглецовъ изъ Герцеговы, Босніи и теперь изъ Зеты еще увеличиваютъ бѣдствие черногорцевъ, радушно принимавшихъ ихъ ранѣе въ свои скудныя жилища. Мѣстный Цетинскій Комитетъ рѣшительно въ затрудненіи чѣмъ провормить и во что одѣвать несчастныхъ. Правда, что въ настоящее время часть Герцеговны освобождена и многіе бѣглецы могли бы уже возвратиться домой, но что же ихъ ждетъ тамъ? Дома ихъ разграблены и сожжены, скотъ отнятъ турками. Остался на мѣстахъ одни развалины, пенелища, да торчатъ кое-гдѣ вѣшницы...

Обращаясь къ состраданію всѣхъ имѣющихъ человѣческія чувства, всѣхъ имѣющихъ возможность хотя самую малость пожертвовать страдающимъ, Общество попеченія о больныхъ и раненыхъ въ Черногоріи и Цетинскій Комитетъ просятъ прислать къ нимъ свои посильныя приношенія. И ни холста и сукна они просятъ, такъ какъ это требуется нашимъ войскамъ, *но старое платье, всякаго рода помошленной одежды, толстой простой холстины, которой въ госпитали не требуется, коленкору, самыхъ дешевыхъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей.*

Нѣтъ сомнѣнія, что наше русское общество, чуткое къ страданіямъ ближняго, и въ числѣ его наши читатели—узнавъ о такомъ ужасномъ положеніи соплеменнаго намъ народа, отзовутся на голосъ нужды и помогутъ несчастнымъ перенести тяжесть всѣхъ лишений, связанныхъ съ борьбой за освобожденіе.

Шутки на войнѣ.

Шутки на войнѣ! Слова эти какъ-то страшно звучатъ: тамъ, гдѣ каждую секунду возможна смерть или тяжелое увѣче, казалось бы не до шутокъ. Но человекъ свыкается и съ такимъ положеніемъ. До сихъ поръ передаютъ, что во время севастопольской обороны не только солдаты выказывали совершенное равнодушіе къ близкой опасности, но даже женщины. Такъ, напримѣръ, торговка пробралась съ яблоками къ одному изъ бомбардируемыхъ редутовъ и сидитъ себѣ около стѣны.

— Тетушка! Ты зачѣмъ здѣсь, вѣдь убьютъ!

— Да чего же, батюшка, все равно, убить, такъ и въ городѣ убьютъ, а я здѣсь, можетъ, что-нибудь господамъ офицерамъ и продамъ...

Подобныхъ сценъ извѣстно множество и изъ настоящей войны.

Помѣщенный рисунокъ указываетъ даже на нѣчто большее, чѣмъ равнодушіе. Человекъ заигрываетъ съ непріателемъ, въ то время когда жизнь его каждую секунду на волоскѣ... Молится онъ мысленно въ то время, когда кругомъ свистятъ ядра и гранаты; но вотъ наступило затишье послѣ недавняго шума...

— А что, ребята, — говорятъ солдаты, — что-то „турка“ нашъ какъ будто сплеховалъ, призамолелъ?

— Усталъ, должно... Либо пропали заряды, за новыми послать...

— Не подражать ли?

— Катай!...

Снаряжаютъ солдаты двѣ-три уклы, благо для одѣванья ихъ платья дѣстаточно: убитымъ оно не нужно. Снарядили, поставили на видное мѣсто. Сами сѣли подъ прикрытіемъ и ждутъ.

Непріатель не замедлил отозваться выстрѣлами.

— Брысь подъ лавку! замѣчаютъ они въ отвѣтъ на пролетѣвшее мимо ядро.

Летитъ другое, третье.

— Закашлялъ, собачій сынъ... Дуй въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣйку...

— Ишь раззадорился... Ну-ка, ну-ка еще... Попалъ да мимо.

Долго такъ потѣшаются солдаты, пока не наскучитъ самимъ, или пока непріатель, наконецъ, образумится, види что одуроченъ. Случается, конечно, и такъ, что выстрѣлъ, не попавшій въ куклу, сваливаетъ когонибудь изъ засѣвшихъ подъ прикрытіемъ...

— Такое, значитъ, ему Божіе произволеніе, говорятъ солдаты объ убитомъ.

— Кому какъ... Ежели, ужъ, значитъ, убить, то выходитъ, теперича ему такая... лавія.

— Все отъ Бога!...

Поговорятъ такъ-то и утѣшатся, а потомъ, смотришь, новая пальба началась и некогда прибрать товарища...

Подъ Плевной.

У турокъ и болгаръ есть легенда о Плевнѣ, въ силу которой она называется „непобди́мою“. Это названіе остается за ней со временъ Баязета Великаго (род. въ 1347 г., умеръ въ 1403 году). Когда онъ прогналъ Болгарскаго царя и покорилъ страну, Плевна оказала ему сопротивление. Не смотря на энерги-

ческую осаду, осажденные защищались столь энергично, что Баязетъ не могъ взять городъ. Но не можемъ не повторить, что это все таки только легенда, а не историческая истина. Эта легенда передаетъ, что 66 дѣтъ Плевна держалась противъ всѣхъ усилій турокъ взять ее. Предводитель войскъ, запершихся въ Плевнѣ, получилъ отъ своихъ противниковъ, уважавшихъ его мужество и стойкость, титулъ гази — побѣдителя, и только при его преемникахъ Плевна хотя и перешла во власть турокъ, но все таки не вслѣдствіе ихъ мужества, а по собственной волѣ сдавшихся. Эта легенда можетъ быть совершенно не имѣть за собою и тѣни исторической правды, но теперь, когда Плевна представляется мѣстомъ, на которомъ приносятся ужасныя жертвы богу войны, она невольно какъ-то приходитъ на мысль.

Мы уже не разъ имѣли случай говорить съ возможными подробностями о битвахъ подъ Плевной и помѣстили уже нѣсколько рисуноковъ, дающихъ болѣе или менѣе точное понятіе о военныхъ дѣйствіяхъ въ этой мѣстности. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ рисунокъ, изображающій послѣдній моментъ предъ взятіемъ румынскими и русскими войсками Гривицкаго реду-

та, считаемъ нужнымъ указать, что подробности о взятіи этого редута были помѣщены въ предъидущемъ 42 номерѣ „Нивы“.

Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что чрезъ нѣсколько времени послѣ занятія Гривицкаго редута подъ Плевной, румыны пробовали овладѣть вторымъ Гривицкимъ редутомъ, находящимся невдалекѣ отъ перваго (уже, какъ извѣстно, взятаго), но атака ихъ была отбита, при чемъ они потеряли до 1,000 убитыми и ранеными. Мѣстонахожденіе означенныхъ редутовъ въ ряду укрѣпленій, окружающихъ Плевну, читатели могутъ видѣть изъ помѣщенной въ этомъ же номерѣ карты плевненскихъ укрѣпленій. Изъ карты этой видно, въ какой степени теперь г. Плевна окруженъ укрѣпленіями и какое значеніе въ ихъ ряду имѣетъ занятый нами первый Гривицкій редутъ.

Въ какомъ положеніи находятся наши дѣла подъ Плевной за эти по-

слѣдніе дни, читатель можетъ видѣть изъ политическихъ и военныхъ извѣстій этого номера.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Издатель журнала „Нива“ имѣетъ честь заявить, что тѣмъ изъ гг. подписчиковъ, которые подписались только на второе полугодіе „Нивы“, премія ея: „Тарантелла“ и „Семья рыбака“ (копіи съ акварелей Ф. Келлера) высланы не будутъ, какъ объ этомъ не разъ заявлялось. Подписавшіеся на второе полугодіе могутъ доплатить 3 р. за первое полугодіе и тѣмъ самымъ получить право на приобрѣтеніе всѣхъ №№ перваго полугодія съ преміями.

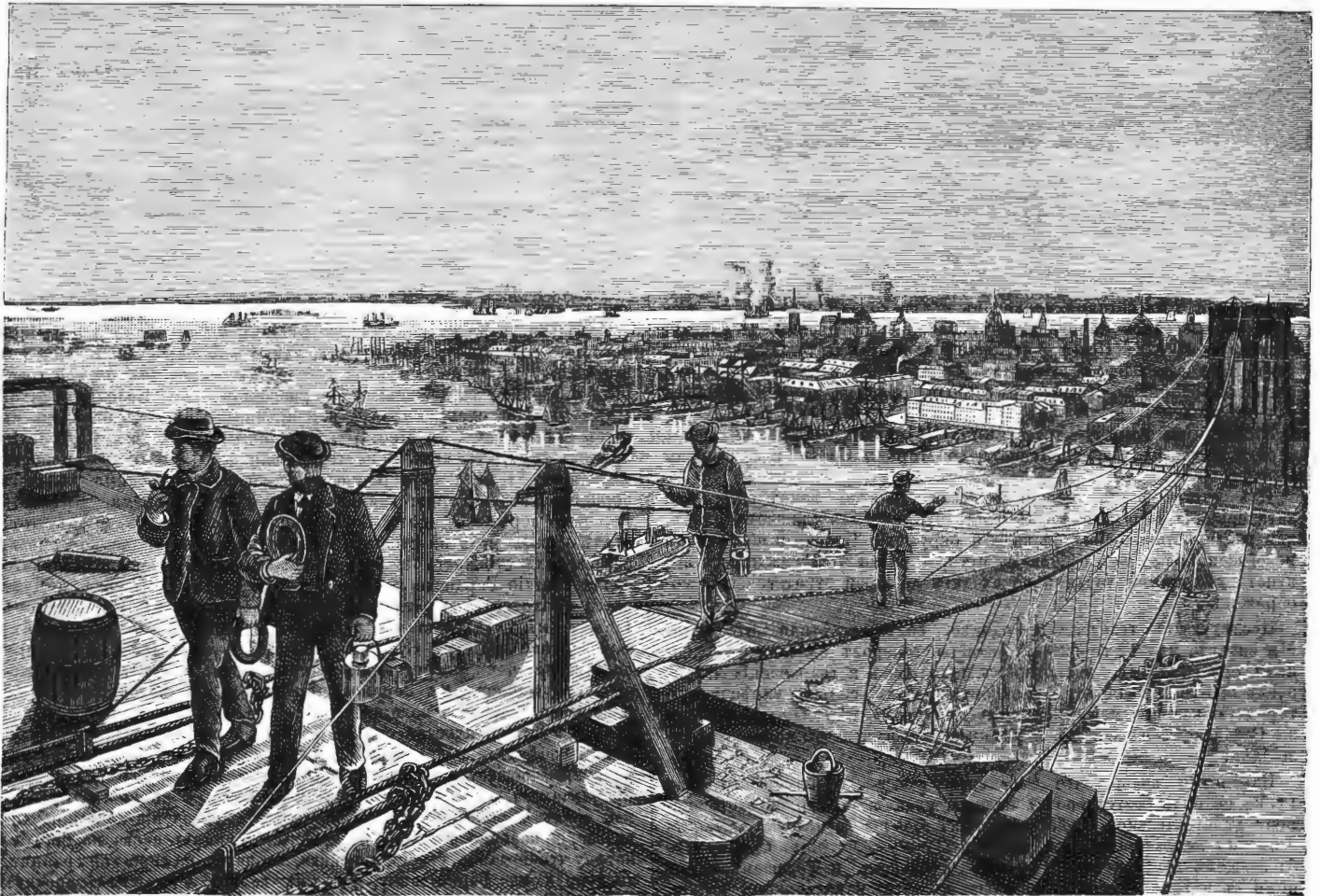
(Продолженіе на стр. 705, 706, 707 и 708.)

Исполнинский мостъ между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ.

Объ исполнинскомъ мостѣ между Бруклиномъ и Нью-Йоркомъ уже говорено было въ нашемъ журналѣ (См. „Нива“ 1874 г., стр. 353. Приводимъ здѣсь опять нѣкоторыя новости этой громадно-интересной постройки. Городъ Нью-Йоркъ, какъ извѣстно раскинутъ на громадное пространство, и уже такъ сказать, поглотилъ въ себя сосѣдніе города: Гобокенъ, Джерсей-Сити, Асторию, Гринъ-Пуанъ, Вильямсбургъ и Бруклинъ. Изъ этихъ городовъ именно Бруклинъ сдѣдуетъ считать однимъ изъ важнѣйшихъ предмѣстiev Нью-Йорка, потому что отдѣляется отъ послѣдняго тою самою частью Ист-Ривера, гдѣ кораблямъ Верхняго озера предоставляется лучшая якорная стоянка и гдѣ, собственно говоря, и находится настоящая гавань Нью-Йорка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ къ Бруклину, лежащему на самомъ Ланг-Исландѣ*), примыкаютъ различныя линіи желѣзныхъ дорогъ, прорѣзывающихъ длинный островъ по дѣсьмъ направлениямъ и соединяющихся съ городомъ Нью-Йоркомъ. Отъ

для обыкновенныхъ тяжелыхъ фуръ съ кладами, а также и двѣ дороги для пѣшеходовъ. Это предпріятіе, конечно, колоссально и принадлежитъ къ числу такихъ, которыя мыслимы только у предприимчиваго и смѣлаго американскаго народа. Разстояніе между обѣими насыпями въ длину моста или хорда его, натянута между насыпями, простирается до 1-го километра. Сооруженіе описанныхъ нами сейчасъ башнеобразныхъ насыпей, а равно прикрѣпленіе къ той и другой изъ нихъ кабеля, долженствующаго своею упругостью выдерживать тяжесть будущаго моста—все это соединено съ невыразимыми почти трудностями, такъ что удовлетворительное разрѣшеніе настоящей проблемы устойчивости и выдержки тяжестей на устраиваемомъ мостѣ будетъ принадлежать къ триумфамъ современнаго инженернаго искусства.

Башнеобразныя насыпи этого висячаго моста связаны между собою на время висячею дорожкой для пѣшеходовъ, устроенною изъ желѣзныхъ проволочныхъ канатовъ, какъ это можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ. Эта висячая дорожка, однакоже, назначена только для рабочихъ, занимающихся постройкою моста. Прилагаемый нами видъ висячей дорожки снятъ

Строющійся мостъ между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ. (Положенія работъ въ настоящее время).

этого пункта сообщеніе между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ поддерживается множествомъ пароходовъ и эти пароходы каждую четверть часа отправляются отсюда въ 8 или 10 пунктовъ. при этомъ они то грузятъ, то выгружаютъ зафрахтованные товары, перевозимые по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы доставить эти товары на корабли, черезъ широкій рукавъ Ист-Ривера.

Для устранения этого неудобства перевозки товаровъ пароходами, нѣсколько предприимчивыхъ людей основали общество на авціяхъ для постройки висячаго желѣзнодорожнаго моста чрезъ Ист-Риверъ. Двѣ башнеобразныя земляныя насыпи для этого висячаго моста будутъ въ скоромъ времени готовы. Каждая изъ этихъ насыпей имѣетъ приблизительно до 300 футовъ вышины, онѣ снабжены двумя пролетами, имѣющими стрѣльчатую форму. Колею желѣзной дороги предполагается положить нѣсколько выше, чѣмъ на 100 футовъ надъ поверхностью высшей точки морского прилива, такъ чтобы и большіе корабли могли удобно подходить подъ мостъ. Но кромѣ желѣзнодорожной колеи на мосту будутъ устроены два проѣзда

со стороны Бруклина, и читатель видитъ здѣсь оживленный обихъ судовъ на Ист-Риверѣ, прикрѣпленія, а равно и насыпи моста на Нью-Йоркскомъ берегу. Вдали видна часть Нью-Йорка, этой американской торговой метрополи.

ТУРЕЦКІЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ.

Османъ-паша, командующій турецкою арміею, находящеюся въ Плевнѣ—турокъ по рожденію. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ одной изъ приготовительныхъ школъ Константинополя.

Братъ его, Гуссейнъ-эфенди, бывшій преподавателемъ арабскаго языка въ этой школѣ, выписалъ Османа изъ Токата въ Константинополь, чтобы взять его подъ свое покровительство и руководство. Затѣмъ Османъ-паша поступилъ въ военную школу и блистательно окончилъ курсъ наукъ. При началѣ Крымской кампаніи онъ поступилъ въ регулярную армію и былъ прикомандированъ къ Генеральному Штабу въ Шумль, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими школьными товарищами.

*) Ланг-Исландъ—значитъ «Длинный Островъ».

Его неустрашимость и хладнокровие скоро доставили ему чин капитана; во главѣ батальона турецкой гвардіи, онъ участвовалъ въ подавленіи возстанія на островѣ Критѣ и вернулся въ Константинополь съ зполетамі полковника. Затѣмъ въ непродолжительномъ времени былъ произведенъ—въ дивизионныя генералы.

Во время войны съ Сербами ему поручено было главное начальство надъ виддинской дивизіей; особенно отличившись своей распорядительностью въ сраженіяхъ при Зайчарѣ, онъ былъ возведенъ султаномъ въ достоинство фельдмаршала.

Веденная имъ защита Плевны и упорное сопротивление нашимъ войскамъ, прилагающимъ все мѣры къ уничтоженію его корпуса, ясно показываютъ его военное значеніе. По слухамъ онъ раненъ въ руку во время послѣднихъ битвъ подъ Плевной.

Реуфъ-паша—мало извѣстный до сихъ поръ военачальникъ. Онъ принялъ командованіе арміей, находящейся за Балканами

и стоящей теперь противъ защищенныхъ русскими тамъ укрѣпленій.

Реуфъ-паша назначенъ, какъ извѣстно, на мѣсто Сулеймана-паши, принявшаго командованіе арміей Мехмета-Али, отозваннаго теперь отъ своего поста.

Вмѣстѣ съ принятіемъ командованія арміей Мехмета-Али (дѣйствующей противъ войскъ Наслѣдника Цесаревича), Сулейманъ сдѣлался сердарь-экремомъ (главнокомандующимъ). Реуфъ-паша, принявшій послѣ него армію въ Балканахъ, до сихъ поръ еще ничѣмъ не выказалъ своей дѣятельности и ведетъ себя, какъ говорится, „тихо—мирно“. За это, конечно, ему сердарь-экрема не дадутъ, такъ какъ для полученія такого званія Сулейману требовалось уложить подъ Шникой до 20,000 турокъ. Начальствуя войсками подъ Шникой, Реуфъ-паша оказывается „скромнымъ дѣятелемъ“, но причина этой скромности пока неизвѣстна: быть можетъ онъ зависаетъ отъ невозможности вести осенью въ Балканахъ войну.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Блокада Плевны и изолированіе Софіи отъ Плевны, состоящее въ постоянномъ отрѣзваніи Софійскаго пути отъ турецкихъ отрядовъ, идущихъ на подрѣзание къ Осману-пашѣ—вотъ настоящія главнѣйшія операціи на Дунайскомъ театрѣ за прошлую недѣлю. Мы знаемъ изъ предшествовавшихъ обзорѣвъ, что къ западу отъ Плевны, между рѣками Искеромъ и Видомъ, находились наши кавалерійскіе отряды, съ цѣлью развѣдковъ и пресѣченія всѣхъ пособій, идущихъ къ Осману-пашѣ. Мы уже сообщали прежде о молодецкихъ подвигахъ нашихъ кавалерійскихъ отрядовъ именно въ этихъ пунктахъ.

Но на прошлой недѣлѣ случилась именно въ этомъ пунктѣ маленькая неудача, конечно, не имѣющая существеннаго значенія для нашей Плевненской блокады—именно опять прорвался къ Плевнѣ отъ Софіи турецкій отрядъ, состоящій изъ 4,000 пѣхоты съ 5-ю орудіями и 3-мя сотнями черкесовъ и атаковалъ именно на Софійской шоссеіной дорогѣ нашъ кавалерійскій отрядъ. Послѣдній отступилъ къ рѣкѣ Искеру, лежащему западнѣе Вида. Турецкій отрядъ, слѣдовательно прошелъ въ Плевну, такъ какъ отступленіемъ нашей кавалеріи къ Искеру ему была открыта свободная дорога для этого.

Засимъ, по смыслу телеграммы, турецкая атака на нашъ отрядъ произошла одновременно и со стороны Софіи, и со стороны Плевны.

Изъ этого факта можно вывести двоякое заключеніе: или кавалерійскій отрядъ нашъ въ этомъ пунктѣ былъ слишкомъ слабъ, или же безостановочная блокада и окруженіе Плевны и постоянная рекогносцировки на Софійскомъ пути, а равно и загражденіе этого пункта пѣхотными частями не входятъ въ наши стратегическія соображенія.

Послѣдующія телеграммы, однако, болѣе освѣтили это дѣло. Мы знаемъ, что 12-го (24-го) октября, генераль Гурко со вѣренными ему отрядами, въ которомъ находились и гвардейскія части, послѣ 10-ти-часовой отчаянной битвы взялъ сильно укрѣпленную турецкую позицію между *Горнымъ-Дублякомъ* и *Телемемъ* и сталъ на Софійскомъ шоссе, гдѣ и усиливаетъ свою позицію новыми укрѣпленіями.

Изъ этого видно, что Софійское шоссе до блестящаго дѣла Гурко не было безусловно въ нашихъ рукахъ, но что съ этого времени дѣйствительно, *Софійское шоссе будетъ безусловно заграждено для непріятельскихъ отрядовъ, идущихъ отъ Софіи*. Въ блестящемъ дѣлѣ между Горнымъ Дублякомъ и Телемемъ взяты нами въ плѣнъ: Ахметъ-Саиз-паша съ его начальникомъ штаба, много офицеровъ, до 3,000 нижнихъ чиновъ и цѣлый кавалерійскій полкъ; захвачены 4 орудія, много ружей и патроновъ и хотя наши потери въ этомъ дѣлѣ значительны, но они искупаются громадною важностью приобрѣтеннаго результата.

Софійская дорога теперь не имѣетъ цѣны для турокъ.

Ключъ къ ней въ нашихъ рукахъ и слѣдовательно теперь Плевна вполне отрѣзывается отъ подвозовъ запасовъ и провіанта съ юго-запада.

Засимъ отъ 13-го октября съ Дунайскаго театра войны получена печальная вѣсть: въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича, 12-го октября, во время рекогносцировки *убитъ на-поваль пулей въ голову князь Сергій Максимиціановичъ*.

Что касается Закавказскаго театра войны, то со времени славнаго дѣла 3-го октября при Авліарѣ, наши войска продолжали ежедневно захватывать остатки разбѣжавшейся арміи Мухтара-паши. Въ половинѣ прошлой недѣли число плѣнныхъ возрастало уже до 289 офицеровъ и 7,000 нижнихъ чиновъ; взятыхъ орудій считалось 42. Что касается до нашихъ потерь въ дѣлѣ 3-го октября, то она суммируется теперь слѣдующимъ образомъ: *убитыхъ 7 офицеровъ 223 нижнихъ чина; раненыхъ 41 офицеръ и 1,079 нижнихъ чина; контуженныхъ 8 офицеровъ и 64 нижнихъ чина. Навбохѣ пострадавшими у насъ оказываются 2 полка Кавказской гренадерской дивизіи, Эриванскій и Грузинскій, которые взяли гору Авліаръ. Что*

дѣлается теперь на Закавказскомъ театрѣ войны? Если вѣрить иностраннымъ телеграммамъ, то Мухтаръ-паша, послѣ пораженія успѣлъ уже занять сильную позицію близъ *Иеникоя*, по сю сторону *Саканлидага*, что Измаиль-паша прибылъ въ Зейдеканъ, намѣреваясь достигнуть Дагана, чтобы соединиться съ Мухтаръ-пашею у *Зевина*. Если это не хвастовство тенденціозныхъ туркофильскихъ телеграммъ, то все еще нисколько не говорить въ пользу поправленія турецкихъ дѣлъ. Еще прежде было извѣстіе изъ Константинополя, что нѣкоторые изъ турецкихъ батальоновъ, укравшихся изъ Аладжа-Дага, успѣли соединиться съ Мухтаръ-пашею. Несомнѣннымъ остается то, что въ прошлую недѣлю наши войска пригнулись къ Карсу, куда осадный паркъ былъ отправленъ изъ Александрополя въ началѣ прошлой недѣли. Обстрѣливаніе Карса началось снова, и на этотъ разъ результатъ его будетъ, конечно, счастливымъ.

Довольно давно въ нашихъ обзорѣвахъ мы не говорили о Черногоріи, этой героической странѣ, удивившей миръ въ теченіе полудесяти годовъ непрерывной войны. Мы имѣли уже случай говорить о геройскихъ движеніяхъ черногорцевъ на Билекѣ, Гачко, Никшичѣ, Невесиньѣ, Столачѣ и о проникновеніи ихъ отрядовъ въ глубь Герцеговины, до Мостара. Имъ было затѣмъ взять Дужскій проходъ (при Дужскомъ монастырѣ), наконецъ, взятіемъ крѣпости *Горанска* *) величаво-героически закончили военныя дѣйствія черногорцевъ въ Герцеговинѣ на неопредѣленное время. Крѣпость Горанска держалась долго, но наконецъ—таки сдалась, и въ этой сдѣлѣ играла роль не столько большая численность черногорцевъ, сколько ихъ стойкость и энергія въ выполненіи предположеннаго плана. Взятіе Горанско послѣдовало за взятіемъ Билека и Дужскаго прохода, 14-ю батальонами при 9-ти орудіяхъ. Въ славномъ Горанскомъ дѣлѣ участвовали извѣстные герои: Маша Врбица, Лазаръ оичица и Петръ Вукотичъ. Взятіе Горанско совершилось при наступленіи ночи, посредствомъ штурма, или *юриша*, по выраженію черногорцевъ. Въ Горанско было около 400 человекъ, которые и оставили крѣпость по сдѣлѣ.

Однакоже героическая страна, вслѣдствіе полуторагодной борьбы крайне обдѣлена. Черногорцы теперь, по словамъ нашего úplномоченнаго общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, г. Васильчикова, дошли до того состоянія *полнаго обнищанія*. Вѣковой врагъ Черногоріи, Турція въ своемъ ожесточеніи не останавливается, и конечно вызоветъ изнуренныхъ бойцовъ снова на борьбу, потому что недавно турецкія войска, стоявшія на сербской границѣ, выступили въ Герцеговину, гдѣ имъ велѣно дѣйствовать противъ Черногоріи.

Франція продолжаетъ представлять громадный политическій интересъ. Отсюда идутъ слухи, что маршалъ Макъ-Магонъ, не смотря на въ высшей степени неудачный для своихъ намѣренныхъ результатовъ выборовъ, все-таки намѣревается произвести во Франціи государственный переворотъ. Республиканская печать, однако, все-таки не обнаруживаетъ, по этому поводу, ни малѣйшаго замѣшательства или смущенія. «Journal des Débats» органъ умѣренныхъ, приглашаетъ маршала президента очистить мѣсто «болѣе достойному». Такимъ образомъ во Франціи совершается теперь горячая и рельефно-выражающаяся борьба принциповъ, борьба между «движеніемъ впередъ» и «движеніемъ назадъ». Для Франціи теперь настало весьма знаменательное время, напоминающее всѣ движенія ея умовъ и ея прессы предъ государственными переворотами. Борьба, разумѣется, совершается теперь изъ-за личности, но въ исторіи вѣдь и никогда не бываетъ борьбы изъ-за идей въ отвѣченной формѣ. На первомъ планѣ стоятъ личности, но каждая изъ нихъ выражаетъ свою идею, и побѣда извѣстной личности есть побѣда извѣстной идеи. Особенно рельефно это осуществляется во Франціи. Гамбетта весьма удачно

*) Горанско лежитъ на высокомъ плоскогоріи, или плато, ограниченномъ съ сѣверной, восточной и западной сторонъ рѣчками: *Бужоичей* и *Пивой* съ притоками. Доступъ въ Горанску вообще вслѣдствіе громадныхъ отвѣсныхъ скалъ мало доступенъ даже для осадныхъ орудій. Но для черногорцевъ изъ ничего трудно. Горы вокругъ Горанско покрыты лѣсомъ, но самое плато обнажено.

формулировал будущий образ действительного маршала и продолжает утверждать и теперь, что он должен ou se soumettre, ou se demettre (т. е. или подчиниться теперь уже ясно выразившейся воле народа или сложить с себя власть). Известный журналист Эмиль-де-Жирарден так тот представил маршалу другой выбор или произвести государственный переворот (Coup d'état) или удалиться. Маршал робко одним ухом выслушивает советы маститого журналиста, а в другом ухе держит советы Гамбетты. Интересно дождаться, что-то выберет он.

От Франции всего естественнее перейти к Италии, к Риму, стоящему в неразрывной связи с влиятельным французским элементом. В Ватикане ожидается тоже переворот, по поводу близкой смерти папы, представляющего теперь собою живой труп. Близость смерти маститого первосвященника теперь возмущается уже агитацией, поднятой в Ватикане кардиналами. Эта агитация направлена к тому, чтобы побудить Пия IX назначить сво-

ки, будто бы, нашли выгодным передать заказ с своей стороны варшавским сапожникам, которые, в свою очередь, заказали свою работу в России, в Кимрах и Осташков, большинство жителей которых занимается шитьем сапог. Факт чрезвычайно многогранный, если допустить, что наше интендантство не руководилось какими-нибудь соображениями, для заказа в России и уплачивая за него золотом, т. е. на 40% больше чем оно заплачено бы на месте, расплачиваясь кредитными рублями.

Не можем не отметить между прочим следующего известия, напечатанного в губернских газетах, а именно, что Орловское губернское земство, по примеру Харьковскаго, намечено предложить правительству поставку для действующей армии сухарей, по своей цене, без барышей и с гарантией за доброкачественность и своевременность доставки. Весьма было бы жаль, если бы такое намечение осталось только в проекте.

ПЛЕВНО

и его окрестности.

съ турецкими укрѣпленіями.

МАСШТАБЪ: 315,000.

Цинискиши С.Хракова, С.П. Троцкий пер. №27.

Карта расположенія турецкихъ укрѣпленій вокругъ г. Плевны.

нимъ преемникомъ кардинала Ледеховскаго. Успѣха агитации, впрочемъ, пока разбиваются о препятствія. За симъ побѣда республиканцевъ во Франціи отразилась и во многихъ большихъ городахъ Италіи. Во многихъ изъ нихъ происходили республиканскія демонстраціи. Въ Неаполѣ и Миланѣ результаты французскихъ выборовъ послужили поводомъ къ «демонстраціямъ въ пользу будущей итальянской республики».

Вѣнская печать продолжаетъ надменно утверждать, какъ дѣлала это не разъ и прежде, что путь въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну, другими словами: безъ воли и согласія Австріи Россія не можетъ извлечь особенно важныхъ результатовъ изъ своихъ побѣдъ надъ турками. Это изреченіе заключаетъ также и вапомянутое о своевременности нашего перемирія съ Турціей именно теперь.

Въ газетахъ пишутъ, что наше интендантство сдѣлало заказъ въ Берлинѣ огромной партіи сапоговъ, предназначенныхъ для нашей арміи, на сумму, кажется, 500,000 руб. Берлинскіе же подрядчи-

ки, будто бы, нашли выгоднымъ передать заказъ съ своей стороны варшавскимъ сапожникамъ, которые, в свою очередь, заказали свою работу в Россіи, в Кимрахъ и Осташковѣ, большинство жителей которыхъ занимается шитьемъ сапогъ.

Фактъ чрезвычайно многогранный, если допустить, что наше интендантство не руководилось какими-нибудь соображеніями, для заказа вѣ Россіи и уплачивая за него золотомъ, т. е. на 40% болѣе чѣмъ оно заплачено бы на мѣстѣ, расплачиваясь кредитными рублями.

Не можемъ не отметить между прочимъ слѣдующаго известія, напечатаннаго въ губернскихъ газетахъ, а именно, что Орловское губернское земство, по примѣру Харьковскаго, намѣрено предложить правительству поставку для дѣйствующей арміи сухарей, по своей цѣнѣ, безъ барышей и съ гарантіей за доброкачественность и своевременность доставки. Весьма было бы жаль, если бы такое намѣреніе осталось только въ проектѣ.

Осман-паша. Командующий турецкими войсками в Яловит.

Реуф-паша. Командующий турецкими войсками за Болканими.

Новое изобретение.

Сама собою движущаяся швейная машина.—Не смотря на огромное распространение швейных машин, обыкновенная общепринятая конструкция их дала в последнее время повод ко многим жалобам. Тѣлесное усилие, какое требуется для движения подножки швейной машины, уже имѣло послѣдствиемъ многообразныя болѣзни брюшныхъ органовъ. Проблема устранить въ швейной машинѣ работу ногъ представляется разрѣшенною настоящимъ изобрѣтеніемъ.—Самое изобрѣтеніе состоитъ изъ сильной пружины, замѣняющей работу ногъ. Къ этому нужно прибавить, что движение пружиною имѣетъ вдвое большую скорость и гораздо большее удобство (потому что регулируетъ швейную работу) чѣмъ это достигалось въ фабрикованныхъ доселѣ швейныхъ машинахъ. Затѣмъ нужно замѣтить, что это новое изобрѣтеніе, уже производящееся фабричнымъ образомъ и заслужившее полное признание первоклассныхъ специалистовъ,—является не въ качествѣ конкурента бывшихъ доселѣ въ употребленіи швейныхъ машинъ, а напротивъ, улучшеніемъ ихъ, которому предназначено дать могучій подъемъ всей подобнаго рода индустріи. Фигура и относительная величина частей швейной машины при этомъ остаются не измѣненными, а прибавляется къ нимъ только удобно дѣйствующая пружина.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Гений—есть терпѣніе (Бюффонъ).

Женщины, эти прелестныя созданья, лгутъ такъ граціозно, что ложь присадала къ нимъ какъ нельзя лучше (Байронъ).

Во время уединенія болѣе чѣмъ когда либо можешь быть съ тѣми, кого любишь (Саади, персидскій поэтъ).

„ПРИРОДА“

(одобрено для библиотекъ и учебныхъ заведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 12 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 13 Р. 50 К.
(безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р. съ пер. 9 руб.).

Подписчикамъ на 1877 г. выдается «Популярная физиологія Д-ра Лобона, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 3 руб. 50 коп.

Выходитъ 4 раза въ годъ, выглади около 27 печ. листовъ, съ 6—8 хромолит. и литографіями и 100—150 рисунками въ каждой выгладѣ. Въ Сборникѣ помѣщаются популярныя статьи по Естественной, Этнографіи, Путешествію, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Оставшіяся выемилляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. (14 томовъ со 100 хромолитограф. и литограф. и 1000 рисунковъ въ текстѣ)—стоятъ безъ приложений 23 р. съ приложениями 32 р. съ пересылкою.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 Р., СЪ ПЕРЕС. 9 Р.

(На полгода 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб.).

Выходитъ ежемѣсячно съ хромолитографіей или литографіей и многими рисунками въ текстѣ. Въ концѣ года будутъ выданы въ видѣ премій 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередной выставки. Въ журналѣ помѣщаются охотничьи рассказы и очерки, спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи, охотничьяхъ животныяхъ, корреспонденція, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Оставшіяся выемилляры Ж. Охоты за 1874 г. (8 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать изъ конторы редакціи по 8 р. 50 к. а всѣ 5 томовъ, заключающіе 30 хромолит. и литографіи 5 премій и особымъ приложеніемъ 1876 г.; «Записки поохотника П. М. Мачеваринова (160 стр.) и Тетеревъ-носачъ Л. П. Сабаньева (100 стр.)—за 16 р., съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ перес.

Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника «Природа» и Ж. Охоты (Москва, Петровка, д. Самариной). Съ 1 ноября открыта подписка на 1878 г.

Подписавшіяся на оба изданія въ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніемъ Сборника № 13 4—1

Ред. Л. И. Сабаньевъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Вас. Остр. 16 линія № 9. Л.—ну. Говоря о предметѣ такой важности, какъ настоящая война, нельзя выразаться такими стихами:

«Кто волей непреложно,
Кто помощью—но Божию,
Кто лепту сердобольную
Пусть на алтарь несетъ.»

Это боже приближается по тону своему къ стихамъ странниковъ «людей Божіихъ». Нѣкоторые же изъ строфъ по достоинству стоятъ даже ниже такихъ «стиховъ».

Напримѣръ: И тамъ, гдѣ бьются недруги,
Гдѣ стономъ стоетъ я недуги,
Намъ съ алтара Всевышняго
Богъ милости пришлетъ.

Желать милости Божіей, разумѣется, должно, но выразить это желаніе слѣдуетъ грамотнѣе...

Отъ издателя.

При этомъ № „Нивы“ прилагаются для удобства гг. иногородныхъ подписчиковъ подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи для возобновленія подписки на журналъ „Ниву“ въ 1878 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Раковина Тридагна (Tridacna) (съ рисункомъ) Люб.—У Неаполитанскаго залива. (По поводу двухъ картинъ, составляющихъ премію «Нивы» въ 1877 г.) А. Невельскаго.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть вторая (продолженіе).—Война и миръ. (По поводу двухъ картинъ художника Гондла) Д. Стахѣва.—Болгаринъ, продавецъ фруктовъ (съ рисункомъ).—Черногорка, пасущая стадо (съ рисункомъ).—Шутка на войнѣ (съ рисункомъ) Подъ Плевной (съ рисункомъ и картономъ).—Русскія типы III. Прожившіяся купчикъ.—Заявленіе.—Исполнскій мостъ между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ (съ рисункомъ).—Турецкіе военачальники (съ 2-ма рисунками).—Полягтческія, военная и внутренняя новѣсти.—Новое изобрѣтеніе.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Почтовый ящикъ.—Отъ издателя.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

ЦВѢТОКЪ

барометръ (въ выемномъ горнѣ) измѣняющій свой цвѣтъ по погодѣ 2 р.; оливо револьверъ 1 р. 50 к.; цѣпочки мужскія и дамскія наладного золота и чрезъ огонь золоченныя, отъ 2 до 7 р. 50 к.; ваночки съ пружинкою отъ 20 к. до 2 р. въ пару, подъ брилліантъ и жемчугъ 1 р. за 3 штуки; икры: шахматы отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к., шапки отъ 15 до 50 к., шапечницы 1 р. до 3 р., домино отъ 75 к. до 6 р.; коло отъ 40 к. до 5 р.; домино лото отъ 2 до 4 р.; стоковый проектъ 5 р.; карандашъ для прочной мылки бѣлая 30 к.; альбомы отъ 1 р. 50 к. до 20 р.; щетки, гребни, галстуки и бѣлые изъ бумаги. Всѣ цѣны назначены съ пересылкою. Магазины «Городъ Нюрнберга» въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, д. Шаховскаго въ Москвѣ № 22 2—1

Хивинскій походъ. Большой батальонный альбомъ эпизодовъ хивинскаго похода, исполненный по оригинальнымъ анвареліямъ Я. Каразина.

Хромолитографировано, первымъ заграничнымъ заведеніемъ Винкельманъ и Штейнбока въ Берлинѣ.—Въ конторѣ Редакціи журнала „Нивы“ находится еще маленькій остатокъ этого изданія, который она уступаетъ своимъ подписчикамъ по дешевой цѣнѣ: вмѣсто 18 р., за 6 р., (съ пересылкою 10 руб.) а потому гг. иногородные, желающіе выписать, этотъ альбомъ, благоволятъ обращаться въ Редакцію „Нивы“ прилагая вмѣсто 22 р. съ пересылкою только 10 р.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 44 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 31 Октября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫПРОЕНЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе болѣе 23,000 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонныя адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1878 г.	Безъ доставки въ Пбургъ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ	5 р.
	Съ доставкою	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе го- рода Русской Имперіи	6 .

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Его Императорское Высочество князь, Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.

12-го октября, на рекогносцировкѣ, предпринятой однимъ изъ передовыхъ отрядовъ арміи Государя Наслѣдника по направлению къ Кадикю, къ югу отъ Рущука, палъ на полѣ битвы геройскою смертью третій сынъ Его Императорскаго Высочества, покойной Великой Княгини Маріи Николаевны, Его Высочество князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій. Его Высочество, князь Сергѣй Максимиліановичъ, не смотря на свои весьма молодые лѣта (онъ родился 8-го декабря 1849 г. и, слѣдовательно, теперь имѣлъ всего 28 лѣтъ безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ), не разъ уже въ нынѣшнюю войну успѣлъ заявить храбрость. Со времени перехода нашихъ войскъ чрезъ Дунай Его Высочество князь Сергѣй Максимиліановичъ неоднократно уча-

Его И. В. князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.
Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

ствовалъ въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ и неоднократно обращалъ на себя вниманіе своимъ мужествомъ и неустрашимостью. За оказаннымъ имъ въ этихъ столкновеніяхъ съ непріятелемъ отличіемъ, онъ незадолго до рокового дня, бывшаго его послѣднимъ днемъ жизни, получилъ чинъ полковника. Въ памятный день 12-го октября, непріятельская пуля мгновенно прекратила его жизнь.

Палъ смертью храбрыхъ молодой князь, еще только что вступившій въ жизнь, да будетъ вѣчно памятно его имя, какъ героя, положившаго жизнь свою за великое дѣло.

Выражая глубокую скорбь о преждевременной смерти Его Высочества Князя Сергѣя Максимиліановича, мы можемъ сообщить пока только самыя краткія о его смерти извѣстія.

Такъ, извѣстно, что Его Высочество былъ пораженъ пулей въ голову. Пуля попала въ околышъ фуражки, около какарды и пробила черепъ. Смерть постигла князя Сергѣя Максимиліановича на глазахъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, который послѣшно подбѣжалъ къ нему, но нашель его уже бездыханнымъ.

Въ этотъ печальной памяти день (12-го октября) со стороны отряда Великаго Князя Владиміра Александровича были произведены рекогносцировки по всей линіи р. Лома. Село Юванчицкѣ, находящееся на берегу р. Лома, близъ слиянія Чернаго Лома съ Банищенъ Ломомъ, было взято съ боя херсонцами, которые успѣли даже переправиться на правый берегъ Лома. Во время этой-то рекогносцировки и убитъ на-повалъ Князь Сергѣй Максимиліановичъ, шедшій во главѣ своего отряда. Въ полдень 12-го октября тѣло Князя было перевезено

въ Трестеникъ, а на слѣдующій день въ Брестовацъ, гдѣ была главная квартира Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. 14-го октября останки усопшаго героя отправлены въ Петербургъ, гдѣ будутъ погребены въ крѣпости, подлѣ праха Августѣйшей Его Родительницы, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. Тѣло Его Высочества будетъ привезено въ столицу, какъ сообщаютъ телеграммы, въ воскресенье 23-го октября, и погребальная процессія, по церемоніалу, своевременно имѣющему быть опубликованнымъ, совершитъ свое шествіе отъ Николаевского вокзала, вдоль Невскаго проспекта, къ Петропавловскому собору. Теперь же, по случаю кончины Его Высочества, состоялось Высочайшее Государя Императора повелѣніе, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ для первыхъ четырехъ классовъ на шесть недѣль, начиная съ 12-го октября.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

ХІІІ.

Глубокая осень. Снѣгъ валитъ хлопьями и засыпаетъ равнины, лѣса, деревни. Неподвижно стоитъ густая чаща; ни листка не осталось на вѣткахъ. Не слышно въ нихъ лѣтняго свиста и пѣнія. Далеко разлетѣлись птицы и только изрѣдка по голымъ сучьямъ прыгаетъ бѣлка, отряхаетъ снѣгъ со своихъ лапокъ и спѣшитъ скорѣе въ нору. Внизу, на рыхломъ, едва выпавшемъ снѣгу кое гдѣ замѣтны слѣды звѣрины, но звѣрей не видно: попрятались они.

Вотъ на опушкѣ лѣса начинается кружиться мятелица и вздымаетъ снѣжную пыль.

Одинокій, откуда-то забѣжавшій заяцъ попалъ въ эту самую мятелицу и сидитъ прижавъ уши, изумленно посяматривая во всѣ стороны. Пушистая шерстка раздувается на немъ и долго не можетъ онъ понять куда это онъ забѣжалъ и долго соображаетъ какъ ему возвратиться.

Снѣгомъ совсѣмъ замело дороги, едва различить ихъ можно.

Тихо, тихо становится, такъ что всякій далекій звукъ несообразно усиливается и измѣняетъ свое значеніе и потомъ опять все тихо, все мертво, все печально.

Но вдругъ понеслись откуда то разнообразныя, странныя звуки. Издали слышится какъ что то ломаетъ сучья; изъ за частыхъ деревьевъ на бѣлую полянку тяжело и медленно выходитъ медвѣдь. Его дикій ревъ оглашаетъ нѣмую окрестность и бѣдный заяцъ совсѣмъ прижимаетъ уши и готовъ зарыться въ снѣгъ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и ни съ мѣста. Медвѣдь медленно проходитъ по полянкѣ и опять углубляется въ чащу, а далекіе звуки все ближе и ближе;—то не ревъ звѣриный, то крики и гиканье людскіе.

Вотъ за поворотомъ лѣсной дороги показались кони въпряженные въ огромныя пошевни, и много коней, и много пошевней и все тройки ямщицкія. Изъ всѣхъ силъ коней погоняютъ и мчатся лихіе кони не разбирая дороги, поднимая кругомъ себя столбы снѣжной пыли, залѣпляя эту пылью глаза ямщику и сѣдокамъ.

— Скорѣе! скорѣе! раздается чей то голосъ.

Красавецъ юноша съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ, съ глазами покраснѣвшими отъ слезъ то и дѣло повторяетъ: скорѣе! скорѣе!

И мчатся сани и вылетаютъ изъ лѣса. За первыми пошевнями едва послѣвуютъ другія. Въ нихъ сидятъ охотники и собаки. То въ Москву возвращается Императоръ съ охоты. Болѣе недѣли не былъ онъ дома. Охота шла хорошо. Думалъ онъ еще нѣсколько дней остаться...

Отчего же такъ спѣшитъ онъ въ Москву, отчего, задыхаясь, ежеминутно повторяетъ ямщику: „скорѣе! скорѣе?“ Отчего онъ такъ блѣденъ и заплаканы глаза его?

Рано утромъ сегодня прискакалъ къ нему гонецъ отъ барона Остермана. Баронъ пишетъ что сестра очень плоха, совсѣмъ она умираетъ. И не взвидя свѣта помчался юный Императоръ и тоска разрываетъ его сердце. Не знаетъ онъ что подбѣлатъ съ собой и кричитъ уже совсѣмъ охрипшимъ голосомъ—скорѣе! скорѣе!

Вотъ уже вѣхали въ городъ, близка нѣмецкая слобода. Вотъ уже и дворцовыя стѣны передъ глазами. Точно глядѣтъ на свѣтъ Божій Императору.

„Жива ли, жива ли!“ думается ему, и тутъ же приходитъ мысль: да развѣ это возможно, развѣ она можетъ умереть, развѣ она умретъ. Можетъ быть Андрей Ивановичъ ошибся. Но зачѣмъ же такъ пугать меня, зачѣмъ такъ мучить. И опять: ахъ! что если умретъ въ самомъ дѣлѣ, какъ я безъ нее буду!

Вотъ подбѣхали къ дворцу.

Шатаясь, вышелъ Петръ изъ пошевней и себя не помня, кинулся въ покои. Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его. Юный Императоръ глядитъ на своего воспитателя и друга и сразу видитъ, что тотъ не обманывалъ его. Остерманъ блѣденъ; уже онъ не скрываетъ глазъ своихъ, а глядитъ прямо печальнымъ испуганнымъ взоромъ.

— Ну что, что она? боясь за отвѣтъ, едва можетъ выговорить Императоръ.

— Плоха, Государь, всю ночь металась, не спала.

— Да какъ же вы раньше то за мной не послали? отчаянно схватился за голову Петръ.

— Сами не вѣдали что такъ плоха: отъ всѣхъ царевна скрывала болѣзнь свою, ну а къ ночи немогла, застонала.

— Что же, можно мнѣ къ ней? Пустите, дайте мнѣ взглянуть на нее.

Но его не пускаютъ. Царевна только что немного заснула, всю ночь не смыкала глазъ. Авось этотъ сонъ подкрѣпитъ ее.

Приходитъ одна страшная мысль Императору: что если онъ обманутъ, что если она не заснула, а умерла уже и его оттого не пускаютъ?! И онъ рвется къ ней въ комнату и Остерманъ едва въ силахъ удерживать его.

Онъ увѣряетъ, что она точно заснула. У всѣхъ придворныхъ вытянуты лица; всѣ боятся и подойти къ Императору. Одинъ только испанскій посланникъ герцогъ де-Лирія подошелъ и заговорилъ съ Петромъ Алексѣвичемъ.

— Успокойтесь, ваше величество! Есть одно средство и его наконецъ теперь испробовали, и вотъ царевна заснула.

— Какое же это средство?

— Я давно уже рекомендовалъ его, давно уже говорилъ, что нужно къ нему обратиться. Если бы тогда меня послушали не было бы этого. Это вѣрное средство—женское молоко. Вотъ только что выпила царев-

на и заснула.—Успокойтесь, Государь. Богъ дастъ все поправится.

— Ахъ, дай то Боже! дай то Боже! шепчетъ Императоръ и сразу вѣрнуть въ цѣлебность этого новаго средства и сразу надѣется, что оно непременно излѣчитъ его милую сестру.

Но какъ бы ее увидѣть. Ахъ, какъ долго тянутся минуты. Ни за что приняться не можетъ Императоръ. Ходить онъ по комнатамъ, то погруженный въ какое то оцѣпенѣнне, то начиная ломать руки и обливаясь слезами.

— Скажите мнѣ въ ту же минуту какъ она проснется, ради Бога. Я не могу такъ оставаться, я долженъ ее видѣть.

И вотъ наконецъ она проснулась и ему объ этомъ доложили.

Не долго спала бѣдная царевна, всего съ полчаса какихъ нибудь.

Петръ, вдругъ поблѣднѣвъ какъ смерть, съ пересохшимъ горломъ и дрожащими руками, вопель въ ея опочивальню. Вотъ она на постели. Какъ она блѣдна и какъ горятъ глаза ея!

Онъ только теперь, сейчасъ замѣтилъ ту страшную перемену какая произошла въ ней въ послѣднее время. Онъ такъ занятъ былъ своимъ весельемъ, своими охотами и придворными пирами, что не смотрѣлъ пристально на сестру, а она, она давно уже больна. Она такъ страшно измѣнилась. О! какой дурной онъ братъ, какой злой братъ! Глубокое отчаянне изобразилось на лицѣ его. Онъ протянулъ къ сестрѣ руки и безсильно упалъ на колѣни передъ ея постелью и зарыдалъ неудержимо и безумно, и спряталъ лице въ ея одѣяло, и долге не могъ поднять глазъ на нее. Ему казалось, что встрѣтять его эти милые, родные глаза съ нѣмымъ упрекомъ. Онъ чувствовалъ какъ виноватъ передъ нею. Ему уже начинало казаться, что онъ прямо ея убійца,

— Петруша, голубчикъ, услышалъ онъ вдругъ у самаго уха ея слабый шепотъ и зарыдалъ еще пуще. Петруша, успокойся, Господь съ тобой, снова и еще слабѣе проговорила царевна. Посмотри на меня.

Онъ взглянулъ и что же? Нѣтъ нѣмаго упрека въ глазахъ ея и смотрятъ они на него съ безконечной любовью, съ прежней, съ дѣтства памятной, сестриной лаской.

Вотъ она протягиваетъ ему свои прозрачныя, исхудавшія руки и говорить ему: „Милый братецъ, посиди со мною. Да не плачь, успокойся. Мнѣ лучше, право лучше—Богъ милостивъ я выздоровлю. Не мучь себя, не то самъ еще заболѣешь“.

О! какъ можетъ она теперь о немъ думать. Какъ можетъ кто нибудь о чемъ нибудь думать, кромѣ нея.

Она успокаиваетъ его, она надѣется. Но вѣдь можетъ быть она сама себя не знаетъ, себя не видитъ, а достаточно взглянуть на нее, чтобы понять какъ тщетны теперь всѣ надежды.

Ничто теперь не спасетъ ее! шепчетъ сердце Императору, а сердце обмануть не можетъ. Чуетъ оно, чуетъ близкую разлуку. Чуетъ горе страшное, неотвратимое. Но ему нужно удержаться, нужно отереть слезы, не смѣть рыдать, потому что этимъ только еще больше ее тревожить—и Петръ напрягаетъ всѣ силы свои, чтобы удержать непослушныя рыданія, чтобы казаться спокойнымъ.

Никогда еще не зналъ онъ, не понималъ какъ сильно ее любить. Онъ не умѣлъ дорожить ею, а вотъ теперь когда она улетаетъ, теперь все стало понятно, но уже слишкомъ поздно.

Великая княжна Наталья улыбалась брату, старалась его успокоить, показать ему, что она вовсе не такъ больна, что это только какой то досадный припадокъ, который пройдетъ скоро, она опять встанетъ и все пойдетъ хорошо, какъ бывало прежде.

Она забывала о своей слабости, о своей невыносимой боли въ груди и все улыбалась, спрашивая брата о томъ хорошо ли было на охотѣ, какихъ звѣрей они убили, что дѣлали.

Распросы эти были невыносимо мучительны Императору.

Онъ понималъ, что она дѣлаетъ усиліе надъ собою, что она хочетъ обмануть его, но она такъ хорошо притворялась.

Вотъ лице ея оживилось, на щекахъ вспыхнуль румянецъ, она даже привстала съ подушекъ, сѣла на кровать и смѣется.

Боже мой! можетъ ей и взаправду лучше; можетъ быть взаправду это только такъ, и пройдетъ скоро!

Онъ надѣется, онъ уже почти вѣрнуть, онъ уже совсѣмъ вѣрнуть, онъ уже начинаетъ улыбаться ей. Съ него спадаетъ невыносимо давящая его тяжесть. Ахъ какъ хорошо, авось все это только сонъ!

Но чтоже это? она вскрикнула, она схватилась за грудь обѣими руками и какъ подкошенная травка упала опять на подушки и опять поблѣднѣла и лежитъ неподвижно.

Что же, что же это? Императоръ снова рыдаетъ и въ отчаянни. Полный ужаса, бѣжитъ онъ отъ сестры къ себѣ, запирается и никого видѣть не хочетъ, никого не можетъ слышать.

Но вотъ онъ зоветъ Ивана Долгорукаго и говоритъ ему, чтобы черезъ каждыя пять минутъ доносили ему о здоровьи великой княжны.

Долгорукой хочетъ войти къ нему, успокоить, разговаривать его, но онъ гонитъ отъ себя и Долгорукаго—онъ никого теперь не можетъ видѣть, никто ему не нуженъ.

XIV.

Прошло еще нѣсколько дней. Великая княжна все лежитъ въ постели и по нѣскольку разъ въ день пьетъ женское молоко. Ей какъ будто сначала стало немного лучше. Императоръ почти не отходитъ отъ нея. Когда она засыпаетъ онъ по цѣлымъ часамъ прислушивается къ ея дыханію. Когда она просыпается онъ ловитъ каждый ея взглядъ, каждое ея слово. Онъ не выпускаетъ изъ рукъ своихъ ея слабой, холодной руки. Теперь она повторяетъ, что ей лучше гораздо: она можетъ уже сидѣть на постели, можетъ даже спустить ноги на полъ.

Она проситъ его успокоиться, заняться дѣлами или отдохнуть немного, повеселиться.

Назначенъ балъ у графа Вратислава, австрійскаго посланника.

Наталья упрасиваетъ брата, чтобы онъ непременно туда поѣхалъ.

Ей гораздо лучше. Она такъ волнуется, его уговаривала, и ради ея спокойствія онъ рѣшается ѣхать. Его сопровождаетъ принцесса Елисавета. Но теперь онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, онъ уже ни къ кому ее не ревнуетъ, ему нѣтъ до нея низкаго дѣла. Онъ весь, всецѣло отдался сестрѣ, думаетъ только о ней, живетъ только ею.

Балъ многолюденъ и роскошенъ. Приглашенныхъ цѣлыя толпы и между ними почти только одинъ разговоръ, что о больной принцессѣ. Всѣмъ ясно, что она очень плоха, врядъ ли поправится. Что у нея за болѣзнь? Доктора говорятъ, что легкія портятся, чахотка. Но великая княжна въ послѣдніе годы почти совсѣмъ не кашляла. Что то очень странно. Особенно иностранные резиденты подозрительно шепчутся объ этой болѣзни. Герцогъ де-Лирія прямо сказалъ Остерману, что подозрѣваетъ тутъ не худое состоянне легкихъ, а вѣроломство какого нибудь тайнаго врага, который захотѣлъ погубить великую княжну. Но кто этотъ тайный врагъ—ни герцогъ де-Лирія, ни баронъ Андрей

Иванович придумать не могут. Остерманъ дѣйстви- тельно озабоченъ и печаленъ. Онъ всегда любилъ ве- ликую княжну Наталью, всегда былъ ея искреннимъ другомъ. Къ тому же ея смерть должна очень повре- дить многимъ его серьезнымъ планамъ. Какъ бы только

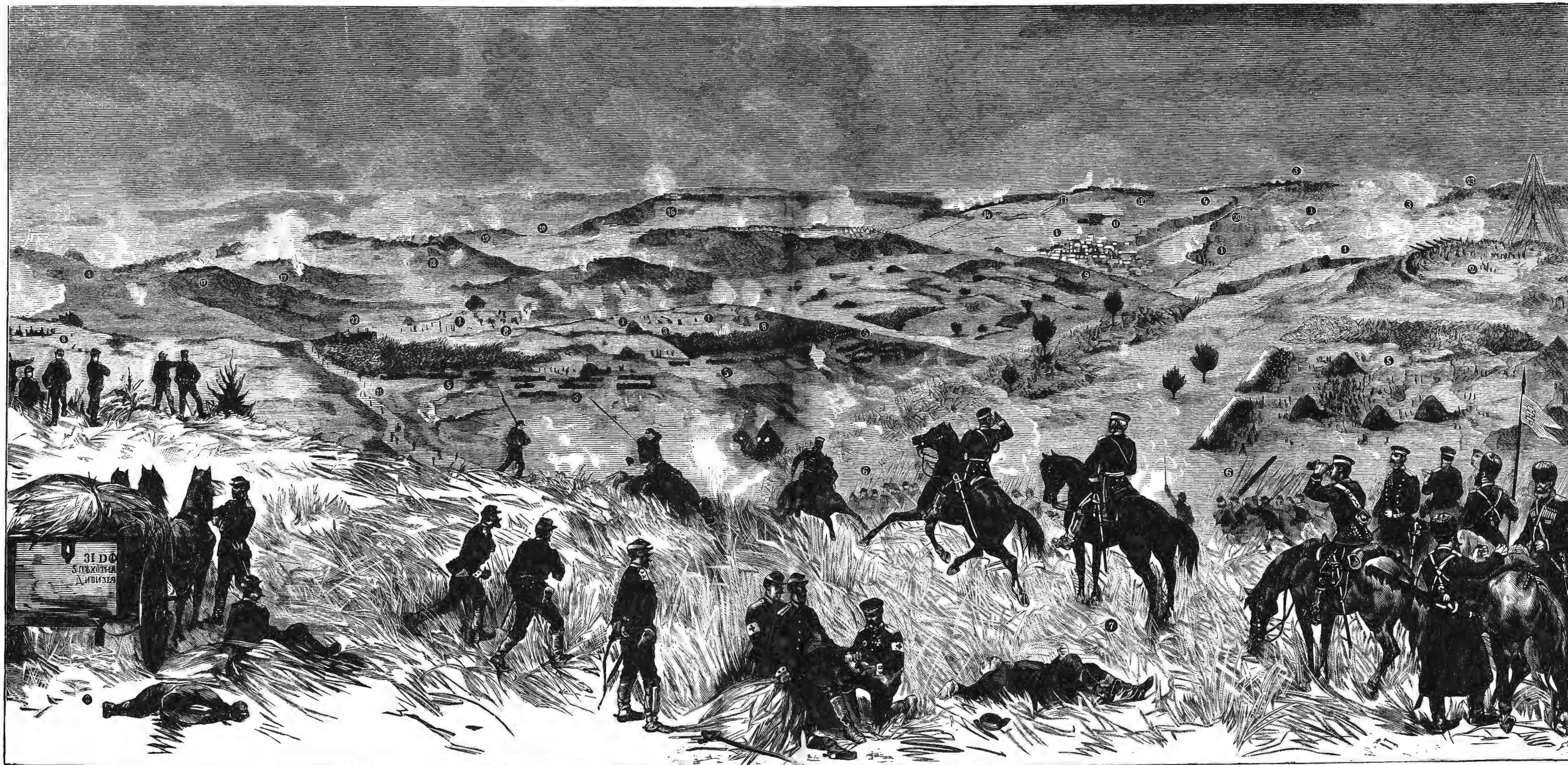
„Вотъ и планы наши насчетъ инфанта Донъ-Кар- лоса прахомъ разсыплются“, печально замѣчаетъ герцогъ де-Лирія, отходя отъ Остермана.

Императоръ не танцуетъ; не влечетъ его никакое веселье, онъ то и дѣло посылаетъ гонца во дворецъ,

потомъ на лбу, съ выраженіемъ муки на блѣдномъ лицѣ.

Онъ остается у ея постели, онъ рѣшился такъ провести всю ночь, не отходя отъ нея, но, измученный, утом- ленный долгой бессонницей, онъ незамѣтно засыпаетъ

намъ боль въ груди такъ невыносима, что она напря- гаетъ всѣ свои послѣднія силы, чтобы не стонать, чтобы этими стопами не разбудить его. Она уже знаетъ, что ей не подняться, знаетъ что пришли послѣдніе дни, а мо- жетъ быть часы, можетъ быть минуты. Да, она умираетъ

Общій видъ расположенія войскъ и укрѣпленныхъ позцій у Плевны во время послѣднихъ атакъ. Съ наброска К. Д. грав. Рашевскій.

1) Русскія батареи. 2) Большая батарея, назыв. мачтовая. 3) Румын. батареи. 4) Редутъ, взятый русскими и румынскими войсками. 5) Русскіе резервы. 6) Полкъ быстро идущій на подкрѣпленіе. 7) Генераль Зотовъ и его штабъ. 8) Поездка съ боевыми снарядами. 9) Дер. Гривница. 10) Горы, за которыми—Плевна. 11) Атака 1 бриг. 5 дивиз. 12) Атака румынъ. 13) Гривницкій редутъ, взятый 30 авгус. 14) Второй Гривницкій редутъ. 15) Укрѣплен. турец. лагерь. 16) Второй турецкій лагерь. 17) Турецкіе центральные редуты. 18) Турец. редуты, на которые неудалась атака 31 русс. дивиз. 19) Лѣвые турец. редуты. 20) Дорога изъ Плевны въ Бѣлу. 21) Дорога изъ Плевны въ Телишъ. 22) Перевязоч. пунктъ Русс. Крас. Креста. 23) Мѣсто, съ котораго наблюдали за ходомъ битвы Государь Императоръ, Его Высочество, Главнокомандующій, и князь Карлъ.

узнать ему вѣроломнаго врага, если такой существуетъ. Но онъ не можетъ узнать его и кончаетъ тѣмъ, что не соглашается съ герцогомъ де-Лирія. Царевна всегда была слабого здоровья и уже 3 года тому назадъ сильно жаловалась на грудь и много кашляла.

узнать, что съ великой княжной. И вотъ въ началѣ еще бала, въ 10-мъ часу, гонецъ доноситъ ему, что великой княжнѣ опять хуже и Императоръ, даже не простаясь съ хозяиномъ, уѣзжаетъ съ бадо и спѣшитъ къ сестрѣ и застаётъ ее опять съ горящими глазами, съ холоднымъ

въ креслѣ. Она прислушивается—онъ спитъ глубоко. Она велитъ дежурной фрейлинѣ удалиться и остается одна съ уснувшимъ братомъ.

Жадно, не отрываясь, глядитъ она на него точно хо- четъ наглядѣться досыта и никакъ не можетъ. По време-

и ничто, никакія человѣческія силы не спасутъ ее. Она умираетъ такъ ужасно рано и такъ не хочется ей уми- рать, такъ жалко разставаться съ жизнью. Хотя бы немного еще пожить; вѣдь еще совсѣмъ почти что и не жила она, только приготовлялась къ жизни. Все было

еще впереди; такъ недавно казалось, что времени такъ много, что и конца ему нѣтъ. А вотъ она кончается, кончается, жизнь уходитъ и ничѣмъ не удержатъ ее. Страшно, тѣжко!

Слезы бѣгутъ по щекамъ бѣдной царевны. Чтоже безъ нее будетъ, что будетъ съ братомъ? Онъ будетъ такъ огорченъ, его ожидаетъ такое горе. Но нѣтъ не то, не то... Онъ молодъ, легкомысленъ, забудетъ ее скоро, поплачетъ, потоскуетъ и забудетъ. А потомъ что же? Потомъ снова явится Лиза, замѣнитъ ея мѣсто. Долгорукіе совѣтъ заберутъ его въ свою власть; Иванъ въ конецъ его испортитъ, приучитъ ко всему дурному. Боже мой! пожалуй пить еще приучитъ его. На кого же я его оставлю, кому поручу его! ломаютъ руки несчастная царевна. И ясно, ужасно ясно, понимаетъ она, что не на кого его оставить, некому поручить. Ни одного близкаго, ни одного любящаго человѣка. Баронъ Андрей Ивановичъ? Но давно уже хорошо поняла Наталья, что баронъ Андрей Ивановичъ не оплотъ и не защита; онъ любить ихъ, истинно любить, но все же себя любить гораздо больше. Ни отъ чего дурнаго не остережетъ онъ брата, да еслибы и нашель въ себѣ силы остеречь, то не на долго, не будетъ слушаться его Петруша, а Долгорукіе скоро такъ устроятъ, что совѣтъ удалятъ Андрея Ивановича и будетъ еще тѣмъ хуже. Ужасныя мысли!

Зачѣмъ судьба такъ немилостива, зачѣмъ мы родились въ царскомъ семействѣ!? Были бы простые люди и было бы лучше! — и Наталья проклинаетъ тотъ блескъ величія, который съ дѣтства ихъ окружаетъ. Но къ чему проклинать? Такъ угодно Богу. Совершенно обезсиленная мучительными мыслями, со страшною болью и слезами она перестаетъ совѣтъ думать, какой то полусонъ, какое то тихое забытье на нее находятъ; всѣ предметы сливаются передъ глазами; вотъ уже она не видитъ брата, ни чего не видитъ; ей начинаетъ казаться что то странное, неопредѣленное, блестящее.

Вотъ она летитъ куда-то, быстро летитъ, несетъ ее вѣтеръ, летитъ она и прилетаетъ въ какую то дивную страну, гдѣ все свѣтло и ясно, гдѣ вѣчное лѣто, тепло, глубокое море плещется о берега, а на берегу растутъ цѣлыя рощи душистыхъ лимоновъ, по вѣткамъ порхаютъ пестрыя птицы и поютъ чудныя пѣсни. Вотъ далеко за душистыми рощами видѣтъ большой городъ. Царевна летитъ къ этому городу, летитъ надъ его сверкающими на солнцѣ улицами, влетаетъ въ садъ. Кругомъ журчатъ фонтаны, съ деревьевъ отъ легкаго дуновенія вѣтра слетаютъ сотни блестящихъ, бѣлыхъ цвѣтовъ, усыпаютъ дорожки. Впереди видѣтъ роскошное зданіе, мраморныя ступени, а по бокамъ бѣлыя статуи. И вотъ съ этой широкой мраморной лѣстницы на встрѣчу царевнѣ слѣзаетъ прекрасный юноша. О! какъ онъ хорошъ, о какъ чудно хорошъ онъ, даже прекраснѣе брата. Онъ беретъ ее за руку и вмѣстѣ съ нимъ идетъ она по широкимъ аллеямъ и мраморныя статуи киваютъ ей головами, и душистыя деревья склоняютъ надъ ней свои вѣтки, и птицы поютъ ей, и струйки фонтановъ журчатъ ей свои привѣты. Необычайное, дивное счастье наполняетъ ей душу; прекрасный юноша шепчетъ ей сладкія рѣчи. Она не понимаетъ словъ его, но душа и сердце понимаютъ ихъ значеніе и сама она ему отвѣчаетъ и говоритъ, не словами говорить, а восхищенной своей душою. И долго длится ихъ бесѣда и не замѣчаютъ они времени. Спускается надъ ними тихій вечеръ и еще прекраснѣе становится природа и еще великолѣпнѣе кажется озаренный лучами заката величавый замокъ, еще слаще шепотъ фонтановъ.

„Донъ-Карлосъ“ шепчетъ царевна, „Донъ-Карлосъ“ повторяетъ она уже очнувшись отъ своихъ грезъ „Донъ-Карлосъ“. Она глядитъ кругомъ себя. Тихо въ ея опочивальнѣ; братъ крѣпко спитъ, голова его склонилась на грудь и онъ ровно дышетъ.

„Донъ-Карлосъ“. Царевна вынимаетъ изъ подъ по-

душки маленькій медальонъ и глядитъ на него, и радостная, блаженная улыбка видѣтся на губахъ ея и уже на яву, въ полномъ сознаніи начинаетъ мечтать она о далекой, никогда невиданной, волшебной странѣ, про которую такъ хорошо рассказываетъ герцогъ де-Лирія, про далекаго, прекраснаго принца, который могъ сдѣлаться близкимъ и могъ принести ей счастье... И онъ уже приносилъ неразъ ей его, приносилъ въ дѣвическихъ грезахъ. Зачѣмъ же все это проходитъ невозвратно и зачѣмъ не судьба сбыться этому счастью. Зачѣмъ умирать такъ рано! о, Боже, за что? Другія мысли приходятъ въ голову царевны. Ей вспоминается прошлое, прежніе годы дѣтства. Вспоминается грозный образъ покойнаго дѣда, дивно прекрасное лицо бабушки Екатерины. Потомъ хочется ей заглянуть еще дальше, и начинается вспоминаться какой-то совѣтъ позабытый, нѣжный образъ, склоненный надъ нею.—Это образъ ея матери, принцессы Шарлотты. Всѣ они умерли, всѣхъ ихъ нѣтъ, и мы также умремъ, умремъ скоро, всѣ умремъ...

Боже! да о чемъ же я думаю! я умираю, умираю, а онъ вѣдь живъ, онъ остается. Что же мнѣ показалось, что и онъ тоже умираетъ. И она глядитъ на брата и не можетъ отвязаться отъ какого то страшнаго чувства. которое запало ей вдругъ въ сердце.

И все кажется ей, что не одна она умираетъ. „Да, онъ умретъ“, наконецъ рѣшается она, умретъ—и это хорошо, это лучше; пусть онъ умретъ, пусть идетъ вслѣдъ за мною. Тамъ, гдѣ то въ томъ мірѣ, мы снова всѣ будемъ вмѣстѣ... всѣ кого люблю я... всѣ мы соберемся. Да, пусть онъ умретъ—онъ долженъ умереть, это его счастье. Теперь онъ умретъ еще честнымъ, не загрязненнымъ, добрымъ и благороднымъ, а живъ останется—что изъ него сдѣлаютъ, чѣмъ онъ кончитъ? Нѣтъ, пусть умретъ, пусть идетъ за мною.....

XV.

Въ ночь на 22-е ноября совѣтъ стало плохо великой княжнѣ Натальѣ. Нѣсколько часовъ сряду она металась на постели и стонала. Юный Императоръ не могъ слышать этихъ стоновъ—они разрывали ему сердце, и въ тоже время онъ жадно къ нимъ прислушивался, ловилъ каждый звукъ и не отходилъ отъ сестры. Наконецъ она нѣсколько успокоилась, хотя это спокойствіе не предвѣщало ничего добраго. Ея лицо окончательно измѣнилось и всякій взглянувъ на нее ясно видѣлъ что она умираетъ. Она велѣла къ себѣ позвать барона Остермана и цесаревну Елисавету. Оба они были все время въ сосѣдней комнатѣ и немедленно явились на зовъ ея.

— Прощайте, спокойно сказала имъ Наталья,—прощайте.

При этомъ страшномъ словѣ, невольный раздирающій крикъ вырвался изъ груди Императора, и онъ почти безъ чувствъ упалъ въ кресло.

— Наташа! опомнившись, бросился онъ къ ея постели,—Наташа, что ты сказала! Зачѣмъ ты прощаешься?

— Прощай, мой голубчикъ, тихо отвѣтила она,—теперь все кончено—я умираю.

— Наташа! стоналъ и метался Императоръ,—это неправда! это не можетъ быть! ты выздоровѣешь, ты останешься жива, зачѣмъ ты меня мучишь?

Но она ужъ не могла теперь скрывать, да и не хотѣла этого.

— Лиза, обратилась она къ цесаревнѣ,—если я въ чемъ была виновата передъ тобою, прости меня—я тебя очень любила, всѣмъ сердцемъ любила.

Цесаревна ничего не отвѣчала и плакала, склонившись надъ ней.

— Только одно у меня было противъ тебя, я боялась за брата. Лиза, вотъ я умираю и передъ смертью прошу тебя быть его другомъ, другомъ и родною, но никогда не соглашаться выйти за него замужъ.

— Наташа, голубчикъ мой, всхлипывая шепнула Елисавета,—зачѣмъ ты такъ обо мнѣ думаешь. Спроси его, онъ тебѣ скажетъ, что я ему всегда отвѣчала, когда заговаривалъ онъ со мною объ этомъ. Ты дурно обо мнѣ думала, Наташа: я никогда не могу быть для него ничѣмъ, кромѣ друга и родственницы.

— Теперь я вѣрю тебѣ, Лиза, вѣрю, и спокойна. Прощай, поцѣлуй меня, не вспоминай обо мнѣ дурно.

Цесаревна нѣжно обняла умирающую, и горько заплакала.

— Подойдите ко мнѣ, Андрей Ивановичъ, опять едва слышно заговорила Наталья,—подойдите ко мнѣ, другъ мой. Не оставьте его, не уходите отъ него, умоляю васъ, пожалѣйте его, не дайте его врагамъ, вѣдь вы сами видите, что ищутъ только его погибели, не оставьте его! Она едва нашла силу поднять свою руку и протянуть ее Остерману. Онъ молча плакалъ и покрывалъ эту холодѣющую руку поцѣлуями.

— Петруша, голубчикъ мой, ненаглядный, обратилась Наталья къ брату,—охъ какъ много хотѣла бы и сказать тебѣ, да силъ нѣтъ. Не печалься обо мнѣ, Петруша! Вотъ недавно я и сама тосковала, умирать не хотѣлось, а теперь, право, вижу что такъ лучше, тамъ лучше будетъ, навѣрное! Петруша, только теперь объ одномъ тебѣ я думаю. Поклянись мнѣ, дай мнѣ слово, что исполнишь мою послѣднюю просьбу.

Петръ хотѣлъ говорить, но не могъ—рыданья душили его и онъ бессильно двигалъ губами и не произносилъ ни одного слова.

— Петруша, слушай меня, обѣщай мнѣ думать о будущемъ, молю тебя, образумься, вспомни что ты—Государь. Оставь эти вѣчныя веселья, не забывай дѣлъ, бывай въ Совѣтѣ, а главное—главное, сейчасъ какъ меня похоронятъ, уѣзжай въ Петербургъ, въ Петербургъ... вотъ мой послѣдній завѣтъ тебѣ, моя послѣдняя просьба, мое послѣднее слово, въ Петербургъ, скорѣй!... Иначе и ты совсѣмъ погибь и погибла Россія. Обѣщаешь ли ты мнѣ это, обѣщаешь ли?

— Да! едва слышно выговорилъ Петръ, упавъ на колени передъ сестрой. Она положила свои руки на его голову и замолчала. Тишина воцарилась въ комнатѣ, только рыданья присутствующихъ по временамъ ее нарушали. Прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ Наталья приподнялась, устремила блестящія глаза свои въ пространство передъ собою и заговорила что то, скоро, скоро, и никто не могъ понять словъ ея: она уже потеряла сознание, она бредила. За послѣдней вспышкой энергіи наступило полное безсиліе. Она снова упала на подушку и осталась неподвижна; ея губы все что то шептали, но не было звуковъ. Императоръ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему страшно было глядѣть на сестру и въ тоже время онъ не могъ отъ нея оторваться. Его глаза такъ и тянуло къ ней, такъ и приковывало.

Баронъ Остерманъ и Елисавета въ слезахъ тоже едва выносили зрѣлище этой агоніи. Умирающая то слабо стонала, то затихала на нѣсколько минутъ, то вдругъ опять порывалась приподняться и не могла, то начинала говорить что то брату, подзывала къ себѣ Остермана, то забывала ихъ всѣхъ, возвращалась въ какой то иной міръ, открывавшійся передъ ней. А время шло: былъ ужъ пятый часъ, приближалось утро. Вотъ Наталья успокоилась. Ея порывистосъ дыханье стало ровнѣе. Она еще разъ обратилась къ брату и сказала ему слабымъ шепотомъ:

— Петруша, не плачь, успокойся, я знаю, мы разстаемся не на долго. Мы свидимся скоро, скоро, до свиданья!...

Она слабо приподняла руку и тутъ же ее опустила и вздрогнула. Ея глаза остановились. Петръ наклонился къ ней ближе, охватилъ ея голову и вдругъ отшатнулся съ искаженнымъ лицомъ, въ страшномъ ужасѣ.

— Умерла! крикнулъ онъ, умерла! и зашатался и безъ чувствъ упалъ на полъ.

Въ эту минуту дверь въ комнату отворилась и на порогѣ показалась небольшая согбенная фигура въ черномъ. Она быстро поглядѣла на присутствующихъ, увидѣла Императора на полу, а надъ нимъ Остермана и Елисавету, подошла къ кровати царевны, дотронулась рукою до ея неподвижнаго холодѣющаго лица, опустила на колѣни и стала молиться. Прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ Остерманъ и цесаревна обратили на нее вниманіе. Она все стояла и молилась. Тихія слезы капали изъ ея глазъ и падали на мертвыя, холодныя руки Натальи. Но вотъ она поднялась съ колѣнъ, она взглянула на Остермана и Елисавету. Злоба и ненависть блеснули въ глазахъ ея и скривились блѣдныя старческія губы. Крѣпко упираясь одною рукою на посохъ, она вытянула другую передъ собою, какъ будто всѣхъ отъ себя отстраняя.

— И къ умирающей не позвали—мертвую ужъ застала! проговорила старая царица Евдокія Федоровна и медленно вышла изъ комнаты.

На другое утро усопшая царевна ужъ лежала въ гробу. Народъ допускался поклониться ея тѣлу. Великій плачь стоялъ въ траурной комнатѣ. Плакали почти всѣ, кто ни приходилъ сюда, и плакали непритворно, не по одному заведенному обычаю плакать надъ покойникомъ: всѣ любили усопшую царевну, всѣ жалѣли объ ея безвременной смерти, въ одинъ голосъ твердили, что ангель во плоти была царевна. Никто дурного слова отъ нея не слыхивалъ, со всѣми бывала ласкова, всѣхъ дарила привѣтомъ и улыбкою. „Какъ цвѣточекъ прекрасный сіяла она на солнышкѣ и завяла какъ цвѣточекъ.“ Такъ говорили московскіе жители. А и рѣчи ближнихъ придворныхъ и сановниковъ, мало чѣмъ отличались отъ рѣчей этихъ. Всѣ, какъ есть всѣ, жалѣли царевну. Остерманъ съ женою совсѣмъ были неутѣшны, весь день навзрыдъ плакали; цесаревна Елисавета тоже не осушала глазъ; объ Императорѣ и говорить нечего, онъ весь день метался въ страшномъ отчаяніи, не заснулъ ни на минуту, маковой росинки у него во рту не было, ничѣмъ нельзя было его успокоить. Въ одинъ день онъ страшно измѣнился: все лице отъ горькихъ слезъ опухло, дрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ, иногда даже бормоталъ несвязныя фразы. Его едва увели изъ комнаты умершей сестры, но онъ часто туда возвращался. Придетъ—взглянетъ въ лицо ея и съ дикимъ крикомъ и рыданьями опять бѣжитъ прочь, и опять возвращается, и опять кричитъ и плачетъ—просто не знали что съ нимъ и дѣлать. Вечеромъ, когда уже перестали пускать народъ во дворецъ, и комната гдѣ стоялъ гробъ совсѣмъ опустѣла, Петръ снова подошелъ къ тѣлу сестры. Все было тихо, только мѣрно раздавалось чтеніе псалтыря надъ покойницей. Она лежала вся въ бѣломъ, на половину прикрытая драгоцѣнной парчею. Императоръ смотрѣлъ на нее и ужъ не плакалъ, онъ, кажется, выплакалъ всѣ свои слезы. Онъ не метался, не кричалъ, но еще болѣе страшнымъ казался въ этой притихшей скорби. Онъ глядѣлъ на сестру совсѣмъ почти безумными, помутившимися глазами. Еще такъ недавно она могла взглянуть на него, могла ему улыбаться—и вотъ неподвижна, глаза ея закрыты. О! какъ она измѣнилась, какъ худа она, какъ прозрачна, голубыя жилки видны, но тихо и спокойно лицо ея. Онъ все смотритъ, и вотъ ему кажется, что она начинаетъ тихо улыбаться. Но нѣтъ! но нѣтъ, эта улыбка неподвижна, съ этой улыбкой она заснула, эта улыбка осталась на лицѣ ея. И вспомнилось ему какъ, умирая, въ послѣднюю минуту она шепнула, что разлука ихъ не на долго, что онъ скоро будетъ съ нею. О! когда бы... думаетъ Императоръ. Зачѣмъ мнѣ жить, не хочу! Ничего мнѣ не надо, только бы съ нею. И опять страшно ему становится, и

опять онъ винить себя въ ея смерти: онъ такъ ее мучилъ своимъ дурнымъ поведениемъ, она такъ за него страдала, такъ плакала, о! онъ всему виною. Въдъ вотъ еще недавно просила она его не ѣхать на охоту, остать-

Да развѣ возможно это, онъ точно извергъ какой былъ съ нею. Ахъ! Если бѣ возможно было вернуть, отъ всего бы отказался онъ, только бы быть съ нею, только бы слышать ея голосъ, только бы видѣть ея улыбку.

Испуганное стадо рогатого скота на пастбищахъ Новой Мексики.

ся въ Москвѣ, заняться дѣлами, аккуратно посѣщать собранія Верховнаго Совѣта, и онъ даже обѣщалъ ей и не исполнилъ своего обѣщанія, и на другой же день поѣхалъ на охоту и не видѣлъ ее двѣ недѣли. Боже!

— Наташа, дорогая, шевельнись, очнись, скажи слово—все для тебя будетъ, все я брошу. Каждую минуточку буду спрашивать, что ты хочешь и буду только то дѣлать, что ты посоветуешь. Наташенька,

Дѣвущка съ плодами. Картина Тешендорфа, грав. Бренд'Амуръ.
Библиотека "Руниверс"

голубчикъ мой! Но она не слышитъ, она не слышитъ!

Она просила его, умирая, подумать о себѣ, начать новую жизнь. Последнее слово ся было, чтобы онъ уѣхалъ изъ Москвы опять въ Петербургъ. Онъ обѣщала ей. Онъ уѣдетъ... Ахъ! Да и развѣ можно теперь оставаться въ Москвѣ, развѣ будетъ онъ въ состоянн видѣть этотъ городъ, видѣть этотъ домъ, гдѣ была она, и гдѣ ее больше нѣтъ. Конечно онъ уѣдетъ... О! онъ совсѣмъ измѣнится, его не узнаютъ. Пусть она оттуда съ не-

ба глядитъ на него, и останется имъ довольна. Пусть она проститъ его, пусть только проститъ! Да, онъ исполнитъ всѣ ея просьбы, всѣ ея желанья и потомъ будетъ ждать когда наступитъ свиданье, когда исполнится ея обѣщаніе, когда онъ уйдетъ за нею и къ ней.

Послѣ похоронъ великой княжны Императоръ переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ. Онъ не могъ оставаться въ томъ домѣ, гдѣ все напоминало ему страшную утрату. Но вмѣстѣ съ нимъ не переѣхала цесаревна Елисавета.

(Продолженіе будетъ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

ПЛЕННА И ЕЯ УКРѢПЛЕНІЯ.

Уже не разъ намъ приходилось говорить о Плевнѣ и вѣроятно еще не разъ придется упоминать о ней, какъ о такомъ мѣстѣ, на которомъ въ настоящее время сосредоточено вниманіе не только всей Россіи, но всего образованнаго міра. Плевна небольшою городъ Болгаріи, расположенный на Гривницкомъ ручьѣ, впадающемъ въ р. Видъ, въ 30 верстахъ отъ крѣпости Никополя и верстахъ въ 60 отъ Систова. До сихъ поръ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ свое время, Плевна (или правильнѣе по болгарски Плевенъ) не выдавалась изъ ряда мелкихъ городковъ Болгаріи ни числомъ городскихъ жителей, ни производительностію, ни мѣстными укрѣпленіями. Но судя по рассказамъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстностію, окружающею этотъ городъ, можно заключить, что въ древній періодъ римской исторіи едва ли эта мѣстность не была тоже центромъ военныхъ дѣйствій, ибо, какъ говорятъ очевидцы, вокругъ Плевны много древнихъ кургановъ и окоповъ, указывающихъ на существованіе тутъ когда-то укрѣпленій. Въ предыдущемъ № „Нивы“ мы уже упоминали о легендѣ, которая живетъ до сихъ поръ въ болгарскомъ и турецкомъ народахъ, о томъ значенн, которое Плевна имѣла когда-то. Нынѣшнія военные событія, конечно, сохраняютъ на многія лѣта память о Плевнѣ и понятно, въ народѣ создадутся одинъ за другимъ рассказы о битвахъ въ ея окрестностяхъ.

Въ свое время русская литература обогатится обширнымъ описаніемъ этого мѣста и подробнымъ указаніемъ и разборомъ происходившихъ при немъ битвъ. Теперь же, на сколько возможно, удовлетворяя понятному желанію читателей имѣть свѣдѣнія о всемъ томъ, что касается Плевны, ея окрестностей, укрѣпленій, битвъ, осадъ и т. п. мы, помѣстивъ въ предыдущемъ № карту, помѣщаемъ здѣсь еще общій видъ укрѣпленій, окружающихъ этотъ городъ. Какъ изъ приложеннаго въ № 43 плана, такъ и изъ помѣщаемаго въ этомъ № общаго вида, читатели могутъ составить весьма полное понятіе о положенн укрѣпленій, расположенныхъ вокругъ Плевны. Не лишнимъ считаемъ здѣсь объяснить между прочимъ слѣдующее: городъ съ сѣвера окруженъ рядомъ весьма высокихъ холмовъ, круто спускающихся къ Гривницкому ручью, хотя доступы къ нимъ со стороны Никополя идутъ междухолменными перевалами, допускающими свободное сообщеніе. Еще съ 3-го іюля Османъ-наша, ожидая нападенія со стороны Никополя, распорядился о возможно лучшемъ укрѣпленн сѣверной стороны города. Самые большіе редуты Плевны составляютъ: 1-й Гривницкій редутъ, взятый нами въ бой 30-го и 31-го августа, отъ котораго идутъ теперь подступы къ 2-му Гривницкому редуту и передъ которымъ уже заложена теперь 4-я параллель, и 3-й Буковицкій редутъ, обстрѣливающей доступы по долинѣ рѣки Видъ и ближайшимъ къ ней переваламъ. Кромѣ этихъ редутовъ, вся нагорная часть Гривницкаго ручья усилена нѣсколькими отдѣльными батареями и ложементами для стрѣлковъ идущими ярусами одинъ надъ другимъ. Слабая сторона турецкихъ позицій съ сѣверной стороны заключается, какъ кажется, въ близкомъ разстоянн отъ города и въ открывающейся осаждающимъ войскамъ возможности сосредоточить въ этомъ мѣстѣ значительныя силы, заложивъ въ тоже время на возвышающихся холмахъ батареи дальняго боя, могущія нанести вредъ верхамъ и самому городу. Надобно замѣтить, что всѣ редуты тщательно блиндированы и соединены между собою тоже блиндированными ходами. (Блиндажъ — постройка безопасная отъ навѣснаго огня. Блиндажъ отъ казематовъ отличается тѣмъ, что казематы возводятся заблаговременно и прикрываются отъ навѣснаго огня каменными сводами, а блиндажъ возводится въ минуу необходимости и прикрываются рельсами или бревнами и засыпаются сверху землею. Этотъ-то слой земли и не долженъ пробиваться снарядами, а назначеніе деревянной покрывки—поддерживать эту землю и выдерживать сотрясеніе при паденн снаряда. Толщина этого слоя—3 фута противъ полевыхъ орудій, 6 футовъ и болѣе—противъ осадной и крѣпостной артиллеріи).

Восточная сторона укрѣпленной плевненской позиціи располагается рядомъ возвышенныхъ холмовъ, постепенно поднимающихся отъ д. Радешево и оканчивающихся около города кру-

тымъ спускомъ, а въ лѣвой сторонѣ значительною возвышенностію, съ которой беретъ начало Гривницкій ручей. Съ этой стороны было предпринято наступленіе 18-го іюля войсками корпуса князя Шаховскаго. Здѣсь линія турецкихъ укрѣпленій выдвинута гораздо болѣе, чѣмъ на сѣверной сторонѣ; передній редутъ, Радиневскій, команда всею окружающею мѣстностію, представляетъ ключъ этой позиціи. За нимъ, въ треугольничѣ дорогъ, ведущихъ изъ Плевны въ Ловчу и Сисово, террасами построенъ рядъ батарей и другихъ укрѣпленій, сѣбленныхъ въ нѣсколько ярусовъ ложементами для стрѣлковъ и представляющихъ собою, какъ по условіямъ мѣстности, такъ и по силѣ укрѣпленій, малодоступную позицію.

Точно также южная сторона позиціи, образуя рядъ укрѣпленныхъ линій, далеко выдвинувшись впередъ, расположенныхъ на крутыхъ возвышенностяхъ, фланкирующихъ другъ друга, представляетъ не менѣе неприступное мѣсто для атаки. Три впереді стоящіе редута, которые были взяты при штурмѣ 30-го и 31-го августа, составляютъ только начало укрѣпленной мѣстности, только первое звено твердыни, окаймляющей южную сторону Плевны. Мужественный натискъ нашихъ храбрыхъ войскъ хотя могъ сломить это звено изъ трехъ редутовъ, но войска не смогли устоять противъ адскаго огня, направленнаго со всѣхъ сосѣднихъ батарей и ретраншементовъ, и редуты должно было оставить.

Должно думать, что, впрочемъ, и подтверждается послѣдними официальными извѣстіями, что этихъ укрѣпленій теперь уже гораздо болѣе, что они доходятъ до Горнаго-Дубняка, что, слѣдовательно, и завидская сторона отъ Плевны не менѣе укрѣплена, какъ и мѣстность по эту сторону Видъ.

Въ заключеніе укажемъ, что городъ Плевна получилъ большое стратегическое значеніе какъ пунктъ, оберегающій двѣ базы: на Видъ и на Софію и какъ пунктъ, изъ котораго прямымъ путемъ можно дѣйствовать неприятелю на нашъ тылъ съ фланга.

Послѣднія событія на Софійской дорогѣ между Телншевымъ и Горнымъ Дубнякомъ уже извѣстны нашимъ читателямъ. Именно здѣсь генералъ Гурко разбилъ неприятеля и занялъ путь его соединенія съ Софіей. Значеніе этого важнаго занятія, хотя и стоившаго намъ большихъ жертвъ (убитыхъ и раненыхъ около 2,500), вскорѣ должно выясниться во всей своей силѣ: благодаря этому занятію, Османъ-наша оказывается совершенно окруженъ нашими войсками. Положеніе его арміи до того, повидимому ухудшилось, что Осману-нашѣ непремѣнно придется сдѣлать попытку прорваться чрезъ русско-румынскія линіи. Число больныхъ и смертность въ турецкой арміи, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, несравненно значительнѣе, чѣмъ въ русскихъ и румынскихъ войскахъ. Каждому извѣстно въ какомъ отношенн къ санитарнымъ условіямъ стоятъ турки: они знаютъ о этихъ условіяхъ не хотаятъ, что, понятно, отражается на числѣ больныхъ. Къ этому присоединяется еще то, что мы легко можемъ пополють свою убыль, тогда какъ арміи Османа-наши доставка войскъ, снарядовъ и провіанта стоитъ величайшихъ затрудненій; кромѣ того, больныхъ своихъ и раненыхъ онъ вывозитъ изъ Плевны не можетъ. Въ послѣднее время, какъ говорятъ, оттуда начинаютъ дезертировать турки, жалуются на недостатокъ въ жизненныхъ продовольствіяхъ. Впрочемъ изъ дезертировъ многіе не солдаты арміи, а мѣстные жители, вооруженные Османомъ-нашей и поставленные подъ ружье; есть основаніе думать, что турки сами, въ виду недостаточности провіанта, выгоняютъ ихъ изъ города. Шефкетъ-паша сдѣлалъ было попытку провести въ Плевну провіантъ, но не могъ достигнуть своей цѣли вслѣдствіе дурнаго состоянн дорогъ. Въ-добавокъ напоромъ воды разрушенъ мостъ чрезъ Радомирце при Кемеръ-Купру, и турки теперь работаютъ надъ его возстановленіемъ. Говорятъ также, что 1,400 быковъ, 700 повозокъ съ продовольствіемъ, отправленные къ Осману изъ Виддина, не могли дойти до Плевны и остановились на полѣ-дорогѣ.

О расположенн русскихъ лагерей подъ Плевной очевидцы передаютъ между прочимъ, что лагери раскинуты главнымъ образомъ на высотахъ, и такъ какъ близъ Плевны есть только горы и долины, а равнинъ нѣтъ и слѣда, то холмистая мѣстность, покрытая всюду палатками, имѣетъ видъ весьма ожив-

ленный. О характеръ мѣстности можно судить и изъ нашего рисунка, помѣщаемого въ этомъ №. Рассказываютъ, что почти по всѣмъ долинамъ, лежащимъ между возвышенностями описываемой мѣстности, протекають рѣчки, и тамъ, гдѣ есть источники, оказались фонтаны, устроенные турками. Въ настоящее время фонтаны эти оказались пригодными для русскихъ войскъ. Вблизи нихъ расположены походныя кухни, представляющія выкопанныя въ землѣ ямы.

Извѣстно, что нашъ севастопольскій герой генералъ Тотлебенъ находится теперь тоже подъ Плевной и усиленно занятъ осадными работами. Газеты передають, что онъ приказалъ прежде всего соединить всѣ осадныя батареи телеграфной линіей. Благодаря этому соединенію, получилась возможность стрѣлять по одной точкѣ залпомъ. Залпъ иногда, говорятъ, бываетъ разомъ изъ 90 орудій. Можно себя представить, что производить такой залпъ! Самъ генералъ Тотлебенъ указываетъ батареямъ, тоже при помощи телеграфнаго сообщенія, куда именно направлять ударъ. Такихъ залповъ дѣлается иногда по пяти и болѣе въ день. Послѣ такого залпа турецкая батарея, на которую онъ направляется, смолкаетъ и обращается въ груды развалинъ. Говорятъ, турки поражены такими дѣйствіями нашихъ батарей. Что-то Богъ дастъ дальше.

Вообще же говоря, работы подъ Плевной идутъ своимъ чередомъ, т. е. собственно мы говоримъ о военныхъ работахъ. Имъ заняты войска, находящіяся на передовыхъ позиціяхъ, на батареяхъ или въ ложментахъ, а остальные занимаются домашними работами: чинятъ платье, сапоги, моютъ бѣлье. Спокойствіе солдатъ удивительное. Кто не знакомъ съ основными чертами русскаго человѣка, тотъ даже и не повѣритъ возможности такого поразительнаго состоянія духа. И въ самомъ дѣлѣ, смотря на солдатъ, сидящихъ за своими „починками“, нельзя повѣрить, что это они подъ Плевной. Они точно дома расположились въ казармахъ. Тутъ и шутки, и смѣхъ, и острое слово. Иной поведетъ разговоръ о семьѣ, разгонитъ имъ всѣ шутки и смѣхъ и, смотришь, всѣ затаили грустную пѣсню „Калина съ малюшкой“, и слезы у нихъ на глазахъ, и залѣвало уже едва сдерживаетъ себя, чтобы неперервать на срединѣ и не зарыдать на всю компанію. Но онъ овладѣваетъ собой во время и, встретившись, точно сбрасываетъ съ себя сразу все охватившее его грустное настроеніе. Взыгнугивъ что есть духу и подернувъ плечами, онъ вдругъ быстро переменяетъ пѣсню, и всѣ поняли, что это такъ и слѣдуетъ, и всѣ подхватили его слова:

Ахъ, вы сѣни мой сѣни
Сѣни новыя мои!..

Иной почтенныхъ лѣтъ служивый, довольно уже пожившій на свѣтѣ, только руками взмахнетъ, смотря на своихъ молодыхъ собратьевъ. Огонь горячій! скажетъ онъ, одобрительно поглядывая на нихъ. Кончится и веселая пѣсня, разгонится унылое настроеніе и опять идетъ время своимъ чередомъ, пока не раздастся команда идти въ битву.

И идетъ солдатикъ въ бой, также какъ идетъ на парадъ, и умираетъ геройскою смертію.

Испуганное стадо рогатаго скота на пастбищахъ Новой Мексики.

Необозримыя луговныя равнины или степи Техаса и Поной Мексики, поросшія сочною травой, кормятъ десятки тысячъ полудикихъ быковъ и коровъ, скучившихся здѣсь громадными стадами. Животныя, составляющія эти стада, по обыкновенію, лѣнны, равнодушны, даже безучастны ко всему окружающему ихъ и ко всѣмъ величавымъ степнымъ явленіямъ. Лѣнны лежатъ они, или бродя тяжелымъ, переваливающимся шагомъ, щиплютъ сочный стеной кормъ. Однакожъ иногда достаточно самаго незначительнаго повода, чтобы привести въ страшный испугъ подобное лѣнны-пасущееся стадо. Тогда-то происходитъ бѣшеная скачка *) и пляска взбѣсившихся рогатыхъ обитателей степи. Является поразительная картина бѣшеннаго бѣга, взрывающаго рогами земли, рычанія... Все стадо несется, мчится, страшно, неудержимо—словно въ атаку на войнѣ. Никакая человѣческая сила не въ состояніи остановить этого бѣгства. Пастухамъ и сторожамъ взбѣшеннаго стада ничего болѣе не остается дѣлать, какъ предоставить полную свободу, пока животныя не „выбьются“ и не утихнутъ сами собою.

Подобная бѣшеная пляска и бѣгство стада случилось въ степной Америкѣ недавно—именно въ мартѣ 1877 г., вблизи Баске-Редондо въ Новой Мексики. Стадо, состоявшее изъ 3,000 техасскихъ быковъ и коровъ, согнанныхъ вмѣстѣ на ночь, для „штемпелеванія“ желѣзомъ и сортировки, вдругъ взбѣсилось и понеслось (этотъ моментъ и изображаетъ прилагаемый нами рисунокъ). Для лучшаго объясненія дѣла прибавимъ, что стада техасскихъ степей, не ноющія подъ кровлей ни одной ночи въ году, весной большею частью сгоняются вмѣстѣ на какое-нибудь поле. Здѣсь-то производится имъ счетъ, а молодыхъ

бычковъ и телокъ, еще не имѣющихъ мѣтки здѣсь клеймятъ (раскаленнымъ желѣзомъ)—для того чтобы ясна была принадлежность ихъ такому-то хозяину, потому что звуки штемпеля, которымъ клеймятъ шкуру животнаго, всегда засвидѣтельствованы каждымъ собственникомъ скота въ судебномъ мѣстѣ, и каждый хозяинъ долженъ клеймить принадлежащій ему скотъ. Не клейменная же скотина считается „безхозяйною“ и каждый имѣетъ право взять ее. Украсть же клейменную корову или быка считается большимъ и строго наказуемымъ преступленіемъ въ этой странѣ. При производствѣ на полѣ счета головъ скота, онъ сгоняется въ плотную кучу и огораживается толстыми жердями. Въ этой же загородкѣ клеймятъ не клейменныхъ животныхъ штемпелемъ ихъ собственника и назначаютъ ихъ для продажи или для убоя, и назначенныхъ тотчасъ же отдѣляютъ.

Было раннее утро (въ мартѣ, какъ мы сказали выше), туманъ покрывалъ необъятную степь. Кругомъ царилъ величавая тишина. Стадо по обыкновенію было согнано въ кучу и огорожено. Какъ вдругъ раздался вблизи плачевный крикъ осла... Нѣсколько быковъ стремглавъ, выскочили изъ-за загородки и понеслись по полю галопомъ. Затѣмъ бѣшено повывскакало и все стадо, пораженное паническимъ страхомъ—и черезъ минуту можно было видѣть только пеструю волнующуюся рычащую массу, быстро несущуюся вдаль и слышать страшный гулъ отъ коней. Земля тряслась, какъ будто отъ подземныхъ ударовъ, во время землетрясенія. Стадо ринулось на полевныя палатки, принадлежащія собственнику и, разумѣется, стопало и измяло ихъ, разбило въ дребезги двѣ огромныя фуры съ провіантомъ. Эти фуры разлетѣлись какъ сигарные ящики. Затѣмъ стадо стремительно пустилось вдоль берега рѣки Рио-Пекосъ. Пастухи тотчасъ замѣтили опасность, угрожающую скоту, потому что около ¼ часа, внизъ по теченію Рио-Пекосъ, она дѣлаетъ множество изгибовъ, берега ея становятся страшно круты и течение быстро. Пастухи, по этому бросились къ рѣкѣ и старались остановить на берегу хотя часть стада. Это до нѣкоторой степени имъ удалось. Но осталась огромная часть скота бѣшено домчалась до того мѣста, гдѣ начинается кругояръ берега и извилистое ложе рѣки. Животныя, скучившись, опрокинулись съ кругояра, съ высоты 14 футовъ, въ Рио-Пекосъ. Затѣмъ ринувшаяся съ берега задняя масса скота буквально раздавила и размяла прыгнувшихъ прежде, а этихъ въ свою очередь размяли задніе, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока ряды скота не порѣдѣли и услышать страшное предсмертное рычаніе своихъ сотоварищей, стали въ тулупъ. При этомъ 800 головъ рогатаго скота или утонуло, или размято и тяжело ранено во время бѣгства и послужило пищею коршунамъ, волкамъ и другимъ хищнымъ животнымъ. Скотъ же, возвратившійся живымъ, былъ до того тяжело израненъ, что его трудно было сейчасъ же убивать. Менѣе чѣмъ въ какихъ-нибудь полчаса, владѣтель стада лишился болѣе 1,000 головъ скота? А отъ чего? Смѣшно сказать! Отъ ослинаго крика!..

Дѣвушка съ плодами.

(Картина Тешендорфа).

Къ этой хорошенькой головкѣ дѣвушки можно обратиться съ стихами изъ Шиллера:

Ты свѣтла, какъ солнца отраженіе,
Что въ серебряномъ теченіи
Ручейка сверкаетъ, и весною
Смотритъ осень предъ тобой.

Таково обаяніе прекраснаго.

Другой поэтъ обращается къ красотѣ съ такими словами:

Я стремлюсь вѣчно юной душою
И всѣмъ сердцемъ къ твоей красотѣ:
Въ ней сказалась жизнь предъ мной
Въ безграничной своей полнотѣ...
Ты вливаешь мнѣ въ сердце блаженство,
Въ мою душу прозрѣнье и свѣтъ.

Этотъ же поэтъ въ другомъ своемъ стихотвореніи обращается къ красотѣ слѣдующую рѣчь:

Нѣтъ для меня, Левконой, и тѣла безъ вѣчнаго дужа,
Нѣтъ для меня, Левконой, и духа безъ стройнаго тѣла...
Въ выпуклыхъ линіяхъ формъ, изваянныхъ Богиней Природой,
Душу и дѣлаю жизнь, и поэму созданья читаю...

Онъ проситъ ее принести

«Сытныя снѣди, и весельемъ кипящія вина,
И ароматы, и мудраго мужа Платона творенья.

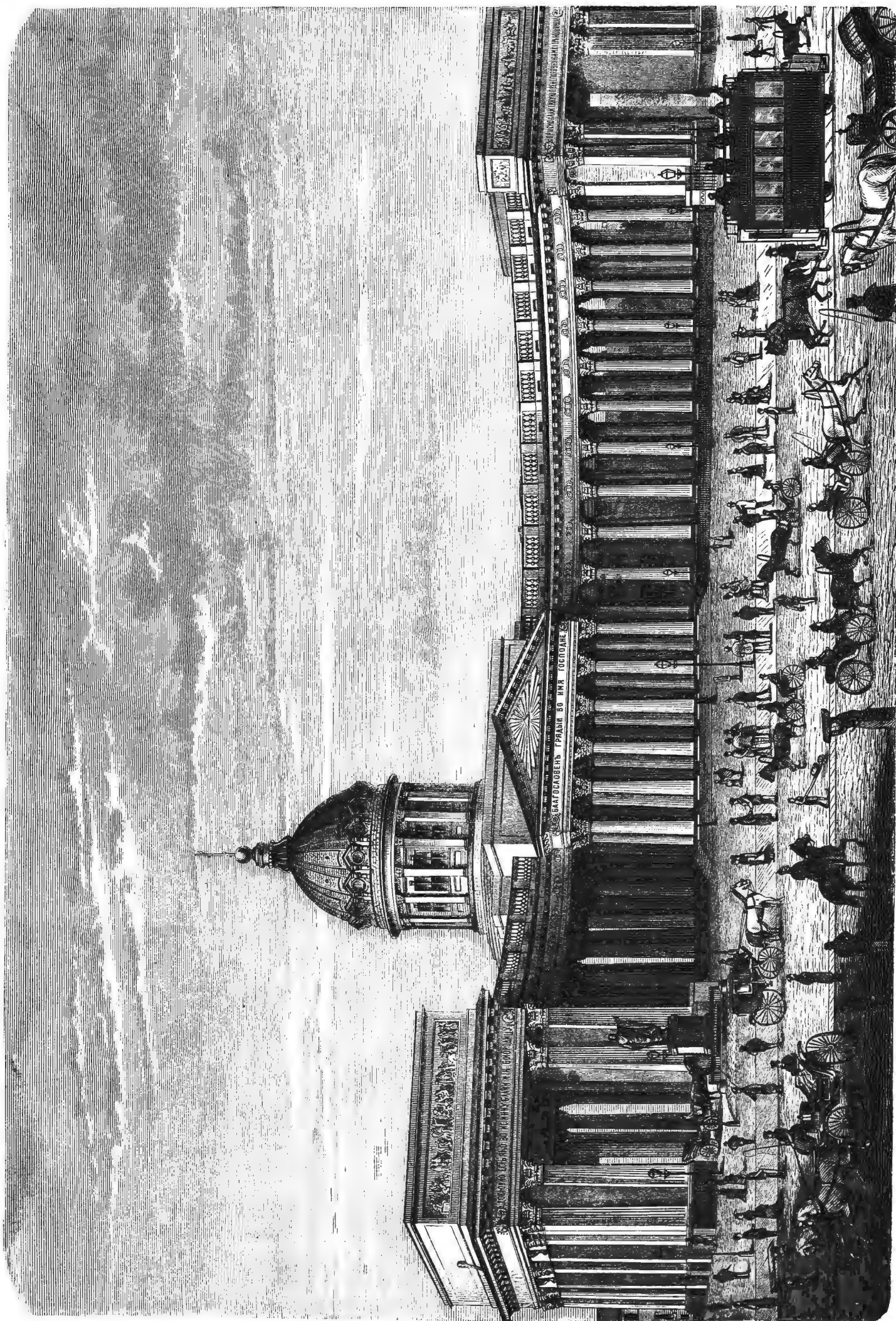
Изъ этого слѣдуетъ, что для наслажденія жизнью необходима и „мудраго мужа Платона творенья“.

Беремъ въ заключеніе еще нѣсколько строкъ изъ поэта Шиллера, который достоинства женщины опредѣлилъ слѣдующими словами:

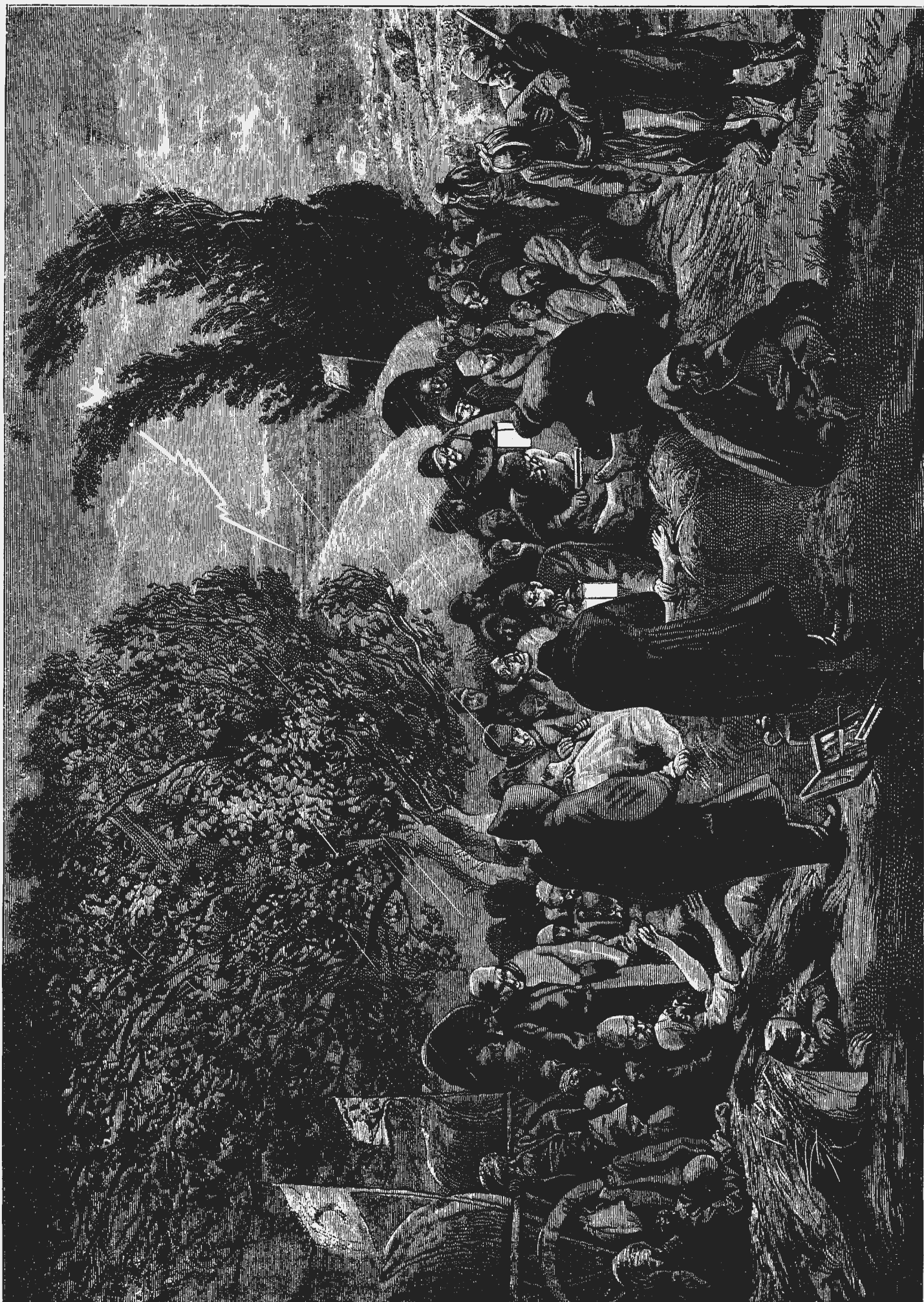
„Женщина лаской, мольбой и привѣтомъ
Свянтръ благонравія держитъ надъ свѣтомъ...
Женщинѣ только одна лишь нужна добродѣтель—и съ нею
Будетъ повсюду она сердце и взоры лѣннать.“

Люб.

*) Названіе этой бѣшеной скачки быковъ stampede происходитъ отъ англійскаго слова «stamp» — топтать ногами.

Общій видъ Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ. Рис. А. Ваньюра, грав. Бренд'Амуръ.

Перевязочный пункт и походный турецкий лазаретъ. По рисунку въ „Illustr. London News“, гравъ Рашевскій.

Казанскій соборъ въ С.-Петербурѣ.

Съ постройкой въ Петербургѣ великолѣпнаго Исаакіевскаго собора, Казанскій соборъ сталъ второстепеннымъ храмомъ и красота его архитектуры уже не плѣняетъ насъ въ той степени, въ какой она плѣняла петербуржцевъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Тогда отъ этой постройки были всѣ въ восторгѣ и кромѣ того она льстила пародному самолюбію: этотъ храмъ былъ воздвигнутъ одними русскими, безъ всякаго участія иностранцевъ, по проекту русскаго же строителя *Воронижина*; художники, писавшіе образа, были также исключительно русские: Боровиковскій, Шебуевъ, Егоровъ и Безсоновъ; кромѣ того всѣ строительные материалы, употребленные для зданія, были отечественные. Это обстоятельство, по словамъ Свинына, автора панорамы Петербурга, сдѣлало глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Тогда же извѣстный пѣтъ Хвостовъ посвятилъ цѣлое стихотвореніе въ честь новаго храма. По его словамъ:

„Здѣсь собраны искусствъ громады,
Пребудутъ вѣкъ въ числѣ чудесъ.

Но нынѣ мы уже слишкомъ избалованы разными чудесами, такъ что такая чудеса въ родѣ цѣльныхъ колоннъ, удивившія Свинына и Хвостова, на насъ уже не производятъ особеннаго впечатлѣнія; но по силѣ своего архитектурнаго значенія, Казанскій соборъ воскрешаетъ въ каждомъ русскомъ такія дорогія, историческія воспоминанія, которыя, конечно, никогда не изгладятся изъ народной памяти. На мѣстѣ нынѣшняго собора уже въ 1710 году стояла небольшая часовня, которая въ 1712 году была обращена въ церковь во имя Рождества Богородицы. Въ 1737 г. сюда перенесли изъ Троицкой церкви, что на Петербургской сторонѣ, чудотворную икону Божіей Матери и съ тѣхъ поръ по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны церковь стала называться Казанскою.

Постройка собора въ большихъ размѣрахъ предпринята была еще Императоромъ Павломъ I. Самая же закладка совершилась уже въ 1802 году съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи Государя и всей августѣйшей фамиліи. Постройка тянулась довольно долго и потребовала издержекъ до четырехъ милліоновъ рублей и лишь въ 1811 году, въ день празднованія коронаціи, состоялось освященіе собора. Вскорѣ началась отечественная война и новый храмъ сталъ нѣкоторымъ образомъ участникомъ великихъ событій. Помолвившись здѣсь, отправился масгитный полководецъ защищать отечество, въ этомъ же храмѣ онъ нашелъ для себя мѣсто вѣчнаго успокоенія подъ сѣнью добытыхъ имъ трофеевъ.

Казанскій соборъ по постройкѣ—снимокъ въ миниатюрѣ съ знаменитаго храма Петра и Павла въ Римѣ. Внутреннее расположеніе храма крестообразное, длиною въ 233 и шириною 26 сажень. Куполь освѣщается шестнадцатью окнами и высота его отъ полу, съ крестомъ, болѣе 33 сажень. Внутренняя колоннада, идущая отъ четырехъ подвальныхъ столбовъ, къ алтарю и тремъ главнымъ входамъ, состоитъ изъ 56 цѣльныхъ колоннъ, вышиною въ 4 сажени, высѣченныхъ изъ финскаго гранита. По словамъ Свинына, ни величественный Римъ, ни великолѣпная Аены не имѣли ничего подобнаго. Иконостасъ собора весь серебряный, чеканный, пожертвованный донскимъ войскомъ изъ добычи, отбитой у неприятеля въ памятномъ 1812 году. Самая высокая драгоцѣнность собора—это знаменитая святыня, чудотворный образъ Казанской Божіей Матери. Эта икона была перенесена въ 1519 г. изъ Казани въ Москву по повелѣнію царя Іоанна Васильевича, а въ 1721 г. была привезена Петромъ Великимъ въ новую столицу и водворена въ Троицкой церкви, что на Петербургской сторонѣ. Нынѣ эта икона вся обвѣшана различными драгоцѣнностями, такъ что стоимость всѣхъ ея украшеній опредѣляютъ болѣе нежели въ 100,000 рублей. Кромѣ того въ Казанскомъ соборѣ находится еще другая чудотворная икона Божіей Матери Ченстоховской, перенесенная сюда въ 1813 году по взятіи крѣпости Ченстохова въ Царствѣ Польскомъ. Главный фасадъ собора украшенъ порталомъ, состоящимъ изъ массивныхъ колоннъ, высѣченныхъ изъ пудожскаго камня. Въ порталѣ, выходящемъ къ Невскому, поставлены колоссальныя бронзовыя фигуры св. Іоанна крестителя, Андрея Первозваннаго, князя Владиміра и Александра Невскаго, отлитыя Екимовымъ. Въ этомъ же порталѣ замѣчательна входная бронзовая дверь, сдѣланная по образцу знаменитой двери балтистерія флорентскаго собора.

На площади передъ соборомъ поставлены памятники героямъ отечественной войны: Кутузову и Барклаю-де-Толли, работы Мартоса. Эти фигуры хотя и не отличаются особенно изысканной отдѣлкой, но за то имѣютъ то достоинство, что онѣ представляютъ намъ нашихъ отечественныхъ полководцевъ въ костюмѣ ихъ времени, а не облаченными въ рыцарскіе доспѣхи или римскую тогу.

Полюбовавшись изображеніями знаменитыхъ вождей, можно войти въ храмъ и осмотрѣть трофеи, добытые на полѣ брани. Въ Казанскомъ соборѣ хранится 157 знаменъ французскихъ и 7 персидскихъ, взятыхъ въ 1812, 1813 и 1829 годахъ. Здѣсь же висятъ ключи отъ взятыхъ крѣпостей и городовъ и сохраняется жезлъ маршала Даву. Постоянно цѣлмыя толпы богомольцевъ

ходятъ по собору и любуются этими трофеями побѣдъ русскаго оружія или стоятъ въ раздумьѣ около могилы Кутузова. Здѣсь, около этой могилы, певольно вспоминаешь слова поэта:

„Предъ гробницею святою
Стою съ поникшею главою...“

Н.

Турецкій перевязочный пунктъ.

Шумъ и вой вѣтра, унылый скрипъ раскачиваемыхъ имъ деревьевъ, дождь, грязь непролазная и холодъ, холодъ... И нѣтъ кругомъ никакого пріюта, гдѣ бы можно было укрыться отъ холода и дождя!.. Вдали видѣется что-то похожее на человѣческую жилища, но эти жилища въ пламени и оттуда доносятся гулъ и грохотъ пушечной пальбы: тамъ идетъ еще бой.

Оттуда-то, съ мѣста этого бою, доставляютъ сюда, на это безпріютное мѣсто, раненыхъ.

Это турецкій перевязочный пунктъ.

Давно уже стемнѣло, давно уже доктора и турецкіе и англійскіе (этихъ послѣднихъ всего больше въ турецкихъ лагеряхъ) устали и измучились, дѣлая раненымъ перевязки; но дѣло ихъ не уменьшается, а напротивъ, съ каждой минутой, увеличивается.

Бой еще не близокъ къ концу, а только входитъ въ самый разгаръ... Раненые все прибываютъ и, Боже, въ какомъ ужасномъ видѣ! У одного оторваны ноги, у другого руки, тутъ оторвана нижняя челюсть, тамъ вырвано нѣсколько реберъ... Стоятъ, крики, плачь, и кровь, кровь!..

И нѣтъ другого мѣста, гдѣ бы можно положить этихъ несчастныхъ,—только одна сырая, холодная земля. Сваливаютъ ихъ на эту землю и лежатъ они по два и по три часа, дожидаясь перевязки ранъ... Многие умираютъ, не дождавшись эгого... И не одинъ, стонущій отъ жесточайшей боли, проситъ, какъ милости,—смерти...

Измучился докторъ, не переставая цѣлый день работавшіе надъ ранеными, и не слышатъ они стоны и просьбы несчастныхъ и слышать не могутъ: цѣлый день они въ крови, цѣлый день они все рѣжутъ и рѣжутъ и все еще не видятъ конца рѣзанью...

Вотъ кладутъ передъ ними какую-то странную массу, у которой уже признаки подобія человѣческаго утратились: рука и илечо, часть груди, и часть головы, все снесено осколками гранаты и окровавленное виситъ клочьями...

Нѣтъ уже ни стоны, ни просьбы, ни роптанія.

— Отложите въ сторону: кончится самъ собою чрезъ нѣсколько минутъ...

Несутъ массу въ сторону, на смѣну ей готова другая и не одна, не двѣ, а десятки, сотни... Слышатся глухіе стоны, вопли.

— Тише, тише, не вернись: легче отъ этого не будетъ.— Подержите-ка его покрѣпче...

Докторъ быстро работаетъ ножомъ; кровь летитъ ручьями и чрезъ нѣсколько секундъ у раненаго уже нѣтъ руки, а минутой спустя, его уже снесли въ сторону, положили на землю, за неимѣніемъ другого болѣе удобнаго мѣста, и докторъ, уже работаетъ ножомъ надъ другимъ раненымъ.

Стонъ, вопли, слезы и смерть во всемъ ея неприглядномъ, отталкивающимъ видѣ.

И вдругъ среди утомленной и измученной массы народа, ухажиающаго за ранеными, поднимается ужасная тревога. На лицахъ виденъ испугъ, одинъ бросается къ другому, ница отвѣта своимъ сомнѣніямъ,

— Что? Что такое случилось?

— Адьютантъ прискакалъ... Отступаемъ... Близко неприятель...

Шумъ, крики, стоны—и страшная, невообразимая суета. Тащатъ на воза раненыхъ, не смотря на ихъ стоны и вопли... Не обращаютъ вниманія въ суетѣ даже на то, живого-ли раненаго тащатъ или уже умершаго; сваливаютъ ихъ кой-какъ въ телеги... И чрезъ нѣсколько времени чрезъ то мѣсто, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, мчится неприятельскій отрядъ и скачутъ кони по трунамъ, не разбирая, трупы ли это или еще есть въ нихъ жизнь...

Таковы ужасы войны!

Если бы знаменитый авторъ „Божественной комедіи“ Данте Алигieri (род. въ 1265, ум. 1321 г.) жилъ въ наше время, то незачѣмъ было бы ему спускаться въ глубины ада для того, чтобы видѣть, какъ люди мучатся. Войны нашего времени и ужасы, ими производимые, показали бы ему тысячи мученій, неизмѣримо ужаснѣйшихъ въ сравненіи съ тѣми, какія онъ представилъ въ своемъ адѣ.

Несомнѣнно, что въ то время, когда онъ писалъ свою Божественную комедію, ни ему, ни его современникамъ не приходило въ голову мыслить о томъ, что будетъ на землѣ такое время, когда картины адскихъ мукъ, изображенныхъ въ сочиненіи Данте, потускнѣютъ въ сравненіи съ тѣми мученіями, которыя выпадаютъ на долю многихъ раненыхъ.

Такъ страдаютъ раненые и не одни только турецкіе раненые, но и наши русскіе... Правда у турокъ санитарная часть вообще устроена хуже, чѣмъ у насъ. У нихъ меньше и ухода за ранеными, меньше они и вниманія обращаютъ на нихъ, хотя и имѣютъ достаточно услугъ со стороны своихъ друзей, англичанъ. Услугъ этихъ оказывается недостаточно, нѣтъ въ

самомъ дѣлѣ возможности довести помощь всѣмъ раненымъ до того, чтобы ихъ раны надлежащимъ образомъ и своевременно были перевязаны, сами они накормлены и отправлены куда слѣдуетъ.

Такъ, напримѣръ, рассказываетъ докторъ-очевидецъ, что на перевязочномъ пунктѣ наши русскіе раненые складывались прямо на сырую землю, просто въ грязь, и лежали въ ней часа по два, по три.

— Но позвольте, докторъ, какъ же возможно допускать такое ужасное невниманіе... Вѣдь это... это...

— Это необходимость,—поясняетъ спокойно докторъ,— печальная необходимость—и только!

— Но у нихъ въ ранахъ пули?

— Да... бываетъ!

— Вѣдь это вредно, это-то и есть самое опасное.

— Конечно, это опасно... и очень вредно отражается потому на ходѣ лѣченія...

— Такъ для чего же вы не слѣшите оказывать помощь?

— Мы слѣшимъ. Но не успѣваемъ.

Докторъ отвѣчаетъ не торопясь, спокойно и не волнуясь. Онъ, насмотрѣвшійся вдоволь на страданія раненыхъ и наслушавшійся ихъ стоновъ, конечно, не будетъ волноваться отъ нашихъ настойчивыхъ распросовъ.

— Слѣдовательно, докторъ, нужно большее число санитаровъ и докторовъ.

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше...

— И это, разумеется, можетъ облегчить положеніе раненыхъ...

— Да, конечно, можетъ въ нѣкоторой степени...

— Неужели же только въ нѣкоторой степени. Отчего же такъ, отчего же нельзя устроить положеніе раненыхъ иначе, лучше...

— Да, когда ихъ немного, то отчего же... Можно. Но когда много, тогда трудно... Я разумѣю физическую невозможность помочь сразу всѣмъ... Война, сама по себѣ, есть величайшее изъ несчастій, хотя и неизбежное... Не будетъ войны, не будетъ и ужасовъ ея, будетъ война, будутъ и ея ужасы...

Помолчалъ докторъ, вздохнулъ и рассказываетъ такъ:

Иной разъ на перевязочномъ пунктѣ имѣется докторовъ и мѣсть только на сто раненыхъ, а ихъ вдругъ по ходу сраженія оказывается двѣ, три тысячи... Подводы всѣ, какія только были и какія только могли быть употреблены въ дѣло, взяты и отправлены уже съ перевязочнаго пункта, мѣста всѣ, какія только были возможны для складыванія раненыхъ, заняты... а раненые еще все прибываютъ... Дождь идетъ, вѣтеръ воеетъ, ночь, темно кругомъ—нѣтъ мѣста свободнаго нигдѣ, а раненыхъ все еще несутъ одного за другимъ съ поля битвы, несутъ безъ рубашки, безъ сюртука, безъ шинели и въ такомъ видѣ безъ всякой прикрышки кладутъ въ грязь...

— Прикрыли бы хотя чѣмъ...

— Печѣмъ: все что было запасено употреблено уже въ дѣло.

— Значитъ, не нужно солдатъ пускать въ бой безъ шинелей.

— Да это тоже не всегда возможно, во первыхъ потому, что днемъ нестерпимый жаръ, а во вторыхъ во время боя не до шинели... Помочь этой бѣдѣ,—заключаетъ докторъ,—можно только превращеніемъ войны, а это уже не въ нашей власти, да и едва-ли во власти какого либо одного человѣка... Для этого, видимо, еще не наступило время...

Но наступитъ ли оно когда нибудь? На вопросъ этотъ, есть между прочимъ отвѣтъ у Бокля, въ его „Исторіи цивилизаціи“. Онъ говоритъ, что война въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ умственномъ развитіи человечества не будетъ. Онъ указывалъ въ этой исторіи на нашу севастопольскую войну и намекалъ, что

она произошла собственно по причинѣ столкновенія двухъ *нецивилизованныхъ* странъ—Россіи и Турціи; у странъ же, стоящихъ значительно выше въ умственномъ отношеніи, столкновеніе интересовъ, по его мнѣнію, не можетъ уже доходить до войны. Такъ говорилъ знаменитый историкъ и его заключеніе оказалось какъ разъ прогивоположнымъ дѣйствительности. Не прошло и десяти лѣтъ послѣ этого авторитетнаго заключенія, какъ между *цивилизованными* странами произошли кровопролитныя сраженія: Австрія дралась съ Пруссіей и потомъ Пруссія дралась съ Франціей.

Оказалось, что слишкомъ много значенія авторъ придавалъ цивилизаціи. Оказалось, что она пока не измѣняетъ свойствъ человеческой природы... И кто знаетъ: не будетъ ли человѣкъ до конца міра во многихъ отношеніяхъ такимъ, какимъ онъ былъ при его началѣ?

Ор.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ОБРУЧЕВЪ

Генераль-лейтенантъ Николай Николаевичъ Обручевъ родился въ 1830 году, воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1848 г. былъ выпущенъ въ лейбъ-гвардію Измайловскій полкъ. Въ 1852 г. онъ поступилъ въ Императорскую военную Академію (нынѣ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба), въ которой окончилъ курсъ по 1-му разряду и имя его было вписано на мраморной доскѣ. Переведенный въ Генеральнѣйшій Штабъ, съ назначеніемъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской дивизіи, Николай Николаевичъ началъ свою дѣятельность на военномъ ученѣмъ поприщѣ. Сначала онъ былъ адъютантъ-профессоромъ по военной статистикѣ въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, а затѣмъ—профессоромъ по кафедрѣ того же предмета. Въ 1859 году Николай Николаевичъ былъ произведенъ въ полковника и назначенъ начальникомъ дивизионнаго штаба. Въ 1861 году онъ принималъ участіе въ военно-ученомъ комитетѣ, въ званіи дѣлопроизводителя и члена, а потомъ, по производствѣ его въ генераль-майора, въ званіи управляющаго дѣлами означеннаго Комитета. Въ 1871 году Николай Николаевичъ былъ зачисленъ въ свиту Его Величества.

Знаніе военнаго дѣла и серьезное стремленіе къ его дальнѣйшей разработкѣ и усовершенствованію выразились и въ литературныхъ трудахъ Николая Николаевича. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій по этому предмету, такъ, напримѣръ, „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства по 1725 г.“, „Опытъ исторіи военнаго искусства въ Россіи“ и т. п.

Эти же знанія вводятъ Николая Николаевича въ участіе во многихъ преобразовательныхъ работахъ по военному вѣдомству, а именно: онъ участвовалъ въ распорядительныхъ работахъ по переписи военнаго населенія столицы 10-го декабря 1869 г., въ коммисіяхъ объ организаціи войскъ, для разработки новаго положенія о воинской повинности въ имперіи и Царствѣ Польскомъ, за симъ въ коммисіяхъ по составленію новаго положенія о запасныхъ, мѣстныхъ и резервныхъ войскахъ и о государственномъ ополченіи.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что планъ военныхъ дѣйствій на малоазіатскомъ театрѣ войны, благодаря которому была разбита армія Мухтара-наши, былъ составленъ генераль-лейтенантомъ Николаемъ Николаевичемъ Обручевымъ. Есть слухъ, что въ настоящее время, послѣ пораженія Мухтара-наши, генераль-лейтенантъ Н. Н. Обручевъ съ Малоазіатскаго театра войны отозванъ въ штабъ дѣйствующей арміи на Дунаѣ.

С М Ъ С Ъ .

НЕСЧАСТНОЕ БОГАТСТВО.

(Изъ дѣйствительной жизни).

Недавно хоронили въ Берлинѣ почтенную восьмидесятилѣтнюю женщину. Длинный рядъ траурныхъ экипажей тянулся за печальной колесницей, принадлежавшей къ „перворазряднымъ“. Все указывало на то обстоятельство, что покойная барыня обладала изряднымъ богатствомъ, но одно бросалось въ глаза—въ толпѣ провожавшихъ не было ни одного печальнаго лица, ни одной пары заплаканныхъ глазъ... Значитъ, некому было и поплакать по усопшей. И дѣйствительно, за гробомъ шли не родные покойницы, а представители, депутаты и члены разныхъ институтовъ и учрежденій, къ которымъ, какъ лицамъ юридическимъ, черезъ нѣсколько времени должно было перейти громадное состояніе умершей. Покойная Августа В* была послѣдней представительницей несчастнаго семейства, надъ всѣми членами котораго тяготѣло страшное проклятіе.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ одинъ бѣднякъ еврей, по фамили Гиршъ, долженъ былъ, по приговору суда, развестись съ своею женою—богачею. Когда раввинъ сообщилъ ему, въ присутствіи жены, вердиктъ суда, Гиршъ, обратившись къ освобожденной супругѣ своей, спокойно произнесъ: „Проклинаю тебя. Ты и всѣ тѣ, кому по наслѣдству достанется твое

богатство, умрутъ насильственною смертію. „Аминь, аминь, аминь!“ Проговоривъ эти слова, Гиршъ повернулся и ушелъ. Сдѣлавшись въ послѣдствіи вице-коллекторомъ при лоттерейхъ (въ то время крайне тяжелая и неблагодарная должность), онъ честно зарабатывалъ свой хлѣбъ и умеръ бѣднякомъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его смерти, въ Берлинѣ разнесся слухъ о страшномъ убійствѣ—и слухъ этотъ оправдался: г-жа Гиршъ была убита въ собственной своей квартирѣ на Вальштрассе. Несчастная, какъ видно, долго и отчаянно боролась съ злодѣями, потому что вся постель была разворочена, а на тѣлѣ ея оказались ссадины, подтеки и раны; нѣсколько зубовъ было выбито, другіе еле держались; тутъ же были найдены два откушенныхъ пальца. Полицейскій смѣщикъ Дункеръ, гроза тогдашнихъ берлинскихъ воровъ и мазуриковъ, очень скоро открылъ виновныхъ: преступленіе было совершено камерюнгферой г-жи Гиршъ, дѣвушкой невѣстой, которой въ этомъ дѣлѣ помогъ женихъ ея. Виновные были преданы суду и понесли заслуженное наказаніе. Громадное состояніе г-жи Гиршъ перешло въ руки двухъ ея сиротъ, людей уже самостоятельныхъ. Старшій, будучи землевладѣльцемъ, жилъ въ имѣніи своемъ въ окрестностяхъ Берлина, второй былъ любимымъ доцентомъ въ Берлинскомъ университетѣ. Землевладѣлецъ Гиршъ, женихъ дочери адвоката Л*, по случаю страшной

смерти матери своей, отложить свадьбу на полгода, но этому браку не суждено было состояться и по прошествии этого срока жених умер за несколько дней до венчания—павъ жертвою несчастнаго случая. Осматривая кое-что по хозяйству, онъ наткнулся на дворѣ на бѣшеную собаку, которая страшно укусила его, почти растерзала; сбѣжались люди, но уже было поздно... Доцентъ Гиршъ сдѣлался такимъ образомъ обладателемъ всего богатства; оно снова попало въ одѣ руки. Познакомившись въ домѣ своего пріятеля съ дочерью богатаго коммерціи совѣтника Ц*, молодой Гиршъ влюбился въ нее и обвѣнчался съ нею. Новобрачные поселились въ великолѣпной квартирѣ въ одномъ изъ домовъ на Доротеенштрассе. Коммерціи совѣтница Ц* переѣхала къ нимъ. Счастье улыбалось молодымъ супругамъ. Прошло нѣсколько времени и д-ръ Гиршъ долженъ былъ отправиться въ Марбургъ, куда его вызвали; онъ уѣхалъ, оставивъ молодую жену беременною, уѣхалъ однако съ тѣмъ, чтобы непременно вернуться къ тому времени, когда присутствіе его, какъ мужа и доктора, будетъ необходимо. Хотѣлось ему раньше возвратиться, но нѣкоторые обстоятельства задерживали его въ Марбургѣ, приходилось нѣсколько разъ откладывать отъѣздъ, — наконецъ онъ получилъ письмо отъ тещи. Теща убѣдительно просила его все бросить и ѣхать скорѣе къ женѣ, которая скоро уже должна сдѣлать матерью. Заказавъ экстренный поѣздъ, будущій отецъ полетѣлъ въ Берлинъ и, черезъ нѣсколько часовъ былъ уже въ Доротеенштрассе, но—увы, тамъ все уже было кончено: онъ увидѣлъ два трупа, одинъ—жены, другой—младенца. На четвертый день послѣ похоронъ умеръ и несчастный вдовецъ... Говорятъ, что онъ самъ покончилъ съ собой, а официально было объявлено, что д-ръ Гиршъ скончался отъ паралича сердца. Въ роскошныхъ покояхъ опустѣвшей квартиры осталась одна коммерціи совѣтница, какъ единственная наследница громаднаго состоянія. Живя безъ прислуги (къ ней только по утрамъ приходила женщина, исполняла что нужно и уходила), эта богатая дама вела какой-то странный образъ жизни, стала нелюдимою, затворницей, почти помѣшанной. Прошло три мѣсяца со дня смерти зятя г-на Ц*, и вотъ однажды утромъ къ хозяину дома явилась служанка и заявила, что коммерціи совѣтница уже

Генераль-лейтенантъ Николай Николаевичъ Обручевъ.

Грав. Вейерманъ.

другой день не отворяетъ двери своей комнаты..... „Уж не случилось-ли, молъ, тамъ чего?“... Дали знать полиціи. На трехкратный стукъ отвѣта не послѣдовало; выломали дверь, вошли въ квартиру и увидѣли г-жу Ц*. въ такомъ положеніи: она полулежала у дверей, повисившись на бичевкѣ, прикрѣпленной къ ручкѣ замка. Фактъ самоубійства былъ доказанъ и затѣмъ приступили къ описи имущества. Не малаго труда стоило выдвинуть огромные ящики комодовъ, въ этихъ ящикахъ лежали цѣлыя груды золотыхъ и серебряныхъ монетъ! Въ теченіи двухъ дней нѣсколько чиновниковъ считали наличныя деньги и насчитали 56,800 талеровъ, все же остальное имущество было оцѣнено въ 250,000 тал.

Въ маленькомъ городкѣ, на границѣ Познани и Пруссіи, въ Бромбергскомъ округѣ, проживалъ въ то время торговецъ еврей, по имени и фамиліи Иона Пикрунъ. Счастьемъ его жизни были жена и двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка. Все имущество его, можно сказать, состояло изъ лошади и телѣжки. Разѣзжая по деревнямъ, онъ покупалъ разные продукты у крестьянъ и продавалъ этотъ товаръ въ своемъ родномъ городишкѣ. Иона пользовался репутаціею честнаго купца. Вотъ этотъ-то Иона оказался дальнимъ родственникомъ умершихъ Гиршей—судьбѣ утѣдно было сдѣлать его единственнымъ на-

слѣдникомъ богатства, оставшагося послѣ коммерціи совѣтницы Ц*. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ счастьемъ, Пикрунъ отправился въ Берлинъ, гдѣ скоро и получалъ все, по описи. Увѣдомивъ „своихъ“ самымъ радостнымъ письмомъ о благополучномъ окончаніи дѣла по вводу во владѣніе, Иона соблаговѣшилъ женѣ, что вернется домой въ слѣдующую пятницу и просилъ выслать ему въ Бромбергъ лошадь съ телѣжкой. Пора была зимняя, смеркалось рано, а Пикрунъ, какъ благочестивый еврей, хотѣлъ непременно быть дома до начала шабаша, поэтому онъ велѣлъ работнику гнать лошадку. Совѣтъ уже стемнѣло, когда Иона добрался до послѣдняго шлагбаума. Шлагбаумъ былъ спущенъ. Крикнувъ сборщика и уплативъ ему шоссейныя деньги, еврей крикнулъ работнику „трогай!“! Но лошадь, влѣсто того, чтобы двинуться впередъ, поддалась назадъ, а сборщикъ, не замѣтившій этого, снова опустилъ только что поднятый шлагбаумъ и—тяжелое бревно упало прямо на голову Ионы, который даже и не крикнулъ, свалившись замертво съ телѣжки... Чуть живого привезли его домой, а на слѣдующую ночь онъ умеръ. Вдова Пикрунъ, съ обоими дѣтьми и сестрой, единственной родственницей своей, переѣхала въ Берлинъ, гдѣ и купила красивый, барскій домъ въ Тиргартенштрассе. Черезъ годъ ее постигло ужасное несчастье: дѣти

ей, дочь и сынъ, вывалились изъ окна и разшиблись до смерти; спустя еще годъ сама злосчастная мать утокнула въ купальнѣ. Сестра и единственная наследница огромнаго состоянія покойной и была та самая Августа Б*, которая прожила 80 лѣтъ. Еще задолго до смерти вдовы Пикрунъ, вовсе не разсчитывая сдѣлаться ея наследницей, Августа Б* приняла христіанскую вѣру. Любовь къ архитектору Сольдану заставила ее сдѣлать этотъ шагъ, но архитекторъ скоропостижно умеръ и Августа дала обѣщаніе не выходить замужъ. Правда, эта почтенная дама умерла въ глубокой старости, но причиною ея смерти все-таки былъ несчастный случай: однажды, когда она сидѣла у окна, желѣзный пруть отъ стѣны упалъ ей прямо на голову; отъ этого удара образовалась рожистая опухоль, которая и свела старуху въ могилу...

Не правда-ли, какое странное сдѣленіе случайностей? Но почему же нельзя приписать все достовѣрныя обстоятельства этого разсказа чему либо

другому, кромѣ случайности?.. Но чему же другому? Это во-просъ, на который также трудно отвѣтить.

Генеральское жалованье. Изъ одного письма Флавія Вопискуса къ императору Валеріану видно, какое содержаніе получалъ въ то время отъ казны римскій генераль (tribunus militum), начальникъ легіона, а именно: ежегодно деньгами получалъ онъ 100 золотыхъ Антоніевъ, 1000 серебрян. Авреліановъ и 10,000 мѣдныхъ динарій, всего на наши деньги до 5000 руб. сер., что въ наше время равняется суммѣ въ 100,000., р. с., затѣмъ—ему давали пару красныхъ казановъ, два галльскихъ плаща, двѣ пары позатяннаго нижняго платья съ узорами изъ золотыхъ нитей и большую серебряную миску, съ крышкою ажурной работы, вѣсомъ въ 10 фунт. (римскій фунтъ libra=12 унціямъ). Изъ провинціи генералу назначалось: ежедневно 1 ф. говядины, 6 ф. свинины, 10 ф. козлятины или баранины, половину пѣтуха, 2/3 кружки праванскаго масла и около 8 кружекъ стараго вина. Говяжьего жиру, соли, овощей и топлива бралъ онъ столько, сколько ему нужно было. Квартира была также казенная, приличная генеральскому сану.

(Продолженіе на стр. 725, 726, 727 и 728).

Ночная работа въ русскихъ траншеяхъ при Плевнѣ. Рис. Кившенко, грав. Вейерманъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ, ВОЕННЫЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Важѣйшими нашими успѣхами на прошлой недѣлѣ было взятіе весьма важныхъ позицій у *Горнаго Дубняка* 12 октября, и взятіе Телиша, случившееся черезъ четыре дня послѣ рѣшительнаго дѣла у Горнаго Дубняка, т. е. 16 (28) октября. При взятіи Телиша мы захватили въ плѣнъ 7 турецкихъ ротъ, 1-го пашу и нѣсколько офицеровъ, а также 3 пушки. Что касается перваго дѣла, то оно должно быть причислено къ разряду «блистательнѣйшихъ» дѣлъ текущей войны, не смотря на то, что побѣда обшлась намъ дорогою цѣною. Наша потеря при этомъ оказалась въ 2,500 человекъ убитыми и ранеными. Но затѣмъ, только въ концѣ прошлой недѣли могли быть официально сообщены подробности о сраженіяхъ 12 и 16-го октября. Взято нами въ томъ и другомъ дѣлѣ, въ плѣнъ 13 таборовъ пѣхоты, 5 эскадроновъ кавалеріи и 7 орудій, всего до 7000; въ этомъ числѣ 2-хъ пашей, до 200 офицеровъ, 3 англичанина (1 изъ нихъ полковникъ турецкой службы и 2 доктора) далѣе—1 французъ, служившій въ турецкой арміи волонтеромъ. Эти оба пораженія, нанесенныя нами туркамъ 12-го и 16-го, произвели сильное впечатлѣніе на оттоманскую армію. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь деморализация ея возрастетъ и число бѣглецовъ увеличится. Что для этой деморализации есть уже давно элементы,—мы видѣли изъ отдѣльных эпизодовъ плевенской осады, о которыхъ и сообщали прежде. Въ частности теперь пораженія турецкой арміи при Дубнякѣ-Телишѣ сказываются тѣмъ, что изъ Радомирцевъ *) бѣжалъ Шевкетъ-паша съ 12-ю таборами, испугавшись единственно нашего конно-гренадерскаго развѣзда. Наша кавалерія его преслѣдовала.

Не можемъ не упомянуть здѣсь, что въ дѣлѣ при Телишѣ особенно отличился нашъ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, изрубившій 150 конныхъ башбузуковъ и черкесовъ, и затѣмъ атаковавшій пѣхоту. Потеря наша въ этой молодецкой схваткѣ убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ до 50 человекъ. При этомъ былъ легко раненъ командующій лейбъ-гвардіи гродненскимъ гусарскимъ полкомъ принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій.

Бѣгство Шевкета-паши изъ Радомирцевъ еще больше теперь затрудняетъ положеніе защитниковъ Плевны, потому что отрядъ генерала Гурко можетъ теперь сосредоточить свое вниманіе на тылѣ Османа-паши. Здѣсь же самый слабый пунктъ плевенскихъ позицій. Отмѣтимъ здѣсь тотъ знаменательный фактъ, что во время пораженія нами турокъ при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ 12 и 16 октября Османъ-паша оставался въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ. Очевидно, что все вниманіе турецкаго военачальника при этомъ сосредоточивалось на фронтѣ. Именно здѣсь происходитъ самая опасная для Османа-паши дѣятельность. Осадныя работы подвигаются здѣсь весьма дѣлательно.

За сѣмъ, разсматривая окончательный результатъ нашихъ успѣховъ при Дубнякѣ и Телишѣ, мы должны признать, что важнѣйшія послѣдствія этихъ дѣлъ заключаются не въ полученныхъ трофеяхъ и числѣ плѣнныхъ, а главнѣйше въ томъ, что мы теперь получили ключъ ко всемъ путямъ на *Собію*, если бы таковыми, оставивъ безпечно защищаемую Плевну, вздумалъ воспользоваться Османъ-паша. Правда у Османа-паши оставался бы еще дорога на сѣверо-западъ къ Виддину. Но здѣсь намъ кстаті упомянуть о бывшемъ недавно блистательномъ дѣлѣ нашихъ союзниковъ, румынъ. Недавно румынская дивизія полковника Сланичамо переправилась у Гаврино черезъ рѣку Видъ и двинулась по дорогѣ къ Рахову вдоль Дунайскаго берега. На этомъ пути румынская дивизія атаковала редутъ *Видинъ*, командующій дорогою вдоль Дуная и лежащій въ 25 верстахъ къ западу отъ Рахова. Турецкія войска очистили редутъ Видинъ и отступили къ Рахову. Мы считали нужнымъ подробно остановиться на этомъ важномъ фактѣ, потому что онъ доказываетъ, что и путь къ Виддину перерѣзанъ теперь туркамъ румынами. Слѣдовательно именно теперь «железное кольцо» сковывающее турокъ въ Плевнѣ, можно понимать въ строгомъ и буквальномъ смыслѣ....

Такъ какъ въ скоромъ будущемъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ могутъ произойти значительныя дѣйствія, то мы прилагаемъ при

этомъ маленькую карту, съ указаніемъ особенно важныхъ стратегическихъ пунктовъ.

Театромъ военныхъ дѣйствій арміи Цесаревича служитъ пространство между *Эски-Джумою* (на Бѣломъ Ломѣ) и Бѣлою на Янтрѣ. Въ свое время мы дали читателямъ подробное описаніе весьма важныхъ для Болгаріи рѣкъ Янтры и Лома.

Здѣсь лежатъ извѣстныя по военнымъ удачамъ *Кара-Гиссанъ-Кіой* и деревня *Кацалево*. За сѣмъ, между Янтрою и Кара-Ломомъ лежитъ *Церковна*, извѣстная нашими успѣхами и деревня столица Болгаріи *Терново* (въ самомъ югозападномъ углу нашей карты).

Что касается нашихъ дѣйствій въ Малой Азии, то тамъ на прошлой недѣлѣ снова начались наши наступательныя движенія. Цѣль этихъ движеній состоитъ въ томъ, чтобы помѣшать соединенію арміи Измаила-паши съ остатками арміи Мухтара-паши, уже успѣвшаго быстро обезпечить себѣ правильное отступленіе. Генералъ Гейманъ началъ 16 октября съ этою цѣлію обходное движеніе. Кавалерія его, въ соединеніи съ кавалеріей генерала Тергукасова начала преслѣдованіе войскъ Мухтара-паши, отступающихъ за Капра-Кей. Пѣхота же генерала Тергукасова начала движеніе съ цѣлію соединиться съ отрядами генерала Геймана. На прошлой недѣлѣ положеніе дѣлъ на этомъ театрѣ войны представлялось вообще въ

такомъ видѣ, что вся часть отъ нашей границы до селеній Ваязето-Эрзерумскаго пути и отъ Кенри-Кея до Ардагана, очищена отъ турокъ, за исключеніемъ Карса, который, однако же, обложенъ.

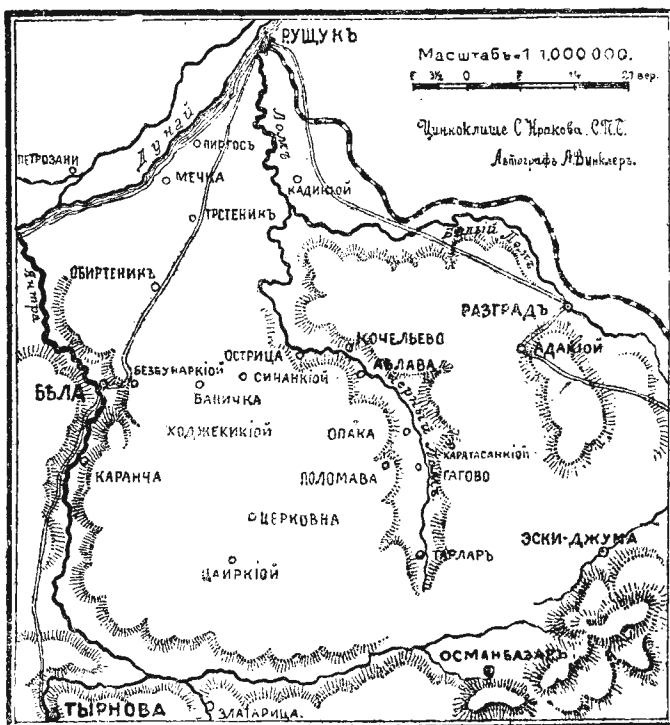
Подвигъ Кавказской арміи, разбившей на голову армію Мухтара-паши, засвидѣтельствованъ былъ наградою—орденомъ Георгія I-го класса, возложеннымъ Августѣйшимъ Монархомъ на Августѣйшаго Главнокомандующаго, Великаго князя Михаила Николаевича. Орденъ Св. Георгія 4 класса Великій Князь Намѣстникъ Кавказскій получилъ 7 ноября 1854 г., послѣ достопамятнаго сраженія при Севастополѣ 24 октября 1854 г. Затѣмъ орденъ Св. Георгія 2-го класса Великій Князь получилъ за покореніе Западнаго Кавказа, и орденъ этотъ пожалованъ Его Высочеству 15 іюня 1854 г.

Въ настоящее время только два лица имѣютъ орденъ св. Георгія 1 класса: Его Императорское Высочество Намѣстникъ Кавказскій и императоръ германскій Вильгельмъ I.

Изъ политическихъ извѣстій отмѣтимъ слѣдующее.

Въ Парижѣ въ настоящее время происходятъ перебаллотировки хотя эти перебаллотировки, во многихъ случаяхъ, даютъ результаты, повидимому, неблагоприятные республикѣ, но тѣмъ не менѣе онѣ не могутъ вліять на общій результатъ выборовъ, рѣшительно благоприятный республикѣ, такъ что и общій составъ палаты депутатовъ представитъ 320 республиканцевъ и 210 консерваторовъ. Недавно представители всѣхъ фракцій лѣвой стороны сената и послѣдней палаты депутатовъ собрались для совокупнаго принятія рѣшенія относительно послѣдняго манифеста къ странѣ, въ которомъ заключается точное изложеніе требованій республиканскаго большинства.

Въ Англіи до сихъ поръ продолжается громадное бѣдствіе одной изъ важнѣйшихъ ея азиатскихъ владѣній—Индіи. Это бѣдствіе—голодь въ Индіи. Въ послѣдніе годы этотъ голодь не былъ для Индіи новостью. Истощеніе богатыхъ естественныхъ средствъ страны, безсѣйственное эксплуатированіе этихъ средствъ англичанами—вотъ что сдѣлало недугъ голода для Индіи уже не *острымъ*, а хроническимъ зломъ. Чѣмъ же британцы истощили Индію? Насиліями и торговыми обманами! Истощили до невозможности ей когда либо подняться... Теперь Британія, какъ и два-три года тому назадъ открыла дѣлательную подписку въ пользу Индіи? Но что значить эта подписка, это жалкое вспомошествованіе? Капля въ морѣ! Англійскіе министры до послѣдняго времени много хлопотали о путяхъ въ Индію, но о самой Индіи совсѣтъ забыли. Индія, собственно говоря, и эксплуатировалась-то ради Турціи. Такъ, въ 1854 г. Англія затратила сотни милліоновъ для спасенія господства турокъ надъ христіанами. Годъ же спустя въ Индіи вспыхнуло возстаніе, послужившее достойнымъ возмездіемъ англичанамъ за заботливость

Карта военныхъ дѣйствій между Русчукомъ, Разградомъ и Терновомъ.

*) Радомирцы, къ юго-западу отъ Плевны, близъ р. *Искра*.

о чужих интересах в ущерб Индии, провозглашенной недавно Империей. Название это, разумеется, не помогло делу, так как состояние Индии потрясено радикально. Но вопрос представляется крайне интересным: в виду всего уже теперь известной эксплоатации англичанами Индии в пользу Турции, — что предпримет наконец британское правительство для прекращения зла — примет ли оно турбофильскую политику, ради которой страдает Индия, или нет?

Вопрос о продовольствии нашей армии, в виду чрезвычайно возмутительных действий подрядчиков, начинает мало по малу занимать общество. В газетах сообщают, что, в непродолжительное время, в Москве предполагается организация новой компании, состоящей из числа крупных капиталистов русского происхождения. Компания эта должна замкнуть собою товарищество Горвица, Когана и Грегера.

Засим нельзя не обратить внимания на предложение, как пишут из Бухареста в пражскую газету «Politik», главной русской квартиры на Дунае французским офицером г. Ривьером от имени известных французских воздухоплавателей, Годоро, Дурано и друг., устроить регулярное сообщение при помощи аэростатов. По словам Ривьера, издержки по поддержанию такого сообщения составляют 1,000 франк ежедневно. Что если, в самом деле, такое предложение осуществимо, то какой переворот оно может произвести в военном деле? Но пока этому трудно верить.

— Вследствие частых повреждений теперь поставленных мостов через Дунай, правительством нашим заказано на чугуно-литейном заводе Санъ-Галли и у др. заводчиков изготовление частей моста, долженствующего иметь три сажени ширины для прохода и рассчитанного на прочное сопротивление передвижению по нему самых тяжелых орудий.

— Разработка наших нефтяных источников в Баку постепенно улучшается и в настоящее время промышленниками принимаются все меры для большего заготовления фотогена, так как цена на фотоген на приволжских рынках сильно возвышается. В Балаханах и в особенности в Сабунчах идет кипучая деятельность по ведению буровых работ. Къ сожалению, пародыхна общества, бравшая прежде по 27 - 25 к. съ пуда фотогена отъ Баку до Царицына, теперь берут по 40 коп. Парусных судов теперь мало, да и они подняли также фрахт до 6 руб. за бочку, т. е. до 30 коп. за пудъ.

На днях, а именно 13-го октября, в Москвѣ случилось трагическое происшествіе. Въ окружном судѣ происходило разбирательство дѣла по обвиненію управляющаго Конторой Государственнаго Коннозаводства, генераль-майора армейской кавалеріи Л. Н. Гартунга въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ вдовой Занфтлебенъ и крестьяниномъ Егоромъ Ушаковымъ, съ соучастниками: графомъ Ланскимъ и коллежскимъ совѣтникомъ Алферовымъ похитили оставшіе послѣ смерти Занфтлебена векселя, долговныя обязательства и наличныя деньги. Въ означенный день, около 6 часовъ вечера, присяжные вынесли свой вердиктъ, которымъ генераль Гартунгъ былъ признанъ виновнымъ и незаслуживающимъ снисхожденія. Удаляясь изъ залы

суда, генераль Гартунгъ вмѣстѣ съ защитникомъ и близкимъ своимъ пріятелемъ г. К*, остановились въ одной изъ комнатъ зданія суда, и въ то время, когда защитникъ говорилъ съ другомъ Гартунга о поводахъ кассации, внезапно раздался трескъ выстрѣла — обвиненный нанесъ себѣ рану въ сердце изъ маленькаго пистолета, который онъ имѣлъ съ собою. На оставленной имъ запискѣ рукою покойнаго было написано: «клянусь Всемогущимъ Богомъ, я ничего не похитилъ по настоящему дѣлу; прощаю своихъ враговъ».

Это дѣло вообще было причиною многихъ толковъ въ печати и въ обществахъ и мнѣніе большинства склоняется на признаніе виновности покойнаго генерала Гартунга.

Возьмемъ нѣсколько данныхъ изъ всеподданнѣйшаго отчета Министра Народнаго Просвѣщенія за 1875 г., напечатаннаго въ журналѣ Минчестерства Народнаго Просвѣщенія.

Общее число народныхъ начальныхъ училищъ въ Россіи къ концу 1875 года составляло 23,936 съ 965,409 учащихся, мужч. 783,265, женщ. 179,034. Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число училищъ увеличилось на 1,547, а число учащихся на 34,592, въ томъ числѣ на 30,810 муж. и на 4,783 жен. Свѣдѣнія Минчестерства Народнаго Просвѣщенія не включаютъ, впрочемъ, начальныхъ училищъ Кавказа, Финляндіи и областей Средней Азіи, которыя не состоятъ въ вѣдѣніи министерства, а равно сельскихъ лютеранскихъ училищъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, находящихся въ вѣдомствѣ Минчестерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ числѣ 2,042, съ 86,113 учащихся.

По среднему выводу, содержаніе учителя однокласснаго начального училища составляетъ около 190 р., не считая, впрочемъ, квартиры и отопленія, но въ частности, содержаніе это распределяется весьма неравномерно, $\frac{3}{4}$ изъ общаго числа учителей и учительницъ получаютъ содержаніе, которое не можетъ считаться удовлетворительнымъ, такъ какъ каждый здоровый кузнецъ зарабатываетъ отъ 200 до 300 руб. въ годъ. Въ отчетѣ Министра говорится, что къ устраненію ненормальнаго положенія нашихъ народныхъ школъ, происходящихъ отъ неправильнаго пощенія и преждевременнаго оставленія ихъ учащимися, и распространенію грамотности въ народной массѣ, могло бы служить у насъ введеніе обязательнаго обученія.

Не можемъ не отмѣтить и слѣдующее:

Наши нѣмецкіе колонисты изъ-подъ Самары и Саратова, какъ сообщаютъ газеты, уѣзжаютъ большими партиями въ Америку. Пишутъ, что въ продолженіи мѣсяца переселилось болѣе 400 семействъ. Какіе результаты будутъ послѣдствіемъ этого переселенія — покажетъ недалекое будущее.

Въ заключеніе сообщаемъ о совершившемся пятидесятилѣтнѣмъ существованіи въ Россіи «Перваго Страховаго отъ Огня Общества». Изъ статистическаго сборника по вопросамъ страхованія, изданнаго по этому случаю Обществомъ, видно, что пожарныя убытки, уплаченныя обществомъ въ теченіи 50-ти лѣтъ, составляютъ 40,264,636 рублей. Расходы составляли 15% изъ полученныхъ премій. Въ дивидендъ выдано акціонерамъ 18,545,714 р. 29 к. На страхъ недвижимаго имущества принято на сумму около двѣнадцати съ половиною миллардовъ рублей.

БИБЛОГРАФІЯ.

Иллюстрированные рассказы изъ природы и жизни. 1877. Книга назначена для дѣтей старшаго возраста и издана очень чисто, четкимъ, хорошимъ шрифтомъ — крупнымъ напечатаны рассказы изъ природы, а болѣе мелкимъ — изъ жизни. Рисунки недурны, особенно нѣкоторые; напр.: сельскій видъ, повторенный на обложкѣ и исполненный художникомъ Денисовскимъ и многие изъ мелкихъ (стр. 3, 10, 12, 53, 69), въ томъ числѣ головки собакъ въ текстѣ переводнаго стихотворенія. Что касается внутренняго содержанія, то лучшая, въ смыслѣ полезности, несомнѣнно первая часть, занимающая всего 72 страницы. Въ ней простымъ удобопонятнымъ языкомъ, толково и сжато переданы интересные свѣдѣнія о составѣ и производствѣ самыхъ насущныхъ продуктовъ, какъ то сахара, соли, бумаги и пр. Сюда же входитъ и рассказъ о человѣческихъ жилищахъ, начиная съ незатѣйливаго дупла Вандименца и заканчивая нашей, тоже нехитрой русской избой и ея обстановкой. Большой переводный рассказъ «Джемсъ Ролеестонъ», приложенный въ концѣ и занимающій

мѣста вдвое болѣе первой описательной части, навѣрное понравится молодымъ читателямъ, напомнитъ имъ страницы изъ Майнъ-Рида и Верна. Жаль одного, что англійская жизнь чужда нашимъ дѣтямъ и потому желательно бы было въ предполагаемомъ второмъ выпускѣ увидать рассказъ изъ русской народной жизни, хоть чисто этнографическаго характера. Въ бытовой жизни народа столько богатствъ, столько простой безыскусственной правды и поэзіи, что даже странно распространяться на эту тему. Одни наши народные промыслы могли бы доставить массу живого матеріала для рассказовъ изъ жизни. Съ этими промыслами связано столько приключеній, рѣзко обозначенныхъ типовъ, цѣлый міръ повѣрій. Однимъ словомъ, желая «Рассказамъ» полнаго успѣха на книжномъ рынкѣ, мы не теряемъ надежды на слѣдующій выпускъ съ болѣе, если можно такъ выразиться, русскимъ содержаніемъ. Отъ этого книга во всякомъ случаѣ только выиграетъ и еще болѣе рѣзко отдѣлится отъ массы торопливо составленныхъ книгопродавческихъ спекуляцій.

W. W.

МЫСЛИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Величайшій секретъ успѣха въ достиженіи цѣли заключается въ умѣнн ждати (Де-Местръ).

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила (Пушкинъ).

Дѣйствуй всегда такъ, чтобы причина твоихъ дѣйствій могла служить общимъ правиломъ всему человѣческому роду (Кантъ).

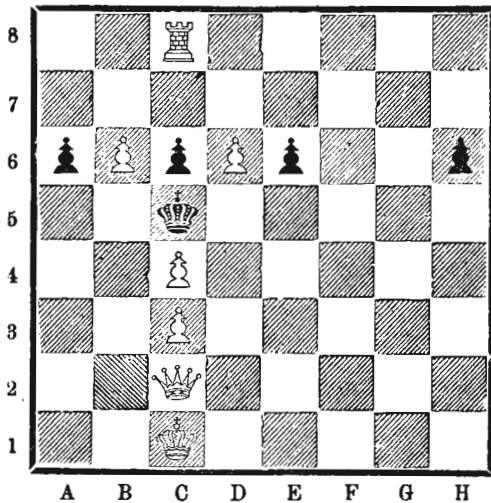
Всего пріятнѣе жить, когда ищешь совершенствованія, и еще пріятнѣе, когда видишь, что совершенствуешься (Сократъ).

Я встрѣчалъ людей неспособныхъ къ знанью и наукѣ, но не находилъ еще неспособныхъ къ добродѣтели (Конфуцій).

Женщина имѣетъ то общее съ ангеломъ, что ей близки существа страдающія (Бальзакъ).

Шахматная задача.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1) Воронежъ, Арс. Шт-ову. Говора о характерѣ городской жизни въ Воронежѣ, вы пишете:

Магазины и базары
Тамъ течетъ нашъ тихій Донъ...

Оказывается, такимъ образомъ, что Донъ течетъ по магазинамъ. Далѣе:

«Есть верховный тамъ судья
И всею онъ сокрушитель...»

Это тоже, повидимому, нешрно, ибо не только вы сами, но и ваши посягательства на терпѣніе читателей этиаъ судьей не сокрушены.
Затѣмъ, описывая судью, вы оказываетесь просто неумолимы:

«Строгіе порядки вводитъ,
Опираясь на законъ:
Бабъ на казанчу онъ водить,
Самъ выходитъ на балконъ».

Должно быть вы очень недолюбливаете этихъ верховныхъ судей, что даже и на базкопъ ему не позволаете выходить. Смиудитесь!

2) Ревель, А. Е. Ф. На помѣщеніе согласны, если рисунки будутъ удобны для насъ. Необходимы при нихъ и надлежащая свѣдѣнія.

СОДЕРЖАНІЕ: Его Императорское Высочество, князь Сергій Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій (съ портретомъ).— Юный Императоръ. Историческая повѣсть В. Соловьева. Часть вторая (продолженіе).— Плевна и ея укрѣпленія (съ 2-ми рисунками).— Испуганное стадо рогагого снота на пастбищахъ Новой Мексики (съ рисункомъ).— Дѣвушка съ плодами (съ рисункомъ) Люб.— Казанскій соборъ въ С.-Петербургѣ (съ рисункомъ) Н.— Турецкій перевозочный пунктъ (съ рисункомъ) Ор.— Генераль-лейтенантъ Николай Николаевичъ Обручевъ (съ портретомъ).— Смѣсь.— Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.— Библиографія В. В.— Мысли замѣчательныхъ людей.— Шахматы.— Почтовый ящикъ.— Объявленія

Издатель А. Ф. МАРНСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

По указаніямъ гг. докторовъ, мальцъ-экстрактное гигиеническое пиво Юганна Гофа, должно употребляться слѣдующимъ образомъ: мальцъ-экстрактное гигиеническое пиво кипятить втеченіе десяти минутъ, снимаютъ съ него пѣну и ватѣмъ, утромъ и вечеромъ выпиваютъ по винному стакану. Этотъ напитокъ употребляется такъ, какъ онъ есть, три раза въ день—утромъ, въ полдень и вечеромъ, каждый разъ по винному стакану.

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНЫЕ ГРУДНЫЕ КОНФЕТЫ ПРОТИВЪ КАШЛЯ.

Для отправленія въ провинцію цѣна за ящ. мальцъ-экстрактнаго пива въ 33 бут., съ щипочкѣ и уака. (кромя перес.) 10 р. 80 к., 70 бут.—21 р. Берлинъ е. мальцъ-экстр. шокола. 1 р. 90 к.: 5 1/2 е.—9 р. 50 к., 11 еун. 19 р.

Цѣна мѣшечка грудныхъ конфектъ въ 40 штукъ—50 к., 5 1/2 мѣш.—2 р. 50 к., 11 мѣш.—5 р.

Слушанный мальцъ-экстрактъ противъ кашля—1 р. за флаконъ; за 11 флаконовъ 10 р. Мальцъ-экстрактная питательная мука для дѣтей—за жестяну 1 р., за 11 жестянокъ—10 руб

МАЛЬЦЪ-ЭКСТРАКТНОЕ ПИВО ЮГАННА ГОФА

(Фабрика въ Берлинѣ, Главная торговля для Россіи въ С.-Петербургѣ, на углу Невскаго и Николаевской улицы, домъ № 71—2).

Пиво это, обладая весьма тонкимъ, сладкимъ солодовымъ вкусомъ, составляетъ любимѣйшій столовый напитокъ всѣхъ классовъ общества; оно питаетъ, укрѣпляетъ и вслѣдствіе своихъ отличныхъ свойствъ, пріятности и полезности

КОНЦЕССИОНИРОВАНО

Правительствами : Германско-Прусскимъ, Австрійскимъ, Англійскимъ, Французскимъ, Голландскимъ, Румынскимъ, Грецкимъ, а также Соединенными Сѣверо- и Южно-Американскими Штатами и проч.

ПАТЕНТОВАННЫЙ ПОСТАВЩИКЪ

Е. В. Императора Германскаго Короля Прусскаго, многихъ Князей и Принцевъ,

ПОЖАЛОВАННЫЙ

знаками отличія: Королевско-Прусскимъ орденомъ Короны; дипломомъ Королевско-Прусскаго комиссіонно-совѣтника съ государственною печатью; золотымъ съ короною крестомъ за заслуги, собственноручно пожалованнымъ Е. В. Императоромъ Австрійскимъ—за отличныя достоинства мальцъ-экстрактнаго пива Юганна Гофа и проч.

Юганъ Гофъ.

Въ книжномъ магазинѣ Николая Матвѣевича Ключова на Пикольской улицѣ въ Москвѣ. Только что отпечатаны и поступили въ продажу Знаменитыя Волшебныя Смази Перро. Одинадцать сказокъ: 1-ая Красавица спящая въ лѣсу. 2-ая Маленькая красная шапочка. 3-ая Синяя борода. 4-ая Котъ въ сапогахъ. 5-ая Волшебница. 6-ая Замазанка. 7-ая Рыба съ хохломъ. 8-ая Мальчикъ съ мальчикомъ. 9-ая Ослабая кожа. 10 Свѣтлыя медальи. 11 Приключенія хитруши. Съ иреносходно иллюминированными картинками, въ красномъ переплетѣ. 1878 г. цѣна 1 25 к., съ пересылкою 1 50 к. **Опасности дикихъ странъ.** Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. 33 рисунка знаменитаго писателя Франца Гофмана. Содержаніе: Переселенцы, странствующій Натанъ, Колорады, Повѣшенный, Ошибка, Преслѣдователи, Засады, Осада, Бѣгство, Ваятіе въ пѣлвѣ, Попытка на спасеніе, Рааставленіе, Пьяншишовъ, Освобожденіе, Натанъ и Роландъ, Рассказъ Ральфа, Натанъ въ деревнѣ, Натанъ открываетъ Телію, Натанъ пойманъ, Абель дов. Червыи коршунъ, Неожиданное нападеніе, Эпизодъ. Съ изящно отпечатанными картинками ц 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. въ красномъ переплетѣ 2 р. 25 к съ пер. 2 р. 50 к. **Недѣля въ гостяхъ у бабушки.** Девять веселыхъ игръ для дѣтей съ картинками и нотами для пѣнія и игры, составлена наставницею дѣтей Е. Соколовой ц. 75 к. Выписывающіе отъ Ключова за пересылку не прилагаютъ. Всякаго рода книги высылаются скоро и аккуратно. № 24 Принимается подписка на всѣ журналы и газеты на 1878 годъ. 1

НОВЫЯ КНИГИ:

„ТРИ СУДЬБЫ“ романъ Н. Якобсона цѣна 1 р., за пересылку 25 к. „ЛЮБОВЬ и ВОЙНА“ романъ того-же автора, второе изданіе, доконченное новыми главами. цѣна 60 к., за пересылку 25 к. Съ требованіемъ обращаться къ издателю Алексѣю Алексѣевичу Мартынову, въ С.-Петербургѣ, въ Фонтанск., № 47 кв. Мартынова.

Вмѣсто денегъ можно высылать почтовыми марками. № 21 1—1

ВЪ УЧИТЕЛЯ нуждающіеся благоволятъ прислать свой адресъ студенту филологу. Домъ Спасо-свѣн. ц. кв. № 5. 2—1

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступило въ продажу третье изданіе книги

**Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:
УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ДѢТЕЙ**

отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Содержаніе книги: нравственное и умственное развитіе дѣтей; работы, игры, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, рассказы, сказки, загадки, пословицы, арифметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. При книгѣ приложенъ сборникъ дѣтскихъ нѣсенъ съ народными мелодіями и съ иллюстраціями. Цѣна книги 2 рубля. № 19 1—1

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 3,
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.
Товарищество Чежберъ и К°. 19

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 45 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выданъ 7 Ноября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлительно возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонныя адреса отъ бандероловъ, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1878 г.	Безъ доставки въ Пбургъ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ	5 р.
	Съ доставкою	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе го- рода Русской Имперіи	6 р.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всеми преміями.

При этомъ № предлагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за НОЯБРЬ съ 28 рисунк., отдѣльный листъ съ 23 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 30 рисунками мебели для убранства комнатъ въ характерѣ русскаго стиля, — рисов. И. Пановымъ, и 111 рисунковъ инициаловъ и вензелей для мѣтки бѣлья.

Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ младшій.

Его Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, сынъ Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, родился 6-го ноября 1856 года. Вступивъ въ ряды юнкеровъ Николаевскаго Инженернаго училища, онъ находился нѣкоторое время въ Ижорскомъ лагерѣ для обученія сапернымъ работамъ.

Въ 1871 г. въ чинѣ прапорщика былъ командированъ въ учебный пѣхотный батальонъ и вслѣдъ затѣмъ въ учебный кавалерійскій эскадронъ. Въ 1873 году онъ поступилъ слушателемъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго штаба и въ 1876 году окончилъ курсъ съ наградой за отличные успѣхи въ наукахъ малой серебряной медалью. Имя его написано на мраморной доскѣ въ Академіи. Согласно современнымъ требованіямъ, обусловливающимъ поступленіе въ Генеральный Штабъ, Его Высочество предъ цѣлымъ составомъ конференціи Академіи, въ присутствіи военнаго министра и своихъ товарищей-сверстниковъ, защищалъ предварительно написанную имъ

Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ младшій.
Съ етого, грав. Вейерманъ.

диссертацию, и защищалъ, по общимъ отзывамъ, блистательно. Его Высочество вообще предавался съ необычайною любовью изученію высшихъ военныхъ наукъ и серьезно усвоилъ теорію военнаго дѣла.

По окончаніи курса, 1-го апрѣля 1876 г. Его Высочество былъ причисленъ къ Генеральному Штабу и во время сбора войскъ гвардейскаго корпуса въ Красносельскомъ лагерѣ, въ минувшее лѣто, на происходившихъ въ Высочайшемъ присутствіи маневрахъ, исполнялъ уже практически обязанности офицера Генеральнаго Штаба. 18-го апрѣля 1876 г. Его Высочество былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты Его Высочества; 6-го ноября того же года произведенъ въ капитана, а 18-го ноября назначенъ въ должность оберъ-офицера по особымъ порученіямъ въ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, по званію Главнокомандующаго дѣйствующей арміей. Въ настоящее время имя Его Высочества Николая Николаевича упоминается въ числѣ наиболѣе отличившихся при

переправѣ войскъ чрезъ Дунай. Славнымъ участіемъ въ дѣлѣ перехода русской арміи на Болгарскую территорію, юный князь блистательно открылъ свою боевую дѣятельность. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ вошедшихъ на турецкій берегъ Дуная стрѣл-

ковъ Волынскаго пѣхотнаго полка и обнаружилъ при этомъ рѣдкое мужество, за что удостоился быть пожалованнымъ отъ Государя Императора орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ настоящее время Его Высочество произведенъ уже въ чинъ полковника.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XVI.

А тамъ, далеко, за тысячи верстъ отъ Москвы, за тысячи верстъ отъ всѣхъ волненій московскихъ, тишина великая стояла надъ небольшимъ островомъ, образуемомъ рѣками Сосвою и Вогуюлю. Кругомъ страна дикая; горы на сотни верстъ тянутся, лѣса безконечные. На островѣ городокъ—Березовъ.

У самаго берега Сосвы, гдѣ еще недавно пустырь былъ, выросъ вдругъ маленькій домикъ въ четыре комнаты и съ часовенкой. Домикъ этотъ построилъ почти весь своими руками свѣтлѣйшій князь Александръ Данилычъ Меншиковъ. Въ одной комнатѣ помѣстились княжны, въ другой—князь съ сыномъ; въ третьей—прислуга; четвертая комнатка отведена была подъ кладовую. А гдѣ же княгиня Дарья Михайловна? Гдѣ ее помѣстили? Далеко она. Лежитъ она въ могилѣ, въ селѣ Услонѣ, близъ Казани, на берегу рѣки Волги.—Не вынесла дороги, а цуще всякихъ мукъ душевныхъ и оскорбленій, бѣдная Дарья Михайловна. Страшная была дорога въ Березовъ. Чего, чего только не перенесли Меншиковы. Когда вышелъ имъ приказъ оставить Раненбургъ, они выѣхали въ рогожной кибиткѣ и въ двухъ простыхъ телѣгахъ. Не проѣхали и восьми верстъ отъ Раненбурга, какъ Мельгуновъ, капитанъ гвардіи, которому поручено было наблюдать за ссылкой, нагналъ ихъ съ военной командой и всею бывшею княжеской дворней. Грозно и съ бранью приказалъ онъ Меншиковымъ выйти изъ повозки. Солдаты и дворня стали выбрасывать на дорогу княжескія пожитки. Мельгуновъ объявилъ, что, по приказу Верховнаго Тайнаго Совѣта, онъ долженъ осмотрѣть, не взяли ли Меншиковы чего лишняго противъ описи,—и радъ онъ былъ показать власть свою, издѣваться надъ вчерашнимъ властелиномъ земли русской. Все отобралъ онъ, что только можно было.

Молодой князь Александръ Александровичъ взялъ было съ собою нѣсколько мелкихъ вещицекъ, платья пары три запаснаго, для занятій инженерныхъ инструменты, зеркальце, три гребенки, съ табакомъ жестявку. Совсѣмъ еще мальчикъ былъ князь Александръ Александровичъ, но и его не пожалѣлъ Мельгуновъ—все это у него отнял. Замѣтилъ, что у юноши карманъ оттопырился:—„эй, что это у тебя въ карманѣ, сказывай?“ Со слезами неудержимыми сталъ прижимать князь Александръ къ себѣ то, что было у него въ карманѣ—ужь очень выдать не хотѣлось. Но Мельгуновъ силой отнял. Это былъ маленькій мѣшечекъ съ полущечками на два рубля. Обратился затѣмъ Мельгуновъ и къ княжнамъ. У нихъ вещей было немного, только кое что для работъ и руководѣлій, да теплыя епанечки, шапочки, юбки, чулки.

— Это еще на что? крикнулъ Мельгуновъ. И солдаты все отобрали. Швырнули сундукъ съ телѣги прочь, посыпались ленты, нитки, доскутки разныхъ матерій,

Александра Александровна не удержалась и заплакала отъ оскорбленій, а солдаты стали смѣяться, перебрасывать другъ другу съ неприличными шутками ея ленточки. Одинъ сталъ напаяливать на себя ея кофточку. Александръ Данилычъ и Дарья Михайловна закрылись въ своей кибиткѣ рогожей чтобъ не видѣть этого позора. Долго шелъ осмотръ, наконецъ несчастныхъ от-

пустили. На Марьѣ Александровнѣ оставили только тафтяную зеленую юбку, штофный черный кафтанъ и бѣлый корсетъ, на головѣ бѣлый атласный чепчикъ, а для зимняго времени зеленую тафтяную шубку. На младшей княжнѣ оставили зеленую тафтяную юбку, бѣлый штофный подшляфрокъ и такую же какъ у сестры шубку, и на головѣ такой же бѣлый атласный чепчикъ.

Вся рухлядь домашняя князей Меншиковыхъ состояла изъ двухъ лопатокъ, котла съ крышкою, трехъ кастрюль мѣдныхъ, двѣнадцати блюде и двѣнадцати тарелокъ оловянныхъ, да трехъ треногъ желѣзныхъ. Не дали имъ ни ножа, ни вилки, ни ложки.

И поѣхали дальше Меншиковы, и всюду гдѣ ни проѣзжали они, народъ толпами сходилъ глядѣть на нихъ и кричалъ имъ вслѣдъ и показывалъ пальцами и плевался.

Вотъ похоронили бѣдную Дарью Михайловну, вотъ ужь и Сибирь давно; въ Тобольскъ пріѣхали. Блудятъ мимо ссылныхъ, что на дорогѣ работаютъ. Одинъ изъ ссылныхъ подбирается ближе къ телѣгѣ, гдѣ сидятъ княжны. Онѣ смотрятъ на него и совсѣмъ не понимаютъ, чего онъ отъ нихъ хочетъ. Но вотъ онъ нагнулся, набралъ въ горсть комъ гризи и кинулъ его прямо въ лице княжнамъ.

— Вотъ на-жъ тебѣ, Александръ Данилычъ, закричалъ онъ старому князю, вотъ твоимъ дѣткамъ отъ меня гостинецъ. Упряталъ ты меня сюда,—на-жъ тебѣ. Встрѣтился такъ съ тобою, слава те Господи!

Затрясся старый Меншиковъ, поблѣднѣлъ какъ полотно и горько заплакалъ.

— Боже мой, прошепталъ онъ, обращаясь къ ссылкеному. Въ меня бросай, въ меня бросай, извергъ, а не въ этихъ дѣтей несчастныхъ, ни въ чемъ они передъ тобой не виноваты!

Вотъ какой путь былъ княжескому семейству. Дня не проходило безъ горькихъ обидъ, несносныхъ оскорбленій.

Въ Березѣ помѣстили ихъ сначала въ острогъ, но скоро поселилъ маленькій домикъ. Александръ Данилычъ всѣ дни надъ нимъ работалъ, только въ этой работѣ и забывалъ свою тоску, свои муки невыносимыя. Поселилъ домикъ, перебрались туда Меншиковы. Княжна Марія Александровна принялась хозяйничать съ тремя кастрюлями мѣдными. Страшная жизнь началась, дни томительные: зима пришла лютая, дня почти совсѣмъ нѣту—тьма вромѣшная, тишина невозмутимая. Затеплятъ княжны огонекъ въ маленькой комнатѣ, подсядутъ къ отцу измученному, съ каждымъ днемъ слабѣющему, и читаютъ ему книги священныя, а онъ рассказываетъ имъ свое прошлое. Поочередно дѣти записываютъ его рассказы и такъ идутъ дни, недѣли, проходитъ мѣсяцъ—другой.

Вотъ сидятъ они какъ-то, а вокругъ домика все та же тьма непроглядная; слышно какъ завываетъ мятелица, дребезжитъ отъ нея маленькое окошко. Вдругъ стукъ въ дверь. „Кто бы это могъ быть, часъ такой поздній“. Вздрогнули всѣ Меншиковы: „Неужто новое горе, неужто и тутъ не оставятъ ихъ въ покоѣ, можетъ на казню еще повлекутъ, о Боже, такъ хоть бы ужь поскорѣ“. Приподнялся было со своего стула деревяннаго—имъ же самимъ и сдѣланнаго—Александръ Дани-

льчъ, приподнялся, да пошатнулся и опять сѣлъ на мѣсто—ноги не послушались.

Дрожащими руками отперла дверь княжна Марья Александровна—отперла и руки у нея опустились: передъ нею муштра молодой въ теплую шубу вверх шерстью закутанный, весь въ инеѣ. Но разомъ смекнула княжна несчастная что не здѣшній это человѣкъ. „Такъ видно и есть, видно оттуда, изъ Россіи, присланъ намъ на погибель.“

— Аль не узнали?! раздался молодой и радостный голосъ вошедшаго. Да не диво, какъ и узнать то.

И вотъ онъ сталъ снимать съ себя мѣховую одежду, вотъ шапку большую снялъ съ себя—и князь Александръ Данилычъ и всѣ дѣти его разомъ всплеснули руками.

— Боже мой! Ѳеодоръ Васильичъ, какими судьбами? Откуда?

— Изъ Москвы прямехонько.

— Такъ это тебя, тебя твои родичи прислали объявить мнѣ приговоръ смертный? проговорилъ Александръ Данилычъ.

— Нѣтъ, ты ошибся, князь, тихимъ и печальнымъ голосомъ отвѣчалъ Ѳеодоръ Васильевичъ Долгорукій, сынъ князя Василья Лукича,—ошибся ты, Александръ Данилычъ. Еслибъ отецъ родной день цѣлый на колѣняхъ стоялъ передо мною, умолялъ бы учинить тебѣ какую нибудь обиду, словомъ однимъ не обидѣлъ бы я, да и теперь: меня самого бы кажется на казнь повели, еслибъ узналъ кто, что я здѣсь, въ Березовѣ.

— Чтожъ все это значить? спросили разомъ всѣ, ничего не понимая.

— А вотъ, дайте обогрѣться, дайте придти въ себя—все расскажу по порядку.

Княжны поспѣшили воды согрѣть, сварить что нибудь для нежданнаго гостя, а онъ тѣмъ временемъ разглядывалъ ихъ и едва отъ слезъ могъ удержаться, смотря на Марью Александровну. Съ искренней печалью погоревалъ онъ о кончинѣ доброй Дарьи Михайловны, передалъ Александру Данилычу все, что зналъ о дѣлахъ московскихъ, а про себя еще ни слова!—не говорить да и только, зачѣмъ отмахалъ четыре тысячи верстъ—пріѣхалъ въ этотъ ужасный Березовъ. Изъ за вздору какого сюда не пріѣдешь. Наконецъ пристали къ нему всѣ Меншиковы, говори, да говори, и онъ ужъ не можетъ больше отпѣкиваться. Раскраснѣлось все лицо его молодое, опустились густыя рѣсницы, глазъ поднять не можетъ ни на кого—неловко ему, страшно въ чемъ то сознаться.

— Да не томи, Ѳеодоръ Васильичъ, говори, ради Бога, не скрывайся. Страшную вѣсть какую либудь, видно ты привезъ съ собою, такъ не жалѣй насъ—ко всему привыкли, ничего ужъ теперь кажись не испугаемся, говоритъ Александръ Данилычъ.

— Можетъ я и привезъ страшную вѣсть, да не для васъ, а для себя. Но ужъ, была не была, слушайте, всѣ слушайте: вспомни ты, князь мой милостивый, Александръ Данилычъ, вѣдь не рѣдко я къ вамъ въ Петербургъ хаживалъ, и коли ты не былъ ласковъ, такъ ласкала меня добрая Дарья Михайловна, царствіе ей небесное. Вспомните, княжны мои милыя, не разъ я плясалъ съ вами въ веселое времячко. Ну княжна Александра была тогда еще совсѣмъ почти маховъкая, такъ я все больше съ тобою, Марья Александровна, быть старался. И не даромъ для меня прошли тѣ дни. Ты то можешь и вниманія никакого на меня не обратила, а я съ каждымъ разомъ все больше, да болше о тебѣ думалъ, хотѣлъ было посвататься, да ждалъ что толку изъ этого не будетъ.

Всѣ изумленно и внимательно слушали Ѳеодора Васильевича, а княжна, не отрываясь, смотрѣла на него странными, остановившимися глазами. Въ лицѣ ея ни кровинки не было. Она не шевелилась ни однимъ членомъ, точно окаменѣла.

— Да, видѣлъ что проку никакого не будетъ. Сначала за Сапѣгу тебя сговорили и понялъ я—охъ тяжко было мнѣ!—понялъ я что милъ тебѣ этотъ Сапѣга ну, и ушелъ, и остался въ сторонѣ. Потомъ стала ты царской невѣстой. Ни душѣ живой не сказала я про мое лютое горе, а ужъ горе было такое что и во снѣ прежде мнѣ не снилось: дня спокойнаго не вѣдалъ, ночи на пролетъ не спалъ, слезъ потоки выплакалъ. Но вотъ пришло ваше время лютое, все я зналъ, все чуялъ заранѣе, да что жъ въ томъ, мнѣ и слова то сказать не давали, ротъ разину—отецъ закричитъ на меня: не твоего ума, говорить, это дѣло. Ну и молчалъ себѣ, только мучился. Потомъ какъ выѣхали вы изъ Петербурга пробовалъ я забыть тебя, Марья Александровна, во всѣ тяжкія пустился, эхъ, стыдно сказать даже, но не потаю, ужъ пьянствовать началъ, да тошно мнѣ стало, душѣ претила такая жизнь. Бросилъ я вино, бросилъ безпутства всѣ, а тоска не проходитъ, ужъ почти что на яву ты стала мнѣ мерещиться, княжна моя золотая. А время идетъ, въ Москву переѣхали, тамъ мнѣ еще того тошнѣе сдѣлалось. Вотъ слышу на васъ напасть новая—въ Сибирь, въ Березовъ, васъ ссылаютъ, ну и не вытерпѣлъ. Отпросился у отца за границу, взялъ паспортъ и вотъ подъ именемъ Ивана Миронова пробрался за вами сюда и вотъ я здѣсь, какъ видите и отъ тебя теперь, князь Александръ Данилычъ, отъ тебя, Марья Александровна, все счастье мое зависитъ. Захотите—погубите однимъ словомъ, однимъ же словомъ и счастливымъ человѣкомъ меня сдѣлаете...

Александръ Данилычъ ужъ давно сидѣлъ, опустивъ голову на руки, и тихія слезы стекали по щекамъ его. Княжна Александра Александровна съ братомъ тоже плакали, одна Марья Александровна все по прежнему, неподвижно, не мигая, смотрѣла на молодого Долгорукаго. Вдругъ она порывисто встала съ мѣста, сдѣлала къ нему нѣсколько шаговъ и всплеснула руками.

— Боже мой, Боже, нашелся человѣкъ, нашелся—не всѣ еще оставили! Еще не все кончено.

Она безумно зарыдала, зашаталась и потерявъ сознаніе упала на полъ.

Долгорукій, сестра и братъ кинулись къ ней, но долго не могли привести ее въ чувство.

Кое какъ постлали гостю постель—спать уложили, но никто во всю ночь эту не сомкнулъ глазъ въ маленькомъ домѣ Меншикова. Княжна Марья Александровна все стояла на колѣняхъ передъ иконой и горячо молилась, и плакала, и металась—странное что-то, непостижимое съ ней творилось. На другой день она вышла къ князю Ѳеодору Васильевичу, обняла его за шею обѣими руками, прижалась головою ему на грудь и рыдала и сквозь рыданья шептала ему:

— Голубчикъ, золотой ты мой, чудо великое сотворилъ ты надо мною!.. Ожесточилось совсѣмъ сердце мое, сокрушило меня горе лютое. Только смерти одной и ждала я, и желала, знала что люди всѣ отъ меня отвернулись, знала что всѣ не любятъ меня, презираютъ, ненавидятъ и сама я никого не любила, сама всѣхъ ненавидѣла, но отъ словъ твоихъ неожиданныхъ, негаданныхъ, о какихъ я всю жизнь и помыслить то не смѣла, растопилась какъ воскъ вся душа моя. Въ мигъ одинъ совсѣмъ другою ты меня сдѣлалъ—сама не узнаю себя. Снова жить хочется и это мѣсто ужасное и эта жизнь безрадостная счастьемъ небеснымъ кажется,—вотъ что ты со мною сдѣлалъ!...

Онъ не отвѣчалъ ей ни слова. Онъ глядѣлъ на нее и не могъ наглядѣться, только молчаливыми ласками силился успокоить ея волненіе, но она не успокоилась, она рыдала все громче, и все страстнѣе, все горячѣе лились слова ея.

— Ненаглядный мой, въ одну ночь эту такъ тебя я полюбила, какъ не любила никого еще въ жизни, да думала что и любить не сужью. Краше ты мнѣ те-

Сцена при взятіи Гривицкаго редута 30 августа: Маіоръ Архангелогородскаго полка, Квитко, первый вспрыгнувъ на пушку, убиваетъ турецкаго бомбардира, въ то время, когда онъ намерявался, произвести изъ нея выстрѣль. По рисунку „Monde illustré“, грав. Вейрманъ.

перъ солнца небеснаго! Любья муки принять за тебя готова! Не отпущу тебя теперь отъ себя, жизнь ты моя, счастье ты мое!

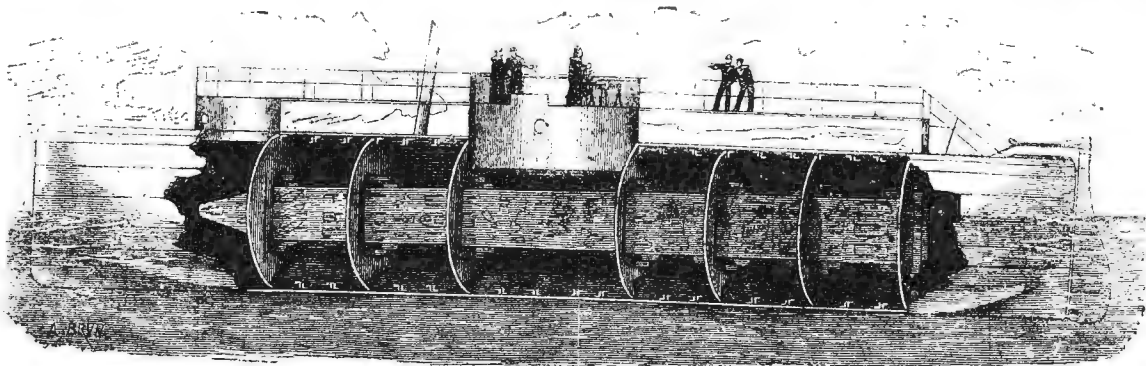
Никогда еще въ самые ясные дни величя Меншиковыхъ не было такой радости въ ихъ домѣ, какъ теперь въ крошечномъ самодѣльномъ домикѣ на берегу Сошвы. Старикъ то и дѣло что попеременно обнималъ то дочь, то Долгорукаго и благословлялъ ихъ и плакалъ надъ ними и вспоминалъ жену свою покойную: сокрушался что не дожила она до такой радости. Поуспокоившись немного, стали думать и судить о томъ, какъ свадьбу устроить. Трудно это было, но въ концѣ концовъ съумѣлъ молодой Долгорукой уговорить ста-

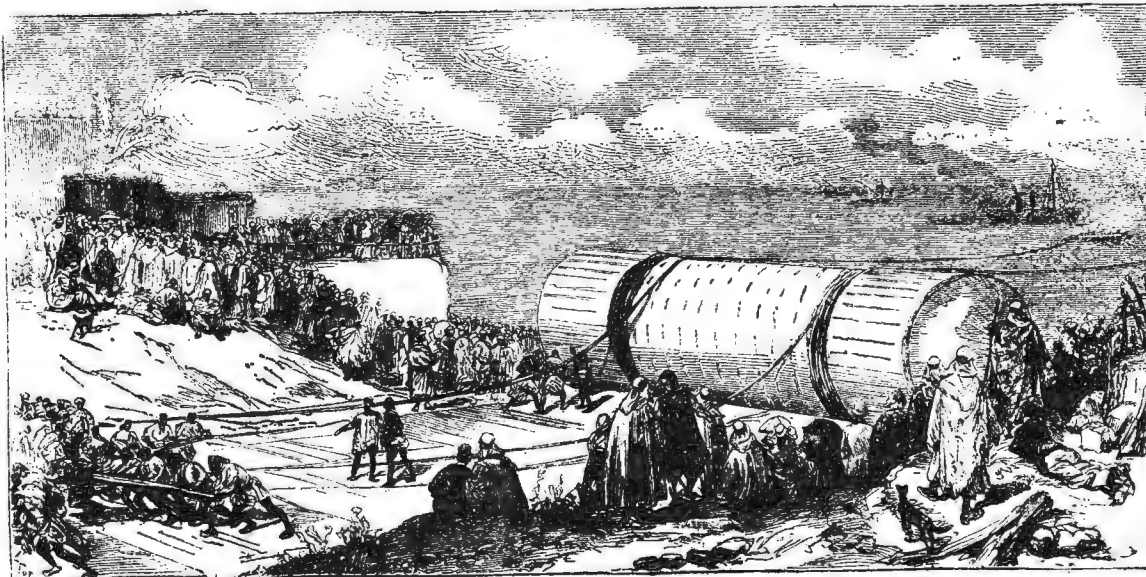
Александръ Петровичъ Сумароковъ. (Столѣтїе со времени его смерти).
Гис. и грав. А. Нейманъ.

раго березовскаго священника, подарить ему сдѣлать, свой барсовый плащъ богатый отдалъ—и обвѣнчалъ ихъ тайно священникъ.

Новая жизнь началась въ Меншиковскомъ домѣ, неожиданное, тихое счастье забралось подъ тесовую крышу. Прошла зима, лѣто наступило, лѣто короткое, да жаркое—сибирское лѣто. И часто этимъ лѣтомъ березовскіе жители видали молодую пару, согласно да любовно гулявшую по рѣчному берегу. Неузнаваемой стала Марья Александровна, даже все лицо ея преобразилось. Ушла куда то прежняя безжизненность, загорѣлись глаза ея темные, небывалый румянецъ на щекахъ вспыхивалъ—на диво похорошѣла она. Такъ что взгля-

Видъ положенія „Иглы“ въ желѣзномъ кессонѣ. Цинкогр. Кракова.

Отправка монолита „Игла Клеопатры“ изъ Александріи въ Лондонъ. Спускъ въ воду „Иглы“ въ желѣзномъ кессонѣ. Цинкогр. Кракова.

нужь на нее теперь можетъ быть и юный Императоръ не сказалъ бы что дурна она. Видно и прежде только счастья не доставало, чтобы сдѣлать ее прелестною. Она ходила постоянно въ черномъ платьѣ, съ окладкою изъ серебряной блонды. Это платье подарилъ ей Ѳеодоръ Васильичъ—привезъ онъ его съ собою. Но не продолжительно было счастье.

12 ноября 1729 года тихо на рукахъ дѣтей скончался Александръ Данилычъ. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ то и дѣлалъ, что молился, просилъ у Бога себѣ прощенья, рассказывался нелицемѣрно во всѣхъ старыхъ грѣхахъ своихъ.

Съ просвѣтленной улыбкой отдалъ Богу душу. А въ это время новая княгиня Долгорукая Марья Александровна готовилась стать матерью. Смерть отца на нее сильно подѣйствовала: она преждевременно разрѣшилась отъ бремени двойнями и черезъ день умерла; умерли и дѣти. Такъ и похоронили ее въ одной могилѣ съ ними. Было это 26 декабря и въ этотъ день ей исполнилось 18 лѣтъ отъ роду.

Вслѣдъ за ея кончиной явился гоноецъ изъ Москвы, Петръ II посылалъ дѣтямъ Меншикова вѣсть объ ихъ свободѣ, дозволеніе имъ жить въ деревнѣ. Слишкомъ поздно пришла эта милость: только Александра Александровна, да юный Александръ Александровичъ воспользовались ею.

Неутѣшный, совсѣмъ растерянный отъ горя, выѣхалъ изъ Березова князь Ѳеодоръ Васильевичъ и опустѣлъ домикъ, построенный знаменитымъ Данилычемъ и давно давно сравнялось и сгладилось мѣсто, гдѣ стоялъ онъ и никто во всей землѣ русской не зналъ тайну послѣдняго года жизни царской невѣсты: въ семьѣ хранили ее, не выдавали.

Долгіе годы прошли съ тѣхъ поръ, столѣтіе цѣлое въ вѣчность кануло и вотъ только въ 1825 г. 30 іюля узнали о томъ, что рассказано здѣсь нами.

Въ Березовѣ стали искать могилу Меншикова:—начала докапались до двухъ маленькихъ гробиковъ обитыхъ сукномъ алымъ. Раскрыли гробики—увидали кости младенцевъ, покрытыя зеленымъ атласомъ да два шелковыхъ головныхъ вѣнчика. Эти гробики стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ ввидѣ колоды изъ ведра, дли-

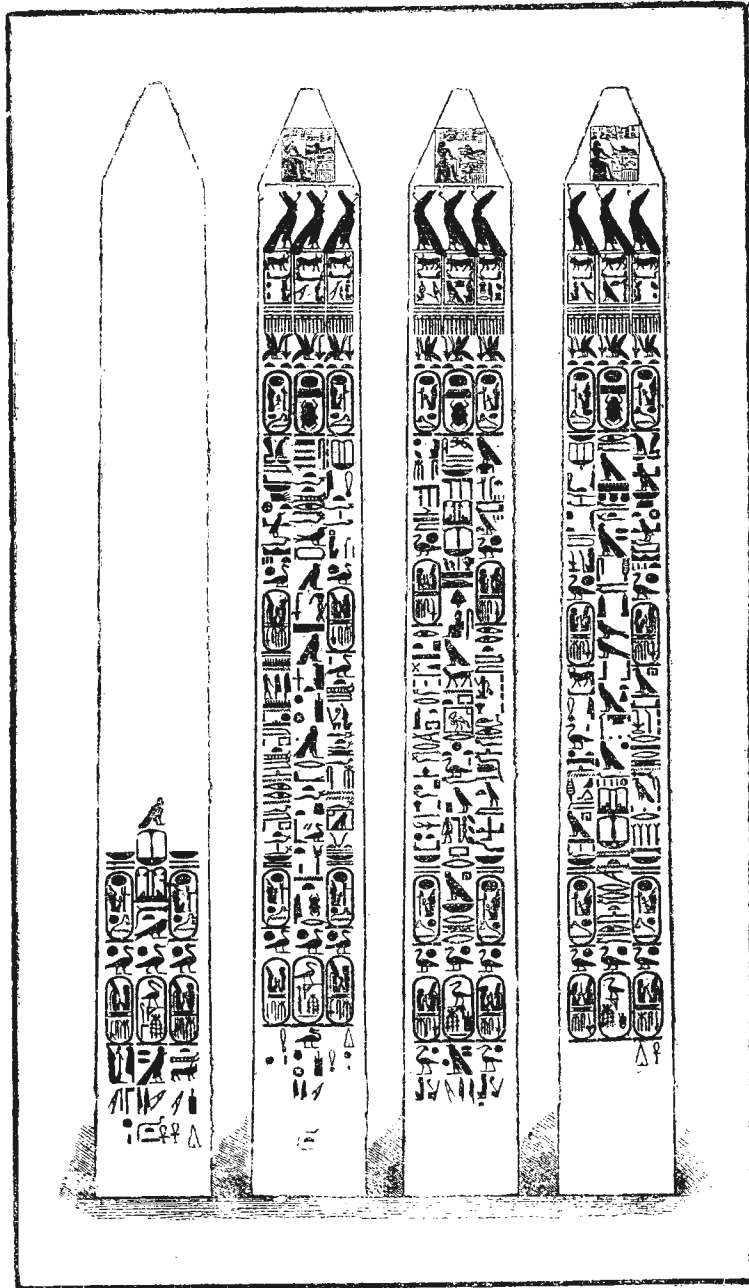
ною около трехъ аршинъ, и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, съ крестомъ изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. Сняли крышу и увидѣли женщину, покрытую атласнымъ зеленымъ покрываломъ. Покрывало со всѣхъ сторонъ было подложено подъ покойницу, потому не тревожа ее разрѣзали атласъ посерединѣ пошнцами. Сто лѣтъ тому назадъ похороненная оказалась почти свѣжею: лицо бѣлое съ синеватостью; зубы всѣ сохранились; на головѣ чепчикъ изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанный шелковой лентой; на лбу шелковый вѣнчикъ, плафрокъ изъ тонкой шелковой матеріи красноватаго цвѣта, на ногахъ башмаки съ высокими каблуками, книзу съуживающимися, передки остроконечные, изъ шелковой махровой матеріи. Могила оставалась цѣлый день открытою и къ вечеру лицо Марьи Александровны совершенно почернѣло. Гробъ опять зарыли въ землю.

Въ Березовѣ сохранилось еще одно воспоминаніе о царской невѣстѣ: въ Воскресенскомъ соборѣ тамошнемъ хранится золотой медальонъ, тонкой работы, а внутри его находится, свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ. Этотъ медальонъ поступилъ въ церковь по смерти князя Ѳедора Васильевича Большаго ничего не напоминая о Марьѣ Александровнѣ. Есть еще одинъ уголокъ земли русской, гдѣ упокоилась другая страдалница несчастная Дарья Михайловна. Въ селѣ Услопѣ, на Волгѣ, возлѣ домика сельскаго дьячка разведенъ маленькій садикъ съ огородомъ. Среди польни и крапивы видна старая надгробная плита и на ней сохранилась надпись: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д...“.

Пройдутъ еще годы, сотрется старая надпись, расколется въ дребезги, или уйдетъ въ землю и совсѣмъ забудется могильный камень. Истлѣютъ и свѣтлорусые волосы въ медальонѣ въ березовской церквѣ, но судьба несчастнаго семейства навѣки сохранится и въ русской исторіи и въ рассказахъ народныхъ какъ великій примѣръ тлѣнности земного величія и надеждъ человѣческихъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

(Продолженіе будетъ).

Факсимиле надписей на четырехъ сторонахъ обелиска: „Игла Клеопатры“.
Цинкогр. Бракова.

Александръ Петровичъ Сумароковъ.

(† 1-го октября 1777 года)

«Онъ, подобно Вольтеру, хотѣлъ блистать во многихъ родахъ и, не имѣя всеобъемлющаго ума фернейскаго философа, не достигъ ни въ одномъ совершенства, хотя, по справедливому замѣчанію Каравинна, оставилъ въ твореніяхъ своихъ многія красоты».
(Бантышъ-Каменскій. Слов. достоп. людей. V. 1886 года).

А. П. Сумароковъ родился въ Вильманстрандѣ, 14-го ноября 1717 года. Отецъ его, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Панкратьевичъ, былъ крестникомъ Петра Великаго и происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Первоначальное воспитаніе Александръ Петровичъ Сумароковъ получилъ дома, а на пятнадцатомъ году, въ маѣ 1832 г., онъ поступилъ въ „Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ“. По выходѣ изъ корпуса, молодому, родовитому и состоятельному Александру Петровичу Сумарокову удалось поступить въ адъютанты къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, знатнѣйшему и вліятельнѣйшему изъ вельможъ при императрицѣ Елизаветѣ. Подобными должностями въ то время очень дорожили и ревностно ихъ добивались, такъ какъ это былъ очень легкій путь дослужиться до большихъ чиновъ. Званіе „генералъ-съ-адъютанта“, какъ тогда называли, ввело Сумарокова во дворецъ и сдѣлало лично извѣстнымъ императрицѣ Елизаветѣ. Съ этихъ поръ начинается счастливая служебная карьера Александра Петровича, обладавшаго изрядною житейскою мудростію.

Личность Сумарокова, какъ *человѣка*, рисуется не въ очень привлекательномъ видѣ, но извиненіемъ ему можетъ служить отчасти то, что онъ былъ именно *сынъ своего отца*, и что въ то время и въ томъ обществѣ иначе и дѣйствовать было нельзя. Послѣ Петра Великаго, окружавшаго себя только людьми дѣльными, работниками и исполнителями его плановъ, и не любившаго роскоши, дворъ измѣнилъ свой высшій видъ. Его послѣдователи собирали вокругъ себя великолѣпную толпу придворныхъ и время проходили въ забавахъ и весельѣ.

Иностранныя труппы артистовъ, выписанныя Анною Ивановною, а потомъ Елизаветою, большою любительницею театральныхъ представленій, познакомили придворную публику съ ложно-классическою трагедіею и драмою. Началъ даваться произведенія Мольера, Расина, Вольтера и другихъ свѣтилъ французской литературы на французскомъ языкѣ. Выѣстъ съ этимъ нѣмецкое вліяніе и языкъ, оставшіяся послѣ Петра при дворѣ, начинаютъ уступать мѣсто французскому. Сумарокову знакомство съ ложно-классическою драматическою литературою, дало мысль написать по тому же псевдо-классическому шаблону и свое произведеніе.

Его трагедія „Хоревъ“ была написана по всѣмъ правиламъ ложно-классической трагедіи. Не смотря на сюжетъ, взятый изъ лѣтописныхъ сказаній о Кіевѣ, трагедія не даетъ ни малѣйшаго понятія объ описываемой эпохѣ: всѣ лица въ ней воспроизведены по извѣстному шаблону и чрезвычайно безжизненны и ходульны. Успѣхъ трагедіи былъ громадный, и за нимъ послѣдовало еще нѣсколько: „Гамлетъ“, „Синавъ“ и др. Но эти первые опыты русской драмы могли бы быть и послѣдними, если бы обстоятельства не сложились особенно благоприятно. Дѣло въ томъ, что для *русской драмы* не было *русскаго театра*. Но вскорѣ Сумароковъ узналъ, что въ Ярославлѣ существуетъ театръ, построенный купеческимъ сыномъ Оедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ. Волковъ, бывая по дѣламъ въ Петербургѣ, имѣлъ случай увидѣть представленія на придворномъ и казенномъ театрахъ и у даровитаго юноши явилась мысль самому завести театръ. Онъ отъ природы былъ склоненъ къ занятіямъ изящными искусствами и свободное время употреблялъ на ученіе живописи, ваянія и т. п. Въ Ярославлѣ онъ собралъ нѣсколько такихъ же, какъ и онъ юношей и устроилъ въ сараѣ кое-какую сцену, на которой разыгралъ драму „Эсфирь“. Ярославцамъ понравились эти представленія и Волковъ вскорѣ, благодаря помощи зажиточныхъ купцовъ и покровительству ярославскаго намѣстника, Мусина-Пушкина, устроилъ особый большой театръ, со всѣми приспособленіями, могущій вмѣщать до 1,000 человѣкъ зрителей. Тутъ

онъ ставилъ пьесы Сумарокова и свои собственныя оригинальныя и переводныя. Объ этомъ театрѣ узнали въ Петербургѣ при дворѣ, и Волковъ съ актерами былъ вызванъ въ 1752 г. изъ Ярославля по повелѣнію императрицы Елизаветы, а 30-го августа 1756 года послѣдовалъ „Именной указъ“ сенату объ учрежденіи русскаго театра съ директоромъ Сумароковымъ. Съ этого времени начинается хлопотливое для Сумарокова время.

Должность директора совмѣщала въ себѣ и должность драматурга, и бутафора, и режиссера, и пр. Въ этой должности Сумароковъ пробылъ до 1761 года. Онъ, какъ извѣстно, былъ чрезвычайно раздражительнаго и желчнаго характера, а неумѣстныя похвалы, рассыпавшіяся ему современниками, заставили его возмечтать о себѣ слишкомъ высоко и поставить себя не только на ряду, но чуть ли не выше величайшихъ писателей и древнихъ, и новыхъ.

При самомъ началѣ своей литературной карьеры, Сумароковъ былъ въ зависимости отъ Ломоносова и Тредьяковскаго, какъ академическихъ цензоровъ. Уже и тогда Сумарокову трубили о его выходящемъ будто бы изъ ряда талантѣ, о его гениальности, и ему было оскорбительно такое подчиненіе лицамъ, которыхъ онъ считалъ стоящими гораздо ниже себя по таланту и значенію для русской литературы.

Раздражительный, желчный Сумароковъ выходилъ изъ себя, когда видѣлъ, съ какимъ презрѣніемъ и сознаниемъ своего полнаго превосходства Ломоносовъ отражалъ его нападки и самъ, въ свою очередь, глумился надъ нимъ. Литературная вражда переходила въ личную. Въ 1759 году Сумароковъ сталъ издавать ежемѣсячное сатирическое сочиненіе „Трудолюбивую пчелу“, гдѣ и расправлялся со своими многочисленными врагами.

Въ 1765 году Сумароковъ избавился отъ своего непримиримаго врага—Ломоносова (онъ умеръ 4-го апрѣля 1765 года) и вздохнулъ свободно.

Въ это время Сумароковъ былъ уже отставленъ отъ должности директора театра съ пожизненною пенсіею 2,000 руб. въ годъ и имѣлъ рангъ бригадiera. Его неуживчивый характеръ заставилъ его безпрестанно сорочиться и писать жалобы на Высочайшее имя. Екатерина была ими выведена изъ терпѣнія. На посланную Сумароковымъ изъ Москвы въ 1770 году жалобу на фельдмаршала графа П. С. Салтыкова, Екатерина отвѣтила Александру Петровичу: „Вы болѣе другихъ, чай, знаете, сколь много почтенія достойны заслуженные славою и сѣдиною покрытые мужи, и для того *советую вамъ впродъ не входить въ подобныя споры*: черезъ что сохраните спокойствіе духа для вашихъ сочиненій, и мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ“.

Преданіе сохранило, впрочемъ, и хорошія черты характера Сумарокова. Рассказываютъ, что онъ во время прогулки встрѣтилъ однажды раненнаго офицера, *просившаго милостыню* и отдалъ ему тутъ же, на улицѣ, свой шитый золотомъ мундиръ и потомъ ходатайствовалъ за него. „И сей самый сострадательный человѣкъ“,—говоритъ Бантышъ-Каменскій,—въ минуты запальчивости своей, ломалъ палки на спинахъ бѣдныхъ учениковъ, которые не хорошо декламировали“.

Дочь Александра Петровича была замужемъ за извѣстнымъ писателемъ Яковомъ Борисовичемъ Княжниннымъ, развитіемъ своего таланта обязаннымъ въ значительной степени вліянію и руководству Сумарокова.

1-го октября 1777 года скончался Сумароковъ и похороненъ въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ; теперь уже пропали всякіе слѣды, указывающіе его могилу и мѣсто ея неизвѣстно. Всѣ сочиненія Сумарокова издалъ въ 1787 году Н. И. Новиковъ, въ десяти частяхъ. Въ нихъ заключаются всѣ его разнообразныя творенія въ стихахъ и прозѣ: историческія сочиненія, философскія разсужденія, полемическія статьи, комедіи, рѣчи, оперы, трагедіи въ стихахъ, переложеніе псалмовъ Давида, оды, басни, сатиры и разныя мелкія стихотворенія, наприм., надписи, посланія, элегіи, сонеты, эпиграммы и т. п.

А. Арс.

Александрійскій обелискъ „Игла Клеопатры“.

Англія недавно сдѣлала важное научное и художественное приобрѣтеніе,—она перевезла изъ Александріи лежавшій долгое время въ пескѣ обелискъ, извѣстный подъ именемъ „Игла Клеопатры“. Этотъ обелискъ былъ уступленъ Англіи египетскимъ правительствомъ еще въ началѣ текущаго вѣка (при знаменитомъ Мехемедѣ-Али-пашѣ); но Англія, сознавая, повидимому, право солдствениости на обелискъ, до настоящаго времени пренебрегала его перевозкою. И только, два три года назадъ, начались по этому поводу переговоры между Англіею и Египетскимъ Хедивомъ. Для переговоровъ съ хедивомъ и заключенія условія по этому предмету отправленъ былъ изъ Аятіи въ Египетъ генералъ Джемсъ Александеръ, который

привелъ дѣло къ успѣшному концу, такъ что въ нынешнемъ году рѣшено было перевести великолѣпный памятникъ древности изъ Александріи въ Лондонъ. Для распоряженія этимъ дѣломъ въ практическомъ отношеніи отправлены были въ Египетъ братья *Диксонъ, Джонъ и Уаймонъ*. Въ августѣ текущаго года началась укладка обелиска въ колоссальный желѣзный цилиндръ, на который сдѣлали еще деревянную обшивку. Цилиндръ при произведенныхъ опытахъ держался на водѣ хорошо, но вскорѣ просочилась вода между деревянной обшивкой и цилиндромъ, и массивная кладъ начала тонуть. Тогда работы по перевозкѣ были приостановлены до 7-го сентября. Деревянную обшивку сняли, и 7-го сентября колоссальная кладъ

была спущена въ воду удачно. Ее пустили плыть на буксирѣ за пароходомъ „Ольга“. Затѣмъ сзади другой пароходъ слѣдилъ за правильностью хода цилиндра. Плаваніе шло благополучно до Бискайскаго залива. Но здѣсь случилось страшное несчастье. Поднялась буря и пароходы, связанные громаднымъ грузомъ, въ видахъ спасенія жизни экипажа, должны были обрубить канаты и предоставить обелискъ его судьбѣ. Съ экипажа парохода „Ольга“ при этомъ утонуло 5 человекъ. Напрасно мужественный капитанъ парохода „Ольга“, Картеръ, употреблялъ всѣ усилія поправить дѣло—ничто не помогло. Однакоже,

по возможности, уменьшать слишкомъ большое напряженіе буксирныхъ канатовъ. Трудно представить болѣе печальную и страшную картину, чѣмъ та, какая представлялась ночью во время бури у пустыннаго Бискайскаго берега. Эту сцену изображаетъ нашъ рисунокъ. Читатель видитъ, что колоссъ, уступая напору волнъ, опрокинулся.

Но что же въ этомъ обелискѣ приобрѣла себѣ Англія. О научномъ и художественномъ значеніи этого приобрѣтенія мы и должны сказать нѣсколько словъ.

Для насъ теперь „obeliskъ Египта“ есть не болѣе какъ цѣн-

Буря въ Бискайскомъ заливѣ. Пароходъ, транспортировавшій кессонъ съ „Иглою Клеопатры“ отрываетъ его отъ себя.
По рисунку въ „Illustr. Lond. News“, грав. Вейерманъ.

къ счастью, брошенный на произволъ судьбы обелискъ, послѣ скитанія по волнамъ моря присталъ, спустя нѣсколько времени въ укрѣпленію Феррсаля и отсюда уже доставленъ былъ въ Англію. Замѣтимъ здѣсь, что длина желѣзнаго цилиндрическаго помѣщенія для обелиска простиралась до 30 метровъ, а его діаметръ до 5 метровъ, водозмѣщеніе же его достигало размѣра 280 тоннъ*). Въ цилиндрѣ находилось помѣщеніе для 4 матросовъ, обязанныхъ управлять движеніями обелиска и

нѣй остатокъ искусства древнихъ египтянъ, свидѣтельствующій (своими иероглифическими надписями) о степени культуры этого народа. Какое же значеніе имѣли обелиски для самихъ египтянъ? Вотъ вопросъ, пробуждающійся при первомъ взглядѣ на эти величественныя памятники? Отвѣтимъ здѣсь на этотъ вопросъ.

Религія египтянъ составляла обожаніе производительныхъ и охранительныхъ силъ природы; ихъ воззрѣніе на міръ было пантеистическое, т. е. природа и особенно оживляющее ее солнце и было для нихъ божествомъ. Весь рядъ ихъ

*) Тонна = 60 пудовъ.

Секретъ. Картина Тони Февръ, грав. Панемакеръ сынъ.

божествъ подчинялся этой идеѣ. Но божества у нихъ раздѣлялись на два рѣзкіе разряда: божество *света* и *мрака*. Соответственно этому дѣленію, египтяне строили и свои памятники. Всѣ *obeliski* были воздвигаемы на правой или восточной сторонѣ рѣки Нила и были посвящаемы богу *Ра*, богу жизни, свѣта, солнца, соответствующему греческому Аполлону. Напротивъ, всѣ *пирамиды* строились на западѣ, на лѣвой сторонѣ р. Нила и посвящались богу *Туму*, богу тьмы, смерти и подземнаго царства. На сторонѣ восхода солнца стояли слѣдовательно, обелиски, а на сторонѣ запада пирамиды. Обелиски воздвигали цари въ память своихъ славныхъ дѣлъ и благополучнаго царствования. Пирамиды—это гробы и послѣднія жилища тѣхъ же царей и поставлялись на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ иѣрили египтяне, цари должны были предстать предъ страшнымъ престоломъ вѣчнаго и правосуднаго судіи Озириса и дать ему отчетъ въ своихъ земныхъ дѣлахъ. Каждый Фараонъ считался воплощеннымъ сыномъ свѣтлаго божества *Ра* и назывался *Кенер-ра* и, какъ сынъ божества, онъ былъ вправѣ увѣковѣчить свои добрыя дѣла священными иероглифическими знаками на воздвигнутомъ обелискѣ. Озирисъ въ подземномъ царствѣ провѣрялъ эти добрыя дѣла.

Самые древніе обелиски были построены за 5,000 лѣтъ до Р. Х., т. е. уже когда культура египтянъ достигла значительной высоты. Обелиски ставились передъ входомъ въ храмы (по сѣбнмъ сторонамъ входа), такіе храмы строились только на восточной сторонѣ Нила, во славу бога *Ра*. Но съ теченіемъ времени обелиски переносились съ востока на западъ, слѣдовательно, всѣ западные обелиски Египта нужно считать перенесенными съ восточной стороны Нила, а не построенными на мѣстѣ, потому что это противорѣчло бы основной идеѣ египетскаго богочитанія, которую мы характеризовали выше. Такъ точно и обелискъ, составляющій предметъ нашей статьи (Игла Клеопатры) былъ именно перенесенъ вмѣстѣ съ другимъ обелискомъ, теперь еще стоящимъ въ Александріи, въ Александрію, и именно изъ Гелиополя (египетское названіе этого города *Омъ*). Въ Гелиополѣ эта перенесенная въ Александрію пара обелисковъ была сооружена за 1,600 лѣтъ до Р. Х., одновременно съ другою парой обелисковъ, находящихся теперь въ Константинополѣ и въ Римѣ. Эти двѣ пары обелисковъ построены въ Гелиополѣ знаменитымъ царемъ *Тутмосисомъ III*, эпоха котораго была самою цвѣтущею для Египта. Затѣмъ спустя два столѣтія послѣ Тутмосиса III, преемникъ его *Рамзесъ II*, или Сесострисъ грековъ, присоединилъ на лучшемъ изъ обелисковъ свои иероглифы къ иероглифамъ Тутмосиса, и эти иероглифы присоединены съ боку, что и дало поводъ французскому путешественнику Амперу высказать справедливое мнѣніе, что срединные иероглифы на обелискахъ всегда древнѣе, а боковые новѣе.

Изъ Гелиополя пара обелисковъ была перевезена въ Александрію уже Цезаремъ Октавіаномъ Августомъ и поставлена у храма посвященнаго Юлію Цезарю и названнаго *Цезариумомъ*. Одня изъ этой пары обелисковъ стоитъ еще и теперь—другой же, по всей вѣроятности отъ землетрясенія, давно уже упалъ и долгое время лежалъ засыпанный пескомъ—и вотъ только въ наше время его вырыли, и Британія, сдѣлавъ громадные затраты, перевозитъ его въ свой музей.

Надо замѣтить, что этотъ обелискъ далеко не изъ *большихъ* по размѣру. Самые большіе обелиски находятся въ Римѣ—одинъ близъ входа въ Лутеранскій соборъ, другой близъ церкви св. Петра. Настоящій, прибрѣтенный англичанами обелискъ (Игла Клеопатры) въ длину простирается до 68 футовъ 5½ дюймовъ; наибольшая ширина его (при основаніи) 7 фут. 10½ дюйм.; ширина же двухъ противоположныхъ боковыхъ сторонъ 7 фут. 5 дюйм. Какъ и у всѣхъ обелисковъ, ширина его постепенно уменьшается по направленію къ вершинѣ. За симъ всѣхъ этого обелиска составляетъ 186 тоннъ. Масса его измѣряется въ 2,529 кубич. футовъ. Перевозка опредѣляется стоимостью въ 10,000 фунт. стерлинговъ.

Читатели видятъ на прилагаемыхъ рисункахъ прекрасно и отчетливо отпечатанные иероглифы на обѣихъ сторонахъ „Иглы Клеопатры“. Въ Англійи эти иероглифы ожидаютъ тщательной разборки и разработки. Общій смыслъ надписей и факсимиле на „Иглѣ Клеопатры“ будетъ сообщенъ въ англійскомъ журналѣ „*Athenaeum*“ знатокомъ этого дѣла докторомъ *Бирчемъ* *). Уже теперь въ Англійи появились капитальныя сочиненія по этому поводу. Известный своей огромной церковно-библейской ученостью В. Р. Куперъ, секретарь Лондонскаго Общества Библейской Археологии, уже написалъ полное глубокой эрудиціи сочиненіе о египетскихъ обелискахъ вообще, о значеніи ихъ въ исторіи культуры и поднесихъ на нихъ. По причинѣ обширности и глубокой специальности этого предмета, мы, разумѣется, не можемъ здѣсь войти въ разсужденія о иероглифическихъ знакахъ на обелискѣ вообще и обелискѣ Клеопатры въ частности.

Понятно, какую сложную работу должно представлять прочтеніе иероглифовъ. Но разумѣется энергія ученыхъ не оста-

новится передъ этимъ, и мы вскорѣ при руководствѣ ученыхъ объясненій, прочтемъ и поймемъ весь смыслъ надписей обелиска Клеопатры. Здѣсь нужно отличить иероглифическіе знаки, действительно относящіеся къ временамъ Клеопатры, отъ знаковъ начертанныхъ Тутмосисомъ III и его преемниками. Но что могла написать на обелискахъ сама Клеопатра и что могла увѣковѣчить она?

Въ отвѣтъ на это, коснемся мимоходомъ ея исторіи.

Эта необыкновенная во всѣхъ отношеніяхъ женщина была дочь египетскаго царя Птолемея XI, и согласно завѣщанію отца, послѣ его смерти, имѣя только 17 лѣтъ отъ роду, вступила на египетскій престолъ, за малолѣтствомъ своего брата Птолемея XII. Но противъ нее вскорѣ составилась въ Египтѣ сильная партія, боявшаяся сильнаго характера Клеопатры и ея необыкновенныхъ дарованій. Въ это самое время была въ полномъ разгарѣ война между Помпеемъ и Цезаремъ. Послѣ битвы при Форсалѣ, побѣжденный Помпей бѣжалъ и, высадившись въ Пелузійумъ, убитъ. Этимъ думали предотвратить наступленіе Цезаря на Египетъ. Цезарь, однако, вскорѣ явился съ флотомъ въ Александрійскомъ рейдѣ. Нуждаясь для продолженія войны въ деньгахъ, онъ надѣялся здѣсь получить до 18 милліоновъ драхмъ *) за водвореніе порядка. Но затѣмъ Цезарь, бывшаго поклонника женскихъ прелестей, привлекла Клеопатра. Войдя вооруженною силою (съ 4,000 человекъ приѣхавшихъ съ нимъ на корабляхъ) онъ объявилъ себя защитникомъ ея трона и началъ знаменитую *Александрійскую* войну. Никогда величавый и смѣлый геній Цезаря не проявлялся въ такомъ блескѣ, какъ во время этой необыкновенно смѣлой войны **). Но въ то же время этотъ великій человекъ явился въ этой войнѣ истымъ разбойникомъ и грабителемъ Александріи. Онъ ограбилъ Александрійскіе храмы и утварь всѣхъ состоятельныхъ гражданъ—вооружилъ противъ себя все населеніе; былъ нѣкоторое время въ отчаяніи—но наконецъ побѣдилъ и немедленно, издавъ декретъ, объявляющій Клеопатру царицею Египта, наперекоръ правамъ ея брата. Цезарю было тогда 52 года отъ роду; не смотря на свои „степенныя“ лѣта, онъ, по картинному выраженію одного историка, „потерялъ свое сердце въ объятіяхъ египетской цардѣйки“. Клеопатра, по словамъ Плутарха, непонятнымъ образомъ очаровывала всѣхъ и cadaго; во всемъ ея существѣ была непреодолимо влекущая сила. Въ cadaго, видѣвшаго ее, она какъ будто возала сладостно-убійственное жало, которое чѣмъ дальше, тѣмъ глубже проникало въ душу. Ея необыкновенныя способности доказываются тѣмъ, что кромѣ родного греческаго, она объяснялась на множествѣ языковъ, между прочимъ на языкахъ: арабовъ, эіоповъ, троглодитовъ, сирійцевъ, мидянъ, корейнъ и евреевъ. Вскорѣ Клеопатра родила Цезарю сына, названнаго Цезариономъ. Цезарь взялъ ее потомъ съ собою въ Римъ, чтобы сдѣлать свидѣтельницей своего блестящаго триумфа. Но когда, вслѣдствіе заговора, Цезарь былъ убитъ въ Сенатѣ, Клеопатра въ ужасѣ бѣжала изъ Рима. Потомъ пыталась она отстаивать права Цезариона, какъ истаго сына Цезаря, и бывшаго настоящимъ портретомъ своего отца. По убіеніи Цезаря, она сдѣлалась супругою Антонія, но когда Антоній былъ побѣжденъ Октавіемъ, — лишила себя жизни. Судьба Цезариона, какъ и другихъ старшихъ дѣтей Клеопатры, вышла трагическая. Они умерщвлены, по желанію Октавія, который пощадилъ только дѣтей Клеопатры отъ Антонія.

Итакъ преданіе, что сама Клеопатра воздвигла въ Александріи храмъ въ память своего „великаго любовника“—весьма вѣроятно. Ея любовь къ Цезарю носила печать глубокой страстности и, какъ полубога, она, особенно пораженная его трагической смертью, почтила его храмомъ съ обелисками. А эти храмы, какъ мы сказали выше, выражаютъ свѣтлое торжество побѣды и составляютъ прямую противоположность пирамидамъ.

Обелиски эти, стройные и изящные, названы „Иглами Клеопатры“. Почему же именно иглами? Названіе очевидно заимствовано изъ преданія о смерти знаменитой египетской царицы. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей утверждаютъ, что Клеопатра передъ смертью носила въ своихъ волосахъ иглы, пропитанныя и смоченныя ядомъ, такъ что достаточно было укола такой иглы для быстрой и безболѣзненной смерти. Разу-мѣется, все это мало вѣроятно, да и вопросъ этотъ самъ по себѣ вовсе не представляетъ интереса. развѣ только по отношенію къ древнимъ авторамъ, почему-то страстно интересовавшимся вопросомъ о смерти Клеопатры и горячо спорившимъ: отъ ядовитой иглы или отъ укушенія змѣи умерла царица? Сохранилось, однако, преданіе, что на трупѣ Клеопатры, на верхней части руки, найдено нѣсколько легкихъ уколовъ иглою ***) и вотъ отъ этого и построенные ею обелиски стали называть „иглами“.

М. С.

*) Драхма въ древнемъ мѣрѣ имѣла непостоянную, колеблющуюся стоимость; но вообще можно положить, что тогдашняя египетская драхма составляетъ, на наши деньги приблизительно 35 нашихъ копѣекъ. Но при этомъ разсчетѣ, составляется огромная цифра въ 6,202,000 рублей на наши деньги.

**) Цезарь самъ описалъ ее въ превосходномъ и по достоинствамъ наложеніи единственномъ во всей римской литературѣ коротенькомъ сочиненіи „*De bello Alexandrino*“.

***) См. объ этомъ у *Диона Кассія*.

*) Д-ръ *Бирчъ* занимаетъ мѣсто почетнаго куратора египетскихъ древностей въ Британскомъ музеѣ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Подъ Плевной.

О взятіи Гривицкаго редута мы уже имѣли не разъ случай говорить и помѣщать рисунки; но кто же не знаетъ, что исторія каждаго боя необычайно богата всегда отдѣльными эпизодами. Этѣхъ эпизодовъ не только всегда много, но не будетъ преувеличеніемъ если мы скажемъ, что имъ нѣтъ конца: десятки тысячъ идутъ на смерть, забывая о ней, десятки тысячъ жизни гибнутъ, и это забвеніе смерти, и эта жизнь, угасающая мгновенно на полѣ битвы, каждая въ отдѣльности есть эпизодъ боя, эпизодъ столько же важный, какъ и самый бой, важный, конечно, не въ одномъ только стратегическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ проявленія особенностей каждаго бойца, его страстнаго самозабвенія, его отваги, смѣлости, его душевной жизни.

Смотри на картину, изображающую поле битвы, невольно вспоминаются слова поэта:

О поле, поле! Кто тебя
Усыялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы,
Кто на тебѣ со славой палъ,
Чьи небо слышало молитвы?

Эти же слова придутъ на мысль нашимъ потомкамъ и придутъ не разъ при видѣ тѣхъ полей, гдѣ теперь бьются наши герои. То, что теперь можетъ сохраниться при помощи печати, что войдетъ потомъ въ отдѣльные труды по исторіи войны, все это хотя отчасти будетъ служить отвѣтомъ на вопросъ потомства о подвигахъ нашихъ современниковъ.

Помѣщаемый здѣсь эпизодъ, давшій намъ поводъ къ выше-сказанному, относится ко времени, какъ мы замѣтили выше, взятія Гривицкаго редута. Содержаніе его ясно видно изъ рисунка.

Это именно „послѣдній часъ кровавой битвы“. Свалка идетъ ожесточенная и остается уже только нѣсколько мгновений до полнаго торжества побѣдителей. Майоръ Квитко, Архангелогородскаго полка, уже ворвался съ своими солдатами внутрь редута и успѣлъ, вспрыгнувъ на пушку, предупредить ея выстрѣлъ.

Невольно думается, что было бы, если бы этотъ выстрѣлъ не былъ во время предупрежденія? Прогудѣлъ бы еще пушечный ударъ и скосила бы рука смерти еще много, много жертвъ.

Ударъ канонира во время предупрежденія отважнымъ майоромъ, усиленнымъ сразить его прежде, чѣмъ онъ могъ дернуть роковой шнурокъ пушки. Майоръ ли снасъ товарищей, самого ли майора снаса судьба для спасенія товарищей—кто разрѣшитъ и гдѣ матеріалъ для разрѣшенія этого вопроса?

Здѣсь кстати будетъ рассказать еще нѣсколько эпизодовъ, передаваемыхъ газетными корреспондентами съ театра войны. Эти отдѣльные эпизоды могутъ служить подтверженіемъ, что такіе герои какъ майоръ Квитко не составляютъ въ нашей арміи исключенія. Такъ, напримѣръ, передаютъ, что ротѣ Канонерскаго полка приказано было занять одну мѣстность на рѣкѣ Ломѣ. Стоитъ рота день, другой. Вдругъ узнаютъ, что на противоположномъ берегу тысячъ до 50-ти турокъ. Наскакиваетъ на роту генералъ съ рекогносцировки.

— Что вы тутъ стоите?

— Туркамъ переправиться прештасгуемъ, ваше превосходительство.

И дѣйствительно, случись со стороны турокъ намѣреніе переправиться, рота не задумалась бы открыть огонь по турецкой арміи. Слова нѣтъ, погибла бы вся рота до послѣдняго солдата, но погибла-бы, не поколебавшись ни минуты и не покинула бы своего поста. Укажемъ еще на слѣдующій примѣръ:

2-й Донской полкъ, раздосадованный на увертливыхъ черкесовъ, которые никакъ не подѣзжали къ нему на близкое разстояніе, сталъ ловить ихъ на слѣдующую штуку. То одинъ казакъ, до другой упадетъ съ лошади и остается въ полѣ, тогда какъ остальные казаки медленно отѣзжаются. Черкесы начали подсакивать, чтобы захватить жертвы, но лишь только они досакивали, какъ „орду“ наши били на выборъ.

Турецкая стена особенно стрѣляла по гусарамъ. Ставать въ цѣпи драгунъ.

— Смотри въ оба. Вчера опять убили гусара здѣсь.

— Въ насъ, ваше благородіе, не будутъ.

— Почему это?

— Гусары имъ надобны... Они съ нихъ штаны себѣ на фески снимаютъ.

Понадобилось какъ-то изъ нашей цѣпи послать посмотришь, что дѣлается у турокъ, чтобы сообразовать расположеніе аванпостной линіи.

— Эй, Гавренко... вызываетъ начальникъ.

Вызываетъ на зовъ солдатъ и смотритъ, какъ и быть слѣдуетъ, прямо въ глаза „начальству“.

— Поѣзжай-ко туда... И затѣмъ слѣдуетъ инструкція, что сдѣлать.

— Понялъ?

— Понялъ, ваше высокоблагородіе!

Солдатъ спокойно поворачиваетъ лошадь и уже отѣхалъ по назначенію, когда полковникъ ему крикнулъ.

— А если тебя убьютъ?

— Такъ я тамъ останусь тогда, ваше высокоблагородіе.

Или еще примѣръ:

Граната лопается въ батареѣ. Командиръ приказываетъ солдатамъ лечь въ ложементы. Всѣ неохотно идутъ туда.

— Они всѣ! такія! успокоиваетъ солдатникъ, непонимающей, чего тутъ прятаться.

Но при всей своей необычайной готовности лечь костями на полѣ битвы, какою въ то же время простотою и незлобивою отличался русскій солдатъ. Такъ, напримѣръ, газетный корреспондентъ передаетъ слѣдующую сцену:

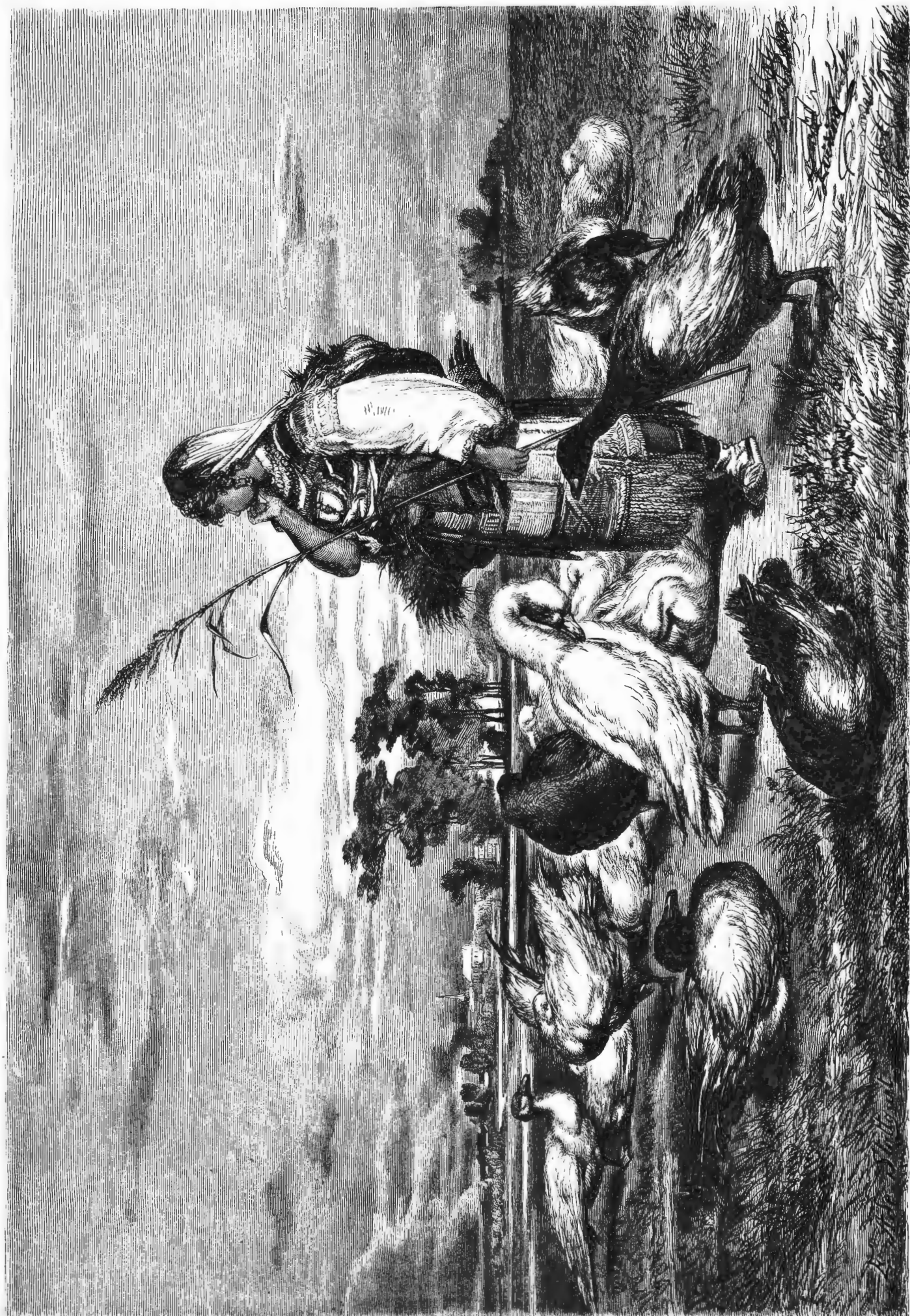
На одной телегѣ везли въ лазаретъ раненыхъ — русскаго унтеръ-офицера и турецкаго низама. Отъ тряски на скверной дорогѣ они держались другъ за друга, обнявшись. Полковникъ далъ унтеръ-офицеру сигару. Тотъ покурилъ ее и передалъ низаму, который въ свою очередь снова далъ затануться унтеръ-офицеру и такъ они продолжали чередоваться, пока не выкурили всей сигары.

И эти же два столь мирные и столь внимательные сосѣди быть можетъ часъ тому назадъ были злѣйшими врагами. Въ чемъ же сокровенный тайникъ отваги и храбрости? Ужь, конечно, не въ личной ненависти къ врагу, а въ исполненіи свято сознаваемого долга службы отечеству.

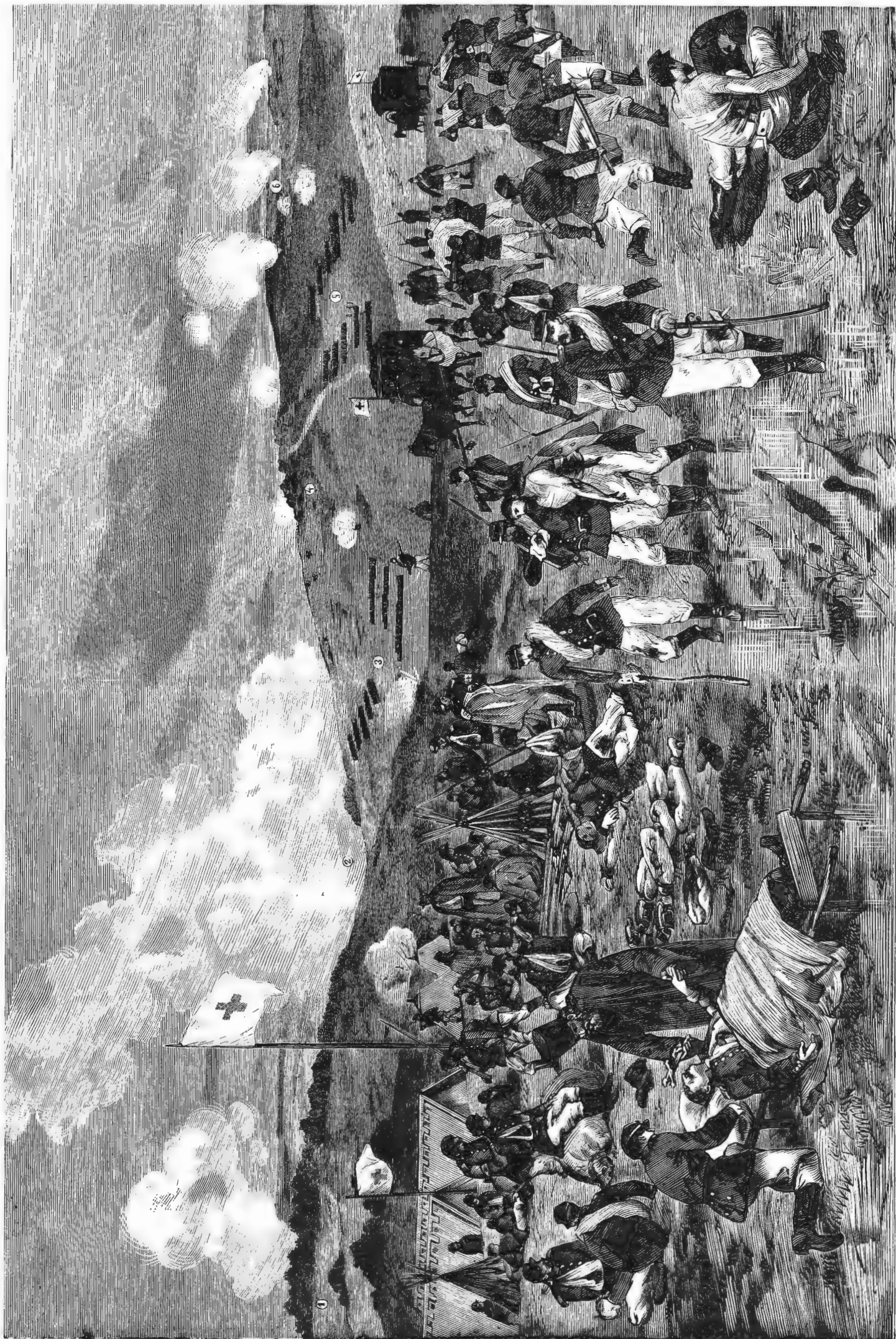
Но говоря о подвигахъ нашихъ героевъ, мы уклонились нѣсколько отъ главнаго предмета статьи, именно отъ разсказа о томъ, что представляетъ собою теперь Плевна. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, болгары, приходящіе изъ Плевны, передаютъ о затруднительномъ положеніи турокъ отъ неимѣнія достаточнаго количества пищи и о желаніи значительной части гарнизона сдаться. Болгары говорятъ (хотя, надобно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ ихъ словамъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью), что турки питаются вареной пшеницей и кукурузой и что теперь Софійская дорога отрѣзана и сильно занята пѣхотой, а румыны подвинулись впередъ по западному берегу Виды; остается небольшой пробѣлъ прямо на западъ отъ Плевны, но и онъ, вѣроятно, будетъ занятъ кавалеріей до прибытія пѣхоты. Этотъ пробѣлъ не былъ укрѣпленъ турками, но этому занять его не составило большого труда. Со стороны Османа, конечно, будетъ предпринята попытка прорваться чрезъ линію обложенія, но это далеко не легкое дѣло. Плевна стоитъ въ долинѣ, окруженной высотами, занятыми русскими, поэтому туркамъ трудно пробираться по промежуточнымъ долинамъ.

Вслѣдствіе постоянного артиллерійскаго огня около Плевны, надъ долиною и турецкими позиціями поднимаются свинцовая съ сѣрыстымъ запахомъ облака, не позволяющія распознавать предметы за русскими линіями, и наблюдатель, стоящій на русскихъ высотахъ, вспоминаетъ Дантовскій „Адъ“ съ мрачной долиною внизу, въ которую безпрерывно летятъ разрушенія, а глухой ревъ лопающихся гранатъ еще болѣе усиливаетъ иллюзію. Мрачное молчаніе, царствующее на турецкихъ линіяхъ, увеличиваетъ таинственность, и только когда союзная пѣхота сдѣлаетъ попытку подвинуться впередъ, градъ мусульманскихъ нуль показываетъ, что есть жизнь въ этой туманной долинѣ и на ея внутреннихъ высотахъ.

Окрестности Гривицкаго редута долго распространяли заразу, такъ какъ турки отказывали въ дозволеніи похоронить убитыхъ и предпочитали жить сами въ вонючей атмосферѣ, которая была убійственною при страшномъ солнцепекѣ. Они долго не соглашались сдѣлать уступки русскимъ, но вѣроятно имъ стало и самимъ, наконецъ, невыносимо дышать въ такой атмосферѣ—и похороны труповъ, гнившихъ около Гривицкаго редута, наконецъ состоялись 22-го октября. Именно въ этотъ день съ 9 часовъ утра артиллерійскій и ружейный огонь прекратился по всей линіи. Перемиріе, заключенное для погребенія павшихъ, назначено было всего на нѣсколько часовъ, именно до 2-хъ пополудни. Прежде всего послали въ первую турецкую позицію нѣсколько русскихъ и румынскихъ офицеровъ, чтобы опредѣлить демаркаціонную линію. Всѣ войска, стоявшія въ передовыхъ позиціяхъ—русскіе, румыны и турки,—сняли оружіе и выстроились по обѣимъ сторонамъ демаркаціонной линіи. Парашеты и всѣ возвышенности, дающіе возможность видѣть происходившее, были усыпаны солдатами. Погребеніе убитыхъ было предоставлено одинаковому, заранее опредѣленному числу солдатъ изъ обѣихъ армій. Для воинновъ, павшихъ во время послѣднихъ битвъ, были вырыты могилы по обѣимъ сторонамъ демаркаціонной линіи, и русскіе и румыны похоронены вмѣстѣ, а турки отдѣльно. Много тѣлъ, оставшихся непогребенными послѣ первыхъ битвъ, пришлось зарыть на томъ мѣстѣ, гдѣ они были находимы, такъ какъ разложеніе дошло

Болгарская дѣвушка, пасущая стадо гусей. Рис. профессора Зверина, грав. Е. Адэ.

Перевозочный пункт Русскаго Краснаго Креста близъ Гаджшова (подъ Пловной). Съ рисунка «Monde illustré», грав. Вейермангъ.
 1) Перевозочный пунктъ Русскаго Краснаго Креста. 2) Турецкія батареи въ Гаджшое. 3) Русская пѣхота. 4) Русскія батареи. 5) Русская пѣхота. 6) Турецкія батареи.

уже до такой степени, что тѣла распались при первомъ прикосновеніи. Оружіе, найденное на полѣ битвы, было раздѣлено поровну между русско-румынской и турецкой арміей. Турки, впрочемъ, предложили, черезъ посредство своихъ офицеровъ, оставить неприятелю доставляющія имъ часть оружія. При погребеніи присутствовало нѣсколько иностранныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и австрійскій подполковникъ баронъ Ланейзентъ. Въ 2 часа убитые были погребены, войска вернулись на свои позиціи, а еще черезъ полчаса между обѣими арміями снова началась канонада.

Спустя нѣсколько времени уже снова оказались раненые и убитые, хотя, конечно, ихъ положеніе рѣзко отличалось отъ положенія тѣхъ, которые были жертвою смерти при неудавшейся атакѣ на второй Гринвичкій редутъ. Теперь раненые уже не оставались безпомощными на полѣ битвы (куда даже нельзя было и подойти послѣ отступленія), а препровождались на перевязочный пунктъ, на попеченіе членовъ общества русскаго Краснаго Креста.

СЕКРЕТЪ.

(Картина Тони-Февръ).

Смотря на прекрасную фигуру молодой, красивой и дышащей здоровьемъ женщины, является самъ собою вопросъ: кто она такая, эта молодая женщина? Художникъ намъ не объясняетъ ни ея имени, ни ея званія—и въ этомъ-ли заключается самое названіе картины: „Секретъ“ или въ томъ листочкѣ бумажки, который молодая женщина прячетъ у себя на груди, или, наконецъ, слово: „секретъ“ собственно относится къ мѣсту, куда опускается письмо.

Вѣрнѣе сказать, все это вмѣстѣ взятое и составляетъ секретъ. Художникъ быть можетъ и не выразился бы такою тройственною таинственностью, если бы молодая женщина не была такъ красива. И на что знать ея имя? Справедливо поэтъ (А. С. Пушкинъ) говоритъ отъ лица такой красавицы:

Что въ имени тебѣ моему?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальній,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ!

Дѣло, конечно, не въ имени, а въ томъ, кто это имя носить. Но собственно говоря, здѣсь по отношенію къ предмету нами разсматриваемому и этотъ второй вопросъ, о томъ *кто она*, тоже не имѣетъ ровно никакого значенія. Здѣсь вопросъ не о лицѣ и не о имени, а о томъ, какъ написана картина, какъ художникъ овладѣлъ изображенными имъ предметомъ. Здѣсь вопросъ объ искусствѣ, вопросъ, слѣдовательно, безконечно важный въ сравненіи со всѣми другими вопросами. Есть у покойнаго поэта Щербяны слѣдующія слова:

Будь непреклоненъ душой для мірскихъ искушеній,
Праздникъ мгновенно пройдетъ и сокроются дѣвы,
Въ будничной жизни ты ихъ красоты не узнаешь.
Холодъ житейскихъ волненій скуетъ твою душу,
Мелкія придутъ заботы о хлѣбѣ всеневномъ;
Старость недуги съ собой принесетъ и печали...
Все разрушается, все измѣняетъ въ подлунной:
Только искусство тебѣ никогда не измѣнитъ,
Только въ искусствѣ таятся прямое блаженство,
Только въ искусствѣ обѣщанный людямъ Элизій.

Но міръ искусства—міръ глубокой, и въ храмахъ его, для всякаго открытыхъ, не всѣмъ находится мѣсто: изъ многихъ зрячихъ, входящихъ въ эти храмы, нѣкоторые при входѣ дѣлаются слѣплыми, нѣкоторые получаютъ способность видѣть не то, что въ картинахъ изображено, а именно то, чего въ нихъ вовсе нѣтъ... И далеко еще до того времени, когда храмы искусства будутъ дѣйствительно признаваться храмами, а не мѣстомъ для удовлетворенія празднаго любопытства многихъ.

И авторъ картины, быть можетъ, тоже имѣлъ въ виду именно этихъ послѣднихъ любителей искусства. Онъ захотѣлъ отчасти удовлетворить ихъ слабости и вырѣзалъ побольше корсажа у платья изображенной имъ женщины, вырѣзалъ для того чтобы обнаружить нѣкоторую часть нынѣшнихъ формъ ея груди. Французскіе художники на этотъ мотивъ очень нады, конечно потому, что таковы наклонности общества, ищущаго въ искусствѣ не то, что въ немъ главное, а то, чего въ немъ нескать вовсе не слѣдуетъ.

Однако по поводу картины, давшей намъ случай во всему вышесказанному, не лишнимъ будетъ припомнить нѣчто изъ исторіи, тоже по поводу манеры дамъ прятать записочки въ секретныя мѣста.

Исторія передаетъ намъ случай, бывший съ Людовикомъ XIII. Онъ оказался однажды въ большомъ затрудненіи, замѣтивъ какъ m-ле Лафайетъ продѣлала въ его присутствіи тоже самое съ записочкой, что изображено на нашей картинѣ. Про-

дѣлка, видимо, была очень неловкая, такъ какъ король замѣтилъ ее. Въ нетерпѣннн узнать секретъ, онъ началъ настаивать на томъ, чтобы бумажка была вынута и ему показана, но m-ле Лафайетъ на это не соглашалась. Тогда король нашелъ слѣдующій выходъ изъ своего затруднительнаго положенія: не смѣя коснуться рукою до того мѣста, гдѣ скрытъ былъ секретъ, онъ взялъ щипцы отъ каміна и ими извлекъ оттуда желаемый листочекъ бумажки. Такъ была соблюдена деликатность и узнанъ секретъ, о содержаніи котораго исторія, впрочемъ, благоразумно умалчиваетъ.

Какая участь ожидаетъ письмо нашей красавицы, будетъ ли оно сохранено втайнѣ отъ того, кому о немъ знать не слѣдуетъ, или тоже при помощи какого нибудь орудія оно будетъ извлечено изъ заповѣднаго мѣстечка—объ этомъ предоставляется каждому рѣшать такъ, какъ ему вздумается.

БОЛГАРСКАЯ ДѢВУШКА, ПАСУЩАЯ ГУСЕЙ.

Рисунки проф. Звѣрина уже не разъ появлялись въ „Нивѣ“. Помѣщаемый въ этомъ номерѣ изображаетъ болгарскую дѣвушку, пасущую гусей. Рисунокъ этотъ заставляеть зрителя здумываться, неужели изображенная дѣвушка—болгарская пастушка. Одѣта она такъ, что для пастушки, стерегущей гусей, совершенно непозволительная роскошь. Едва ли такъ одѣваются, или по крайней мѣрѣ одѣвались въ Болгаріи въ недавнее время (увъ, такъ рѣзко отличающееся отъ настоящаго). Всего скорѣе это случайность: вѣроятно художнику удалось подмѣтить эту сцену въ какой-нибудь праздничный день, быть можетъ молодая хозяйская дочь, разодрѣвшись въ лучшіе свои наряды, вышла на поляну, а гуси—за нею. Пошла она дальше, не замѣчая ни гусей, ни окружающей ея обстановки. Солнце такъ ярко свѣтитъ, воздухъ такой тихій и на душѣ такъ легко и свѣтло. Не даромъ поется въ пѣснѣ:

„Какъ здоровъ, да молодъ—
Безъ веселья веселъ!..“

Такъ и оказалась дѣвушка случайно пастушкой, и быть можетъ, увлеченная своей новой ролью, пѣла, подобно русскимъ дѣвушкамъ:

„Вы, гуськи мои, за мной!

Встрѣтивъ ее художникъ; застыдилась она, прикрылась рукавомъ и думала, что такъ они и разойдутся съ нимъ, не сказавъ другъ другу ни слова. Оказалось, что онъ пустился въ разговоры: кто такая, да откуда, да давно-ли пасетъ гусей и т. д.

— Ахъ, господишь, за чѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете, отвѣчаетъ, наконецъ, она, и сама смѣется.

— А развѣ это вамъ обидно, переспрашиваетъ художникъ, тоже смѣясь.

— Обидно не обидно... Но я вѣдь не пасу гусей!..

— Но однакожь вы съ гусями!..

— Да вѣдь, пожалуй, и я могу про васъ тоже сказать, вѣдь и вы тоже теперь съ-гусями!..

И оба смѣются: дѣвушка смѣется потому, что ей, „вообще“ весело, а художникъ потому, что дѣвушка смѣется. Если же, при этомъ, встрѣтившійся художникъ и самъ молодой чело-вѣкъ, то что же еще можетъ быть веселѣе и гдѣ же послѣ этого искать настоящаго веселья.

Еще Гоголь замѣтилъ, что стонъ юнкеру сказать какое нибудь слово—барышни заливаются хохотомъ, статскій же совѣтникъ и о пространствѣ Россіи заговорить, и о томъ, о другомъ—вѣтъ, не беретъ, и самъ онъ несравненно больше смѣется при этомъ, чѣмъ та, которая его слушаетъ.

Однако нашъ художникъ не промахъ: смѣхъ—смѣхомъ, а въ альбомѣ своей онъ все таки успѣлъ красавицу занести и съ гусями вмѣстѣ.

Всѣ эти мысли мы высказываемъ на томъ основаніи, что люди—вездѣ люди, и въ Болгаріи, конечно, они не исключеніе. И тамъ, какъ и вездѣ на бѣломъ свѣтѣ, стережъ гусей пойдетъ скорѣе всего бѣдная дѣвушка, сиротка, у которой нарядовъ всего на всего только то, что на плечахъ.

Достоинства рисунка, само собою понятно, не уменьшаются отъ этого, и художникъ, ловко набросавшій въ свой альбомъ болгарскую дѣвушку, окруженную гусями, этимъ ему пріидать только больше прелести и жизни.

Увы, повторяемъ, въ настоящее время Болгарія такъ рѣзко отличается сама отъ себя въ сравненіи съ недавнимъ временемъ. Нигдѣ не встрѣтишь теперь такой мирной сцены, какая представляема на прилагаемомъ рисункѣ: все, что могло куда-нибудь и какъ нибудь убраться, убралось, бросивъ свои лица. Все что запоздало, не могло почему либо бѣжать,—попало въ озлобленныя звѣрскія когти турокъ, остались отъ этихъ котей только пепелица, да труны истерзанныхъ и измученныхъ жертвъ.

Мысли замѣчательныхъ людей.

Мы образуемъ свою совѣсть по волѣ страстей своихъ и думаемъ, что всего уже достигли, когда успѣли только обмануть самихъ себя (Боскюэтъ).

Тотъ, кто вѣчно думаетъ какъ-бы повеселиться, рискуеть скучать очень долго (Бальзакъ).

С М Ъ С Ъ.

Основательно! Когда осенью 1792 г. объявлена была во Франції республика—дипломаты Стамбула (такъ разсказывали въ то время, можетъ быть въ шутку) долго немогли уяснить себѣ, что собственно значить слово «республика»? Однако, поломавъ голову, они наконецъ рѣшили признать «Республику» французовъ, принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что она, республика, не можетъ жениться на австрійской принцессѣ.

Глава вѣнскаго дома Ротшильда получаетъ отъ принадлежащихъ ему акцій желѣзныхъ дорогъ доходъ въ 38 000,000 гуль-

деневъ; операція его банкирскаго фирмы даютъ ему, по меньшей мѣрѣ, 20,000,000 г. въ годъ, сверхъ прибылей отъ дѣлъ другихъ домовъ фирмы Ротшильда. Ежегодный доходъ вѣнскаго Креза опредѣляется, среднимъ числомъ, въ 85.000,000 гульденевъ (болѣе 50 000,000 р.)

Въ Англіи, желѣзно-дорожная катастрофа не дешево обходится компаніи. Недавно желѣзная дорога Гретъ-Вестернъ принуждена была заплатить священнику Гардинеру 60,000 ф. стер. вознагражденія за поврежденія, полученные имъ во время столкновенія поѣздовъ подъ Шипенгамомъ.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Наконецъ общая картина военныхъ дѣйствій на обоихъ театрахъ войны можетъ резюмироваться словами, что «турецкая армія, въ своихъ нунтахъ, находится въ безотраднѣмъ положеніи», успѣхъ же русскихъ обезпеченъ. Сэръ Лейярдъ, этотъ чувствительный барометръ европейской политики, уже совѣтуетъ портѣ обратиться къ европ. ейскимъ державамъ «съ просьбою о посредничествѣ». Хотя султанъ и медлитъ послѣдовать совѣту Лейярда, но это доказываетъ только полнѣйшее замѣшательство правительства падишаха въ данномъ случаѣ *) Въ успѣхахъ нашихъ на Зикавказскомъ театрѣ за прошлую недѣлю замѣтна систематическая послѣдательность, которая не могла не поразить неприятно и турецкихъ стратеговъ и заботливыхъ туркофиловъ. Ключъ къ успѣхамъ въ Малой Азійѣ перешелъ къ намъ уже послѣ побѣды при Авлярѣ. Соединенные отряды генераловъ Леймана и Терюкасова разбили, послѣ упорнаго 9-ти-часоваго боя, войска Мухтара и Измаила пашей на укрѣпленной позиціи Деве-Бойна. Турки бѣжали въ разстройствѣ и бросили лагерь, орудія и запасы. При этомъ нашими трофеями были: 40 орудій, 8 офицеровъ болѣе 300 нижнихъ чиновъ и огромные запасы боевыхъ снарядовъ. Влестящему дѣлу этому предшествовало прерваніе нашими войсками (на прошлой же недѣлѣ) сообщеній между Батумомъ и Эрзерумомъ.

Взятіе Деве-Бойнскихъ высотъ равняется взятію ключа къ Эрзеруму, такъ какъ послѣ взятія этихъ высотъ ведутъ уже свободные пути къ Эрзеруму, лежащему въ верховьяхъ рѣки Евфрата. Вотъ въ смыслѣ взятія ключа къ Эрзеруму и важна Деве-Бойнская побѣда и затѣмъ она важна еще въ томъ отношеніи, что всѣ шансы успѣха на Малоазіатскомъ театрѣ войны находятся въ нашихъ рукахъ. Турецкую же армію развѣ ужь особое чудо пророка спасетъ отъ гибели. Мухтаръ-паша съ ездъ уцѣлѣвшими остатками арміи отступаетъ теперь къ Трапезунту, т. е. дѣлаетъ громадный переходъ къ сѣверо-западу, на южный берегъ Чернаго моря. Разумѣется, пораженный паша попытается въ Трапезунтѣ оправиться и запарастись провіантомъ. Но очень возможно, что наши войска, идущія отъ Олти (къ сѣверу отъ Эрзерума) перерѣжутъ ему путь. Изъ Батума же прибытіе подкрѣпленій къ Эрзеруму не возможно (по причинѣ, какъ сказано выше, перерѣза этого луга колонною нашихъ войскъ, выступившею изъ Олти).

Но и блестящимъ дѣломъ при Деве-Бойнѣ еще не ограничились наши успѣхи въ Закавказьѣ за прошлую недѣлю. Подъ Карсомъ 24-го октября тоже происходило славное дѣло. Генералъ Лазаревъ въ этотъ день занялъ позиціи предъ юго-восточными фортами Карса, для возведенія новыхъ осадныхъ баттарей. Турки пытались провозвести атаку занятыхъ нами позицій, и ихъ поддерживалъ сильный огонь со всѣхъ фортовъ крѣпости. Атака турокъ совершенно не удалась; они отступили въ беспорядкѣ, преслѣдуемые нашими войсками до укрѣпленія Хафизъ-Паши-Табія. Но и здѣсь, увлеченные преслѣдованіемъ, два батальона нашего Кутаискаго полка, подъ начальствомъ полковника Оадѣева, не взирая на перекрестный артиллерійскій и ружейный огонь, ворвались въ помануюте укрѣпленіе, положили здѣсь штыками большую часть гарнизона, испортили орудія и взяли въ плѣнъ 10 офицеровъ и 40 нижнихъ чиновъ. Наши потери незначительны. Дѣло это нужно причислить къ категоріи блестящихъ.

Засимъ, основываясь на словахъ одного компетентнаго англичанина (взятаго въ плѣнъ), нужно сказать, что Карсъ, даже при упорной оборонѣ, не можетъ держаться болѣе мѣсяца. Что касается Эрзерума, то хотя открытою силой его взять и трудно, за то путь къ нему совершенно очищенъ и затѣмъ армянское населеніе Эрзерума положительно расположено къ намъ и ненавидитъ турокъ.

На Дунайскомъ театрѣ войны особенно важныхъ дѣлъ за прошлую недѣлю не было.

Наши кавалерійскіе отряды продолжаютъ свои наступательныя дѣйствія на западъ отъ Плевны. Кавалерійскія рекогносцировки заходятъ теперь даже за Рахово, по направленію къ Ломъ-Паланкѣ *). Здѣсь наши уланы испортили телеграфъ. При осмотрѣ Рахова 24-го октября оказалось, что оно укрѣплено и занято 1,500 пѣхоты съ 3-мя орудіями. Завидѣвъ русскіе кавалерійскіе отряды,

часть турецкихъ войскъ отступила отъ Рахова къ Ломъ-Паланкѣ. Здѣшнее турецкое населеніе бѣжало на Софійское шоссе. Съ этой стороны, очевидно, прибытіе турецкихъ подкрѣпленій, напримѣръ, изъ Видина, въ настоящее время крайне затруднено и почти невозможно. Но съ другой стороны телеграммы иностранныхъ газетъ на прошлой недѣлѣ сообщали, что турецкія силы сосредоточивались около Верхняго Лома. Какая же была дѣль подобнаго сосредоточенія? Можно было предполагать, что турки имѣли въ виду направить значительныя силы на Тырново, Селвию и Ловчу и что сюда же намѣренъ былъ прорваться изъ Плевны Османъ-паша. Дѣйствительно ли имѣлся или имѣется подобный планъ у турокъ—пока еще не представляется яснымъ.

Не можемъ не прибавить здѣсь, что, по извѣстіямъ телеграфа, турки въ Орханізі (близъ Софіи) успѣли сосредоточить свои силы и запасли здѣсь до 3,000 штукъ теплой одежды для доставки въ Плевну. Въ виду этого съ нашей стороны является необходимость энергическаго форсированія Плевно-Софійскую дорогу, чтобы прервать всякое сообщеніе съ Орханізі. Между Русукомъ и Журжѣво выстрѣлы пока прекратились, надолго-ли—сказать трудно. Мы помѣщаемъ въ этомъ номерѣ рисунокъ дающій понятіе о направленіи выстрѣловъ между двумя этими пунктами.

Изъ Ботога отъ 29-го октября извѣщаютъ, что отрядомъ генерала Леонова, состоявшимъ изъ полковъ лейбъ-гвардіи: конно-гренадерскаго, драгунскаго и уланскаго, взяты гор. Браца (къ западу отъ Плевны) и захвачены при этомъ запрещенный транспортъ болѣе 1,000 подводъ и большіе склады муки, галетовъ и ячмени.

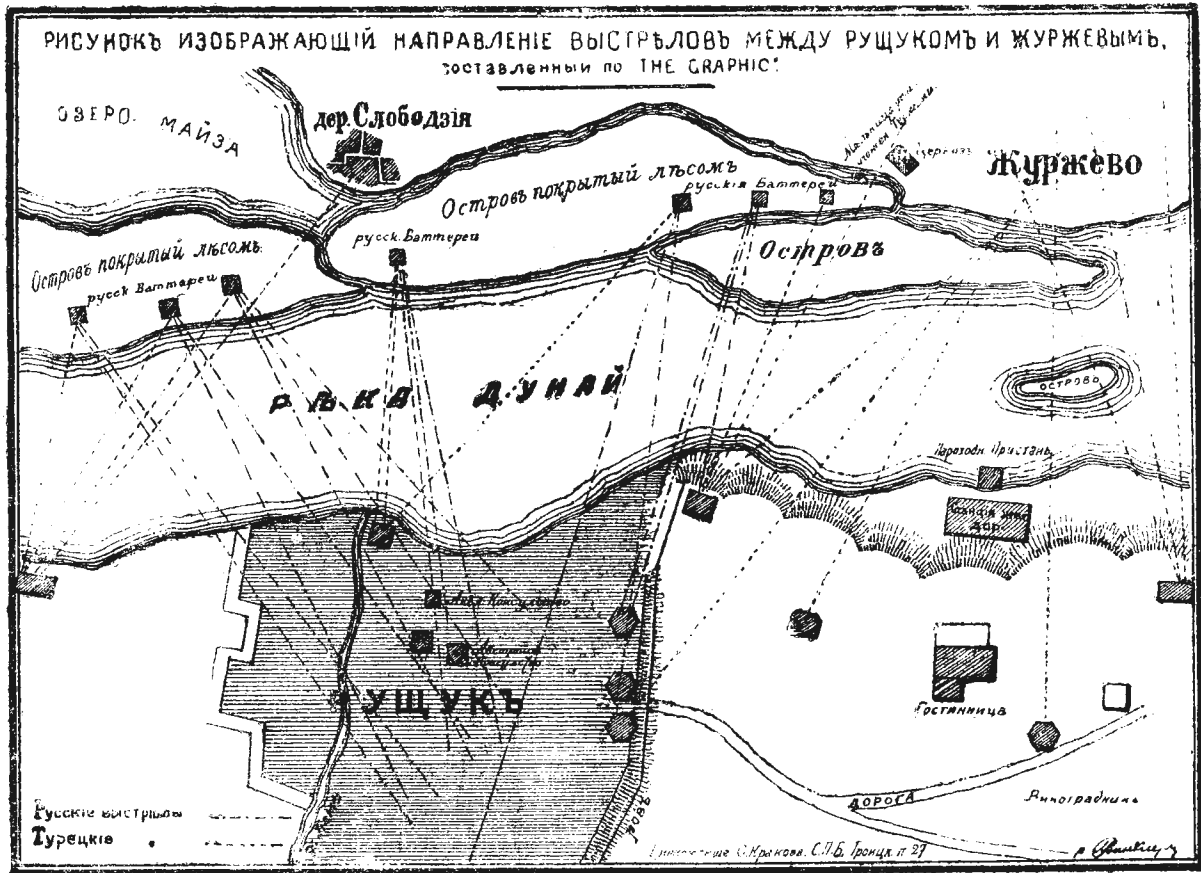
Въ политикѣ самый главный интересъ представила Франція. На прошлой недѣлѣ оказались извѣстными во Франціи результаты 1357 выборовъ въ генеральныя совѣты. Выбраны 764 республиканца и 511 консерваторовъ. Изъ 80 департаментовъ въ 40 большинствомъ будутъ располагать, по всей вѣроятности, республиканцы, а въ 30 консерваторы. Республиканцы приобрѣли уже 107 мѣстъ въ генеральныхъ совѣтахъ.

— Отъ времени до времени намъ приходится говорить объ англійскихъ проискахъ и о замысловатой вѣроломной эгоистической системѣ «обезпеченія Британіею своихъ интересовъ» всюду, гдѣ только есть море и континентъ. Въ прошедшемъ обзорѣ («Нива» № 44) мы, говоря по поводу индійскаго голода, выставили на видъ, что это громадное бѣдствіе есть результатъ возмутительнаго своекорыстія и эксплуатированія богатства Индіи, для блага Турціи. Теперь намъ приходится отмѣтить еще одинъ фактъ, весьма характеристичный для англійской политики. Пользуясь теперешнею войною, англичане изподтишка заняли въ Азій Келатъ, чтобы отсюда угрожать Афганистану и сдѣлать твердый оплотъ противъ распространія нашего государства въ Средней Азійѣ. Но тутъ-то оказалось, какъ сильно Англія промахнулась и какъ своекорыстіе сдѣлало ее близорукую. Въ Афганистанѣ населеніе сильно раздражено противъ англичанъ и близко къ возстанію.

— Въ виду продолжающейся болѣзни Папы Пія IX сильная агитація въ Ватиканѣ, по поводу избранія новаго папы, продолжается. Наибольшіе шансы на папскую тиару имѣетъ въ настоящее время отъявленный приверженецъ иезуитизма, бывший познанскій епископъ, графъ Мечиславъ Ледоховскій. Эта личность уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть «либеральнымъ папою», какимъ былъ Пій IX въ первые годы своего первосвященства. По возложеніи папской тиары на Ледоховскаго, начнется примая открытая война, между принципами папства съ одной стороны и принципами современныхъ государствъ съ другой. Въ борьбѣ этой Германія, уже по существу своихъ внутреннихъ государственныхъ вопросовъ, займетъ первое мѣсто. За сямъ, очевидно, поднимутъ головы французскіе ультрамонтаны, дѣятельность которыхъ была всегда въ тѣсной связи съ происками бонапартистовъ, и затѣмъ всѣхъ клерикальныхъ партій. Другія же европейскія государства, уже болѣе несвязанныя двусмысленнымъ либерализмомъ Римской курии, конечно применятъ къ дѣятельности Германіи, въ смыслѣ возвышенія государственныхъ интересовъ надъ интересами римскаго иезуитизма и клерикализма. Что касается Россіи, то намъ уже извѣстно, что Римская курия съ самаго начала войны стала на сторонѣ турецкихъ интересовъ. Это уже одно обстоятельство обрисовываетъ нашу будущую программу дѣйствій относительно Римской курии, особенно при будущемъ папѣ резерватѣ и иезуитѣ Ледоховскомъ, по политическимъ убѣжденіямъ истомъ сынѣ враждебной намъ Польшѣ.

*) Въ Стамбулѣ открытъ даже заговоръ, составленный партией бывшаго султана Мурада, и арестовано нѣсколько сановниковъ.

*) Ломъ-Паланка—названіе обязывается тѣмъ, что городъ этотъ лежитъ на рѣкѣ Ломѣ и именно Западномъ Ломѣ. Говоря въ свое время о рѣкахъ Болгаріи, текущихъ съ юга на сѣверъ къ Дунаю, мы замѣчали, что западный Ломъ составляетъ, начиная съ запада, первую рѣку, впадающую въ Дунай подъ прямымъ угломъ.

Направленіе выстрѣловъ между Рущукъ и Журжевымъ.

Изъ Екатеринодара сообщаютъ объ открытіи пароходства по р. Кубани. Пароходовладельцами уже приняты грузы въ Таганрогъ и Ростовъ на Дону для Тешрюка и Екатеринодара. Между тѣмъ изъ Царицына сообщаютъ что Грязе - Царицнская желѣзная дорога окончательно отказалась принимать отъ купцовъ рыбныхъ грузовъ на первую и третью группы; тогда какъ рыбныя товары приготовлены специально для наступающаго великаго поста въ весьма большомъ количествѣ и проданы на срокъ. Недоставка рыбы приведетъ многихъ къ раззоренію. Торговцы, ходатайствуютъ передъ министромъ путей сообщенія о мѣрахъ къ отправленію грузовъ.

Въ дѣлѣ пожертвованій на пользу раненныхъ и больныхъ воиновъ заносимъ заявленіе Управляющаго Государственнаго Банка Е. И. Ламанскаго о возможности отдѣлать изъ коммерческихъ прибылей государственнаго банка въ этотъ годъ сумму въ 200,000 р. и заявленіе правленій частныхъ банковъ, готовыхъ пожертвовать изъ своихъ прибылей 500,000 руб. Для обсужденія вопроса о возможно-полезномъ употребленіи этихъ суммъ въ пользу раненныхъ и больныхъ образована коммисія подъ предсѣдательствомъ Е. И. Ламанскаго. Коммисія остановилась на мысли, вмѣсто новыхъ санитарныхъ поѣздовъ, устроить для раненныхъ и больныхъ воиновъ лазареты въ мѣстностяхъ, расположенныхъ при окончаніи желѣзнодорожныхъ линій, ближайшихъ къ театрамъ военныхъ дѣйствій.

Извѣстный нашимъ читателямъ командиръ Вязетской крѣпости, капитанъ Штовичъ, награжденъ Его Величествомъ чиномъ майора, крестомъ св. Георгія, 800 р. пожизненной пенсіи и дѣти его, будутъ воспитываться на счетъ государства.

Газета Сибирь извѣщаетъ что лѣтомъ чрезъ Тюмень прошло до 150 семействъ болгаръ и сербовъ, по пути переселенія въ Сибирь.

Турецкіе пѣвцы участвуютъ на городскихъ работахъ въ Харьковѣ.

Въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ сообщаютъ, что въ теченія 1878 г.

предполагается на Петербургскомъ монетномъ дворѣ изготовить монеты: а) золотой, полумперіальной по нарицательной цѣнѣ на 19,500,000 р. и трехрублевой на 900,000 р., всего 20,400,000 р.; б) серебряной, по примѣру прежнихъ лѣтъ: банковской на 700,000 руб. и размѣнной на 5,000,000 р. и в) мѣдной на 700,000 р.

Государь Императоръ 4-го сего октября Высочайше повелѣть соизволилъ: отиѣнить приемъ въ семь году офицеровъ въ военно-юридическую Академію, съ тѣмъ, чтобы академической курсъ былъ открытъ съ будущаго 1878—79 учебнаго года.

РѢШЕНІЕ

шахматной задачи въ „Нивѣ“ № 44.

Бѣлые.

Черныя.

- 1) Ладья С8 — С6 ×
- 2) Ферзь С2 — Н7
- 3) Ферзь Н7 — С7 × ×

- 1) Король С 5 — С 6
- 2) Король С6 — Д6 или какъ угодно

СОДЕРЖАНІЕ: Его Императорское Высочество, Великій Ниня Николай Николаевичъ младшій (съ портретомъ). — Юный Императоръ. Историческая повѣсть В. Соловьева. Окончаніе второй части. — Александръ Петровичъ Сумароковъ († 1-го октября 1777 г.) (съ портретомъ) А. Арс. — Александрійскій обелискъ „Игла Клеопатры“ (съ 4-ми рисунками) М. С. — Подъ Плевной (съ 2-ми рисунками). — Сенреть (съ рисункомъ). — Болгарская дѣвушка (съ рисункомъ). — Мысли замѣчательныхъ людей. — Сибирь. — Поляцкія, военныя и внутреннія извѣстія. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ съ 28 рисун., отдѣльный листъ съ 23 чертежами выроекъ въ натуральную величину и съ 30 рисунками мебели для убранства комнаты въ характерѣ русскаго стиля, — рисов. И Пановымъ, и III рисунки инициаловъ и вензелей для мѣткі бѣлья.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

№ 27 Только что вышла въ свѣтъ 1—1

ПЛЕВНА И ПИЦКА.

Подробная карта театра войны по обѣ стороны Балканъ, въ крупн. масшт., съ раскрашенными горами, съ объясненіемъ всѣхъ деталей, въ томъ числѣ редутовъ и фортовъ. Для назначенія же передвиженія войскъ въ занимаемыхъ позиціяхъ прилагается бесплатно при каждой картѣ 2 слга для главн. квартиръ: румынской и русскаго и 18 значк. (9 русск. и 9 тур.), изображающихъ кавалерію, артиллерию и пѣхоту.

ЦѢНА КАРТЫ 30 КОП.

Изданіе и хромо-литографія А. Гарочешнинова.

Складъ над. при конт. редакц. журн. «Модныя выкройки». С-Петербургъ, Караванная, д. № 18. Гг. иногородн., желающіе выписывать 1 карту, съ пересылкою платятъ 60 к., за 3 карты 1 р., болѣе 3 карт. за перес. ничего не платятъ; карты вышлются въ видѣ послыжи; а также можно получать: въ Спб.: Даціаро, Бергова, Фельтена, у Полякова, Андѣева, Чернохостова и въ книжн. магаз. Исакова, Череслова, Колесова, Млхина и Попова, Невск. пр., у Пассажа; въ Москвѣ: у Соловьева (Страсти. бульв., д. Алексѣева) и у Даціаро (Кузн. мостъ).

ВЪ УЧИТЕЛѢ нуждающіеся благодѣлать прислать свой адресъ студенту эмбологу. Домъ Спасо-сѣнн. ц., кв. № 5. 2—1

№ 26 1—1

РАМКИ

всякаго рода готовыя и на заказъ. Двѣ рамки для преміи „Нивы“ 1877 года: Семья рыбака и Тарантелла. отъ 4, 5, 6 руб. и дороже.

Въ пассажѣ швейцарскій магазинъ бывшій Водмана № 27 и 29.

Удостоенный большой преміи Анатомическій музей

ГАССНЕРА

ВЪ ПАССАЖѢ

открытъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 10 ч. вечера 10 патентамъ исключительно для дамъ и всѣ необходимыя для женщины научныя развѣсненія, относительно постепеннаго развитія человѣка, процесса рожденія и ближайшей преподаются дамой.

№ 29 4—1

За входъ 40 к. Каталогъ 15 к.

№ 46

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Издавъ 14 Ноября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особен-
 ности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

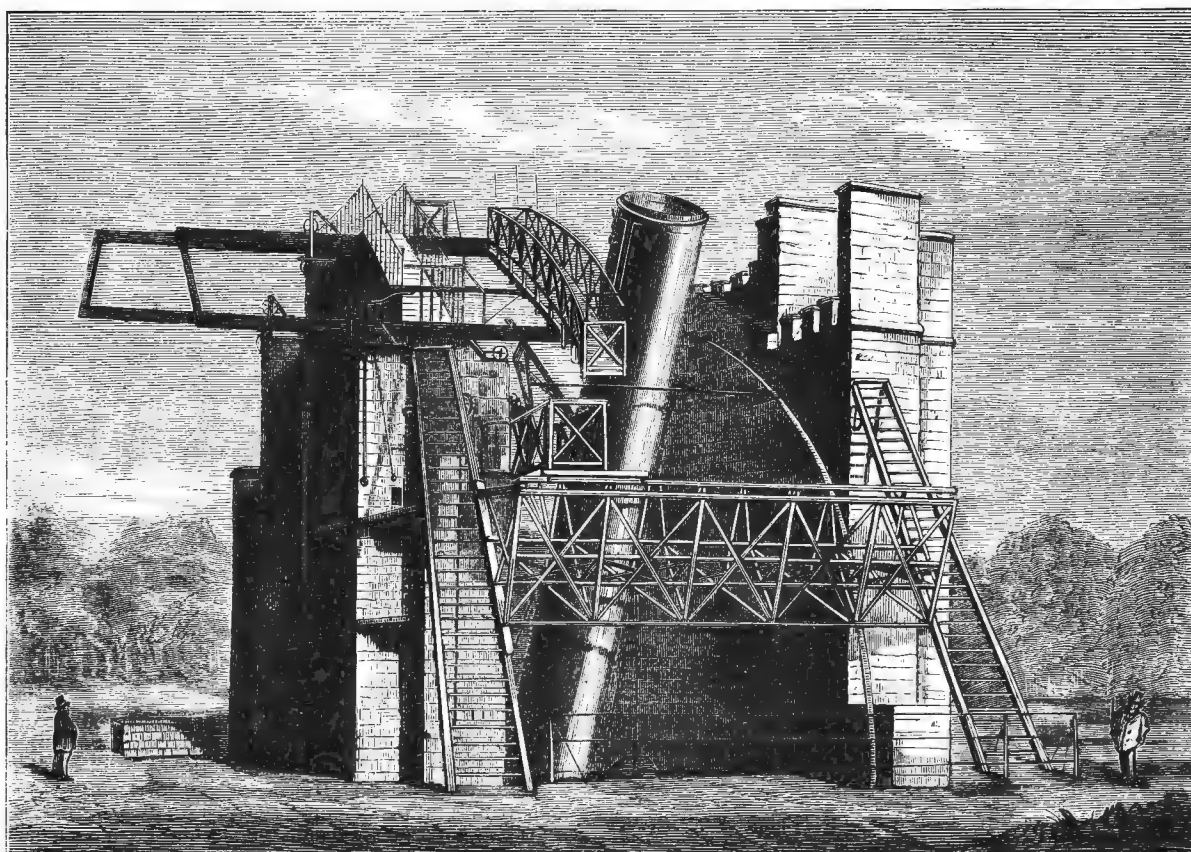

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	„НИВЫ“ на 1878 г.	{ Безъ доставки въ Пбургъ. 4 р. { Съ доставкою 5 „	{ Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ 5 р. { Съ перевылкою въ Москву и друг. города Русской Имперіи 6 „

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

Р туманныхъ пятнахъ на нашемъ небѣ.

Астрономическая обсерваторія и телескопъ Росси въ Персентоунѣ (въ Ирландіи). Грав. Рашевскій.

Зима—это настоящій сезонъ для наблюденія неба во время тихой морозной ночи. Громадная великолѣпная сцена открыта надъ головою зрителя. Занавѣса у этой сцены нѣтъ.

Взойдемъ на террасу п оттуда увидимъ одно изъ величественнѣйшихъ зрѣлищъ: Ночь ясна. Небо пламенѣетъ живымъ блескомъ. Восточная часть небесной полусферы, если вы будете

внимательно наблюдать ее, уподобляется голубой, лазуревой дѣтѣ мантии, украшенной бриллиантами. На этой мантии видна широкая полоса *молочнато-бѣлаго* цвѣта. Необъятный поясъ ея составленъ изъ скопления „туманныхъ тѣлъ“, и поясъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ „млечнаго пути“. Въ этой области болѣе 3,000 большихъ неподвижныхъ звѣздъ, и отъ того мы можемъ видѣть этотъ млечный путь уже простыми глазами. А съ помощью хорошаго телескопа Гершель насчиталъ въ млечномъ пути не менѣе 18-ти миллионъ звѣздъ *).

Посредствомъ сильныхъ астрономическихъ инструментовъ туманные пятна можно разложить приблизительно на 400 группъ или скученій звѣздъ и приблизительно на 4,000 такихъ, которыхъ невозможно разложить даже сильными стеклами. Эти неразличимыя тѣла рождаются, повидному, въ неизслѣдованныхъ областяхъ, отъ которыхъ отдѣляется насъ цѣлая бездна, такъ какъ разстояніе ихъ отъ насъ необходимо; они принадлежатъ уже другому міру, составляя скопление космической матеріи, разбѣянной въ этомъ отдаленномъ мірѣ на такомъ громадномъ пространствѣ, что наше воображеніе ужасается даже мысли събѣ его измѣреніи.

Вотъ объ этомъ-то интересномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ „Млечнаго пути“ и затѣмъ о туманныхъ пятнахъ, принадлежащихъ уже къ иной сферѣ, мы и намѣрены здѣсь поговорить.

Но предварительно нужно сказать нѣсколько словъ о явленіяхъ космическаго тумана.

Звѣздное небо, какъ можно убѣдиться уже разсматривая его простыми глазами, усѣяно не только свѣтлыми, круглыми, простыми звѣздами, но и такъ называемыми „двойными“, „тройными“ и вообще сложными. Эти послѣднія являются намъ въ видѣ свѣтлыхъ облаковъ, которыя сильными телескопами могутъ и должны разлагаться на простыя звѣзды. Такъ что эти громадно-отдаленныя отъ насъ туманныя сгущенія суть, въ существѣ дѣла, группы неподвижныхъ звѣздъ. Назадъ тому три-четыре десятка лѣтъ, существовало только чашіе и надежда разложить эти свѣтлотуманные пятна на простыя звѣзды; но тогдашніе телескопы были еще очень слабы сравнительно съ теперешними. Звѣздо-разлагающая сила этихъ телескоповъ представляла ихъ все таки только свѣтлыми облачками, или, точнѣе, разорванными клоками облачковъ.

Подъ „Млечнымъ путемъ“ астрономы издавна разумѣли ту свѣтлую дугу или поясъ, которая громадно протягивается по всему небу. Отдѣльныя части этой дуги отличаются особенно свѣтлымъ блескомъ. Въ другихъ же частяхъ ея замѣчаются какъ бы темныя отверстія и мрачныя разщелины, носылающія отъ себя огромныя боковыя вѣтви. Уже неособенно сильные телескопы разлагаютъ намъ свѣтлыя пятна этой дуги на безчисленное множество маленькихъ плотно скученныхъ неподвижныхъ звѣздъ. Въ хорошіе же телескопы, еще до телескопа Росси, можно было замѣтить, что свѣтлыя пятна тѣмъ богаче звѣздами, чѣмъ свѣтлѣе представляются они невооруженному глазу; и это уже доказываетъ, что свѣтъ этого большого звѣзднаго пути обуславливается единственно огромною скученностью звѣздъ на этомъ пути. Если наши лучшіе инструменты (не исключая и современнаго инструмента Росси) не могутъ еще разложить ихъ, то это можетъ происходить отъ *двухъ* причинъ: или эти массы звѣздъ слишкомъ уже отдалены отъ насъ, или же находятся въ слишкомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы быть различеными. Это единственно возможная дилемма для объясненія дѣла.

Но вотъ что въ высшей степени замѣчательно. Совершенно особое, такъ сказать, построеніе „Млечнаго пути“ показываетъ намъ, что вся эта безчисленная масса звѣздъ составляетъ на небѣ *соврѣменно особую, изолированную отъ солнца сист-му*. Астрономическія наблюденія доказываютъ, что „Млечный путь“ долженъ имѣть фигуру линзы или чечевичнаго зерна и отъ центра этой линзы солнечная система должна находиться на относительно близкомъ разстояніи. Но если бы наша солнечная система не лежала вблизи этой линзы, а находилась бы далеко въ сторонѣ, тогда намъ и весь „Млечный путь“ представлялся бы не въ формѣ огромнаго круга на небѣ, а въ видѣ маленькаго круга или эллипсиса; но этотъ эллипсисъ тѣмъ болѣе приближался бы къ фигурѣ круга, чѣмъ болѣе линія нашего зрѣнія соответствовала бы перпендикуляру, опущенному на поверхность линзы.

Теперь уже всѣ сознательно или безсознательно повторяютъ фразу, что „Млечный путь“ состоитъ изъ множества скученныхъ звѣздъ; но къ этому нужно прибавить, что и всѣ туманные пятна на небѣ суть такія же скученія звѣздъ; что различныя существенной нѣтъ между ними и скученіями „Млечнаго

пути“. Говорили, однако, что туманные пятна—нѣчто въ родѣ облаковъ атмосферы, окружающей нашу землю. Но если бы пятна были однородны съ облаками, то, во первыхъ, они измѣняли бы свою форму и, во вторыхъ, перемѣняли бы свое мѣсто. Но ни того, ни другого явленія съ пятнами до сихъ поръ не замѣчено. Слѣдовательно, это суть тѣже скопленія неподвижныхъ звѣздъ, какія являются намъ и въ „Млечномъ пути“. Уже Гершелю старшему удалось доказать это путемъ разложенія своимъ сильнымъ телескопомъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пятенъ на звѣзды.

Извѣстный германскій ученый Литровъ находилъ, однако, возможнымъ допустить, что многія изъ туманныхъ пятенъ могутъ представлять ничто иное, какъ свѣтовый туманъ (Lichtnebel), т. е. космическая матерія, еще несформировавшаяся въ звѣзды. Для большей простоты и единства представленія, однако, мы не дѣлаемъ такого различія, тѣмъ болѣе, что существенной важности оно не представляетъ.

Прежде астрономы раздѣляли эти туманные пятна на 8 классовъ. Дѣленіе это, правда, признано современными астрономами произвольнымъ, но оно такъ способно ориентировать въ звѣздномъ небѣ обыкновеннаго, не знакомаго специально съ этою областью читателя и при томъ такъ занимательно само по себѣ, что мы удерживаемъ его для болѣе ясной представленія того пути, которымъ астрономы изучали туманные пятна.

Къ 1-му классу по этому дѣленію относили пятна съ весьма яркимъ блескомъ. Гершель насчитывалъ такихъ пятенъ до 288; но они не поддавались мощной разлагающей силѣ его телескопа. Во 2-мъ классѣ насчитывали 907 пятенъ, слабо свѣтящихся. Къ 3-му классу причисляли 978 пятенъ, мерцающихъ матовымъ свѣтомъ. Въ этихъ *трехъ* первыхъ классахъ пятенъ замѣчено было то общее свойство, что многія изъ нихъ имѣютъ *весьма неправильную* фигуру, и затѣмъ нѣкоторыя части такой фигуры представляются болѣе блестящими, чѣмъ остальныя. Къ 4-му классу относили такъ называемыя *планетарныя* туманные пятна. Эти пятна дѣйствительно имѣютъ совершенно круглую форму и во всѣхъ ихъ точкахъ имѣютъ распределенъ равномерно и всѣ они имѣютъ значительный поперечникъ въ 5—10 и болѣе секундъ. Въ этотъ классъ Гершель включилъ „туманные звѣзды“ и „звѣздный туманъ“ (nebulous stars and stellar nebulae). *Первую* категорію составляютъ здѣсь настоящія неподвижныя звѣзды, ярко блестящія, окруженныя каждая своею туманною атмосферною сферою, по границы этихъ сферъ теряются, вслѣдствіе неопредѣленности контуровъ. Вторую категорію, или „stellar nebulae“, составляютъ весьма интересныя неподвижныя звѣзды, окруженныя туманомъ въ весьма причудливыхъ формахъ: то туманная дымка идетъ отъ звѣзды въ видѣ мягкой волнообразной кисточки, то въ видѣ дамскаго вѣера или опахала, или прелестнаго развѣвшагося локона, въ видѣ подушки и т. д. 5-й классъ содержитъ 52 весьма большыя туманныхъ звѣздъ съ далеко выдающимися вѣтвями или „руками“, какъ принято называть. Наконецъ 6-й, 7-й и 8-й классы содержатъ настоящія звѣздныя группы (Clusters of stars Гершеля). Это весьма плотныя сгущенія малыхъ звѣздъ. Пятна 6-го класса необыкновенно богаты звѣздами; 7-го класса представляютъ круглыя формы. Наконецъ пятна 8-го класса представляютъ весьма безпорядочно разбѣяныя группы маленькихъ неподвижныхъ звѣздъ. Не смотря, однако, на безпорядочность расположенія, сейчасъ же видно, что эти малыя звѣзды принадлежатъ къ одной общей категоріи и составляютъ особую систему неподвижныхъ звѣздъ на небѣ.

Но затѣмъ слѣдуютъ еще на необъятномъ отъ насъ отдаленіи въ собственномъ смыслѣ телескопическія группы или кучки звѣздъ. Эти группы еще со временъ Гершеля наблюдались на небѣ въ лучшіе телескопы. Фигура этихъ кучекъ весьма круглы и часто представляютъ абсолютную форму круга. Звѣзды, изъ которыхъ сложены эти кучки, повидному всѣ равно большихъ размѣровъ, и только по временамъ замѣчается, что звѣзда, находящаяся въ центрѣ кучки, болѣе остальныхъ и эта болѣе центральная звѣзда выдѣляется изъ ряда другихъ своимъ краснымъ цвѣтомъ или является настоящею двойною звѣздою. Круглая форма, о которой упоминали выше, встрѣчается у такихъ звѣздныхъ кучекъ, которая составлена изъ весьма малыахъ звѣздъ, такъ плотно сгруппированныхъ, какъ будто онѣ еще находятся въ извѣстной стадіи своего образованія изъ космической матеріи; другія кучки имѣютъ весьма неправильное очертаніе и часто изъ нихъ выдаются вѣтви и рукава.

Число всѣхъ вообще этихъ плотно скученныхъ звѣздныхъ группъ, или кучекъ, необычайно велико. Счисленіе ихъ, понимаемое въ нашемъ обыденномъ смыслѣ, здѣсь, разумѣется, совершенно нелепимо. Но можно предположить (по приблизительнымъ даннымъ, напримѣръ, Гершеля), что часто 20,000 звѣздъ сжаты въ кругообразной площади пятна, каковая площадь имѣетъ поперечникъ едва-едва 8—10 минутъ и поверхность которой составляетъ едва $\frac{1}{10}$ поверхности полной луны. Свѣтовой блескъ этихъ кучекъ всего чаще постепенно увеличивается по направленію отъ окружности къ центру. Это происходитъ не отъ оптическихъ свойствъ звѣздныхъ кучекъ, другими словами—не астрономическіе инструменты обуславлива-

*) Мимоходомъ здѣсь касаясь исторіи телескопа, мы должны сказать, что изобрѣтеніе вошло въ немъ постепенно; онъ проходилъ и въ *окулярѣхъ*, и въ *объективѣхъ* (т. е. въ тѣхъ стеклахъ, къ которымъ непосредственно прикладывается глазъ наблюдателя, и въ стеклахъ крайней оконечности инструмента, направляемыхъ на наблюдаемое свѣтло. Уже знаменитый Гюйгенсъ, вѣсто простой двойкопучковой линзы началъ употреблять окуляръ изъ *двухъ* линзъ. Хотя этотъ окуляръ былъ вѣднѣй другой цѣлы, однакоже уничтожилъ также и ослѣпленіе изображеній предметовъ (т. е. представлялся ахроматическимъ стекломъ). Послѣ Гюйгенса Рамсденъ устроилъ окуляры такъ, чтобы ихъ можно было употреблять съ особаго рода инструментомъ, называемымъ микрометромъ. Затѣмъ стали появляться другіе окуляры съ различными еще болѣе сложными устройствами для равныхъ цѣлей.

вают это явление. Происходит оно следовательно от того, что по мѣрѣ приближенія къ центру, разстояніе между звѣздами уменьшается, что обуславливается большою притягательною силою средняго пункта или центра, чѣмъ въ другихъ категоріяхъ звѣздныхъ кучекъ, не имѣющихъ круглаго очертанія.

Эти безчисленныя группы звѣзд кажутся намъ „малыми“ только по громадности ихъ разстоянія отъ насъ. Разстояніе раздѣляющее насъ отъ нихъ должно считать билліонами миль. Если сообразить, насколько увеличилась бы фигура этихъ свѣтилъ при приближеніи къ нимъ на нѣсколько десятковъ тысячъ миль, то можно считать вѣроятнымъ, что ихъ размѣры могутъ быть *по большому размыру наш го солнца*. При необятномъ разстояніи, съ которымъ мы здѣсь имѣемъ дѣло, наши относительныя или сравнительныя понятія о величинахъ уже не имѣютъ никакого примѣненія.

Величины разстоянія обыкновенно измѣряютъ временемъ, въ которое доходитъ до насъ свѣтъ отъ различныхъ звѣздъ. Напримеръ, солнечный свѣтъ, источникъ котораго находится отъ насъ приблизительно на разстояніи 90 милліоновъ миль, употребляетъ 8 минутъ, чтобы достигнуть поверхности земли. Если бы доходящій до насъ въ первыя 8 минутъ свѣтъ внезапно погасъ, мы получили бы свѣтовую волну въ другія 8 минутъ, идущую отъ своего источника, для освѣщенія земли, и эта волна свѣта постоянно возрастала бы въ своемъ блескѣ, такъ какъ свѣтъ идетъ непрерывно. Получаемъ ли мы, стараясь смотрѣть на солнце, впечатлѣнія волны идущей въ первыя 8 минутъ или же послѣдующей—разница въ этомъ для насъ неувидима и не должна входить въ расчетъ. Но нельзя сказать того же самаго относительно звѣзды.

Свѣтовая волна, истекшая изъ свѣтящагося тѣла, на громадномъ разстояніи отъ земли, можетъ достигнуть до насъ только въ теченіе многихъ лѣтъ.

Мы съ трепетомъ отступаемъ предъ необятною бездною, какъ будто смѣющейся надъ нашими измѣреніями. Если мы, напримеръ, сложили бы вмѣстѣ свѣтъ 10-ти тысячъ такихъ тѣлъ, какъ солнце, то на такомъ громадномъ разстояніи, по приблизительному вычисленію, эта 10-ти тысячная сумма солнцъ явилась бы нашему глазу только звѣздочкою *пятого или шестого* порядка.

Что касается внѣшняго вида этого распростертаго по всему небу звѣзднаго тумана, то онъ, по своей необычайной красотѣ, своеобразности формъ, оригинальному, часто странному разпредѣленію въ немъ свѣта, составляетъ единственное и неизмѣняемое въ природѣ явленіе. Одна часть тумана необыкновенно свѣтла, другая необыкновенно темна и матоваго цвѣта, затѣмъ третья часть уже совершенно темна и приближается къ абсолютной чернотѣ. Самая свѣтлая часть какъ будто пылаетъ въ подвижномъ колеблющемся пламени. Но темныя части тумана отдѣлены отъ свѣтлыхъ весьма рѣзко, безъ переходныхъ оттѣнковъ. Звѣзды, заключающіяся въ пространствѣ тумана, даже въ его самыхъ свѣтлыхъ частяхъ,—все такъ выдѣляются своимъ особенно живымъ блескомъ, и самое положеніе этихъ звѣздъ имѣетъ особое отношеніе къ самому туману. Въ сторонѣ отъ общаго туманнаго пространства замѣчается множество большихъ и малыхъ звѣздъ, мерцающихъ въ печальномъ полумракѣ и окруженныхъ каждая своею собственною атмосферой.

Всю эту громадную область млечнаго пути и туманныхъ пятенъ можно видѣть въ усовершенствованный телескопъ Росси, рисунокъ съ котораго (со всѣми его приспособленіями) мы прилагаемъ. Другой рисунокъ изображаетъ различныя формы туманныхъ пятенъ, видимыхъ въ телескопъ Росси. Читатель видитъ здѣсь и туманныя пятна продолговатыя, съ такъ называемыми „рукавами“, о которыхъ мы говорили выше, и безусловно круглыя, и эллиптическія съ сильнымъ сгущеніемъ свѣта въ опредѣленныхъ пунктахъ. Разумѣется, разлагающая сила телескопа Росси гораздо сильнѣе, чѣмъ у телескопа Гершеля, такъ много работавшаго въ области туманныхъ пятенъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ астрономѣ Росси и его знаменитомъ телескопѣ. Росси—ирландецъ, сынъ лорда Оксмонтоуна. Имъ самимъ устроена обсерваторія въ своемъ родовомъ имѣніи *Порсонтоунъ* (въ Ирландіи). Задавшись цѣлью улучшить телескопъ, онъ устроилъ зеркало объектива въ 3 фута въ поперечникѣ. Исполнскій телескопъ былъ готовъ въ 1844 г. и стоилъ на наши деньги до 80 тыс. рублей. Телескопъ этотъ даетъ зрительную силу въ 500 разъ большую, чѣмъ сила зрѣнія глаза. При помощи этого телескопа оказалась возможна разложимость туманныхъ пятенъ на звѣзды.

Стр.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

I.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня смерти великой княжны Натальи. Первое время Императоръ не зналъ куда дѣваться отъ тоски. Приближенные къ нему люди не изъ шутки боялись за его здоровье: онъ почти ничего не ѣлъ, запирался у себя по цѣлымъ днямъ, плакалъ. Но въ его годы горе не бываетъ продолжительно. Съ первыми весенними днями улыбка снова появилась на губахъ его и онъ снова велѣлъ снаряжать охоту.

Остерманъ началъ напоминать ему о послѣднемъ желаніи покойной, о данномъ ей словѣ. Со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ убѣждалъ его спѣшить переѣздомъ въ Петербургъ.

Императоръ молча слушалъ и задумывался.

— Повремени немного, Андрей Ивановичъ, говорилъ онъ,—уѣду, непременно уѣду, и скоро, только теперь нужно съ Москвою проститься.

О необходимости переѣзда въ Петербургъ сталъ иной разъ поговаривать и князь Иванъ Алексѣевичъ, но зато остальные Долгорукіе толковали противное и говорили что все это вздоръ и пустяки, будто дѣла стоятъ изъ за пребыванія въ Москвѣ—отсюда точно такъ же, какъ и изъ Петербурга Россією управлять можно. Крѣпко и могуче стояла Россія и допрежь Петербурга.

Умѣли князь Долгорукіе успокоивать и насчетъ завѣта покойной Натальи. Они толковали, что великая княжна находилась подъ вліяніемъ нѣща Андрея Ивановича, а Андрей Ивановичъ конечно къ Петербургу тянетъ,—не будь уговоровъ Андрея Ивановича великая княжна сама никогда не помыслила бы о Петербургѣ. И эти рѣчи были какъ масло по сердцу для Императора. Онъ слушалъ ихъ радостно, находилъ въ нихъ для се-

бя оправданіе. Но все же часто, особенно по ночамъ, когда не спалось Петру, вспоминалась ему умершая, вскоминаясь ему слова ея, его обѣщаніе и онъ снова плакалъ и снова рѣшалъ, что: „Нѣтъ, непременно въ Петербургъ ѣхать нужно. Только погодить онъ немного, а къ концу лѣта во всякомъ случаѣ, чтобы тамъ ни говорили, а изъ Москвы выѣдетъ“.

Долгорукіе, и въ особенности Алексѣй Григорьевичъ, съ каждымъ днемъ забирали все больше и больше власти надъ Императоромъ, и онъ не замѣчалъ этого. Некому ужъ было отрезвить его, растолковать ему и то, и другое, не съ кѣмъ было посоветываться, не съ кѣмъ было отвести душу. Нѣту Наташи, да и другого друга тоже онъ лишился—красавицы тетушки Лизы. Долгорукіе то и дѣло разсказывали ему про нее дурныя вещи, увѣряли что она его не только что не любитъ, но даже желаетъ ему всякой гибели, ждетъ,—недождется его смерти. И повѣрилъ Императоръ, и совсѣмъ отвернулся отъ красавицы тетки.

Алексѣй Григорьевичъ, увидѣвъ, что горе отошло отъ Императора, сталъ что ни день придумывать ему новыя развлеченія. Его жена и дочери обязаны были всюду слѣдовать за Государемъ: всячески веселить его, да и другимъ придворнымъ дѣвушкамъ даны были строгія приказанія. Все только и думало о томъ; какъ бы хорошенько, безповоротно забрать въ руки Петра Алексѣевича. Одинъ князь Иванъ оставался по прежнему, только нѣтъ—и онъ измѣнился. Такъ же близокъ онъ къ Императору, также любитъ его, также съ нимъ друженъ, но все чаще и чаще начинаетъ ему перечить, ласково, любовно, а все же перечить. Но не сердится на него Императоръ: ничто не можетъ поколебать его любви къ старому другу.

Долгорукіе были очень недовольны княземъ Ива-

Изъ жизни въ Черногоріи. Сцена во время пути на рынокъ въ Катарро. Рис. Валерію, грав. Бертранъ.

Генрихъ Стенли, путешественникъ по Внутренней Африкѣ.

номъ. Отецъ то и дѣло на него накидывался, говорилъ о томъ, что это онъ со злобы на нихъ все имъ портитъ: они сдѣлаютъ, а онъ раздѣлываетъ. Иванъ Алексѣевичъ теперь уже спокойно выслушивалъ упреки. Въ немъ произошла большая нравственная перемѣна; оставилъ онъ прежнія баловства свои и затѣи; жизнь велъ трезвую. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы напомнить своему другу и Государю о необходимости продолжать занятія науками, даже совсѣмъ помирился съ Остерманомъ. Не разъ приносилъ онъ Петру важныя бумаги, заставляя его ихъ прочитывать, растолковывалъ ихъ значеніе, и вмѣстѣ съ нимъ приготавливалъ резолюціи. Онъ старался всегда присутствовать при докладахъ сановниковъ, для того, чтобы какъ нибудь не подвинули Государя на несправедливость. Однажды, стоя за креслами Петра, и видя какъ тому подносили къ подписанію смертній приговоръ, князь Иванъ, не говоря ни слова, укусилъ Государя за ухо. Тотъ даже вскрикнулъ отъ боли, вскочилъ съ креселъ и съ изумленьемъ спрашивалъ своего друга, что значить это.

«Прежде чѣмъ подписывать бумагу, спокойно отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, надо вспомнить каково будетъ несчастному, когда ему стануть рубить голову.»

Разсказъ объ этой сценѣ въ тотъ же день облетѣлъ всѣхъ придворныхъ: дивились дерзости молодого фаворита, объяснили все лишь тѣмъ, что онъ черезъ-чуръ зазнался. Въ одномъ только мѣстѣ этотъ разсказъ былъ выслушанъ съ необыкновеннымъ восторгомъ: графиня Наталья Борисовна Шереметева даже въ ладоши захолопала отъ радости. Она рѣдко видѣлась съ Иваномъ Алексѣевичемъ—онъ все время свое отдавалъ Государю—но жадно собирала она всѣ о немъ вѣсточка, все, что только могла добыть. По прежнему тихо и довольно уединенно жила Наталья Борисовна въ огромномъ Шереметевскомъ домѣ. Временами скучно ей становилось. И кромѣ заботъ о сердечномъ другѣ Иванѣ Алексѣевичѣ много новыхъ мыслей стало стучаться ей въ голову—жизнь заставляла задумываться. Дѣтскіе годы прошли. Ей скоро семнадцать лѣтъ исполнится, а разумна и учена она не по лѣтамъ; къ тому же и разныя нестроенія домашнія, никому невѣдомыя, учатъ и развиваютъ. Жизнь Натальи Борисовны въ домѣ далеко не несела. Отецъ ея, знаменитый петровскій фельдмаршалъ, умеръ оставивъ ее пятилѣтнимъ ребенкомъ. Мать баловала ее, любила безъ памяти, старалась о воспитаніи ея—чтобъ ничего не упустила она въ наукахъ, приставила къ ней *мадому*, которая обучала ее по французски, внушала дочери добрыя правила. И Наталья Борисовна въ свою очередь всѣмъ сердцемъ любила мать, и старалась ее слушаться, и старалась прилежно учиться. Но и мать пожила не долго. Осталась послѣ нее графиня молодая четырнадцати лѣтъ; братъ годомъ старше ея остался, а другія дѣти маленькія. Братъ сталъ хозяиномъ въ домѣ. Хоть всего его было пятнадцать лѣтъ, но онъ уже тогда числился поручикомъ въ полку преображенскомъ. При матери мальчикъ казался послушнымъ и скромнымъ, а почувялъ свою волю—и ухъ какъ измѣнился! Всѣмъ по своему самъ распоряжается, то и дѣло хозяиномъ себя называетъ, а сестру въ грошъ не ставитъ, а о дѣтяхъ маленькихъ ужъ и говорить нечего. Переселилась къ нимъ въ домъ старая бабушка Салтыкова, старуха ничего—добрая, только стара очень, да и не такого характера, чтобы удерживать внука. А тотъ съ каждымъ днемъ все больше и больше себѣ воли забираетъ, иногда тѣснить даже сестру: толкуетъ ей о томъ что всѣ они живутъ по его милости, что все ему принадлежитъ, онъ всему хозяинъ. Вотъ начнетъ ужъ онъ во всѣ дѣла сестрины вмѣшиваться: говорить то дѣлай, того не дѣлай. Охъ, какъ это тяжело! А и того тяжеле какъ станеть онъ дѣтей обижать—не выносить этого Наталья Борисовна,—дѣтки на ея рукахъ остались: она имъ теперь

что мать. Такъ вотъ какъ же тутъ не приходитъ печальнымъ мыслямъ, какъ же тутъ не смущаться? Не къ тому себя готовила, не того ждала для себя Наталья Борисовна. Характеръ у нея отъ природы веселый былъ, любила она и нарядиться и поплясать и повеселиться всячески, а теперь веселье на умъ нейдетъ, да и опять таки—ее князь Иванъ больно смущаетъ. Не того бы хотѣлось дѣвушка, что жизнь даетъ ей: хотѣлось бы почаще видѣться съ любимымъ человекомъ, хотѣлось бы знать навѣрное, что никто и ничто у нея его не отниметь. И вѣрить она въ него, вѣрить—а все же подъ часъ сомнѣнья беругъ: „Ну, какъ ошиблась, ну, какъ онъ обманулъ ее, ну какъ онъ насмѣется надъ нею?“ Страшную минуту пережила она, какъ сказала ей Катюша Долгорукая про то что Иванъ Алексѣевичъ не на шутку думаетъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ. Встрѣгилась она какъ то потомъ съ нимъ, отвернулась отъ него. Онъ поблѣднѣлъ весь, спрашиваетъ, умоляетъ ее сказать ему, за что такая немилость. Она еще не умѣетъ владѣть собой, не выдержала, прямо все сказала.

— Эхъ, а вѣдь говорила, что вѣришь мнѣ, грустно отвѣтилъ ей Иванъ Алексѣевичъ. Нѣтъ, ты не мнѣ вѣришь, а вѣришь слуху всякому, вѣришь первому встрѣчному, всему что на меня тебѣ наскажутъ. Ну, да тутъ не совсѣмъ такъ—вотъ что я скажу тебѣ: точно прежде были у меня такія мысли, но онѣ были до тебя, до того дня, знаешь, когда я къ тебѣ пріѣхалъ и открылъ тебѣ свою душу. Нѣ на шутку, Наталья Борисовна, полюбилъ я тебя, а коли разъ такъ полюбишь, такъ кака я тебѣ любовь другая—только о тебѣ я теперь думаю, только и мечтаю о томъ, какъ бы намъ съ тобою всю жизнь прожить неразлучно.

И передалъ онъ ей весь свой разговоръ съ цесаревной Елисаветой въ лѣсу Всесвятскомъ, и она ему повѣрила и успокоилась.

Но Боже мой, Боже мой, когда же это будетъ, когда же это станеться, то, чего такъ ждетъ она, то, о чемъ такъ она молится? Ну и опять—тѣ страхи, возбужденныя цесаревной, разлетѣлись—остаются другіе страхи: продолжаютъ толковать о томъ, что беспутную жизнь ведетъ Иванъ Алексѣевичъ, что часто уѣзжаетъ онъ въ имѣнія свое, Горенки, и тамъ предается всякому разгулу. Увидитъ она его—хотѣлось бы спросить, да обо многомъ и спрашивать зазорно: если онъ и непутное дѣлаетъ, такъ не скажетъ ей. Общались что ради нея исправить жизнь свою—да кто его знаетъ—совладаетъ ли съ собою? Но вотъ въ послѣднее время все чаще и чаще начинаетъ слышать она о своемъ князѣ такое, отъ чего ликуетъ и радуется ея сердце. И впрямь видно онъ любить, и впрямь видно работаетъ надъ собою: сказала она ему, чтобы отъ всего дурнаго отвращалъ Государя, вотъ онъ исполняетъ, и гнѣва его не боится, дѣлаетъ свое дѣло. Такъ какъ же не бить ей въ ладоши, какъ же ей не прыгать отъ радости, когда слышитъ она, что вотъ укусилъ онъ его за ухо!

Всю ночь послѣ этого извѣстія не заснула графиня, все думала о своемъ миломъ, а къ утру вотъ что даже придумала: придумала она что очень ужъ много о себѣ мечтаетъ, что заставляеть его исправляться, чтобъ быть его достойнымъ, а сама-то чтожь она такая за святая, что за учитель такой безгрѣшный выискался! Можетъ еще ей это нужно добиваться, чтобъ быть его достойной,—у него душа свѣтлая, благородная, надо чтобъ и у нея была такая же. Если онъ умѣетъ принудить себя, отъучить себя отъ всего дурнаго такъ и она тоже должна умѣть бороться съ собою.

И вотъ Наталья Борисовна рѣшается измѣнить свою жизнь и каждый день достигать большаго и большаго совершенства, умѣнья обуздывать свои порывы, свои желанія. Она воздерживается отъ веселья, почти ни-

куда не выходитъ изъ дому, сидитъ за книгами, учится...

Ужь съ мѣсяцъ не видала, не встрѣчала нигдѣ князя Ивана Наталья Борисовна — и тоска разбираетъ такъ, что отъ этой тоски дѣваться ей некуда.

Вернулся домой старшій братъ, Петръ Борисычъ. Спрашиваетъ она его, гдѣ Долгорукіе, на смотѣ чтоли или въ городѣ?

— Вернулись, отвѣчаетъ онъ.

— Ну, такъ я съѣзжу къ нимъ, провѣдаю.

— Ступай, коли тебѣ дома не сидится, грубо сказалъ братъ.

Но она не обратила вниманія на тонъ его словъ, велѣла закладывать экипажъ и поѣхала.

Долгорукіе точно были дома. Княгиня Прасковья Юрьевна встрѣтила молодую графиню.

— Ахъ, голубушка, очень рада что ты заглянула, поди къ Катюшѣ, поди, авось съ тобой она развеселится.

— А что съ ней?

— Да ничего, дуритъ дѣвка, просто не глядѣли бы на нее глаза мои. Совсѣмъ въ послѣднее время ни на что не похожа стала. Ужь я и не знаю что съ ней, чего ей еще нужно!

Наталья Борисовна отправилась къ княжнѣ и застала ее въ очень дурномъ расположеніи духа.

— Что съ тобою, Катюша? участливо спросила она ее.

— Ничего! мрачно отвѣтила Катерина Алексѣевна.

— Ну, не хочешь сказать, такъ я и не навязываюсь. А лучше бы сказала — если бѣда съ тобой какая, али неприятность, вмѣстѣ бы потолковали — ты знаешь что я сердечно люблю тебя.

Наталья Борисовна говорила это такимъ ласковымъ голосомъ, такъ дружески и искренно смотрѣла на Катюшу, что и та наконецъ взглянула на нее привѣтливѣе:

— Много у меня бѣдъ всякихъ, Наташа, сквозь на-вернувшіяся слезы проговорила она ей. Бѣжала бы я изъ этого дома, а особливо отъ брата моего милаго!

— Опять онъ, чтожъ онъ съ тобой дѣлаетъ?

— А то, Наташа, что ужъ и не знаю я до чего они доведутъ меня. Теперь вишь принуждаютъ всячески прельщать Государя, хотятъ, чтобъ вышла я за него замужъ, ну... а мнѣ это ножъ вострый, не могу я этого. И пуще всѣхъ тутъ дѣйствуетъ братъ Иванъ...

И Катюша рассказала Натальѣ Борисовнѣ, что исторія эта началась ужъ давно, а теперь къ концу клонится.

Хотѣла было Наталья Борисовна успокоить ея гѣмъ, что переговорить съ ея братомъ, да побоялась, за себя побоялась — ничего ей не сказала, а рѣшилась только непременно переговорить съ нимъ. Случай представился скоро. Она была приглашена во дворецъ на вечеръ и хоть часто отказывалась отъ подобныхъ приглашеній, но на этотъ разъ рѣшилась ѣхать. Первый конт. адансъ танцевала она съ Иваномъ Алексѣевичемъ.

— Скажи на милость, князь, что это у васъ съ сестрою все пелады такіе, за что она на тебя сердится?

— Эхъ, давно это, Наталья Борисовна, ненавидятъ они меня всѣ дома, ну и сестра тоже лютымъ врагомъ своимъ считаетъ... А какой же я ей врагъ, никакого зла ей не желаю.

— Князь Иванъ, отвѣтъ мнѣ ты сущую правду: вѣрно это или нѣтъ, что ты хочешь насильно ее выдать замужъ за Государя?

Князь вздрогнулъ, и даже поблѣднѣлъ немного.

— Кто тебѣ сказалъ, графиня?

— Кто бы ни сказалъ — видишь, знаю. Зачѣмъ ты это берешь на себя, князь Иванъ? не хоршо это и не ждала я отъ тебя такого дѣла.

— Ну, такъ буду я съ тобой говорить по душѣ, какъ передъ Богомъ истиннымъ. Видишь ли что, Наталья Борисовна, задумали мы давно ужъ это дѣло и точно что мнѣ первому пришла мысль такая — вѣдь тоже человѣкъ я, думалъ родъ свой возвысить — ну а

теперь и хотѣлъ бы назадъ, да право не могу я этого: теперь ужъ не въ моихъ рукахъ это дѣло.

— И это правда, это вѣрно, что ты не уговариваешь Государя?

— Ни однимъ словомъ не уговариваю, да и посуды сама, зачѣмъ мнѣ это теперь, вѣдь я одинъ сталъ, всѣ родные противъ меня. Вонъ сама ты знаешь, что сестра ненавидитъ — вѣдь если это случится, если Государь обвиняется съ нею, такъ какого добра могу я ждать отъ нея?!

— Но въ такомъ случаѣ ты долженъ сдѣлать все, чтобы помѣшать....

— Охъ, не могу я этого, печально проговорилъ Иванъ Алексѣевичъ, Государь по прежнему меня любить, но не во мнѣ одномъ теперь сила. Любитъ онъ и отца моего, да можетъ побольше чѣмъ меня. Ихъ много, они люди хитрые, меня ужъ не разъ перехитряли, мнѣ съ ними не бороться, да и надоѣло это такъ, что и сказать не могу. Ну пусть тамъ дѣлаютъ, что хотятъ, мнѣ то что до этого? ну пусть вооружаютъ противъ меня Государя. Уйду отъ всего, не разъ говорилъ имъ это — уйду, чтобъ меня только оставили въ покоѣ. Не тотъ что-то я сталъ въ послѣднее время: что любилъ прежде — разлюбилъ, что манило къ себѣ и радовало — теперь ненужнымъ кажется...

Тѣмъ и покончился разговоръ у нихъ. Увидѣла Наталья Борисовна, что тяжело на душѣ у ея друга, увидѣла она тоже, что совсѣмъ запутался онъ въ сѣтихъ домашнихъ и не хватаетъ ему силы изъ нихъ выбраться.

II.

Императоръ увѣрялъ Остермана и молодого Долгорукаго, что вотъ онъ только поохотится немного, попроцается съ Москвою и уѣдетъ въ Петербургъ. Но этому прощанью и конца не было. Проходили дни и даже мѣсяцы, а Императоръ все прощался: съ утра запрягали ему экипажъ и князь Алексѣй Григорьевичъ увозилъ его въ свою подмосковную, гдѣ они проводили, иногда вдвоемъ только, цѣлые дни. Какія забавы выдумывалъ для своей жертвы Алексѣй Григорьевичъ — намъ неизвѣстно. Но видно эти забавы были разнообразны, онѣ совершенно увлекали и отуманивали бѣднаго юношу. Онъ возвращался домой утомленный, но на другое утро опять повторялась та же исторія. Долго боролся крѣпкій организмъ Петра съ этой ненормальной жизнью, но никакой физической силы не могло хватить на долго. И вотъ Императоръ то и дѣло началъ простужаться, иногда дня на три, на четыре ложился въ постель и не могъ подняться. Природа дѣлала послѣднія усилія: Императоръ очень выросъ, возмужалъ необыкновенно; онъ теперь дѣйствительно казался совсѣмъ взрослымъ, сформировавшимся человекомъ. Лицо его перемѣнилось неузнаваемо: дѣтская нѣжность давно исчезла, глаза не были ужъ такъ свѣтлы и прекрасны. Сестра Наташа плакала бы теперь горькими слезами если бы могла видѣть брата, плакала бы еще больше, еслибъ могла знать, что онъ ужъ почти позабылъ ее, что его страшное горе, которое всѣхъ такъ напугало, прошло безслѣдно. Обружающіе люди, у которыхъ еще оставалась совѣсть, съ ужасомъ помышляли о томъ, что готовить близкое будущее. При дворѣ только и толковъ было, что о поступкахъ князя Алексѣя Долгорукаго съ компаніей. Совсѣмъ ужъ и окопательно, завладѣли они Императоромъ, совсѣмъ отдалили его отъ цесаревны Елисаветы, отъ Остермана, отъ всѣхъ, кто прежде ему былъ дорогъ и кто могъ имѣть на него хорошее вліяніе. Для каждого была ясна цѣль такихъ поступковъ; не даромъ на охотахъ неизмѣнно присутствовали княжны Долгорукія: скоро кончится тѣмъ, что одна изъ нихъ будетъ царской невѣстой. Стала повторяться меншиковская исторія и враги

Долгорукіе утѣшали себя тѣмъ только, что эти замыслы все же въ концѣ концовъ разрушатся и Долгорукіе приготовятъ себѣ участь Меншиковыхъ. Ненависть къ Алексѣю Григорьевичу и его семейству возрастала съ каждымъ днемъ, не только въ дворцовыхъ сферахъ, но даже и въ народѣ. Вѣсть было извѣстно какъ Долгорукіе злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ, какъ обижаютъ казну, творятъ всякія несправедливости. Только за одного Ивана Алексѣевича еще находились заступники: въ войскѣ его любили.

Отлучки Государя изъ Москвы наконецъ стали принимать изумительные размѣры, иногда онъ уѣзжалъ верстъ за пятьдесятъ, даже за сто и оставался на охотѣ больше мѣсяца.

Алексѣй Долгорукій изъ себя выходилъ, что такъ долго приходится ему возиться и все же еще не достигать никакихъ рѣшительныхъ результатовъ. „Ну да ужъ, добьюсь же я, добьюсь! повторялъ онъ себѣ, ужъ будетъ Катюша

Г-жа Этельна Герстеръ, примадонна Итальянской оперы въ С.-Петербургѣ.

императрицей, такъ или иначе а дѣло сдѣлаю“. И вотъ онъ призывалъ къ себѣ Катюшу и начиналъ ей всякія внушенія. Сначала она ихъ молча выслушивала, но въ послѣднее время совѣмъ отъ рукъ отбилась.

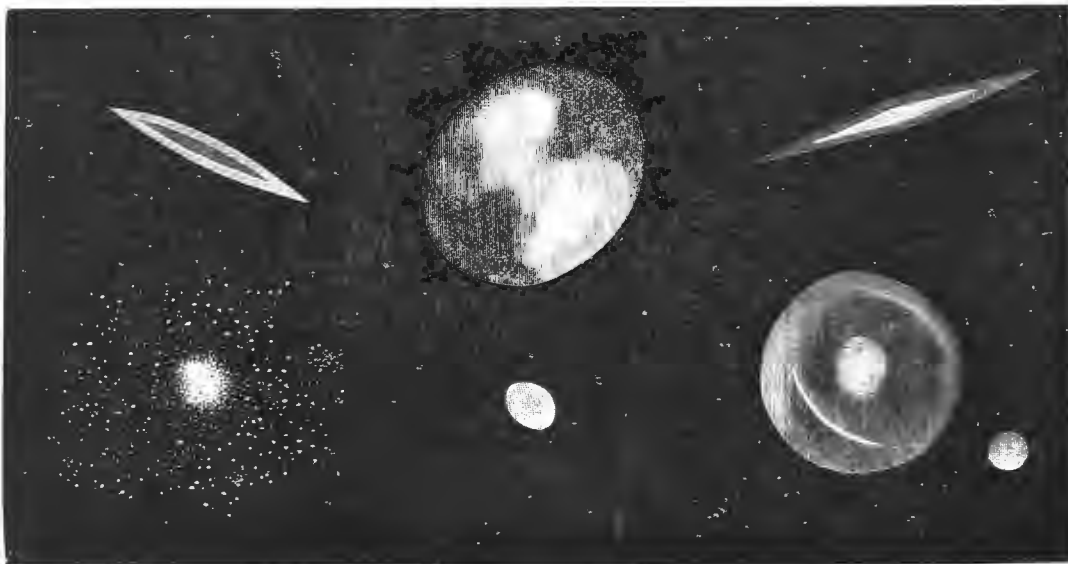
— Эхъ, дѣтками Богъ наградилъ! кричалъ и топалъ ногами Алексѣй Григорьевичъ.— Да что жъ вы всѣ, съ ума сошли что ли? То Иванъ глупость какуюнибудь выкинетъ, а вотъ и ты упрямиться стала, чтожъ это! Очнись, одумайся, глупая!

Княжна Катерина сверкала на отца своими черными глазами и повторяла одно и то же, что ни за что не станеть она навязываться. Иной разъ такъ страшно взглянетъ, что Алексѣй Григорьевичъ и слова не найдетъ, зашипитъ только, плюнетъ и уйдетъ къ себѣ въ сердцахъ.

— Жена! Прасковья! кричитъ онъ, — да образумь ты дѣвчу!

А княгиня только плечами пожимаетъ.

„Да полно, нѣтъ ли тутъ чегонибудь? догадался наконецъ Алексѣй Григорьевичъ, не завелся ли у дочень-

Различныя формы туманныхъ звѣздъ въ томъ видѣ, какъ онѣ представляются въ телескопѣ Росси.

Урокъ ариѳметики. Съ картины Г. Иглера, грав. Бибергоферъ.

ки какой предмет посторонний?!“ Спросилъ онъ объ этомъ княгиню, а та ему и говорить:

— Точно, замѣчаю я въ послѣднее время, что есть этотъ предметъ у нея.

— Кто же, кто? говори...

— Да вотъ, этотъ франтигъ молодой, шурина цесарскаго посланника—Милезимо...

— Такъ что жъ вы, голову съ меня снять что ли хотите! какже прежде то ты мнѣ объ этомъ не говорила?! закричалъ въ совершенной ярости Алексѣй Григорьевичъ.

— Какже мнѣ было говорить, когда сама я того не знала. Только что замѣтила—вотъ и говорю.

— А! такъ это Милезимо, злобно шепталъ Долгорукий,—Милезимо!... ну такъ... во первыхъ,—нога его не будетъ у насъ въ домѣ—это само собою, а во вторыхъ прочу я его хорошенько. Ну, а что до доченьки, такъ еще посмотримъ!...

Онъ призвалъ къ себѣ княжву Катерину.

— Ты тутъ, говорятъ, безобразія разные заводитъ хочешь—съ австріякомъ амуришься?!...

Княжна поблѣднѣла, она ли не скрывала отъ всѣхъ своего чувства и своихъ рѣдкихъ тайныхъ свиданій съ молодымъ графомъ—и вотъ все таки же узнали.

— Я не завожу никакихъ безобразій, стиснула зубы и вся дрожа проговорила она,—а кабы и завела что, такъ кто тому виною—ты самъ, батюшка, меня учишь вести себя не такъ, какъ подобаетъ честной дѣвушкѣ.

Алексѣй Григорьевичъ кинулся къ дочери съ поднятыми кулаками, но спохватился, удержался, и только глядѣлъ на нее съ ненавистью.

— Ну что жъ, батюшка, бей меня, бей, тогда можетъ я краше сдѣлаюсь... Можетъ больше на меня, битую, позарится Государь—бей меня, вотъ я вся передъ тобою!

И она, сверкая глазами, подходила къ отцу. Она его вызывала.

Вся кровь поднималась ему въ голову и онъ сжималъ кулаки, но все же не трогался съ мѣста.

„И какъ это только родятся такіе аспиды! думалъ онъ.—Такъ бы вотъ исколотилъ ее... а нельзя, нѣтъ нельзя—будетъ царской невѣстой, будетъ царицей, припомнитъ. Нѣтъ, что это я—нельзя такъ говорить теперъ съ нею.“

Онъ сдѣлалъ надъ собою усилие: кулаки его разжались, съ лица пропало злобное выраженіе. Онъ тихо подошелъ къ дочери и положилъ руку свою на плечо ей.

— За кого жъ ты меня считаешь, Катюша. Точно, что ты меня очень разсердила, вѣдь ты знаешь какъ я люблю тебя, о тебѣ вся моя забота. И тошно мнѣ что ты не хочешь понять этого, что ты бѣжишь отъ своего счастья. Вѣдь если я и сержусь теперь, такъ вѣдь не на тебя—пойми ты, дитя неразумное—а на то, что ты вотъ себѣ гибель хочешь приготовить.

— Приготовлю гибель себѣ, такъ твоими же руками, мрачно проговорила княжна Катерина и вышла отъ отца такъ величественно, взглянула на него такъ грозно, такъ съ-высока, что ему показалось будто она и впрямь ужъ его государыня, а онъ ея подданный.

„Но вѣдь нельзя же, нельзя же оставить это дѣло! думалъ онъ,—нужно какъ нибудь свернуть шею проклятому Милезимо, нужно удалить, чтобъ и духу его здѣсь не было—да какъ это сдѣлать, къ чему прддаться? Вѣдь у мальчишки этого тоже сила не малая—шуринъ графа Вратислава! За него заступятся и другіе иностранные министры—такую исторію поднимутъ, что и не расхлебашь... А все жъ таки нужно попытаться.“ Случай попытаться скоро представился Алексѣю Григорьевичу.

Версты за четыре отъ Москвы графъ Вратиславъ нанялъ себѣ для охоты участокъ лѣса. Какъ то выѣхалъ онъ рано утромъ, съ молодымъ Милезимо, поохотиться. Ъхали они въ экипажѣ, съ ружьями за плечами, и пришлось проѣзжать имъ мимо дома князя Долгорукаго. Онъ былъ у себя и увидѣлъ ихъ. Внезапная мысль пришла ему въ голову—ну такъ погоди жъ, погоди! шептала онъ.

(Продолженіе будетъ).

ГЕНРИХЪ СТЕНЛИ.

(Путешественникъ по Внутренней Африкѣ).

Тогда какъ Америка и Австралія уже тщательно изслѣдованы во всѣхъ отношеніяхъ, Африка, въ которую еще во времена Менеса, т. е. 8,000 лѣтъ тому назадъ были занесены первые зачатки культуры, остается до сихъ поръ для насъ terra incognita. Только въ послѣднее время на нее обращено должное вниманіе, и благодаря какъ частной, такъ и правительственной инициативѣ, мы двигаемся въ дѣлѣ ознакомленія съ этой частью свѣта истинно исполинскими шагами. Послѣднія открытія на материкѣ Африки вызваны чисто случайно и человечество ими обязано одному изъ крупныхъ представителей американской прессы, именно издателю газеты „Нью-Йоркскій Вѣстникъ“. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Читатели наши, конечно, слыхали, о неутомимомъ изслѣдователѣ Африки, Ливингстонѣ. Путешествуя и изслѣдуя Африку, онъ вдругъ пересталъ давать о себѣ въ Европу вѣсти. Это встревожило многихъ представителей науки и друзей Ливингстона, высоко чтившихъ его заслуги. Но помочь бѣдѣ не знали какъ, не знали или не имѣли въ виду человѣка, которому можно было поручить отыскать Ливингстона и оказать ему, въ чемъ нужно будетъ, помощь. Для этого нашелся способный человекъ, именно Генрихъ Стенли, котораго и отправилъ на свои средства издатель американской газеты „Нью-Йоркскій Вѣстникъ“.

Стенли былъ до того времени безвѣстнымъ репортеромъ, газеты „New-York-Herald“. По его собственному признанію, онъ по приказу редакціи отправлялся на поля сраженій, былъ очевидцемъ революцій, междоусобныхъ войнъ, возстаній, волненій и убійствъ, стоялъ около приговоренныхъ преступниковъ, чтобъ отдать отчетъ объ ихъ послѣднемъ вздохѣ и послѣднемъ взглядѣ. Важное, выходящее изъ ряда вонъ порученіе застало его совершенно врасплохъ въ Мадридѣ, послѣ рѣзни въ Валенсіи. Издатель газеты, поручая Стенли отыскать Ливингстона, назначилъ ему посѣтить Египетъ, Іерусалимъ, Константинополь, Крымъ и Индію. Стенли, исполнивъ всѣ эти порученія въ точности, отправился наконецъ изъ Занзибара за поисками

Ливингстона, котораго и встрѣтилъ въ Уджиджи, послѣ долгаго и богатаго приключеніями странствованія. Врученный ему Ливингстонемъ дневникъ подвергался крайнему сомнѣнію въ Лондонскомъ Географическомъ Обществѣ и на долю Стенли, отъ нѣкоторой части общества расточались даже названія обманщика и лжеца. Но не смотря на всѣ эти интриги и козни, предпріятіе издателя „Нью-Йоркскаго Вѣстника“ увѣнчалось успѣхомъ, и Стенли оказался человекомъ во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ для подобнаго рода миссіи. Лондонское Географическое Общество наградило его золотой медалью, а королева драгоцѣнной табакеркой.

Засимъ ему было поручено совершить самостоятельное ученое путешествіе во внутреннюю Африку, главнымъ образомъ для посѣщенія, изслѣдованія и съемки большихъ водныхъ бассейновъ, такъ какъ отъ этого преимущественно зависитъ рѣшеніе различныхъ важныхъ проблемъ африканскаго земледѣнія. На этотъ разъ лондонская газета „Daily Telegraph“ взяла на себя половину издержекъ предпріятія.

Путешествіе началось снова съ восточнаго берега Африки, изъ Багамоѣ, лежащаго насупротивъ Занзибара, откуда Стенли въ октябрѣ посѣтилъ нижній Люзиджи для приготовленія своихъ людей къ дальнѣйшему походу. Его сопровождало въ это время четверо молодыхъ англичанъ и болѣе чѣмъ 300 солдатъ и носильщиковъ; кромѣ того онъ взялъ съ собою большое (разбивавшееся потомъ) судно „Lady Alice“, для основательнаго изслѣдованія внутреннихъ африканскихъ озеръ.

Его первоначальною цѣлью было посѣщеніе озера Укереве или Викторіа-Ніанза, въ первый разъ открытаго Спикомъ 30-го іюля 1858 года, но не вполнѣ имъ изслѣдованнаго. Оно было изучено лишь мѣстами и даже его поверхность не была опредѣлена въ точности. Бертонъ, подстрекаемый завистью и неприязнью, тормозилъ все дѣло и благодаря ему Укереве долгое время считалось не однимъ большимъ озеромъ, но соединеніемъ многихъ мелкихъ лагунъ. Стенли держался болѣе прямой дороги, чѣмъ Спикъ и послѣ труднаго пути, пройдя 127 ан-

гійскихъ миль, въ продолженіе 103 дней, онъ достигъ горъ, непобѣдимыхъ пикетъ до того времени, съ которыхъ и спустился къ озеру. Сквозь три непроходимыхъ лѣсныхъ чащи и весьма далекое разстояніе было протаскано судно въсѣмъ отрядомъ. Этотъ переходъ съ такимъ огромнымъ обозомъ, съ массою поклажи, товаровъ, огнестрѣльныхъ снарядовъ и наконецъ съ цѣлымъ судномъ, былъ уже самъ по себѣ значительнымъ подвигомъ.

Тотчасъ по прибытіи къ берегамъ огромнаго озера, Стенли началъ свои приготовленія къ его всестороннему изслѣдованію; устроилъ крѣпкій лагерь для своего отряда, притащилъ свое судно и 8-го марта 1875 года спустилъ его на воду, изслѣдовалъ озеро во всѣхъ направленіяхъ и снялъ на карту до 1000 англійскихъ миль его берегового очертанія. 5-го мая онъ обратно возвратился въ лагерь.

Это плаваніе по озеру Укереве, продолжавшееся 58 дней, при чемъ преодолено много опасностей и трудностей, во всякомъ случаѣ, было блестящимъ и богатымъ по результатамъ дѣломъ. Имъ-то Стенли разрѣшилъ первую большую задачу своей миссиі и одинъ изъ важнѣйшихъ африканскихъ вопросовъ, доказавъ подобно Снику, что вода этого озера заключена въ одномъ громаднѣмъ бассейнѣ. Предположенія Сника онъ подтвердилъ полнѣйшимъ образомъ и обнаружилъ заблужденіе Бертода и его послѣдователей. Еще въ 1810 году, состоявшій въ египетской службѣ полковникъ Лонгъ, посѣтивъ сѣверную часть Укереве, это величественное озеро назвалъ на степенъ медкаго воднаго бассейна. По измѣреніямъ же Стенли, величина озера оказалась больше чѣмъ въ 1,500 вѣмецкихъ квадратныхъ миль, слѣдовательно больше чѣмъ вся Баварія, а его возвышенность надъ пониженьемъ моря равняется 3,800 англійскимъ футамъ. Отъ Укереве, въ январѣ 1876 года, Стенли тронулся въ путь подъ прикрытіемъ 2,000 вооруженныхъ людей, уроженцевъ Игодды. Направивъ къ высокой, поднимающейся на 15,000 футовъ горной странѣ, ко второму большому озеру, служащему источникомъ Нила, къ Мвутану или Альбертъ-Ніанза, лежащему на высотѣ 2,500 футовъ, онъ во все продолженіе дороги не переставалъ производить розыски, драгоцѣнные для географической науки. Трудности, которыя представились въ этомъ случаѣ и враждебность около живущихъ племенъ, были однако столь значительны, что онъ долженъ былъ отказаться отъ изслѣдованія всего озера кругомъ и направился на югъ, къ третьему большому озеру, Танганикѣ, лежащему на высотѣ 2,710 англійскихъ футовъ и мимоходомъ пробѣжалъ и изслѣдовалъ на своемъ суднѣ озеро Ингензи или Кагернѣ.

По сообщеннымъ извѣстіямъ, онъ достигъ 24-го апрѣля 1876 г. Лумарези, мѣстности, лежащую между Укереве и Танганики; новѣйшія письма, обнимающія время отъ 24-го апрѣля до 18-го августа 1876 года, указываютъ, что его мѣстопробываніе въ Уджиджи.

Такимъ образомъ Стенли въ 51 день мѣсяца іюня и іюля произвелъ полнѣйшее изслѣдованіе Танганики и болѣе удачно, чѣмъ всѣ изслѣдованія, ему предшествовавшія: Бертода, Сника, Ливингстона и Камерона; онъ не только проникъ въ каждую излучину, но посѣтилъ сѣверо-западную часть озера, изслѣдовалъ ее и снялъ на карту очертаніе ея береговъ.

Среди этихъ работъ, онъ разрѣшилъ полнѣйшимъ образомъ вторую великую африканскую задачу: что Танганика не состоитъ въ соединеніи съ Мвутаномъ (Альбертъ-Ніанза), а слѣдовательно и съ Ниломъ. Третьей проблемой, удовлетворительно разрѣшенной Стенли, былъ вопросъ о предполагаемомъ изліаніи воды Танганики черезъ Луугу, изъ которой по мнѣнію Камерона, воды озера должны выдаться въ Луову и Луалабу. Результаты же изслѣдованій Стенли тотъ, что изъ Луугу притокъ воды совершается не постоянно, а по большей части временно и периодически. Напротивъ того, посѣщенную имъ Кагору онъ принимаетъ за рѣку, служащую главнымъ источникомъ Нила и называетъ ее Александра Нилъ; озеро же Аканіара онъ принимаетъ за дѣйствительно озерной источникъ Нила; при будущемъ посѣщеніи этой мѣстности, онъ надѣется это послѣднее озеро, названное имъ озеромъ Александры, изслѣдовать болѣе точнымъ образомъ.

Всѣ эти путешествія, изслѣдованія и снимки Стенли произвелъ менѣе чѣмъ въ два года, и въ это короткое время выказалъ изумительную дѣятельность; посѣтилъ три изъ большихъ озеръ, изъ которыхъ два обѣхалъ кругомъ; прошелъ отъ 4 до 5000 англійскихъ миль и по этому длинному пути повсюду возилъ съ собою большое судно и благодаря послѣднему могъ дѣйствовать гораздо независимѣе отъ туземцевъ, чѣмъ изслѣдователи ему предшествовавшіе.

Кто хочетъ узнать, сколько требуетъ жертвъ такое богатое послѣдствіями путешествіе въ Африку, какъ путешествіе Стенли, тотъ пусть прочтетъ его подробные отчеты: „Уже въ началѣ путешествія, черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего выстуленія изъ пустыни,—разсказываетъ Стенли,—мои люди стали исчезать подъ вліяніемъ невыносимо дурныхъ условий; люди умирали отъ утомленія и голода, многие больные были отосланы назадъ, другіе разбѣжались сами. И обѣщанія, и привѣтливость въ обращеніи, и угрозы, и наказанія, все было испробовано, но тщетно. Экспедиція, казалось, близилась къ своему концу. Одни бѣлые, хотя и выбранные изъ самыхъ низ-

шихъ классовъ англійскаго народа, исполняли молодецки, даже героически свои обязанности. Страдая страшно отъ лихорадки, оскорбляемые туземцами, совершая переходы среди жары и подъ экваторіальнымъ ливнемъ, они постоянно проявляли благородную, мужественную натуру, были неустрашимыми, храбрыми и что всего лучше истинными христианами. Безропотно сносили они свою суровую судьбу, питались скудной пищей, смѣло встрѣчали они бѣдствія и опасности, съ готовностью каждый изъ нихъ исполнялъ свою обязанность и я постоянно былъ ими доволенъ“.

Такъ было уже въ Угого въ декабрѣ 1874 года. Двѣ недѣли спустя вся экспедиція почти умирала съ голоду и Стенли распродавалъ свои аптекарскіе запасы, взявъ 5 фунтовъ шотландской овсяной муки и три коробки Revalenta arabica, сварилъ родъ овсянаго киселя, чтобы этимъ накормить 220 бѣдныхъ, обезсиленныхъ людей и спасти ихъ отъ голодной смерти. Число больныхъ становилось больше и больше и преимущественно отъ разстройства пищеваренія, грудной боли и пожвныхъ язвъ. На водахъ Нила умеръ одинъ изъ четырехъ спутниковъ Стенли—Эдуардъ Пококъ. Враждебность туземцевъ постоянно усиливалась; на одного больного, шедшаго въ заднихъ рядахъ, они падали и изрубали его въ куски, а во второй половинѣ января 1875 года экспедиція, едва состоявшая изъ 200 человекъ, должна была выдержать схватку противъ 3000 вооруженныхъ туземцевъ, причемъ потеряла 20 человекъ. Болѣе чѣмъ изъ 3,000 человекъ остались цѣлыми лишь 180. Месяцъ чѣмъ въ три мѣсяца, я благодаря голоду, болѣзнямъ сердца, побѣгамъ и войнѣ, лишился уже болѣе 120 человекъ африканцевъ и одного европейца. Мнѣ мало времени для того, чтобы разсказать и десятую часть нашихъ приключеній и страданій..

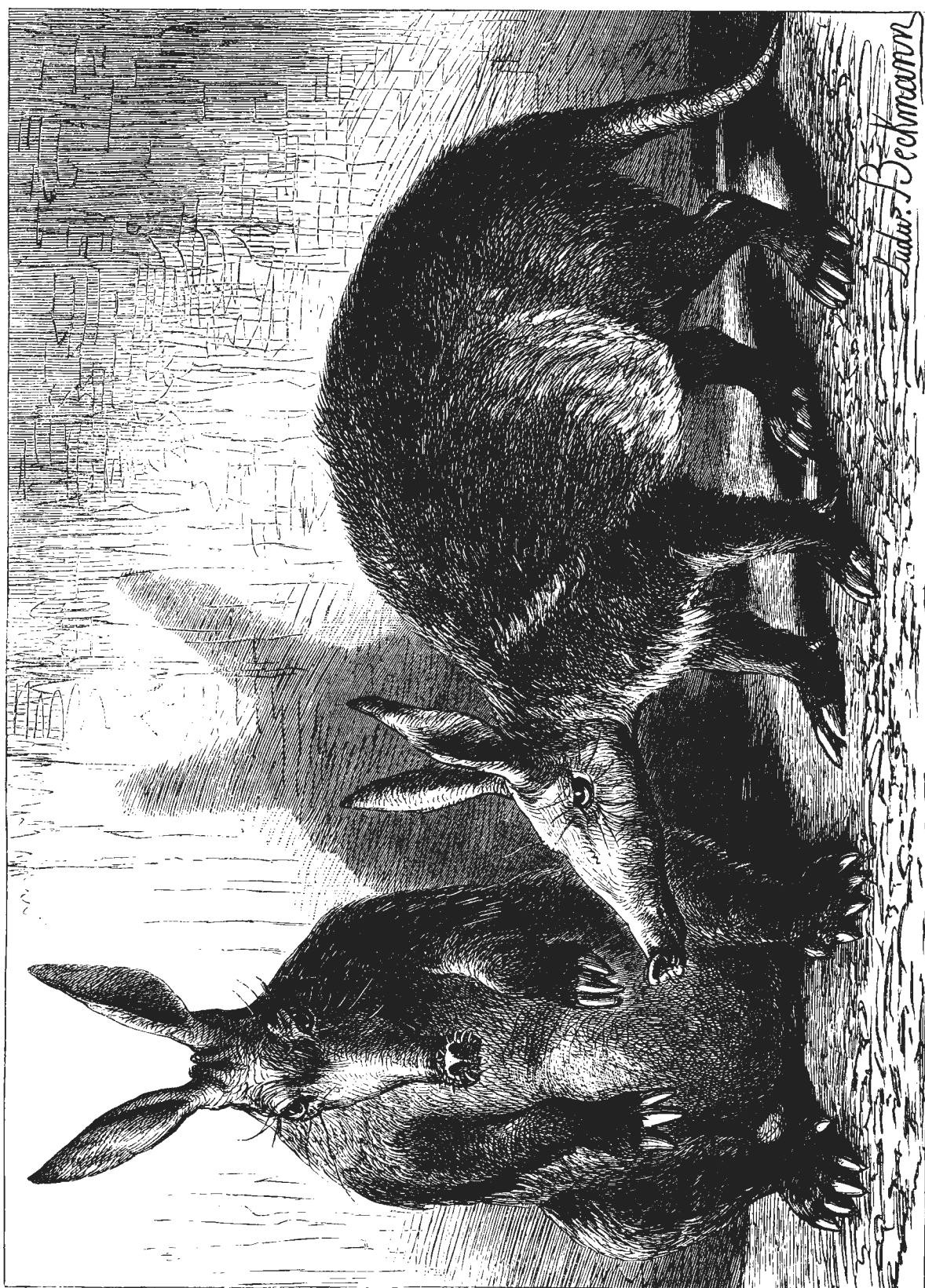
Когда же Стенли 27-го февраля 1875 года, достигъ озера Укереве, то его экспедиціонный отрядъ состоялъ лишь изъ 160 солдатъ и носильщиковъ племени Вангуана и трехъ бѣлыхъ.

„Большая половина моихъ людей умерла или разбѣжалась. Ужаснѣйшимъ бичемъ экспедиціи были болѣзнь, и я не могу похвалиться, чтобы могъ использовать много больныхъ своими лекарствами, хотя мы послѣднія имѣли въ изобиліи и охотно всѣмъ раздавали“. Во время плаванія по озеру Укереве скончались еще нѣсколько членовъ экспедиціи и между ними одинъ европеецъ—Фридрихъ Баркеръ.

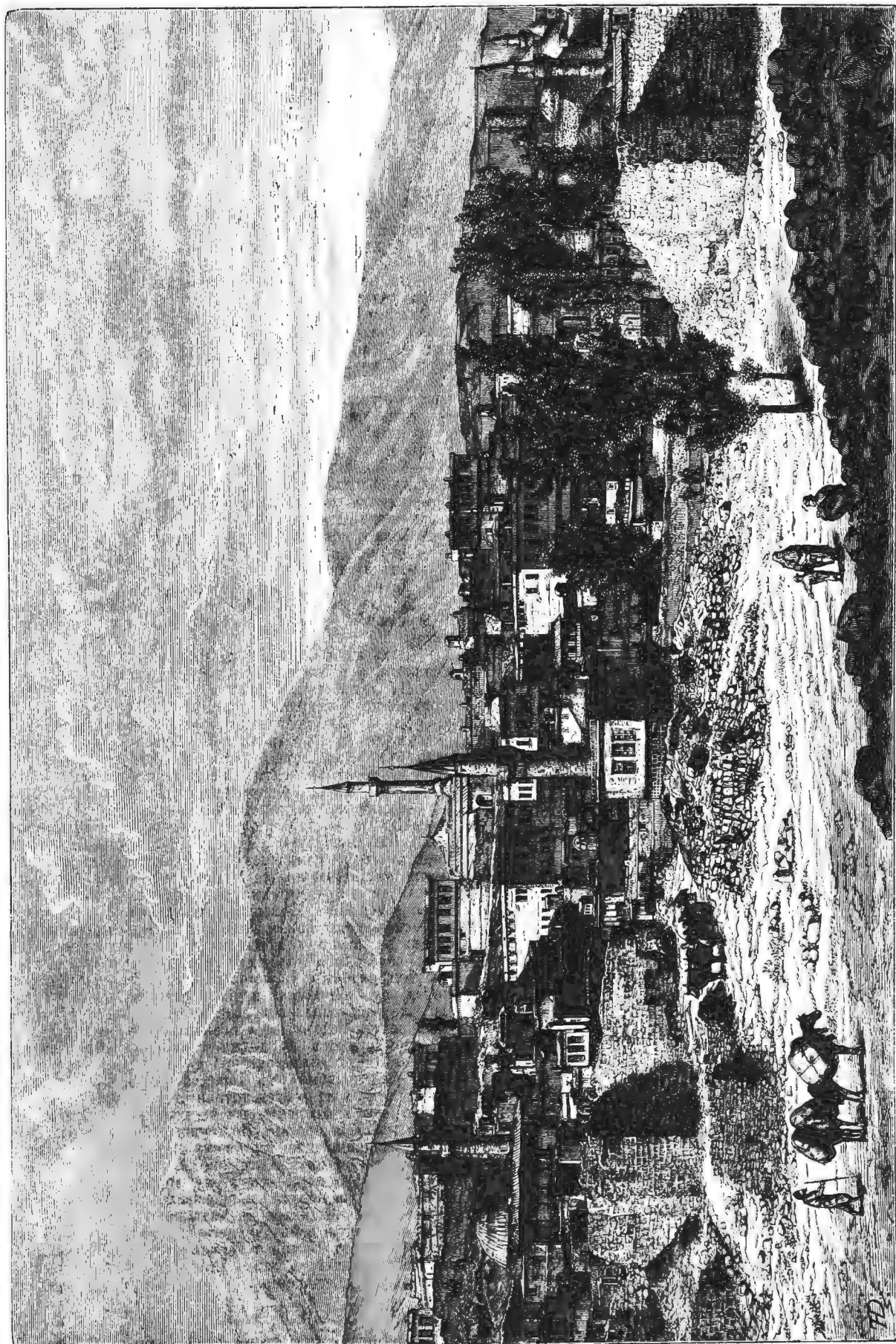
Сколько осталось въ Уджиджи людей изъ 160 человекъ экспедиціи, въ промежутокъ между 25-мъ февралемъ 1875 года и 13-мъ августомъ 1876 г., объ этомъ не упоминается въ отчетѣ, но въ высшей степени опасная осенняя эпидемія похищала ежедневно изъ туземнаго населенія отъ 40 до 75 человекъ и даже изъ людей экспедиціи, во время плаванія по Танганикѣ (въ теченіе 51 дня), умерло пятеро. Единственнымъ спасеніемъ всей экспедиціи при такой повальной болѣзни было то, что Стенли привилъ ослу всѣмъ ея участникамъ.

Въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ имъ 10-го ноября 1876 г. въ Лондонъ, онъ сообщаетъ, что задача его выполнена хотя и съ большими жертвами. „Съ чувствомъ глубокой признательности,—пишетъ онъ,—я долженъ нынѣ отвѣстись къ Божественному Провидѣнію, которое меня и моихъ спутниковъ избавило такимъ чудеснымъ образомъ отъ ужасовъ рабства и отъ страданій мучительной смерти среди людоѣдовъ; къ Провидѣнію, которое цѣлые нять мѣсяцевъ охраняло насъ при нашемъ шествіи черезъ 57 водопадовъ, водныхъ пороговъ и ручьевъ и которое воодушевляло насъ при столкновеніяхъ съ толпами дикихъ и сохраняло насъ въ 32 сраженіяхъ на жизнь и на смерть съ этими племенами, доставило насъ невредимыми на берега Атлантическаго океана.“

Наученный такимъ горькимъ опытомъ, Стенли высказываетъ совершенно новыя мнѣнія какъ объ способахъ путешествія по Африкѣ, такъ и о средствахъ вести начатки цивилизаціи среди ея въ мракѣ ходящихъ народовъ. Онъ прямо отрицаетъ возможность путешествовать по Африкѣ въ плачевномъ образѣ одинокаго путника, въ видѣ нищаго или миссіонера съ Библией подъ мышкой, во всемъ зависящаго отъ произвола туземцевъ. Успѣхъ всякой экспедиціи, по его мнѣнію, не мыслимъ безъ большихъ денежныхъ средствъ и безъ достаточнаго вооруженнаго прикрытія. Такъ какъ въ Африкѣ нѣтъ ни верблюдовъ, ни лошадей, ни воловъ, ни другихъ животныхъ, годныхъ для перевозокъ тяжестей, то безъ конвоя и носильщиковъ не много можно сдѣлать. Въ западной части центральной Африки, по соображеніямъ Стенли, торговцы могли бы дѣйствовать успѣшнѣе миссіонеровъ въ дѣлѣ просвѣщенія, на томъ основаніи, что восточная часть Африки населена сильными и многочисленными племенами, управляемыми отдѣльными владыками деспотическою властью. При умѣньи пользоваться обстоятельствомъ и вести дѣло съ тактомъ, миссіонеръ можетъ расположить къ себѣ влѣстителя и вызвать его къ содѣйствію своей высокой цѣли—умственному и нравственному облагороженію его подданныхъ. Напротивъ того, въ западной части Центральной Африки, отъ самаго озера Танганики до устья рѣки Конга, племена разбросаны на мелкія, незначительныя селенія, города и деревни, и будучи независимы другъ отъ друга, поднимаются лишь своимъ старѣйшинамъ. У всѣхъ ихъ проявляется непреодолимое влеченіе къ торговлѣ и всѣ они при этомъ отличаются самыми нелѣпыми религіозными обрядами,

Трубкозубъ (Oreamnos). Рис. А. Бекманъ, грав. О. Рогъ.

Видъ города Зверума. Рис. Т. Д., грав. Леви.

постоянной враждой къ сосѣдямъ и гордостью, доходящею до смѣшного. Въ средѣ этого-то жаднаго къ обмѣну населенія, европейскій народъ и особенно англичане могли бы извлечь для себя большія выгоды сбытомъ своихъ произведеній. Мѣстная торговля рабами глубоко возмущала Стенли своею жестокостью и безчеловѣчьемъ. Такъ въ Уджиджи, одинъ изъ пунктовъ этой безнравственной торговли, пригоняются цѣлыя толпы рабовъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, изъ внутренней Африки, имѣющихъ видъ скелетовъ и столь слабыхъ, что они насилу могутъ держаться на ногахъ. Голосъ у нихъ пропадаетъ и они лишь въ силахъ хрипѣть и стонать и каждая часть тѣла этихъ несчастныхъ носитъ на себѣ слѣды самаго отчаяннаго голода.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Изъ быта въ Черногоріи.

Съ бытомъ черногорцевъ наши читатели уже достаточно знакомы изъ статей, помѣщавшихся въ „Нивѣ“, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ году.

Помѣщаемый въ этомъ номерѣ рисунокъ даетъ намъ снова поводъ возвратиться къ быту черногорцевъ и указать тѣ черты, которыя еще не были отмѣчены въ предыдущихъ статьяхъ.

Стоитъ взглянуть на прилагаемый рисунокъ, чтобы съ перваго взгляда вывести безошибочное заключеніе о томъ, какое положеніе въ быту обитателей Черной Горы занимаетъ женщина.

Вотъ вся ея доля передъ зрителемъ здѣсь на рисункѣ. Сгорбившаяся подъ тяжестью, несомою ею, она, босая, весьма убого одѣтая. Но едва ли она ропщетъ на свою судьбу, этого не видно изъ выраженія ея лица; скорѣе въ немъ спокойствіе и готовность на всякія жертвы для мужа—ея владыки. Тутъ съ нею и мужъ ея, этотъ полный владыка и безконтрольный хозяинъ ея. Онъ не несетъ на плечахъ никакой тяжести. Онъ господинъ и ведетъ себя по-господски: не его дѣло работать. Онъ самодовольно закинулъ за плечи ружье и шагаетъ браво, не обращая вниманія на то, легко ли или трудно женѣ тащить за спиной грузъ. Онъ одѣтъ значительно богаче чѣмъ она и на ногахъ его обувь.

Такимъ изображеніемъ сразу получается понятіе объ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ въ Черногоріи. Стойкій, ловкій и безстрашный до отваги черногорецъ знаетъ одно только дѣло—сражаться съ врагомъ. И дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ онъ изумляетъ своимъ героизмомъ, своимъ умѣньемъ биться съ врагомъ, не смотря на то, что этотъ врагъ бываетъ иной разъ значительно сильнѣе его. Смѣлость и героизмъ черногорцевъ уже давно всѣмъ извѣстны и блистательно доказаны борьбою ихъ съ турками. Въ самомъ дѣлѣ достойно удивленія, какъ маленькая горсть народа, на крохотномъ, гористомъ уголкѣ Европы, въ продолженіи долгихъ лѣтъ охраняетъ собственными силами свою самостоятельность. Разумѣется такая стойкость обуславливается мужественнымъ духомъ народа. Что же касается женщины Черногоріи, то она вѣчная работница своего мужа и семьи, никогда не остающаяся праздною. Освобождаясь отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ, она тотчасъ же обращается къ другому занятію—пряжѣ, шитью бѣлья и платья, издѣлію сукна, тонкихъ тканей. На ней лежатъ всѣ хозяйственныя заботы, она воспитываетъ будущихъ героев и подготавливаетъ опять для нихъ будущихъ работницъ. Во время войны черногорцы несутъ въ свою очередь военную повинность—носятъ провіантъ, обслуживаютъ войскамъ въ ихъ походахъ, доставляютъ часто боевые запасы, иногда вмѣстѣ съ мужьями и въ битвѣ принимаютъ участіе, кидая на врага съ горъ камнями.

Подобное отношеніе мужчины къ женщинѣ и положеніе женщины какъ вѣчной работницы, разумѣется, возмущаютъ насъ и производятъ чрезвычайно неприятное впечатлѣніе. Надобно замѣтить, что черногорскій народъ вообще хранилъ въ себѣ много чертъ, присущихъ еще младенчествующимъ народамъ. Такъ, напримѣръ, въ черногорцѣ рядомъ съ жестокостью встрѣчается замѣчательная наивность, а съ героизмомъ рыцаря часто соединяется хитрость и лукавство дикаря. Даже самыя игры у черногорцевъ носятъ характеръ дѣтскихъ, напримѣръ, любимая игра заключается въ бросаніи камней. Однако, не смотря на это, трудно представить, до какой степени въ Черногоріи собственность и личность каждаго ограждена отъ всякаго посягательства. Въ этой полудикой еще странѣ, гдѣ у каждаго за поясомъ торчитъ оружіе, неизвѣстны грабежи и даже кражи. И ихъ работницы-женщины пускаются въ дальній путь, часто по глухимъ горнымъ тропинкамъ, съ огромной ношей на себѣ или вваливъ ее на мула.

Однако эти заслуги женщинъ мужчины въ Черногоріи ставятъ не очень высоко.

— Какъ это вы ихъ не опасаетесь пускать по такимъ глухимъ дорогамъ: опасно.

— Э! Что-жъ тутъ опаснаго.

— А турки нападутъ?

— Гм... Турки? Что-жъ турки: все же она хоть и женщина, а можетъ въ горы уйти...

Этотъ постоянный торгъ невольниками является слѣдствіемъ систематическихъ войнъ, направленныхъ арабами противъ туземцевъ. Безсердечность и кровожадность мусульманъ-аравовъ является здѣсь во всемъ ихъ блескѣ. Когда на рабовъ нѣтъ спроса, тогда они даютъ туземцамъ возможность спокойно обрабатывать поля, исправлять свои жилища и спориться съ сосѣдями, но только лишь является спросъ на рабовъ, то тотчасъ и Магомедъ-Бенъ-Нассуръ, и Магомедъ-Бенъ-Саидъ, и Мени-Дугамба и другія шейхи собираютъ свои полчища и бросаются на беззащитныхъ дикарей, какъ на дикихъ животныхъ, умерщвляя мужчинъ и увозя въ неволю дѣтей и женщинъ.

А. Н.—ой.

— Да у ней оружія же нѣтъ съ собой?..
— Ну чтожь... Она женщина, она въ горахъ укроется...
Извѣстно, гдѣ же ей биться...

— Не нужно посылать, если опасно...

— Если опасно, нужно смотрѣть зорче, а не посылать нелзя... Это ужъ такое дѣло, нужно идти. Онѣ и сами знаютъ...
Чтоже тутъ такого...

Кромѣ этого разговора, передаваемого нами со словъ лица, лично знакомаго съ бытомъ черногорцевъ, приводимъ здѣсь еще нѣсколько словъ, характеризующихъ отношенія черногорцевъ къ женщинамъ.

Приходятъ нѣсколько человекъ въ одинъ изъ лазаретовъ общества Русскаго Краснаго Креста въ Цетиньѣ или въ Каттаро—точно передать не можемъ. Впрочемъ, сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется. Приходятъ и вступаютъ въ разговоръ съ главнымъ распорядителемъ лазарета.

— Хорошій господинъ! Много вы здѣсь тратите на лѣченіе нашихъ больныхъ. Господь вамъ за это дастъ добра много...

Клаиваются они, видимо довольны, благодарятъ и потомъ, понизивъ тонъ, добавляют:

— Только вотъ зачѣмъ вы женщинъ здѣсь держите.

— Да онѣ больныя...

— Онѣ пусть бы шли куда-нибудь...

— Да идти имъ не куда: больныя, и бездомныя, и гододныя...

— Да, да, такъ... Только лучше бы вы ихъ отпустили...

Слушающій удивленъ: къ чему такая рѣчь и что за жестокосердіе?

— Вѣдь на нихъ тоже вы тратите деньги, вѣдь онѣ хоть и женщины, а то же на нихъ расходъ идетъ...

— Ну, такъ что-же, наконецъ, вѣдь васъ не приглашаютъ этотъ расходъ платить...

— Да, но вотъ по нашему лучше бы эти деньги на пороховъ, да на пули: мы бы турокъ стали бить... У насъ теперь пороховъ мало, пуль мало—вотъ бы на это деньги лучше издержать... А женщины—онѣ сами какъ-нибудь поправятся...

Таковъ взглядъ черногорцевъ.

Въ-заключеніе не можемъ не напомнить, что положеніе черногорцевъ въ экономическомъ отношеніи теперь просто ужасно.

Изъ Рагузы пишутъ: „Нищета и опустошенія въ округахъ Черногоріи, въ томъ числѣ въ Боква-ди-Каттаро ужасны и быстро усиливаются. Не только эмигранты, но и коренные жители черногорскихъ округовъ приходятъ въ Рагузу тысячами за подаяніемъ. Помощь, доставленная русскимъ фондомъ для вспомоществованія, оказывается недостаточною и если не будетъ доставлено помощи изъ другого источника, то большая часть населенія Чермницы и сосѣднихъ округовъ, состоящаго изъ эмигрантовъ и черногорцевъ, должна погибнуть отъ голода. Почти вся Чермницкая нахія бѣдствуетъ; большинство жителей уже распродала всѣ свои пожитки для покупки хлѣба.

Въ политическомъ же и военномъ отношеніи дѣла ихъ пока все еще держатся на должной высотѣ и ихъ храбрый князь, въ послѣднихъ дняхъ октября чрезвычайно ловко провелъ турокъ. Онъ прибылъ въ Вирбазаръ, на Скутарійскомъ озерѣ, чтобы осмотрѣть сосредоточенныя тамъ войска; изъ этого выведено было заключеніе, что черногорцы намѣрены начать военные дѣйствія противъ Подгорицы. Между тѣмъ князь Николай неожиданно и ко всеобщему изумленію обратился съ 20 батальонами противъ Антивари (Антивари—городъ на берегу Адриатическаго моря—къ этому городу черногорцы издавна стремились), на который и произвелъ нападенье. Громъ орудій доносился изъ Антивари въ Каттаро.

Въ настоящую войну черногорцы дали убѣжище для бездомныхъ бѣглецовъ Босніи и Герцеговины, не смотря на то, что большая численность этихъ несчастныхъ еще увеличила ихъ собственныя затрудненія...

Ор.

Г-жа Этелька Герстеръ.

(Примадонна Итальянской оперы въ С.-П. Бургѣ.)

Путешествуя по Венгріи, г. Гальмбергъ, извѣстный виртуозъ и директоръ Вѣнской консерваторіи, открылъ въ одномъ Венгерскомъ городкѣ маленькую дѣвочку съ необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ. Онъ взялъ ее съ собою въ Вѣну, доставилъ ей въ своемъ семействѣ вторую родину и далъ ей воз-

возможность получить музыкальное образование в художественном институте, находящемся под его руководством — и вот благодаря этому, из маленькой девочки явилась в настоящее время знаменитая певичка. Ея слава началась в Берлине. Она очаровала берлинскую публику. Германский Император и весь двор осыпали ее отличиями.

Этой знаменитой певичке, во время ея бенефиснаго спектакля, берлинцы поднесли особенным образом вычеканенную медаль-сувенир, вместе с великодушным аметистовым bracelet. Кроме того до тысячи громадной величины букетов и 25 лавровых вѣнков, пѣтты всякой формы, букеты всякой величины, цвѣточныя опахала, корзинки съ цвѣтами, маленькіе пучки цвѣтовъ, вѣнки и т. д. Одно торговое цвѣточное заведение „Подъ липами“ доставило для этого вечера въ театр Кролля свѣжихъ цвѣтовъ на сумму около 2,500 марокъ. Долше четверти часа публика стояла на своихъ мѣстахъ, махала шляпами, платками, ликовала. Оглушительно ревѣлъ гудъ одобрений. Звукъ эти потрясали залу. До 10-ти разъ поднимался и опускался занавѣсъ, и когда онъ упалъ въ послѣдній разъ, за нимъ сидѣла окруженная цвѣтами и другими знаками ея триумфа молодая скромная дѣвушка, такъ восхитившая всѣхъ превосходнымъ голосомъ... Она плакала, потрясенная своимъ счастьемъ. Это были слезы блаженства по поводу успѣха, какой дается въ удѣль не многимъ.

Всѣ газеты безъ исключенія констатируютъ этотъ громадный успѣхъ г-жи Герстеръ. Одинъ спеціальнй музыкальнй критикъ написалъ объ ея пѣвнн слѣдующія строки: „Этелька Герстеръ поетъ удивительно прекрасно. Каждый тонъ ея голоса — это жемчужина, но не только чистая жемчужина тона, а бриллиантъ, оправленный въ золото глубоко-чувствующей души. Она ищетъ своего успѣха не въ полной и безусловной виртуозности, такъ какъ эта виртуозность хотя и весьма значительна у нея — выступаетъ у нея только въ видѣ резерва. Очарованіе ея пѣвнн коренится въ той истинной художественности, которая все, даже вѣтвшій блескъ, сосредоточиваетъ на возможно полнѣйшемъ выраженіи музыкальной мысли.“

Эта художница недавно сочеталась бракомъ съ импрессарио г. Гардини и пишетъ свое полное имя теперь madame Etelca Gerster Gardini. Вездѣ, гдѣ богато-одаренная пѣвица пѣла послѣ своего берлинскаго дебюта, вездѣ она получила триумфъ, подобный берлинскому. Въ настоящій сезонъ она поетъ на сценѣ Петербургской Итальянской оперы и доставляетъ своимъ пѣвнмъ художественные восторги любителямъ итальянской музыки.

УРОКЪ АРИМЕТИКИ.

(Картина Иглера).

Ариметика — наука не легкая. Это видно изъ того душевнаго состоянія, которое такъ точно выражается на лицѣ мальчика, поставленнаго въ весьма затруднительное положеніе вопросомъ учителя.

Учитель, кажись, такой съ виду добрый и такой тихій и такъ, повидимому, терпѣливо ждетъ отвѣта мальчика, но изъ его вопроса, однако, замѣтно, что онъ не безъ строгости относится къ дѣлу. Задумалъ старый этакій трудный вопросъ: сколько будетъ, если сложить семь и восемь.

— Семь да восемь, соображаетъ мальчикъ, ишь ты, вѣдь, какія большія цифры-то задалъ; пѣтъ чтобы, напримѣръ, два да три... Гм... гм...

Онъ рѣшительно откашливается, видимо, намѣреваясь тогда же послѣ этого отвѣтить на вопросъ учителя.

— Ну-съ, юный другъ мой, отвѣчай-ка мнѣ, какое же число составится, если сложить семь и восемь...

Учитель кротко и ласково повторяетъ свой вопросъ, но вопросъ отъ этого ничуть не дѣлается легче.

— Семь да восемь? переспрашиваетъ мальчикъ.

— Да, семь и восемь.

— Гм... Это будетъ... Гм. Гм. Семь и восемь...

Мальчикъ повторяетъ вопросъ учителя, повторяетъ его и вслухъ и шепчетъ про себя, но рѣшенія все еще не можетъ сдѣлать.

— Вотъ, юный другъ мой, что я тебѣ скажу: ты сначала успокойся.

— Я... я ничего... я спокоенъ...

— А я вижу, что ты не спокоенъ: ты говоришь вслухъ: „семь да восемь“ и шепчешь про себя: „семь да восемь“, но мысли твои совсѣмъ не здѣсь, а гдѣ-то далеко, гдѣ-то тамъ, на голубятнѣ, откуда я тебя извлекъ...

— На голубятнѣ? Вотъ вы что выдумали... Стану я думать о голубятнѣ...

— Но однакоже ты не рѣшилъ задачи, а изъ этого слѣдуетъ — что ты...

— Не знаю думаетъ? перебиваетъ мальчикъ, не знаю? Семь да восемь? А вотъ это сколько: если взять семь и восемь, то выйдетъ...

Вдругъ его мысли переносятся въ самомъ дѣлѣ на голубятню и онъ не можетъ при всемъ своемъ желаніи разрѣшить трудную задачу, никакъ не можетъ сосредоточиться на ней.

— Ну, юный другъ мой, надлежало бы тебя въ некоторымъ образомъ подвергнуть наказанію.

Таково, или приблизительно таково, содержаніе картины, рассматриваемой со стороны выраженія душевныхъ движеній ея дѣйствующихъ лицъ.

ТРУБКООЗУБЪ. (PUGTEROPUS).

Еще во время Бюффона, трубоккозубъ считался вымышленнымъ животнымъ. — Новѣйшіе естествоиспытатели собрали о трубоккозубѣ болѣе точныя свѣдѣнія и причислили его къ порядку неполнозубыхъ (Edentata), и именно къ семейству муравьѣдовъ (см. № 42 „Нивы“), отъ которыхъ онъ впрочемъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, отличается своею внѣшностью и кромѣ того, тогда какъ муравьѣдъ вовсе лишенъ зубовъ, трубоккозубъ имѣетъ нѣсколько жевательныхъ зубовъ, въ различномъ числѣ, смотря по возрасту животнаго, отъ 5 до 8 въ каждомъ ряду верхней челюсти и отъ 5 до 6 въ каждомъ ряду нижней челюсти. Подобно всѣмъ животнымъ порядка неполнозубыхъ, трубоккозубы живутъ въ жаркихъ поясахъ. Днемъ трубоккозубы зарываются въ или самими вырытыхъ ямамъ и спятъ въ нихъ свернувшись; ночью выходятъ на добычу. Изъ всѣхъ чувствъ у трубоккозубовъ болѣе развиты обонаніе и слухъ: на сколько онъ работаетъ ушами, на столько же пускаетъ въ дѣло свой носъ. Закрывъ уши на затылокъ и утыкнувъ морду въ землю, такъ что меретъ ее пучкомъ волосъ, окружающихъ ноздри, трубоккозубъ бѣжитъ отыскивать муравьевъ, составляющихъ его пищу. Бѣгаетъ трубоккозубъ очень тихо, но за то дѣлаетъ довольно большіе прыжки. Повременамъ, на пути, онъ останавливается, чтобы прислушаться пѣтъ ли близости врага; задвигаетъ кожу на носу, поводя во всѣ стороны растущими на ней волосами, а потомъ снова идетъ дальше. Отыскавъ кучу муравейника, онъ, прежде всего, изслѣдуетъ ее со всѣхъ сторонъ и затѣмъ уже начнетъ рыть поднимая цѣлыя облака пыли. Онъ роетъ, до тѣхъ поръ пока не найдетъ главнаго жилища муравьевъ или термитовъ, куда и запускаетъ свой длинный липкій языкъ. Онъ вытаскиваетъ его весь облищенный муравьями. Иногда трубоккозубу удается напасть на большой муравейникъ, вшащій миллионами насѣкомыхъ и тогда онъ глотаетъ ихъ цѣлыми кучами.

Съ развѣтомъ животное снова уходитъ подъ землю. Не бѣда, если онъ не найдетъ своей норы — выкапаетъ новую и снова зароется. Въ минуты опасности трубоккозубъ продолжаетъ зарываться глубже и глубже, такъ что его чрезвычайно трудно преслѣдовать. Земля, выплываемая его сильными когтями, засыпаетъ преслѣдователя. Пойманный врасплохъ, трубоккозубъ такъ крѣпко запускаетъ когти въ землю и съ такой силой выгибаетъ спину что почти пѣтъ возможности вытащить ни погъ его, ни его самага. Туземцы Восточнаго Судана убиваютъ трубоккозуба пиками, стараясь попасть прямо, иначе животное будетъ въ состояніи закапываться глубже.

Мясо трубоккозуба имѣетъ вкусъ кабаньяго мяса. Толстая шкура перерабатывается въ кожу. Здѣсь считаемъ нелишнимъ привести описаніе трубоккозуба, сдѣланное однимъ ученымъ посѣтителемъ зоологическаго сада въ Лондонѣ.

„Когда я подошелъ къ клѣткѣ трубоккозуба, пишетъ онъ, она, казалось, была пуста и только въ одномъ углу ея возвышалась куча сѣна. Сторожъ, бывшій со мною, началъ свистать и вызывать животное. Но оно не явилось на его зовъ и только когда сторожъ потрогалъ кучу сѣна палкой, изъ сѣна выставилась морда тѣлаго цвѣта съ очень открытыми ноздрями; за тѣмъ открылись блестящіе веселые глаза и показались длинныя, ослыныя уши. Выставились на видъ намъ и переднія лапы животнаго, съ острыми копытообразными когтями. Новый зовъ сторожа, а главное видъ молока, которое сторожъ принесъ съ собою, заставили трубоккозуба рѣшиться совсѣмъ выйти изъ своего убѣжища и подойти къ намъ.“

Это было сильное животное, футовъ 4 въ длину, съ толстымъ, согнутымъ туловищемъ, вытянутой толстой головой на тонкой шеѣ. Короткія переднія лапы, казалось, не знали какъ имъ и ступать на землю, а длинныя заднія ноги напоминали собою ноги кенгуру. Толстую кожу его покрывали гладко лежащіе, но рѣдкіе и жесткіе волосы, желтовато-бурого цвѣта на спинѣ и бокахъ; свѣтло-рыжеватое желтые на головѣ и нижней части туловища. Сторожъ началъ ласкать животное, но оно оказывало слишкомъ мало вниманія къ ласкамъ и тянулось къ молоку, составляющему, самое лучшее для него въ неволѣ лакомство. Когда молоко, наконецъ, было налито въ глубокую тарелку, трубоккозубъ съ жадностью на него накинудся и принялся чрезвычайно быстро лавать его своимъ длиннымъ языкомъ.

Молоко которое пилъ трубоккозубъ, дѣлалось густо какъ йогуртъ. Оказывалось, что во время питья, съ языка трубоккозуба выдѣлялось множество липкой слюны сгущавшей молоко“.

Послѣ удачнаго боя.

...Конченъ бой. Стихла ружейная пальба, не свистятъ болѣе

пули и не разрываются съ трескомъ гранаты, укладывая своими обломками людей и лошадей... Только густые клубы дыма еще стоять въ сырѣ, холодѣющемъ подь вечерь воздухѣ и вмѣстѣ съ свинцовымъ тучами образовали мрачный покровъ надь землею.

Войска размѣщаются на позиціи, уставляя орудія, разводят костры и приводятъ все въ порядокъ. Усталыя лошади, низко опустивъ головы, фыркаютъ, отряхиваются. Не смотря однако, на страшнѣйшее утомленіе, на всѣхъ лицахъ выражаеся радость торжества... Одна изъ походныхъ палатокъ бигкомъ набита офицерами. Все толпится и шумитъ за завтракомъ, который въ мгновение уничтожается. Слышатся громкіе молодые голоса, льется дружный смѣхъ.

— Сильное дѣло было сегодня! Ну и задали мы имъ жару!

— Да и намъ тоже не дешево обошлось оно, замѣчаетъ кто-то.

— Ну, разумѣется не безъ того. Что-жъ дѣлать.

— Ну, поздравляю, братцы, съ побѣдой.. Ура!..

Раздается ура, повторяется, и еще повторяется, и еще...

Пробѣгаетъ потомъ грустная нотка въ веселомъ хорѣ отваж-

можно найти не болѣе двухъ-трехъ маленькхъ домиковъ, большинство же селеній вовсе незнакомо съ этой роскошью. Каменные зданія (изъ мѣстнаго известняка) составляютъ большую рѣдкость. Постройки изъ мѣстнаго камня скорѣе служатъ оградами усадебъ и огородовъ мѣстныхъ обывателей или стѣнами сараевъ для храненія хлѣба и хозяйственныхъ принадлежностей.

Православныя церкви впрочемъ находятся во многихъ селеніяхъ, но они почти ничѣмъ не отличаются отъ любого хлѣбнаго амбара. Рѣдко-рѣдко гдѣ встрѣишь на такой церкви даже маленькій крестикъ. А что за бѣдность внутри!.. Глинобитный полъ, досчатый, тесаный иконостасъ, шерстяныя или ситцевыя ризы, мѣдная или оловянная чаша... Можно смѣло сказать и не ошибиться, что въ Россіи нѣтъ того бѣднѣйшаго села, церковь котораго не показалась бы благодѣлюю и богатою въ сравненіи съ любой сельскою церковью въ Болгаріи.

Железная дорога изъ Фратешти въ Зимницу и изъ Систово въ Терново сильно облегчитъ подвозъ провіанта къ русскимъ войскамъ. Въ настоящее время между Фратешти и Зимницей собрано 18,000 повозокъ, которыя подвозятъ къ русскимъ жиз-

Улица въ Зимницѣ во время дождя. По наброску въ «Illustr Lond. N.», грав. Вейерманъ.

ныхъ бойцовъ, какъ темной пеленой она покрываетъ на время всѣ лица: нотка эта—вспоминаніе о павшихъ въ недавней битвѣ... Но успѣхъ дѣла такъ важенъ, что преодолеваетъ эту нотку и заглушаетъ другими, восторженными.

— За павшихъ героев! возглаголетъ кто-то!

— Миръ ихъ праху... Ура-а!

И опять ура...

И такъ долго товарищи боя переходятъ отъ восторженныхъ восклицаній къ грустнымъ воспоминаніямъ о павшихъ герояхъ.

Люб.

Улицы въ Зимницѣ во время дождя.

Зимница въ первое время по вступленіи нашихъ войскъ въ Болгарію была, какъ извѣстно, занята нашею главною квартирою, переведенною вполнѣдствіи въ Горный Студень.

Зимница такое же незначительное и не богатое мѣстечко, какъ и многія другія въ Болгаріи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, Тырнова и Систова, представляющихъ собою городскія поселенія. Даже въ большихъ болгарскихъ селеніяхъ

ненные припасы, за что получаютъ ежедневно въ 16 фр. каждая, а это составитъ 7,640,000 фр. Такъ какъ на каждой повозкѣ можно перевозить не болѣе 30 пудовъ и онѣ идутъ изъ Фратешти въ Зимницу (120 верстъ) цѣлую недѣлю, то доставка каждаго центнера хлѣба, муки, сѣна и проч. обходится русскому интендантству въ 25 франковъ.

Что касается улицъ Зимницы во время дождя—объ этомъ разсказывать нечего въ виду рисунка, который въ точности передаетъ ихъ положеніе. Для насъ, русскихъ, такой видъ, впрочемъ, не рѣдкость, у насъ не мало есть такихъ не только селеній, но даже и городовъ, про улицы которыхъ сложились легендарныя сказанія, повѣствующія о „ковномъ казацкѣ утопшемъ въ грязи среди бѣла дня и съ пикой вмѣстѣ“. Въ этихъ невѣроятныхъ сказаніяхъ есть, однако, нѣкоторое сходство съ дѣйствительностью, и чтобы удостовѣриться въ возможности гибели казака и съ пикой вмѣстѣ среди улицы, стоить посѣтить осенью ну хоть гор. Екатеринодаръ въ Кубанской области.

(Продолженіе на стр. 761, 762, 763 и 764).

Эрзерумъ.

Столица Арменіи Эрзерумъ, главный городъ вилайета того же имени, лежитъ въ юго-восточномъ углу Эрзерумской равнины, у подошвы послѣднихъ холмовъ Палавъ-Текекъ и Деве-Бойну (на этихъ послѣднихъ были недавно разбиты арміи Мухтара и Измаила-пашей, о чемъ мы упоминали въ политическомъ обзорѣ «Нивы», № 45). Издали городъ Эрзерумъ имѣетъ весьма живописный видъ; темныя силуэты его зданій, лежа въ болѣе свѣтломъ тонѣ окружающихъ горъ, придаютъ ему много своеобразнаго и характеристичнаго. Все это, однакожъ, исчезаетъ при приближеніи къ городу и ничѣмъ онъ не отличается отъ прочихъ турецкихъ городовъ Малой Азій, ничто въ немъ не обнаруживаетъ богатства его жителей, тогда какъ въ сущности Эрзерумъ важнѣйшій торговый, административный и стратегическій пунктъ этого края. Населеніе города приблизительно считается до 90,000 жителей. Торговый оборотъ простирается до 25,000,000 франковъ. Развитію торговыхъ оборотовъ города всего болѣе способствуетъ сосредоточеніе въ немъ торговыхъ путей Малой Азій и, кромѣ того, существованіе чрезъ

Большинство построекъ города состоитъ изъ низенькихъ мазанокъ, прислоненныхъ одна къ другой и окаймляющихъ узкія извилистыя улицы. Мусульманскіе кварталы кажутся сплошь окаймленными сѣрыми стѣнами, съ прорѣзанными кое-гдѣ маленькими отверстиями, служащими дверьми и окнами. По причинѣ такой тѣсноты построекъ зачастую случаются пожары, истребляющіе цѣлыя кварталы. Террасы многихъ домовъ, покрытыя толстымъ слоемъ земли, весной представляютъ изъ себя пастбища, на которыхъ пасутся овцы и козы, а лѣтомъ на террасахъ сушится топливо. Верхняя часть города впрочемъ занята лучшими постройками—домами европейскихъ консуловъ; здѣсь же находятся базаръ и дворецъ губернатора. Вымощенныхъ улицъ въ городѣ мало, но на всѣхъ много грязи, пыли, встрѣчается содержимое помойныхъ ямъ и по улицамъ разгуливаютъ цѣлыя стаи собакъ, словомъ—какъ вообще бываетъ въ турецкихъ городахъ. За недостаткомъ лѣсовъ, топливо жители приготавливаютъ изъ навоза въ связи съ грязью, Массу обдѣлываютъ въ формы кирпичей и высушиваютъ на солнцѣ. Это топливо единственное въ Эрзерумѣ, также какъ и во всѣхъ безлѣсныхъ долинахъ Арменіи и Курдистана. При

Послѣ удачнаго боя. Цо рис. въ «I. L. N.», грав. Рашевскій.

него транзитнаго пути въ Персію. Мѣстная промышленность впрочемъ, не важна, хотя здѣсь и выработывается желѣзо и мѣдь для хозяйственныхъ подѣлокъ, въ небольшихъ размѣрахъ здѣсь фабрикуется также оружіе для курдовъ. Земледѣіе въ Эрзерумскихъ окрестностяхъ идетъ успѣшно и на болотахъ Евфрата, протекающаго въ 6 верстахъ отъ города, и на лугахъ равнины растетъ прекрасная трава.

Рогатый скотъ здѣсь гораздо болѣе и сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Кромѣ того здѣсь водится множество буйволовъ и зачастую встрѣчаются длинныя караваны этихъ чудовищныхъ животныхъ, впряженныхъ въ двухколесныя тележки, которыхъ деревянныя оси при движеніи производятъ невообразимый скрипъ, между тѣмъ, говорятъ, что этотъ скрипъ необходимъ, ибо понуждаетъ животныхъ къ ходу. Случается, что во время пути по берегамъ рѣкъ или озеръ, буйволы заберутся въ воду и совершенно погружаются въ нее, оставляя на виду только свои черныя морды.

Самый городъ Эрзерумъ расположенъ на подошвѣ холмовъ. Нѣсколько ручейковъ, спускаясь съ окружающихъ высотъ, протекаютъ по городу, пестря улицы многочисленными мостиками.

сжиганіи оно даетъ много тепла и сгораетъ медленно, но зато распространяетъ дымъ самаго отвратительнаго запаха. Бурлаки и европейскіе жители Эрзерума, для спасенія своего обонянія, выписываютъ за сотню верстъ дрова.

Въ виду важнаго стратегическаго значенія Эрзерума, турецкое правительство всегда принимало мѣры къ увеличенію оборонительныхъ средствъ города. Эрзерумъ защищенъ валомъ, отдѣльными фортами и цитаделью. Форты, составляющіе главную силу, расположены на высотахъ Коуз-Дага и Керемань-Дага, весьма выгодныхъ для обороны; съ высотъ удобно оборонять подступы къ крѣпости фланговымъ огнемъ. Нѣкоторые изъ укрѣпленій заключаютъ каменныя сводчатыя казармы для жилья и для закрытой пушечной обороны. Городская стѣна на разстояніи 11½ верстъ состоитъ изъ 11 бастіоновъ, связанныхъ куртнами. Вышина стѣны доходитъ отъ 4,5 до 6,3 метровъ, толщина отъ 7,5 до 9 метровъ. Ширина рововъ 77 фут., глубина 10—24 ф. Валы земляные, одѣтые дерномъ. Цитадель, устроенная въ центрѣ города, состоитъ изъ старинной каменной стѣны, фланкируемой 13 башнями; служитъ главнымъ складомъ орудій и боевыхъ снарядовъ.

Въ 1829 г. фельдмаршалъ графъ Паскевичъ, послѣ разбитія на Саланлугѣ двухъ турецкихъ корпусовъ Сали и Гаки пашей, взялъ Эрзерумъ съ оставшимися въ немъ разбитыми турецкими войсками. Непріятель сначала защищался на высотахъ Кошъ-Дага, но былъ вытѣсненъ русскими войсками въ самый городъ. Бейлеръ—бей Эрзерумскій, видя невозможность противиться, вручилъ русскому генералу ключи отъ крѣпости, а самое войско еще намѣревалось сопротивляться скрывшись въ цитадели, и положило оружіе только тогда, когда русскія войска построились къ приступу. По Адрианопольскому миру Эрзерумъ былъ снова возвращенъ Турціи.

Но, надобно сказать, что укрѣпленія въ 1828—1829 годахъ имѣли въ себѣ много слабыхъ сторонъ и дѣлали городъ не особенно труднымъ для взятія; другое дѣло представляютъ укрѣпленія послѣдняго времени, за которыми турки весьма много

трудились и, повидимому, сдѣлали ихъ весьма значительными. Послѣдними телеграммами насъ извѣстили, что 23-го октября передъ Эрзерумомъ у Деве-Бойну, произведена была русскими войсками атака армій Мухтара-паши и Измаила-Галли-паши. Результатомъ сраженія было всеобщее бѣгство турокъ. Мухтаръ-паша, какъ передаютъ телеграммы, хочетъ выдерживать осаду въ Эрзерумѣ, но жители города противятся этому, опасаясь разрушенія его бомбардировкою и бѣгутъ въ Байбуртъ.

Сообщенія между Эрзерумомъ и Батумомъ уже прерваны конными войсками и, вѣроятно, вскорѣ будутъ отрѣзаны кавалеріею также всѣ пути, по которымъ возможна доставка продовольствія изъ Эрзимиава и Трапезунта въ Эрзерумъ. Такимъ образомъ положеніе этого города можетъ быть скоро уподобится положенію Плевны.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

Военные наши успѣхи на Дунайскомъ театрѣ войны не прерываются. Такъ, начало прошлой недѣли ознаменовалось, послѣ взятія Враца, взятіемъ генераломъ Скобелевымъ укрѣпленной турецкой позиціи «Зеленая Гора». Позиція эта находится къ югу отъ Плевны и взята была штурмомъ. Турки отстаивали позицію упорно и пытались вновь занять ее, но безуспѣшно, понесши при этомъ большія потери. Точно также и нѣсколько послѣ турки возобновляли вылазки съ дѣлю возвратитъ потерянную позицію, но точно также безуспѣшно. Генералъ Скобелевъ успѣлъ уже прочно устроиться на «Зеленой Горѣ». Упрямая попытка непріятеля возвратитъ Зеленую гору доказываютъ, что турки сознаютъ всю серьезность и даже опасность своего положенія. Весьма вѣроятно, что вылазки турокъ съ этой стороны повторятся; возможно даже, что самъ Османъ-паша сдѣлаетъ съ этой стороны генеральную вылазку, такъ-какъ попытка ожесточенно-бьющаго врага прорваться сквозь окружающее его желѣзное кольцо представляется довольно логичною, съ турецкой точки зрѣнія.

Что же, однако, мы сдѣлали и какую новую черту прибавляетъ взятіе Зеленой горы въ общую картину обложенія нами Плевны? Этимъ взятіемъ еще болѣе сузилося то желѣзное кольцо, которымъ мы сковываемъ Плевну. Въ самомъ дѣлѣ, суммируемъ недавнія взятія другихъ важныхъ пунктовъ съ другихъ сторонъ. Съ Запада отъ Плевны нами взяты *Долній Дубнякъ*, съ сѣвера (или точнѣе, съ сѣверозапада) *Биволаръ* (или Сузурлукузъ, на р. Видѣ) и, наконецъ, съ южной стороны, взята Зеленая гора. Такимъ образомъ кольцо сузилося и это обстоятельство разбило у турокъ надежды на легкость выручки Османа-паши изъ окруженной Плевны. До сихъ поръ туркофильскія газеты не безъ нѣкотораго основанія думали, что на выручку Османа-паши достаточно рискнуть съ юга Мехемеду-Али-пашѣ, а теперь оказывается, что къ операціи выручки, пожалуй, придется привлечь еще Реуфа и Сулеймана пашей, да и тутъ еще съ весьма сомнительною надеждою на успѣхъ. Генералъ Скобелевъ укрѣпляется во взятой позиціи болѣе и болѣе. Въ концѣ прошлой недѣли получено извѣстіе, что генералъ взялъ уже и другія турецкія позиціи у «Зеленыхъ высотъ». Въ тоже время въ нашей главной квартирѣ замѣчено было, что внутри Плевны происходитъ движеніе турокъ, обличающее желаніе ихъ пробиться изъ этой крѣпости.

Послѣ этого намъ представляются весьма понятными послѣднія сильныя рекогносцировки, со стороны турокъ, нашей позиціи у *Елены* (какъ объ этомъ недавно извѣщали официальные телеграммы), а также частыя нападенія на наши передовыя посты на дорогахъ Османъ-Базарской и Шумловской. Турки, очевидно, желаютъ сначала убѣдиться въ значительности нашихъ силъ въ этихъ пунктахъ и затѣмъ уже отдѣлить часть своихъ силъ къ Плевнѣ, для «выручки» Османа-паши.

Одновременно и, конечно, съ подобною же дѣлю, турки начали усиливать свои баттарей на Шипѣ, противъ укрѣпленія св. Николая. Этимъ же объясняются и (рѣчныя) рекогносцировки турокъ, часто предпринимаемыя изъ Рушчука къ Джурджуеву.

На прошлой же недѣлѣ, на одномъ изъ засѣданій турецкаго военнаго совѣта въ Константинополѣ было постановлено предписать Осману-пашѣ *очиститъ* Плевну. Мехемеду-Али-пашѣ предписывалось двинуться къ Плевнѣ изъ Орханію. Исполненію этого предписанія, очевидно, попрепятствовало то соображеніе, что, во-первыхъ, Софійскій путь до Плевны въ нашихъ рукахъ, во вторыхъ, взятіе Зеленой горы и вблизи ея другихъ укрѣпленій, можетъ парализовать всякую сколько-нибудь рѣшительную турецкую вылазку съ южной стороны Плевны.

Въ политическомъ обзорѣніи прошлаго (45 №) «Нивы» уже омыла нами сказано въ краткихъ чертахъ о взятіи гор. *Враца* отрядомъ генерала Леонова. Теперь добавляемъ это свѣдѣніе нѣкоторыми подробностями: Враца защищали 800 чел. пѣхоты и 300 чел. черкесовъ. Враца лежитъ у самаго подножія Балканъ, на соединеніи дорогъ, ведущихъ въ *Берковацъ*, *Рахово* и *Орханію* (т. е. Софійской дороги). *Враца* или *Врака* лежитъ въ той области Балканъ, гдѣ могучій и быстрый *Искеръ* прорываетъ себѣ ложе въ горныхъ твердыхъ горахъ, позади этого Искеровскаго прорыва, лежитъ воспѣтая болгарскими пѣснями *Мургаши-платина*, съ вершины которой

можно обозрѣть громадную даль, долину Искера, Софію съ ея глубокою ложиною. Рыльскія высоты (гдѣ монастырь св. Іоанна Рыльского) на сѣверъ же *Пиротъ*, *Врацу* и *Плевну*. Враца, наравнѣ съ Плевною, лежитъ къ сѣверу отъ *Мургаши-платины*.

Громадныя послѣдствія закавказскихъ нашихъ побѣдъ надъ Мухтаромъ-пашей уже извѣстны, и въ виду пораженія и истощенія здѣсь турецкой арміи серьезныхъ дѣлъ въ этой области не могло и быть. Произошло и здѣсь, впрочемъ, нѣсколько эпизодовъ. Однимъ изъ этихъ эпизодовъ представляется движеніе нашихъ колоннъ отъ Деве-Бойну къ Эрзеруму, по предписанію генерала Геймана. Благодаря темнотѣ ночи, наши колонны сбились съ пути и не достигли назначенныхъ пунктовъ, но авангардъ одной изъ колоннъ, составившій 3 батальона бакинцевъ, ворвавшись въ укрѣпленіе Азизіе, овладѣлъ имъ, переколовъ гарнизонъ, захватилъ въ плѣнъ 19 офицеровъ и 540 нижнихъ чиновъ. Потеря наша при этомъ молодецкомъ дѣлѣ незначительна.

На Муха-Эстатѣ турки держатся въ довольно крѣпкихъ позиціяхъ и держатъ на нихъ значительную артиллерію и пѣхоту. Съ дѣлю раскрыть силы непріятеля въ этихъ укрѣпленіяхъ, съ нашей стороны былъ открытъ на Муха-Эстатѣ артиллерійскій огонь. При этомъ съ нашей стороны было не много раненыхъ.

Городъ *Кагызманъ* изъявилъ намъ покорность и въ немъ введено наше управленіе.

Отъ 6 ноября официальная телеграмма—слѣдующаго содержанія: «Сегодня Карсъ взятъ штурмомъ. Бой начался вчера съ восьми часовъ вечера и кончился въ восемь часовъ утра. Трофеи и потери наши еще не приведены въ извѣстность.

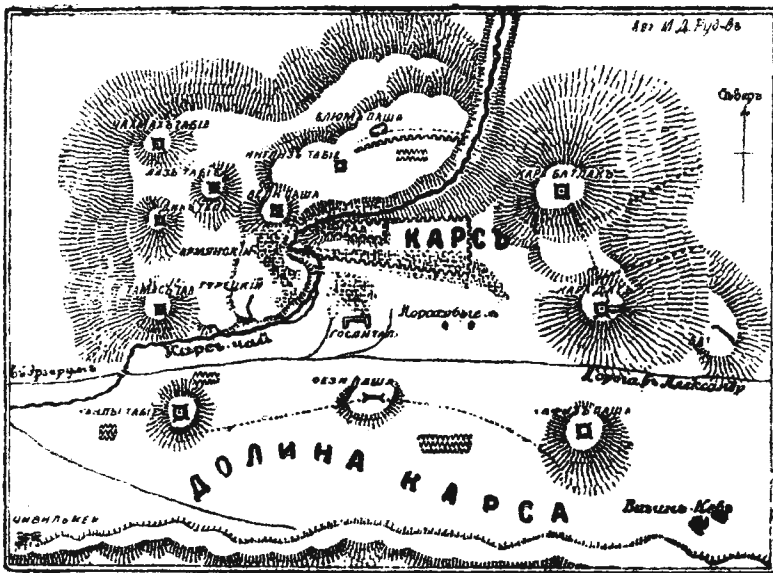
Помѣщаемъ здѣсь рисунокъ дающій понятіе о расположеніи укрѣпленій вокругъ этой крѣпости».

Военныя дѣйствія въ героической Черногоріи сосредоточивались на прошлой недѣлѣ на южной границѣ этой маленькой земли съ Албаніей. На этой границѣ лежитъ не далеко отъ моря, довольно большое *Скутарійское* *) озеро. Вотъ около этого то озера и сосредоточивались черногорскія войска особенно въ селеніи Вирбазарѣ 29 октября (10 ноября) прибылъ въ Вирбазаръ князь черногорскій для осмотра войскъ, и изъ этого заключили было, что Черногорія намѣрена была начать военныя дѣйствія противъ Подгорицы (лежащей къ сѣверо-востоку отъ Скутарійскаго озера). Но князь Николай, совершенно неожиданно для всѣхъ вдругъ направился съ 20 батальонами войскъ противъ извѣстнаго торговаго города *Антивари* (къ западу отъ Скутари), на который и произведено было черногорцами мужественное нападеніе, такъ что громъ орудій доносился изъ Антивари въ Катарро. Затѣмъ, вскорѣ черногорцы взяли фортъ *Суторманъ*, господствующій надъ Антивари, захвативъ его, гарнизонъ, двѣ пушки, боевые припасы и провіантъ. Съ другой стороны, получено (даже изъ турецкаго источника) извѣстіе, что и Подгорица бомбардируется черногорцами.

Правда, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, туркамъ удалось снабдить фортъ Антивари провіантомъ, будто бы, на 4 мѣсяца. Но при извѣстной военной энергіи и героизмѣ черногорцевъ—это едвали большой шансъ для турокъ къ сохраненію за собою Антивари. Мустафа-паша пригласилъ жителей защищать Антивари противъ Черногорцевъ.

Внутренній кризисъ во Франціи не прекратился, а только вступилъ въ новую эру. Утвержденіе политики Франціи на тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ можно бы было создать нѣчто въ родѣ крымской войны, въ союзѣ съ Англіей не удается. Въ каждой европейской странѣ, разумѣется, есть люди, искренно, изъ одного уже недоброжелательства къ намъ, желающіе возобновленіе англо-французскаго союза съ придачею Австріи; но всякій уже видитъ, что времена теперь не тѣ, что исторія дѣлаетъ свое дѣло. За то многіе изъ нашихъ благожелателей въ Англіи и Австріи выжидаютъ паденія Плевны и совѣтуютъ намъ немедленно послѣ этого заключить миръ, который будетъ почетенъ для насъ. Но, очевидно, что эти люди лицемерятъ и сами втайнѣ смѣются надъ своими измышленіями.

*) Нація или округъ *Скутари*, прилежащая въ озеру, уже прежде принадлежала къ Черногоріи, но вскорѣ послѣ 1839 г. была отнята Турками. Свѣдѣніемъ Черногорцы по всякому праву могутъ восстановить свою южную границу по лѣвию еорта Антивари и Скутарійскаго озера.

Карс и его укрѣпленія.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе Ребуса въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

ПОЧТОВЫИ ЯЩИКЪ.

1) Курскъ, Зин. Натл—овой. Разназь и переводъ помѣщены не будутъ
2) Кіевъ. П. И. Аск—ову. Стихи, подобные вашимъ, написать, конечно, трудно: для этого нужно бытъ до ѣвоторой степени свободнымъ отъ здраваго смысла. Вы, напримѣръ, пишете: «Иду въ Балканы и на турокъ», а чрезъ двѣ строки заявляет: «И вотъ туда я иду въ собственной каретѣ»...
Дальше, рассказывая, какъ говоритъ «ни къ слову ни къ роду» о «какой-то Лорисѣ», вы пишете, что ова «Взглянуть въ Дивъру утопнуть И хотеть въ воду тѣло свое хлопнуть».

При такомъ умѣнн выражаться на родномъ языкѣ не далеко, конечно, до того, чтобы дѣло объ утонувшемъ, назвать дѣломъ объ утопнн.
Въ заключеніе вы говорите:
«Почувствовать въ себѣ поэзію святую И развивать стала такую».
Такъ развивая поэзію, можно достигнуть того, что въ вашихъ стихахъ будутъ слѣдующія слова:
«Я нижеподписавшійся оную, вышеупомянутую поэзію во-чувствовалъ и неуносительно намѣреюсь дать ей надлежащее развитие».

Поправка.

Въ текстѣ приложенія къ парижскимъ модамъ за ноябрь вералась ошибка въ тѣхъ строкахъ, гдѣ говорится о рисункахъ мебели въ русскомъ стилѣ. Нужно замѣтить, что не всѣ 24 рисунка составлены г. Ивановымъ, а только 19, остальные 5 а именно: изъ первого ряда №№ 1, 5 и 6, второго ряда № 3 и третьего ряда № 1 замѣстствованы изъ издавнн Рейнбота «Мотивы Русской архитектуры» и изъ издавнн «Зодчій». О чемъ въ текстѣ по ошибкѣ корректора пропущено.

СОДЕРЖАНІЕ: О туманныхъ пятнахъ на нашемъ небѣ (съ 2-мя рисунками).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Начало третьей части.—Генрихъ Стенли. (Путешественникъ по Внутренней Африкѣ) (съ рис.) А. Н.—ого.—Изъ быта въ Черногоріи (съ рисункомъ) Ор.—Г-жа Этельна Герстеръ (съ портретомъ).—Урокъ ариѳметики (съ рисункомъ).—Трубнозубъ (Огустергорусъ) (съ рисункомъ).—Послѣ удачнаго боя (съ рисункомъ) Люб.—Улицы въ Зимницѣ во время дождя (съ рисункомъ).—Г. Эрзерумъ (съ рисункомъ).—Податоческія, военныя и внутреннн извѣстія.—Сибѣ.—Планъ Карса.—Ребусъ.—Почтовый ящикъ.—Поправка.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ. Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

„ПРИРОДА“

(одобрено для бібліотекъ и учебныхъ заведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 12 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 13 Р. 50 К.
(безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р съ пер. 9 руб.).

Подписываемъ на 1877 г. выдается «Популярная физиологія Д.—ра Лебона, которая будетъ стоить въ отдельной продажѣ 3 руб. 50 коп.
Выходитъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ 6—8 хромо- и литографіями и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ помѣщаются популярныя статьи по Естествознанію, Этнографіи, Путешествіямъ, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому Дѣлу и т. п.
Оставшіеся экземпляры Сборника за 1873 г. (2 кн.), 1874, 1875 и 1876 гг. (14 томовъ со 100 хромолитограф. и литограф. и 1000 рисунковъ въ текстѣ)—стоятъ безъ приложеній 23 р. съ приложеніями 32 р. съ пересылкою.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 Р., СЪ ПЕРЕС. 9 Р.
(На полгода 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб.).

Выходитъ ежемѣсячно съ хромолитографіей или литографіей и многими рисунками въ текстѣ. Въ концѣ года будутъ выданы въ видѣ премій 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередей выставки. Въ журналѣ помѣщаются охотничьи рассказы и очерки, спеціальные статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, монографіи, охотничьи животныя, корреспонденція, желанія замѣтъ, новости охотничьяго дѣла и т. п.
Оставшіеся экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 кн.), 75 и 76 гг., а всего 5 томовъ можно выписывать изъ конторы редакціи по 8 р. 50 к., а всѣ 5 томовъ, включающіе 30 хромолит. и литографіи 5 премій и особыя приложенія 1876 г.; «Записки псового охотника» П. М. Мачеварианова (160 стр.) и Тетеревъ-носачъ Л. И. Сабанъева (100 стр.)—за 16 р., съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ пересылкой.
Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника «Природа» и Ж. Охоты (Москва, Петровка, д. Самариной). Съ 1 ноября открыта подписка на 1878 г.
Подписавшіеся на оба изданія въ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника № 18 4—2 Ред. А. М. Сабанъевъ.

Удостоенный большой преміи Анатомическій музей ГАССНЕРА ВЪ ПАССАЖЪ

открытъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 10 ч. вечера По пятницамъ исключительно для дамъ и всѣ необходимыя для женщинъ научныя разъясненія, отчасти постепеннаго развитія человека, процесса рожденія и болѣзней преподаются дамой.
№ 29 4—2 За входъ 40 к. Каталогъ 15 к.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

№ 20 Новый романъ Фр. Шпильгагена 1—1

БУРНЫЙ ПРИЛИВЪ
ЦѢНА 4 Р. 50 К.

Тридцать лучшихъ новыхъ снзномъ

Собрали и разработали для дѣтей В. П. Авенариусъ, цѣна въ папѣ 1 р. 25 к. въ казенкоромъ переплетѣ 1 р. 50 к.
Складъ этихъ изданій при типографіи Б. Г. Яппольскаго, Демидовъ переулокъ д. № 5 С.-Петербурга. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

МАГАЗИНЪ Е. Г. ДЕЗЛЕРА ПЕРЕВЕДЕНЪ

на уголъ Гороховой и Мойки, въ Красномъ мосту, въ новоустр. домѣ Корпуса. Писанныя, Олеографич. и друг. картины. Фабрика рамъ и багетъ новѣйш. еасо-1—1 новъ. Вставленіе въ рамы и реставрація картинъ всякаго рода. № 35

ПАРОВОЙ РУЧНОЙ АППАРАТЪ

Для радикальнаго истребленія клоповъ и проч. насѣкомыхъ, лишь СИЛОМЪ ПАРА. Аппараты дозволены въ продажѣ Г-мъ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ. Съ пересылкою 2 руб. Настоящій доломачій порошокъ, непобѣдимый противъ всѣхъ насѣкомыхъ и нечистотъ, А. Штейнбергъ, Невскій пр. № 25. Дѣло косметической даморопн. № 31 1

ЦВѢТОКЪ

барометръ (въ изданіи горшкѣ) мѣняющій свой цвѣтъ по погодѣ 2 р.; огнечю револьверъ 1 р. 50 к.; цыпочки мужскія и дамскія наиздавнаго золота и чрезъ огонь золоченныя, отъ 2 до 7 р. 50 к.; запонки съ пружинкою отъ 20 к. до 2 р. за пару, подъ брилліантъ и жемчугъ 1 р. за 3 штуки; шеры: шахматы отъ 1 р. 50 к. до 3 р. 50 к., шашки отъ 15 до 50 к., шашечницы 1 р. до 3 р., домино отъ 75 к. до 6 р.; лото отъ 40 к. до 5 р.; домино лото отъ 2 до 4 р.; столный проектъ 5 р.; карандашъ для прочной мѣлки бѣлая 30 к.; альбомы отъ 1 р. 50 к. до 20 р.; щетки, гребни, галстуки и бѣлье изъ бумаги. Всѣ цѣны навѣщены съ пересылкою. Магазинъ «Городъ Нюрнбергъ» въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, д. Шаховскаго въ Москвѣ (наискосокъ перьямъ Успеніи напротивъ магазина кухонной посуды Гошкарга). № 22 2—2

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1878 ГОДУ СОБРАНІЯ ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІИ ЯЗЫКЪ.

Въ 1878 году, какъ и въ предшествующіе двадцать два года, «Собраніе Романовъ» даетъ лучшихъ сочиненія въ иностранной беллетристикѣ, преимущественно англійской и французской, будетъ выходить всегда въ первый числѣ мѣсяца книжками большого формата и помѣстятъ въ годъ отъ десяти до двенадцати большихъ романовъ и множество повѣстей и рассказовъ самаго разнообразнаго содержанія, что составить въ концѣ года болѣе трехсотъ печатныхъ листовъ или около пяти тысячъ страницъ. На 1878 годъ приготовлены слѣдующіе романы, которые впрочемъ могутъ быть замѣнены другими болѣе интересными, если встрѣтятся таковыя:
Немчужина востока, изъ событій въ Константинополѣ, Антонія Жооре, Преступленіе моего отца, Влекмора. Мас-Горня, Густава Эмара. Подставной, Джемса Пейна. Сигналь бѣдствія, Майнъ Рида. Волонти-мужъ, Флоренція Маргерьетъ. Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большого формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—десять рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой въ С.-Петербургѣ—одиннадцать, для иногороднихъ подписчиковъ—дванадцать рублей.
Подписка принимается исключительно на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ д. Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.
При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикуемыя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія.
№ 33 3—1

КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

Садовое Заведеніе въ Ригѣ,

самъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ ДЕРЕВАМЪ, РАСТЕНІЯМЪ И ПР. на 1877—1878 г. изданъ и разосланъ всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фермы.
Прочтѣмъ въ липахъ, желающихъ получить таковыя, высылаютъ каталоги также безъ платно, смотря по дальности, на русскомъ языкѣ, или французскомъ и нѣмецкомъ.
№ 22 4—4

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы

№ 47 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ в два листа съ 4—6 рисунками и ежемѣсячн. даровымъ приложениемъ парижскихъ модъ
 Выданъ 21 Ноября 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и листа чертежей (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ не замедлить, возобновляемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала въ особен-
 ности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 25,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	„НИВЫ“ на 1878 г.	Безъ доставки въ Пбургъ	4 р.	Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ	5 р.
		Съ доставкою	5 "	Съ пересылкою въ Москву и друг. города Русской Имперіи	6 "

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПБУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Сѣрое небо подернуто
 тучами,
 Съ утра до вечера дождь
 да туманъ,
 Тянется по нему темною
 лентою
 Съ сѣвера къ югу гусей
 караванъ.

* * *

Гдѣ ты веселая пѣснь
 соловьиная,
 Гдѣ ты чудесная зелень
 полей,
 Гдѣ ты небесъ синева
 необъятая,
 Блескъ и сіяніе солнца
 лучей?

* * *

Все миновало, мельк-
 нувъ лишь мгновеніе,
 Птицы замолели, жел-
 тѣютъ поля,
 Темными тучами солнце
 закуталось,
 Сыростью, холодомъ
 дышетъ земля.

ОСЕНЬ.

Оригинальный рисунокъ И. Павова.

Вянуть цвѣты, темный
 лѣсъ обнажается...
 Жаркое лѣто мелькнуло
 стрѣлой!
 Осень подходит сырая,
 унылая,
 Съ вѣтромъ дождемъ, съ
 безконечной тоской...

* * *

Вѣтеръ и дождь и ту-
 манъ осенніе,
 Неба холодная сѣрая
 мгла!
 Такъ - же минуете вы,
 невеселые,
 Быстро скатившись съ
 земного чела.

* * *

Смѣнять васъ солнца
 лучи благодатные,
 Смогнуть и громы на
 полѣ войны:
 Радостно съ славой вер-
 нутся на родину
 Руси побѣдной родныя
 сыны.
 с.

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе).

И вотъ зоветъ онъ къ себѣ двухъ гренадеровъ своей гвардіи (у него ужъ была и своя гвардія) и спѣшно отдастъ имъ какія то приказанія. Гренадеры отправляются по направленію проѣхавшаго экипажа графа Вратислава.

Охотники у опушки лѣса вылѣзли изъ экипажа и углубились въ чащу. Вотъ скоро раздался выстрѣлъ, потомъ другой, третій, потомъ въ нѣсколькихъ шагахъ опять выстрѣлъ. Два гренадера Долгорукаго кинулись въ ту же чащу на выстрѣлы. Смотрятъ— предъ ними графъ Вратиславъ.

„Нѣтъ, это не тотъ, шепчетъ одинъ другому, этого оставимъ, пойдемъ въ ту сторону“.

И они поспѣшили туда, гдѣ былъ Милезимо. Онъ стоялъ за деревомъ и осторожно прицѣливался въ птицу. Вотъ раздался выстрѣлъ, птица вспорхнула, сдѣлала нѣсколько движеній въ воздухъ и упала какъ камень въ траву густую. И въ эту же самую минуту четыре крѣпкія руки схватили Милезимо за плечи.

— Что это, что!? изумленно обернулся онъ.

Предъ нимъ два гренадера и крѣпко держатъ они его за руки, и не выпускаютъ.

— Оставьте, что такое? ломанымъ русскимъ языкомъ спросилъ онъ ихъ.

— А то, что отъ Его Императорскаго Величества не приказано здѣсь охотиться, а приказано всѣхъ, кто стрѣляетъ, схватывать и вести къ Его Величеству.

— Можетъ это и такъ, отвѣчалъ Милезимо, соображая что вышло только недоразумѣнье,—но все же меня вы не смѣете трогать, я кавалеръ Императорскаго министра. Къ тому же эта лѣсная дача нанята моимъ шуриномъ и я имѣю всякое право здѣсь охотиться. Оставьте же меня въ покоѣ, идите своей дорогой.

Но гренадеры не слушались. Самымъ безцеремоннымъ образомъ скрутили они назадъ ему руки и потащили за собой.

— Да стойте, куда вы наконецъ! взбѣшенный кричалъ онъ.—Если вы мнѣ не вѣрите, если вы меня не знаете такъ отведите сначала къ другому охотнику,—вонъ тотъ тоже охотится, слышите выстрѣлы—тогда поймете въ чемъ дѣло.

Но они его не слушали и тащили изъ лѣсу. Вотъ его экипажъ; онъ говоритъ, что пускай хоть опустятъ его, онъ пойдетъ въ каретѣ. Они и этого слушать не хотятъ: тащить его пѣшкомъ. Вотъ они ужъ въ городѣ. Графъ Милезимо, съ крѣпко связанными назадъ руками, долженъ идти между двумя гренадерами, утопая въ грязи, долженъ идти мимо гауптвахты дворца, откуда на него смотрятъ офицеры и гвардія, идти до самаго дома князя Долгорукаго—всего пути около трехъ верстъ было. Гренадеры не отпускали его ни на шагъ отъ себя и громко ругались. Графъ понималъ русскій языкъ, понималъ, что это такія ругательства, хуже которыхъ и выдумать невозможно. Сначала взбѣшенный и оскорбленный, теперь онъ рѣшился молчать и терпѣливо выносить все это: „Конечно сейчасъ все разъяснится, глупые гренадеры будутъ наказаны за ихъ поступокъ“.

Вотъ подошли къ дому Долгорукихъ, вотъ хорошо знакомый ему садъ, вотъ та ограда, черезъ которую перелѣзаль онъ на свиданья съ княжной. Алексѣй Долгорукій вышелъ на крыльцо и увидѣвъ Милезимо гасколько не смутился, не поспѣшилъ отдать гренадерамъ приказаніе развязать ему руки, даже не поклонился молодому графу, не впустилъ его къ себѣ въ домъ, а только сказалъ ему изъ дверей:

— Жалѣю что вы попались въ такую исторію.

— Да помилуйте, князь, отчаянно кричалъ Милезимо, что жъ это наконецъ такое? Прикажете немедленно отпустить меня,

— Васъ взяли по приказанію царя.

— Прекрасно, но вѣдь вы же должны понять, что тутъ недоразумѣнье, меня никто оскорблять не смѣетъ. Я требую чтобы вы немедленно распорядились наказать этихъ грубыхъ солдатъ, которые не только связали меня, но даже всю дорогу оскорбляли и ругались.

— Нѣтъ, и ихъ не накажу, сухо отвѣчалъ Долгорукій,—они исполнили свою обязанность. И мнѣ некогда говорить съ вами, графъ, идите своей дорогой.

И князь Алексѣй Григорьевичъ повернулся къ нему спиной, вошелъ въ домъ и заперъ за собою дверь. Солдаты развязали наконецъ Милезимо руки и скрылись. Онъ остался одинъ передъ запертой дверью. Въ первую минуту ему хотѣлось вломиться въ домъ и прочувствовать хорошенько зазнавашагося вельможу, но дверь была заперта на ключъ и онъ тщетно въ нее стучался.

Конечно въ тотъ же день поднялась исторія, Милезимо рассказалъ обо всемъ графу Вратиславу. Тотъ пришелъ въ бѣшенство и такъ разстроился, что даже почувствовалъ себя дурно. Онъ послалъ секретаря посольства къ герцогу де-Лириа сообщить ему о случившемся и просить его принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

Герцогъ де-Лириа въ свою очередь немедленно отправился къ Остерману. Онъ толковалъ ему о важности оскорбленія, нанесеннаго въ лицѣ Милезимо царскому посольству, о необходимости дать графу Вратиславу надлежащее удовлетвореніе и окончить это дѣло тихо во избѣжаніе публичности. Если Вратиславъ не будетъ удовлетворенъ—онъ пойдетъ дальше, навѣрное, а принимая во вниманіе близкое родство Государя съ Цесаремъ можно ожидать весьма неприятныхъ послѣдствій. Остерманъ согласился съ герцогомъ, хорошо понявъ что нужно всячески удовлетворить графа Вратислава и Милезимо, даже прежде чѣмъ они этого будутъ требовать.

Отъ Остермана герцогъ де-Лириа поѣхалъ къ Ивану Долгорукому. Тотъ тоже немедленно обѣщалъ все устроить и послалъ своего секретаря въ австрійское посольство выразить графу Вратиславу сожалѣніе о происшедшемъ и увѣреніе въ томъ, что гренадеры будутъ строго наказаны.

Алексѣй Григорьевичъ глупо задумалъ это дѣло и оно конечно ничѣмъ не кончилось. Видя, что ничего не возьметъ, онъ старался вернуть все такъ, что Милезимо будто бы на заявленія гренадеровъ о царскомъ указѣ не охотиться на разстояніи 30 верстъ отъ Москвы, сдѣлалъ выстрѣлъ надъ ихъ головами, не попалъ и опять началъ въ нихъ прицѣливаться и обнажилъ на нихъ шпагу. Это объясненіе почему то вдругъ сталъ поддерживать и Остерманъ. Черезъ день герцогъ де-Лириа уже считалъ и себя оскорбленнымъ: всѣ чуть не перессорились. Глупая исторія положительно начинала грозить перейти въ политическое событіе. Наконецъ кое какъ все уладили. Князь Алексѣй Долгорукій извинился передъ графомъ Вратиславомъ. Онъ прислалъ въ царское посольство отъ своего имени бригадира, который объявилъ что князь безконечно сожалѣетъ о случившемся съ графомъ Милезимо, что гренадеры за то, что не отнеслись къ нему, вопреки даннымъ имъ приказаніямъ, съ должнымъ почтеніемъ наказаны какъ того заслужили и что ихъ накажутъ еще сильнѣе если будетъ угодно графу Милезимо и если онъ сочтетъ недостаточнымъ уже данное наказаніе. Графъ Вратиславъ

и Мелизимо махнули на все рукой, и покончили дѣло. Слѣдствіемъ его было только то, что Катюша Долгорукая ужь не могла расчитывать встрѣтить у себя въ домѣ своего возлюбленнаго: конечно ему теперь не представлялось никакой возможности появляться къ Долгорукимъ. Онъ успѣлъ обо всемъ написать ей и она стала еще раздражительнѣе и съ нескрываемымъ уже негодованьемъ глядѣла на отца своего. Только о томъ и думала она теперь, чтобъ какъ нибудь убѣжать изъ дому. Еслибъ другой былъ характеръ у молодого Милезимо—это бы и случилось непременно, но онъ не умѣлъ ничего устроить, а можетъ быть и трусилъ.

III.

Прошло лѣто 1729 года. Наступила осень, ненастная, холодная. Императоръ едва показывался въ городѣ на день, другой и снова уѣзжалъ съ Долгорукими. Теперь онъ поѣхалъ на Сѣтунь, верстъ за 20 отъ Москвы. Поѣхалъ съ одними Долгорукими и не возвращается. Мѣсяцъ прошелъ и другой начался, а его все нѣтъ.

Министры и прочіе сановники безъ Государя тоже уходятъ отъ дѣлъ, живутъ на дачахъ, отдыхаютъ. Въ Верховномъ Совѣтѣ дѣла запущены страшно, жалобъ не оберешься. Многимъ не выдаютъ жалованья; невѣдомо куда изъ казны пропадаютъ деньги.

Но вотъ осень. Непогода всѣхъ вернула въ городъ, а Государя все нѣтъ; многіе даже навѣрное не знаютъ гдѣ онъ. Авось хотя ко дню рожденія своего вернется. Къ этому дню дѣлаются большія приготовления: заготовленъ фейерверкъ, обѣдъ роскошный во дворцѣ. Но Императоръ не вернулся—такъ безъ него и отпраздновали. По всему городу была зажжена иллюминація.

На обѣдѣ во дворцѣ находились всѣ сановники и иностранные министры. Роль хозяина разыгрывалъ Остерманъ, а императорское мѣсто было пусто. Только приготовленный фейерверкъ не сожгли въ этотъ день, а оставили для другого случая.

Страшный ропотъ поднялся по Москвѣ. Всѣмъ наконецъ ясно стало, чтѣ все это значить, отчего не возвращается Императоръ. Конечно князь Алексѣй Григорьевичъ тому единственной причиной; онъ ревнуетъ Государя ко всѣмъ, боится потерять его расположение, боится, что кто нибудь наговоритъ на него. Онъ навѣрное теперь женитъ Императора на своей дочери; она съ ними на Сѣтуни и никого кромѣ Долгорукихъ тамъ нѣтъ. Вѣрные люди говорятъ, что уже бракъ этотъ дѣло рѣшеное; навѣрное Императоръ вернется въ Москву уже женатымъ: ихъ обвиняетъ Ростовскій Архіепископъ.

Все убѣждаетъ въ томъ, что затѣянное Долгорукими дѣло не сегодня-завтра совершится. Очевидно, что во дворцѣ готовятъ къ чему то необыкновенному. Со всѣхъ сторонъ сгоняютъ портныхъ и задаютъ имъ спѣшную работу. Никакого торжества явнаго не готовится, слѣдовательно навѣрное быть свадьбѣ.

Ропотъ сановниковъ и придворныхъ возрастаетъ. Всѣ теперь ненавидятъ Долгорукихъ; ни однаго друга нѣтъ у нихъ и пуще всѣхъ ненавидятъ ихъ Остерманъ.

Не смотря на всю свою хитрость и умѣнье ладить со всѣми, на высокое мнѣніе о немъ Алексѣя Григорьевича онъ теперь видитъ, что Долгорукіе обогнали его, что онъ окончательно потерялъ все свое вліяніе на Императора и если еще не спихнули его съ мѣста, то только потому, что нуженъ работникъ. Дѣлать нечего—работаетъ Андрей Ивановичъ, ни во что старается не мѣшаться, отъ всѣхъ скрываетъ.

Часто къ нему заѣзжаетъ герцогъ де-Лирія, передаетъ то тотъ, то другой слухъ и смущается видимымъ равнодушіемъ Остермана.

— Да вѣдь понимаете, баронъ, горячится де-Лирія, вѣдь теперь ничѣмъ не предотвратишь этого нена-

вистнаго брака, а съ этимъ бракомъ копецъ всему; въ Петербургъ уже не вернуться....

— Да что же теперь дѣлать?! пожимаетъ плечами Остерманъ. Къ тому же нѣтъ ничего вѣрнаго.

— Помудрите, какъ не вѣрно; вѣдь говорятъ вотъ то и то-то. Къ тому же я знаю, это у Долгорукихъ въ домѣ тоже въ каждой комнатѣ по нѣскольку швей сидитъ; запасаются множествомъ нарядовъ. Вотъ вы же говорите, что Кремлевскій дворецъ отдѣливается съ величайшимъ великолѣпіемъ. Такъ какъ же нѣтъ ничего вѣрнаго?!

— Я не про то, медленно отвѣчаетъ Остерманъ. Приготовленія дѣлаются очень большія и тайно и явно, да вѣдь и у князя Меншикова все было готово и уже и въ календарѣ заказалъ онъ написать имена и дни рожденія всѣхъ персонъ своего дома, а еще не вышелъ этотъ календаръ изъ печатни какъ тотъ же князь Меншиковъ и всѣ персоны его дома были по дорогѣ въ Березовъ.

— Ну да, конечно я не сомнѣваюсь, что Долгорукіе кончатъ такъ же.

И герцогъ де-Лирія слѣшитъ къ себѣ подробно описать обо всемъ своему пр вительству

А за 20 верстъ отъ Москвы, въ живописной мѣстности, на берегу рѣки Сѣтуни, возвышаются новыя, необычайно быстро возникшія постройки. Государь пируетъ тамъ съ Долгорукими и не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить какъ дико, невозможно жизнь идетъ у нихъ. Да и дѣйствительно трудно понять, что тамъ такое творится. Князь Иванъ на себя не похожъ сдѣлался, мраченъ, другой разъ по цѣлымъ днямъ запирается въ своей комнатѣ, молится. Еслибы захотѣлъ, онъ могъ бы однимъ словомъ, можетъ быть, спасти Императора отъ угрожающей ему гибели, но онъ не говоритъ этого слова. Хватило у него силы, хватило характера побѣдить свои страсти, свои желанія, а не хватаетъ силы, не хватаетъ характера возстать противъ отца, противъ родни. Иной день по нѣскольку разъ просится онъ, чтобы отпустилъ его въ Москву Императоръ, да тотъ не пускаетъ.

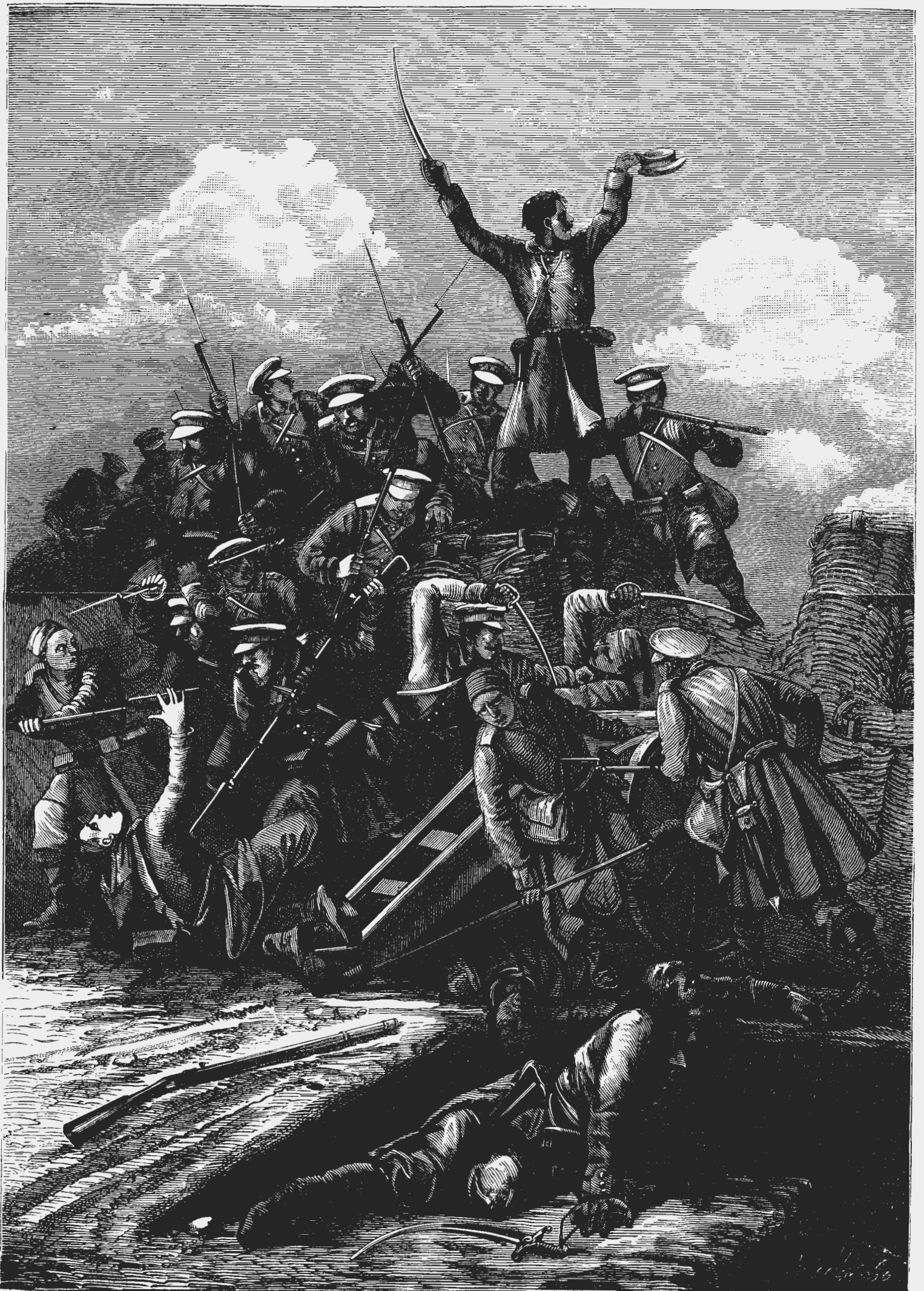
Княжну Катерину не поймешь никакъ: то сидитъ она и по цѣлымъ часамъ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова, то вдругъ вспыхнетъ вся, глаза загорятся, она оживится и смѣется, и шутитъ и забавляетъ Императора, поетъ ему, играетъ съ нимъ въ карты. Передъ отъѣздомъ на эту послѣднюю охоту написала она письмо Милезимо, письмо, облитое слезами. Писала ему, что если теперь не спасетъ онъ ее, она вѣрно погибнетъ, что онъ долженъ, не мѣшкая, явиться и увести ее изъ дому. Прошелъ день, другой—отвѣта никакого не было отъ Милезимо и вотъ увезли ее на Сѣтунь. Оставаясь одна въ тишинѣ своей спальни, часто плачетъ она и ломаетъ руки.

„Нѣтъ, видно не любить онъ меня, не сумѣлъ спасти во время. И что это за человекъ, Боже мой! что за человекъ: это тряпка какая то! Не любить, а презирать мнѣ его надо. Да, и разлюблю, и возненавижу его и на зло ему сдѣлаю все!“

Но вотъ вспоминаетъ она молодого графа, вспоминаетъ каждое его слово, каждый взглядъ его. Какъ на яву повторяются передъ нею дѣтски-невинные и безконечно-милые часы тихаго съ нимъ свиданія и чувствуетъ княжна, что не можетъ презирать его, не можетъ ненавидѣть. Любить его ея сердце. И опять она плачетъ и все ждетъ не будетъ ли ей какъ нибудь сюда вѣсточка отъ милаго друга. Нарочно часто выходитъ она на дорогу; думаетъ вотъ явится, вотъ увезетъ ее и спрячетъ такъ, что никто никогда ихъ не сыщетъ. Но никто ее не увозитъ. Ее зовутъ къ Императору, а тотъ проситъ поиграть съ нимъ въ карты и она садится и со злобы на своего милаго начинаетъ кокетничать съ Петромъ, нѣжно на него глядѣтъ, сладко ему

Геройская смерть майора Горгалова въ атакъ на турецкій редутъ при Плевнѣ По наброску П. М., рис. Медвѣдевъ грав, Гашевскій.

Взятіє турецкаго редута при Горножъ Дубнявѣ. По наброску А. С. рис. Медвѣдевъ, грав. Вейерманъ, Библиотека "Руниверс"

улыбаться. Въ инныя минуты приходитъ ей и такая мысль: „а что же въ самомъ дѣлѣ, развѣ дурно быть царицей? Вотъ тогда то будетъ своя воля; вотъ тогда то никто и пикнуть передо мною не смѣетъ; надо всѣми я буду владствовать. Отецъ сердитый да грозный руки у меня цѣловать будутъ!“

А тѣмъ временемъ Алексѣй Григорьевичъ додѣлываетъ свое дѣло; всѣ средства, даже самые непопулярныя, употребляетъ онъ, чтобы заставить рѣшиться Императора сдѣлать предложеніе Катюшѣ: нескромныя рѣчи съ нимъ о ней заводитъ, восхваляетъ красоту ея, всѣ ея прелести. Императоръ уже давно пересталъ быть ребенкомъ, онъ уже давно привыкъ цѣнить красоту женскую и нуждаться въ ея близости, а тутъ никого нѣтъ, кромѣ княжны Катюши и чуть не каждую минуту ему говорятъ о ней... И совсѣмъ безсознательно начинаетъ въ нее вглядываться Императоръ. Ему еще и въ голову не приходитъ мысль о важности своего брака съ нею, но онъ уже видитъ въ ней хорошенькую дѣвушку и начинаетъ понимать и чувствовать, что стоитъ ему только протянуть руки къ ней чтобы взять ее. Его уже приучили не церемониться: за обѣдами и ужинами Алексѣй Григорьевичъ собственноручно подливаетъ ему вина крѣпкаго и мутится голова у бѣднаго юноши. Совсѣмъ пришла ему погибель, никто не сжалится надъ нимъ, ни одной родной души вокругъ нѣтъ.

Вотъ задался день такой ненастный, вѣтренный, дождливый, что никакъ нельзя поохотиться. Съ утра всѣ сидятъ запершись. Только что пообѣдали. Обѣдъ былъ обильный, вина много выпили. Въ длинномъ креслѣ протянулся Императоръ; возлѣ него на такомъ же креслѣ, въ граціозной позѣ княжна Катюша; тутъ же и Алексѣй Григорьевичъ и Прасковья Юрьевна.

Одного князя Ивана нѣтъ.

Не то дремлетъ, не то грезится что то, не то неможется Петру Алексѣевичу. Глаза сами собою смыкаются. Но вотъ онъ открываетъ ихъ и видитъ передъ собою все ту же Катюшу. Тихо въ комнатѣ, только дождь стучится въ окна да далеко на дворѣ лаютъ охотничьи собаки.

Катюша откинула голову на спинку кресла, мелькомъ взглянула въ глаза Петру и опустила длинныя рѣсницы. На щекахъ ея то вспыхнетъ, то пропадетъ румянецъ. Вотъ подняла она свою руку. Широкой рукавъ атласный отворотился; рука нѣжная, бѣлая и сверкаютъ на ней дорогіе каменья.

— Какія у тебя руки красивыя, Катюша! въ полудремотѣ говоритъ Петръ и опять закрываетъ глаза и опять ихъ открываетъ и снова смотритъ на Катюшины руки. Тихо, незамѣтно уходитъ Алексѣй Григорьевичъ съ женою, никого нѣтъ въ комнатѣ.

— Что же это все ушли? замѣчаетъ юноша. Скучно что то, Катюша, расскажи мнѣ что нибудь.

— Да вѣдь и мнѣ тоже скучно, и я бы рада чтобы мнѣ веселое рассказали.

— Погоди, вдругъ оживляется Императоръ, я сейчасъ расскажу тебѣ веселое.

Онъ встаетъ, подвигаетъ свое кресло къ дѣвушкѣ и садится рядомъ съ нею. Онъ взялъ ее за руку, разсматриваетъ ея дорогія кольца, разсматриваетъ ея тонкіе, нѣжные пальцы. Вотъ поднесъ эту руку къ губамъ, вотъ цѣлуетъ каждый пальчикъ.

— Что же обѣщала веселое рассказать, а не рассказываешь, Государь, тихо проговорила княжна, не отнимая руки. Это совсѣмъ не весело, что пальцы мнѣ цѣлуешь.

— Ну постой, погоди. Что же рассказать тебѣ? прямо въ глаза взглянулъ ей Петръ. Ну вотъ что: какая ты хорошенькая, какіе глаза славныя, большіе, черныя, рѣсницы длинныя, щечки нѣжныя, зубки бѣлыя. Ну что, весело это?

— Охъ, какъ скучно! Все это знаю давно я сама, все старое.

Самъ не понимаетъ Императоръ что съ нимъ такое. Вдругъ ужасно понравилась ему Катюша, никогда еще такъ не нравилась, какъ будто въ первый разъ онъ ее видитъ. Вдругъ ему ужасно хочется поцѣловать ее.

— Катюша, поцѣлуй меня, говорить онъ еще ближе подвигаясь къ ней.

— Съ чего это? не свѣтлый праздникъ, съ чего будемъ мы съ тобою христосоваться.

— Да ну же, поцѣлуй пожалуйста разочекъ, пристааетъ Петръ.

— Ни за что!

— А, такъ ты вотъ какъ, ты забыла, что я твой Императоръ, что я могу приказывать тебѣ, а ты должна слушаться.

— А я могу не послушаться, капризно сказала княжна, я приказаній никогда не слушаюсь. Вотъ если бы хорошенько попросили меня, Ваше Величество, ну тогда бы еще можетъ быть послушалась.

— Такъ я прошу тебя, Катюша.

— Мало, не такъ.

— Какъ же мнѣ просить я и не знаю. Что же мнѣ стать на колѣни передъ тобою, что ли! Хочешь я встану?

— Зачѣмъ это. Сейчасъ говорили, что приказать мнѣ можете, а теперь на колѣни...

И все больше и больше нравится Петру Катюша. Еще ближе онъ къ ней придвигается; вотъ взялъ уже обѣ ея руки; вотъ всталъ передъ нею на колѣни и обнялъ ее за шею, притянулъ ее къ себѣ, цѣлуетъ. Она отворачивается, а онъ цѣлуетъ еще крѣпче. Вдругъ его самого кто то обнимаетъ, кто то и его цѣлуетъ. Онъ обернулся, всталъ съ колѣнъ и видитъ—князь Алексѣй Григорьевичъ весь въ слезахъ, а самъ улыбается; за нимъ Прасковья Юрьевна тоже спѣшитъ обнять Императора. Князь Алексѣй Григорьевичъ схватилъ руку Петра, крѣпко поцѣловалъ ее.

Такъ, что же это? думается Петру. Я думалъ они бранить будутъ меня за мою вольность съ Катюшей, а они точно благодарить собираются, рады.

— Ахъ, Государь мой милостивый, ваше Императорское величество! сооривъ радостную и въ тоже время разстроганную мину и выжимая изъ глазъ слезы начинаетъ Алексѣй Григорьевичъ.— Какъ уже и радоваться не знаю. Счастіе такое великое привалило, Бога благодарить не умѣю за такую милость. Одно только могу сказать тебѣ, Государь мой,—будетъ она тебѣ доброй женою. Уже такъ она тебя любитъ, что и сказать не возможно. Давно мы съ княгиней Прасковьей про это знаемъ, да молчали, сокрушались только на нее бѣдную глядя. Ну вотъ и дождались радости.

И князь Алексѣй, снова кинулся обнимать Императора, быстро схватилъ его руку, но на этотъ разъ не поцѣловалъ а вложилъ въ руку княжны Катюши и держалъ ихъ крѣпко, другой рукой крестя Петра.

— Благословляю тебя, Государь великій, дорогой сынъ мой. Самъ знаешь всю любовь мою къ тебѣ, а теперь кажется еще больше любить буду. Всю душу свою за тебя положу. Благослови и ты ихъ, княгиня.

И княгиня Прасковья Юрьевна тоже подходитъ, тоже обнимаетъ императора и дочь, и креститъ ихъ и что то шепчетъ.

Ни слова не выговорилъ Петръ, ни слова не вымолвила и Катюша. Она была блѣдна какъ смерть и вдругъ зарыдала и выбѣжала изъ комнаты. вмѣсто нея явились остальные Долгорукіе и князь Иванъ тоже.

— Сынъ, поздравь Государя, онъ женихъ нашей Катюши.

Иванъ оглядѣлъ всѣхъ безумными глазами.

— Такъ ли это, правда-ли это? обратился онъ къ Императору.

Тотъ мрачно опустилъ въ кресло и не могъ ничего

отвѣтить. Голова его кружилась, самъ онъ не помнилъ потомъ какъ въ рукѣ его очутилась золотая стопка и какъ онъ выпилъ ее до дна, а затѣмъ выпилъ еще и еще.

— Правда ли, правда ли? спрашивалъ князь Иванъ, крѣпко стискивая своими холодными, дрожащими руками руку Императора.

— Видишь, что правда, слабо отвѣтилъ ему Петръ.

Больше онъ ничего ужъ не помнить. У него закружилась голова не то отъ вина, не то отъ волненія. Его бережно снесли въ спальню, раздѣли и уложили.

IV.

Проснувшись на другое утро Императоръ долге соображалъ, что съ нимъ было наканунѣ. Было что то, очевидно было. Онъ чувствуетъ тяжесть какую то, какъ то не ловко, у него на душѣ непремѣнно было что то важное и не хорошее. И вотъ онъ все припомнилъ, сердце его болѣзненно сжалось, ему стало вдругъ невыносимо тяжело и Богъ знаетъ что бы далъ онъ лишь бы не было этого несчастнаго вчерашняго дня.

— Да неужели нельзя все это передѣлать! Тутъ ошибка, ужасная ошибка. Онъ вовсе не хочетъ жениться, онъ вовсе не любитъ княжны Долгорукой. Да и что же, развѣ сказалъ онъ ей что нибудь такое? развѣ просилъ ее выйти за него замужъ? Ничего такого не говорилъ онъ. Что же такое все это значить, отчего такъ съ разу всѣ накинулись поздравлять его? Но вѣдь онъ стоялъ на колѣняхъ передъ княжной, обнималъ ее, покрывалъ поцѣлуями ея щеки. Отецъ и мать вошли, увидѣли и подумали, что онъ навѣрное сдѣлалъ ей предложеніе—иначе не стоялъ бы на колѣняхъ, не цѣловалъ бы.

Да какъ же смѣли они это подумать! вырвалось у Императора. Развѣ я не могу такъ поцѣловать ее?

И вдругъ стало ему за себя совѣстно.

Конечно не могу, подумалъ онъ. Мы жили вѣдь вмѣстѣ, были близки другъ къ другу, но вѣдь все же Катюша не какая нибудь другая дѣвушка, все же она княжна, благородная и къ тому же я ничего дурнаго не замѣчалъ за нею. Не въ первый разъ хотѣлъ я поцѣловать ее, но она всегда отвертывалась, а то такъ и убѣгала совѣмъ. Я не имѣлъ права насильно цѣловать ее, а если цѣловалъ то значить не съ тѣмъ, чтобы оскорбить, значить Алексѣй Григорьевичъ имѣлъ право подумать, что я сдѣлалъ ей предложеніе!

Дѣйствительно Алексѣй Григорьевичъ рассчитывалъ вѣрно; онъ понималъ Императора, понималъ, что не смотря на всѣ ужасные, отвратительные уроки, какіе онъ же давалъ ему постоянно, еще не развратился онъ, его сердце осталось по прежнему чисто и благородно и на эту чистоту и на это благородство онъ и рассчитывалъ, онъ и надѣялся.

— Ахъ, какъ теперь быть, что мнѣ теперь дѣлать, отчаянно думалъ Петръ, какъ на глаза имъ теперь показаться. Вѣдь не могу же я, вѣдь не могу же въ-самомъ дѣлѣ жениться на Катюшѣ! Что же это будетъ?! Вѣдь опять тѣ же Меншиковы. Былъ я малъ тогда, глупъ былъ, а все же сумѣлъ вырваться, а вотъ теперь и старше сдѣлался, а попался и самъ знаю, самъ понимаю, что виноватъ и некого винить мнѣ. Но вѣдь какая же она мнѣ невѣста и почему это вчера такъ она мнѣ мила показалась, почему это я такъ хотѣлъ цѣловать ее? Она точно красива, очень красива, но не люблю я ее, не могу подумать, что будетъ она моею женою. Вотъ сегодня она мнѣ и не нравится. Что же это такое?

А въ спальню уже входилъ Алексѣй Григорьевичъ съ тою же радостною миною, съ тою же фамильярною почтительностью.

— Заспаться изволилъ, Государь, а невѣста давно встала, тебя дожидается.

Петръ опустилъ глаза. Ему захотѣлось вдругъ, прямо все высказать Долгорукому, объяснить, что это была

ошибка, что онъ самъ не знаетъ какъ все случилось, что онъ вѣрно много выпилъ за обѣдомъ.

— Алексѣй Григорьевичъ, началъ онъ смущеннымъ голосомъ, послушай, я долженъ сказать тебѣ, что Катерина Алексѣевна..

— Ну вотъ, ну такъ! быстро перебилъ его Долгорукій, первое слово о невѣстѣ. Эхъ, и я самъ былъ молодъ, Ваше Величество, тоже прошелъ черезъ все это, знаю, все понимаю. Чай, поченъку цѣлую о невѣстѣ все думалъ, Государь? Ну, что же—дѣло хорошее, дѣло законное.

„Дѣло законное! невольно повторилъ про себя Петръ. Ахъ какъ мнѣ быть! Вотъ онъ ничего не понимаетъ, слова сказать не даетъ мнѣ, да и что скажу я ему?!..“

Алексѣй Григорьевичъ заговорилъ снова.

— Вотъ теперь все могу доложить, Государь. Вѣдаешь ли—ужъ такъ такъ вчера съ женою осчастливилъ. Вѣдь послѣднее время просто не знали мы какъ и быть намъ, слезами плакали. Замѣтилъ я, что твое Величество давно ужъ нѣжно поглядываешь на мою дочку Катюшу, одинъ разъ мнѣ показалось что ты поцѣловалъ ее, спросить ее не рѣшился и такъ мнѣ горько сдѣлалось—неужто, думаю, Государь шутки не хорошия затѣваетъ съ Катюшей, неужто хочетъ онъ посрамить честный родъ Долгорукихъ. Княгиня моя о томъ же думаетъ, плачетъ, со мною совѣтуется. Нѣтъ, говорю, не можетъ этого быть!—знаю я Государя: сердце у него великое, благородное, не пойдетъ онъ на такое дѣло. А если нравится Катюша ему такъ не затѣмъ чтобъ погубить ее, а чтобъ осчастливить. И не ошиблось мое сердце, знаю я моего Государя—да спасетъ тебя Богъ, да продлитъ онъ жизнь твою на долгія, долгія лѣта, ради счастья земли русской и нашего счастья.

И князь Алексѣй Григорьевичъ, по старинному, земно поклонился молодому Государю. У того совѣмъ опустились руки, онъ сидѣлъ на постели и безнадежно глядѣлъ передъ собою. Что ему теперь отвѣчать? какъ сказать этому человѣку, что онъ въ немъ ошибся, что заглядываясь на Катюшу и обнимая ее не о бракѣ думалъ Государь—стыдно вѣдь въ этомъ признаться, стыдно показать себя въ такомъ видѣ. За что такое страшное оскорбленіе нанести Долгорукимъ, ужъ не за то ли что они все для него дѣлаютъ, об одномъ только томъ и стараются какъ бы угодить ему—нѣтъ нельзя этого! Охъ какъ страшно, какъ тяжело! И никто не поможетъ теперь, никого нѣтъ.“

Не удержался Императоръ и заплакалъ горькими, дѣтскими слезами.

Алексѣй Григорьевичъ не обратилъ вниманія на эти слезы, будто и не видѣлъ ихъ, только спѣшно вышелъ изъ спальни, сказавъ что позоветъ камердинера и повторивъ опять, что Государя ждетъ его невѣста.

Но чтожь во всю эту ночь и во все это утро, пока тяжелымъ сномъ спалъ Императоръ, чтожь дѣлала, о чемъ думала Катюша? Когда Петра унесли въ спальню и убѣдились что онъ спитъ крѣпко, всѣ винулись къ ней. Она лежала у себя на постели зарывшись съ головой въ подушки и тихо рыдала. Услышавъ, что вошли въ ея комнату она быстро отерла слезы выступила впередъ нѣсколько шаговъ и остановилась въ такой величественной, гордой позѣ, что всѣ невольно изумились.

— Ну чтожь, ну чтожь, государь батюшка, государыня матушка, государи братцы, чтожь—поздравляйте царю, цѣлуйте у меня руку!

И она точно протянула имъ свою руку. Тонкія ея ноздри нервно вздрагивали, на губахъ была странная улыбка. Она чудно хороша была въ эту минуту, но что-то страшное, что-то такое отчего опустились глаза Алексѣя Григорьевича, мелькало въ ея взглядѣ. Мать винулась было къ Катюшѣ чтобъ обнять ее, но та ее отъ себя отстранила.

— Хорошо, ловко вы сдѣлали, снова заговорила она, такъ ловко что до сихъ поръ я даже удивляюсь: ни жениха ни невѣсты не спросились, опомнитесь не дали.

Чтожь—радуйтесь теперь, веселитесь, родня Государева!

Алексѣй Григорьевичъ уже успѣлъ опомниться. Онъ боялся совсѣмъ другой сцены, боялся что дочь прямо и на отрѣзъ откажется, но она говоритъ не то.

— Катюша, обратился онъ къ ней, голубушка ты моя, другъ мой сердечный, великое счастье тебя посѣтило и только безумецъ одинъ можетъ не понять такого счастья. Обдумай все хорошенько—вѣдь царицей земли русской ты будешь, Императрицей. И онъ краснорѣчиво началъ описывать ей все, что ее ожидаетъ. Всю свою хитрость, весь умъ свой,—хоть его и немного у него было—собралъ онъ чтобъ соблазнить дочь своими рѣчами, возбудить въ ней честолюбіе. Дорогое, заповѣдное дѣло для него совершалось теперь, и красно говорилъ онъ.

Катюша молча его слушала, сначала невнимательно, но потомъ она оживилась, глаза ея снова заблестали, ей вспомнился Милезимо. Не умѣлъ ты взять меня, мучительно подумала она, не умѣлъ—а вотъ тутъ съумѣли. И нехотя берутъ, а берутъ все таки.

— Батюшка, обратилась она къ Алексѣю Григорьевичу, что ты мнѣ такъ расписываешь—безъ тебя все знаю. И не бойся ты, я не думаю отказываться. Самъ знаешь—отъ такого счастья не отказываются!.. только смотри въ оба, чтобъ Государь отъ меня не отказался, тогда срамъ и тебѣ и мнѣ будетъ. И тебѣ не прошу этого я срама. Ну вотъ, Иванушка, обратилась она къ Ивану Алексѣевичу,—поздравь же ты меня наконецъ, вѣдь твоихъ рукъ это дѣло, тебѣ первому и поздравлять слѣдуетъ. Поздравь меня да проси хорошенько, чтобъ новая Государыня была къ тебѣ милостива. Очень тебѣ объ этомъ ее просить нужно.

Князь Иванъ взглянул на нее равнодушно.

— Ошибаешься, Катерина, не моихъ рукъ это дѣло. И можетъ быть много бы я далъ теперь, чтобы совсѣмъ этого дѣла не было. Знаю я твою ко мнѣ ненависть. Знаю я, что новая Государыня будетъ ко мнѣ не милостива. Ну да Богъ съ тобой—я не стану просить тебя о милости—мнѣ не нужна она. Коли съумѣешь отвратить отъ меня Государя такъ значитъ тому и быть слѣдуетъ. Знай только одно, что бы со мной ни было, какъ бы ты ни терзала меня, какія бы пытки мнѣ не выдумывала, знай никогда я не поклонюсь тебѣ. Мнѣ не нужны ни чьи милости.

— О, какъ ты говоришь теперь, усмѣхнулась княжна Катерина. Такъ вѣдь это только теперь споряча. Потомъ не ту запоешь глѣсню. Смотри, вернешься еще, поклонисься.

Но князь Иванъ уже ее не слушалъ. Онъ вышелъ изъ комнаты.

— Безумецъ, какъ есть безумецъ, воскликнулъ Алек-

сѣй Григорьевичъ. Бѣсъ въ него вселился да и только. Слава Богу, что не мѣшастъ еще намъ.

Странно и тяжело было со стороны глядѣть на жениха и невесту, когда онѣ встрѣтились утромъ. Императоръ былъ совсѣмъ блѣденъ. Онъ смущенно подошелъ къ княжнѣ и протянулъ ей руку, не глядя на нее.

— Ну чтожь поцѣлуйте, дайте на васъ порадоваться, шепнулъ ему Алексѣй Григорьевичъ.

Петръ съ невольнымъ вздохомъ хотѣлъ было исполнить это требованіе, но княжна отъ него отстранилась.

— Пойди, Государь, сказала она.

Родные съ ужасомъ на нее взглянули.

— Пойди, я не помню хорошенько что вчера было между нами, я не помню что мнѣ говорилъ ты. Не знаю какъ просилъ меня отдать тебѣ свою руку, не знаю я тоже что сама тебѣ отвѣчала. Можетъ ничего этого и не было, можетъ батюшка съ матушкой ошиблись, не такъ поняли. Можетъ ты вовсе не хочешь, Государь,

чтобъ я была твоей женой, такъ скажи!

И она пристально глядѣла на Императора.

Алексѣй Григорьевичъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ. Боже, ну какъ все рушится?! безумная дѣвка!

Княгиня тихоенько читала молитву.

Мысль за мыслью вихремъ закружились въ головѣ Императора.

— Вотъ, вотъ минута, вѣдь вотъ она спрашиваетъ. Сейчас и отвѣтить, что ничего этого не было, что точно они ошиблись. Вотъ и развязался, спасенъ—но развѣ это возможно? Это значитъ прямо сейчасъ въ глаза нанести ей оскорбленіе и имъ всѣмъ.

Совсѣмъ измученный и обезсиленный стоялъ онъ передъ княжной. Хотѣлъ говорить, да языкъ не слушался. Наконецъ съ видимымъ мученіемъ прошепталъ онъ: — Если ты меня любишь,

княжна Катерина, такъ будь моей женой.

„А вдругъ она скажетъ что не любитъ“, боясь надѣяться на такое счастье подумалъ онъ.

А вдругъ она скажетъ что не любитъ съ ужасомъ подумали Алексѣй Григорьевичъ съ женой.

— Развѣ я могу не любить своего Государя, опуская глаза медленно и спокойно проговорила княжна Катерина. Я благодарю тебя за великую честь и счастье, которымъ ты почтилъ меня.

Она взяла руку Императора и приложилась къ ней губами.

„Ухъ, спасены!“ разомъ подумали Долгорукие.

„Погибло, все теперь погибло!“ мелькнуло въ головѣ Императора!

На него страшно было взглянуть въ это время, такъ былъ онъ блѣденъ.

(Продолженіе будетъ).

Генераль-лейтенантъ Иванъ Дмитріевичъ Оклобжіо.
Съ фотографіи грав. К. Вейерманъ.

Передь дуэлью. Съ картины профессора В. Якоби. Рис. Кившенко, грав. Крыжановский.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТОЧКИ ИЗЪ АЛЬБОМА ГУВЕРНАНТКИ.

II.

БѢБУШКИНЪ МИЛЛІОНЪ.

Максимъ Ивановичъ Брагинъ велъ обширную торговлю хлѣбомъ и ворочалъ сотнями тысячъ. Семейство его состояло изъ взрослыхъ сына и дочери, отъ первой жены, и двухъ дѣвочекъ, отъ второй. Эта вторая жена, пышная купчиха лѣтъ 35-ти, побывавъ въ Петербургѣ у дяди, наглядѣвшись какъ тотъ воспитываетъ дѣтей „на новую стать“, тоже затѣяла „обучить“ своихъ дочекъ музыкѣ и французскому языку. Съ утра до ночи твердила она, что слѣдуетъ взять „мадаму“.

— Теперь не то время чтобы дѣтей неучами растить, урезонивала она колебавшагося мужа. Вонъ Николай-то, словно мужикъ, двухъ словъ сказать порядкомъ не умѣетъ. Богачъ, купеческій сынъ, а только и пригоденъ въ лавазкахъ муку ссыпать. Любаша того же сословія: ни стать, ни сѣсть, ни пройти... никакого обращенія не имѣетъ. Добрымъ людямъ-то стыдно показаться: ишь, молъ, какую Феклу вырастили! Нѣтъ, Максимъ Ивановичъ, въ эдакомъ мужичествѣ Лизу съ Феничкой оставить не могу—воля твоя!

— Прасковья Мироновна, другъ ты мой! Я бы не прочь и самъ дѣвченокъ обучить, нужды-нѣтъ, что по нашему, по кладбищенскому, дѣло это больно нескладное... У Полушкина-то зачали сыновья только въ короткихъ сертукахъ ходить, да сигарочки покуривать... помнишь? И то чуть въ бѣду не ввалились... а тутъ ужъ басурманщиной пахнетъ! Посуди, коли, грѣхомъ, узнаешь твоя родительница, что внучки на раялахъ играютъ да бармочуть по-французски, устрашала ее Максимъ Ивановичъ, что тутъ будетъ? Старуха ндравная, бѣдовая: откажетъ свой миллионъ на какое ни-на-есть богоугодное заведеніе—и пиши пропало!

— Маменькѣ вовсе не слѣдъ знать про это, возражала Прасковья Мироновна. Наѣзжаетъ она къ намъ рѣдко, въ парадныя горницы не ходитъ,—значить, и раялей не увидитъ.

— А мадама, спросить, зачѣмъ?

— Ну... грамотѣ, руководѣльямъ обучаетъ.

— А изъ постороннихъ кто расказываетъ?

— Какихъ это она постороннихъ видаетъ? Сидмя-сидитъ надъ божественнымъ, да станетъ съ посторонними балы точить... Полно пожалуйте!

Если капля, частымъ паденіемъ, продалбливаетъ камень, то безпрестанныя упрашиванья, умаливанья должны были погнуть не слишкомъ твердую волю Максима Иваныча. А тутъ, какъ нарочно, подвернулась Настина крестная съ Анной Михайловной! Онъ крикнулъ, махнулъ рукой и далъ соизволеніе на ангажементъ „мадамъ“!

На этотъ ангажементъ попала Анна Михайловна Дорогина.

Разобравшись въ уютной комнаткѣ, на антресоляхъ, къ которой, съ одной стороны, прилежала спальня дѣвочекъ, съ другой—комната падчерицы Любаша, Дорогина сошла внизъ. Заслышавъ ея шаги, Любаша заперлась на ключъ; Брагины видимо ежились, разговаривая съ ней, а дѣти спрятались отъ будущей учительницы. Настина крестная, Лукинишна, видя, что „мадамъ“ расказываетъ одна-одинехонька, принялась угощать ее разными вареньями и соленьями.

— Кушайте, милая сударыня, подчивала она. Вѣдь у насъ не купленное: все это сама варю, солю... до новыхъ запасовъ вдостоль хватаетъ.

— Мастерица! похвалила Дорогина.

— Благодаримъ Бога, дѣло изъ рукъ не вываливается! Передъ хозяевами удариться въ грязь лицомъ не случалось.—Что-же вы, матушка, не кушаете?.. Вишен-

ки-то еще покушайте,—настоящая пшпанка... прелести!

— Довольно! Ты меня совѣмъ закормила.

— Ужъ очень рада, что по вкусу вамъ пришлось. Вишенку-то оставлю: можетъ, покушаете послѣ ужина. Вотъ, Богъ-дастъ, попривыкнете, пообживетесь, продолжала она, убирая со стола, хорошо будетъ. Дѣточки не балованныя, хозяйева добрые: лишнимъ словомъ не обидятъ...

— Отчего всѣ меня такъ дичатся? спросила Дорогина.

— Ахъ вы, моя сударыня! Да какъ же не дичиться? Люди они хоша богатые, а вѣдь на счетъ образованія ни зерна не смыслятъ. Ну... и по старой вѣрѣ: у нихъ, я вамъ доложу, строгости такія, что намъ, примѣрно, и не одолѣть. Одни земные поклоны измучаютъ до смерти!—Знамо, дичатся, пояснила Лукинишна, дама вы образованная: скажете, ступите,—все быдто не по ихнему. А имъ и думается: ну, глумиться почнетъ? Ничего, сударыня... погодите маленько,—все обойдется, какъ слѣдуетъ.—Дѣйствительно, въ скоромъ времени, все обошлось. Брагины гораздо смѣлѣе относились къ ней, дѣвочки не прятались, Любаша перестала запирается на ключъ. Встрѣчаясь съ ней, она хотя еще робко потуплялась, однако уже внятно произносила: здравствуйте-сь!—По просьбѣ Брагиныхъ, Анна Михайловна купила рояль, запаслась нотами, книгами для своихъ ученицъ, и, пропѣвъ однажды нѣсколько русскихъ пѣсенъ, расположила весь домъ въ свою пользу. Максимъ Ивановичъ былъ внѣ себя отъ восхищенія: дескать „ученая мадама“ не только не гнушается народными пѣснями, но еще какъ поетъ-то ихъ мастерски!—Почти незнакомая съ правилами современной педагогики, Анна Михайловна стала учить, къ счастью, понятливыхъ дѣвочекъ, руководясь собственнымъ соображеніемъ, результаты котораго нерѣдко превосходили ея ожиданія. Лиза съ Феничкой полюбили учительницу, слушались ее безпрекословно и щеголяли уже кое-какими фразами, въ родѣ слѣдующихъ: merci, madame. Bonjour, bonsoir, bonne-nuit и проч. Когда же старшая изъ нихъ начала ощущать перебирать клавиш, родительскія сердца преисполнились чувствомъ неописаннаго удовольствія!—Материальная жизнь Анны Михайловны устроилась какъ нельзя лучше, зато, по временамъ, охватывала ее скука неисходная: все окружающее такъ отдалялось отъ сферы ея понятій, ея взглядовъ... Не съ кѣмъ было подѣлиться мыслями, не съ кѣмъ было „побесѣдовать“! Въ длинныя осенніе вечера, любило семейство Брагиныхъ слушать ея рассказы о путешествіяхъ, о морской качкѣ, о житѣ-бытѣ за границей и т. п.

Переставъ дичиться, Любаша искала общества Дорогиной: то заходила къ ней, то уводила ее къ себѣ. Низенькая, угриватая, подслѣповатая, она, не смотря на свою положительную неразвитость, была дѣвушка не совѣмъ глупая, только ужъ черезъ-чуръ смиренна. Почти безвыходно сидѣла она въ своей комнатѣ, за пальцами, потому что мачиха держала падчерицу „въ черномъ тѣлѣ“, надменно обходилась съ ней и не любила ея присутствія внизу.

— Какъ это вамъ не надоѣстъ вышивать! замѣтила однажды Анна Михайловна, садясь подлѣ нея.

— Что же мнѣ больше дѣлать? Удивилась Любаша.

— Ну... почитали бы хоть немножко. Развѣ не любите?

— Право, не знаю...

— Какъ не знаете?

— Да такъ-сь: я никогда не читала.

— И не умѣете?

— Нѣтъ-сь, умѣю... по печатному.

— А по писанному?

— Очень плохо.

— Э, какой стыд! ласково проговорила Дорогина, обнявъ сконфуженную дѣвушку. Надо выучиться и по писанному, не то сестры будутъ смѣяться.

— Сестрамъ-то хорошо, ихъ вонъ всему обучаютъ, вздохнула Любаша. А вотъ покойница-маменька убилась, кажись, до смерти, ежели бы увидала меня за книжкой.

— Давно умерла ваша маменька?

— Годовъ съ двѣнадцать. Тятенька вдовѣлъ не долго: мѣсяца черезъ три сосватался на Прасковью Мионовну.

— Ласкова она была съ вами?

— Кто-съ?

— Прасковья Мионовна.

— Ничего... не била.

— А такъ-же держала на антресоляхъ, какъ и теперъ?

— Да куда же меня дѣвать!

— И вы не скучали? При этомъ вопросѣ дѣвушка слегка покраснѣла.

— Нѣтъ-съ, маленечко... скучала, заминалась она. Ину-пору и побѣгать, и поиграть хотѣлось, а маменька не позволяла: ишь не пристало купеческой дочери болтаться по двору. Такъ и уйдешь, бывало, опять на тресоли. Теперь вотъ обидѣлась... никуда и не манить, кротко усмѣхнулась она.—Дорогиной стало тяжело смотрѣть на эту безотвѣтную, даже не сознававшую заботность своего существованія, личность.

— Надо вамъ читать...

— Я бы съ радостью, да боюсь, не пойму.

— Будемъ читать вмѣстѣ; чего не поймете—растолкую.

— Ахъ, эдакъ-то бы хорошо! воскликнула Любаша и подслѣповатые ея глазки весело засвѣтились.

Дорогина безотлагательно абонировалась въ библіотеку, приохотила ее читать и выучила писать. Узнавъ объ этихъ частныхъ урокахъ, Прасковья Мионовна было принахмурилась, за то Максимъ Ивановичъ былъ еще привѣтливѣе съ учительницей. Въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, Дорогина только одинъ день и видѣла мелькомъ бабушку-милліонщицу. Это была высокая, сухошавая старуха, въ какомъ-то монашескомъ шугаѣ, съ костылемъ въ рукахъ, съ жесткой, отрывистой рѣчью. Прошла она съ задняго крыльца къ Прасковью Мионовну въ спальню, куда вся семья собралась на поклонъ. Выпивъ нѣсколько чашекъ анютиныхъ глазокъ съ медомъ (чай, по ея понятіямъ, считался напиткомъ грѣховнымъ), наставительно побесѣдовавъ о глѣбности всего мірскаго, посовѣтовавъ изнурять плоть постомъ да молитвой, она торжественно отправилась во свояси. Если бы старуха могла предположить что въ залѣ рояль, на которомъ выигрываютъ ея внучки, что „андельскія уста“ осквернились уже басурманщиной, она, кажется, не перенесла бы этого богоотступничества и прокляла бы семейство Брагинныхъ до пятого колѣна! Къ счастью, ничего подобнаго не случилось. Бабушку благополучно свели съ черной лѣстницы, проводили съ достожднымъ почетомъ и, вздохнули полною грудью.

Стала Анна Михайловна замѣчать, что къ Брагиннымъ повадилась какая-то егозливая русачка. Принимали ее весьма ласково, угощали до отвалу и все о чемъ-то съ нею шептались,

— Что это за женщина? спросила Дорогина.

— Сваха, таинственно шепнули.

— Ужъ не моихъ ли ученицъ сватаетъ?

— Экую мразь-то... помиуйте! А Любовь Максимовна на что! Ишь запримѣтилъ ее на церковномъ стояніи купеческій сынъ, Буренкинъ, и оченно она ему скромностью да набожностью полюбилась. Опять же,

извѣстенъ насчетъ приданаго: не шуточное! Вотъ и заслалъ онъ къ намъ Макариху, и ладитъ эта самая Макариха лады. Хозяинъ-то радехонекъ: дочкѣ, молъ, замужемъ, вальготнѣй будетъ.

— А Прасковья Мионовна?

— Ну, и Прасковью Мионовну желательно падчерицу съ плечъ долой. Не жалуется она ее... чай, сами домекнулись? Бѣгала-бѣгала Макариха и добѣгалась до желаемого: назначили смотрины. Настряпали всякой всячины, съѣхалась родня, невѣсту затанули, нарядили, при чемъ Прасковья Мионовна важко ей посовѣтовала держать себя „по великатнѣ“, да зря не ухмыляться. Любаша, повидимому, безстрастно относилась къ смотринамъ, но блѣдность лица, дрожавшія руки, выдавали ея внутреннее волненіе.

— Анна Михайловна,—шептала она,—боюсь идти внизъ... ужаси, какъ боюсь!

— Полноте! Вы должны радоваться, что Богъ послалъ вамъ жениха. Будете жить своимъ домомъ, хозяйничать...

— Куда мнѣ! Я ни къ чему приступиться не умѣю.

— Выучитесь.

— Охъ, замуштруютъ, замытарятъ меня!

— Не беспокойтесь,—мужъ въ обиду не дастъ.

— А ну самъ драться почнетъ?

— Вотъ ужъ и драться! Характеръ у васъ мягкій, уступчивый... за что-же?

Къ семи часамъ явился женихъ, собралась куча родни, за исключеніемъ бабушки-милліонщицы, захворавшей отъ дряхлости лѣтъ. Женихъ, молодцоватый русачекъ, въ длиннополномъ сюртукѣ, въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, вскользь посматривалъ на невѣсту, едва переводившую духъ въ непривычномъ нарядѣ. Она сидѣла какъ пригвожденная и крѣпко держала свернутый въ трубочку батистовый платокъ. Безмолвно пили чай, церемонно притрогивались къ десерту и всѣ были на вытяжкѣ, нетерпѣливо ожидая развязки переговоровъ, происходившихъ между старшими въ кабинетѣ хозяина. Глядѣла, глядѣла Дорогина на эту недвижущуюся картину и ушла отъ скуки спать раньше обыкновеннаго. Уже на другой день узнала она отъ невѣсты, что смотрины, въ ожиданіи „рукобитія параднаго“, кончились рукобитьемъ „проежь себя“.

— Нравится женихъ-то? спросила она ее.

— Ничего-съ... отвѣтила покраснѣвшая Любаша.

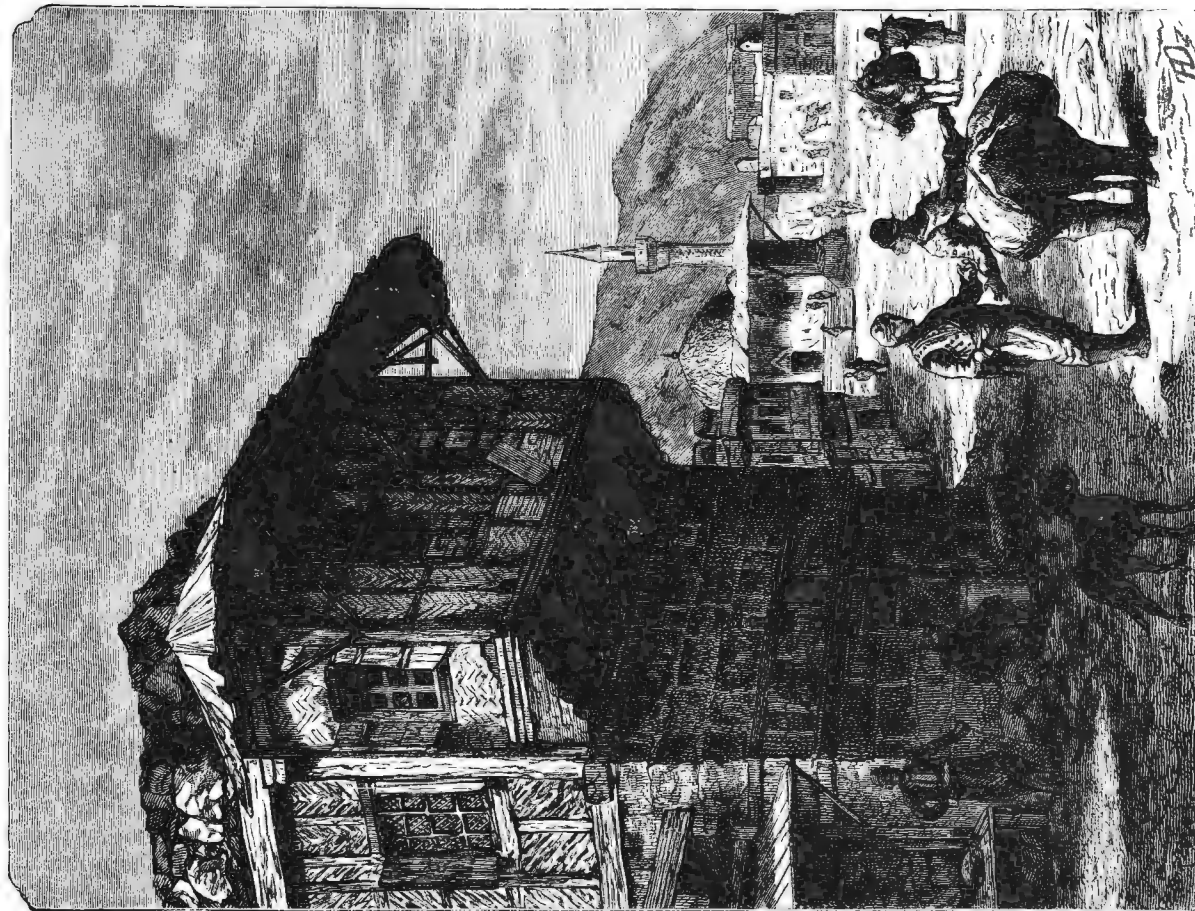
— О чемъ же вы съ нимъ говорили?

— Ни о чемъ-съ... какъ можно! Сію минуту осудятъ: ишь, молъ, вѣшается на шею...

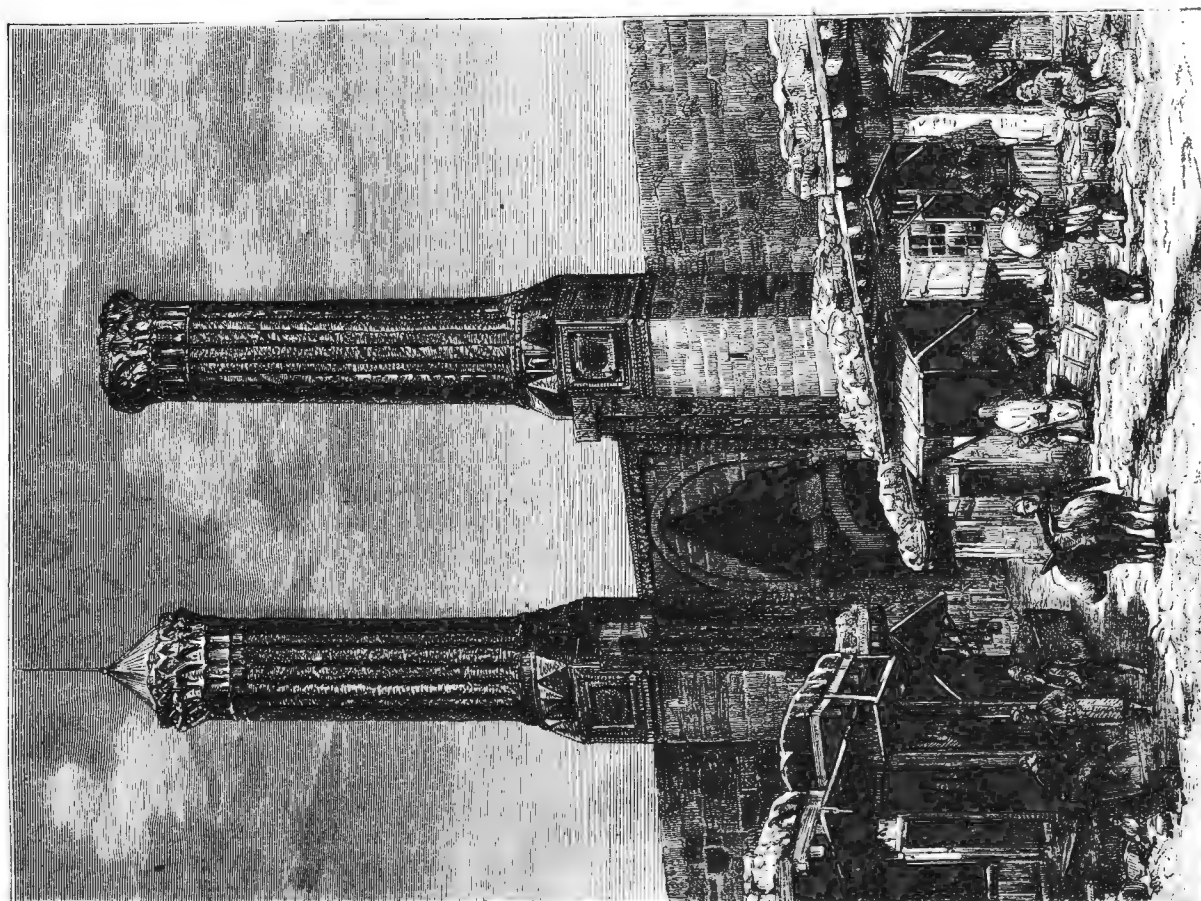
— А свадьба скоро?

— Да на будущей недѣлѣ справятъ парадное рукобитье, а тамъ въ скорости и повѣнчаютъ.

Торжественное событіе нарушило порядокъ монотонной жизни Брагинныхъ. Появились швей, съ утра до вечера визжавшія свадебныя пѣсни; Прасковья Ѳедоровна металась по Кузнецкому мосту, закупая разныя разности. Пусть, молъ, не осуждаютъ люди добрыя, что мачиха сидѣла сложа руки и кое-какъ спихнула падчерицу замужъ. Каждый вечеръ прѣзжалъ женихъ, привозилъ подарки, собирались гости, пили, ѣли, закусывали и умненько молчали. Старички рѣзались въ горку, а дамы, осматривая другъ друга съ головы до ногъ, пощелкивали кедровые орѣшки. Смазливый купчикъ, остриженный, одѣтый „по-нѣмецки“, въ тончайшей сорочкѣ съ буфами, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Покуривая папироски, онъ развязно заговаривалъ съ дамами, которымъ замѣтно нравился этотъ либерализмъ. Нѣкоторые застѣнчиво отвѣчали на его вопросы, а инныя, побойчѣе, даже хихикали... въ платокъ! Отпраздновавъ „рукобитье“ со всевозможнымъ великолѣпіемъ, съ двумя швейцарами на парадной лѣстницѣ, усталой бархатнымъ ковромъ, уставленной растеніями

Эрзерумъ. Домъ и площадь въ Эрзерумѣ.
Рис. И. Делакроа, грав. Лапласъ.

Эрзерумъ. Минаретъ Тшифте въ Эрзерумѣ.
Рис. Т. Делакроа, грав. А-де-Баръ.

Масштабъ — 1 : 1,000,000.

Карта мало-азиатскаго театра войны. Видъ съ высоты птичьаго полета. Грав. К. Вейерманъ.

Масштабъ — 1 : 1,000,000.
0 10 20 30 40 верста.

ми, съ ужиномъ въ 12 блюдъ, съ вандиторами, важно провозглашавшими здоровье жениха съ невѣстой, здоровье главнѣйшихъ членовъ семьи и, въ заключеніе, „общее здоровье дамъ и кавалеровъ“, Брагины вскорѣ назначили день свадьбы. Не мало дивилась Анна Михайловна, когда Любашу повезли къ вѣнцу въ ситцевой шубкѣ, въ кисейной рубашкѣ, со вплетенною въ косу розовой лентой. Провожатая, въ длинныхъ шугаяхъ, покрылась черными платками по самый носъ! Да, такъ было нужно,—не то повытолкали бы всѣхъ изъ церкви, да и попъ не сталъ бы вѣнчать жениха-сюртучника (онъ тоже надѣлъ поддевку) съ невѣстой въ шутовскомъ нарядѣ!

По отбытіи свадебнаго поѣзда, парадныя комнаты блистательно освѣтили и все приготовили къ приему новобрачныхъ. Прасковья Мироновна, разодртая, въ цвѣтахъ, въ брилліантахъ, плавала какъ пава, наблюдая за порядкомъ. На Феничку съ Лизой напутали по нѣскольکو нитокъ жемчуга: знай, молъ, что подросточки тоже себѣ на умъ! Отъ вѣнца Любаша пріѣхала повязанная косыночкой, скрывавшей дѣвичью косу, уже раздѣленную на двое. Портниха, съ бархатнымъ платьемъ, и мѣстный „куаферъ“ Дергуновъ, со всѣми аксессуарами своего искусства, ожидали ее. Мачиха собственноручно сняла съ головы падчерицы косынку, распустила косы, которыя тутъ же Дергуновъ принялся ерошить и взбивать въ разныя стороны. Слѣва, почти повѣсивъ онъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, справа—прикнулъ лучезарную звѣзду, слегка прикрывъ то и другое бландовымъ вуалемъ.

— Отлично-съ! восхищался онъ, помахивая гребенкой и огромнымъ пукомъ выдранныхъ волосъ.

— Приколи-ка еще вотъ это, подавала ему Прасковья Мироновна брилліантовый цвѣтокъ.

— Не трепусь! порѣшилъ Дергуновъ, оглядывая голову Любаши. И некуда-съ...

— Э, приспособь куда-нибудь! настаивала Брагина: вещь цѣнная, въ виду...

— Извольте! вздохнулъ униженный въ своемъ искусствѣ Дергуновъ и „приспособилъ“ цвѣтокъ сверхъ вуала, надъ вѣнкомъ. Любаша была гораздо миловиднѣе съ распущенной косой, въ шубкѣ, нежели съ уродливой прической, въ бархатномъ платьѣ, шлейфъ котораго путался у ней подъ ногами. Молодыхъ усадили рядышкомъ, на всей краѣ; но въ продолженіи вечера, не промолвивъ ни словечка, они едва взглянули другъ на друга. Официанты разносили чай, кофе, шоколадъ и на огромныхъ серебряныхъ подносахъ, десертъ. Старики опять рѣзались въ горку, дамы опять сидѣли на вытяжку и не будь смазливаго эманципированнаго купчика, исключительно враждавагося около нихъ, онѣ задремали бы непременно подъ тяжестью скуки и своихъ брилліантовъ. Въ спальнѣ Прасковьи Мироновны, на большомъ столѣ были разставлены хрустальные графинны и кувшинчики „съ прохладительнымъ“. Отправившись туда, Анна Михайловна почти наткнулась на двухъ пожилыхъ купчихъ, бочкомъ пробиравшихся въ залу; ей почудилось, будто обѣ покачивались... Дорогина налила, повидимому, стаканъ лимонада, но не успѣла поднести его къ губамъ, какъ запахъ „очищенной“ вывелъ ее изъ заблужденія... „Эге,—подумала она,—вотъ чѣмъ прохладяются купческія-то скромницы!“

— Что тутъ такое? Указала она вошедшему официанту на одинъ изъ кувшинчиковъ.

— Медокъ-съ, мягкое дамское питьецо,—пояснилъ тотъ. Прикажете?

— Налейте.—Послѣ „дамскаго питьеца“ Анна Михайловна совсѣмъ растерялась. По приходѣ въ залу, мраморъ, позолота, богатое убранство, зеленые столы, бороды, поддевки, размалеванныя купчихи,—все слилось въ пеструю, сплошную массу! Сообразивъ, что ее могутъ заподозрить въ употребленіи спиртныхъ напитковъ (никто бы не повѣрилъ, что *только* медкомъ побаловалась „мадама“), она отправилась на антресоли и, едва успѣвъ раздѣться, заснула крѣпкимъ сномъ.

Послѣ баловъ, вечеринокъ, званныхъ обѣдовъ, прекратились наконецъ всѣ пиршества. Любовь Максимовна, переодѣвавшаяся едва-ли не по десяти разъ на день, вполне показала свои наряды; гости все до ниточки обсудили, обрядили, вдоволь позлословили; парадныя принадлежности попрятали въ чехлы, въ чехольчики; штофныя портьеры уложили въ сундукъ и круговая жизнь, въ ожиданіи новаго торжества, пошла своимъ порядкомъ. Жила да поживала Дорогина въ купеческомъ домѣ. Матеріальныя выгоды съ избыткомъ выкупали подъ часъ налегавшую на нее грусть, а успѣхи дѣвочекъ значительно смягчали сухость педагогическихъ занятій. „До поры, до времени останусь у нихъ, подумывала Анна Михайловна, позабывъ пословицу: „Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“! Одно неожиданное событіе, разразившееся надъ семействомъ Брагиныхъ, внезапно доказало ей справедливость. Однажды утромъ Лиза съ Феничкой разучивали пѣску въ четыре руки подъ надзоромъ Анны Михайловны, которая, для большаго вразумленія, била кадансъ чуть не на всю залу. И ученицы, и учительница, усердно занятая музыкой, не обращали вниманія на довольно значительный шумъ во внутреннихъ комнатахъ. А шумъ все ближе, ближе... и—дверь съ налета распахнулась! На порогъ залы, съ гнѣвно-сверкающими глазами, съ костьюлемъ въ рукахъ, явилась, какъ грозный призракъ, бабушка-милліонщица! Пальцы ученицъ такъ и замерли на клавишахъ... Да и учительница, предчувствуя ураганъ, нѣсколько смутилась. Недвижно стояла раздраженная старуха... Вдругъ, замахнувшись костьюлемъ, она дико бросилась впередъ и, пожалуй, изувѣчила бы перепуганныхъ дѣвочекъ, еслибы, съ одной стороны, Прасковья Мироновна, съ другой—Дорогина, не подскочили къ ней и не утащили бы ее насильно изъ залы. Она рвалась что-то проговорить, но шамкая поблѣвшими губами, только неистово хрипѣла! Эгожь „визитъ“, внушенный кѣмъ-нибудь изъ „доброжелательной“, тоже рассчитывавшей на бабушкинъ милліонъ, родни, повернулъ все вверхъ дномъ! Какъ ни крушились, какъ ни метались Брагины, однако, мысль потерять богатое наслѣдство, подавила въ нихъ стремленіе къ цивилизаціи. Не подкрѣпляя ихъ надежда на бабушкину кончину: дескать, стара... не долго намалячить,—пришлось бы хоть въ петлю! Рѣшившись умиротворить ее покорностью и смиреніемъ, они бережно вынесли роаль въ кладовую; дѣвочкамъ вышелъ строгій наказъ отверживать французскую грамоту наверху, тайкомъ, а книги прятать подальше, на случай неожиданной ревизіи. Непрошенная катастрофа заставила Дорогину призадуматься. Предлагали ей Брагины „схорониться пока на тресолахъ“, но встрѣтиться съ полуумной старухой не желалось: встрѣча эта неизбѣжно бы вызвала новыя гоненія на обасурманившихся потомковъ. Не безъ сожалѣнія разсталась она съ Брагиными, которые, на случай бабушкиной смерти, убѣдительно звали ее опять къ себѣ.

Е. Щепина.

КЪ РИСУНКАМЪ.

ГЕРОЙСКАЯ СМЕРТЬ МАЮРА ГОРТАЛОВА.

Владимірскаго полка майоръ Горталовъ палъ геройскою смертію во время атаки на Плевну генерала Скобелева 30—31-го

августа. Эта атака, какъ извѣстно, не удалась и взятые генераломъ Скобелевымъ турецкіе редуты пришлось оставить. Читатели „Нивы“ уже имѣли случай узнать объ этомъ изъ статьи,

помѣщенной въ № 39 „Нивы“ при портретѣ генерала Скобелева. Что же касается геройской смерти храбраго майора Горгалова, то обстоятельство, вызвавшее ее, заключалось въ слѣдующемъ:

Майоръ Горгаловъ, назначенный генераломъ Скобелевымъ на должность коменданта лѣваго редута, далъ ему слово, что пока будетъ живъ, не сдать туркамъ ввѣреннаго ему редута. Онъ дѣйствительно сдержалъ свое слово: когда турки бросились на редутъ (уже въ шестой разъ) и ворвались въ него, майоръ Горгаловъ не оставилъ своего поста и былъ поднятъ турками на штыки.

Битва при Горномъ Дубнякѣ.

Рисунокъ представляетъ одинъ изъ эпизодовъ битвы при Горномъ Дубнякѣ, происходившей 12-го октября и окончившейся взятіемъ русскими войсками этой важной для турокъ позиціи. Горный Дубнякъ находится къ юго-западу отъ Плевны, между Телишемъ и Плевною. Отъ Плевны до Дольнаго Дубняка считается 10 верстъ, отъ Дольнаго Дубняка до Горнаго Дубняка разстояніе равняется тоже 10 верстамъ и Телишь отстоитъ отъ него тоже на 10 верстъ *).

Общій видъ мѣстности, на которой происходила битва, представляетъ равнину, вдаль въ блѣсаватой мглѣ сливающуюся съ горизонтомъ. Посохная трава придаетъ всему пространству видъ желтѣющей нивы, по которой тамъ и сямъ разбросаны зеленовато-сѣрыми пятнами дубовые лѣски и деревца: Дольный Дубнякъ, оба Митрополья, Горный Дубнякъ и другія, а на лѣво, почти уже на самой чертѣ горизонта, едва различаемое во мглѣ селеніе Телишь. Направо одна за другою поднимаются нѣсколько высотъ, замыкающія проѣздъ по долинѣ въ Плевну.

Планъ нашей атаки на Горный Дубнякъ былъ таковъ: войска должны были окружить эту турецкую позицію со всѣхъ 4 сторонъ и дѣйствовать одновременно. Первые пошли на штурмъ лейбъ-гренадеры и грудью взяли одинъ редутъ, но затрудненіе открылось при штурмѣ главнаго турецкаго редута, гдѣ сосредоточены были турецкія силы. Два раза наши полки бросались на это укрѣпленіе, но не могли пересилить препятствій, встрѣчаемыхъ ими. Въ два часа генералъ Гурко, видя что войска приблизились къ веркамъ на 150—400 шаговъ, хотѣлъ произвести одновременный штурмъ, для чего и сдѣлалъ распоряженіе начать приступъ послѣ трехъ залповъ съ батарей, но и это распоряженіе по непредвидѣнной случайности не было исполнено: войска начали штурмъ одновременно и снова были отбиты. Генералъ дождался сумерекъ. Войска стояли отъ верковъ укрѣпленія отъ 100 до 50 шаговъ. Нѣкоторое время все притихло, но съ вступленіемъ сумерекъ лейбъ-гренадеры съ музыкой и распущенными знаменами, по собственному влеченію, отчаянно ринулись на новый приступъ. „Удержатъ ихъ,—говоритъ корреспондентъ „Прав. Вѣстн.“—не было возможности. Доблестный полкъ съ криками „ура“ стремился впередъ и скоро передовые люди его карабкались на брустверъ въ направленіи одного изъ исходящихъ угловъ редута. Турки выкинули бѣлый флагъ, но пальбу не останавливали. Тутъ произошла какая-то путаница: одинъ изъ турецкихъ офицеровъ приказывалъ прекратить огонь; другіе, напротивъ, требовали, чтобы солдаты стрѣляли. Всѣ были какъ бы въ опьяненіи, въ какомъ-то угарѣ. Между тѣмъ внутри редута уже шла отчаянная штыковая работа; съ лейбъ-гренадерами ворвались въ селеніе Павловцы, Измайловцы и другіе. Бой холоднымъ оружіемъ былъ ужасенъ. Въ редутахъ горѣло. Черезъ нѣсколько времени лейбъ-гренадерское знамя побѣдоносно развѣвалось на гребнѣ взятаго укрѣпленія.

Какая радость, какое торжество охватило тогда всѣ воинскія части, когда узнали онѣ, что Горный Дубнякъ взятъ, а гарнизонъ сдается военнопленнымъ. Ура, какъ буря, пронеслось по окрестностямъ. Гвардейцы привѣтствовали другъ друга съ первою ихъ побѣдой въ нынѣшнюю войну. Когда генералъ Гурко вѣхалъ въ толпу войска, всѣ солдаты, словно дѣти, въ радостномъ восторгѣ кинулись къ нему, хватая стремяна, коблѣны, поводья.

— Скажите Государю, что мы сдержали свое слово!.. Пушай не сумлѣвается!.. Поддержимъ старую славу!—кричали они со всѣхъ сторонъ генералу.

Вдругъ появляется какой-то павловскій дѣтина, верхомъ на сѣрой маленькой турецкой лошадекѣ, ноги чуть не по землѣ волочатся, шапка на затылкѣ, курносое лицо ослаблено широчайшею улыбочкою, мундиръ изорванъ въ клочья, въ рукѣ окровавленный штыкъ.

— Ура-а, ваше превосходительство, ура-ра! кричитъ онъ, потирая своимъ штыкомъ, въ то время какъ маленькая лошаденка упрямыя, брыкается подъ нимъ, бьетъ передомъ и задомъ, тщетно стараясь сбросить съ себя ражаго дѣтину.

— Ты что? Откуда? спрашиваютъ его.

— А я, ваше превосходительство, я, значитъ, шабашавалъ!

— Какъ шабашавалъ?

* Нелишнимъ счтемъ сообщить здѣсь о разстояніяхъ отъ Плевны до слѣдующихъ пунктовъ: Отъ Плевны до Ловчи—36 верстъ, отъ Плевны до Тетевана—70 верстъ, отъ Плевны до прохода Орханіе—120 верстъ, отъ Орханіе до Соеин—65 верстъ, отъ Ловчи до Трояна—30 верстъ.

— А все это же! Тѣхъ, значитъ, которые сдаваться не желали и стрѣляли въ нашихъ... Я ихъ сначала прикладомъ—ну, расколося... сейчасъ эт-то отомкнулъ штыкъ и пошелъ имъ шабашавать... Остался очень довольно!

Общій веселый смѣхъ и „ура“ товарищей привѣтствовали этого молодчину.

Вотъ гурьба Измайловцевъ, и впередъ ихъ кучка офицеровъ—они подводятъ къ генералу какого-то рядоваго, въ рукахъ котораго развѣвается турецкое знамя—розовое съ бахрамою, кистями и золотыми надписями изъ Корана; докладываютъ, что этотъ рядовой съ бою взялъ знамя у непріятеля.

— Какъ зовутъ? спрашиваетъ генералъ.

— Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 2-й роты рядовой Иванъ Овчинниковъ.

— Молодецъ!.. Спасибо!.. Доложу Главнокомандующему и Государю Императору.

И опять побѣдное „ура“ гремитъ въ воздухѣ, и толпы гвардейцевъ заранѣе поздравляютъ будущаго георгиевскаго кавалера.

Когда подвели лѣвнаго пану, генералъ Гурко протянулъ ему руку и черезъ переводчика выразилъ, что ему приятно пожать руку противника, который защищался столь рѣшительно и храбро. Въ отвѣтъ на это Ахметъ-Хивзи слегка развелъ руками и нѣсколько грустно улыбнулся. Онъ видимо былъ очень взволнованъ и подавленъ горемъ. Вслѣдъ за шапою былъ представленъ начальникъ его штаба, назвавшійся австріецемъ. Но впоследствии оказалось, что онъ вовсе не австріецъ, а только жилъ въ Вѣнѣ въ послѣднее время предъ войною, въ качествѣ одного изъ состоящихъ при военной турецкой агентурѣ; происхожденія же сомнительнаго, чуть ли не изъ евреевъ, хотя позднѣе и увѣрялъ, что онъ венгерецъ.

При взятіи Горнаго Дубняка намъ досталось четыре орудія, знамя, свыше пяти тысячъ ружей и многое множество патроновъ.

Чтобы судить, до какой степени изобилія доходить у турокъ снабженіе патронами, достаточно сказать, что большіе коробки и ящики, наполненные ими, находили повсюду: и въ ложеметахъ, и въ землянкахъ, въ домахъ, сараяхъ и на улицахъ; кромѣ того по всѣмъ ближайшимъ дорогамъ они были растеряны или просыпаны цѣлыми кучами, словно щебень, такъ что двигаться между ними верхомъ было даже не безопасно, до нѣкоторой степени, для лошадей. На всѣхъ патронахъ, по словамъ, того-же корр. Прав. Вѣстн., англійскія клеймы.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ И. Д. ОКЛОБЖІО.

Начальникъ Ріонскаго отряда.

Генераль-лейтенантъ Иванъ Дмитріевичъ Оклобжіо иностранецъ по происхожденію, родился въ 1821 г. Свою военную дѣятельность онъ началъ на австріискій службѣ и только 25-ти лѣтъ отъ роду присягнувъ на подданство Россіи и перешелъ въ русскую службу. Высочайшимъ приказомъ онъ опредѣленъ былъ въ 1846 г. подпоручикомъ въ бывший полкъ генераль-адъютанта князя Воронцова; въ 1847 г. уже участвовалъ въ походѣ противъ чеченцевъ и находился въ слѣдующихъ дѣлахъ: при окончательномъ истребленіи Джарганъ-Юртовскихъ хуторовъ, набѣгъ на аулъ Наба-Дубы, уничтоженіи хуторовъ Ганенъ-Гайты, Мартановскихъ, хутора Наба-Саабдулы и лежащихъ на правой сторонѣ рѣки Гайты. Въ ноябрѣ того же года, за отличія, выказанныя въ этихъ дѣлахъ, его произвели въ поручики. 1848 годъ былъ богатъ подвигами Ивана Дмитріевича. Между прочими уважемъ на удачное дѣло на рѣкѣ Гойтѣ; постройку Урусъ-Мартанскаго укрѣпленія; возведеніе башни на правомъ берегу рѣки Аргуна. За эти подвиги И. Д. Оклобжіо награжденъ чиномъ штабсъ-капитана. Въ 1850 г. онъ снова отличился: въ рубкѣ лѣса подъ градомъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, въ столкновеніи полковника Майделя съ большими силами горцевъ, предводительствуемыхъ Шамилемъ; въ блистательномъ дѣлѣ съ чеченцами, при взятіи Шалинскихъ окоповъ и въ искусномъ пораженіи непріятеля при аулѣ Рошни.

Должно замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ участвовалъ лично Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, тогда бывшій Наслѣдникомъ Престола.

Генераль Оклобжіо былъ въ этомъ сраженіи раненъ двумя ружейными пулями и за свою храбрость былъ произведенъ въ капитаны.

За сямъ, за участіе въ зимней военной экспедиціи противъ горцевъ въ 1851 году Иванъ Дмитріевичъ получилъ Монаршее благоволеніе и произведенъ въ майоры. Въ 1852 году, отличаясь въ дѣлахъ: при атакахъ и раззореніи нѣсколькихъ ауловъ; при жестокомъ и удачномъ для русскихъ сраженіи съ сборомъ Шамиля, былъ награжденъ двумя орденами и произведенъ въ полковники. Въ 1853 году, въ сраженіи подъ селомъ Бояндуромъ, Иванъ Дмитріевичъ былъ два раза контуженъ ядрами—въ поясницу и въ правую ушную сторону головы. Въ 1854 г., находясь, при осадѣ крѣпости Силистрія, въ многократномъ отраженіи вылазокъ изъ крѣпости турецкаго гарнизона; при снятіи моста на Дунаѣ, противъ города Голаго; при переправѣ нашихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная и т. д.—за все это былъ произведенъ въ чинъ пол-

ковника. Затѣмъ возвратясь въ предѣлы Россіи, онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генералъ-адъютанта князя Горчакова и долженъ былъ отправиться снова въ Бухарестъ. Въ 1855 году Иванъ Дмитріевичъ получилъ въ команду Брянскій резервный егерскій полкъ; далѣе: назначенъ командиромъ Смоленскаго резервнаго пѣхотнаго полка; командующимъ 1 бригадою 7 дивизіи, наконецъ принялъ начальство надъ авангарднымъ отрядомъ войскъ, расположенныхъ по рѣкамъ Бельбеку и Качѣ и вошедшихъ въ составъ севастопольскаго гарнизона. Съ 24-го по 27-е августа, находясь на южной сторонѣ Севастополя, онъ присутствовалъ при усиленномъ бомбардированіи непріятеля по крѣпости, 27-го—при штурмѣ севастопольскихъ твердынь. Въ 1856 г. ему поручено было командованіе Камчатскимъ полкомъ. Въ 1858 г. за свои служебныя заслуги Ив. Дмитріевичъ Всемилостивѣйше пожалованъ былъ брильянтовымъ перстнемъ, съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени. Въ 1862 г. произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1869 г. ему пожалованъ былъ участокъ земли въ Кубанской области, въ количествѣ 1000 десятинъ, въ 1870 году объявлена Высочайшая искренняя благодарность за управленіе сѣвернымъ Дагестаномъ и Закавказскимъ округомъ и назначено повышение въ чинъ генералъ-лейтенанта; въ 1871 году послѣдовало опять Высочайшее благоволеніе. Въ 1876 году генералъ Оглоблю назначенъ командующимъ войсками въ при-Ріонскомъ краѣ. О дѣятельности-же его во время настоящей войны читатели „Нивы“ знаютъ изъ ея политическихъ и военныхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ каждомъ номерѣ журнала.

Передъ дуэлью.

Извѣстно, что художникъ, задавшись избраннѣйшимъ для картины сюжетомъ, сосредоточиваетъ весь его смыслъ на одномъ какомъ-либо моментѣ. Вся суть задачи именно въ томъ, вопервыхъ, чтобы самый моментъ былъ достаточно силенъ и ясенъ для того, чтобы имъ можно было выразить задуманное, и во вторыхъ, чтобы передача его въ произведеніи была правдива во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ и во всемъ цѣломъ. При соблюденіи этихъ двухъ условій, произведеніе получаетъ право называться художественнымъ.

Къ таковому должна быть несомнѣнно отнесена помѣщаемая въ этомъ номерѣ небольшая картинка профессора Якобіа. Это совершенно живая сцена, во всѣхъ мельчайшихъ частностяхъ полная правды, а слѣдовательно и красоты, ибо красота въ истинномъ смыслѣ слова невозможна тамъ, гдѣ есть неправда.

Посмотрите на всѣ частности картины. Всѣ мельчайшія подробности обстановки комнаты выдѣляются предъ вами, все: едва замѣтныя измѣненія силы свѣта и тѣни видны на каждой вещи. Не будь даже тутъ живой фигуры — и тогда картина имѣла бы много достоинствъ. Но фигура эта — прелесть. Смотри на нее, читаешь цѣлыя страницы изъ жизни избраннаго лица. Взять изъ этой жизни всего только одинъ моментъ — и онъ оказывается достаточно для того, чтобы можно было обо всемъ остальномъ составить болѣе или менѣе близкое представленіе.

Сытный, довольно уже ожирѣвшій баринъ готовится къ дуэли. Нельзя сказать, чтобы приготовленія эти его очень тревожили. Нѣтъ, онъ почти спокоенъ и готовится къ дуэли неторопливо, ничуть даже не тревожась. Словомъ, точно на охоту собирается. Онъ, повидимому, вообще человекъ не торопливый и жилъ всегда беззаботно: охотникъ поѣсть, выпить и погулять... Ну, гдѣ безъ грѣха: случилось, должно быть, съ кѣмъ-то столкновение на одной дорогѣ — дорога узкая, разойтись нельзя: либо

сталкивать человекъ съ дороги, либо самому быть столкнутымъ. Задача, слѣдовательно, ужъ такая вышла.

Такъ, повидимому, соображаетъ и герой картины. Не видно на его лицѣ ни ненависти къ своему противнику, ни боязни за свою жизнь, — онъ какъ будто болѣе озабоченъ тѣмъ: каковъ то курокъ у его пистолета — не осыпался бы. Эгогъ-то вотъ курокъ и привлекаетъ въ настоящую минуту его вниманіе.

По окружающей обстановкѣ видно, что прежде чѣмъ заняться этимъ послѣднимъ дѣломъ, герой „приготовился“, зачисталъ свои шкафы, порвалъ лишнія ненужныя бумаги и уложилъ въ конвертъ все то, что было поважнѣе.

Замѣтно, что день только что начинается и день такой хорошей, ясный, солнце такъ ярко залило въ комнаты всѣ предметы и вѣстѣ съ ними всю фигуру героя.

Но онъ не видитъ этого блеска солнца и не потому, можетъ быть, что его мѣръ внутренней опустѣлъ и мѣръ вѣншній потерялъ для него свою красоту; нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ: а такъ просто, не до солнца ему въ эту минуту — курокъ что-то кажется сомнительнымъ.

— Чортъ его знаетъ, — думаетъ герой, — давно я что-то пистолета въ руки не бралъ...

Онъ внимательно осматрѣлъ курокъ, поднялъ его, спустилъ, еще поднялъ и еще спустил...

— Гм... гм... Ничего, годится... Ну-ка, мой голубчикъ, стано-

вись-ка на барьеръ: я тебя угощу орѣшкомъ.

Такъ обращается онъ мысленно къ своему противнику и ничуть не думаетъ о томъ, что быть можетъ черезъ часъ какойнибудь самъ будетъ лежать бездыханнымъ на мѣстѣ дуэли... Я.

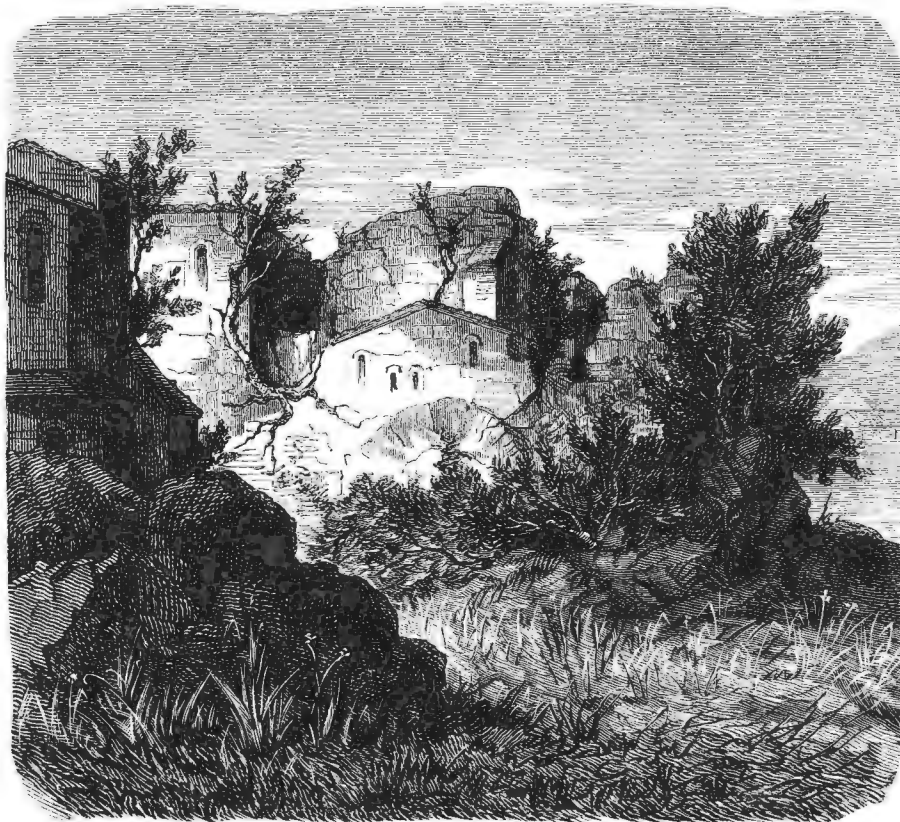
Минаретъ Тшифте въ Эрзерумѣ.

Въ 46 № „Нивы“ мы помѣстили общій видъ города Эрзерума. Въ этомъ номерѣ помѣщаемъ виды: эрзерумскаго дома и минарета Тшифте. Въ Эрзерумѣ множество мечетей, но изъ нихъ только двѣ заслуживаютъ вниманія — это Луло-Джами и башня Мурго-Серай.

Какъ извѣстно, мечеть означаетъ собою молитвенный домъ мусульманъ. Мечети здѣсь строятся четырехугольными, съ стройными узкими башенками (минаретами), съ проточной водою во дворѣ, въ которой мусульмане совершаютъ омовенія.

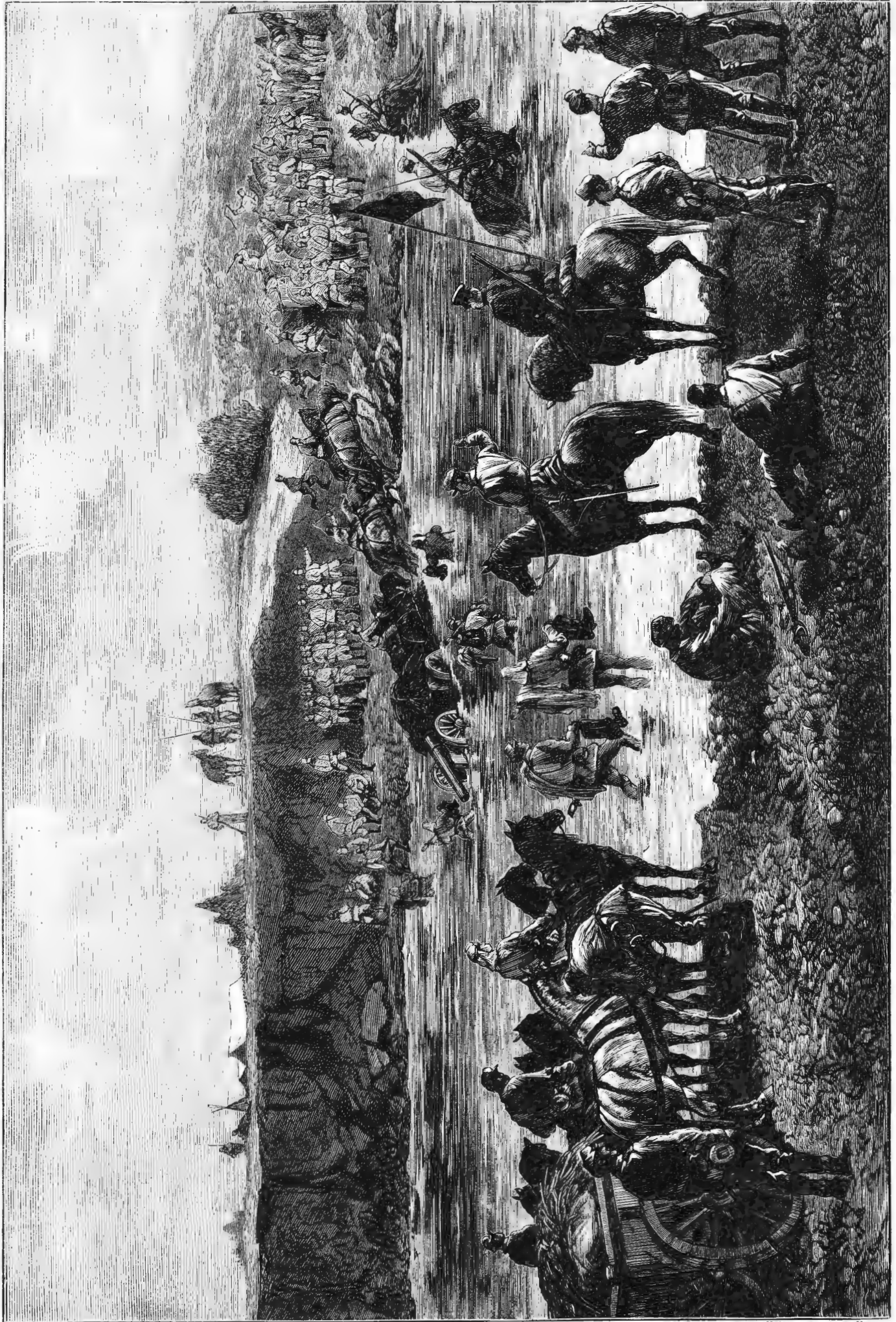
Внутренность мечетей проста, стѣны испещрены изрѣченіями изъ корана. Въ углу помѣщается возвышеніе для проповѣдника. У стѣны, обращенной къ Меккѣ, находится хранилище (шкафъ) копій Корана.

Джами нѣсколько отличаются отъ обыкновенныхъ мечетей: онѣ сложнѣе и богаче; при нихъ бываютъ устроены (медресы) школы и больницы. Минареты обыкновенно бываютъ въ 3 и 4 этажа, съ выдающимися балконами или галереями, съ которыхъ мюзини призываютъ народъ къ молитвѣ. Минареты строятся по общему образцу — арабско-византійскому; на вершинѣ они имѣютъ шпиль съ полумѣсяцемъ. Въ древнія времена вступавшіе на престолъ халифы и турецкіе султаны имѣли обыкновеніе выдать съ минаретовъ въ народъ мелкую монету. Луло-Джами въ Эрзерумѣ самое высочайшее изъ городскихъ зданій; она арабской архитектуры, хотя, по всему вѣроятію, ея постройка производилась персидскими мастерами и рабочими. Это доказывается тѣмъ, что въ украшеніяхъ составленныхъ изъ геометрическихъ фигуръ, встрѣчаются изображенія различныхъ животныхъ, напримѣръ, вокругъ воротъ минарета Тшифте представлены головы змѣй, орелъ съ двумя головами. Башни минарета Тшифте, изображенныя на приложенномъ рисункѣ, отличаются большою оригинальностью и богатствомъ работы. Онѣ обложены глазированнымъ кирпичемъ; ихъ базы (Проложеніе на стр. 781, 782, 783 и 784).

Развалины замка. (Гдѣ находится такой замокъ и въ какомъ стилѣ былъ построенъ онъ? *) Ориг. рис. И. Панова, грав. Вейерманъ.

*) Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ помѣщенъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №.

Переходъ артиллеріи черезъ рѣку Рѣшицу. (На Дунайскомъ театрѣ войны). По рисунку „Monde illustré“, грав. Вейерманъ.

(основы) укрѣплены мозаикой изъ фаянса синяго, красного и зеленого дѣтговъ. Говорятъ, что въ настоящее время Лулу-Джами служатъ арсеналомъ и складомъ для пороха.

Башня Мурго-Серай представляетъ теперь только остатки постройки того же стиля, что и минареть Тшифте. Украшения, состоящая изъ коосугольникова, сдѣланы изъ зеленой и голубой эмали.

Въ объясненіе рисунка, помѣщенного въ этомъ же номерѣ и изображающаго домъ и площадь въ Эрзерумѣ, надобно сказать, что на большей части эрзерумскихъ зданій второй этажъ ихъ дѣлается нѣсколько выступомъ впередъ противъ нижняго этажа; эта выдающаяся часть зданія поддерживается балконами, которые иногда у богатыхъ бывають украшены рѣзью. Мусульманскіе дома почти всѣ строятся въ одинъ этажъ и освѣщаются чрезъ отверстіе въ кровлѣ, надъ которымъ дѣлается нѣчто въ родѣ пирамиды изъ промасленной бумаги, проводящей свѣтъ и не пропускающей дождя.

Заговоривъ объ Эрзерумѣ, считаемъ нелишнимъ привести новыя газетныя сообщенія о его положеніи за послѣднее время—такъ какъ на Эрзерумъ теперь обращено общее вниманіе. Пишутъ, что Мухтаръ-паша, повидимому, терять всякую надежду удержаться въ Эрзерумѣ и поэтому онъ предостерегъ Порту, что ему можетъ быть, придется предоставить столицу Арменіи ея собственной участи и отступить на высоты на западѣ, по дорогѣ въ Байрутъ и Трапезунтъ, если русскимъ удастся отбѣснить турецкую армию съ Деве-Бойна.

Было предположеніе укрѣпить Эрзерумъ, но верки не были окончены и на половину, и что еще важнѣе, были проектированы въ такихъ большихъ размѣрахъ, что для своего занятія потребовали бы армию въ 20,000 или 25,000 человекъ. Одна внутренняя окружность, съ своими 11 бастіонами, растянута почти на десять англійскихъ миль и потребовала бы для своего вооруженія болѣе ста орудій. На высотахъ проектированъ рядъ укрѣпленій: три на отрогахъ Тапъ-дага, одно, Азизіе, съ тремя люнетами, открытыми сады въ центрѣ, выдаваясь нѣсколько впередъ, и два закрытыхъ редута Меджидіе и Сурбъ-Натанъ, справа и слева въ тыду. На Кирманъ-дагѣ закрытое укрѣпленіе, а между обоими, въ долину, еще другое—Алхамъ, замыкающее дорогу, ведущую съ Девебойнскаго плоскогорья.

Мухтаръ-паша не былъ увѣренъ въ возможности удерживать Эрзерумъ съ своими значительно сократившимися войсками, но, говоря, что послѣ неудачной атаки русскихъ на Азизіе и Кирманъ-дагъ, Мухтаръ-паша, кажется, составилъ выгодное понятіе о своемъ положеніи и надѣется сохранить его до прихода уже находящихся въ пути подкрѣпленій.

Арменія.

(По поводу карты Малоазіатскаго театра войны).

Страна, извѣстная подъ общимъ именемъ Арменіи, составляла нѣкогда богатое Армянское царство, а теперь оно частью принадлежитъ Турціи, частью же входитъ въ составъ различныхъ провинцій нашего Закавказья. Арменія, самая высокая мѣстность Азіатской Турціи, простирающаяся отъ рѣкъ Куры и Аракса на востокъ, до верховьевъ Галиса на западѣ, отъ рѣкъ Чароха и Куры на сѣверѣ, до Таврскихъ горъ на югѣ. Вся Арменія изрѣзана горами, изъ которыхъ берутъ свое начало многія рѣки, напр. р. Тигръ, изливающая свои воды въ Персидскій заливъ; рѣка Араксъ, спадающая нѣсколькими ручьями съ сѣверныхъ склоновъ Вынгель-дага; рѣка Кура, вытекающая изъ хребта Буга-тапа; рѣка Чорохъ, спадающая съ высокихъ горъ Казаръ-Бани; восточный Евфратъ, берущій начало въ сѣверныхъ склонахъ горы Алла-дагъ; сѣверный Евфратъ, вытекающий изъ горы Думли-дагъ. Отличительныя черты главныхъ хребтовъ—ихъ направленіе по параллелямъ, а также плоскость вершинъ при скалистыхъ и обрывистыхъ скалахъ. Въ горахъ Арменіи въ древности находили драгоцѣнные камни и металлы. Въ Арменіи много высоко лежащихъ озеръ, напримеръ, озеро Гокчи или Севонги, находится на 5,873 ф. надъ уровнемъ Чернаго моря. Происхожденіе этого озера, какъ полагають, вулканическое и чаша его ничто иное какъ кратеръ потухшаго вулкана. На озерѣ этомъ возвышается островъ съ монастыремъ на немъ, древнѣйшимъ въ Арменіи. Бури здѣсь почти не утихаютъ во весь годъ и переѣзды по озеру опасны. Самое большое изъ озеръ, это озеро Ванъ (при городѣ этого названія). Долины Арменіи богаты растительностью. Хлѣбъ, хлопчатникъ, плодовая деревья, маслина, рисъ, растутъ въ изобиліи и отличаются своимъ хорошимъ качествомъ. Въ долинахъ Кульпни находятъ богатые соляныя копи. Вообще равнины Арменіи имѣють большое значеніе: въ нихъ группируется населеніе, онѣ же служатъ удобнымъ мѣстомъ для военныхъ дѣйствій. Запертыя со всѣхъ сторонъ горами, имѣющими лишь нѣ-

сколько проходовъ, онѣ могутъ вмѣщать въ себя всѣ средства страны и быть выгодными для обороняющагося, который можетъ въ нихъ располагаться какъ въ укрѣпленномъ лагерѣ и сторожить проходы въ равнины.

Не смотря на положеніе Арменіи на одной географической широтѣ съ Неаполемъ и Южной Испаніей, климатъ ея рѣзко отличается отъ этихъ странъ. Онъ свойственъ всѣмъ поясамъ, отъ полярнаго до экваторнаго. Съ наступленіемъ осенняго времени всѣ горныя возвышенности покрываются снѣгомъ, вьюги и мятели—постоянныя спутницы этого времени, и здѣсь-то, гдѣ бы, казалось, не можетъ быть и мысли о крайнемъ сѣверѣ, онъ всего чаще вспоминается. За то эти же самыя высоты горъ, по стаянью снѣговъ, т. е. съ наступленія весенняго времени, превращаются въ роскошныя долины и даютъ отличныя пастбища для многочисленныхъ стадъ курдовъ.

Пути сообщенія въ Азіатской Турціи понятны не весьма-то еще хороши и намъ, русскимъ людямъ, удивляться этому, разумѣется, не приходится, ибо у насъ тоже по этой части сдѣлано очень мало. Нужно замѣтить, что рѣки Арменіи оказываются для путей сообщенія неудобными. Неудобства эти многообразны, завися, конечно, конечно, главнѣйшимъ образомъ отъ недостатка изслѣдованія самыхъ рѣкъ и несомнѣнно, хотя въ далекомъ будущемъ, неудобства эти (по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть) будутъ устранены. Разливы рѣкъ дѣйствительно пока представляютъ значительныя препятствія въ свободному по нимъ плаванію, но вѣдь и разливы рѣкъ подчиняются человѣку, тамъ гдѣ онъ болѣе приложилъ старанія къ этому ихъ подчиненію.

Изъ городовъ Арменіи замѣчательны болѣе другихъ Эрзерумъ, Ванъ, Карсъ и Діарбекиръ.

Населеніе края составляютъ: 1) Турки, 2) Армяне (Армяне, обитающіе здѣсь, признають своимъ родоначальникомъ Гайка, внука Иафета, который съ 300 витязей послѣ побѣды у озера Вана будто бы освободилъ Армянъ изъ-подъ ига Вавилонскаго царя Бела и спустившись въ долину р. Аракса, основалъ первую Армянскую общину); 3) Суниты—кочевые народы. Они хотя и исповѣдуютъ исламъ, но турки ихъ считаютъ плохими мусульманами; 4) Курды—(о курдахъ трудно сказать что-либо опредѣленное, въ особенности относительно ихъ вѣроисповѣданія: религія ихъ представляетъ нѣчто невообразимо смѣшанное: тутъ и язычество, и мусульманство и, словомъ, хаосъ невообразимый. Организации общественной жизни нѣтъ никакой: это скорѣе всего-шайки разбойниковъ, имѣющія надъ собою руководителями тѣхъ, кто посмѣлѣе, и его половчѣе сумѣетъ захватить надъ ними власть. Курды признають себя подданными той стороны, которая въ данное время кажется имъ сильнѣйшей; такъ, напримеръ, признавали они власть Россіи и подчинялись ей до тѣхъ поръ, пока турки не переманили ихъ на свою сторону; а какъ только турки оказались разбитыми—курды немедленно стали изъявлять опять покорность нашимъ властямъ) и 5) Езиды—они тоже могутъ быть причислены къ курдамъ. Отличіе ихъ отъ курдовъ отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что они менѣе склонны къ разбою и полудикой жизни. Перекочевывая съ одного мѣста на другое они всегда выбираютъ уединенныя мѣста, занимають немного земледѣліемъ, но преимущественно скотоводствомъ. Езиды болѣе частью скромнаго нрава и весьма гостеприимны. Вѣрованія ихъ точно неизвѣстны, потому что они скрываютъ ихъ, но по нѣкоторымъ даннымъ есть предположенія, что особенностъ ихъ религіи состоитъ именно въ поклоненіи падшему ангелу, который, по ихъ понятіямъ, нѣкогда долженъ возвратиться чистымъ, свѣтлымъ и могущественнымъ въ доно Всевышняго. Этотъ ангелъ, по ихъ вѣрованіямъ, тогда вспомнитъ объ езидахъ, единственныхъ своихъ поклонникахъ. Не касаясь здѣсь свѣдѣнія о положеніи нашихъ военныхъ дѣлъ въ Арменіи въ настоящую войну, можемъ только напомнить, что о дѣлахъ этихъ съ должною подробностію и своевременно сообщалось уже на страницахъ „Нивы“ и въ особенности въ отдѣлѣ ея политическихъ и военныхъ извѣстій, на которые и смѣемъ указать и въ настоящемъ №.

Переправа русской артиллеріи чрезъ Рѣшницу.

Помѣщаемый рисунокъ даетъ нѣкоторое понятіе о трудностяхъ, какія приходится преодолевать нашимъ войскамъ въ ихъ боевыхъ передвиженіяхъ на театрѣ войны. Небольшая рѣчка Рѣшница (не вдалекѣ отъ центра дѣйствій нашихъ войскъ, окружающихъ Шлевну) видимо сильно разлилась отъ продолжительныхъ дождей и дѣлаетъ переправу чрезъ нее чрезвычайно затруднительной. Но, какъ видно, эти затрудненія все-таки оказываются безсильными въ борьбѣ съ настойчивостью и энергіей русскихъ войскъ.

Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.

О взятіи штурмомъ, 9-го ноября, крѣпости Карса, упомянуто уже въ политическомъ обзорѣ № 46 „Нивы“ Теперь мы должны начать наше обзорѣ сообщеніемъ нѣсколькихъ подробностей этого

блестящаго дѣла. Карсъ былъ взятъ въ ночь съ 5-го на 6-е ноября. Энергическій штурмъ этой крѣпости веденъ былъ на юго-восточные форты съ демонстраціями противъ остальныхъ фортовъ.

Форты Хофисъ-Канлы и Субари были взяты нашими штурмовыми колоннами, которая проникли потомъ въ форты Карадахъ и Арабъ. Эти послѣдніе были захвачены командами охотниковъ: Карадахъ съ тыла, а Арабъ съ фронта. На слѣдующее утро гарнизонъ этихъ фортовъ пытался бѣжать въ горы, но былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. По другимъ извѣстіямъ, дополняющимъ представленіе объ этомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что форты Хафисъ—Карадахъ взялъ *Фадиевъ* съ кутаисцами. Графъ *Грабо* командовалъ первовцами, полковникъ *Былинскій* — пятигорцами. Нашими трофеями при взятіи Карса были: болѣе 10,000 плѣнныхъ, до 300 орудій и огромные запасы. Наши потери простираются до 2,500 убитыми и ранеными. На слѣдующее послѣ взятія утро 6,000 турокъ пытались было пробиться къ *Ольтъ*, но были взяты въ плѣнъ пашею кавалеріей.

Съ нашей стороны при этомъ штурмѣ пали геройскою смертью: генералъ-майоръ графъ *Грабо* (командовавшій первовцами); командиръ 3-го гренадерскаго Перновскаго полка полковникъ *Былинскій* (командовавшій пятигорцами); полковникъ 131 пѣхотнаго Пятигорскаго полка *Бучковъ* и командовавшій 1-мъ Кавказскимъ стрѣлковымъ батальономъ майоръ *Геричъ*. Засимъ умеръ отъ ранъ командиръ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго батальона подполковникъ князь *Меликовъ*. Наши войска не пользовались всею богатой добычей, какою могли бы воспользоваться: они щадили мирныхъ гражданъ. Въ течение дня ходомъ боя руководилъ генералъ Лорисъ-Меликовъ. Его Высочество Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ также присутствовалъ въ рѣшительныя минуты боя. Вступленіе въ Карсъ генерала Лорисъ-Меликова произошло въ воскресенье 6 (18) ноября въ 11 часовъ утра.

Объ огромномъ значеніи этого послѣдняго событія—взятія перво-классной турецкой крѣпости, даже англо-туркофильскія газеты не могутъ говорить иначе, какъ въ нашу пользу. Лондонскія газеты единодушно признаютъ паденіе Карса «блестательнѣйшимъ нашимъ приобретеніемъ» въ текущую войну и въ высшей степени серьезнымъ ударомъ для Турціи.

Въ военномъ отношеніи, въ смыслѣ преодоленія многихъ искусственныхъ, устроенныхъ инженерами преградъ, взятіе Карса *) въ настоящую войну представлялось дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ въ войну Крымскую. Но въ 1855 г. наши усилія взятъ Карсъ разбились: мы безплодно потеряли тогда 8,000 человекъ. Въ настоящую Карсъ соединялъ въ себѣ все средства защиты, какія могутъ представить инженерное и артиллерійское искусство. Крѣпость эта была окружена казематированными постройками, дѣлами рядомъ фортовъ, далеко выдвинутыхъ впередъ и также казематированныхъ и снабженныхъ орудіями дальняго боя. Но все это, однако, не могло и грозно вооруженная твердыня пала предъ нашими героями.

Но что же нужно дѣлать теперь, послѣ геройскаго взятія Карса? Овѣтъ уже ясно видѣнъ въ самихъ совершающихся событіяхъ. Наши войска идутъ на Эрзерумъ и въ этомъ направленіи должна сосредоточиться большая часть нашихъ силъ. Эрзерумъ будетъ послѣднимъ пограничнымъ южнымъ пунктомъ завоеванной нами площади. Къ сѣверо-западу отсюда такимъ пунктомъ будетъ *Батумъ*; затѣмъ преслѣдуя Мухтара-пашу, наши войска могутъ двинуться и на Трапезунтъ. Прилагаемая къ настоящему № пунктированная карта Азиатскаго театра войны дастъ читателю понятіе о важномъ значеніи тѣхъ пограничныхъ пунктовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Громадная прямая линия между *Батумомъ* и Эрзерумомъ, должна быть здѣсь нашимъ оплотомъ противъ турецкихъ вторженій въ нашу область съ запада, изъ Анатоліи, и если вновь когда либо произойдетъ на этомъ театрѣ война, то эта линия должна быть естественнымъ базисомъ нашихъ операций. Читатель увидитъ на прилагаемой картѣ пространство карскаго пашалыка, огромнымъ клиномъ протягивающагося отъ Александрополя къ юго-западу. Весь этотъ пашалыкъ находится теперь въ нашихъ рукахъ. Засимъ вся линия отъ Персидской границы до Чернаго моря очищена отъ непріятеля. Читателю будетъ понятно, что въ виду обезпеченія указанной нами прямой линіи, кромѣ Эрзерума, должны будутъ направиться и на *Батумъ*.

На Дунайскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю, было одно имѣющее относительную важность дѣло—это наступательное движеніе **) Сулеймана-паша на армию Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, и именно на лѣвое крыло этой арміи, имѣвшее расположеніе къ сѣверо-востоку отъ *Бѣлы*, по обѣ стороны *Бѣло-Русскаго шоссе*. Нападеніе турокъ было стремительно, и имъ, дѣйствительно, сначала удалось оттѣснить наши передовые посты по всей линіи и прорваться къ *Пиргосу*. Подробности этого дѣла слѣдующія.

7-го ноября, 16 турецкихъ таборовъ, переправившись черезъ *Ломъ* у *Русука*, *Бессарбова* и *Ивана-Чивглика*, стремительно атаковали наши авангардныя позиціи, какъ-то: *Пиргосъ*, *Ханюль*, *Чесме* и между *Чытликкомъ* и *Тростеникомъ*. Но послѣ упорнаго боя турецкіе таборы были отражены на всѣхъ пунктахъ. Особенно упорнымъ былъ бой у *Пиргоса*. Здѣсь 2 роты Азовскаго и *Дѣлѣ*ровскаго полковъ истинно героически защищались противъ громаднаго превосходства турецкихъ силъ. Правда, эти роты, понесши значительныя потери, на время отступили по направленію къ *Мечкѣ*. Но тогда перешла въ наступленіе вся 1-я бригада 12-й дивизіи и, выбивъ турокъ изъ *Пиргоса*, отбросила ихъ за *Ломъ*, хотя

при этомъ турки и сожгли *Пиргосъ*. Результатомъ вытѣсненія турокъ за *Ломъ* было то, что наши передовые посты заняли свои прежнія мѣста по всей линіи. Мы потеряли въ этомъ бою до 180 человекъ, въ томъ числѣ до 50 человекъ убитыми. Турки страшно обезобразили трупы нашихъ убитыхъ, о чемъ и составленъ былъ актъ.

Въ это же время нашимъ удалось узнать приблизительно турецкую силу отъ непріятельскихъ перебѣжчиковъ. По показанію послѣднихъ, у *Русука* находится 30,000 турокъ, въ *Разградѣ* 20,000, а остальная турецкая сила, дѣйствующая въ этой мѣстности, находится съ *Сулейманомъ-пашею* въ *Эски-Джумѣ* (къ западу отъ *Шумлы*). Въ этотъ же день (7 ноября) по случаю взятія *Карса* наши сдѣлали салютъ *Русуку* съ *Журжевскихъ* баттарей. Турки отвѣчали на салютъ и перестрѣлка продолжалась довольно долгое время.

Добавимъ здѣсь, что *Порта*, въ виду отчаяннаго положенія своихъ дѣлъ, рѣшается биться съ нами съ удвоеннымъ ожесточеніемъ. Сдѣлано распоряженіе о производствѣ ускореннаго набора войскъ въ Азію. Работы по возведеніи укрѣпленій на пути изъ *Бруссы* въ Эрзерумъ возобновлены. Въ *Трапезунтъ* послана эскадра. Бывшій сердаръ-экремъ, *Мехемедъ-Али-паша*, находится теперь въ *Софіи*. Сюда недавно прибылъ *Адрианопольскій* гарнизонъ въ 18,000 человекъ при 35 орудіяхъ и ходятъ слухи, что *Мехемедъ-Али-паша* скоро посѣтитъ на выручку *Османа-паша* изъ *Плевны*.

Наконецъ было еще блестящее дѣло на прошлой недѣлѣ со стороны румынъ. Послѣ упорнаго боя, 7-го ноября, румыны взяли *Рацово* (къ западу отъ *Искера*, при впаденіи р. *Огуста* въ *Дунай*). Турки отступили, и наша кавалерія, въ соединеніи съ однимъ румынскимъ батальономъ, преслѣдовала ихъ. Рахово занято теперь сильнымъ отрядомъ. Въ это же время румынскія баттарей въ *Ка-лафатѣ* (противъ *Виддина*) потопили турецкій мониторъ.

За симъ изъ *Былграда* извѣщаютъ, что сербскій князь *Миланъ* отправится въ армию въ началѣ будущаго декабрия. Турки уже успѣли принять угрожающее положеніе относительно Сербіи, не смотря на ея нейтралитетъ. Они разбили лагерь въ недалекомъ разстояніи отъ сербской границы.

Въ прошломъ обзорѣ, говоря о Черногоріи, мы упоминали о взятіи черногорцами форта *Суторма*, господствующаго надъ городомъ *Антивари*. За прошлую недѣлю получено извѣстіе, что черногорцы уже взяли штурмомъ *Антивари* и направилась къ *Дульциниано* (это уже дальше къ юго-западу, тамъ, гдѣ материкъ *Албаніи* сильнымъ угломъ вдается въ *Адриатическое море*). Константинопольскія телеграммы, разумѣется, упорно отрицаютъ успѣхъ черногорцевъ. Такъ *Али-Сайибъ-паша* (командующій турецкими войсками на границѣ *Албаніи* и Черногоріи) недавно донесъ изъ *Скутари*, что черногорцы безуспѣшно атаковали укрѣпленія *Кармона*, защищающія дорогу изъ *Антивари* въ *Скутари* и занятія 4,000 турокъ, и что черногорцы, потерявъ 3,000 человекъ, должны были отступить. Съ другой стороны черногорцы на прошлой недѣлѣ взяли фортъ, господствующій надъ *Спицею*. Сама же *Спица* была взята ими прежде. При взятіи *Антивари* черногорцы срыли принадлежавшій къ этому форту *Дербентскій бастионъ* и въ самомъ городѣ большая часть домовъ разрушена бомбардированіемъ. Въ *Антиварійской гавани* теперь уже нѣтъ турецкихъ судовъ.

Политическій интересъ на прошлой недѣлѣ попрежнему сосредоточивался на Франціи. Положеніе дѣлъ здѣсь за прошлую недѣлю нисколько не улучшилось. Въ началѣ недѣли ходили слухи о намѣреніи маршала *Макъ-Магона* подать въ отставку. Вопросъ о спасеніи французскаго общества правительствомъ «нравственнаго порядка» превратился въ мизерный и жалкій вопросъ о «спасеніи самаго маршала». Министры же, спасатели общества, превратились предъ судомъ этого самаго общества въ простыхъ подсудимыхъ. Бюджетная коммисія, имѣющая такое огромное значеніе для политической жизни Франціи, сформировалась изъ однихъ только республиканцевъ, безъ всякаго участія въ ней представителей министерства. Старое министерство пало, *Макъ-Магонъ* безпрекословно принялъ прошеніе министровъ объ отставкѣ и списокъ новыхъ министровъ, помѣщаемый обыкновенно въ «*Journal Officiel*», будетъ готовъ вскорѣ. Въ числѣ министровъ красуются имена довольно неизвѣстныхъ, исключая министра народнаго просвѣщенія *Ватби*, министра финансовъ *Пуйз-Кертъ* и министра торговли *Дюлти-дю-Лома*. Парламентская слѣдственная коммисія намѣрена допытаться въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Наконецъ *Гамбетта* былъ избранъ въ президенты бюджетной коммисіи, при чемъ заявилъ, что онъ и всѣ республиканцы «сохранятъ въ своихъ дѣйствіяхъ строгую законность».

Въ *Берлинѣ* произвелъ большое волненіе случай ареста одного поляка, навлекшаго на себя подозрѣніе въ намѣреніи покуситься на жизнь Императора *Вильгельма* и князя *Бисмарка*. Арестованный сначала сознался было, но затѣмъ отрекся отъ прежняго показанія. Вообще есть мнѣніе, что это дѣло просто мистификація прайдношатающихся и безнравственныхъ людей.

— Съ самаго начала войны число взятыхъ нами въ плѣнъ турокъ доходитъ уже болѣе чѣмъ до 40,000. Ожидаютъ, что общее число плѣнныхъ турокъ, по ожидаемомъ взятіи нами *Шевны* и по окончаніи войны, будетъ доходить у насъ до 200,000. Что намъ съ ними дѣлать.

Въ Восточной Азіи готовится вспыхнуть война между Китаемъ и Сіамомъ. Послѣднее государство въ теченіе 20 лѣтъ отказывалось отправлять пословъ съ данью въ Китай и признавать его верховную власть. Теперь Китайъ требуетъ уплаты всей просроченной дани, между тѣмъ какъ Сіамъ ссылается на свои независимые договоры съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого предстоитъ опасность

*) Въ Карсъ теперь учреждена уже телеграфная станція съ примѣномъ депешъ внутренней корреспонденціи.

**) Движеніе это было съ юго-востока, черезъ р. *Ломъ*, о которомъ уже намъ много разъ случалось говорить.

войны. Китай весьма рѣшительно относится къ этому вопросу со времени смерти Якубъ-хана и полученія извѣстій о русскихъ неудачахъ на театрѣ войны.

Въ свое время мы сообщали о запрещеніи вывоза за границу хлѣба генеръ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія послѣдовало распоряженіе о воспрещеніи изъ портовъ Чернаго и Азовскаго вывоза за границу всякаго рода жизненныхъ припасовъ и продуктовъ продовольствія.

Съ разрѣшенія Главнокомандующаго кавказскою арміею состоялось распоряженіе, что-бы частныя посылки, отправляемыя изъ Россіи на Кавказъ были славяемы на почту вѣсомъ до одного пуда каждая.

Небезынтереснымъ считаемъ сообщить въ дополненіе къ сообщеннымъ уже нами свѣдѣніямъ о предполагающейся постройкѣ моста чрезъ Дунай, что извѣстный строитель моста чрезъ Неву, инженеръ полковникъ Струве, вызванъ на Дунай для участія въ проектированіи моста чрезъ эту рѣку.

Въ день столѣтней годовщины рожденія Императора Александра I, 12 декабря, предполагается въ Москвѣ большое музыкальное празднество въ пользу «Краснаго Креста»; въ Петербургѣ-же празднованіе этого дня предполагается исполнить съ большою торжественностью, подобно тому, какъ праздновался день двухсотлѣтняго юбилея рожденія Петра Великаго.

Въ день хромового праздника, 6 ноября, воспитанники морского училища отказались отъ бала, и деньги, употребляемыя на устройство его, отданы въ распоряженіе «Краснаго Креста».

По почину одного изъ нашихъ агрономовъ у насъ образовалось товарищество съ довольно значительнымъ капиталомъ для устройства въ уѣздахъ великороссійскихъ губерній сѣмянныхъ депо, для продажи крестьянамъ хорошихъ хлѣбныхъ и огородныхъ сѣмянъ. Депо это предполагается начать свою дѣятельность открытіемъ въ скоромъ времени нѣсколькихъ депо въ уѣздахъ С.-Петербургской и въ некоторыхъ смежныхъ съ нею губерній. Недостаточнымъ крестьянамъ предполагается продавать съ уплатой въ разсчетъ за поручительство односельцевъ.

По свѣдѣніямъ министерства путей сообщенія, къ сентябрю наступающаго года, протяженіе открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи составляло 19,164 версты. Протяженіе это имѣетъ увеличиться прибавленіемъ къ нему дорогъ: Риго-Туккумской (отъ

Маиоренгофа до Туккума), 44 версты, Сесторѣцкой,—4 версты и пятаго участка Одесской желѣзной дороги,—36 вер. Кромѣ того въ будущемъ году ожидается открытіе слѣдующихъ желѣзныхъ дорогъ: а) Новгородской 89 в., б) Донецкой 477 вер. и в) Сумской 223 в.; по приблизительнымъ разсчетамъ, открытіе должно послѣдовать: первой дороги—23 апрѣля, второй—29 іюля и послѣдней—26 сентября 1878 года. За сѣмъ, какъ слышно, всенюгъ должны начаться усиленные работы по соединенію рельсовымъ путемъ потифлискаго желѣзной дороги съ владикавказско-ростовскою, если притомъ къ этому времени окончатся военныя дѣйствія. Соединительная линія начнется у города Гори и пройдетъ по Лиаховской долинѣ.

Обращаемъ вниманіе читателей на то, что херсонское губернское собраніе передъ своимъ закрытіемъ постановило ходатайствовать о перенесеніи губернскаго центра изъ Херсона въ городъ Одессу. Чѣмъ вызывается необходимость такого ходатайства—сказать пока трудно.

Изъ постановленій земскихъ собраній Вятской губерніи видно, что хлѣба для продовольствія на слѣдующій годъ, не хватить на всѣ уѣзды губерніи, и суды потребуются тѣмъ значительное, чѣмъ меньше какой уѣздъ въ нихъ прежде нуждался. По Малмыжскому уѣзду потребуется суда въ 345,000 р. по Яранскому въ 60,000 р. Глазовскому 40,000 р. Елабужскому въ 25,000 р. Самая огромная и небывалая доселѣ нужда въ хлѣбѣ падаетъ на Уржумскій уѣздъ. Суда на него потребуется въ размѣрѣ 800,000 пуд. ржи на сумму 560,000 р. считая по 70 к. за пудъ, и на обмѣненіе полей будущей весной ося 625,000 пуд. на 437,000 р. (по 70 к. пудъ); всего на сумму 997,000 р. А такъ какъ въ наличности таковой суммы не имѣется, то жумское собраніе пришло къ заключенію обратиться съ ходатайствомъ объ отпускѣ изъ государственнаго продовольственнаго казначейства нужной суммы, съ уплатой по частямъ въ теченіе 3 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Осень (стихотвореніе) (съ рисункомъ) С.—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть третья. (Продолженіе).—Фотографическія нарточкі изъ альбома гвнермантин. Бабушкинъ милліонъ Е. Щепной.—Геройская смерть маіора Горталова (съ рисункомъ)—Битва при Горномъ Дубинѣ (съ рисункомъ).—Генераль-лейтенантъ И. Д. Омлобю (съ портретомъ).—Передъ дуэлью (съ рисункомъ) Я.—Минареть Ташфте въ Эрзерумѣ (съ 2-мя рисунками).—Развалыи замка.—Арменія (съ картой).—Переходъ русской артиллеріи чрезъ Рѣшлицу (съ рас.).—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ: ПТИЦЕВОДСТВО.

№ 37

Прагматичное наставленіе на домашнихъ сорокалѣтнихъ опытныхъ занесоль (1834—1874) настоящей русской птицеводки о самомъ правильномъ и вполнѣ практичномъ разведеніи и содержаніи всякой дворовой птицы. Сост. Ар Арбашевъ. Спб. 1877 года. Ц. 75 к., съ перес. 90 к., въ папѣ 1 р.

КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО.

Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ древесныхъ и травянистыхъ растений. Изданіе 2-е, значительно исправленное и дополненное.

Спб. 1877 г. 104 стр. Ц. 60 к., съ перес. 75 коп.

Кто не любитъ цвѣтвъ? Въ рѣдкомъ домѣ, въ рѣдкой квартирѣ можно не встрѣтить горшка-другого какого-нибудь такъ-называемаго комнатнаго растения. Но какъ рѣдко въ то же время можно встрѣтить эти растения роскошно растущими и цвѣтущими, и какъ часто они поражаютъ своимъ плачевнымъ и жалкимъ видомъ! Все зависитъ отъ ухода за растеніями, отъ умѣнья обращаться съ ними. Чѣмъ растеніе росло и цвѣло, надо знать его требованія, прихоти, а они очень разнообразны. Одно растеніе требуетъ такой земли, другое—другой; одно любитъ частую поливку, другое она вредна; одно требуетъ теплоты и солнца, другое нуждается въ прохладѣ и тѣни. Поэтому, кто хочетъ имѣть хорошія комнатныя растенія, тотъ долженъ умѣть обращаться съ ними. Въ этомъ отношеніи и могутъ быть полезны такія наставленія относительно разведенія и воспитанія комнатныхъ растений, какъ изданное „Комнатное цвѣтководство“, въ которомъ изложены нужныя правила ухода за всѣми почти болѣе или менѣе часто встрѣчающимися въ домахъ растеніями. (Смъ Отечественн., 1877 года № 110).

Продается у книгопродавца И. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой Улицѣ, въ домѣ пажескаго корпуса, противъ гостиннаго двора.

ПОДПИСКА

1

НА СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ. 1878 года,

ежедневную газету политическую, литературную и юридическую. „СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ будетъ издаваться въ 1878 году на прежнихъ основаніяхъ и по прежней программѣ, при ближайшемъ сотрудничествѣ В. Ѳ. Корша.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ РОССИИ:

	Безъ доставк.	Съ доставкой, съ перес.	Безъ доставк.	Съ доставкой, съ перес.
На годъ	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.	19 р. — к.
» 11 м.	13 „ 75	15 „ —	16 „ 5	18 „ 75
» 10 „	13 „ —	14 „ —	15 „ 5	17 „ 25
» 9 „	12 „ —	13 „ —	14 „ 3	16 „ 5
» 8 „	10 „ 50	11 „ 75	13 „ 2	15 „ 50
» 7 „	9 „ 25	10 „ 50	12 „ 1	14 „ 75

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ „СѢВЕРНАГО ВѢСТНИКА“ (Малая Садовая, 2) и въ книжномъ складѣ типографіи М. Стасюлевича (В. О., 2 л, 7); въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (Страстной бульваръ, д. Алексѣева).

Подписка считается не иначе, какъ съ 1 числа каждой мѣсяца. Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ вазначеевъ, или по соглашенію съ главной конторой; для неслужащихъ—по личному или письменному соглашенію съ главной конторой (Малая Садовая, 2).

Главный складъ для всей Россіи С. — Петербургъ

уголь Инно-лаевской и Невскаго пр. № 71—2.

О МАЛЬЦѢ ЭКСТРАКТНОМЪ-ПИВѢ.

Вохнія. За прилагаемые 28 гуд. 10 кр. извольте выслатъ мѣзъ 28 бут. мальца-экстракта. 1 е. шоколаду и на остальные грудные мальца-конфекты. Кнестль, чиновникъ.

Цѣна за 6 бут. 1 р. 98 к.—13 бутъ 3 р. 99 к.—35 бут. 9 р. 99 к.—Для отпраздненій въ провинціи ящикъ съ упаконк. (кромѣ пересмаки) 33 бут. 10 р. 80 к.—70 бут. 21 р. 10 к.

О МАЛЬЦѢ-ЭКСТРАКТНЫХЪ ГРУДНЫХЪ КОНФЕНТАХЪ

Цѣна 1 мѣшка 50 к.—5 1/2 мѣшк. 2 р. 50 к.—11 мѣшк. 5 р.—23 мѣшк. 10 р.

О МАЛЬЦѢ-ЭКСТРАКТНОМЪ ШОКОЛАДѢ.

Одрау. Вашъ мальца шоколадъ для здоровья прощу васъ прислатъ мѣзъ ныѣжь съ почтовымъ поводомъ 10 фун. № 1. Матвѣй Гауснеръ.

Защц. Вслѣдствіе сдѣланнаго съ успѣшной пользою испытанія фабрика вашего, прощу васъ выслатъ мѣзъ 5 фун. мальца-шоколада для здоровья. Медицини д-ръ Карлъ Валлеръ, городской врачъ.

Штудельессанбургъ. Прощу васъ прислатъ мѣзъ 5 фун. шоколаду и 1 коробку грудныхъ мальца-конфеотъ. Леонъ Франкъ, общинный нотаріусъ.

Цѣна за 1 фунтъ 1 р. 90 к.—5 1/2 е. 9 р. 50 к.—11 е. 19 р.—22 е. 38 р.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ КНИЖ. СКЛАДѢ Г. СТАСЮЛЕВИЧА В. О. 2 л. № 7, ВЪ РУС. КН. ТОРГОВ. Г. ПOKPOBCKAГО, НЕВСКІЙ № 42., ВЪ МОСКВѢ У Г. КОШКИНА. НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ“ 1

22 рис. въ текстѣ и 6 отд. картинъ.

Содержаніе: Соль. Сахаръ. Бумага. Чай. Хлопокъ. Иголка. Жилце. Рись. Собаки (стихотвореніе). „Джорджъ Роллестонъ“ (разсказъ). Цѣна 1 р. 50 к., въ красномъ переплетѣ 2 р., въ папкѣ 1 р. 75 к. Обращающіеся въ складъ за пересылку не платятъ № 36

Складъ изданія: Цоварской пер. д. № 2 кв. № 14. К. В. Назаровой.

ИСТОРИЯ ГРЕЦІИ И РИМА 2 по преимуществу внутренней жизни. Соч. Андреа Тачена цѣна 2 ч. 2 руб. Отаны 1876 г. Спб. В. № 63, Голицы 178, Нов. Вр. 30, Вирж. Вѣд. 94, Женское Обр. 1—2, Нед. Муз. 8, Нед. 13—14, Дѣт. Садъ 5—6. 1877 г. Ж. М. Н. Просв. № 3.

При этомъ № предлагается для гг. ингор. подписч. 1) объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ и 2) отъ редакціи газета «Русскій Миръ» въ С.-Петербургѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 48

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Изданъ 28 Нювбра 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлительно возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особен-ности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23.500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.
Просимъ высылать редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.	„НИВЫ“ на 1878 г.	Безъ доставки въ Пбургъ.	4 р.	Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ	5 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЕЩАЕТСЯ ВЪ С-ПБУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшіяся получаютъ журналъ съ перваго номера со всіми преміями.

Генераль-маіоръ Ю. А. Лошкаревъ, командиръ 9-й кавалерійской дивизіи.

На страницахъ „Нивы“, въ отдѣлѣ ея политическихъ и военныхъ извѣстій за текущій 1877 г. уже не разъ упоминалось имя генерала Лошкарева и кромѣ того въ № 41 былъ помѣщенъ на страницѣ 660 рисунокъ, изображающій форсированную рекогносцировку мѣстности въ долинѣ рѣки Вида, произведенную подъ начальствомъ Юрія Александровича Лошкарева. Въ послѣднихъ военныхъ событіяхъ на Дунаѣ, именно при взятіи нашими войсками Горнаго Дубняка и Телиша, снова не разъ упоминается о дѣйствіяхъ кавалеріи подъ начальствомъ генерала Лошкарева. Такъ, напри-мѣръ, кавалерія эта имѣла участіе въ битвѣ подъ Плевной съ 26-го по 31 августа, когда ей было приказано идти черезъ Рыбинъ къ с. Дольній Дубнякъ на Софійское шоссе въ тылъ неприятелю.

10-го сентября, когда турки сдѣлали наступленіе въ направленіи отъ Горнаго Дубняка къ Дольнему Дубняку, угрожая такимъ образомъ корпусу генерала Крылова, тогда кавалерія генерала Лошкарева оказала упомя-тому корпусу помощь, на-

правившись по дорогѣ къ Телишу, въ тылъ непріятеля. Въ послѣдней же битвѣ 24-го октября у Горнаго Дубняка, генераль Лошкаревъ съ кавалеріей стоялъ по ту сторону Вида; артиллерія его была расположена уступообразно на высотахъ Курчи-вицы. Изъ всего выше-упомянутаго видно, что обстоятельства настоящей войны поставили генерала Юрія Александровича въ самомъ, такъ сказать, первенствующемъ центрѣ военныхъ дѣйствій, на которыхъ въ настоящее время обращено вниманіе не только всей Европы, но всего образованнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, кто же теперь не интересуется положеніемъ дѣлъ въ центрѣ настоящей войны, кто не спрашиваетъ о дѣлахъ подъ Плевной?

Но интересуясь такимъ образомъ совершающимися событіями подъ Плевной и созная ихъ громадное значеніе въ военномъ и политическомъ отношеніи, читатели, конечно, не могутъ не интересоваться тѣми дѣятелями, которые такъ или иначе участвуютъ въ ходѣ этихъ событій. Къ числу такихъ дѣятелей, само собою понятно, относится и гене-

Генераль-маіоръ Ю. А. Лошкаревъ, ком. 9 кавалерійской дивизіи. отогр. рис. Мукаровскій, грав. Мара.

раль-майоръ Юрій Александровичъ Лошкаревъ, командующій девятой кавалерійской дивизіей.

Нужно замѣтить между прочимъ, что фамилія Лошкаревыхъ издавна занимаетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ извѣстныхъ русскихъ фамилій. Предокъ Лошкаревыхъ, именно Сергій Лазаревичъ Лошкаревъ въ прошломъ столѣтіи занималъ дипломатическій постъ въ Царьградѣ. Онъ игралъ роль при заключеніи Императрицею Екатериною мира съ Турціей въ Яссахъ.

Юрій Александровичъ Лошкаревъ былъ произведенъ изъ камеръ-пажей корнетомъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ 14-го августа 1847 года. Изъ этого полка онъ въ 1863 году былъ назначенъ полковымъ командиромъ 4-го Драгунскаго Екатеринославскаго имени блаженной памяти Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны полка. Съ этимъ полкомъ Юрій Александровичъ участвовалъ въ многочисленныхъ дѣлахъ противъ инсургентовъ во время польскаго возстанія. Такихъ дѣлъ признано считать за полкомъ болѣе шестидесяти, и на сколько драгуны показали себя заслуживающи-

ми наградъ, видно изъ того, что Георгіевскихъ крестовъ ими получено за эти дѣла болѣе ста, не считая другихъ наградъ, полученныхъ офицерами, нѣкоторыми даже по двѣ и по три; самъ же полковой командиръ удостоенъ былъ ордена Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ.

Въ 1868 г. Юрій Александровичъ произведенъ въ генералы и назначенъ былъ въ одесскій военный округъ въ 47 кавалерійскую дивизію. Служа въ этой дивизіи, Юрій Александровичъ завѣдывалъ казачьими полками, для требовавшегося въ то время ихъ преобразованія. За пять лѣтъ его завѣдыванія преобразованиемъ этихъ полковъ девять изъ нихъ были представлены въ блестящемъ видѣ Его Императорскому Величеству. Въ 1872 г. Юрій Александровичъ удостоенъ награды, орденомъ Анны 1-й степени. Съ 1876 года назначенъ командующимъ девятою кавалерійскою дивизіею (былъ предварительно въ теченіи года ея бригаднымъ командиромъ) и въ настоящее время находится съ этою дивизіей, въ составѣ нашей дѣйствующей арміи на Дунаѣ, именно въ девятомъ армейскомъ корпусѣ

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

V.

Вѣсть о помолвкѣ Императора быстро облетала всю Москву. Всюду, отъ дворца до самаго бѣднаго домика только и толковали, что объ этой предстоящей свадьбѣ. Ненависть къ Долгорукимъ дошла до послѣдней степени, но теперь было не время проявляться этой ненависти и всѣ ее затаили, всѣ прикрывали ее видомъ любезности и почтительности. Однимъ словомъ точь въ точь повторялось все, что уже было въ послѣдніе дни Меншиковскаго величія.

Баронъ Андрей Ивановичъ не меньше другихъ пораженный и опечаленный рѣшеніемъ Императора, теперь зналъ уже навѣрное что Долгорукихъ ожидаетъ страшная судьба, только еще не могъ придумать какъ произойдетъ она. Онъ удвоилъ знаки дружбы и почтительности къ Алексѣю Григорьевичу, а молодому Императору ни о чемъ и не заикнулся, поздравляя его въ самыхъ утонченныхъ выраженіяхъ.

— Андрей Ивановичъ, проговорилъ Петръ, что жъ ты мнѣ больше ничего не скажешь? Чтожъ ты одобряешь мой выборъ? Скажи чтонибудь, Андрей Ивановичъ.

— Ваше величество ужъ вышли изъ тѣхъ лѣтъ, когда мой голосъ могъ и долженъ былъ имѣть значеніе при вашихъ рѣшеніяхъ. Вы сами одарены разумомъ, знаете что дѣлаете, и я только могу принести вамъ мое всеподданнѣйшее поздравленіе.

Ничего больше Императоръ не добился отъ Андрея Ивановича.

19 ноября нѣкоторымъ особамъ, въ томъ числѣ канцлеру графу Головкину и Остерману, приказано было ливиться въ домъ князя Алексѣя Долгорукаго и тамъ при нихъ Петръ объявилъ о томъ, что вступаетъ въ бракъ съ княжпой Катериной. Въ лицѣ его не было ни кровинки, когда онъ произносилъ страшныя для него слова. Онъ дѣйствовалъ какъ будто безсознательно, повторялъ словно не свои, а чужія и только заученныя имъ на память рѣчи. Невѣста его тоже не показывала никакихъ признаковъ счастья и веселья: исполнялся обрядъ необходимый—и только. Государь пробылъ въ домѣ Долгорукихъ еще съ часъ времени и затѣмъ уѣхалъ. Но всѣ ясно слышали какъ передъ отъѣздомъ онъ обратился къ Остерману и сказалъ ему:

— Андрей Ивановичъ, распорядись, сдѣлай милость, чтобы къ цесаревнѣ Елисаветѣ былъ отправленъ гонецъ въ Покровское, (она послѣдніе мѣсяцы жила въ деревнѣ). Пусть она пріѣзжаетъ сюда, я непременно хочу ее видѣть.

Послѣ этихъ словъ многіе переглянулись. Иные изъ Долгорукихъ даже смутились сильно. Но Алексѣй Гри-

горьевичъ думалъ: „нѣтъ, теперь ужъ кончено, теперь никто и ничто не вырветъ его изъ рукъ нашихъ“.

Герцогъ де-Лириа, присутствовавшій при этомъ, предположилъ, что царь намѣренъ выдать Елисавету за Ивана Долгорукаго, а если она откажется, то онъ ей предложитъ монастырь. Но герцогъ де-Лириа во время своего пребыванія при дворѣ московскомъ дѣлалъ не мало разныхъ неосновательныхъ предположеній.

Какъ бы то ни было, царь уѣхалъ изъ дома Долгорукаго; а за нимъ скоро поднялись и всѣ приглашенныя.

Пропаясь съ хозяевами, всѣ разсыпались передъ ними въ любезностяхъ, толковали о чувствахъ своего глубочайшаго почтенія и уваженія, ввѣряли себя въ милость новой родни Государевой. Когда всѣ разъѣхались, да и сами Долгорукіе разошлись по своимъ покоямъ, къ княжнѣ съ самымъ таинственнымъ видомъ подошла одна изъ ея камеристокъ.

— Княжна, матушка, государыня моя милостивая, нужно мнѣ тебѣ сказать слово одно тайно, шепнула она.

— Что такое, Любаша?

Любаша боязливо оглянулась во всѣ стороны, но ни кого по близости не было. И она всунула въ руку княжнѣ маленькую записочку. Та сразу поняла отъ кого эта записка и жадно прочла ее. Графъ Милезимо въ страшномъ отчаяніи писалъ княжнѣ, что онъ услышалъ невѣроятную, невозможную новость, что не хочетъ вѣрить ей, что непременно, непременно долженъ видѣть княжну—и скорѣй, сейчасъ же, что онъ ждетъ ее за угломъ сада и будетъ ждать тамъ всю ночь, хотъ замерзнетъ.

— Точно онъ тамъ? спросила княжна Любашу.

— Тамотко, викакъ часа три стоитъ, съ мѣста не трогается. Будетъ, что ли, отвѣтъ какой, государыня—я сбѣгаю, снесу.

— Пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ въ спальню, быстро заговорила княжна. Принеси мнѣ тихонько свою шубку.

Любаша принесла ей шубку, она ее надѣла, закутала себѣ голову и почти все лице платкомъ, Любашу оставила въ спальнѣ и велѣла ей покрѣпче запереть дверь, а сама тихонько, темными корридорами выбралась изъ дому.

Снѣгъ давно уже выпалъ и послѣдніе дни морозило. Ночь была темная, зги не видно. Съ сосѣднихъ дворовъ лаяли собаки. Тихонько, на каждомъ шагѣ останавливаясь и прислушиваясь, добралась княжна до садовой калитки. Осторожно отворила ее и пустилась по знакомой дорожкѣ. Снѣгъ не расчищенъ, въ башмаки забирается; вѣтеръ уныло свиститъ надъ головою; деревья черныя, какъ мертвецы стоятъ. Качаются сухіе сучья и стучатъ они другъ о друга словно кости. Да

и весь этот садъ кладбищемъ кажется, такъ страшно въ немъ, такъ холодно, такъ тоскливо. Но ничего этого не видитъ и не замѣчаетъ княжна Катюша. Спѣшитъ она къ садовой рѣшеткѣ. „А! Онъ здѣсь, думается ей, онъ пришелъ, пришелъ крадучись, какъ заяцъ какойнибудь. Только опоздалъ.“

И она все спѣшитъ и вотъ наконецъ у ограды.

— Здѣсь ты? шепнула она.

А онъ ужь разслышалъ въ тишинѣ и темнотѣ ея голосъ. Онъ ужь перелѣзъ черезъ ограду. Вотъ онъ съ нею. Онъ рыдаетъ, онъ говоритъ ей:

— Дорогая моя, правда ли что я слышалъ? нѣтъ вѣдь, быть не можетъ. Неужели ты мнѣ измѣнила? Неужели ты промѣнила любовь мою на земное величіе. Не сама ли сто разъ говорила, что не сдѣлаешь этого, что безъ меня жить не можешь. Что жъ это такое? Скажи ради Бога, скажи мнѣ всю правду. Вѣдь обманули меня, солгали вѣдь—ничего этого нѣтъ... не было? Не будетъ?

И онъ простираетъ къ ней свои руки. Онъ силится обнять ее—но она его отталкиваетъ.

— Подальше, графъ, подальше—я не твоя, я чужая невѣста.

— Что жъ это... такъ это правда?

— Да, это правда, отвѣчаетъ она мрачнымъ голосомъ, правда. Я выйду замужъ за царя. Я буду царицей и ты меня никогда больше не увидишь. Пришла я проститься съ тобой.

— Охъ! Ужъ лучше бы не приходила. Погубила меня, а теперь еще хочешь посмотрѣть что со мной стало, хочешь издѣваться надъ моими муками лютыми. Видно никогда въ тебѣ не было сердца, видно ты всегда только смѣялась надо мною и меня обманывала!..

— Нѣтъ, я не смѣялась надъ тобой, тихо шептала княжна, я тебя не обманывала. А вотъ ты такъ страшно обманулъ меня. Я тебя любила всей душой своею, я для тебя готова была принести всякія жертвы, отъ всего отказаться, бросить родныхъ, родину, богатство. Все бросить, все забыть, я тебѣ сто разъ—какъ ты самъ говоришь—это повторяла. Я просила тебя, умоляла увести меня, взять меня съ собою, скрыться. Всякую долю бы приняла я какъ счастье; въ лачужкѣ бѣдной, въ лохмотьяхъ была бы радостна, жила бы однимъ тобою. Вотъ какъ я тебя любила! А любить тебя такъ не слѣдовало. Ты даже и не понималъ любви моей, и не оцѣнилъ ее. Видно и вразуму думаешь ты что лучше и прекраснѣе тебя нѣтъ человѣка на всемъ свѣтѣ, что такъ вотъ мы бѣдные и должны по тебѣ сохнуть!..

Проговоривъ это, вся дрожа и задыхавшись, она вдругъ захохотала дико и страшно,

— Господи! за что такія слова ужасныя, или я не любилъ тебя? Я кажется ничѣмъ не заслужилъ подобныхъ упрековъ. Если бъ звала ты, что теперь со мною дѣлается, не знаю какъ переживу я это, что мнѣ за жизнь безъ тебя. Убью себя, застрѣлюсь—вотъ чѣмъ я кончу!

— Пустое, горько отвѣтила Катерина Алексѣевна,—пустое! Не убьешь себя, не застрѣлишься—завтра же успокоишься. На словахъ—да, ты точно любилъ меня, а я дура вѣрила. На словахъ все можно, а вотъ какъ до дѣла дошло—что-жъ ты такое сдѣлалъ? чѣмъ доказалъ мнѣ любовь свою? Если бъ любилъ ты меня хоть на половину такъ какъ я тебя любила, такъ давно бы мы были неразлучны съ тобой. Давно бы ты нашелъ способъ такъ или иначе отнять меня, увести меня. Никому бы ты меня не отдалъ. Ну, а... ты что же сдѣлалъ? Вѣдь я писала тебѣ что пора пришла, что нѣсколько дней еще, быть можетъ,—и все кончено—ты даже ничего не отвѣчалъ мнѣ.

— Да какъ же? Съ кѣмъ же, что я могъ тебѣ отвѣтить?!... въ отчаяніи метался графъ Милезимо, что могъ я сдѣлать? какъ увести тебя? за нами бы погна-

лись, тебѣ бы все равно отъ меня отняли. Я говорилъ шурину. Признался во всемъ ему, просилъ помочь мнѣ, онъ отказался. Онъ сказалъ что не можетъ ввязаться въ эту исторію, что изъ нея выйдутъ такія послѣдствія какихъ допустить никакъ невозможно.

— А, такъ ты испугался послѣдствій, ты внималъ совѣтамъ благоразумія! Если бъ ты любилъ меня, ни о чемъ объ этомъ ты не подумалъ бы, а только сдѣлалъ бы свое дѣло, а тамъ... что Богъ дастъ. Ну такъ успокойся же теперь—благоразуміе восторжествовало. Теперь ужь никакой исторіи не выйдетъ. Успокойся, да и успокой своего шурина. Скажи графу Вратиславу, чтобы онъ ничего не боялся, а я къ вамъ на вѣки пребуду благосклонна. И къ тебѣ буду благосклонна.... только издали. Теперь ужь не время мнѣ встрѣчать тебя и говорить съ тобою—я невѣста Императора. Совѣтую тебѣ уѣхать на родину, тамъ найдешь себѣ благоразумную невѣсту, а обо мнѣ забудь. Я далеко отъ тебя... и высоко—меня теперь не достанешь!..

Милезимо стоялъ передъ нею неподвижно съ опущенной головою. Но вотъ онъ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, заговорилъ онъ,—нѣтъ, теперь я тебя понимаю, ты меня никогда не любила; чтобы скрыть измѣну свою ты теперь вонъ какія хитрыя рѣчи придумываешь: всю вину на меня складываешь. Только мнѣ все ясно! Тебя прельстили почести, ты захотѣла быть императрицей.—отъ того и отъ меня отказалась, а не захотѣла бы—никто бы тебя не принудилъ: сама вѣдь не разъ говорила...

— Ну хорошо, ну да: я захотѣла быть императрицей. Я отъ тебя отказалась, потому что нашла тебя слишкомъ ничтожнымъ, ну и успокойся на этомъ и прощай!

— Боже мой! Да какъ же я теперь останусь, что я безъ тебя буду, вдругъ зарыдалъ онъ какъ ребенокъ, обнимая ее.

Она снова захотѣла оттолкнуть его, но не нашла въ себѣ силы и сама къ нему прижалась и сама горько заплакала.

— Отойди отъ меня, уйди, уйди! Оставь меня въ покоѣ. Не растравляй меня—силъ моихъ нѣту, твердила она, какъ безумная заливаясь слезами. Говорю тебѣ что поздно. Не хватило у тебя силы взять меня, такъ чтожъ теперь—значитъ суждено такъ.

Но вдругъ поднялось въ ней прежнее раздраженіе и она остановила свои слезы и оттолкнула отъ себя Милезимо и снова начала твердымъ и спокойнымъ голосомъ.

— Ахъ я глупая, расплакалась, ну да это въ послѣдній разъ. Устала я, ослабѣла—вотъ и плачу, а не подумай ты что по тебѣ эти слезы. Нѣтъ! Знай ты теперь, что я ужь не люблю тебя, потому что ты не стоишь любви моей. Я не могу любить такого человѣка, какъ ты, потому что ты трусъ, ты тряпка, ты не мужчина—ты баба. Моего теперешняго жениха люблю больше. Онъ больше тебя стоитъ любви—въ его рукахъ сила. А я могу любить только сильнаго. Прощай и совѣтую тебѣ позабыть обо мнѣ, какъ я о тебѣ позабуду, прощай,—что жъ ты стоишь? Уходи отъ меня, уходи!..

И она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ.

Онъ кинулся за нею, онъ ловилъ ее за полы шубки. Онъ молилъ ее хоть минутку остаться съ нимъ, простить его, сказать ему, что она его любитъ. Но она его не слушала, она отнимала отъ него свою шубку, она бѣжала отъ него. Онъ стоналъ, онъ волочился за нею, но она вырвалась и побѣжала. И казалось ей что смерть обступила ее со всѣхъ сторонъ. Увидѣла она теперь, что бѣжитъ черезъ огромное кладбище, мертвецы—великаны черные простираютъ передъ нею свои костлявыя руки и стучатъ костями и хохочутъ.

Въ какомъ то чаду, въ бреду какомъ то приближала она къ себѣ и въ изнеможеніи бросилась на постель.

VI

Прошло двѣ недѣли. День назначенный для обрученія Императора и княжны Долгорукой приближался. Государыня невѣста была перевезена въ роскошный голвинской дворецъ, гдѣ должна была пребывать вплоть до свадьбы. Петръ съѣздила въ Новодѣвичій объявить бабушкѣ о своей женитьбѣ. Онъ засталъ старую царицу слабой, больной. Она уже не рѣшилась говорить съ нимъ откровенно, давать ему совѣты. Молча выслушала его рѣшеніе, сухо поздравила его и поблагодарила, что ее не забылъ — самолично извѣститъ пріѣхалъ. Петру было сначала очень *неловко*, потомъ стало

грустно, тяжело на сердцѣ. Какое то мимолетное чувство мелькнуло въ немъ къ бабушкѣ. Все же она своя, родная, а въ послѣднее время вѣдь онъ какъ есть одиночекъ, кругомъ все чужіе. Вотъ еще минута, другая и можетъ

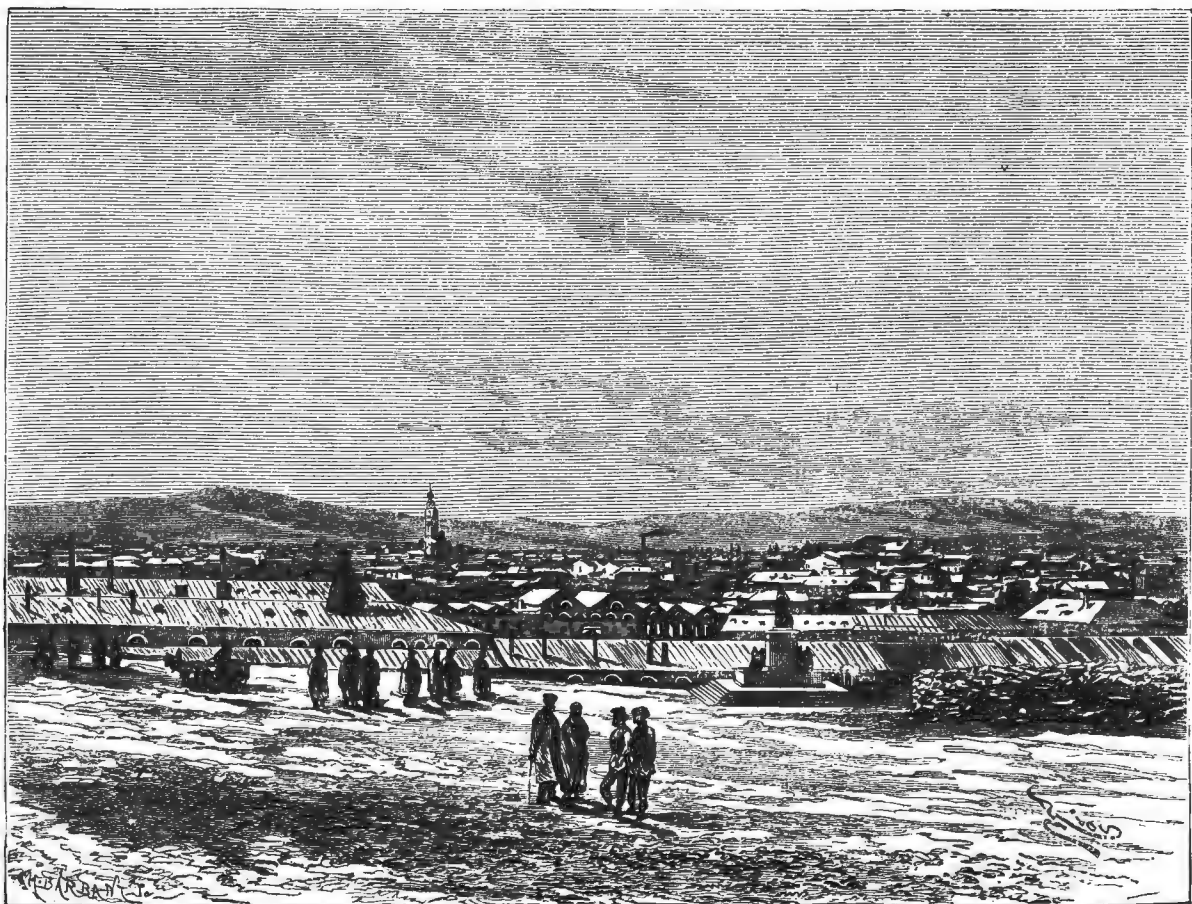
быть онъ бросится бабушкѣ на шею и горько заплачетъ и откроетъ ей свою душу. Онъ пристально взглянулъ на нее, но ея старое лицо такъ сухо, холодно, не видно въ немъ ни любви, ни ласки, чуждѣй юный Императоръ и она сама показала ему чужою, ненужною, не сказалъ онъ ей ничего и простясь съ ней уѣхалъ.

По Москвѣ шли большія приготовления къ предстоящему празднеству. Всѣ хлопотали о томъ, чтобъ какъ нибудь не ударить лицомъ въ грязь, и явиться въ полномъ блескѣ; особенно волновались иностранцы и резиденты, имъ слѣдовало достойнымъ образомъ представить своихъ монарховъ, которымъ они посла-

ли по этому случаю длиннѣйшіе счета и реестры покупокъ. „Въ этой странѣ все невѣроятно дорого, а роскошь здѣсь такая, какой никогда еще не видывали въ Европѣ“, писали они, оправдывая свои чрезырныя траты.

Разработка желѣзныхъ рудъ въ Нижне-Тагильскѣ.
Съ фотографіи рис. Ріу, грав. Д. Ллантъ.

Общій видъ Нижне-Тагильска. Съ фотографіи рис. Ріу, грав. К. Барбантъ.

Охота на зайца по первому снегу. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Шпехтъ.

Въ головинскомъ дворцѣ съ утра и до вечера не затворялись двери. Весь городъ спѣшилъ явиться къ новой государевой роднѣ и удостоиться чести поцѣловать руку у государыни невѣсты. И государыня невѣста обязана была всѣмъ доставлять честь эту. Она выходила къ гостямъ спокойно, съ гордой осанкой и обдавала всѣхъ величіемъ и холодомъ. Въ ней невозможно было узнать недавнюю рѣзвуху Катюшу—такъ она измѣнилась, такъ вошла въ новую роль свою.

Но не смотря на видимое спокойствіе, тяжелая, мучительная борьба совершалась въ сердцѣ Катюши. Только не впускала она никого въ свой внутренній міръ, ни съ одной живой душой не подѣлилась своими муками; вмѣстѣ съ тоскою, вмѣстѣ съ страданіемъ росла и ея гордость. Она теперь окончательно прониклась познаниемъ своего пресихотства надъ окружающими ее людьми. Они казались ей такими мелкими, ничтожными, всѣ они годились только на то, чтобъ кланяться передъ нею, ловить ея гордые взгляды, каждое ея небрежно брошенное слово. И она стояла въ сторонѣ отъ всѣхъ со своимъ разбитымъ, никому невѣдомымъ сердцемъ. Она нашла въ себѣ силу въ тотъ недавній страшный вечеръ оттолкнуть отъ себя графа Милезимо, убѣжать отъ него, но силы скоро ее оставили. Среди новой жизни, въ которую она попала, среди этого величія, дѣйствовавшего на нее какъ то раздражительно, она понимала все яснѣе и яснѣе что у нея на всемъ свѣтѣ было одно только сокровище, и сокровище это теперь отнято, уничтожено. Еслибъ можно было вернуть старое, она никогда бы не оттолкнула отъ себя Милезимо. „Чтожь, что онъ робокъ, нерѣшителенъ, что онъ даже трусъ можетъ быть, что жъ такое—все же она его любитъ, все же въ этой любви только и было ея счастье. И какое счастье!

Каждую минутою ей нужно было дорожить, каждая минута дороже всего этого блеска. Зачѣмъ она отказалась сама отъ послѣдней минуты и неужели никогда она больше ужъ не увидитъ своего друга. Она оскорбила его, онъ не придетъ. Но нѣтъ, нужно вернуть его, нужно хоть разъ его увидѣть. И вотъ она зоветъ свою вѣрную Любашу, которая цѣлый годъ передавала Милезимо ея письма.

— Любаша, голубушка, говоритъ она,—и передъ этой простею дѣвушкой нѣтъ въ ней той гордости, нѣтъ той величественности, что трепетомъ и волненіемъ обдаетъ теперь русскихъ сановниковъ, ищущихъ милости будущей государыни—Любаша, говоритъ она, сослужи мнѣ послѣднюю службу...

— Все, что прикажешь, государыня. Сейчасъ хоть умру—знаешь только подай!

— Зачѣмъ умирать, печально отвѣчаетъ Катюша. Поди вотъ, снеси эту записочку и отвѣтъ принеси мнѣ. И она дрожащей рукою пишетъ.

„Завтра обрученіе, все кончено, хочу проститься съ тобою; Любаша скажетъ остальное.“ А вдругъ оскорбленный, отверженный ею, считающій ее измѣнницей—онъ не придетъ?!

— Отвѣта дождись, Любаша, отвѣтъ мнѣ нуженъ скорѣй. Не доживу, не дождусь тебя, я кажется. Скорѣй, лети какъ вѣтеръ. И она начинаетъ шептать ей что то. Понимаешь, понимаешь, Любаша?

Любаша качаетъ утвердительно головою и говоритъ:

— Все можно, все сдѣлаю, государыня.

И летитъ она какъ вѣтеръ, но все же далеко это, все же нужна и опаска. Часъ прошелъ, другой начался, нѣту отвѣта. Но вотъ кто то стукнулъ въ двери. Она, Любаша!

— Что, что? только глазами спрашиваетъ ее княжна Катерина, а языкъ ужъ не слушается, не можетъ произнести ни слова.

— Вотъ, государыня, вотъ прочти.

Она читаетъ: «Буду живой или мертвой».

„Въ полночь, какъ долго еще, какъ страшно долго!“

А тамъ, въ парадныхъ покояхъ ее ждутъ, за ней ужъ послали. Тамъ снова гости: вавилонское столпотвореніе.

И княжна идетъ все сіяя брилліантами и изумрудами, волоча за собою длинный шлейфъ бѣлаго атласнаго платья, затканнаго золотыми разводами. Она проходитъ рядъ комнатъ, царственно клапается на всѣ стороны; за нею слѣдуетъ шопоть, но не одинъ восторгъ только слышится ей въ этомъ шопотѣ. Она знаетъ, понимаетъ сколько собралось здѣсь тайныхъ враговъ, завистниковъ и завистницъ ея величія. Но некогда ей теперь думать объ этомъ. Ждетъ она, не дожидется урочнаго часа. Вотъ скоро одиннадцать, скоро всѣ разоидутся и будетъ она свободна.

Она говоритъ матери, что нездорова, что должна лечь. Извѣстіе объ этомъ быстро оббѣгаетъ всѣ комнаты. Гости спѣшаютъ убраться, залы пустѣютъ. Вотъ и родные разошлись, пріѣхавшіе дядя уѣхали. Она простилась съ ними и скрылась въ опочивальню. А тамъ Любаша ужъ ждетъ ее.

— Готово, все устроила. Вотъ поможетъ, никто ничего не узнаетъ.

— Ну такъ живѣй, живѣй!

Любаша исчезаетъ. За воротами дожидается ее кибитка. Плотнo закутавшись въ шубку и совсѣмъ закрывъ лицо свое садится она въ кибитку. Кучеръ гаркнулъ на лошадей, онѣ мчатся. Прошло полъ часа. Къ той же пустой сторонѣ головинскаго дворца опять подѣхала та же кибитка, но изъ нее вышла ужъ не одна Любаша, изъ нее вышелъ еще кто то. И вотъ двѣ женщины закутанныя, въ тишинѣ ночи вошли задворками. Сонный сторожъ протираетъ глаза, собаки на нихъ залаяли.

— Ахъ вы полунощницы, ворчитъ сторожъ—стыда у васъ нѣту, вотъ запереть ворота, не пустить бы.

— Ну ну, не ворчи, старый, шепнула ему Любаша, вотъ тебѣ, выней на здоровье.

И она сунула ему въ руку монету. Онъ оцунулъ ее.

„Эге! подумалъ онъ, нивакъ это рубль серебрянный, видно испужалась дѣвка.“

И онъ замолчалъ.

Любаша, и другая женская фигура поднимаются по лѣстницѣ. Всѣ спятъ въ домѣ, теперь никого не встрѣтитъ. Любаша все устроила, каждый поворотъ высмотрѣла,—хитрая она дѣвка, привычная.

Вотъ узенькій, длинный корридорчикъ, тѣма въ немъ—эги не видно. Любаша идетъ впередъ оцунью, паги свои отсчитываетъ. Держась за ея шубку подвигается и другая женщина.

— Здѣсь, шепнула Любаша.

Она тихо стукнула въ стѣну. Вотъ слышитъ она какъ гдѣ-то близко, близко повернулась ручка двери. Вотъ легко скрипнувъ, дверь отворилась. Любаша пропустила впередъ свою спутницу, а сама осталась въ темномъ корридорѣ.

Княжна Катерина Алексѣевна стояла у маленькой двери въ большой роскошной комнатѣ, ведущей въ ея опочивальню. Комната эта была совсѣмъ темная, только изъ спальни черезъ тяжелую, полупущенную портьеру пробивалась полоска слабого свѣта.

— Ты это? ты? шепнула княжна. Тише, иди за мною.

Спутница Любаши идетъ за нею. Вотъ онѣ въ спальнѣ.

— Никто васъ не видѣлъ?

— Никто, никто, повторяетъ Милезимо, сбрасывая женскую шубку и платокъ съ головы. Никто не видѣлъ, моя радость!

Онъ бросается на колѣни передъ Катериной, цѣлуетъ ея руки, плачетъ, смѣется, съ восторгомъ и тоскою глядитъ на нее. И она сама плачетъ, сама смѣется и обнимаетъ его. Кругомъ все тихо. На ключъ заперла она дверь спальни, а оттуда изъ корридора никогда никто не ходитъ. Тамъ же за дверью Любаша.

Разноцвѣтныя лампы, зажженныя передъ образами какъ то волшебю озаряютъ комнату. Вся она устлана дорогими мягкими коврами. Золоченая, штофомъ покрытая мебель иностранной работы.

Въ глубинѣ подъ драгоцѣннымъ балдахиномъ скрыта высокая кровать княжны Катерины. Никто кромѣ отца и матери до сихъ поръ не былъ въ этой комнатѣ: для всѣхъ заперта она, какъ святилище. Но не смущается княжна Катерина присутствіемъ молодого графа. Ни минуты не задумалась она, устроивъ это опасное, почти невозможное свиданіе. И что-жь, вотъ ничего не случилось! Вотъ онъ здѣсь, здѣсь—а вѣдь только этого и нужно, а тамъ дальше пусть будетъ что будетъ. Пускай хоть всѣ теперь придутъ сюда—отъ всѣхъ счуждетъ отстоять она его. Никому не отдастъ она послѣдняго часа своего счастья! Вѣдь завтра смерть, такъ о чемъ же думать! А! Вы воображали, что счуждѣли отнять у меня милого. Очутали меня, лишили меня воли! Вы теперь слите спокойно? Ну и спите!

И вотъ она обсиленная волненіемъ, счастьемъ и тоскою, мѣняющимся въ душѣ ея, опускается въ кресло.

Милезимо на колѣняхъ передъ нею. Онъ не выпускаетъ изъ рукъ своихъ ея руки.

— Такъ ты меня любишь? шепчетъ онъ.—Зачѣмъ же ты прогнала меня—вѣдь я съ тоски чуть не умеръ, чуть не застрѣлился.

И она ужъ не можетъ смѣяться надъ нимъ, не можетъ спросить его: „почему жъ не застрѣлился?“ не можетъ сказать ему, что, значить, не велика была тоска если „чуть“ осталось. Она ужъ и не думаетъ ни о чемъ и не задаетъ себѣ никакихъ вопросовъ. Можетъ быть даже ей теперь и дѣла нѣтъ до любви его. Она сама его любить—вотъ все что она знаетъ.

— Да, я люблю тебя, говоритъ она ему,—люблю всѣмъ горемъ, всѣмъ ужасомъ моей жизни. Пойдемъ, пойдемъ, убѣжимъ отсюда. Возьми меня, унеси меня подальше.

— Да какъ же это сдѣлать? въ недоумѣніи проговорилъ онъ.

— Какъ сдѣлать? смѣется она и плачетъ,—какъ? Нельзя этого сдѣлать, да и я сама теперь не пойду съ тобою. Нѣтъ! все кончено! Люблю я тебя, охъ какъ люблю, но ужъ и не знаю право, что больше—любовь моя къ тебѣ, или ненависть къ нимъ ко всѣмъ. Еслибъ зналъ ты какъ отвратительны они, какъ жалки, какъ ничтожны! Да ты не знаешь, ты не понимаешь этого. И не нужно, не нужно! Знай только одно, что они ошиблись во мнѣ, что никто изъ нихъ меня не понялъ. Знай только одно, что я смѣюсь надъ ними и до конца посмѣюсь! Они меня продали!.. можетъ быть еще расскажутъ въ этой продажѣ. А онъ, тотъ, который купилъ меня,—онъ точно купилъ какъ вещь какую—и онъ раскается! Добрая, вѣрная женой буду я ему!

И она опять хохочетъ злымъ, мучительнымъ смѣхомъ и забываетъ она всѣ обстоятельства, при которыхъ купилъ ее тотъ, кому теперь она грозитъ. Забываетъ она, что онъ ее спрашивалъ, любитъ ли она его. И она знаетъ какъ тогда ему отвѣтила, знаетъ, что своимъ отвѣтомъ погубила и его и себя, потому что онъ ее не любитъ. Потому что безсовѣстно, отвратительно поступили съ нимъ, съ этимъ бѣднымъ, измученнымъ ребенкомъ и ея родные и сама она. Но ничего этого не помнить она, и не понимаетъ и знать не хочетъ. Ей кажется, что онъ, ни въ чемъ неповинный, прекрасный ребенокъ, врагъ ея и мучитель—и вотъ она собирается мстить ему, и считаетъ себя правою: Видно въ конецъ помутился ея разумъ. Видно въ конецъ помутилось ея сердце. Охъ, какъ болятъ оно, какъ рвется на части! И опять она плачетъ и опять прижимаетъ къ себѣ Милезимо. И глядитъ на него—не можетъ наглядѣться.

Вотъ вихрь какой то поднимается въ ней и передъ

нею. Голова ея кружится. „А! Я еще поборюсь съ вами! мелькаетъ въ ней послѣдняя мысль. Я еще накажу всѣхъ васъ!“ И она опять забывается и чувствуетъ только присутствіе милого и шепчетъ ему:

— Твоя, твоя, возьми меня!

Летать, мчатся не то часы, не то минуты. Жизнь-ли остановилась—и нѣту ее? Или кипитъ она и разливается полной чашкою. Сонъ ли это, или явь непонятная? Волшебство какое-то—что-то заколдованное!

Но кто это стучится? Что это такое? Ахъ! да это Любаша, видно долго, видно много прошло времени. Утро скоро—пора проститься. Да развѣ возможно это? Теперь... Нѣтъ! Нѣтъ, теперь ужъ не отпустить она его! Теперь ужъ не отдастъ его никому!

Но Любаша опять стучится.

— Прощай, шепчетъ княжна,—прощай. Никогда мы больше не увидимся!..

— Нѣтъ я съ тобою не прощаюсь, отвѣчаетъ Милезимо. Завтра, завтра я тебя увижу.

— Завтра... развѣ будетъ завтра? думается княжнѣ,—а если и будетъ такъ не увидитъ онъ меня завтра. Завтра я буду другая. Завтра онъ меня не узнаетъ.

— Не уходи, остаюсь со мною, безумно молить она и въ тоже время гонить его, говорить что поздно, что ихъ застанутъ, что его погубятъ.

Вотъ онъ уходитъ. Поцѣлуй послѣдній. Послѣднее объятіе... Вотъ онъ ушелъ. Она слышитъ какъ скрипнула за нимъ дверка. Она кинулась было къ нему, но на порогѣ своей роскошной спальни пошатнулась и упала, безумно рыдая.

VII.

30 Ноября 1729 года было назначено обрученіе Петра II съ княжною Екатериной Алексѣевной Долгорукой. На обрученіе были приглашены всѣ сановники съ ихъ семействами и многіе богатые московскіе жители. Собирались въ большой залѣ Кремлевскаго дворца.

Императоръ еще не показывался. Долгорукихъ тоже не было. Всѣ съ изумленіемъ передавали другъ другу о томъ что въ этотъ день караулъ во дворцѣ былъ увеличенъ со 150 на 1200 солдатъ (цѣлый батальонъ гвардіи). Многіе объясняли это тѣмъ, что Долгорукіе боются какого нибудь безпорядка. Поговаривали, что солдатамъ приказано стрѣлять по всякому, кто будетъ замѣченъ въ безпорядкѣ и что нибудь крикнетъ.

Вотъ показался Остерманъ. Многіе кинулись къ нему, прося объясненія, но онъ самъ пожималъ плечами и казался очень удивленнымъ.

Вотъ собрались всѣ государственные сановники и знатные русскіе люди и помѣстились по одну сторону залы на парчевыхъ скамейкахъ, а скамейки съ другой стороны заняли иностранные резиденты и ихъ свита.

Въ глубинѣ залы стоялъ балдахинъ, а подъ нимъ два кресла; тутъ же находился и аналой, на которомъ лежала Евангеліе. Вокругъ аналая размѣстилось духовенство съ Теофаномъ Прокоповичемъ во главѣ.

Наконецъ изъ внутреннихъ покоевъ показался Императоръ. За нимъ слѣдовала гренадерская рота, состоявшая изъ ста человекъ. Это обстоятельство опять обратило на себя вниманіе. Капитаномъ гвардейской роты былъ князь Иванъ Долгорукій: теперь ужъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, что все дѣлалось по его распоряженію. Императоръ лишенъ имъ свободы, онъ у него подъ карауломъ и не видитъ этого, или не находить въ себѣ силы противиться своему фавориту. Петръ казался спокойнымъ и равнодушнымъ. Онъ подошелъ къ нѣкоторымъ лицамъ, каждому сказалъ двѣ три фразы.

Но вотъ взоры всѣхъ обратились къ дверямъ; поднялся шопотъ. Въ дверяхъ показался князь Иванъ Долгорукій. Онъ велъ за руку свою сестру, за нимъ слѣдовала княгиня Долгорукая со второй дочерью.

(Продолженіе будетъ).

Пѣшій кавалеристъ подѣ ководемъ коннаго пѣхотинца.

Съ наброска нашего художника корреспондента П. В. рис. Н. Карзинъ, грав. Вейерманъ.

Моравская невеста. Рис. М. Вейсь, грав. А. Вейсь.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Нижне-Тагильскъ и его рудники.

До завоеванія нашей родной Калифорніи — Сибири, русская земля часто нуждалась въ металлахъ какъ для литья пушекъ, колоколовъ и т. п., такъ и для выдѣлки предметовъ домашней утвари. Одно желѣзо издавна обрабатывалось у насъ въ горнахъ, очень схожихъ съ обыкновенными кузнечными и въ такъ называемыхъ домницахъ или ручныхъ домнахъ, тоже не многимъ отличавшихся отъ кузнечныхъ горновъ. Что же касается до свинца, мѣди и олова, то эти металлы въ мѣстностяхъ исконно населенныхъ русскими, не получались вовсе и ихъ необходимо было добывать съ большими затрудненіями у нашихъ не всегда добродетельныхъ сосѣдей, преимущественно у шведовъ. Присоединеніе Сибири совершенно измѣнило такой ненормальный ходъ нашего горнаго дѣла, такъ какъ вскорѣ послѣ этого событія туринскій воевода Корсаковъ около рѣки Ницы попалъ на слѣды богатой залежи желѣза, а въ 1631 году былъ устроенъ для обработки первый сибирскій Ницновскій заводъ. Съ тѣхъ поръ горное дѣло на Руси развивалось все болѣе и болѣе благодаря заботамъ нашихъ государей и особенно Петра Великаго, много трудившагося на этомъ поприщѣ вмѣстѣ съ однимъ изъ талантливыхъ русскихъ людей, извѣстнымъ любителемъ Петра, Никитою Демидовымъ, котораго Императоръ всегда ласкательно называлъ Димидычемъ. Слѣдствіемъ заботъ царственнаго генія и его талантливыхъ сотрудниковъ было то, что черное дѣло стало у насъ на прочную почву и дальнѣйшее его развитіе было вполне обезпечено. Особенно почастливилось нѣкоторымъ мѣстностямъ довести обработку рудъ до высokaго совершенства. Такой репутацией пользуются заводы, устроенные на рѣкѣ Тагилѣ — Верхнетагильскій и Нижнетагильскій.

Верхнетагильскій заводъ, занимающійся промывкою золота, чугуноплавленіемъ и обработкой желѣза, и отстоящій отъ Екатериненбурга въ 95 верстахъ, былъ построенъ въ 1716 году на землѣ, подаренной правительствомъ Никитѣ Демидову, а въ 1769 году перешелъ во владѣніе Саввы Яковлева. Фамилія Яковлевыхъ владѣла имъ до 1849 года; нынѣшніе владѣльцы верхнетагильскаго завода — графы Стенбокъ-Ферморъ. По сознанію членовъ шведскія полярной экспедиціи, посѣдившихъ этотъ отдаленный край въ 1875 году, рѣдко можно встрѣтить мѣстность, обладающую такимъ богатствомъ минеральныхъ сокровищъ, такою массою желѣза, мѣди, малахита, уже не говоря о громадномъ количествѣ золота и платины. Однихъ дѣйствующихъ рудниковъ, въ которыхъ добывается желѣзо, насчитывается до шестнадцати и работа въ нихъ непрерывная.

Нижнетагильскіе заводы пользуются такою же извѣстностью, если даже еще не большею. Они находятся въ южной части Верхотурскаго уѣзда, въ 150 верстахъ отъ города Верхотурья. Происхожденіемъ своимъ они обязаны тому же знаменитому рачителю русскаго горнозаводскаго дѣла Никитѣ Демидову, который въ 1725 году построилъ здѣсь первый заводъ на пожалованной ему землѣ. Нынѣ дѣятельность нижнетагильскихъ заводовъ заключается въ выплавкѣ чугуна, выдѣлкѣ разныхъ сортовъ желѣза и промывкѣ золотосодержащихъ песковъ. При заводахъ устроены превосходныя механическія заведенія для изготовленія различныхъ машинъ, водяныхъ колесъ и паровыхъ двигателей. Руда добывается преимущественно изъ горы Высокой. Множество рабочихъ постоянно разрабатываютъ ее во всѣхъ направленіяхъ и безконечныя ряды повозокъ отвозятъ тотчасъ же добытую руду въ близъ отстоящія доменная печи для выплавки. Мѣдный рудникъ находится въ концѣ заводскаго селенія при рѣкѣ Рудянкѣ и въ немъ еще недавно были найдены сплошныя глыбы малахита, замѣчательныя по своей громадной величинѣ и высокому достоинству. Кромѣ того во владѣніяхъ Нижнетагильскаго завода попадаются золотыя и даже столь рѣдкія платиновыя росыпи. При такой массѣ работы число рабочихъ часто достигаетъ до 12 тысячъ и много нужно было энергіи и распорядительности нынѣшнему главному управляющему заводами, шведскому инженеру Вальштедту, чтобы довести дѣло до такихъ блестящихъ результатовъ. Обширныя мастерскія, гигантскія печи, богатый музей мѣдныхъ и желѣзныхъ произведеній и прекрасное зданіе больницы служатъ не мало къ украшенію этого скромнаго заводскаго поселенія, въ которомъ кромѣ того находится пять церквей и двѣ единоувѣрческія молельни, такъ какъ большинство рабочихъ держится старой вѣры. Прибавьте къ этому обширную аптеку, богадѣльню, дѣтскій пріютъ, 6 училищъ и порядочную читальню и вы убѣдитесь, что отдаленное горнозаводское поселеніе не коснется въ полномъ невѣжествѣ и пользуется нѣкоторыми плодами цивилизаціи. Въ селеніи на подобающихъ мѣстахъ поставлены два памятника: одинъ бронзовый, въ честь Николая Никитича Демидова, а другой чугунный, въ память бывшаго главному управляющаго заводами Андрея Карамзина. Особенно праздничный видъ принимаетъ селеніе въ дни базара, который бываетъ здѣсь еженедѣльно по субботамъ и воскресеньямъ и часто превращается въ обширный рынокъ, такъ какъ сюда

стекаются для закупки съѣстныхъ припасовъ рабочіе со всѣхъ другихъ горныхъ заводовъ Верхотурскаго округа. На этихъ же базарахъ сбываются въ большомъ числѣ мѣстные, чисто заводскія произведенія и между прочимъ подносы и сундуки, пользующіеся нѣкоторою репутациею и потому ходко идущіе какъ на Ирбитской, такъ и на Нижегородской ярмаркѣ.

Н.

РХОТА НА ЗАЙЦА.

У насъ на Руси существуютъ двѣ породы зайцевъ; русакъ и бѣлякъ и помѣсь этихъ двухъ породъ — тумакъ. Русакъ больше бѣляка и бѣгаетъ быстрѣе его. Тумакъ отличается отъ русака желтзною на груди и общимъ тономъ шерсти менѣе яркимъ, скорѣе сѣрымъ, чѣмъ русымъ. Обѣ породы лѣтомъ имѣютъ русую шерсть, зимою бѣлякъ становится совершенно бѣлымъ, русакъ — сѣрымъ съ блѣдно-желтою грудью.

Заяцъ, испугавшись, мечется во всѣ стороны и нерѣдко на скакиваетъ на деревья и камни, или бросается прямо подъ ноги человѣка. Зрѣніе у зайца вообще плохо, но за то слухъ его развитъ очень сильно. Онъ постоянно ворочаетъ своими длинными ушами, постоянно ко всему прислушивается, всегда готовый, при малѣйшей опасности, воспользоваться быстротою своихъ ногъ. Ходить и бѣгать заяцъ по настоящему не можетъ; задніе ноги его такъ длинны относительно переднихъ, что ему остается только прыгать. Прыгунъ онъ отъиный. При длиннѣ заднихъ ногъ спускаться подъ гору зайцу нелегко, и въ случаѣ надобности онъ просто скатывается кубаремъ.

Не даромъ говорятъ, трусливъ, какъ заяцъ; онъ дѣйствительно изъ трусоваго труса, такъ какъ пугается малѣйшаго шороха, упавшаго листа, прыгнушаго кузнечика, даже своихъ собственныхъ движеній.

Живетъ заяцъ ночью, днемъ же онъ скорѣе дремлетъ чѣмъ спитъ. Сонъ его такъ чутокъ, что отъ самаго незначительнаго шороха онъ просыпается. Мѣсто отдыха заяцъ выбираетъ съ расчетомъ: въ тихую погоду онъ лежитъ на лѣсной опушкѣ, въ разсвѣтъ кустарникѣ, или просто подъ камнемъ; въ вѣтеръ же забивается въ самую чащу и прячется особенно тщательно, такъ какъ за шумомъ не можетъ во время предупредить приближающуюся опасность. Для ложа заяцъ лѣтомъ вырываетъ неглубокую ямку и вытягивается въ ней такъ, что становится совсѣмъ незамѣтнымъ, зимою же онъ зарывается въ снѣгъ гораздо глубже, чѣмъ и предохраняетъ себя отъ холода. Питается заяцъ травою, любитъ посѣщать хлѣбныя поля и въ особенности большой охотникъ до озими, гдѣ на зорькахъ зачастую попадаетъ подъ мѣтежъ выстрѣлъ опытнаго охотника. Зимою заяцъ гложетъ кору молодыхъ деревьевъ, преимущественно осину и дѣлаетъ набѣги на сады, гдѣ немилосердно портитъ плодовые деревья. „Голодь не тетка“, говоритъ пословица и часто недостатокъ пищи заставляетъ и трусовъ становиться смѣлыми. Заяцы, попробовавъ по осени хлѣба, продолжаютъ промышлять его и зимою, забываясь къ самому жилью, подъ скирды и на гумна, гдѣ мѣстные охотники и подстерегаютъ ихъ, въ свою очередь желая полакомиться вкуснымъ мясомъ ожирѣвшихъ на чужомъ кормѣ русаковъ и бѣляковъ.

По виду заяцъ доброе и тихое существо; въ дѣйствительности же онъ большой задора, драчунъ и сластолюбецъ; въ хитрости же не уступитъ и лисицѣ. Нравъ его выясняется въ особенности въ пору любви, во время которой онъ становится гораздо дѣятельнѣе и задорнѣе. Уже въ январѣ мѣсяцѣ зайцы начинаютъ свои любовныя похождения. Зима, все замораживающая своимъ ледянымъ дыханіемъ, не студитъ пыла страсти зайца. Въ трескучій морозъ носится онъ по полямъ и доламъ, промышляя себѣ подругу жизни. Впрочемъ онъ многоженецъ и переходитъ, какъ говорятъ, отъ цвѣтка къ цвѣтку. Заяцъ долго носится изъ сторонъ въ сторону, отыскиваетъ самку по слѣду и время отъ времени затягиваетъ свою монотонную призывную пѣсню. Чуть только услышалъ онъ ея любовный откликъ, какъ стремглавъ бросается къ ней. Другіе самцы, завидѣвъ счастливаго соперника, съ ожесточеніемъ на него нападаютъ и вступаютъ въ жаркій бой. Самка въ любви не постоянна и охотно отдаетъ преимущество или болѣе сильному или болѣе хитрому, подскокившему къ ней подъ шумомъ драки.

Въ мартѣ уже появляются зайчата, которыхъ къ этому времени, у зайчихъ бываетъ по одному, много по два. Появленіе на свѣтъ первыхъ зайчатъ не измѣняютъ характера матери: она мало заботится объ участи своихъ дѣтей, и не мало ихъ гибнетъ отъ мартовскихъ морозовъ. Если первое время зайчата и получаютъ кормъ отъ своей матери, то, надо полагать, совсѣмъ не по чувству любви и привязанности, а скорѣй всего по простой потребности освободиться отъ обременяющаго ее молока.

Во исходѣ апрѣля появляется на свѣтъ новое потомство зайчатъ (отъ трехъ до пяти). Въ концѣ іюня самка опять съ однимъ или двумя новорожденными, въ концѣ сентября — тоже, у иныхъ періоды родовъ короче и беременность чаще, иногда даже болѣе пяти разъ въ годъ.

Въ опасности мать безжалостно бросает свое потомство и первая спасается отъ врага. Зайчата, рано бросаемые на произвол судьбы, первое время проводятъ вмѣстѣ, хотя спать всегда порознь; достигнувъ же роста въ полъ-матери, они расходятся и живутъ по одиночкѣ. Уже къ концу перваго года они становятся способными къ произведенію себѣ подобныхъ.

Молодые зайцы скоро приручаются и въ неволѣ весьма рѣзвы и забавны, хотя всегда рады случаю ударить въ лѣсъ и въ поле. Сгрость зайца грызть все, что попадется подъ его острые зубы, дѣлаетъ его весьма неприятнымъ для хозяина, его приручающаго.

Мясо зайца вкусно, но въ простонародѣ въ пищу не употребляется; мѣхъ же его имѣетъ въ торговлѣ значительный сбытъ.

Съ дѣтства заяцъ окруженъ врагами ворона, сова, ласка, горностай, лисица и другіе, наконецъ—человѣкъ, неумоимо преслѣдующій въ немъ теплую шкуру.

Охота на зайца очень разнообразна и въ весьма недавнемъ прошломъ была сильно распространена между зажиточными помѣщиками, державшими какъ для этой потѣхи, такъ ровно и для охоты на лису, большія стаи гончихъ и борзыхъ, съ цѣлымъ штатомъ прислуги.

Охота съ гончими и борзыми требуетъ большихъ затратъ и теперь—рѣдкость. Кромѣ этой охоты есть много другихъ способовъ добыть зайца.

Охотникъ промышленникъ добываетъ зимой зайца какъканомъ, искусно наложеннымъ на зайчѣй тропѣ, а за немѣнимъ снарядамъ, изловчается ставить петли на избранныхъ мѣстахъ, къ которымъ зайцы заранѣе приважены. Чуть потеплѣло, по жарамъ подманываетъ онъ самцовъ, подражая голосу самки, и бьетъ ихъ изъ ружья. Это еще не составляетъ промысла. Весной—другое дѣло. Побѣжали съ горъ мутные ручьи, затопила весенняя вода низменные мѣста, залила она ихъ на большое пространство и стоитъ цѣлымъ озеромъ, а отдѣльные бугорки видѣются на немъ островками. Согнала вода все живое на эти островки; собрались туда и зайцы со всей окрестности и горе имъ, если, на бѣду замѣтитъ ихъ зоркій глазъ охотника: не будетъ пощады ни старому, ни малому, пойдетъ по острову палба неумолаемая и беспощадное истребленіе.

Спала весенняя вода; началъ лѣсъ зеленѣть; хорошо въ немъ стало; ожилъ онъ, оживилъ многочисленными голосами своихъ обитателей. Въ этомъ разнообразномъ концертѣ рѣдко кто не различитъ монотонную пѣсню зайца. Охота, при весенней обстановкѣ, гораздо привлекательнѣе, и охотники не отказываютъ себѣ въ удовольствіи подманить зайца, тѣмъ болѣе, что это не легко. Случается, что весна застанетъ зайца, еще неуспѣвшимъ перерядиться въ лѣтній костюмъ и приходится ему тогда хорониться на неоттаившихъ сугробахъ снѣга, на весеннихъ зимнихъ выюгамъ да мятежами. Охота на такихъ мѣстахъ требуетъ хорошаго зрѣнія, такъ какъ при яркомъ весеннемъ солнцѣ не всякій въ состояніи разсмотрѣть забившагося въ снѣжную яму зайца.

По веснѣ же, зайцы охотно посѣщаютъ только что поднимающуюся озимь, хорошо въ ней замѣтны и часто становятся легкой добычей охотника.

Лѣтомъ настоящая охота на зайцевъ прекращается, хотя и можно добывать ихъ на лѣсныхъ дорогахъ и просѣкахъ, куда выбѣгаютъ они по вечерамъ, мучимыя комарами и клещами. За то по осени, наступаетъ настоящая пора зайчѣй охоты. Охотятся съ собаками и безъ собакъ: съ гончими и борзыми, вмѣстѣ съ одними только гончими и наконецъ въ одиночку, по вылавянному уже зайцу, очень замѣтному на неуспѣвшей еще покрыться зимнимъ саваномъ черной землѣ.

Выпалъ первый снѣгъ, наступила давножеланная охотниками пороша. Выслѣдить зайца по порошокъ,—дѣло трудное и, вслѣдствіи этого, многими охотниками любимое. Не всегда однако пороша удачная, не всегда на ней можно выслѣдить зайца. Необходимо, чтобы снѣгъ выпалъ неглубокой, вершка такъ на два, чтобы онъ былъ мокрый т. е. именно такой, при которомъ слѣды зайчьи видны явственно—и чтобы наконецъ по утру снѣгъ не запорошилъ бы надѣланныхъ зайцемъ слѣдовъ. Совпаденіе всѣхъ благоприятныхъ для этой охоты условий, случается очень рѣдко, отчего всякая удача дорога цѣнится охотниками.

Покорямся ночью чѣмъ Богъ послалъ, заяцъ къ утру отправляется на сонъ грядущій и, чтобы обезпечить себѣ возможно большій покой, старается запутать свой слѣдъ такъ, чтобы преслѣдовавшій не могъ отыскать мѣсто его легки. Заяцъ для этого дѣлаетъ, какъ говорится, петли. Онъ идетъ не по прямому пути, а нарочно обѣжитъ кругъ, съ котораго возвращается опять на прежній слѣдъ, идетъ рядомъ съ нимъ, такъ что кажется будто обѣжало два зайца, затѣмъ онъ опять возвращается назадъ, дѣлаетъ третій слѣдъ и, запутавъ такимъ образомъ свою тропу, прыгаетъ въ сторону, обѣжитъ нѣкоторое время по прямому направленію, а тамъ опять колеситъ, опять прыгаетъ въ сторону и опять начинаетъ вздвигать и встраивать свои слѣды; въ концѣ же концовъ, двумя или тремя громадными прыжками онъ достигаетъ мѣста своего отдыха, гдѣ и коротааетъ день дельской, постоянно на сторожѣ, чтобы во время ударить отъ угрожающей опасности. Эта хитрость спасаетъ трусливаго звѣрька отъ преслѣдованія охотника, но по

осени случается ему нарываться на гораздо худшую бѣду, отъ которой не спасаютъ его ни быстрый бѣгъ, ни всѣ затѣи и хитрости. Выпадетъ сразу глубокой снѣгъ, навалитъ его столько, что зайцу ходу нѣтъ. Выйдутъ на него верхами со всей окрестности—кто съ арапкой, кто съ жучкой, либо съ бѣлкой, а кто прямо съ палкой и пойдетъ не охота, а бойня настоящая и гибнетъ тутъ зайцевъ много множество, сгнбли бы они можетъ быть и всѣ, если бы не заботливая мать природа, надѣлывшая ихъ изумительной способностью къ размноженію.

Е. В.

Лѣшій Кавалеристъ.

Пѣхотинцу довелось поймать коннаго турка. Лошадь ли подъ тѣмъ захромала, заскакалъ ли со страху въ такое мѣсто, что не было выхода, а можетъ и просто, изъ боязни получить пулю въ догонку, сдался кавалеристъ, и ведетъ теперь его солдатикъ подъ своимъ строгимъ конвоемъ. Солдатъ усталъ: что ему за охота позади пѣшкомъ идти, да еще лошадь турецкую вести въ поводу! Забрался онъ самъ на сѣдло, „непривычно, положимъ, да все ловчѣй“ и надзоръ за туркомъ сверху надежнѣй. Турокъ коня въ поводу ведетъ, только не туда, куда самъ хочетъ, а куда *начальство* укажетъ, а начальство строгое, берданки въ рукѣ не выпускаетъ; чуть что замѣтитъ, сейчасъ наказаніе послѣдуетъ. Вотъ и ведетъ коня турокъ покойно, злобно коситъ глазами въ сторону: и жить-то ему хочется и неволя тяжка; да ничего, скоро, Богъ дастъ, добьютъ наши силу турецкую. Война не безъ конца же тянуться будетъ—наступитъ миръ, отпустятъ назадъ на родину турецкихъ плѣнныхъ, отпустятъ и этого вмѣстѣ съ ними и вернется онъ къ себѣ въ Турцію, будетъ долго вспоминать про Визинкевъ и Авліяръ, про свой плѣвъ у русскихъ и помянетъ онъ этотъ плѣвъ не худымъ словомъ, а добрымъ, особенно если попадетъ въ Тверь, на печеніе тамошнимъ дамамъ—тѣ вѣдь сердобольныя, конфетами кормить будутъ, только бы бѣдный плѣнникъ утѣшился въ своемъ горѣ—неволѣ.

Къ слову пришлось и не въ обиду будь сказано. Не виноваты эти барыни въ томъ, что безобразно сложилось все ихъ воспитаніе, что даже въ такомъ дѣлѣ, какъ благотворительность, мѣры настоящей и значенія ея не знаютъ; сердце работаетъ, а у мозга не спрашивается, да и спрашивается тамъ нечего, часть эта у нихъ, чуть не поголовно, находится въ состояніи невмѣняемости. Благотворительность—великое дѣло, а отъ великаго до смѣшнаго, говорить, одинъ только шагъ, а можетъ быть и гораздо ближе.

Вѣдь и солдатъ нашъ не звѣрь—онъ съ плѣннымъ, а еще того пуще, съ раненымъ туркомъ, послѣднимъ сухаремъ, послѣднею каплею воды подѣлится, а лебезитъ передъ нимъ и забавляетъ его побрякушками не станетъ. Ну да и у солдата чутье къ добру и правдѣ простое, безобразнымъ воспитаніемъ на изнанку не вывороченное.

Н. Н.

Моравская невѣста.

Моравины или моравы составляютъ часть великаго славянскаго племени, представляя одинъ изъ составныхъ элементовъ чешской или богемской вѣтви этого племени (другую вѣтвь чешскаго племени составляютъ хорошо всѣмъ извѣстные по своимъ проволочнымъ издѣліямъ *словаки*). Лежитъ Моравія, какъ извѣстно, къ юго-востоку отъ Богеміи, гранича къ востоку съ Венгеріей, къ югу австрійскимъ эрцгерцогствомъ, а къ сѣверу съ Австрійскою Силезіей.

Эта страна одна изъ самыхъ гористыхъ въ Европѣ, но производитъ въ изобиліи хлѣбъ, ленъ и знаменитое, издавна славящееся вино фабрикаціи *Палешовичей*; въ большомъ развитіи также выкармливаніе свиней и птицеводство. Въ XI вѣкѣ по Рожд. Христ. Моравія была самостоятельнымъ королевствомъ, въ зависимости отъ котораго находилась вся Богемія. Но потомъ, съ теченіемъ времени, Богемія сдѣлалась болѣе могущественною и покорила себѣ Моравію, именно въ 1040 году. Въ административномъ отношеніи Моравія состоитъ подъ однимъ управленіемъ съ Австрійскою Силезіей. Древняя столица Моравинъ была *Ольмуцъ*, теперь же главнымъ городомъ считается *Брюннъ*.

Славянское племя это весьма даровито и въ высшей степени способно къ культурѣ. Къ сожалѣнію въ значительной степени подверглось въ теченіе вѣковъ, процессу онѣмечиванія—обыкновенная участь всѣхъ западныхъ славянъ, окруженныхъ нѣмецкими областями.

Подобно чехамъ и своимъ собратьямъ словакамъ, моравяне сильно эксплуатируются барышниками евреями, занимающимися повсюду корчемствомъ и ростовщичествомъ и спаивающимъ повсюду словаковъ и моравовъ. На всемъ протяженіи Богеміи и Моравинъ развелись по деревнямъ евреи. Вездѣ они сумѣли выхлопотать себѣ разныя привилегіи и понастроить больницъ для бѣдныхъ гражданъ, разныхъ домовъ призрѣнія, школъ, обществъ для снабженія бѣдныхъ невѣсть приданымъ и снабженія бѣдныхъ умершихъ погребальными принадлежностями. И надо сказать, что моравскій и богемскій жиды вообще не то, что польскій и нашъ литовскій, этотъ отвратительно-грязный длиннокафтаный торговецъ съ заостренною клиномъ бородой

Вой у Хассанъ-Кале. Ночная атака кавалеріи авангарднаго отряда генерала Геймана на турецкій бивуакъ. (Въ Малой Азіи). Съ наброска нашего корреспондента К. П., рис. на деревѣ, Н. Каразинъ, грав. Рашевскій.

и съ пейзажи—нѣтъ, моравскій жидъ опрятенъ, пронырливъ, избѣгаетъ неприятныхъ встрѣчъ, ловко торгуетъ, преимущественно женскими бездѣлушками. Онъ съ благоразумною терпѣливостью относится къ простодушно-ругательнымъ пѣснямъ, нарочно сочиненнымъ моравянами и словаками на его счетъ...

Что касается танцевъ, то трудно найти народъ болѣе талантливый въ отношеніи граціозности исполненія съ пріуроченіемъ прекрасныхъ мелодій, чѣмъ моравяне. Этимъ же отличаются и ихъ собратья—чехи. Особенно даровиты и изобрѣтательны въ этомъ отношеніи моравянскія женщины и дѣвушки. (Случается, что молодая крестьянская дѣвушка изобрѣтаетъ какъ бы по какому-то вдохновенію, самостоятельный танецъ и пріурочиваетъ къ нему схваченную ею гдѣ либо мелодію и композитору только остается передоложить этотъ танецъ и эту мелодію на бумагу. Танцы, почему либо устарѣвшіе, передѣлываются, улучшаются, варьируются. По деревнямъ почти всюду можно встрѣтить стравствующихъ музыкантовъ. И вездѣ можно встрѣтить танцы; танцуютъ и на улицахъ, и въ гостиницахъ. Какъ въ нашемъ русскомъ образованномъ обществѣ порядочная невѣста не мыслима безъ музыки, такъ и у моравянъ, даже простая крестьянская дѣвушка-невѣста знаетъ обыкновенно много національныхъ танцевъ и мелодій. Многие изъ этихъ танцевъ, правда, заимствованы изъ другихъ странъ, но такъ усвоены, что уже бываетъ трудно узнать въ нихъ чужеземный элементъ. Танецъ „Жидъ“ служитъ для моравян предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ надъ евреями и въ то же время увеселяетъ ихъ своею комичностью. Все населеніе не только въ Моравіи, но и во всей Чехіи, не можетъ назвать иначе жидка, какъ прибавивъ къ этому названію неизбѣжный эпитетъ „Smradlavı“ (вонючій) или „Zatracenu“ (проклятый). Собственно говоря, танецъ „Жидъ“ не особенно приличный и скромный, и потому благовоспитаннымъ дѣвушкамъ не только не позволяется участвовать въ немъ, но даже смотрѣть на него.

За исключеніемъ „Жидка“ другіе простонародные танцы не содержатъ неприличнаго и нескромнаго и исполняются дѣвушками. По своему характеру они напоминаютъ наши народные терцы, въ родѣ:

„Во лузяхъ! Во лузяхъ!
Какъ и во лузяхъ зеленыхъ лузяхъ!“

Но вотъ когда настаетъ горячее время сговора и свадьбы, тогда и жидъ пригодится. Онъ сеужаетъ соединяющейся парочкѣ брачные наряды, разумеется за жидовскіе проценты. Можетъ быть прилагаемая на нашемъ рисункѣ моравская сельская красавица невѣста что нибудь получила для дня своей свадьбы и изъ жидовской суды, напримѣръ хотя ожерелье, серьги и проч., но не время ей теперь думать о „противномъ одолженіи“. Она вся увлечена созерцаніемъ своей молодой, дѣвственной красоты, отражающейся въ скромномъ зеркалѣ!..

Бой у Хассанъ-Кале.

Въ отдѣлѣ политическихъ и военныхъ извѣстій „Нивы“, а именно въ №№ 42, 43, 44 и 45 мы уже имѣли случай говорить о пораженіи арміи Мухтара-наши и о послѣдствіяхъ этого пораженія, отразившихся на другой турецкой арміи—Измаила-наши. Ей, какъ извѣстно, едва удалось выбраться на эрзерумскую дорогу прежде русскихъ и соединиться у Кеппикія съ тремя тысячами „мухтарцевъ“, какъ называютъ ихъ наши солдаты. У селенія Хассанъ-Кале турки расположились бивуакомъ, выставивъ свои аванпосты по направленію къ Карсу. Наступила ночь. Роковая ночь для турокъ!

Вотъ какъ очевидецъ, нашъ офицеръ, описываетъ свои впечатлѣнія ночной атаки на позиціи у Хассанъ-Кале:

„Еще передъ сумерками наши казаки, выйдя на эрзерумскую дорогу изъ боковой балки, замѣтили часть турецкаго обоза, сильно растянувшуюся по дорогѣ. Заскакать на перерѣзъ, отхватить эти возы и не дать ни одному возчику скрыться, было дѣломъ одной минуты. Около полусотни пѣхотинцевъ низами и десятковъ конныхъ турокъ пытались было оказать слабое сопротивленіе, стрѣляли изъ-за возовъ, но моментально всѣ защищавшіеся были буквально изрублены казачьими шашками, возы свернуты въ сторону отъ дорогъ и завезены въ балку, возовой скогъ выпряженъ и отправленъ назадъ подъ казачьимъ конвоемъ, а отрядъ нашъ быстро продолжалъ свое наступленіе. Между тѣмъ стало быстро темнѣть. Мы знали, что у Хассанъ-Кале, до котораго было по крайней мѣрѣ два часа бойкаго конскаго хода, турки остановились и вѣроятно проведутъ ночь; по нашимъ расчетамъ они должны были прибыть туда еще рано утромъ, если не вчера ночью, а потому имѣли довольно времени, чтобы расположиться на сильныхъ позиціяхъ, окружающихъ городъ и выслатъ разѣзды. Отсюда надо было идти уже осторожно и осмотрительно. Цѣль казачковъ выѣхала впередъ, вправо и влѣво, тщательно изслѣдуя мѣстность и пристально всматриваясь въ сгущающіяся сумерки—головныя части авангарда поднялись и мы тронулись впередъ, соблюдая всевозможную тишину и осторожность. Мы еще не были увѣрены, что застанемъ турокъ совершенно врасплохъ, мы были даже убѣждены въ противномъ. Грохотъ колесъ нашихъ орудій могъ издадека выдать наше приближеніе, но по счастью грунтъ

дороги сталъ гораздо мягче, а мѣстами такъ можно было просто сворачивать съ шоссе и идти стороною. Когда стало окончательно темно на западѣ, со стороны Хассанъ-Кале показалось красноватое мигающее зарево костровъ громаднаго турецкаго бивуака; дальше видѣлось болѣе крупное, красное пятно свѣта, словно пожаръ какой-то, вещь, впрочемъ, весьма обыкновенная по пути слѣдованія турецкихъ войскъ.

Вдругъ, въ передовой дѣли послышался выстрѣлъ, потомъ еще, потомъ все стихло снова... Должно быть наши патрули встрѣтили какое-нибудь препятствіе, а можетъ быть и по нашимъ патрулямъ стрѣляли турецкіе аванпосты, должно быть вѣрнѣе послѣднее; мы не разслѣдовали причинъ этихъ звуковъ но разомъ поддали ходу и круглою рысью вынеслись на высокую возвышенность, чернѣвшую предъ нами. Невольно сдержалъ и своего коня на самомъ гребнѣ возвышенности, точно невольное мои товарищи сдѣлали тоже самое. Передъ нашими глазами, словно громадная, безконечно глубокая декорация развернулась вся панорама турецкаго бивуака. Тысячи костровъ, то погасающихъ, то горящихъ яркимъ, высокимъ пламенемъ, усеивали собою всѣ скалы Хассанъ-Калескихъ холмовъ, освѣщенныхъ заревомъ этихъ огней; кое гдѣ вдали видѣлись бѣлыя группы плоскокрышхъ зданій и ряды тополей, вправо на высотѣ видѣлось что-то въ родѣ крѣпостныхъ стѣнъ и башни минарета. Темныя фигуры бродили и копошились вокругъ огней, чернѣли арбы на своихъ высокихъ колесахъ, вереницы осѣдланыхъ коней въ коновязяхъ... Турки расположились крайне безечно, они подпустили насъ на разстояніе ближе пушечнаго выстрѣла, не замѣтивъ еще нашего приближенія.

Спокойно, безъ лишняго шума наши артиллеристы вывели орудія на гребень занятой высоты и взяли прицѣлъ на огни турецкихъ бивуаковъ—каждый выстрѣлъ не могъ пропасть даромъ, недолета быть не могло вовсе, а всякій перелетъ былъ не менѣе дѣйствителенъ, такъ какъ приходилось обстрѣливать чрезвычайно глубокую и пространную площадь.

Трудно описать, трудно даже представить себѣ то, что произошло въ средѣ турокъ въ этомъ, освѣщенномъ кострами, поражаемомъ пространствѣ тогчасъ же послѣ перваго залпа. Дикій вопль тревоги и смятенія пронесся по всей долинѣ; черныя фигуры забѣгали и замѣтались, словно муравьи на поверхности встревоженнаго муравейника; ближайшіе къ намъ таборы въ паникѣ бросились бѣжать, далекіе батальоны, однако, строились въ ряды, надѣясь возстановить порядокъ, но уже было поздно. Со страшнымъ прѣзрительнымъ гикомъ вынеслись наши кавказскія сотни изъ-за гребней занятой орудіями возвышенности. По Карской дорогѣ тоже видѣлась масса быстро наступающей нашей кавалеріи, то были драгуны, пеноконъ вѣка гроза турокъ. Началась и разгорѣлась по всему пространству турецкаго бивуака ошеломляющая, не знающая удержа и пощады лихая атака. Казаки и драгуны врывались между костровъ, скакали черезъ огонь, топтали все встрѣчное, не давая отдыха своимъ шашкамъ.

Будто легионы демоновъ послылись они между даже переставшими сопротивляться туркамъ, думающими теперь уже не объ отпорѣ, а объ одномъ только спасеніи.

Результаты этой атаки извѣстны. Они повели къ тому, что еще болѣе разстроили турокъ, помимо тѣхъ потерь плѣнными, которыя они понесли. Они повлѣли, конечно, и на ходъ дальнѣйшихъ событій, помогли намъ одолѣть грозныя позиціи Мухтара на Деве-Бойну, подъ Эрзерумомъ, они можетъ быть подготовятъ намъ и желанную сдачу Эрзерума, неизбѣжную за паденіемъ Карса.

Н. Н.

АНИНГО (ЗМѢЙНАЯ ПТИЦА).

Anhingo—змѣйная птица, относится къ порядку Natatores плавающихъ. Она водится въ водахъ Америки и Африки.

Всѣ плавающія, водяныя птицы съ короткими ногами, часто отодвинутыми назадъ, съ плавательными или гребными лапами. Устройство крыльевъ различно: у однихъ водяныхъ птицъ длинныя, совершенныя крылья, со многими махами, у другихъ крылья сводятся на короткіе зачатки и служатъ имъ при плаваніи какъ бы веслами. Клювъ у однихъ выпуклый, съ рѣзущими краями, у иныхъ плоскій и широкій, у другихъ удлиненный и заостренный. Сообразно формѣ клюва измѣняется и питаніе птицъ; такъ, съ выпуклыми клювами птицы питаются преимущественно рыбами; съ заостренными клювами—червями, мелкими раковинами, наѣдомыми, рыбной икрой, которую ловко достаютъ со дна болотъ и рѣчекъ. У всѣхъ водяныхъ птицъ густое опереніе, богатый пуховой покровъ плотно прилегающій къ тѣлу, и копчиковая желѣза, которой выдѣленія служатъ для смазыванія перьевъ. Эти птицы, живя стаями на берегахъ водъ, придерживаются строго моногаміи (одноженства).

Змѣйная птица получила такое названіе вслѣдствіе своей очень длинной и тонкой шеи. Впрочемъ, это названіе неисключительно, ее называютъ различно. Готентоты зовутъ ее птицей со змѣиной шеей; въ окрестностяхъ Новаго Орлена она извѣстна подъ именемъ „птицы съ клювомъ ланцетъ“. На устьѣ Миссисипи ей дали имя „водяной вороны“, въ Южной Каролинѣ ее называютъ „бакланомъ“. Оріентологи, впрочемъ, утвер-

ждают, что название „змѣиной птицы“ наиболее за нею признано.

Натуралист Одюбонъ даетъ подробности на счетъ наружныхъ формъ Змѣиной птицы, водящейся въ водахъ Америки. У возмужалаго самца,—говоритъ онъ,—клювъ вдвое болѣе головы, продолговатой, тонкой, приподнятой на верхушкѣ. Гортанный мѣщечекъ оранжеваго цвѣта, какъ у пеликана, хотя и менѣе развитый. Клювъ съ пиловидными, чрезвычайно острыми краями, безъ всякихъ слѣдовъ крючка. Черная шея длинна и тонка, пятки короткія, чешуйчатая, прикрѣпленные къ мощнымъ ногамъ, съ крѣпкими острыми пальцами, соединенными толстой перепонкой. Хвостъ закругленный. Цвѣтъ перьевъ на головѣ, шеѣ, тѣлѣ блестящій, черный съ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Длинные крылья съ бѣлыми крапичками въ верхней части, съ сильными согнутыми правильными перьями. Вокругъ краснаго глаза обнаженное голубовато зеленое мѣсто. Длина птицы отъ головы до конца хвоста до 90 центиметровъ (двоймовъ); вѣсъ до 1 кил. (6 фунт.). Перья самки рязятся только болѣе темнымъ окрашеніемъ.

Одинъ изъ охотниковъ на анінгоо рассказываетъ слѣдующій случай. Однажды онъ встрѣтилъ анінгоо самку, сидящую на яйцахъ. При видѣ лодки, на которой былъ охотникъ, анінгоо издала сильный крикъ и вытянувъ свою шею къ вѣвшей надъ ней вѣткѣ, она опустила на вѣтку голову и осталась въ такомъ положеніи неподвижной, какъ статуя. Неудачные выстрѣлы не вызвали въ ней никакихъ признаковъ жизни и только тогда, когда вѣтка надъ нею было сломана, она взмахнула своими крыльями и улетѣла въ пространство, скрывшись въ ружейныхъ выстрѣловъ.

СКОРБЬ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

Мы уже много разъ имѣли случай говорить о Черногоріи и о нравахъ ея обитателей и объ исторіи этой страны. Помѣщаясь въ этомъ номерѣ „Нивы“ рисунокъ даетъ намъ случай сказать нѣсколько словъ о послѣднихъ событіяхъ въ этой, хотя и маленькой по количеству занимаемой ею земли, но населенной племенемъ, отличающемся необыкновенною храбростію. Геройски покончивъ съ Никшичемъ, который постоянно служилъ туркамъ ключемъ для вторженія въ предѣлы Черногорскаго княжества, овладѣвъ затѣмъ Пресекою, Вилекомъ и вѣвшими фортами Дужскаго прохода, черногорцы въ настоящее время двинулись на югъ, гдѣ небольшая, но плодороднѣйшая полоса земли, ограниченная Адриатическимъ моремъ, рѣкою Бо-

яною и Скутарійскимъ озеромъ, издавна составляетъ предметъ ихъ желаній. Нужно замѣтить, что на долю черногорцевъ досталась не плодородная земля: голыя горы да скалы, тогда какъ турки владѣютъ богатыми пастбищами и самыми лучшими и плодородными землями.

Благодаря искуснымъ мачеврамъ героевъ Черной Горы, теперь помянутая мѣстность уже почти вся въ ихъ рукахъ. Средоточивъ значительныя силы передъ Служемъ, черногорцы напали на Спичу, разбили турецкіе гарнизоны, разбѣянные между Скутарійскимъ озеромъ и берегомъ Адриатическаго моря и наконецъ овладѣли Антивари и осадили и дитадель. Деревни и села въ этой полосѣ заявили покорность черногорскому князю, на встрѣчу котораго являлись старшины и жители католики и мусульмане. Большая часть этихъ депутаций заявила, что они добровольно поступаютъ въ подданство черногорскаго князя, и благодарили князя за избавленіе ихъ отъ юбуровъ и неистовствъ турецкихъ войскъ.

Таковы подвиги доблестныхъ сыновъ Черной Горы. Но чѣмъ большимъ успѣхомъ отличаются военныя дѣйствія, тѣмъ больше онѣ уносятъ съ собою жертвъ. Сражаясь съ своимъ исконнымъ врагомъ, храбрые черногорцы умираютъ на полѣ битвы и отъ ранъ, оставляя спротами несчастныя свои семейства...

Нашъ рисунокъ представляетъ именно одно изъ такихъ семействъ. Въ отчаяніи отъ постигшаго его несчастія—смерти члена семьи, сына, брата или дальняго родственника, старый черногорецъ и его жена, быть можетъ отецъ и мать наившаго, вскидываютъ свои руки на стѣны монастыря, зывая къ милосердію Бога. Обезсиленные подъ тяжестью горя, они ищутъ Его защиты и опоры... Горе такъ велико, что имъ кажется, будто самъ Богъ забылъ ихъ—и они обращаясь къ Его милости, въ тоже время сами рончутъ на него и жалуются на свою судьбу. Быть можетъ тутъ, у стѣнъ храма, имъ не разъ приходило на мысль слова поэта:

„И за что судьба, такъ карашь ты,
Все, что дорого, отнимаешь ты?
Хоть бы смерклося, хоть свѣтало бы,
Только дней моихъ убывало бы!..
...Камнемъ на сердцѣ всѣ лишенія:
Итъ ужъ въ мірѣ намъ утѣшенія...

Молодая женщина стоитъ поодаль. Что она должна чувствовать понятно каждому, кто имѣлъ несчастье въ своей жизни потерять близкихъ сердцу.

Политическія и военныя извѣстія.

Наши военныя дѣйствія на Дунайскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю, ознаменовались взятіемъ 11-го ноября трудно доступной и весьма сильно укрѣпленной позиціи у деревни *Правецъ*, расположенной между *Орханіе* и *Этрополемъ*. Борьба при этомъ была страшно-упорная и продолжалась 2 дня, потому что нашимъ войскамъ приходилось бороться и съ природою, и съ фанатическо-ожесточеннымъ непріателемъ. По взятіи Правецкой позиціи, непріатель бѣжалъ въ полномъ безпорядкѣ. На слѣдующій же день, 12-го ноября, былъ взятъ и самъ Этрополь съ *бон*, колоннами Принца Ольденбургскаго и флигель-адъютанта Любовицаго, подъ общимъ начальствомъ генерала *Дандовилля*. И въ этомъ дѣлѣ наши герои выдержали невообразимо-трудную борьбу съ горною природою, причемъ турки бѣжали въ беспорядкѣ.

Но намъ нужно указать на значеніе взятыхъ позицій. Взглянемъ на карту. Мы видимъ изгибающийся, по направленію къ западу, широко дугою путь отъ Плевны на югъ къ Софіи и Балканамъ. На изгибѣ этой дуги, одну изъ хордъ которой составляетъ теченіе Писера, расположены и Враца (о которой мы имѣли уже случай говорить) и *Правецъ*, и *Этрополь*. Орханіе и Софія нѣсколько выдаются къ западу, за линію этой дуги. Всматриваясь внимательно въ карту, не трудно замѣтить, что къ югу, уходя за черту упомянутой нами дуги, перекрещиваются *два* различныя цѣпи горъ: *Стара-Планина*, составляющая продолженіе *Врѣттарницы-Планины*, параллельно съ теченіемъ Тимока на восточной границѣ Сербіи. За симъ далѣе къ югу отъ Правца и Этрополя, лежитъ цѣпль грозный лабиринтъ горъ Ихтиманъ, посылающій по всѣмъ направленіямъ свои вѣтви и, очевидно, перекрещивающійся и съ цѣпью Балкана и съ Старою-Планиной. Мы знаемъ, что не смотря на трудности этого пути, планъ турокъ состоялъ, да и теперь состоитъ въ томъ, чтобы со стороны Софіи и Орханіе пробиться на сѣверъ, на выручку Плевны. Почему такой трудный путь выбрали турки для этой цѣли—весьма понятно. Разъ—имъ знакома мѣстность и затѣмъ рядъ грозно-укрѣпленныхъ пунктовъ въ соединеніи съ естественными препятствіями, представлялъ бы громадное затрудненіе нашимъ движеніямъ на югъ къ Балканамъ и мѣшалъ бы намъ парализовать попытки турокъ пробиться съ юга къ Плевнѣ. До какой степени, въ самомъ дѣлѣ, турки дорожатъ этимъ путемъ, видно изъ того, что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, Мехемедъ-Али-паша со всею своей арміей находится теперь въ Орханіе. Соответственно этой цѣли и за минувшую недѣлю замѣтны были усилія непріятеля перевозить насъ съ лѣваго фланга и, слѣдовательно, отвлечь массу нашихъ силъ

отъ Софійска-Орханіе-Плевненскаго пути. На прошлой недѣлѣ, съ цѣлью отвлеченія нашихъ силъ къ востоку, армія Сулеймана-паша начала наступательныя дѣйствія противъ Русукскаго отряда на слѣдника Цесаревича и атаковала большими силами наши укрѣпленные позиціи у *Третника* *) и *Мечки*. Но здѣсь непріятельская армія была молодечки отбита войсками 12-го корпуса Великаго Князя Владимира Александровича. Въ то же время нашими войсками предупреждено наступленіе турокъ на *Положирку* и *Киселево* **. За симъ, на прошлой же недѣлѣ, 13-го ноября, въ окрестностяхъ Тернова, 5,000 регулярной турецкой пѣхоты и 1,000 башибузуковъ и черкесовъ, пришедъ отъ *Бурдими* по дорогѣ на *Елену*, сожгли деревни *Иштатовцы* и *Миковцы*, а на Шумлинской дорогѣ турки атаковали нашу переднюю позицію у *Ковачицы*. Наконецъ извѣстно, что турки атаковали недавно Тегевенъ (къ востоку отъ *Этрополя* на р. Видѣ). Словомъ, за прошлую недѣлю было замѣтно *общее* наступленіе турокъ съ востока и юго-востока, съ цѣлью отвлечь наше вниманіе отъ Софійска-Плевненскаго линіи и этимъ хотя отчасти помочь Осману-Пашѣ. Весьма возможно и вѣроятно, что при повтореніи подобныхъ дѣйствій со стороны турокъ, въ тѣлѣ Сулеймана-паша будетъ дѣйствовать самый лѣвый флангъ нашей дунайской арміи, т. е. армія генерала Циммермана, дѣйствующая въ Добруджѣ. Кстати: за прошлую недѣлю объ этой арміи пришло къ намъ нѣсколько официальныхъ извѣстій. Важнѣйшія и единственно возможныя въ такой негостеприимной и разоренной турками же области какъ Добруджа, дѣйствія корпуса генерала Циммермана—это развѣдки и проверка непріятельскихъ силъ. Съ этою именно цѣлю у Циммермана организованы превосходные летучіе отряды. Эти послѣдніе на прошлой недѣлѣ имѣли весьма удачныя стычки съ турками. Результатомъ этихъ развѣдокъ и стычекъ было то, что теперь все пространство на 70 верстъ впереди линіи *Черноводы-Костенджи* (параллельной съ Траяновымъ валомъ) совершенно очищено отъ турокъ. За симъ были осмотрѣны *Бладжикъ* и *Каджи-Оглу-Базарджикъ*. Послѣдній оказался сильно укрѣпленнымъ. Операционный базисъ турецкихъ дѣйствій въ этой мѣстности лежитъ между Шумлою и Османъ-Базаромъ. Развѣдочная же операционная линия генерала и занятіе имъ разныхъ городовъ въ этой мѣстности до сихъ поръ простирались отъ *Кюстенджи* до *Минали* и *Каварни* (по побережью) къ югу и до Силистрии къ западу. Сообра-

*) Къ югу отъ Османъ-Базара, почти на одной дорогѣ съ Румукомъ.

**) Тотъ и другой пункты лежатъ на лѣвой сторонѣ *Лома*. Кацелево—съ вѣрнѣе, а Положирка гораздо южнѣе.

женія этих-то движеній внушают Сулейману-пашѣ опасенія за свой флангъ и оттого дѣйствія его, не въ примѣръ дѣйствіямъ на Шипкѣ) до сихъ поръ представляются крайне нерѣшительными.

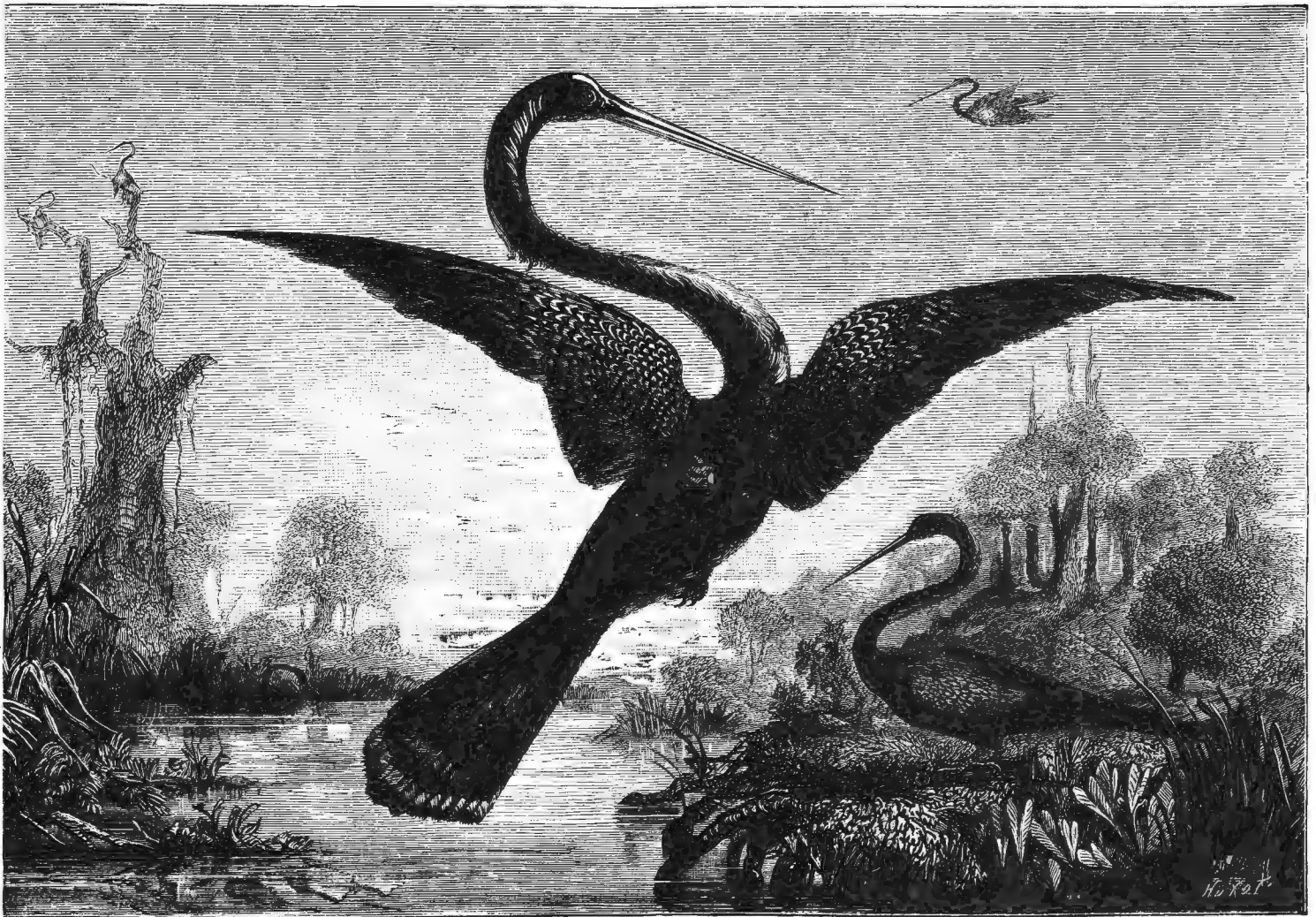
На Закавказскомъ театрѣ войны, за прошлую недѣлю, ничего особеннаго не произошло. По прежнему основными пунктами нашихъ военныхъ операций остаются окрестности Эрзерума и Батума, и въ этихъ-то пунктахъ надо ждать рѣшительныхъ дѣйствій. Мухтаръ-паша недавно ушелъ изъ Эрзерума, а по другимъ извѣстіямъ—только вывелъ оттуда всю бывшую тамъ турецкую кавалерію, которая и заняла затѣмъ городъ *Меласкертъ*, съ цѣлю прикрыть горный Эрзерумъ и Вань.

На прошлой недѣлѣ фактически началась вооруженная борьба между сербами и турками. Сербскій батальонъ, расположенный на восточной границѣ княжества, перешелъ здѣсь турецкую границу у *Вратарницкихъ* горныхъ проходовъ. Побужденіемъ къ этому переходу было то обстоятельство, что турецкія ирегулярныя войска, состоящая изъ мустегафиза, не далеко отъ Вратарницы совершали разныя неистовства и звѣрства надъ болгарскими бѣглецами. Стыч-

планы Вратарницы, и здѣшнее сербское населеніе занимается рыболовствомъ, такъ какъ Тимокъ кишитъ рыбою, и въ немъ водятся громадныя сомы.

Послѣ упомянутой стычки при Вратарницѣ, изъ Сербіи уже успѣло дойти до насъ одновременно извѣстіе, что открытіе Сербіею военныхъ дѣйствій произойдетъ вѣроятно въ среднихъ числахъ декабря (25-го ноября по нашему стилю) и въ день св. Андрея Первозваннаго будетъ провозглашена «независимость Сербіи».

О непрерывныхъ успѣхахъ черногорцевъ на южной границѣ своей маленькой земли, мы сообщали въ прошлыхъ обзорніяхъ. На прошлой недѣлѣ 15-го (27-го) ноября, черногорцы взяли укрѣпленіе *Ногой*, овладѣвъ тамъ 2-мя пушками и большимъ количествомъ припасовъ. За симъ черногорцы подошли къ *Горницѣ*, близъ Скутари и здѣсь турецкая армія пыталась было атаковать непріятеля, но была разбита и обратилась въ бѣгство. Хотя турки при отступленіи разрушили мостъ черезъ р. Бояну*), но это едва ли парализуетъ успѣхи черногорцевъ, все болѣе и болѣе идущихъ впередъ по побережью Албаніи. Есть извѣстіе о взятіи черногорцами въ по-

Птица змѣя. Рис. Е. Жераръ, грав. Гона.

на завязалась весьма жаркая, и въ концѣ концовъ турки были обращены въ бѣгство, а освобожденных болгаръ сербскіе солдаты отвели на свою территорію. Пока дѣло этимъ и ограничилось, но несомнѣнно, что эта стычка послужитъ началомъ болѣе важныхъ дѣйствій. Турки, разумеется, незамедлительно объявятъ поступокъ сербовъ нарушеніемъ нейтралитета; съ другой стороны и для самихъ сербовъ нейтралитетъ уже становится слишкомъ тяжелымъ...

«Вратарница» (отъ кореннаго слова врата, проходъ) составляетъ проходъ между западной частью цѣпи Балкана и горъ Восточной Сербіи. Еще въ прошломъ столѣтіи этотъ проходъ назывался «Passo Augusto» (проходъ Августа). На этой границѣ, какъ извѣстно, течетъ рѣка *Тимокъ*, получившая извѣстность въ минувшую сербскую войну и пробивающая себѣ глубокое ложе въ восточной грядѣ сербскихъ горъ. У Зайчара Тимокъ даетъ отъ себя вѣтъ подъ именемъ «Черне рѣка» или *Кризовирскій Тимокъ*. Уже на любой картѣ видно, что линія большого Тимока не совпадаетъ съ сербско-турецкою границей, а отстоитъ отъ этой границы на 65 верстъ разстоянія. Вся линія пограничныхъ горъ носитъ названіе

слѣднее время еще 2-хъ фортовъ съ 13-ю непріятельскими пушками. За все время дѣйствія въ округѣ Антивари, до сего времени, взято черногорцами 9-ть турецкихъ фортвовъ съ 22-мя орудіями. Затѣмъ, какъ мы уже знаемъ, войска князя Николая заняли всю территорію до рѣки Бояны къ югу и отъ Адриатическаго моря до Скутарійскаго озера по направленію отъ запада къ востоку. Отъ 15-го (27-го) ноября получено уже извѣстіе, что черногорцы бомбардируютъ Скутари (на самой южной оконечности Скутарійскаго озера), что городъ во многихъ мѣстахъ горитъ и что идутъ приготовления къ штурму. Наконецъ *Ульте* и *Дульцинео* (прибрежныя укрѣпленія мѣста Албаніи) сдались черногорцамъ безъ сопротивленія.

Въ политическомъ отношеніи за прошлую недѣлю преимущественное вниманіе опять таки сосредоточивалось на себѣ Франціи. Теперь извѣстно, что новое министерство составилось исключительно изъ *бонапартистовъ*. Опасность положенія Макъ-Магона нисколько не уменьшилась. Вопросъ состоитъ теперь въ вотированіи бюджета.

*) Выдастъ въ Адриатическое море къ югу отъ Скутари и Горницы.

(Продолженіе на стр. 801, 802, 803 и 804).

Черногорцы скорбящие у стѣнъ монастыря объ убитыхъ родныхъ. Рис. Валеріо, грав. Бертронъ.

Если Палата Депутатов откажется вотировать этот бюджет, то Макъ-Магонъ обнаружит послание, въ которомъ онъ пригласитъ себѣ быть судьей въ спорномъ вопросѣ и потребуетъ отъ него, чтобы онъ сдѣлалъ выборъ между «распущеніемъ палаты и отставкою главы государства». Какъ скоро будетъ распущена Палата Депутатовъ, ожидаютъ въ различныхъ департаментахъ объявленія осаднаго положенія. Затѣмъ, въ засѣданіи Палаты Депутатовъ бюджетная коммисія признала незаконность дополнительныхъ кредитовъ, открытыхъ съ 4-го (16-го) мая. Словомъ: Франція, какъ и прежде, ходитъ на вулканѣ, готовомъ разразиться страшнымъ взрывомъ...

— Въ Константинополѣ на улицахъ часто появляются наклеенныя на стѣнахъ возмутительныя воззванія, въ которыхъ требуютъ низверженія султана.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Павловна, сего 12-го ноября, въ четыре часа тридцать пять минутъ утра, благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ Борисомъ.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 46 «Нивы». Наши побѣды на Кавказѣ замѣчательны.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе ребуса въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

Газета «Петербургскій Листокъ» помѣстила въ № 224 три рѣшенія задачи, помѣщенной въ № 46 «Нивы», кромѣ того, мы получили отъ нашихъ подписчиковъ нѣсколько рѣшеній. Даемъ здѣсь мѣсто одному изъ нихъ:

14	16	7	10	18
5	24	9	6	21
23	4	13	22	3
15	20	17	2	11
8	1	19	25	12

СОДЕРЖАНІЕ: Генераль-майоръ Ю. А. Лошаревъ, командиръ 9 кавалерійской дивизіи (съ портретомъ). — Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть третія. (Продолженіе). — Нижне-Тагильскъ и его рудники (съ 2-ми рисунками). — Охота на зайца (съ рисункомъ) Е. В. — Пѣшій кавалеристъ (съ рисункомъ) Н. К. — Моравская невѣста (съ рисункомъ). — Бой у Хассанъ-Кале (съ рис. Н. К. Anhingo (Зимняя птица) (съ рисункомъ). — Скорбь черногорцевъ (съ рисункомъ). — Политическія и военныя извѣстія. — Придворныя извѣстія. — Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 46 «Нивы». — Ребусъ — Рѣшеніе арифметической задачи помѣщенной въ № 46 «Нивы». — Курсы с.-петербургской биржи. — Объявленія.

Издатель А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ Д. СТАХѢВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИРЖА.

Полум. 8 р. 5 к. 5% бил. госуд. банка перваго выпуска 95 1/2 второго вып. 94 1/4, третьяго вып. 93 3/4, четвертаго вып. 94 1/4, 6% сереб. ромъ 110 1/2, 5% 2 займа 1822 г. 114 1/2, 5% 5 займа 1854 г. 96, 5% 7 займа 1862 г. 118 1/4 5% Восточный з. 90 7/8 5% внутр. съ вынгр. заемъ 1864 г. 224, 5% внутр. съ вынгр. заемъ 1866 г. 218 1/4 5% займа гор. Петерб. 88 3/4, 5% облиг. с.-пет. гор. кредит. общ. заемъ 90 1/4, 5% облиг. моск. гор. кредит. общ. 88 3/8, 5 1/2% облиг. одесскаго город. кред. общ. 82, 6% обл. кромштадск. город. кред. общ. 87 1/2, 5% закл. явств общ. взаим. позем. кред. 112.

КАРТИНЫ

по священной исторіи ветхаго и новаго завета.

Изданныя Товариществомъ Метахромитинъ «Ракочій, Сидорскій и К^н» удостоенныя посвященіемъ Ея Императорскому Высочеству Г. сударыни Цесаревны, одобренныя Учебнымъ Комитетомъ Святейшаго Синода преміумъ естество предъ другими изданіями, какъ вполне соответствующія ученію Православной церкви, особенное вниманіе большей части учебныхъ заведеній и публичн, оправдавъ на дѣлѣ ожиданія, какъ въ педагогическомъ, такъ равно и художественномъ отношеніяхъ, о чемъ многократно было заявлено и въ печати лицами компетентными въ данномъ случаѣ.

По указанію же многихъ изъ преподавателей Закона Божія, картины эти хотя отлично исполнены, но въ не большихъ учебныхъ заведеніяхъ (домашнихъ, народныхъ и сельскихъ школахъ) своимъ большимъ форматомъ (9—13 вершковъ безъ полей) представляютъ то неудобство, что, по снатовости помѣщеній, развѣсивъ ихъ на стѣнахъ въ школахъ, для легчайшаго ознакомленія учащихся съ событіями нашей религіи, отчасти затруднительно, въ особенности же въ частныхъ домахъ. Въ этомъ является и вся причина (какъ высказалось по указаніямъ тѣхъ же преподавателей Закона Божія), почему многія школы и частныя лица Православнаго вѣроисповѣданія прибѣгаютъ зачастую къ покупкѣ иностранныхъ изданій (англійскихъ и нѣмецкихъ), какъ въ крайности, единственно только потому, что онѣ удобнаго формата и доступны по цѣнѣ какъ для школы, такъ и для частныхъ лицъ.

Въ видахъ устраненія этого крайняго неудобства, нѣрѣдко тяжело отражающагося на учащихся, вслѣдствіе ложныхъ, далеко не соответствующихъ догматамъ Православія, изображеній, я, членъ Товарищества И. П. Сидорскій, по обсужденію съ моими компаньонами, предпринялъ изданіе тѣхъ же самыхъ, одобренныхъ означенными Комитетами, картинъ, я, предпринялъ, исправивъ, измѣнивъ и дополнивъ оригиналы художника Брюкова, Барвитаго согласно указаніямъ учебнаго Комитета Святейшаго Синода, въ настоящее время издалъ ихъ въ такомъ именно форматѣ, который вполне будетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ народныхъ, сельскихъ, полковыхъ школъ и вообще всѣхъ учебныхъ заведеній. Размѣръ издаваемыхъ мною картинъ 10—15 дюймовъ (безъ полей) т. е. въ двое больше по размѣру картинъ другихъ большаго формата изданій, находящихся въ продажѣ (Шрейберъ, Шнора, Михайловскаго и др.)

Чтобы придать болѣе отчетливости и рельефности изображеніямъ, рисунки награвированы на деревѣ лучшими граверами въ С.-Петербургѣ и печатаются настоятельно ясно и отчетливо, что каждое изображеніе на рисункѣ можно въздѣть на большаго разстояніи также ясно, какъ и на той же картинѣ большаго формата.

Для приданія изображенію большей ясности, а рисунку яснѣштва, картины печатаются на толстой, роскошной, бѣлой бумагѣ, въ нѣсколькихъ тонахъ, съ бликами, что, понятно, сопряжено съ немалыми затратами, но, въ виду развитія въ народѣ вкуса къ изящному и болѣе точнаго ознакомленія его съ возможно-вѣрными выполненіемъ исторической истины нашей религіи, я поставилъ себя въ необходимость пренебрегать неуклонно этого способа печати, чѣмъ, быть можетъ, и положится предѣлъ наплыву и продажѣ у насъ на Руси заграницныхъ изданій съ изображеніями, противными догматамъ истиннаго ученія Православной церкви и, быть можетъ, школы нашего отечества украсится нагляднымъ пособіемъ по Св. Исторіи, чисто русскаго изданія, вполне соответствующаго истинному ученію Православія.

Цѣна полной коллекціи въ 50 картинъ:

- На александрійской бумагѣ, въ нѣсколькихъ тонахъ. 7 р. — к.
- » раскрашенныхъ акварелью 13 » — »
- 12 картинъ изъ дванадцатыхъ правдивыхъ, въ тонахъ. 2 » 50
- » раскрашенныхъ акварелью 4 » 26

И сверхъ того пересылочныя, по почтовому положенію, какъ за вещи, за 9 фунтовъ при выпискѣ полной коллекціи картинъ и за 3 фунта при выпискѣ дванадцатыхъ правдивыхъ.

Желашіе приобрести эти картины благоволятъ высказать свои требованія заблаговременно, съ приложеніемъ денегъ: въ С.-Петербургѣ, Троицкіи переулокъ, д. № 27, въ заведеніи Товарищества «Метахромитинъ» издателю И. С. Сидорскому.

Складъ изданныхъ картинъ будетъ находиться исключительно въ заведеніи Метахромитинъ и книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о въ С.-Петербургѣ, у Липилова сада.

По высылкѣ только по этимъ адресамъ издатель отвѣчаетъ за аккуратную высылку.

Земствамъ, выписывающимъ сверхъ 10 экземпляровъ дѣлается скидка.

И. П. Сидорскій.

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 8,
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
 и проч.
 ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
 ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
 въ Петербургѣ,
 Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.
 Товарищество Чемберсъ и К^о.

№ 29 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ 3-1
ВЪ ПАССАЖѢ
 знаменитаго механическаго утка
 Музей открытъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 10 ч. вечера За входъ 40 к. дѣти половину.
 Большой Анатомическій музей, Б. Морская № 33.
 1000 достопримѣчательныхъ предметовъ. По пятницамъ для дамъ.
И. В. ГАССНЕРЪ.

№ 30 ПОСѢДѢВШІЕ ВОЛОСЫ.
 принимаютъ свой первоначальный черный, каштановый и бѣлокурый цвѣтъ отъ непроизводительнаго употребленія, Eau-de-saville O-de-napile (однаго елавоны) безвредный, очень приятный; явственно при употребленіи. Съ пересылкою 2 р. 50 к. А Штейнбергъ Невскій пр. № 25. Дѣло косметической лабораторіи. 1-1

АРТЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ
ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ.
 Въ настоящее время принимаетъ заказы на слѣдующія работы платки ватныя, льновыя, краповыя вещи и стѣжка одяль; бѣлье и мѣтка, шляпы, чепчики и цвѣты.
 Артель желая заслужить довѣріе въ публичнѣ выбрала самыхъ лучшихъ мастерицъ и закройщицъ, и надѣется своимъ добросовѣстнымъ исполненіемъ привлечь многіе магазины. При большомъ числѣ работающихъ платки могутъ шить въ 24 часа. Тутъ же дадутъ уроки кройки и пластенія кружевъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ мастерской также принимаютъ заказы.
 № 50 Уголъ Б. Итальянской и В. Садовой д. № 5—10 кв. № 6. 1

Н. Ф. Кюль имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что съ 1878 года цѣны на своровымаеяся масляныя краски увеличатся, противъ цѣнъ, показанныхъ въ прейсъ-курантѣ 1877 года на 40 к. за пудъ—Прейсъ-курантъ, содержащій въ себѣ 50 образцовъ и короткое объясненіе къ производству малярныхъ работъ; высылается бесплатно.—СПБ. Казанская 38. № 42 5-1

№ 44 Для театровъ и домашнихъ спектаклей,
 Григоровскій различныхъ цвѣтновъ и отбѣвнъ.
 А. Штейнбергъ Невскій проспектъ № 25. Дѣло косметической лабораторіи.

**ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.
ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„НЕДЪЛЯ“
(52 номера въ годъ)
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО
ЖУРНАЛА
РОМАНОВЪ И ПОВЪСТЕЙ.
(12 книжекъ въ годъ)**

Годовая цѣна за оба изданія 8 р. съ пересылкой,

Въ 1878 году «НЕДЪЛЯ» будетъ выходить съ бесплатнымъ приложеніемъ «ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВЪСТЕЙ» (12 книжекъ въ годъ) «НЕДЪЛЯ» имѣетъ цѣлю давать читателямъ статьи, но полныя, ясныя и серьезные отчеты обо всемъ, что происходитъ въ теченіи недѣль замѣчательнаго въ политической и общественной жизни Россіи и иностранныхъ государствъ.

«НЕДЪЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими произведеніями лижной и журнальной литературы.

Посредствомъ очерковъ, рассказовъ и этюдовъ изъ дѣйствительной жизни «НЕДЪЛЯ» даетъ понятіе о нуждахъ и потребностяхъ различныхъ классовъ общества и народа.

Въ статьяхъ обществено научныхъ, политическихъ и историческихъ «НЕДЪЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими вопросами, стоящими на очереди и близкими каждому образованному человеку.

Въ корреспонденціяхъ изъ провинціи «НЕДЪЛЯ», кромѣ сообщенія общенитересныхъ фактовъ, имѣетъ цѣлю выводить на свѣжую воду всякаго рода господъ, обдѣлывающихъ свои дѣлания подъ покровомъ провинціальной безгласности.

Наконецъ, во все продолженіе войны «НЕДЪЛЯ» будетъ давать въ каждомъ номерѣ «ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ ВОЙНЫ». По этимъ статьямъ читатели могутъ составить себѣ не только точное и полное понятіе о ходѣ военныхъ дѣйствій, но и ознакомиться со всеми интересными эпизодами той великой драмы, которая разыгрывается на Балканскомъ полуостровѣ.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ И ПОВЪСТЕЙ» будетъ выходить еженѣщчно (12 книжекъ въ годъ), составляя бесплатное приложеніе къ газетѣ «НЕДЪЛЯ». Въ немъ будутъ печататься лучшіе русскіе и иностранные романы и повѣсти. Относительно послѣднихъ будетъ обращено особенное вниманіе на точность, художественность и изысканность перевода. Для своевременнаго полученія новыхъ романовъ редакція запаслась сотрудниками въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

Подписка на 1878 годъ открыта. Требования адресовать: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію «Недѣли», на углу Шаповаловъ и Кабинетской, № 6 — 12. № 32 3—1 Редакторъ-Издатель П. А. Гейдебуровъ.

„ПРИРОДА“

(одобрено для библиотекъ и учебныхъ заведеній)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 12 Р., СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ 18 Р. 50 К.

(безъ хромолит. и литогр. прилож. 8 р. съ пер. 9 руб.).

Подписчикамъ на 1877 г. выдается «Популярная физиологія Д—ра Лебона, которая будетъ стоить въ отдѣльной продажѣ 3 руб. 50 коп.

Выходятъ 4 раза въ годъ, книгами около 27 печ. листовъ, съ 6—8 хромолитогр. и 100—150 рисунками въ каждой книгѣ. Въ Сборникѣ помѣщаются популярныя статьи по Естественной, Этнографіи, Путешествія, статьи по Медицинѣ, Гигіенѣ, Технологіи, Сельскому Хозяйству, Охотѣ, Военному и Морскому дѣлу и т. п.

Остатшіе экземпляры Сборника за 1873 г. (2 экз.), 1874, 1875 и 1876 гг. (14 томовъ со 100 хромолитогр. и литогр. и 1000 рисунковъ въ текстѣ)—стоятъ безъ приложеній 23 р. съ приложеніями 32 р. съ пересылкою.

„ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 8 Р., СЪ ПЕРЕС. 9 Р.

(На полгода 4 руб. 50 коп., съ пересылкою 5 руб.).

Выходятъ еженѣщчно съ хромолитогр. или литогр. и многими рисунками въ текстѣ. Въ концѣ года будутъ выданы въ видѣ премии 2 раскраш. рисунка лучшихъ собакъ 3-й очередн. выставки. Въ журналѣ помѣщаются охотничьи рассказы и очерки, спеціальныя статьи по ружейной и псовой охотѣ, о породахъ, содержаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ, ружьяхъ, мовографіи, охотничьихъ животнхъ, корреспонденціи, мелкія замѣтки, новости охотничьяго дѣла и т. п.

Остатшіе экземпляры Ж. Охоты за 1874 г. (6 экз.), 75 и 76 г., а всего 5 томовъ можно выписать изъ конторы редакціи по 8 р. 50 к. а въ 5 томовъ, заключающихъ 30 хромолит. и литогр. 5 премій и особымъ приложеніемъ 1876 г.: «Зависимъ псового охотника» П. М. Мачварянова (160 стр.) и Тетеревъ-носачъ Л. П. Сабаньева (100 стр.)—за 16 р., съ подпиской на 1877 г. за 24 р. съ перес.

Подписка принимается исключительно въ редакціи Сборника «Природа» и Ж. Охоты (Москва, Петровка, д. Самариной). Съ 1 ноября открыта подписка на 1878 г.

Подписавшіеся на оба изданія въ редакціи платятъ 16 р. с. безъ и 20 р. съ приложеніями Сборника № 18 4—3 Ред. Л. И. Сабаньевъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

**СОБРАНІЯ
ИНОСТРАННЫХЪ
РОМАНОВЪ, ПОВЪСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.**

Въ 1878 году, какъ и въ предшествующіе двѣдцать два года, «Собраніе Романовъ» даетъ лучшія сочиненія въ иностранной беллетристикѣ, преимущественно англійской и французской, будетъ выходить всегда въ первыя числа мѣсяца книжками большого формата и помѣститъ въ годъ отъ десяти до двѣнадцати большихъ романовъ и множество повѣстей и рассказовъ самаго разнообразнаго содержанія, что составитъ въ концѣ года болѣе трехсотъ печатныхъ листовъ или около пяти тысячъ страницъ. На 1878 годъ приготовлены слѣдующіе романы, которые впрочемъ могутъ быть замѣнены другими болѣе интересными, если встрѣтятся таковыя:

- Немчужина востока, изъ событій въ Константинополѣ, Антоніа Жюере,
- Преступленіе моего отца, Влекюра.
- Мас-Горна, Густава Эжара.
- Подставной, Джемса Сейна.
- Драма въ Розовомъ Домѣ, Ксавье-Монтпенно.
- Сигналъ бѣдствія, Майнъ Рюда.
- Волокита-мужъ, Фауренціи Марретья.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большого формата, выходитъ нѣкъ всегда въ началѣ мѣсяца—десять рублей пятнадцать коп., съ доставкою въ С.-Петербургѣ—одиннадцать, для иногороднихъ подписчиковъ—двѣдцать рублей.

Подписка принимается исключительно на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахатовой, въ д. Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія.

№ 33 3—2

Изданія М. Цебриковой въ пользу женскихъ курсовъ.

Эмилъ XIX вѣка А. Эспироза съ приложеніемъ статьи «Теорія воспитанія Спенсера» 2 е изданіе цѣна 1 р. 50 к.

Медицина и медики Э. Литтера ч. 2 р.

Депутатъ города Парижа романъ изъ временъ второй французской имперіи ч. 2 р.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ Н. Р. Выпускъ I-й. Повѣсть маменьки ч. 60 к.

Выпускъ 2-й Самодуры рассказъ ч. 50 к.

Новая жизнь романъ Ауэрбаха изъ эпохи реакціи 1849 г. ч. 2 р. 20 к. 1

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ НА
„ИЗУМРУДЪ“**

сборникъ переводныхъ романовъ, путешествій и небольшихъ разсказовъ.

«Изумрудъ» будетъ издаваться въ Москвѣ, книгами большого формата, шесть разъ въ годъ, и выходить между 10 и 20 числами января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА „ИЗУМРУДЪ“ ВЪ ГОДЪ:

- Въ Москвѣ, безъ доставки на домъ 5 руб. — коп.
- „ „ съ доставкою „ 5 руб. 50 коп.
- Съ пересылкою иногороднымъ 6 руб. — коп.

Подписавшіеся на сборникъ на 1878 годъ и внесшіе деньги до 15 декабря 1879 г. получаютъ бесплатно историческій романъ подъ заглавіемъ „Мануилъ Кожневъ, императоръ Византии“ который отдѣльно будетъ продаваться по 2 рубля.

Подписка на „Изумрудъ“ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи сборника; на углу Тверской улицы и Газетнаго пер. въ домѣ № 230.

Примечаніе. Иногородныхъ просятъ не смѣшивать редакціи „Изумрудъ“ съ редакціею издающагося въ Москвѣ „Журнала иностранныхъ переводныхъ романовъ“, находившейся прежде на Тверской, но переведенной теперь на Покровку, ибо какъ между названными редакціями, такъ и между названіями ихъ нѣтъ вовсе солидарности. № 42 1

Педагогическій журналъ «Воспитаніе и Обученіе», бывшій «Дѣтскій Садъ» будетъ выходить въ 1878 г. въ направленіи принятомъ съ 1876 г. Правильное практическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда высшена теорія. Редакція поставила задачей своей высненіе теорій, на которой должно быть основано воспитаніе, въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣсы печатается рядъ замѣтокъ изъ воспитательной практики. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста будутъ помѣщены рассказы, стихотворенія, біографіи прилагаются рисунки. Въ 1877 году были помѣщены статьи: въ педагогическомъ отдѣлѣ; Личность ребенка М. Артемьевой, Дисциплина въ же, Педагогика и гигиена; ихъ взаимныя отношенія, В. Португалова Школа, какъ посредница заравы, его же. Чувство, Воображеніе, Наше преподаваніе русской литературы, Общ. изученіи иностранныхъ языковъ, Замѣтка о женскомъ образованіи, Отношенія родителей и учителей, О чувствахъ и умѣ, Базе. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Скиталецъ стихотвореніе А. Михайлова. На рѣкѣ, рассказъ, его же. Моя кузина, повѣсть М. Артемьевой, Аскратъ. Изъ жизни человека и природы О. Н. Поновой. Вода, путешествія по Австраліи, для младшаго возраста Рождественный сонъ, сказка А. Михайлова. Клязьма стихотвореніе, И. З. Сурикова. Поляръ на кораблѣ М. Артемьевой. Кузя въ Штерѣ С. Самойловичъ, Богарскія дѣти, рассказъ. Саонъ. Кронодилъ.

Журналъ выходитъ еженѣщчно въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8 доломъ большого формата цѣна 5 р. 50 к. безъ доставки. Съ пересылкой и доставкой 5 руб. Подписка принимается у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи; Еватернинской проспектъ д. № 51 кв. 4.

№ 45 Издатель В. Уггла. Редакторъ Е. Бороздина. 2—1

Вышла изъ печати и поступили въ книжную продажу первые три тетради:

„ЮГЪ“

Историческіе рассказы изъ временъ 500-лѣтней борьбы Сербовъ и Черногорцевъ противъ турокъ.

Съ чешскаго пер. И. Цитовъ и И. Соневицкій.

Изданіе въ 15 тетрадяхъ выходящихъ еженедѣльно по одной. Цѣна каждой тетради по 64 стр. 20 к., съ пересылкой 25 к. При заказѣ всѣхъ 15 тетрадей издатель высылаетъ ихъ по мѣрѣ выхода изъ печати на свой счетъ.

Содержаніе «Юга»: 1) Косово поле. 2) Милане и Базетъ. 3) Ангора. 4) Последний король Востокскій. 5) Венеціанская свадьба. 6) Гарачъ. 7) Крува. Въ то время, когда тысячи нашихъ молодыхъ наемниковъ въ бою противъ врага югославянства за освобожденіе его изъ подл 500-лѣтняго страшнаго рабства, интересо каждому русскому знать исторію этого долговременнаго страданія нашихъ единовѣрцевъ и ихъ геройской борьбой противъ ихъ варварскихъ угнѣтателей, исторію столь печальную, но и выстѣ съ тѣмъ отрадную для сердца русскаго народа, которую передаетъ «Югъ» въ самыхъ интересныхъ разсказахъ.

Комиссіонеръ-издатель Іосифъ Ф. Шмидтъ, русская книжная и музыкальная торговля, Москва, Моховая, д. Куманина. № 47 1

№ 35 ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ 1

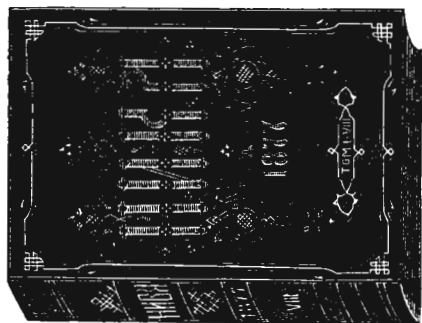
„ЛУЧИ“

Книга для класснаго чтенія и упражненій при изученіи русскаго языка въ ГОРОДСКИХЪ, ПРИХОДСКИХЪ И СЕЛЬСКИХЪ НАЧАЛЬНЫХЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ. СОСТАВИЛИ И. ПОЛКАНОВЪ И В. ВАСИЛЬКОВА. ЦѢНА КНИГЪ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

При требованіи въ разъ десяти и болѣе экземпляровъ уступается 10% и сверхъ того пересылка на счетъ составителей.

СЪ ТРЕБОВАНИЯМИ АДРЕСОВАТЬСЯ: въ село Барань, Спаснаго уѣзда. Казанской губерніи, Ивану Александровичу Полканову и въ г. Казань книгопродавцу А. А. Дубровину, на Воскресенской улицѣ, въ Гостиномъ дворѣ, № 1.

КРЫШКИ для переплета «Нивы» 1877, и 1878 г. по вышеозначанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 коп. Каждый простой переплетчикъ въ губернской городѣ легко можетъ переплести «Ниву» въ такую колѣнкорую крышку.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ДЕШЕВАЯ ГАЗЕТА

«**ЭКСКУРСЪ**»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ

**Выходитъ безъ предвзятельной цензуры
ЕЖЕДНЕВНО, УТРОМЪ,**

не исключая понедельника и дней послѣ большихъ праздниковъ въ
которые выходятъ №№ въ уменьшенномъ объемѣ.

Листъ газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“ будетъ заключать въ себѣ не менѣе 1,500
печатныхъ строкъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1878 ГОДЪ:

Съ доставкой на домъ въ С.-Петербурѣ и съ пересылкою иногороднымъ:
на годъ **ПЯТЬ РУБ.**
на полгода **ТРИ РУБ.**
на три мѣсяца **ДВА РУБ.**
Г. подписчики, желающіе пользоваться разсрочкою подписной платы, за годовой
экземпляръ съ доставкой и пересылкою платятъ: при подпискѣ—2 руб., 1-го
марта—1 50 к., 1-го июля—1 р. и 1-го сентября—1 руб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербурѣ: 1) Въ конторѣ редакціи газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“, на Боль-
шой Конюшенной, въ домѣ Языковой, домъ № 15, кв.
№ 22, а также въ книжномъ магазинѣ А. Черкесова и
К° по Невскому проспекту, противъ Публичной Библио-
теки № 54.
Въ Москвѣ: Въ отдѣленіи конторы и редакціи газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“
на Спирidonовѣ, въ домѣ Варженевскаго.

Программа газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“,

УТВЕРЖДЕННАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ:

1) Законенія, распоряженія и сообщенія правительственные. 2) Телеграфиче-
скія депеши, получаемыя какъ отъ русскихъ, такъ и отъ иностранныхъ телеграф-
ныхъ агентствъ, а также отъ корреспондентовъ редакціи. 3) Разныя внутреннія
извѣстія, официальныя и не официальныя. 4) Статьи по разнымъ вопросамъ,
какъ возникающимъ со стороны администраціи, и порождаемымъ современною
жизнію общества. 5) Статьи и извѣстія политическаго содержания. 6) Судебная
практика и судебныя рѣшенія. 7) Разнаго рода беллетристическія статьи, критика,
биографія, художества. 8) Новости общественной жизни, театра, искусства, ре-
мель и пр. 9) Объявленія казенныя и частныя.

Отъ редакціи газеты „ТЕЛЕГРАФЪ“.

Дешевизна, общедоступность, полнота, отзывчивость ко всему интересующему об-
щество, — вотъ главныя цѣли, къ которымъ будемъ стремиться новая газета „ТЕЛЕ-
ГРАФЪ“. Немногіе имѣютъ возможность платить дорого за газету, не у всѣхъ до-
стоинствъ длинныя столбы большыхъ изданій; но всё, отъ столбичаго до
провинциальнаго и деревенскаго жителя, желая внимательно слѣдить за явле-
ніями общественной и государственной жизни, всё желаютъ найти отголосокъ
своимъ взглядамъ и желаніямъ и особенно нынѣ жить общою жизнью съ отече-
ствомъ. Такихъ читателей редакція исключительно имѣетъ въ виду: для нихъ она
будетъ трудиться.

Война обнаружила нашу силу и нашу слабость; она породила рядъ новыхъ,
сложныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, захватывающихъ всю нашу внутреннюю
жизнь. Эти вопросы приобрѣли реальное значеніе, небывалую популярность и воз-
буждаютъ живѣйшій интересъ во всѣхъ классахъ русскаго общества. Время легко-
вѣснаго отношенія печати къ явлениямъ государственной и общественной жизни
миновало. Господствующему тону памфлетовъ и личнаго зазора должно быть про-
тивопоставлено — знаніе, опытъ, спокойное и трезвое обсужденіе, соответствующее
серьезности переживаемыхъ нами дней. Это новое, столь утѣшительное настроеніе
общества должно найти себѣ отголосокъ въ печати, равно какъ и патристическія
чувства, вызванныя войною. Къ сожалѣнію, нерѣдко на ряду съ банальными и за-
ученными фразами, которыми какъ бы воздается дань чувству патриотизма, встрѣ-
чаются какъ-то странно въ настоящую минуту сомнѣнія въ величій поставленной
войною задачі и въ возможность достигнуть желаемыхъ результатовъ. Но фило-
софскія изрѣченія и безплодные мудрствованія не заставятъ сомнѣваться и отрицать
тѣхъ, кто желаетъ сочувствовать, дѣйствовать и помогать. Приступая къ изданію
общедоступной газеты, мы руководились желаніемъ объединять въ ней отрывочныя
стремленія лучшей части общества, совпадающія съ дѣйствительными его потреб-
ностями. Мы надѣемся, что содѣйствіе просвѣщенныхъ сотрудниковъ нашихъ и
нашъ двадцатилѣтній опытъ помогутъ новой газетѣ встрѣтить общее сочувствіе.

Газета „ТЕЛЕГРАФЪ“ — самая дешевая изъ всѣхъ существующихъ нынѣ ежеднев-
ныхъ газетъ въ Россіи — будетъ въ яркой и легкой формѣ сообщать все то, что
служитъ неотъемлемымъ содержаніемъ всякой ежедневной газеты.

Въ газетѣ „ТЕЛЕГРАФЪ“, въ составѣ отдѣловъ: телеграммъ, разныхъ извѣстій, статей
политическаго содержания, между прочимъ, войдутъ: официальные телеграммы и извѣстія
съ театра военныхъ дѣйствій, телеграммы о важныхъ событіяхъ изъ разныхъ мѣстъ Им-
періи; политическія заграничныя новости, почерпнутыя изъ иностранныхъ и русскихъ
газетъ, извѣстія и корреспонденціи изъ провинціи: о распоряженіяхъ мѣстныхъ админи-
стративныхъ властей, о земской дѣятельности, вопросахъ народнаго образованія, извѣстія,
относящіяся къ енархическому управленію; торювыя извѣстія съ русскихъ и иностран-
ныхъ биржъ, всесельные курсы, цѣны процентныхъ бумагъ и золота на петербургской
биржѣ, свѣдѣнія о мѣстныхъ армаркахъ, урожаихъ, цѣнахъ на хлѣбъ и другіе предметы
мѣстной торговли, свѣдѣнія о положеніи мѣстной промышленности и производства, извѣ-
стія, непосредственно относящіяся къ военному дѣлу, или имѣющія съ нимъ связь; ново-
сти дня, имѣющія общественный интересъ, происшествія, некрологи и пр. и пр. Фельетоны
разнагого содержания, театральная хроника и проч. Въ составѣ беллетристическаго
отдѣла войдутъ небольшія повѣсти и рассказы и проч.

Издатель и редакторъ **К. В. Трубиниковъ.**

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

При этомъ № предлагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія: 1) отъ книжнаго магазина С. И. Леушина
въ Москвѣ. 2) отъ книжнаго магазина Экскурсаго въ СПб. (оба за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ). Кроме
того 3) приложение для всѣхъ гг. иногородныхъ подписчиковъ отъ редакціи „Библиотека для чтенія“.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 49

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—8 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдавъ 5 Декабря 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цена этого № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлительно возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатныя редакціонныя адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ на 1878 г.	{	Безъ доставки въ Пбургъ	4 р.	Безъ доставки въ Москву чрезъ книжныя магазины г. Живарева, Соловьева и Ланга	5 р.
		Съ доставкою	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе го- рода Русской Имперіи	6 р.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.
При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ДЕКАБРЬ съ 86 рис. и отдѣльный листъ съ 27 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 39 рис. руководящихъ работъ и 38 вензелей буквъ—иниціаловъ для мѣтки бѣлья.

Христина Нильсонъ.

Путешествіе в ни-
ки, которымъ около
половины пятидеся-
тихъ годовъ при-
ходилось проѣз-
жать по проселоч-
ной дорогѣ между
Вексје и Христиан-
стадомъ (въ Шве-
ціи), весьма часто
могли встрѣчать у
изгороди близъ по-
мѣстья графовъ
Гуго и Малькольма
Гамильтоновъ ма-
ленькую дѣвочку,
старавшуюся опере-
дить другихъ кре-
стьянскихъ дѣтей,
для того чтобы от-
ворить ворота путе-
шественникамъ и
получить за эту ус-
лугу какое-нибудь
вознагражденіе.
Этотъ ребенокъ
была Христина
Нильсонъ, младшая
дочь бѣднаго зем-
ледѣльца, Юны
Нильсона, ко-
торый въ 1852 г.
поселился въ мѣ-
стечкѣ Скателефъ,
въ округѣ Вексје.
Этими услугами она
намѣревалась ско-
пить капиталъ для
покупки скрипки.
Хотя скрипка и
ниглася въ домѣ, но
она принадлежала
брату и служила
средствомъ въ про-
кормленію семей-
ства.

Собіраніе капи-
тала для приобрь-
тенія скрипки под-
вигалось впередъ
очень медленно—и
вотъ Христина,
чтобы не потерять
времени, сама соо-
рудила себѣ скрип-
ку, выдолбила дре-
весину, натянула на
нее струны и изъ
импровизированна-
го инструмента ей
посчастливилось
извлечь звуки, му-
зыкальные или
нѣтъ—въ сужденіе
не входимъ. Ей ми-
нуло тогда восемь
лѣтъ. Чрезъ нѣс-
колько времени
братъ ея покинулъ
отцовскій кровъ и
взялъ скрипку съ
собою, а вмѣстѣ съ
нею и источникъ
доходовъ, получае-
мыхъ отъ свадебъ,
ярмарокъ и т. п.
Пришлось купить
Христинѣ давно ею
желаемую скрипку.
Какъ описать вос-
торгъ ея? Теперь
предстала возмож-
ность, не опасаясь
быть наказанною,
заняться игрою
сколь угодно душь ея
угодно было, и въ
то же время дать
приволье своему
звучному дѣтскому
голосу. Но увы! не
чуждо сердце, что
"Руниверс"

Христина Нильсонъ. Примадонна С.-Петербургской Итальянской оперы. Граф. Френкель.

Библиотека

исполнение желанія его будетъ источникомъ многихъ горестей. Какъ только Христина приобрѣла нѣкоторый навыкъ въ игрѣ, ее назначили въ преемницы брата, и вмѣсто того, чтобы самой паясать и рѣзвиться въ кругу своихъ сверстницъ, ей пришлось нагрѣвать къ пляскѣ другимъ, въ хижинахъ полныхъ дыма и пыли, и это часто всю ночь на пролетъ. Иногда усталость и изнуреніе овладѣвали ею, смычекъ выпадалъ изъ рукъ, но отдыхать ей не позволяли; крестьяне нанимали музыку на всю ночь и требовали точнаго исполненія условія. Отъ такого образа жизни многіе лишились бы здоровья и силъ, но Христина обладала крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, постоянныя путешествія и ѣздомъ на ярмарки, отстояшія отъ мѣста жительства на нѣсколько миль, укрѣпляли ее усилы. Голосъ ея, будучи еще съ дѣтства яснымъ и звучнымъ, укрѣплялся болѣе и болѣе. Ну, а не щадила она его! Такъ какъ смычекъ ея не всегда могъ покрывать голоса разпумѣвшей толпы, то она, исполняя какую нибудь польку, къ скрипкѣ присоединяла и свой голосъ и этимъ получала двойной восторгъ и двойную прибыль.

Христина Нильсонъ слыхала о Женнѣ Линдѣ, о театрѣ, и поневолѣ задумывалась, какъ бы и ей получить музыкальное образованіе и покинуть эту странствующую жизнь. Но куда дѣться. Какъ безъ средствъ покинуть родину? Ей минуло 14 лѣтъ. Однажды на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ Юнгби, отстоящемъ отъ мѣста ея родины на 6 миль, она была замѣчена оруженымъ судьей Торнегельмъ, и отдана имъ на воспитаніе въ Гальмстадъ, въ дѣвичъ Валеріусъ (впослѣдствіи баронесса Лейгусенъ). Тша-

тельно и съ большимъ стараніемъ прекрасный голосъ былъ усовершенствованъ. Вслѣдъ за тѣмъ молодая артистка провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Гетеборгѣ у своей покровительницы и въ концѣ 1859 г. дальнѣйшее образованіе 16 лѣтней пѣвицы было поручено Стокгольмскому профессору Францу Бервальдъ, въ семействѣ котораго она встрѣтила самый радужный пріемъ. Во время своего пребыванія въ столицѣ Швеціи, она выступила предъ публикою на музыкальномъ вечерѣ 28 февраля 1860 года.

За снѣмъ артистка покинула родину и поселилась въ Парижѣ, гдѣ подъ руководствомъ Массе и Вартеля посвятила себя музыкальному образованію. 27 октября 1866 года, она была ангажирована на сцену парижскаго театра Liŕique на три года. Въ этотъ періодъ времени Христина Нильсонъ посѣтила Англію. Въ 1867—70 прославленная примадонна участвовала въ парижской большой оперѣ, а въ 1870—71 она предприняла артистическую поѣздку по Америкѣ, куда слава ея успѣла проникнуть и приготовить ей восторженный пріемъ. Въ 1872 г. Христина Нильсонъ вторично посѣтила Англію, гдѣ вступила въ бракъ съ господиномъ А. Рузо (Rouzeaud). Зимой 1872—73 она съ блистательнымъ успѣхомъ гостила въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ чудесный голосъ ея очаровалъ всѣхъ. Осенью и весной 1873—74 она предприняла вторичное путешествіе по Америкѣ. Въ настоящій сезонъ г-жа Нильсонъ, посѣтивъ Москву, снова поетъ у насъ въ Петербургѣ и доставляетъ истинное удовольствіе любителямъ итальянской оперы.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

Императоръ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, взявъ руку невѣсты и отвелъ ее подъ балдахинъ къ одному изъ кресель, а въ другое сѣлъ самъ. И такъ неподвижно и молча сидѣли они нѣсколько минутъ.

Княжна Катерина была одѣта въ платье изъ серебряной ткани, плотно охватывавшей ее нѣжный станъ. Волосы ея были расчесаны на четыре косы и убраны алмазами, на головѣ была надѣта маленькая корона.

Княжна опустила глаза и ни на кого не смотрѣла. Лицо ея было блѣдно, губы сжаты, но во всей ея фигурѣ было замѣтно спокойствіе. Императоръ тоже вдругъ поблѣднѣлъ и не глядѣлъ на свою невѣсту. Онъ разсѣянно перебиралъ серебрянное шитье на своемъ свѣтломъ камзолѣ. По временамъ утомленіе и даже тоска выражались на лицѣ его. Ему было неловко, онъ Богъ знаетъ что бы далъ, чтобы имѣть возможность убѣжать отсюда, куда нибудь скрыться. Но теперь ужъ убѣжать и скрыться некуда. Онъ очнулся, всталъ съ кресель, подаль руку невѣстѣ и они подошли къ аналою. Слабымъ упавшимъ голосомъ объявилъ Императоръ, что беретъ княжну себѣ въ жены, обмѣнялся съ нею кольцами и надѣлъ на ея правую руку свой портретъ. Потомъ женихъ съ невѣстой подѣловали Евангеліе. Θεофанъ Прокоповичъ прочелъ надъ ними молитву. Императоръ поклонился княжнѣ и они снова сѣли на золоченныя кресла и опять таки ни разу не взглянули они другъ на друга и все были такъ же блѣдны, такъ же печальны, казались такими же усталыми. И всѣмъ было тяжело и странно смотрѣть на нихъ и всѣмъ казалось это торжество обрученія какой то печальной церемоніей, предвѣщающей что то недоброе.

Императоръ подозвалъ къ себѣ Ивана Долгорукаго и сказалъ ему, что желаетъ назначить кавалеровъ и дамъ ко двору своей невѣсты. Машинально, какъ будто повтореніе затверженный урокъ, онъ провозносилъ имена и фамилии, и окончивъ это взялъ руку невѣсты.

Всѣ присутствующіе кавалеры и дамы одни за другими подходили и цѣловали эту руку.

Княжна все не поднимала глазъ. Ея холодная рука лежала какъ мраморъ, какъ неживая въ рукѣ Императора. Но вдругъ она подняла глаза, изъ груди ея вырвался слабый крикъ. Она быстро поднялась съ кресель и вырвала руку изъ руки Императора. Онъ изумился, взглянулъ на нее, потомъ передъ собою и яркая

краска залила его щеки. Передъ нимъ стоялъ Милезимо, а княжна сама протянула ему руку и онъ цѣловалъ ее.

«Чтожь это такое? во всему еще и оскорбленіе», подумалъ Императоръ, но вдругъ справился съ собою: онъ теперь ужъ умѣлъ съ собою справляться.

Всѣ сдѣлали видъ, что ничего не замѣтили и цѣлованіе руки продолжалось снова. Толпа придворныхъ поспѣшила окружить и спрятать за собою Милезимо. Его вывели изъ залы, усадили въ сани и увезли. Онъ молчалъ, не отвѣчалъ ни на какіе вопросы и позволялъ дѣлать съ собою все, что было угодно этимъ людямъ. Онъ даже не зналъ и не интересовался: спасаютъ его, или везутъ на погибель. Онъ сдѣлалъ свое дѣло—простился съ Катериной Алексѣевной, исполнилъ данное ей обѣщаніе.

А во дворцѣ все шло своимъ порядкомъ. Церемонія окончилась, духовенство удалилось изъ залы и начался балъ. Императоръ былъ въ первой парѣ съ княжной и она снова была равнодушна, блѣдна и молчалива. Онъ тоже не говорилъ ей ни слова. Ни однимъ звукомъ не замѣтилъ онъ ей, что находитъ страннымъ и неумѣстнымъ ея поступокъ. Онъ спѣшилъ скорѣй кончить танецъ, чтобы имѣть возможность уйти отъ невѣсты. Еще часъ тому назадъ онъ былъ къ ней только равнодушенъ, а теперь, когда ужъ связалъ себя съ нею, новое чувство охватило его. И это чувство было тоже самое, которое испыталъ онъ два года тому назадъ къ княжнѣ Меншиковой: невѣста стала ему противна. И онъ помышлялъ теперь о томъ, что зачѣмъ же допустилъ онъ обрученіе, что еще можно было отказаться. Что-жь такое опи въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь есть же конецъ дружбѣ! Да и правъ ли Алексѣй Григоричъ—точно ли это нужно? Прежде всего государь долженъ быть свободнымъ человекомъ, долженъ располагать самъ собою, а не отдавать свою жизнь и свою радость какимъ то страннымъ и врядъ ли существующимъ небытиемъ.

Балъ скоро кончился и княжну отвезли въ головинскій дворецъ въ каретѣ Императора, на верху которой была корона; конвой сопровождалъ эту карету.

Дома собрались родные поздравить царскую невѣсту, но прежде еще она должна была вынести бурю. Мать ея всплеснула руками и разразилась неудержимымъ потокомъ упрековъ.

— За что ты и себя и насъ осрамила? говорила княгиня, что ты сдѣлала? Вѣдь теперь всякій вонь толкуетъ, что ему вздумается.

— Да чтожь, вѣдь правду толковать стануть! отвѣтила княжна.

— Ну скажи на милость, что это случилось съ тобою? Вѣдь вчера еще ты увѣряла и общалась, что выкинула совсѣмъ изъ головы эту глупость, что забыла и думать объ этомъ Милезимо. Что-жь это наконецъ такое? О себѣ не думаешь, такъ подумала бы хоть объ Императорѣ, вѣдь ты его срамишь!

— Я и сама не знаю, какъ это случилось, тихо отвѣчала княжна, я не думала увидеть его, не думала, что онъ придетъ со мной туда проститься. Но онъ пришелъ..... и не могла же я того вынести, чтобъ онъ поцѣловалъ мою руку изъ рукъ Императора.

— Да говорю тебѣ, подумала бы хоть о Государѣ.— Вѣдь его ты осрамила!

— Ну объ немъ то я дѣйствительно не очень думаю—ровно столькоже сколько и онъ обо мнѣ.

Но эти послѣднія слова были сказаны такъ тихо, что одна только мать и разслышала ихъ.

Князь Иванъ не вернулся домой. Онъ не хотѣлъ теперь встрѣчаться съ сестрою.

Всѣ ужъ стали расходиться по своимъ комнатамъ когда слуга доложилъ о прѣздѣ фельдмаршала Долгорукаго.

Онъ вошелъ своей тяжелой походкой, приблизился къ царской невѣстѣ, обнялъ ее, а затѣмъ, отступивъ на шагъ, почтительно поцѣловалъ ея руку.

— Поздравляю тебя, громко сказалъ онъ,—поздравляю васъ, ваше императорское высочество! Вчера я былъ твоимъ дядей—нынче ты моя государыня и я буду всегда твой вѣрный слуга. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только — но какъ на Государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему приятно. Твоя фамилія многочисленна, но слава Богу она очень богата и члены ея занимаютъ хорошія мѣста. И такъ, если тебя будутъ просить о милости кому нибудь—хлопочи не въ пользу имени, а въ пользу заслугъ и добродѣтелей. Это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего тебѣ желаю.

И фельдмаршалъ низко поклонился племянницѣ и снова поцѣловалъ ея руку.

На всѣхъ родныхъ эта торжественная рѣчь произвела пріятное впечатлѣніе. Еще вчера старый князь возставалъ противъ задуманнаго родственниками брака, еще вчера толковалъ о томъ, что бракъ этотъ не поведетъ къ добру, что Долгорукіе идутъ по стопамъ Меншиковыхъ и ожидаетъ ихъ одинаковая съ ними участь! Но видно старикъ передумалъ, видно честолюбіе въ немъ заговорило!

Князь Алексѣй радушно обнялъ его и благодарилъ за родственныя чувства и за прекрасную рѣчь, имъ сказанную.

Фельдмаршалъ промолчалъ и скоро уѣхалъ. Онъ не думалъ измѣнять своихъ мыслей, онъ только видѣлъ, что теперь не къ чему ихъ высказывать—все равно все ужъ сдѣлано и ничего не поправишь.

VIII.

Алексѣй Григорьевичъ вернулся домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Онъ еще не зналъ что будетъ завтра, какое впечатлѣніе произведетъ глупый поступокъ Катерины на Императора. Такъ ли это пройдетъ все или поднимется буря. Но во всякомъ случаѣ теперь то ужъ необходимо окончательно уничтожить причину ожидаемой бури. И вотъ онъ призвалъ къ себѣ князя Ивана и сталъ толковать съ нимъ о томъ, что немедленно нужно ѣхать къ графу Вратиславу и убѣдить его услатъ куда нибудь подальше Милезимо.

— Конечно, это слѣдуетъ, отвѣчалъ князь Иванъ. Не для сестры я это сдѣлаю, а для несчастнаго Государя. Если бѣ зналъ я во время, что еще и такое вы ему приготовили, такъ не допустилъ бы этой ужасной свадьбы.

— А ты опять свое начинаешь, угрюмо проговорилъ ему отецъ. Хоть теперь образумься, оставь и насъ и сестру въ покоѣ. О себѣ думай.

„Да, пора мнѣ о себѣ подумать“ мысленно проговорилъ князь Иванъ, и поѣхалъ къ царскому посланнику.

Онъ мучительно обдумывалъ какъ заговорить о такомъ щекотливомъ дѣлѣ.

Но графъ Вратиславъ предупредилъ его. Ему было ужъ все извѣстно и онъ поспѣшилъ увѣрить князя, что на другой день Милезимо отправляется къ царю съ различными порученіями.

— Говорю это къ тому, князь, закончилъ Вратиславъ, что не будетъ ли отъ васъ какихъ порученій.

Гора съ плечъ свалилась у князя Ивана. Онъ сердечно поблагодарилъ посланника и поспѣшилъ домой передать своимъ о благополучномъ окончаніи дѣла.

„А теперь мнѣ нужно о самомъ себѣ подумать“ опять мысленно сказалъ онъ. И думалъ онъ о себѣ всю ночь и рѣшилъ, что на завтра такъ или иначе, а будетъ разъяснена вся судьба его.

На другой день онъ выѣхалъ куда то торопливо. Лихіе кони его мчались и рослый, толстый кучеръ, дикимъ гарканьемъ отгонялъ съ дороги прохожихъ. Вотъ встрѣтился на улицѣ князю Ивану экипажъ герцога де-Лириа.

„Куда онъ этакъ мчится, подумалъ герцогъ. Навѣрно къ принцессѣ. Я не я буду если завтра мы не узнаемъ о его свадьбѣ съ Елисаветой.“

Но испанецъ ошибался. Князь Иванъ повернулъ не въ ту сторону, гдѣ жила цесаревна. Онъ спѣшилъ къ переметевскому дому.

На встрѣчу князю вышелъ юный хозяинъ, графъ Петръ Борисовичъ. Конечно ему было лестно видѣть у себя всемогущаго фаворита—да еще когда? на другой день послѣ обрученія княжны Долгорукой съ Императоромъ. Онъ не зналъ какъ и благодарить его за это пощпеніе и только нѣсколько успокоился, когда князь Иванъ сказалъ, что прѣхалъ по больному дѣлу.

— Какое можетъ быть у тебя дѣло до меня? Чѣмъ могу служить тебѣ? слово скажи—все исполню!—спрашивалъ юный графъ подумывая о томъ, что теперь необходимо какъ можно тѣснѣе сблизиться съ Долгорукими.

— Скажи мнѣ, Петруша, вѣдь ты теперь хозяиномъ этого дома считаешься, старшимъ Шереметевымъ? Вѣдь ты теперь глава брату и сестрамъ, такъ вѣдь?

Конечно, самодовольно отвѣтилъ юноша.

— Ну такъ вотъ значить тебѣ, безусловно, мнѣ приходится въ поясъ кланяться, просить тебя по старому обычаю. Слушай меня, графъ Петръ Борисовичъ, пришелъ я къ твоей милости просить у тебя руку сестры твоей, Наталы Борисовны.

Молодой Шереметевъ не вспомнилъ отъ изумленія и радости, услышавъ слова эти. Онъ кинулся на шею князю Ивану, сталъ обнимать его.

— Если бѣ можно было, радостно говорилъ онъ, я бы за тебя всѣхъ своихъ сестеръ разомъ отдалъ.

— Такъ, значить, ты согласенъ?

— Что жъ еще спрашивать—не грешилъ о такомъ счастье!

И онъ опять кинулся цѣловать князя.

— Ну такъ поди къ сестрѣ, передай ей о моемъ предложеніи—и если согласна, такъ пусть меня приметъ.

— Согласна! Вотъ вздоръ какой, какъ будто можетъ она быть не согласна—да ее въ этомъ дѣлѣ и спрашивать нечего.

— Я не такъ думаю, замѣтилъ Долгорукій. Если бѣ она была не согласна, такъ силой брать не стану.

Брестоносцы предъ Иерусалимомъ. Картина В. Каульбаха, рис. на деревѣ В. Кернеръ, грав. Голевинскій

Шереметевъ хотѣлъ было ему что то напомнить, хотѣлъ было замѣтить, что не всегда таковы были у молодого князя правила, но воздержался и поспѣшилъ къ сестрѣ.

„Да вѣдь не спятить же она съ ума, дорогой подумалъ онъ, не вздумаетъ же отказаться, а коли вздумаетъ, такъ я съ ней не поцеремонюсь, уломать съумѣю.“

Наталья Борисовна входила въ свои комнаты когда ей доложили о приходѣ брата.

— Что тебѣ, братецъ? пзумленно спросила она. Братъ не баловалъ ее своими посѣщеніями, иногда по цѣлымъ недѣлямъ она его не видала.

— Да вотъ что я скажу тебѣ, продолжала она, не дожидаясь его отвѣта на первый вопросъ ея,—сходи ты къ бабушкѣ въ комнату, я сейчасъ отъ нея. Совсѣмъ она больна, можетъ умереть скоро, о тебѣ спрашивала...

— Экая невидаль! Не въ бабушкѣ теперь дѣло. Слушай ты, сестра, съ чѣмъ я пришелъ къ тебѣ.

И онъ передалъ ей о предложеніи Долгорукаго.

— Гдѣ же онъ, гдѣ, здѣсь у насъ въ домѣ?!—быстро спросила Наталья Борисовна, краснѣя какъ маковъ цвѣтъ и задыхаясь отъ волненія.

— Да, твоего отвѣта дожидается. Если согласна, такъ просить принять его.

Наталья Борисовна молчала.

— Что жъ ты, сестра, говори же. Вѣдь нельзя такъ долго его заставлятъ дожидаться. Согласна ты, или не согласна? Да впрочемъ о чемъ тутъ толковать—конечно согласна. Развѣ отъ такого жениха можно отказываться—а теперь особенно. Что жъ мнѣ сказать ему отъ тебя?

— Скажи что я жду его, тихо шепнула графиня.

Иванъ Алексѣевичъ не заставилъ себя ждать.

Пятнадцатилѣтній, но уже благоразумный, осмотрительный Петръ Борисовичъ не вошелъ вмѣстѣ съ нимъ—оставилъ ихъ наединѣ.

— Чѣмъ рѣшишь ты судьбу мою, Наталья Борисовна? спросилъ Долгорукій, кланяясь графинѣ.

Она протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ почтительно и съ невольнымъ сердечнымъ трепетомъ.

— Присядь, князь, сказала она потолкуемъ. Прежде всего благодарю за честь, которую ты мнѣ дѣлаешь.

— Ну, этого могла бы и не говорить, перебилъ ее Иванъ Алексѣевичъ.

— Отчего мнѣ не говорить этого, коли я такъ чувствую. Правда это, что ты мнѣ честь дѣлаешь. Хотя я по рожденію моему и не ниже тебя стою, но вѣдь ты, князь, теперь такъ высокъ сдѣлался, что могъ рассчитывать на лучшую невѣсту. Всѣ даже и говорили что ты ужъ приглядѣлъ себѣ цесаревну Елисавету. Не смотря на все свое волненіе, не смотря на страшную важность рѣшавшагося, на счастье, безмѣрно охватившее душу, Наталья Борисовна все же не могла удержаться отъ этого упрека.

— Не кори меня цесаревной, отвѣтилъ ей Иванъ Алексѣевичъ. Коли прошлымъ корить станешь, много найдется и кончишь ты тѣмъ, что не за честь почтешь мое предложеніе, а за безчестье себѣ не малое.

И онъ грустно глядѣлъ на нее.

— Ахъ что ты, что ты! Прости меня, глупую, зачѣмъ я это сказала? Не зачѣмъ было говорить мнѣ—вѣдь вотъ, коли за меня сватаешься, такъ значить другой невѣсты у тебя нѣту, значитъ прежнія мысли оставилъ. Что жъ это я тебя упрекнула. Видишь какъ я глупа, можетъ и впрямь ты найдешь жену поразумнѣе меня, которая бы тебѣ больше подходила, больше тебя стоила.

А князь ужъ былъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки.

— Радость моя, шепталъ онъ,—по глазамъ твоимъ вижу, что не хочешь ты погубить меня, не откажешь ты мнѣ. Спасибо, родная, спасибо. Долго не смѣлъ я къ тебѣ появиться. Страшно мнѣ было и прикоснуться къ тебѣ, такимъ недостойнымъ и низкимъ себѣ я казался. Но больше терпѣть не хватило силы. Когда могъ бороть себя, боролъ, ради тебя, помня слова твои, много разъ отъ искушеній разныхъ устывалъ и зла убѣгалъ. Знаю что много мрака еще во мнѣ осталось, но не возгнушайся ты мракомъ моимъ, прими меня каковъ я есть и помоги мнѣ чистотою души своей побѣдить врага. Только съ твоею помощію и могу я стать настоящимъ человѣкомъ.

Онъ говорилъ это такъ искренно, онъ глядѣлъ на нее съ такой вѣрой и любовью, что она невольно склонилась къ нему и обняла его шею.

— Не унижай себя предо мной, недостойной, я можетъ еще во сто разъ хуже тебя, шептала Наталья Борисовна.

— Ты не гнѣви Бога, не клевети на себя, отвѣтилъ онъ покрывая поцѣлуями ея руки. Но знаешь ли: вотъ велико теперь мое счастье, но я все же готовъ отъ него отказаться при одной страшной мысли...

— Что такое, что? Скажи мнѣ все, всю свою душу, испуганно спрашивала она.

— Послушай, Наташа, послушай, жизнь моя! Вотъ ты сейчасъ говорила о томъ, что я такъ стою высоко... сегодня--да, но завтра можетъ все перевернуться. Не прочно мое величіе, и самъ я это знаю лучше, чѣмъ кто либо. Всего мнѣ нужно бояться, а пуще всего сестриной ненависти. Знаешь ли ты что она меня ненавидитъ? Знаешь ли ты, что все она сдѣлаетъ, чтобы только погубить меня? И съ чего эта ненависть—не понимаю, но только она существуетъ, да вѣдь и ты сама ее видѣла. Такъ послѣ этого сообрази ты какъ не прочно мое величіе. Быть можетъ скоро, очень скоро я буду забытымъ, изгнаннымъ человѣкомъ. Мнѣ все равно, отъ души говорю, какъ передъ Богомъ истиннымъ, что не стану я на это сѣтовать. Не нужно мнѣ ни блеска, ни почестей; много ихъ, да счастья они мнѣ не дали. Вѣдь не за нихъ же ты меня любишь—а только одна любовь твоя и есть мое счастье. Мнѣ ихъ не надо, я помирюсь со всякой долей—да ты то какъ же? Имѣю ли я право, при такой непрочности моего положенія звать тебя за собою въ это невѣдомое, быть можетъ страшное будущее...

— Князь Иванъ, обратилась къ нему графиня, и все ея лице сдѣлалось такимъ серьезнымъ, такъ измѣнилось: она казалась ужъ не юной, не шестнадцатилѣтней дѣвушкой, а женщиной, много испытавшей. Князь Иванъ, повторила она какимъ то вдохновеннымъ голосомъ,—дважды любить я не съумѣю. Разъ тебя полюбила—и только одинъ ты и есть у меня и вся жизнь моя будетъ или съ тобою или совсѣмъ одинока. Если судьба сулитъ намъ счастье—будемъ счастливы, если судьба готовитъ горе, страданье—будемъ горевать и страдать вмѣстѣ. Я не отойду отъ тебя—и вѣрю что и ты меня не оставишь. Я не обману тебя—и вѣрю, что и ты меня не обманешь. Князь Иванъ, хочешь бери меня, бери всю жизнь мою, тебѣ, и одному тебѣ отдаю я ее, и какъ бы страшно ни было это будущее, о которомъ ты теперь думаешь, я съ восторгомъ и блаженствомъ принимаю его изъ рукъ твоихъ!..

Невольный крикъ вырвался у Ивана Долгорукаго и съ этимъ счастливымъ крикомъ онъ кинулся къ ней и они снова обнялись крѣпко. И онъ понималъ какъ много даетъ ему судьба, понималъ что нашелъ кладъ заколдованный, величайшее земное сокровище.

IX.

Герцогъ де-Лирія долженъ былъ сознаться, что предсказалъ плохо. Вѣсть о помолвкѣ фаворита съ графиней

ней Шереметевой облетѣла Москву также быстро, какъ и вѣсть о царской помолвкѣ. Теперь все, что стремилося въ головинскій дворецъ, стало спѣшить и въ шереметевскія палаты. Тамъ всѣхъ встрѣчала юная невѣста, сіявшая красотой и радостью. И всѣ несли ей свои льстивыя поздравленія, всѣ твердили вокругъ нея: „Ахъ какъ она счастлива“. Искали ея милости; „рекомендовались подъ ея протекцію“. Потомъ, вспоминая это время, Наталья Борисовна писала въ своихъ запискахъ: „Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня переѣвилась.“

Графиня забыла всѣ свои прежнія печали и сомнѣнья, забыла свои обѣты, воздержаніе отъ веселья и приготовленіе себя къ скукѣ. Она радовалась и веселилась всѣмъ существомъ своимъ, она слушала эти „Ахъ какъ она счастлива“ и сердце ея твердило: „Да, я счастлива и счастливѣе меня нѣтъ на свѣтѣ“. О будущемъ она не думала, думала только о томъ, какъ бы почаще, да подольше видѣть милаго человѣка.

А кругомъ въ богатомъ ихъ домѣ ужь шли приготовления къ сговору.

Многочисленная родня Долгорукихъ каждый дѣнь подносила невѣстѣ роскошные подарки: серьги брилліантовыя, часы съ разными фокусами, табакерки „готовальни и всякую галантерею.“

Петръ Борисовичъ Шереметевъ послалъ жениху шесть пудовъ серебра въ подарокъ, кубки да фляши золоченныя. Вотъ назначили и сговоръ, приглашена была вся знать, всѣ чужестранные министры—столько гостей, однимъ словомъ, сколько могъ вмѣстить только просторный домъ Шереметевыхъ. Ждали и царскую фамилію. Сговоръ назначенъ былъ въ семь часовъ вечера, и когда стемнѣло, то по всему двору широкому зажжены были смоляныя бочки, освѣщавшія гостямъ дорогу.

Вотъ стали собираться: потянулись цугомъ кареты за каретами. Около ограды дома собралось столько народу что вся улица была запружена имъ. И кричали въ народъ: „слава Те, Господи, отца нашего дочка идетъ замужъ за большаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову.“ Въ народѣ хорошо еще помнили стараго фельдмаршала Шереметева и память была о немъ добрая. Но все же слышались и такіе голоса, что говорили: „жалъ только что за Долгорукаго выходить—въ дурную семью попадетъ.“ Но эти голоса раздавались тихо, тихо, и никто ихъ не слушалъ.

Скоро пріѣхалъ Императоръ, его невѣста и цесаревна Елисавета.

Петръ ласково обнималъ своего любимца Ивана Алексѣевича, поздравлялъ его съ такой красавицей. Ласково бесѣдовалъ съ Натальей Борисовной, говорилъ ей, что она будетъ счастлива, что женихъ ея хорошій человѣкъ, что по немъ она ему, Императору, родней становится и онъ радъ сердечно такой новой роденькѣ. И все лучезарнѣе становилась улыбка красавицы невѣсты. И ничего не замѣчала она кромѣ своего счастья. Не замѣчала что ласковый Императоръ самъ что то блѣденъ и печаленъ, что говоря о ея счастье самъ онъ—женихъ тоже недавній—не похожъ на счастливаго. Но другіе люди, которымъ нечего было ликовать и радоваться, хорошо замѣтили, что Императоръ очень похудѣлъ и измѣнился въ послѣднее время. Замѣтили они много страннаго и въ обращеніи его съ невѣстой. Онъ выражалъ ей большое почтеніе, но отъ этого почтенія вѣяло холодомъ, скукой и тоскою. Онъ очевидно радъ былъ отойти отъ нея подальше: вся его любезность, все его оживленіе были напускныя. Потомъ замѣтили, что онъ пристально и любовно взглядываетъ на цесаревну Елисавету. Вотъ онъ подошелъ къ ней и на лицѣ его мелькнула прежняя, свѣтлая, дѣтскан улыбка.

— Лиза, сказалъ Петръ,—рѣдко выдаю я тебя. На

людяхъ тогда ты меня поздравила—не могъ я и слова сказать тебѣ. А къ тебѣ поѣхалъ и не засталъ тебя.

— Да, Государь, отвѣтила цесаревна, рѣдко мы съ тобой теперь стали видѣться—но я ль тому причиною? А какъ былъ ты у меня—ѣздилъ и поздравить твою невѣсту, поцѣловать у своей новой государыни ручку.

Но Долгорукіе были ужь близко. Они ужь вслушивались въ слова цесаревны и поспѣшили окружить Императора, „отвести его отъ опасной персоны.“

Въ большой шереметевской залѣ совершенно было обрученъе. Обручилъ архіерей и присутствовали два архимандрита и многочисленное духовенство. Перстни, которыми обручались Наталья Борисовна и Иванъ Алексѣевичъ стоили: жениховъ—двѣнадцать тысячъ а невѣстивъ—шесть.

Во все время совершенія обряда невѣста была спокойна. Она даже забыла, что по старымъ обычаямъ ей слѣдовало, хоть для видимости, плакать. Она не плакала. Великое счастье разливалось по лицу ея. Съ этимъ счастьемъ глядѣла она на жениха своего, а онъ... онъ забывалъ все, что нужно ему дѣлать, онъ только видѣлъ одну свою милую невѣсту. И безчисленные взоры были устремлены на нихъ и много скрытой зависти, много недоброжелательства заключали въ себѣ тѣ взоры. Но не мало было и такихъ, въ которыхъ свѣтилось истинное участіе. Глядѣлъ Императоръ на любимца своего и его невѣсту и думалъ: „Вотъ какъ они счастливы, сейчасъ это видно. Есть же, значитъ, на свѣтѣ счастье!“ И вспомнилось ему собственное обрученъе, бывшее такъ недавно, нѣсколько дней тому назадъ, и представилась огромная разница между этими днями. Никогда онъ не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, такимъ утравшимъ. Въ послѣдніе дни ему положительно не давали придти въ себя: отъ него ни на шагъ не отходили Алексѣй Григорьевичъ. Сначала онъ боялся, что Императоръ подниметъ *бурю* по поводу поступка Катюши. Но Императоръ не сказалъ ему даже ни одного слова. „О чемъ теперь говорить—все ужь сдѣлано.“ Да и понималъ ли онъ, что значила эта вспышка его невѣсты? Можетъ быть не понималъ. Съ нимъ начинало дѣлаться что то странное. Иногда мысли его останавливались—спутывались...

И государыня невѣста, княжна Катерина Алексѣевна пристально смотрѣла на брата и Наталью Борисовну. Ей тоже вспоминалось ея обрученъе. Она тоже повторяла себѣ: „Вѣдь есть же счастье! И у нея могло быть такое счастье, и она могла такъ глядѣть на жениха своего, какъ глядитъ Наталья Борисовна, если бѣ женихъ этотъ былъ тотъ, кого она любить. И гдѣ онъ теперь? Куда услали его? Что съ нимъ сдѣлали? Всѣхъ спрашивала—не отвѣчаютъ. Къ ней приставлена стража великая, какъ звѣря стерегутъ ее родные. Ну да что, не устерегли, теперь поздно!“ съ мученьемъ и страшной злобой думала она. И все пуще и пуще, всѣхъ она ненавидѣла, но почему то ея ненависть обращалась главнымъ образомъ на тѣхъ, кто мало былъ виновенъ передъ нею. Теперь она ненавидѣла даже Наталью Борисовну, свою прежнюю подругу и пріятельницу, ненавидѣла ее за то, что она такъ счастлива. «Ну да не долго будетъ ихъ счастье, успокоивала она свою злобу,—недолго! Меня погубили, а сами хотятъ блаженствовать! Нѣтъ, не дамъ я имъ этого. Я несчастна—такъ всѣ вы будете несчастны—лучшаго вы не стоите!“

Но во всей своей злобѣ великой, во всемъ своемъ мученьѣ и въ этихъ безумныхъ планахъ мести, обращенной на неповинныхъ, даже ей самой не думалось какого страшнаго несчастія будетъ она причиною, до чего доведетъ ее злобное чувство.

— Милый мой, шепнула Наталья Борисовна жениху, когда послѣ обрученъя онъ съ ней подъ руку выходилъ изъ залы и со всѣхъ сторонъ стремились гости приносить имъ свои поздравленія,—милый мой, зачѣмъ же

ты говорил мнѣ о страшномъ будущемъ. Развѣ у насъ можетъ быть оно страшно. Посмотри, какъ свѣтло все кругомъ. Посмотри какое счастье, вѣдь и во снѣ никогда такого не случилось!

— Ахъ! также тихо отвѣтилъ ей женихъ,—зачѣмъ ты вспомнила объ этихъ словахъ моихъ, Наташа? Теперь вотъ ты снова напугала меня. Я ни о чемъ не думалъ, а теперь вдругъ мнѣ кажется, что не долго всему этому счастью нашему продолжаться, и именно потому, что оно такъ полно, такъ волшебю. Не стою я такого счастья. Развѣ что ради чистоты души твоей ангельской получу я его — но боюсь ему вѣрить.

— Что ты, что ты, полно, — отгони отъ себя мрачныя мысли, не теперь имъ предаваться.

Они проходили мимо Императора, который что то таинственно говорилъ цесаревнѣ Елисаветѣ. Онъ говорилъ ей:

— Лиза, завтра утромъ жди меня, я къ тебѣ буду.

— Не будешь, Государь, отвѣчала ему Елисавета, не пустять тебя ко мнѣ.

Но она быстро раскаялась, что сказала слова эти. Пристально взглянувъ на племянника, она увидѣла въ лицѣ его такое мученье, что ей стало безконечно его жалко.

— Голубчикъ мой, прошептала она, мнѣ кажется ты боленъ.

— Нѣтъ, я здоровъ, отчего ты такъ думаешь?

— Да вѣдь на тебѣ лица нѣтъ, ты такъ блѣденъ, и у тебя видъ такой странный. Ты ужасно измѣнился, твердила она съ возрастающимъ испугомъ, и все пристальнѣе въ него вглядываясь. Она точно давно его

не видала и теперь не могла не поразиться страшной перемѣной, происшедшей въ немъ.

— Нѣтъ, я не боленъ, печально сказалъ онъ снова.

— Такъ что съ тобой? что съ тобой?

— Вотъ я и приѣду сказать тебѣ, что со мною. Теперь развѣ можно? смотри—ужь слѣдять за нами....

Пированье въ шереметевскомъ домѣ продолжалось. Съ хоръ гремѣла музыка, много роскоши, много блеска разлито было всюду, все имѣло внѣшній видъ беззаботнаго веселья. Но надъ всѣмъ этимъ какъ будто висѣла какая то черная туча. Предчувствіе близкой грозы,

чего то недобраго носилось надъ всѣми, и никто не могъ отогнать отъ себя неясной, но страшной мысли.

X.

На другое утро, когда еще никто изъ Долгорукихъ не показывался во дворецъ, Императоръ велѣлъ заложить сани и поѣхалъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ. Она ужь ждала его. Она видѣла изъ вчерашняго съ нимъ разговора, изъ того, какъ онъ смотрѣлъ на нее, что теперь онъ непременно приѣдетъ. Она встрѣтила его со своей всегдашней, ласкающей улыбкой.

— Вотъ видишь, я здѣсь съ тобою, грустно сказалъ онъ. Давно собирался, да не даютъ мнѣ ни минуты отдыха. Одного не оставляютъ, цѣлый день, то, то нужно, то—другое. Вѣдь еще когда, никакъ около мѣсяца, какъ вернулась ты изъ своего Покровскаго, а все же намъ съ тобою безъ постороннихъ поговорить не удавалось. Ну что жъ, Лиза, что ты мнѣ теперь скажешь? Вотъ я и не пристаю къ тебѣ съ моею любовью. Вотъ я и невѣсту себѣ напелъ, жениться собираюсь. Что ты мнѣ скажешь?

Онъ съ нетерпѣніемъ и тоскою ждалъ ея отвѣта.

Она подняла на него свои ясные глаза.

— Что жъ я могу тебѣ сказать, Петруша,—я ужь тебя поздравила.

— Нѣтъ, скажи мнѣ, какъ ты находишь мой выборъ?

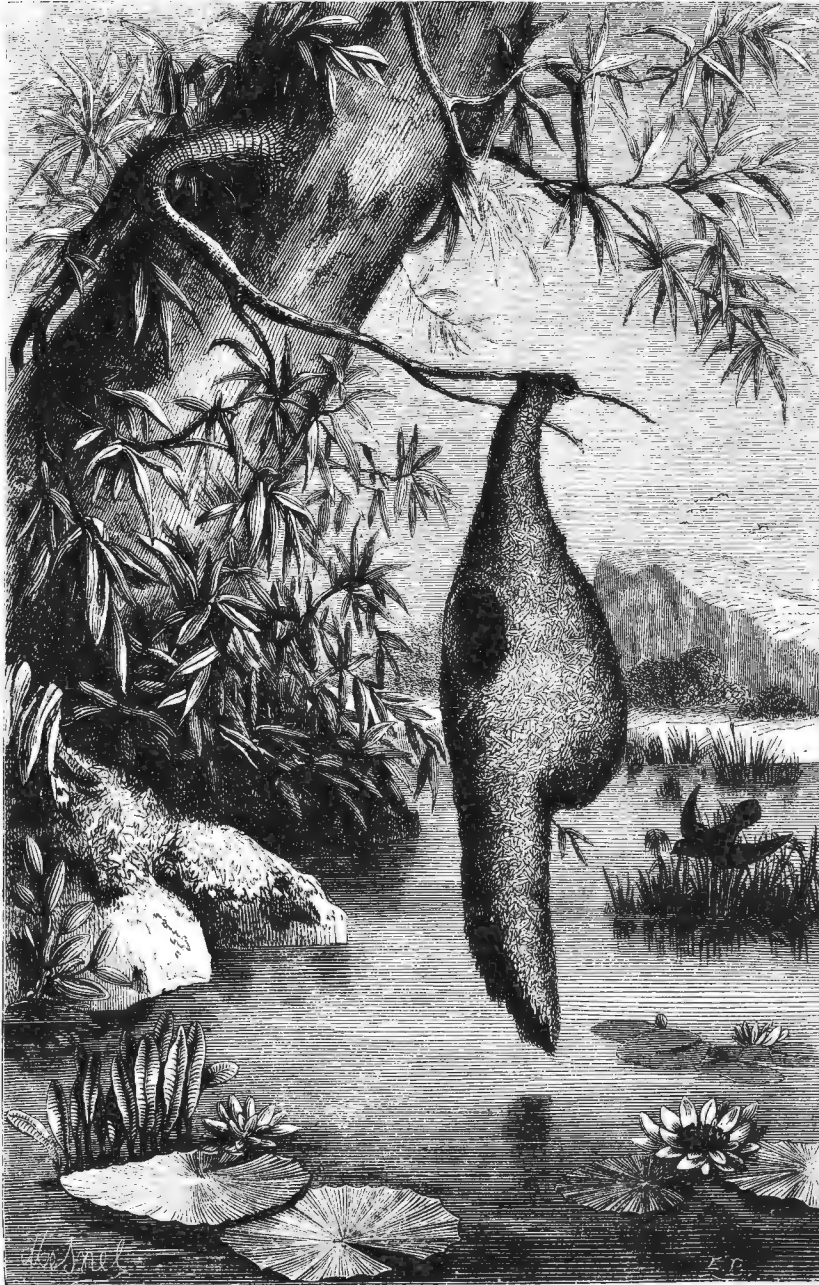
— И на это опять ничего не могу сказать тебѣ. Самъ выбиралъ, самъ рѣшилъ дѣло и у тебя свой разумъ.

— Господи! Отчаянно заломалъ руки Императоръ, и ты тоже, ты тоже

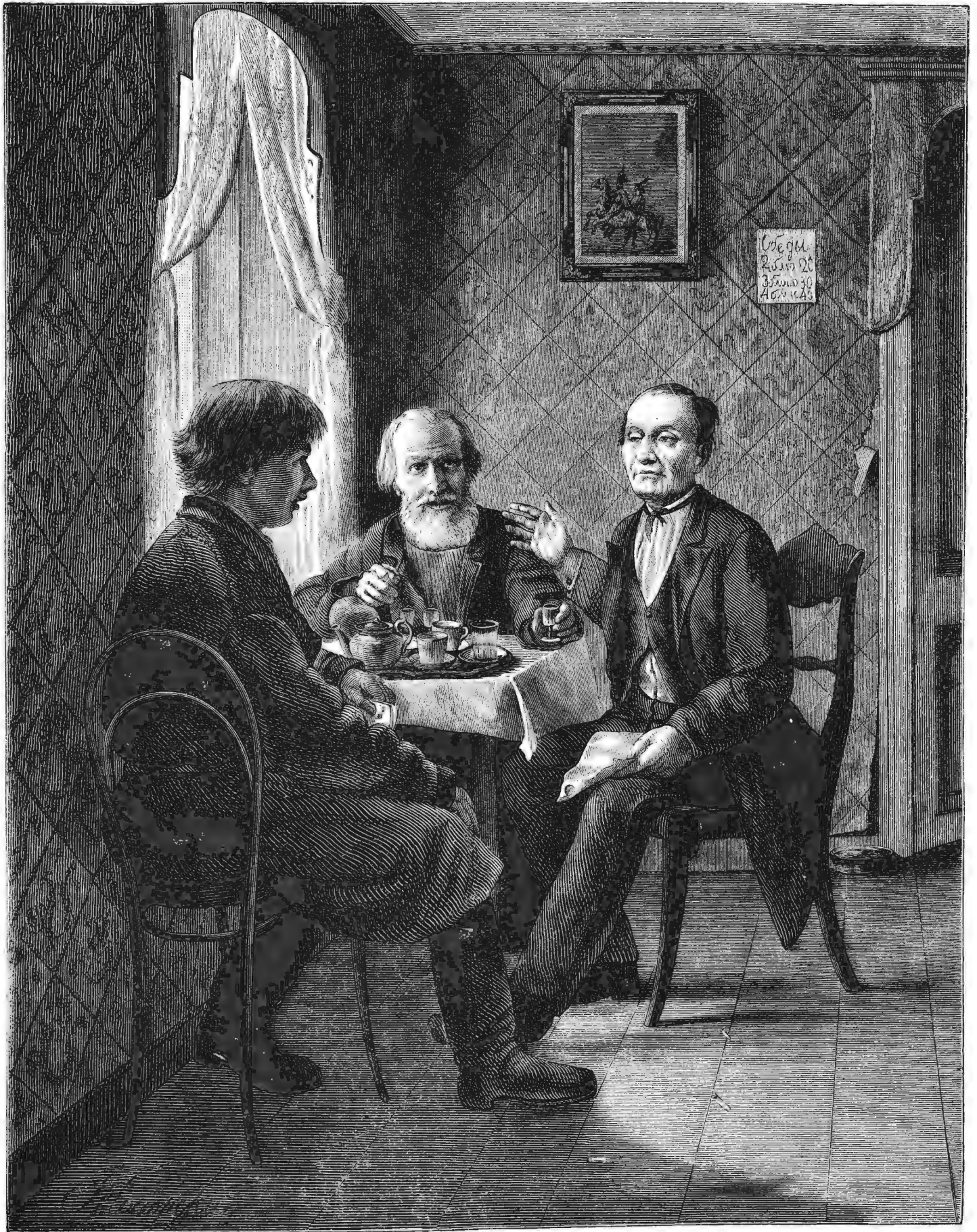
самое говоришь, что и Андрей Ивановичъ. Отъ васъ двоихъ только и ждалъ я путнаго отвѣта; и ничего въ сказать мнѣ не хотите! Развѣ ты ничего не видишь, развѣ ты не замѣчаешь, что я самый несчастный теперь человекъ въ мірѣ.

— Какъ же могу я чтонибудь видѣть? все время я не была здѣсь. Ты не видался со мною, ты совсѣмъ отъ меня отвернулся. Я изъ Покровскаго не выѣзжала, ничего я не знаю.

(Продолженіе будетъ).

Птица съ висячими гнѣздами: Гнѣздо Тициана (Росси). Рис. Менель, грав. Бланшаръ.

Ходатай по дѣламъ.

— „Ижѣ въ виду, что на основаніи 837 статьи X тома свода законовъ уголовныхъ, изданія 1857 года по третьему приложенію, и принимая во вниманіе...
 — „Да ты выпей... Полю пугать-то...“

Картина Н. Таюрскаго, рисов. самъ авторъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ РИСУНКАМЪ.

КРЕСТОНОСЦЫ ПЕРЕДЪ ЈЕРУСАЛИМОМЪ

(Картина Каульбаха).

Высокая, святая идея крестовыхъ походовъ — отнять гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ, неожиданно, какимъ-то чудомъ ослѣпила собою такихъ людей, которые менѣе всего были подготовлены, чтобы понять все ея величіе. Въ эту мрачную эпоху общей разнузданности, варварства и безчеловѣчія, когда роскошное рыцарство и духовенство весело жло в своихъ неприступныхъ замкахъ, утопая въ чувственныхъ наслажденіяхъ, устранивая великолѣпные турниры и охоты, слушая блестящія речитативы трубадуровъ и обирая выѣсть съ тѣмъ и сжигая подъ своимъ гнетомъ остальное мелкое, подневольное имъ челоуѣчество, въ эту эпоху изъ устъ смиренного пустытника Петра Амьенскаго раздается могучій призывъ на брань съ невѣрными — и всѣ вдругъ объята религиознымъ энтузіазмомъ, всѣми руководитъ одна высокая, святая идея, подавляя собою всѣ эгоистическіе и мелкіе помыслы и страстишки. По свидѣтельству одного историка того времени, этотъ общій энтузіазмъ былъ столь великъ, что мужья оставляли жепъ, отцы сыновей, сыновья отцовъ и не было такой сердечной связи, которая могла бы противиться всеобщему одушевленію.

Нужно замѣтить, что съ первыхъ же вѣковъ христіанства паломничество въ Святую Землю сдѣлалось постояннымъ. Сначала гонителями индигривовъ явились Санджукі, номадное тюркское племя, завладѣвшее Іерусалимомъ въ 1078 году. Первый крестовый походъ противъ невѣрныхъ, завладѣвшихъ Гробомъ Господнимъ, объявилъ папа Урбанъ II въ ноябрѣ 1095 года. Съ этого времени начинается отчаянная двухвѣковая борьба Европы съ Азіей, цивилизаціи съ варварствомъ. Къ сожалѣнію нужно сознаться, что и цивилизація тогдашней христіанской Европы была весьма невысокаго качества, такъ что первый крестовый походъ даже совершился подъ предводительствомъ гуся и козы, которыхъ суевѣрный народъ принималъ за боговдохновенныхъ вождей своихъ. Іерусалимъ, взятый въ 1099 г. крестоносцами и получившій гражданское устройство подъ верховною властью съ титуломъ короля Готфрида Бульонскаго, снова подпалъ подъ власть мусульманъ въ 1187 году. Ополчились противъ нихъ такіе сильные государи какъ Фридрихъ I Барбаруса — Императоръ Германскій, Ричардъ Львиное Сердце — король Англійскій, и Филиппъ II Августъ — король французскій; но послѣ кровавой борьбы они удержали за христіанами лишь узкую береговую полосу отъ Тирра до Яффы, да получили свободный доступъ въ храмъ Гроба Господня. Слѣдующій за симъ крестовый походъ окончился, какъ извѣстно, лишь основаніемъ пресловутой Латинской имперіи, просуществовавшей всего 50 лѣтъ и при этомъ великая идея освобожденія Гробъ Господень уже была забыта въ виду разныхъ другихъ политическихъ цѣлей и расчетовъ. Крестовые походы, какъ войны священныя, совершенно потеряли свое первоначальное значеніе. Фанатическое духовенство того времени рѣшилось даже провѣрить, дѣйствительно ли Богъ хочетъ священной войны и для этой цѣли набрало до 30,000 дѣтей и пустило ихъ въ Палестину на вѣрную гибель (въ 1212 году). Пятый крестовый походъ окончился также безуспѣшно и лишь шестой подъ предводительствомъ императора Германскаго Фридриха имѣлъ тотъ результатъ, что Іерусалимъ во второй разъ былъ уступленъ христіанамъ, но лишь на самое короткое время, такъ какъ въ 1244 году они его утратили и утратили уже на всегда. Религиозный энтузіазмъ и рвеніе къ крестовымъ походамъ изсякло окончательно и среди общей холодности и мелочности, лишь одинъ французскій король Людовикъ Святой предпринялъ снова священную борьбу и положилъ въ ней свою великую душу. Христіане теряли въ Палестинѣ городъ за городомъ и съ паденіемъ Птолемаиды въ 1291 году крестовые походы прекратились окончательно.

Каульбахъ, изобразившій своею могучею кистью на стѣнахъ входа въ берлинскій музей всѣ главнѣйшіе моменты развитія челоуѣчества, конечно не могъ оставить безъ вниманія великой эпохи крестовыхъ походовъ и въ одной изъ этихъ картинъ изобразилъ приближеніе крестоносцевъ къ Іерусалиму. Вы видите какъ необозримыя полчища христіанскихъ воиновъ спѣшатъ вступить въ Святую Городъ, еще скрываемый туманною далью и котораго многочисленныя бойницы, стѣны и башни освѣщаются восходящимъ солнцемъ. Въ верхней части картины представленъ Спаситель, окруженный евангелистами, мучениками и пророками и простирающій руки, благославляя христіанское воинство. Тутъ же у ногъ его стоитъ на колѣняхъ Божія Матерь, привѣтливо смотря на крестоносцевъ и умоляя телемъ. Во главѣ шествія ѣдутъ три епископа, а вслѣдъ за ними шесть молодыхъ клириковъ несутъ ковчегъ со святыми мощами, сопровождаемый безстрашнымъ и благочестивымъ вождемъ христіанской рати Готфридомъ Бульонскимъ. Ходожникъ изобразилъ его на конѣ, увѣчанномъ терновымъ вѣнкомъ; онъ въ упоеніи нѣмого восторга смотритъ на небесное видѣніе и высоко держитъ надъ собою золотую корону, какъ бы

преподносъ ея Тому, въ присутствіи котораго всякая земная власть исчезаетъ и всякое величіе упадаетъ въ прахъ. Какъ извѣстно по свидѣтельству современныхъ писателей, Готфридъ не соглашался носить царскую корону тамъ, гдѣ Господь страдалъ и носилъ вѣнокъ терновый. Сзади Готфрида Бульонскаго слѣдуютъ множество рыцарей: одни изъ нихъ несутъ кресты и хоругви, украшенные вѣнками, другіе завоеванные трофеи и захваченныя сокровища, которыя они подымаютъ высоко на щитахъ, какъ бы тоже преподнося ихъ въ даръ божественному вождю и покровителю. Въ этой группѣ художникъ придерживался строго и неподкупно исторической истины, хотѣлъ изобразить и тѣ темныя стороны нѣкоторыхъ крестоносцевъ, которые смутно понимали всю святость подвига, не забывали и своихъ корыстныхъ видовъ, грабя у мирныхъ жителей все, что было пощадно и даже уводя ихъ въ рабство. Тутъ же стоятъ два рыцаря. Одинъ изъ нихъ, сопровождаемый своимъ старымъ оруженосцемъ, вставляетъ въ ножны свой мечъ, уложивъ имъ нѣсколькихъ сарациновъ, трупы которыхъ валяются у ногъ его. Въ этой фигурѣ изображена личность Рожера Нормандскаго, а въ другой — герцога Бургунда, впоследствии князя Антиохіи. Нижняя, передняя часть картины вся занята одной большою группой. Впереди ея видна толпа фигура Петра Амьенскаго. Онъ стоитъ на колѣняхъ, держа въ рукахъ крестъ, а за нимъ падаютъ ницъ цѣлая толпа людей самаго разнообразнаго характера и профессіи — это повидимому все бѣдняки, какъ онъ самъ, влекоме въ Святую Землю однимъ своимъ религиознымъ энтузіазмомъ. Посади этой группы нѣсколько фигуръ, въ которыхъ художникъ хотѣлъ изобразить участіе, принимаемое тогдашними женщинами въ священномъ подвигѣ. Вотъ на носилкахъ, грузно лежащихъ на спинахъ четырехъ дюжихъ эфіоповъ, возсѣдаетъ женщина. Одной рукой она откидываетъ покрывало, чтобы скорѣй броситъ взглядъ на священный городъ, а другую подаетъ рыцарю, гордо потрясающему мечемъ. Еще далѣе гарцуютъ на бодромъ конѣ молодой, рыцарь и дама его сердца, которая прижимается къ своему спутнику, указывающему ей на далекіе силуэты города. Повидимому этотъ рыцарь привезъ съ собою въ Палестину все то, что было ему мило и дорого въ его замкѣ, на далекой родинѣ. На щитѣ его возсѣдаетъ соколъ, а за конемъ бѣгутъ собаки, вѣрные его сотрудники въ охотѣ.

На дальнемъ фонѣ картины толпы конныхъ и нѣшихъ воиновъ, стремящихся вступить въ стѣны Святого Города.

Н.

ГНѢЗДО ТКАЧИКА (Plocei)

Строители гнѣзда, изображеннаго на нашемъ рисункѣ, принадлежатъ къ чрезвычайно богатому виду семейству и притомъ отличающемуся удивительнымъ искусствомъ въ постройкѣ гнѣздъ — ткачичкамъ. Обыкновенно эти искусные строители гнѣздъ являются большими обществами и встрѣтитъ одно гнѣздо ткачичка составляетъ большую рѣдкость. Гнѣзда свои они прикрѣпляютъ къ вѣтнямъ деревъ, отчего выбранное ими дерево получаетъ оригинальный видъ отъ множества навѣшанныхъ на немъ гнѣздъ, а своею численностію ткачички образуютъ настоящее поселеніе. Птички ткачички (Plocei) средней величины въоружены, вытанутаго тѣлосложения, большею частью съ длиннымъ, тонкимъ и рѣже короткимъ и тупымъ клювомъ. Крылья ихъ длинныя, хвостъ средней величины; многіе съ великолѣпнымъ опереніемъ. Отечество ткачичковъ Африка и южная Азія. По своему прилежанію ткачички похожи на пчелъ и работаютъ въ теченіи цѣлаго дня. Свои гнѣзда они устраиваютъ чрезвычайно прочно; случается, что одно гнѣздо служитъ нѣсколькимъ поколѣніямъ. Преимущественно для постройки гнѣздъ выбираютъ вѣтки, навѣшныя надъ водой. У разныхъ видовъ тканъ и основаніе гнѣздъ различны, но обыкновенно гнѣзда сотканы изъ тонкихъ хворостинокъ и корешковъ, изъ гибкихъ травяныхъ стеблей, которые для гибкости строители еще смачиваютъ своей слюной. Стебельки продѣваются сверху внизъ и такимъ образомъ гнѣзда дѣлаются рѣшительно непроницаемыми для воды и надежными убѣжищами отъ разрушительныхъ атмосферныхъ вліяній. Внутренность гнѣзда устилается слоемъ чрезвычайно тонкихъ стебельковъ.

У нѣкоторыхъ видовъ самцы строятъ себѣ особыя гнѣзда, въ которыхъ живутъ сами, пока самки высидываютъ яйца, или же за это время готовятъ другое гнѣздо въ запасъ для слѣдующей кладки яицъ. Внутри гнѣзда устраивается обыкновенно перегородка, составляющая какъ бы порожекъ между настоящимъ гнѣздомъ и выходомъ. На постройку идетъ очень много времени и требуется много труда. Жители восточной Африки смотрятъ совершенно равнодушно на искусныя постройки этихъ замѣчательныхъ архитекторовъ, но другіе интересуются ими и еще придаютъ съ своей стороны то, чего можетъ быть и нѣтъ. Напр. есть мнѣніе будто куски глины, находимыя въ гнѣздахъ, служатъ для вставливанія въ нихъ свѣтящихся насѣкомыхъ, для освѣщенія гнѣзда. Другіе думаютъ, что глина кладется для поддержанія равновѣсія и ослабленія дѣйствія вѣтра. Послѣ выхода птенцовъ, ткачички свопляются

въ стан, доходящія до нѣсколькихъ тысячъ и зачастую нападають на поля, опустошая ихъ. Кромѣ хлѣбныхъ зеренъ и различныхъ сѣмянъ пищу ихъ составляютъ насекомыя, которыми они выкармливаютъ своихъ многочисленныхъ птенцовъ. Къ врагамъ ткачиковъ относятся человекъ, ястребъ, соколъ, обезьяны и друг. Впрочемъ доступъ къ гнѣзду сопряженъ для враговъ съ опасностію: грабителю гнѣздъ трудно подобраться не свалившись въ воду. Нѣкоторые виды для большей безопасности еще вплетаютъ въ гнѣзда острые шипы.

На нашемъ рисункѣ представлено гнѣздо, прикрѣпленное къ сухой вѣткѣ дерева надъ водой. Форма его нѣсколько похожа на тупой конусъ, къ низу прикрѣплено въ видѣ трубы входное отверстие. Другое круглое вылетное отверстие находится съ боку, обыкновенно дѣлается съ юга. Л.

Ходатай по дѣламъ.

Сцена обыденная, знакомая каждому: русскіе типы и русская жизнь.

Отставной чиновникъ, изъ тѣхъ, у которыхъ носъ покраснѣе, и которыхъ зовутъ стрекачами, засѣдаетъ въ трактирѣ въ качествѣ адвоката, или, какъ называютъ ихъ, „грошевого дровоката“.

Пригласившіе его на совѣтъ, тутъ же съ нимъ за трактирнымъ столомъ сидящіе, двое рабочихъ людей, очевидно, ждутъ отъ него помощи въ своемъ дѣлѣ.

— Вотъ видишь-ли, какъ я генерича приѣхалъ..

— Знаю, знаю я, понимаю все, тутъ дѣло такое, что безъ графина водки никакъ не возможно, авторитетно заявляетъ дровокатъ.

— Ладно ужъ, Богъ съ тобой, только помоги.

— Отчего не помочи!..

— Совсѣмъ какъ есть сблизисъ съ толку. Парень просто безъ ума...

— Можно, можно. Это я очень хорошо могу все... Надо только сельянку...

— Сдѣлай милость, за этимъ не постонь... Ну, что дѣлать, и водку и сельянку поставимъ, выручи только...

— Выручу, выручу—дѣло въ моихъ рукахъ, могу... Нужно только еще... чаю...

— Охъ-хо! вздыхаетъ старшій многовато...

— Безъ этого нельзя, такой ужъ всегда порядокъ.

— Такъ видишь-ли въ чемъ дѣло? Начинаетъ старшій рабочий, вотъ этотъ самый парень, таперича къ примѣру, такъ будемъ говорить, значитъ потерялъ плакатъ... то есть онъ, къ примѣру, ежели, такъ сказать, и не потерялъ, а все плаката у него нѣтъ. Оно, пожалуй, плакатъ-то и есть, только не его, а чужой. Абюкатъ многозначительно нахмуриваетъ брови, молодой рабочий вынимаетъ изъ кармана какія-то бумаги съ гербами и хочетъ ихъ показать ему.

Абюкатъ отмахивается руками.

— Погоди, погоди. Это дѣло такое, тутъ такъ нельзя сдуру, какъ нибудь, тутъ надо съ толкомъ сообразить...

— Ну вотъ ты и сообрази.

— Сначала надо водки... графинъ... Порцію сельянки... водки...

— Водки послѣ.

— Нѣтъ, такъ нельзя: и разговаривать не буду.

Какъ ни свинъ носъ у адвоката, и какъ не велико въ немъ ослабленіе умственныхъ силъ отъ сляхкомъ близкаго знакомства съ распивочными, но все же онъ хорошо знаетъ способы, которыми обдѣлываются дѣлшники...

Онъ настоялъ на томъ, чтобы ему прежде всего была подана водка, сельянка, чай, и настоялъ совсѣмъ не для того, чтобы поскорѣе напиться: нѣтъ, онъ съ молодю знаетъ, какъ тенета залутывать. Онъ понимаетъ, что надо сначала заставить рабочихъ хоть не много понизрасходоваться, а потомъ можно будетъ эти расходы увеличить. Рабочіе, израсходовавшись немного, пожалѣютъ кровныя свои денежки и согласятся на условія адвоката, зная, что если съ нимъ разойдутся, такъ другой сначала тоже запроситъ угощеніе: опять, значитъ, водка, сельянка, чай и проч.

Угощеніе подано

— Ну, поворнѣше просимъ, выкушай рюмочку...

— Я, признаться, сегодня ужъ согрѣшилъ: двѣ косушечки опровкнулъ...

— Ну что-жь, во здравіе, дай Господи...

Адвокатъ выпиваетъ рюмочку, крякнувъ при этомъ не столько отъ удовольствія выпивки, сколько отъ сознанія сугубаго удовольствія, предстоящаго впереди. Расходъ рабочіе прозвели, значитъ, попали ужъ ему на удочку и нескоро соскочать. Задумалъ онъ и сельянки, и дѣло дошло до чая, дошло, такимъ образомъ и до толкованія о ходатайствѣ.

— Теперича, вотъ видишь-ли: плакатъ-то вотъ онъ и есть, да чужой!..

— Худо дѣло... Н—да—а!..

— Чево хуже... Кажисъ хуже и невозможно, потому теперича нигуда нельзя на работу.. Вотъ и плакать будто, а выходить не плакать, не дѣйствуетъ...

— Худо дѣло! авторитетно замѣчаетъ адвокатъ: тутъ меньше двухъ рублей нельзя...

— Какихъ двухъ? въ изумленіи спрашиваетъ старшій рабочий.

— Какихъ двухъ? переспрашиваетъ съ насмѣшкой адвокатъ, такихъ же, какіе бываютъ...

— Да куда же это, братецъ ты мой?

— Да туда же... мало-ли куда. Давай два рубля— все обработаю...

— А какъ же сельянка-то... чай!..

— Это особѣ статья...

Рабочіе вздыхаютъ, чешутъ головы, старшій задумчиво прозноситъ: шшь ты... въ ротъ тѣ пило...

— А ты думалъ за сельянку? Ловокъ!

Старшій рабочий вздыхаетъ. Мысли его невольно сосредоточиваются на счетѣ тѣхъ копѣекъ, которыя уже пришлось израсходовать, и зная цѣну этимъ копѣйкамъ, трудомъ добываемымъ, онъ изподлобья поглядываетъ на адвоката, боясь все-таки показывать ему явное неудовольствіе.

— Чортъ съ нимъ, приказная строка, еще пожалуй обозлится, думаетъ онъ.

Минута молчанія.

Адвокатъ, пользуясь ею, поддаетъ жару и съ особенною важностію начинаетъ:

— Имѣя въ виду, что на основаніи 837 ст. X т. Свода Законовъ уголовныхъ, изданія 1857 года, по третьему продолженію, и принимая во вниманіе...

— Да ты вышей. Подво пугать то!..

Дѣло, повятно, окончилось такъ, какъ кончаются подобаго рода дѣла: простого, темнаго человека стумѣлъ ловко обойти дровокатъ и, слава Богу, если онъ, вытянувъ изъ нихъ нѣсколько рублей, все таки устронить ихъ дѣло. Бываетъ и хуже.

Д. Стахеевъ.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ Р. ЮРУ НА Кавказѣ.

(Къ рисунку профессора Мещерскаго).

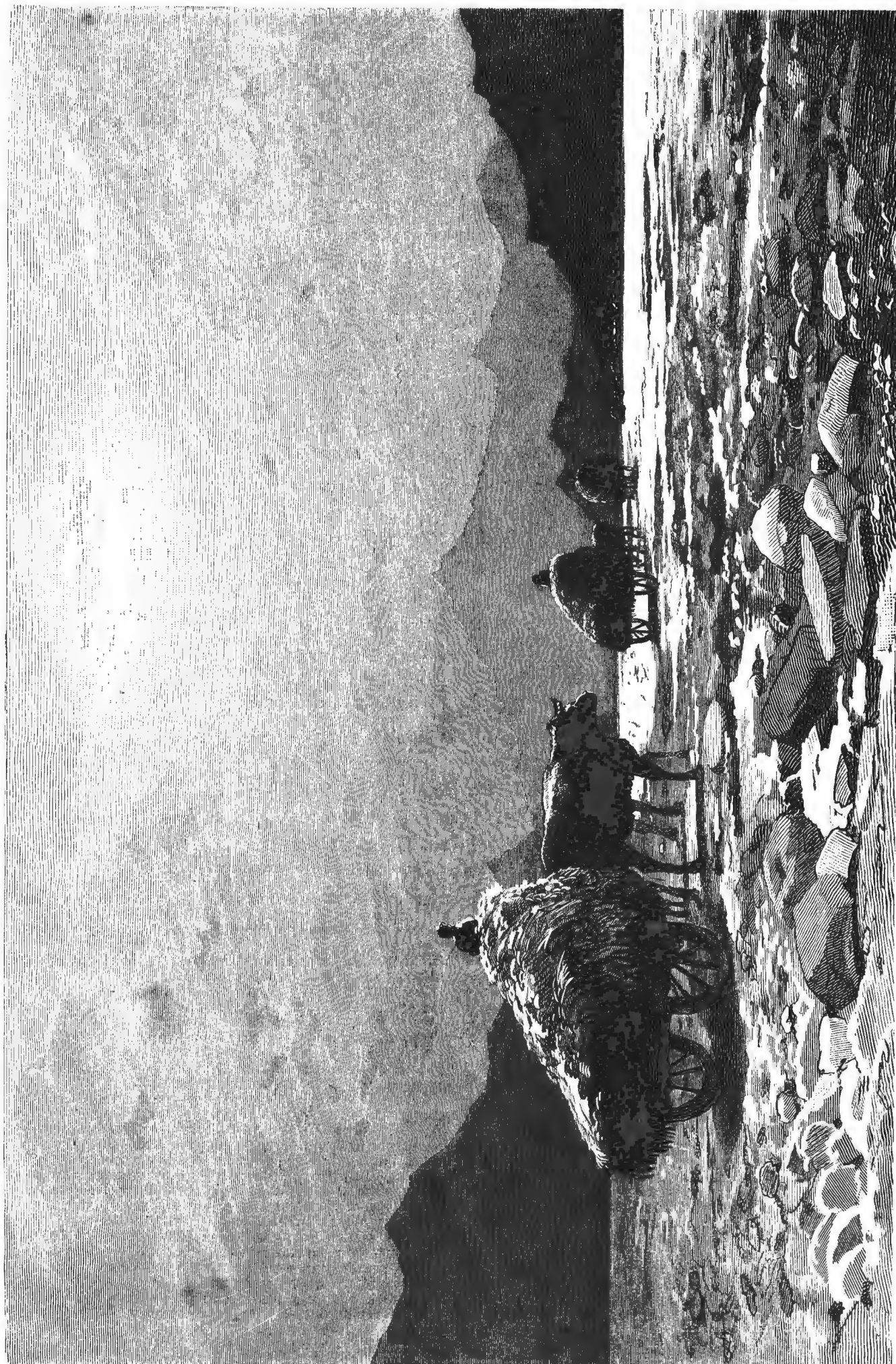
Высоко поднимаясь къ небу и бѣлѣясь на немъ своими снѣговыми вершинами, протянулся отъ Чернаго моря къ Каспійскому хребту Кавказскихъ горъ. Много сбѣжало съ него ручьевъ и рѣчекъ, то узенькой ленточкой, то разсыпавшимся въ водяную пыль каскадомъ. Изъ этихъ ручьевъ, съ шумомъ и грохотомъ спускающихся все ниже да ниже, образовались рѣки и потекли онѣ по доламъ и равнинамъ Кавказа и Закавказья, чѣмъ дальше, тѣмъ спокойнѣе и шире.

Нагрѣтъ теплое, лѣтнее солнце свѣтъ на горахъ, побѣгутъ мутные ручьи, подьются съ отвѣсныхъ обрывистыхъ скалъ каскады, вольется вода эта въ рѣку и забурлитъ она пѣною, унося съ собою огромные камни. Прибывшая вода зальетъ низменныя берега на большое пространство, а въ крутыхъ частую изберетъ себѣ новое ложе, оставляя старое высыхать подъ лучами болѣе знойнаго, лѣтняго солнца. Спадетъ весенняя вода, войдетъ рѣка въ свои берега, — и только одиѣ круглянки—и лишь булыжники свидѣтельствуютъ о размѣрахъ ея разлива. Низменные берега не покрываются на Кавказѣ травой: они болѣею частью каменисты и безжизненны. Такого рода мѣстность и изображена на нашемъ рисункѣ.

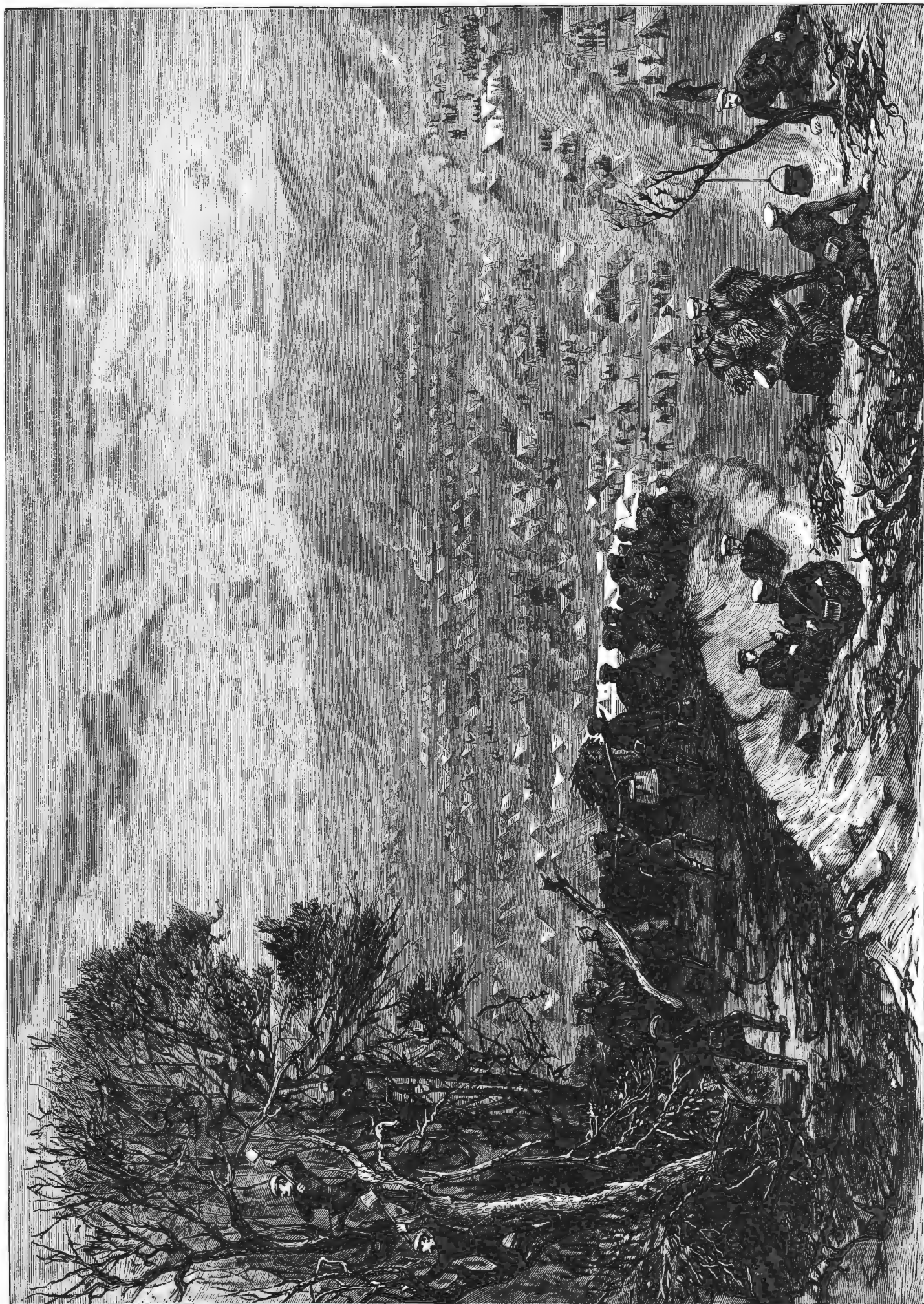
О художественной красотѣ этого рисунка, полагаемъ, говорить лишнее: онъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя.

Подъ Плевной.

Какъ извѣстно, въ настоящее время сильно укрѣпленный плевненскій лагерь турокъ оцѣленъ тѣснымъ вольдомъ осады. На Гривницкомъ редутѣ и на позиціи генерала Скобелева воюющія стороны такъ близко отстоятъ одна отъ другой, что могутъ переговариваться. Такъ называемая Зеленая гора возвышается подъ окружающей мѣстностію и лишь узкая долина или лоцина отдѣляетъ траншеи Скобелева отъ турецкихъ траншей. Последнее время въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Плевной настало нѣкоторое затишье. Между нашею главною квартирою и Османомъ-пашей происходятъ переговоры о капитуляціи его арміи. Въ выжидательномъ состояніи наши войска возможности устраиваются на своихъ позиціяхъ. По сообщеніямъ корреспондентовъ, въ настоящее время уже очень мало осталось войскъ въ палаткахъ, большая часть ихъ устроилась въ землянкахъ, и прилагаемый къ этому номеру „Нивы“ рисунокъ знакомитъ съ видомъ лагеря нашихъ гвардейцевъ до размѣщенія ихъ въ болѣе удобныхъ по времени года помѣщеніяхъ. Лагерь 16 пѣхотной дивизіи, которой нынѣ командуетъ генералъ-лейтенантъ Скобелевъ, представляетъ въ настоящее время цѣлый городокъ, съ правильно разбитыми кварталами и улицами. Землянки, вырытыя нашими искусными архитекторами-солдатами, покрыты хворостомъ и отапливаются печурками у нѣкоторыхъ съ дымовымъ проводомъ въ видѣ небольшой глиняной трубы. У другихъ дымъ идетъ прямо въ отверстие двери. Но каждая землянка снабжена соломою, служащей владѣльцамъ ея—ихъ обыкновенно 8—10 человекъ—постелью. Офицерскія хижинны—тѣ же солдатскія землянки и отличаются отъ нихъ только нѣкоторымъ комфортомъ. Замѣчательно, что вся сложная работа по возведенію укрѣпленій и устройству дивизионныхъ баракровъ была исполнена въ 3-е сутокъ по занятіи позиціи. Солдатики быстро и прворно привыкли за работу, только пыль столбомъ поднялась. Тамъ и сямъ послышался звукъ зна-

Долина рѣки Горы на Кавказѣ. Картина профессора С.-Петербурга. Академіи художествъ Мещерскаго, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Бренд'Амуръ.

Лагерь гвардейцевъ при Плевнѣ. По Г. Г. Н. съ фотогр. на деревѣ, грав. Рашевскій.

комою пѣсней и не менѣе знакомые разговоры между солдатами:
— Ермило, пошевеливайся, розуй руки-то, кричить кто-то изъ проворныхъ на мѣшковатаго Ермила.

— Чего разуваться, я и такъ въ сапогахъ могу...

Раздается хохотъ.

— Ишь ты Ермило нашъ каковы: руки-то у него въ сапогахъ...

— Ахъ, шибко вамъ, ворчитъ неповоротливый Ермило, я и впрямь думалъ разуваться велятъ... Зачѣмъ, думаю, разуваться...

— Ишь ты ловкой: подь турку да сапоги на рукахъ—это не полагается...

Такъ передаютъ очевидцы о состояніи духа нашего солдата тамъ, гдѣ кругомъ ужасъ и смерть.

Для генерала Скобелева раскинуто было два шатра. Въ одномъ помѣщается его столовая, въ которой ежедневно раздѣляются его скромный обѣдъ всѣ лица его штаба, иногда командиры бригады и полковъ дивизіи, а также и постороннія лица, прѣзжающія съ какими либо порученіями или же просто въ гости къ радушному генералу; другой шатеръ служитъ спальней и кабинетомъ. Но, находясь всегда тамъ, гдѣ свирѣпствуетъ сильный огонь и въ виду вѣроятности нечаяннаго нападенія турокъ, Генералъ Скобелевъ послѣднее время поселился въ передовой траншеѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба капитаномъ Куропаткинымъ. Солдаты вырыли яму для помѣщенія генерала въ уровень съ дномъ траншеи и поставили тамъ санитарныя носилки, служащія ему постелью. Замѣтимъ кстати, одна изъ траншей, наиболѣе подвергаемая выстрѣламъ, называется Невскимъ проспектомъ; другая носитъ названіе Большой Морской. Офицеры зачастую предлагаютъ прѣзжающимъ ординарцамъ и посѣителямъ прогуляться по Невскому или по Большой Морской; а также подняться на открытій балконъ гостиницы „Belle vue“, такъ называется у нихъ центральное мѣсто на гребнѣ насыпи, откуда прекрасно видны турецкія ложементы и даже красныя фески.

Скобелевъ желаетъ, чтобы солдаты его были веселы и музыка прелаётъ и днемъ и вечеромъ. Въ перемежку съ музыкой—хоровыя пѣсни.

Послѣ взятія Карса генералъ Скобелевъ приказалъ поставить подь Плевной громаднхъ размѣровъ транспортъ, съ надписью: „Карсъ взятъ, 10,000 турокъ взяты въ плѣнъ. Да здравствуетъ Императоръ“. Турки такъ были поражены этою вѣстью, что въ первый мигъ вовсе перестали стрѣлять, потому, понятно, они разозлились и совершенно разнесли выстрѣлами этотъ транспортъ. Однажды, къ общей радости своихъ войскъ, генералъ Скобелевъ приказалъ музыкантамъ играть предъ своей главной квартирой, т. е. въ передовыхъ траншеяхъ. Туркамъ должно быть повравлились веселые звуки и они прекратили выстрѣлы, направленные въ *благославленнаго*, какъ они называютъ Скобелева. Вообще надобно сказать, что Скобелевъ не только начальникъ, но и заботливый начальникъ и товарищъ. Въ самомъ кипучемъ бою—когда у другихъ дня по два голодаютъ солдаты, у Скобелевскихъ не только сухари—къ нимъ подвозятъ и горячую пищу. Въ моментъ отдыха солдаты здѣсь не стѣсняютъ ничѣмъ. Онъ дѣйствительно отдыхаетъ. Скобелевъ любитъ всей душою солдата и онъ ему отвѣчаетъ тѣмъ же. Начальникъ штаба его, капитанъ Куропаткинъ, одинъ изъ дѣлнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба. Въ огнѣ, когда кругомъ тысячи падаютъ, онъ не тергается—умъ его также ясенъ, распоряженія столь же цѣлесообразны. Заботливость удивительна. Во всякомъ, даже маленькомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, прорытіе траншеи, онъ справляется отлично. Впередъ все обдуманно, впередъ все предупреждено. Остальные у Скобелева армейская молодежь, беззавѣтно вѣрующая въ него, беззавѣтно смѣлая. Объ участи ихъ генералъ сильно тревожится.

— Паленекъ и маменекъ, титулованныхъ родственниковъ—нѣтъ у нихъ, говорилъ однажды Скобелевъ. Самые счастливые выйдутъ изъ службы съ пенсіономъ въ 350 р., попадутъ въ стеновые пристава. А вѣдь какая это смѣлая, честная и даровитая молодежь. Кажется, что у Скобелева и люди-то особенные какіе то. Вотъ, напримѣръ, солдатъ У. Онъ прекрасно образованъ, но не хочетъ держать офицерскаго экзамена. „Развѣ позорно быть солдатомъ? По моему, солдатомъ быть великая честь—и я остаюсь имъ“. А онъ между прочимъ въ два года туркестанской войны показалъ себя истиннымъ героемъ и здѣсь сразу выдѣлился.

Въ другихъ лагеряхъ подь Плевной, въ ожиданіи рѣшительныхъ дѣйствій Османа, также относительное бездѣйствіе. Въ известные часы идетъ ученіе рекрутъ, вновь прибывшихъ къ войскамъ. Начинаютъ даже жаловаться на скуку однообразной лагерной жизни и всѣ только и ждуть, когда Османъ-паша положитъ конецъ томленію и попытается прорваться чрезъ наши линіи, если ужъ такъ упорно отказывается отъ сдачи. Само собою, полагаемъ, понятно нашимъ читателямъ, что всѣ свѣдѣнія, сообщенныя здѣсь, мы передаемъ на основаніи газетныхъ извѣстій и группируемъ ихъ въ одно цѣлое для большей ясности изображаемой картины. На основаніи этихъ свѣдѣній оказывается, что Османъ-паша не падастъ духомъ. Онъ даже предупреждаетъ русскихъ, чтобы они приготовились къ правильной осадѣ, ибо увѣряетъ, что запасовъ у него хватитъ на

8 мѣсяцевъ и что онъ рѣшился защищать свою позицію до послѣдней крайности. Насколько это справедливо, судить не беремся, такъ какъ отсюда до плевненскаго лагеря очень далеко и нѣтъ возможности пока проверить отзвѣы Османъ-паши. Говорятъ, что армія не совѣмъ раздѣляется мнѣніемъ своего начальника и находитъ лучшимъ бѣжать пока еще имѣются слабья линіи обложенія. Солдаты недовольны запрещеніемъ тратить боевые снаряды съ прежней щедростью; теперь снаряды каждому солдату выдаются по счету. Значительный запасъ держится подь рукою на случай важныхъ дѣйствій. Что касается продовольствія, то въ настоящее время солдаты получаютъ по $\frac{3}{4}$ фунт. хлѣба каждый день и разъ въ недѣлю кусокъ мяса. Плевна представляетъ чрезвычайно печальный видъ. Самый городъ сильно пострадалъ отъ бомбардировки, хотя онъ и не служитъ мишенью для русской артиллеріи. Османъ-паша не выслалъ во время жителей изъ города и теперь имъ приходится переносить страшныя мученія осады. Громкія вопли женщинъ и дѣтей надрываютъ душу и мучительно вліяютъ на солдатъ. Единственная личность, живущая среди общаго бездѣйствія съ пользою для себя, старая еврейка Сара, занимающаяся гаданьемъ. Самъ Османъ-паша не пренебрегаетъ предсказаніями этой старухи.

Но обратимся къ положенію нашей осаждающей арміи, къ нашимъ солдатамъ, являющимъ собою столько хорошаго, высокочеловѣчнаго, при необычайной храбрости и беззаветной вѣрѣ. Необыкновенно выносливый, онъ свыкъ съ новой обстановкой и даже относится къ ней чрезвычайно благодушно. Для примѣра приводимъ характерную сцену, подмѣченную очевидцемъ-корреспондентомъ.

Солдатки сидѣли на землѣ. У нихъ шелъ горячій разговоръ о нашихъ дѣлахъ подь Плевной, но онъ немного нарушился, когда появился солдатъ съ бутылкой водки отъ марки-танта.

— Ну, ребята, сегодня балъ у насъ!

— Здѣшня-то сивуха худая.

— Ну, а что еслибы жена была здѣсь и ей бы чарочку турецкой подвесилъ бы!

— Она не стала-бы пить-то чай! подхватилъ кто-то.

— Не стала! Озябла, такъ стала-бы...

— Подитко дѣткишки-то што теперь дѣлають, тамъ они, въ Россіи-то?..

— Дай-ка сухарька, братцы!..

— Не хонь-ли галетчины; вонъ тутъ нѣкто у насъ ее не ѣстъ.

— Не надо туретчины то. Поди ты! привязался съ галетчиной-то. Галетчина турецкая ѣда. То-ли дѣло свои родные сухарьки. Хоть на видъ-то и хуже, да хороши.

— Ну, вотъ еще!.. Не все ли равно?..

— А то еще, пожалуй, турки въ галету яду какого положили,—сказалъ кто-то.

— Ребята! меня-то забыли!. Налей-ко чарочку!..

Прибывшему наливаютъ чарку. Онъ выпиваетъ.

Вотъ направо какая-то масса орудій и патронныхъ ящиковъ. Лошади стадами пасутся тутъ вблизи, инныя изъ нихъ щиплютъ траву, расхаживая по склонамъ горъ. Солдаты тутъ живутъ еще въ полотняныхъ палаткахъ.

Подходите вы ближе. У ручья свѣжей воды солдатъ моего бѣлье, напѣвая пѣсню. При видѣ васъ онъ встаетъ и дѣлаетъ честь.

— А что это артиллерійскія орудія?

— Точно такъ, ваше благородіе!

— Это запасныя, что-ль?

— Такъ точно, ваше благородіе. Они дежурить ходятъ черезъ двое сутокъ на осадную.

— Дежурить?..

— Точно такъ!..

Идемъ далѣе. Солдатъ по дорогѣ куча куда ни взглянешь. Одинъ изъ нихъ зашиваютъ бѣлье, другіе чинятъ сапоги. Инныя тащатъ лѣсъ для постройки остова землянки и для топлива.

Посмотримъ теперь на отношеніе нашихъ солдатъ къ туркѣ. Вотъ на одномъ столѣ лежатъ двое раненыхъ съ переломомъ костей. Одинъ изъ нихъ—русскій солдатъ, другой—турокъ. Обомъ предначается гипсовая повязка... Турокъ смотритъ такъ-то недружелюбнымъ...

— Не бойся, вѣдь, чай, я вѣру Христову исповѣдую; не задѣваю тебя... говоритъ нашъ солдатъ.

Къ солдату подходятъ дѣлать гипсовую повязку. Солдатъ, смѣясь, говоритъ:

— Ваше благородіе! уберите эту нехристь-то; а то заколю ее!..

— А развѣ можно такъ дѣлать?

Солдатъ, улыбаясь, замѣтилъ:

— Я вѣдь шутя, ваше благородіе! Неужто я стану больного человѣка трогать; вѣдь, чай, крестъ-то на мнѣ еще есть..

Вообще, великодушіе нашего солдата замѣчательное и въ этомъ мы уже не разъ убѣждались. Онъ мало смущается передъ ужасами и звѣрствами турокъ, дозволяя себѣ только порицать ихъ. Отношенія его къ раненымъ туркамъ замѣчательно великодушны, трогательны.

Въ образецъ стоицизма расскажемъ здѣсь со словъ того-же очевидца-корреспондента;

„Раненому въ обѣ ноги нужно было отрѣзать ихъ: одну выше колѣна, другую ниже. Ампутируемый рѣшительно отказался отъ хлороформа. Потребовалъ трубку. Докторъ далъ ему громадную. Страдалцу отрѣзали одну ногу—онъ и не простоналъ. Начинаютъ рѣзать другую. Солдаты только затаиваются табакомъ. Были при этомъ и сестры милосердія. Молоденькая не выдержала, ужъ слишкомъ подѣйствовало на нервы. Начинаетъ рыдать; ее останавливаютъ:

— Вѣдь это на раненаго скверно подѣйствуетъ... Молчите.

— Не замай, говоритъ солдатъ, вынимая трубку изъ рта: извѣстно, ея бабѣ дѣло—пушай голосить.

До того это было неожиданно, что всѣ, не смотря на тяжелую обстановку всего окружающаго, разсмѣялись. Припомнимъ еще одну сцену.

Когда отрядъ снимался съ караула, чтобы идти въ рекогносцировку, донецъ останавливается и раскрываетъ подушку своего сѣдла. (У донцовъ въ этихъ подушкахъ все ихъ боевое имущество).

— Что ты?.. недоумѣваетъ сотникъ.

— Да вотъ, новый мундиръ выну, все лучше умирать въ новомъ-то.

Не успѣлъ договорить—шальная пуля въ животъ. Раны такого рода смертельны. Везутъ на перевязочный пунктъ.

Въ это время Главнокомандующій объѣзжаетъ позиціи.

— Ваше высокоблагородіе! обращается донецъ къ офицеру.

— Чего тебѣ?

— Чтобы мнѣ отвѣтить получше Великому Князю, когда онъ спроситъ меня? заботится рапennyй.

Что же касается различныхъ непредвидѣнныхъ трудностей, которые приводятся терпѣть солдатамъ во время похода и въ

самыхъ бояхъ, уже и говорить нечего. Приведемъ только слѣдующее сообщеніе, сдѣланное генераломъ Скобелевымъ въ докладѣ Императорскому. „При прискорбномъ въ эту компанію отсутствіи шанцеваго инструмента при войскахъ въ достаточномъ количествѣ, представляется не мало затрудненій. Люди рыли себѣ ровники частію крышками отъ манерокъ, частію руками. Для очищенія эспланады виноградные кусты вырывали руками.

Относительно положенія арміи нашего противника, Осман-паша, мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ англійскихъ источниковъ. Такъ корреспондентъ газеты «Times» сообщаетъ изъ Плевны. „Въ теченіи послѣдней недѣли, пишетъ онъ (отъ первой половины ноября), мы находимся здѣсь въ глубокомъ уныніи. Все доходящее до насъ тѣмъ или другимъ способомъ сводится къ тому, что Плевна совершенно обложена непріателемъ. Османъ-паша, считавшій себя до сихъ поръ непобѣдимымъ, начинаетъ безпокоиться касательно будущаго, и его главный штабъ находится въ крайнемъ безпокойствѣ, боясь, чтобы главнокомандующій, въ минуту отчаянія, не прибѣгнулъ къ какой либо безразсудной мѣрѣ. Османъ-паша раздраженъ неускусной тактикою Шефкета-пашы, знаменитаго героя Батака, и неблаго-разуміемъ министерства, которое поручаетъ столь важныя посты людямъ, подобнымъ Хакки-пашѣ. „Между тѣмъ какъ я,—говоритъ Османъ-паша,—упогреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сдѣлать эту позицію недоступною и имѣть возможность оборонять ее отъ непрестанныхъ атакъ грознаго непріятеля, въ то самое время жалкій пьяница, на столько же трусъ, сколько и невѣжда, разрушаетъ всѣ мои планы и подвергаетъ опасности всѣ одержанные мною до сихъ поръ успѣхи. Можно подумать, что какой-либо злой духъ побуждаетъ наше министерство дѣлать ошибку за ошибкою“.

Ор.

Военныя извѣстія.

Извѣстія съ Дунайскаго театра войны за прошлую недѣлю дополнили значительными деталями картину нашихъ операций, до сихъ поръ извѣстную только въ общихъ чертахъ. Послѣ взятія укрѣпленной позиціи у деревни *Правецъ* (о чемъ мы говорили уже въ № 48 «Нивы»), турки очистили *Новачинъ*, *Скриену* и *Орханію* и отступили на перевалъ на позицію къ мѣстечку *Врачешъ*. Изъ Этропола же турки отступили на Шандоринскій перевалъ, въ *Арабкоакъ*. И засимъ все пространство между рѣками Огостомъ *) и Искеромъ очищено отъ турокъ. Наши отряды заняли 16-го ноября *Былбродъ* и *Ловчво*, расположенные на р. Огостѣ, и вслѣдъ затѣмъ наши легкіе отряды были отправлены къ Берковацу и *Вѣлградчику* **). Цѣль подобныхъ рекогносцировокъ весьма понятна. Она состоитъ въ возобновленіи связи между румынскимъ отрядомъ, недавно взявшимъ *Ломъ-Паланку* и нашимъ Врацкимъ отрядомъ, что и исполняется успѣшно, какъ увидимъ ниже. Теперь уже все болѣе и болѣе суживается линія, лежащая между Виддиномъ, крайнимъ турецкимъ опорнымъ пунктомъ на западѣ, и занятымъ нами между рѣками Огостомъ и Искеромъ. Далѣе къ западу, какъ извѣстно идетъ уже сербская территория и въ этомъ пунктѣ, при вступленіи Сербіи на театръ войны, произойдутъ, конечно, новыя военныя комбинаціи.

Румыны заняли Ломъ-Паланку послѣ шестидневной канонады и послѣ этого бывшій здѣсь турецкій гарнизонъ отошелъ къ Виддину.

Возвратимся однако къ дальнѣйшему ходу дѣлъ въ области Искера и Огоста. Вскорѣ послѣ отступленія къ Лютакову *) и Врачешу, о которомъ говорено было выше, турки оставили это важное укрѣпленіе. Тогда турки отступили двумя дорогами: по Орханіевскому шоссе и по прямой дорогѣ отъ Лютакова. Для возобновленія связи между Ломъ-Паланкою и Врачешомъ сдѣланы, съ нашей стороны, слѣдующіе замѣчательные успѣхи. 18-го ноября отрядъ генерала Арнольди занялъ *Черкескую Кричину* (на р. Цибрѣ) и *Кутловицу* (на шоссе) пути изъ Ломъ-Паланки въ Берковацъ, о немъ сказано выше). И вотъ какимъ путемъ установлена постоянная связь между румынскимъ отрядомъ, занимающимъ Ломъ-Паланку и нашимъ Врацкимъ отрядомъ. На картѣ уже самъ читатель пойметъ это гораздо яснѣе, и потому мы оставляемъ слишкомъ подробное географическое описаніе указанныхъ пунктовъ.

Съ другой стороны и наши наступательныя дѣйствія къ Балканамъ продолжаютъ съ значительными успѣхами. Почти одновременно съ сейчасъ описанными важными операциями на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ, важнаго успѣха достигла колонна генерала Эллиса, занявъ оставленную турками позицію у высотъ Греота. Детали этого дѣла слѣдующія. Когда турки отступили отъ селенія *Правецъ*, за гор. Орханію, на Врачешскую укрѣпленную позицію, и отъ города Этропола на высоту Греота, тогда тотчасъ колонна генерала Эллиса укрѣпилась на Правецкой позиціи и наблюдала за Врачешемъ, между тѣмъ какъ колонна генерала Дандевила въ тоже время была направлена для атаки высотъ Греота. Успѣшною атакой высоты эти были заняты. Вскорѣ генералъ Дандевиль овладѣлъ и сосѣднею съ Греотомъ высотой. Цѣлые два дня (18-го и 19-го

ноября) втаскивали на эти высоты нашу тяжелую артиллерию. Но какъ скоро турки оставили Врачешскую позицію, генералъ Эллисъ двинулся за ними по шоссеиному пути, и, пройдя *Орханію* и *Врачешъ* *), занялъ позиціи въ горахъ, въ виду расположенія турокъ у Арабъ-Конака, примкнувъ лѣвнымъ флангомъ къ отряду генерала Дандевила. И здѣсь наша тяжелая артиллерія была поднята на огромную высоту, на что было употреблено цѣлый день (20-го ноября). Въ тоже время была двинута колонна генералъ-майора Курнакова на *Златицу* и она заняла перевалъ въ этомъ мѣстѣ. Подъемъ артиллеріи на высокіе горы принадлежитъ къ самымъ блестящимъ и исполненнымъ подвиговъ нашихъ родныхъ героевъ Замѣтимъ, что здѣсь высоты горъ страшно высоки. Здѣсь лежитъ недавно изслѣдованная вершина колоссальнаго Ихтимана съ своей цѣпью (о чемъ мы уже имѣли случай говорить, знакома читателямъ съ орографіей Болгаріи), превосходящею высотой самыя высокія вершины восточныхъ Балкановъ. Припомнимъ и неблагоприятную погоду (по сообщеніямъ телеграммъ, оттепели постоянно смѣнялись морозами) и мы поймемъ, что настоящее дѣло напоминаетъ альпійскіе подвиги Суворова. До какой степени высоки здѣсь даже площадьобразные уступы горъ—можно судить изъ того, что позиція генерала Дандевила находится на высотѣ 3,400 фут. надъ поверхностью моря!.. Но не успѣли мы опомниться отъ изумленія по поводу мужества и доблести нашихъ войскъ, какъ телеграфъ принесъ намъ новыя извѣстія о блестящихъ дѣлахъ въ отрядѣ генерала *Гурко*, именно при *Златицѣ* и *Арабъ-Конакѣ*. а) Колонна Курнакова (о которой сказано выше) спустилась съ Златицкаго перевала и овладѣла расположенными здѣсь двумя деревнями *Клиской* и *Члопъ* чѣ, послѣ чего турки отступили въ свой укрѣпленный лагерь; въ тоже время полковникъ Комаровскій спустился къ Златицу со стороны Тетевена (т. е. съ сѣвера) и оба отряда вступили въ связь между собою.

б) Колонна генерала Эллиса заняла съ бою высоты, господствующія надъ турецкою позиціею при Арабъ-Конакѣ, къ западу отъ Софійскаго шоссе. Атака была возобновляема три раза и, послѣ 3 атакъ, турки были отброшены съ громаднымъ урономъ, и командующій надъ Арабъ-Конакомъ высоты были нами прочно заняты. Затѣмъ немедленно правыми подкрѣпленіями графа Шувалова эта позиція грозно укрѣплена. Бомбардированіе турецкихъ позицій Арабъ-Конакъ и Шандоринскъ начато въ тотъ же день. Интересно, что по показаніямъ взятыхъ нами въ этомъ дѣлѣ плѣнныхъ турокъ, при Арабъ-Конакѣ находится самъ Мехмедъ-Али-паша. Потери наши въ этомъ дѣлѣ вообще незначительны.

На другой день послѣ этого турки энергически атаковали нашу позицію у *Марени*, такъ что генералъ-адъютантъ *Святополкъ-Мирскій* долженъ былъ отступить къ *Еленѣ* (къ юго-востоку отъ Тернова) и здѣсь, окруженный турками, онъ долго отбивался, но долженъ былъ отступить отъ *Елены*, съ значительными потерями, къ деревнѣ *Яковичи* (впереди Еленинскаго ущелья). Позиція эта укрѣплена, и Святополкъ-Мирскому со всѣхъ сторонъ посланы подкрѣпленія, что и остановило упорно-наступавшаго непріятеля. Въ этомъ неудачномъ дѣлѣ вышло изъ строя около 50 офицеровъ, 1,800 нижнихъ чиновъ и потеряно 11 орудій.

Такова цѣль послѣднихъ операций. Онѣ сосредоточивались за прошлую недѣлю, какъ видятъ читатели, на югозападной сторонѣ, на правомъ флангѣ нашей Дунайской арміи и по направленію къ

*) Рѣка *Огостъ* или *Оустъ* течетъ западнѣе Искера и впадаетъ въ Дунай въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположено Рахово.

***) Тотъ и другой пункты расположены по линіи параллельной *Вратарницъ-Планинѣ* и Старой-Планинѣ, о которыхъ мы говорили въ прошломъ обзорѣ («Нива» № 48). Берковацъ лежитъ почти на одной широтѣ съ Врачей, Вѣлградчикъ же далеко сѣвернѣе и къ востоку отъ Вратарницъ-Планины.

*) На р. Искерѣ, близъ линіи Старой-Планины.

*) Врачешъ на югъ отъ Орханіи, и оба пункта лежатъ значительно къ западу отъ Этропола и Златицы.

Балканамъ. Въ прочихъ же пунктахъ театра войны, а равно и на Закавказскомъ театрѣ, не произошло ничего особеннаго.

Листъ уже былъ въ печати, когда получилось радостное извѣстие о взятіи Плевны. Его Высочество, Главнокомандующій телеграфируетъ: «Плевна въ нашихъ рукахъ со всей арміею и Османомъ во главѣ. Сегодня, 23-го ноября, въ 7 1/2 час. утра, вся армія Османпаша атаковала нашъ гренадерскій корпусъ, занимающій линію обложенія на лѣвомъ берегу Вида, съ цѣлью пробиться; атака была ведена съ отчаянною храбростію; часть турецкихъ войскъ врвалась даже въ наши траншеи и батареи, но всѣ усилія непріятеля сломить нашихъ гренадеръ были напрасны».

Послѣ пяти-часоваго жаркаго боя, турки были отброшены, окруженные надвинувшимися на нихъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками. Храбрый защитникъ Плевны, Османъ-паша, во время боя раненый въ ногу, сдался въ плѣнъ со всею своею арміею. Привести въ извѣстность число плѣнныхъ и трофеевъ пока нѣтъ возможности, могу лишь сказать, что все что было въ Плевнѣ попало въ наши руки. У насъ потери пока не приведены въ извѣстность, но для достигнутаго результата не велики. Больше всѣхъ отличились и пострадали: астраханскіе, Мои сибирскіе и самогитскіе гренадерскіе полки».

По сему случаю Петербургъ тотчасъ же украсился флагами, при Высочайшемъ Дворѣ назначено торжественное молебствіе, а равно и во всѣхъ храмахъ города.

Заявленіе.

Альбома „Хивинскій походъ“ Н. Каразина, распроданы всѣ экземпляры.

СОДЕРЖАНІЕ: Христина Г. Нильсонъ (съ портретомъ).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть третья. (Продолженіе).—Крестоносцы передъ Іерусалимомъ (съ рисункомъ) В. Наульбана.—Гнѣздо ткачиха (Росси) (съ рисункомъ) Л.—Ходатай по дѣламъ (съ рисункомъ) Таурискаго Д. Стахѣева.—Переправа черезъ р. Іору на Навазѣ (съ рисункомъ) профессора Мещерскаго.—Подъ Плевной (съ рисункомъ) Ор.—Политическія, военныя и внутреннія извѣстія.—Заявленіе.—Русскіе типы.—Отъ редакціи.—Объявленія.—При этомъ № прилагаются: «ПАРИЖСКІЙ МОДЫ» за ДЕКАБРЬ съ 36 рисунки, и отдѣльный листъ съ 26 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и съ 39 рисунками рукодѣльныхъ работъ и 38 вензелей буквъ—иниціаловъ для мѣткі бѣлья.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Д. Стахѣевъ.

Русскіе типы. IV. Продавецъ темнаго товара.
— „Золотыя часики по случаю... купите: цѣна не высокая...
Ориг. рисунокъ И. Панова, грав. Вейерманъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Къ этому № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ въ 1878 г., заключающее въ себѣ образцы гравюръ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ“, и объясняющее тѣ цѣли и направленія, которыхъ въ теченіи восьмилѣтняго существованія неуклонно держался нашъ журналъ.

— Въ виду того, что подписчики „Нивы“ достаточно знакомы съ художественными и литературными ея достоинствами Контора Редакціи имѣетъ честь покорнѣйше просить о распространеніи прилагаемаго объявленія въ окружающей ихъ средѣ, дабы способствовать такимъ образомъ ознакомленію публики съ журналомъ, назначеннымъ для семейнаго чтенія и въ теченіи восьми лѣтъ прилагающимъ всѣ усилія для выполненія этой задачи.

Обращаемъ за симъ вниманіе на наши изданія, перечисленные въ этомъ же объявленіи, и уступаемыя подписчикамъ „Нивы“ съ значительной сбавкой цѣны.

Контора редакціи проситъ обратить вниманіе на то, что такъ какъ типографія не въ состояніи набирать, корректуровать и печатать въ теченія дня и ночи болѣе 600 адресовъ, то посему покорнѣйше проситъ ПОСПѢШИТЬ возобновленіемъ подписки, что бы при высылкѣ первыхъ номеровъ 1878 г. не случилось задержки.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1878 ГОДУ

„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ“

(5-й годъ изданія).

Сборникъ чертежей и рисунковъ фасадовъ, плановъ и деталей всякаго рода деревяныхъ и каменныхъ строеній (относящихся преимущественно до сельской архитектуры), казъ-то: проекты загородныхъ домовъ со службами, дачъ жостовъ, бесѣдокъ и проч., проекты церквей, иконостасовъ, вѣтовъ, рисунки мебели, золотыхъ и серебряныхъ вещей и т. п.

Часть рисунковъ хромированныхъ и гравированныхъ.

Сборникъ выходитъ въ тетрадахъ, отъ 4-хъ до 5-ти листовъ въ каждой, а всего въ годъ въ 12-ти тетрадахъ 50 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ 12 тетрадей безъ доставки и пересылки. . . 8 руб.

съ доставкою или пересылкою . . . 6 „

Лица, желающія познакомиться въ изданіе свои произведенія, обращаются въ Редакцію въ С.-Петербургѣ: Васильевскій Островъ, набережная, противъ сквера, д. № 1—5, кв. № 6, Рейнбогъ.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: по Невскому просп., на углу Адмиралтейской площади, въ главнѣйшій магазинъ Дацаро и въ магазинъ Веггрова, у книгопродавца; Мелье, Мамонтова, Курбатова, Чересова, Исмакова, Вольфа и проч.

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ магазинъ Дацаро.

Лица, желающія приобрести „МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ“ за 1874, 1875, 1876 и 1877 годы обращаются съ требованіемъ въ тѣ же магазины.

Н. Ф. Юнгъ имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что съ 1878 года цѣны на скоросыхъ масляныхъ краскахъ увеличатся, противъ цѣны, показанныхъ въ прейсъ-курantz 1877 года на 40 к. за пудъ—Прейсъ-курantz, содержащій въ себѣ 50 образцовъ и короткое объясненіе въ производствѣ малярныхъ работъ, высылается безплатно.—СПБ. Каванская 88. № 42 5—2

При этомъ № прилагаются для гг. издого. подписчик. 1) объявленія отъ чайн. магаз. Киселева въ Москвѣ, 2) объявленія: отъ магаз. Ветца, часов. магаз. Винтера, Альб. фабр. Шварцъ и Швейцарск. магаз. въ Сиб.—всѣ четыре вѣстѣ на одномъ листѣ.

Дозволено цензурою. СПб. 3 Декабря 1877 г.

Тип. Воллингъ. Анты. пр. № 10.
Библиотека „Руниверс“

„СБОРНИКЪ ПРИРОДА“

ПОДП. Ц. 12 Р., СЪ ПЕР. 13 Р. 50 К. (Безъ прил. 8 р. съ пер. 9 р.)
Изд. съ 1874 г.; 4 тома въ годъ (450 стр., 6—8 хромо- и лито-грае. въ каждомъ и около 100 рис. въ каждомъ). Въ Сборн. помѣщ. популярныя статьи по Естествозн. Этнограф., Медицинѣ, Гигіенѣ, Технолог., Сельск. Хоз., Охотѣ, Воен. и Морск. Дѣлу, Путешествіямъ, новѣйш. открытіямъ, усовершенств., изобрѣт. и т. п.—Сборн. прем. годовъ продается (въ Редакціи) по 8 р. безъ и по 10 р. за годъ съ приложеніями, а всѣ 18 томовъ (125 хромо- и лито-грае. прилож., 1200 рис. въ текстѣ, премія 1876 г. «Лѣббонъ: Домогор. времена» и 1877 г. «Лѣбонъ: Популяра. Фазіологія», обѣ съ изгот. рис.) за 20 р. безъ (съ подл. на 1878 г. 25 р.) и 40 р. съ прилож. и преміями (съ 1878 г. 50 р.) съ перес.

„ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ“

ПОДП. ЦѢНА 8 Р. СЪ ПЕР. 9 Р.; (1/2 г. 5 р. съ перес.)
Изд. съ 1874 г.; 12 кн. въ годъ, съ хромо- или лито-грае. въ каждой и мног. рис. въ текстѣ. Въ теченія года 2 раскраш. премія. Въ Ж. Ох. помѣщ. охоты, рассказы, спец. статьи о руж. и псов. охот., о ружьяхъ, породахъ, снаряж., дрессир. и левен. собакахъ, корреспонденціи, новости ох. дѣла и т. п.—Оставш. выд. Ж. Ох. съ 1874 г. (1 томъ) по 1877 г. можно выписать (въ редакціи) по 3 р. 50 к. за томъ, а всѣ 7 том. [42 хромо- и лито-грае., 7 прем. и особ. печ. прилож.: «Записки псов. охотника» П. М. Мачеварианова (160 стр.) и «Тетеревъ» Л. П. Сабантѣва (100 стр.)]—за 22 р. съ подл. на 1878 г. за 30 р. съ пер.—Подписка исключительно въ редакціи (Москвѣ, Петровск. д. Самариня).—Примѣчаніе: Подписчики 1878 г. на оба журнала платятъ 20 р. съ пересылкою. № 51 4—4 Редакторъ: Л. П. Сабантѣевъ.

НОВЫЙ ПРИВОРЪ РИСОВАНІЯ,

посредствомъ котораго всаміи, безъ малѣйшей подготовки можно копировать всевозможные рисунки, эстампы, картинки, акварели и пр. Особенно полезныя для подарка дѣтямъ. Цѣна всякаго прибора (съ прилож. Новаго способа Умноженія) посредствомъ самогнѣя, 1 р. съ пересылкою 2 р. Адресъ въ Контору Объясненій Новѣйшій пр. № 4 въ СІБурга. № 53 1

ЖИВНА

№ 50

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдающъ 12 Декабря 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ пересл. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ незамедлительно возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особенности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23.500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.

Просимъ высылать печатные редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается «Нива» въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

„НИВЫ“ на 1878 г.

Безъ доставки въ Пбургъ	4 р.	Безъ доставки въ Москву чрезъ книжныя магазины г. Живарева, Соловьева и Лангъ	5 р.
	Съ доставкою		5 р.

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I, БЛАГОСЛОВЕННЫЙ.

Освободитель Европы отъ Наполеоновскаго ига, Императоръ Александръ I, родился 12 декабря 1777 года. Нынѣ празднуется столѣтній юбилей рожденія этого монарха, царствованіе котораго такъ тѣсно связано съ величайшими событіями начала текущаго вѣка.

Отецъ Александра, Императоръ Павелъ I, былъ женатъ два раза. Первая его супруга, Наталія Алексѣевна, умерла черезъ 2½ года послѣ брака, и Павелъ женился за тѣмъ на дочери принца Фридриха Евгенія Виртембергскаго, нареченной въ православіи Марією Феодоровной, и этотъ второй бракъ былъ благословенъ рожденіемъ Александра.

Царствовавшая тогда Императрица, Екатерина II обратила на своего родившагося внука истинно материнскую любовь и вѣжность. Лишь только явился на свѣтъ будущій освободитель народовъ—Екатерина приняла его на руки, и послѣ купанья малютки сама перенесла его въ другую комнату и положила на большую подушку. „Я позволяла не иначе за пеленать его, — говоритъ сама Екатерина въ письмѣ къ Густаву III, — какъ по способу, который можно видѣть на прилагаемой куклѣ“. Великая ба-

Императоръ Александръ I, Благословенный.

Столѣтіе со дня его рожденія—12 декабря 1877 г. Грав. Вейерманъ.

бушка Александра особенно заботилась о купаньи своего внука и о температурѣ воды, назначаемой для этой цѣли. Отъ этого Александра на всю жизнь сохранилъ любовь къ купанью, такъ что, по словамъ современниковъ, не могъ равнодушно видѣть воды.

Черезъ 2 года послѣ рожденія Александра у императора Павла родился другой сынъ, Константинъ, тоже служившій предметомъ вѣжнихъ попеченій Екатерины, — однакожь привязанность къ Александру была у державной бабки далеко сильнѣе привязанности къ младшему внуку. Этой преимущественной привязанности, впрочемъ, соотвѣтствовали и высокія умственные способности малютки — Александра, и его привлекательная наружность. Братъ, однакоже, воспитывался вмѣстѣ подъ неусыпнымъ надзоромъ державной бабки, которая сама выбирала для внуковъ учителей и руководителей вообще и сама руководила всею системою воспитанія. Гувернанткой великихъ князей была баронесса Ливенъ. Затѣмъ былъ приставленъ графъ Салтыковъ. Послѣднему Екатерина вручила собственную свою особую инструкцію воспитанія, со-

ставленную по идеям философа Локка и Ж. Ж. Руссо. Инструкция эта отличалась особою подробностью. Въ ней даже были перечислены „нарочитыя книжницы“, составившия самую Екатеринину для первоначальнаго чтенія внукамъ. Таковы, напримеръ, сказки о царевичахъ „Хлоръ“ и „Фебелъ“ (Фебелъ—красномъ солнышкѣ). Задача Салтыкова состояла только въ руковожденіи нравственнымъ образованіемъ великихъ князей. Для научнаго же развитія внуковъ Екатерина избрала образованнаго швейцарца Фридриха цезаря *Лагарпа*, известнаго въ нашей исторіи болѣе подъ именемъ Петра Ивановича Лагарпа.

Лагарпъ имѣлъ огромное вліяніе на складъ понятій и вообще развитіе Александра. *) Особенно важны были для царственного воспитанника Лагарповы воззрѣнія на исторію, на политическое развитіе древнихъ и новыхъ государствъ. Лагарпъ былъ истый сынъ своего времени, т. е. конца XVIII вѣка, когда въ первый разъ произвели на европейское общество такое глубокое впечатлѣніе идеи о свободѣ и равенствѣ, высказанныя Руссо и другими мыслителями. За симъ, кромѣ Лагарпа, изъ другихъ учителей Александра, имя должно упомянуть: *Крафта* (преподавалъ экспериментальную физикку) знаменитаго академика *Палласа* (ботаника), гуманиста М. Н. Муравьева, **) (русская исторія и русск. языкъ). Въ нашей Импер. Публичной Библіотекѣ сохраняются учебныя тетради Александра I, изъ которыхъ видно, что первыми его упражненіями по русскому языку были перифразы идиалліи.

Но лишь Александру I минуло 15 лѣтъ отъ роду, какъ образованіе его было закончено. Графу Румянцову (сыну известнаго героя Задунайскаго) былъ порученъ выборъ при европейскихъ дворахъ невесты для великаго князя. Выборъ этотъ палъ на 17 лѣтнюю баденскую принцессу, Луизу Марію Августу, которая и пріѣхала въ Петербургъ въ 1792 г. вмѣстѣ съ своею сестрой. Въ 1793 г. вопросъ о бракосочетаніи Александра съ принцессою Луизою былъ уже рѣшенъ; въ томъ же году совершенъ былъ обрядъ миропомазанія, и невеста наречена Елизаветою Алексѣевною.

Въ 1796 году, какъ известно, послѣдовала смерть Екатерины II. Александру минуло въ это время 19 лѣтъ. Новый порядокъ вещей, водворившійся со вступленіемъ на престолъ Павла I, не согласовался съ высшей степенію гуманною и чувствительною натурою Александра. Въ тяжелыя для себя минуты онъ переписывался съ своимъ любимымъ воспитателемъ Лагарпомъ, чтобы облегчить свою душу. Благодаря строгой выправкѣ и воинскимъ порядкамъ, введеннымъ при Павлѣ, Александръ долженъ былъ разстаться съ своими прежними друзьями. Какъ старшій сынъ императора и какъ наследникъ Россійскаго престола, онъ долженъ былъ пройти трудную школу сношеній и наружной дружбы съ людьми, которыхъ онъ не любилъ и не могъ любить. Какъ глубоко страдалъ въ это время царственный юноша,—видно изъ немногихъ словъ одного его письма къ Лагарпу: „Капризала у насъ предпочитаютъ,—писалъ Александръ, человѣку образованному и полезному“. Четыре года такой жизни падали на благородную душу будущаго императора особую печаль. Обладая въ высшей степени чуткимъ сердцемъ, преклоняясь предъ всѣмъ великимъ, святымъ и благороднымъ на землѣ, глубоко принимая къ сердцу слезы и страданія людей и особенно поработанныхъ и притѣсненныхъ—Александръ I рано долженъ былъ ознакомиться съ горькой необходимостью подчиняться ходу обстоятельствъ. Всѣ великія и незабвенныя изреченія Александра I обличаютъ именно этотъ внутренний трагизмъ его души, это страданіе, при видѣ невозможности безотложно и скоро удовлетворить стремленіямъ своего сердца.

Это постоянное психическое настроеніе Александра усложнилось еще и тѣмъ, что именно въ это время европейскому міру суждено было видѣть величайшія политическія потрясенія и попрапія правъ народовъ и государствъ Наполеономъ I. Бѣдствія разорительныхъ войнъ были такъ громадны, что снятъ ихъ тяжесть не могъ бы даже самый могущественный и самоотверженный филантропъ. Нужно было предоставить дымящіеся равны постепенно и медленному излеченію. Глубокій урокъ былъ у всѣхъ передъ глазами. Сама стремившаяся къ свободѣ Франція подпала подъ иго. У насъ царило крѣпостное право, господствовали грабежи, воровство, въ широкихъ размѣрахъ разнообразныя административныя злоупотребленія; цѣлыя тысячи населенія умирали съ голоду. Сердце человѣколюбиваго Императора разрывалось при слухахъ о такихъ бѣдствіяхъ, и потому понятно, что въ письмахъ къ Лагарпу и въ разговорахъ съ нимъ у него вырывалась самая горькая жалоба на дѣйствительность, которую нельзя измѣнить, которой нельзя помочь, которую нельзя отворотить... Но, какъ мы сказали, и въ самой Европѣ приниженой разорительными войнами положеніе вещей было далеко не лучше, хотя и въ другой формѣ.

Императоръ Павелъ, скончался 11 марта 1801 г. Александръ дѣлается Императоромъ. Всеобщій восторгъ встрѣтилъ это событіе.

Вступивъ на престолъ, Александръ I объявилъ въ манифестѣ,

*) О Лагарпѣ самъ Александръ говорилъ; „Я обязанъ ему всѣмъ, что во мнѣ есть хорошаго, и всѣми моими познаніями.“

**) Какъ писатель, онъ извѣстенъ нѣкоторыми переводами иностранныхъ писемъ и подражаніями классикамъ, напр. *Виргилю* и проч.

стѣ, что онъ желаетъ управлять государствомъ „по законамъ и сердцу Екатерины“. Весьма понятно, что прежніе друзья Александра, находившіеся въ опалѣ въ царствованіе Павла, должны были возвратиться. Съ помощію ихъ Императоръ замышлялъ произвести желанныя его сердцу реформы и преобразованія. Даровитый *Кочубей*, при Павлѣ жившій вдали отъ столицы, былъ вызванъ изъ своего имѣнія, *Новосильцевъ*—изъ Лондона и *Адамъ Чарторыйскій*—изъ Италіи. Затѣмъ къ этой же группѣ даровитыхъ, гуманныхъ и либеральныхъ друзей при соединились *М. П. Муравьевъ* и графъ *П. Строгановъ*. Окруженный этимъ сонмомъ совѣтниковъ, Императоръ вскорѣ издалъ рядъ указовъ разнообразнаго содержанія, но, по духу и характеру, милостивыхъ. Нѣсколько тысячъ человекъ были возвращены изъ ссылки, изъ крѣпости, изъ подъ ареста; уничтожены были висѣлицы, до сихъ поръ, къ ужасу мирныхъ гражданъ, красовавшіяся на площадяхъ большихъ городовъ; относительно полиціи запрещенъ былъ произволъ, до тѣхъ поръ практиковавшійся во всей силѣ. Дозволено было открывать типографіи, печатать книги и ноты. Доставлена свобода торговлѣ, т. е. отменено запрещеніе провозить въ Россію и вывозить изъ нея всякіе товары; освобождены отъ телеснаго наказанія священники и діаконы; назначенъ ежегодный отпускъ денегъ на содержаніе Россійской Академіи Наукъ и Вольно-Экономическому Обществу; наконецъ строго запрещена пытка. Въ подлинномъ указѣ объ этомъ говорится: „Самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, навсегда да будетъ изглажено изъ памяти народной“. Всѣ эти указы были изданы немедленно, какъ безоплатательная потребность, еще до коронаціи Императора,—и такое начало царствованія, сопровождавшееся такимъ актомъ милости и любви къ подданнымъ, возбудило къ молодому монарху любовь и почти безграничный энтузіазмъ всего народа, и когда Александръ пріѣхалъ въ Москву на коронацію, то населеніе древней столицы встрѣтило его съ безграничнымъ восторгомъ. Очевидецъ тогдашнихъ событий, г. Вигель, говоритъ, что во время прогулокъ Императора по Москвѣ не было ни крика ни шума; народъ какъ будто боялся оскорбить своего „батюшку“. Сквозь легкій шопотъ только раздавались слова: „батюшка! родной ты нашъ! красное ты наше солнышко!“ Произносились всѣ вѣщныя названія, какія существуютъ въ нашемъ простонародномъ языкѣ. Лучшей награды за свою любовь къ народу молодой Императоръ не могъ ожидать. Толпа тѣснилась. Старики, женщины, дѣти цѣловали лошадь Александра, его сапоги, цѣловали со слезами благоговѣнія и набожностью. Коронація совершилась 15 сентября 1801 г. Въ Успенскомъ соборѣ пѣвчіе встрѣтили Государя великодушнымъ пѣніемъ концерта изъ псалма „Милость и судъ воспоютъ тебѣ Господи“, такъ прекрасно гармонировавшаго съ настроеніемъ самаго вѣнчаннаго царя и народа. По выходѣ новокоронованнаго монарха изъ собора, „ура“ десятковъ тысячъ головъ загрѣмѣло и зазвенѣли тысячи колоколовъ, что, при яркомъ освѣщеніи солнца, по словамъ очевидца, произвело невыразимое впечатлѣніе.

При вступленіи на престолъ Александра I, всѣ отрасли нашего государственнаго управленія были въ крайнемъ безпорядкѣ: вездѣ царилъ произволъ, такъ что Императоръ вскорѣ потомъ писалъ Лагарпу: „Не постижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ; почти не встрѣчаешь чистаго чловѣка. Это ужасно“. До какой степени царилъ нарушеніе законовъ, видно изъ достоѣрнаго преданія о просьбѣ одной княгини, обращавшейся къ Государю съ незаконными вымогательствами. „Вы все можете сдѣлать, Государь! говорила просительница. Вы выше закона“. На это Императоръ отвѣчалъ: „Если бы даже могъ нарушить законъ, то не захотѣлъ бы того, потому что признаю только власть, основанную на законѣ“. Самое зданіе государственной администраціи было „безобразно“, какъ выражался самъ Александръ... При такомъ положеніи дѣла даже для самыхъ реформъ нужны еще были подготовительныя работы. Нужно было удалить подгнившіе столбы и кучи мусора, чтобы они не обрушились и не задавили самихъ зодчихъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Въ маѣ 1801 г. Александръ образовалъ комитетъ изъ своихъ друзей: *Кочубей*, *Строганова*, *Новосильцева* и *Чарторыйскаго*. Послѣдніе трое составляли знаменитый *триумвиратъ*, названный Императоромъ въ шутку „Comité du Salut public“. Весь ходъ совѣщаній этого комитета записывался графомъ Строгановымъ. Прекратились засѣданія комитета въ концѣ 1803 года. Результатомъ этихъ совѣщаній были многочисленныя преобразованія. Рѣшено было начать съ Сената, съ его коренной реформы. Указъ о преобразованіи Сената произвелъ въ то время громадное впечатлѣніе. Послѣ многихъ и жаркихъ споровъ, послѣ предложеній разныхъ сенаторовъ представить этому учрежденію даже право *совершать смертную казнь* безъ согласія Государя и самостоятельно располагать доходами, дѣло было рѣшено въ слѣдующемъ смыслѣ: 1) Сенатъ есть верховное мѣсто имперіи; 2) власть его ограничивается только властью Государя; 3) въ Сенатѣ председательствуетъ Государь; 4) указы Сената исполняются наравнѣ съ указами Государя и только одинъ Государь можетъ остановить ихъ исполненіе; 5) за несправедливость жалобы Государю на Сенатъ виновные предаются суду. Отъ опредѣленія правъ Сената естественно было перейти къ мысли объ *учрежденіи*

министерствъ. Планъ учрежденія министерствъ подвергся подробному разсмотрѣнью Лагарпа, — и Воронцова, которые и одобрили его. Министерство было учреждено 8. 1) Военныхъ и сухопутныхъ силъ (министръ *Вязмитиновъ*); 2) морскихъ силъ (*Мордвиновъ*); юстиціи (*Державинъ*); 4) коммерціи (графъ *Румянцевъ*); 5) иностранныхъ дѣлъ (графъ *Норонинъ*); 6) внутреннихъ дѣлъ (*Кочубей*); 7) финансовъ (*Васильевъ*); 8) народного просвѣщенія (графъ *Завадовскій*). Всѣ министры считались вмѣстѣ съ тѣмъ и членами Государственнаго Совѣта и присутствовали въ Сенатѣ. Комитетъ Министровъ сталъ собираться въ личномъ присутствіи Александра I, два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, во внутреннихъ покояхъ Императорскаго Дворца. Результатами учрежденія министерствъ Императоръ остался доволенъ, и уже послѣ полутора мѣсяца дѣятельности министерствъ, въ 1802 году, отъ 25 октября писалъ къ Лагарпу: „Дѣла отъ этого (отъ учрежденія министерствъ) приобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что нбудетъ идти не такъ, какъ слѣдуетъ“...

Засимъ, мы знаемъ, что еще въ предварительныхъ засѣданіяхъ комитета самъ Императоръ поднималъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Гуманный Лагарпъ и Мордвиновъ, возмущенные приведенными фактами жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами, одобрили мысль монарха и горячо принялись разсматривать возможность ея осуществленія въ практическомъ отношеніи. Въ концѣ концовъ, однако, рѣшено было только „облегчить участь крѣпостныхъ крестьянъ“, такъ какъ полное освобожденіе „вѣсковыхъ работъ“ еще не было своевременнымъ. Министръ Юстиціи Державинъ и графъ Растопчинъ, одобряя въ принципѣ мысль объ освобожденіи, считали, однако, его практическіи неосуществимымъ; напротивъ, видѣли въ крѣпостничествѣ „средство дисциплины и порядка“. Къ этой мысли примкнулъ и просвѣщенный Мордвиновъ. Мѣры облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ, выработанныя комитетомъ, состояли въ томъ, что: а) отъ жестокихъ помѣщиковъ рѣшено было отнимать крестьянъ и имѣнія ихъ брать въ опеку, а самихъ помѣщиковъ заключать въ монастырь на покаяніе; б) губернскими дворянскими собраніямъ предписывалось судить жестокихъ помѣщиковъ; засимъ, далѣе, в) добровольное освобожденіе крестьянъ какимъ-либо помѣщикомъ одобрялось какъ дѣло гуманное и достойное подражанія. Строго запрещались возмутительныя объявленія о *продажѣ* крестьянскихъ прислуги, дѣлаемые въ газетахъ; и этимъ фактически прекращалось право надъ личностью. Крестьянамъ, скопившимъ состояніе, позволялось открывать фабрики и заводы, каковое право принадлежало до того только дворянству и купечеству. Правда, этими немногими пунктами и исчерпывались мѣры облегченія участи „вѣсковыхъ работъ“. Но если мы примемъ въ расчетъ массу тогдашнихъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, если вспомнимъ, что на тогдашнемъ языкѣ даже образованныхъ помѣщиковъ „владѣть“ крестьянами и „сбѣчь“ ихъ считалось за одно и тоже, — то мы должны признать и въ вышеприведенныхъ *трехъ* пунктахъ громадный шагъ къ великому дѣлу освобожденія. Современному царствованію нашего Великаго Монарха, тезоименитаго своему державному дядѣ, суждено было блистательно завершить великое дѣло освобожденія, основной камень которому положенъ былъ при Александрѣ I. Въ этомъ смыслѣ настоящее царствованіе имѣетъ тѣсную внутреннюю связь съ царствованіемъ Александра I.

Въ близкомъ соотношеніи съ сейчасъ указанными проектами и реформами находились и первыя попытки составить „Уложеніе“, на подобіе европейскихъ современныхъ уложеній, могшее сдѣлать преграду всякой незаконности и произволу. Для этой цѣли составлена была коммисія подъ предѣлательствомъ Завадовскаго, изъ 48 образованныхъ въ юридическомъ смыслѣ чиновниковъ, съ ежегоднымъ содержаніемъ имъ въ 100,000 рублей. Императоръ такъ горячо интересовался результатами занятій коммисіи, что ему давали ежемѣсячный отчетъ о ходѣ ея занятій. Для большаго успѣха дѣла за совѣтами обратились къ тогдашнему знаменитому европейскому юристу Иереміи Бен-таму, этому истому сыну XVIII вѣка, послѣдователю Монтеスキе, Беккариа и Гельвеція. Утилитаристическое ученіе Бен-тама извѣстно: онъ училъ, что законодательство каждаго народа должно заботиться не столько о карѣ и наказаніи, сколько о *предупрежденіи преступленій*. Поклонниками идей Бен-тама у насъ были *Мордвиновъ* и *Сперанскій*, государственная дѣятельность котораго собственно и началась съ царствованія Александра. Затѣмъ были переведены: „Исслѣдованіе причинъ богатства народовъ“ *Адама Смита*, на каковое дѣло Самъ Императоръ выдалъ изъ Своего кабинета переводчику 5,000 рублей. Книга *Беккариа* „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ и *Монтеские* „Духъ законовъ“ (*L'Esprit des Lois*). Самъ Императоръ составилъ начало уложенія на французскомъ языкѣ (*Code général*) 1-е отдѣленіе 1-й части Уложенія.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерствъ являются и ревностныя заботы о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ отношеніи царствованіе Александра составляетъ эпоху, не имѣющую себѣ примѣра вообще въ исторіи нашей русской культуры. Министерство народного просвѣщенія явилось истиннымъ свѣточемъ въ этомъ смыслѣ. Въ вѣдѣніи министерства находились тогда: *Главное Управленіе Училищъ* или *Коммисія училищъ*, *Ака-*

демія Наукъ и *Россійская Академія*. Предположено было основать 3 университета, именно Петербургскій, Казанскій и Харьковскій, сверхъ 3-хъ бывшихъ прежде: Московскаго, Дерптскаго и Виленскаго, такъ что число университетовъ на всю Имперію было уже 6-ть. Соответственно этому, Имперія раздѣлялась на 6-ть учебныхъ округовъ, каждый съ своимъ попечителемъ. Затѣмъ открыты были *гимназіи* и *низшія народныя училища*, хотя въ преподавателяхъ, особенно для гимназій, былъ крайній недостатокъ *). Для этой цѣли гимназіи предположено было открывать постепенно и только въ многолюдныхъ городахъ, по мѣрѣ того, какъ университеты будутъ съ своей стороны подготавливать учителей для гимназій. Самъ Государь ассигновалъ на содержаніе всѣхъ училищъ министерства народного просвѣщенія сумму въ 2 *милліона рублей*; засимъ другимъ университетамъ тоже были подарены Императоромъ или кабинетомъ рѣдкостей, или учебныя пособія, или, наконецъ, деньги на разныя постройки. Примѣръ Императора возбудилъ подражаніе и въ подданныхъ. Съ этихъ поръ начинаются у насъ пожертвованія, со стороны частныхъ лицъ, огромныхъ капиталовъ для учебныхъ и образовательныхъ цѣлей. Важнѣйшія пожертвованія въ этомъ смыслѣ принадлежали Демидову и Безбородко, первый пожертвовалъ 1½ *милліона* на разныя университеты, второй сдѣлалъ богатая приношенія для Нѣжинскаго лицей. Затѣмъ, благодаря просвѣщенному попеченію императора, весьма значительно поощрялась литература. Служащіе получали за свои литературные труды пенсіи, ордена и чины, а не служачіе — перстни, табакерки или же деньги на печатаніе своихъ произведеній. Часто полезныя рукописи печатались на счетъ Императорскаго кабинета. Напримѣръ, изъ кабинета для таковой цѣли за одинъ 1802 годъ выдано 160,000 рублей. Только при такомъ положеніи дѣла было возможно развитіе такого громаднаго таланта, какъ Карамзинъ, этого возродителя нашей новой литературы и родоначальника нашей публицистики, такъ какъ Карамзинъ сталъ издавать (съ 1802 г.) первый у насъ въ европейскомъ смыслѣ журналъ „Вѣстникъ Европы“ и за сямъ по сѣбѣ и при горячемъ содѣйствіи М. Н. Муравьева (одного изъ наставниковъ Александра I) могъ рѣшиться на безпримѣрный до того времени трудъ — написаніе „*Исторіи Государства Россійскаго*“, по выраженію самого автора, исторіи „не варварской и не постыдной для царствованія Александра I.“

Намъ еще нужно дополнить перечень важныхъ образовательныхъ, научныхъ и культурныхъ учрежденій, которымъ пожелалъ начало Александръ. Первое мѣсто въ этомъ перечнѣ должно занять Царскосельскій лицей, гдѣ воспитывался нашъ Пушкинъ; затѣмъ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, инженерную, артиллерійскую и кораблестроительную школы, школу для *колонновожатыхъ* (весьма важную для образованія тогдашнихъ офицеровъ и закрытую только въ 1840 г.) институты для изученія восточныхъ языковъ. Затѣмъ нужно поставить на видный планъ состоявшееся при Александрѣ усовершенствованіе С-Петербургскій медико-хирургической академіи. О благотворительныхъ учрежденіяхъ нечего и говорить: они процвѣтали при Александрѣ, подъ руководствомъ его державной матери Маріи Феодоровны и супруги Елисаветы Александровны. Затѣмъ и вооруженія нашихъ войскъ, — особенно по сѣбѣ Тильзитскаго мира, — достигло европейскаго совершенства по тогдашнему времени.

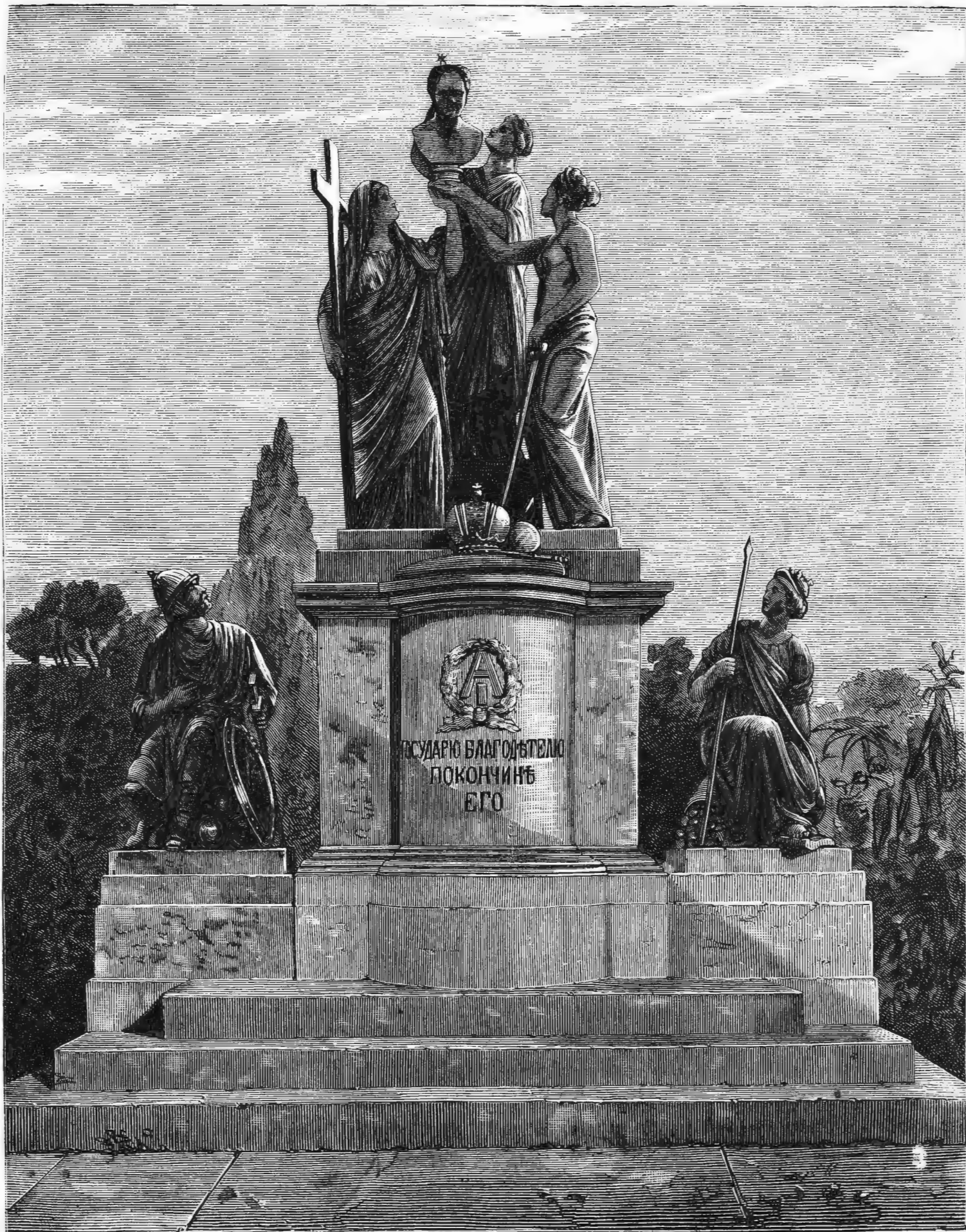
За сямъ — эпохѣ же Александра обязано своимъ появленіемъ „Московское Общество Исторіи и Древностей“, основанное въ 1804 г. по мысли Шлѣцера для подготовкы къ всестороннему изученію отечественной нашей исторіи. „Общество“ это открыто М. Н. Муравьевымъ, о которомъ мы упомянули выше. Точно также, благодаря дѣятельнымъ заботамъ Александра о развитіи нашей промышленности, наши русскіе моряки совершили *первое* (русское) кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крузенштерна и Лисянскаго, имѣвшее до такой степени громадное значеніе для науки, что описаніе его, изданное на русское язычѣ въ 1809 г., было переведено на всѣ европейскіе языки. Наконецъ, при Александрѣ же обстроился и Петербургъ и получилъ истинно-европейскую наружность и значительныя постройки (напр. Казанскій соборъ) и скульптурныя художественныя произведенія исполнены преимущественно русскими архитекторами и художниками. (*Вороничинъ*, строитель Казанскаго собора, *Екимовъ*, скульпторъ). Русское искусство получило широкое развитіе. При Александрѣ же получила начало и наша русская школа живописи, родоначальниками которой были: *Мартосъ*, графъ *Толстой*, *Европеевъ*, *Шебуевъ*, *Варничъ*, *Воробьевъ*, *Киприцскій*, *Уткинъ*. Въ области изящной литературы съ блескомъ подвизались, кромѣ тогдашняго главы литературы, Карамзина, *Дмитріевъ*, *Озеровъ*, *Крыловъ*, *Батюшковъ* и только что начинавшій свое великое поприще Пушкинъ. Надо однако, сказать, что всѣ эти таланты были возваны къ жизни общимъ движеніемъ въ первую половину царствованія Александра.

Мы въ нашемъ краткомъ очеркѣ должны были подробно остановиться именно на *первомъ* періодѣ дѣятельности Але-

*) Однакоже было открыто во всей Имперіи болѣе 100 гимназій и болѣе 2,000 элементарныхъ школъ и 58 духовныхъ семинарій для приготовленія образованныхъ священнослужителей.

Столѣтіе со дня рожденія Императора Александра I: Александровская колонна
въ С.-Петербургѣ. Грав. К. Вейерманъ.

Столѣтіе со дня рожденія Императора Александра I: Памятникъ Императору Александру I въ селѣ Грузинѣ, въ имѣніи графа Аракчеева. Грав. К. Вейерманъ.

ксандра I, въ первые годы до войнъ съ Наполеономъ, естественно отвлекшихъ вниманіе Монарха отъ внутренней культурной дѣятельности. Соответственно нашей дѣлѣ—очертить главнѣйшіе факты внутренней просвѣтительной дѣятельности Александра и руководившіе имъ при этомъ мотивы,—мы точно также должны упустить обстоятельства войнъ съ Наполеономъ.

Извѣстна всѣмъ рѣшимость Александра „не класть въ ножны меча, пока ни одного врага не останется въ Русскомъ Царствѣ“. При такой самоотверженной рѣшимости Александра бороться заодно съ народомъ до послѣднихъ силъ, становятся весьма понятными слова его, что, въ случаѣ покоренія Бонапартомъ Россіи, онъ уйдетъ въ пустыни Сибири и *отроститъ бороду*, но не заключитъ съ нимъ мира.

Послѣ 1812-го года въ нашемъ обществѣ является сильная борьба элемента консервативнаго, охранительнаго, твердо стоявшаго за старые порядки, и элемента либеральнаго, стремившагося прямо пересадить свободныя европейскія учрежденія на нашу почву къ чему первымъ шагомъ считалось, разумѣется, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостничества.

Александръ въ глубинѣ души остался вѣрнѣ либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, въ которыхъ былъ воспитанъ. Это видно изъ того, что, не смотря на ретроградные голоса Аракчеева, Магницкаго, архимандрита Фотія, Шишкова и многихъ другихъ, онъ вызвалъ снова въ Петербургъ Сперанскаго (удаленнаго въ 1812 г.), для продолженія работъ по уложенію, по образцу кодекса Наполеона, столь ненавистнаго Карамзину. Сперанскій, пользуясь благоволеніемъ императора, ревностно принялся за работу, конечно не безъ нападокъ и нареканій. Болѣе всего вооружался противъ Уложенія Трощинскій, тотъ умный и даровитый государственный человѣкъ, но лишенный образованія, и, конечно, ненавидѣвшій Европу. Трощинскій не безъ наивности, утверждалъ, что Уложеніе, подражающее Наполеоновскому кодексу будетъ содѣйствовать революціонной пропагандѣ. „*Россійское Библейское Общество*“, пострадавшее отъ обскурантизма и преслѣдованій Аракчеева и Магницкаго. Послѣдній паложилъ свою тяжелую руку на литературу, и никогда цензура не преслѣдовала всякое проявленіе мысли въ печати, какъ именно въ это время. Единственное отрядное исключеніе изъ цензурнаго преслѣдованія составляетъ появившаяся тогда постепенно въ свѣтъ „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина, но и то только потому, что авторъ былъ огражденъ титуломъ „*императорскаго*“ Исторіографа и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ государя.

Знаменитое село Грузино, вмѣстѣ съ баронскимъ достоинствомъ и орденами Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, Аракчеевъ получилъ еще отъ императора Павла. При этомъ на баронскомъ гербѣ самъ императоръ написалъ получившій громкую извѣстность—девизъ Аракчеева „*безъ лести преданъ*“. Грузино Аракчеевъ получилъ съ 2,000 душъ. Это село было и мѣстомъ ссылки Аракчеева во время опалы и мѣстомъ

отдыха въ періодъ могущества этого временщика нашей новой исторіи. Аракчеевъ называлъ себя „пустынникомъ“ и дѣйствительно напоминалъ суроваго Тристана-отшельника. Императоръ Александръ пріѣзжалъ въ Грузино къ своему любимцу запросто, въ качествѣ гостя, для отдыха и откровенной бесѣды. Снисходительность, дружбу и любовь императора къ суровому, бездушному и часто безчеловѣчному графу понять весьма легко. Преданность Аракчеева Александру, дѣйствительно, была глубоко искренна. Въ смыслѣ этой искренности и любви къ глубоко страдавшему отъ лъстецовъ-мистиковъ Монарху, Аракчеевъ стоялъ гораздо выше цѣлой толпы. Грубый солдатъ, близорукой отъявленный ретроградъ, лишенный всякой провидѣтельности, онъ призвалъ, что только строгая дисциплина введетъ „порядокъ и благополучіе“ въ Россіи. Затѣянные имъ въ обширныхъ размѣрахъ военныя поселенія потерпѣли плачевное фіаско, именно вслѣдствіе слишкомъ звѣрской дисциплины и узкаго близорукаго осуществленія плана. Но собственно дѣли этого учрежденія совсѣмъ не такъ оплодотворены. Не разлучать солдата съ женой и дѣтьми, избавить его отъ печальной перспективы пролетаріата—вещь, конечно, весьма почтенная достойная похвалы. Вотъ почему планъ устройства поселеній до ихъ осуществленія могъ быть безусловно одобренъ и его дѣйствительно воплотить одобряли всѣ, желавшіе улучшенія солдатскаго быта. Идея, стало быть, хороша, а исполненіе ужъ дѣло Аракчеева. Но онъ искусно умѣлъ скрывать отъ пріѣзжавшаго къ нему друга-императора стоны и рыданія страдавшихъ крестьянъ. Интересенъ фактъ, доказывающій до какой степени Александръ любилъ грузинскаго пустынника. Одинъ изъ крестьянъ, Аракчеева, доведенный до крайности звѣрствами своего господина и его любовницы Настасьи (въ жестокости превосходившей самаго Аракчеева), зарѣзалъ послѣднюю. Узнавъ объ этомъ несчастіи Аракчеева изъ его собственнаго письма, императоръ почувствовалъ себя дурно...

Представляя намъ собою воспоминаніе о суровомъ временщикѣ, какимъ былъ Аракчеевъ, Грузино останется для насъ интереснымъ памятникомъ гошенія Александра у своего подданнаго. Многие предметы здѣсь напоминаютъ Александра, между прочимъ памятникъ, воздвигнутый императору Аракчееву, съ надписью: „*Возвеличилъ Россію, с ась Европу!*“ Замѣтимъ здѣсь кстати, что Аракчеевъ, умирая, завѣщалъ значительный по тому времени неприкосновенный капиталъ, проценты съ котораго назначилъ для гонора за лучшее сочиненіе по исторіи царствованія императора Александра. Срокъ присужденія этого гонора еще не наступилъ до сихъ поръ и капиталъ вложенный, Аракчеевымъ, увеличился отъ 1/2 до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей.

Во время одного изъ своихъ путешествій въ Крымъ, Александръ сильно заболѣлъ желчною лихорадкою и, добѣжавъ до Таганрога, тихо скончался здѣсь на рукахъ своей супруги 19 ноября 1825 г. Исторія назвала его „Благословеннымъ“.

М. Стр...

Юный Императоръ.

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Продолженіе).

На слова Елизаветы юный Императоръ отвѣтилъ:

— Ахъ, Лиза! знаю я, знаю, что ты можешь упрекать меня, знаю, что не правъ передъ тобою. Прости меня, ради Бога! Видишь ли! сначала мнѣ было такъ тяжело, я такъ любилъ тебя, Лиза, а ты отъ меня отверглась, ну и... сердился я на тебя конечно. И больно, больно мнѣ было видѣть тебя: при тебѣ мнѣ становилось хуже. А потомъ... потомъ, Лиза, со всѣхъ сторонъ мнѣ про тебя дурное стали говорить, убѣждали.

— И ты повѣрилъ, грустно усмѣхнулась она.

— Повѣрилъ Лиза, смущеннымъ тономъ тихо отвѣтилъ Петръ.

— Ну, я не сержусь на тебя, положила она свои руки ему на плечи,—Богъ съ тобою, вѣрь если хочешь! Сама не знаю что дурное дѣлаю, у cadaго свой взглядъ на дурное или хорошее, можетъ быть гдѣ нибудь и дурное. Знай только одно, голубчикъ мой Петя, что часто о тебѣ я плакала, часто мнѣ хотѣлось видѣть тебя, поговорить съ тобой, и чего боялась я, то и случилось. Но скажи мнѣ, скажи все не скрывая, можетъ теперь на всемъ свѣтѣ одинъ только другъ у тебя и есть—это я.

Какъ въ прежніе далекіе дни придвинулъ Императоръ бархатную скамеечку къ креслу Елизаветы,

опустился на эту скамеечку и положилъ свою усталую голову на колѣни красавицы тетушки.

— Страшно мнѣ, Лиза, тяжело мнѣ, не люблю я моеи невѣсты. Никогда никого не любилъ я кромѣ тебя. Помнишь ты княжну Меншикову, помнишь ты какъ смотрѣла я на нее—ну вотъ и теперь то же самое. Точно также противна мнѣ становится моя новая невѣста.

— Господи! Да зачѣмъ же ты сдѣлалъ ей предложеніе? Вѣдь никто же силой не заставилъ тебя.

— Не силой, а заставили.

И онъ подробно рассказалъ цесаревнѣ все, что съ нимъ было. Онъ не винилъ Долгорукихъ, не винилъ и княжну. Онъ до сихъ поръ былъ увѣренъ, что съ ихъ стороны не было ничего заранѣе подготовленнаго, никакого умысла. Но не такъ думала цесаревна. Она ясно поняла въ чемъ дѣло и не могла удержаться отъ слезъ.

— Господи! Еще этого не доставало, начала она, обнимая Петра. Голубчикъ мой, но вѣдь это дѣло невозможное! Ты не можешь отдаться имъ въ руки, ты не можешь погубить себя. Ты долженъ отказаться отъ невѣсты.

— Какъ это можно, Лиза! Теперь это совсѣмъ невозможно.

— Да отчего же, отчего же?

И она начала убеждать его.

Онъ внимательно слушалъ. Многое ему становилось ясно, чего до сихъ поръ не понималъ онъ. Была минута, когда онъ рѣшилъ въ себѣ, что такъ и поступить, какъ совѣтуетъ Лиза, сбросить съ себя это ненавистное бремя, еще разъ показать, что онъ свободный человекъ и Императоръ.

Въ волненіи, блестя глазами, поднялся онъ. Снова вернулась къ нему теперь сила: онъ бодро стоялъ передъ цесаревной. Вотъ онъ сжалъ кулаки и сдвинулъ свои темныя брови.

— Да, ты права! Да, я не могу губить себя, я такъ или иначе развяжусь съ ними.

Но видно теперь ужъ всякое волненіе вредно на него дѣйствовало, видно въ немъ пробудилась не сила, а только послѣднее подобіе силы и энергіи, онъ пошатнулся и помимо своей воли очутился снова на колѣняхъ передъ Елисаветой.

— Боже мой! что съ тобою?

— Голова кружится, Лиза; теперь часто кружится. Плохо мнѣ что-то въ послѣднее время.

Она схватила его за руки—руки какъ ледъ холодныя, лице блѣдное.

Доброе сердце цесаревны сжалось болью. „Погубили, погубили моего мальчика“, думала она.

— Знаешь, Лиза, иногда весь день брожу я, какъ шальной совѣтъ, просто разумъ у меня мутится, ничего не понимаю, по ночамъ тридцать лихорадка. Потомъ все пройдетъ, и нѣсколько дней опять ничего, но теперь.. Теперь мнѣ все хуже и хуже.

— Такъ зачѣмъ ты не лѣчишься? Я сейчасъ поѣду къ Андрею Ивановичу..

— Ахъ, оставь, не ѣзди! что они могутъ мнѣ сдѣлать. Ты помнишь, Лиза, какъ умирала сестрица, она тогда говорила, передъ самой своей смертью говорила, что скоро я буду съ нею, къ ней отправлюсь. Знаешь, я слышалъ, что у тѣхъ, кто умираетъ, бываетъ такое просвѣтленіе, многое они видятъ и понимаютъ изъ того, что никому намъ не явно. Я еще вчера вотъ долго объ этомъ думалъ, всю ночь сегодня тоже продумалъ, не спалось мнѣ. Я и пріѣхалъ сказать тебѣ это, Лиза, что скоро меня не будетъ.

Она хотѣла утѣшить его, но словъ не находила. Ей самой теперь казалось, что онъ непременно умретъ скоро. Да и развѣ можно было вынести то, что онъ вынесъ. Еще нужно удивляться, какъ до сихъ поръ сила хватало. Но нѣтъ же, вѣдь этого нельзя допустить, онъ такъ молодъ, его жизнь еще не началась почти—развѣ можно ему умирать? Еще есть возможность спасти его, у него такая здоровая природа. Теперь бы ему отдохнуть, поѣхать въ чужія страны, къ тѣмъ водамъ цѣлебнымъ, гдѣ батюшка лечился. Цесаревна хорошо помнила, какъ одинъ разъ ея великій родитель уѣхалъ въ Сиа совсѣмъ больной, совсѣмъ измученный, а вернулся сильнымъ и бодрымъ.

— Ъхать тебѣ полечиться въ чужія страны, громко выразила она Императору свою мысль.

Онъ махнулъ рукой.

— А развѣ выпустятъ? Скажутъ что нельзя никакъ, что государство отъ этого страдать будетъ. Да и зачѣмъ—никуда теперь не тянетъ меня, Лиза, и жизнь мнѣ ужъ надоѣла. Право умереть лучше, чѣмъ такъ жить, какъ живу я. Прежде, недавно еще, много было радостей, все меня забавляло, все меня веселило. Каждую свою охотничью собаку любилъ я, каждая изъ нихъ мнѣ доставляла удовольствіе. Птицу застрѣлю, звѣря затравлю—не знаю куда дѣваться отъ радости, а теперь вотъ не влечетъ и охота. Чтожъ мнѣ жить то, Лиза! кого люблю я, тотъ меня не любитъ, кого не люблю, тотъ всегда со мною. Вотъ ты говорила отказать отъ невѣсты, подумалъ я сейчасъ, что можно

это сдѣлать—а теперь вижу что не хватитъ у меня на то силы. Да и чтожъ потомъ, хоть бы даже ушла и эта невѣста—опять вѣдь придетъ другая. Вѣдь всѣ кричатъ, всѣ только то и твердятъ мнѣ въ уши, что долженъ я непременно жениться. Ну годъ пройдетъ, другой, вѣдь все равно жена будетъ, а гдѣ же я найду невѣсту себѣ по сердцу? Какая принцесса плѣнитъ меня? Лиза, пойми, моя золотая, что никого не люблю я, никого не могу любить.

— Полно, Петруша, не тѣмъ ты теперь быть занятъ. И мысли и чувства у тебя по твоему возрасту, а вотъ пройдетъ годъ, другой и непременно кого нибудь полюбишь. Вѣдь человекъ ты, тоже, а съ человекомъ такъ всегда бываетъ.

Императоръ печально улыбнулся.

— Вотъ то то, Лиза, что мало ты меня знаешь. Не былъ я человекомъ, да никогда и не буду: былъ я малымъ ребенкомъ, а потомъ прямо старикомъ сдѣлался. Ну, посмотри на меня хорошенько—развѣ не старикъ я теперь? Какъ есть старикъ старый, разслабленный. И знаешь ли, какъ у стариковъ все свѣтлое, все хорошее, далеко назадъ осталось, и живутъ они только о немъ вспоминая, такъ и у меня, все что мило и дорого—далеко. Далекое наше время золотое, помнишь, петергофское время, далеко сестрица Наташа.. да и ты далеко Ты теперь для меня ужъ не прежняя. Знаешь ли, какъ я любилъ тебя, Лиза? Знаешь ли, что каждую минуточку малую объ одной тебѣ только думалъ. И я ждалъ, что и ты меня полюбишь, ждалъ, что ты будешь моей женою, что мы всю жизнь проживемъ вмѣстѣ—вотъ были мои мечтанья, вотъ было бы мое счастье—ты его не захотѣла.

Елисавета молча плакала.

— Но ты не думай,—продолжалъ Петръ, не думай, Лиза, что теперь я не люблю тебя; такъ же люблю, какъ прежде, можетъ еще больше люблю, только ужъ безъ всякой радости, безъ всякой надежды!

Не могла цесаревна его больше слушать, не могла смотрѣть на него. Сердце ея разрывалось. Кругомъ придворные давно уже говорили, что она холодная, честолюбивая дѣвушка, завлекаетъ его, желаетъ забрать въ руки и жепить на себѣ, чтобы стать императрицей.

Ни одной минуты она этого не думала, но любила Императора нелицемѣрно, какъ милого младшаго брата. А вотъ теперь такъ первый разъ въ жизни подумала: „Боже мой, какая жалость! Нѣтъ силъ вынести. Нужно спасти его, нужно ему собою пожертвовать“.

— Слушай, Петь, вдругъ взволнованнымъ голосомъ обратилась она къ нему, крѣпко сжимая его руки,—если правда, что ты такъ меня любишь, если правда, что я могу сдѣлать тебя счастливымъ, слушай—я согласна. Я на все согласна. Я буду твоей женою, буду, хоть это противно нашей религіи, буду, хоть бы за это на меня посыпались со всѣхъ сторонъ камни. Только, милый, улыбнись мнѣ, только въ себя приди—отбрось, прогони отъ себя всѣхъ этихъ негодныхъ людей, которые ищутъ твоей гибели—только живи, голубчикъ!..

Императоръ глядѣлъ на нее остановившимися глазами и вдругъ зарыдалъ мучительно, кинулся къ ней на шею, крѣпко, крѣпко ее обнялъ и спряталъ свою голову на груди ея. Долго не могъ придти онъ въ себя, долго не могъ произнести ни слова. Но вотъ рыданья его прекратились, онъ поднялъ свою голову и пристально взглянулъ въ лице цесаревны.

По прежнему чудно прекрасно смотрѣло на него лицо это. Неподдѣльное, искреннее чувство, теплое участіе свѣтилось въ немъ.

— За эти слова, дорогая Лиза, благодарю тебя. Гдали безсовѣстные люди, всѣ гдали—одинъ я правъ былъ, зная тебя, зная твое сердце золотое. Еще разъ прошу простить меня за то, что я былъ такъ глупъ, смѣлъ на тебя сердиться. Но слушай, Лиза! еслибъ

теперь ты на колѣняхъ стала умолять меня о томъ, о чемъ столько разъ просилъ я тебя, еслибъ сейчасъ стала мнѣ клясться Богомъ, что любишь меня такъ, какъ я всегда хотѣлъ, чтобъ ты меня любила, все же, Лиза, изъ этого ничего бы не могло выйти. О, какъ я тебя понимаю! О, какая ты добрая. Тебѣ меня жалко и вотъ ты хочешь мнѣ пожертвовать собою. Но, Лиза, я не принимаю такой жертвы. Я только благодарю тебя за нее—но не принимаю, не могу принять. Я понималъ, что нельзя тебѣ любить меня, я для тебя мальчикъ, я для тебя братъ маленькій. Прежде не понималъ этого—теперь понимаю.

Цесаревна крѣпко обняла его.

— Такъ что-жь мнѣ дѣлать, чтобъ тебя успокоить? Скажи только, все исполню. Хочешь я не отойду отъ тебя? Я буду твоимъ лучшимъ другомъ!..

— Да, хорошо бы это было, прощенталь онъ, но меня отъ тебя отнять.

— Стыдись, — вдругъ заговорила она, думая что есть еще средство возбудить въ немъ энергю,—стыдись быть такимъ малодушнымъ! Ты былъ меньше, ты

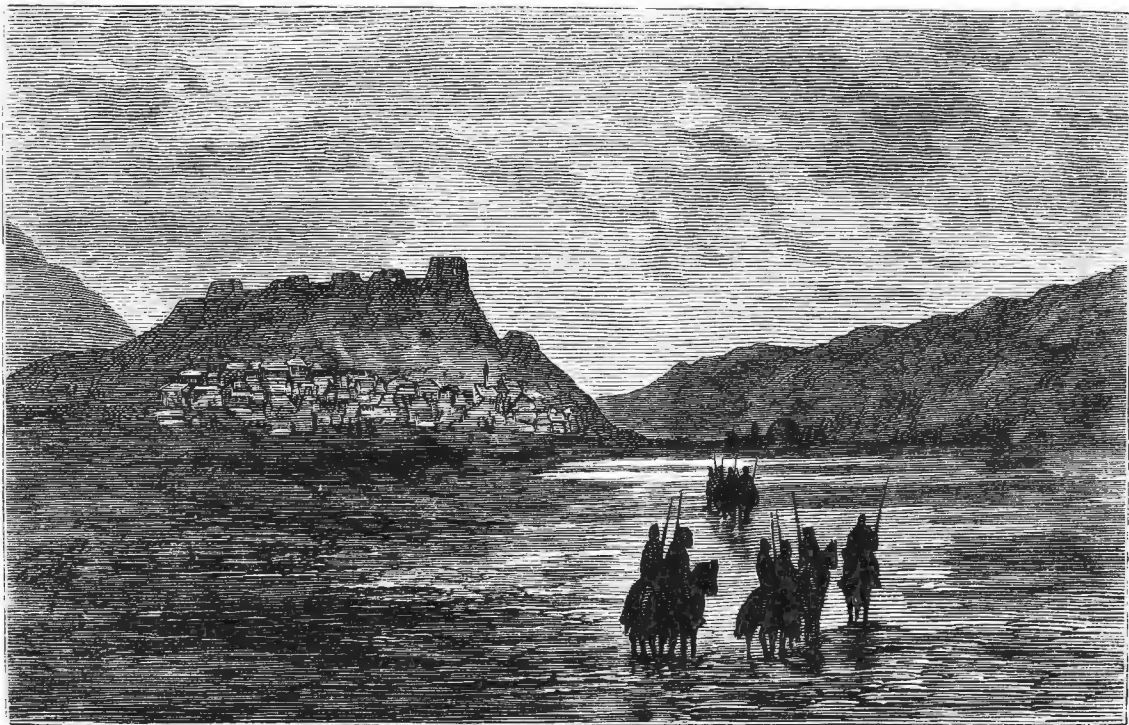
ной Катериной? Развѣ Алексѣй Григорьичъ не всячески старался ее выставить на глаза тебѣ?!

— Ахъ, можетъ быть это и правда отчаянно проговорилъ Петръ,—да только знаешь что я скажу тебѣ: Вотъ сейчасъ, сію минуту я все ясно вижу, я все понимаю. Взошли бы они теперь сюда и посмотрѣла бы ты какъ я ихъ бы встрѣтилъ... а черезъ часъ будетъ совсѣмъ другое. Можетъ быть, точно, они меня околдовали—у меня теперь никакой нѣтъ силы, никакой нѣтъ воли, я теперь не знаю—что со мною. Видно много успѣлъ нагрѣшить я, что Богъ меня такъ наказываетъ!..

На глазахъ изумленной и испуганной цесаревны въ Императорѣ произошла перемѣна. Недавно еще отъ волненія его щеки разгорѣлись, но теперь покрыла ихъ смертная, блѣдность вотъ онъ задрожалъ и испуганно осмотрѣлся во всѣ стороны.

— А можетъ быть насъ подслушали! Можетъ здѣсь гдѣ нибудь Алексѣй Григорьичъ. Посмотри, Лиза, пожалуйста поди къ дверямъ, послушай, послушай!..

— Голубчикъ мой, что, что съ тобою? Ты право бленъ, ты бредишь!

Общій видъ города Хассанъ-Калэ, въ Малой Азіи. По I. L. N. грав. К. Вейерманъ.

былъ совсѣмъ ребенкомъ и у тебя хватило силы уничтожить ненавистныхъ Меншиковыхъ, разбить вражескіе окопы, распутать себѣ руки. Теперь, теперь ты старше, долженъ быть сильнѣе: жизнь тебя поучила, видѣлъ ты людей, могъ узнать ихъ. Что-жь, неужели ты считаешь своимъ друзьями Долгорукихъ? Еще Иванъ можетъ быть тебя любить, но тѣ, остальные... Подумай хорошенько, пойми наконецъ... Это обманщики, плуты. Видно не знаешь ты, что они дѣлаютъ. Они казну грабятъ и творятъ всякую неправду. На нихъ весь народъ жалуется. Ихъ всѣ ненавидятъ. Они тоже, что Данилычъ... хуже—тотъ по крайности дѣлалъ дѣло, голова былъ золотая, а эти ничего, кромѣ зла, не дѣлаютъ.

— Ну, ты сердита на нихъ! можетъ быть, ты несправедлива—не такъ ужъ они дурны, смущенно замѣтилъ Петръ.

— Что жъ, околдовали они тебя, что ли? Вспомни все хорошенько, вспомни всѣ эти охоты—вѣдь прежде постоянно я тамъ тоже бывала съ вами, вѣдь я все видѣла! Развѣ вчера что ли началось это дѣло съ княж-

— Нѣтъ, я не брежу, Лиза, не брежу. Я знаю что ни одно мое слово, что ни одна моя мысль не проходятъ такъ—все они знаютъ. Какъ, откуда—не понимаю Лиза, если тебя будутъ спрашивать о чемъ мы говорили, пожалуйста, пожалуйста, что нибудь выдумай!..

Цесаревна до того испугалась этихъ странныхъ, безумныхъ рѣчей, что думала кликнуть кого нибудь, послать поскорѣй за докторомъ. Она не знала, что ей дѣлать, металась по комнатѣ.

— Петичка, ангель мой, что съ тобою? Позволь я пошлю за своимъ докторомъ, онъ дастъ тебѣ какого нибудь лекарства...

— Ахъ, что ты, что ты! испуганно бросился онъ за нею и не пускалъ ее отъ себя. Что ты, какъ можно доктора! Какое лекарство дастъ онъ мнѣ? Вонъ и такъ принесли мнѣ намедни лекарство, я сказалъ что выпилъ, а самъ тихонько вылилъ его. Знаешь, Лиза, я тебѣ признаюсь, только ради Бога не говори никому объ этомъ, знаешь, я каждый разъ за обѣдомъ боюсь что меня отравятъ.

— Да кто тебя отравить можетъ? Кому это нужно?

Рубль. Картина Ленделя, грав. Рашевский.

— Не знаю кто, только развѣ это не бываетъ?! Да можетъ быть ужъ и теперь во мнѣ отравы—отчего я такъ болѣнъ, Лиза, отчего на меня находить такая слабость?

Цесаревна видѣла, что онъ дѣйствительно бредитъ. Она дотронулась до головы его—голова горячал, самъ дрожить весь.

— Послушай, поѣдемъ, позволю и доведу тебя. Я провожу тебя, тебѣ нужно лечь въ постель, отдохнуть. Ты вѣрно простудился...

— Нѣтъ, что ты, что ты, не ѣзди со мною, тебѣ вѣдь сдѣлаютъ за это неприятность.

Но онъ такъ ужъ ослабѣлъ, что ей не трудно было отъ него вырваться. Она приказала скорѣй давать себѣ одѣваться и почти силою увезла его.

А во дворцѣ Долгорукіе ужъ давно тревожились, не зная куда онъ выѣхалъ: всюду послали развѣдывать.

Алексѣй Григорьевичъ сильно покосился на цесаревну, но взглянувъ на Императора, перепугался. Петра раздѣли и уложили. Созвали докторовъ—тѣ все приписали простудѣ.

XI.

На другой день Петру стало лучше. Простуда прошла, но осталась прежняя слабость, прежнее уныніе и апатія. Елисавета возбудила въ немъ послѣднюю вспышку энергіи и онъ былъ правъ, говоря ей, что положеніе его безнадежно, что никакая сила теперь ужъ не спасетъ его, не вырветъ изъ власти Долгорукихъ. Да и какъ ему было вырваться? Онъ не разъ сравнивалъ свое теперешнее положеніе съ временемъ, предшествовавшимъ низверженію Меншиковыхъ. Тогда было другое дѣло, тогда могъ онъ поступать энергически. Онъ возставалъ за свои законныя права, возставалъ противъ человѣка, самымъ незаконнымъ образомъ похитившаго власть и во зло ее употреблявшаго. Тотъ человѣкъ держалъ его въ рукахъ, оскорблялъ его, стѣснялъ всячески, злостовалъ и тиранствовалъ надъ всѣми. Такого человѣка должно было удалить и уничтожить. Теперь не то, новая родня, „компанья“, какъ называли тогда Долгорукихъ, не стѣсняла свободы Императора, напротивъ, всячески ему угождала, исполняла малѣйшія его желанія, только и думала какъ бы забавлять его. Конечно, великое стѣсненіе его воли была помолвка съ княжной Катериной, но вѣдь самъ онъ согласился. Никто не принуждалъ его словами и угрозами, самъ онъ во всемъ виноватъ, виновата его безхарактерность.

„Но вѣдь права Лиза, безнадежно думалъ бѣдный Императоръ, что они все это подстроили нарочно, заранее все подготовили. Какъ же смѣли они! Какая же невѣста мнѣ Долгорукая? Она меня старше, она мнѣ не правится. Но вѣдь самъ я виноватъ, зачѣмъ тогда же сейчасъ не отказался. Гдѣ былъ мой разумокъ? Гдѣ была моя воля? А теперь поздно, поздно!“

Хватило еще разъ у него силы вырваться изъ подъ неусыпнаго надзора Алексѣя Григорьевича и съѣздить тайно къ Остерману, но все ничего не вышло изъ этой поѣздки.

Андрей Ивановичъ конечно могъ говорить также убѣдительно, какъ и Елисавета, можетъ быть еще убѣдительнѣе—но говорить онъ теперь боялся. Онъ хорошо понималъ, что врядъ ли удастся ему побороть Долгорукихъ, покуда живъ Императоръ. Конечно можно настроить юношу, но нельзя поручиться за продолжительность такого настроенія. Сегодня онъ будетъ поступать по совѣтамъ Остермана, а завтра Долгорукіе опять возьмутъ свое и легко выпытаютъ кто замышляетъ ихъ гибель и въ одинъ день погубятъ самаго Остермана. А онъ больше, чѣмъ когда либо, долженъ сидѣть крѣпко и не подавать голоса. Чувствуетъ онъ, что скоро все переменится. Не надолго торжествуютъ Долгорукіе, пусть повеличаются, пусть похваляются. Конечно тонко и осторож-

но нужно раздражать противъ нихъ Императора и если онъ живъ останется, то, можетъ, черезъ годъ, другой, самъ стяхнетъ съ себя ихъ иго, раскается въ своей женитбѣ, далеко разошлетъ родню свою незваную, царицу въ монастырь заточить. Если же не выдержитъ, если умретъ скоро—тогда все кончится само собою. Что тогда будетъ, о томъ Остерманъ теперь думаетъ непрестанно. Онъ ужъ рѣшилъ, какую роль ему въ такомъ случаѣ играть надобно. Чаще и чаще становятся его письма въ Митаву герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ и Бирону. Дышать эти письма искренней дружбой и почтеньемъ. Вѣрнымъ и неизмѣннымъ рабомъ подписывается онъ герцогинѣ—вѣрнымъ и неизмѣннымъ другомъ подписывается Бирону.

И въ разговорѣ съ Императоромъ только вздыхалъ Андрей Ивановичъ, соболѣзновалъ, совѣтовалъ записаться собою, полечиться, вести жизнь болѣе регулярную; но про Долгорукихъ не сказалъ ни одного дурнаго слова.

Не спорилъ онъ и съ герцогомъ де-Лириа, который увѣрялъ его, что Государь начинаетъ стряхивать съ себя иго.

Когда кто нибудь съ ужасомъ объявлялъ Андрею Ивановичу, что Долгорукіе ужъ начинаютъ дѣлить между собою высшія должности: Алексѣй-де хочетъ быть генералиссимусомъ, первымъ министромъ, Иванъ великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ великимъ канцлеромъ, Сергѣй Долгорукій оберъ-штальмейстеромъ—онъ спокойно отвѣчалъ на это:

„Чтожь, конечно въ порядкѣ вещей желать имъ себѣ почестей—теперь вѣдь близкой родней Государю дѣлаются—конечно имъ первое мѣсто.“

И всѣ уходили отъ него, понимая, что съ такимъ осторожнымъ и ничего не выдающимъ человѣкомъ лучше и не разговаривать. Можно только завидовать его разуму и стараться идти по стопамъ его.

Но что бы ни говорилъ Андрей Ивановичъ, всѣмъ было ясно, что если даже Государь и не стряхиваетъ съ себя ига, то во всякомъ случаѣ очень холодно относится къ своей невѣстѣ. „И она довольна этимъ, навѣрное. Она неохотно принимала бы нѣжности жениха—вѣдь не успѣла еще забыть своего милаго, графа Милезимо.“ Такъ обыкновенно кончались всѣ подобныя разговоры. И поневолѣ приходилось убѣждаться, что сильно заколдовали царя Долгорукіе, если онъ послѣ извѣстной сцены, устроенной невѣстой, отъ нея не отказался.

Княжна Катерина дѣйствительно была очень довольна женихомъ своимъ; если бъ онъ относился къ ней иначе, если бъ постоянно требовалъ ея нѣжности и ласкъ, она можетъ быть и не выдержала бы. Теперь же ей предоставлена полная свобода. Но куда дѣвать ее. Больное, измученное злобой и тоскою сердце жадно проситъ какой нибудь жизни, хоть въ бурѣ, хоть въ грозѣ страшной готово найти жизнь эту. Но пока нѣтъ ни грозы, ни бури—полное, тяжелое затишье. И вотъ всѣ дни красавицы княжны проходятъ въ безумныхъ грезяхъ. Мчатся, несутся эти грезы въ даль неизвѣстную, въ ту даль заколдованную, куда увлекли отъ нея ея милаго. Иногда кажется ей возможно добыть себѣ зелья, что помогаетъ преодолевать всякія преграды. Вотъ чудится ей, что она ужъ обладаетъ сверхъ-естественной силой, что теперь не для нея созданы неумолимые законы пространства и времени. Мигъ одинъ—и разбиты земныя цѣпи! Ищутъ ее, ищутъ, и не находятъ. Она далеко,—гдѣ—не знаетъ, тамъ, гдѣ ея возлюбленный. И вотъ она съ нимъ, и летятъ они за тридевять земель въ тридесятое царство, въ царство весны вѣчной, благоухающей, въ царство вѣчнаго свѣта и радости, и тамъ цовая, чудная жизнь начинается.

И страшно, страшно княжнѣ оторваться отъ грезъ

этихъ, замѣнить ихъ печальной дѣйствительностью. Нѣтъ того волшебнаго зелья всемогущаго, безсилна она какъ малый ребенокъ, въ крѣпкую тюрьму замуравлена, не выбьется изъ тюрьмы этой.

И проносятся другія грезы: думаетъ она о томъ, что ждетъ ее въ близкомъ будущемъ. Вотъ совершилось ея вѣщаніе. Вотъ она царица, еще больше склоняются передъ нею люди. И желаетъ она многого—мести желаетъ врагамъ своимъ лютымъ, а враги ей—люди кровные: отецъ да братъ, что теперь съ невѣстой любимой счастьемъ уживается. И съ мученіемъ съ злобой отрадой придумываетъ княжна всѣмъ имъ кару жестокую. Но вотъ и покарала, вотъ и отплатила, а потомъ что же? Потомъ изъ земель далекихъ возвращается Милезимо. Вѣдь это же можетъ быть, это же должно быть, это будетъ! Онъ снова съ нею. Отъ всѣхъ взоровъ постороннихъ скрываютъ, берегутъ они свое счастье. Да хоть бы и не уберегли—кто смѣетъ противъ нея? она царица. А мужъ—Государь? Но не ей его бояться—о немъ она и не думаетъ.

А время идетъ, 6-е января пришло, праздникъ—Крещенье. На Москвѣ рѣкѣ парадъ назначенъ, водосвѣщеніе, Иорданъ устроена. Въ роскошной золоченой каретѣ выѣхала государыня-невѣста. По обѣимъ сторонамъ дороги народу видимо-невидимо, шапки передъ ней ломаютъ, кричатъ свои привѣтствія, войска въ карре построены, командуетъ ими Василий Владиміровичъ Долгорукій.

Вотъ и Императоръ пріѣхалъ изъ Лефортова дворца, куда теперь переселился. Онъ занялъ полковничье мѣсто. На немъ мундиръ блестящій, вокругъ него большая свита.

Сначала и не взглянула на жениха своего княжна Катерина, только вдругъ нечаянно глаза ея съ нимъ встрѣтились и долго она съ него ихъ не спускала.

„Что это какъ онъ измѣнился?!“ Ушедши въ свой внутренній міръ, она совсѣмъ не замѣчала его все это время.

„Ахъ! какая переменна—видно онъ болѣнъ! А что какъ не на шутку заболѣетъ, что какъ умретъ, пожалуй! Ну, чтожь, я свободна тогда,—подумала Катерина Алексѣвна,—должна радоваться. Но нѣтъ, нѣтъ, теперь мнѣ не нужно этой свободы. Чтожь тогда будетъ?“ И ей стало безконечно дорого еще недавно такъ ненавистное и насильно навязанное ей величіе. Вѣдь только это величіе ей и осталось въ жизни, вдругъ и его судьба отнимаетъ. Прекрасный, измученный юноша, котораго она такъ жестоко обманула и котораго за что-то ненавидѣть хватило у нея силы, теперь сдѣлался ей дорогъ—но все же не какъ человекъ, а какъ

вещь многоцѣнная, земное богатство. И она все глядѣла на него, все мучилась видимой въ немъ переменною.

Съ парада онъ пріѣхалъ въ Головинскій дворецъ къ невѣстѣ, куда собрались и многіе придворные.

Княжна Катерина поспѣшно подошла къ нему, взяла за руку—рука у него какъ ледъ холодная.

— Что съ тобой, Государь? непривычнымъ ему нѣжнымъ голосомъ спросила она. Мнѣ кажется, ты нездоровъ. Коли такъ, зачѣмъ выѣхалъ сегодня?

Онъ изумленно взглянулъ на нее.

— А ты только сейчасъ замѣтила, что нездоровъ я? спросилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой. Или тебѣ меня жалко?

— Что за слова такія. Государь? Кого же мнѣ и жалѣть, какъ не тебя.

— Ну, такъ успокойся, моя княжна заботливая—я здоровъ, такъ здоровъ, какъ никогда еще не былъ. Я здоровъ, здоровъ!

И онъ дико смѣялся, страшно смѣялся.

Она поняла, что дѣло плохо и кинулась къ отцу.

— Батюшка, чтожь вы ослѣпили всѣ, что ли! Развѣ вы не видите, что Государь болѣнъ. Какъ можно было выпустить его на воздухъ—посмотрите, что съ нимъ. Онъ на себя не похожъ... У него лихорадка.

Алексѣй Григорьевичъ, а за нимъ и князь Иванъ, поспѣшили къ Императору и увидѣли, что княжна права. Въ глазахъ странный блескъ, лицо въ огнѣ, самъ дрожить... видно плохо вытѣчили доктора недавнюю простуду—вотъ теперь она снова вернулась. На Иорданѣ онъ былъ слишкомъ легко одѣтъ и говорилъ много... Скорѣй, скорѣй домой! Докторовъ скорѣй!

Повезли Императора. И какъ ни коротка была дорога, а онъ съ каждой минутой все больше и больше расхварывался въ каретѣ, такъ что привезли его совсѣмъ уже больного. Онъ даже и идти самъ не могъ—вынесли его.

Собрались доктора. Къ Императору никого не впустили, при немъ былъ только Алексѣй Григорьевичъ да князь Иванъ. Спѣшили приготовить лекарство, по всему дворцу шла суета.

Черезъ часъ Долгорукіе вышли изъ спальни Петра.

— Что, что съ нимъ? спрашивали со всѣхъ сторонъ. Но ни Алексѣй Григорьевичъ, ни Иванъ Алексѣевичъ сразу не могли и отвѣтить: на нихъ лица не было, оба они дрожали.

— Да что, что такое?

— Доктора сказали, что у него оспа, что ему худо, прошепталъ наконецъ Иванъ Алексѣевичъ и горько заплакалъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

КЪ РИСУНКАМЪ.

Городъ Хассанъ - Кале.

Городъ *Хассанъ-Кале* лежитъ въ сѣверо-востоку отъ Эрзерума, на лѣвомъ берегу рѣки Аракса. Змѣеобразно извивающаяся между скалами дорога ведетъ отъ Эрзерума къ Хассану-Кале, который весьма живописно расположенъ на возвышенномъ холмѣ, составленномъ изъ мощныхъ обломковъ застывшей лавы и базальтовыхъ конгломератовъ. Это холмистое возвышеніе составляетъ водораздѣлъ рѣки Аракса отъ Евфрата. Какъ и вездѣ въ Арменіи, окрестность Хассанъ-Кале пустынна, но берегъ Аракса оживленъ; густая, сочная трава растетъ въ долинѣ рѣки, и, подъ животворнымъ солнцемъ юга, роскошнымъ ковромъ расгуть дикія розы и кустарники малорослыхъ ивъ. Здѣсь пасутся стада крупнаго рогатаго скота и лошадей.

Около самаго Хассанъ-Кале цѣлый рядъ холмовъ прикрываетъ къ рѣкѣ Араксу съ сѣвера. Городъ окруженъ двойною стѣной, увѣнчанною зубцами. Такія стѣны любили строить въ своихъ укрѣпленіяхъ византійцы и генуэзцы. Самый городъ представляетъ печальный, нищенскій видъ. Къ востоку отъ города находится грандіозныя развалины стариннаго замка, служившаго надежною защитою во времена процвѣтанія города. Этотъ старинный замокъ построенъ на мощномъ высококомъ плато, состоящемъ изъ породъ порфира и трахита. И этотъ замокъ былъ

окруженъ въ старину двойною стѣною, исключая юго-восточной стороны, гдѣ искусственную стѣну замѣняетъ рядъ громадныхъ гранитныхъ скалъ, стоящихъ вертикально. Не далеко отъ этой старой твердыни лежитъ громадныхъ размѣровъ камень, имѣющій на верхнемъ концѣ большое отверстие, а по сторонамъ и на нижнемъ концѣ — нѣчто въ родѣ капителей. Ученый путешественникъ Гамильтонъ полагаетъ, что этотъ камень служилъ жертвенникомъ, на которомъ приносили жертвы своимъ богамъ древніе, жившіе здѣсь народы. Замѣчательно, что турки завоевавъ Арменію, застали этотъ камень на томъ же мѣстѣ, на которомъ онъ лежитъ теперь, и, изъ сѣвернаго уваженія, не трогали его.

Не вдалекѣ отъ Хассанъ-Кале, именно въ равнинѣ, къ югу отъ Аракса, находятся превосходные горячіе источники, которыми турки пользуются вмѣстѣ любимой ими бани.

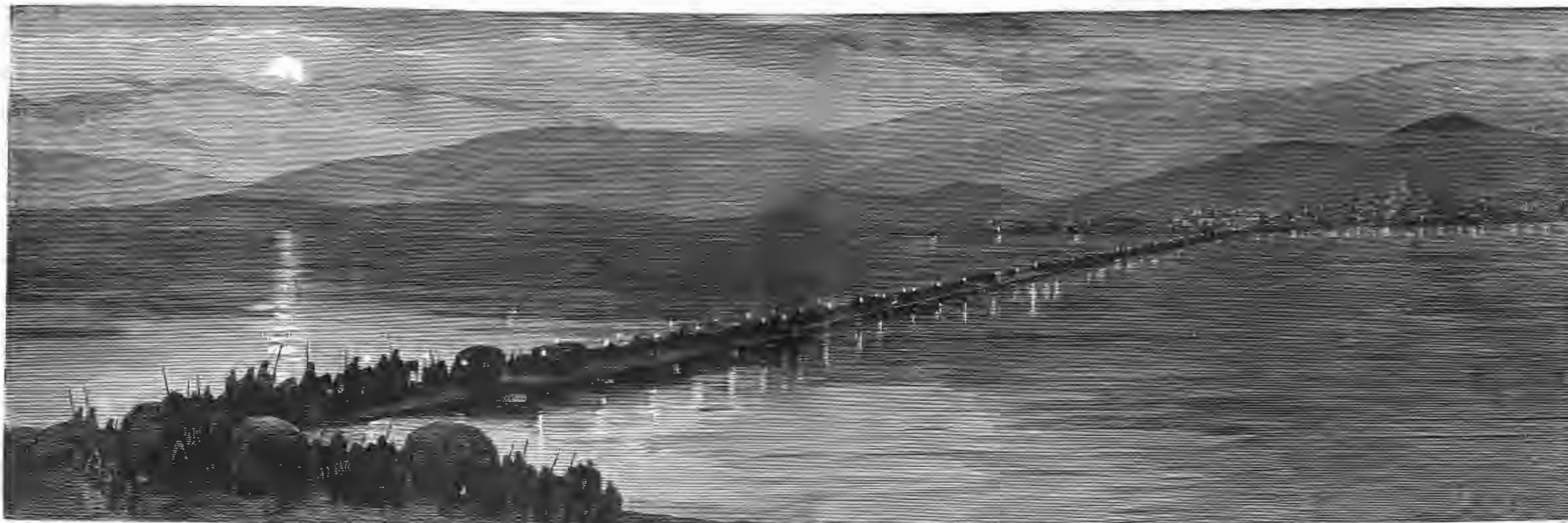
Хассанъ-Кале—городъ весьма древній. Въ старину онъ назывался *Теодосіополисъ* и построенъ въ V вѣкѣ нашей эры, около 440 года. Читатели видятъ, что самое названіе напоминаетъ имя Теодосія. Дѣйствительно, Теодосіополисъ основанъ при Теодосіи II младшемъ, сынѣ императора Аркадія. То было время раздѣленія Римской имперіи на восточную и западную половины, то было время странныхъ и весьма неопредѣленныхъ от-

ношении восточной римской истории к персам, сильно возставшим на ослабевшего колосса. Покоренная римлянами Армения в начале V века по Р. Х. была уже покорена персами. Армянский царь Хозрой, покровительствуемый византийским императором, был просто персидским вассалом. Хозрой владел восточной частью Армении, тогда как западную часть владел византийский император Аркадий, совместно с персидским царем Арзасом. Когда умер Арзас, римляне начали притеснять западную область Армении и хотели объявить ее в полном себе подчинении, тогда как прежде армяне считались только союзниками римлян. Но тут персидская военная власть вступила за порабоощаемы провинции и после обстоятельных переговоров, в память соглашения по этому предмету между римлянами и персами, и был построен *Теодосиополь* (уже по смерти Аркадия, при сыне его Теодосии II). В настоящее время, о Хассан-Кале упоминается часто в газетах собственно потому, что вблизи этого города происходило большое сражение между русскими и турецкими войсками. Читатели об этом уже знают из предыдущего № „Нивы“.

Р у о ъ.

Кто не знает библейской Руи. С детства нам знаком

рассказ о ней. В Библии ей посвящен отдел, так называемый „Книга Руи“. Припомним из этой книги рассказ Руи. Жил когда-то в Велеемъ ибкий Елеазаръ съ женою Нозмией и двумя сыновьями; во время голода они оставили родную страну и поселившись въ землѣ Моавитской, женили дѣ-

Мостъ на Дунаѣ у Систова, при ночномъ освѣщеніи Съ наброска г. I. L. N., грав. Вейерманъ.

тей. Смерть скоро похитила старика Елеазара и обонхъ его сыновей. Осталась вдова Нозмія съ двумя женами ея умершихъ сыновей. Она рѣшилась возвратиться въ Велеемъ и обѣ невѣстки, Ореа и Руѣ, послѣдовали за нею. Нозмія желала, чтобы обѣ невѣстки возвратились къ своимъ родителямъ.

бездѣтной вдовѣ обязанъ былъ жениться ближайшій родственникъ. Нозмія, узнавъ о милостивомъ обращеніи Вооза, послала Руѣ напомнить ему объ этомъ законѣ. Но Воозъ сказалъ, что у ней есть болѣе близкій родственникъ, и что если онъ откажется отъ женитьбы на ней, то въ такомъ

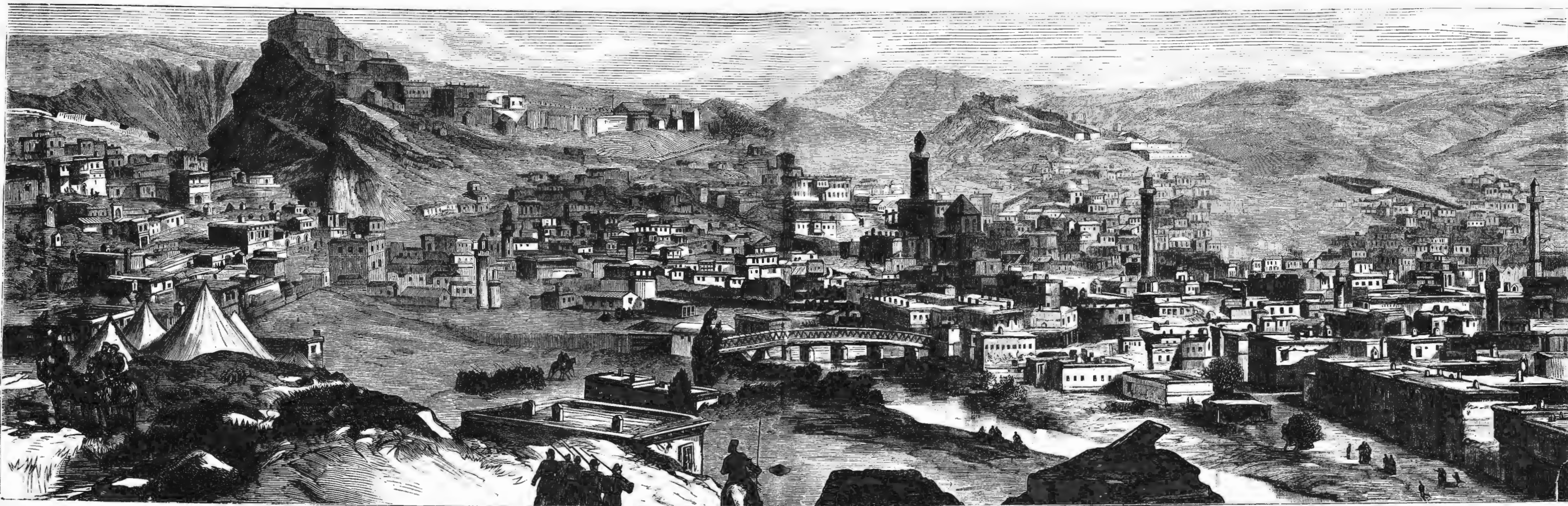
— Я ничего для васъ не могу сдѣлать, говорила она, вы видите какъ я бѣдна, подите каждая въ домъ матери своей.

Ореа ушла къ своимъ родителямъ, а Руѣ не захотѣла идти.

— Не принуждай меня, оставь тебя, отвѣчала она Нозміи. Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты будешь жить, тамъ и я буду жить; народъ твой будетъ моимъ народомъ и твой Богъ моимъ Богомъ. Смерть одна разлучитъ меня съ тобою.

Руѣ и Нозмія, обѣ бѣдныя, пришли въ Велеемъ. Пришли онѣ во время жатвы, и Руѣ начала ходить на поля подбирать оставшіеся колосы. Случайно она зашла на поле богатаго родственника своего покойнаго мужа— Вооза. Воозъ замѣтилъ ее, узнавъ кто она и, тронутый ея привязанностію къ бѣдной Нозміи, дозволилъ ей постоянно ходить на его ниву и обѣдать вмѣстѣ съ его служанками. Руѣ не только приносила домой своей свекрови колосы, но она еще оставляла для нея часть хлѣба, который ѣла съ женщинами Вооза.

По закону Моисея на

Общій видъ г. Карса, взятаго русскими войсками 7 ноября 1877 г. По наброску А. Л., грав. Рашевскій.

случай она будет его, Вооза, женою. Воозъ собралъ старѣйшинъ города, позвалъ родственника Руои, и предложилъ ему на ней жениться. Но родственникъ отвѣчалъ, что онъ отказывается ее взять за себя, чтобы не разстроитъ своего удѣла и просилъ Вооза принять Руою. Такимъ образомъ бѣдная Руою сдѣлалась женою Вооза. Черезъ бракъ съ нимъ Руою сдѣлалась проматерью Давида и вошла такимъ образомъ въ родословіе Иисуса Христа.

Въ Руои является намъ симпатичная личность, удивительнаго сердца женщина. Она представляетъ собою необыкновенный образецъ сознания долга, кротости и послушанія и совершенно дѣтскомъ простодушіи.

Вся жизнь ея—привязанность къ старой свекрови. Эта преданность беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими ея чувствами, она не задумывается жертвовать для нея своими собственными интересами, и въ этой безотвѣтной преданности вся сила и вся нравственная красота кроткой Руои.

Мостъ на Дунаѣ ночью.

Широкая, многоводная рѣка съ перекинутымъ съ одного ея берега на другой мостомъ, освѣщеннымъ во время ночи свѣтомъ фонарей—очень красивый рисунокъ. Тутъ и впечатлѣніе темноты ночи, и отраженія огни въ волнахъ рѣки, и темные силуэты фигуръ на мосту—все вмѣстѣ взятое даетъ зрителю весьма близкое понятіе о той отдаленной отъ насъ картинѣ, которая есть въ дѣйствительности тамъ, гдѣ теперь совершаются такіе крупныя, міровыя событія.

Полагаемъ, что теперь по этому мосту уже переходятъ партіи турецкихъ пѣхотныхъ изъ арміи Османа-пашы. Пѣхотныхъ этихъ, какъ извѣстно, взято съ Османомъ сорокъ тысячъ. Не мало же времени потребуетъ на то, чтобы ихъ отправить подалѣе отъ театра войны. Конечно ихъ теперь уже отправляютъ на румынскій берегъ; но не думаемъ, чтобы оставили ихъ болѣе или менѣе значительную часть въ Румынію, хотя и безоружныхъ: отъ Румыніи слишкомъ недалекій путь до Турціи.

Всего скорѣе будетъ такъ, что прошагавъ черезъ Дунайскій мостъ, армія Османа-пашы будетъ направлена по желѣзной дорогѣ въ разные пункты Россіи. Какое-то всей этой массѣ пѣхотныхъ будетъ дано дѣло?

Русскіе въ Карсѣ.

О Карсѣ мы имѣли случай уже говорить въ № „Нивы“ за текущій годъ. Какъ читатели знаютъ, Карсѣ взятъ нашими войсками въ ночь съ 6 на 7 ноября, гарнизонъ Карса состоялъ изъ 32 батальоновъ пѣхоты, 2,400 артиллеристовъ и бригады регулярной кавалеріи. Кромѣ раненыхъ, найденныхъ въ госпиталяхъ, насчитываемыхъ до 4,500 человекъ, взято въ плѣнъ 17,000, въ томъ числѣ 5 пашей и 800 офицеровъ. Обо всемъ этомъ было уже подробно въ свое время сказано на страничкахъ „Нивы“.

Теперь мы приводимъ свѣдѣнія о пребываніи въ Карсѣ русскихъ. Карсѣ повидимому преоригинальный восточный городъ, о которомъ намъ совершенно чуждо даже представление. Вотъ какъ напр. пишетъ о немъ кор. „Рус. Міра“:—„Мнѣ гдѣ-то была отведена квартира, но я не могъ найти офицера, распорядившагося этимъ дѣломъ и потому самъ себѣ отвелъ прекрасный домъ съ балкономъ, цвѣтами на окнахъ и прочее. Я едва могъ взять штурмомъ одинъ домъ: стучалъ молоткомъ придѣланнымъ къ дверямъ, кричалъ, грозилъ и вопелъ только благодаря водовозу, который уговорилъ старуху отворить для него. Я вошелъ. Комната мнѣ показалась тѣсною хотя вся въ позолотѣ и грубой деревянной рѣзбѣ. Это женская комната. Старикъ водовозъ повелъ меня тогда по крышамъ черезъ весь кварталъ и я выбралъ домъ совсѣмъ на краю города, близъ стѣны старой армянской крѣпости. Комната на этотъ разъ была большая въ пять оконъ, на одномъ окнѣ стояли горшки съ розами. Хозяинъ дома Муфта, въ родѣ нотариуса или помощника судьи, вечеромъ принесъ своему новому жильцу на блюдечекъ различные сорта меду. „Это, говоритъ, наша слава: въ Стамбуль отсюда возимъ“. Дѣйствительно медъ великолѣпный. Балконъ комнаты выходилъ на чужую крышу, ниня окна кое-гдѣ были заклеены бумагой, кое-гдѣ въ нихъ вставлены и кусочекъ стекла. Были впрочемъ и цѣлыя окна со стеклами и рѣшетками. Безъ рѣшетокъ и не дѣлаются окна, а не то съ крышъ очень удобно влѣзть въ нихъ. Верхній этажъ дома зачастую возвышается надъ чужой крышей, такъ что и выходить изъ двери приходится на нее. Въ нижнемъ этажѣ многихъ домовъ помѣщаются конюшни. Лавируя между трубами и дырами, освѣщающими какія-то преисподнія, можно пройти чуть не весь городъ. Слускаться приходится только при переходѣ улицъ съ одной стороны на другую. Для этого есть лѣстницы, а то и прямо по развалившейся стѣнѣ. Точно кошки разгуливаемъ по крышамъ, замѣчаетъ авторъ статьи о Карсѣ. Но таксе хожденіе избавляетъ отъ уличной грязи, собакъ и падала, которая такъ и валяется на улицахъ. Собакъ вообще во всѣхъ турецкихъ городахъ цѣлыя стаи. Это можно сказать единственныхъ полиціантъ, заботящихся объ охраненіи общественнаго здоровья. Дожую лошадь напр. вывезать на улицу. Долго похаживаютъ

и поглядываютъ на нее собаки, не зная откуда начать, по-концецъ все напускаются и остаются лишь одні кости. Еслибъ не собаки Карсѣ вѣроятно вымеръ бы весь отъ чумы.

По занятіи Карса нашими войсками офицеры и солдаты папустились на баню. Холодная, грязная, вонючая, но все же онѣ были благодарны для людей, не имѣвшихъ возможности и помыслить въ продолженіи цѣлыхъ 2 мѣсяцевъ. Турки парильщики старались откомендовать себя на счетъ деликатности и чуть слышно терли кокосовой мочалкой, боясь содрать кожу и прослать варварами. Но наши потребовали камни, которыми здѣсь обыкновенно полируются тѣлеса въ баняхъ, (эта мода процвѣтаетъ и въ Самаркандѣ и въ другихъ азіатскихъ городахъ), и туркамъ пришлось соскоблить въ банѣ нѣкоторымъ изъ насъ кожу.

8 ноября, въ день тезоименитства Великаго Князя Михаила Николаевича, на эспланадѣ Карса было молебствіе, а потомъ обѣдъ на землѣ, гдѣ пакаунѣ только валялись убитые. Штабныхъ и командировъ частей угощали на славу, тутъ были и гуси, и курицы, и вино кахетинское и шампанское.

Конскіе барышники на Дону.

(Къ картинѣ Зурлянда).

Мы помѣщали уже не разъ рисунки съ картинъ профессора Зурлянда, одинъ его рисунокъ на страничкахъ „Нивы“ былъ даже въ истекающемъ году. Профессоръ Зурляндъ мастерски, съ умѣньемъ и вкусомъ представляетъ виды и сцены изъ жизни на Дону, въ особенности мастерски онъ рисуетъ лошадей.

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ номерѣ, такъ же, по обыкновенію, представляетъ превосходныя достоинства и сразу указываетъ на то, что изображенныя на немъ лошади рисованы большимъ мастеромъ.

На этотъ разъ на рисунокѣ, кромѣ лошадей, есть нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Это—конскіе барышники. Они, видимо, пробираются куда-то въ торговое мѣсто, конечно, съ цѣлью поторговать лошадьми. Этихъ лошадей на привязи за телѣгами художникъ изобразилъ не мало.

Барышники подѣхали къ какому-то селенію и распрашиваютъ первыхъ встрѣтившихся имъ крестьянъ о чемъ-то. Всего скорѣе, о направленіи дороги.

Разговоръ ихъ, распросы и отвѣты—не сложные. Русскій народъ на этотъ разъ не то, что, напримѣръ, монголы или киргизы, у которыхъ прежде всѣхъ распросовъ о дѣлѣ—пятидесять распросовъ о здоровьи: здоровъ-ли скотъ, здоровы-ли отецъ, мать, здоровъ-ли самъ и въ концѣ концовъ, послѣ пятидесяти вопросовъ о здоровьи всякаго рода животныхъ—пятидесять первый вопросъ о здоровьи жены—и засимъ уже распросы о дѣлѣ, да и то еще такъ, стороной, какъ будто между прочимъ: „а что, моль, братъ, давно я тебя собирался спросить, дѣло то пустяковое, а такъ между прочимъ“... и т. п.

Русскій совсѣмъ иначе распрашиваетъ, и встрѣтившись, напримѣръ, въ дорогѣ, прямо кричитъ:

— Эй, ты, какъ тебя, землякъ...

Русскому—ведѣ землякъ: въ Парижѣ французъ землякъ, въ Японіи—японецъ, всѣ земляки.

— Эй, ты, моль, слышишь, землячекъ... какъ тебя...

— Миронъ... Мирономъ зовутъ; што тебѣ?

— Да вотъ, скажи, куда тутъ поворотить: намъ бы на Харьковскую дорогу...

— На Харьковскую—у! задумчиво и съ удивленіемъ тяплетъ Миронъ, почесывая бокъ: на Харьковскую-то тутъ ровно, быдто бы и не ладно...

— Не ладно—о!... Ишь ты окаянія кака...

— Надо вонъ туда.. вонъ, какъ ежели... теперича... вокругъ села...

Но сообразительный торговецъ лошадьми, человѣкъ, конечно, бывалый, видать виды и привыкъ быстро соображать. Пока тамъ какой-нибудь сгенякъ Миронъ, невѣждавшій изъ своего села далѣе какъ только въ дуга за сѣномъ, соображаетъ о томъ, что „быдто бы не ладно заѣхали“—въ это время торговецъ лошадьми уже успѣетъ пять разъ сообразить свою ошибку и понять, что „далъ маху“.

— Вамъ бы, теперича, вонъ тѣда бы на Харьковскую-то... ежели...

— Ладно, ладно! Спасибо!...

Кони давно уже новорочены куда нужно и послѣдній кивокъ головой бромешъ за совѣтъ Мирону.

— А кони добрые, соображаетъ Миронъ, смотря вслѣдъ удаляющимся „землякамъ“.

— Кони хороши... Только такъ надо полагать, что вотъ та, что на право, сѣрая въ яблокахъ, чуть ли не воронопал... Стянули гдѣ нибудь...

Такъ думаетъ стеной человѣкъ, знающій очень хорошо повадки нѣкоторыхъ барышниковъ.

Идетъ онъ по селу. Встрѣчаетъ совѣда и начинаются судьи да пересуды, догадки и предположенія: кто, да гдѣ, да откуда, и т. д.

— Нар—родъ онѣ, я тѣ скажу, та—ко—ой... Огонь—народъ...

— Это точно! Онъ, такъ теперича, ежели сказать, онъ... народъ плутоватой...

И рѣшаютъ собесѣдники въ концѣ концовъ, что конскому барынину краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленной обходится.

Подъ Плевной.

Плевна взята, и мы теперь, смотря на изображенные здѣсь рисунки, можемъ говорить уже въ прошедшемъ времени о томъ, какъ наши храбрые войска ютились въ разныхъ землянкахъ да лачугахъ, ожидая взятія Плевны.

Рисунки даютъ болѣе или менѣе ясное представленіе о характерѣ этой боевой жизни и о всѣхъ тѣхъ невзгодахъ, которыя приходилось переживать во время столь продолжительнаго ожиданія послѣдней схватки съ неприятелемъ. Мы уже достаточно въ свое время помѣстили свѣдѣній и спень о жить-бытьѣ подъ Плевной, и теперь съ ея паденіемъ, полагаемъ, имъ уже нѣтъ здѣсь болѣе мѣста. Теперь, съ паденіемъ Плевны, предстоитъ много новаго и по всей вѣроятности болѣе быстро долженствующаго рѣшиться, чѣмъ всѣ предыдущія дѣла на Дунайскомъ театрѣ войны. Словомъ, теперь событія должны идти быстрѣе. На переворъ всѣмъ дипломатическимъ тонкостямъ друзей Турціи, Россія едва ли не скажетъ тоже, что когда-то, именно съ 1812 году отвѣтила Наполеону, намекавшему послѣ оставленія Москвы объ окончаніи кампаніи:

— Напротивъ: мы только что начинаемъ кампанію!

Такъ сказалъ Кутузовъ на предложеніи мира Наполеономъ. Неизвѣстно, что теперь говорится нашими доблестными предводителями войскъ Дунайской арміи, но нельзя все таки не замѣтить, что съ паденіемъ Плевны для нашей арміи открывается путь къ такимъ дѣламъ, которыми дѣйствительно можно установить прочный миръ на Востокѣ.

Но будущее—будущему.

Теперь съ извѣстіемъ о паденіи Плевны вся Россія ликуетъ, вездѣ слышатся громогласные восторженные крики:

— Ура! Плевна наша!

И вотъ во время этихъ-то восторженныхъ криковъ, смотря на помѣщенные въ этомъ номерѣ рисунки, изображающіе бытъ нашихъ героевъ подъ Плевной, понятенъ еще болѣе тотъ восторгъ и то ликование, которые всюду раздаются.

Въ краткой фразѣ „Плевна наша“ слышно не только то, что мы завладѣли Плевной и освободили свои войска отъ нелегкаго положенія, зивовать въ такихъ непріятныхъ помѣщеніяхъ, но еще главнѣйшимъ образомъ слышно именно то, что въ дѣйствіяхъ нашей Дунайской арміи наступилъ крутой переломъ: ей теперь широкій путь во всѣ стороны и она по частямъ разобьетъ теперь остальные силы истощенной Турціи.

Такимъ образомъ въ возгласѣ „Плевна наша“—восторгъ русскаго человѣка. Это значитъ: армія Османа-наши вся взята въ плѣнъ и остальнымъ турецкимъ арміямъ приходитъ послѣдній часъ.

Да здравствуютъ наши храбрыя войска!

Ура! Плевна наша!..

Въ Спотовѣ.

Рисунокъ изображаетъ ту часть Спотова, которая была занята для зимняго помѣщенія Главнаго Штаба нашей Дунайской арміи. Теперь, съ паденіемъ Плевны, обстановка войны, само собою понятно, сильно измѣняются, и едва ли Главнѣйшій Штабъ Дунайской арміи будетъ имѣть надобность занимать для себя помѣщеніе въ Спотовѣ.

Впрочемъ, еще нѣкоторое время, пока держится армія Сулеймана-наши, нельзя сказать совершенно опредѣленно, куда именно будетъ направлена квартира Главнаго Штаба Дунайской арміи. Мы уже имѣли случай въ этомъ же номерѣ

замѣтить, что теперь, съ паденіемъ Плевны, событія пойдутъ значительно быстрѣе, и можетъ быть, еще въ этомъ же году квартира Главнаго Штаба нашей Дунайской арміи окажется за Балканами, въ Адрианополѣ, примѣръ. Ну, что-же! Дай Богъ успѣха: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Короткая расправа въ Турціи.

Помѣщаемъ рисунокъ „Короткая расправа въ Турціи“, конечно, не за художественныя его достоинства, ибо предметомъ художественнаго произведенія такой мотивъ и служить не можетъ, а даемъ ему мѣсто только для нагляднаго, такъ-сказать, сравненія положеній—нашего солдата и турецкаго.

У насъ, слава Богу, тѣлесное наказаніе отмѣнено, да и прежде въ такой формѣ, какъ въ Турціи, никогда не бывало: и при существованіи тѣлеснаго наказанія у насъ все-таки было предварительное разсмотрѣніе дѣла, на которомъ оно разбиралось, и наказаніе являлось уже результатомъ этого разбора. Не входимъ здѣсь въ сужденіе, каковъ былъ этотъ разборъ, но во всякомъ случаѣ отъ него слышкомъ еще далеко до короткой расправы, при которой солдата жарить начальникъ когда ему вздумается.

Положимъ, и у насъ бывали прежде грѣхи такіе, что начальникъ распекалъ солдатъ за то, что они не весело смотрятъ.

— Что ты не весело смотришь?! грозно спрашивалъ, бывало, начальникъ.

— Не могу знать, отвѣчалъ по обыкновенію солдатъ.

На такой простодушный отвѣтъ, раздавалось грозное начальническое слово съ внушеніемъ по физиономіи, и внушенія эти сопровождалось такими словами: Смотри веселѣй! куда дѣвалъ улыбку-то!

Все это—дѣла давно минувшихъ дней. Теперь, слава Богу и начальники другіе и правы другіе, да и солдатъ уже теперь другой..

Турція же—все Турція, какъ была по завоеваніи Константинополя въ XV вѣкѣ, такую же заявила себя и въ Севастопольскую кампанію, такую же видныя ее и теперь.

Зѣбрство, бессердечіе и самоувереніе во всей его отвратительной обстановкѣ. Смотри на помѣщенный въ этомъ номерѣ рисунокъ, по поводу котораго намъ пришлось говорить о Турціи, живо представляешь себѣ, какъ беззащитна тамъ личность каждаго. Сдѣлалъ, положимъ, солдатъ проступокъ. Не разбирая, какъ, гдѣ, почему—прямо расправа:

— Эй, поддержи-ка его!..

Первый подвернувшійся подъ руку подчиненный хватается провинившагося за шею и держитъ до тѣхъ поръ, пока начальникъ собственноручно хлещетъ провинившагося. И въ это же самое время подчиненный, держащій виновнаго за шею, преспокойно куритъ трубку: видимо, такое наказаніе есть дѣло обыкновенное ни кого невозмущающее.

Не бѣда даже и то, если битый солдатъ окажется невиноватымъ.

— Э, чортъ съ нимъ: самъ подвернулся подъ палку, пусть впередъ будетъ осторожнѣе!..

Такъ судитъ праведнымъ судомъ начальникъ, и подчиненные прогнвъ такого суда ничуть не возражаютъ и сами при случаѣ такъ же разсудятъ.

— Ну, а какъ же на счетъ того виноватаго-то, который остался не наказаннымъ?

На такой вопросъ отвѣтъ слѣдуетъ, смотря по расположенію духа начальника: захочетъ—накажетъ, захочетъ—помидуетъ.

— Ну его къ шайтану, отвѣтитъ иной разъ начальникъ: теперь рука устала!.. Отдую когда-нибудь послѣ!..

С М Ъ С Ъ.

Пенсіоны ученымъ.—Въ бумагахъ извѣстнаго французскаго министра Кольберта былъ найденъ списокъ ученыхъ, которымъ король Людовикъ XIV велѣлъ въ 1663 г. выдать милостивыя награды и содержанія. Для однихъ французскихъ туземцевъ сумма эта простиралась до 53,500 ливровъ, не считая того, что получали отъ короля иностранные ученые.

Стоимость судебного процесса въ Англіи. Издержки по управленію извѣстными процессомъ Тичборна, взятыя въ совокупности, простираются до 60,074 фунт. стерлинговъ, 19 шилл. 4 пенса (слѣдовательно болѣе 540,366 руб.). Изъ этой общей суммы отчисляется: судейскихъ пошлинъ адвокатамъ 23,656 фунтовъ 17 шилл.; бумажнымъ торговцамъ и типографщикамъ вѣдомства Юстиціи 10,268 фунтовъ, 5 шиллинговъ, 11 пенсовъ; стенографамъ 3,637 фунт. 10 шилл. 4 пенс. и засѣдавшимъ журн 2,708 фунтовъ.

Перемѣщеніе двухъ цифръ можно сдѣлать только 2 раза напр. 21 и 12.—Три цифры можно перемѣстить 6-тъ разъ. Напр. 123, 132, 213, 231, 312 и 321; Четыре цифры перемѣщаются подобнымъ образомъ 24 раза; пять цифръ 120 разъ; шестъ цифръ 720 разъ; семь цифръ 5,040 разъ; восемь цифръ 40,320 разъ; девять цифръ 362,880 разъ; десять цифръ 3,620,000 разъ. Какую массу комбинацій можно сдѣлать даже изъ немногихъ цифръ!

Машина для бумажныхъ воротничковъ. Изготовленіе бумажныхъ воротничковъ, составляетъ въ Америкѣ одну изъ громаднѣйшихъ отраслей торговли. Въ годъ производится тамъ не менѣе 200 милліоновъ такихъ воротничковъ, что составляетъ ежегодную экономію въ бѣльѣ на 600,000 долларовъ.

Обращеніе писемъ на всемъ земномъ шарѣ еженедѣльно простирается среднимъ числомъ до 5,320,000 писемъ. что составляетъ 360,000 въ часъ. Эти колоссальныя цифры представляютъ собою ежегодное потребленіе бумаги болѣе 15 милліоновъ фунтовъ, предполагая наименьшій вѣсъ каждаго письма.

Мысли замѣчательныхъ людей.

«Голодъ часто стоитъ у входа въ домъ человѣка трудолюбиваго, да только не смѣетъ войти туда» (Франклинъ).

«Наша совѣсть должна дать свой отчетъ только одному Богу. Въ совѣсть можно проникнуть только искренностью и довѣріемъ, но не насиліемъ. Это цвѣтокъ, который раскрывается на встрѣчу животворнымъ лучамъ солнца, но который тотчасъ же закрывается при дуновеніи сѣльнаго вѣтра». (Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ).

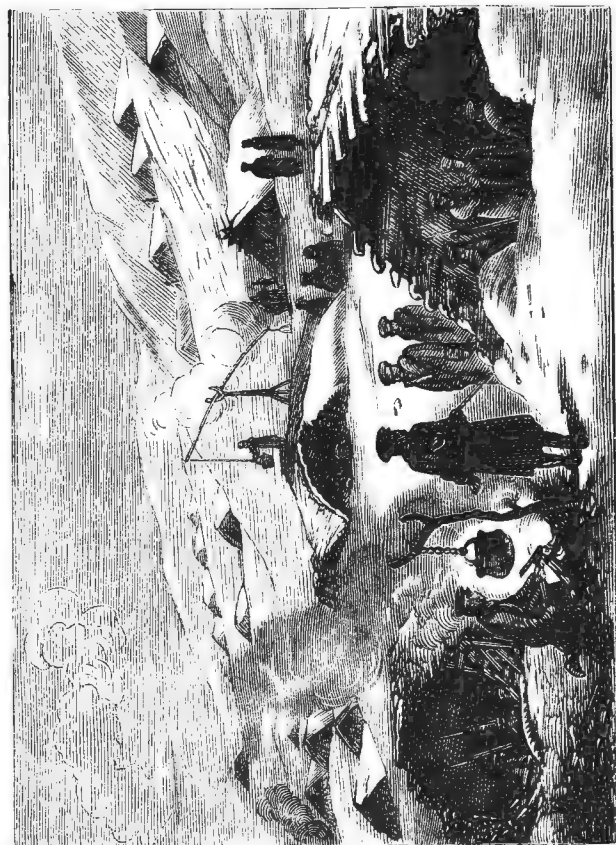
(Продолженіе на стр. 837, 838, 839 и 840).

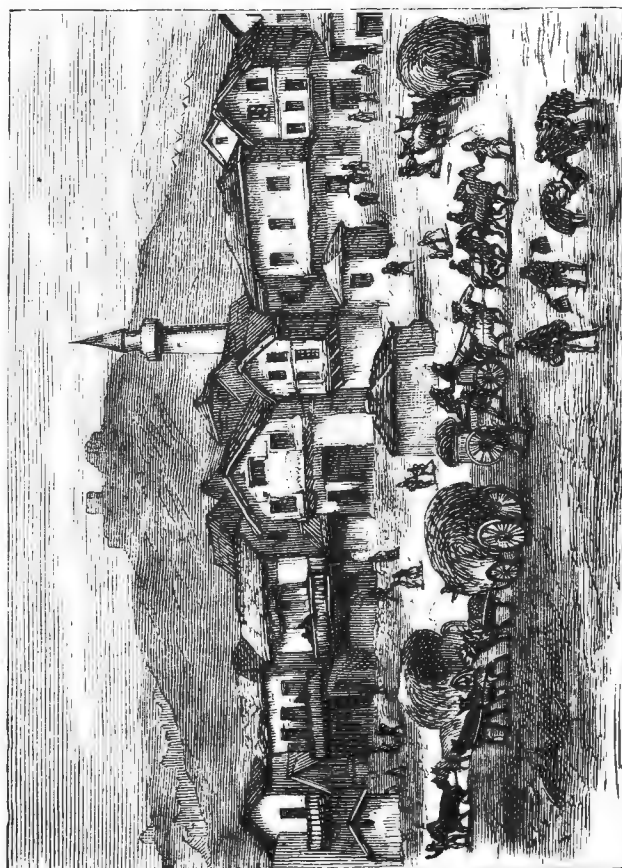
На Дону. Конскіе барышники въ дорогѣ. Картина профессора Зурманда, грав. Вальбергеръ.

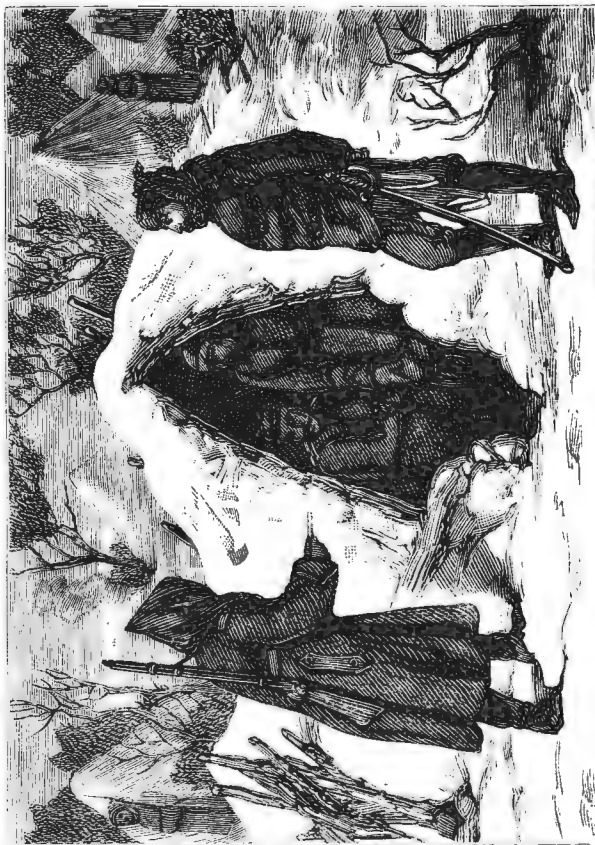
Какъ наши войска жили подъ Плевной. (Внутренній видъ барака). Грав. Гейерманъ.

Какъ наши войска жили подъ Плевной. (Видъ зимнихъ барановъ). Грав. Вейерманъ.

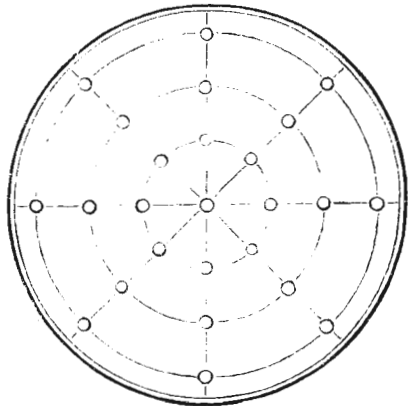
Зимняя квартира главнаго штаба дунайской арміи. Грав. Вейерманъ.

Зимній баранъ турецкихъ офицеровъ въ плевенскомъ лагерь. Грав. Вейерманъ.

АРИМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

Разставить цифры от 1 до 25 по мѣстамъ, означеннымъ кружечками на прилагаемомъ рисункѣ, изображающемъ параллельные круги. Цифры должны быть разставлены такъ, чтобы въ общей сложности цифръ каждого параллельнаго круга получалась сумма 100, и въ общей сложности цифръ по чертамъ, пересекающимъ круги въ

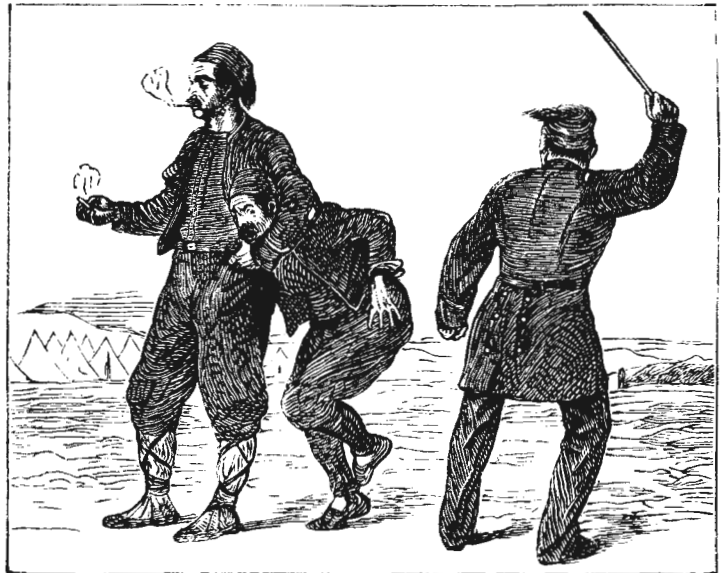

различныхъ направленихъ, также получалась цифра 100. При этомъ цифры не должны повторяться.

Рѣшеніе ребуса помѣщеннаго въ № 48: „Наше храброе войско, защищая правое дѣло славянъ, заслуживаетъ лавры“

Отвѣтъ на вопросъ о развалинахъ замка, рисунокъ котораго помѣщенъ въ № 47 „Нивы“, на стр. 780-й.

Замокъ этотъ—пейзажъ—портретъ. Мѣстонахождение—въ воображеніи художника. Стоитъ страницу повернуть бокомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что замокъ этотъ „пейзажнень“ съ какой-то физиономіи.

Короткая расправа въ Турціи. Грав. Вейерманъ.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

Квадратъ, помѣщенный ниже, раздѣлить на четыре неравныя части такъ, чтобы изъ этихъ четырехъ неравныхъ частей можно было составить крестъ, имѣющій въ длину и ширину, т. е. въ обонхъ поперечникахъ одинаковые размѣры.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ВОЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Плевна пала! Приводимъ подробности этого паденія. Положеніе осажденныхъ въ этомъ городѣ турокъ, какъ оказывается теперь, было значительно хуже, чѣмъ это представляли намъ телеграммы. Положеніе Османа-паши было по истинѣ отчаянное, и послѣдній мѣсяцъ турки буквально «голодали». Въ послѣдній недѣли осажденные испекли изъ полученной отъ болгаръ муки 47.000 хлѣбовъ, и это уже былъ ихъ послѣдній жизненный ресурсъ; солдаты низама получали мясо только въ весьма малыхъ порціяхъ. Вотъ на низамъ-то Османъ-паша и рассчитывалъ болѣе всего, надѣясь съ помощію его прорваться. Паденіе Карса особенно подѣйствовало на состояніе духа осажденныхъ; между ними распространилось глубокое униженіе и деморализація, и мы знаемъ, что въ это время увеличилось число перебѣжчиковъ-турокъ изъ Плевны. Около 20-го ноября Османъ-паша питалъ надежду на подкрѣпленіе, но узнавъ о движеніи нашихъ войскъ по направленію къ Орханіе (движеніе, о которомъ мы въ свое время говорили въ нашихъ обзорѣніяхъ), потерялъ всякую надежду на помощь. Съ тѣхъ поръ деморализація и упадокъ духа въ осажденныхъ стали возрастать съ ужасающею быстротою, уже созрѣвали заговоры на жизнь начальника, и Османъ-паша, изъ страха быть убитымъ своими солдатами, долженъ былъ переодѣваться и проводить ночи въ разныхъ палаткахъ, чтобы вѣрнѣе скрыться отъ убійцъ... Положеніе горькое и страшное!.. Оно, конечно, не могло продолжаться долго и, истощивъ всѣ силы, Османъ-паша рѣшился прорваться—чего бы не стоило. Этотъ роковой день наконецъ насталъ—онъ былъ 27-е ноября. Остатокъ запасовъ розданъ былъ солдатамъ. Каждый изъ нихъ получилъ 6-дневный запасъ сухарей и по 150 патроновъ; резервныя орудія отправлены были въ городъ. Батареи съ турецкой стороны замолкли, чтобы маскировать движеніе и вырваться въ невозможной тишинѣ. Больные и раненные, не могшіе слѣдовать за арміей, были оставлены въ городѣ, но легко раненные пристали къ выступающимъ. Вечеромъ 27-го ноября армія Османа сконцентрировалась на р. Видѣ; при этомъ нѣкоторыя батареи оставили свои орудія, чтобы облегчить движеніе, а излишнее оружіе было спрятано въ церкви. Изъ другихъ батарей были возведены траншеи, чтобы въ случаѣ нужды удалить въ нихъ орудія. Вся ночь прошла въ самой напряженной работѣ и приготовленіяхъ къ ожесточенному, отчаянному бою. До разсвѣта на 28-е ноября туркамъ удалось, при помощи досокъ и веревокъ, устроить 2 моста черезъ р. Видѣ. Но наши при этомъ не дремали. Дазутчики сообщали въ главную квартиру о движеніи турокъ. Съ нашей стороны тотчасъ приняты были мѣры. Лишь только стало разсвѣтать, до 40.000 турокъ перешли р. Видѣ и съ ожесточеніемъ отчаянія напали на нашу 3-ю гренадерскую дивизію, чтобы прор-

ваться къ *Берковицѣ*, гдѣ у насъ находилась сильно укрѣпленная позиція. Начался громадно-ожесточенный бой, одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ рѣшительность минуты заставляетъ сражающихся презирать смерть и всѣ опасности. Зрѣлище было страшное и поразительно торжественное. Русское торжествующе «ура!» неоднократно смѣнялось фанатическимъ, не менѣе торжествующимъ страшнымъ крикомъ «Аллахъ!» Въ эти страшныя минуты дряхлый, издыхающій Исламъ напрягалъ всѣ силы вырвать пальму первенства изъ рукъ поклонниковъ Креста—и не успѣлъ въ этомъ!.. Первое ожесточенное нападеніе турокъ потерпѣлъ нашъ Сибирскій гренадерскій полкъ. Онъ сражался съ мужествомъ, достойнымъ важности дѣла, и былъ немедленно подкрѣпленъ резервами. Благодаря своевременному прибытію резервовъ, Сибирскій полкъ привелъ турокъ въ замѣшательство и отбросилъ ихъ. Въ тоже время двинулся сюда нашъ герой генералъ Скобелевъ и овладѣлъ редутами, находящимися въ тылу турокъ. Въ этихъ редутахъ турки надѣялись найти прикрытіе для своей защиты. И при этомъ обѣ стороны сражались геройски. Около 9 часовъ утра наши вступили въ Плевну, тѣсныя турки упорно продолжали бой. Затѣмъ Османъ-паша употребилъ послѣднее отчаянное усиліе: во главѣ войскъ онъ бросился впередъ, увлекая все за собою, но тутъ онъ былъ раненъ и съ этого момента началось совокупное нападеніе нашихъ войскъ на турокъ, пришедшихъ въ отчаяніе. Они теперь-то замѣтили совершенную невозможность прорваться и выкинули бѣлый флагъ. Въ ожесточеннѣ бой наши войска не замѣтили этого флага, и продолжали сражаться, такъ что флагъ былъ выкинутъ въ 4-й разъ и только тогда кончился ожесточенный бой. Тогда Османъ-паша объявилъ, что онъ и его армія сдается безусловно на милость Всероссийскаго Государя и просилъ только пощадить имущество турецкихъ офицеровъ *).

Во все время этого страшнаго боя Его Величество Государь Императоръ присутствовалъ на 27 редутѣ и слѣдилъ отсюда за движеніями войскъ, группировавшихся между Опаницей и Медвенкомъ. Его Высочество Великій Князь Главнокомандующій Дунайскою арміей, тотчасъ по прекращеніи боя, направился за рѣку Видѣ и лично благодарилъ гренадеръ за ихъ подвигъ. Здѣсь къ Великому Князю привели Османа-пашу и Его Высочество принялъ его милостиво и высказалъ высокое уваженіе къ его храбрости. Свята Великаго Князя привѣтствовала мужественнаго защитника Плевны громкимъ «браво!» Осману-пашѣ дозволено было переночевать въ Плевнѣ, чтобы нѣсколько успокоиться отъ трудовъ и тревогъ и перевязать

* По послѣднимъ извѣстіямъ, Османъ-паша будетъ водворенъ внутри Россіи, и именно въ Суздали.

рану. На слѣдующій день, 29-го ноября, по случаю славнаго дѣла было отслужено благодарственное молебствіе въ одномъ изъ турецкихъ редутовъ. На молебствіи присутствовалъ Государь Императоръ и Великій Князь Главнокомандующій. Затѣмъ отслужена панихида по убитымъ въ славномъ бою и состоялась раздача Его Величествомъ орденовъ Св. Георгія. При этомъ орденъ 1-го класса получилъ Его Высочество Главнокомандующій, 2-го класса: генералъ Тотлебенъ, военный министръ Милютинъ и генералъ Непокойчицкій; 3-го класса: князь Имеретинскій и шефъ гренадерскаго корпуса Ганецкій; 4-го класса: *Левинскій* и начальники гренадерскихъ дивизій *Севчинъ* и *Даниловъ*. Вслѣдъ за сими раздачами Его Величество изволилъ вѣхать въ Плевну и присутствовать при богослуженіи въ Плевненскомъ соборѣ. Послѣ богослуженія въ одномъ изъ болгарскихъ домиковъ былъ приготовленъ Высочайшій завтракъ, во время котораго Его Величество изволилъ милостиво почтить Османа-пашу и возвратитъ ему его саблю, съ присовокупленіемъ милостивыхъ словъ, что онъ *можетъ носить эту саблю въ Россіи*.

За сими нужно прибавить, что герой Скобелевъ назначенъ военнымъ губернаторомъ приобретенной нами Плевны, а командиръ Суздальскаго полка Панютинъ — омендантомъ этой крѣпости. При взятіи Плевны особенно отличились полки: *Астраханскій*, *Сибирскій* и *Самойтскій*. При этомъ взяты нами въ плѣнъ: 40,000 турокъ здоровыхъ и 20,000 больныхъ и раненыхъ, 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2,000 оберъ-офицеровъ, 1,200 человекъ кавалеріи. Захвачено также 70,000 ружей, 24 полевыхъ баттарей и 40 тяжелыхъ орудій. Наши потери состоятъ въ 2,000 солдатъ и 50 выбывшихъ изъ строя офицеровъ — потеря, слѣдовательно, незначительна въ сравненіи съ приобретенными результатами. Потери турокъ нужно считать *вдвое* болѣе.

Описание плевненскаго дѣла поглотило почти все наше обозрѣніе; но, въ виду громадной важности событія, это неизбежно было сдѣлать. Приобрѣтеніе Плевны будетъ твердымъ исходнымъ пунктомъ и базисомъ всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ операций *). Наши силы, какъ съ этимъ согласно и большинство лучшихъ органовъ европейской прессы, до сихъ поръ сосредоточенны около этого пункта, теперь свободно направлятъ къ рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ арміи Мехмеда-Али и Сулеймана-пашей. Движеніе за Балканы приобретаетъ теперь прочную устойчивость; точно такую же устойчивость приобретаютъ теперь и дѣйствія на лѣвомъ флангѣ нашей арміи, въ оградѣ Наслѣдника Цесаревича, на р. Ломъ и у Рущука.

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ 29-го ноября тоже началось движеніе турецкихъ войскъ. Турки начали переправляться черезъ рѣку Ломъ у дер. *Красной* (къ сѣверо-востоку отъ Пиргоса); въ этотъ день 30 таборовъ турокъ уже переправились, а 30-го ноября непріятель атаковалъ всѣми силами корпусъ Великаго Князя Владиміра Александровича, направивъ главный ударъ на *Мечку*. Но, послѣ упорнаго боя, турки были отбиты. Дѣло было блестящее. На мѣстѣ сраженія лично присутствовалъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Такимъ образомъ и на лѣвомъ флангѣ нашей арміи прошлая недѣля ознаменовалась блестящими успѣхами.

Что касается другихъ пунктовъ, обратившихъ на себя вниманіе недѣлю тому назадъ, напримеръ *Яковичъ* и *Вратарницы*, то здѣсь войска наши стоятъ по прежнему на позиціи, въ виду непріятеля. Въ такомъ же положеніи дѣло находится пока и у *Лотикова*, *Арабъ-Конака* и *Златицы*. Но, разумѣется, все это долго продолжаться не можетъ, въ виду освобожденія нашихъ силъ на правомъ флангѣ, благодаря взятію Плевны.

На Закавказскомъ театрѣ войны не произошло за прошлую недѣлю ничего особеннаго. Рѣшительнымъ дѣйствіямъ препятствуютъ тамъ крайне дурная погода и естественныя неудобства путей сообщенія. На то же самое недавно жаловался своему правительству Мухтаръ-паша. На прошлой недѣлѣ получено извѣстіе, что Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Михаилъ Николаевичъ 30-го ноября прибылъ въ Тифлисъ, гдѣ была ему устроена торжественная встрѣча по поводу взятія Плевны.

Изъ Черногоріи за прошлую недѣлю получено мало извѣстій, исключая извѣстія о безуспѣшномъ покушеніи на жизнь князя Николая во время операций противъ форта Антивари. Дождь, въ которомъ жилъ князь Николай, былъ взорванъ на воздухъ посредствомъ мины, но къ счастью въ отсутствіе князя. Засумашленники еще не розсыпаны.

*) Лучшая часть германской печати справедливо признаетъ паденіе Плевны важнѣйшимъ и обиднѣйшимъ по послѣдствіямъ оборотомъ восточной войны.

По случаю взятія Плевны, Германскій Императоръ Вильгельмъ получалъ телеграмму Его Величества Государя Императора, которая произвела великую радость при Берлинскомъ дворѣ. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ поздравительной телеграммой и поздравленіемъ принца Карла. На улицахъ и въ собраніяхъ Берлина въ эту ночь все было оживлено, вездѣ пѣли Русскій національный гимнъ.

Занявъ вѣсть о взятіи Плевны пробудила радость между всѣми славянами. Въ Чешской *Прагѣ* и Кроатскомъ *Загребѣ* вѣсть эта произвела чрезвычайно радостное впечатлѣніе. Но и въ Прагѣ, и въ Загребѣ усердно работала австрійская полиція, чтобы остановить искреннія проявленія братскаго восторга.

Что касается собственно Петербурга, то ему вскорѣ предстоитъ высокое торжество — встрѣчи Того, по Чьему мановенію двинулась къ Дунаю могучая Русская сила: Государь Императоръ, по сообщенію телеграфа, вскорѣ прибѣдетъ въ Петербургъ.

Коснемся здѣсь, насколько позволятъ мѣсто, и политическихъ явленій прошлой недѣли. Послѣ блестящаго взятія нами Плевны, какъ и естественно было ожидать, западная печать снова выдвинула вопросъ о посредничествѣ, съ цѣлю заключенія мира между воюющими сторонами. Починъ въ попыткѣ посредничества сдѣлалъ, какъ и слѣдовало ожидать, Британскій кабинетъ. Но въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ эта попытка была отвергнута. Политическіе интересы континента, очевидно, не совпадаютъ съ интересами Англій. Но Англія уже, какъ говорятъ, заручилась львиною долей на случай ликвидаціи или раздѣла Турціи: носятъ настойчивыя слухи, что она намѣрена купить у падшей Турціи флотъ, построенный, разумѣется, на англійскія деньги — покупка, очевидно, фактивная и фальшивая. Въ существѣ дѣла, Англія этому, противно международнымъ правамъ, мѣрою, въ существѣ дѣла, погашаетъ «безнадежный» государственный долгъ Турціи. Послѣдствія такой покупки могутъ быть огромны; возможно, что турецкій флотъ будетъ плавать въ Черномъ морѣ подъ англійскимъ флагомъ... Затѣмъ носятъ слухи, что знаменитый отурчившійся англійскій адмиралъ Гобартъ-паша потому не предпринималъ съ значительнымъ турецкимъ флотомъ никакихъ важныхъ дѣйствій, чтобы сберечь для Англій этотъ флотъ и обезпечить выгоду ея фиктивной покупки... Но отъ этого явнаго нарушенія всѣхъ принциповъ международнаго права, будемъ надѣяться, удержать Англію ареопагъ континентальныхъ державъ... Увидимъ, что будетъ.

— Положеніе дѣла во Франціи продолжаетъ быть все такимъ же тревожнымъ, какимъ оно было недѣлю тому назадъ. Вторичное распушеніе палаты, отставка Макъ-Магона, вотъ два пункта, занимающіе французсовъ. Маршалъ балансируетъ такъ и сякъ. Недавно онъ началъ увѣрять республиканцевъ, что главенство его для блага страны необходимо — и именно потому, что онъ не одержимъ личнымъ честолюбіемъ, не принадлежитъ ни къ какой партіи и будетъ поддерживать республиканскія учрежденія до 1880 г. т. е. до истеченія срока президентства.

Слухи о серьезности и несомнѣнномъ смертельномъ исходѣ болѣзни Римскаго Папы, все еще представлявшіеся противорѣчивыми, на прошлой недѣлѣ стали приобретать опредѣленный характеръ. Папа, дѣйствительно, въ послѣднюю недѣлю находился въ агоніи, и объ этомъ извѣщены были представители иностранныхъ державъ въ Римѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва. Новая деревня. Г—о. На ваши стихи отъиымъ стихами Пушкина:

«Онъ по ногатамъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.»

Москва К—Х—чу, Ребусъ не вѣрно составленъ. Если будутъ другіе вѣрнѣе — пошлемъ.

4. Москва П, Мост—ову. Вы ищете причины вашихъ жизненныхъ неудачъ и не можете найти; а между тѣмъ, ящикъ такъ просто открывается, при помощи вашихъ же собственныхъ стиховъ. Беремъ изъ нихъ четыре строчки:

«Чѣмъ провинился я, что сдѣлалъ?
За что преслѣдуютъ меня все?
Объ этомъ думаю всегда я,
Но все не нахожу причины.»

Не имѣемъ чести знать всѣхъ обстоятельствъ вашей жизни, но одна изъ причинъ вашихъ неудачъ заключается несомнѣнно въ томъ, что вы пишете стихи, не имѣя таланта.

СОДЕРЖАНІЕ: Императоръ Александръ I, Благословенный (съ портретомъ и 2-ми рисунками) М. Стр.—Юный Императоръ Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть третія. (Продолженіе).—Г. Хассанъ-Нале (съ рисункомъ).—Ручъ (съ рис.).—Мостъ на Дунаѣ ночью (съ рис.).—Русскіе въ Нарѣ (съ рис.).—Конскіе барышники на Дону (съ рис.). С.—Подъ Плевной (съ 4-ми рис.).—Въ Сивтовѣ (съ рис.).—Короткая расправа въ Турціи (съ рис.).—Смѣсь.—Арифметическія задачи.—Политическія и военныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.

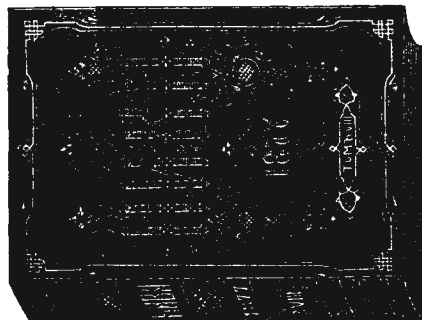
Издатель А. Ф. МАРНСЪ.

Редакторъ Д. СТАХЪЕВЪ.

НА ЕЛКУ!

Въ конторѣ журнала „Нива“ будутъ готовы переплетъ экземпляры Нивы за 1877 г. въ маленковомъ переплетѣ 23 Декабря,—такъ что этотъ томъ въ красивомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ за 5 р 50 к. вмѣстѣ съ двумя преміями за 1877 г. можетъ служить прекраснымъ подаркомъ на Елку. Просимъ впередъ заявить о желаніи купить такой томъ Нивы за 1877 г. и контора журнала ручается за то, что переплетъ будетъ готовъ именно къ 23 Декабря.

ПРЫШКИ для переплета «Нивы» 1877, к 1878 г. по аннотированному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ въ губернскаго города легко можетъ переплести «Ниву» въ такую колѣнную корону крышку.

Поступилъ въ продажу во всѣхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ:
 № 52 **СТАННОЙ**
КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ
НА 1878 ГОДЪ,
 съ отрывающимися на каждый день листками.

Часть натуральной величины.

Благосклонный отзывъ столичной печати уже краснорѣчиво отнесся въ пользу нашего «Календаря Ежедневника», почему мы ограничимся лишь краткими перечисленіемъ содержанія его на 1878 г., а именно: «Календарь-Ежедневникъ» на 1878 годъ заключаетъ въ себя:

- 1) Святцы; 2) дни рождения и тезоименитства Императ. Фамиліи; 3) праздничные и табельные дни; 4) сверху, справа, число дней въ мѣсяцъ; 5) сверху, слева, — «вѣсы» (виды) луны; 6) старый и новый стѣлы и названіе дня; 7) внизу, слева, число прошедшихъ дней отъ начала года, а справа число дней, оставшихся до конца года; 8) на листѣ календаря цѣны гербовой вѣсельной бумаги; 9) событія русской исторіи; 10) пожарные сигналы въ Спб.; 11) все почты отъ начала до конца; 12) тарифы % бумагъ; 13) сроки получения капиталовъ, вышедшихъ въ тиражъ % бумагъ; 14) сроки ярмарокъ и какой торгъ; 15) народные примѣты и повѣрья; 16) такса почтовыхъ сборовъ.

Цѣна календаря безъ перес. 75 к. съ перес. 1 р.

Господамъ торговцамъ дѣлается уступка.

С.К.И.А.Д.Ы: въ конторѣ типографіи Императорскихъ С.И.В. Театровъ, Вознесенскій просп., № 53 и у г. Германа Гоппе (Редакція «Всемирной Иллюстраціи» и «Моднаго Свѣта»), Большая Садовая улица, № 16.

Издатель Эдуардъ Гоппе.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1878 ГОДУ
СОБРАНІЯ
ИНОСТРАННЫХЪ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
 ВЪ ЦЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ 1878 году, какъ и въ предшествовавшіе двадцать два года, «Собраніе Романовъ» даетъ лучшія сочиненія въ иностранной беллетристич. преимущественно англійской и французской, будетъ выходить всегда въ первыхъ числахъ мѣсяца вышедшими большаго формата и помѣстятъ въ годъ отъ десяти до двенадцати большихъ романовъ и множество повѣстей и разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія, что составятъ въ концѣ года болѣе трехсотъ и члтыри листовъ или около пяти тысячъ страницъ. На 1878 годъ приготовлены слѣдующіе романы, которые впрочемъ могутъ быть важными другими болѣе интересными, если встрѣятся таковыя:

- Мемчужина востока, изъ событій въ Константинополѣ, Антонія Жоере,
 - Преступленіе моего отца, Влекмора.
 - Мас-Горна, Густава Эмара.
 - Подставной, Джамса Пейна.
 - Драма въ Розовомъ Домѣ, Ксаыя-Монтпелено.
 - Сигналъ бѣдствія, Майя Рина.
 - Волонита-мужъ, Флоренція Маргьета.
- Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ большаго формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—десять рублей пятидесять коп., съ доставкою въ С.-Петербургъ—одинадцать, для иногороднихъ подписчиковъ—двенадцать рублей.
- Подписка принимается исключительно на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ д. Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.
- При редакціи открыта книжная торговля; высылаются всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, и принимается подписка на всѣ періодическія изданія.

№ 33 3-3

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимірская, № 8,
 Англійскія Печенія, Сушари
 и проч.
 Изъ лучшихъ продуктовъ.
 Привилегированная паровая пекарня Мура
 въ Петербургѣ.
 Васильевскій Островъ, 11 линия, № 56.
 Товарищество Чежберсъ и К°

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1878 ГОДУ
„МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ“
 (5-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Сборникъ чертежей и рисунковъ фасадовъ, плановъ и деталей всякаго рода деревянныхъ и каменныхъ строеній (относящихся преимущественно до сельской архитектуры), какъ-то: проекты загородныхъ домовъ со службами, дачъ мостовъ бесѣдокъ и проч., проекты церквей, монастырей, вѣтъ, рисунки мебели, золотыхъ и серебряныхъ вещей и т. п.

Часть рисунковъ хромофотографированныхъ.
 Сборникъ выходитъ въ тетрадахъ, отъ 4-хъ до 5-ти листовъ въ каждой, а всего въ годъ въ 12-ти тетрадахъ 50 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:
 въ 12 тетрадяхъ безъ доставки и пересылки. . . 8 руб.
 съ доставкою или пересылкою . . . 9 „

Лица, желающія помѣстятъ въ изданіе свои произведенія, обращаются въ Редакцію въ С.-Петербургѣ: Васильевскій Островъ, набережная, противъ свѣра д. № 1-5, кв. № 8, Рейнботъ.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ: по Невскому просп., на углу Адмиралтейской площади, въ главнѣйшемъ Дациаро и въ магазинѣ Вентрова, у книгопродавцевъ; Мелье, Мамонтова, Курбатова, Чересова, Исасова, Вольча и проч.
 Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, въ магазинѣ Дациаро.

Лица, желающія приобрести „МОТИВЫ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ“ за 1874, 1875, 1876 и 1877 годъ обращаются съ требованіемъ въ тѣ же магазины.

При этомъ № предлагаются для гг. иногор. подписчик. объявленія: 1) „Новеллиста“, 2) отъ редакціи „Русской Старинны“. Кроме того предлагается для гг. город. и иногород. подписч. Прейсъ-Курантъ отъ часов. магаз. Альтшвагера въ Спб.

ПОДПИСКА НА 1878 ГОДЪ.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„НЕДѢЛЯ“
 (52 номера въ годъ)
 СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО
ЖУРНАЛА
РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.
 (12 книжекъ въ годъ)

Годовая цѣна за оба изданія 8 р. съ пересылкой.

Въ 1878 году «НЕДѢЛЯ» будетъ выходить съ безплатнымъ приложеніемъ «ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» (12 книжекъ въ годъ)

«НЕДѢЛЯ» имѣетъ цѣлю давать читателямъ шатые, но полныя, ясныя и серьезныя отчеты обо всемъ, что происходитъ въ теченіи недѣли замѣчательнаго въ политической и общественной жизни Россіи и иностранныхъ государствъ.

«НЕДѢЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими произведеніями книжной и журнальной литературы.

Посредствомъ очерковъ, разсказовъ и этюдовъ изъ дѣйствительной жизни «НЕДѢЛЯ» даетъ понятіе о нуждахъ и потребностяхъ различныхъ классовъ общества и народа.

Въ статьяхъ обществено-научныхъ, политическихъ и историческихъ «НЕДѢЛЯ» знакомитъ читателей съ важнѣйшими вопросами, стоящими на очереди и близкими каждому образованному человеку.

Въ корреспонденціяхъ изъ провинціи «НЕДѢЛЯ», кромя сообщенія общенересныхъ фактовъ, имѣетъ цѣлю выводить на свѣтло воду всякаго рода господъ, обдѣлывающихъ свои дѣлишки подъ покровомъ провинціальной безгласности.

Наконецъ, во все продолженіе войны «НЕДѢЛЯ» будетъ давать въ каждомъ номерѣ «ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ ВОЙНЫ». По этимъ статьямъ читатели могутъ составить себѣ не только точное и полное понятіе о ходѣ военныхъ дѣйствій, но и ознакомиться со всеми интересными эпизодами той великой драмы, которая разыгрывается на Балканскомъ полуостровѣ.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ» будетъ выходить еженѣщчно (12 книжекъ въ годъ), составяла бесплатное приложеніе къ газетѣ «НЕДѢЛЯ». Въ немъ будутъ печататься лучшія русскіе и иностранные романы и повѣсти. Относительно послѣднихъ будетъ обращено особенное вниманіе на точность, художественность и изящество перевода. Для своевременнаго получения новыхъ романовъ редакція запаслась сотрудиниками въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Нью-Йоркѣ.

Подписка на 1878 годъ открыта. Требования адресовать: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію «Недѣли», на углу Ивановской и Кабинетской, № 6 — 12.
 № 32 3-2 Редакторъ-Издатель П. А. Гейдесбуровъ.

Только что вышла изъ печати и продается въ музыкальномъ магазинѣ «Сѣверная Лира» (Л. Фризе). На углу Невскаго прос. и Троицкаго переулка:

№ 54 **УРА! ПЛЕВНА НАША!**
 Торжественный маршъ для фортепiano въ 2 руки. Сочиненіе П. Эйтерна. Этотъ маршъ едва-ли не лучший изъ вышедшихъ до сихъ поръ и истинно торжественный. Цѣна 60 коп.

УРА! НАРСЪ НАШ!
 Торжественный маршъ для фортепiano въ 2 руки. Сочиненіе И. Реца. Ц. 60 к. Оба эти марша выстѣ 1 р.

Въ послѣднее время вышли еще слѣдующіе музыкальныя новости для фортепiano въ 2 руки: Фр. Гунгль, «Торпедо—Вальсъ» Ц. 1 р.—И. Релье, «Европейскій Концертъ». Кадрьяль. 7-е изданіе. 75 к.—И. Релье «Красавица, Маура» 75 к.—И. Артемьевъ «Въ походѣ! Маршъ» Ц. 60 к.—А. Гюбнеръ «Съ отвѣтой на врага!» Маршъ. Ц. 60 к.—Ю. Лангенбахъ, «Торпедо Маршъ». (посвящается героямъ Э. В. Дубасову и А. П. Шестакову). Титязъ марша украинъ портретами Дубасова и Шестакова. Ц. 75 к.—В. Михаленъ «Къ побѣдѣ!» Маршъ. Ц. 60 к.—И. Релье «Впередъ, ребята!» Маршъ 60 к.—И. Релье, Юго-славянскій военный маршъ. Ц. 60 к.—И. Релье Веселая компанія. Кадрьяль. Ц. 75 к.—Р. Eitner. Am Springbrunnen. Polka 60 к.—А. Балабановъ «Веста-Цольва» 60 к.—

Для пѣвца: А. Ф. К. Впередъ за братьевъ Гимна на 1 голосъ: 75 к.; на 4 голоса: 1 р.—Ф. Зупле. Любовь на полѣ брани. Военная пѣсенка. Ц. 75 к.—Н. Тивольскій. Наслажденіе. Романсъ. Ц. 60 к.—П. Иценвичъ. Въ разлуку. Романсъ 50 к. Иногородные за пересылкою не платятъ

Въ музыкальномъ магазинѣ Сѣверная Лира (А. Фризе) на углу Невскаго проспекта и Троицкаго переулка. Продаются:

НА ЕЛКУ!
 Лучшіе подарки для начинающихъ пианистовъ: Музыкальныя складныя картинны, составленныя Н. Артемьевымъ

Это весьма забавная музыкальная игра, содержащая въ себѣ между прочимъ 8 легонныхъ пьесокъ для фортепiano въ 2 руки, приспособляетъ много къ наученію музыки и желанію занятій, цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою 3 рубля.

Новый сборникъ легкихъ пьесъ для фортепiano L'Enfant au Piano par N. Nivolsky. Собраніе самыхъ лучшихъ мелодій и танцевъ въ легкой ангажировкѣ. 2-е изданіе цѣна 1 р. 50 к.
 въ роскошномъ переплетѣ 2 „ 50 „

Это новое собраніе легкихъ пьесъ въ короткое время приобрѣло себѣ большую извѣстность; въ теченіи года продано 1700 экз. Оно отличается въ свою пользу отъ всѣхъ подобныхъ во многихъ отношеніяхъ: цѣна при болѣешемъ объемѣ та же какъ и другія; пьесы выбраны болѣе современныя, раздѣленіе по степенямъ трудности болѣе последовательно и аппикатура поставлена самая вѣрная.

РУССКІЙ РАБОЧИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

будетъ издаваться въ 1878 г. по прежней программѣ, съ цѣлю доставить полезное чтеніе рабочему населенію — Годовая цѣна: въ С.-Петербургѣ—безъ доставки 60 к., съ доставкою на домъ 75 к.; съ пересылкою иногороднимъ 1 р. Лица подписавшія на 50 и болѣе экземпляровъ, за пересылку ничего не платятъ. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ редакціи журнала по Сергѣевской ул. д. № 20 и въ нижнемъ магазинѣ Бансера по Гороховой ул. д. № 19, въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ братьевъ Сазаевыхъ по Мясницкой ул. домъ № Гагаринной.

Смѣемъ надѣяться, что всѣ, желающіе доставить народу полезное для него чтеніе, не откажутъ въ своемъ содѣйствіи къ возможно болѣешему распространенію этого дешеваго изданія.

3-1

Зала и контора Фирмы Счетоводъ:
ЛЕКЦИИ Е. В. ЕЗЕРСКАГО.
 Сравнительный курсъ.

ТРОЙНОЙ-РУССКОЙ И ДВОЙНОЙ-ИТАЛЬЯНСКОЙ
 СИСТЕМЪ СЧЕТОВОДСТВА.

ПОДГОТОВЛЕНІЕ СЧЕТОВОДОВЪ.

Лица, успѣшно окончивающія курсъ, принимаются въ контору «Фирмы Счетоводъ» для подготовленія на практикѣ на мѣста.

РЕКОМЕНДАЦІЯ СЧЕТОВОДОВЪ

на постоянныя мѣста и для временныхъ занятій по счетоводнымъ работамъ, здѣсь и въ провинціи.

„Фирма Счетоводъ“
 Петербургъ, Литейный просп., № 38.

№ 56

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

№ 51

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
Выдавъ 19 Декабря 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Нивы» 15 к. съ перес. 20 к

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

Просимъ гг. подписчиковъ не замедлять возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особен-
ности первыхъ его номеровъ, такъ какъ подготовка около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени
Просимъ высылать редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Нива“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. „НИВЫ“ на 1878 г.	Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ. 4 р. Съ доставкою 5 "	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ 5 р. Съ пересылкою въ Москву и друг. города Русской Имперіи 6 "

Подписка на 1877 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всеми преміями.

ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ИВАНЪ ДАВИДОВИЧЪ ЛАЗАРЕВЪ.

Имя генерала Лазарева уже давно извѣстно на Кавказѣ, какъ заслуженнаго генерала, много способствовавшаго покоренію Кавказскихъ горцевъ. Такой боевой генералъ, каковымъ несомнѣнно явился себя Иванъ Давидовичъ Лазаревъ, конечно не могъ оставаться въ бездѣйствіи въ то время, когда Россія призвана Провидѣніемъ къ рѣшенію при помощи оружія вопроса такъ недавшаго долго своей очереди. Въ числѣ другихъ извѣстныхъ своею боевою опытностью призванъ былъ къ участию въ настоящей войнѣ съ Турціей и генералъ-лейтенантъ Иванъ Давидовичъ Лазаревъ. Но прежде чѣмъ сказать о его службѣ во время настоящей войны, считаемъ необходимымъ привести въкраткѣ свѣдѣнія о предыдущей его жизни и дѣятельности.

Иванъ Давидовичъ Лазаревъ происходитъ изъ Карабахскихъ бекъовъ города Шуши, Бакинской губерніи.

Генераль-лейтенантъ И. Д. Лазаревъ. Съ фотографіи грав. Вейерманъ.

Родился онъ 1820 году. Върансповѣданіи армяно-грегоріанскаго; воспитаніе получилъ въ Шушинскомъ уѣздномъ училищѣ. Достигнувъ 19-ти лѣтняго возраста, Иванъ Давидовичъ поступилъ на службу рядовымъ въ пѣхотный генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полкъ (нынѣ 84-й пѣхотный ширванскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича), стоявшій тогда на Кавказѣ. Изъ этого одного, конечно, само собою уже понятно читателямъ, что Иванъ Давидовичъ представляетъ собою явленіе не весьма частое. Такихъ героевъ, которые, начиная жизнь съ низшихъ ступеней общественной дѣятельности достигаютъ ея вершинъ личными своими качествами, такихъ героевъ, конечно, немного. Но не потому одному такіе достойные уваженія, энергичскіе и дѣятельные люди должны быть чтимы обще-

ствомъ, что они—явленіе рѣдкое; это само собою понятно, но кромѣ того за ними и другая заслуга: они своею жизнью, цѣльностью духа, энергическою и упорною вѣстойчивостію въ преслѣдованіи избранной разъ цѣли указываютъ слабымъ и малодушнымъ, что не можетъ человѣка связать ни какая среда, ни какая обстановка, ни какія преграды, если только въ немъ есть духовная сила.

Иванъ Давидовичъ участвовалъ въ дѣлахъ отъ 1841 до 1861 г. и всегда былъ всей душой преданъ военной службѣ, посвящая ей все свое время, не жалѣя своихъ силъ. Въ дѣлѣ съ горцами при вылазкѣ изъ аула около Святинскихъ садовъ, Иванъ Давидовичъ былъ контуженъ ружейной пулею въ докоть лѣвой руки; на штурмѣ заваловъ, близъ селенія Мескинджи раненъ ружейной пулей въ шею на вылетъ, камнемъ въ голову и контуженъ пулей въ плечо лѣвой же руки. Всѣ свои ордена и чины, начиная съ унтеръ-офицерскаго званія, получены имъ исключительно за военныя отличія. Еще состоя въ нижнихъ чинахъ, онъ былъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена Св. Георгія. Имѣетъ золотую саблю съ надписью „за храбрость“ и занималъ важныя служебныя посты; такъ въ 1850 году Иванъ Давидовичъ управлялъ Мартугинскимъ ханствомъ, далѣе, чрезъ 4 года, Даргинскимъ округомъ, потомъ командовалъ войсками въ Среднемъ Дагестанѣ, былъ начальникомъ временнаго управленія въ покорившихся частяхъ Дагестана, присоединенныхъ къ Прикаспійскому краю, командовалъ 21-й пѣхотной дивизіей,

съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты въ 1866 г. утверждень въ должности начальника этой дивизіи; съ 1868 г. состоятъ при Кавказской арміи. Участвуя на театрѣ въ Малой Азіи, Иванъ Давидовичъ особенно отличился въ дѣлѣ 3-го октября—пораженіи Мухтара-паши на Аладжинскихъ высотахъ, за что Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Георгія 3-й стелени. При штурмѣ Карса генералу Лазареву было поручено ближайшее руководство за ходомъ боя, но при томъ необходимо замѣтить, что общій ходъ штурма направлялъ самъ начальникъ дѣйствующаго корпуса, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ.

Для характеристики генерала Лазарева сообщаемъ его разговоръ съ старшимъ адъютантомъ корпуснаго штаба, капитаномъ Ч., посланнымъ къ генералу на случай болѣзни его начальника штаба, полковника Маламы.

— Я долженъ васъ предупредить,—замѣтилъ капитану генералъ,—что у меня отступленій не будетъ: не возьмемъ фортовъ въ утро—будемъ драться до вечера; не возьмемъ къ вечеру—будемъ драться до слѣдующаго утра.

Съ такою твердостью и рѣшимостью можно смѣло рассчитывать на успѣхъ. И понятно, что такой генералъ, который прошелъ въ продолженіи своей многолѣтней боевой жизни всѣ ступени отъ нижнихъ чиновъ до генеральскаго, не могъ и не можетъ иначе, по свойствамъ своей духовной природы, относиться къ исполняемому дѣлу.

Юный Императоръ

Историческая повѣсть В. Соловьева.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

(Озвучаніе).

ХІІ.

Опять по Москвѣ волненіе великое: молодой Государь опасно боленъ. Все, что имѣло какое нибудь соприкосновеніе съ дворомъ, стало метаться во всѣ стороны. Многие ожидали всякихъ случайностей, но, не смотря на это, вѣсть о царской болѣзни всѣхъ поразила. Оказалось, что никто, конечно кромѣ Андрея Ивановича, и не подумалъ о томъ—что жъ, наконецъ, будетъ въ случаѣ смерти Петра II. Теперь быстро образовывались партіи. Одни находили, что престолъ по праву долженъ принадлежать цесаревнѣ Елисаветѣ, родной, теперь единственной, дочери Петра Великаго. На это возражали всякими вымышленными рассказами о дурномъ ея поведеніи, о томъ, что если она взойдетъ на престолъ, то многимъ слѣдуетъ ждать ея немилости; другіе полагали, что слѣдуетъ избрать царскую невѣсту. Это мнѣніе особенно распространялъ датскій посланникъ Вестфаленъ, которому три года тому назадъ ужъ удалось отстранить герцогиню Гольштинскую Анну Петровну и Елисавету отъ русскаго престола.

До сихъ поръ Вестфаленъ былъ спокоенъ за интересы своего двора—но вотъ опасность возвращается и онъ снова волнуется: ѣздить то къ Долгорукимъ, то къ Голицынымъ. Но кого теперь застанешь—всѣ во дворцѣ! Наконецъ кое-какъ ему удается на-единѣ поговорить съ Васильемъ Лукичемъ.

— Слышалъ я,—говоритъ онъ князю,—что Дмитрій Голицынъ желаетъ учинить наслѣдницею цесаревну Елисавету. Если же это сдѣлается, то вы сами знаете, какъ будетъ неприятно двору нашему. Я дамъ вамъ, если слову моему не вѣрите, письменное въ этомъ удостовѣреніе, вы можете показать его кому хотите.

— Теперь, слава Богу, оспа высыпала,—отвѣчалъ Василій Лукичъ,—и есть большая надежда, что Императоръ выздоровѣетъ. Но еслибъ онъ и умеръ, успокойтесь, ужъ приняты мѣры, чтобы потомки Екатерины не взошли на престолъ. Такъ и напишите двору своему объ этомъ дѣлѣ—несомнѣнно.

Но Вестфаленъ въ тотъ же день все же прислалъ князю свое письменное заявленіе. Вотъ что писалъ онъ:

„Слухи носятъ, что Его Величество очень боленъ и если престолъ Россійскій достанется Гольштинскому принцу, то нашему Датскому Королевству съ Россією дружбы имѣть нельзя. Обрученная невѣста изъ вашей

фамиліи и можно удержать престолъ за нею, какъ Меншиковъ и Толстой удержали престолъ за Екатериной Алексѣевной. По знатности вашей фамиліи, вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и права имѣете“.

Князь Василій Лукичъ пріѣхалъ съ этимъ заявленіемъ въ домъ Алексѣя Григорьевича и прочелъ его въ кругу собравшихся родныхъ. Но разсуждать теперь не стали, такъ какъ изъ дворца вернулся князь Иванъ съ радостнымъ лицомъ и извѣстіемъ, что государю гораздо лучше.

А въ это время нѣсколько экипажей стояли у ограды монастыря Новодѣвичьяго. Нашлись люди, вспомнившіе старую царицу и поспѣшавшіе къ ней извѣстить ее о серьезной болѣзни внука и въ то же время напомнить ей, что она законная супруга Императора Петра Великаго. Ихъ экипажи были замѣчены многими и скоро поднялся говоръ о томъ, что есть еще третья партія—старой царицы Евдокии Феодоровны. Вотъ она, та минута, о которой не разъ думала въ томительные послѣдніе дни инокиня Елена: „внукъ умираетъ!“ Загубили-таки его. Нашлись люди, пріѣхали къ ней извѣстить, шепнуть, что наступило и ея время. Да, она должна теперь, наконецъ, поднять свой голосъ. Загнанная, забитая, измученная старуха—завтра можетъ быть Русской Императрицей!“ Загорѣлись глаза ея, сильно застучало сердце. Поднялась она, опираясь на свой посохъ, но вдругъ почувствовала, что все пришло слишкомъ поздно и что теперь ей ничего не нужно: всеѣмъ стара она, одолѣла старость, одолѣли лихія болѣзни, одолѣло великое горе цѣлой жизни. Нѣтъ, не подняться ей, не суждено быть Императрицей. Пройдетъ, быть можетъ, нѣсколько дней и не короновать, а погребать ее стануть.

Но все же она заторопилась во дворецъ ѣхать, извѣстить внука, а когда пріѣхала, когда ввели ее подъ руки въ покои, близкіе къ императорской спальнѣ, вышедшій отъ Петра докторъ сказалъ ей, что больному стало хуже и что теперь никакъ нельзя его видѣть. За докторомъ выбѣжалъ и Алексѣй Долгорукій и спѣшно уѣхалъ къ себѣ домой. Сейчасъ же послалъ онъ гонцевъ за родственниками, чтобы съѣзжались какъ можно скорѣе. Блѣденъ былъ Алексѣй Григорьевичъ, ноги его подкашивались, видѣлъ онъ, что страшный часъ пришелъ: теперь или величіе, или неминуемая поги-

бель. Все нужно сдѣлать, все испробовать! Въ головѣ стараго князя одни за другими роились планы и мысли. Онъ еще не унывалъ духомъ, но ослабѣлъ тѣлесно: не могъ совсѣмъ на ногахъ стоять, легъ въ постель. Въ спальнѣ своей и принялъ онъ родственниковъ. Вотъ всѣ съѣхались.

— Что, что такое!

— Императоръ боленъ, худа надежда, чтобъ живъ былъ, надобно выбирать наслѣдниковъ, проговорилъ князь Алексѣй, едва ворочая языкомъ.

— Кого же вы въ наслѣдники выбирать думаете? спросилъ Василий Лукичъ.

— Вотъ она, указалъ пальцемъ на верхъ Алексѣй Григорьевичъ.

И взгляды всѣхъ инстинктивно обратились къ верху, какъ будто сквозъ потолокъ можно было видѣть княжну Катерину Алексѣевну, которая жила тамъ, въ верхнемъ помѣщеніи. И всѣ молчали. Но вотъ князь Сергѣй Григорьевичъ прервалъ это молчаніе.

— Нельзя-ли написать духовную, будто Его Императорское Величество учинилъ ее наслѣдницею?

— Эхъ, не ладное дѣло вы затѣваете, — наконецъ поднявъ свой голосъ фельдмаршалъ Василий Владиміровичъ, — гдѣ это видано, чтобъ обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наслѣдницею! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Не токмо посторонніе, но и я и прочіе изъ нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ. Княжна Катерина съ Государемъ не вѣнчана.

Алексѣй Григорьевичъ бѣшено взглянулъ на него.

— Хоть не вѣнчалась, да обручалась, проговорилъ онъ.

— Что-жъ такое, — отвѣчалъ даже не взглянувъ на него фельдмаршалъ, — вѣнчанье иное, а обрученье иное. Да еслибы она за Государемъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы въ учиненіи ее наслѣдницею не безъ сомнѣнія было.

„Это еще что, отчаянно подумалъ Алексѣй Григорьевичъ, ужъ и въ роднѣ несогласіе! Но развѣ можно допустить это?“

— Послушайте, други мои, — обратился онъ ко всѣмъ, — все сдѣлать можно, стоитъ только хорошенько приняться за дѣло, и успѣхъ у насъ будетъ. Мы уговоримъ графа Головкина и князя Дмитрія Михайловича Голицына. А если они заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить. Ты Василий Владиміровичъ въ Преображенскомъ полку подполковникомъ, а князь Иванъ — майоръ, и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому.

Но Василий Владиміровичъ, изъ всѣхъ Долгорукихъ остававшійся хладнокровнымъ и спокойнымъ, не могъ съ этимъ согласиться.

— Что вы ребячье врете, кричалъ онъ, какъ тому можно сдѣлаться и какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ будутъ не только меня бранить но и убьютъ навѣрное.

И не дожидаясь дальнѣйшаго, Василий Владиміровичъ уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ, княземъ Михайлою.

— Туда вамъ и дорога! трясаясь отъ бѣшенства и ужаса прошипѣлъ имъ вслѣдъ Алексѣй Григорьевичъ. И безъ васъ дѣло сдѣлаемъ. Выручи, Василий Лукичъ, придумай что нибудь, ради Бога!

Князь Василий Лукичъ сѣлъ у камина передъ маленькимъ столикомъ, взялъ листъ бумаги и чернильницу и началъ писать духовную. Но скоро онъ остановился и разорвалъ бумагу.

— Моей руки письмо худо, кто бы лучше написалъ? сказалъ онъ.

Писать вызвался Сергѣй Григорьевичъ, только просилъ, чтобы диктовали ему Василий Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Скоро послѣли два экземпляра.

Въ это время въ спальню отца вошелъ князь Иванъ, прямо отъ Императора, съ опухшими отъ слезъ гла-

зами, весь даже растрепанный. Онъ сѣлъ на стулъ и поглядѣлъ на всѣхъ въ полномъ отчаяннѣи.

— Иванъ! обратился къ нему отецъ, — еще разъ умоляю тебя, помоги намъ. О своей головѣ хоть подумай. Вѣдь, если не уладимъ дѣло, всѣ мы погибли, мало что-ли враговъ у насъ, лютаа смерть ждетъ, подумай!

Князь Иванъ молчалъ.

— Или ты ума-разума лишился?! тѣмъ же отчаяннымъ, умоляющимъ голосомъ, продолжалъ отецъ. Ну, насъ не жалѣешь, себя не жалѣешь, такъ пожалѣй хоть невѣсту свою, Наталью Борисовну. Она тебя любитъ пуще жизни, зачѣмъ же ей ты готовишь гибель?

Князь Иванъ вздрогнулъ. Нашелъ отецъ чѣмъ вывести его изъ неподвижности.

— Да, едва слышно прошепталъ онъ, да, ради нея на все готовъ, все сдѣлаю. Ну, что вы тутъ — духовную пишите — такъ я подпишусь. Не разъ съ Государемъ въ шутку писывалъ, умѣю подъ его руку подписываться, такъ что никто и не распознаетъ.

— И онъ дрожащей рукой схватилъ перо и написалъ „Петръ“.

Всѣ кинулись къ бумагѣ и въ одинъ голосъ рѣшили, что очень похоже. Положили, чтобъ Иванъ и подписался подъ духовную, если Государь, за тяжкою его болѣзнью, подписаться не будетъ въ силахъ.

XIII.

— Господи, что съ тобою? голубчикъ мой, радость моя, ты какъ смерть блѣднѣешь! — такъ говорила, испуганно вглядываясь въ жениха, только что пріѣхавшаго къ ней, Наталья Борисовна Шереметева.

Онъ наклонился къ плечу ея и зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Государь умираетъ! едва смогла она разслышать его отчаянный шепотъ.

Да быть же этого не можетъ, ужъ не ослышалась ли она, точно ли онъ сказалъ это: государь умираетъ! Еще вчера извѣщалъ ее Иванъ Алексѣевичъ, что Государю совсѣмъ лучше и она было успокоилась, прогнала отъ себя всѣ мрачныя мысли. И вотъ Государь умираетъ...

— Иванушка, такъ-ли это? Неужели нѣтъ надежды? Вѣдь докторамъ нельзя вѣрять, вотъ въ позапрошломъ году я тоже была больна сильно: всѣхъ докторовъ съ Москвы созвали и всѣ сказали, что умру непременно — а вотъ выздоровѣла. Можетъ и теперь такъ оно будетъ, помируетъ насъ Господь, дастъ Государю здоровье.

— Нѣтъ, Наташа, родная моя, не утѣшай ты меня, совсѣмъ ему плохо. Только на секундочку и пріѣхалъ взглянуть на тебя, поплакать съ тобой. Сейчасъ къ нему возвращаюсь, боюсь, въ живыхъ застану ли...

Онъ говорилъ это такимъ безнадежнымъ голосомъ. Онъ такъ измученно, такъ страшно смотрѣлъ на нее, она поняла, что онъ не ошибается. Чтось это такое — еще такъ недавно, сейчасъ еще было счастье, ни о чемъ страшномъ не думала молодая невѣста, сейчасъ еще вся жизнь казалась такою радостною, впереди только свѣтъ былъ. И вотъ какъ скоро ночь пришла страшная, ночь непроглядная. Разрывается ея сердце на милаго человѣка глядя, понимаетъ она его всѣ муки, его боль душевную.

Ахъ, какъ судьба къ ней немилостива! Долго ли счастье длилось, и вотъ она сочла, сколько длилось это счастье и вышло двадцать три дня съ половиною. Чѣмъ ей утѣшить теперь князя Ивана? Нечѣмъ, нѣтъ словъ такихъ у нея, она можетъ только ласкать его, можетъ только прижимать его къ своему сердцу и плакать съ нимъ вмѣстѣ. И она плачетъ и цѣлуетъ его.

— Но поѣзжай, поѣзжай скорѣе, говоритъ она, я не держу тебя, — поѣзжай скорѣе — тутъ еще больше мучаешься. Можетъ и полегчаетъ Государю. А я хоть бу-

ду молиться какъ только умѣю, авось дойдетъ до Бога и моя грѣшная молитва.

— Да, молись, Наташа, молись! глухимъ голосомъ проговорилъ князь Иванъ. Да только нѣтъ, Господь Богъ не смилосердится надъ нами:—давно мы всё заслужили гнѣвъ Его,—возьметъ онъ къ себѣ эту чистую душу,

— Ахъ, Наташа, теперь всё вины мои стоятъ передо мною. Нѣтъ такого наказанія страшнаго, нѣтъ такой пытки ужасной, не выдумали люди такую пытку, которую я заслуживаю. Все теперь помню, все, въ чемъ повиненъ былъ передъ Государемъ. Многому дурному научилъ я его во дни моего неразумія, во дни моего окаянства.

Государственный канцлеръ Германской имперіи князь Висмаркъ-Шенгаузенъ. Граф. О. Ротъ.

нами окаянными погубленную. А намъ, намъ остается тяжкая кара и здѣсь на землѣ, и на небѣ.

Не могла слушать рѣчей этихъ Наталья Борисовна, зачѣмъ онъ и себя съ ними равняетъ и себя къ нимъ причисляетъ. Онъ—и они, что мракъ преисподней—и свѣтлое небо.

— Да, вѣдь это же давно было, прервала его Наталья Борисовна,—вѣдь ты теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался, вѣдь, знаю я, что, кромѣ добрыхъ совѣтовъ, ничего не слышалъ отъ тебя Императоръ.

— Да что эти добрые совѣты были поздно взялся я за разумъ, голову снялъ, да о волосахъ сталъ пла-

каться. Нѣтъ, Наташа, ждетъ меня кара, и я самъ пойду на нее.

И вдругъ онъ отшатнулся отъ Натальи. онъ съ ужасомъ взглянулъ на нее и схватилъ себя за голову.

— А предъ тобой-то, предъ тобой-то какъ я виновень! зачѣмъ я погубилъ тебя-то, зачѣмъ связалъ твою свѣтлую жизнь съ моей безпутной, черной жизнью?! Наташа, слушай меня, слушай, торжественно, передъ Богомъ заклинаю тебя! Уйди отъ меня! Оставь

на него съ мукой и любовью. Ты отъ меня отказываешься—и ты можешь отъ меня отказаться? Ну, хорошо, отказывайся, если меня не любишь—да я то не откажусь отъ тебя! Никто, никакая сила человѣческая тебя отъ меня не отниметъ теперь. Ты мой, слышишь? ты мой, на всю жизнь! На счастье, на муки, на радость и горе, всюду, всюду пойду я за тобою. Отказывайся, бѣги отъ меня.—Я настигну тебя гдѣ бы ты ни былъ. Достану тебя на глубинѣ моря, всюду достану.

При Пловнѣ. Драгунъ съ турецкимъ знаменемъ. По наброску нашего корреспондента, рис. Н. Каразинъ.

меня! Я отказываюсь отъ тебя! Слышишь, отказываюсь. Ты мнѣ больше не невѣста! Я не загрязню тебя, я не заставлю тебя идти за мною въ мое страшное будущее. Слышишь, Наташа, я отъ тебя отказываюсь!..

И онъ все дрожалъ, онъ смотрѣлъ на нее, какъ помѣшанный.

Она схватилась за сердце; она крикнула отчаяннымъ голосомъ и кинулась ему на шею.

— Ты отъ меня отказываешься?! говорила она, глядя

на него съ мукой и любовью. Ты отъ меня отказываешься—и ты можешь отъ меня отказаться? Ну, хорошо, отказывайся, если меня не любишь—да я то не откажусь отъ тебя! Никто, никакая сила человѣческая тебя отъ меня не отниметъ теперь. Ты мой, слышишь? ты мой, на всю жизнь! На счастье, на муки, на радость и горе, всюду, всюду пойду я за тобою. Отказывайся, бѣги отъ меня.—Я настигну тебя гдѣ бы ты ни былъ. Достану тебя на глубинѣ моря, всюду достану.

И она крѣико, крѣико его поцѣловала. Она перекрестила его, благословила, убѣжала къ себѣ въ спальню, заперла на ключъ дверь и стала горячо молиться.

Себя не помня, прѣхалъ Иванъ Алексѣевичъ во дворецъ и кинулся къ спальнѣ Императора.

— Что онъ, что?

— Взгляни—ужь безъ памяти, прошепталъ въ отвѣтъ ему Алексѣй Григорьевичъ, не отходившій отъ кровати Петра.

Императоръ дѣйствительно лежалъ безъ памяти. Онъ метался, воспаленные глаза его глядѣли на присутствующихъ и никого не видѣли.

— Чтожь онъ? говорилъ онъ чтонибудь? Звалъ когонибудь? спрашивалъ князь Иванъ.

— Зоветь Андрея Ивановича, да не знаю я пускать ли? Пускать не слѣдуетъ.

— Какъ? И теперь, и теперь еще его мучить! Ктонибудь!—скорѣе зовите барона Остермана! обратился Иванъ Алексѣевичъ къ окружающимъ.

Никто не шевельнулся. Тогда самъ князь Иванъ отворилъ двери и позвалъ барона.

— Андрей Ивановичъ, гдѣ ты? раздался слабый голосъ Императора.

— Здѣсь я, здѣсь, Государь. Здѣсь... или ты меня не видишь?

— Кто говоритъ это? это не твой голосъ, Андрей Ивановичъ, тебя нѣту, приди же ко мнѣ, тебя не пускаютъ, тебя у меня отняли. Гдѣ ты, Андрей Ивановичъ?

И тщетно Остерманъ старался увѣрить больного, что онъ здѣсь, тщетно бралъ его за руку—Императоръ смотрѣлъ на него, но ничего не видѣлъ. Вотъ онъ совсѣмъ замолчалъ. Всѣ притаили дыханье... „можетъ заснетъ.“ Но это былъ не сонъ, а забытье тяжкое. Наступило безсилье и долго длилось оно.

Полночь давно пробило. Вотъ еще часъ прошелъ—все недвижимъ Императоръ.

— Иванушка, ты здѣсь? наконецъ раздался опять слабый голосъ, поди ко мнѣ поближе, или нѣтъ, остановись, встань только такъ, чтобы я могъ тебя видѣть. Не подходи ко мнѣ—вѣдь у меня оспа, я могу заразить тебя. Ахъ, страшно вѣдь это! Подальше уйди, подальше. Ты долженъ беречь себя—у тебя невеста, вѣдь на лицѣ знаки останутся, подурнибешь ты, князь Иванъ. Послушай я лежалъ вотъ и мнѣ слышалось, что кто-то сказалъ, что будто я совсѣмъ умираю. Иванушка, правдали это?

— Неправда, неправда! едва сдерживая рыданія, говорилъ князь Иванъ. Неправда, Государь, ты выздоровѣешь, потерпи немного...

— Да, я хочу выздоровѣть. Я не хочу теперь умирать. Мнѣ жить хочется, я встану и другимъ сдѣлаюсь. По новому все начнется. А гдѣ она, моя невеста? Прошу что бы ее не впускали да вѣрочемъ и сама не придетъ—побойтся испортить красоту свою. Ну, и хорошо—я не могу ее видѣть! Я не хочу ее видѣть, слышишь Андрей Ивановичъ, не хочу, ни за что не хочу!..

Алексѣй Григорьевичъ, еслибъ только можно было, зажалъ бы ротъ умирающему. „Вѣдь вотъ таки позвали этого Остермана! Теперь вотъ сидитъ и каждое слово въ своей памяти записываетъ. Потомъ изъ всякаго слова сдѣлаетъ исторію; за звукъ одинъ погубитъ насъ сѣумѣтъ“.

И онъ кинулся къ Остерману и ужь не зная, что и придумать, чтобъ только какънибудь удалитъ его изъ спальни.

Но сознание вернулось къ больному.

— Оставь его, Алексѣй Григорьевичъ, строго проговорилъ онъ. Не уходи, будь со мною, Андрей Ивановичъ. А гдѣ Лиза? Ахъ какъ бы хотѣлъ я ее видѣть. Гдѣ Лиза—и ее не пускаютъ?! Пошлите за нею сейчасъ, чтобъ непременно она прѣхала. Я хочу ее видѣть, хочу, слышите! Лиза, гдѣ ты, моя добрая, милая

Лиза! Посмотри, какъ я боленъ, говорятъ, я умираю. Вѣришь-ли ты, что я умираю?

И онъ ждалъ отвѣта, но никто не отвѣчалъ ему—цесаревны не было. Ее рѣшительно не впускали, представляя въ резонъ, что она можетъ заразиться. Но теперь и за нею послалъ Алексѣй Григорьевичъ.

„Къ чему это было не впускать, думалъ онъ,—если и заразится, тѣмъ лучше,—пускай сама заболѣетъ, пускай умретъ, хоть съ этой стороны не будетъ напасти“.

Прошло еще нѣсколько минутъ и снова Императоръ потерялъ сознание... онъ сталъ бредить. Вотъ и сестру вспомнилъ, вотъ ему кажется, что передъ нимъ она, что онъ говоритъ съ нею.

— Наташа, чего ты такъ долго не приходила, зачѣмъ меня одного оставила? А безъ тебя, что было со мной, какія муки, какое горе! Прости меня, Наташа, я грѣшникъ великій, да, я преступилъ свою клятву, тебѣ данную—здѣсь, въ этой ужасной Москвѣ оскался, и вотъ наказалъ меня Богъ! Боленъ я, тяжело мнѣ! Наташа, зачѣмъ ты меня оставила? Наташа, не отворачивайся отъ меня, прости меня. Послушай, не вѣрь имъ, никому не вѣрь, если тебѣ скажутъ, что я люблю ее, что я самъ хотѣлъ всего этого. Не вѣрь, никому не вѣрь—насилъно, противъ моей воли все это сдѣлалось. И все оттого, что тебя не было. Я ждалъ тебя, ждалъ, а ты не приходила...

Волосы дыбомъ становились на головѣ у Алексѣя Григорьевича. Онъ Богъ знаетъ, что бы далъ теперь, чтобы никого, кромѣ него не было въ спальнѣ.

Остерманъ сидѣлъ съ наклоненной головою, отъ всѣхъ пряча лицо свое.

Князь Иванъ ни о чемъ не думалъ, даже, можетъ быть, не понималъ смысла словъ умирающаго своего друга. Онъ только терзался тоскою, только чувствовалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, что еще минута-другая—и все будетъ кончено...

Медленно отворились двери и тихо, едва держась на ногахъ, въ спальню вошла царица Евдокія Феодоровна. Она снова явилась мрачнымъ привидѣніемъ, какъ и тогда, въ послѣднія минуты жизни внучки своей Натальи. И какъ тогда никто не обратилъ на нее вниманія, такъ и теперь тоже. Императоръ уже не могъ ее видѣть.—Онъ о ней не думалъ, а видѣлъ теперь только тѣхъ, кто былъ въ его сердцѣ.

Снова тишина воцарилась въ спальнѣ. Слышно было тяжелое дыханіе умирающаго. Докторъ наклонился надъ нимъ, взялъ его за руку и печально покачалъ головой.

Вдругъ все лицо Петра преобразилось. Съ широко-раскрытыми, блестящими глазами приподнялся онъ съ подушки.

— Иванъ, Иванъ! скорѣй запрягайте сани!—хочу къ сестрѣ ѣхать!..

Онъ хотѣлъ еще сказать что-то, но вмѣсто словъ слышались одни хриплые, непонятные звуки. Онъ къ кому-то простеръ руки и вдругъ упалъ навзничь. Его руки опустились.

XIV.

На другой день рано утромъ въ палатахъ Верховнаго Совѣта назначено было собраніе. Туда съѣхались всѣ сановники, а также и высшее духовенство,

Началось предварительное совѣщаніе о томъ, кого теперь выбрать на престолъ російскій. Всѣ были въ сборѣ, одного Остермана не было: онъ находился при тѣлѣ государя и въ Совѣтъ не поѣхалъ. Многіе уговаривали его, но онъ рѣшительно отказался. И покидать тѣло любимаго монарха нѣтъ у него силы, да и въ Совѣтѣ ему дѣлать нечего—онъ иностранецъ и приметъ общее рѣшеніе.

Но все же рано утромъ надъ тѣломъ царственнаго покойника Остерманъ уже успѣлъ переговорить съ княземъ Дмитріемъ Голицынымъ. Теперь онъ могъ оста-

ваться спокойнымъ, онъ зналъ къ чему будетъ клонить-ся рѣшеніе Верховнаго Совѣта.

Въ Совѣтѣ же былъ шумъ великій и долго никто не могъ понять другъ друга.

Все что говорилось еще наканунѣ про разныхъ партій теперь оказалось вздоромъ—никакихъ партій не было: всѣ явились ни къ чему неприготовленными, пораженными смертью единственнаго внука Петра Великаго, по мужской линіи, и потому все шло въ разбродъ. Сильнѣе всѣхъ и отчаяннѣе говорилъ и требовалъ вниманія князь Алексѣй Долгорукій. Онъ сразу объявилъ что престолъ долженъ принадлежать его дочери, показывалъ всѣмъ завѣщаніе Петра II, но никто не обращалъ на него вниманія.

Еслибъ могъ князь Алексѣй взглянуть теперь вокругъ себя хладнокровно, онъ увидѣлъ бы ясно, что дѣло его проиграно. Въ семьѣ Долгорукихъ единства не было, онъ оставался одинъ съ своимъ подложнымъ письмомъ, на которое никто и глядѣть не хотѣлъ.

Имя царицы Евдокии Ѳеодоровны пронеслось было по собранію, но сейчасъ же и замолкло. Старая, умирающая монахиня—что жъ это будетъ? Царица на два дня а потомъ опять тоже! Цесаревну Елисавету даже какъ будто совсѣмъ позабыли.

Одинъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ упорно молчалъ. Онъ выжидалъ время когда всѣ успокоятся на столько, что станутъ его слушать и вотъ, выбравъ удобную минуту, онъ всталъ со своего мѣста и заговорилъ ровнымъ громкимъ голосомъ о томъ, что домъ Петра I пресѣлся со смертью Петра II и по справедливости необходимо перейти къ старшей линіи, то есть къ линіи царя Ивана Алексѣевича. Старшую дочь его царевну Екатерину выбрать трудно,—она замужемъ за герцогомъ макленбургскимъ, а вторая дочь Анна, герцогиня курляндская—вдова, свободна и одарена всѣми способностями, необходимыми для монархини.

Алексѣй Григорьевичъ кинулся было къ нему, ему хотѣлось задушить его—самъ онъ и не вспомнилъ про бѣдную курляндскую герцогиню и вообразить не могъ, что она явится соперницей его дочери—но князь Алексѣй удержался. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ, какъ всѣ собираются кругомъ Голицына, какъ всѣ кричатъ: „такъ, такъ! конечно, и разсуждать больше нечего! выбираемъ Анну“. Анна, Анна—только и слышалось въ засѣданіи Верховнаго Совѣта.

Вотъ тяжелыя двери растворились и на порогъ залы показалась полная, блѣднолицая фигура барона Андрея Ивановича Остермана.

— И я подаю свой голосъ за герцогиню курляндскую, проговорилъ онъ. У одной у нея, по мнѣнію моему, законное и неоспоримое право владѣть русскимъ престоломъ.

Алексѣя Долгорукаго родственники должны были вывести изъ залы засѣданія—самъ онъ ужъ идти не могъ. Онъ безумно глядѣлъ на всѣхъ и шепталъ слова непонятныя.

А въ это время „разрушенная царская невѣста“ гнала всѣхъ отъ себя, никого къ себѣ не впускала: сидѣла запершись въ своихъ комнатахъ. Какія муки вынесла она, какія мысли прошли въ головѣ ея, никто о томъ не вѣдалъ, да и никто теперь о ней и не думалъ больше. Каждый былъ занятъ своимъ личнымъ горемъ, своими опасеніями и стонъ стоялъ по Москвѣ отъ этого личного горя.

Не избѣгъ его и домъ Шереметевыхъ: въ этомъ домѣ, въ гробу парчевомъ лежала покойница—бабушка Натальи Борисовны.

И не знала бѣдная невѣста Ивана Долгорукаго о чемъ ей больше печалиться, о смерти-ли доброй бабушки или о смерти Императора. Чувало сердце Натальи Борисовны, что бѣды только еще начинаются, что впереди одно горе. Плакала она и стонала день

цѣлый и никто не могъ ее утѣшить. Она хорошо предвидѣла, что не оставятъ теперь въ покоѣ ея друга милаго, что погибъ онъ. Родные ее уговаривали, представляли ей, что она еще человекъ молодой и нечего такъ безразсудно сокрушать себя. Можно этому жениху отказать, если ему худо будетъ, мало ли жениховъ у нея найдется. Но она съ ужасомъ просила родныхъ молчать и не заикаться ей о такомъ позорномъ дѣлѣ; не для славы, богатства и почестей рѣшилась она выйдти за князя Ивана.

— Не могу я согласиться такому безсовѣстному совѣту, твердила она. Одному отдала свое сердце, чтобы жить и умереть вмѣстѣ, а другому ужъ нѣтъ участія въ любви моей. Нѣтъ у меня той привычки, чтобы сегодня любить одного, а завтра другого. И снова она плакала и конца не было слезамъ ея.

„Онъ-то что теперь, онъ-то несчастный какъ мучится, думала она, хотъ бы на минутку его увидеть!“

Но князь Иванъ не показывался: онъ былъ при гробѣ Императора.

Вотъ и день пришелъ страшный. Сейчасъ повезутъ мимо дома Шереметевыхъ Государя. Съ опухшими глазами, измученная, на себя не похожая подошла къ окошку Наталья Борисовна: къ стеклу прильнула и замерла. Видитъ она, по улицѣ ужъ медленно подвигается торжественная процессія. Вотъ проходятъ духовныя особы: множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чина. Потомъ несутъ государственные гербы, кавалерію, ордена разные, ко;оны. Вотъ и гробъ. А передъ гробомъ идетъ князь Иванъ Алексѣевичъ, несетъ на подушкѣ кавалеріи. Двое людей какихъ-то ведутъ его подъ руки, „самъ видно ослабѣлъ совсѣмъ, бѣдный.“ Слезы застилаютъ глаза ея, грудь давитъ отъ рыдавій, но все она смотритъ, не отрываясь смотря на своего несчастнаго друга. Епанча на немъ траурная, предлинная; флѣръ на шляпѣ до земли, волосы распущены, самъ такъ блѣденъ. „Никакой въ немъ нѣтъ живости“.

Вотъ поровнялся онъ съ окномъ, изъ котораго она глядитъ, взглянулъ на нее опухшими отъ слезъ глазами и махнулъ рукою. Все закрылось передъ Натальей Борисовной. Со стономъ упала она на окошко и лишилась чувствъ.

Съ этой минуты кончилась ея прежняя жизнь, веселая жизнь дѣвчьи, кончилось ея счастье мимолетное, началась новая жизнь, страшная, такая страшная, что еслибъ она могла всю ее предвидѣть, молила бы объ одномъ только Бога—взялъ бы Онъ ее поскорѣе.

Вслѣдъ за воцареніемъ Императрицы Анны Иоанновны началось преслѣдованіе мнимыхъ и явныхъ враговъ ея—конечно, прежде всѣхъ, Долгорукихъ. Обвинили ихъ въ томъ, что они небрегли здоровьемъ Государя и были причиною его ранней смерти. И повторилась надъ Долгорукими судьба Меншиковыхъ. По той же дорогѣ пошли они и окончилось ихъ странствіе тяжелыми испытаніями, всякими обидами и мученіемъ, окончилось тѣмъ же далекимъ сибирскимъ островомъ, гдѣ стоялъ домикъ, построенный Александромъ Данилычемъ.

Графиня Наталья Борисовна, не смотря на всѣ мольбы и даже угрозы родныхъ своихъ, не отказалась отъ жениха и всей своей долгой, страдальческой жизнью доказала свѣту, что въ любви вѣрна она. Дальнѣйшая исторія Долгорукихъ можетъ составить предметъ для многихъ разсказовъ, но со смертью Петра II нашъ разсказъ оконченъ. „Разрушенная невѣста“ была причиною окончательной гибели многихъ родныхъ своихъ и въ томъ числѣ брата. Она отомстила имъ, какъ давно о томъ мечтала. Сама она, во все продолженіе царствованія Анны Иоанновны, находилась въ тяжелой ссылке. Но Императрица Елисавета вернула ее въ Россію, окружила прежнимъ блескомъ и вели-

чиёмъ. Катерина Алексѣевна вернулась ко двору постарѣвшею, измѣнившееся, но неизмѣннымъ оставалось ея гордое сердце. Она вышла замужъ за графа Бркса и скоро умерла отъ сильной простуды. Послѣднія слова ея передъ кончиной были: „сожгите всѣ мои платья и наряды, не хочу, чтобъ кто нибудь носилъ ихъ послѣ меня“.

Смутное переходное время русскаго общества, вызваннаго къ новой жизни гениемъ Петра Великаго, создало цѣлый рядъ страшныхъ драмъ. Передъ нами проходятъ вереницы виновныхъ и невинныхъ жертвъ общественнаго разлада, и невольно сжимается сердце, вспоминая судьбу пныхъ чистыхъ и свѣтлыхъ людей безвременно погибшихъ. Среди этихъ образовъ стоитъ и юный Императоръ: природа богато одарила его. Въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ, при другомъ воспитаніи изъ него, можетъ быть, вышелъ бы достойный преемникъ великаго дѣда. Но судьба рѣшила иначе и онъ долженъ былъ погибнуть.

Долгорукіе вполне заслужили свою кару. Одинъ только изъ нихъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, искупилъ всѣ грѣхи своей юности. Строго судить его мы не можемъ. Мы видимъ его впоследствии добрымъ и честнымъ мужемъ, истиннымъ, терпѣливымъ христіаниномъ. Приговоренный къ четвертованію, онъ встрѣтилъ эту страшную казнь съ величайшимъ душевнымъ

спокойствіемъ. Твердымъ голосомъ началъ читать онъ послѣднюю молитву въ то время, какъ отрубили ему руку и кончилъ молиться только тогда, когда голова его отдѣлилась отъ туловища. И его мы должны причислить къ безвиннымъ жертвамъ сграшнаго времени.

Но послѣднее слово наше принадлежитъ жепѣ его, Натальѣ Борпсовнѣ, печальная судьба которой хо-

рошо знакома русскому народу. Она осталась въ памяти народной свѣтлымъ идеаломъ чистой душою женщины, жены, безукоризненной матери и христіанки. Всю жизнь свою терпѣла она горе за горемъ; скончалась въ Кіевѣ монахиней. Послѣднія слова ея, записанныя ею передъ кончиной, были: „Оставшіе по смерти моей пролейте слезы, вспомни мою бѣдственную жизнь. Всякаго христіанина прошу сказать, вспомни меня: слава Богу, что окончилась ея жизнь, не лютятъ ужъ токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея.“

Ея тѣло погребено при самомъ входѣ въ Киевопечерскую Лавру, рядомъ съ гробомъ ея младшаго сына, ранняя смерть котораго была послѣднимъ ея горемъ. Надписи на могильной плитѣ теперь не существуетъ. Много людей проходятъ надъ прахомъ многострадальной женщины, не

зная, что здѣсь ея могила, но ея имя не умереть—оно заслужило безсмертіе.

Всеволодъ Соловьевъ.

К О Н Е Ц Ъ .

Помощь спасательной сѣтки во время пожара. По I. L. N., грав. Рашевскій.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Е .

Тучи.

Тучи скопились на югѣ,
Все потемнѣло кругомъ,
Сыплется рокотомъ взрывовъ
Дальній раскатистый громъ.

* * *

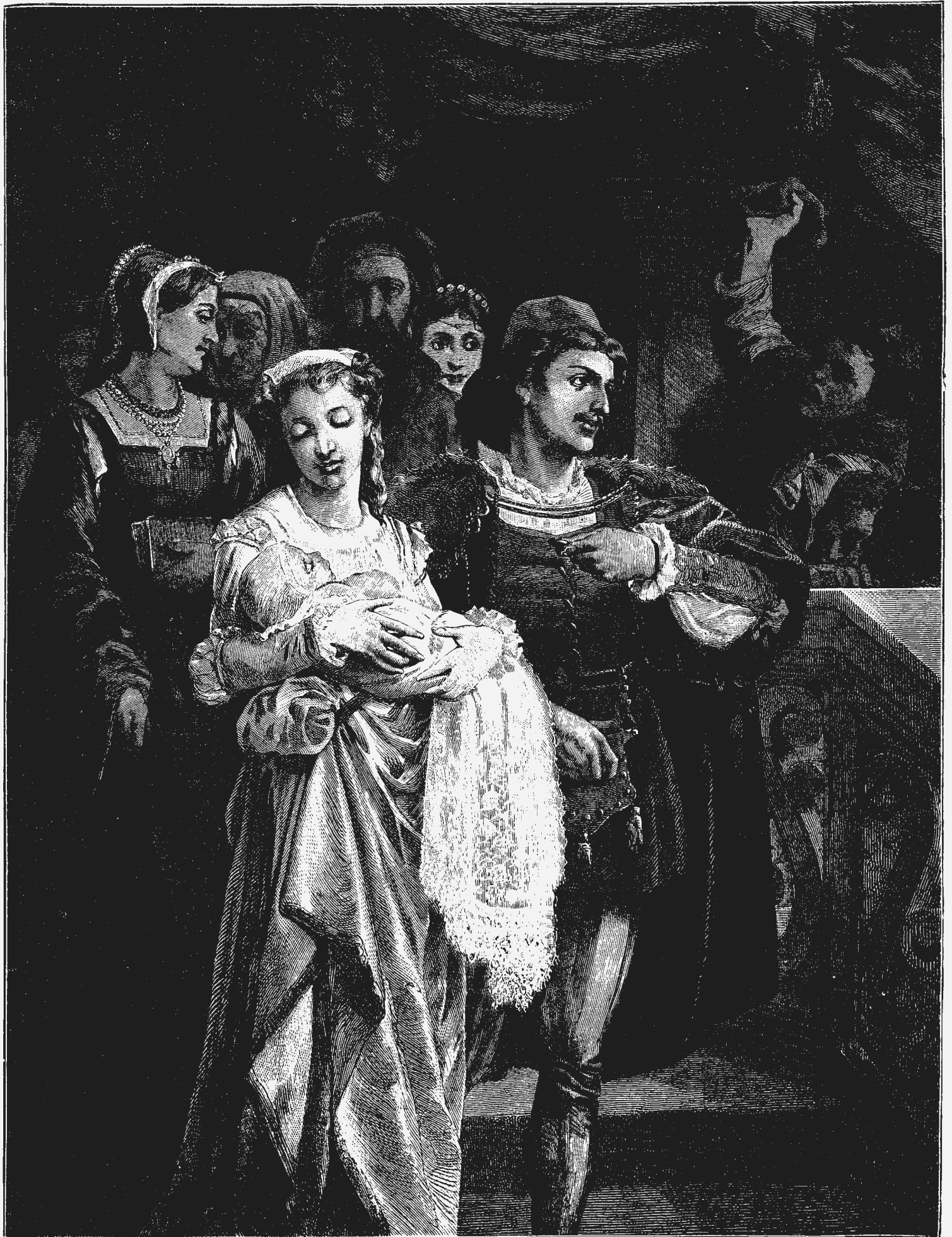
Полно, друзья, не пугайтесь,—
Буря для насъ не страшна:
Лишь благотворной грозой
Здѣсь пронесется она.

И затхлый и душный нашъ воздухъ,
Эта гроза освѣжить,
Зноимъ спаленную землю
Пышной струей напоятъ.

* * *

Было намъ душно—дыханье
Съ болью спиралось въ груди,
Скоро вдохнемъ мы свободно—
Счастье и свѣтъ впереди!

П. Г.—ъ.

Выходъ изъ церкви послѣ крестинъ. (Изъ средне-вѣковой жизни). Картина Мерль, рис. Девисъ, грав. Жонаръ.

КЪ РИСУНКАМЪ.

Князь Бисмаркъ.

Великій государственный человекъ нашего времени, съ именемъ котораго навсегда и нераздѣльно связана новая блестящая эра въ жизни Германіи, дѣятельность котораго имѣетъ связь со всѣми великими современными событіями въ Европѣ—человекъ этотъ князь Бисмаркъ. Уже съ 60-тыхъ годовъ текущаго вѣка имя это сдѣлалось до такой степени популярнымъ, что въ настоящее время знаетъ имя это всякій, даже неграмотный. Будущіе историки XIX вѣка, должны избрать на цѣлыя десятилѣтія, центромъ европейскихъ событий колоссальную и многообъемлющую дѣятельность Бисмарка, для самаго общаго очерка которой потребовалось бы написать цѣлый огромный томъ...

Но какой же характеръ этой дѣятельности? Полезна ли она вообще для блага европейскихъ народовъ или она безразлична для этого блага? Есть ли Бисмаркъ тотъ мощный геній, разрушающій желѣзною рукою то, къ чему всѣ привыкли, и создающій новое, наперекоръ этимъ привычкамъ—или онъ не есть геніальный зодчій, а человекъ традицій, любящій новаго потому только, что оно ново?—Нѣтъ, князь Бисмаркъ ни то, ни другое, или, лучше сказать, онъ представляетъ удивительное гармоническое сочетание изжительнаго и консервативнаго элементовъ. Онъ разбиваетъ и обезсиливаетъ Австрію, принажаетъ недѣльный французскій шовинизмъ, это дряхлое наслѣдіе высокомернаго бонапартизма и, послѣ этихъ геркулесовскихъ подготовительныхъ работъ, создаетъ сильную и единую Германію. Въ этомъ смыслѣ онъ разрушитель стараго и обетпавшаго и вмѣстѣ, энергическій зодчій новаго величественнаго зданія. Но онъ же и консерваторъ въ смыслѣ неизмѣнности союза *трехъ Императоровъ*, въ смыслѣ цѣлесообразности связи и совмѣстности дѣйствій въ восточной политикѣ Россіи, Германіи и Австріи. Въ этомъ смыслѣ политика Бисмарка, или, что тоже, политика Германіи, по восточному вопросу имѣетъ для насъ громадную цѣну. Раздвоенная дуализмомъ Австрія, вѣчно подозрительная, ревниво слѣдящая за нашими успѣхами, не скрывающая радости при нашихъ неудачахъ, конечно, не выдержала бы своего нейтралитета, если бы ее не сдерживала желѣзная рука князя Бисмарка. Въ теченіе настоящей войны, еще миновавшимъ лѣтомъ, Бисмарку неоднократно приходилось всѣми силами доказывать и внушать Австріи, какое громадное значеніе имѣетъ *тройственный* союзъ Императоровъ для самой Австріи, для ея политическаго цемента. Въ концѣ минувшаго лѣта, какъ извѣстно, ходили слухи о *двухъ* союзахъ государствъ, имѣющихъ возникнуть въ Европѣ и вступить между собою въ ожесточенную борьбу—о союзахъ англо-французско-австрійскомъ съ одной стороны, и русско-германскомъ съ другой. Если, дѣйствительно, европейская борьба грозила усложнить нашу сепаратную войну съ Турціей, — и если этого не случилось, то, конечно, Европа этимъ обязана проникательному и глубокому уму Бисмарка, умѣвшему отгадать опасность. Мы говоримъ: Европа обязана Бисмарку—это потому, что европейская борьба была бы весьма не кстати и не дала бы никакихъ результатовъ въ смыслѣ прочнаго разрѣшенія восточнаго вопроса, а была бы вредна для самой Европы. До сихъ поръ мы видимъ, что успѣлія Бисмарка достигли результатовъ и Австро-Венгрія не отступаетъ и, судя по недавнимъ рѣчамъ графа Андраши, даже не намѣрена отступить отъ тройственнаго союза. Правда, ескъ извѣстія, съ другой стороны, что Германія занята теперь укрѣпленіемъ и улучшеніемъ пограничныхъ съ Франціей крѣпостей. Эта можетъ быть иная комбинація, неизмѣющая ни чего общаго съ расторгненіемъ тройственнаго союза. Новая борьба Германіи съ Франціей неизбежна. Ее можетъ ускорить ожидаемая смерть Папы и имѣющая возникнуть съ еще большимъ ожесточеніемъ борьба между іезуитскимъ католицизмомъ и клерикализмомъ и новымъ строемъ германскихъ государствъ, созданнымъ Бисмаркомъ. Въ этой комбинаціи борьбы наша война съ Турціей за освобожденіе нашихъ братьевъ отъ ига, разумѣется, ни причеиъ. Развѣ только французскій клерикализмъ впускаетъ насъ въ борьбу противъ союза англо-французско-австрійскаго; но въ такомъ случаѣ смѣло можно сказать, что наше неизмѣнною союзницею въ этой борьбѣ будетъ Германія. Пока живъ великій государственный человекъ, каковъ Бисмаркъ, политика Германіи относительно насъ и относительно восточнаго вопроса не измѣнится. Да и по смерти Бисмарка Германіи надолго не будетъ причины отрѣшаться отъ политическихъ традицій своего великаго канцлера.

Генераль Скобелевъ въ редутахъ подѣ Плевной.

О храбрости и неустрашимости генерала Скобелева передавали мы уже не мало рассказовъ. Въ рассказахъ этихъ генераль Скобелевъ является, такъ сказать, лицомъ легендарнымъ; и понятно, что такая удивительная отвага, при необыкновенномъ счастьи оставаться невредимымъ среди сильнѣйшаго огня, не могла не придать личности генерала Скобелева нѣчто совершенно выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Недавно и турки называютъ его „бѣлый шайтанъ“, а по-турецки

шайтанъ есть представитель нечистой силы. Въ рядахъ окружающихъ его войскъ, т. е. собственно въ массѣ солдатъ, генераль Скобелевъ считается заговореннымъ отъ смерти. Солдаты, видя, какъ генераль остается невредимымъ среди падающихъ вокругъ его вражескихъ пуль и гранатъ, должны были, по свойствамъ склада народныхъ понятій, объяснить себѣ эту невредимость какою нибудь чудесною силой, полученной отъ какого нибудь „вѣщаго старца“.

И въ самомъ дѣлѣ, даже не только въ глазахъ простаго темнаго человека, но и въ глазахъ кого бы то ни было другого, такая „заговоренность“ отъ смерти не поддается объясненію. Первое его объясненіе со стороны людей скорыхъ и бойкихъ на всякія разгадки—это конечно бездоказательныя слова: „случайность, молъ, и больше ничего“. Но это слово далеко не удовлетворяетъ человекъ, болѣе или менѣе свободаго „отъ скорыхъ и бойкихъ рѣшеній“.

Рисунокъ, помѣщаемый въ этомъ номерѣ даетъ понятіе о томъ, какъ высокоуважаемый генераль Скобелевъ проводитъ ночи въ редутахъ подѣ Плевной, и та заботливость, съ какою онъ относится къ своему дѣлу, не жалѣя ни силъ, ни здоровья, ни покоя. Конечно, онъ заслуживаетъ той славы, похвалъ, удивленія и благодарности, какія сопровождаютъ во всѣхъ концахъ нашего отечества имя генерала Скобелева.

Другой рисунокъ, относящійся къ той же славной для нашего оружія плевенской порѣ, касается уже того времени, когда турецкія знамена оказались въ русскихъ рукахъ.

СПАСАТЕЛЬНАЯ СѢТКА.

По поводу этого рисунка приходится замѣтить, что какъ часто незначительныя и вовсе немногосложныя приспособленія могутъ быть въ высшей степени полезны, оказывая помощь не только въ обыденной жизни людей, но даже въ спасеніи ихъ отъ смерти.

Примѣръ у насъ предъ глазами. Въ домѣ пожаръ: пламя мгновенно распространилось, и не успѣли выбѣжать изъ комнаты, какъ деревянныя лѣстницы были уже имъ охвачены. Какъ спастись людямъ? Бросаться съ верхнихъ этажей внизъ—та же смерть, только другого рода. Вотъ здѣсь-то и оказывается помощь незначительная по видимому вещь, именно веревочная сѣтка. Нѣсколько человекъ пожарныхъ раскидываютъ ее тамъ, гдѣ въ ней оказывается надобность, укрѣпляютъ, какъ показано на рисункѣ, и, благодаря этому, человекъ (на сей разъ и не одинъ, а нѣсколько) спасается отъ смерти.

Выходъ изъ церкви.

Эта мастерски написанная картинка выхвачена изъ жизни добраго стараго времени въ какомъ нибудь скромномъ уголкѣ мечтательной, идеальной Германіи. Радостная, нарядная толпа спускается по массивной лѣстницѣ стариннаго, готическаго храма. На первомъ планѣ шествуетъ юная, прелестная чета: молодая женщина несетъ на рукахъ ребенка и съ неподдѣльнымъ восторгомъ любуется этимъ, вѣроятно первымъ залогомъ супружескаго счастья, а слѣдомъ за ней выступаетъ красивая, энергичная фигура молодого человекъ, слушающаго съ веселой улыбочкой привѣтствія и поздравленія стоящей на паперти толпы и бросающаго ей деньги, вѣроятно для того, чтобы пожеланіямъ новорожденному всевозможныхъ благъ не было конца и чтобы народный гулъ былъ также звонокъ, какъ вызывающее его золото. Нечего и говорить что главный виновникъ всего этого шума и суматохи—то маленькое существо, которое тихо покоится на рукахъ молодой женщины, убавканное гармоническими звуками церковнаго органа и утомленнаго дѣлою массою новыхъ, неиспытанныхъ впечатлѣній, выпавшихъ въ этотъ знаменательный день на долю его слабаго, едва сложившагоса организма. Всѣ эти громкіе крики и лестныя оваціи нисколько не тревожатъ его безмятежнаго, глубокого сна, и только радостно заставляютъ биться сердца счастливыхъ родителей, которые уже въ этомъ маленькомъ человекѣ мысленно видятъ цѣльную, вполне сформированную личность храбраго рыцаря, честнаго, энергичнаго гражданина, подпору ихъ старости, гордость ихъ рода. Эти розовыя надежды, эти далекія мечты явственно блещутъ въ ихъ взорахъ; но видимо въ нихъ принимаютъ участіе и окружающіе ихъ родственники и та разношерстная толпа простодушныхъ, которая пришла поздравлять на радость счастливыхъ господъ. Повсюду слышатся говоръ, веселый смѣхъ, радостные возгласы—и невольно приходятъ на умъ полныя прелестной таинственности, стихи великаго германскаго поэта:

„Веселый звонъ святого пира
Встрѣчаетъ милое дитя,
Когда оно въ объятыхъ мира
Вступаетъ въ область бытія.
Покуда жребій неизбѣжный
Почіетъ въ мглѣ грядущихъ лѣтъ.
„Лелѣетъ мать съ заботой вѣжной
Златой младенчества разсвѣтъ“.

(Шиллеръ. „Письмо о колоколу“).

По Невскому до Знаменья.

(Уличные сцены къ рисунку акад. Соколова).

— Пожалуйте, пожалуйста! Сейчас отправляется... Пожалуйте! Господа, когда вы еще вагоновъ-то конножелѣзныхъ дождетесь, а у насъ ужъ готово—сейчасъ ѣдемъ...

— Пожалуйте къ намъ, у насъ сани, прятнѣе ѣхать, чѣмъ на вагонѣ-съ.

Всѣ эти предложенія такъ и сыплются изъ устъ молодого парня кондуктора, забѣгающаго взадъ и впередъ огромныхъ пустыхъ саней, запряженныхъ четверкой несчастныхъ влячь. Онъ размахиваетъ руками, точно желаетъ ими словить пассажировъ въ свои сани.

Пусто около саней. Одиноко торчатъ онѣ на углу Адмиралтейской площади. Вотъ, казись, кто-то намѣревается сѣсть въ сани, но прошелъ мимо. Кондукторъ, проводивъ его злобнымъ взглядомъ, еще неустовѣ начинаетъ свои зазыванья.

— Сейчасъ ѣдемъ... Пожалуйте.

Наконецъ, пыхты и охая, влѣзаетъ въ сани старушка. Изъ глубины капора, покрывающаго ея голову, видѣется только одинъ носъ, а изъ-за поль бѣднаго салона—неизбѣжный сакъ-воляжь.

— Поди, когда еще поѣдешь-то! Вишь никого у тебя нѣтъ, замѣчаетъ она.

— Сейчасъ... сейчасъ ѣдемъ! Произносить онъ наскоро, по привычкѣ къ этой фразѣ, и бѣжитъ опять за поисками пассажировъ.

— За старухой въ сани сѣла дѣвушка съ картонками.

Опять кондукторъ бессознательно лепечетъ: „сейчасъ, сейчасъ“, и опять бѣжитъ отъ саней.

— Пожалуйте, господа, пожалуйста—сейчасъ ѣдемъ...

Мало по малу однако сани начинаютъ наполняться и ужъ человѣкъ пять смиренно посвѣживаютъ, обнаруживая замѣчательное терпѣнiе.

Проходитъ мимо купецъ „изъ сбреньскихъ“ съ женой.

— Сядемъ, Иванъ Ивановичъ, на сани-то. Сейчасъ, слышь ты, пойдеть...

— Толкуй! нехотя отвѣчаетъ мужъ: извѣстно—вреть...

— Сейча—а—съ... Сейчасъ... Пожалуйте...

Купецъ однако останавливается, осматриваетъ внимательнымъ взглядомъ сани и глубоко почему-то вздыхаетъ.

— Ну, ладно... Нечего дѣлать. Полѣзай, Пелагея Петровна, а я за тобой.

Супруга сѣла. Купецъ все еще стоялъ около саней и осматривалъ ихъ съ одного конца до другого.

— Когда, ежели полно, и ежели, теперича, свѣситъ—пудовъ за сотню, чай, перевалитъ.

На его замѣчанiе никто изъ сидѣвшихъ въ саняхъ не отвѣтилъ.

— А можетъ и всѣ полтора на считашь, заключилъ онъ, садясь рядомъ съ женой.

— Тяжело... Иванъ Ивановичъ,—замѣчаетъ жена,—только каковы кони-то... Въ прошедшій разъ на мосту, ихня же сани были, такъ конь околѣлъ ушамши...

Помолчали немного, повздыхали, посмотрѣли по сторонамъ. Купецъ оказался не въ достаточной степени выносливымъ въ сравненiи съ другими пассажирами. Его видимо, смущало и стократное „сейчасъ“, и суетливое бѣганье кондуктора отъ саней на уголь улицы, отъ угла улицы къ санямъ и опять отъ саней.

— Ну что же ты, братъ: „сейчасъ, сейчасъ“, а замѣсто того одинъ обманъ... ворчить онъ сердито.

— Сейчасъ, сейчасъ... Вотъ господинъ офицеръ еще сядетъ! кричитъ кондукторъ, забѣгая въ сторону. Пожалуйте-съ! сейчасъ отправляемся.

Старый служака въ башлыкѣ на головѣ, въ длинной смятой шинели, дѣйствительно направляется къ санямъ; за нимъ суетливо плетется старичекъ-священникъ.

— Предполагать надобно, не будетъ замедленiя, замѣчаетъ онъ, садясь въ сани.

— Сейчасъ, сейчасъ.

— Дозвольте обезпокоить,—обращается священникъ къ купцу, усаживаясь—нѣсколько тѣсновато...

— Да, пространство не то, чтобы тово... Потѣсимся, что дѣлать...

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... хе... хе...

Усѣся и батюшка, перекинулся еще двумя-тремя словами съ купцомъ „о пространствѣ“ саней и еще добродушно хихикнулъ, а сани все еще стоятъ на одномъ мѣстѣ и кондукторъ по прежнему суетливо зазывалъ пассажировъ.

— Охъ ты, Господи милосердый! вздыхаетъ старуха.

— Да, не поспѣваютъ здѣсь, долготерпѣнiю научаютъ, вставляютъ батюшка.

Молодая дѣвушка нетерпѣливо поправляетъ свои картонки.

— Ты, любезный, знай свое дѣло—отправляй сани-то! Ты понапрасну словъ не трать,—говоритъ военный... Этихъ сейчасъ мы отъ тебя наслушались. Если не поѣдешь, такъ всѣ выйдемъ.

— Сейчасъ, ваше благородiе. Зачѣмъ же выходить!.. Вотъ еще пассажиръ идетъ... Пожалуйте...

— Ну! Трогай! кричитъ наконецъ кондукторъ возницѣ на козлахъ.

Лошади взялись, но не скоро сдвинули тяжелыя сани по скверной дорогѣ, покрытой не то снѣгомъ, не то землей... Возница шедро размышалъ ударами, кондукторъ не садился и взялся за борты саней, точно хотѣлъ помочь этимъ лошадямъ. Мало по малу, однакожъ, кони одолѣли и побѣждали маленькою рысцекъ, снотываясь своими слабыми отъ усталости и изнеможения ногами.

Кондукторъ вскопчилъ на подножку.

Пассажиры поуспокоились; начались разговоры.

— А скажите пожалуйста,—обратился батюшка къ военному,—какъ это теперь Плевна... Османъ-паша, напирѣтъ?

— Ура! Плевна наша! вставляетъ фабричный.

— Что-жъ Плевна? Плевну мы взяли,—отвѣчаетъ военный,—Османа-пашу пришлютъ въ Россiю.

— Я слышала, въ Суздаль, вмѣшивается барыня...

— Самое бы лучшее его послать въ Соловецкiй къ инокамъ, замѣчаетъ кто-то,—что бы не убѣжалъ отсюда... Живо бы въ нашу вѣру перешелъ.

— Нѣтъ, ужъ вы бы лучше его къ намъ въ департаментъ,—говоритъ старый чиновникъ, бумаги бы его переписывать заставить. Пускай бы его... Какъ онъ нашихъ морилъ, да мучилъ.

— Онъ храбрый генералъ. Самъ Государь ему саблю отдалъ.

— Говорятъ, будто ему домъ въ Петербургѣ построить, говорить дѣвушка съ картонками.

— Стой! Стой!—кричитъ кондукторъ, соскакивая съ саней.

Сани остановились. Сѣлъ новый пассажиръ.

— Пошелъ! scomандовалъ кондукторъ. Ну! Ну!—Опять кони съ тѣмъ же трудомъ, какъ и раньше, сдвинули съ мѣста сани. Кондукторъ опять шелъ нѣсколько времени за санями.

— Безпокойство ѣхать въ этихъ саняхъ, замѣчаетъ кто-то.

— И тѣснота, и едва тащиться... подтверждаютъ на замѣчанiе. — А скажите пожалуйста,—начинаетъ снова багюшка, обращаясь къ военному, что это сообщаютъ, напирѣтъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, якобы значительную храбрость обнаруживаютъ гренадеры...

— Да—а... Войско храброе...

Священникъ протягиваетъ многозначительное „а—а“ и, помолчавъ нѣкоторое время, снова спрашиваетъ.

— А позвольте освѣдомиться, напирѣтъ, какъ они... на счетъ роста... Велики собою?

— Да—а... Народъ крупный...

— Та—а—къ-съ! протягиваетъ священникъ и опять, помолчавъ, добавляетъ.

— Любопытно бы видѣть...

— Вы прiѣзжiй...

— Да-съ... Я только нѣсколько дней какъ прибылъ по дѣламъ, собственно въ консисторiю. Обстоятельства, изволите видѣть, до нѣкоторой степени даже плачевнаго характера...

— Стой! кричитъ кондукторъ.

Снова усаживанiе новаго пассажира, но уже съ большимъ неудовольствiемъ на тѣсноту со стороны сидѣвшихъ; снова мучки сдвиганiя съ мѣста саней.

— Ну! Ну!.. Поѣхали...

— Фу, ты, тѣснота какая!.. Подвиньтесь-ка...

— А куда прикажете?

— Куда же ты еще сажаешь? вѣдь больше же нѣтъ мѣстъ... ворчатъ пассажиры на кондуктора. Кондукторъ отмалчивается и сани медленно начинаютъ опять ползти.

Священникъ что-то рассказываетъ объ обстоятельствахъ плачевнаго характера сосѣдкѣ-барынѣ, такъ какъ военный сидѣлъ не рядомъ съ нимъ и потому представлялъ менѣе удобства для „бесѣды“, чѣмъ сосѣдка-барыня.

— Обстоятельства, я вамъ доложу, даже нѣсколько плачевнаго характера, началъ онъ снова свою рѣчь, обращаясь къ барынѣ, но въ это время опять раздалось: „Стой!“

Пассажиры заворчали, и пока сани останавливались, раздавался ропотъ:

— Да куда же! Куда! Всѣ уже мѣста заняты...

Оказалось еще мѣсто гдѣ-то около кучера; потомъ, когда сани двинулись, опять раздалось „стой“ и опять оказалось мѣсто: на задкѣ, то именно мѣсто, на которомъ сидѣлъ самъ кондукторъ. Теперь ужъ онъ не сидѣлъ, а такъ только „присѣпившись“ держался на облучкѣ. Только что сани снова мало по малу разлѣхались и коня, трухая нога за ногу, пошелъ, какъ опять раздалось „стой“. На этотъ разъ ужъ дѣйствительно некуда было садить пассажировъ и оказалось, что дѣло пошло уже на убыль. Кто-то вылезъ изъ саней. Только что они опять тронулись и прѣехали саженъ пятьдесятъ—сто, опять „стой!“

Купецъ все время вздыхалъ и хмурился и наконецъ не выдержалъ:

— Ну, я тебѣ скажу,—вздыхая во всю грудь заговорилъ онъ, обращаясь къ женѣ—хоша теперича эти дилижансы и дешевы, а впредь я лучше замѣсто того ищкомъ: въ аккуратъ къ одному времени потрафись...

— Все же, Иванъ Ивановичъ, покойнѣе, ногъ-то вѣдь не треплешь...

— Ну, ну, вылѣзай... Сто—о—й! закричалъ онъ на кондуктора,—желаю ослобониться...

Л. В. Соколов

Отъ Невского до Знаменья, сани-дилижансы. Картина академика Павла Соколова. Рис. самъ авторъ на д. Гречѣ, гав. Гренд'Амуръ.

Ночлеги генерала М. Д. Скобелева II, въ редутахъ подъ Шлевной. Съ рисунка въ I. L. N., грав. К. Вейерманъ.

Сани остановились, высадили купца съ женой и снова поехали, снова останавливаясь через каждые сто—двѣсти шаговъ.

— Вельма пріятное я съ вами совершилъ путешествіе,— любезно говорилъ священникъ,— прощайся съ своей сосѣдкой, когда сани остановились у Знаменья и, получивъ поклонъ дамы, пошелъ куда-то въ переулокъ.

Кондукторъ высадивъ публику, снова забѣгалъ отъ саней къ углу улицы и снова сзывалъ пассажировъ.

— Пожалуйте, Господа! Сейчасъ ъдемъ...

Д. Стахѣевъ.

Городъ Орханіа.

Городъ, или скорѣе большое селеніе, *) Орханіа незначительно само по себѣ, но приобрѣло въ текущую войну значеніе важнаго звена въ стратегическомъ пути и въ движеніи нашемъ на югъ, къ великимъ или западнымъ Балканамъ, ибо черезъ Орханіа идетъ путь въ Софію. Линія, связывающая нѣсколько подобныхъ важныхъ пунктовъ—это линія *Иракъ-Этрополь-Орханіа*. До паденія Цевны наша задача состояла въ томъ, чтобы парализовать этотъ путь и сдѣлать невозможнымъ прібытіе къ Осману-пашѣ изъ Софіи подарѣпленій, снарядовъ и припасовъ. Мы знаемъ уже, что эта операція вполне удалась нашему знаменитому инженеру, генералу Тотлебену. Какъ скоро плевненская армія Османа-пашы была отрѣзана отъ сообщенія съ Софіей черезъ Орханіа—она пришла въ отчаяніе и сдѣлала извѣстную вылазку.

Въ противоположность другимъ городамъ этой мѣстности Болгаріи, расположеннымъ на большомъ пути изъ Бѣлграда къ Константинополю (пути, извѣстномъ уже древнимъ римлянамъ) Орханіа—городъ **) совершенно новый, имѣющій не болѣе 12 лѣтъ отъ основанія. Онъ основанъ извѣстнымъ Митхадомъ-пашею въ 1864 году, вслѣдствіе особыхъ политическихъ и стратегическихъ соображеній. Соответственно этому, на всѣхъ постройкихъ города лежитъ ново-мусульманскій характеръ. Видна вездѣ поспѣшность постройки. Есть претензія на изящество, хотя не совсемъ удачная. Осману-пашѣ, исправлявшему и улучшавшему большой путь въ Стамбуль, заблагоразсудилось оставить въ сторонѣ Этрополь, черезъ который прежде шла дорога въ Стамбуль и устроить новый путь черезъ Орханіа, который получилъ при этомъ значеніе важной станціи.

Древній путь изъ Бѣлграда, называвшагося прежде *Синдидумъ*, ведетъ черезъ скалистыя ворота, гдѣ вѣроятно было прежде старое ложе рѣки Искера, въ долину Самокова. Здѣсь къ быстрому и мрачно-величавому Искеру присоединяется притокъ *Эйзель*. За сямъ дорога идетъ въ зеленѣющую и безлѣсную котловину Софіи, пазываемую болгарами „*Софійско-поле*“. Эту котловину занимало прежде море и она состоитъ изъ аллювиальныхъ или наносныхъ образованій. Тамъ и сямъ расположенныя здѣсь тонкія болота доказываютъ, что толща наносовъ образовалась здѣсь еще весьма недавно. Въ склонахъ горъ бьютъ здѣсь горячіе ключи, и изъ Софійска-поля, служащаго средоточіемъ, ведутъ дороги къ *Бѣлграду*, *Берковици*, *Рушукъ*, *Константинополю* и *Самокову*, къ югу черезъ Балканы мощно устремляетъ свое теченіе Искеръ. За сямъ здѣсь же лежатъ многочисленныя болгарскія деревеньки. Въ нихъ живутъ пользующіеся горячими водами. Сюда же пріѣзжаютъ и изъ Орханіа.

Орханіа—именно по той причинѣ, что онъ новый городъ, основанный Митхадомъ-пашею, не имѣетъ никакихъ историческихъ преданій и воспоминаній.

Типы болгарскихъ крестьянъ.

О болгаряхъ мы говорили уже не разъ по поводу помѣщенныхъ въ „Ивь“ изъ ихъ жизни рисунковъ. Но говоря по поводу того или другого рисунка, помѣщеннаго на страницахъ „Ивы“, всегда приходится ограничиваться тѣми предѣлами, въ какіе должна замыкаться статья, сообразно сюжету изображеннаго предмета. Такимъ образомъ остается возможность при помѣщеніи рисунка изъ жизни хотя и того же самаго народа, о которомъ уже говорилось на страницахъ журнала, передать о немъ свѣдѣнія изъ той области его жизни, какая еще не была затронута въ предыдущихъ статьяхъ. По поводу помѣщаемаго въ этомъ номерѣ рисунка, изображающаго типы бол-

гарь, слѣдуетъ замѣтить, что болгары собственно принадлежатъ къ южно-славянской отрасли и ближе всего стоятъ къ сербамъ и словенцамъ. Впрочемъ чуждые элементы оказали свое вліяніе и изгладили нѣкоторыя національныя черты; только въ западныхъ Балканахъ еще сохранилась народность во всѣхъ своей чистотѣ.

На головѣ болгаринъ носитъ чубару, высокую шапку изъ бѣлыхъ или черныхъ мерлушекъ. Волосы иногда сплетены въ косу: старикъ брѣютъ лобъ и затылокъ, оставляя волосы только на макушкѣ. Сорочка съ широкими рукавами вышита какъ у малороссійскихъ крестьянъ; широкія шаровары—лѣтомъ изъ полотна, зимой изъ бѣлаго сукна, опоясываются краснымъ шерстянымъ поясомъ, у котораго висятъ складной ножъ. Шнурованные сапоги или туфли и суконовый кафтанъ съ шпьемъ, а зимой овечьей тулупъ—дополняютъ нарядъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ костюмъ также измѣняется подъ вліяніемъ турокъ-сосѣдей: въ Филиппопольскомъ округѣ поселяне носятъ очень широкія и длинныя шаровары, черный кафтанъ, бѣлый широкій поясъ; голову часто покрываютъ турецкой феской и чалмой всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ зеленого, бѣлаго и краснаго цвѣтовъ исключительно присвоенныхъ православнымъ поклонникамъ Магомета. Въ образованныхъ классахъ входятъ въ употребленіе общеевропейскіе костюмы.

Въ женскихъ нарядахъ болгарокъ замѣчается большое разнообразіе. Каждая мѣстность имѣетъ свои мѣстные отгѣнки. Болгарскія женщины, очень красивыя въ ранней молодости, скоро старѣютъ и дурнѣютъ, вслѣдствіе немощнаго труда, который лежитъ на нихъ.

Молодежь очень цѣнитъ въ женщинахъ живость и проворство въ работѣ. Въ дѣвушкахъ способность ловко и быстро работать очень цѣнится, и такія проворныя дѣвушки всего чаще служатъ предметомъ ухаживаній и, понятно, скорѣе другихъ находятъ себѣ жениховъ.

Болгары вообще весьма трудолюбивый народъ. Этою любовью къ труду они, понятно, приобрѣли и большое искусство справляться съ нимъ, и нужно вообще замѣтить, что они, въ трудолюбіи далеко превосходятъ румынъ и сербовъ, не говоря уже о туркахъ, давно извѣстныхъ своею лѣнностью.

Турецкое владычество уничтожило въ Болгаріи слѣды сословныхъ отличій. Аристократическое устройство древней Болгаріи давно уже исчезло и теперь есть только одні имущественныя различія, хотя и некакія никакихъ правъ первества.

Такая равноправность, пожалуй бы, и для насъ и для всѣхъ европейскихъ народовъ могла пригодиться, еслибы она въ самомъ дѣлѣ была возможна и примѣнима; но здѣсь, въ Болгаріи, это уравниваніе правъ собственно не уравниваніе, а уничтоженіе ихъ: всѣ равны и всѣ безправны!

Семейная жизнь болгаръ мало чѣмъ разнится отъ жизни другихъ южныхъ славянъ. Избы болгарскихъ селеній строятся изъ плетневыхъ стѣнъ, замазанныхъ глиной и известью. Крыши кроются соломой и тростникомъ. Въ передней части избы устраивается навѣсъ (сейванъ или хайте), подъ которымъ лѣтомъ болгары ѣдятъ и принимаютъ гостей. Внутри избы соблюдается чистота и порядокъ. Нужно замѣтить, что въ Болгаріи весьма немало бѣдныхъ селеній, въ которыхъ жители тѣсняются въ крошечныхъ землянкахъ, а въ горахъ пастухи живутъ въ первобытныхъ шалашикахъ.

Болгаръ славится какъ отличный садовникъ и отличается умѣньемъ ухаживать за деревьями, виноградомъ и шелковичными червями.

Плуги ихъ очень неудобныя, тяжелыя: въ каждый плугъ впрягаются четыре пары воловъ или буйволовъ, которыхъ погоняютъ криками и ударами нѣсколько чейоубъ. Хлѣбъ молотятъ слѣдующимъ способомъ: на насыпанный на землѣ хлѣбъ выгоняютъ скотъ и лошадей, которые тащатъ тяжелыя бревна или камни; такимъ образомъ изъ колосьевъ выпадаетъ зерно, и одновременно изрѣзывается солома. Изъ сельскихъ продуктовъ больше всего сбѣтается манса; кромѣ манса воздѣлывается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рисъ; само собою, его ѣдятъ только тамъ, гдѣ этому способствовать климатическія условія.

Въ заключеніе скажемъ, что картофель, столь распространенный теперь по всему свѣту, неизвѣстенъ болгарамъ, а изъ зелени, употребляемой ими въ пищу, болѣе всего предпочитается лукъ и чеснокъ.

КАКЪ ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ УЧИЛИСЬ АРИѠМЕТИКЪ.

Если бы намъ въ настоящее время пришлось раскрыть и перелистовать всѣ самые ходячіе учебники ариѠметики, составленные для школъ, то почти пришлось бы стать въ тупикъ, при видѣ всѣхъ этихъ задачъ, чиселъ и комбинацій чиселъ, вѣчно составленныхъ по одному и тому же шаблону численія, или, выражаясь мягче, по одному и тому же методу. Едва-едва позволяется отступленіе отъ этого избитаго пути,—позволяется въ тѣхъ видахъ, чтобы доставить учащимся хотя маленькое освѣженіе и облегченіе отъ утомительно-напряженной работы.

Такъ идетъ обученіе ариѠметикѣ въ наше время, но не такъ велось это дѣло въ старину. Старые авторы разныхъ ариѠметикъ не довольствовались тѣмъ, чтобы предлагать ученыя задачи и рѣшать ихъ легкимъ и элегантнымъ способомъ; они любили и въ самомъ текстѣ книги, и въ приложеніяхъ, преподавать учащемуся разнаго рода *математическія шутки*. Шутки эти помѣщались съ тою цѣлью, чтобы поощрять ревность учащагося, если бы ему наскучило сухое изложеніе предмета.

И это-то помѣщеніе шуточныхъ задачъ, по мнѣнію авторовъ, оправдывало названіе „благородной и остроумной“ ариѠметики, какое они часто давали своимъ книгамъ. Затѣмъ, встрѣчаются ариѠметики старыхъ авторовъ, часто подъ весьма странными

*) Лезитъ Орханіа—къ сѣверу отъ Врачаща.

**) Или, точнѣе, большое селеніе, такъ какъ настоящей энціклопедіи города, въ краткій періодъ своего существованія, онъ не успѣлъ принять.

веселительными загадками, например: „арифметическая умножительная конфетка, для изощрения тупой головы составленная“. В этой „конфетке“, действительно, послѣ обыкновенных сухих задач, предлагается учащемуся, „rong la bonne bouche“, лакомство арифметического остроумия.

Вот, например, старая книга „для обучения арифметическому численію“, принадлежащая нѣкоему Гейнсу Ламбеку, жившему въ XVII столѣтіи. Книга эта, какъ выражается самъ авторъ ея, „съ великимъ раченіемъ составлена, ради юности младыхъ разумленія“. Эта книга была долгое, весьма долгое время самымъ употребительнымъ учебникомъ въ гамбургскихъ школахъ, подобно преносходному Эвклидову учебнику геометріи, прежде всюду распространяемому. На страницѣ 279 своей книги, Гейнсъ Ламбекъ, обращаясь къ учащемуся, говоритъ:

„Сверхъ сего, не благоугодно ли тебѣ отгадать: koliko мѣдныхъ монетъ или грошей *) сложилъ въ умѣ твой товарищъ, — вели ему дивидировать (дѣлить) замышленную сумму на 3, 5 и 7, и да скажетъ онъ тебѣ остатокъ, оставшійся послѣ дивидирования, и по семъ остатокъ, убо оставшійся послѣ дивидирования на 3, мультиплицируй (умножай) на 70, остатокъ же 5 мультиплицируй на 21; а остатокъ послѣ дивидирования съ 7 мультиплицируй съ 15-ю и наконецъ слагай сіи три продукта (произведенія): раздѣляй коллектъ (сумму) на 105. Остатокъ покажетъ желанное ти число“ **).

Для образчика подобной „арифметической забавы“ беремъ примѣръ. Положимъ, что задуманное число есть 34. Дѣлимъ его на 3, въ остаткѣ получаемъ 1; затѣмъ дѣлимъ на 5, въ остаткѣ получается 4; далѣе дѣлимъ на 7, остатокъ будетъ 6. Поступивъ по вышеприведенному правилу, т. е. умноживъ эти остатки, послѣдовательно, на 70, 21 и 15, мы получимъ рядъ произведеній 70¹ 84+90, сложивъ, которыхъ получимъ общую сумму (или коллектъ, по вышеприведенному старинному выраженію) 244. Дѣлимъ эту сумму на 5 и получаемъ частное 2 и остатокъ 34. Это послѣднее и есть задуманное число.

Если, однако, дѣленіе нельзя произвести на всѣ три данныя числа (3, 5 и 7) т. е. если, напримеръ, при двухъ дѣленіяхъ въ остаткѣ получается 0, то умноженіе должно быть произведено третимъ числомъ, получившимся въ видѣ остатка отъ дѣленія задуманнаго числа на 9, 5 и 7. Беремъ число 35. Это будетъ задуманное число. При дѣленіи этого числа на 5 и на 7 остатокъ = 0. За то при дѣленіи на 3 остатокъ получится 2. Число 3 у насъ первое по порядку дѣлителей, слѣдовательно и умножать происшедшій остатокъ мы должны на первое по порядку число 70. Слѣдовательно будетъ 2×70=140; 140 мы дѣлимъ на 105 и получаемъ остатокъ 35, равный задуманному числу.

Какое же изъ этого вытекаетъ правило?

А вотъ какое: числа отъ единицы до 105, какъ бы они ни были различны между собою, имѣютъ, однако, то общее свойство, что ихъ можно опредѣлить посредствомъ *остатковъ отъ дѣленій*, которые мы привели выше. И въ самомъ дѣлѣ, любое число до 105 мы можемъ получить въ остаткѣ, дѣля его на 3, 5 и 7, умножая остатокъ этихъ дѣленій (или дѣленія) на 70, 21 и 15 и раздѣляя сумму произведеній на 105.

Но что же за привилегію въ этомъ случаѣ имѣютъ числа 3, 5 и 7 и почему именно они даютъ ключъ къ опредѣленію въ остаткѣ задуманнаго числа? Были, разумѣется, уже въ глубокую старину попытки опредѣлить остатки, соответствующіе задуманнымъ числамъ, и посредствомъ другихъ чиселъ. Нѣкоторые любители математики занимались этимъ вопросомъ и наши, что подобными качествами обладаютъ и цѣлые ряды другихъ чиселъ.

Напримеръ. Всѣ числа ниже 1,000 весьма легко опредѣлить изъ ихъ остатковъ, каковыя (остатки) происходятъ, если дѣлится эти числа на 27 и 37. При этомъ остатки нужно умножить на 703 и 297, а произведенія складывать, какъ это показано было выше, при разсмотрѣніи чиселъ ниже 105. Но въ настоящемъ случаѣ съ происшедшею суммой производится особая операція. Въ ней отнимаютъ съ правой руки *три* цифры и затѣмъ прилагаютъ остальные цифры (по крайній мѣрѣ *два*), которая въ суммѣ означаютъ тысячи, къ *тремъ* прежде отнятымъ. (Дѣло, какъ видите, дѣлается чисто механически).

Вновь происшедшая отъ этого сумма и будетъ составлять *задуманное* число.

Пусть будетъ, напримеръ, дано число 18,842. По приведен-

ному сейчасъ правилу, мы отнимаемъ три послѣднія цифры 842 и за сѣмъ прикладываемъ къ нимъ 18. Итакъ: 842+18=860. Это и есть искоемое число. Чтобы провѣрить, такъ ли это—мы сейчасъ продѣлаемъ съ нимъ тѣ дѣйствія, какія предписаны вышеприведеннымъ правиломъ, т. е. раздѣлимъ его послѣдовательно на 27 и 37 и остатки, происшедшіе отъ дѣленія, умножимъ на 703 и 297, произведенія же сложимъ. Тогда и получится сумма 18,842, данная намъ первоначально.

Изъ слѣдующаго примѣра это будетъ видно еще яснѣе.

У насъ дано число 41. Дѣлимъ его, послѣдовательно, на 27 и 37. Въ первомъ случаѣ остатокъ будетъ = 14, во второмъ = 9. Умножаемъ первый остатокъ на 703, а второй на 297; получаютъ произведенія 9,842+1,188=11,030. Отдѣляя послѣднія *три* цифры и складывая ихъ съ первыми, получаемъ:

11,030; 11+030=11+30 (нуль не считается) =41, а это и есть искоемое нами число.

Мы имѣли до сихъ поръ дѣло съ числомъ 3, 5, 7 и 27 и 37 для опредѣленія въ остаткахъ задуманныхъ чиселъ. Но подобныя же законы могутъ представить намъ и другія числа. Возьмемъ, напримеръ, *два* произвольныя числа, но только такія, которыя, бывъ раздѣлены одно на другое, давали бы въ частномъ *дробь* и дробь эта сама по себѣ имѣла бы уже наименьшее выраженіе, т. е. уже не сокращалась бы. Этому требованію удовлетворяютъ *два* числа 9 и 11 *). Умноживъ эти числа одно на другое, получимъ произведеніе 99, что 1-1=100. Разлагаемъ 100 на *два* части, изъ которыхъ одна дѣлилась бы безъ остатка на 9, а другая на 11. Этому требованію удовлетворяетъ дѣленіе 100 на 45 и 55: первое дѣлится безъ остатка на 9, второе на 11. Но этого мало: 45 представляетъ естественнаго множителя для *всѣхъ* остатковъ, получаемыхъ отъ дѣленія какого-либо числа на 9; а 55—такого же множителя для *всѣхъ* остатковъ, получаемыхъ отъ дѣленія даннаго произвольнаго числа на 11. Но только эти произвольныя числа должны вращаться между 1 и 99, или, что тоже, въ предѣлахъ цифры, равняющейся произведенію 9×11.

Слѣдовательно, если мы искоемое число, стоящее ниже 100, раздѣлимъ на 9 и 11 и остатки послѣ дѣленій умножимъ на 45 и 55, а сумму этихъ произведеній раздѣлимъ на 99, то опять-таки, въ качествѣ остатка, получимъ задуманное число.

Беремъ примѣръ. 34 дѣлимъ на 9 и 11. Остатки получаются 7 и 1.

$$7 \times 55 = 385$$

$$1 \times 45 = 45$$

$$\text{Сумма} = 430$$

Дѣлимъ эту сумму на 99, получаемъ въ остаткѣ 34, каковое число и есть искоемое, или задуманное.

Точно также цифры 4 и 25 могутъ опредѣлять всѣ числа, стоящія ниже 100, какъ произведенія 4×25. Эти числа мы дѣлимъ на 4 и 25; остатки умножаемъ на 25 и 76, а сумму произведеній дѣлимъ на 100 **). Взавъ, напримеръ, 33, дѣлимъ на 4 и 25. Остатки равняются 1 и 8. Умножаемъ ихъ на 25 и 76, получается сумма произведеній 633, которая, по раздѣленіи на 100, даетъ остатокъ 33, т. е. искоемое число.

Въ заключеніе мы должны добавить, что это еще только самая малая часть интересныхъ комбинацій цифръ, и часть при томъ крайне старинная, которою забавлялись наши дѣды и прадеды и, конечно, все это возбуждало въ учащихся интересъ къ арифметикѣ. Изобрѣтательный математическій умъ въ настоящее время нашелъ громаднѣе число другихъ комбинацій, способныхъ въ высшей степени приковать къ этой наукѣ вниманіе начинающихъ учиться. Для древнихъ каждая цифра имѣла значеніе *сама по себѣ*, заключая въ себѣ самобытный смыслъ. За то и цифръ и особенно сочетаній цифръ, даже у древнихъ грековъ, сдѣлавшихъ громадныя успѣхи въ математикѣ, было очень мало. Только со времени ознаменія Европы съ индѣйскими и, особенно съ арабскими цифрами (съ арабскими цифрами Европа познакомилась со времени Крестовыхъ походовъ) и наша система цифръ и ихъ сочетаній обогатилась, и съ тѣхъ поръ стали возможны самыя сложныя математическія выкладки. Можно безошибочно сказать, что безъ арабскихъ цифръ у насъ не было бы современныхъ математическихъ и астрономическихъ открытій, сдѣлавшихъ такой громадный успѣхъ въ наукѣ.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Телефонъ (звукотрансмиттеръ).

Еще новое и въ высшей степени популярное изобрѣтеніе... До сихъ поръ,—даже людямъ знакомымъ съ главными основаніями физики,—представлялось невѣроятнымъ изобрѣтеніе

телефона, т. е. такого инструмента, который передавалъ бы нашему уху звукъ человеческого голоса, произведенный даже на далекомъ отъ насъ разстояніи. (Однакожъ остроумный американиецъ Грегамъ Белль изобрѣлъ подобный инструментъ, издавна доносящій до нашего уха не только звукъ, но и *качества* звука; посредствомъ аппарата Белля мы можемъ понять

*) Этимъ языкомъ приблизительно можно перевести тяжеловѣснѣйшій измѣненій языкъ XVII вѣка, который соответствуетъ языку Симеона Полоцкаго. Арифметика, по которой учился и самъ Великій Пр. образователь Петръ I, была написана такимъ же языкомъ. Сложеніе (additio) было въ ней названо безграмотнымъ названіемъ *аддиче*.

***) Только чтобы это угадываемое число было меньше 105.

*) При дѣленіи этихъ чиселъ одно на другое, можно получить дѣль дробей: $\frac{2}{9}$ и $\frac{1}{11}$.

***) 100 раздробляется на 24:76 на томъ же основаніи, какъ въ предыдущемъ случаѣ на 42:58, т. е. чтобы каждая часть дѣлилась безъ остатка.

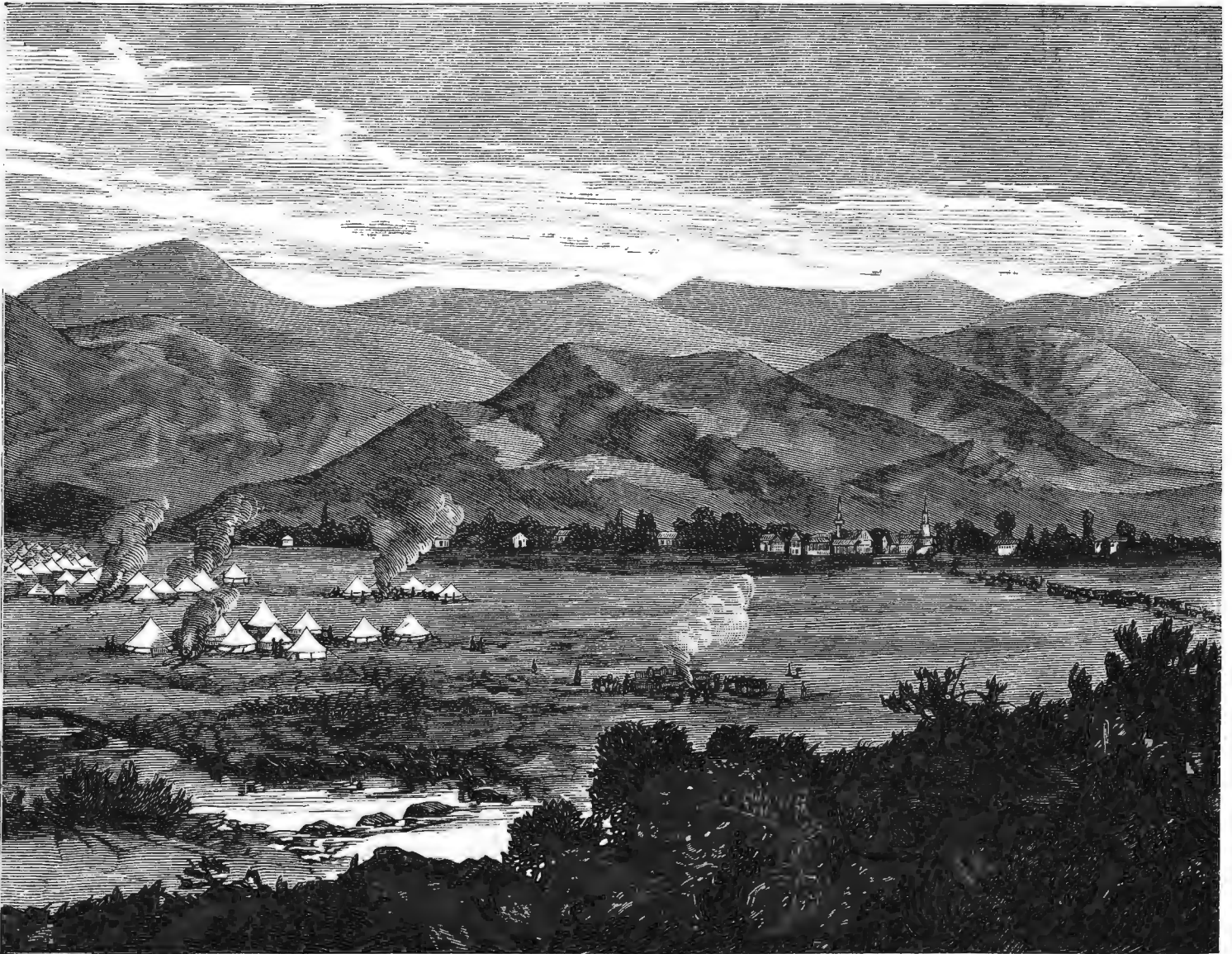
не только произнесенное на далекомъ разстояніи человѣческое слово, но и особенный характеръ, съ которымъ оно было произнесено, напримѣръ, голосовой тембръ и другія качества, нераздѣльныя съ нашимъ словомъ.

А видъ устройство этого удивительнаго инструмента необыкновенно просто. Проволока, маленький магнитъ и кусочекъ жести—вотъ и всѣ части, составляющія аппаратъ. Читателю будетъ это яснѣе, если онъ пойметъ детали предлагаемаго рисунка.

Фигура 1-я представляетъ и видный видъ аппарата, и тотъ же аппаратъ въ разрѣзѣ. Изъ второй фигуры читатель узнаетъ внутреннее устройство аппарата. Въ центрѣ ящика, устроеннаго изъ дерева или же изъ смолы, помѣщенъ брусокъ, составляющій постоянный магнитъ; (на нашемъ рисункѣ (фиг. 1) брусокъ этотъ отмѣченъ буквою А). На верхнемъ концѣ этого бруска находится шпилька В, на которую намотана тонкая мѣдная проволока, покрытая шелкомъ. Оба конца этой проволоки,

важеть соединены двойнымъ мѣднопроволочнымъ проводникомъ, означеннымъ на нашемъ рисункѣ буквою О.

Теперь—какъ же нужно дѣйствовать этимъ аппаратомъ? А вотъ какъ. Приложите мундштукъ аппарата (т. е. воронку, означенную у насъ буквою F) къ губамъ и произнесите слова въ воронку, умѣренно громкимъ голосомъ. Тогда описанная нами выше жестяная пластинка, благодаря звуковымъ волнамъ, придетъ въ качательное состояніе, и благодаря этому качанію, разстояніе пластинки отъ магнитнаго полюса будетъ попеременно, то больше, то меньше. Результатомъ же этого будутъ измѣненія въ магнетической силѣ послѣдняго, а благодаря этимъ измѣненіямъ въ мѣдной проволоцѣ, которою обвита шпилька В (фиг. 1), возбуждятся или индуктируются гальваническіе токи, которые, идя по проволочному проводнику, возбуждаютъ, въ свою очередь, подобное же измѣненіе въ магнитной палочкѣ, находящейся въ ящикѣ другого, такого же точно аппарата. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что колебаніе жестяной

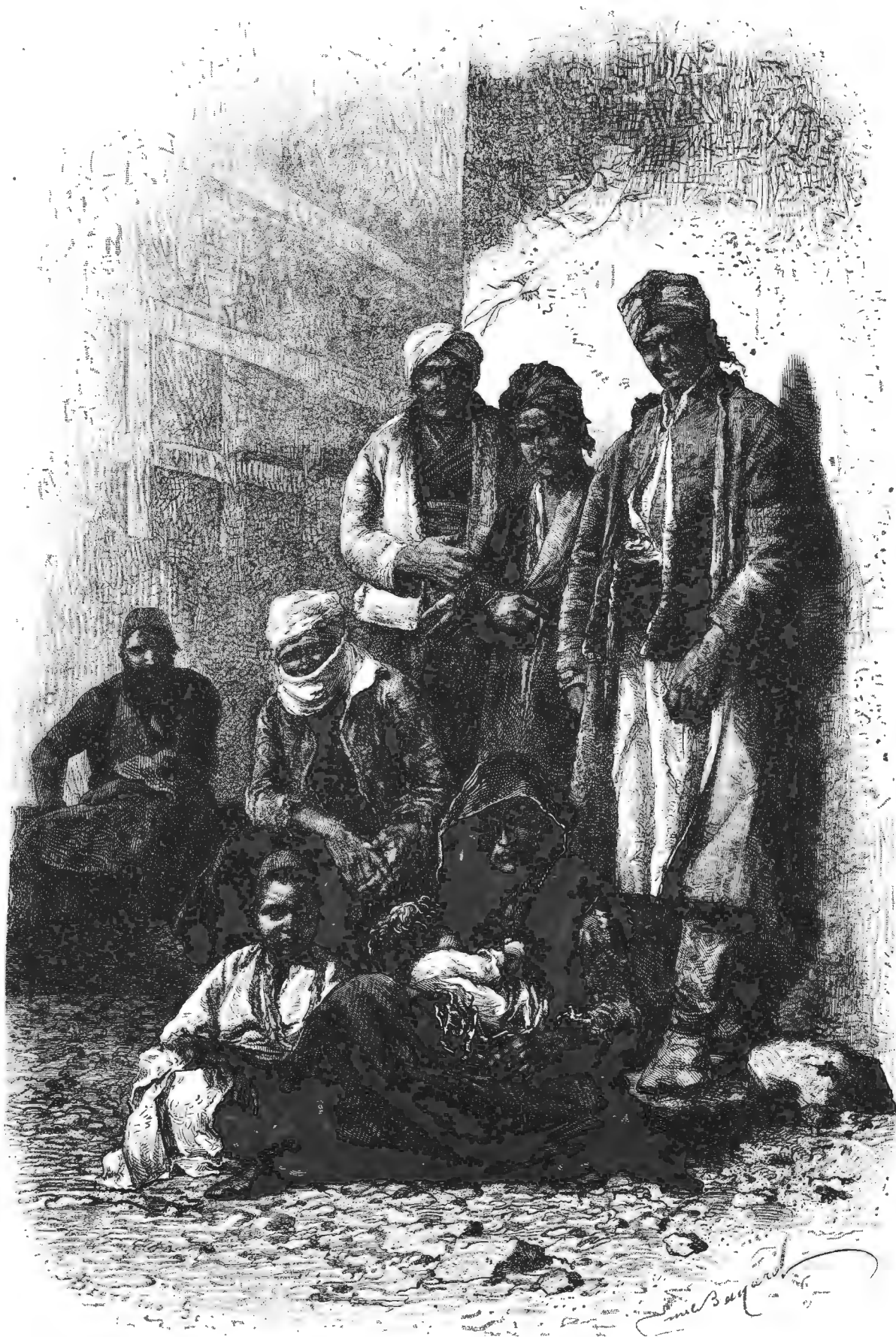
Общій видъ города Орханіа. Съ фотографіи, грав. К. Вейерманъ.

въ свою очередь, припаыны къ мѣднымъ проволокамъ СС, проведеннымъ съвозъ ящикъ, по обѣ стороны бруска А. Эти послѣднія проволоки ованчиваются двумя винтиками ДД, въ нижней части рукоятки инструмента, и благодаря этимъ винтикамъ приспособлена проводимость по проволокамъ внутри аппарата. За симъ, то мѣсто во внутренности ящика, гдѣ находится шпилька В, покрыто мягкой жестяною пластинкою, котогая твердо прикрѣплена къ деревянной покрывкѣ F, замѣняющей при этомъ случаѣ мѣсто звуковой воронки, или расширенной части духовыхъ инструментовъ.

Вотъ собственно къ взаимной бесѣдѣ посредствомъ телефона и служатъ два аппарата, изображенные на второмъ нашемъ рисункѣ (фиг. 2-я Р и Р') и устроенные точно такъ, какъ мы сейчасъ описали. При относительно близкихъ разстояніяхъ, въ которыхъ находятся разговаривающіе посредствомъ телефона, оба аппарата (у каждаго разговаривающаго по аппарату) бы-

пластинки, въ этомъ явленіи, соотвѣтствуетъ тѣмъ колебаніямъ воздуха, которыя происходятъ отъ обыкновенныхъ звуковъ нашей рѣчи. Такъ и здѣсь. Колебаніе пластинки передается воздуху, а затѣмъ и уху. Надо замѣтить, что, при разговорѣ въ телефонъ, говорящее лицо произноситъ свои звуки въ такъ называемый исходный или посылаемый аппаратъ (т. е. мундштукъ, сообщающійся съ звуковою воронкою), а лицо слушающее должно прикладывать свое ухо къ воспринимаемому аппарату другого телефона. Всѣ звуковыя волны достигаютъ, при этомъ, до уха слушающаго и съ совершенною точностью передаютъ каждый тонъ голоса говорящаго, правда, иногда нѣсколько глухо. Если представить, до какой степени незначительны колебанія жестяной пластинки и слѣдовательно до какой чрезвычайной степени долженъ быть слабъ возбужденный при этомъ гальваническій токъ, то, по истинѣ, можно изумиться, съ какою точностью при этомъ доносятся до нашего слухаго

(Продолженіе на стр. 857, 858, 859 и 860).

Тягы болгарскихъ крестьянъ. Рис. съ фотогр. Е. Ваяръ, грав. Бертравъ.

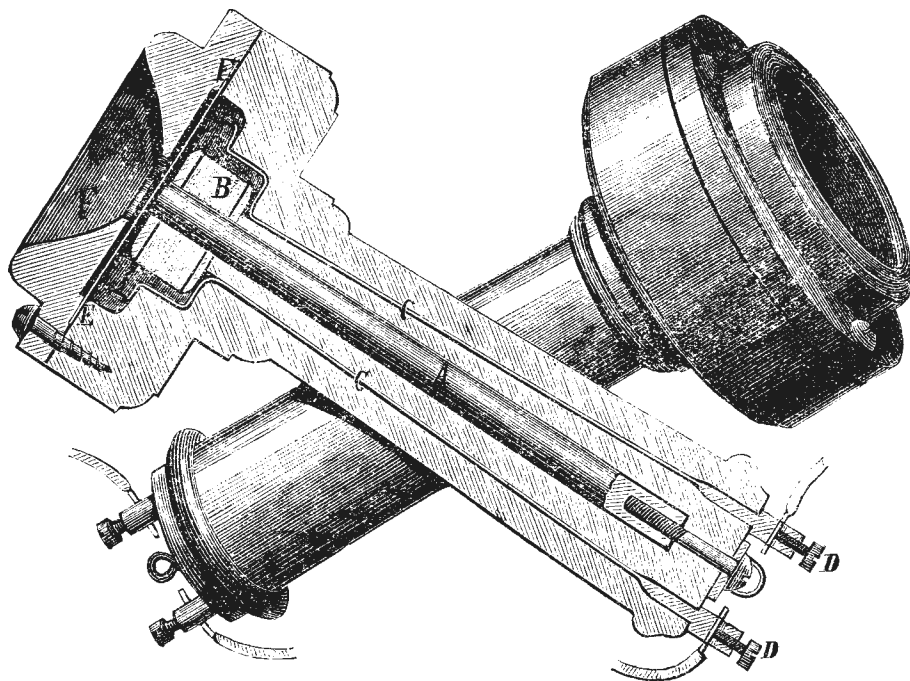
аппарата звуковыя колебанія по проводникамъ, часто вмѣщающимъ протяженіе на цѣлую милю *)—и при этомъ можно даже различить характерныя оттѣнки голоса!.. Если вы получили путемъ телефона вѣсть, то можете на нее сейчасъ же отвѣчать, и аппаратъ, который вы передъ тѣмъ прикладывали къ уху, будетъ уже теперь для васъ „посыльнымъ“ аппаратомъ, а для вашего собесѣдника, находящагося отъ васъ на опредѣленномъ разстояніи, тотъ же аппаратъ будетъ уже аппаратомъ *воспринимательнымъ*. Слѣдовательно, одинъ и тотъ же аппаратъ играетъ двойную роль: и посылательнаго и воспринимательнаго, смотря по тому, за кѣмъ изъ разговаривающихъ очередь говорить и за кѣмъ слушать.

Но въ тоже время весьма понятно, что телефонъ не можетъ замѣнить собою телеграфныя звонки, употребляющіяся въ настоящее время въ нашихъ зданіяхъ, такъ какъ, напримѣръ, домохозяинъ, посылающій своей прислугѣ зовъ по телефону, долженъ быть увѣренъ, что прислуга приставила къ своему уху соответствующій телефонъ, соединенный съ первымъ двойною проводниковою проволокою, какъ мы описали выше. Отъ этого на фабрикахъ, гдѣ хозяева пытались раздавать свои приказанія рабочимъ посредствомъ телефона, рѣшено приурочить къ телефонамъ и употреблявшіеся до сихъ поръ электрическіе звонки, которые проводятся по всему зданію, и въ извѣстное время напоминаютъ прислугѣ, чтобы она приложила къ уху телефонъ для выслушанія приказаній или порученій хозяина. Слѣдовательно и теперь электрическіе звонки составляютъ не избыточную домашнюю принадлежность, если мы желаемъ извлечь изъ телефона надлежащую пользу. За сямъ, на дальнихъ

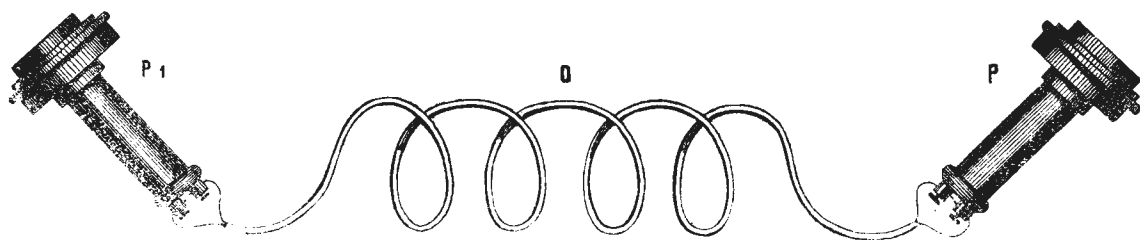
токемъ. Если это удастся сдѣлать, то устранится существующее до сихъ поръ неудобство телефонныхъ сообщеній, состоящее въ томъ, что получающій телефонную депешу часто не можетъ быть контролируемъ и можетъ измѣнить смыслъ словъ депешы по произволу— что представляется особенно важнымъ при извѣстияхъ политическаго и биржевого характера. Если же съ телефономъ будетъ соединенъ звонокъ, то контроль при полученіи телефонной депешы возможенъ, и въ этомъ смыслѣ телефонъ могъ бы замѣнить намъ телеграфъ.

Но съ другой стороны еще неудобство встрѣчается въ томъ, что по телефонному кабелю до нашего уха могутъ доноситься, кромѣ голоса и посторонніе звуки, и шумъ вѣтра, и слѣдовательно дѣлать для насъ непонятными доносящіеся слова. Для устранения этого недостатка уже существуетъ мысль проводить телефонную проволоку подъ землею, какъ это дѣлается при устройствѣ обыкновенныхъ существующихъ теперь электромагнитныхъ телеграфовъ. Если удастся это сдѣлать, тогда за телефономъ обезпечится обширное практическое примѣненіе.

Рѣдкое изобрѣтеніе возбуждало въ публикѣ, въ такое короткое время, такой живой интересъ, какъ именно телефоны. Это вполне понятно. Этому способствуетъ простота, несложность и дешевизна аппарата и высокая важность и занимательность получаемыхъ результатовъ. Изъ него мы научаемся, какими несложными средствами природа въ своихъ явленіяхъ достигаетъ своихъ великихъ цѣлей... Мы сказали выше, что телефоны изготовляетъ въ настоящее время большими партіями берлинская фабрика Сименса и

Телефонъ. Аппаратъ для передачи звуковъ.

Проволока, соединяющая два аппарата, при помощи которыхъ передаются и получаютъ звуки.

разстояніяхъ, на каждой телефонной станціи, вмѣстѣ съ посылательнымъ или отправительнымъ аппаратомъ долженъ находиться еще электромагнитическій возбудитель, приведенный въ связь съ кабелемъ или проволокою телефона. Слѣдовательно, если мы хотимъ на извѣстной станціи сказать въ мундштукъ телефона отправительныя слова на слѣдующую станцію, то прежде всего должны прибѣгнуть къ возбудительному электромагнитическому аппарату. Послѣдній сообщитъ магнитическое возбужденіе таковому же аппарату слѣдующей станціи и заставитъ нашего, присутствующаго на той станціи собесѣдника приставить ухо къ телефону.

Въ Берлинѣ извѣстное заведеніе для устройства телеграфовъ *Сименса и Гальске*, фабрикующее телефоны цѣлыми тысячами экземпляровъ, занято въ послѣднее время задачей, видоизмѣнить устройство телефоновъ въ томъ смыслѣ, чтобы къ комнатному электромагнитному звонку приурочить слабый гальваническій токъ, служащій главнымъ дѣйтелемъ въ телефонѣ.

Другими словами: видоизмѣненный такимъ образомъ телефонъ будетъ электрическій звонокъ, дѣйствующій гальваническимъ

Гальске. Въ эту фабрику до сихъ поръ и адресуются требованія. Россія уже выписала изъ-за границы большую партію телефоновъ. Но телефоны теперь въ Петербургѣ получили распространеніе даже и въ частныхъ домахъ. Продаются же въ оптическомъ магазинѣ Рихтера и у Винтергальтера. Цѣна телефона теперь около 7 рублей. Пара телефоновъ обыкновенно продается вмѣстѣ съ двойнымъ проводниковымъ проводникомъ, имѣющимъ значительную длину.

Замѣтимъ здѣсь въ заключеніе, что употребленіе въ телефонѣ шпульки или катушки съ намотанною на ней обвитою шолкомъ проволокою, основывается на простомъ принципѣ возбужденія или индуктированія магнитно-гальваническаго тока прикосновеніемъ разнородныхъ металловъ (обыкновен. мѣди и желѣза). Шпулька съ намотанною на нее, изолированной шолкомъ, мѣдною проволокою, и намагничиваніе ею желѣзнаго бруска, были до сихъ поръ общезвѣстны, и опыты въ этомъ смыслѣ производились всеми, занимающимися физикою. Изобрѣтеніе телефона представляетъ доказательство, до какой степени проницательный умъ всегда умѣетъ воспользоваться для достиженія важныхъ результатовъ самыми обыкновенными явленіями и опытамъ!..

М. С.

*) Даже больше. Уже былъ опытъ телефоннаго разговора на разстояніи 60 верстъ между Варшавою и помѣстьемъ Барятинскаго.

Политическія и военныя извѣстія.

Послѣ совершившагося великаго и знаменательнаго факта паденія Плевны, уже трудно выставить въ нашихъ текущихъ операціяхъ на Дунайскомъ театрѣ войны что либо такое, что само по себѣ привлекало бы наше вниманіе, а не было естественнымъ слѣдствіемъ славнаго плевненскаго дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, прошлая недѣля принесла намъ съ театра войны только тѣ извѣстія, которыя служатъ, такъ сказать, продолженіемъ взятія Плевны и находятся съ этимъ блестящимъ подвигомъ нашихъ войскъ въ неразрывной внутренней связи. *И первое* и самое важное слѣдствіе то, что вся западная Болгарія, какъ уже извѣстилъ телеграфъ въ концѣ прошлой недѣли, *очищена теперь окончательно отъ турокъ*. Что бы для читателей это очищеніе отъ турокъ представлялось болѣе яснымъ, вернемся нѣсколько назадъ, ко времени предшествовавшему взятію Плевны.

Когда генералъ Гурко взялъ Телишь и Горный-Дубнякъ, наши наступленія въ Западной Болгаріи начались по *двумъ* различнымъ направленіямъ: часть нашей гвардіи двинулась на Орханіе и къ Этрополю; а двѣ румынскія дивизіи, фланкируемая съ юга нѣсколькими полками нашей гвардейской и армейской кавалеріи, направилась къ Сербской границѣ. Мы знаемъ, что первая часть нашей арміи вскорѣ овладѣла Орханіе и Этрополемъ; за симъ и Западная Болгарія очутилась вскорѣ въ нашихъ рукахъ, къ чему данъ былъ уже ключъ взятіемъ Телишскихъ и Горно-Дубнянскихъ позицій. Но при этомъ важный пунктъ *Берковаца* *) (или Берковецъ, дежавшій почти на одной широтѣ съ *Врацею*, которой мы въ свое время дали подробное описаніе) все находился еще во власти турокъ. Изъ Берковаца идетъ, черезъ Гинчійскій перевалъ, дорога прямо въ Софію. По взятіи нами Орханіе, турки особенно дорожили Берковацемъ: они надѣялись, что Осману-пашѣ удастся прорваться изъ Плевны, именно въ направленіи этого пункта. Изъ Берковаца же намѣренъ былъ направиться Мехемедъ-Али паша на выручку Османа-паши, перейдя при посредствѣ постоновъ рѣку *Искеръ* и двинутся къ Горному-Дубняку. Но въ это время мы какъ разъ овладѣли Плавенскою позиціей, недалеко къ востоку отъ Орханіе, и планъ Мехемета-Али разбился. За симъ, уже послѣ паденія Плевны, турки все еще продолжали держаться въ Берковацѣ и пытали даже отчаянную мечту перейти въ наступленіе. Отчаянная попытка въ этомъ отношеніи, дѣйствительно сдѣлана турками на прошлой недѣлѣ наступленіемъ на *Кутловицу* (на р. *Олостъ*, къ сѣверу отъ Берковаца). Но наступленіе къ Кутловицѣ **) разрѣшилось полною неудачей, и уже въ началѣ прошлой недѣли турки очистили Берковацъ. Изъ этого пункта турки отступили къ Софіи, оставивъ въ Берковацѣ 1 орудіе. За симъ, послѣ этого событія, наши силы на сѣверномъ склонѣ Балканскаго хребта представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Передовая войска генерала *Деллинсгаузена* занимала *Джумлижъ*, *Златарицу* и *Елену*. Всѣ эти пункты находятся по ту (восточную) сторону Янтры. Наши отряды Еленинскій и Златарицкій двинули свои авангарды къ Беброву еще 3 декабря, а 5 декабря нами захвачена была телеграфная линія отъ *Елены* до *Беброва* (къ югу отъ Елены) и занято самое Беброво.

Таково было положеніе дѣла на Дунайскомъ театрѣ войны за прошлую недѣлю. Читатель видитъ, что успѣшное и непрерывное движеніе къ Балканамъ между Янтрою и Ломомъ, а также въ западныхъ предѣлахъ Болгаріи, по направленію къ Софіи, составляетъ естественное слѣдствіе паденія Плевны, недаромъ раздавашаго громовымъ ударомъ въ ухахъ всѣхъ туркофиловъ.

Общую картину этого нашего наступательнаго движенія къ Балканамъ весьма рельежно дополняетъ и освѣщаетъ полученное по телеграфу изъ Вѣны извѣстіе, что *генералъ Гурко со своимъ корпусомъ идетъ на Софію*.

Таково положеніе дѣла въ южной полосѣ Дунайскаго театра войны между рѣками *Янтрою* и *Ломомъ*. Но мы должны еще здѣсь возвратиться къ славному дѣлу подъ *Мечкою* *), о которомъ мы въ прошломъ обзорѣ (№ 50) лишь упомянули вскользь. Это была стремительная атака турокъ на корпусъ Великаго Князя Владиміра Александровича, происшедшая 30 ноября. Въ атакѣ этой участвовало по меньшей мѣрѣ 60 батальоновъ, и она была направлена преимущественно на лѣвый флангъ и центръ. Мечку турки атакуютъ вали 6 разъ, но каждый разъ были отбрасываемы съ огромнымъ урономъ. Такъ шло дѣло, пока не подошла къ правому флангу нашего 12-го корпуса 1-я бригада 35-й дивизіи. Когда эта бригада открыла огонь, тогда и весь 12-й корпусъ перешелъ въ наступленіе и турки были прогнаны къ селенію *Красному*. Потеря турокъ при этомъ была весьма велика. Съ нашей стороны *двое* раненныхъ было въ самой свѣтѣ Его Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, и одна пуля упала около самаго Великаго Князя.

Турецкая пресса теперь единодушно увѣряетъ, что турки снова собираются для отчаянной защиты. По всей линіи Балканъ приняты самыя обширныя мѣры для обороны.

Послѣ довременнаго отсутствія извѣстій съ Закавказскаго теа-

тра войны, получено на прошлой недѣлѣ телеграфное сообщеніе, что недавно нашъ отрядъ подъ начальствомъ генерала *Комарова*, занялъ съ боя *Арданучъ*. Причемъ наши потери совершенно ничтожны.

Начальникомъ Рущукскаго отряда назначенъ генералъ-адъютантъ *Тотлебенъ*; начальникомъ же штаба Рущукскаго отряда состоитъ въ настоящее время генералъ-лейтенантъ князь *Имеретинскій*. При генералъ-адъютантѣ Тотлебенѣ состоятъ теперь: полковники *Пфейферъ*, флигель-адъютантъ *Шульцнеръ*, князь *Кантокузень*, *Тилемевъ*, *Разионовъ* и инженеръ генералъ-майоръ *Мельничій*. До паденія Плевны всѣ эти лица входили въ составъ штаба Плевненскаго отряда. 1-го декабря генералъ-адъютантъ Тотлебенъ и князь Имеретинскій уже отправились въ главную квартиру Наслѣдника Цесаревича, въ Брестовацъ. Генералъ-адъютантъ Тотлебенъ недавно постигъ взятаго нами въ плѣнъ Османа-пашу. Послѣдній въ разговорѣ сознался, что система выжиданія, примѣненная генераломъ Тотлебеномъ къ осадѣ Плевны, была губительна для турокъ.

За симъ получено въ высшей степени утѣшительное извѣстіе, что состояніе здоровья нашихъ войскъ, въ настоящее время, превосходное. Наши войска, облежавшія Плевну, послѣ продолжительнаго утомленія, теперь вполнѣ отдохнули, укомплектовались и организовались.

Въ числѣ политическихъ фактовъ прошлой недѣли выдаются слѣдующіе.

Въ англійскихъ правительственныхъ сферахъ за прошлую недѣлю происходило обсужденіе какихъ-то важныхъ рѣшеній. 4-го (16-го) декабря собрался совѣтъ министровъ; были горячія обсужденія чего-то, но дѣло не рѣшено, и совѣтъ разошелся. На слѣдующій день 5 (17-го), тоже состоялся совѣтъ министровъ. Въ этомъ засѣданіи лордъ Биконсфильдъ настаивалъ на какой-нибудь политической или же военной демонстраціи противъ побѣдоносной Россіи, на примѣръ, на отправкѣ ультиматума или на высадкѣ какого-нибудь отряда англійскихъ войскъ на полуостровъ Галлиполи. Съ военными предложеніями лорда Биконсфильда соглашались военный и морской министры и канцлеръ казначейства лордъ Нортскотъ. Но, повторяемъ здѣсь и прежде высказанную нами мысль, что мнѣніе и желаніе лорда Биконсфильда и нѣкоторыхъ единомышленниковъ ему министровъ—далеко не голосъ общенациональнаго мнѣнія Англій. Лучшая часть англійскаго общества называетъ англійскихъ шовинистовъ «праздношатающимися фатами». Болѣе рѣзкаго приговора и болѣе справедливой критики для Биконсфильдовскаго воинственнаго задора, конечно, трудно придумать.

Вообще теперь настали трудныя времена для враждебной намъ части британской дипломатіи. Общественное мнѣніе Англій, очевидно противъ лорда Биконсфильда, и если послѣдній горячо заинтересованъ въ вопросѣ о теперешнемъ безотлагательномъ вмѣшательствѣ въ пользу Турціи, то кабинетъ этого знаменитаго лорда-туркофила предстоить паденію, ибо—времена сильно переѣмнились.

Изъ Рима за прошлую недѣлю получились извѣстія, что министерскій кризисъ тамъ продолжается. Никакой комбинаціи для устраненія кризиса еще не состоялось. Но министерство, какъ предполагаютъ, будетъ составлено изъ членовъ большинства. За симъ, что касается успѣвшей всѣмъ надобѣсть молвы о смертельной болѣзни Папы, то эта молва оказывается далеко преувеличенною и конечно, съ разными сенсационными и часто съ биржевыми цѣлями. Здорье папы, съ установленіемъ сухой зимней погоды, начало поправляться. Тѣмъ не менѣе, въ виду неоспоримой драхости Римскаго Первосвященника, приняты уже особыя мѣры на счетъ будущаго конклава для избранія будущаго Папы. Говорятъ кардиналамъ, имѣющимъ участвовать въ конклавѣ, представлено выбрать Папу заранее, сохраняя его имя для себя, въ глубокой тайнѣ; да и самый конклавъ состоится уже не въ Римѣ, въ стѣнахъ Ватикана, а гдѣ-нибудь въ Римѣ, на примѣръ, говорить даже, въ республикѣ *Монако*... За послѣднее время стали ходить слухи о сближеніи Италіи съ Греціею—слухи, произведшіе въ Турціи большую тревогу. Въ Италію назначенъ новый турецкій посланникъ, Турханъ-бей и уже вручилъ Итальянскому правительству свои вѣрительныя грамоты.

10-го декабря, въ 10-ть часовъ утра, Его Величество изволилъ прибыть въ Петербургъ. Встрѣча была, конечно, самая восторженная.

МЫСЛИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

«Самая мучительная пытка для честнаго человѣка, безъ сомнѣнія, та, что бы противустать своимъ желаніямъ, которыя онъ хочетъ побѣдить». (*Жанъ-Жакъ Руссо*. «Исповѣдь»).

«Кто знаетъ читать, тотъ знаетъ труднѣйшее изъ всѣхъ искусствъ». (*Дюкло*).

СОДЕРЖАНІЕ: Генералъ-лейтенантъ Иванъ Давидовичъ Лазаревъ (съ портретомъ).—Юный Императоръ. Историческая повѣсть Вс. Соловьева. Часть третья. (окончаніе).—Стихотвореніе Туча П. Г.—а.—Князь Бисмаркъ (съ портретомъ).—Генералъ Скобелевъ въ редутахъ подъ Плевной (съ 2-мя рисунками).—Спасательная сѣтка (съ рисункомъ).—Выходъ изъ церкви (съ рисункомъ)И.—По Неискому до Знаменія (съ рисункомъ) Д. Стахѣева.—Городъ Орханіе (съ рисункомъ).—Типы болгарскихъ крестьянъ (съ рисункомъ).—Какъ въ старое годы учились ариометіи.—Новое изобрѣтеніе. Телескопъ (звукопередаватель) (съ 2-мя рисунками).—Политическія и военныя извѣстія.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ Д. Стахѣевъ.

*) Берковацъ лежитъ къ западу отъ большой рѣки Искера. Это замѣчаніе существенно важно для того, что бы понять планъ Мехемета-Али, при посредствѣ котораго онъ надѣялся, освободить Османа-пашу. Мехеметъ-Али надѣялся отнять у насъ постоновый мостъ черезъ Искеръ, которымъ мы завладѣли при движеніи въ Орханіе и, перейдя по мосту, двинутся въ Дубняку.

**) Движеніе турокъ къ Кутловицѣ было молодецки отражено нашими харьковскими уланами.

*) Театромъ этого дѣла была сѣверная сторона разсматриваемой полосы у Рущука.

ПОЛЕЗНЫЙ И НЕДОРОГОЙ ПОДАРОКЪ.

Имяются в готовности коробки съ 60 листами почтовой бумаги и 50 конвертами съ красивою буквою разныхъ цвѣтовъ въ 1 р. 50 к. и таяя же коробки съ изящно сшвытанными двумя буквами за 2 рубля. Иногородные за 5 руб.

Въ антографіи А Петерсона Невскій пр., домъ № 27, въ ряду Миллюнныхъ лавокъ. № 70 1

Магазинъ Сазикова въ С.-Петербургѣ продолжаетъ торговлю и производство серебряныхъ и золотыхъ вещей, по смерти брата моего Валентина Игнатьевича Сазикова, на прежнихъ основаніяхъ № 68

1—3 **Сергій Игнатьевичъ Сазиковъ.**

1—1 ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА **ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА 1878 ГОДА.** № 58

Восемь книжекъ въ годъ, посвященныхъ описанію растений, уходу за ними и ихъ размноженію и статьямъ, имѣющимъ практическое значеніе. Въ теченіи года будетъ дано сорочъ восемь рисунковъ, изъ которыхъ 24 хромографированныхъ. Свѣдѣнія о дѣятельности Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства (протокола засѣданій, отчеты сообщеній въ Обществѣ, о выставкахъ и т. п.) составятъ приложение. Кроме этихъ свѣдѣній, при Вѣстникѣ будутъ разосланы бесплатно сѣмена садовыхъ и огородныхъ растений и особая премія изъ книги.

Цена въ годъ съ пересылкою и доставкою пять рублей.
Подписываться можно въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ Редакціи (Имская ул., д. 13, кв. 18), въ Обществѣ (по адресу: Императорское Россійское Общество Садоводства), а въ Москвѣ—въ Сѣмянномъ Дѣпо комиссіонера Общества Л. Л. Раттера (Петровка, д. 18).

Кромѣ означенныхъ имѣть, Вѣстникъ можно выписывать чрезъ сѣмянные магазины гг. Вѣга, Запѣвалова и Сима, и чрезъ книгопродавца Я. А. Исакова.

Во всѣхъ книжныхъ и игрушечныхъ лавкахъ **НОВЫЙ ОРАКУЛЬ.**

Занимательное гаданье изъ вопросовъ и отвѣтовъ на всевозможныя случаи жизни. Изданіе очень изящное и можетъ служить хорошимъ подаркомъ къ Праздникамъ. При книжкѣ деревянные кубики и табличка съ карточными знаками. Цена 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. № 60 3—1

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Рассказъ очевидца
П. Я. БУГАЙСКАГО.

Съ портретами Императоровъ Николая I и Александра II. Генераловъ: Корнилова, Тотлеbens и Нахимова. Цена 40 коп. Выписывающіе прилагаютъ за экземпляръ съ пересылкою, шесть 8-ми копѣчныхъ почтовыхъ марокъ.

КАЗАКИ И ПЛАТУНЫ,

съ рисункомъ (историческо-военный очеркъ) П. Я. Бугайскаго. Ц. 20 к. за экземпляръ, съ пересылкою, просятъ выслать три 8-ми копѣчныхъ почт. марокъ, въ простомъ письмѣ по адресу: П. Я. Бугайскому, въ Петербургѣ, Захарьевская ул., д. № 31, кв. № 22. № 62 1—1

Оба сочиненія вышѣ пересылаются на счетъ автора.

ГАЗЕТА „ТЕЛЕГРАФЪ“,

литературная, политическая и общественная, будетъ выходить съ 1-го января 1878 г. безъ предварительной цензуры ежедневно утромъ, подъ редакціею редактора Н. В. Трубинина. Газета «Телеграфъ» будетъ въ краткой и сжатой формѣ сообщать все то, что служитъ неотъемлемымъ содержаніемъ всякой ежедневной газеты. Подписная цѣна съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ: за годъ 5 р., за полгода 3 р., за три мѣсяца 2 р. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, на Большой Конюшенной, домъ № 15, Языковой квартирѣ № 22. № 61 1—1

СЪ ЯНВАРЯ 1878 ГОДА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ НОВЫЙ ЕЖЕМѢСІЧНЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ „ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Программа «Исторической Библиотеки» будетъ заключать въ себя два отдѣла: бѣдотерческій и научный, въ составъ которыхъ войдутъ оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержания, оригинальные и переводныя историческія сочиненія, наследованія, монографіи, матеріалы, историко-юридическія, этнографическія, топографическія статьи и біографическія указатели съ краткими разборами выходящихъ книгъ историческаго содержанія какъ у насъ, такъ и за границей. Сюда же войдутъ статьи, посвященные трудамъ по археологіи. По этому предмету учрежденъ археологическаго института въ Петербургѣ г. Предсѣдатель Комиссіи объ устройствѣ архивовъ въ Россіи, Н. В. Малаховъ будетъ сообщать наиболее важныя и интересныя свѣдѣнія какъ о ходѣ занятій, такъ и матеріалахъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ. Редакція обязана своею содѣяніемъ: Н. В. Малаховъ (ближайшимъ участіемъ по историко-юридической части), В. П. Безобразовъ, Н. И. Костомаровъ, Н. И. Бестужевъ-Рюминъ, В. С. Соловьевъ, Г. П. Данилевскій, Д. Л. Мордовцевъ, И. Е. Заблѣинъ, В. О. Мюллеръ, А. Д. Галаховъ, И. В. Вернадскій, П. В. Павловъ, П. А. Матвѣевъ, Ю. Е. Афонская, В. П. Аверариусъ и друг. Въ настоящее время въ Редакціи уже имѣются сдѣланные оригинальныя произведенія: Сводная былина о добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородицѣ В. П. Аверариуса; Капитанъ гренадерской роты, ист. ром. Всев. С. Соловьева; Прекраса, ист. ром. изъ жизни сѣверныхъ Саваянъ Х. Я. В. Ладова; Престола и монастыря, истор. пов. конца XVII в. Ш.; Поляновыя волынцы, изъ дѣлъ Сысѣнаго приказа, сообщ. Н. В. Малаховымъ; Сорочные годы въ исторіи русскаго народа Д. Л. Мордовцева; Московское княжество въ 1-ой половинѣ XIV ст., истор. вѣдѣе Д. В. Поленова; Основныя эпохи въ исторіи Англіи Д. Павлова и др. Кромѣ того въ Редакцію сообщены Н. В. Малаховымъ, какъ истор. матеріалы, въ числѣ другихъ статьи о народныхъ празднествахъ и театрѣ въ ц. Анны Ювановны Н. И. Оглоблинымъ; Описаніе путешествія Арсенія Архипенкова Аланскаго въ Россію въ 1588 г. Изъ числа переводныхъ статей имѣются: Россія и Турція Букарова; Сунушества Генриха VIII; Государственная тюрьма временъ Людовика XIV, сообщ. Матвѣевымъ; Любовь Марата, ром. Мете и мн. друг. Затѣмъ Редакція ожидаетъ получить: истор. р. Г. П. Данилевскаго; Москов. княж. XVI в. Н. В. Малачева; изъ исторіи Вол арм Галавацкаго; О мѣстномъ самоуправленіи во Франціи въ концѣ XVIII вѣка Ю. Е. Афонская, а также произведенія Н. И. Костомарова и Н. И. Бестужева-Рюмина. Для обзоранія же исторической литературы какъ русской, такъ и иностранной, редакція имѣетъ назначить отдѣлъ въ каждой книгѣ.

Историческая Библиотека будетъ выходить ежемѣсячно книгами отъ 10—15 лист.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп. съ пересылкою и доставкой 8 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Чересова и К°, Невскій просп. противъ Публич. Библ. д. № 54.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться въ Петербургъ въ Редакцію журнала Исторической Библиотеки. (Бол. Садов. домъ 121 кв. 12). № 59 1—1 Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

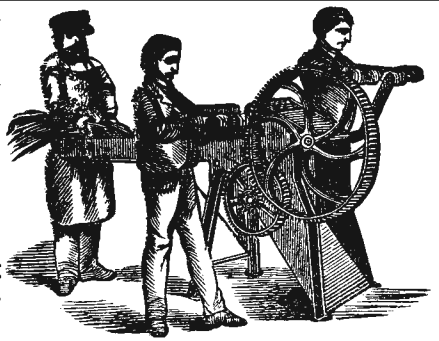
АМЕРИКАНСКАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА.

Молотить въ часъ 200 сноповъ, чистая молотыба, прямая солома.

Цѣна 110 р. с. Прейсъ-Куранты бесплатныя.

ДЕПО МАШИНЪ Э. Д. ФЛУГЪ.

На углу Офицерской ул. и Вознесенскаго пр. N 1—11.

Ж. Шансонъ имѣетъ честь издѣлать почтенную публику, что готическія буквы, приготовляются исключительно для мѣтки бѣлья, отнынѣ будутъ продаваться по 15 в. за штуку. Компостеры покупаются отдѣльно. Ручается за прочность чернилъ, помощью которыхъ можно имѣть бѣлье безо всякаго предварительныхъ приготовленій.

Передвижныя колостеры переносныя печати.

для составленія и разборки по сложенію всякаго рода словъ, какъ напр. бланки, числа, мѣсяцы, годъ и т. д. Отпоява и розничная продажа.

Невскій пр. подъ Лумюю, Серебрянный рядъ № 14.

Иногородныхъ просятъ адресоваться: Москва, Петровка, домъ Перовщикова. Ж. Шансонъ.

Благонный мыльный и косметическій товаръ фабрики

Брокеръ и К°

Въ Москвѣ

можно получать: въ собственныхъ магазинахъ Николаевская д. Бостанджогло

Ильинка д. Троичкаго подворья

и во всѣхъ городахъ Россіи у главныхъ торговцевъ

6—1 пожайнъ прейсъ-курантъ посматрѣется бесплатно № 57

О НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНѢ И КЪ ДРУГИМЪ ЛЕКЦІЯМЪ ТУМАННЫЯ КАРТИНЫ ДЛЯ ВОЛШЕВНАГО ФОНАРЯ.

Заготовлена для всѣхъ учреждений читающимъ лекціи для Народу въ С. Петербургѣ и Москвѣ, изъясн. такыхъ до 10 тысячъ штукъ, въ подробностяхъ и съ заглавными покорно прошу адресовать въ С.-Петербургѣ, Петербургской части по Стрѣльбинской ул. № 13. Н. А. Ержалянъ. № 66 1

Педагогическій журналъ «Воспитаніе и Обученіе», бывшій «Дѣтскій Сады» будетъ выходить въ 1878 г. въ направленіи приматомъ съ 1876 г. Правильное педагогическое воспитаніе возможно лишь тогда, когда выяснена теорія. Редакція поставила задачей своей выясненіе теоріи, за которой должно быть основано воспитаніе, въ статьяхъ о развитіи умственнаго и нравственнаго строя ребенка и о предметахъ преподаванія. Въ отдѣлѣ критики и біографіи даются отзывы о педагогическихъ и дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. Въ отдѣлѣ смѣсь печатаются рядъ замѣтокъ изъ воспитательной практикы. Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго и младшаго возраста будутъ помѣщены рассказы, стихотворенія, біографіи статьи естественно-научнаго содержанія, путешествія для младшаго возраста прилагаются рисунки. Въ 1877 году была помѣщена статья въ педагогическомъ отдѣлѣ: Личность ребенка М. Артемьевой, Дисциплина ее же, Педагогика и гигиена; ихъ взаимныя отношенія, В. Португалова. Школа, какъ посредница заравъ, его же. Чувство, Воображеніе, Наше преподаваніе русской литературы, Объ изученіи иностранныхъ языковъ. Замѣтка о женскомъ образованіи, Отношенія родителей и учителей, О чувствахъ и умѣ, Бэне, Въ отдѣлѣ чтенія для дѣтей старшаго возраста: Сниталецъ стихотвореніе А. Михайлова. На рѣкѣ, рассказъ, его же, Моя нуанца, повѣсть М. Артемьевой, Сократъ. Изъ жизни человѣка и приходы О. Н. Нововой. Вода, путешествіе по Австріи, для младшаго возраста Рождественскій сонъ, сказка А. Михайлова. Какъ стихотвореніе, И. З. Сурикова. Пожаръ на кораблѣ М. Артемьевой. Кузъ въ Петербургѣ С. Самойловичъ, Болгарскія дѣти, рассказъ. Слонъ. Крокодилъ.

Журналъ выходить ежемѣсячно въ объемѣ отъ 5—6 листовъ въ 8 долю большаго формата цѣна 5 р. 50 к. безъ доставкы. Съ пересылкою и доставкой 5 руб. Подписка принимается у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ и въ редакціи; Ентерпрингскій проспектъ д. № 61 кв. 4.

№ 45 Издатель В. Уггла. Редакторъ Е. Бороздина. 2—1

Abonnement auf den „St. Petersburger Herold“ für das Jahr 1878.

Der „St. Petersburger Herold“ erscheint täglich, Mittwochs mit der Gratis-Beilage „Industrie Zeitung“, Donnerstags mit der Gratis-Beilage „Feuilleton-Beiblatt“, Freitags mit der Gratis-Beilage „Handels- und Börsen Zeitung“, Sonntags mit der Gratis-Beilage „Land- und Wirtschaftliche Zeitung“. Die Lokalnachrichten geben wir gesondert in einem „Lokalbeiblatt“ an den Tagen, an welchen die Annoncen durch ihre Menge den Raum unseres Blattes beeinträchtigen. — Indem wir uns erlauben auf diese Einrichtung aufmerksam zu machen, betunden wir zu gleicher Zeit, dass es uns durchaus fern steht, den geistigen Inhalt unseres Blattes durch die gehäuftten Annoncen auf Kosten unsere geschätzten Abonnenten irgendwie schädigen zu lassen. Auch im nächsten Jahre werden wir wie in den vergangenen bei offener Gelegenheit unsere geschätzten Abonnenten durch Extra-Beilagen zu erfreuen bestrebt sein.

Man abonnirt direkt bei der unterzeichneten Administration. Der Abonnementpreis, mit Zustellung in's Haus, beträgt: in St. Petersburg: für 1 Jahr 13 R., für 9 Monate 10 R. 20 K., für 6 Monate 7 R., für 3 Monate 5 R. 75 K., für 1 Monat 1 R. 30 K.

für das Innere des Reichs: für 1 Jahr 14 R., für 9 Monate 11 R., für 6 Monate 7 R. 50 K., für 3 Monate 4 R., für 1 Monat 1 R. 50 K.

INSERTIONEN finden bei der grossen, täglich wachsenden Auflage des „Herold“, bei dem starken Einzelverkaufe nicht nur in den beiden Residenzen St. Petersburg und Moskau, sondern auch auf den Stationen sämtlicher Eisenbahnen Russlands die ausgedehnteste Verbreitung. Die viergespaltnete Petitzeile oder deren Raum wird mit 10 Kop. berechnet; bei grösseren Aufträgen wird ein entsprechender Rabatt gewährt.

Die Administration des „St. Petersburger Herold“. Wosnessensky-Prospekt (Blaue Brücke) № 3.

№ 52

1877

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 4—6 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧ. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ
 Издавъ 21 Декабря 1877 г. (отъ 30 до 40 рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЕЙ (отъ 24 до 36) ВЫКРОЕКЪ. Цѣна этого № «Ижва» 15 к. съ пересл. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1878 г.

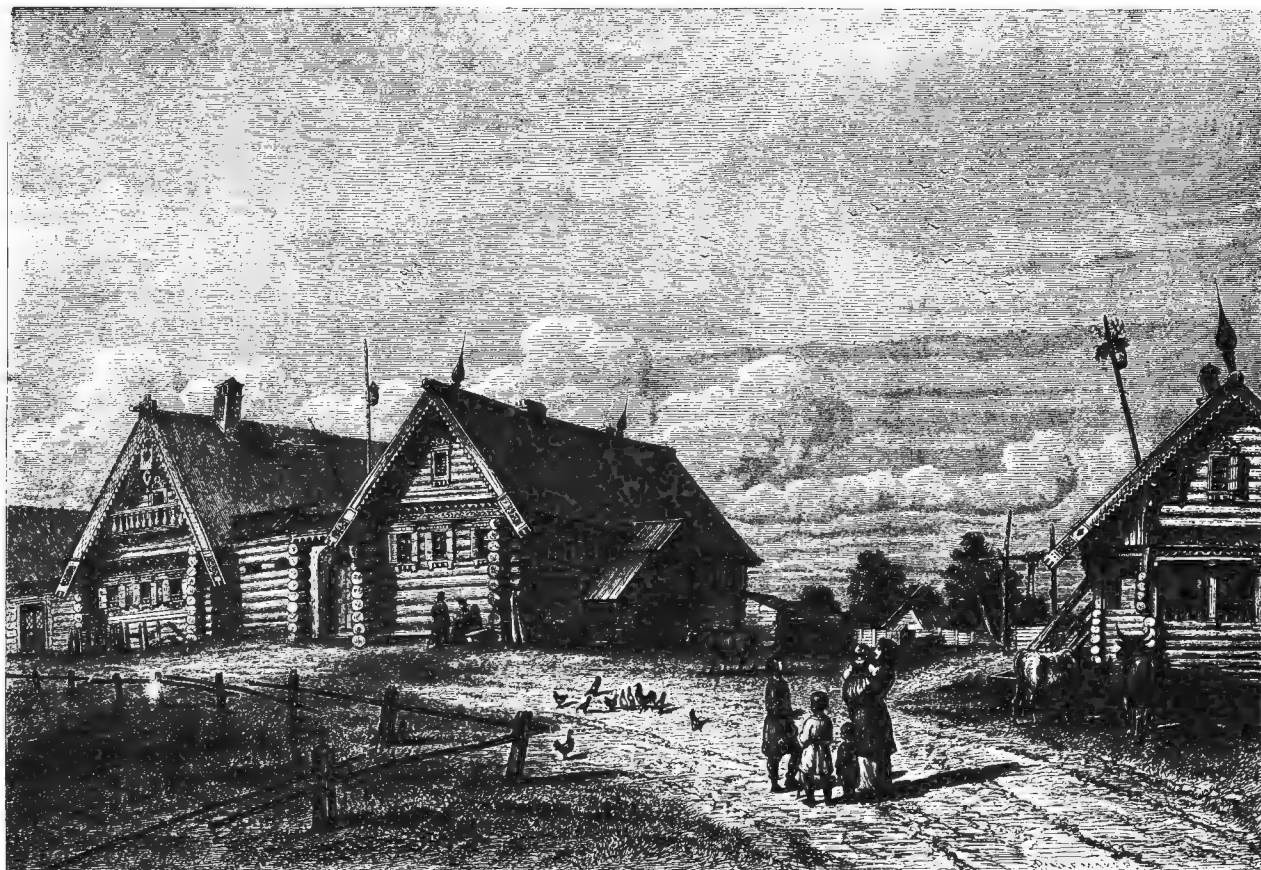
Просимъ гг. подписчиковъ не замедлять возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе остановки въ полученіи журнала, въ особен-
 ности первыхъ его номеровъ, такъ какъ приготовленіе около 23,500 печатныхъ адресовъ требуетъ очень много времени.
 Просимъ высылать редакціонные адреса отъ бандеролей, въ которыхъ получается „Ижва“ въ настоящемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. „НИВЫ“ на 1878 г.	{ Безъ доставки въ С.-П.-Бургъ. 4 р. { Съ доставкую 5 „	{ Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ 5 р. { Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи. 6 „

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9

Наша великорусская деревня.

Для нашей обширной отечественной равнины, въ экономи- | земли городовъ у насъ слишкомъ мало, чтобы сравнивать от-

Наша великорусская деревня. Рис. Ганье, грав. Паннемакеръ.

ческомъ и культурномъ отношеніи, деревня имѣетъ совершен-
 но особое значеніе. Сравнительно съ огромнымъ пространствомъ

ношеніе числа городовъ къ числу деревень съ таковымъ же
 отношеніемъ въ другихъ странахъ Европы, а это, въ свою оче-

редь, происходит от того, что и равнина-то наша населена слишком рѣдко. Въ среднемъ разсчете у насъ, въ Европейской Россіи, приходится не больше 700 чел. на квадрат. милю, тогда какъ даже въ обезлюденной турецкимъ правленіемъ Болгаріи все таки приходится 1,500 чел. на квадрат. милю. Теперь возьмите какую либо нашу губернію. Даже при средней величинѣ, она равняется иному герцогству Германіи. Положите на нее 10 (среднее число) уѣздныхъ городовъ, и вы увидите, какое громадное значеніе имѣетъ у насъ деревня еще и теперь, при развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ. Даже болѣе: деревня и ея производительная дѣятельность, въ смыслѣ земледѣлія, и въ настоящее время еще ждетъ своего рациональнаго развитія.

Для интересующихся нашею русскою стариною замѣтимъ, что наши города, въ древній періодъ, были ничто иное, какъ деревни. Это можно доказать исторіей развитія населенности нашей равнины, на что мы и укажемъ сейчасъ.

Какъ же у насъ начинались и строились деревни? Для разрѣшенія этого вопроса и по настоящую минуту существуютъ живые указанія и намеки. Именно во многихъ нашихъ среднихъ губерніяхъ часто можно встрѣтить такъ называемые „починки“. Это чаще всего маленькія сиротливыя деревеньки домишка въ два-три, построенныя гдѣ-нибудь въ глуши, у лѣса и у рѣки, надъ которою склонились плакучія березы или ели; онѣ-то и составляютъ первобытныя ячейки начинающихся зарождающихся деревень. Деревня *почина*-было строится (отсюда и слово „починокъ“), но дѣло почему-либо не склелось. Мѣсто глухое, что ли, отъ рынковъ сбыта и отъ базаровъ сельскихъ избенкахъ и установилась постройка деревни, затѣвавшейся можетъ быть въ большихъ размѣрахъ. Такихъ „починковъ“ вы встрѣтите очень много въ средней полосѣ Россіи. Обыкновенно живущие въ такомъ пустынномъ углу крестьяне держатъ добрыхъ собакъ и имѣютъ ружья, потому что и зимой и лѣтомъ борются съ волками, которые зимой ужь просто предъ ихъ воротами расцѣпаютъ свои жалобы. Съ другой стороны есть „починки“ и удавшіеся, т. е. разросшіеся въ большія деревни, но тѣмъ не менѣе, сохранившие свое названіе, уже въ видѣ собственнаго имени. Затѣмъ встрѣчаются еще „выселки“—селенія дома въ два-три. Это значитъ „миръ“ выселилъ изъ деревни чѣмъ либо провинившихся и негодныхъ ему крестьянъ. Сюда крестьянъ почему либо выселили изъ большой деревни, чаще отъ тѣсноты скученныхъ построекъ.

И почишки и выселки представляютъ до такой степени первобытную форму образованія селеній въ нашей Руси, что мы вправѣ принять, что такъ именно строились въ древней Руси, даже въ Удѣльный періодъ, такъ называемыя „свободныя“ земледѣльцы и „челядь“, т. е. рабы землевладѣльцевъ. Земли не воздѣлываемой было много, население рѣдкое, лѣсу было въ волю. До закрѣпленія же земледѣльцевъ за землевладѣльцами, или князьями, первые, какъ мы знаемъ, часто уходили отъ послѣднихъ, если имъ обѣщались льготы отъ податей въ другой княжеской области. Вплоть до времени Василья Темнаго у насъ встрѣчается свободное передвиженіе крестьянъ. Известный Юрьевъ день былъ только небольшимъ ограниченіемъ. При частыхъ передвиженіяхъ земледѣльцы, конечно, строили свои избы кое-какъ, лишь бы укрыться отъ стужи, дождя и вѣтра. Тинъ тогдашней крестьянской избы остался у насъ до сихъ поръ въ „чорныхъ“ или „курныхъ“ избахъ. У нѣкоторыхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ древнюю Русь, сохранилось описаніе тогдашнихъ крестьянскихъ домовъ. Такъ же раздѣлялись они на зимнюю избу или „истопку“ и на „холодникъ“ или клѣть, тѣ же соединяющія ихъ сѣни, затѣмъ уже тѣ же палаты, придѣланныя къ печи голубецъ, на которомъ любятъ спать „дѣдушка-домомой“, кутникъ, лавки, подпечекъ. Все это въ существенныхъ чертахъ осталось и до сихъ поръ. Разница только въ томъ, что тогдашній крестьянинъ не жалѣлъ лѣсу. И вотъ отъ обилія дерева и самыя селенія названы „деревнями“. Затѣмъ, благодаря тому же обилію матеріала, у насъ сначала не было большого различія между деревнями и городами*). Тѣмъ не менѣе, говоря вообще, нашъ древній городъ—это просто на просто большія деревня, огороженная деревяннымъ тыномъ или стѣной; извѣстное выраженіе „срубить городъ“—значитъ обнести деревянной стѣной уже существующее большое селеніе или деревню. Что разница между деревней и городомъ, затѣмъ, видно изъ того, что жители городовъ занимались хлѣбопашествомъ. Но затѣмъ въ XVI и XVII вѣкахъ у насъ являются уже подгородныя слободы, или посады, населенныя посадскими, торговыми и промышленными людьми. Это уже нѣсколько напоминаетъ построеніе селеній во всей Европѣ во время феодализма, а также англо-саксонскія субъ-урбы (suburbe)**). Промысламъ и торговлѣ нужна была городская защита и вотъ отъ этого промышленныя посады расположились подъ городами въ первобытную эпоху и у насъ, и вездѣ въ Европѣ. Это явленіе общее. С.

ДЕНЬ СКОРБИ.

(Картинки изъ дѣтской жизни).

Вечеръ. Пансіонеры сидятъ по классамъ и готовятъ уроки на слѣдующій день. Сережа Балкинъ съ особеннымъ усердіемъ углубился въ книгу и прикладываетъ всѣ свои старанія, чтобы хорошенько выучить заданные на завтра уроки. А завтра суббота—последній день мучительной пансіонской недѣли. „Господи, хоть-бы единицы не получить“ думаетъ Сережа, и еще усердѣе принимается, закрывъ глаза и слегка покачиваясь, твердить *mensa, mensae, mensae...*

Вѣда получить единицу: липать отпуска, липать самаго лучшаго удовольствія—видѣть мать, сестренку Лидочку... И цѣлую недѣлю Сережа работаетъ изо всѣхъ силъ, чтобы не лишиться удовольствія провести воскресенье дома, заснуть на своей кроваткѣ, напитокъ чаю у шумящаго самовара. „И Матрену увижу“, думается Сережѣ, и картина домашней жизни рисуется ему такъ ясно, со всѣми ея подробностями; глаза уставились въ одну точку, губы перестали твердить склоненіе... „Что же это я...“ отмахивается отъ наплывающихъ мыслей Сережа и снова обращается къ книгѣ.

— Григорій Ивановичъ, сколько до звонка осталось? спрашиваетъ кто то у надзирателя.

— Три четверти часа. Занимайтесь, занимайтесь! Горбушинъ, Горбушинъ, что ты ничего не дѣлаешь!

— Да я, Григорій Ивановичъ, все приготовилъ.

— Ну, ну! Не разсуждать! Приготовилъ, а завтра единицу получишь.

— Затѣмъ получить, если я знаю.

— Ну, ну хорошо! Потолкуй еще—безъ чаю будешь!

Горбушинъ смолкаетъ: голодному желудку пансіонера эта угроза очень чувствительна. „Три четверти часа! А я еще множественнаго числа не выучилъ“ думаетъ

Сережа, и напрягая все свое вниманіе, продолжаетъ заучивать *mensarum, mensarum, mensarum...*

День-день-день!.. Это звонокъ къ вечернему чаю—и потомъ спать. Шумно вскакиваютъ со скамѣекъ засидѣвшіеся ученики и поспѣшно идутъ строиться въ ряды, чтобы идти чай пить. Всѣ расправляютъ затекшіе члены. Шумный говоръ сразу поднялся въ безмолвномъ до того корридорѣ и гулко разносился по опустѣвшимъ классамъ. Сережа успѣлъ выучить и множественное число, хотя и не очень твердо. „Ничего, завтра передъ классомъ повторю“ подумалъ онъ, и сложивъ книги, пошелъ занять свое мѣсто.

Въ постели, уже засыпая, попробовалъ Сережа склонять заданный урокъ. „Богъ дастъ, отвѣчу“ думаетъ онъ, крестится еще разъ и засыпаетъ.

— Вставать, вставать, вставать! выкрикиваетъ надзиратель. Сторожъ Тарасъ ходитъ по дортуарамъ и трезвонитъ.

Сережа быстро вскочилъ, одѣлся торопливо и безъ чая, чтобы выиграть время, побѣжалъ въ классъ, повторить урокъ.

— А ну-ка, скажу сперва ва память!

Но что такое случилось?! Склоненіе какъ будто вывалилось изъ головы. Отъ единственнаго числа еще остались какіе-то обрывки, а отъ множественнаго и слѣда нѣтъ. Будто и не училъ. „Что со мной“ шепталъ Сережа и, схвативъ книгу, нервно зашагалъ по классу. стараясь запечатлѣть упрямое склоненіе.

*) Но наши города, стоявшіе на великомъ водномъ греческомъ пути, должны были разбогатѣть очень рано. Таковы и дѣйствительно были стоявшіе на двухъ оловечникахъ пути, Новгородъ на сѣверѣ и Кіевъ на югѣ.

**) Т. е. пригородныя селенія.

— По мѣстамъ, учитель идетъ!

Сереза сидитъ какъ въ лихорадкѣ. „Хоть-бы не вызвалъ, не спросилъ“ шепчуть его губы. Учитель обвелъ глазами ряды скамей, размышляя, кого бы вызвать, и взволнованное лицо Серезы бросается ему въ глаза.

— Балкинъ!

Сереза всталъ, закрылъ книгу и дрожащимъ голосомъ началъ отвѣчать урокъ. Учитель, великій знатокъ ученическаго сердца, понимаетъ, что дѣло не ладно. „Только что, видно, прочелъ“ думаетъ онъ и останавливается передъ Серезой, какъ-то особенно недовѣрчиво вслушиваясь въ его отвѣтъ. Единственное число прошло хорошо, и подозрѣнія учителя уже было улеглись, но вотъ Сереза переходитъ къ множественному.

— Именительный—mensis...

— Какъ, какъ?! и подозрѣнія съ новой силой вспыхнули въ умѣ великаго психолога.

— Mensarum едва слышно произноситъ Сереза.

— Это именительный-то надеждъ?

Сереза молчитъ.

— Ну такъ какъ же?

Молчаніе.

— Плохо, плохо, Балкинъ! Вы должно быть передъ классомъ только и прочитали.

— Нѣтъ, Терентій Гаврилычъ, я училъ еще вечеромъ, почти шопотомъ говоритъ Сереза, но учитель уже подошелъ къ кафедрѣ и поставилъ отмѣтку въ журналъ.

— Садитесь. Горбушинъ!

„Что онъ поставилъ?“ думаетъ Сереза. „Неужели единицу! А можетъ быть только NB.“

Но вотъ услужливый товарищъ, который успѣлъ заглянуть въ журналъ, таинственно показываетъ ему два пальца. „Двойка! Пустьятъ или нѣтъ вертится у него въ головѣ и онъ какъ сквозь сонъ слышитъ какъ учитель распекаетъ Горбушина. Послѣ класса подошелъ Сереза къ Горбушину, который тоже схватилъ пару.

— Горбушинъ, пустьятъ насъ домой?

— Я у директора попрошусь, скажу что мнѣ къ дядѣ, генералу Павлу Петровичу, нужно идти. Онъ съ дядей-то моимъ знакомъ, такъ пустьятъ!

„А я что скажу“, подумалъ Сереза и отошелъ. Кое-какъ прошли остальные уроки. Сереза ходилъ въ тревогѣ: участь еще не была рѣшена. „А можетъ быть и отпустить“ мелькало иногда въ его головѣ.

Горбушинъ сейчасъ по окончаніи послѣдняго урока прошелъ просить въ отпускъ къ директору, который слегка пожурилъ его, но все-же отпустилъ, взявши съ Горбушина слово, что впередъ онъ будетъ стараться.

— Передайте поклонъ Павлу Петровичу, когда къ нему пойдете, говорить на прощанье директоръ, и Горбушинъ, ловко шаркнувъ ножкой, веселый уходитъ.

Первый встрѣчается ему Сереза, нетерпѣливо ожидавший прихода Горбушина отъ директора.

— Ну что?!

— Отпустилъ, да еще дядѣ просилъ кланяться.

— И меня значить отпустить? радостно говоритъ Сереза.

— Не знаю. Поди спросись!

Сереза весело побѣжалъ черезъ дворъ къ директорской квартирѣ, но уже на дорогѣ онъ какъ-то смутно почувствовалъ, что его, пожалуй, директоръ не отпуститъ. „Вѣдь у Горбушина дядя-генералъ“—и онъ робко потянулъ ручку звонка.

— Можно къ Анатолю Игнатычу? спросилъ Сереза, стараясь казаться спокойнымъ. Франтъ - камердинеръ оглянулъ Серезу, и не удостоивъ его отвѣтомъ, ушелъ въ комнаты. Сереза остался въ передней, приготовляя что сказать директору; доводы, которые онъ приготовилъ, казались ему такъ неотразимы, что онъ уже почти не сомнѣвался, что его пустьятъ. Минуть черезъ пять пришелъ камердинеръ и ввелъ Серезу въ залу. Тамъ никого не было, только ожирѣвшая болонка лежала въ

мягкомъ креслѣ, готовясь, какъ видно, вздремнуть послѣ сытнаго обѣда.

Сереза засмотрѣлся на пышное убранство комнаты и на картины, которыя висѣли по стѣнамъ. Никто не шелъ, только изъ другихъ комнатъ слышенъ былъ громкій разговоръ.

— По міру, по міру, матушка моя, придется пойти при твоёмъ расходѣ! Силь нѣтъ,—слышится раздраженно сердитый голосъ директора, и чьи-то тяжелые шаги направляются къ залѣ. „Господи, какой онъ сердитый“ мелькнуло въ головѣ Серезы, когда директоръ красный, съ засунутыми въ карманы руками вышелъ въ залу.

— Что такое?!

Сереза не связно началъ говорить, но директоръ, услышавъ о его просьбѣ, не далъ ему докончить и круто оборвалъ.

— Нѣтъ, нельзя, нельзя! Нужно учиться, стараться! Нельзя, нельзя! идите! Заниматься нужно, а вы въ отпускъ проситесь! Мало за недѣлю шалили!

Сереза подумалъ о Горбушинѣ, но сказать не рѣшился, и неловко поклонившись, съ опущенной головой вышелъ отъ расходившагося директора.

Въ классѣ шумно и пыльно. Всѣ хлопочутъ, суетятся, собираютъ книги, приготовляясь идти домой. Нѣкоторые ушли, многіе нетерпѣливо ожидаютъ, когда за ними придутъ, чтобы ихъ взять. За Серезой тоже должна прийти служанка; но его, наоборотъ, это теперь не радуетъ, а тревожитъ: придется ей сказать, что онъ наказанъ. Поджидающей матери это будетъ очень, очень неприятно! Вотъ уже скоро и 5 часовъ, когда за нимъ обыкновенно посылаютъ. „Господи, хоть бы нынѣшній разъ не пришли за мной“ думаетъ Сереза и тревожно посматриваетъ въ окно. Но нѣтъ, какъ на зло, ровно въ 5 часовъ приходитъ Мавра, да еще не одна, а съ пятилѣтней сестренкой.

— Селеза, Селеза, пойдемъ! Скалѣй пойдемъ домой! лепечетъ Лидочка, цѣлуя его и съ радости и нетерпѣнія подпрыгивая на мѣстѣ. Сереза красный съ пощурой головой говоритъ Маврѣ, что ему нельзя, что его не пускаютъ, что онъ... наказанъ.

— Какъ-же мнѣ безъ васъ къ барынѣ явиться. Мнѣ сказано, чтобы васъ привести, а теперь... Мамаша и на извошника дала, чтобъ по дождю не идти.

— И я Селеза плѣхала... Ну сколѣй Мавлуса, одѣнь Селезу... мамаса гавайла сколѣй велнисъ, продолжала болтать сестренка, дергая за подолъ служанку.

Сереза опять въ довольно темныхъ выраженіяхъ объяснилъ служанкѣ, что ему идти нельзя.

Мавра плохо поняла въ чемъ дѣло, одно только ясно было, что взять его нельзя и что къ доброй барынѣ придется прийти съ грустной вѣстью.

— Ишь, фараоны, мальчика мучаютъ! ворчала она и начала собираться. Маленькая Лида, видя печальное лицо брата и служанки, притихла.

— Ну идемъ, Лида!

— А Селеза? тихо спросила она.

— Идемъ, идемъ, говорятъ тебѣ, почти сердито уже говорила добрая старуха, и она одѣла Лидочкѣ бурнусикъ и платокъ. Дѣвочка присмирѣла и попеременно переводила глаза съ Мавры на брата, стараясь узнать, шутятъ-ли съ ней или въ самомъ дѣлѣ они уйдутъ безъ Серезы.

— Прощайте, Сергѣй Петровичъ! Ну, Лидочка, простись съ братцемъ. Дѣвочка подошла къ брату обняла его за шею и заглядывая ему въ лицо своими синенькими глазками, тихо заговорила. „Селеза, пойдемъ домой! А? Пойдемъ?“ Но Сереза не могъ ей отвѣтить, слезы душили его; онъ быстро обнялъ сестренку и почти выбѣжалъ изъ пріемной комнаты.

Мавра поспѣшно увела заплакавшую Лидочку.

На Елку. Последние дни и первые годы. Рис. Моренъ, грав. Тома.
Библиотека "Руниверс"

На Елку. Дѣтскія радости на праздниѣ. Силуэты Е. Вемъ. Рис. Е. Вемъ, грав. Вейерманъ, Библиотека "Руниверс"

— Вот грѣхъ! Ну какъ я барышѣ теперь покажусь.

Сережа побѣжалъ въ классъ; тамъ :атѣвалась какая-то игра, шумѣли, спорили. Эготъ шумъ былъ ему теперь не по душѣ, ему хотѣлось быть одному; на душѣ было тяжело, слезы готовы были политься изъ глазъ и онъ ихъ едва сдерживалъ. «Боже мой, Боже мой, какой я несчастный! Бѣдная мамаша, какъ-то ей будетъ!» Онъ положилъ голову на руки и закрылъ глаза. Кругомъ него продолжали шумѣть, но онъ почти не слышалъ шума: ему живо представилась его мать, выбѣжавшая на звонокъ Матрены, чтобы скорѣе обнять милаго сынка. Но Матрена одна, безъ Сережи. «Почему? Что съ нимъ, онъ боленъ? Что случилось?» — «Онъ наказанъ!»

— Балкинъ, идемъ играть, что сидишь? Сережа, не приподнимая головы, отвѣтилъ, что играть не хочетъ.

— Да ты, кажется, нюнишь? Господа, господа, Балкинъ плачетъ, къ мамасинкѣ хочетъ! Подскочили еще два-три зубоскала и начали трунить и острить надъ Сережей. Онъ молчалъ, чтобы тѣ скорѣе отстали, но пазойливые товарищи не унимались, начали дергать его за платье, засматривать въ лицо.

— Дайте платокъ, мы ему носикъ утремъ,—предложилъ одинъ и уже началъ приподнимать ему голову.

— Отстаньте, говорять вамъ!—закричалъ Сережа, вскочивъ съ своего мѣста блѣдный какъ полотно и съ дрожащими губами.

Мальчишкамъ только того и нужно было.

— Заплачь, заплачь!

— Копѣчку дамъ!—закричало нѣсколько голосовъ и опять пошли дергать его за курточку, хохотать; одинъ подскочилъ и изловчился дать ему щелчокъ въ самый носъ, но Сережа съ размаха вцѣпился ему въ волосы. Тотъ началъ отбиваться и драка затѣялась. Злѣба Сережи искала и хода, и доведенный до бѣшенства, мальчишкѣ съ озлобленіемъ вымещалъ все на попавшемся. Къ несчастію противникъ былъ слабѣе Сережи, не могъ дать ему хорошаго отпора, и рѣдкіе удары, которые доставались Сережѣ, только больше озлобляли его.

Дерущихся обступили и пошли обычныя подзадориванья. «Такъ его, такъ его!» «Луи хорошенько!» «Не щелкай по носу!» «Молодецъ, Балкинъ, молодецъ!» Никто и не думалъ рознять ихъ. Зрѣлище всѣмъ очень нравилось. Сережа повалилъ противника и готовъ уже былъ дать ему самую тяжеловѣсную пощечину, какъ вдругъ чья-то сильная рука сдернула его съ противника, наградивъ въ добавокъ небольшимъ подзатыльникомъ. Онъ приподнялся. Передъ нимъ стоялъ директоръ съ дежурнымъ надзирателемъ; всѣ остальные разбѣжались, только его противникъ, измаранный, приподнялся съ пола. Видъ Сережи былъ тоже не привлекательный: растрепанный, испачканный, съ блѣднымъ лицомъ и блестящими сухими глазами.

— Это что? Буянить, драться!—захлебываясь кричалъ директоръ, какъ видно ошеломленный видѣнной сценой. — Это... это... въ карцеръ! Въ карцеръ! Позвать дядьку... скорѣй. Ведите его... ведите... Перетрусившій надзиратель потащилъ за руку Сережу, который не упирался, и со сжатыми губами и высоко поднимавшейся грудью уходилъ, поправляя разстроившійся костюмъ. Въ его головѣ не было ни одной связанной мысли, въ вискахъ стучало, въ горлѣ пересохло и набившаяся пыль въ ротъ душила его. Прибѣжавшій дядька поспѣшно увелъ его въ карцеръ.

Небольшой чуланчикъ съ единственнымъ узенькимъ окошечкомъ, которое выходило на площадку пансіонскаго сада, былъ карцеръ. Мрачно было въ чуланчикѣ, но не весело было и въ саду: деревья стояли почти голыя, рѣдко-рѣдко гдѣ держался еще пожелтѣвшій листокъ, вѣтви гнулись и скрипѣли отъ сильныхъ по-

рывовъ вѣтра; четыре молодыхъ заморенныхъ тополя, завернутые въ рожи, чтобы предохранить ихъ отъ суровой зимы, выглядѣли настоящими мертвецами въ грязныхъ савапахъ. Дождь шелъ съ самаго утра, барабанивъ въ узенькое окошечко карцера. И шпѣмъ не огорченному человѣку грустно въ такіе пасмурные осенніе дни, а на Сережу погода подѣйствовала подавляющимъ образомъ. Не успѣли смолкнуть шаги уходившаго Тараса, какъ Сережа залился горькимъ слезами. О чемъ онъ собственно плакалъ, онъ самъ не зналъ, но слезы текли по его лицу, грудь судорожно подымалась и громкія, перерывающіяся рыданія невольно вырывались изъ его груди. Чувство одиночества придавало много горечи его слезамъ. «Я одинъ, одинъ», думалось ему, и онъ продолжалъ плакать, свертываясь въ калачикъ на широкой скамьѣ и забываясь въ уголокъ. Разстроенному воображенію Сережи казалось, что весь свѣтъ преслѣдуетъ его, что все для него потеряно, что всѣ товарищи теперь хохочутъ и смѣются надъ нимъ. Все это переплеталось въ его головѣ и все больше и больше разстраивало его. Плачь не стихалъ, только грудь, облегченная рыданіями, подымалась ровнѣй и не такъ судорожно.

— Барчукъ, а барчукъ! Что ты? Э-э-э! Развѣ такъ можно? Барчукъ!

Сережа пересталъ плакать. Его окликалъ дядька Тарасъ.

— Что-жь это—а? Эхъ! Ну такъ что-же... ну вѣдь это.. бываетъ всякому... Барчукъ, послушъ!—легонько тормошилъ онъ Сережу, какъ бы буди его отъ сна.— При звукѣ добраго голоса Тараса, Сережѣ стало какъ-то стыдно: полный участія тонъ сразу разрушилъ иллюзію о его одиночествѣ и сиротствѣ, которое только-что такъ много заставило его плакать. «Что-же я плакалъ? Вѣдь вотъ Тарасъ такъ со мной говоритъ», думалось Сережѣ, и ему стыдно стало своихъ слезъ.

— Да встань, сядь, сядь. Послушъ, что скажу... Ну чего плачешь-то? Присидь-ка... Сережа приподнялся и чтобы хотя сколько нибудь объяснить причину своихъ слезъ, сказалъ, что у него болитъ голова.

— Э-э! Вѣстимо заболитъ, ежели плакать станешь. Ну, а что плакать, что?—Тарасъ присѣлъ къ нему на лавку, не то ожидая отъ него отвѣта, не то про себя и азрѣшая этотъ философскій вопросъ:—стоитъ-ли изъ-за того плакать, что въ карцеръ посадили? Тарасу было лѣтъ подъ шестьдесятъ, невысокаго роста, худой, съ подслѣпноватыми, слегка красноватыми глазками. Онъ былъ очень добръ, но школьничьи продѣлки его сердили, и онъ обыкновенно былъ не очень любезенъ. Ему всегда, вмѣсто Тарасъ, говорили «Тарангасъ», что его не мало сердило. «Эхъ, вы! Христіанское имя—а вы... А еще баре!..» покачаетъ головой и отходятъ, махнувъ рукой. Много съ нимъ и другихъ штукъ продѣлывали, такъ что онъ вообще избѣгалъ воспитанниковъ. Но стоило ему вынуть—а вынуть онъ любилъ—и Тарасъ мѣнялся. Изъ ворчливаго, вѣчно озобоченнаго и молчаливаго, онъ становился веселымъ и разговорчивымъ. Тогда онъ самъ подходилъ и начиналъ что нибудь рассказывать, особенно часто говорилъ онъ о директорѣ—это былъ его конекъ. Сережа посмотрѣлъ на Тараса; онъ былъ слегка «выпимши» или «подъ штафе», какъ онъ самъ выражался.

— Не стойтъ плакать, не стойтъ! — началъ опять Тарасъ.—!у, ты провинился, значить тебя штрафуютъ, хорошо. Штрафуютъ... А кто.. кто, я говорю? Онъ! Подъ словомъ «онъ», у Тараса фигурировало одно лицо—директоръ, и потому это слово въ его устахъ переставало быть мѣстоимѣніемъ и становилось собственнымъ именемъ.

— Онъ, значить, тебя посадилъ... такъ!.. А въ емъ справедливости нѣтъ,—я прямо тебѣ говорю,—нѣтъ въ емъ справедливости. Такъ и скажи ему! А спросить,

кто смѣетъ это говорить? Прямо говори: Тарасъ, молъ, говорить. Такъ и скажи! Тарасъ его знаетъ! Все Тарасъ знаетъ! А! теперь сажаютъ... а небось не помнитъ, какъ покойный баринъ его самого на хлѣбъ да на воду сажалъ! Все позабылъ, и Тараса позабылъ, а все отъ того, что справедливости въ ѣмъ нѣтъ...

— А ты давно Анатолия Игнатьича знаешь?

— Анатолий Игнатьичъ!—не то съ досадою, не то съ насмѣлкой повторилъ Тарасъ.— Вотъ какъ съ тебя былъ онъ, когда меня къ барскому дому взяли Я, значить, батюшки его покойнаго Игнатія Семеныча, дай ему Господь царство небесное, крѣпостнымъ былъ. А меня, значить, къ ему и приставили. И все я при ѣмъ состоялъ, и служить онъ пошелъ—я съ нимъ, и въ походъ—все Тарасъ. Бывало, старый баринъ прїѣдетъ изъ деревни, такъ Анатолий-то Игнатьичъ ко мнѣ: «Тарасушка, такой-сякой, не выдай, голубчикъ!» Ну и оправдавъ его передъ старымъ бариномъ, худое все позамажешь..

Тарасъ на минуту призадумался.

— Опять въ походъ! Все Тарасъ, вездѣ Тарасъ! Достать-ли что, сходить-ли, сварить-ли — все Тарасъ, вездѣ Тарасъ, слуга вѣрный! Тогда хорошъ былъ, тогда и отпустить не хотѣлъ. Воля пришла—остаться упростишь. А вотъ въ Москву прїѣхали, тутъ ужь, какъ въ гору-то пошелъ, гордъ сталъ! Дилекторомъ опредѣлился! Не годится Тарасъ! Камердинъ нуженъ, по модѣ, старъ Тарасъ—не годится! Развѣ это справедливость? Нѣтъ въ ѣмъ справедливости, нѣтъ!

Сережа былъ очень тронутъ рассказомъ старика: огорченный неудачами дня, онъ вполне сочувствовалъ чужому горю. Онъ уже причислилъ себя къ «бѣднымъ», т. е. гонимымъ, и на Тараса смотрѣлъ какъ на собрата.

Ушелъ Тарасъ и Сережа, опершись на подоконникъ, думалъ о послѣднихъ словахъ Тараса и старался въ нихъ найти объясненіе своимъ страданіямъ.

— Идите къ Анатолию Игнатьичу!—окликнулъ Сережу дежурный надзиратель.

Сережа, серьезный, безъ малѣйшей робости, вошелъ въ кабинетъ директора. Директоръ началъ впушительную нотацию, но Сережа мало что изъ нея слышалъ, а еще меньше понималъ: глядя на директора, у него въ ушахъ звучалъ упрекъ Тараса: «Нѣтъ въ ѣмъ справедливости!» Директоръ, покачиваясь и жестикулируя, рисовалъ его черными красками, чтобы привести грѣшника къ раскаянію, но на Сережу не дѣйствовало. «Самъ ты еще хуже!», думалось ему. Это утѣшительное разсужденіе заставляло его хладнокровно выслушивать самые горькіе упреки и смотрѣть, не смущаясь, прямо ему въ глаза. Поведеніе Сережи не ускользнуло отъ вниманія директора; онъ видѣлъ, что доброе сѣмя его нотации падаетъ на каменистую почву, и онъ, круто оборвавъ свою рѣчь какими-то зловѣщимъ пророчествомъ на счетъ будущности Сережи, повернулся на каблукахъ и вышелъ въ другую комнату. Сережа постоялъ еще немного блестящій камердинеръ директора съ утонченной вѣжливостью передаль, что «Анатолий Игнатьичъ сказали, что вы можете идти». Похититель законныхъ правъ Тараса былъ въ глазахъ Сережи истиннымъ преступникомъ, и онъ, смѣривъ его презрительнымъ взглядомъ, торжественно удалился.

Тихо въ дортуарѣ, всѣ спятъ; только Сережа бредитъ и по временамъ повторяетъ одно и то же: «Мама, мама, я не виноватъ! Ей Богу я не виноватъ!»

Поз...

КЪ РИСУНКАМЪ.

Силуэты Э. Бемъ.

Силуэтные рисунки Э. Бемъ, представляющіе различныя сцены изъ жизни дѣтей, уже пѣскольку извѣстны читателямъ „Нивы“, такъ какъ онъ уже украшалъ собою и прошлогодній Рождественскій номеръ нашего журнала. Теперь мы помѣщаемъ еще пѣсколько прекрасныхъ и живописныхъ рисунковъ, содержаніе которыхъ взято изъ того же дѣтскаго міра, столь, какъ кажется, знакомаго талантливому художнику. Въ этихъ маленькихъ группахъ все дышетъ тѣмъ беззаботнымъ, широкимъ весельемъ, которое можно замѣтить лишь только у дѣтей, когда они, особенно, вполне свободны отъ школьныхъ занятій, справляютъ какой-нибудь великій праздникъ, какъ, напримеръ, Рождество и когда у каждого изъ нихъ не можетъ выдти изъ ума красавица елка, ярко освѣщенная и изукрашенная разнообразными игрушками и сладостями. Но вотъ раздѣлъ подарковъ уже совершился, и весь маленький людъ, забывъ всѣ свои мелкія претензіи изъ-за обладанія той или другой игрушкой или конфеткой, начинаетъ ликовать и предаваться самой шумной радости. Тутъ дѣвочка и мальчикъ бѣшено вальсируютъ по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока не закружатся ихъ головы, или важно отплясываютъ нашъ національный русскій танецъ, при чемъ маленькій импровизированный мужичекъ махаетъ крошечной игрушечной балалайкой и всѣми силами старается извлечь изъ нея какія-нибудь гармоническіе звуки. Наши комнатныя животныя, кошки и собаки, принимаютъ въ дѣтскомъ праздникѣ самое широкое участіе; конечно, не обойдется безъ того, что ихъ порядкомъ и помучаютъ, заставляя выдѣлывать разныя несвойственныя имъ природѣ па, или приказывая имъ до утомленія стоять на заднихъ лапкахъ, но за то обыкновенно они и щедро награждаются за всѣ претерпѣнныя ими наслія и муки.

Вообще помѣщаемые нами при этомъ номерѣ „Нивы“ силуэты—это апофеозъ Рождественской елки; сначала она стоитъ одинокая, въ какой-нибудь глухой лѣсной чащѣ, украшенная однимъ свойственными ей шишками, окруженная однимъ голымъ шпаномъ, между которыми тамъ и сямъ видѣются широкія шапки грибовъ; но вотъ приходитъ Рождество и елка, взятая въ городъ изъ своего захолустья, украшается цѣлыми рядами свѣчъ и фанариковъ, обвѣшивается множествомъ сладостей и игрушекъ и пѣскольку дней расфранченная, разукрашенная стоитъ эта лѣсная красавица на почетномъ мѣстѣ, возбуждая общій восторгъ и удостоиваясь самаго полнаго вниманія. Но счастье ея превратно и кратковременно; быстро проходятъ счастливые дни, весь ея роскошный нарядъ безжалостно съ

нея снимается и обнаженная съ сломанными вѣтвями, съ обжогамъ, она выбрасывается куда-нибудь на задній дворъ и вотъ какой-нибудь безобразный, сторбленный гномъ въ родѣ представленнаго на силуэтѣ, подбираетъ, потащитъ ее въ свою пещерку, чтобы развести ею костеръ и отогрѣть ея огнемъ свое старое тѣло.

Н.

Счастливая мать.

Счастье, какъ извѣстно, понятіе весьма относительное; каждый бываетъ счастливъ по своему; иному необходимы для счастья сильныя ощущенія, водворотъ страстей, удовлетвореніе чувствъ самолюбія и гордости, для другихъ же натуръ счастье заключается исключительно въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ, изолированномъ отъ остального міра, среди немногихъ, дорогихъ существъ, которыя въ этомъ случаѣ какъ древніе наны стерегутъ домашній очагъ отъ вторженія въ него всего злого и печальнаго. Такая замкнутая въ себѣ натура, посвятившая себя всецѣло одной семьѣ, должна быть и у этой молодой, красивой женщины, которая представлена на нашемъ рисункѣ. Среди богатой, блестящей обстановки, среди полнаго довольства и роскоши, она видитъ для себя лишь одну драгоценность, однимъ дорогимъ для себя предметомъ—это своею малыютку, который размахивая рученками весело глядитъ на все окружающее и его быстрые глазки быстро перебѣгаютъ отъ предмета къ предмету, отъ тропическихъ растений къ бронзѣ, отъ бархата къ изящнымъ инкрустациямъ и богатой рѣзбѣ. Но видимо, что ничто его такъ не очаровываетъ и не привлекаетъ его вниманія, какъ обаятельный взглядъ матери, въ которомъ для него свѣтится невыразимая любовь, невыразимое счастье. Это совсѣмъ не тотъ суровый взглядъ отца, съ которымъ онъ порой встрѣчается; взглядъ отуманенный разными заботами и производящій на ребенка непріятное впечатлѣніе, оканчивающееся обыкновенно громкимъ крикомъ и пронзительнымъ плачемъ. Совсѣмъ не то чувствуется ребенку, когда онъ видитъ себя на рукахъ нѣжной, симпатичной матери; онъ хотя и малъ, но уже чувствуетъ, что сердце ея чувствительно, чувство живое, что по самой своей природѣ она если любитъ, то любитъ глубоко и безгранично:

„Любитъ она добродѣтель святую,
Въ славу невѣрную вѣры нейметъ,
Сердцемъ она въ настоящемъ живетъ,
Сердцемъ питаетъ надежду благу;
Надъ колыбелью младенца она,
Теплыхъ молитвъ и любви полна.

На Елку. Счастливая мать въ задумчивой бесѣдѣ съ своимъ счастьемъ. Рис. Кивель, грав. Гейтландъ.

На Елку. Красная шапочка и серый волк. Картина Евы Лежень, грав. Клаудусъ
Библиотека "Руниверс"

Неудивительно послѣ этого, что эта интимная бесѣда малютки съ матерью никогда не прерывается ни криками, ни плачемъ; тихо, счастливо проходятъ цѣлые дни для молодой матери въ сообществѣ съ этой маленькой, живой куколкой, которая постепенно подъ ея благотворнымъ влияніемъ становится все понятливѣе и умнѣе; бесѣды становятся все живѣе и занимательнѣе и мать, забывая весь міръ, посвящаетъ всѣ свои свободные часы своему дорогому собесѣднику.

Н.

Послѣдніе дни и первые годы.

Бабушка, окруженная рѣзвыми юными созданиями, любующаяся ихъ безавѣрнымъ весельемъ и въ немъ почерпающая силы для послѣднихъ дней своихъ, быть можетъ уже близкихъ къ концу, напоминаетъ восходъ и закатъ, утро и вечеръ. Заходитъ солнце для того, чтобы снова явиться въ томъ же поразительномъ величій и блескѣ. Оканчивается одна жизнь, является, растетъ и мукаетъ другая для того, чтобы въ свою очередь дать мѣсто новой, идущей ей на смѣну. Куда уходитъ эта догорающая жизнь, откуда приходитъ юная, разсвѣтающая? Тайна эта недоступна; и къ чему задаваться такимъ вопросомъ, не лучше ли согласиться съ поэтомъ (Тютчевымъ), который говоритъ:

„Не разсуждай, не хлопочи:
Безумство ищетъ, глупость судить;
Дневныя раны сномъ лечи,
А завтра быть тому, что будетъ.
Живя, умѣй все пережить —
Печаль и радость и тревогу:
Чего желать, о чемъ тужить?
День пережилъ—и слава Богу.“

Вотъ какъ поэтъ смотритъ на жизнь. Но достигнуть такого величайшаго спокойствія и безмятежности могутъ рѣдкіе люди, да и они не всегда бываютъ въ состояніи удержаться на должной высотѣ такого мирозерцанія.

Присуще оно только дѣтямъ и старпамъ, только чистымъ душамъ, едва выступающимъ на жизненное поприще, и мудрымъ, убѣленнымъ сѣдинами людямъ, познавшимъ тщету человеческихъ усилій „сдвинуть міръ съ его пути“.

Двѣ крайнія грани человѣческаго бытія сходятся на одномъ и томъ же пунктѣ понятій. Такимъ образомъ мысль, исходя изъ различныхъ началъ и завершивъ свой опредѣленный путь, возвращается къ своему первообразу, быть можетъ снова для того, чтобы выступить опять на роковую свою дорогу. Гдѣ разрѣшеніи этимъ вопросамъ и къ чему ихъ въ самомъ дѣлѣ разрѣшать? Лучше согласиться съ словами поэта (Пушкина) и спокойно ждать своего конца.

...И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сиять.

Красная шапочка и сѣрый волкъ

Столь знаменитая тема извѣстной сказки о красной шапочкѣ и ея трогательной судьбѣ встрѣчается въ сказаніяхъ многихъ народовъ, причѣмъ хотя самая фабула и украшается различными подробностями и варьянтами, но смыслъ ея остается все тотъ же: это перевѣсъ злобы и хитрости существа коварнаго надъ невинностью и довѣрчивостью существа добраго—красной шапочки. Эта мысль о борьбѣ добра со зломъ и о побѣдѣ иногда послѣдняго надъ первымъ, занимала человека уже въ глубокой древности и первобытныи источникъ подобныхъ сказаній теряется въ исторической дали. Такія сказанія, передаваясь изъ устъ въ уста, сохраняются цѣлые вѣка въ памяти народной, въ формѣ мифа или легенды, и нужно было родиться блестящему таланту, чтобы вызвать ихъ изъ этой тьмы на свѣтъ Божій и придавъ имъ изящную художественную форму, украсивъ ихъ всею прелестью языка, сдѣлать доступными всѣмъ классамъ общества и даже всему образованному міру. Такимъ-то именно талантомъ обладалъ писатель XVII-го вѣка Перро, котораго сказки, обработанныя изъ народныхъ сказаній, составляютъ нынѣ гордость французской литературы. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на примѣръ сказка „О красной шапочкѣ“ очень коротка по содержанию, но тѣмъ не менѣе эта маленькая сказка—образцовое произведеніе въ полномъ значеніи этого слова. вмѣсто того, чтобы вредитъ цѣлостности впечатлѣнія, ихъ краткость напротивъ того составляетъ ихъ главную силу и обаятельность, особенно въ средѣ дѣтей, которыя вообще не любятъ длинныхъ и утомительныхъ разсказовъ. Эта коротенькая фабула о красной шапочкѣ столь прелестна по разсказу Перро, что мы не можемъ устоять противъ искушенія и не передать ея нашимъ читателямъ въ возможно краткомъ изложеніи.

Жила была, видите-ли, въ одной деревнѣ дѣвочка, лицомъ писанная красавица, мать ее любила страстно, а бабушка и души въ ней не чаяла. Послѣдняя даже спила ей маленькую красную шапочку и съ тѣхъ поръ повсюду она была извѣстна

подъ именемъ красной шапочки, столь красиво обрисовывавшей ея прелестную головку.

Разъ случилось, что мать ея некая лешенка и говорила ей: Сбѣгай-ка провѣдать бабушку, такъ какъ я слышала, что ей нездоровится, да снеси ей лешенечку, да горшечекъ масла. Красная шапочка отправилась въ дорогу, и проходя лѣсомъ, набрела на сѣраго волка, хотя имѣвшего и большую охоту скушать ее, но не осмѣливавшася на такой поступокъ потому, что въ это время въ лѣсу работало нѣсколько дровосѣковъ. Онъ только спросилъ ее, куда она держитъ путь. Дня, не зная всей опасности заводить разговоръ съ волкомъ, отвѣчало, что идетъ провѣдать бабушку и несетъ ей отъ матери въ гостинецъ лешенку да горшечекъ масла.—А далече живетъ она? спросилъ снова волкъ.—О да, порядочно, отвѣчала ему красная шапочка; это тамъ за мельницей, гдѣ начинается деревня.—Ну хорошо же, сказалъ сѣрый волкъ, я самъ пойду навѣстить ее, только я возьму эту дорогу, а ты вотъ ту и мы увидимъ, кто придетъ первый.

Затѣмъ волкъ пустился со всѣхъ ногъ по ближайшей дорогѣ, а красная шапочка пошла дальнимъ путемъ, срывая на ходу лѣсные орѣшки, бѣгая за бабочками и собирая букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ.

Волкъ мигомъ добѣжалъ до избышки бабушки и началъ стучаться: тукъ, тукъ.—Кто тамъ? спросила бабушка.—Я, ваша внучка, отвѣчалъ волкъ измѣняя голосъ, маленькая красная шапочка; я принесла вамъ отъ матушки лешенку и горшечекъ масла. Добрая бабушка, которая тогда лежала по нездоровью въ постели, тотчасъ же закричала волку: отодвинь засовъ и дверь отворится. Волкъ выдвинулъ засовъ и дѣйствительно дверь отворилась. Тогда онъ бросился на бабушку и сожралъ ее до послѣдней косточки, потому что уже три дня былъ голоденъ. Послѣ этого онъ снова заперъ дверь и легъ на кровать бабушки, съ тѣмъ, чтобы дожидаться прихода красной шапочки, которая не замедлила придти и также постучаться: тукъ, тукъ. Кто тамъ? спросилъ сѣрый волкъ. Маленькая красная шапочка, услышавъ хриплый голосъ волка, сначала испугалась, но думая, что сама бабушка можетъ быть охрипла отъ простуды, отвѣчала: это ваша внучка, маленькая красная шапочка, которая принесла отъ матушки лешенку и горшечекъ масла. Тогда волкъ закричалъ ей, смягчая голосъ: отодвинь засовъ и дверь отворится. Маленькая красная шапочка выдвинула засовъ и дверь дѣйствительно отворилась.

Волкъ, видя, что она вошла, спрятался подъ одеяло и закричалъ ей: Положи пока лешенку и горшечекъ масла на вѣшную и иди ложись спать со мною. Маленькая красная шапочка, ничего не подозревая, раздвѣается и ложится на кровать, удивляясь только тому, что бабушка такъ страшно измѣнилась. И вотъ она говоритъ бабушкѣ:—Бабушка, какія у васъ большія руки!—Это чтобы лучше обнимать тебя, моя доченька!—Бабушка, какія у васъ большія ноги!—Это чтобы быстрѣе бѣгать, мое дитятко!—Бабушка, какія у васъ большія уши!—Это чтобы лучше слышать, доченька!—Бабушка, какіе у васъ огромные глаза!—Это чтобы лучше видѣть, внученька!—Бабушка, какія у васъ длинные зубы!—А это чтобы тебя скушать! И съ этими словами злой волкъ бросился на маленькую красную шапочку и съѣлъ ее.

Таковъ былъ печальный конецъ слишкомъ довѣрчивой красной шапочки.

Неприятное путешествіе въ ночь на Рождество.

Встрѣча веселаго Рождественскаго праздника не у всѣхъ бываетъ одинакова; многие счастливые люди встрѣчаютъ его среди семьи, окруженные шумною толпою дѣтей, ликующихъ около богато убранной елки; здѣсь все радость, веселье и счастье. Но въ пространномъ Божьемъ мірѣ не всѣмъ выпадаетъ такая завидная доля въ этотъ святой, знаменательный вечеръ, и много есть горемычнаго люда, для котораго рождественской елки часто служить одинокая, темная ель, вмѣсто всѣхъ подарковъ обвѣянная хлопьями снѣга и изукрашенная ледяными сосульками. Такой незавидной участи, конечно, рѣдко подвергаются люди осѣдлые и имѣющіе извѣстное общественное положеніе, но развѣ мало есть бродячаго, вѣчно кочующаго люда, который за поскомъ насущнаго хлѣба готовъ идти хоть на край свѣта, на перекоръ всѣмъ стихіямъ и всевозможнымъ случайностямъ. Какой-нибудь итальянецъ, житель южнаго, вѣтушаго берега Средиземнаго моря, той страны, гдѣ благоухаетъ вѣчное дѣто, гдѣ благоприветливый климатъ дозволяетъ человеку жить безъ крова, одѣваться одними живописными лоскутками и питаться одной растительной пищей; этотъ самый итальянецъ, въ чаяніи богатой наживы, оставляетъ свою милую родину, свою чернооую Франческу и маленькаго чернокудраго Джаннаро и идетъ за тридевять земель, къ намъ въ гости, на сѣверъ, искать гостепримства и денегъ. Онъ смѣло идетъ впередъ, надѣясь на свой музыкальный талантъ, состоящій въ очень плохомъ умѣнѣи играть на какой-нибудь дудкѣ или гудкѣ на вольникѣ, звуки которой, по его мнѣнію, должны совершенно очаровать жителей далекаго сѣвера и обогатить его на счетъ ихъ туго набитыхъ кармановъ. Но не всег-

да эти розовыя мечты сбываются въ той обаятельной формѣ, въ какой онѣ слагались передъ домашнимъ очагомъ, срединъ людей слѣпо вѣрующихъ въ высокіе таланты своего земляка. На чужбинѣ часто случается, что эти таланты оцѣниваются очень плохо: деньги даются не горстями, а единичными грошками, едва достаточнымъ для того, чтобъ кормиться; въ довершеніе неудачи суровый, негостепримный климатъ сѣвер. скоро даетъ о себѣ знать легко одѣтому, поэтически-настроенному итальянцу; начинаются холода, вьюги; снѣгъ выпадаетъ по колѣно; вѣтеръ пронизываетъ насквозь и нисколько не походитъ на тотъ ласкающій зефиръ, который дѣлѣялъ сына юга на его далекой родинѣ. Кому не случилось съ болью въ сердцѣ видѣть и у насъ, въ нашей столь суровой по климату столицѣ, бѣдныхъ итальянскихъ дѣтей, закутанныхъ въ лохмотья, трясущихся отъ голода и болѣзненнымъ голосомъ выпрашивающихъ себѣ милостыню. Конечно, такіа грустныя явленія у насъ рѣдки, но въ Германію ежегодно появляются изъ Италіи толпы голодныхъ авантюристовъ, которые не зная ни законовъ, ни обычаевъ страны и только имѣя вѣру въ свои собственные силы, ведутъ бродячую, бездомную жизнь, пока полицейская власть не положитъ предѣла ихъ безцѣльному авантюризму. Несоблюденіе разныхъ законныхъ формальностей не ускользаетъ отъ взора какого-нибудь стараго аргуса, который не обращая ни малѣйшаго вниманія на разные выразительныя ругательства сыновъ юга, въ родѣ *perbacco*, *malladetto* и другія подобныя, спѣшитъ отправить ихъ въ ближайшее полицейское управленіе для удостовѣренія въ ихъ подозрительной личности. Такое траги-комическое путешествіе представлено на прилагаемомъ нами прекрасномъ рисункѣ Кронбергера. Два плохо одѣтые субъекта, какъ видно принадлежащіе къ средѣ уличныхъ артистовъ, идутъ подъ конвоемъ стараго служиваго, не упускающаго ихъ изъ виду. Кругомъ бушуетъ зимняя вьюга, мокрый снѣгъ залѣпляетъ глаза, а бѣдные подневольные путники не знаютъ, когда и гдѣ имъ будетъ дозволено найти теплый уголъ и самое скромное угощеніе, состоящее хоть бы изъ куска черстваго хлѣба. А тамъ, на далекой ихъ родинѣ, сегодня кажутъ великаго праздника и родные и дорожные имъ люди вспоминаютъ о нашихъ авантюристахъ, думая, что они уже богаты и счастливы. Бѣдные мечтатели, вся ихъ вина въ томъ, что они родились съ странѣ золотыхъ грёзъ и увлекательныхъ мечтаній и не знаютъ нашей родной пословицы: „Славны бубны за горами!“

НОВАЯ КУКЛА.

Каждая новая кукла—это новый другъ ребенка, новый его

собесѣдникъ, которому отнынѣ предстоитъ раздѣлять всё его заветныя мечты и мысли. Но нужно замѣтить, что ребенокъ не вдругъ отдается этому новому другу, онъ еще какъ бы изучаетъ его, и какъ бы боится, что онъ недостойнъ его полной дружбы и откровенности. Тутъ является своего рода симпатія или антипатія; кукла является ребенку какъ бы живымъ, мыслящимъ существомъ и изъ этого дѣтскаго воззрѣнія на куклу возникаютъ къ ней извѣстныя дружескія или непріязненныя отношенія. Бѣда если кукла не понравится съ перваго взгляда; ну хоть бы оттого, что на ея размалеванномъ фарфоровомъ личикѣ замѣчено какое нибудь непріятное выраженіе. Участь ся тогда на вѣки рѣшена: или она ломается и сдается въ архивъ, или поступаетъ въ разрядъ нелюбимыхъ куколъ, подвергается всякаго рода оскорбленіямъ и обидамъ. Это свойство дѣтей раздѣлять свои игрушки на любимыя и нелюбимыя прекрасно подмѣтилъ гениальный знатокъ дѣтскаго сердца, знаменитый сказочникъ Андерсонъ и воспользовался имъ какъ темой для многихъ изъ своихъ сказокъ: такъ въ одной изъ нихъ онъ описываетъ страданія и раннюю насильственную смерть нелюбимаго оловяннаго солдата. Эта грустная исторія, заставляющая часто плакать дѣтей, тронутыхъ несчастіемъ солдата, все таки не спасаетъ множество куколъ отъ сплннаго угнетенія и незаслуженной несправедливости. За то уже кукла полюбилась, то воображаемую жизнь ея ребенокъ старается сдѣлать столь же счастливой, какъ его собственная. Еще не имѣя ни возможности, ни умѣнья владѣть иглою, дѣвочка уже начинаетъ обшивать и одѣвать съ извѣстною роскошью свою любимую куклу; хлопочетъ около нея съ материнскою заботливостью; даетъ ей совѣты какъ себя держать и вести; однимъ словомъ предписываетъ ей всё тѣ рецепты нравственности и приличія, которые она слышитъ сама въ семьѣ и школѣ. Ложась спать, она укладываетъ и куклу въ игрушечную кроватку и ублаживаетъ ее колыбельной пѣсенкой, а рано утромъ нѣжно будитъ ее, принося ей сухари и кофе. При посѣщеніи гостей, любимыя куклы рекомендуются знакомымъ дѣтямъ; нелюбимыя же, заброшенныя въ дальній уголъ, печально ждутъ своей общей участи быть кинутыми въ геену огненную т. е. въ печку. На нашей картинкѣ представлена дѣвочка, только что получившая съ елки новую куклу. Кукла прекрасная, но какъ ее еще оцѣнить ея юная обладательница? Пожалуетъ ли она ее въ свои любимыя, или откажетъ ей въ своей дружбѣ и симпатіи? Это еще нельзя заключить изъ перваго ихъ знакомства и потому мы не осмѣливаемся входить въ какія бы то ни было предположенія о будущей судьбѣ новой куклы.

С М Ъ С Ъ.

О значеніи эфирныхъ маселъ въ растеніяхъ.

Въ числѣ новыхъ, полныхъ глубокаго интереса, стройно организованныхъ знаній послѣдняго времени, биологія занимаетъ безъ сомнѣнія одно изъ первыхъ мѣстъ. Она составляетъ прямой результатъ обширнаго развитія естественныхъ наукъ въ наше время. Биологія есть наука о жизни въ обширномъ смыслѣ слова, такъ какъ организмы (растенія и животныя) живутъ и проявленіе ихъ жизни составляютъ тѣ безпрестанныя измѣненія, которыя мы видимъ въ окружающей насъ природѣ. Такимъ образомъ всякая наука о живыхъ организмахъ и ихъ развитіи составляетъ содержаніе биологіи; всякое наблюденіе надъ вѣшними вліяніями явленій природы на жизнь организмовъ даетъ биологическій матеріалъ. Въ настоящее время различными учеными сдѣлано столько интересныхъ наблюдений въ биологическомъ смыслѣ, что въ этой массѣ можно растеряться. Но, разумѣется, весьма полезно при этомъ отмѣтить тѣ факты и явленія, которые слѣшкомъ близки къ обыденной жизни и представляютъ всеобщій интересъ. Вотъ, напримѣръ, хотя постоянныя и настоячивыя наблюденія г. Поэ надъ различными выдѣленіями, совершаемыми растительнымъ царствомъ. Значительное число растеній, какъ извѣстно, вырабатываетъ ароматическія эфирныя масла, и отъ этого зависитъ ароматъ многихъ растеній. Уже давно найдено, что чѣмъ болѣе въ продолжительное время растенія подвергаются дѣйствію лучей солнца (или, какъ выражаются въ наукѣ, большей инсоляціи), тѣмъ болѣе они выдѣляютъ ароматическихъ эфирныхъ маселъ. При этомъ даже большая теплота солнечныхъ лучей не имѣетъ такого значенія, какъ продолжительность дѣйствія на особенно теплыхъ лучей. Въ самомъ дѣлѣ, даже извѣстный своимъ ароматомъ ананасъ, растущій въ тропическихъ странахъ, уступаетъ однакожъ въ ароматѣ нашей сѣверной малинѣ (*Rubus arcticus*). Причина этого явленія та, что сѣверная малина, въ длинный лѣтній день (свойственный сѣверу), подвергается болѣе раздражительному дѣйствію солнечныхъ лучей или инсоляціи, чѣмъ тропическій ананасъ. И такъ содержаніе ароматическаго летучаго масла въ растеніи или его плодѣ, по точнымъ наблюденіямъ, есть результатъ продолжительнаго дѣйствія на это растеніе солнечныхъ лучей. Но самое содержаніе эфирнаго масла, пока была непонятна его польза въ экономіи природы, не представлялось особенно заслуживающимъ наблюденія. Толь-

ко въ недавнее время найдено, что растенія, подъ условіемъ присутствія въ нихъ летучихъ маселъ, образуютъ озонъ или особый видъ кислорода (окисленный воздухъ). Давно уже было замѣчено, что ароматическія растенія обладаютъ способностью дезинфекціи, т. е. отнимаютъ дурной запахъ у окружающихъ ихъ гніющихъ тѣлъ и устраняютъ разложеніе. Выдѣляющееся эфирное масло окисляется насчетъ воздуха, и вслѣдствіе этого химическаго процесса озонируется самый воздухъ. Вотъ это-то процессъ и обусловливаетъ дезинфекцію. Но практическая польза озонирования воздуха растеніями не ограничивается только этимъ. Здѣсь еще важенъ и тотъ фактъ, что озонъ способенъ химически соединяться съ азотомъ воздуха и образовывать азотную кислоту. Она-то и даетъ преимущественно азотъ почвѣ, а послѣдній—составитель самаго могучаго образователя амміака для растеній. Далѣе замѣчено, что испаряющіяся эфирныя масла весьма уменьшаютъ такъ называемую *теплопрозрачность* воздуха. На явленіе теплопрозрачности воздуха едва ли не въ первый разъ указалъ ученый Тиндаль. Теплопрозрачность эта является тогда, когда лучеспусканіе изъ земли не находитъ для себя препятствія въ воздухѣ. Извѣстно, что днемъ земля нагревается отъ солнца; вечеромъ же, по закатѣ солнца, земля выдѣляетъ свое тепло лучеобразно, и выдѣляетъ этихъ тепловыхъ лучей тѣмъ болѣе, чѣмъ прозрачнѣе воздухъ. Тогда земное тепло, по словамъ Тиндаля, теряется въ мировомъ пространствѣ. Оттого весьма редки для растеній ясныя весеннія ночи, когда воздухъ мало содержитъ водяныхъ паровъ. Влажность, угольная кислота, амміакъ, маслородный газъ—вотъ агенты, способные задерживать тепловые лучи надъ землею; но эту же задачу превосходно исполняютъ и ароматическія растенія, выдѣляющія эфирныя масла. Такимъ образомъ, ароматическія растенія задерживаютъ, озонируя воздухъ, тепловые лучи въ тѣхъ случаяхъ, когда вѣтъ для этого другихъ благоприятныхъ условій (какъ упомянуто выше, въ свѣтлыя безоблачныя весеннія ночи). Если это такъ, то становится весьма понятнымъ, откуда берется масса азота, потребляемаго растеніями и животными. Огромные запасы азота доходятъ до насъ этимъ путемъ, т. е. путемъ озонирования воздуха, образованіемъ азотной кислоты. Эта кислота химическимъ путемъ разлагается на множество другихъ азотистыхъ соединений, насыщающихъ почву. Питаясь травой, животныя получаютъ азотъ изъ этихъ соединений и передаютъ его намъ въ своемъ маслѣ.

Неприятное путешествие въ ночь на Рождество. Рис. С. Кронбергеръ, грав. Кнезингъ.

На Елеу. Милая ты моя вузолка! Рис. Девисъ, грав. Жонарь.

Издавна существовало мнѣніе, что приходъ азота въ землю совершается въ дождѣ и снѣгѣ; но этотъ приходъ азота, очевидно *весьма ничтоженъ* сравнительно съ его расходомъ; природа стремится не только удержать въ землѣ наличное количество азота, но и обогащать землю азотомъ—и вотъ тщательное изслѣдованіе явленій въ природѣ объясняетъ средство и путь для этого обогащенія весьма удовлетворительно. Нельзя не изумляться тому богатству средствъ, какими обладаетъ те-

перь наука для объясненія явленій въ природѣ. Одинъ удачно объясненный фактъ, даже понидимому не важный, ведетъ за собою объясненіе другого факта, а этотъ другой третьяго. Явленія цѣпляются одно за другое, указывая на свою тѣсную связь. Наблюденіе надъ ароматомъ какого-нибудь цвѣтка ведетъ къ обширнымъ разъясненіямъ законовъ общей жизни природы.

М. С.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ, ВОЕННЫЯ И ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ

На театрѣ войны пока наступило нѣкоторое затишье. Оно, какъ конечно, замѣтили наши читатели, совпадаетъ съ паденіемъ Плевны. Затишье это, понятно, объясняется разнообразными стратегическими соображеніями и предварительнымъ выполненіемъ различныхъ частностей, всегда необходимыхъ прежде будущаго осуществленія военныхъ плановъ. Удерживаясь пока отъ выводовъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ военныхъ операций какъ на дунайскомъ театрѣ войны, такъ и на малоазіатскомъ, предоставляемъ себѣ сдѣлать болѣе или менѣе обстоятельный сводъ всего предшествовавашаго въ будущемъ первомъ номерѣ «Нивы», при чемъ, конечно, это предшествовавшее послужитъ намъ возможностью къ составленію выводовъ о ходѣ политическихъ и военныхъ событій въ наступающемъ 1878 году. Ограничиваемся пока указаніями только на то, что наши молодцы моряки продолжаютъ съ тою же доблестью служить родинѣ, съ какою всегда служили. Такъ иль Николаева генералъ-адъютантъ Араксъ телеграфируетъ Управляющему Морскимъ Министерствомъ, отъ 14-го декабря, слѣдующее: «Посланный въ крейсерство къ Б-сфору и Пендераклии пароходъ «Россія», подъ командою флигель-адъютанта Баранова, 14 го декабря, въ 11 часовъ утра, возвратился въ Севастополь и привезъ на буксирѣ, взятый имъ въ Пандераклии трехъ-мачтовый пароходъ «Мерсина», съ таборомъ анадолійскаго низама въ числѣ 700 нижнихъ чиновъ, при 10 офицерахъ подъ командою штабъ-офицера».

За сямъ, относительно уже состоявшагося вступленія Сербіи въ настоящую войну можемъ сообщить, что ея военныя дѣла начались успѣшно, хотя изъ Константинополя и извѣщаютъ о пораженіи сербовъ турками у Явора. Правдивость константинопольскихъ телеграммъ давно уже извѣстна всему міру. Оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно обратное тому, что сообщаютъ турецкія депеши. Именно, 13-го декабря, послѣ сильнаго восьмичасоваго боя, сербы взяли Акъ-паланку и ея укрѣпленія, захвативъ при этомъ три орудія и много боевыхъ припасовъ и провіанта. На полѣ сраженія подъ Акъ-паланкой сербы похоронили много турецкихъ тѣлъ. Наканунѣ этой битвы князь Миланъ осматривалъ войска сербской арміи, осаждающей Нишъ. Бомбардированіе этого города началось въ присутствіи князя. Весь гарнизонъ турецкій въ Нишѣ не превышаетъ 3,500 человекъ; осаждающій сербскій корпусъ — 25,000 человекъ; сербы предполагаютъ произвести штурмъ и надѣются на успѣхъ. Послѣ паденія Ниша наступленіе сербовъ, конечно, пойдетъ быстро.

Оравниваемся пока сообщеніемъ этихъ военныхъ извѣстій, обѣщая, какъ и замѣтили выше, сдѣлать болѣе или менѣе обстоятельный ихъ сводъ въ первомъ же номерѣ «Нивы» 1878 г. Сдѣлаемъ мы это для того, конечно, чтобы наши читатели могли составить себѣ определенное понятіе о томъ положеніи, въ какомъ дѣла на театрѣ войны находились при началѣ новаго года.

Что касается внутреннихъ извѣстій, то изъ нихъ болѣе или менѣе заслуживающими вниманія оказываются слѣдующія:

Запрещеніе вывоза хлѣба изъ портовъ Азовскаго моря имѣло послѣдствіемъ, что тагарокскіе negociants—евреи и греки начинаютъ сильно эксплуатировать земледѣльцевъ и крестьянъ. Пшеница упала до 6 р. за четверть, тогда какъ немного времени тому назадъ доходила до 12 р.

Неправильность и беспорядочность желѣзнодорожныхъ дѣятелей отражается на всей нашей торговлѣ и есть настоящая причина возрастающей дороговизны на всѣ жизненные припасы.

Министерство путей сообщенія само признало необходимымъ «ввиду общаго интереса къ движенію на желѣзныхъ дорогахъ и съ цѣлью способствовать образованію вѣрнаго взгляда на положеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ» довести до свѣдѣнія публики печатно о размѣрахъ скопленія грузовъ на станціяхъ.—По сообщеніямъ наибольшее количество скопленія было на дорогахъ, которыя прямого отнесенія къ военному движенію не имѣютъ. Слѣдовательно тутъ не война виновата.

Приобрѣтеніе Амура до сихъ поръ обходится намъ недешево. Такъ министерствомъ финансовъ ежегодно отпускается особая сумма на покупку хлѣба чиновникамъ, служащимъ въ Приморской и Амурской областяхъ и въ Охотскомъ округѣ Якутской области. Въ нѣшнемъ году вслѣдствіе неурожая и вздорожанія дѣны на муку, сумму приходится еще увеличивать.

Нелишнимъ считаемъ замѣтить о сахарозаводчикахъ юго-западнаго края. Имъ въ прошломъ году Госуд. Банкъ сдѣлалъ ссуду въ 3 мил. руб. Теперь, съ приближеніемъ срока уплаты, сахарозаводчики ходатайствуютъ о продолженіи кредита еще на одинъ годъ.

Въ музеѣ древностей Т. В. Кибальчича въ Кіевѣ имѣетъ быть выставленъ на непродолжительное время замѣчательный экземпляръ

мумія, найденной близъ Іерусалима. Важный въ высшей степени въ научномъ отношеніи экземпляръ этотъ глубочайшей древности и, по рассказамъ очевидцевъ, хорошей сохранности, имѣетъ 32 бронзовыя изваянія идоловъ, украшающихъ мумію вокругъ. Полагаютъ, что остова мумія принадлежитъ къ царскому египетскому семейству.

Не дѣлая никакихъ заключеній, сообщаемъ помѣщенное въ газетахъ заявленіе благодарности одной барыни куцу 2 гильдіи Михайлу Васильевичу Фокину, живущему по Толмазову переулку въ д. № 9, кв. № 12, въ Петербургѣ за излеченіе отъ *чахотки* ея дочери, страдавшей уже около 2 лѣтъ и выздоровленіе которой было признано лечившими ее докторами невозможнымъ.

Относительно выпуска студентовъ 5-го курса медико-хирургической академіи есть слухи, что этотъ выпускъ предполагается произвести въ февралѣ будущаго года. Студенты просятъ выпускные экзамены отложить до мая, потому-что лекціи по многимъ предметамъ начались въ нѣшнемъ году позже обыкновеннаго.

— На разсмотрѣніе одного изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій внесены выработанныя въ особой комиссіи соображенія по вопросу о передачѣ села Колпина въ гражданское вѣдомство, какими соображеніями вызывается необходимость, этой передачу, пока неизвѣстно.

За сямъ, сообщаемъ о заявленномъ вторымъ товариществомъ конно-желѣзныхъ дорогъ въ Петербургѣ желаніи замѣнить лошадей локомотивами. Локомотивы эти особаго устройства, имѣющие видъ крытыхъ вагоновъ, уже получены обществомъ изъ Америки. Теперь вопросъ останавливается за разрѣшеніемъ Думы, дозволить ли она эту замѣну.

Библиографія.

I. *Записная книжка на 1878 г. Изданіе Карла Риккера. С.-ПБ. 1878 г.*

Записная книжка на 1878 г. издана превосходно и въ этомъ случаѣ не представляетъ желать лучшаго. Заклывая въ себѣ календарь православный, протестантскій, католическій и различные указанія и таксы по почтовой, телеграфной, желѣзнодорожной и друг. частямъ, книжка эта притомъ снабжена превосходными двумя географическими картами—Россіи и Европы. Карты эти, не смотря на ихъ небольшие размѣры, представляютъ собою образецъ картъ, такъ какъ напечатаны онѣ необыкновенно отчетливо, ясно и раскрашены съ большимъ мастерствомъ.

II. *Музыкальныя складныя картинки для дѣтей отъ 8-ми до 10-ти лѣтняго возраста.*

Коробка съ „Музыкальными складными картинками“ содержитъ въ себѣ 8 пьесокъ для фортепіано въ 2 руки, постепенной трудности, а именно: Молитва, Галопъ Вальсъ, Русская пѣсня, Полька, Маршь, Мазурка и Ноктюрнъ. Кромѣ того, тамъ есть 8 пакетовъ съ тѣми же пьесами, но разрѣзанными потактно. Участвовать въ игрѣ могутъ даже и тѣ дѣти, которыя только что начали учиться музыкѣ и маломальски разбирающія дискантъ. Эта игра интереснѣе и несравненно полезнѣе игры въ лото, такъ какъ играя въ лото, дѣти научаются только 9-ти цифрамъ, а въ эту игру, отыскивая внимательно такты, они поневолѣ изучаютъ хорошо потную систему, знаки повышенія, пониженія, отказа и паузы. Чтобы игру эту сдѣлать полезною, слѣдуетъ выбрать одну изъ пьесъ по силамъ учащагося и заставлять его ежедневно собирать эту пьесу, и размѣстивъ по тактно, разучивать ее на фортепіано.

На практикѣ оказалось, что даже мало способные ученики до того присматривались ко всѣмъ тактамъ пьесы, что на 7-ой уже день легко ее разыгрывали и собирали. Болѣе же способные играли къ этому же времени пьесу наизусть и могли не только собрать ее, но даже написать. Нечего и говорить о томъ, на сколько подобныя упражненія развиваютъ слухъ и музыкальную память.

АРИМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

Изъ десяти цифръ ариметики, а именно: 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 составить *три* слагаемыхъ, сумма которыхъ равняется бы ста (100), при чемъ должны быть соблюдены слѣдующія правила:

1) Чтобы всѣ цифры были помѣщены въ числѣ трехъ слагаемыхъ, и 2) чтобы ни одна цифра не повторилась два раза. Слагаемые могутъ быть взяты по произволу: однозначныя, двухъ или трехъ-значныя, цѣлыя или смѣшанныя—это безразлично.

Рѣшеніе—въ будущемъ году.

Мысли замѣчательныхъ людей.

«Это моя собака!» «Это мое мѣсто на солнышкѣ!» часто говорятъ играющіе на улицѣ дѣти. И вотъ вамъ подобіе и намекъ какъ люди завлаживаютъ всѣмъ на землѣ по праву сильнаго». (Паскаль).

«Прошедшее и будущее закрыты отъ насъ покрываломъ, но съ той разницею, что прошедшее закрыто *вдогонимъ* покрываломъ, а будущее *двѣичимъ*». (Жанъ-Поль Рихтеръ).

«Наиболѣе совершенный человекъ есть тотъ, который наиболѣе полезенъ своимъ братьямъ» (Стихъ изъ Корана).

«Жизнь каждого человека есть поэма, въ которой известное число персонажей занимаютъ свои мѣста съ самаго начала рассказываемаго дѣйствія. Исходъ же самаго дѣйствія можно опредѣлить тогда только, если внимательно прослѣдить исторію лицъ, играющихъ въ рассказанной поэмѣ главныя роли». (Мадамъ-Роланъ «письма»).

Философскія изрече.

Русскіе типы: Изъ подъ Твери. — Бѣлы грибы сушоны, черника, малина сушона! Ориг. рисунокъ И. Панова, грав. Шмидтъ.

ня Диогена: «Крайняя человѣческая глупость заключается въ томъ, что обыкновенно учатъ добродѣтели, хвалятъ ее, но не исполняютъ того, что она повелѣваетъ».

«Съ знатными людьми и вельможами обращайся какъ съ огнемъ: не подходи къ нимъ слишкомъ близко и не отходи слишкомъ далеко».

«Мы рѣшительно *все* приобретаемъ только упражненіемъ. Да же добродѣтель не составляетъ исключенія изъ этого правила».

«Привычка дѣлаетъ все приятнымъ, даже самое презрѣніе роскоши».

Арабскія пословицы.

«Если твой другъ сладокъ какъ медъ, то берегись закомиться, чтобы не съѣсть его цѣликомъ».

«Если ты произнесъ слово, то это слово *владѣетъ* тобою, но если ты не произнесъ его, то ты *владѣешь* словомъ».

«Маленькій ровъ можетъ перескочить всякій».

«Опьяненіе молодостию гораздо сильнѣе опьяненія виномъ».

«Худшіе люди — тѣ, которые не обращаютъ вниманія на зло, дѣлаемое ими другими».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Автору нѣсколькихъ словъ. Та похвальная страсть, которая видна въ вашей статьѣ, конечно не прошла для насъ безслѣдно, но дать ей мѣсто въ Нивѣ мы не могли, такъ какъ выводы дѣлаемые нами не представляютъ ничего самостоятельнаго и есть повтореніе того, что давно и не разъ было высказываемо гг. Александровымъ, Хомяковымъ, Киреевскимъ и друг.

Москва. О. Пономѣвой, Стихи «на случай» удаются иногда, но рѣдко. Съ вашей изустой мы уже нѣдлы случай обстоятельно познакомиться и скажемъ вамъ откровенно—она суха и лишена поэзіи и напрасно вы трудитесь, подбирая рѣчи.

Владиванназъ. Подпис. Нивы. Посылки въ Черногорію лучше всего отправлять черезъ Москву, адресуя въ Славянскій Благотворительный Комитетъ въ Москвѣ.

М. Илецкій. Минской губ. Пани—ичу. Ваша патріотическая ода конечно и не могла быть поднесена тому высокому лицу, которому вы такъ настойчиво стремитесь ее поднести. Самое лучшее—ее уничтожить, чтобы не смѣшить добрыхъ людей такими стихами:

«Она прежде мирною свободой
Хотѣла дарить стѣсненнымъ родъ,
Но невозможенъ миръ съ породой
Тирановъ, мучащихъ народъ»

Понятно, что вы больше всего гнались за рѣчей, не обращая вниманія на смыслъ стиховъ, и въ такой погонѣ не замѣтили, что дописывая до *стѣсненнымъ родомъ* и до *породы тирановъ*.

Веревъ изъ вашей оды еще одну строку, чтобы навсегда съ вами проститься. Вы пишете:

«Зеница ока нашихъ глазъ!»

Эта ужъ что-то, какъ говорится, черезъ край: видѣ это все равно, что сказать: «глазъ моего глаза»

Все это видѣтъ взятое не лишено однако нѣкотораго жара, указывающаго на ваши патріотическія чувства; но это напоминаетъ того повара который убрелетъ: за вкусъ не берусь, а горячо будетъ. Едва-ли, однако есть почитатели такихъ поваровъ.

Новгородъ. Духовная Семинарія Н Сер—у. Помѣщаемъ изъ вашихъ стиховъ четыре строки:

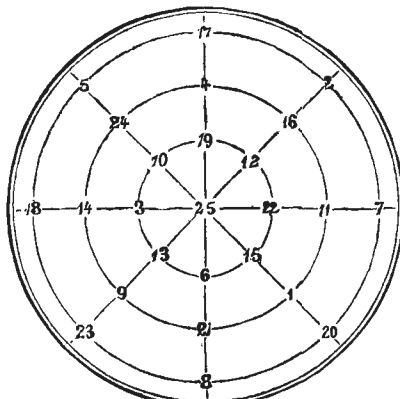
«Государь, князь, солдаты
Паче всѣхъ ошцера,
Къ вамъ, относятся раскаты,
Восторженнаго ура!»

Прекрасно! и ниче всего прекрасно «восторженное ура». Очень великоблжно!..

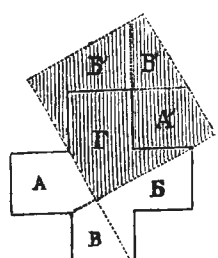
СОДЕРЖАНІЕ: Наша велинорусская деревня. (съ рисуноккомъ) С.—День скорби. (Картинка изъ дѣтской жизни) Поз.—Силуэты Е. Бемъ (съ рисуноккомъ) И.—Счастливая мать (съ рисуноккомъ) И.—Последніе дни и первые годы (съ рисуноккомъ)—Красная шапочка и стрый волкъ (съ рисуноккомъ)—Непріятное путешествіе въ ночь на Рождество (съ рисуноккомъ) И.—Новая кунла (съ рисуноккомъ).—Смѣхъ М. С.—Политическія, военныя и внутреннія вѣвстїа.—Библиографія.—Арифметическая задача.—Мысли замѣчательныхъ людей.—Арабскія пословицы.—Почтовый ящикъ.—Отъ издателя.—Объявленія — Оглавленіе за 1877 годъ, на отдѣльномъ листѣ.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ Д. Стахѣевъ.

Рѣшеніе арифметической задачи, помѣщенной въ № 50 „Нивы“.

Рѣшеніе геометрической задачи, помѣщенной въ № 50 «Нивы». Намѣченные буквами на темномъ квадратѣ кусочки, Б, В и А, слѣдуетъ приложить на соответствующія имъ буквы въ бѣломъ фонѣ креста такъ же, какъ приложенъ кусокъ подъ буквою Г —и получится крестъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ 1878 году „Нива“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе восемь лѣтъ ея изданія. Въ виду той распространенности, какую имѣетъ нашъ журналъ въ средѣ русской читающей публики, было бы излишнимъ говорить о художественномъ направленіи и о тѣхъ художественныхъ и литературныхъ цѣляхъ, которыя неуклонно и съ безустаннымъ заботливостію имъ преслѣдуются и выполняются.

Можемъ только напомнить, что и въ будущемъ 1878 году такъ же тщательно и съ тою же аккуратностію будетъ дѣлаться выборъ всего, что должно имѣть мѣсто на страницахъ „Нивы“ и главною заботою редакціи будетъ, конечно, то, чтобы все помѣщаемое въ журналъ имѣло характеръ чтенія общепользнаго, занимательнаго и способствующаго умственному и нравственному развитію.

Само собою понятно, что, заканчивая настоящій годъ, мы сдѣлали уже заблаговременно соответствующій запасъ статей и рисунковъ для „Нивы“ будущаго 1878 года. Не имѣя возможности перечислить здѣсь даже главнѣйшія изъ нихъ, скажемъ только, что въ теченіи будущаго года на страницахъ „Нивы“ явятся въ значительномъ количествѣ рисунки изъ русской исторіи, виды живописныхъ и интересныхъ въ какомъ либо отношеніи мѣстностей Россіи и иностранныхъ государствъ, рисунки къ лучшимъ произведеніямъ нашей и западно-европейской литературы, типы, сцены и картины изъ народной жизни, рисунки по астрономіи, зоологіи и т. д. Кромѣ того, по примѣру настоящаго года, на страницахъ „Нивы“ будутъ своевременно помѣщаться рисунки и статьи, относящіяся къ настоящей войнѣ, виды и планы мѣстностей театра войны, портреты героевъ, отличившихся въ битвахъ, картины сраженій и т. п. и всѣ эти рисунки, въ совокупности взятые, будутъ заключать въ себѣ полную иллюстрированную хронику войны.

За симъ не можемъ не указать, что въ теченіи 1878 г. въ „Нивѣ“ будутъ помѣщены между прочими художественными произведеніями, работы художника Зичи, пользующагося, какъ извѣстно, заслуженною европейскою славою.

Премію „Нивы“ 1878 г. будутъ двѣ оригинальныя картины изъ русской жизни, исполненныя по заказу для нашего журнала художникомъ Кившенко, а именно:

- 1) „Бояринъ Борисъ Годуновъ и чудесники, предсказывающіе ему славную будущность“.
- 2) „Царь Борисъ Годуновъ въ комнатѣ своего сына Теодора“.

Изъ литературныхъ произведеній, имѣющихъ появиться на страницахъ „Нивы“ укажемъ, между прочимъ, на главнѣйшія: Призрачный царень. Историческая повѣсть изъ русской жизни начала XVII вѣка. П. П. Гнѣдича. Къ чему? рассказъ Г. Гнѣздинскій. Типъ Г. Бабушна. Рассказъ А. Ремезова. Фотографическія карточки изъ альбома гувернантки. Щепиной. На дачѣ. Лѣтній рассказъ В. С. и мн. др.

Изъ литературы европейской редакціей заготовлено нѣсколько интересныхъ повѣстей, которыя также найдутъ мѣсто на страницахъ „Нивы“, но редакція позволяетъ себѣ замѣтить здѣсь, что ея будетъ отдаваемо большее предпочтеніе оригинальнымъ произведеніямъ изъ русской жизни.

За симъ прощаясь съ читателями „Нивы“ настоящаго года, надѣемся встрѣтить ихъ въ числѣ читателей наступающаго 1878 года.

При первомъ номерѣ 1878 г. будетъ приложенъ календарь на 1878 г., печатанный двумя красками.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„СБОРНИКЪ ПРИРОДА“

ПОДП. Ц. 12 Р., СЪ ПЕР. 13 Р. 50 К. (Безъ прил. 8 р. съ пер. 9 р.)
Изд. съ 1873 г.; 4 тома въ годъ (450 стр., 6—8 хромо- и лито-грае. и около 100 рис. въ каждомъ). Въ Сборн. помѣщ. популярныя статьи по Естествозн. Этнограф., Медицинѣ, Гигіенѣ, Технолог., Сельск. Хов., Охотѣ, Воен. и Морск. Дѣлу, Путешествіямъ, новѣйш. открытіямъ, усовершенств., изобрѣт. и т. п.—Сборн. прежн. годовъ продается (въ Редакціи) по 6 р. безъ и по 10 р. за годъ съ приложеніями, а всѣ 18 томовъ (125 хромо- и лито-грае. прилож., 1200 рис. въ текстѣ, преміи 1876 г. „Лѣббюкъ“ Донстоп. времена и 1877 г. „Лебонъ“ Популяри. Физиологія, оба съ мноточ. рис.) за 20 р. безъ (съ подл. на 1878 г. 25 р.) и 40 р. съ прилож. и преміями (съ 1878 г. 50 р.) съ перес.

„ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ“

ПОДП. ЦѢНА 8 Р. СЪ ПЕР. 9 Р.; (1/2 г. 5 р. съ перес.)

Изд. съ 1874 г.; 12 кн. въ годъ, съ хромо- или лито-грае. въ кажд. и мнот. рис. въ текстѣ. Въ теченіи года 2 раскраш. преміи. Въ Ж. Ох. помѣщ. охотн. рассказы, спец. статьи о руж. и псов. охот., о ружьяхъ, породахъ, содерж., дрсрж. и лечен. собакъ, корреспонденціи, новости ох. дѣла и т. п.—Оставш. энз. Ж. Ох. съ 1874 г. (1 томъ) по 1877 г. можно выписывать (изъ редакціи) по 3 р. 50 к. за томъ, а всѣ 7 томъ [42 хромо- и лито-грае., 7 прем. и особ. печ. прилож.: „Записки псов. охотника“ П. М. Мачеварианова (160 стр.) и „Тетеревъ“ Л. П. Сабантѣва (100 стр.)]—за 22 р., съ подл. на 1878 г. за 30 р. съ пер.—Подписка исключительно въ редакціи (Москва, Петровка, д. Самаринной).—Примѣчаніе: Подписчики 1878 г. на оба журнала платятъ 20 р. съ переслакомъ.
№ 51 4—2 Редакторъ: Л. П. Сабантѣвъ.

Н. Ф. Юнгъ имѣетъ честь извѣстить почтенную публику, что съ 1878 года цѣны на спорысымаемые масляныя краски увеличатся, противъ цѣнъ, нонававшихся въ прейс-курантѣ 1877 года на 40 к. за пудъ—Прейс-курантъ, содержащій въ себѣ 50 образцовъ и короткое объясненіе къ производству малярныхъ работъ, высылается бесплатно.—СПБ. Каванская 38. № 42 5—3

РУССКІЙ РАБОЧИЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ
(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ)

будетъ издаваться въ 1878 г. по прежней программѣ, съ цѣлю доставить полезное чтеніе рабочему населенію—Годовая цѣна: въ С.-Петербургѣ—безъ доставк. 60 к., съ доставкою на домъ 75 к.; съ переслакомъ изъ городовъ 1 р. Лица подписавшіяся на 50 и болѣе экземпляровъ, за переслакомъ ничего не платятъ. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ редакціи журнала по Сергеевской ул. д. № 20 и въ книжномъ магазинѣ Блиссера по Гороховой ул. д. № 19, въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ братьевъ Салеевыхъ по Мясницкой ул. дома кн. Гагарина.

Слѣдуетъ надѣяться, что всѣ, желающіе доставить народу полезное для него чтеніе, не откажутъ въ своей содѣйствіи къ возможно большому распространенію этого дешеваго изданія.
3—5

Поступилъ въ продажу РУССКІЙ КАРМАННЫЙ КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ВСѢХЪ НА 1878 ГОДЪ.

Къ Календарю приложены подробныя и отчетливо напечатанныя планы С.-Петербургскихъ императорскихъ театровъ. Цѣна Календарю 15 коп. безъ переслакомъ. Продается во всѣхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ. № 65 1—1

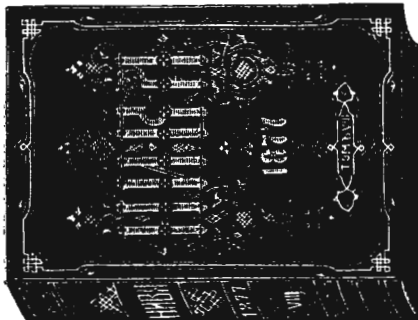
КАРЛЪ ИВАНОВИЧЪ ВАГНЕРЪ.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ РИГѢ,

снѣ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что
КАТАЛОГИ СѢМЕНАМЪ и пр. НА 1878 г.
изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой сѣрми.
Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковыя, посылаются каталоги также бесплатно, смотря по заявленію на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, или же иллюстрированное изданіе, съ 240 политипажамъ, на одномъ русскомъ языкѣ.
№ 67 4—1

площадь, близъ Гороховой ул., № 8 и Владимирская, № 8,
АНГЛІЙСКІЯ ПЕЧЕНІЯ, СУХАРИ
и проч.
ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ПРОДУКТОВЪ.
ПРИВИЛЕГИРОВАННАЯ ПАРОВАЯ ПЕКАРНЯ МУРА
въ Петербургѣ,
Басильевскій Островъ, 11 линия, № 56.
Товарищество Чамберсъ и Ко.

Магазинъ: Адмиралт.
противъ Стрѣльницкой.

КРЫШКИ для переплета „Нивы“
1877, и 1878 г. по вышеозначенному
образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.
Каждой простой переплетчикъ въ
губернскомъ городѣ легко можетъ
переплести „Ниву“ въ такую колѣн-
ковую крышку.

